Генеральный штаб в годы войны

С Штеменко

SHOUT
SHARE
IT

- Штеменко С

Штеменко С
Генеральный штаб в годы войны

Штеменко Сергей Матвеевич
Генеральный штаб в годы войны
Литературная запись Сомова Г. А.

{1}Так обозначены ссылки на примечания. Примечания после текста.

Аннотация издательства: Книга дает яркое представление о работе Генерального штаба в военное время Перед читателем раскрывается роль Ставки, Генштаба и командования фронтов в разработке планов важнейших операций Великой Отечественной войны и их проведении. Хорошо обрисованы люди, в том числе видные военачальники. Вторая книга мемуаров посвящена освободительной миссии Красной Армии за рубежами СССР, совместной борьбе освобождаемых стран против фашистской Германии. Рассчитана на массового читателя.

Биографическая справка: ШТЕМЕНКО Сергей Матвеевич (1907-1976), генерал армии (1968). Член КПСС с 1930. В Советской Армии с 1926. Окончил школу зенитной артиллерии (1930), Военную академию механизации и моторизации РККА (1937), Военную академию Генштаба (1940). С 1940 - в Генштабе, старший помощник начальника отдела. В июне 1941 подполковник. В ходе войны с августа 1941 заместитель начальника, с июля 1942 начальник направления в Оперативном управлении, с апреля 1943 1-й заместитель начальника и с мая 1943 начальник Оперативного управления Генштаба. Участвовал в планировании операций по разгрому вооруженных сил фашистской Германии и милитаристской Японии. С 1946 начальник Главного управления и заместитель начальника Генштаба, в 1948-52 начальник Генштаба, заместитель министра Вооруженных Сил СССР (с февраля 1950 военного министра СССР), с 1952 на ответственных должностях в войсках и Генштабе. С 1962 начальник Главного штаба Сухопутных войск, с 1964 начальник Главного управления - заместитель начальника Генштаба, с 1968 1-й заместитель начальника Генштаба - начальник штаба Объединенных Вооруженных Сил государств - участников Варшавского договора. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1952-56. Награжден орденом Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1-й степени, орденами Кутузова 1-й степени, Суворова 2-й степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, "За службу Родине в Вооруженных силах" 3-й

степени. ("Великая Отечественная Война 1941-1945". Энциклопедия. Москва. "Советская энциклопедия". 1985. Стр. 796.) (Великая Отечественная война. Энциклопедия. Москва. "Советская энциклопедия", 1985. Стр. 824.) \\\ Андриянов П.М.

Содержание

Книга первая
К читателям
Глава 1. Перед войной
Глава 2. В дни огорчений и надежд
Глава 3. Гроза на юге
Глава 4. Накануне Сталинградской битвы
Глава 5. На переломе
Глава 6. Вторая военная зима
Глава 7. Дела и люди Генерального штаба
Глава 8. Перед Курской битвой
Глава 9. От Курска до Киева
Глава 10. Поездка в Тегеран
Глава 11. В Крыму
Глава 12. "Багратион"
Глава 13. На прибалтийских фронтах
Глава 14. Последняя кампания
Глава 15. Разгром Квантунской армии
Глава 16. Победителям и героям
Книга вторая
К читателям
Глава 1. Еще раз о делах и людях Генерального штаба
Глава 2. У истоков боевого содружества
Глава 3. На варшавском направлении
Глава 4. Освобождение Румынии
Глава 5. По дорогам героев Шипки
Глава 6. В Югославии
Глава 7. В центре Европы
Глава 8. Слово о штабах
Глава 9. Через Карпаты в Словакию
Глава 10. На Вену
Глава 11. Направление второстепенное
Глава 12. На последних рубежах в Европе
Глава 13. Размышления о труде полководческом
Вместо заключения

К читателям

Прошло шесть лет после выхода в свет первого издания этой книги{1}. Автор получил множество писем, в которых читатели, давая оценку книге, делились своими впечатлениями о событиях, изложенных на ее страницах, уточняли отдельные факты и

настоятельно рекомендовали продолжить рассказ о работе Генерального штаба в годы минувшей войны. Выполняя эти пожелания, я написал вторую книгу воспоминаний, которая вышла в Воениздате в 1973 году. И вот теперь представляю второе издание первой книги "Генеральный штаб в годы войны", дополненное и исправленное по замечаниям и предложениям читателей.

Следует заметить, что за последние годы значительно расширился круг мемуаристов. Опубликованы воспоминания наших прославленных полководцев - Г. К. Жукова, А. М. Василевского, К. К. Рокоссовского, И. С. Конева, К. А. Мерецкова, а также А. А. Гречко, К. С. Москаленко и других военачальников, где достойное место уделено деятельности Ставки, командования фронтов и армий. Тем не менее эти интересные труды не исчерпывают тему советского высшего военного руководства и не повторяют того, что было написано раньше.

Ставка Верховного Главнокомандования и ее рабочий орган - Генеральный штаб в ту военную трудную пору выполняли задачи огромной важности и ответственности. Они твердо держали в своих руках планирование кампаний войны и руководство операциями, распоряжались резервами, внимательно следили за развитием событий на обширных пространствах, охваченных огнем боев. Ни один поворот фронта или армии не проходил без их ведома. Ни на минуту не утрачивались здесь живые контакты с войсками. Представители Ставки и Генерального штаба все время находились на решающих участках в действующей армии, контролировали исполнение директив и приказов Верховного Главнокомандующего, вносили свои предложения по ходу боев. О том, что Ставка и Генеральный штаб успешно справились со своими задачами, убедительно свидетельствуют итоги Великой Отечественной войны. В соревновании воли, знаний и искусства управления войсками советские военачальники одержали верх над высшим военным руководством пресловутого третьего рейха.

Каким же образом достигнуто это? Как жил и работал в годы войны коллектив Генерального штаба, и прежде всего генералы и офицеры - операторы, рассказывается в моей книге. Речь идет главным образом именно о коллективе, потому что только коллективный разум и коллективный опыт в состоянии были охватить с должной полнотой явления войны и найти пути правильного решения труднейших задач, возникавших перед Вооруженными Силами. Но поскольку каждый коллектив слагается из отдельных лиц - руководителей и исполнителей, я не считал себя вправе обойти молчанием персональную работу тех, с кем ближе всего соприкасался тогда.

Должен еще раз оговориться, что название книги не следует понимать буквально. Это не всестороннее и детальное описание (а тем более исследование) поистине всеобъемлющей деятельности Генерального штаба. Автор и не пытался ставить перед собой такую обширную задачу... Нет в книге и хронологически последовательного описания всего хода вооруженной борьбы советского народа с гитлеровской Германией и ее сателлитами, хотя Великая Отечественная война и составляет основу моих воспоминаний.

АВТОР

1975 г.

Книга первая

Глава 1. Перед войной

Дорога, которой я не выбирал. - Мои наставники и однокашники по Академии Генштаба. - Освободительный поход в Западную Украину. - Стажировка в Оперативном управлении. - Назначение в Генеральный штаб - Май - июнь 1941 года. - Роковая ночь. - Размышления о степени нашей готовности к войне. Состояние механизированных войск. - Авиация. - Флот. - Вопросы, часто не получающие ответа.

После окончания Академии моторизации и механизации РККА я второй год командовал в Харькове, а затем под Житомиром отдельным учебным тяжелым танковым батальоном. Мы гордились своими сухопутными броненосцами Т-35 и Т-28, с которыми ежегодно бывали на парадах в Москве в составе тяжелой танковой бригады РГК.

Танк Т-35 был пятибашенным. На вооружении имел три пушки и пять пулеметов. Весил 50 тонн. Экипаж его состоял из десяти человек, в том числе двух средних командиров. А всего в батальоне насчитывалось около ста человек командного состава - дружный, спаянный коллектив.

Я был очень доволен службой, с рвением отдавался ей и мечтал только об одном - подольше покомандовать этой полюбившейся мне частью. А тут вдруг телеграмма из округа о зачислении меня и начальника штаба бригады (моего однокашника по академии) майора Н. Н. Радкевича слушателями Академии Генерального штаба. Ни он, ни особенно я не имели ни малейшего желания так скоро снова ехать на учебу и потому сразу же стали искать обходные пути.

Мне повезло. Работая председателем окружной комиссии по выпуску одногодичников в соседнем учебном полку, я должен был доложить результаты непосредственно начальнику бронетанковых войск Киевского военного округа комбригу Я. Н. Федоренко. Выбрал при этом удобный момент и попросил Якова

Николаевича послать в академию вместо меня кого-нибудь другого. Против ожидания, он сразу же одобрил мое решение и твердо заявил:

- Работайте спокойно. Никуда не поедете.

Это было в августе 1938 года. А в сентябре, когда я выполнял обязанности посредника на полевых учениях в бригаде М. Е. Катукова, меня срочно отозвали к месту службы и приказали сдавать батальон: из Москвы поступило категорическое требование о немедленном выезде на учебу. Через три дня вместе с Радкевичем мы тронулись в путь.

Как оказалось, среди отобранных в академию настроения, подобные нашим, были не таким уж исключительным явлением. На мандатной комиссии несколько человек заявили самоотвод, опасаясь, что после учебы не придется уже командовать. Лица с образованием в объеме Академии Генштаба в то время исчислялись единицами, и мы полагали, что путь отсюда лежит только в штабы.

Всем отказали. Добился своего лишь полковник С. С. Бирюзов. Не без содействия со стороны замнаркома Е. А. Щаденко он уехал все-таки и впоследствии командовал дивизией.

К тому времени Академия Генерального штаба уже прочно встала на ноги. Создание этого высшего военно-учебного заведения было велением времени. Красная Армия, во всех отношениях вполне современная, не имела еще в необходимом количестве кадров с высокой оперативно-стратегической подготовкой. Вплоть до 1936 года командный состав оперативного звена готовился только на одногодичном факультете Академии имени М. В. Фрунзе. До поры до времени это было хорошо. Но во второй половине тридцатых годов жизнь настоятельно потребовала наладить более массовую и глубокую подготовку руководящих военных кадров. К тому же надо было развивать теорию оперативного искусства, чем Академия имени М. В. Фрунзе из-за своего профиля в должных размерах заниматься не могла.

В Академию Генерального штаба собрали весь цвет тогдашних теоретиков военного дела. Среди них - В. А. Медиков, Д. М. Карбышев, Н. Н. Шварц, А. И. Готовцев, Г. С. Иссерсон, А. В. Кирпичников, Н. А. Левицкий, Н. И. Трубецкой, Ф. П. Шафалович, Е. А. Шиловский, П. П. Ионов.

Особой, как мне кажется, популярностью пользовался в нашей слушательской среде Дмитрий Михайлович Карбышев, ученый-инженер, умевший преподнести свой, казалось бы, "сухой" предмет очень остроумно, оригинальными и простыми методами помогавший нам запоминать сложные технические расчеты. На

всю жизнь запала в память его практическая формула расчета сил и средств при оборудовании позиций заграждениями из колючей проволоки: один батальон, один час, один километр, одна тонна, один ряд. Шутники-острословы переиначили ее: один сапер, один топор, один день, один пень. Шутка дошла до Карбышева и нисколько не обидела его. Он и сам при случае не упускал возможности пошутить. Пожалуй, ни одна из его лекций не обходилась без этого.

Более строгими по тону, я бы сказал, более "академичными", но столь же глубокими, содержательными были лекции Г. С. Иссерсона по оперативному искусству и стратегии, а также лекции по тактике высших соединений, которые читал А. В. Голубев. Добрую память оставили о себе и такие талантливые преподаватели, как А. В. Кирпичников, В. К. Мордвинов, Е. А. Шиловский, С. Н. Красильников. Все они отлично знали предмет и были великолепными методистами.

Очень сильным оказался в академии и состав военных историков. Они умели строить свои лекции таким образом, что слушателям была ясно видна не только общая линия развития армий и способов военных действий, но и то, что с пользой можно взять из прошлого для современности. Особенно выделялся в этом отношении В. А. Меликов, читавший историю первой мировой войны и буквально влюбленный в нее. Иногда он увлекался настолько, что сядет, бывало, лицом к схемам, развешанным на стойках, и ведет свой интересный, красочный рассказ, повернувшись спиной к слушателям. Звенел звонок на перерыв, а лекция продолжалась. Даже завзятые курильщики не покидали своих мест. Только когда в классе появлялся другой преподаватель, мы отрывались наконец от битвы на Марне или драматических событий в Августовских лесах.

С таким же жаром читалась история русско-японской войны профессором Н. А. Левицким. Он свободно излагал материал и так же покорял слушателей подробностями и перипетиями сражения или боя, воссоздавая зримую картину борьбы воли и ума военачальников.

Среди преподавателей встречались и наши сверстники, равные с нами в званиях. Например, майор И. С. Глебов преподавал артиллерию, подполковник К. Ф. Скоробогаткин - химдело. Оба они окончили эту же академию в том же 1938 году. А начальниками групп и нашими руководителями по тактике были полковники И. Х. Баграмян, В. В. Курасов, А. И. Гастилович. И надо сказать, что уже в то время чувствовалась незаурядность этих людей. Среди слушателей они пользовались всеобщим уважением, во-первых, за свои знания, а во-вторых, за разумное

сочетание высокой требовательности с товарищеским отношением к нам.

В самом конце августа 1939 года прямо с занятий большую группу слушателей, в том числе и меня, вызвали к начальнику курса полковнику В. Я. Семенову. Недоумевая, что бы это могло означать, мы явились в его кабинет и тут узнали, что на следующий день должны быть все в Оперативном управлении Генштаба. Зачем и для чего, Семенов не объяснил. Возможно, он и сам не знал этого.

Время тогда стояло тревожное. Возмущенное человечество не успело еще привыкнуть к трагическому факту удушения фашизмом республиканской Испании, не опомнилось от грубого насилия Муссолини над слабой Абиссинией, как Гитлер захватил Австрию, Чехословакию, Клайпедскую область Литвы, превратив последнюю в базу нападения на Польшу. Народы протестовали против этих неслыханных актов произвола, но мюнхенские умиротворители, по существу, поощряли главарей фашизма на новые злодеяния. Неспокойно было и на восточных рубежах страны, где нам уже дважды пришлось скрестить оружие с японскими милитаристами: сначала у озера Хасан, затем на Халхин-Голе. Чувство настороженности вызывал провал переговоров между военными миссиями Англии, Франции и СССР, заранее подстроенный нашими недоброжелателями. Словом, в воздухе пахло грозой, и мы прибыли в Генеральный штаб готовыми ко всему.

Принял нас помощник начальника Оперативного управления комбриг А. Ф. Анисов. Он сообщил, что в Киевском Особом военном округе скоро начнутся большие маневры и нам предстоит принять в них участие.

- Делу будет польза и вам стажировка,- заявил напоследок Анисов.

Вернувшись в академию, узнали, что такие же маневры проводятся и в Белорусском Особом военном округе, куда тоже едет группа слушателей нашей академии.

Как всегда, в своем кругу обсуждая происходящее, мы искали связь между ним и нашей собственной жизнью, нашими ближайшими перспективами. Складывалась уже привычка анализировать события, в том числе и мировые. Ведь бок о бок с нами находились люди, успевшие понюхать пороху в Испании и на Дальнем Востоке.

Воспитанные на идеях марксизма-ленинизма, мы твердо помнили о капиталистическом окружении. Каждый, конечно, понимал, что все наши пятилетки, имевшие своей целью построение коммунизма в СССР, были направлены и на то, чтобы

экономически обеспечить победу, если придется воевать. Страна создала новые, передовые отрасли промышленности - автомобильную, тракторную, авиационную. Быстро развивались нефтедобыча и нефтеперерабатывающее производство. Улучшалось качество и росло количество вооружения и техники для Советской Армии. Нам было известно, что новейшие образцы советских танков - КВ и Т-34 - превосходны и войска получат их в ближайшие годы. Лучше становились и отечественные самолеты, советские корабли, особенно подводные лодки. Радикально совершенствовались артиллерия и средства связи.

А разве не знали мы об увеличении общей численности армии, особенно технических родов войск! За те же восемь-девять лет стрелковые войска удвоились, а численность танковых и механизированных войск возросла в 12 раз.

Менялся порядок комплектования Вооруженных Сил. От территориальных формирований отказались. На очереди был Закон о всеобщей воинской обязанности. Кадровый принцип строительства армии и флота становился, таким образом, единственным и безраздельным. Одновременно удлинялись сроки действительной военной службы. Партия и правительство делали все для того, чтобы Советская Армия смогла защитить Отчизну в грозный час.

С чувством твердой уверенности в нашей силе выезжали мы на маневры. Неожиданная командировка пришлась нам по душе. Она сулила интересную практику в применении знаний, приобретенных за год учебы. В поезд на Киев садились все в приподнятом настроении.

Но пока ехали, случилось то, что не могло не омрачить нас: утром 1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу. Из местных газет, которые мы хватали на станциях, ничего нельзя было понять как следует. Однако сам факт вторжения и необычайно высокие темпы немецкого продвижения по территории Польши заставляли задуматься об очень серьезных последствиях.

В те годы командиры Советской Армии внимательно изучали и достаточно хорошо знали состояние польских вооруженных сил. И по техническому оснащению, и по подготовке личного состава армия панской Польши стояла далеко от уровня, который можно было назвать передовым. Многое в ней носило показной характер. Однако мы не склонны были слишком переоценивать и возможности германской армии: ведь до тех пор она еще не вела настоящих боевых действий.

Под стук колес мысли обгоняли друг друга. Обстановка у западных границ страны теперь невольно ассоциировалась с той,

которая предшествовала событиям на Хасане и Халхин-Голе. Становилось понятнее и то, почему и нас направили на эти большие маневры в приграничные Особые военные округа.

В Киеве мы представились начальнику штаба округа Н. Ф. Ватутину и тотчас же были распределены по отделам. Меня, как танкиста, назначили в распоряжение начальника бронетанковых войск округа Я. Н. Федоренко.

С новой обстановкой и новыми людьми освоились быстро. От нас не скрывали, что развитие военных действий в Польше принимает крайне неблагоприятный характер. Говорили, что если так пойдет дальше, то не исключена угроза для нашей страны, и от Советской Армии могут потребоваться "особые меры".

В Москве с 1 сентября работала внеочередная сессия Верховного Совета СССР. Она уже приняла Закон о всеобщей воинской обязанности.

3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии, а в округ пришла телеграмма Наркома обороны, предлагавшая задержать увольнение красноармейцев, отслуживших свой срок. Отпуска командному составу тоже прекращались. В семи военных округах - Ленинградском, Калининском, Московском, Харьковском, Орловском, а также в Киевском и Белорусском Особых - все части и соединения, вся система связи приводились в боевую готовность.

Вступление в войну Англии и Франции должно было, конечно, подстегнуть Гитлера и ускорить развязку с Польшей. А что дальше? Перебросит ли Германия свои войска на запад, или... Шли-то они на восток!

Еще через два дня можно было уже уверенно сказать, что главные силы армии буржуазной Польши на южном фланге польско-германского фронта разбиты и немецко-фашистские танковые соединения нацелились на Варшаву. В штаб Киевского военного округа поступило указание поднять войска и военные учреждения на большие учебные сборы с призывом из запаса военнообязанных. Первым днем сбора назначалось 7 сентября.

А польский фронт продолжал рушиться. Панское правительство Мосьцицкого разбежалось. 7 сентября бросил Варшаву главнокомандующий польской армией Рыдз-Смиглы. В конце следующего дня стало известно, что немецкие танки завязали сражение у стен польской столицы. Варшава стойко оборонялась усилиями трудового люда, но в других районах страны обстановка была удручающей. Еще больше усложнилось и без того сложное положение проживавших в Польше украинцев и белорусов.

Нарком обороны предупредил командующего войсками

округа о подготовке к походу в Западную Украину. Киевский военный округ развертывался в Украинский фронт под командованием командарма 1 ранга С. К. Тимошенко. Соседний Белорусский военный округ во главе с командармом 2 ранга М. П. Ковалевым тоже преобразовывался во фронт.

С этого момента мы уже не ведали покоя ни днем ни ночью: контролировали развертывание войск, оснащение их вооружением и техникой, стягивание в исходные районы. В районе Перга, Олевск, Белокоровичи сосредоточивался 15-й отдельный стрелковый корпус; в районе Новоград-Волынский, Славута, Шепетовка 5-я армия; в районе Купель, Сатанов, Проскуров - 6-я армия; в районе Гусятин, Каменец-Подольский, Новая Ушица, Ярмолинцы - 12-я армия. На румынском участке границы располагалась не входившая в состав Украинского фронта 13-я армия. Штаб фронта перебрался в Проскуров. Меня к этому времени перевели в распоряжение начальника оперативного отдела В. М. Злобина.

Стало известно, что правительство Польши нашло приют в боярской Румынии. Это вносило новые поправки в обстановку - теперь не оставалось никаких надежд на сколько-нибудь серьезное сопротивление в Польше наступающим с запада гитлеровским войскам. Буржуазное польское государство и его армия не могли обеспечить безопасность своему народу.

В столь ответственный момент Советское правительство приняло решение взять под свою защиту мирную жизнь населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Об этом было объявлено всему миру. Заявлялось также, что с нашей стороны будет сделано все возможное, чтобы вызволить из злополучной войны весь польский народ.

Решение Советского правительства обеспечивалось военными мерами. Украинский фронт получил директиву: к исходу 16 сентября войскам быть готовыми к решительному наступлению, а 17 сентября перейти госграницу. Шепетовской группе под командованием И. Г. Советникова предписывалось наступать на Ровно, Луцк и к исходу второго дня овладеть Луцком. Волочиская группа во главе с Ф. И. Голиковым нацеливалась на Тернополь, Львов и к исходу 18 сентября должна была овладеть Буском, Перемышлянами, то есть вплотную подойти ко Львову. Каменец-Подольской группе, которой командовал И. В. Тюленев, предстояло двигаться на Чертков и на второй день овладеть Станиславом. Было приказано оружия не применять, если польские войска не окажут вооруженного сопротивления. Готовились, однако, к худшему.

С польской границы докладывали: по шоссе Львов -

Тернополь сплошным потоком отходили на восток и в сторону Румынии разбитые польские части, в сохранившихся войсках утрачено управление, оружия не хватает; немцы подошли к Львову и угрожают городу с юга, а севернее его ведут бои на Западном Буге. Однако чувствовалось, что и в этих условиях поляки принимали меры на случай наших активных действий. Вблизи границы СССР появились польские гусарские части. На подволочиской стражнице устанавливались пулеметы.

В ночь на 17 сентября я находился на НП 6-й армии. Здесь, как обычно на пороге больших событий, воцарилась деловая напряженность. Поминутно звонили телефоны, один за другим появлялись и исчезали связные из дивизий. И все-таки казалось, что время тянется невыносимо медленно.

Наконец обусловленный приказом срок перехода границы настал. Ровно в 5 часов была подана команда, и войска пошли вперед. Первые тревожные запросы. Первые донесения уже с польской территории:

- Организованного сопротивления нигде оказано не было...

- Войска продвигаются успешно. В Подволочиске в помещении вокзала захвачено много солдат и офицеров польской армии, пулеметы и другое вооружение...

- Повсюду - толпы беженцев, в их числе военные... Вскоре двинулся вперед и штаб 6-й армии. А я к исходу дня возвратился с докладом об обстановке в штаб фронта в Проскуров. Не успел поужинать, как Злобин вызывает к себе.

- Надо несколько изменить задачу Шепетовской группе войск. Показал по карте, в чем состояло это изменение. Сообщил, что штаб группы находится в Ровно. Вручил запечатанный пакет с письменным распоряжением. Напоследок напомнил:

- Изучите хорошенько маршрут. Возьмите на пограничной заставе надежного проводника и охрану. На месте надо быть к утру.

Выехал я на фордике и вскоре прибыл в Славуту, в погранотряд. Оттуда меня сопроводили до заставы, а там в мое распоряжение был выделен в качестве проводника старшина с пулеметом. Второй ручной пулемет дали мне самому и вдобавок еще наделили каждого тремя гранатами. Предосторожность не лишняя! По дорогам бродили разрозненные группы гусаров, а то и просто бандиты.

Старшина, не теряя времени, приладил впереди пулемет и уселся рядом с шофером. Я со своим пулеметом устроился сзади. Границу проехали уже в темноте, и тут выяснилось, что мой проводник знает дорогу только на 3-4 километра за рекой Горынь. Дальше ехали по карте и вскоре заблудились. Я помнил

маршрут наизусть. Однако на местности дорог оказалось вдвое больше, чем на карте. К тому же - ночь. Выберешь, кажется, верный путь, едешь-едешь и вдруг упираешься в какой-нибудь темный и словно бы заброшенный хутор. Кругом ни души.

Времени у меня оставалось в обрез. Положение складывалось неприятное: можно было запоздать с доставкой пакета. Мы привыкли у себя в СССР к большим деревням, где всегда найдешь знающего дороги человека. А здесь - ни деревень, ни людей.

Решил все-таки отыскать кого-нибудь на хуторах и расспросить, как добраться до Ровно. Подъехали к одному хутору. На наши крики и стуки никто не ответил. Поехали к другому, заметив в окне тусклый огонек. Но, едва мы приблизились, огонек погас. Перед нами - высокий забор, громадные ворота, рубленый дом, как крепость, с одним только окном на улицу.

Постучали. Молчок. Еще раз стукнули. Ответа нет.

- Лезем в окно,- приказал я старшине.

Окно открыли. Осветил комнату фонариком, в ней никого нет. Стали звать. Опять ни звука.

Но влезть в окно мы не успели: на пороге комнаты появился старый дед и молча поднял вверх трясущиеся руки.

Польский язык я знал плохо - только одну зиму посещал кружок при Доме Красной Армии 3-й кавалерийской дивизии имени Котовского. Да и было это давненько - в 1931 году. Попытался собрать в памяти полузабытые польские слова. Как нарочно, вспоминались не те, что требовались. С грехом пополам все же объяснил деду, что мы ищем шлях на Ровно.

Дед немного успокоился. Заговорил быстро-быстро, мешая украинскую речь с польской, размахивая руками. Он не понимал карты, я не понимал деда, а время шло.

Попросил деда поехать с нами. Тот полез почему-то в окно. Мы со старшиной подхватили его под руки. усадили в машину и минут через сорок, после замысловатых петель по лесу, выехали все-таки на Ровенское шоссе. Деда высадили. Он принялся кланяться и благодарить нас, а мы его.

Часа через два достигли Ровно. Штаб я разыскал в здании бывшей гимназии. Задание удалось выполнить в срок.

В обратный путь отправились с восходом солнца. Как хорошо ехать днем! Все было яснее ясного. И карта оказалась хорошей, и дорог стало вроде бы меньше. К полудню я был уже в штабе фронта.

Отдыхать, однако, не пришлось. Меня вместе с полковником Вармашкиным заместителем начальника бронетанковых войск - опять вызвал начальник оперативного отдела. Надо было ехать в Тернополь и организовать там дозаправку танков, прибывающих

на усиление группы. Кроме того, мы получили приказ: направлять в обход подходившие части и не давать оседать в городе тыловым частям и учреждениям.

В Тернополь приехали, когда его только что прошли передовые части. За ними следовала 5-я кавалерийская дивизия под командованием широко известного в то время Я. С. Шарабурко. Мы его дивизию в город не пустили. Произошел скандал. Комдив наскакивал на нас. Вармашкин тыкал ему в нос наш мандат. Но и с мандатом мы чувствовали свое бессилие перед напористым конником. Только упоминание имени С. К. Тимошенко охладило его пыл, и дивизия направилась в обход города.

Тем временем подошли танки, а цистерн с горючим мы еще не отыскали. Теперь танковый командир величал нас по-всякому, требуя горючего. Наконец появился капитан, возглавлявший колонну цистерн. Оказывается, по пути он попал в пробку и потому опоздал с доставкой горючего на два часа.

Танки заправились, и мы приступили к выполнению своей второй задачи очищению города от тылов. Дело это было очень трудным. Наступала ночь, и мало кто изъявлял желание покидать город до рассвета.

Неожиданно с костела, расположенного в центре города, полоснул по улице плотный пулеметный огонь. Заржали кони, забегали люди. Поднялась ответная стрельба. Прекратить ее нельзя было до самого рассвета. Время от времени она вспыхивала то в одном, то в другом конце города. В костеле мы обнаружили утром груды пустых гильз, но того, кто вел огонь по улице, задержать не удалось. Говорили, что это - ксендз, успевший улизнуть потайным ходом.

В Тернополе мы пробыли еще сутки и вернулись в штаб фронта, который вскоре перебрался во Львов. Там он разместился в здании бывшего кадетского корпуса.

Город был опрятен и по-своему наряден. Вдоль мощеных улиц высились богатые особняки. А в сельской местности, всего в 10-12 километрах от Львова, начиналось царство бедности, если не сказать больше - нищеты. Деревенские мальчишки, попривыкнув к нам - а это случилось уже через два-три дня,- стали, как и везде, общительными, доверчивыми. Они глазели на проходившие войска, потом вдруг становились на голову и так стояли вдоль дороги столбиками. Сначала мы недоумевали: что сие значит? Потом нам разъяснили, что таким способом они просят подарить им карандаш. И тут наш комсостав пустил в ход коробки "Тактики", а также все другие запасы карандашей. Дело дошло до того, что в некоторых штабах нечем стало наносить на

карты обстановку.

Продвижение наших войск по территории тогдашней Польши было приостановлено на рубеже Ковель, Владимир-Волынский, западнее Львов, Тышковница, река Стрый, Долина. В оперативном отделе спешно подготавливался отчет о действиях войск Украинского фронта по освобождению Западной Украины. Когда эта работа закончилась, меня вызвал Н. Ф. Ватутин и приказал доставить отчет в Генеральный штаб.

- До Киева полетите на самолете,- сказал он,- а дальше поедете поездом. За портфель с документами и картами отвечаете головой. В Генштабе все сдадите лично комбригу Василевскому.

Когда я прибыл на аэродром, меня уже поджидал там самолет У-2. Вести его должен был молоденький летчик в звании лейтенанта.

- Маршрут знаете? - спросил я.

- Знаю,- твердо ответил он.

На всякий случай проверил его карту. Там все было в полном порядке: прочерчен маршрут, проставлены километраж и расчетное время. Можно лететь.

Через полчаса наш самолет попал в туман. Стали выбираться, поднялись на высоту до тысячи метров. Там было светло, но внизу земля не просматривалась.

- Правильно ли летим? - забеспокоился я.

- Точно по курсу! - доложил летчик.

Минут через двадцать под нами открылась земля, но железной дороги, вдоль которой мы летели раньше, не оказалось. Куда-то пропала.

- Она - севернее километрах в двадцати,- успокоил меня летчик.

- Давай к ней...

Но севернее мы ничего не обнаружили и повернули круто на юг. Там тоже дороги не было. Я забеспокоился: как бы не попасть к немцам за демаркационную линию.

Наконец исчезнувшую железнодорожную линию удалось обнаружить. Пошли вдоль нее до первой станции. Снизились и прочитали: "Наркевичи". Значит, находимся между Тернополем и Проскуровом. Здесь немцев нет.

Дальше все шло хорошо. Заправились горючим в Проскурове и благополучно долетели до Киева. На следующий день я уже был в Москве и вручил портфель с документами А. М. Василевскому. От него узнал, что в штаб фронта возвращаться не следует: все слушатели Академии Генерального штаба отзываются из войск для продолжения учебы.

Проучились мы еще несколько месяцев, и снова вызов в

Генштаб. Началась советско-финляндская война.

Большую группу слушателей академии взяли на усиление Оперативного управления Генерального штаба. В их числе оказался и я.

В нашу задачу входило собирать данные по обстановке, анализировать их, вести карты боевых действий, составлять оперативные сводки, передавать в войска различные директивы и распоряжения. Короче, мы приобщались к оперативной работе во всей ее широте и многообразии. На мою долю выпала сначала 9-я армия, которая вела бои на суомуссалминском направлении, а затем к ней добавилась еще и 14-я армия с петсамского направления. Оба эти направления были, как известно, второстепенными. Основные же события развертывались на Карельском перешейке и в районе Ладожского озера.

Так как работа велась непрерывно, все мы были разбиты на две смены. Смена работала круглые сутки. Сменялись в 19.00 и сразу шли спать. Тогда слова "спать" не боялись и не заменяли его более деликатным "отдыхать".

Весь следующий день, как правило, занимались в академии, а вечером опять на сутки заступали дежурить в Генштабе. Доставалось крепко, но мы не роптали: дело интересное и к тому же война! Мы были молоды, полны сил, и все казалось нам нипочем.

Зима 1940 года отличалась суровостью. Стояли сильные морозы. Маневренные действия войск крайне ограничивал глубокий снежный покров. 9-я и 14-я армии растянулись вдоль дорог и медленно продвигались вперед, отбивая атаки выходивших на их тылы финских лыжных батальонов. Сплошной фронт был лишь на Карельском перешейке, где вели бои 7-я и 13-я армии под командованием К. А. Мерецкова и В. Д. Грендаля.

Надо прямо сказать, что в то время наши войска оказались малоприспособленными вести войну в условиях Финского театра. Леса и озера, бездорожье и снега были для них серьезным препятствием. Очень тяжело пришлось, в частности, 44-й стрелковой дивизии, которая прибыла с Украины и сразу же под Суомуссалми попала в окружение. Командовал этой дивизией А. И. Виноградов.

Для расследования обстоятельств дела и оказания помощи окруженным по указанию И. В. Сталина в 9-ю армию был послан Л. З. Мехлис. Донесения его часто проходили через мои руки и всегда оставляли в душе горький осадок: они были черны как ночь. Пользуясь предоставленными ему правами, Мехлис снимал с командных постов десятки людей, тут же заменяя их другими, привезенными с собой. Для комдива Виноградова он потребовал

расстрела за потерю управления дивизией. Позже мне не раз приходилось встречаться с Мехлисом, и тут я окончательно убедился, что человек этот всегда был склонен к самым крайним мерам.

После советско-финляндской войны - 12 марта 1940 года слушатели Академии Генштаба опять вернулись к нормальной учебе. Наш курс на месяц выехал в Винницу, где на местности отрабатывались различные оперативные и тактические задачи, а также вождение колонн. В последнем случае слушателю указывался определенный маршрут, как правило по проселочным дорогам, и он обязан был провести по нему воображаемую колонну, фактически обозначенную только одной машиной. Ездили обычно ночью. Ведущий сидел с шофером в кабине, а остальные в кузове автомашины, готовые к смене ведущего.

На академии заметно стали сказываться выводы, сделанные высшим командованием из опыта только что закончившейся войны. Была значительно поднята дисциплина. Из учебного процесса изымалось все отжившее, устаревшее. Особый упор делался на полевую выучку, на разработку сложных форм операции и боя, умение организовывать взаимодействие войск. Воспитательная работа перестраивалась таким образом, чтобы формировать командиров, готовых к любым испытаниям.

Пришлось подтягиваться до уровня новых требований. Все мы понимали, что это необходимо и очень поможет в нашей последующей службе в войсках, где вся система боевой и политической подготовки пересматривалась и приспосабливалась к тому, что нужно на войне.

Осенью сдали государственные экзамены. Перед выпуском нас опрашивали, кто на какую работу желает пойти. Я просился на командную. В какой военный округ назначат - особой роли не играло. Территорию, как говорится, мы не выбирали.

На выпускном вечере от Генштаба присутствовал А. М. Василевский. Он поздравил нас и объявил, что те, кто работал во время советско-финляндской войны в Генштабе, очевидно, будут туда и назначены. На другой день я и мой друг по двум академиям Николай Антосенков подали по команде рапорты с просьбой не назначать нас в Генштаб, а послать в механизированные корпуса, которые в то время начали формироваться. Просьбу Антосенкова удовлетворили, а я вместе с А. А. Грызловым, С. М. Енюковым, В. Д. Уткиным, Г. В. Ивановым и некоторыми другими был направлен в Оперативное управление Генштаба.

Тогда начальником управления был генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин, который пробыл в этой должности несколько месяцев,

после чего был назначен заместителем начальника Генштаба. На его место пришел генерал-лейтенант Г. К. Маландин, остававшийся во главе Оперативного управления до первых дней войны. Такая поспешность в подборе и перемещении столь ответственных должностных лиц едва ли была полезна.

Моим непосредственным начальником оказался генерал-майор М. Н. Шарохин. Я был назначен к нему старшим помощником. Уведомленный, очевидно, о моем нежелании служить в Генштабе, он сразу же предупредил, что с этими настроениями надо покончить и по-настоящему браться за дело. Поняв, что плетью обуха не перешибешь, я решил последовать его благому совету и временно посвятить себя штабной работе. Тогда я не мог представить себе, что она станет моей пожизненной профессией.

Осень 1940 и зиму 1941 года пришлось потратить на тщательное изучение и военно-географическое описание Ближневосточного театра. С марта приступили к разработке командно-штабных учений в Закавказском и Среднеазиатском военных округах, намеченных на май.

В апреле генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин проводил командно-штабное учение в Ленинградском военном округе, и я ездил к нему с докладом. Доклад прошел гладко: Николай Федорович утвердил наши разработки почти без замечаний и отпустил меня, сказав, что учение в ЗакВО будет проводить либо начальник Генштаба, либо он - Ватутин.

В мае основной состав нашего отдела отправился в Тбилиси. Нас усилили за счет других отделов. С нами выехали полковник С. И. Гунеев, подполковник Г. В. Иванов, майоры В. Д. Уткин и М. А. Красковец. Перед самым отъездом выяснилось, что ни начальник Генштаба, ни его заместитель выехать не могут и учениями будут руководить командующие войсками: в ЗакВО - Д. Т. Козлов, в САВО - С. Г. Трофименко. Однако уже на другой день после нашего приезда в Тбилиси генерал-лейтенанта Козлова срочно вызвали в Москву. Чувствовалось, что в Москве происходит нечто не совсем обычное.

Руководить учением стал генерал-майор М. Н. Шарохин, а в роли начальника штаба руководства пришлось выступить мне. Фронтом командовал заместитель командующего войсками округа генерал-лейтенант П. И. Батов. Обязанности начальника штаба фронта выполнял генерал-майор Ф. И. Толбухин.

После разбора учений в ЗакВО пароходом направились из Баку в Красноводск, а оттуда поездом в Мары, где нас уже поджидал начальник штаба САВО генерал-майор М. И. Казаков. Как выяснилось, командующий войсками округа генерал С. Г.

Трофименко заболел. Учением и здесь руководил М. Н. Шарохин.

Во время игры мне удалось вместе с Шарохиным и начальником оперативного отдела штаба САВО полковником Чернышевичем проехать по границе от Серахса до Ашхабада и далее через Кизил-Атрек до Гасан-Кули с целью изучения театра.

Возвращались в Москву с легким сердцем. Учения прошли в целом хорошо.

21 июня утром наш поезд прибыл к перрону Казанского вокзала столицы. День ушел на оформление и сдачу документов. М. Н. Шарохин добился разрешения для участников поездки отдыхать два дня: воскресенье - 22 и понедельник - 23 июня.

Но отдыхать не пришлось. В ночь на 22 июня, ровно в 2 часа, ко мне на квартиру прибыл связной и передал сигнал тревоги. А еще через полчаса я уже был в Генштабе.

Война началась.

Теперь, когда от той роковой ночи нас отделяют десятилетия, появилось множество самых разных оценок тогдашнего состояния наших Вооруженных Сил.

Иные говорят, что мы совсем не были готовы к отражению нападения противника, что армия наша воспитывалась в расчете на легкую победу. И хотя подобного рода высказывания принадлежат, как правило, людям невоенным, вокруг них громоздится обычно непролазный частокол мудреной специальной терминологии. Утверждается, например, что из-за неверного якобы понимания характера и содержания начального периода войны у нас неправильно обучались войска боевым действиям именно в этот период.

Утверждение столь же смелое, сколь и невежественное. Ведь понятие "начальный период войны" - категория оперативно-стратегическая, никогда не оказывавшая сколько-нибудь существенного влияния на обучение солдата, роты, полка, даже дивизии. И солдат, и рота, и полк, и дивизия действуют в общем-то одинаково в любом периоде войны. Они должны решительно наступать, упорно обороняться и умело маневрировать во всех случаях, независимо от того, когда ведется бой: в начале войны или в конце ее. В уставах на сей счет никогда не было никаких разграничений. Нет их и сейчас.

Довольно часты разговоры о том, что у нас-де недооценивалась опасность войны с Германией. В защиту этого неверного соображения выдвигаются подчас совсем смешные доводы о неудачной будто бы дислокации войск в военных округах, на которые возлагалось прикрытие и оборона западных границ. Почему неудачной? А потому, видите ли, что крупные силы, входившие в состав приграничных округов, были

расположены не на границе, а на удалении от нее. Между тем и практикой и теорией давно доказано, что в любом виде боевых действий главные силы обязательно эшелонируются в глубину. Где больше должно быть сил и как глубоко надлежит их эшелонировать - вопрос очень сложный. Здесь все зависит от обстановки и замысла военачальника.

Элементарной неосведомленностью в военном деле объясняется, видимо, и то, что некоторые товарищи объявляют ошибочным известное положение довоенных уставов Советской Армии о подчиненной роли обороны по отношению к наступлению. Таким приходится напомнить, что это положение действительно и поныне.

Одним словом, в ряде случаев люди, рассуждающие о войне, пошли, на наш взгляд, по неправильному пути, не дав себе труда как следует изучить суть дела, которое берутся критиковать. В итоге же похвальное их стремление разобраться в причинах неудач, постигших нас в 1941 году, перерастало в свою противоположность, порождало вредную путаницу. Отождествлялись совсем не тождественные понятия и явления: скажем, готовность авиации к боевым вылетам, артиллерии к открытию огня, пехоты к отражению атак противника с готовностью страны и армии в целом к ведению войны с сильным врагом.

В этой связи мне хотелось бы высказать свою точку зрения, не претендуя, разумеется, на полноту и оригинальность суждений, а руководствуясь лишь общеизвестными историческими фактами, здравым смыслом и опытом работы в Генеральном штабе.

Была ли у нашей страны потенциальная возможность воевать против сильного противника? Да, была. Кто, кроме недругов, может отрицать, что к началу сороковых годов Советский Союз из страны экономически отсталой стал поистине могучей социалистической державой?

В результате осуществления пятилетних планов развития народного хозяйства у нас имелись все необходимые материально-технические предпосылки для разгрома любого врага, и война подтвердила это. Мы построили свою мощную по тем временам металлургию и вплотную подошли к Германии по производству стали и чугуна. В 1940 году стали выплавлялось в СССР более 18 миллионов тонн, а в Германии - 19 миллионов с небольшим; чугуна мы получили около 15 миллионов тонн, а Германия - лишь 14 миллионов. Третий рейх несколько превосходил нас в производстве электроэнергии (около 63 миллиардов киловатт-часов у них, 48 миллиардов у нас), но зато далеко отстал по сравнению с нами в добыче нефти. Выросла и

наша нефтеперерабатывающая промышленность, без которой были бы мертвы советские танки и самолеты. Созданы были отечественное машиностроение, авиастроение, тракторостроение, приборостроение. Подверглось коренной перестройке на основе сплошной коллективизации сельское хозяйство. Чрезвычайно велики были культурные завоевания советского строя, что позволило нам вырастить изумившие весь мир кадры ученых, конструкторов, инженеров, техников, рабочих и, конечно, воинов - от солдата до маршала.

В предвоенные годы развернулось бурное строительство многомиллионной кадровой армии. Только такая армия была способна надлежащим образом встретить врага. Численность ее к середине 1941 года перевалила за 5 миллионов человек. Одновременно проводилось перевооружение. То же самое происходило на флоте и в авиации. Все Советские Вооруженные Силы приводились в соответствие с требованиями современной войны как в организационном, так и в техническом отношении.

Все более сильными становились, в частности, наши танковые войска. Подтвердить это можно хотя бы тем, что в 1940 году было сформировано 9 механизированных корпусов. В феврале - марте 1941 года началось формирование новых мехкорпусов (по две танковые и одной моторизованной дивизии в каждом). Набирало темпы производство танков. В 1941 году промышленность могла дать 5500 единиц. Однако к началу войны мы еще значительно уступали противнику в численности современных танков, не успели закончить перевооружение войск на новую технику, насытить мощными КВ и Т-34 уже сформированные и еще формируемые механизированные корпуса даже в наиболее ответственных приграничных округах Прибалтийском, Западном и Киевском Особых, Одесском. Эти округа, принявшие на себя главный удар фашистской Германии, располагали весьма небольшим количеством современных танков. Старые же машины не могли оказать решающего влияния на ход предстоящих операций, да и их не хватало здесь до штата наполовину. В том, что войска имели мало КВ и Т-34, заключалась наша беда. Но если говорить о возможностях СССР по развитию танковых войск, то они оказались достаточными для того, чтобы в ходе Великой Отечественной войны превзойти врага.

Начиная с 1939 года в СССР принимались, можно сказать, чрезвычайные меры по укреплению производственной базы авиационной промышленности, расширению конструкторских организаций, по созданию новых боевых самолетов всех типов и налаживанию их массового производства. Положение с авиацией

накануне войны в какой-то степени напоминало положение с танками: промышленность давала большое количество самолетов, но по своим тактико-техническим данным они были отчасти устаревшими, отчасти не такими, каких требовала война. Излишнее предпочтение оказывалось тихоходным бомбардировщикам, с недостаточной дальностью полета и, по существу, беззащитным против истребителей.

Обладая главным - хорошей по тем временам авиационной промышленностью,Советское государство вынуждено было в короткий срок обновить самолетный парк. Беда наша состояла опять-таки в том, что времени на это не хватило, хотя темп взяли исключительно высокий. В 1940 году удалось выпустить лишь 64 истребителя Як-1 и 20 истребителей МиГ-3, пикирующих бомбардировщиков Пе-2 имелось только 2. За первую же половину 1941 года суммарный выпуск новейших истребителей Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3 достиг 1946 единиц, бомбардировщиков Пе-2 было выпущено 458, штурмовиков Ил-2 - 249, а всего свыше 2650 самолетов.

В июле 1940 года Центральный Комитет партии и Совнарком СССР приняли важное постановление "О реорганизации авиационных сил Красной Армии". Оно определило план перевооружения авиачастей, формирования новых авиаполков, порядок обучения летчиков управлению новой техникой. Этот документ, несомненно, ускорил подготовку ВВС к войне.

Задолго до войны в Советской стране были созданы новые, воздушно-десантные войска, которых не имелось еще ни в одной из армий мира. Наши достижения в этой области демонстрировались на Киевских маневрах в 1935 году, а затем в Белоруссии и немало удивили иностранных наблюдателей. К 1940 году численность воздушно-десантных войск увеличилась вдвое.

Огромный шаг вперед сделал Военно-Морской Флот. В течение двух пятилеток на отечественных судостроительных заводах для него было построено свыше 500 кораблей разных классов. Особенно быстрый рост боевого состава флота наблюдался накануне войны. К моменту нападения на нас гитлеровской Германии в строю находилось 3 линкора, 7 крейсеров, 54 лидера и эсминца, 212 подводных лодок, 287 торпедных катеров и более 2500 самолетов.

Существовавшая на Севере с 25 июня 1933 года военная флотилия к 11 мая 1937 года переформировалась в Северный флот. В результате ускоренного судостроительства к началу Великой Отечественной войны этот самый молодой из наших военных флотов имел внушительный боевой состав и продолжал

уверенно наращивать силы.

Росли и совершенствовались старые наши флоты, в частности Краснознаменный Балтийский флот. Он получил новые базы - Таллин, Ханко и другие, каждая из которых сыграла немаловажную роль в ходе вооруженной борьбы на этом морском театре.

Советские Вооруженные Силы руководствовались передовой военной наукой. У нас раньше, чем в других армиях мира, была разработана теория глубокой операции с использованием крупных масс танков, авиации, артиллерии, воздушных десантов. Корни этой теории восходят к самому началу тридцатых годов. Передовой являлась и наша военная доктрина, направленная на защиту социалистического Отечества и предусматривавшая ведение войны с решительными целями объединенными усилиями всех видов Вооруженных Сил и родов войск. Роль тех и других, равно как и принципы их боевого использования, определялась в основном правильно.

Правда, в ходе Великой Отечественной войны кое-что подверглось уточнению, от некоторых положений и вовсе пришлось отказаться, но на то и практика, всегда подправляющая теорию. В целом же наша военная доктрина и наша военная наука остались незыблемыми и послужили хорошей основой для подготовки военных кадров, которые сумели превзойти своим искусством немецко-фашистский генералитет, гитлеровское офицерство.

Конечно, большим несчастьем для нашей армии и страны в целом было то, что накануне Великой Отечественной войны мы лишились многих опытных военачальников. Молодым пришлось трудно. Они обретали необходимый опыт уже в ходе боев и нередко расплачивались за это слишком дорогой ценой. Но как бы то ни было, в конечном счете молодые кадры тоже научились бить врага, и победа оказалась на нашей стороне.

Наконец, еще один вопрос из тех, которые часто ставятся перед нами, военными, и от ответа на которые мы почему-то предпочитаем уклоняться: допускалась ли нами сама возможность нападения на нас Германии в 1941 году и делалось ли что-либо практически для отражения этого нападения? Да, допускалась! Да, делалось!

Договор о ненападении, заключенный в 1939 году по предложению Германии, не вызывал иллюзий. Было понятно, что это лишь отсрочка, что рано или поздно фашистская Германия, поощряемая империалистическими кругами западных держав, ринется на Восток. Поэтому Коммунистическая партия и Советское правительство предпринимали энергичные меры по

укреплению обороноспособности страны.

Начнем с оперативного плана. Наш оперативный план сосредоточения и развертывания Вооруженных Сил на случай войны, который в обиходе Генерального штаба именовали планом отражения агрессии, называл наиболее вероятным и главным противником именно гитлеровскую Германию. Предполагалось также, что на стороне Германии выступят против СССР Финляндия, Румыния, Венгрия и Италия. Под руководством Б. М. Шапошникова непосредственно работали над планом Н. Ф. Ватутин, Л, М. Василевский, В. Д. Иванов, А. Ф. Анисов, а впоследствии Г. К. Маландин.

5 октября 1940 года план докладывался И. В. Сталину наркомом С. К. Тимошенко и новым начальником Генштаба К. А. Мерецковым. Имелось в виду, что будущая война с первого же дня примет характер очень напряженных и сложных операций всех видов Вооруженных Сил на суше, море и в воздухе. Ожидалось, что нападение мощных танковых и пехотных группировок противника будет сопровождаться авиационными ударами по советским войскам и объектам тыла, имеющим большое военное значение. План исходил из того, что советские войска полностью подготовятся к отражению противника и сумеют отбить его удары силами и средствами пограничных округов на территории, прилегающей к государственной границе. В последующем предусматривалось наше решительное наступление и войсками, выдвигаемыми из глубины страны.

Все составные части плана были тщательно увязаны между собой и с работой народного хозяйства, транспорта, связи. В последующем были созданы планы развертывания войск военных округов.

Таким образом, в оперативном плане верно определялся характер возможной войны, правильно решался вопрос о вероятном противнике и направлении его действий.

По свидетельству К. А. Мерецкова, И. В. Сталин высказал мнение, что Германия свои основные усилия направит не на западном направлении, как было записано в плане, а на юго-западном, с тем чтобы прежде всего захватить наиболее богатые промышленные, сельскохозяйственные и сырьевые районы Советского Союза. Нарком обороны, недавно прибывший с юго-западного направления, видимо, тоже придерживался этой точки зрения. Во всяком случае, ни он, ни Генштаб не возразили против этого заключения Сталина.

Генштабу было приказано исправить план, а это повлекло за собой сосредоточение главной группировки советских войск не на западном, как предусматривалось ранее, а на юго-западном

направлении.

Как показали события Великой Отечественной войны, данный прогноз оказался ошибочным. Главный удар Гитлер нанес все-таки на западном направлении, и советскому командованию пришлось исправлять допущенный просчет и сосредоточивать главные силы на западное, смоленско-московское направление. Это привело к известному замешательству, так как некоторые войска уже выгрузились не там, где им впоследствии пришлось драться, и потере драгоценного времени.

Нелишне, далее, напомнить и о том, что перед самым началом войны в пограничные округа под строжайшим секретом стали стягиваться дополнительные войска. Из глубины страны на запад перебрасывалось пять армий: 22-я под командованием генерала Ф. А. Ершакова. 20-я под командованием Ф. II. Ремезова, 21-я под командованием В. Ф. Герасименко, 19-я под командованием II. С. Конева и 16-я армия под командованием М. Ф. Лукина. Всего перемещалось 28 дивизий. Из Московского военного округа в Винницу отправилась оперативная группа, развернувшаяся там в управление Южного фронта. Наркомат Военно-Морского Флота своим распоряжением усилил на флотах разведку и охранение, перебазировал часть сил Краснознаменного Балтийского флота из Либавы и Таллина в более безопасные места. А в самый канун войны Балтийский, Северный и Черноморский флоты были приведены в состояние повышенной готовности.

Как же можно забывать обо всем этом? Как можно сбрасывать со счетов всю ту огромную работу, какая проводилась партией и правительством накануне войны по подготовке страны и армии к отпору врагу? Другой вопрос, что из-за недостатка времени нам не удалось в полном объеме решить вставшие перед нами задачи, такие, например, как формирование механизированных корпусов и новых авиационных полков, оборудование укрепрайонов в новых приграничных районах и другие. Как уже говорилось, страна не могла к июню 1941 года полностью оснастить войска новым оружием и техникой, в силу чего не все советские дивизии были укомплектованы и многие из них испытывали недостаток этого вооружения, боевых машин, транспорта, средств связи, а возможности старого оружия и военной техники отставали от тех требований, которые предъявила война.

Следует учитывать и то обстоятельство, что враг давно уже перевел всю экономику на военные рельсы. Он использовал военно-промышленный потенциал почти всей Западной Европы и в этом отношении добился большого превосходства над Советской страной. Его армия была полностью отмобилизована и

готова к действиям. Удельный вес нового вооружения и новой техники, а также уровень моторизации сил вермахта были поэтому более высокими, чем у нас.

Наконец, надо сказать, что фашистской Германии удалось использовать элемент внезапности. Агрессор напал на СССР, побив все рекорды вероломства. Ситуацию еще более усложнило то, что своевременно не были отданы единые для Вооруженных Сил распоряжения о полной боевой готовности. Войска (кроме флота и соединений Одесского военного округа) не успели поэтому занять предусмотренные планом оборонительные позиции, сменить аэродромы, поднять самолеты в воздух, осуществить другие необходимые в той обстановке мероприятия.

Нельзя забывать и об ошибках в определении порядка действий и силы первоначальных ударов врага. Высшее советское командование предполагало, что противник не станет вводить сразу все силы на всем советско-германском фронте и это позволит сдержать агрессора, используя войска так называемого прикрытия. Но война развернулась не так: гитлеровские захватчики ринулись вперед ударными группировками войск на всем протяжении западной границы нашего государства. Отбить этот удар силами, расположенными в пограничной зоне, к тому же не вполне готовыми к немедленным действиям, мы не смогли.

Просчеты и упущения в подготовке войск к отражению первого удара немецко-фашистских захватчиков, бесспорно, осложнили наше положение при вступлении в единоборство с колоссальной милитаристской машиной гитлеровской Германии, опиравшейся на экономические и военные ресурсы многих стран Европы. Но при всем при том фашистская армия сразу стала нести огромный урон, а через полгода отборные ее корпуса и дивизии были наголову разбиты под Москвой. Здесь начался коренной поворот в ходе войны.

Таковы уроки истории, и о них всегда следует помнить.

Глава 2. В дни огорчений и надежд

В Генштабе - спокойная деловитость. - Не вина, а беда операторов. Юго-Западное направление. - Первые воздушные налеты на Москву - Оперативное управление перебирается в метро. - Один из труднейших месяцев войны. - Вклад Вязьмы и Тулы в оборону столицы. - Традиционный Октябрьский парад. - Итоги первого военного полугодия.-Мои встречи с Б. М. Шапошниковым.

С первых минут войны обстановка в Генеральном штабе приобрела хоть и тревожный, но деловой характер. Никто из нас не сомневался, что расчеты Гитлера на внезапность могут дать ему только временный военный выигрыш. И начальники и

подчиненные действовали с обычной уверенностью. Товарищи из Северо-Западного, Западного и Юго-Западного отделов передавали распоряжения войскам, связывались по телеграфному аппарату Бодо со штабами округов, которые теперь становились фронтовыми управлениями. Остальные отделы пытались заниматься своей повседневной работой, однако война отодвигала ее куда-то на задний план. Да и людей здесь стало меньше: некоторых офицеров сразу же перебросили отсюда на помощь активным отделам.

События развивались с молниеносной быстротой. Враг свирепо атаковал наши войска с воздуха, на стыках фронтов сосредоточил усилия мощных танковых групп. С Северо-Западного фронта доносили о крайне тяжелом положении левофланговой 11-й армии, которой командовал генерал В. II. Морозов, и соседней с ней 8-й армии П. П. Собенникова. Последняя, оказавшись под угрозой окружения, вынуждена была отходить к Риге. Не легче пришлось и 4-й армии А. А. Коробкова, оборонявшейся на левом фланге Западного фронта. Она тоже приняла на себя главный удар танковой группы противника, была смята и продолжала сопротивление, не имея сплошного фронта. На Юго-Западном фронте шел тяжелый бой в районе Перемышля, но Перемышль держался. Немецкие дивизии, сосредоточенные в Финляндии и Румынии, пока что стояли на исходных рубежах.

Одним из узких мест оказалась связь с фронтами, в первую очередь с Западным. Она была очень неустойчивой. Из-за частых нарушений связи мы не всегда знали обстановку с необходимыми подробностями. На неудовлетворительное состояние связи со своими войсками сетовали и штабы фронтов. Поэтому, если нам и удавалось связываться с ними, мы все равно не получали достаточно полной информации о положении войск.

За всеми этими хлопотами, поглотившими каждого из нас без остатка, не заметили, как прошел первый день войны. На картах появились многочисленные синие стрелы, обозначая направление действий ударных группировок противника.

23 июня стало известно, что Советом Народных Комиссаров и ЦК партии принято решение о создании Ставки Главного Командования Вооруженных Сил СССР высшего органа руководства действиями армии и флота. В состав ее вошли Нарком обороны С. К. Тимошенко (председатель), начальник Генерального штаба Г. К. Жуков, И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный и Нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов. При Ставке образован институт постоянных советников в составе Б. М. Шапошникова, К. А. Мерецкова, Н. Ф. Ватутина, Н. Н. Воронова, А. И. Микояна, Н. А. Вознесенского, А.

А. Жданова и других. Генеральный штаб стал рабочим органом Ставки, хотя на этот счет никаких официальных указаний не отдавалось.

У нас в Оперативном управлении люди тоже расставлялись по-новому. Теперь уже почти все мы работали фактически по направлениям: Западному, Северо-Западному и Юго-Западному. Для удобства общения друг с другом перебрались в зал заседаний. Вдоль стен расставили рабочие столы. Телеграф рядом. Здесь же вблизи - кабинеты наркома и начальника Генштаба. В зале вместе с нами и машинистки. Тесно, шумно, но все трудятся сосредоточенно.

Почти безотлучно находятся в Генштабе начальник артиллерии Н. Н. Воронов, помощник командующего войсками Московского военного округа по ПВО М. С. Громадин, начальник Главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлев, начальник Управления связи П. П. Гапич, начальник военных сообщений Н. И. Трубецкой. Нам, операторам, приходится поддерживать контакты с аппаратом каждого из них, в особенности с органами военных сообщений, поскольку передвижение войск из внутренних округов к линии фронта нуждается в неослабном контроле.

Эшелоны с войсками идут на запад и юго-запад сплошным потоком. То одного, то другого из нас направляют на станции выгрузки. Сложность и переменчивость обстановки нередко вынуждали прекращать выгрузку и направлять эшелоны на какую-то иную станцию. Случалось, что командование и штаб дивизии выгружались в одном месте, а полки в другом или даже в нескольких местах на значительном удалении. Распоряжения и директивы, адресованные войскам, иногда устаревали, не достигнув адресата. За всем этим оператор обязан был следить и своевременно принимать надлежащие меры. Мы вели карты обстановки, передавали в войска дополнительные указания, принимали оттуда новую информацию, писали справки и донесения. Офицеры, возглавляемые полковником В. В. Курасовым, обобщали все эти материалы и готовили доклады в Ставку.

Довольно частыми стали командировки в действующую армию. Главным образом для уточнения истинного начертания переднего края обороны наших войск, для установления фактов захвата противником того или иного населенного пункта. В этих случаях оператор садился, как правило, на самолет СБ и отправлялся по назначению.

Чаще всего такие полеты совершались на Западный фронт. Положение там все усложнялось, а связь не налаживалась. 28

июня пал Минск, и одиннадцать наших дивизий, оказавшихся западнее его, вынуждены были продолжать борьбу уже в тылу противника. Генштаб узнал об этом не сразу. Позднее стало известно и о героической борьбе окруженного гарнизона Брестской крепости, которая продолжалась почти месяц.

Первые дни войны вскрыли несовершенство организационной структуры во многих звеньях Генерального штаба. Теперь годилось далеко не все из того, что казалось достаточно хорошим в мирное время. Перестраивались на ходу.

Я уже упоминал, как с самого начала боевых действий мы встали перед необходимостью подкрепить за счет других Северо-Западный, Западный и Юго-Западный отделы. В дальнейшем же выяснилось, что с системой отделов вообще следует распроститься. Они вроде бы отвечали своему назначению только до тех пор, пока на каждом из стратегических направлений не развернулось по нескольку фронтов. С этого момента окончательно выявилась практическая непригодность старой организации. Потребовалось выделить на каждый фронт специальную группу операторов во главе с опытным начальником. Работать стало лучше, и в августе 1941 года отделы были упразднены.

Были и другие осложнения. В один из дней стало известно, что на Западном фронте за потерю управления войсками сняты со своих постов командующий Д. Г. Павлов, начальник штаба В. Е. Климовских, начальник оперативного управления генерал-майор П. II. Семенов. Потом началась перестановка кадров и у нас. Г. К. Маландин получил назначение на место В. Е. Климовских - стал начальником штаба Западного фронта. Начальника Генерального штаба Г. К. Жукова назначили командующим Резервным фронтом. В Генштаб вернулся маршал Б. М. Шапошников. Начальником Оперативного управления выдвинули В. М. Злобина. Комиссара Генштаба С. К. Кожевникова вскоре сменил опытный политработник Ф. Е. Боков.

Понятно, что все эти замены и перемещения начальников нервировали и вызывали порой чувство внутреннего протеста. К тому же под влиянием наших временных неудач на фронте некоторые товарищи прониклись излишней подозрительностью. В какой-то мере это болезненное явление коснулось и Генштаба. Как-то один из прибывших к нам фронтовиков, наблюдая работу полковника А. А. Грызлова над картой, обвинил его в преувеличении мощи противника. К счастью, наша партийная организация оказалась достаточно зрелой и отвергла нелепые домыслы. Не последнюю роль при этом сыграл только что избранный секретарем партбюро полковник М. Н. Березин.

Человек умный и смелый, сам опытный оператор, он умел сплотить коммунистов на решение первостепенных задач.

Не виной, а бедой нашей являлось то, что не всегда мы располагали достаточно подробными данными о положении своих войск. Впрочем, не легче доставались и данные о противнике. К каким только ухищрениям не приходилось прибегать! Помню, однажды нам никак не удавалось установить положение сторон на одном из участков Западного фронта. Линии боевой связи оказались поврежденными. Тогда кто-то из операторов решил позвонить по обычному телефону в один из сельсоветов интересующего нас района. На его звонок отозвался председатель сельсовета. Спрашиваем: есть ли в селе наши войска? Отвечает, что нет. А немцы? Оказывается, и немцев нет, но они заняли ближние деревни председатель назвал, какие именно. В итоге на оперативных картах появилось вполне достоверное, как потом подтвердилось, положение сторон в данном районе.

Мы и в последующем, когда было туго, практиковали такой способ уточнения обстановки. В необходимых случаях запрашивали райкомы, райисполкомы, сельсоветы и почти всегда получали от них нужную информацию.

Вспоминая первые месяцы войны, не могу не сказать здесь также о многократных наших попытках добиться перевода в действующую армию. Само по себе это стремление было очень благородным. В основе его лежали самые высокие чувства. Но требовалось же кому-то работать и в Генеральном штабе. Партийной организации пришлось и тут воздействовать на людей всей силой своего авторитета - убеждать, разъяснять, доказывать. И все же наиболее настойчивые иногда достигали цели. Удалось это, например, А. А. Гречко. Он проработал вместе с нами всего недели две, обратился лично к начальнику Генштаба и был назначен командиром 34-й кавалерийской дивизии. Сам сформировал ее, а затем увел на фронт.

Меня перебросили на усиление Юго-Западного отдела. На его направлении шли тогда упорные бои, и там уже побывал в качестве представителя Ставки Г. К. Жуков. В районе Луцк, Броды, Ровно наше командование пыталось контрударом разгромить противника и организовать устойчивый фронт. Кроме пехоты в контрударе приняло участие несколько механизированных корпусов, которые вступали в дело по мере подхода: 8-й мехкорпус под командованием генерала Д. И. Рябышева, 9-й - К. К. Рокоссовского, 15-й - И. И. Карпезо, 19-й - Н. В. Фекленко, 22-й - С. М. Кондрусева.

Нашим войскам не удалось остановить и разгромить

противника, но его ударная группировка, нацеленная на Киев, была в том сражении ослаблена и задержана.

5-я армия, возглавляемая генерал-майором М. И. Потаповым, прочно удерживала Полесье и район, к нему прилегающий. Она стала, что называется, бельмом на глазу гитлеровских генералов, оказала врагу сильнейшее сопротивление и нанесла ему значительный урон. Немецко-фашистским войскам не удалось здесь быстро прорвать фронт. Дивизии Потапова сбили их с дороги Луцк Ровно - Житомир и вынудили отказаться от немедленного удара на Киев.

Сохранились любопытные признания противника. 19 июля в директиве No 33 Гитлер констатировал, что продвижение северного фланга группы армий "Юг" задержано укреплениями Киева и действиями 5-й советской армии. 30 июля из Берлина последовало категорическое приказание: "5-ю армию красных, ведущую бой в болотистой местности северо-западнее Киева, вынудить принять бой западнее Днепра, в ходе которого она должна быть уничтожена. Своевременно предотвратить опасность прорыва ее через Припять на север..." И далее еще раз: "С перехватом путей подхода к Овруч и Мозырь должна быть полностью уничтожена 5-я русская армия".

Вопреки всем этим замыслам противника, войска М. И. Потапова продолжали героически бороться. Гитлер был взбешен. 21 августа за его подписью появляется новый документ, обязывающий главнокомандующего сухопутными войсками обеспечить ввод в действие таких сил группы армий "Центр", которые смогли бы уничтожить 5-ю русскую армию.

5-я армия держалась до второй половины сентября 1941 года. На ее же долю выпали и тяжкие бои к востоку от Киева. Но жертвы, понесенные в этих боях, оказались не напрасными. Здесь была положена одна из первых прочных плит в основание наших последующих побед.

С 5 августа почти на два с половиной месяца приковала к себе противника героическая Одесса. Ставка придавала ей особое значение и приказала: "Одесский район оборонять... до последнего бойца". Защитники города - войска и население - стояли насмерть. Ни бомбардировки с воздуха, ни бешеные атаки с суши не могли сломить сопротивление Приморской армии, моряков Черноморского флота и жителей города. Одесса стала городом-героем, а вся страна и армия узнали в те дни имена И. Е. Петрова, П. И. Крылова, Г. В. Жукова и других руководителей и героев обороны Одессы.

30 октября 1941 года началась оборона Севастополя. Прижатые врагом к морю, советские воины сражались с

беззаветной отвагой и самоотвержением. Сковать противника в Крыму в то время - значило не допустить его через Таманский полуостров на Кавказ к нашей нефти и другим богатейшим ресурсам. "Севастополя не сдавать ни в коем случае",- потребовала тогда Ставка. Командовать Севастопольским оборонительным районом по традиции стал командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский. Сухопутные войска в Севастополе возглавил переброшенный сюда из Одессы с Приморской армией ее командующий - генерал И. Е. Петров.

22 июля вражеские самолеты провели первую бомбежку Москвы. Мы вышли на улицу и смотрели, как сотни прожекторов бороздили небо и в его глубинах вспыхивали разрывы снарядов зенитной артиллерии.

В подвале здания Генштаба оборудовали бомбоубежище и обязали всех свободных от работы во время воздушных налетов находиться там.

Из Москвы начали эвакуировать семьи военнослужащих. Я тоже после первой бомбежки отправил жену с матерью и двумя детьми в Новосибирск. Без всякого адреса, к кому - неизвестно.

На Казанском вокзале было темно. Столпились тысячи людей. Еле втиснул своих в вагон. Дочку подал через окно, так как в дверь пробиться было уже невозможно.

Жене дал письмо к генерал-лейтенанту П. М. Злобину - в те дни заместителю командующего войсками Сибирского военного округа. Но, как выяснилось позднее, на прием к Злобину попасть она не смогла. Спасибо женоргу горкома партии - та помогла всем, чем могла. Главное - устроила мое семейство на квартиру.

А на фронтах - все тяжелее. 30 июня был создан Государственный Комитет Обороны во главе с И. В. Сталиным. В руках ГКО сосредоточилась вся полнота власти. 10 июля он постановил образовать три главных командования по направлениям: Северо-Западное с К. Е. Ворошиловым в качестве главнокомандующего, Западное - во главе с С. К. Тимошенко и Юго-Западное, которое возглавил С. М. Буденный. Ставка Главного Командования преобразована в Ставку Верховного Командования, а несколько позже, 8 августа, в Ставку Верховного Главнокомандования. И. В. Сталин стал Верховным Главнокомандующим.

Наши взоры и помыслы в те дни были устремлены к Смоленску. В этот район удалось подтянуть значительные резервы советских войск и задержать здесь врага, закрыть ему ворота на Москву, нанося чувствительные контрудары. Хотя сам Смоленск пал 16 июля, восточное его битва кипела на широком

фронте до конца первой декады сентября. Здесь впервые с успехом были применены наши прославившиеся впоследствии "катюши".

Под Ельней удалось нанести противнику чувствительное поражение и отбросить его из этого района.

Бомбежки Москвы усилились. Воздушные тревоги объявлялись почти каждую ночь. Иногда бомбы падали недалеко от Генштаба. Оборудованное в подвале бомбоубежище теперь приходилось использовать и для работы, а оно оказалось совершенно неприспособленным к этому.

Вскоре последовало решение: на ночь Генштабу перебираться в помещение станции метро "Белорусская". Там были оборудованы командный пункт и узел связи.

Теперь мы каждый вечер собирали документы в чемоданы и ехали к Белорусскому вокзалу. В течение всей ночи на одной половине метрополитеновского перрона функционировал центральный командный пункт, тогда как другая половина, отгороженная от первой только фанерной перегородкой, с наступлением сумерек заполнялась жителями Москвы, в основном женщинами и детьми. Так же, как и мы, они являлись сюда, не ожидая сигнала тревоги, и располагались на ночевку. Работать в таких условиях было, конечно, не очень удобно, а самое главное - при ежедневных сборах и переездах терялось много драгоценного времени, нарушался рабочий ритм.

Вскоре мы отказались от этого и перебрались в здание на улице Кирова. Станция метро "Кировская" тоже была полностью в нашем распоряжении. Поезда здесь уже не останавливались. Перрон, на котором мы расположились, отгораживался от путей высокой фанерной стеной. В одном его углу - узел связи, в другом - кабинет Сталина, а в середине - шеренги столиков, за которыми работали мы. Место начальника Генштаба - рядом с кабинетом Верховного.

Надвигалась осень. Нажим противника был очень сильным. И под Москвой, и под Ленинградом, и на Украине. По всему фронту!

Сейчас подтверждено документально, что немецко-фашистское командование не могло осуществить захват Москвы без предварительного овладения Ленинградом и создания на севере общего фронта с финнами, а на юге - без разгрома нашей группировки в районе Киева. Помимо чисто военных соображений захват Украины имел для фашистской Германии большое экономическое значение. Еще 4 августа 1941 года Гитлер собирал в Борисове командующих армиями группы "Центр", и там все сошлись на таком именно варианте последующих наступательных

действий. Об этом же шла речь на совещании у Гитлера 23 августа. Таким образом, исход борьбы на главном, Западном направлении в большей, чем когда бы то ни было, степени зависел в тог момент от стойкости ленинградцев и киевлян.

Сентябрь 1941 года оказался для нас одним из труднейших военных месяцев. Население Москвы заметно уменьшилось. Мужчины ушли в армию и народное ополчение. Женщины и дети либо эвакуировались, либо встали к станкам вместо мужчин. Очень многие были заняты строительством укреплений на подступах к столице. Да и в самом городе, прямо на улицах, появились надолбы, противотанковые ежи, противопехотные заграждения. Часть правительства переехала в Куйбышев. Члены Государственного Комитета Обороны и Ставка остались в Москве.

Поступление информации о боевой обстановке опять ухудшилось. Мы снова рыскали на самолетах СБ и У-2 в поисках колонн войск, мест расположения штабов. Во время одного из таких полетов был ранен мой земляк с Дона и однокашник по двум академиям подполковник Г. В. Иванов.

Несколько часов находился он в воздухе, ведя воздушную разведку. К концу полета на самолет напали 6 "мессершмиттов". Двух из них удалось подбить. Но и наш самолет был изрешечен. Пять вражеских пуль прошили Иванова. Командир корабля капитан А. С. Рудевич все-таки дотянул самолет до аэродрома и приземлился. Тяжело раненный, Георгин Васильевич нашел в себе силы доложить руководству Генштаба весьма ценные данные об обстановке на Западном фронте.

Немецко-фашистские войска прорвались к Ленинграду. Но личный состав Ленинградского фронта, Краснознаменного Балтийского флота и жители города поклялись не отдавать в руки врага колыбель революции и с честью сдержали эту клятву. Город устоял, хотя и был стиснут в блокадном кольце.

Наши войска удержали в своих руках важный участок южного побережья Финского залива от Петергофа до реки Воронка. Здесь отбивала врага 8-я армия Ленинградского фронта. Она не только оборонялась на так называемом ораниенбаумском пятачке. Она наносила чувствительные удары, отвлекающие силы противника с главного направления его наступления на Ленинград.

План противника - создать в районе Ленинграда общий немецко-финский фронт - провалился. 4-я танковая группа немцев, составлявшая основу их тарана, нацеленного на Ленинград, потерпела поражение и была серьезно ослаблена. А это оказало прямое влияние на последующее развитие борьбы, поскольку враг намеревался после взятия Ленинграда перебросить отсюда танки под Москву.

Своеобразная обстановка сложилась на юге. Чтобы обеспечить южное, правое крыло своей центральной группировки, предназначенной в будущем для захвата Москвы, Гитлер вынужден был временно перенацелить 2-ю танковую группу Гудериана с московского на киевское направление. В сентябре она совместно с танковой группой Клейста, 2, 6 и 17-й армиями противника, а также многочисленной авиацией пытались захватить столицу Украины. Однако и здесь враг встретил упорное сопротивление. На подготовленном киевлянами оборонительном рубеже по реке Ирпень отошедшие сюда советские войска вместе с вновь созданной 37-й армией и народным ополчением стояли насмерть 70 дней.

Враг вынужден был избегать фронтальных ударов, маневрировать, искать разрывы в расположении наших войск. Только 15 сентября танки Гудериана и Клейста, обходившие Киев с севера и юга, соединились наконец в районе Лохвицы. На обширном пространстве восточнее Киева подверглись окружению примерно одна треть сил 5, 37, 26-й и отчасти войска 21-й и 38-й армий. Тяжелую судьбу окруженных сполна разделило и командование Юго-Западного фронта. Боролись до конца. Командующий генерал-полковник М. П. Кирпонос, начальник штаба фронта генерал-лейтенант В. И. Тупиков, члены Военного совета секретарь ЦК КП(б)У М. А. Бурмистенко и дивизионный комиссар Е. П. Рыков погибли. Израненный командующий армией М. И. Потапов и некоторые командиры соединений попали в плен. Часть работников штаба фронта вывел из окружения начальник оперативного отдела генерал-майор И. Х. Баграмян.

Сражение в районе Киева, так же как и стойкая оборона Ленинграда и Одессы, сыграло свою роль. В ходе его 2-я танковая группа немцев, предназначенная для генерального наступления на Москву, понесла значительные потери. Кроме того, киевское сражение затормозило темп продвижения лавины вражеских войск на самом Юго-Западном направлении и позволило нам выиграть время для подготовки обороны на новых рубежах. Заслуга защитников Киева по достоинству отмечена присвоением столице Украины звания города-героя.

С этим же периодом совпала у нас новая реорганизация органов управления войсками. Опыт создания главных командований по направлениям себя не оправдал. Они оказались лишним промежуточным звеном между Ставкой и фронтами. Правом принимать важные решения главкомы не обладали. Их намерения могли проводиться в жизнь только при утверждении Ставкой. Не имея полноценных штабов, не обладая средствами связи, не располагая резервами, главкомы не могли реально

влиять на ход операций, а потому уже в августе - сентябре были упразднены. Несколько позже некоторые из главных командований временно восстанавливались (например, Западное - с 1 февраля по 5 мая 1942 года н Юго-Западное - с 24 декабря 1941 года по 23 июня 1942 года), даже возникали вновь (Северо-Кавказское - с 26 апреля по 20 мая 1942 года), но затем боевая практика совершенно отвергла их.

К концу сентября 1941 года оперативно-стратегическая обстановка сложилась крайне неблагоприятно для нас. Немецко-фашистские войска вплотную придвинулись к Ленинграду, на Западном направлении захватили Витебск и Смоленск, на юге достигли линии Мелитополь, Запорожье, Красноград. К нам непрерывно стекались сведения о перегруппировке сил противника и сосредоточении их в районах Духовщины, Ярцева, Смоленска, Рославля, Шостки, Глухова. Не оставалось никаких сомнений в том, что подготавливается наступление непосредственно на Москву. Генштабу было известно, что Гитлер предназначил для этого группу армий "Центр" под командованием фельдмаршала Бока численностью более миллиона человек с 1700 танками и штурмовыми орудиями при сильной авиационной поддержке. Эти данные в последующем подтвердились.

Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главнокомандования приняли соответствующие контрмеры. Основные силы созданного еще в июле Резервного фронта расположили за Западным, увеличив таким образом глубину обороны. Для действий на дальних подступах к столице привлекались некоторые дивизии московского народного ополчения, сформированного из добровольцев. В строжайшей тайне в глубине страны проводилось формирование и обучение резервных армий, о существовании которых знали только члены Ставки и отдельные связанные с этим лица из Генштаба. Готовились к переброске на запад несколько хорошо подготовленных дивизий из Забайкалья и с Дальнего Востока. Ускоренно шло строительство Вяземского и Можайского укрепленных районов. Создавалась так называемая Московская зона обороны, рубежи которой вкруговую опоясывали столицу на ближайших подступах, в пригородах и, наконец, в самом городе до Бульварного кольца включительно.

Ставка посылала своих представителей в войска, чтобы они на месте разобрались во всех деталях обстановки, посоветовались с командованием соединений и оперативных объединений, как лучше решить коренные вопросы обороны Москвы. От Генштаба на Западный фронт в октябре выезжала комиссия ГКО, в которой

от Ставки работал А. М. Василевский.

Партийные организации Москвы, Тулы и многих других городов, примыкавших к столице на вероятных направлениях ударов противника, поднимали на помощь войскам население. Все больше и больше добровольцев вступало в народное ополчение, истребительные отряды, пожарные дружины и другие военизированные формирования. Промышленность перестраивалась на производство военной продукции.

На фоне повсеместного, действительно массового героизма, охватившего тогда всех советских людей от мала до велика, мне как-то особо запомнился героический поступок красноармейца Тетерина Алексея Васильевича. Этот симпатичный паренек из деревни Харино Рязанской области, только весною призванный в армию, проходил службу в батальоне охраны Наркомата обороны. С тех пор как противник усилил ночные бомбардировки Москвы, на весь личный состав батальона легла дополнительная задача - борьба с пожарами от зажигательных бомб. В ночь на 21 сентября зажигалка, пробив крышу здания Генштаба, попала на чердак. Тетерин накрыл ее каской, однако брызги термита продолжали лететь во все стороны, угрожая пожаром. Тогда Тетерин навалился на бомбу своим телом и все же потушил ее. Он умер от ожогов, но охраняемый им объект был спасен.

* * *

В конце сентября у нас в Оперативном управлении состоялось очередное партийное собрание. Несмотря на чрезвычайную занятость, пришли почти все, в том числе и начальник Генштаба Б. М. Шапошников. Обсуждался единственный вопрос - "Текущий момент и задачи коммунистов". Докладчиком был А. М. Василевский.

Александр Михайлович не приукрашивал положения. Он прямо заявил, что обстановка создалась архитяжелая, требующая от каждого отдачи всех сил, а может быть, и жизни. Дальше будет, возможно, еще труднее. Но падать духом не следует. Ленинград стойко держится, враг там не прошел. Это позволяет думать, что никаких новых фронтов севернее Москвы не возникнет и наши резервы, припасенные про черный день, останутся в сохранности.

Каждое слово доклада было проникнуто глубокой верой в конечную нашу победу, в мудрость партии и Советского правительства. Это собрание - одно из ярчайших моих воспоминаний того периода. И мне и всем моим товарищам по службе оно дало тогда мощный заряд бодрости и мужества.

А 30 сентября враг начал свое генеральное наступление на Москву. Развернулось гигантское кровопролитное сражение.

Ударным группировкам немецко-фашистских войск уже в начале октября удалось на нескольких направлениях глубоко вклиниться в нашу оборону. 3 октября вражеские танки ворвались в Орел. 6 октября пал Брянск, 12 октября - Калуга. Большая часть сил 19, 20, 24 и 32-й армий, а также некоторые другие войска Западного, Резервного и Брянского фронтов оказались окруженными под Вязьмой и в районе Трубчевска. Но и в окружении они дрались с ожесточением и почти на две недели оттянули на себя 28 дивизий противника.

Самоотверженная борьба советских войск в районе Вязьмы под командованием бывшего коменданта города Москвы генерала М. Ф. Лукина имела важное значение и в другом плане: она помогла нам выиграть необходимое время для того, чтобы посадить войска на два можайских рубежа обороны и закончить последние приготовления к отпору на других подступах к столице.

Так же бесценен вклад, внесенный Тулой. Передовые части танковой армии Гудериана прорвались сюда в конце октября. Но все их попытки завладеть городом были отбиты. Вместе с войсками Красной Армии на защиту Тулы поднялось население. Был создан Тульский рабочий полк. Его возглавили А. П. Горшков (командир) и Г. А. Агеев (комиссар). Гитлеровцы держали город под артиллерийским и минометным огнем. Были дни, когда положение становилось отчаянным. Однако стойкость и мужество защитников Тулы оказались крепче немецкой брони.

С развертыванием битвы за Москву участились выезды работников Генштаба на фронт для уточнения обстановки и проверки выполнения войсками директив Ставки. Выезжали М. Н. Шарохин, В. В. Курасов, Ф. И. Шевченко. А. М. Василевский почти безотлучно находился в Ставке Верховного Главнокомандования.

Первая половина октября оказалась особенно тревожной. Речь уже шла о судьбе Москвы. И. В. Сталин отозвал Жукова с Ленинградского фронта, где враг был остановлен у самого города. Георгию Константиновичу было поручено командовать войсками Западного фронта, штаб которого размещался в Алабино, а затем в Перхушково.

В первых числах ноября противника удалось остановить на всех направлениях. Первое генеральное наступление немцев на Москву было отбито.

Чтобы при любых обстоятельствах обеспечить надежное управление войсками, Ставка Верховного Главнокомандования решила разделить Генеральный штаб на две группы. Первую, небольшую группу оставили в Москве под руководством А. М. Василевского, а вторую, куда входил основной состав Генштаба,

сочли нужным разместить за пределами столицы. Переезд совершался двумя железнодорожными эшелонами, комендантом одного из них был Ф. И. Шевченко, а другого - я.

С утра 17 октября началась погрузка в вагоны сейфов. Отправление поезда назначалось на 19 часов. Доступ к эшелону осуществлялся только по пропускам. Однако на перроне народу собралось предостаточно. Один гражданин, обратившись ко мне за содействием, отрекомендовался:

- Немецкий писатель-антифашист Вилли Бредель.

Я не мог разместить его в эшелоне Генерального штаба, по постарался устроить в санитарный поезд, который отправлялся в тыл страны с этого же вокзала.

В эшелоне, где ехал Б. М. Шапошников, с разрешения М. И. Шарохина занял отдельное купе знаменитый французский писатель Ромен Роллан с супругой. Начальник Генштаба, узнав об этом, пригласил их к себе и долго с ними беседовал. Супруги Роллан сошли с поезда в Горьком.

К месту назначения мы прибыли 18 октября, а утром 19-го я поспешил в обратный путь. По расчету мне надлежало остаться в Москве с группой А. М. Василевского.

Возвращался уже не поездом, а на автомашине. К Москве подъезжал ночью в самый разгар налета вражеской авиации. Суровой и величественной предстала передо мной столица. Десятки прожекторов словно голубыми кинжалами пронзали тьму. Вспыхивали и мгновенно гасли красноватые разрывы зенитных снарядов. Колыхали край неба багряные сполохи на боевых позициях артиллерии.

Прямой маршрут по Москве оказался перекрытым, и нам пришлось ехать через столь хорошо знакомое мне Лефортово. Здесь начиналась когда-то моя военная служба, протекали годы учебы в академии, и теперь невольно все это всплыло в памяти...

В Москву я приехал весной 1925 года из казачьей станицы Урюпинской (ныне г. Урюпинск Волгоградской области).

И дед и отец мой, уроженцы этой же станицы, имели, как и все казаки на Дону, фамилию на "ов" - Штеменковы. Но после смерти отца в 1916 году мать переделала ее на украинский лад. В Урюпинской я три зимы ходил в церковноприходскую школу и уже после революции закончил школу II ступени. Житье было тогда трудное, и на семейном совете решили, что мне и одному из моих сводных братьев надо, как тогда говорили, "ехать на заработки". В Новочеркасске или Ростове зацепиться было не за кого, а в Москве жила сестра отчима. Это и предопределило выбор города.

Конечно, мне, восемнадцатилетнему парню, впервые, кстати,

надевшему настоящие ботинки, очень хотелось учиться, "выбиться в люди", стать агрономом. Но ткнулся я в одно, другое место и убедился, что учиться пока не придется: стипендии не обещали, с общежитием было плохо, рекомендаций - никаких.

До глубокой осени 1925 года пришлось пилить дрова, таскать кирпичи на строительстве Центрального телеграфа на Тверской (ныне улица Горького), быть грузчиком... Словом, делать ту работу, которую удавалось получить на бирже труда у Красных ворот. И жилье у меня было соответствующее: сначала чердак холодильника, на котором работал муж тетки, а потом келья на самом верху колокольни церкви, в которой размещался тогда городской ломбард...

Не знаю, как бы сложилась дальше моя судьба, но вмешался случай. В одном из писем, полученных из дома, сообщили, что приезжал на побывку парень с нашей Ольховской улицы, который еще при мне был призван в армию, а теперь учился в Тверской кавалерийской школе. Он-то и сказал, что таких, мол, как я, принимают, и приглашал приезжать. Перспектива стать кавалеристом мне пришлась по душе. Пошел в военкомат наводить справки. А там сказали, что, если я хочу поступить в военную школу, - пожалуйста, как раз идет набор в Московскую пехотную школу имени М. Ю. Ашенбреннера. Кто такой Ашенбреннер, я не знал, но в пехоту идти не хотел: засмеют в станице...

Помыкавшись несколько дней, все же решил произвести разведку. В Лефортово на Красноказарменной улице нашел эту пехотную школу. А недалеко от нее еще две - Московскую артиллерийскую имени Л. Б. Красина и Военно-инженерную. Инженеры меня тогда мало интересовали. В артшколе же выяснил, что она готовила командиров взводов для конной (!) артиллерии и учиться надо было 4 года.

Без особого сожаления я расстался с прежней мечтой учиться на агронома и подал заявление в школу.

Надежд на поступление, правда, было мало. За полтора года скитаний за книгу, конечно, не брался и многое перезабыл, до экзаменов оставался всего месяц. Но, как говорится, было бы желание. В октябре 1926 года мы с моим станичником Петром Васильевым стали курсантами Московской артиллерийской школы. Оба попали в 3-ю конно-горную батарею, чем были весьма довольны...

Снова в Лефортово я попал в 1933 году, теперь уже слушателем Академии моторизации и механизации РККА.

В академии тогда было три факультета - командно-инженерный, эксплуатационный и промышленный. Я учился на

командно-инженерном, переименованном впоследствии в командный, который выпускал командиров-танкистов. Военные предметы преподавались глубоко и, надо сказать, интересно. Тактика, оперативное искусство, военная история, военная география, изучение и вождение танков были моими любимыми дисциплинами. Большое внимание уделялось высшей математике, механике, физике, термодинамике, общественным дисциплинам. Изучали мы, кроме того, один из иностранных языков, военную администрацию и другие предметы. И весьма активно занимались спортом. Коня я окончательно сменил на мотоцикл. Тем более что на праздничных парадах академия выступала на мотоциклах. На втором курсе даже участвовал в мотопробеге Москва - Харьков - Москва. А во время очередной стажировки получил удостоверение летчика-наблюдателя.

Жил здесь же, в Лефортово. Первый год - в общежитии. На втором году получил комнату в девять квадратных метров и привез семью из Киева. Мать спала на кровати, мы с женой - на полу и родившаяся у нас дочка - в корыте возле нас. Поэтому, когда через год поселились в большей комнате дома, в строительстве которого на территории академии мы сами участвовали, то это уже казалось вершиной комфорта.

Вместе с нами жили и учились в те годы слушатели, ставшие потом видными военачальниками: И. Д. Черняховский, А. А. Епишев, П. П. Полубояров, Г. Н. Орел, конструктор танков Ж. Я. Котин, Г. С. Сидорович и другие...

Погрузившись в воспоминания, я и не заметил, как машина миновала Лефортово и подходила к Кировской...

Жизнь в оперативной группе, как называли первый эшелон Генштаба, отличалась исключительной напряженностью. Понятия дня и ночи у нас полностью стерлись. Круглые сутки приходилось быть на своих рабочих местах. Но так как без сна обойтись все-таки нельзя, то на станцию метрополитена нам подавали для этого поезд. Вначале спали сидя. Потом стали подавать классные железнодорожные вагоны, где мы устраивались с большим удобством.

И. В. Сталин в свой подземный кабинет спускался лишь при объявлении воздушной тревоги. В остальное время он предпочитал находиться в отведенном ему флигельке во дворе занятого под Генштаб большого дома на улице Кирова. Там он работал и принимал доклады.

А бомбежки Москвы все усиливались. Одиночные самолеты противника прорывались к столице не только ночью, но и днем. В ночь на 29 октября фугасная бомба угодила во двор нашего здания. Было уничтожено несколько машин, убито три шофера и

ранено 15 командиров. Некоторые тяжело. Дежурившего по Генштабу подполковника И. И. Ильченко взрывной волной выбросило из помещения. При падении он изуродовал лицо. Остальные пострадали главным образом от осколков оконного стекла и ударов вырванных рам. В числе пострадавших оказался и Александр Михайлович Василевский, но он продолжал работать.

Я в момент взрыва шел по коридору. Когда понял, что случилось, опасность уже миновала. Здание сильно тряхнуло, как при землетрясении (я его испытал в 1927 году в Крыму). Послышался звон стекла. Впереди и позади меня захлопали двери. Те из них, что были на запорах, сорвались с петель. Потом на какое-то мгновение воцарилась тишина, показавшаяся мне особенно глубокой. Затем слух стал различать хлопки зениток и хруст стеклянной крошки под ногами окровавленных людей, выходивших из комнат.

После этого случая мы совсем перебрались в метро. На пять дней лишились горячего питания: наша столовая и кухня были сильно повреждены взрывом. Пока их восстанавливали, пришлось обходиться бутербродами.

Так мы жили, так трудились в самые, пожалуй, критические дни войны, в дни больших огорчений и великих надежд. Горько было оттого, что немецко-фашистские танки и автоматчики достигли уже тех недальних мест, куда перед войной москвичи выезжали на воскресные прогулки. Но нас не оставляла уверенность, что это пиррова победа. Враг идет уже на последнем дыхании, захлебываясь собственной кровью. И все мы надеялись, что именно здесь он будет наконец разбит.

Обстановка отличалась исключительной сложностью, противоречивостью, но собирать данные о ней стало теперь куда проще. По крайней мере на главном направлении. Обычно рано утром несколько офицеров-операторов садились в машины и отправлялись в Перхушково, где разместился штаб Западного фронта, объезжали штабы армий, располагавшиеся на удалении всего 20-30 километров от Москвы. И на рабочей карте начальника Управления все уточнялось до мельчайших подробностей.

6 ноября в Москве, как всегда, проходило торжественное собрание трудящихся. Только не в Большом театре, а на перроне станции метро "Маяковская". Утром 7 ноября состоялся традиционный парад войск на Красной площади. Готовился он в строжайшей тайне. Даже участникам парада не объявлялось заранее, для чего их тренируют. Предположения высказывались разные, но большинство сходилось на том, что это просто "сколачиваются подразделения" перед отправкой на фронт.

Командовал парадом генерал П. А. Артемьев, занимавший в то время пост командующего войсками Московского военного округа и возглавлявший Московскую зону обороны. Оркестром дирижировал капельмейстер оркестра дивизии имени Дзержинского военинтендант 1 ранга В. Л. Агапкин, автор знаменитого марша "Прощание славянки", который с 1912 года волнует сердца людей.

На этом беспримерном в истории параде Верховный Главнокомандующий напутствовал войска словами: "На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии!"

А заканчивалась его речь пожеланием: "Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков - Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!"

Сталин говорил от имени партии, от имени Советского правительства, и эти призывы набатом прозвучали над страной.

Ровно через неделю после того гитлеровцы предприняли новое наступление на Москву. на сей раз главный удар наносился в полосе 30-й армии Калининского и 16-й армии Западного фронтов. Бои затянулись до декабря. Однако враг не достиг сколько-нибудь значительных успехов. Своим правым флангом он продвинулся лишь до Каширы, а левым вышел на канал Москва - Волга в районе Яхромы. В одном месте ему удалось даже форсировать канал, но ненадолго. На рубеже Конаково, Дмитров, Дедовск, Кубинка, Серпухов, Тула, Серебряные Пруды немецко-фашистские войска были окончательно истощены и остановлены. Так провалилось второе наступление гитлеровцев на Москву.

А тем временем тщательно сберегаемые резервы Ставки подтягивались к столице. К северу от нее появились 1-я ударная и 20-я армии, юго-восточнее 10-я, 61-я, а также 1-й гвардейский кавалерийский корпус. Несколько свежих армий тогда же было выдвинуто на другие участки советско-германского фронта, где враг продолжал еще нажимать.

К тому времени наши планы вырисовывались так: сначала было намечено нанести удары по тихвинской и ростовской (на Дону) группировкам противника; после их разгрома, сковав врага на северо-западном и южном направлениях, решено было перейти в контрнаступление на западном направлении - под Москвой. С

12 ноября началось наступление под Тихвином, и к 7 декабря позиции противника там были прорваны. На юге 29 ноября советские войска освободили Ростов. А 5-6 декабря началось контрнаступление наших войск под Москвой.

Противник не ожидал ничего подобного. Как выяснилось позже, он не обнаружил сосредоточения двух новых армий севернее Москвы. И, конечно, заплатил за это чрезвычайно дорого.

Ход и исход нашего победоносного контрнаступления зимой 1941/42 года описан достаточно подробно, и нет нужды еще раз возвращаться к этому. Позволю себе задержать внимание читателя лишь на некоторых, самых общих выводах, которые мы сделали для себя по истечении первого военного полугодия.

Во-первых, Советская Армия устояла против натиска самой сильной армии капиталистического мира.

Во-вторых, она развеяла в прах миф о непобедимости гитлеровцев, делом доказала, что их можно бить и в конечном счете разбить.

В-третьих, мы похоронили надежды Гитлера на молниеносную победу; в ходе войны произошел поворот в нашу пользу; борьба предстояла долгая и изнурительная, в перспективе проигрышная для противника.

В-четвертых, положение нашей страны оставалось пока тяжелым: враг захватил сотни городов, тысячи сел, под пятой оккупантов оказались многие экономически важные районы - Прибалтика, Белоруссия, большая часть Украины и Донбасса; немецкими войсками занят Крым, блокирован Ленинград, осажден Севастополь; потенциальные возможности противника для ведения войны еще очень велики.

В-пятых, наши возможности тоже далеко не исчерпаны. Наоборот, с каждым месяцем они увеличивались: эвакуированная на восток промышленность прочно становилась на ноги, в глубине страны успешно накапливались многочисленные резервы, в тылу врага все шире разворачивалось партизанское движение.

В-шестых, войска наши получили закалку и некоторый боевой опыт, стали действовать организованней и уверенней; налаживалось надежное управление ими.

В-седьмых, отдалилась угроза войны на два фронта. Разгром немцев под Москвой охладил пыл японских милитаристов.

События этого полугодия, особенно битва под Москвой, еще раз наглядно показали, сколь огромна организующая и вдохновляющая сила Коммунистической партии, как умеет она в критические моменты поднимать весь народ на защиту Отечества.

Велик был и международный резонанс подмосковной нашей победы. Она перечеркнула все расчеты гитлеровцев на изоляцию СССР. 1 января 1942 года 25 государств подписали с нами декларацию о сотрудничестве в войне против фашистской

Германии.

А изменилось ли что в самом Генеральном штабе? Да, конечно. Еще в декабре вернулся второй эшелон. На месте его прежней работы остался лишь запасный узел связи с минимальным числом операторов.

Многие опытные генштабисты получили назначения в войска. Начальники отделов В. В. Курасов, П. Н. Кокорев, а затем и М. Н. Шарохин пошли начальниками штабов фронтов и армии. Нас - молодежь - ставили вместо них. Меня, в частности, назначили начальником Ближневосточного отдела.

В работе Оперативного управления и Генштаба в целом установился более четкий ритм. Б. М. Шапошников и А. М. Василевский получили возможность сосредоточиться на крупных вопросах, глубже анализировать обстановку. Ежедневно один-два раза они ездили с докладами в Ставку. Все остальное с успехом выполнялось в отделах. В частности, наш отдел нес основное бремя забот, связанных с пребыванием советских войск в Иране.

Бремя это было отнюдь не легким. В Иране одно время находились три наши армии: 53-я Отдельная Среднеазиатская, 47-я и 44-я. Ввели мы их туда по предложению англичан в конце августа 1941 года на основании договора, заключенного между Ираном и Советской Россией в 1921 году. Договором предусматривалась возможность такой акции в случае возникновения опасности использования иранской территории каким-то другим государством в ущерб интересам СССР. Гитлер же, как известно, делал серьезную ставку на Иран, намереваясь ударить оттуда по советскому Закавказью, а в дальнейшем воспользоваться Ираном как своего рода трамплином для прыжка немецких дивизий с Балкан на Индию. Тут уж затрагивались интересы нашего союзника Великобритании, и она тоже ввела войска в южные районы Ирана. Это прибавило хлопот Генштабу: потребовалась увязка многих вопросов с Наркоматом иностранных дел.

За обстановкой в Иране пристально следил Верховный Главнокомандующий, и на мне лежала обязанность систематически докладывать о ней Б. М. Шапошникову. Борис Михайлович был обаятельным человеком и к таким, как я, молодым тогда полковникам относился с истинно отеческой теплотой. Если что получалось у нас не так, он не бранился, даже не повышал голоса, а лишь спрашивал с укоризной:

- Что же это вы, голубчик?

От такого вопроса мы готовы были провалиться сквозь землю, ошибки свои запоминали надолго и уже никогда не повторяли их.

Как-то я был вызван к Шапошникову далеко за полночь.

Борис Михайлович сидел за столом в белой рубашке, с подтяжками на плечах. Китель висел на стуле.

- Садитесь, голубчик,- пригласил он совсем по-домашнему. Мы относительно быстро покончили с делами, но начальник Генерального штаба не спешил отпускать меня. Настроение у него было в тот раз особенно хорошим, и, просматривая карту, он стал вдруг вспоминать, как сам служил когда-то в Средней Азии. Борис Михайлович на память знал особенности здешних операционных направлений, отлично помнил местность. Я тоже наизусть знал театр. Получилась увлекательная беседа.

В последующем такие беседы возникали у нас неоднократно, и я черпал из них очень много полезного для работы своего отдела и для себя лично.

Глава 3. Гроза на юге

Фронт стабилизируется. Что в перспективе? - Просчеты в прогнозах. События в Крыму. - Мера ответственности. - Наступление под Харьковом. Противоречивые оценки. - Одна беда следует за другой. - "Воевать надо не числом, а умением". - Перехваченный приказ. - На воронежском направлении. Тучи сгущаются. - Новый фронт - Сталинградский.

Новый, 1942 год мы, генштабисты, не праздновали, но на душе у всех - было празднично - радовали успехи наших войск под Москвой. Настроение еще более поднялось 23 февраля: в своем приказе по случаю 24-й годовщины Красной Армии Народный комиссар обороны заявил, что недалек тот день, когда Красная Армия разгромит врага и на всей советской земле снова будут победно реять красные знамена.

К весне, однако, фронт стабилизировался. На 1 апреля он проходил от Ленинграда по реке Волхов, восточное Старой Руссы, огибал с востока район Демянска, далее следовал на Холм, Велиж, Демидов, Белый, образовывая ржевско-вяземский выступ, все еще удерживаемый противником, захватывал Киров, Сухиничи, Белев, подступал к Мценску, оставлял по нашу сторону Новосиль, Тим, Волчанск, создавал выступ в сторону врага в районе Балаклея, Лозовая, Барвенково, отсекал Красный Лиман, Дебальцево, Куйбышево и спускался к югу по реке Миус.

В Генеральном штабе произошла реорганизация. Начальниками направлений назначались лица, командовавшие фронтами и армиями, или но крайней мере начальники штабов объединений. Предполагалось, что эти люди, обладающие авторитетом и опытом, сумеют лучше влиять на события и более оперативно осуществлять связь с действующей армией. Нм предоставлялось право лично докладывать в Ставке. До этого прежние начальники направлений с докладами в Ставку не

ездили.

Вскоре выяснилось, что в результате этой реформы много времени расходуется впустую. Удлинились сроки прохождения данных об обстановке до начальника Генштаба. Раньше мы обычно сами принимали эти данные на телеграфе, тут же наносили их на карту и немедленно шли с докладом к начальнику Генштаба. Теперь появилось промежуточное звено. С телеграфа информацию принимали "замы", то есть бывшие начальники направлений, и докладывали новому начальнику направления. Тот изучал информацию и лишь после этого шел с докладом к начальнику Генштаба. Такая многоступенчатость в работе, естественно, повлекла за собой не повышение, а понижение оперативности. Каких-то особенных выводов и предложений об обстановке, которых ждали, к сожалению, не последовало. В Ставку новые начальники направлений съездили, по-моему, всего один-два раза. Такой порядок существовал недолго. Было признано, что старая система работы лучше, и примерно через месяц мы опять к ней вернулись.

Основная тяжесть руководства Генштабом лежала на плечах Бориса Михайловича Шапошникова. Несмотря на тяжелую болезнь, он успевал выполнять всю необходимую работу в Генштабе и к тому же не малую роль играл в Ставке. Сердце сжималось всякий раз, когда мы видели своего начальника: он непривычно ссутулился, покашливал, но никогда не жаловался. А его умение сохранять выдержку, обходительность просто поражало. Первым помощником Б. М. Шапошникова по должности и значению был начальник нашего Оперативного управления А. М. Василевский, ему под стать: знающий, решительный, доброжелательный.

Реформа в Генштабе нас, рядовых исполнителей, не затронула - мы продолжали денно и нощно нести свою службу. Бесперебойно собирали данные об обстановке, анализировали их, докладывали о своих выводах и предложениях непосредственным начальникам, вели всю расчетную, информационную и другую работу. Война требовала полной отдачи сил и никому не давала ни минуты отдыха. Однако мы были поглощены не одними текущими делами. Каждый генштабист жил не только отзвуком контрнаступления под Москвой, но и ожиданием грядущих перемен. По характеру заданий и множеству сопутствующих им деталей, заметных, быть может, только генштабистам, мы понимали, что "наверху" готовятся к новой кампании.

Самые важные вопросы стратегического планирования обсуждались предварительно в Ставке в узком кругу лиц - И. В. Сталин, Б. М. Шапошников, Г. К. Жуков. А. М. Василевский, Н. Г.

Кузнецов. Обычно сначала намечали принципиальное решение, которое затем рассматривалось Центральным Комитетом партии или Государственным Комитетом Обороны. Только после этого Генеральный штаб начинал детально планировать и готовить кампанию или стратегическую операцию. На этой стадии к стратегическому планированию привлекались командующие фронтами н специалисты - начальник тыла Л. В. Хрулев, командующий артиллерией Красной Армии Н. Н. Воронов, командующий авиацией Л. А. Новиков, командующий бронетанковыми войсками Я. Н. Федоренко и другие.

В начале марта 1942 года Ставка рассмотрела перспективы развития военных операций на летнюю кампанию. Надо сказать, что еще в самом начале года И. В. Сталин приказал подготовить известное всем военачальникам того времени директивное письмо от 10 января 1942 года и сам продиктовал основные его положения. Намерения противника и наши задачи оценивались в этом письме следующим образом: "После того как Красной Армии удалось достаточно измотать немецко-фашистские войска, она перешла в контрнаступление и погнала на запад немецких захватчиков.

Для того чтобы задержать наше продвижение, немцы перешли к обороне и стали строить оборонительные рубежи с окопами, заграждениями, полевыми укреплениями. Немцы рассчитывают задержать таким образом наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти в наступление против Красной Армии. Немцы хотят, следовательно, выиграть время и получить передышку.

Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году".

Теперь, когда весна уже наступила, следовало задать себе вопрос, как оправдались эти положения Ставки. Отвечая на него, в Генштабе не закрывали глаза на действительность, а она свидетельствовала, что положение на фронтах, сложное и неустойчивое, еще далеко от желаемого. Противник, безусловно, понес серьезное поражение под Москвой и в ходе общего наступления советских войск зимой 1942 года. Однако теперь наше наступление затухало - не было для его развития необходимых сил и средств. Враг же отнюдь не был сломлен. Мало того, он стабилизировал линию фронта, а период относительного затишья в боевых действиях использовал. чтобы

пополнить поредевшие войска, вооружение и боевую технику. Конечно, время работало на нас: советское военное хозяйство слаживалось и готовилось давать фронту все необходимое вооружение и боевую технику. Морально-боевые качества советских воинов укрепились, чему немало способствовали победы под Москвой, Тихвином и Ростовом. Люди закалились, накопили боевой опыт:, стали искуснее бить врага. Командиры совершенствовали управление боем. В тылу немецко-фашистских войск разгорелась партизанская борьба.

В Генштабе не сомневались, что гитлеровское командование отлично понимает, чем грозит ему затягивание войны, и постарается не дать возможности СССР полностью наладить работу военного хозяйства, постарается сорвать подготовку наших резервов. Германии, кроме того, необходимо было упрочить международные позиции, втянуть в войну на своей стороне Японию, Турцию, а может быть, и другие страны, сохранить престиж у сателлитов. Предполагалось, что все это, вместе взятое, очевидно, побудит фашистское военное руководство к активным действиям. Как, где, когда и какими силами предпримет враг наступление - было неясно. Однако в Генштабе были убеждены, что наступать одновременно на всем протяжении восточного фронта он уже не сможет: для этого гитлеровская Германия, как полагали, не обладает ни силами, ни средствами. К тому же вермахту дорого обошелся опыт 1941 года, когда его войска рвались вперед на всех направлениях. Этот опыт не мог быть не учтен, и активных операций немецко-фашистских войск следовало ожидать лишь на каком-то одном, особо важном стратегическом направлении.

При оценке значения участков стратегического фронта бросался в глаза прежде всего ржевско-вяземский выступ. Он близко подходил к Москве и был занят войсками самой мощной группы армий противника - "Центр" (свыше 70 дивизий, из них много танковых и моторизованных), полоса действий которой простиралась от Великих Лук до Новосиля. И хотя в тылу этой группы вражеских армий, юго-западнее Вязьмы, героически продолжали сражаться в тяжелейших условиях полного окружения войска генералов П. А. Белова и М. Г. Ефремова, ржевский выступ был как бы вражеским тараном, нацеленным на Москву.

Должен сказать, что советское стратегическое руководство во главе с И. В. Сталиным было убеждено, что рано или поздно враг снова обрушит удар на Москву. Это убеждение Верховного Главнокомандующего основывалось не только на опасности, угрожавшей с ржевского выступа. Поступили данные из-за рубежа

о том, что гитлеровское командование пока не отказалось от своего замысла захватить нашу столицу. И. В. Сталин допускал различные варианты действий противника, но полагал, что во всех случаях целью операций вермахта и общим направлением его наступления будет Москва. Другие члены Ставки, Генеральный штаб и большинство командующих фронтами разделяли такое мнение.

Исходя из этого, считалось, что судьба летней кампании 1942 года, от которой зависел последующий ход войны, будет решаться под Москвой. Следовательно, центральное - московское - направление станет главным, а другие стратегические направления будут на этом этапе войны играть второстепенную роль.

Как выяснилось впоследствии, прогноз Ставки и Генштаба был ошибочным. Гитлеровское командование поставило своим вооруженным силам задачу: на центральном участке фронта - сохранить положение, на севере - взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта - прорваться на Кавказ. Конкретизируя задачу, ставка Гитлера в директиве No 41 от 5 апреля 1942 года указала: "...в первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке (выделено мной.- С. Ш.) с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет".

План этот выражал интересы германских монополий, их стремление овладеть богатейшими промышленными и сырьевыми районами Советской страны, пробраться по суше к Ближнему Востоку. Гитлеровские генералы намеревались прервать наши связи с союзниками через Иран и подтолкнуть Турцию к вступлению в войну на стороне фашистской Германии.

От ошибочного прогноза Ставки относительно главного удара противника логически потянулась нить к недооценке южного направления. Здесь не были размещены резервы Ставки - основное средство влияния стратегического руководства на ход важных операций. Не были и проработаны варианты наших действий на случай резкого изменения обстановки. В свою очередь недооценка роли южного направления повлекла за собой терпимость к промахам командования Юго-Западного и отчасти Южного фронтов.

Тогда же, весной, Ставка рассмотрела соображения относительно действий Советских Вооруженных Сил летом 1942 года. Мнения полностью не совпадали. Все признали, что для решительного наступления наши силы пока не готовы

необходимые резервы еще формировались. Б. М. Шапошников и Г. К. Жуков твердо высказались за временную стратегическую оборону. Они считали, что проводить широкое наступление не следует. Г. К. Жуков сделал оговорку: на центральном направлении, по его мнению, в начале лета следовало провести операцию по разгрому ржевско-вяземской группировки врага и ликвидации опасного ржевского выступа. И. В. Сталин согласился с тем, что до поры до времени нужно обороняться. Однако сказал: надо не сидеть сложа руки, а обороняться самым активным образом. Он потребовал одновременно со стратегической обороной провести ряд частных наступательных операций, чтобы закрепить успехи, достигнутые зимой, улучшить оперативно-стратегическое положение советских войск, сорвать подготовку наступления противника и тем самым удержать в наших руках стратегическую инициативу. Г. К. Жуков не разделял эту точку зрения, считая, что наступательные операции, которые предлагал провести Верховный Главнокомандующий, поглотят наши резервы и подготовка к последующему генеральному наступлению очень осложнится. Поскольку решающее слово принадлежало все-таки Верховному Главнокомандующему, то согласились с ним. Операции наметили в Крыму, под Ленинградом и Демянском, на смоленском и льговско-курском направлениях,

То, что наступательные действия должны были развернуться на большом количестве участков, грозило бедой: наши войска оказывались втянутыми в операции с сомнительным исходом, дробились силы, которых и так было мало. Неблагоприятному повороту событий способствовали к тому же настойчивые предложения Военного совета Юго-Западного направления провести силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов большое наступление под Харьковом, за успех которого командование направления "ручалось головой".

Свои предложения Военный совет Юго-Западного направления формулировал в документе, который назывался "Доклад по обстановке, сложившейся в середине марта на фронтах Юго-Западного направления, и о перспективах боевых действий в весенне-летний период 1942 года". Он был составлен 22 марта от руки в двух экземплярах.

Состояние противника в этом докладе оценивалось так: "Противник доведен активными действиями наших войск до такого состояния, что без притока крупных стратегических резервов и значительного пополнения людьми и материальной частью не способен предпринять операции с решительной целью". Предполагалось, что враг, несмотря на поражение под Москвой,

весной будет вновь стремиться к захвату советской столицы. Его главный удар ожидался из районов Брянска и Орла в обход Москвы с юга и юго-востока для выхода на Волгу в районе Горького, чтобы таким образом изолировать Москву от Поволжья и Урала, а затем взять ее.

На юге командование Юго-Западного направления предполагало вероятным наступление второстепенной, хотя и крупной группировки войск противника с задачей овладеть нижним течением Дона и вторгнуться на Кавказ к источникам нефти. Считался возможным еще один второстепенный удар - от Курска на Воронеж.

В докладе приводились расчеты возможных сил противника в полосе Юго-Западного направления к началу активных действий. Силы эти были очень внушительны: 102 дивизии, из них танковых - 9, моторизованных - 7, СС - 3, более 3100 танков, почти 3000 орудий, около 1000 боевых самолетов.

"Независимо от этого,- говорилось в докладе,- войска Юго-Западного направления в период весенне-летней кампании должны стремиться к достижению основной стратегической цели - разгромить противостоящие силы противника и выйти на средний Днепр (Гомель, Киев, Черкассы) и далее на фронт Черкассы, Первомайск, Николаев" (выделено мной. - С. III.).

Замечу попутно, что это был тот рубеж, который советским войскам удалось достигнуть только осенью 1943 года. Кроме того, нельзя было не обратить внимания на угрожающе большую численность вражеской группировки - 102 дивизии!

Но на бумаге выходило все гладко и с замыслом действий наших войск, хотя командование Юго-Западного направления просило пополнения людьми, вооружением и материальными средствами. И все же его соображения вызвали сомнения в Генштабе и в Ставке.

Генштабу было приказано одновременно с работой над планом весенних и летних операций произвести и необходимые расчеты, касающиеся предложений командования Юго-Западного направления. Расчеты показали, что для проведения операции под Харьковом потребуются большие резервные силы и средства, которыми страна не располагала. О расчетах доложили Верховному Главнокомандующему; тот с ними согласился и лично предложил главкому направления С. К. Тимошенко операций столь значительного масштаба не проводить, а разработать новый план.

Невольно может возникнуть вопрос: разве по концентрации гитлеровских войск нельзя было еще весной сделать вывод о направлении их главного удара на юг? Следовало бы! Но, видимо,

И. В. Сталин считал, что большая часть этой вражеской группировки будет все-таки брошена на Москву. И если операция, предлагаемая С. К. Тимошенко, может сковать силы гитлеровцев, ослабит их натиск на Москву, то почему бы ее не провести?

30 марта новый план был готов и через А. М. Василевского вручен И. В. Сталину. Верховному Главнокомандующему докладывалось: "В соответствии с Вашими личными указаниями нами разработан общий план действий войск Юго-Западного направления на апрель - май месяцы 1942 г.

1. Основная цель действий войск Юго-Западного направления в этот период овладеть г. Харьковом, а затем произвести перегруппировку войск, ударом с северо-востока захватить Днепропетровск и Синельниково и лишить этим противника важнейших переправ через р. Днепр и железнодорожного узла Синельниково.

На остальном протяжении фронта войска Юго-Западного направления прочно обороняют ныне занимаемые рубежи". Наступление предлагалось провести силами одного Юго-Западного фронта, которым также командовал С. К. Тимошенко.

Далее следовал расчет необходимых для захвата Харькова сил и средств, были сформулированы замысел операции, соображения по ее проведению, группировке войск. Наступление предполагалось начать 20 апреля.

Рассмотрев этот план, И. В. Сталин разрешил операцию, на первый взгляд заманчивую, хотя и предупредил тогда С. К. Тимошенко, чтобы на резервы Ставки тот не надеялся. Сомнения же Генерального штаба были "разрешены" приказом: "...считать операцию внутренним делом направления и ни в какие вопросы по ней не вмешиваться".

В соответствии с решением И. В. Сталина на Юго-Западном направлении был разработан еще один "План действий войск Юго-Западного направления на апрель май 1942 г." от 10 апреля 1942 года.

В нем было написано: "Частными целями для фронтов являются: для Юго-Западного фронта - разгром харьковской группировки противника и выход на линию Никитовка, Карловка, Вузовка для обеспечения последующих действий войск Южного фронта в направлении Днепропетровск; для Южного фронта - прочная оборона занимаемых рубежей и прикрытие ростовского, ворошиловградского направлений и района Барвенково, Славянок, Изюм".

Это и был план последующей крайне неудачной для нас операции, о которой речь пойдет несколько позже.

В мае на Северо-Западном фронте нам удалось взять за горло

демянскую группировку противника. Ее загнали с узкий коридор и сужали его день и ночь. Враг ожесточенно сопротивлялся. Операция привлекла наши крупные силы. но противнику все же удалось, хотя и с большими потерями, удержать свои позиции.

Дальнейшие события, менявшие обстановку на советско-германском фронте не в нашу пользу, начались тоже в мае. Я их хорошо помню, так как происходили они главным образом на порученном мне направлении. Прежде всего потерпел тяжелую неудачу Крымский фронт. Он был сформирован в начале 1942 года с целью освобождения Крыма и к маю оборонял Керченский полуостров в самой узкой его части, на так называемых Ак-Монайских позициях. В состав фронта входили 44, 51 и 47-я армии со средствами усиления. Командующим фронтом был генерал-лейтенант Д. Т. Козлов, членом Военного совета - дивизионный комиссар Ф. А. Шаманин, начальником штаба - генерал-майор Ф. И. Толбухин.

Еще в конце января Ставка направила туда в качестве своего представителя Л. З. Мехлиса. Из Генштаба с ним поехал генерал-майор П. П. Вечный. Они должны были помочь командованию фронта подготовить и провести операцию по деблокированию Севастополя. Мехлис, по своему обычаю, вместо того, чтобы помогать, стал перетасовывать руководящие кадры. И прежде всего он заменил начальника штаба фронта Толбухина генерал-майором Вечным.

В феврале - апреле Крымский фронт при поддержке Черноморского флота трижды пытался прорвать вражескую оборону, но успеха не имел и сам вынужден был перейти к обороне. Оперативное построение фронта между тем не отвечало задачам обороны. Группировка войск оставалась наступательной. Левый фланг, примыкавший к Черному морю, оказался слабым. Командующий войсками объяснял это тем, что после некоторого улучшения исходных позиций фронт непременно будет наступать. Но наступление все откладывалось, оборона, вопреки указаниям Генштаба, не укреплялась, Мехлис же лишь препирался с командующим.

А противник готовил наступление. Он намеревался сбросить советские войска с Керченского полуострова и затем обрушиться всеми силами на героически оборонявшийся Севастополь. Безошибочно определив слабое место на приморском фланге нашей 44-й армии, противник нацелил сюда крупные силы танков и авиации, готовил высадку морского десанта. Прорыв здесь нашей обороны с последующим развитием наступления на север и северо-восток позволял врагу выйти в тыл армиям Крымского фронта.

Нам было известно о приготовлениях немцев. Фронтовая разведка точно установила даже день, намеченный ими для перехода к активным действиям. Об этом накануне было сообщено войскам. Однако ни представитель Ставки, ни командующий фронтом не предприняли надлежащих мер, чтобы отразить удар.

8 мая немцы нанесли этот удар, прорвали наши позиции и стали быстро развивать успех. Оборона Крымского фронта, не имевшего резервов в глубине, была дезорганизована, управление войсками потеряно. После двенадцати дней боев в таких условиях, несмотря на героизм войск, Крымский фронт потерпел очень тяжелое поражение. 4 июля 1942 года пал Севастополь, и Крымский полуостров оказался полностью в руках врага. Только подземный гарнизон Аджимушкайских каменоломен продолжал беспримерное в истории войны сопротивление да партизаны сражались в горах.

В анналах истории Великой Отечественной войны сохранились два красноречивых документа. Один из них - телеграмма Л. З. Мехлиса Верховному Главнокомандующему от 8 мая 1942 года: "Теперь не время жаловаться, но я должен доложить, чтобы Ставка знала командующего фронтом. 7 мая, то есть накануне наступления противника, Козлов созвал Военный совет для обсуждения проекта будущей операции по овладению Кой-Асаном. Я порекомендовал отложить этот проект н немедленно дать указания армиям в связи с ожидаемым наступлением противника. В подписанном приказании комфронта в нескольких местах ориентировал, что наступление ожидается 10-15 мая, и предлагал проработать до 10 мая и изучить со всем начсоставом, командирами соединений и штабами план обороны армий. Это делалось тогда, когда вся обстановка истекшего дня показывала, что с утра противник будет наступать. По моему настоянию ошибочная в сроках ориентировка была исправлена. Сопротивлялся также Козлов выдвижению дополнительных сил на участок 44-й армии".

От Верховного Главнокомандующего не укрылась попытка представителя Ставки уйти от ответственности, и в ответ он телеграфировал: "Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте вы - не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неуспехи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования. Вы вместе с командованием отвечаете за то, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым. Если "вся обстановка показывала, что

с утра противник будет наступать", а вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для вас. Значит, вы еще не поняли, что вы посланы на Крымфронт не в качестве Госконтроля, а как ответственный представитель Ставки. Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов. Дела у вас в Крыму несложные, и вы могли бы сами справиться с ними. Если бы вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта и танки не прошли бы. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь, сидя два месяца на Крымфронте".

Насколько мне известно, эта телеграмма Верховного Главнокомандующего была первым документом, определявшим обязанности представителя Ставки и меру его ответственности.

К слову сказать, за поражение Крымфронта Мехлис сразу же был освобожден от должности заместителя Наркома обороны и снижен в воинском звании. Его уже больше никогда не направляли в войска в качестве представителя Ставки.

Генерал Козлов и другие должностные лица, повинные в поражении под Керчью, также были сняты со своих постов и снижены в званиях. Уцелевшие войска трех наших армий с трудом преодолели пролив и оказались на Таманском полуострове. После этого 47-я армия была поставлена здесь в оборону, 51-я, пополнившись, вошла в состав Южного фронта, а 44-ю вывели для укомплектования в район Махачкалы. На базе управления Крымского фронта 20 мая 1942 года был сформирован Северо-Кавказский фронт под командованием С. М. Буденного. В оперативном отношении С. М. Буденному были подчинены весь Черноморский флот и Азовская флотилия. Фронт получил задачу оборонять восточный берег Азовского моря, Керченский пролив и побережье Черного моря до Лазаревской.

Пока продолжались бои на Керченском полуострове, армии Юго-Западного фронта перешли в наступление под Харьковом. Генштаб с большим опасением следил за событиями. Поначалу они развивались успешно, и Верховный Главнокомандующий упрекнул Генштаб в предубежденном подходе к столь удачной операции. Однако вскоре все круто изменилось.

Советские войска продвигались вперед, а немецкое командование тем временем, вопреки нашим прогнозам, начало главную из своих операций, намеченных на 1942 год. Для того чтобы вермахт мог достичь поставленных ему задач, он должен был разгромить наши Юго-Западный и Южный фронты, и в первую очередь ликвидировать барвенковский выступ, откуда

левая ударная группа Юго-Западного фронта наступала на Харьков. Выступ этот расчленял группировку немецко-фашистских сил, нависая над Донбассом.

Разведка наших фронтов проглядела подготовку армейской группы Клейста, который в районе Краматорска сосредоточил одиннадцать дивизий с большим количеством танков. Поэтому удар, предпринятый оттуда с утра 17 мая, был совершенно неожиданным для 9-й армии и всего Южного фронта. Эта армия, перед тем ослабленная в боях местного значения, не смогла отразить натиск. За сутки боя враг продвинулся на 20 километров, причем мощь его удара не убывала, а возрастала - в дело вводились все новые н новые группы танков и мотопехоты. Очень быстро наметилась угроза тылу нашей 57-й армии, находившейся западнее 9-й, и всей ударной группировке Юго-Западного фронта, наступающей на Харьков с юга.

Эти события получили тогда противоречивую оценку. Военный совет Юго-Западного направления большого беспокойства не проявил, хотя и доложил Ставке, что нужно укрепить Южный фронт за счет резервов Верховного Главнокомандования. И. В. Сталин согласился с этим и выделил войска; однако в район боевых действий они могли попасть только на третьи и четвертые сутки. Поскольку обстановка изменилась, главком направления начал, правда неторопливо, готовить контрудар собственными силами, не прекращая наступления на Харьков, которое, но его мнению, развивалось нормально.

В Генеральном штабе, напротив, действия противника вызвали тревогу. Она была вполне обоснованной. Операторы понимали, как трудно сочетать стратегическую оборону с крупными наступательными операциями, тем более что в то время у нас не было достаточно возможностей для такой сложной формы борьбы. Не хватало еще вооружения и боевой техники, формирование и, главное, обучение резервов не успевали за развитием событий и потребностями войны. Складывающаяся обстановка была опасной и для южного направления, где, как уже говорилось, Ставка вообще не имела резервов.

Вечером 17 мая 1942 года А. М. Василевский связался со своим прежним сослуживцем по Генштабу генералом А. Ф. Анисовым - начальником штаба 57-й армии. Тот не скрыл горькой правды и дал понять Александру Михайловичу, что положение на их фронте принимает критический характер. Доклад Анисова глубоко взволновал А. М. Василевского и вместе с тем позволил ему верно оценить развернувшееся наступление противника как прелюдию к действиям весьма крупного масштаба. Гитлеровское

командование намеревалось сначала ликвидировать барвенковский выступ, а затем полностью разгромить советские войска под Харьковом. У Александра Михайловича были и чисто личные причины для волнений: прошла всего неделя с тех пор, как он принял обязанности начальника Генштаба, и его деятельность на этом высоком государственном посту началась, таким образом, при крайне неблагоприятной военной обстановке (Б. М. Шапошников из-за обострения болезни вынужден был перейти на более спокойную работу начальника Высшей военной академии).

Офицеров, занимавшихся в Генштабе ближневосточным и другими смежными направлениями, передали в помощь товарищам, имевшим дело с Юго-Западным и Южным фронтами.

Остановить гитлеровские войска можно было только наличными силами Южного и Юго-Западного фронтов. Требовалось немедленно прекратить наступление на Харьков, чтобы отразить угрозу с юга. А. М. Василевский тотчас же предложил это Верховному Главнокомандующему. И. В. Сталин переговорил по Бодо с Военным советом Юго-Западного направления. Военный совет смотрел на обстановку по-прежнему оптимистично. Он заверил, что в результате нашего контрудара положение на юге скоро нормализуется, и настоял на продолжении наступления.

Но улучшения не наступило. Напротив, дела шли все хуже и хуже. 18 мая обстановка крайне обострилась: выявился танковый клин немецких войск, направленный в спину нашим 6-й и 57-й армиям и группе генерала Л. В. Бобкина. А. М. Василевский снова предложил Верховному Главнокомандующему остановить Харьковскую операцию и повернуть нашу ударную группировку на юг для отпора врагу. Однако и на этот раз И. В. Сталин подошел к телеграфному аппарату и потребовал, чтобы Военный совет Юго-Западного направления дал оценку обстановки. Главнокомандующий С. К. Тимошенко вновь ответил успокоительными заверениями, и наступление продолжалось. Еще сутки драгоценного времени были потеряны.

А обстановка час от часу все обострялась. Надо было немедленно проводить мероприятия, направленные на отражение противника. Во второй половине дня 19 мая угроза окружения наших войск в барвенковском выступе стала очевидной. Лишь тогда С. К. Тимошенко решил прекратить Харьковскую операцию и повернуть силы южной группировки против наступающего врага. Решение запоздало: войска начали выполнять приказ лишь ночью, бесценное время снова было потеряно. Вражеские танки нанесли тяжелое поражение 9-й армии и отбросили ее за

Северский Донец. Затем противник стремительно рванулся на тылы 6-й, 57-й армий и группы генерала Бобкина. Вскоре эти войска попали в окружение.

Опоздание с решением прекратить наступление, отвести наступающие армии Юго-Западного фронта и организовать отпор врагу быстро привело к серьезным последствиям. Из-за перебоев в управлении войсками на барвенковском выступе и утраты планомерности боевых действий 57-ю и 6-ю армии, а также группу генерала Бобкина из окружения вызволить не удалось. Значительная часть этих войск после полуторамесячных героических сражений, дорого обошедшихся врагу, погибла или попала в плен. Командарм 57-й К. II. Подлас, А. Ф. Анисов, Л. В. Бобкин и многие другие генералы и офицеры погибли в бою.

Неблагоприятно сложилась обстановка и на купянском направлении, где 28-я армия генерала Д. И. Рябышева наступала из района Волчанска на Харьков с севера. Первоначальный успех, достигнутый армией, был тоже парализован контрдействиями противника. Армии угрожало окружение, и она отходила, можно сказать, неорганизованно, так как управление войсками было потеряно.

Все это вынудило Юго-Западный и Южный фронты форсированно отойти на рубеж рек Северский Донец и Оскол.

Но и на этом неудачи не кончились. Одна беда следовала за другой. Штаб Юго-Западного фронта не разработал заранее плана действий на случай вынужденного отхода войск. Не были оборудованы промежуточные рубежи обороны. Не существовало обеспеченного силами и средствами плана прикрытия отхода. Все это пришлось срочно импровизировать. Вскоре почувствовались серьезные нарушения в работе тыла: в войсках не хватало боеприпасов и горючего, хотя они были на фронтовых и армейских базах. Их просто не успели подать бойцам. Впоследствии запасы с этих баз своевременно на восток не вывезли, и они достались противнику.

В полосе Южного фронта обстановка сложилась не так тяжело. Потеряв в боях значительные силы, фронт все же сохранил управление войсками, организованность и способность к стойкой обороне. Быстро ощутив это, враг перегруппировался и основной удар стал развивать в полосе Юго-Западного фронта, не останавливая своего натиска ни на один день.

Осложнялось положение и на других участках советско-германского фронта.

В апреле противник начал сжимать в тиски группу войск П. А. Белова и М. Г. Ефремова в районе Вязьмы. Очевидно, он задумал покончить с этими войсками, которые совместно с партизанами

висели на коммуникациях 9-й, 3-й танковой и 4-й немецких армий. С середины апреля группа вела крайне тяжелые бои, прорываясь из окружения. Одна часть войск под командованием генерала П. А. Белова двигалась в район Кирова, указанный командованием Западного направления. Шла она лесами, через партизанские районы; где можно, обходила крупные силы противника, а там, где нельзя было уклониться от его ударов, яростно сражалась.

18 июля 1942 года эта часть войск прорвалась в указанном ей районе в расположение Западного фронта. Вторая часть войск также вышла из окружения и северо-западнее Ярцева соединилась с Калининским фронтом. Однако не вся. Длинная дорога с тяжелыми боями была уже не под силу отважному и мужественному командующему 33-й армией генерал-лейтенанту М. Г. Ефремову и беспредельно утомленным воинам, которых командарм возглавлял. Он запросил разрешения выйти из окружения по кратчайшему, но наиболее опасному пути. Главнокомандующий Западным направлением генерал армии Г. К. Жуков возражал, поскольку риск был слишком велик, но Ставка видела, что выбора нет, и дала свое согласие.

19 апреля 1942 года в бою под деревней Жары Смоленской области М. Г. Ефремов был окружен врагами и тяжело ранен; предпочитая смерть плену, он покончил с собой. Погибли и его товарищи.

До конца июня поредевшие войска Юго-Западного фронта вели под Харьковом тяжелую борьбу: прорывались из окружения, отходили и оборонялись на подступах к реке Оскол. А силы противника продолжали возрастать. Гитлеровское командование сосредоточило на юге нашей страны четыре свои полевые (2, 6, 11 и 17-я) и две танковые (1-я и 4-я) армии. Кроме того, сюда прибыли 2-я венгерская, 8-я итальянская и 3-я румынская армии. Управление немецкими войсками подверглось серьезной реорганизации. Были образованы две группы армий- "А", нацеленная на нижнее течение Дона и отсюда на Кавказ, и "Б", нацеленная на среднее течение Дона и район Сталинграда.

Обстановка все время оставалась крайне напряженной. Противник господствовал в воздухе и наносил массированные авиационные удары по нашим отходящим войскам, не давая им возможности организованно подготовить и занять оборону. Вражеские танки и пехота при мощной поддержке артиллерии и авиации предпринимали частые атаки.

Положение на Юго-Западном фронте вызывало большую озабоченность Ставки и Генерального штаба. Избежавшие окружения войска понесли чувствительные потери и плохо

управлялись. С. К. Тимошенко просил подкрепления, особенно стрелковые дивизии. Верховный Главнокомандующий, понимая положение, дал фронту четыре танковых корпуса - 13, 22, 23 и 24-й,- которые в середине июня прибыли в район боевых действий к западу от Валуйки. В пехоте же Верховный отказал.

- Стрелковых дивизий не можем дать,- говорил он Военному совету Юго-Западного направления при переговорах по прямому проводу 13 июня 1942 года, - так как у нас нет теперь готовых дивизий. Придется обойтись собственными силами, улучшить управление войсками.

Поскольку С. К. Тимошенко не раз ссылался на мощь танковых сил противника, Верховный Главнокомандующий указал:

- Танков у вас больше, чем у противника. Беда в том, что они либо стоят у вас, либо пускаются в бой разрозненно, отдельными бригадами. Ставка предлагает вам сосредоточить действия 22-го танкового корпуса, 23-го танкового корпуса и 13-го танкового корпуса где-либо в одном месте, скажем в районе Великого Бурлука, и ударить по танковым группам противника. Если бы наши танковые корпуса действовали сосредоточенно и большой массой, у вас не было бы той картины, которая создалась.

И. В. Сталин предложил подумать о массировании сил авиации и направил на фронт, чтобы помочь организовать воздушное противодействие врагу, генерала Г. А. Ворожейкина - мастера этого дела. Кроме того, Верховный Главнокомандующий потребовал активизировать действия на Южном фронте.

Главком направления указания принимал к исполнению, но пехоту и вооружение все-таки настойчиво просил. На эти просьбы Верховный Главнокомандующий еще раз, уже письменно, вынужден был ответить: "...у Ставки нет готовых к бою новых дивизий... Наши ресурсы по вооружению ограничены, и учтите, что кроме вашего фронта есть еще у нас другие фронты... Воевать надо не числом, а умением".

В Генштабе дни, наполненные напряженной работой, не шли - бежали.

Все напряженно ждали, что вот-вот начнется активный натиск группы армий "Центр" на Москву. Но время шло, и, кроме акций против вырывавшихся из окружения войск П. А. Белова, не было иного признака намерений противника повторить наступление на советскую столицу. В ночь на 20 июня с Юго-Западного фронта сообщили, что захвачен оперативный план немецкого командования. В Генштабе взволновались: такое случается не часто. Оказалось, самолет противника из-за плохой погоды потерял ориентировку, попал под огонь нашей зенитной

артиллерии и был сбит. Два офицера сгорели, а один - майор - остался жив. Он пытался уничтожить документы и скрыться; наши солдаты настигли его, и в перестрелке он был убит. Так к нам попали карта с нанесенными на нее задачами 40-го танкового корпуса и 4-й танковой армии немцев и много других документов, среди них шифрованные. К шифру быстро удалось найти ключ.

По мнению маршала С. К. Тимошенко, документы позволяли вскрыть замыслы противника на ближайшее время: нанести поражение фланговым армиям Юго-Западного фронта-21-й на севере и 9-й на юге, а затем, наступая против центра фронта, развить успех в направлении Воронежа с рубежа Валуйки, Купянск. А. М. Василевский немедленно доложил об этих документах Верховному Главнокомандующему. Тот заподозрил, что бумаги подсунуты нарочно, чтобы обмануть нас относительно подлинных замыслов немецкого командования, и вызвал по телеграфу командующего фронтом. К аппарату в Валуйках подошли все члены Военного совета. Говорил С. К. Тимошенко. Он твердо заявил, что документы не вызывают сомнений, высказал свои соображения о намерениях противника и доложил о принятых мерах.

И. В. Сталин потребовал держать в секрете то, что мы узнали о планах немецкого командования. "Возможно,- продиктовал он телеграфисту, - что перехваченный приказ вскрывает лишь один уголок оперативного плана противника. Можно полагать, что немцы постараются что-нибудь выкинуть в день годовщины войны и к этой дате приурочивают свои операции". Он утвердил мероприятия фронта, сообщил, что Ставка принимает меры насчет стыка Юго-Западного фронта с Брянским, и сказал, чтобы фронт как можно скорее постарался перебить с воздуха живую силу противника, его танки, узлы связи и авиацию на аэродромах. Здесь следовало упредить врага, самолеты которого были очень активны.

С. К. Тимошенко остался доволен переговорами, но все же под конец попросил: "Было бы хорошо, если бы в районе Короча можно было бы от вас получить одну стрелковую дивизию. Остальное все, изложенное вами, устраивает нас, будем выполнять". И. В. Сталин ответил: "Если бы дивизии продавались на рынке, я бы купил для вас 5-6 дивизий, а их, к сожалению, не продают".

На следующий день, 21 июня 1942 года, Ставка приняла решение о ликвидации Юго-Западного направления. С. К. Тимошенко оставался командующим войсками Юго-Западного фронта. А. М. Василевскому пришлось вылететь на этот фронт,

чтобы на месте точнее разобраться в обстановке.

Прибыл А. М. Василевский в Валуйки как раз вовремя: в 3 часа 22 июня противник начал артиллерийскую подготовку на участках 38-и и 9-й армий, а затем его пехота и танки крупными массами перешли в наступление. Отдельные группы танков, как докладывал фронт, насчитывали по 100-150 машин. В ряде мест наша оборона оказалась прорванной. Чтобы избежать окружения, войска пришлось отвести восточнее, на рубежи по рекам Оскол и Северский Донец.

Как только в Генштабе узнали эти новости, о них доложили Ставке. Верховный Главнокомандующий тотчас же подошел к телеграфу и потребовал от С. К. Тимошенко доклада по обстановке. Затем Сталин пригласил А. М. Василевского дать оценку положения. А. М. Василевский доложил, что враг проводит операцию с расчетом окружить и уничтожить четыре дивизии 38-й армии, которой в это время командовал генерал К. Г. Москаленко. Представитель Ставки подтвердил правильность решения командующего фронтом об отводе соединений. Под Волчанском группировка противника закончила сосредоточение точно в тех районах, которые предусматривались в документах, захваченных на сбитом недавно немецком самолете. Это тоже было очень важно: значит, надо ждать в ближайшие дни решительных действий гитлеровских войск и на других направлениях.

Верховный Главнокомандующий, не заметив каких-либо расхождений в оценке обстановки представителем Ставки и командующим фронтом, санкционировал отход войск на реки Оскол и Северский Донец, но потребовал задержать там противника "при всех условиях". Не прошел он и мимо настораживающего замечания А. М. Василевского о вероятности большого наступления противника и в заключение переговоров коротко заметил: "Хорошо бы завтра или послезавтра выехать Василевскому в Москву". Договорились, что Александр Михайлович вылетит не завтра, а через день - 24 июня.

Последняя декада июня 1942 года была очень важной и для противника. Он заканчивал сосредоточение и развертывание трех мощных ударных группировок: одной - в районе северо-восточнее Курска, другой - северо-восточнее Харькова (ее в Генштабе именовали волчанской) и третьей - в районе Краматорска. Эти-то группировки и должны были захватить Кавказ и овладеть средним и нижним течением Дона н Волги. Для пополнения своих сил только на воронежское направление гитлеровское командование дополнительно перебросило 28 дивизий.

Теперь доподлинно известно, что операция противника,

получившая условное наименование "Синяя", предусматривала разгром советских войск на южном фланге советско-германского фронта в два этапа. Прежде всего предполагалось достичь успеха на воронежском направлении. Для этого предназначались курская и волчанская группировки войск, которые наносили удар по стыку наших Брянского и Юго-Западного фронтов, а стыки, как всем ясно, всегда были самым уязвимым местом оперативно-стратегического фронта.

Достигнув Дона, командование противника планировало повернуть свою 4-ю танковую армию вдоль западного берега реки на юг и отсечь пути отхода основных сил нашего Юго-Западного фронта на восток. К этому времени ударная группировка немецких войск (в нее входила 1-я танковая армия), наступающая из района Краматорска, должна была разгромить наш Южный фронт и через Ростов ворваться на Кавказ. Частью сил одновременно предполагалось через сальские и калмыцкие степи выйти на Нижнюю Волгу. Гитлеровские стратеги готовились таким образом создать гигантское окружение советских войск в крайне неудобном для их обороны обширном районе. А дальше, как говорится, все было уже делом техники: на безводных, выжженных южным солнцем, гладких, как стол, степных просторах стали бы властвовать танковые и авиационные кулаки противника.

К сожалению, из доставленных со сбитого самолета документов немецкого командования все еще не было ясно, где именно будет нанесен главный удар. Группировка немецко-фашистских войск на подступах к Москве держалась пока пассивно. Это, однако, вовсе не значило, что она и впредь будет вести себя так же, особенно если немцы ворвутся в Воронеж, откуда можно было бы начать обходный маневр и отрезать Москву от юга и востока страны. Верховный Главнокомандующий и Генеральный штаб по-прежнему считали, что Москва - главная цель планов противника.

Генеральный штаб кроме обычных данных об обстановке на фронтах особенно тщательно готовил ежедневные справки о состоянии резервных сил, в первую очередь армейских объединений. Поскольку резервные армии формировались в районах, обеспечивающих быстрое сосредоточение этих сил под Москвой, Воронежем и на среднем течении Дона, Ставка не предпринимала их перегруппировок.

...28 июня с Брянского фронта, которым тогда командовал генерал Ф. И. Голиков, доложили, что враг нанес мощный удар на воронежском направлении. Через день начался сильный натиск на Юго-Западный фронт - наступала 6-я немецкая армия с

большим количеством танков. Удары отразить не удалось. Оборона 40-й армии М. А. Парсегова на Брянском, 21-й В. Н. Гордова и 28-й генерала Д. И. Рябышева на Юго-Западном фронтах оказалась прорванной. Танки и мотопехота противника рвались через Касторное на Воронеж с запада и через Волоконовку на Коротояк - с юго-запада. Наносились также сильные авиационные удары с воздуха.

После прорыва крупных танковых сил противника в полосе Юго-Западного фронта, где они преодолели реку Оскол у Чернянки, на стыке с Брянским фронтом образовался опасный танковый кулак, который мог ударить в тыл и тому и другому фронту.

В то же время и в полосе Брянского фронта сильная танковая группировка противника вышла в район Горшечное (100 километров севернее Чернянки). В случае поворота этой группировки на юг, навстречу находящимся у Чернянки немецким войскам, части наших 40-й и 21-й армий попали бы в окружение к западу от Оскола. Помимо того, враг продолжал сохранять свободу маневра с целью отсечения путей отхода на восток главных сил обоих наших фронтов.

Генеральный штаб быстро определил угрозу, возникшую на стыке двух фронтов. Прежде всех забеспокоился Н. Ф. Ватутин, который в это время исполнял обязанности начальника Оперативного управления Генштаба. Николай Федорович знал, что общее соотношение сил на юге - в полосах действий групп армий "А" и "Б" -отнюдь не в нашу пользу. У противника на 1 июля 1942 года было 900 тысяч солдат и офицеров, более 1200 танков, свыше 17 тысяч орудий и минометов, 1640 боевых самолетов. Брянский, Юго-Западный и Южный фронты могли противопоставить 655 тысяч человек, 740 танков, 14200 орудий и минометов, около 1000 боевых самолетов. Таким образом, наши войска уступали врагу в численности. К тому же тот держал в руках оперативно-стратегическую инициативу. В данных обстоятельствах это было чрезвычайно большое преимущество, обеспечивающее гитлеровскому командованию свободу выбора направления удара и возможность создавать решительное превосходство сил и средств на этом направлении.

Понимая, насколько сложно маневрировать наличными силами наших фронтов в создавшихся условиях, Н. Ф. Ватутин немедленно доложил И. В. Сталину об угрожающей обстановке. Верховный Главнокомандующий приказал вне всякой очереди передать следующую телеграмму: "Командующему Юго-Западным фронтом товарищу Тимошенко.

На Вашем фронте противник прорвался через р. Оскол и

накапливает силы на восточном берегу реки в тылу Юго-Западного фронта. Это создает смертельную опасность как для Юго-Западного, так и для Брянского фронта.

Прошу Вас принять все необходимые срочные меры для ликвидации этого прорыва. Жду Ваших сообщений о принятых мерах.

И. Сталин.

2 июля 42. 16.05".

Противник, однако, не стал окружать советские войска западнее Оскола, а, выполняя оперативный план своей ставки, стремительно развивал наступление на Воронеж.

И. В. Сталин тогда с особым вниманием присматривался к району Воронежа. Возможно, он предполагал, что, прорвавшись сюда, немецкие войска форсируют Дон и начнут обходное движение в тыл Москвы. Стремясь упрочить положение на воронежском направлении, Ставка приказала выдвинуть на левый берег Дона три армии - 3, 6 и 5-ю резервные, которые были затем переименованы соответственно в 60, 6 и 63-ю армии. Они заняли оборону от Задонска до Клетской. Одновременно Брянскому фронту передавалась и только что сформированная 5-я танковая армия опытного и храброго генерала А. И. Лизюкова для контрудара но северному флангу противника, наступающего на Воронеж. Советское стратегическое руководство и Генеральный штаб полагали, что если начать контрудар без промедления, то эта армия совместно с 17-м танковым корпусом фронта сумеет изменить обстановку в нашу пользу. Кроме того, фронту передавался 18-й танковый корпус.

В Генеральном штабе с большим нетерпением ждали известий о начале контрудара. А их не поступало. Командующий фронтом задачу танкам не поставил и в течение всего дня 3 июля 1942 года. Это обстоятельство настораживало, и И. В. Сталин приказал А. М. Василевскому вылететь 4 июля на Брянский фронт и помочь быстро организовать отпор противнику под Воронежем.

Контрудар Брянского фронта начался только утром 6 июля. Единого мощного натиска войск не получилось - корпуса и бригады действовали разрозненно, и танкам противника в тот же день удалось ворваться в западную часть Воронежа. Правда, немецкое командование было вынуждено развернуть против 5-й танковой армии часть своих сил. Противника разгромить не удалось, но и восточную часть Воронежа ему не отдали. Линия фронта здесь установилась прочно.

Что же касается Юго-Западного фронта, то там на оборонительный рубеж, построенный в тылу, Ставка спешно вывела части пяти укрепрайонов. Но оборона, не обеспеченная в

должной мере полевыми войсками, в северной части рубежа была преодолена врагом. Основные силы Юго-Западного фронта продолжали отходить.

В те трудные дни нашего отступления на юге не радовали и вести из Крыма. 30 июня утром командование Северо-Кавказского фронта - С. М. Буденный, Г. Ф. Захаров и И. С. Исаков - сообщило, что руководители обороны Севастополя доложили о критической обстановке в городе: враг ворвался с севера на Корабельную сторону. В переданном в Ставку докладе севастопольцев прямо говорилось: "Боевые действия принимают характер уличных боев... Противник резко увеличил нажим авиацией, танками; учитывая резкое снижение нашей боевой мощи, надо считать, в таком положении мы продержимся максимум два-три дня". Военный совет фронта просил разрешить эвакуацию войск и населения, продолжая сопротивление врагу до конца.

Ставка утвердила эти предложения, и эвакуация началась. Но защитники города-героя продолжали сражаться в отдельных районах до 9-12 июля. Часть бойцов перешла на партизанские методы борьбы в горах. Героическая оборона Севастополя завершилась. Его защитники надолго приковали целую армию гитлеровского вермахта, не дали врагу использовать отличную базу флота на Черном море, постоянно угрожая его флангу и тылу на юге. Тем самым они решили большую оперативно-стратегическую задачу. "Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной Армии и советского народа", - писал 13 июня 1942 года И. В. Сталин в своем приветствии воинам осажденного города. В летописи героизма, проявленного в Великой Отечественной войне, появилась новая страница о подвиге города-героя Севастополя.

...Горький запах горящих хлебов, перегретого железа и крови стоял над родными мне полями Дона. Высоко в небо вздымались тучи дыма и пыли на трудных дорогах нашего отступления... Танки и моторизованные части немецких войск были уже в Воронеже, а пехота длинными, гадючьего цвета колоннами ползла и ползла с запада. Под ударами танков и пехоты, под бомбежкой вражеской авиации, с непрерывными тяжелыми боями отходили на восток наши воины.

Теперь недалеко от военных дорог лежала моя родина - станица Урюпинская. Представлял себе, как в эти тяжкие дни лета 1942 года горемычные солдатки выходили там на баз и, загородив глаза от солнечных лучей ладонью, с тревогой всматривались в даль, вслушивались в гул битвы на западе...

Противник, достигнув Воронежа и о сбив наш контрудар, должен был повернуть на юг 4-ю танковую армию. Осуществить

маневр достаточно быстро ему, однако, не удалось, поскольку советские войска связали эту армию своими оборонительными действиями. Наши настойчивые контратаки сорвали все сроки, намеченные гитлеровским командованием. Таким образом, на воронежском направлении героизм воинов, заставивших врага промедлить с наступлением, помог войскам Юго-Западного фронта избежать еще большей беды. Только через несколько дней, прикрываясь с востока Доном, танки противника достигли района Россоши. Отчетливо обозначился замысел немецкого командования - окружить главные силы Юго-Западного фронта в большой излучине Дона.

Вскоре Ставка разделила Брянский фронт на два - Брянский и Воронежский. Это значительно улучшило управление войсками, тем более что командующим Брянским фронтом был назначен генерал К. К. Рокоссовский, а Воронежским генерал Н. Ф. Ватутин - выдающиеся советские полководцы. Они активизировали действия войск, и положение на этих фронтах стабилизировалось.

Особую важность в этой до чрезвычайности напряженной обстановке приобретала организованность отхода войск Юго-Западного фронта, твердость и гибкость управления ими. Противник превосходил наши войска в подвижности и маневренности, ему удавалось вклиниваться в наши боевые порядки, окружать отдельные части и соединения. А управление войсками оставляло желать много лучшего. Чтобы укрепить руководство Юго-Западного фронта, Верховный Главнокомандующий приказал направить туда начальником штаба опытного и обстрелянного штабиста генерала Павла Ивановича Бодина. Нового начальника штаба, однако, не пожаловали своим вниманием ни командующий, ни член Военного совета фронта, хотя Бодин хорошо знал свое дело и во многом способствовал улучшению управления войсками фронта. Несогласие не шло на пользу делу, тем более что положение на южном фланге советско-германского фронта становилось все более угрожающим. 6 июля 1942 года командующий Юго-Западным фронтом и член Военного совета, не предупредив начальника штаба, выехали на ВПУ вспомогательный пункт управления - в Гороховке. ВПУ этот был плохо обеспечен средствами связи, там не было ни одного оперативного работника. Непонятный отъезд командующего фронтом резко ослабил его влияние на ход боевых действии. П. И. Бодин был вынужден спешно направить в Гороховку средства связи и офицеров-операторов.

В самый напряженный момент отступления с Юго-Западного фронта в Генштаб перестали поступать доклады об обстановке -

их не было целые сутки. А враг наступал уже под Россошью, где наши войска пытались организовать оборону по южному берегу реки Черная Калитва. Операторы Генштаба сбились с ног, стремясь узнать, удалось ли остановить противника. Если нет и он форсирует реку, то возможен его прорыв на Кантемировку, и тогда обход главных сил нашего Юго-Западного фронта с востока станет фактом со всеми вытекающими последствиями.

Естественно, что такая неопределенность крайне нервировала стратегическое руководство. Вернувшийся с фронта А. М. Василевский выслушал раздраженные замечания Верховного Главнокомандующего, который требовал от Генерального штаба ясности о положении на фронтах, хотя мы и сами понимали, что оно грозит стать чрезвычайно тяжелым.

С уходом Н. Ф. Ватутина временное исполнение обязанностей начальника Оперативного управления Генштаба было возложено на генерал-майора П. Г. Тихомирова. Он буквально не отходил от аппарата Бодо, "выколачивая" у Бодина данные об обстановке. "Примите все меры, чтобы скорее выяснить обстановку на вашем правом фланге, - телеграфировал он Бодину утром 8 июля. - Это сейчас один из основных вопросов, о котором беспокоится Ставка. И по этому вопросу больше всего с вами хотел говорить тов. Василевский. Когда надеетесь восстановить связь с ВПУ?"

Бодин отвечал сдержанно: "Как только я добьюсь связи с ВПУ по проводу и выясню положение на р. Черная Калитва, я немедленно донесу вам... Перешел на посылку офицеров связи на самолетах и машинами во все места, откуда мне нужны данные".

Советское Верховное Главнокомандование прилагало огромные усилия, чтобы решительно поправить положение на Юго-Западном фронте. Там стояли две неотложные задачи. Во-первых, надо было любой ценой создать прочную оборону на правом фланге и остановить противника, не дать ему прорваться на Кантемировку. Это можно и нужно было сделать за счет собственных сил фронта, поскольку от вражеских ударов пострадали в основном две правофланговые армии - 21-я и 28-я, а остальные отводились более или менее планомерно. Во-вторых, требовалось особенно прочно обеспечить стык Юго-Западного и Южного фронтов, так как их фланги расходились в районе Миллерово и враг мог использовать брешь для охватывающего маневра. Над этими задачами и работали в Генштабе направленцы Юго-Западного и Южного фронтов.

А. М. Василевский буквально разрывался между Ставкой и Генеральным штабом. Его энергия была поистине неисчерпаема. Он требовал, советовал, передавал личные распоряжения Верховного Главнокомандующего. 8 июля вечером он сообщил на

фронт, что И. В. Сталин учел просьбы Военного совета Юго-Западного фронта и санкционировал назначение генерала Д. Н. Никишева командующим 57-й армией. Затем Александр Михайлович продиктовал: "В то же время товарищ Сталин приказал передать. что "укрепление в настоящий момент правого фланга фронта с тем, чтобы во что бы то ни стало приостановить дальнейшее продвижение противника на юг - чем создается исключительная угроза не только армиям Юго-Западного фронта, но и Южному фронту в целом, - является основной задачей Военного совета фронта". Если это сделано не будет, то Ставка вынуждена будет принять самые решительные меры, вплоть до предания суду".

Решительный тон Верховного Главнокомандующего ничего хорошего не предвещал, но положение на фронте не улучшалось. Утром 9 июля А. М. Василевский снова связался по телеграфу с П. И. Бодиным. Новости были неутешительны. Танки и пехота противника прорвались между Россошью и Ольховаткой, форсировали Черную Калитву и устремились на юг.

П. И. Бодин докладывал обстановку в Генштаб уже с нового командного пункта, размещенного в Калаче. Маршал С. К. Тимошенко по-прежнему находился на вспомогательном пункте управления в Гороховке - в четырех с половиной часах езды на автомашине от Калача. Бодин даже пожаловался: "Всю сложность обстановки, какая назрела у нас, передать маршалу шифром по радио или с офицером связи не удается и невозможно. Доложил свои соображения тов. Хрущеву. Мы пришли к выводу о необходимости приезда маршала на основной КП. Ответа не получили, но через лиц, прибывших от маршала, узнали, что с приездом на основной КП он не торопится. Его отсутствие не позволяет проводить все неотложные мероприятия по проведению решения в жизнь с должной быстротой и решительностью... Время идет, обстановка будет усложняться, и хотя все мероприятия уже проводятся, но без доклада маршалу. У меня есть определенные опасения, что это дело добром не кончится. Считаю необходимым со стороны Ставки дать нужные указания".

А. М. Василевский, уточнив вопрос о стыке Юго-Западного и Южного фронтов, еще раз вернулся к указаниям Ставки: "...Я их передавал вчера, повторил сегодня... и вновь повторяю, что Ставка категорически требует принятия самых решительных мер к усилению вашего правого фланга, чего, к сожалению, оказывается, до сих пор еще не сделано. Какие еще указания Ставки вам нужны?"

П. И. Бодин заверил, что все распоряжения о перегруппировках войск в связи с новой обстановкой уже отданы.

Затем он еще раз сказал, что будет "для пользы дела более удобным управлять фронтом в сложившихся условиях с основного КП, отказавшись от ВПУ. По этому вопросу прошу указаний командования командованию фронта". "Товарищ Бодин! - ответил Василевский. - Если это необходимо, можете передать командующему фронтом, что Ставка считает - в целях удобства управления командующему фронтом лучше быть на основном КП".

П. И. Бодин не замедлил передать командующему рекомендацию Ставки. Это помогло, и маршал перебрался в Калач. Только теперь командование фронта собралось на командном пункте, откуда было удобно управлять войсками в соответствии с развитием обстановки.

В полдень 9 июля И. В. Сталин лично связался с командующим по телеграфу и потребовал доложить обстановку на правом фланге фронта, соображения о плане действий и предложения о возможной помощи со стороны Южного фронта. С. К. Тимошенко доложил обстановку и сделал следующий вывод: "Из всего наблюдаемого войсковой разведкой и по данным авиации противник все свои танковые силы и мотопехоту устремляет на юго-восток, преследуя, очевидно, цель захлестнуть удерживающие рубеж обороны 28-ю и 38-ю армии, и тем самым грозит выводом своей группировки на глубокие тылы Юго-Западного и Южного фронтов". Командующий признал, таким образом, что над советскими войсками нависла огромная опасность. Он полагал, что за счет собственных возможностей фронт в состоянии только временно сдержать противника на направлении Кантемировка, Миллерово, но решительного отпора дать не сумеет, и просил дополнительные войска, особенно авиацию.

Серьезно обострилась обстановка и на Южном фронте. Гитлеровское командование нанесло мощный удар по правофланговым 37-й и 12-й армиям. Наступала лавина танков и мотопехоты 1-й танковой армии генерал-полковника Клейста, в состав которой кроме двух армейских входили три танковых корпуса, С воздуха их поддерживала сильная авиация.

Вскоре выявилось, что свои основные усилия противник направил в стык наших Юго-Западного и Южного фронтов и в обход с севера густонаселенных промышленных районов Донбасса, неудобных для танковых действий. Теперь замысел гитлеровского командования раскрылся в полном объеме: оно предполагало не только выйти на тылы Юго-Западного и Южного фронтов, но и рассечь наши войска, чтобы затем по частям уничтожить их.

Замысел врага был понятен, однако Южный фронт не располагал свободными силами, чтобы ему противодействовать или по крайней мере задержать продвижение неприятельских танков и мотопехоты. Генерал Р. Я. Малиновский, который командовал Южным фронтом, первоначально решил было остановить немецко-фашистские войска на рубеже Миллерово, Петропавловка, Черкасское. Но от этого решения пришлось почти сразу отказаться, поскольку более маневренные части противника опережали нас в выходе на этот рубеж. Южному фронту пришлось загибать северный фланг на восток, чтобы не дать врагу охватить этот фланг и прорваться в тыл.

Командующий просил Ставку помочь отвлекающими ударами со стороны Юго-Западного фронта и выделить дополнительно танки и авиацию, "чтобы раз и навсегда отбить охоту противнику двигаться между Доном и Донцом на мои глубокие тылы в общем стремлении на Сталинград".

Генеральному штабу стали ясны общее направление развития операций и стратегические намерения гитлеровского командования на южном фланге советско-германского фронта. Враг стремился выйти к Сталинграду и на Северный Кавказ и отсечь все наши войска на юге - эти районы становились теперь центром вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Причем быстро изменить развитие событий в нашу пользу было не так-то просто.

По мнению Генштаба, целесообразно было все наши силы, которые действовали от Лиски до устья Дона, свести в один фронт и подчинить его Р. Я. Малиновскому. Конечно, фронт занимал огромное пространство, но здесь был опытный, хорошо работающий штаб во главе с генералом А. И. Антоновым, и он, без сомнения, мог успешно управлять войсками.

О соображениях Генштаба А. М. Василевский доложил Верховному Главнокомандующему. Оказалось, что И. В. Сталин думает так же. И когда Р. Я. Малиновский во время переговоров упомянул о Сталинграде, Верховный Главнокомандующий продиктовал ему: "В нынешней обстановке немцы имеют главную задачу выйти на Сталинград, перерезать единственную оставшуюся железнодорожную линию Сталинград - Тихорецкая, связывающую север с югом, разрезать таким образом весь советский фронт надвое и прервать связь между севером и тремя южными фронтами, а именно: Юго-Западным, Южным и Северо-Кавказским. Это теперь самая большая опасность (выделено мной,- С. Ш.). Юго-Западный фронт не в состоянии отразить продвижение противника главным образом потому, что руководство фронта лишено связи с частями в несколько

дезорганизовано. Оно не связано с 9-й армией и не управляет ею. 21-я армия ушла за Дон и приводит себя в порядок. Осталось во фронте две армии: 28-я и 38-я и группа Никишева, с которыми фронт не имеет регулярной связи. Так дальше продолжаться не может. Мы считаем своевременным армии Южного фронта и армии Юго-Западного фронта... объединить в Южный фронт под Вашим командованием с общей протяженностью линии фронта от Ростова до Дона в районе Вешенская. Что касается Юго-Западного фронта, то есть его штаба и аппарата, то мы думаем весь этот аппарат переместить в Сталинград с подчинением ему 5-й резервной армии, 7-й резервной армии - она стоит в Сталинграде - и 1-й резервной армии, которая скоро прибудет в Сталинград, с тем чтобы все эти три армии вместе с 21-й армией составили Сталинградский фронт с задачей не допустить противника до Дона в районе Сталинграда".

Вслед за этим А. М. Василевский передал Р. Я. Малиновскому директиву Ставки No 170495, где задача Сталинградского фронта, соседнего с Южным, была сформулирована так: "...прочно занять Сталинградский рубеж западнее р. Дон и ни при каких условиях не допустить прорыва противника восточнее этого рубежа в сторону Сталинграда". Директива эта была передана в 2 часа 45 минут 12 июля 1942 года.

Дали директиву и Юго-Западному фронту. В преамбуле ее замысел противника был разъяснен так же, как Верховный Главнокомандующий разъяснил его Р. Я. Малиновскому, но указывалось: "...Ставка обращает особое внимание на то, чтобы не допустить прорыва противника к Сталинграду".

Так был создан Сталинградский фронт. В его состав входили три резервные армии, о которых уже говорилось, и 21-я армия. В последующем к ним прибавились 28, 38 и 57-я армии, 8-я воздушная армия и Волжская военная флотилия. С 23 июля вместо С. К. Тимошенко фронтом стал командовать генерал В. Н. Гордов, членом Военного совета был Н. С. Хрущев, начальником штаба остался генерал П. И. Бодин.

Мне теперь приходилось с утроенным вниманием следить за развитием обстановки: операции вот-вот могли перекинуться на Кавказ. Начальник Генштаба обратил внимание Верховного Главнокомандующего на то, что противник может появиться на Северном Кавказе и минуя район Ростова: форсирует Дон где-то под Верхне-Курмоярской или чуть западнее. И. В. Сталин приказал оборону левого берега Дона от этой станицы до устья возложить на Северо-Кавказский фронт. Однако войска фронта ослабили, срочно передав на более опасное сталинградское направление Орджоникидзевское и Житомирское пехотное и

Краснодарское пулеметно-минометное военные училища. На северокавказцев легли также многие другие задачи, обусловленные отходом войск Сталинградского фронта. В Генштабе на случай возникновения чрезвычайных обстоятельств рассчитали силы, которые можно было бы привлечь для обороны Кавказа, изучали вероятные варианты выдвижения и выгодные рубежи развертывания войск, мобилизационные возможности района и вообще все, что относилось к организации отпора врагу на Кавказе.

События продолжали развиваться неблагоприятно для нас. Вскоре главные силы 4-й немецкой танковой армии обошли с востока части наших 38-й и 9-й армий. Противник выдвинулся через Морозовскую до переправ через Дон у Цимлянской, где встретил противодействие слабо укомплектованных войск нашей 51-й армии. Одновременно танки противника с мотопехотой совершили рывок с севера на Лихую, Шахты и Новочеркасск, отрезая основные силы Южного фронта в Донбассе. Обстановка на этом фронте становилась все тяжелее, и 16 июля А. М. Василевский по указанию Ставки информировал командующего Северо-Кавказским фронтом, что "Южный фронт в ближайшие дни начинает отход с занимаемого фронта на рубеж южного берега р. Дон от Верхне-Курмоярская и далее по Ростовскому укрепрайону". Ответственность за удержание рубежа реки Дон оставлялась за Северо-Кавказским фронтом.

А гитлеровское командование между тем продолжало мощный нажим крупных масс танков и пехоты 6-й немецкой армии генерала Паулюса против 62-й армии Сталинградского фронта{2} в большой излучине Дона к западу от Калача. Противник замышлял охватить оба фланга 62-й армии, окружить ее и уничтожить западнее Дона. Если бы этот замысел удался, враг расчистил бы себе дорогу и был бы у ворот Сталинграда, перерезал бы его железнодорожное сообщение с севером. Перед советским стратегическим руководством сразу вставало множество проблем: остановить противника на дальних подступах к Сталинграду, дать ему отпор на Нижнем Дону, отвести из-под удара армии Южного фронта, закрыть для него пути на Кавказ.

Начинались Сталинградская эпопея и героическая оборона Кавказа.

Глава 4. Накануне Сталинградской битвы

Где ждать главный удар противника? - Положение на Среднем Дону обостряется. - Верховный Главнокомандующий предупреждает: опасность на правом фланге фронта. - А. М. Василевский в войсках. - Приказ "Ни шагу назад!". Гитлеровские

стратеги раздваивают силы. - Проект директивы о причинах поражения на юге не проходит. - Офицер Генштаба докладывает о положении в Сталинграде. - Ставка и Генеральный штаб анализируют обстановку. - "Нужно искать иное решение". - Как рождалась идея разгрома противника под Сталинградом. - Замысел операции.

Июль в 1942 году выдался знойный, сухой. Казалось, металл и камень плавятся под палящим солнцем. Нестерпимая жара стояла повсюду, но в оперативных сводках фронтов о ней сообщалось по-деловому коротко. Ведь главное-то было не в погоде. События на советско-германском фронте развивались по-прежнему неблагоприятно для нас. На юге враг рвался вперед. Следовало найти способы сорвать планы врага и разгромить его войска. Кабинеты нашей и гитлеровской ставок были тоже своего рода полем сражения, где противоборствовали умы стратегов. Многое зависело не только от количества и качества сил и средств каждой стороны, но и от того, какой из них удастся найти лучшие способы и формы вооруженной борьбы, которые в конечном счете смогут создать перелом в ходе войны. Это понимали все советские генштабисты и трудились самоотверженно, на пределе человеческих возможностей.

Верховный Главнокомандующий не сомневался, что основная задача вермахта оставалась прежней - захват Москвы. С учетом этого и Генштаб в июле 1942 года анализировал общую оперативно-стратегическую обстановку и события на южном фланге советско-германского фронта. Надо было решить, какое из двух направлений - на Кавказ или на Сталинград - главное. От этого решения зависели распределение войск и материальных средств, использование стратегических резервов, формы взаимодействия фронтов, характер подготовительных мероприятий и многое другое.

В Генштабе учитывали, что кавказское направление связано для противника с необходимостью преодолеть мощную горную преграду с относительно слабо развитой сетью удобных дорог. Прорыв нашей обороны в горах требовал больших наличных сил, а в будущем значительного пополнения войск людьми и техникой. Основное ударное средство противника - многочисленные танки могли разгуляться только на полях Кубани, а в горных условиях они теряли значительную долю своих боевых возможностей. Положение гитлеровских войск на Кавказе серьезно осложнилось бы и тем, что их флангу и тылу при благоприятных условиях мог угрожать наш Сталинградский фронт и войска, сосредоточенные в районе южнее Воронежа.

В целом Генштаб считал маловероятным, что свои главные

операции гитлеровские войска развернут на Кавказе. По оценкам генштабистов, более перспективным для противника было сталинградское направление. Здесь местность благоприятствовала ведению широких боевых действий всеми видами войск и до самой Волги не было крупных водных преград, кроме Дона. С выходом противника на Волгу положение советских фронтов стало бы весьма сложным, а страна оказалась бы отрезанной от источников нефти на Кавказе. Нарушились бы и линии, по которым союзники снабжали нас через Иран.

А. М. Василевский, непосредственно работавший над анализом обстановки на фронтах в тесном содружестве с операторами, разведчиками и другими генштабистами, доложил обо всех этих соображениях Верховному Главнокомандующему. Тот рассмотрел их с позиций угрозы Москве и согласился, что сталинградское направление следует признать главным.

Однако, как стало известно позже, немецко-фашистские стратеги главным направлением своих усилий считали Кавказ. Они планировали быстро ворваться сперва на Северный Кавказ, чтобы сильным танковым охватом захлестнуть и отрезать Южный фронт на Нижнем Дону, в районе южнее и юго-восточнее Ростова. По их расчетам, пока пехота будет уничтожать попавшие в петлю советские войска, подвижные силы вермахта стремительно ворвутся в предгорья Кавказа и устремятся по основным горным проходам к Черноморскому побережью, Баку и в Закавказье. Помогать им со стороны Керченского пролива станут переправленные из Крыма соединения 11-й армии. Предполагалось, что на труднодоступных путях через Главный Кавказский хребет успех обеспечат специально обученные горные соединения. А за Кавказом... За Кавказом гитлеровцам уже рисовались заманчивые перспективы успешного похода на Ближний Восток, для соединения с Роммелем, и в Индию.

Для выхода на Северный Кавказ и глубокого охвата Южного фронта противник предназначал главные силы группы армий "А", в том числе 1-ю танковую армию, много авиации и мотопехоты. 22 июля в районе Но-вочеркасска и Ростова враг пытался рассечь оборону 56-й армии и других войск нашего Южного фронта, опередить их с переправой через Дон и, непосредственно охватывая с востока, окружить и уничтожить. На большом участке фронта от Цимлянской (уже захваченной противником) до Ростова создавалось выгодное исходное положение для вступления гитлеровской армии на Кавказ.

Одновременно с походом на Кавказ ставка Гитлера планировала широкое наступление на Среднем Дону и Нижней Волге. На сталинградском направлении группа армий "Б", в состав

которой входила 6-я немецкая армия, при поддержке большого количества танков 4-й танковой армии и авиации, а также войск сателлитов должна была оборудовать оборонительные позиции на реке Дон и в то же время нанести удар по Сталинграду, разгромить советские войска, захватить город и нарушить наши перевозки по Волге.

Задача была как бы комплексной: с одной стороны - подготовить оборонительные позиции, вероятно обеспечивающие фланг и тыл гитлеровских войск на кавказском направлении, с другой - захватить Сталинград.

Для того чтобы выполнить ее, немецкое командование намеревалось сначала окружить и вырвать из общего построения советских войск 62-ю армию. Это привело бы к возникновению широкой бреши в обороне Сталинградского фронта и позволило бы противнику выйти к Волге севернее Сталинграда. Одновременно подготавливался такой же прорыв южнее Сталинграда. В совокупности эти удары создали бы противнику благоприятные условия для еще большего окружения советских войск. Ведь в случае его прорывов к Волге все наши силы на этом направлении оказались бы под угрозой выхода им в тыл с севера и юга вражеских войск. Гитлеровцы ожидали поистине грандиозных последствий, поскольку советские войска были бы уничтожены и вся Нижняя Волга оказалась бы в их руках. Таковы были планы немецко-фашистского стратегического руководства.

Забегая вперед, напомню, что события на юге нашей страны пошли не так, как того хотел враг. Сказалась самоуверенность военной элиты, толпившейся вокруг Гитлера. Немецкие генералы считали, что предопределены не только окружение и разгром советских войск, отходящих за Ростов в степи Северного Кавказа, но и захват германскими войсками Черноморского побережья, района Баку и Закавказья. Гитлер и его клика ожидали, что среди народов многонационального Кавказа начнется междоусобица, рассчитывали если не на помощь этих народов, то на их сочувствие. Это, по мысли фашистских политиканов, открыло бы "зеленую улицу" оккупантам и тем самым привело бы к отпадению Кавказа от Страны Советов. В обозе вражеских войск уже тащились некоторые недобитые белогвардейские князья и беки. Они должны была содействовать рейху в установлении власти на Кавказе. Надо ли говорить, что эти надежды с самого начала были обречены на провал.

Германские стратеги полагали также, что советское командование не сумеет своевременно организовать прочную оборону Кавказа и тем более сосредоточить большую массу войск на сталинградском направлении, чтобы создать угрозу тылу их

кавказской группировки.

Опережая события, гитлеровская ставка решила, что для решения военных задач на юге имеющихся здесь сил вполне хватит. Поэтому она двинула 11-ю армию из Крыма не на Кавказ, а под Ленинград. Там эта армия была растрепана войсками Волховского фронта в августе 1942 года.

В конечном счете замыслы противника на юге не были обеспечены необходимыми силами и средствами, оказались проигрышными. Однако враг отчаянно боролся за их выполнение и доставил нам много неприятностей.

Пользуясь захваченной в свои руки инициативой, 6-я немецкая армия генерала Паулюса 17-22 июля наступала уже на сталинградском направлении. Она сбила наши передовые отряды на реках Чир и Цимла, подошла к переднему краю обороны главных сил на рубеже Клетская, Суровикино, Верхне-Курмоярская. Теперь противник практически начал выполнять замысел окружения и разгрома 62-й армии Сталинградского фронта, которой командовал генерал-майор В. Я. Колпакчи. Для этого по обоим флангам 62-й армии с 22 июля наносились мощные удары, сходящиеся в районе Калача.

Советские генштабисты относительно точно предвидели, как, куда и зачем станет наступать армия Паулюса. Анализ боев немецких передовых отрядов и последующие боевые действия показывали, что противник стремится прорваться к Волге. В Генштабе не сомневались, что гитлеровское командование будет действовать по канонам классического военного искусства и предпримет попытку захватить в клещи 62-ю армию, нанося удары с севера, из района Боковская, и с юга, из района Морозовская, по направлениям, смыкающимся под Калачом. Господство в воздухе обеспечивало противнику весьма серьезные преимущества.

В предвидении решающих событий, стремясь парировать замысел гитлеровского командования, а затем и сорвать его, Сталинградскому фронту поручили в самом срочном порядке сформировать 4-ю и 1-ю танковые армии в районах Иловля и Калач. Командующим 4-й танковой армией был назначен генерал-майор В. Д. Крюченкин, а 1-й - генерал-майор К. С. Москаленко.

23 июля крупные силы танков и пехоты противника вклинились в нашу оборону на правом фланге 62-й армии. С воздуха их поддержала мощная авиагруппа.

Результаты натиска вражеских войск на различных участках южного фланга советско-германского фронта были тщательно рассмотрены в Ставке советского Верховного Главнокомандования. Сталинградское направление признали

особо опасным. Вечером И. В. Сталин связался по телеграфу с Военным советом фронта. Командующий фронтом генерал В. Н. Гордов доложил, что из 150 немецких танков, участвовавших в бою, 35 было подбито, но враг не остановлен. Не оставалось никаких сомнений в том, что гитлеровцы устремляются к Сталинграду.

"Главное теперь, - телеграфировал Верховный Главнокомандующий Гордову, не переправы у Цимлянской... а правый фланг фронта. Противник выброской своих частей в район Цимлы отвлек наше внимание на юг, и в это самое время он подводил потихоньку главные силы к правому флангу фронта. Эта военная хитрость противнику удалась благодаря отсутствию у нас надежной разведки. Это дело надо учесть, и нужно всемерно усилить правый фланг фронта".

И. В. Сталин потребовал сосредоточить на правом фланге девять десятых всей авиации. "На диверсии и фокусы противника в районе Цимлы не обращать внимания и всю силу удара перенести, повторяю, на правый фланг фронта",- приказал он и сообщил о силах и средствах, которые Ставка направляла в распоряжение фронта, об утверждении плана формирования 1-й и 4-й наших танковых армии.

"Имейте в виду,- предупредил Верховный Главнокомандующий Гордова,- если противник прорвет правый фланг и подойдет к Дону в район Гумрака или севернее, то он отрежет ваши железнодорожные сообщения с севером. Поэтому правый фланг вашего фронта считаю теперь решающим".

Верховный Главнокомандующий поставил фронту еще одну важную задачу, оказавшую значительное влияние на последующий ход битвы под Сталинградом:

"Требую, чтобы оборонительный рубеж западнее Дона от Клетская через Рожковскую до Нижней Калиновки был сохранен в наших руках беспрекословно.

Противника, вклинившегося в этот рубеж в районе действий гвардейской дивизии (имеется в виду 33-я гвардейская стрелковая дивизия.- С. Ш.), уничтожить во что бы то ни стало. У вас есть для этого силы, и вы должны это сделать. Категорически воспрещаю отход от указанного оборонительного рубежа..."

В. Н. Гордову все было понятно. Однако И. В. Сталин сделал еще одно пояснение, касающееся командарма-62 генерала В. Я. Колпакчи:

"...имейте в виду, что Колпакчи - очень нервный и впечатлительный человек. Хорошо бы направить к Колпакчи кого-либо покрепче для поддержания духа, а если Гордов сам выедет к нему, будет еще лучше".

Предвидя, что назревают важные события, Верховный Главнокомандующий направил на Сталинградский фронт в качестве представителя Ставки А. М. Василевского с небольшой группой офицеров, приказав ему разобраться в обстановке и оказать помощь командованию фронта.

Обстановка в полосе 62-й армии становилась все более острой буквально на глазах у начальника Генерального штаба. Противник продолжал нажим и на участке Клетская, Евстратовский сумел добиться заметных успехов: прорвался в глубину обороны и окружил две наши дивизии. Обойдя основные силы 62-й армии, враг приблизился к Дону. Это грозило нам новыми, еще более тяжкими неудачами и прорывом гитлеровских войск к Сталинграду.

А. М. Василевскому совместно с командованием фронта пришлось принять вынужденное, но в той обстановке единственно правильное решение: немедленно провести контрудар еще не закончившими формирование силами 1-й и 4-й танковых армий. Время было дороже всего. Промедлишь, упустишь его - противник форсирует Дон и закрепится на достигнутом рубеже. Тогда уж столкнуть его обратно будет чрезвычайно трудно.

Командующие танковыми армиями получили приказ действовать без промедления наличными силами, разгромить вклинившегося в наши боевые порядки противника и восстановить оборону. Задача состояла в том, чтобы ударами с севера и юга подсечь под основание клин фашистских войск. Уже в 10 часов 25 июля в наступление пошел один из корпусов 1-й танковой армии К. С. Москаленко. За ним вступали в дело другие ее силы. Войска армии, действуя очень решительно, заставили противника перейти к обороне, а затем и отступить, С рассветом 27 июля нанесла удар 4-я танковая армия В. Д. Крюченкина, которой активно помогали пехота и артиллерия 62-й и 64-й армий...

Для Генерального штаба эти дни, как, впрочем, и все другие, были крайне напряженными. Я теперь с головой погрузился в свою основную работу. Враг вышел на порог Северного Кавказа. 24 июля наши войска оставили Ростов. На Нижнем Дону началась оборонительная операция войск Южного и Северо-Кавказского фронтов. Враг здесь обладал превосходством над нашими войсками в танках и авиации, а следовательно, в подвижности и маневренности. Никаких серьезных, подготовленных к бою оборонительных рубежей южнее Ростова у нас не было.

В Генштабе остался за главного генерал П. Г. Тихомиров. Верховный Главнокомандующий потребовал, чтобы он доложил,

где и как, по его мнению, следует строить оборону Кавказа. Мы в Оперативном управлении, рассчитав все и взвесив, пришли к выводу, что с танками противника в кубанских степях бороться будет трудно, тем более что на Северном Кавказе у нас имелось много конницы и мало противотанковых средств, а подходящих естественных рубежей для организации обороны поблизости не было. Поэтому мы считали, что строить оборону надо по реке Терек и предгорьям Кавказского хребта.

И. В. Сталин приказал запросить мнение командующего Северо-Кавказским фронтом С. М. Буденного и члена Военного совета адмирала И. С. Исакова. Они ответили: "Главной и основной линией обороны должны быть река Терек и Кавказский хребет. Для обороны военно-морских баз - Новороссийск, Анапа, Туапсе - 47-ю армию с отдельным стрелковым корпусом подчинить в оперативном отношении Черноморскому флоту". Таким образом, точки зрения совпали. Кроме того, мы предложили ряд мероприятий, связанных с формированием на Кавказе резервов, с организацией снабжения войск через Каспийское море и по суше, с выделением фронту авиации, а также с другими насущными для обороны Кавказа делами.

Организовав контрудар танковых армий на Дону, А. М. Василевский прилетел в Москву и доложил Ставке свои выводы и предложения относительно Сталинградского фронта. Но пока он летел, на земле уже произошли изменения: противник локализовал развитие нашего контрудара. В ночь на 26 июля И. В. Сталин приказал Александру Михайловичу лично связаться со Сталинградским фронтом и передать строгое предупреждение:

"Ставка категорически требует от Военного совета фронта... сделать все, чтобы немедленно ликвидировать прорвавшегося противника и восстановить положение".

26 июля Верховный Главнокомандующий приказал Василевскому передать фронту еще более резкую директиву:

"Действия командования Сталинградского фронта вызывают у Ставки Верховного Главнокомандования возмущение... Ставка требует, чтобы в ближайшие дни сталинградский рубеж - оборонительная линия от Клетская до Калмыков была бы безусловно восстановлена и чтобы противник был отогнан за линию реки Чир. Если Военный совет фронта не способен на это дело, пусть заявит об этом прямо и честно.

Ставка требует от командования Сталинградского фронта ясного ответа о готовности исполнить данную директиву".

Ответа командования фронта А. М. Василевский долго ждал у аппарата, но генерала В. Н. Гордова, находившегося в войсках 62-й армии, не смогли сразу найти. Ответ пришел чуть позже -

командование заверило Ставку, что все ее указания будут выполнены.

Нужно сказать, что Верховный Главнокомандующий, видимо, чувствовал недостаточную обоснованность чрезвычайно резкого тона этой директивы. Дело в том, что непосредственно на поле сражения противник обладал превосходством, особенно в танках и авиации. В состав Сталинградского фронта тогда входило 38 дивизий. Половина из них - по 6-8 тысяч человек, а остальные всего по 1-3 тысячи человек. Этим слабым соединениям пришлось воевать на фронте протяженностью 530 километров. Всего фронт имел 187 тысяч человек, 360 танков, 337 исправных боевых самолетов, около 7900 орудий и минометов, а противник 250 тысяч человек, почти 740 танков, 1200 самолетов, 7500 орудий и минометов. Соотношение сил, таким образом, было в пользу противника: в людях - 1,4 :1, орудиях и минометах - 1:1, танках - 2:1, самолетах - 3,6 : 1. Поэтому, чтобы выполнить задачи, выпавшие на долю фронта, от каждого воина требовалось чрезвычайное напряжение сил.

Верховный Главнокомандующий принял к сведению заверения Военного совета Сталинградского фронта в том, что директивные указания Ставки будут выполнены, но все же счел нужным снова направить Александра Михайловича в самое горячее место советско-германского фронта: этого требовали обстоятельства. В час ночи 27 июля 1942 года начальник Генерального штаба уже был на пункте управления Сталинградского фронта.

Затем Верховный Главнокомандующий велел подготовить особо строгий приказ: потребовать, чтобы войска безусловно удержали занимаемые ими рубежи. Дальнейший отход на восток, по его мнению, грозил стране тяжкими бедами. И. В. Сталин продиктовал основные положения приказа и распорядился, чтобы Генеральный штаб тщательно контролировал его неукоснительное выполнение войсками.

Приказ этот, на мой взгляд,- один из наиболее интересных и важных документов войны. Он рисовал точную картину общего положения на фронтах, состояния противника, ставил советским войскам неотложные задачи. Общее положение страны оценивалось кратко и выразительно: "Наша Родина переживает тяжелые дни". В приказе требовалось: "...в корне пресекать разговоры о том, что... у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступление, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без

фабрик и заводов, без железных дорог... Пора кончить отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв". Далее говорилось, что войска должны остановиться на занимаемых ими рубежах, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это ни стоило (выделено мной.-С. Ш.).

Очень дальновидной была формулировка, касающаяся состояния противника и характера ближайшего этапа войны. Она может служить примером глубокого стратегического предвидения: "Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев,- это значит обеспечить за нами победу... Можем ли выдержать удар, а потом отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов".

Причины неудач на фронте в каждом конкретном случае были, конечно, свои. Однако приказ выделял то общее, что касалось всех воинов, подчеркивал самое неотложное: "Чего же у нас не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, в батальонах, в полках, в дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину..."

Приказ содержал много практических требований. Приведу одно из них, думается, весьма существенное: "Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование - ни шагу назад без приказа высшего командования".

28 июля 1942 года И. В. Сталин, как Нарком обороны, подписал этот приказ, получивший номер 227. Текст размножили, разослали в действующую армию и зачитали всем воинам. На следующий день, 29 июля, Главное политическое управление Красной Армии издало директиву о разъяснении приказа бойцам и командирам. Все мощное политическое влияние коммунистов в армии было направлено на безусловное выполнение требования "Ни шагу назад!". Генеральный штаб вменил в обязанность своим офицерам в войсках проверять на месте, как проводится приказ в жизнь.

ЦК партии и Главное политическое управление организовали в войсках широкое разъяснение смысла приказа, значения упорной обороны каждого рубежа родной земли. На фронт, непосредственно в воинские части, выехали члены ЦК партии, в том числе Д. З. Мануильский и Е. М. Ярославский, многие

писатели и общественные деятели. Разъяснением приказа занимались все политические работники, все партийные организации. И неудивительно, что приказ No 227 чрезвычайно благотворно повлиял на боеспособность войск. Каждый глубоко проникся мыслью о необходимости стоять насмерть в бою и делал для победы все, что мог. И прежде всего там, где было особенно тяжело - на сталинградском направлении.

Контрудар 1-й и 4-й танковых армий Сталинградского фронта хотя и не привел к разгрому 6-й армии немцев, но в значительной мере дезорганизовал действия противника и временно лишил его наступательной способности. Окружить нашу 62-ю армию не удалось. Вместе с тем провалилась попытка врага одним махом захватить переправы через Дон и выйти к Сталинграду. Гитлеровскому командованию стало ясно: если наступать только силами 6-й армии, то к Волге не прорваться. А что будет, если советские войска еще и опрокинут эту армию?

Для ставки вермахта настал час важного решения. Предстояло определить, куда в условиях осложнившейся обстановки на Дону следует устремиться главным силам войск на южном фланге: на Кавказ или к Волге? Гитлеровские стратеги решили: на Сталинград! Логическим следствием их решения был крутой поворот на Сталинград с плацдарма у Цимлянской 4-й немецкой танковой армии, ранее нацеленной на Кавказ.

Многие буржуазные историки и особенно бывшие генералы гитлеровской армии рассматривают это решение как личную ошибку "профана" Гитлера. Однако дело обстояло совсем не так. Гитлеровское командование теперь расплачивалось за переоценку своих возможностей, за грубое пренебрежение таким мощным противником, каким была Советская Армия, за то, что не предвидело возможности создания советским стратегическим руководством на сталинградском направлении сильной группировки войск, таящей смертельную угрозу для армий вермахта, нацеленных на Кавказ.

Положение, возникшее в конце июля на южном фланге советско-германского фронта, означало, что при всех условиях противник одновременно с операциями на Кавказе должен был ломать и нашу оборону на сталинградском направлении. Хотя самонадеянный враг полагал, что предотвратить оккупацию Кавказа нам уже не удастся, он не мог не отдавать себе отчета в том, что оставлять Сталинградский фронт на фланге группы армий "А" довольно опасно.

Заметим, что решение одновременно наступать на Кавказ и на Сталинград имеющимися силами было, безусловно, ошибкой противника. Итог достаточно хорошо известен: был создан

перелом в ходе войны в нашу пользу. Однако, чтобы этот перелом стал фактом, нашей армии пришлось преодолеть много тяжелых испытаний.

План использования немецко-фашистских войск на сталинградском направлении, как писал в своей книге "Поход на Сталинград" немецкий генерал Г. Дёрр, "был прост и ясен": обе армии (4-я танковая армия южнее, а 6-я армия севернее Сталинграда) наносили удар в направлении Волги, у реки поворачивали соответственно налево и направо и брали в клещи весь район Сталинграда с оборонявшими его войсками... Но не так "просто" оказалось реализовать этот план! В большой излучине Дона развернулись упорные сражения. Нам удалось на некоторый срок стабилизировать оборону 62-й и 64-й армий Сталинградского фронта. Было выиграно чрезвычайно важное время. Генеральный штаб принял все меры, чтобы сосредоточить в районе Сталинграда резервные войска - туда шло десять стрелковых дивизий. На дальних и ближних подступах к городу создавались инженерные укрепления полевого типа. И. В. Сталин, хорошо знавший местность в этом районе по гражданской войне, сам указывал Генштабу рубежи обороны. Партийная организация Сталинграда мобилизовала население на оборонительные работы. Тысячи жителей города копали противотанковые рвы, траншеи, создавали опорные пункты оборонительных обводов под Сталинградом. Работали напряженно, спешно, поскольку разведка приносила тревожные вести: соединения 6-й немецкой армии, ранее оборонявшиеся на участке Павловск, Вешенская, сменены частями 8-й итальянской армии и сосредоточивались на сталинградское направление. Генеральный штаб доложил Ставке, что противник в ближайшее время начнет активные действия под Сталинградом.

В Генштабе прикинули возможности управления войсками в районе Сталинграда. Протяженность линии фронта здесь была значительной, а действия противника могли развернуться не только на Сталинград, но и южнее. В состав Сталинградского фронта включили 51-ю армию, которая оборонялась за Доном, к югу от Цимлянской. Посчитали, что будет лучше, если на сталинградском направлении станет действовать не одно фронтовое объединение, а два. В этой мысли укрепились, когда узнали, что 4-я танковая армия противника поворачивает на восток. 5 августа Ставка отдала директиву разделить Сталинградский фронт на два фронта - Сталинградский и Юго-Восточный. Разграничительная линия прошла по стыку между 62-й и 64-й армиями от Морозовской через Верхне-Чирскую на Сталинград (последний пункт для Юго-Восточного фронта

включительно).

6 августа противник, подтянув и перегруппировав силы, перешел в наступление. Удары приходились по северному и южному флангам советских армий, обороняющихся западнее Дона. Замысел немецко-фашистского командования отрезать 62-ю и 64-ю армии от Сталинграда - был для Генштаба ясен, но противодействовать ему было пока нечем: резервы еще не подошли. В полосе Сталинградского фронта создалось тревожное положение, враг овладел переправами через Дон. Командование фронта выразило серьезные опасения за устойчивость обороны.

Когда П. Г. Тихомиров 9 августа 1942 года доложил И. В. Сталину донесение с фронта, тот приказал передать:

"Я поражен вашей близорукостью и растерянностью. Сил у вас много, а справиться с положением не хватает у вас хребта. Жду от вас сообщение о ликвидации тревожного положения на вашем фронте".

Оптимистического сообщения с фронта не последовало. Враг усиливал нажим. Советские воины стояли насмерть, но положение день ото дня становилось серьезнее. Сталинград вот-вот должен был превратиться в арену непосредственных боевых действий. А. М. Василевский, вернувшийся на короткий срок в Генеральный штаб, опять был направлен Верховным Главнокомандующим под Сталинград.

В Генеральном штабе произошла очередная смена начальника Оперативного управления. Произошло это так. Примерно в те же дни, когда готовился приказ No 227, Верховный Главнокомандующий велел генералу П. Г. Тихомирову подумать над причинами неудач под Харьковом. Он добавил, что командованием всех степеней были допущены тогда ошибки и надо, чтобы их не повторяли другие. Тихомиров засел за подготовку проекта директивы. Мне в числе других офицеров тоже пришлось представлять ему данные за Южный фронт, войска которого теперь были влиты в состав Северо-Кавказского фронта и вели тяжелые оборонительные действия к югу от Ростова на моем, так сказать, направлении. В качестве материалов для директивы были использованы донесения фронтов, сведения о потерях, ленты телеграфных переговоров и другие документы.

Неизвестно, каким хотел видеть И. В. Сталин проект директивы о причинах наших неудач на юге летом 1942 года. Но тот вариант, который был подготовлен, ему не только не понравился, но и был расценен как вредный. Верховный Главнокомандующий ходу ему не дал, а автора велел от руководства Оперативным управлением освободить, а затем и

вовсе откомандировать из Генерального штаба. В сентябре 1942 года Петр Георгиевич был назначен заместителем командующего 42-й армией Ленинградского фронта. Обязанности начальника Оперативного управления легли на плечи генерал-майора В. Д. Иванова.

Противник, наступая к Волге, использовал малейшие промежутки в оперативном построении советских войск и немедленно бросал в них свои танки при сильной поддержке бомбовыми и штурмовыми ударами с воздуха. За танками шла пехота. Бои были ожесточенными и неумолимо приближались к Сталинграду.

Генеральному штабу пришлось подумать о положении в самом городе, который стал ближним тылом войск и угрожал стать фронтом. Оттуда доходили неблагоприятные известия. Эвакуированное с запада население осело здесь и оказалось в трудном положении под бомбежками фашистских самолетов. Офицерам Генерального штаба на Юго-Восточном фронте во главе с Н. В. Резниковым поручили проверить обстановку в городе.

"Город перенаселен,- писал Резников.- Дошло даже до того, что люди живут под заборами, в садах, на берегу р. Волги, в лодках и т. д. Эвакуация города проходит слишком медленно из-за отсутствия достаточного количества средств передвижения и плохой работы эвакобюро: люди, ожидающие средств передвижения, на эвакобазах проживают по 5- 6 суток.

...Все школы и клубы переполнены ранеными. Госпитали продолжают оставаться в городе. Светомаскировка плохая...

Со своей стороны считаю необходимым сделать следующее:

1. Город перевести на осадное положение.

2. Ускорить эвакуацию города. В первую очередь эвакуировать госпитали и во вторую очередь жителей города. В городе оставить из населения только тех, кто работает на предприятиях и способен помогать армии в обороне города. Из имущества оставить только то, что нужно для обороны города.

3. Навести идеальный порядок в городе, для чего назначить требовательного коменданта г. Сталинграда.

4. В целях поддержания революционного порядка в городе обязательно необходимо войска НКВД и милицию подчинить начальнику гарнизона, действовать и отходить только по его приказу.

5. Не допускать с началом боя за город передвижения через город тылов и других войсковых частей, для чего сделать обходные пути севернее Сталинграда".

Дело требовало неотложного вмешательства самых высоких

руководящих органов. Владимир Дмитриевич Иванов, возглавивший Оперативное управление Генштаба, направил командующему Юго-Восточным фронтом указание о наведении порядка в городе. Копию послали Н. М. Швернику "для принятия мер". Тогда Н. М. Шверник являлся председателем комиссии по эвакуации заводов и другого государственного имущества из зоны военных действий в глубь страны. 22 августа на докладе Н. В. Резникова появилась новая отметка о том, что указания начальника Генерального штаба и директива Ставки даны кому следует и по поводу Сталинграда состоялось соответствующее постановление.

Эти меры были как нельзя кстати. 23 августа 1942 года танковые и моторизованные войска противника, развивавшие удар против правого фланга 62-й армии, вырвались к Волге почти на северной окраине Сталинграда. 62-я армия оказалась отрезанной от основных сил Сталинградского фронта. В то же время 4-й немецкий воздушный флот жестоко бомбардировал город и произвел большие разрушения, хотя и сам недосчитался 90 самолетов, сбитых советскими летчиками и зенитной артиллерией. Связь со Сталинградом по телефону и телеграфу была прервана. Наш старший начальник - А. М. Василевский, находившийся в войсках 62-й армии, был вынужден докладывать Верховному Главнокомандующему по радио короткими передачами. Телефонисты и телеграфисты принимали все меры для восстановления связи. Кое-как они сумели передать нам сообщение Военного совета Юго-Восточного фронта о выходе противника к Волге. Поздно ночью проводную связь наладили, и Ставка непосредственно от А. М. Василевского получила подробную характеристику обстановки в районе Сталинграда.

Прорыв противника к Волге севернее Сталинграда был локализован. Не удалось врагу с ходу овладеть городом. 62-я и 64-я армии стояли непоколебимо, хотя обстановка была до чрезвычайности тяжелой. Войска города-героя мужественно сопротивлялись и надолго приковали к себе крупную ударную группировку вермахта. Туда же потянулись основные пополнения противника и армий его сателлитов. Район Сталинграда стал пунктом, где решалась основная стратегическая задача на данном этапе войны.

В начале сентября положение 62-й и 64-й армий продолжало ухудшаться. Прорвавшегося к Волге врага ликвидировать не удавалось. На место прибыли представитель Государственного Комитета Обороны Г. М. Маленков и представители Ставки - генерал армии Г. К. Жуков и генерал-полковник А. М. Василевский. Основная задача их состояла в том, чтобы найти

пути ликвидации прорвавшегося к Волге противника и обеспечить успех нашей обороны в Сталинграде.

Обе противоборствующие стороны под Сталинградом искали тогда решения задач, не меняя в основном группировку войск, которая сложилась в конце августа. Советская группировка не имела ясно выраженного массирования сил, в том числе и к северу от Сталинграда. В этом крылась одна из причин того, что все попытки уничтожить прорвавшегося к Волге противника терпели неудачу. Кроме того, командующий 6-й немецкой армией генерал Паулюс догадался, что Красная Армия будет наносить контрудары именно севернее города, и сосредоточил здесь весьма крупные силы и средства. Немецко-фашистские войска в созданном ими коридоре к Волге сумели прочно закрепиться, а силы наших армий - 4-й танковой, 24-й, 1-й гвардейской и 66-й - в непрерывных боях заметно убавились. В самом Сталинграде враг день ото дня наращивал свои усилия. Без помощи извне, без отвлечения сил противника на другие направления удержать Сталинград было невозможно. Поэтому удары названных выше советских армий по необходимости снова и снова повторялись.

Были недочеты и в управлении советскими войсками в районе Сталинграда. В Генштабе это ощутили быстро, поскольку в ответственный момент борьбы за Сталинград оттуда стали вдруг сильно запаздывать боевые донесения, адресованные Ставке Верховного Главнокомандования. Ф. Е. Боков, остававшийся за начальника Генерального штаба, получив, видимо, внушение от И. В. Сталина по поводу очередного опоздания информации с фронта, в ночь на 5 сентября 1942 года связался по Бодо с начальником штаба Сталинградского фронта генералом Д. Н. Никишевым. Вот лента их переговоров:

"- Товарищ Никишев, почему от Вас все время опаздывает представление боевых донесений на имя тов. Сталина?

- Докладываю: Первое. Не очень хорошо обстоит дело с управлением (связь), как у нас с армиями и особенно - в армиях. Второе. Оперативный отдел и вообще штаб работает в четырех местах: Сталинград, Красная Слобода, Ивановка и Ольховка. Откровенно докладываю - зашиваюсь. Фактически выполняю обязанности и начальника отдела и всех... Вот почему запаздывают. В ближайшие дни этот вопрос будет отрегулирован, штаб соберется. Донесение сейчас иду докладывать...

- Постарайтесь наладить четко работу штаба. Директивы Ставки и указания Генерального штаба должны выполняться точно в установленные сроки. Все.

- Есть, постараться. Налажу в ближайшее время. Ясно. Будет точно выполняться, как Вы указываете"{3}.

К чести фронтового штаба, надо сказать, что управление войсками вскоре действительно улучшилось, чему немало способствовала твердая рука представителей Ставки.

Истощение сил некоторых армий Сталинградского фронта при настой-чивых попытках ликвидировать прорыв противника к Волге и соединиться с 62-й армией не укрылось от внимания Г. К. Жукова и А. М. Василевского. На запрос И. В. Сталина 7 сентября 1942 года - достаточно ли сил имеют наши фронты для полного разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом - представители Ставки и представитель ГКО четко ответили: "Для полного разгрома противника под Сталинградом тех сил, которые имеются под Сталинградом у обоих фронтов, явно не хватит. Необходимо дополнительную группу войск сосредоточить с тем, чтобы в кратчайший срок нанести более сильный удар противнику"{4}.

Представители Ставки, фронтовые и армейские командования в то же время не прекращали попыток улучшить положение под Сталинградом наличными силами. При этом большое беспокойство советского командования вызывало несоответствие линейного расположения наших войск в районе Сталинграда тем задачам, которые стояли перед ними.

Во время доклада обстановки на фронтах в ночь на 10 сентября 1942 года Верховный Главнокомандующий выразил крайнее неудовольствие по поводу топтания на месте наших армий к северу от Сталинграда и большое беспокойство в связи с дальнейшим обострением обстановки в самом городе. В 4 часа 30 минут полковник И. И. Бойков (начальник направления на Сталинградский фронт) связался с начальником оперативного управления фронта И. Н. Рухле и спросил: не лучше ли будет собрать "сгусток сил" на фронте одной из армий (была названа 1-я гв. армия) и протаранить оборону противника так, чтобы облегчить положение в Сталинграде, нависнуть на фланге группировки противника, а затем провести и сам фланговый удар. Тот ответил, что всякая перегруппировка связана с потерей времени и снижением нажима на противника, а это очень невыгодно для Сталинграда. Обстановка требовала усиливать нажим и, наступая, перегруппировываться{5}.

Так и делали, но это наступление в условиях чрезвычайно напряженной обстановки успехом не увенчалось. Новая попытка советского командования восстановить связь с 62-й армией ударом с севера потерпела 10 сентября 1942 года еще одну неудачу.

А как обстояли дела в стане противника? Фашистское командование не решило своей главной задачи - овладения

Сталинградом. Немецкое наступление здесь застопорилось, причем наиболее боеспособные, хорошо вооруженные и управляемые немецко-фашистские войска находились на решающем направлении в центре фронта в компактной группировке, а на флангах у них были значительно менее боеспособные, хуже вооруженные венгерская, итальянская и румынская армии. Битва на Кавказе, хотя и дала заметные территориальные успехи, не была завершена - Баку и Черноморское побережье оставались для гитлеровских войск недосягаемы. Отборные соединения вермахта завязли на Тереке и перевалах Кавказского хребта.

...11 сентября 1942 года в ставку Гитлера под Винницей были вызваны командующий группой армий "Б" фон Вейхс и командующий 6-й армией Паулюс для доклада о положении в районе Сталинграда. В целом оно оценивалось как вполне благоприятное. Еще накануне совещания с фон Вейхсом и Паулюсом начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Гальдер сделал в своем военном дневнике короткую запись: "У Сталинграда отрадные успехи в наступлении, на северном участке - успешное отражение атак противника". Тем не менее доклады у фюрера, по оценке того же Гальдера, "прошли в ледяной атмосфере".

От генералов потребовали предельно быстрого захвата города. Посчитали, что десяти дней на это хватит, и приказали приступить к штурму Сталинграда 14 или 15 сентября. Они же считали это нереальным и привели доводы, доказывающие существование реальной угрозы гитлеровским войскам в районе Сталинграда. Паулюс указал на то, что немецкий фронт под Сталинградом является слабым. Наибольшая опасность усматривалась на левом фланге 6-й армии, где находились войска итальянских и других союзников Германии. По мнению Паулюса, создалась необходимость использовать немецкие соединения на участке союзников и держать их там в качестве резерва группы армий.

Совещание продолжалось два дня. Относительно конечных результатов действий мнения разошлись. Оба командующих придерживались "среднего решения": учитывая сильное сопротивление советских войск, не пытаться полностью овладеть городом, но добиться, чтобы Сталинград потерял свое значение как центр военной промышленности и узел коммуникаций. Это, мол, можно сделать и с помощью тяжелого оружия. Особенно упорствовал командующий 6-й армией. Участник обсуждения Гальдер выразил свое впечатление, записав в дневнике 12 сентября 1942 года всего одно слово: "Паулюс!" На следующий

день, 13 сентября, Гитлер подписал директиву. Группе армий "Б" было приказано подготовить "среднее решение" вопроса о начертании линии фронта. Вместе с тем там же было сказано: "Если наступление натолкнется на слабеющее сопротивление противника, то следует предпринять усиленные попытки уничтожить врага ударом подвижных войск через конечный рубеж, намеченный по "среднему решению".

Удар на Астрахань не отменялся, и его приказывалось готовить. Что же касается левого фланга 6-й немецкой армии, вызывавшего у немецкого командования большие опасения, то здесь в спешном порядке стали оборудовать оборонительные позиции на Дону западнее и южнее Воронежа. Кроме того, в сентябре - октябре на участок фронта от Клетской до Еланской была переброшена 3-я румынская армия. В отношении правого фланга 6-й армии командование противника опасений не проявило, полагая, что удар на Астрахань будет успешным и необходимость обеспечения фланга отпадет сама по себе.

Тщательный анализ положения, который систематически производился в Ставке и Генштабе, в середине сентября позволял сделать вывод, что в недалеком будущем возникнет возможность решительно изменить обстановку к лучшему. Под Сталинградом противник уже не мог наступать и практически был остановлен. Не менее важно было и то, что в глубине европейской части страны, в Сибири и Средней Азии заканчивали формирование и подготовку крупные резервы Ставки, которые можно было подтянуть под Сталинград. Эти войска, особенно танковые, представляли собой мощную силу, которая могла решительно изменить обстановку под Сталинградом в нашу пользу.

Кроме того, в результате хорошо организованной и всесторонней партийно-политической работы во всех без исключения действующих и резервных войсках уже изживались элементы недисциплинированности и неорганизованности, которые отмечались в приказе No 227. Резко возросла стойкость нашей обороны и повысился моральный дух войск. Укрепились единоначалие и авторитет командного состава. Теперь нужны были тщательное планирование и необходимая материальная подготовка операций, а также некоторое время, чтобы создать у личного состава войск высокий наступательный порыв, решительность и готовность сокрушить противника.

12 сентября 1942 года состоялось совещание И. В. Сталина с Г. К. Жуковым и А. М. Василевским. Верховный Главнокомандующий и оба докладчика не были удовлетворены итогами военных действий в районе Сталинграда. "Нужно искать иное решение" - таков был единодушный вывод, сделанный в

результате обсуждения положения под Сталинградом. Жукову и Василевскому было поручено разработать замысел операции по разгрому ударных сил противника на Волге.

Всю следующую ночь Г. К. Жуков и А. М. Василевский провели у карты района Сталинграда. Генштабисты-операторы, официально не поставленные в известность относительно цели этой работы, конечно, догадывались, в чем дело. Они представляли справочные данные для начальника Генштаба о противнике, своих войсках, особенно резервах, возможностях и сроках их сосредоточения на сталинградское направление. Наконец карта замысла Жукова и Василевского была готова. Сталин с ними согласился: ключ к победе - в решительном контрнаступлении на южном фланге советско-германского фронта.

Было решено прорвать оборону противника на флангах 6-й и 4-й танковой армий немцев северо-западнее и южнее Сталинграда, окружить и уничтожить сталинградскую группировку противника. В последующем предполагалось развивать наступление всех наших сил в общем направлении на Ростов. Одновременно намечалось провести отвлекающие наступательные операции на западном направлении.

Для контрнаступления предназначались силы трех фронтов: вновь создаваемого к юго-востоку от Воронежа (пока безымянного) и двух существующих Сталинградского и Юго-Восточного, Волжской речной флотилии, авиации дальнего действия. В состав фронтов вливались соединения и объединения стратегических резервов Ставки, в которых большой удельный вес имели подвижные войска, особенно танковые.

Г. К. Жуков, А. М. Василевский, а затем Н. Н. Воронов и Г. А. Ворожейкин убыли на фронт в качестве представителей Ставки, чтобы на месте, в войсках, доработать намеченный в основных чертах замысел операции. С ними отправились и наши товарищи: генерал-майор С. И. Тетешкин во главе небольшой группы офицеров - с Г. К. Жуковым, полковник А. А. Грызлов и группа офицеров - с А. М. Василевским.

После того как Ставка приняла принципиальное решение о контрнаступлении, забот у нас заметно прибавилось: то ускорить подготовку резервов, то принять меры для сосредоточения материальных средств, то подготовить те или иные оперативные расчеты. А когда С. И. Тетешкин, А. А. Грызлов и другие наши товарищи, помогавшие Г. К. Жукову и А. М. Василевскому готовить контрнаступление на месте, вошли в курс дела, то работы стало еще больше. На фронтах, где находились представители Ставки, к работе над планом разгрома противника

под Сталинградом были подключены соответствующие военные советы.

Таким образом, с середины сентября 1942 года разработка замысла и плана грандиозного контрнаступления Советских Вооруженных Сил проводилась одновременно в нескольких центрах: в Ставке, Генеральном штабе и на фронтах при твердом руководящем влиянии Ставки. Как ни волновали советских людей события, происходящие на южном фланге советско-германского фронта, в Генеральном штабе царила атмосфера глубокой уверенности в том, что война подошла к переломному моменту.

Следует сказать, что в конце сентября немецкое командование предприняло ряд мер для обеспечения флангов ударной группировки в районе Сталинграда, повышения устойчивости войск сателлитов.

Наряду с тем возникла реальная угроза потери маневренности немецких войск, поскольку 6-я армия и танки 14-го танкового корпуса втянулись в уличные бои в Сталинграде. Сохранить маневренные возможности танков было для противника особенно важно в связи с тем, что резервов у него уже не имелось и парировать наши удары было бы нечем. Однако решить эту проблему было отнюдь не просто. Надо было вывести войска из борьбы за город, а центр тяжести операций перенести из Сталинграда в большую излучину Дона, где для таких действий имелось необходимое пространство. Как предполагали гитлеровские стратеги, маневренное ведение операций не позволило бы советским войскам захватить инициативу в свои руки{6}.

Намерения противника в районе Сталинграда не опирались на должное превосходство в силах и средствах. Но самоуверенный противник уповала мнимое превосходство стратегического мышления немецко-фашистского генералитета. Гитлеровские армии, надеясь, что победа для них близка, истекали кровью, но наступления не прекращали.

Изверившись в способности генерал-фельдмаршала Листа овладеть Кавказом, Гитлер взял управление войсками на этом участке фронта лично на себя. На сталинградском направлении он делать этого не стал, но усиливал свое влияние на командование 6-й немецкой армии. Чтобы заставить румын сражаться лучше и с их помощью обезопасить фланги немецкой группировки, в генеральном штабе сухопутных войск Германии появился план создания новой группы армий "Дон" под командованием румынского диктатора И. Антонеску. Был даже образован штаб группы армий, в действие, правда, не введенный{7}. Затея с Антонеску не прошла, ее похоронил

генеральный штаб вермахта, где сидели особо приближенные к Гитлеру военачальники, не собиравшиеся даже номинально делиться с кем-нибудь властью. Они же воспротивились и выводу хотя бы части войск 6-й армии из Сталинграда на простор степей. Сосредоточение войск в большую излучину Дона затянулось. Только тогда, когда советские войска начали контрнаступление, под Рычковский, Нижне-Чирскую и Тормосин, а также под Котельниково стали стягиваться соединения противника.

Чтобы не возвращаться более к этому вопросу, позволю себе сказать, что намерение немецкого командования закрепить за собой базу в большой излучине Дона было вскрыто нашей Ставкой и Генштабом и разрушено путем активных действий советских войск.

Советское Верховное Главнокомандование н Генеральный штаб предвидели, что враг, попав в окружение, станет отчаянно бороться. Но каковы будут способы противодействия нашим операциям со стороны противника? Прежде всего, следовало ожидать попыток врага вырваться из кольца окружения ударом в западном направлении на Средний Дон. Навстречу этому удару мог быть организован деблокирующий удар, который к тому же не исключался и в качестве самостоятельной операции. В обоих случаях большая излучина Дона играла бы существенную роль. Как стало известно впоследствии, оба эти варианта обсуждались в ставке противника. Работая над замыслом контрнаступления, Ставка и Генеральный штаб понимали, что враг будет пытаться подать руку помощи войскам, попавшим в беду под Сталинградом. Поэтому искусство окружения требовало от советских войск применения таких форм наступления, которые исключили бы возможность освобождения окруженного противника.

В связи с этим в результате совместной работы Ставки, Генерального штаба и военных советов фронтов был разработан классический для того времени способ окружения сталинградской группировки врага, который, без преувеличения можно сказать, затмил знаменитые Канны. По решению советского стратегического руководства кроме непосредственного фронта окружения создавался еще и внешний фронт, направленный против попыток немецкого командования деблокировать окруженные войска ударами извне. Идея такого внешнего фронта подробно прорабатывалась на картах; силы, потребные для его создания, тщательно просчитывались; рубежи возможных действий определялись особо внимательно. Окружение 6-й немецкой армии представлялось советскому Генштабу только началом нашей победы под Сталинградом.

Главное - широкое развитие наступательных операций по разгрому врага на южном фланге советско-германского фронта и ликвидация окруженного противника - лежало впереди.

В двадцатых числах сентября операторы Генштаба уже в полную силу работали над этими вопросами, накапливали разного рода оперативно-стратегические соображения. Мысли и предложения представителей Ставки, которыми они делились непосредственно с Верховным Главнокомандующим, попадали и к нам через С. И. Тетешкина и А. А. Грызлова. В Оперативном управлении велась даже особая карта в единственном строго секретном экземпляре. Эта карта, датированная 27 сентября 1942 года, выполненная И. И. Войковым под наблюдением генерала В. Д. Иванова, сохранилась. Карта очень наглядно показывает ход работы над замыслом контрнаступления и передает решительную цель, которая стояла тогда перед советскими войсками.

Составители карты показали, в частности, сосредоточение стратегических резервов, создание юго-восточнее Воронежа нового фронта в составе трех общевойсковых армий и двух мощных конно-механизированных групп. Согласно замыслу, новому фронту предстояло наступать с плацдарма на правом берегу Дона в районе Серафимовича и вырваться к Тацинской, что позволило бы перехватить железнодорожные и другие пути противника из-под Сталинграда на запад. Затем фронт должен был наступать через Каменск в район Ростова, где и пересекались бы пути отхода немецко-фашистских войск не только из-под Сталинграда, но и с Кавказа. Одновременно с этим мыслилось провести окружение и разгром 6-й немецкой армии непосредственно под Сталинградом. Это предполагалось выполнить силами Сталинградского и Юго-Восточного фронтов при содействии Закавказского. Последнему предстояло нанести удар из района Георгиевска через сальские степи на северо-запад, что должно было создать угрозу тылу кавказской и астраханской группировок противника.

На карте Генштаба, о которой говорилось выше, ясно просматривались и недостатки в замысле. Так, непосредственно для окружения мощной 6-й немецкой армии выделялись сравнительно слабые силы, особенно с юга (с севера намечена 21-я армия в составе 10 дивизий, тогда как с юга противника окружала 51-я армия, имевшая всего четыре дивизии и бригаду). Подвижные войска в состав ударных группировок, предназначенных для окружения 6-й немецкой армии, не намечались. Маневр Сталинградского и Юго-Восточного фронтов на окружение был сложным:

сначала он планировался в малую излучину Дона с

последующим поворотом войск в восточном направлении на Сталинград для рассечения и уничтожения окруженного противника. После поворота на Сталинград требовалось форсирование Дона. Внешний фронт окружения располагался на большом удалении от внутреннего, что осложняло бы взаимодействие советских войск. При превосходстве противника в танках и авиации открытая местность в сальских степях являлась малоподходящей для наступления Закавказского фронта. Немецкому командованию оставлялось, кроме того, большое пространство для маневра на Северном Кавказе.

Эта карта, подписанная И. И. Войковым, отображала только начальный этап работы над планом разгрома противника в районе Сталинграда и на южном фланге советско-германского фронта. При окончательной доводке общего плана контрнаступления наших войск идея удара на Ростов через Каменск нашла выражение в плане Ставки, известном под кодовым наименованием "Сатурн". Ударные группировки войск, окружающих противника, были усилены танковыми и механизированными корпусами.

Глубокая проработка вопросов нашего контрнаступления, выполненная генштабистами, помогла советскому командованию решить в последующем задачи разгрома оперативных резервов группы армий "Дон", стягиваемых с конца ноября 1942 года в районе Нижне-Чирская, Тормосин, что немало способствовало провалу попыток противника вызволить 6-ю армию из окружения ударами извне.

Генералу В. Д. Иванову пришлось по указанию А. М. Василевского выехать затем в район Сталинграда, где он участвовал в рекогносцировках совместно с начальником Генштаба - представителем Ставки. В ходе работы на местности в районе Сарпинских озер были детально изучены условия действий родов войск, соединений и объединений. Результаты рекогносцировок позволили создать план наступления Сталинградского фронта в том окончательном виде, как он нам ныне известен. Подобная же работа была проведена Г. К. Жуковым на других фронтах.

Я намеренно опускаю все, что связано с разработкой плана контрнаступления под Сталинградом и подготовкой операции в войсках. Об этом хорошо сказано в воспоминаниях Г. К. Жукова, А. М. Василевского, Н. Н. Воронова, Г. А. Ворожейкина и многих других авторов. Достаточно известны ход и результаты битвы под Сталинградом. Ныне эта операция вошла в историю как шедевр военного искусства. Позволю себе сказать только, что немалую роль при достижении победы сыграло превосходство

стратегической мысли советских военачальников, Ставки советского Верховного Главнокомандования и Генштаба над замыслами стратегов и высших органов стратегического руководства гитлеровской Германии. Наш Генеральный штаб в этом историческом сражении на юге страны успешно справился со своими обязанностями, был надежным помощником Верховного Главнокомандования, а ставка Гитлера не сумела добиться своих целей или противодействовать нашим замыслам. Она опоздала с созданием группы армий "Дон", чтобы освободить 6-ю и 4-ю танковую армии, в оперативном отношении действовала шаблонно.

На Нюрнбергском процессе над военными преступниками адвокат Геринга иронически заметил, что, находясь в плену, фельдмаршал Паулюс читал лекции по стратегии в советской Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова (чего на самом деле не было). Паулюс, который присутствовал на заседании как свидетель, ответил: "Советская стратегия оказалась настолько выше нашей, что я вряд ли мог понадобиться русским, хотя бы для того, чтобы преподавать в школе унтер-офицеров. Лучшее тому доказательство - исход битвы на Волге, в результате которой я оказался в плену, а также и то, что все эти господа сидят здесь на скамье подсудимых". Более уничтожающей оценки преступным стратегам фашистской Германии, пожалуй, и не сделаешь!

Глава 5. На переломе

Угроза Кавказу. - Мой первый доклад в Ставке. - Командировка в Закавказье. - Прочно закрыть перевалы. - Щит на Черноморском побережье. - Враг остановлен. - Предвестники наступления на Северном Кавказе. - Внимание Верховного Главнокомандования приковано к Черноморской группе. - А не создать ли конармию? - План "Горы" и план "Море". - Таманский плацдарм. - Два десанта под Новороссийском. - Маршал Г. К. Жуков на Кубани. - Крах Голубой линии.

Уход А. М. Василевского на пост начальника Генштаба чрезвычайно тяжело сказался на работе Оперативного управления. В течение полугода здесь сменилось несколько начальников. Эту должность поочередно занимали П. И. Бодин, дважды А. Н. Боголюбов, В. Д. Иванов, а между ними обязанности начальника управления временно исполняли П. Г. Тихомиров, П. П. Вечный, Ш. Н. Гениатуллин.

Поскольку А. М. Василевский по распоряжению Верховного Главнокомандующего большую часть времени проводил на фронтах, в его отсутствие во главе Генштаба оставался комиссар Ф. Е. Боков - прекрасный человек, хороший партийный работник,

но для выполнения чисто оперативных функций не подготовленный.

Длительные разъезды по фронтам начальника Генерального штаба и частая смена начальников Оперативного управления создали у нас атмосферу нервозности, из-за чего нередко нарушалась четкость в работе. За один-два месяца пребывания во главе Управления никто не успевал как следует войти в курс дела, врасти в обстановку, а значит, и не мог уверенно чувствовать себя при выезде в Ставку с докладом. Приходилось "на всякий случай" держать возле себя начальников направлений - вдруг понадобится какая-либо справка. В "предбаннике", как мы называли приемную начальника Оперативного управления, всегда было полно народу. Некоторые и здесь пытались что-то делать, сидели, склонившись над какими-то документами, а большинство теряло время попусту...

Это было тем досаднее, что обстановка снова накалялась и от всех нас требовались особенно четкие действия.

Когда стало очевидно, что немецко-фашистские войска обязательно будут пробиваться на юг вдоль Каспийского побережья и через Кавказский хребет, перед нами очень остро встал новый неотвратимый вопрос: не поддержат ли их турецкие сторонники? Если в Иране все обстояло теперь относительно благополучно, то с Турцией было иначе. В середине 1942 года никто не мог поручиться за то, что она не выступит на стороне Германии. Неспроста ведь на границе с советским Закавказьем сосредоточились тогда двадцать шесть турецких дивизий.

Советско-турецкую границу приходилось держать на прочном замке, обеспечивая ее от всяких неожиданностей силами 45-й армии. На случай, если турецкое наступление пойдет через Иран на Баку, принимались необходимые меры предосторожности и на ирано-турецкой границе. Там стоял теперь наш 15-й кавалерийский корпус, усиленный стрелковой дивизией и танковой бригадой.

Должен заметить, что план прикрытия Закавказья существовал и в мирное время. В 1941 году, после ввода наших войск в Иран, он был уточнен, однако должного значения ему не придавалось. К концу же 1941 года, когда немцы захватили Ростов и впервые пытались проникнуть на Кавказ, потребовалась коренная переработка этого плана с учетом необходимости прочно прикрыть Закавказье не только со стороны Турции, а и с севера. Причем северное направление в создавшихся условиях приобретало значение главного.

Закавказский фронт, созданный еще в 1941 году, первоначально имел в своем составе 45-ю, 46-ю армии и войска,

находившиеся в Иране. В июне 1942 года в него вошла также 44-я армия, доукомплектованная в районе Махачкалы. Прикрывалось Закавказье и войсками другого фронта - Северо-Кавказского. Но всех этих сил было явно недостаточно. По предложению Генерального штаба началась спешная переброска сюда войск из Средней Азии и иных мест.

23 июня Военный совет Закавказского фронта представил в Москву план обороны Закавказья уже в новом, переработанном виде. И тут-то еще отчетливее зазияли все прорехи.

Недостаток сил, естественно, сказался и на плане их использования. Совершенно правильно укрепляя бакинское направление выдвижением на реку Терек 44-й армии, командование фронта оставляло почти беззащитным весь Главный Кавказский хребет. Эта задача возлагалась на малочисленную 46-ю армию. В результате на Марухском перевале, например, оборону занимала всего одна стрелковая рота с минометным взводом и взводом саперов, а Клухор прикрывался двумя стрелковыми ротами и саперным взводом.

Такими силами удержать перевалы было, конечно, немыслимо. Указав командующему фронтом на эти изъяны плана. Генеральный штаб тут же занялся изысканием резервов, за счет которых можно было бы подкрепить оборону Закавказья. В течение августа туда были переброшены дополнительно 10-й и 11-й гвардейские стрелковые корпуса, а также одиннадцать отдельных стрелковых бригад.

Для удобства управления войска, оборонявшиеся по рекам Урух и Терек, были сведены в так называемую Северную группу под командованием И. И. Масленникова. Сюда вошли 44-я армия, группа войск генерала В. Н. Курдюмова, влившаяся в 9-ю армию, а затем и 37-я армия, отошедшая из Донбасса и с Дона. Генералу Масленникову ставилась задача прочно прикрыть бакинское направление и основной проход через Кавказский хребет - Военно-Грузинскую дорогу.

Большие организационные мероприятия проводились на Северо-Кавказском фронте. Еще 28 июля в его состав влились армии отошедшего сюда и подвергшегося расформированию Южного фронта. Здесь были созданы две оперативные группы Донская под командованием генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского и Приморская под командованием генерал-полковника Я. Т. Черевиченко.

В конце июля и в течение всей первой половины августа шли тяжелые оборонительные бои на полях Кубани. Советские войска дрались героически, но противник тем не менее шаг за шагом продвигался вперед и в двадцатых числах августа вышел на

Терек. Здесь вступила в бой уже Северная группа войск Закавказского фронта. Ахиллесовой ее пятой была слабая вооруженность. Например, 417-я стрелковая дивизия по состоянию на 10 августа имела всего 500 винтовок. 151-я дивизия была вооружена только наполовину, да и то винтовками иностранных марок. Одна из стрелковых бригад оказалась вооруженной такими же винтовками лишь на 30 процентов и совсем не располагала пулеметами и артиллерией.

Все это внушало большую тревогу. И не напрасно. Клухорский перевал противнику удалось взять коротким внезапным ударом. В штабе 46-й армии узнали об этом только на третий день.

С обороной Закавказья у меня тесно связаны воспоминания о первой поездке с докладом в Ставку. Было это так.

Однажды ночью из Кремля позвонил Ф. Е. Боков и приказал полковнику К. Ф. Васильченко, заменившему полковника И. И. Войкова, и мне явиться туда же со своими рабочими картами. Поехали на присланной за нами машине. В Кремле нас встретил незнакомый мне подполковник и провел на второй этаж в приемную Сталина. Оба мы волновались, понимая, что будут спрашивать о положении дел на наших направлениях. Через несколько минут последовал вызов в кабинет Верховного Главнокомандующего. Там, за большим столом у стены, сидели Молотов, Маленков, Микоян. С противоположной стороны стола находились Ф. Е. Боков, только что назначенный начальником Оперуправления П. И. Бодин и Я. Н. Федоренко. Сталин ходил по комнате. Мы представились.

- Можете доложить обстановку под Сталинградом и на юге? - спросил нас Сталин.

- Так точно,- ответили мы.

Первым начал свой доклад по Сталинграду К. Ф. Васильченко. Верховный Главнокомандующий интересовался положением и состоянием войск, кто на какой рубеж отходит, кому переподчиняются отходящие войска, где расположены вторые эшелоны, где резервы, каково материальное обеспечение. Васильченко все знал и доложил блестяще.

Затем дошла очередь до меня. Я развернул свою карту и доложил, какие войска занимают оборону по Тереку, что можно посадить туда еще, как прикрыть направление на Баку и Военно-Грузинскую дорогу. Не умолчал о слабом прикрытии перевалов через Главный Кавказский хребет, об опасности на новороссийском и туапсинском направлениях, о необходимости ускорить строительство оборонительных рубежей.

Сталин выслушал меня не перебивая. Вопросы начались лишь после того, как я смолк.

- Какие еще есть войска в Закавказье?

Я доложил.

- Можно ли что перебросить из Средней Азии?

- Восемьдесят третью горнострелковую дивизию под командованием генерал-майора Лучинского,- ответил я и тут же добавил: - Ее лучше поставить на туапсинское направление. Можно взять и еще одну дивизию.

- Что можно взять из Ирана? - спросил Верховный.

- Не больше одной-двух дивизий.- И я пояснил почему.

- Обратите особое внимание на бакинское направление, - сказал Сталин, обращаясь к П. И. Бодину.

Верховный Главнокомандующий держал себя очень просто. Первоначальная скованность постепенно оставила нас. Под конец доклада и Васильченко и я чувствовали себя вполне свободно.

- Этих полковников надо будет взять с собой, когда поедете,- сказал Верховный, ни к кому не обращаясь.

На том все и кончилось: нас отпустили. Лишь через несколько дней после вызова в Ставку, а именно 21 августа, П. И. Бодин объявил мне:

- Подготовьтесь, завтра в 4 часа поедете со мной на аэродром. Возьмите шифровальщика и нескольких направленцев.

Мне тогда готовиться почти не требовалось. Все данные по своему направлению я знал наизусть, а жили мы тут же, где и работали, на Кировской. Утром в назначенное время поехали в машине Бодина на Центральный аэродром. Там нас уже ждал самолет Си-47. Бодину представился командир корабля полковник В. Г. Грачев.

Летели в Тбилиси через Среднюю Азию. Прямой путь туда

был уже перекрыт немцами. В Красноводске приземлились вечером, а когда совсем стемнело, пошли через Каспийское море на Баку, Тбилиси.

В Тбилиси сели почти в полночь и прямо с аэродрома направились в штаб фронта. Город еще не спал. Многие улицы были ярко освещены и полны людей.

П. И. Бодин немедленно заслушал доклад начальника штаба фронта А. И. Субботина и объяснил, с какими задачами мы прибыли. Их было немало: уточнить на месте обстановку, наметить дополнительные меры по усилению обороны Закавказья и провести их в жизнь, создать резервы из войск, отошедших и отходящих в Закавказье с севера, а также за счет мобилизации новых контингентов из местного населения и, наконец, ускорить подготовку оборонительных рубежей, прежде всего на бакинском направлении. В заключение Бодин обратился к командующему фронтом:

- Известно ли вам, что союзники пытаются использовать наше тяжелое положение на фронтах и вырвать согласие на ввод английских войск в Закавказье? Этого, конечно, допустить нельзя. Государственный Комитет Обороны считает защиту Закавказья важнейшей государственной задачей, и мы обязаны принять все меры, чтобы отразить натиск врага, обескровить его, а затем и разгромить. Надежды Гитлера и вожделения союзников надо похоронить...

Практическая наша деятельность здесь началась с того, что уже 24 августа в Закавказье было введено военное положение. Все войска, организованно отходившие с севера, сажались в оборону на Тереке, в предгорьях Кавказского хребта, на туапсинское и новороссийское направления. А те части и соединения, которые оказались обескровленными в предшествовавших боях, утеряли органы управления или вооружение, отводились в тыл. На главном, бакинском направлении 28 августа стала формироваться 58-я армия. В районе Кизляра сосредоточивался сводный кавалерийский корпус.

После того как мы тщательно разобрались с обстановкой, было решено создать оборонительные районы оперативно важных центров. Всего таких районов насчитывалось три: Бакинский особый, Грозненский и Владикавказский. Начальники их получили права заместителей командующих армиями, оборонявшими подступы к этим районам.

На оборону Военно-Грузинской дороги целиком была поставлена стрелковая дивизия. Главные силы ее запирали вход в районе Орджоникидзе. Туда же перебрасывалась еще одна дивизия из Гори.

Много хлопот доставило бакинское направление. При выезде на место мы установили, что строительство оборонительных рубежей идет там очень медленно. Сил для этого явно не хватало. 16 сентября Государственный Комитет Обороны по нашему представлению принял специальное постановление о мобилизации на оборонное строительство в районах Махачкалы, Дербента и Баку по 90 тысяч местных жителей ежедневно. После этого дело пошло полным ходом. Днем и ночью строились окопы, противотанковые рвы, устанавливались надолбы. Помимо того, 29 сентября Ставка приказала осуществить здесь еще ряд мер по упрочению обороны и направила сюда целевым назначением 100 танков.

Большое внимание уделялось также обороне другого важного направления туапсинского. С начала августа оно все время было в поле зрения Генштаба. В случае прорыва к Туапсе противник выходил с севера на тылы войск, оборонявших Закавказье, и получал наиболее доступный путь в Сочи и Сухуми вдоль морского побережья. Замысел врага отличался решительностью, но ему не суждено было сбыться. 5 августа Ставка издала по этому поводу специальную директиву, и в последующем в результате десятидневных тяжелых боев врага удалось остановить на северных склонах Главного Кавказского хребта в 50 километрах от Туапсе. Однако и после этого положение здесь оставалось напряженным до крайности.

Не менее тяжелая обстановка сложилась на Таманском полуострове и в Новороссийске, где располагались базы нашего флота. Отсюда враг намеревался содействовать удару на Туапсе, и здесь его успехи оказались серьезнее. В конце августа - начале сентября он отвоевал полуостров и захватил большую часть Новороссийска. Для 47-й армии и частей флота, оборонявших этот крупнейший порт Черноморского побережья, создалось критическое положение. Исход борьбы решали стойкость войск, искусство и мужество командования, целесообразность принимаемых решений и твердость проведения их в жизнь. Мы считали, что в этом районе прежде всего следует организовать надежное управление войсками. 1 сентября на базе Северо-Кавказского фронта там была создана Черноморская группа войск, подчиненная Закавказскому фронту. Через несколько дней в командование этой группой вступил герой обороны Севастополя генерал-лейтенант И. Е. Петров. Командующим 47-й армией и всем Новороссийским оборонительным районом Военный совет фронта предложил назначить генерал-майора А. А. Гречко, а руководителем обороны самого города Новороссийска - контр-адмирала С. Г. Горшкова. Это предложение Ставка утвердила.

Результаты сказались немедленно. 10 сентября советские войска остановили врага в восточной части Новороссийска между цементными заводами и заставили его перейти к обороне.

Главный Кавказский хребет не входил в зону действий ни Черноморской, ни Северной групп. Оборонявшая его 46-я армия по идее должна была находиться в непосредственном подчинении командования фронта. Но потом при штабе фронта появился особый орган, именовавшийся штабом войск обороны Кавказского хребта. Возглавил его генерал Г. Л. Петров из НКВД. Надо прямо сказать, что это была совершенно ненужная, надуманная промежуточная инстанция. Фактически этот штаб подменял управление 46-й армии.

С обороной гор дело явно не клеилось. Командование фронта слишком преувеличивало их недоступность, за что уже 15 августа поплатилось Клухорским перевалом. Вот-вот мог быть взят и Марухский перевал, вследствие чего создалась бы угроза выхода немцев на юг, к Черному морю. Допущенные оплошности исправлялись в самом спешном порядке. Срочно формировались и направлялись на защиту перевалов отряды из альпинистов и жителей высокогорных районов, в частности сванов. Туда же, на перевалы, подтягивались дополнительные силы из кадровых войск. В районе Красной Поляны путь к морю на Сочи преградила врагу 20-я горнострелковая дивизия под командованием полковника А. П. Турчинского, 23-й пограничный и 33-й механизированный полки НКВД. Далее к востоку занял оборону крупный отряд полковника И. И. Пияшева. Затем оборонялись части 394-й стрелковой дивизии подполковника И. Г. Кантария и другие войска. В горы выдвигались также вооруженные рабочие отряды. Против врага поднялась вся многонациональная семья народов Кавказа. На боевых рубежах и в тылу противника шла гибельная для непрошеных гостей борьба. Братство народов выдержало все испытания. Расчеты оккупантов на его слабость полностью провалились.

Именно к этому времени относятся события в районе Марухского перевала. В очень трудных условиях его героические защитники отбили все попытки немецких горных отрядов захватить перевал и прорваться здесь через Главный Кавказский хребет. Они выполнили свой солдатский долг до конца.

Ожесточенные бои шли на Тереке. Там наступала 1-я танковая армия, в составе которой было два армейских и три танковых корпуса противника. Удар наносился с расчетом вырваться одновременно на Каспийское побережье и к Военно-Грузинской дороге. Однако ни там, ни тут немецкие войска не получили успеха. Борьба на подступах к Орджоникидзе и

Грозному окончилась для них полной неудачей и большими потерями. Сколько враг ни бился, до грозненской и бакинской нефти добраться не сумел. А заодно провалился и его замысел открыть себе путь на Ближний Восток.

Не вышло дело и на черноморском направлении, хотя там немцы проявляли исключительную активность, особенно под Туапсе. С конца сентября, после основательной перегруппировки, они вторично повели атаки с явным намерением окружить и уничтожить основные силы 18-й армии. Вновь нависла угроза над морским побережьем. В этих условиях Ставка и Военный совет фронта укрепили войска армии свежими силами, а в середине октября командовать ею направили генерала А. А. Гречко. Активизировалась и политическая работа. В ходе тяжелых боев советские войска зацепились за последнюю горную гряду на подступах к Туапсе, но врага не пропустили. Последующими контрударами он был отброшен за реку Пшиш. На этом важном для нас рубеже силы сторон сначала уравновесились, а затем мы приобрели даже некоторое превосходство. Поэтому в середине ноября, когда гитлеровцы в третий раз сделали попытку прорваться к Туапсе, все их усилия оказались тщетны. Мало того, часть атакующих войск противника была окружена и полностью уничтожена.

Более на туапсинском направлении немецко-фашистские войска в наступление не переходили. Не преодолели они и Кавказский хребет, хотя здесь действовал хорошо обученный горнострелковый корпус. На северном склоне Эльбруса враг захватил стоянку альпинистов "Приют одиннадцати", но далее не продвинулся.

Работая в Закавказье, мы все время прочно опирались на офицеров Генштаба, прикомандированных к войскам. Они были рядом с нами в многочисленных разъездах, помогали обрабатывать данные обстановки, готовить для представления в Ставку ежедневное донесение, активно участвовали в наших организационных мероприятиях. Добром вспоминаю я, в частности, товарищей Н. Д. Салтыкова, А. Н. Тамразова и многих других.

Через месяц мы возвратились в Москву. Вопреки хвастливым заявлениям командования немецкой группы армий "А" о том, что сопротивление советских войск скоро будет сломлено, положение в Закавказье стабилизировалось. С нами не было лишь генерал-лейтенанта П. И. Бодина - его назначили начальником штаба фронта. Но недолго пришлось ему занимать этот высокий пост. 1 ноября Бодин погиб: попал в районе Орджоникидзе под бомбежку немецкой авиации, не захотел для безопасности лечь на землю и

расплатился за это жизнью.

Уже по приезде в Москву мы познакомились с пьесой А. Е. Корнейчука "Фронт". Неожиданно она появилась на страницах "Правды" и взволновала весь офицерский состав армии. И хотя у нас в Генштабе каждая минута была тогда на счету, пьесу прочли даже самые занятые. Всей душой мы были на стороне молодого Огнева и высказывались против Горлова.

Но нет, говорят, правил без исключения. И в Генштабе, и за его пределами, даже среди очень заслуженных военных руководителей, нашлись такие, которые восприняли пьесу "Фронт" как своеобразную диверсию против Красной Армии. В Ставку поступило несколько телеграмм с требованием прекратить печатание пьесы в "Правде" и запретить ее постановку в театрах как вещь "абсолютно вредную". На одну из таких телеграмм последовал ответ Верховного Главнокомандующего:

"В оценке пьесы вы не правы. Пьеса будет иметь большое воспитательное значение для Красной Армии и ее комсостава. Пьеса правильно отмечает недостатки Красной Армии, и было бы неправильно закрывать глаза на эти недостатки. Нужно иметь мужество признать недостатки и принять меры к их ликвидации. Это - единственный путь улучшения и усовершенствования Красной Армии".

Мы, генштабовская молодежь, если можно так сказать о людях среднего руководящего звена и еще не старых по возрасту, восприняли "Фронт" как выражение политики партии, как ее призыв к повышению уровня нашего военного искусства и методов руководства войсками.

Главная группировка гитлеровских войск, окруженная под Сталинградом 23 ноября 1942 года, к 2 февраля 1943 года была полностью разгромлена. Ближайшим следствием победы под Сталинградом явилось освобождение Северного Кавказа, к чему по долгу тогдашней своей службы в Генштабе я имел непосредственное отношение.

Сталинград надолго приковал к себе А. М. Василевского. В конце 1942 и в начале 1943 года Александр Михайлович почти безвыездно находился на этом главном тогда участке советско-германского фронта.

А поскольку не было на месте начальника Генштаба, Верховный Главнокомандующий частенько звонил прямо в Оперативное управление, справлялся об обстановке, диктовал свои распоряжения. Приходилось все время быть начеку, дневать и ночевать на рабочем месте. Тем более мне, исполнявшему в тот период обязанности заместителя начальника Оперативного управления{8}. В отдельных случаях И. В. Сталин звонил

дежурному по Генштабу генералу и передавал распоряжения через него. Должность дежурного генерала была нештатной. В свое время ее ввел Б. М. Шапошников. Исполнялась она по очереди генералами из разных управлений Генштаба. Очередь регламентировалась специальным списком, который составляли операторы. Дежурный генерал вел карту и всегда был в курсе обстановки на фронтах и дел в основных управлениях Генштаба.

Враг еще рвался вперед, советские войска напрягали все силы, чтобы остановить его, а в Ставке и Генеральном штабе обдумывались уже планы будущего наступления, закладывался фундамент решающих операций по разгрому противника и под Сталинградом, и на Северном Кавказе. Мне памятна директива Верховного Главнокомандующего от 15 октября 1942 года. В разгар оборонительных боев на Тереке она обращала внимание командования Закавказского фронта на Черноморскую группу войск:

"Из ваших наиболее частых посещений войск Северной группы и из того, что вами значительно большая часть войск направлена в состав этой группы. Ставка усматривает недооценку вами значения Черноморской группы и оперативно-стратегической роли Черноморского побережья".

Как непосредственный исполнитель документа, из которого взята приведенная выше выдержка, я достаточно хорошо знаю, что в основе его лежала забота о будущем наступлении. А в двадцатых числах того же месяца мне представился случай убедиться, что в эти заботы Ставка погружается все глубже. Однажды ночью Ф. Е. Боков вызвал меня к себе и приказал доложить соображения относительно создания на Северном Кавказе конной армии.

- Интересуется Сталин,- добавил он.

Предложение о преобразовании 4-го гвардейского кавкорпуса в конную армию исходило от командующего Закавказским фронтом И. В. Тюленева. Организационно объединить в ней предполагалось семь кавалерийских дивизий: 9-ю и 10-ю Кубанские гвардейские, 11-го и 12-ю Донские гвардейские, 30, 63 и 110-ю.

Сталин отнесся к этому с повышенным вниманием.

- А и в самом деле, не создать ли нам конармию? - спросил он Бокова и тут же приказал проанализировать вопрос в Генштабе.

Кроме того, Верховный лично запросил мнение командира 4-го гвардейского кавкорпуса генерала Н. Я. Кириченко.

Идея была очень соблазнительной. На Северном Кавказе имелось, казалось бы, все для ее осуществления: и кони, и отличные кавалеристы из кубанских и донских казаков, и

пространства, обеспечивающие свободный маневр большим массам конницы. К тому же все мы воспитывались на глубоком уважении к героическому прошлому красной кавалерии. Однако условия Великой Отечественной войны существенно отличались от условий войны гражданской, и над этим следовало задуматься.

О роли конницы в современной войне, ее организации и способах применения имелось несколько точек зрения. Одни считали, что конница изжила себя, что она уже не способна к лихим атакам и глубоким рейдам из-за уязвимости от огня автоматического оружия, наличия у противника большого количества танков, трудностей снабжения фуражом и по многим другим причинам. Указывалось и на то, что в современной войне часты случаи перехода к обороне, а конница без пехоты, танков и артиллерии прочной обороны создать не может. Следовательно, ее потребуется усилить другими родами войск, во при этом она неизбежно утратит самое сильное свое качество - подвижность. А раз так, то нет смысла иметь кавалерию вообще.

Другие склонялись к тому, что конницу надо использовать в комбинации с танками и механизированными войсками, в виде временных конно-механизированных объединений при достаточной авиационной поддержке.

Такое решение вопроса о коннице, по мнению Генштаба, являлось наиболее правильным. Оно давало простор для сочетания различных родов войск в пропорциях, наиболее отвечающих обстановке.

Были, наконец, и сторонники существования конницы "в чистом виде".

Эти взгляды вступали в противоречие с уже имевшимся опытом, который, как известно, всегда является критерием истины. При использовании конницы без средств усиления она несла слишком большие потери, достигая весьма ограниченных результатов своими поистине героическими рейдами. В некоторых случаях ее приходилось просто выручать, вплоть до подачи овса на самолетах в тыл противника, откуда кавалерийские соединения не могли выйти самостоятельно.

Все это было взвешено при рассмотрении вопроса о создании конной армии. И в конце концов Генеральный штаб дал на сей счет отрицательное заключение, полагая, что эта громоздкая организация будет чрезвычайно уязвима с земли и с воздуха и не оправдает возлагаемых на нее надежд. Верховный Главнокомандующий с нашими соображениями согласился.

В декабре 1942 года, после разгрома Манштейна, обстановка на Северном Кавказе решительно менялась в нашу пользу. Теперь создавалась непосредственная возможность выхода Южного

(бывшего Сталинградского) фронта в тыл немецкой группы армий "А", засевшей на Тереке, в Кавказских горах и у Новороссийска, и перехвата путей наиболее вероятного ее отступления через Дон в Донбасс. 29 декабря был освобожден населенный пункт Котельниковский, откуда степные зимние дороги вели прямо на Батайск и Ростов. Подошло время начать широкие наступательные операции и на Закавказском фронте.

В предвидении этих событий Генштаб предложил, чтобы Южный фронт, сосредоточивая главные усилия на ростовском направлении, предусмотрел действия частью сил на Тихорецкую. Захват Тихорецкой отрезал бы кавказскую группировку противника от Ростова и вывел советские войска на тылы 1-й танковой армии немцев. Ставка приняла это предложение. В ночь под Новый, 1943 год план дальнейших действий войск Южного фронта был утвержден.

В то же время принимались меры, не допускавшие отхода противника с Северного Кавказа на Таманский полуостров, где существовала переправа в Крым. Этому должна была воспрепятствовать Черноморская группа войск Закавказского фронта своим ударом на Краснодар, Тихорецкую, с выходом навстречу войскам Южного фронта. Северной группе отводилась более скромная роль: ей предстояло связать противника боями на занимаемых им рубежах, не позволить ему оторваться, препятствовать маневрированию.

Таким образом, к началу 1943 года в Ставке окончательно оформился замысел изоляции противника на Северном Кавказе с целью его последующего уничтожения. Действия здесь составляли лишь одно из звеньев в длинной цепи наступательных операций Советских Вооруженных Сил от Воронежа до Моздока. Сталинградская победа раскрывала широкие перспективы и перед другими фронтами. Воронежскому предстоял удар на Харьков, Юго-Западному - на Лисичанск, Красноармейское, Мариуполь, Южному - на Шахты в обход Ростова. Такое направление согласованных по времени ударов должно было взломать фронт противника на многих участках, создать угрозу тылу его основных группировок, заставить немецко-фашистское командование разбрасывать свои силы и действовать растопыренными пальцами.

Исполняя решение Ставки, Закавказский фронт разработал планы Краснодарской и Новороссийской операций Черноморской группы. Первая осуществлялась в основном силами 56-й армии, вторая - 47-й армией и флотом. Волнений при этом было множество. В Генштаб поступили данные о том, что противник узнал о подготовке операции под Новороссийском. Ему якобы

стало известно даже направление главного удара через Неберджаевский перевал с одновременной высадкой морского десанта. Если это действительно так, требовалось срочно менять планы. Расследование, однако, не подтвердило утечки данных о наших замыслах, и подготовка операции продолжалась.

Но противник не ждал, когда мы проведем наши планы в жизнь. В то самое время, когда Ставка дала директиву относительно удара на Тихорецкую, немецко-фашистское командование приступило к отводу 1-й танковой армии с Терека на северо-запад, поскольку над ее тылом уже нависала неотвратимая угроза со стороны Южного фронта. Чтобы понять, как развиваются события, не требовалось большой полководческой прозорливости.

1-я танковая армия стремилась сомкнуться флангом с 4-й танковой армией из группы Манштейна и таким образом приостановить наступление войск Южного фронта в Манычской впадине, не дать нам вырваться к Ростову. Практически враг создавал бронированный барьер из двух танковых армий. А танки, как известно, в условиях степей могут легко маневрировать, в короткое время образовывать сильные подвижные группировки и наносить мощные удары. К тому же именно здесь противник располагал тогда кроме частей 1-й танковой армии еще и соединением специальной организации, особо подготовленным для войны в пустынях и степях, так называемым корпусом "Ф"{9}. В состав этого корпуса входили три моторизованных, танковый и саперный батальоны, подразделения штурмовых орудий и авиаотряд. У нас же танков было относительно мало, и приходилось сочетать их с конницей, чтобы хоть в какой-то мере ослабить преимущество врага.

Главным силам 1-й танковой армии удалось оторваться от нашей Северной группы войск. Преследование отходящего противника началось недостаточно организованно и с опозданием. Средства связи оказались не подготовленными к управлению наступательными действиями. В итоге уже в первый день преследования части перемешались. Штабы не знали точного положения и состояния своих войск. 58-я армия отстала от соседей и оказалась как бы во втором эшелоне. 5-й гвардейский Донской кавкорпус и танки не смогли опередить пехоту. Командование фронта пыталось навести порядок, но без особого успеха.

Перед Черноморской группой отхода, однако, не наблюдалось. Там противник сопротивлялся упорно. Он понимал, чем грозит ему прорыв советских войск на Краснодар, Тихорецкую и на Таманский полуостров.

Командование же Закавказского фронта не вполне точно оценивало обстановку. Главное внимание оно по-прежнему уделяло действиям Северной группы войск, хотя стало уже очевидным, что ее фронтальным преследованием противник только выталкивается. Значительно большие перспективы рисовались в полосе Черноморской группы войск. Но как раз здесь-то командование фронта ничего существенного не предпринимало.

4 января в 13 часов 30 минут позвонил Сталин.

- Запишите и передайте во фронт,- сказал он мне и стал диктовать директиву. Говорил медленно, обдумывая, видимо, формулировки:

- "Первое. Противник отходит с Северного Кавказа, сжигая склады и взрывая дороги. Северная группа Масленникова превращается в резервную группу, имеющую задачу легкого преследования. Нам невыгодно выталкивать противника с Северного Кавказа. Нам выгоднее задержать его с тем, чтобы ударом со стороны Черноморской группы осуществить его окружение. В силу этого центр тяжести операций Закавказского фронта перемещается в район Черноморской группы, чего не понимают ни Масленников, ни Петров.

Второе. Немедленно погрузите 3-й стрелковый корпус из района Северной группы и ускоренным темпом двигайте в район Черноморской группы. Масленников может пустить в дело 58-ю армию, которая болтается у него в резерве и которая в обстановке нашего успешного наступления могла бы принести большую пользу.

Первая задача Черноморской группы - выйти на Тихорецкую и помешать таким образом противнику вывезти свою технику на запад. В этом деле вам будет помогать 51-я армия и, возможно, 28-я армия.

Вторая и главная задача ваша состоит в том, чтобы выделить мощную колонну войск из состава Черноморской группы, занять Батайск и Азов, влезть в Ростов с востока и закупорить таким образом северокавказскую группу противника с целью взять его в плен или уничтожить, В этом деле вам будет помогать левый фланг Южного фронта Еременко, который имеет задачей выйти севернее Ростова..."

Тут Сталин сделал довольно значительную паузу, а затем продолжал:

- "Третье. Прикажите Петрову, чтобы он начал свое наступление в срок, не оттягивая этого дела ни на час, не дожидаясь подхода всех резервов. Петров все время оборонялся, и у него нет большого опыта по наступлению. Растолкуйте ему, что

он должен перестроиться на наступательный лад, что он должен дорожить каждым днем, каждым часом".

Под конец Верховный добавил пункт, требовавший немедленного выезда командования фронта в район действий Черноморской группы. Таким образом, вторично было подтверждено, что главные усилия Закавказского фронта должны концентрироваться именно здесь. Теперь уже не прогнозы, а сама обстановка подсказывала этот наиболее разумный способ действий.

Перемещение центра тяжести операций в полосу Черноморской группы не допускало, однако, ослабления активности Северной группы войск. Как бы то ни было, она уже вела преследование противника, и ее положение позволяло надеяться на значительный оперативный результат.

Своим правым флангом Северная группа продвинулась на 20 километров и находилась на рубеже Согулякин. Здесь нашему 4-му гвардейскому кавкорпусу противостоял корпус "Ф". 44-я армия, сбивая части прикрытия 3-й и 13-й танковых дивизий немцев, выдвинулась на 20 километров к западу от Сунженского. В ее полосе действовали также 5-й гвардейский кавкорпус и танковая группа генерала Г. П. Лобанова (три танковые бригады, танковый полк, отдельный танковый батальон, два истребительно-противотанковых полка, а всего 106 танков и 24 бронемашины). В центре 58-я армия сбила части 111-й и 50-й пехотных дивизий немцев, овладела 3 января Моздоком и медленно продвигалась в направлении Прохладного. Левее 9-я армия отбросила прикрытие 370-й пехотной и 5-й авиаполевой дивизий противника и продвинулась за сутки более чем на 30 километров. В полосе этой армии находилась танковая группа подполковника В. И. Филиппова (три танковые бригады и два танковых батальона - всего 123 танка, а также стрелковая бригада и два истребительно-противотанковых полка). На левом фланге 37-я армия, преследуя части корпусной группы Штейнбауэра, овладела Нальчиком и наступала в северо-западном направлении.

Перед правым флангом Северной группы лежала степь, где успешно могли действовать подвижные войска. А в центре и на левом фланге, по мнению Генштаба, можно было подсечь противника ударом 37-й армии в направлении Пятигорска, в сочетании с наступлением 9-й армии на Георгиевск. Таким образом достигался бы разгром основных сил вражеского прикрытия и, следовательно, ускорялись темпы последующих наступательных действий. С выходом же к Невинномысску для Северной группы открывалась возможность ударить в тыл немецким войскам, находившимся в горах Главного Кавказского

хребта.

В то же время мы понимали, что Северная группа не в состоянии охватить своими подвижными войсками фланг противника, а тем более выйти на тылы его главных сил. Наши конные корпуса были очень ослаблены. В 10-й гвардейской кавдививии, например, к началу преследования в строю насчитывалось: людей менее двух тысяч, орудий 76-мм калибра - два, 45-мм калибра - четыре, станковых пулеметов - четыре. 9-я гвардейская кавдивизия имела в строю 2317 человек, орудий разных - семь, станковых пулеметов - восемь. Чуть лучше выглядели в этом отношении и другие дивизии. А конский состав везде был истощен настолько, что не выдерживал переходов более 20-25 километров в сутки. Без танков и авиации такие дивизии не могли, конечно, сыграть серьезной роли в борьбе против 1-й танковой армии противника и его корпуса "Ф".

Вместе с тем очень хотелось принять такие меры, которые привели бы если не к полному разгрому, то хотя бы к частичному поражению противника и захвату его техники. Надо было создать какой-то ударный кулак на правом фланге. Генштаб предложил усилить кавкорпуса танками и использовать их на путях отхода противника.

Соображения Генерального штаба направили Военному совету фронта, так сказать, для консультации, в порядке поиска наиболее целесообразного решения. Однако там эти соображения в должной мере учтены не были. Оперативная директива Северной группы войск, представленная в Ставку 6 января, с которой, видимо, согласилось и командование фронта, имела ряд существенных недостатков. В целом она продолжала прежнюю линию на выталкивание противника, вела к распылению усилий войск, особенно кавкорпусов и танков, характеризовалась слишком сложным маневром, тормозящим их движение вперед.

Такой план действий Ставка, разумеется, не утвердила. Генштабу было приказано подробно проанализировать действия Северной группы и послать этот анализ ее командующему и командующему Закавказским фронтом. Мы это сделали. В записке Генштаба от 7 января отмечалось, что войскам группы ставятся нереальные задачи по глубине: например, Кубанскому кавкорпусу предлагалось к 9 января овладеть Ворошиловском (Ставрополь), удаленным на 200 километров от расположения корпуса; 58-й армии ставилась задача преодолеть с боем свыше 100 километров за два дня. Нереальными были и задачи 44-й армии. В то же время 9-я армия, имевшая наибольшее продвижение, преднамеренно задерживалась на месте на три дня и выводилась в резерв.

Генштаб предложил: продолжать наступление 9-й армии на Георгиевск, Минеральные Воды, имея впереди три танковые бригады; основные силы подвижных войск вести на правом фланге и использовать их на путях отхода противника в районе Невинномысска или еще глубже; на левом фланге иметь минимальные силы, с тем чтобы не выталкивать противника из предгорий Главного Кавказского хребта и избежать излишних перегруппировок в дальнейшем; 58-ю армию вести во втором эшелоне. При этом подчеркивалась необходимость спланировать операцию, исходя из реальных возможностей, наладить бесперебойное управление войсками и снабжение их.

Следует заметить, что как раз в день отправки наших рекомендаций на правом фланге Северной группы опять нарушилась связь с танковыми и кавалерийскими частями. Точного их положения штабы не знали.

Прочитав итоговое боевое донесение за 7 января по Закавказскому фронту, Сталин в 3 часа 55 минут 8 января опять продиктовал для передачи И. И. Масленникову и в копии И. В. Тюленеву гневную телеграмму:

"...Вы оторвались от своих войск и потеряли связь с ними. Не исключено, что при таком отсутствии порядка и связи в составе Северной группы ваши подвижные части попадут в окружение...

Такое положение нетерпимо.

Обязываю вас восстановить связь с подвижными частями Северной группы и регулярно, два раза в день, сообщать в Генштаб о положении дел на вашем фронте.

Личная ответственность за вами..."

В последующие дни управление войсками Северной группы несколько улучшилось и преследование проводилось более планомерно, в основном вдоль железной дороги на Армавир. Однако решительного перелома в ходе операции достигнуто не было: противник не допустил охвата его фланга или прорыва наших подвижных войск на тылы группы армий "А". Правда, остановить наше наступление ему тоже не удалось. Бои велись с исключительной ожесточенностью.

Пришлось решительно перестраиваться и командованию Черноморской группы, ставшей теперь точкой приложения главных усилий фронта. Дело в том, что примерно с середины ноября 1942 года здесь подготавливалась так называемая Майкопская операция. В свое время она была целесообразна, и Ставка ее санкционировала. На майкопском направлении развернулась работа по развитию дорог, созданию запасов, сосредоточению войск. Но к январю 1943 года необходимость в этой операции отпала. Изменившаяся обстановка требовала

наступления на краснодарском и новороссийском направлениях. Приходилось все менять, причем в самом срочном порядке.

Командование фронта, прибывшее по указанию Сталина на КП Черноморской группы в Молодежное (под Туапсе), занялось вместе с И. Е. Петровым разработкой замысла двух новых операций, под условными наименованиями "Горы" и "Море". В то же время на краснодарское и новороссийское направления стали стягиваться войска, в частности артиллерия. Сосредоточение их по горным дорогам было сопряжено с большими трудностями.

Планы этих двух операций Черноморской группы были представлены в Ставку и уже 8 января рассмотрены там.

По плану "Горы" главная роль отводилась 56-й армии, командование которой поручалось генералу А. А. Гречко. Он уже хорошо зарекомендовал себя как командующий Новороссийским оборонительным районом, а затем 18-й армией под Туапсе, где враг был остановлен в критические дни обороны Кавказа. В состав 56-й армии включались значительные силы: пять стрелковых дивизий, семь стрелковых бригад, танки и другие средства усиления.

Операция имела два четко выраженных этапа. На первом этапе (14-18 января) предполагалось разгромить вражеские войска, противостоящие 56-й армии, овладеть Краснодаром и захватить переправы через Кубань. На втором этапе (19-30 января) планировалось наступление из района Краснодара на Тихорецкую и овладение рубежом Тихорецкая, Каневская. О дальнейшем движении на Батайск в плане даже не упоминалось.

"Будет надир", - подумали мы, хотя, говоря откровенно, у нас самих не было уверенности в том, что Черноморской группе удастся вырваться на Тихорецкую, а не только на Батайск: отходящий перед Северной группой противник попадал туда, безусловно, раньше наших войск. Но Верховный назвал Батайск как конечную цель удара, а он о своих указаниях никогда не забывал и не позволял забывать другим.

Операция "Море", проводившаяся во взаимодействии с Черноморским флотом, распадалась на три этапа. На первом из них (12-15 января) 47-я армия генерал-лейтенанта Ф. В. Камкова должна была прорвать оборону противника в районе Абинской и захватить станицу Крымскую, создав тем самым выгодные условия для овладения Новороссийском с суши и развития наступления в глубину Таманского полуострова. На втором этапе (16-25 января) предстояло освободить порт и город Новороссийск ударом 47-й армии с суши и морского десанта из района Южная Озерейка. Третий этап составляло освобождение Таманского полуострова, и рассчитан он был до 1 февраля.

Если план "Море" Ставка утвердила без замечаний, то с другим планом, "Горы", возникли осложнения. Как мы и предполагали, Верховный высказал недоумение по поводу обойденного молчанием наступления на Батайск. В 14 часов 8 января от Сталина снова последовал звонок в Генштаб, и я записал следующее распоряжение для передачи командованию Закавказского фронта и Черноморской группы:

"Первое. Ваш план операции получен. Он отражает только два этапа операции: первый этап - выход на рубеж Краснодар, второй этап - выход на рубеж Тихорецкая. Но в вашем плане не отражен третий этап операции, предусмотренный моими указаниями, а именно - выход на Батайск.

Прошу сообщить, по каким мотивам вы отсекли 3-й этап операции.

Вполне вероятно, что в связи с наступлением Южного и Юго-Западного фронтов может создаться благоприятная обстановка для выхода части черноморских войск на Батайск. Если вы теперь же не подготовитесь к этому делу, обстоятельства могут застать вас врасплох.

В связи с этим прошу вас сообщить в Генеральный штаб о тех силах, которые вы намерены выделить для осуществления 3-го этапа операции.

Второе. Ваш план операции по 1-му и 2-му этапам утверждается".

Затем, вспомнив, видимо, продиктованную ночью телеграмму И. И. Масленникову относительно потери управления войсками, Сталин приказал прибавить только для Военного совета фронта третий пункт:

"Обратите внимание на Масленникова, который оторвался от своих частей и не руководит ими, а плавает в беспорядке".

Недостающая часть плана "Горы" вскоре была представлена, и 11 января Ставка утвердила его в целом.

Все перегруппировки и сосредоточение войск в полосе Черноморской группы проводились в чрезвычайной спешке. К этому вынуждал не только продолжающийся отход 1-й танковой армии противника, но и начавшееся 5 января отступление немцев с перевалов Главного Кавказского хребта.

Принимались все возможные меры, чтобы закончить подготовку операции в сроки, обусловленные планами, но достигнуть этого не удалось. Погода вконец испортилась, шли дожди и снег. Войска и грузы задержались в пути. Особенно плохо было с артиллерией. Командование фронта доложило об этом. Сталин на сей раз проявил терпимость. 13 января в 11 часов 50 минут он передал через оперативного дежурного по Генштабу

генерала С. С. Броневского следующий ответ командующему фронтом:

"Сроки начала и проведения операции не следует понимать как абсолютные и неизменные величины. Если погода плохая, можете начать операцию "Горы" или операцию "Море" на один-два дня позже срока".

На основании этой телеграммы наступление 56-й и 47-й армий было начато 16 января, но опять-таки при далеко не полном сосредоточении войск. Дальнейшие отсрочки оказались невозможными из-за несколько неожиданного изменения обстановки перед фронтом Черноморской группы и ее соседей справа - 46-й и 18-й армий. Дело в том, что 46-я армия начала наступление еще 11 января. Перед ней стояла скромная задача: отвлечь внимание противника от главных направлений, нанося удары на Нефтегорск, Апшеронский и Майкоп. Однако действия ее оказались настолько энергичными, что она вынудила к отходу в северном направлении противостоящие ей вражеские войска и создала угрозу для противника, оборонявшегося перед расположенной левее 18-й армией. Там тоже начался отход. 18-я армия перешла в преследование, поворачивая фронт на северо-запад. А это в свою очередь благоприятствовало наступлению 56-й армии. 16 января она атаковала противника и за семь дней тяжелых боев прорвала его оборону на краснодарском направлении, вышла на подступы к Краснодару и к реке Кубань.

47-я армия, наносившая главный удар на Крымскую, успеха не имела. Да и в полосе 56-й сопротивление противника все возрастало и вскоре стало непреодолимым. Соотношение сил уравнялось и даже имело тенденцию к изменению в пользу противника.

Тут заявили о себе неотвратимые законы диалектики войны: ухудшение общего положения немецко-фашистских войск, особенно под Батайском и Ростовом, заставило их командование использовать все возможности для укрепления обороны на краснодарском и новороссийском направлениях, любой ценой сохранить за собой пути отхода в Донбасс и Крым. Ведь в то время, когда Черноморская группа вела бои на подступах к Краснодару, 2-я гвардейская, 51-я и 28-я армии Южного фронта находились уже в восьми километрах от Батайска, а войска Северной группы Закавказского фронта выходили в район Песчаноокопское, Кропоткин, Армавир. Создавалась, таким образом, ситуация, чреватая для противника новым "Сталинградом". Он, конечно, всячески старался избежать этого и принимал контрмеры.

23 января особой директивой советское Верховное

Главнокомандование указало Южному фронту на его главную роль в окружении противника на Северном Кавказе.

"Захват Батайска нашими войсками,- говорилось в директиве,- имеет большое историческое значение. Со взятием Батайска мы закупорим армии противника на Северном Кавказе, не дадим выхода в район Ростова, Таганрога, Донбасса 24 немецким и румынским дивизиям.

Враг на Северном Кавказе должен быть окружен и уничтожен, так же как он окружен и уничтожается под Сталинградом.

Войскам Южного фронта необходимо отрезать 24 дивизии противника на Северном Кавказе от Ростова, а войска Черноморской группы Закавказского фронта в свою очередь закроют выход этим дивизиям противника на Таманский полуостров.

Главная роль принадлежит здесь Южному фронту, который должен совместно с Северной группой Закавказского фронта окружить и пленить или истребить войска противника на Северном Кавказе".

Ставка приказывала Южному фронту немедленно двинуть на Батайск основные силы, расположенные в районе Маныча и южнее Дона, захватить Батайск и Азов. Приказ этот был принят к исполнению. Однако неоднократные атаки наших войск в районе Батайска были отражены в основном танками и авиацией. Сил Южного фронта для разгрома батайской группировки и перехвата путей отхода противника на Ростов явно не хватало.

К этому же времени относятся важные изменения в обстановке на Закавказском фронте. Подвижные части его Северной группы соединились с левофланговой 28-й армией Южного фронта и достигли рубежа Средне-Егорлык, Песчаноокопское, а 44, 58, 9 и 37-я армии выходили на дальние подступы к Тихорецкой. Теперь уже незачем было направлять сюда усилия Черноморской группы. Эта задача, поставленная ей ранее, явно изжила себя. 23 января Черноморская группа получила указание:

"1) Выдвинуться в район Краснодара, прочно оседлать р. Кубань, распространиться по обоим ее берегам, а главные силы направить на захват Новороссийска и Таманского полуострова с тем, чтобы закрыть выход противнику на Таманский полуостров так же, как Южный фронт закрывает выход противнику у Батайска и Азова.

2) В дальнейшем основной задачей Черноморской группы войск иметь захват Керченского полуострова".

В тот же день, 23 января, по вызову Ставки в Москву прибыл Л. М. Василевский. По его докладу о положении на фронтах,

действия которых он координировал, и сообразуясь с обстановкой на Северном Кавказе, Ставка приняла решение о преобразовании Северной группы Закавказского фронта в самостоятельный Северо-Кавказский фронт. В состав его вошли 9, 37, 44 и 58-я армии, Кубанский и Донской гвардейские кавкорпуса, а также все другие соединения, части и учреждения, входившие ранее в Северную группу. Командующим остался И. И. Масленников. Директивой Ставки от 24 января ему предписывалось:

"...1. Подвижную КМГ генерал-лейтенанта Кириченко направить на Батайск для удара в тыл ростовско-батайской группе противника с задачей во взаимодействии с левым крылом Южного фронта разгромить противника и овладеть Батайском, Азовом, Ростовом.

2. 44-й и 58-й армиям, наступая в направлении Тихорецкая, Кущевская, поставить задачу разгромить отступающие части 1-й танковой армии противника, выйти на рубеж Батайск, Азов, Ейск. В дальнейшем иметь в виду форсирование Таганрогского залива и выход на северный берег в район Кривая Коса, Буденновка.

3. 9-й армии нанести удар на Томашевская, 37-й армии - на Краснодар с задачей во взаимодействии с Черноморской группой Закавказского фронта окружить, разгромить противника или пленить его".

На примере действий Закавказского фронта в январе 1943 года ярко видна повседневная руководящая роль Ставки и ее рабочего органа - Генерального штаба. Ни одно изменение обстановки не оставалось без внимания, ни одна серьезная ошибка не оставалась без поправки. Подтверждением тому служат основные письменные директивы, распоряжения и указания, о которых говорилось выше.

Кроме того, помимо сбора информации с фронтов о положении и действиях своих войск и противника по нескольку раз в день велись устные переговоры, уточнялись детали обстановки и т. д. И так по всем фронтам. Это была гигантская, напряженная работа, которую вел большой коллектив Генерального штаба под руководством Ставки Верховного Главнокомандования.

В первых числах февраля в полосе Северо-Кавказского фронта противник был выбит из степей северо-западнее и западнее Тихорецкой и с побережья Азовского моря от Азова до Приморско-Ахтарской. Наши войска овладели районом Чепегинской и выдвинулись к Кореновской. Однако захватить Батайск не удалось. Здесь на подступах к Ростову по-прежнему стоял своеобразный броневой щит.

Не было успеха и под Новороссийском. Наступление 47-й

армии в направлении станиц Абинская и Крымская оказалось неподготовленным: достаточных для этого сил здесь не накопили, прорыв должным образом не организовали, и атаки очень скоро захлебнулись. Что же касается высадки десанта в районе Южной Озерейки, то она сорвалась из-за штормовой погоды.

Несколько лучше обстояло дело в правофланговых армиях Черноморской группы: они успешно преследовали противника и нанос или ему большой урон. 46-я армия, форсировав Кубань, овладела станицей Усть-Лабинской. 18-я армия отбросила врага к Кубани. 56-я вела упорные бон на подступах к Краснодару, а затем по приказу Ставки пришла на помощь 47-й армии, нанесла фланговый удар в направлении Нового Бжегоная, Львовской, Крымской. Через два дня этот удар был усилен еще и 18-й армией. Но тщетно. На правом фланге Черноморской группы намеченная цель тоже осталась недостигнутой. Сказались опять-таки и недостаточность материальных средств, и ограниченность времени на подготовку наступления. Но главная причина состояла в том, что немцы бросили сюда основные силы своей 17-й армии и сумели создать здесь заранее особо прочную оборону. В результате к февралю 1943 года образовался так называемый таманский плацдарм противника, с которым впоследствии пришлось изрядно повозиться.

Мы в Генштабе не раз задавали себе вопрос - чем обусловлено положение этого плацдарма? Вынужденная это мера или преднамеренный акт? Конечно, войска 17-й армии, не сумевшие отойти на Дон и связанные нашими ударами, принуждены были отступить на Таманский полуостров. Но с другой стороны, немцы не могли не оценить оперативного значения Таманского полуострова. Укрепившись здесь, они угрожали тылам наших войск на Нижнем Дону и Кавказе, затрудняли действия советского флота в Азовском море. Наконец, таманский плацдарм прикрывал с востока Крым от морских десантов. Если рассматривать дело в таком аспекте, то выходило, что противник обосновался на Тамани преднамеренно. Во всяком случае, мы больше склонялись к последнему и делали вывод, что таманский плацдарм будет обороняться упорно, ликвидировать его не так-то просто.

В ходе предшествовавших боевых действий Северо-Кавказский и Закавказский фронты сомкнулись флангами и главные силы нацелили на таманский плацдарм. Оставлять их войска под руководством двух фронтовых управлений, но с одной общей задачей не было смысла. Поэтому с 5 февраля Ставка передала Черноморскую группу Северо-Кавказскому фронту и ему же подчинила в оперативном отношении Черноморский флот.

Зато от него отошли 44-я армия и подвижная группа Кириченко, тяготевшие оперативно и территориально к Южному фронту.

Таким образом, все внимание Северо-Кавказского фронта переключалось на разгром таманской группировки противника. Закавказский же фронт получил прежнюю оборонительную задачу в пределах Закавказья.

Но накануне реорганизации была повторно проведена Новороссийская операция. Замысел ее в основном оставался без изменений: окружение и разгром противника в районе Новороссийска согласованными действиями 47-й армии и морских десантов. Сухопутные войска направлялись в обход города с северо-запада, а десанты высаживались в двух местах: основной - в районе Южная Озерейка и вспомогательный - в районе Станички. Время высадки десантов ставилось в зависимость от действий 47-й армии: десантирование должно было осуществляться после того, как сухопутные войска прорвут оборону противника к северу от Новороссийска и овладеют перевалом Маркотх.

1 февраля 47-я армия перешла в наступление, но успеха не имела. Тем не менее командующий Закавказским фронтом приказал высаживать морской десант. Попытка эта была предпринята 4 февраля без надлежащей подготовки. Плохо организованное взаимодействие между кораблями флота и десантом, а главное, то, что огневые средства противника не были подавлены корабельной артиллерией, привело к плачевным результатам. В районе Южная Озерейка высадилась лишь небольшая часть основного десанта - около 1400 человек. Удержать плацдарм они, конечно, не смогли и впоследствии с большими потерями вынуждены были пробиваться к вспомогательному десанту в районе Станички. Несколько десятков человек из состава этой группы удалось снять с берега катерами.

Вспомогательный десант (почти 900 человек) под командованием майора Ц. Л. Куникова высадился полностью. Этому способствовали хорошо организованные действия отряда кораблей высадки (командир - капитан-лейтенант Н. И. Сипягин). На суше десантники вели бой дерзко и умело. Хорошо работал штаб десантников во главе с опытным капитаном Ф. Е. Котановым, который потом заменил смертельно раненного Куникова. Должен отметить начальника штаба Новороссийской военно-морской базы капитана 2 ранга А. В. Свердлова, которому было поручено управление всеми силами вспомогательного десанта с передового командного пункта. Десантникам удалось захватить и удержать небольшой плацдарм, на который затем

переправились несколько стрелковых и морских бригад, а также управление 16-го стрелкового корпуса. Они расширяли территорию плацдарма до горы Мысхако, привлекли на себя силы почти пяти дивизий противника, прославили советское оружие.

Почти одновременно с этим, 9-22 февраля, проводилась другая наступательная операция - в районе Краснодара. На правом фланге здесь действовали 58-я и 9-я армии, в центре - 37-я и 46-я, а левое крыло, севернее Новороссийска, составляла все та же 47-я армия. Удары наносились по сходящимся направлениям на станицу Варениковскую. 18-я и 56-я армии, находившиеся непосредственно перед Краснодаром, наступали с целью окружения и разгрома противника, оборонявшегося в самом городе.

Местность не благоприятствовала нам. 47-й армии предстояло преодолеть горный хребет, а 58, 9 и 37-я - наступали через лиманы, плавни, озера и ерики, переполненные в это время водой. О дорогах даже вспомнить страшно: это были потоки непролазной грязи, буквально засасывавшие и пехоту, и артиллерию, и в особенности тылы. А противник сидел на господствующих высотах, используя каждый час для того, чтобы поглубже зарыться в землю и прибавить к многочисленным естественным препятствиям, вставшим на нашем пути, еще и искусственные, в частности минные поля.

Командование фронта стояло перед дилеммой: либо подготовиться к прорыву по всем правилам, но потерять время, за которое противник успеет еще более укрепиться, либо наступать без существенной паузы, не давая врагу возможности усилить оборону. Избрали второй вариант: на подготовку операции отвели всего пять суток.

9 февраля с рубежа рек Бейсуг и Кубань войска Северо-Кавказского фронта нанесли удар, прорвали оборону немцев в районе Кореновской, и наша 37-я армия за два дня боев углубилась на запад до 25-30 километров. На правом фланге 18-й армии в районе Пашковской тоже была форсирована Кубань и имелось некоторое продвижение. Опираясь на успех соседей, пошла вперед и 46-я армия. Совместными усилиями 12 февраля они выбили врага из Краснодара и весь следующий день продолжали преследование его на глубину до 50 километров. Под влиянием этого несколько выправилось положение на правом фланге и юго-западнее Краснодара. А вот в районе Новороссийска все удары 47-й армии и героев Мысхако были отбиты.

В течение второй половины февраля, в марте и первой половине апреля наступательные бои продолжались без крупных успехов. Противника оттеснили на линию рек Курка и Кубань до

Прикубанского, на реку Адагум до Красного, на высоты у станиц Крымская, Неберджаевская, но решительного поражения он не понес. Объяснялось это многими обстоятельствами, и в частности недостатками в руководстве нашими войсками. Напрашивалась необходимость дополнительных организационных мер.

Уже 16 марта Ставкой было ликвидировано управление Черноморской группы и за счет его усилен штаб Северо-Кавказского фронта. Несколькими днями ранее управление 18-й армии передислоцировалось в район Новороссийска и объединило войска, действовавшие на полуострове Мысхако и у горы Долгой. Дивизии же, оставшиеся в районе Краснодара, влились в 46-ю и 56-ю армии.

Противник между тем сам стал проявлять повышенную активность и на сухопутье, и в воздухе, и на море. В апреле он усилил свои войска в районе Новороссийска и нанес сильнейшие контрудары по защитникам Малой земли, а также восточное города. Не оставалось никаких сомнений, что немцы собираются ликвидировать наш плацдарм.

Удары были и по другим нашим армиям. С 15 апреля враг предпринял контратаки на главном направлении против 56-й армии. Немецкая авиация летала сюда не только с таманских, но и с крымских, даже с украинских аэродромов. Она стремилась захватить господство в воздухе. Над Кубанью шли многочисленные воздушные бои, в которых участвовали новейшие немецкие истребители Ме-109Г-2 и Ме-109Г-4.

Боевая активность нашей авиации была заметно ниже. 9 апреля, например, враг сделал свыше 750 самолето-вылетов, мы - 307; 12 апреля он - 862, мы 300; 15 апреля он - 1560, мы - 447; 17 апреля немцы - 1560, мы - 538. На море противник блокировал Геленджикскую бухту.

Положение, таким образом, складывалось для нас неблагоприятно. Ставка позаботилась об усилении Северо-Кавказского фронта. Сюда перебрасывались новые авиационные части, гвардейские минометы, направлялись дополнительные эшелоны с боеприпасами и горючим. В резерв фронта вывели 47-ю армию, два стрелковых корпуса и дивизию. Создавались резервы в армиях. Упорядочивалась работа тылов.

Детально разобравшись в обстановке, сложившейся на Северном Кавказе, Генеральный штаб 17 апреля доложил свои выводы Верховному Главнокомандующему вместе с планом возможного использования сил и средств, имеющихся на Северо-Кавказском фронте и прибывающих туда в ближайшее время. И. В. Сталин посоветовался с Г. К. Жуковым, недавно прибывшим из-под Белгорода. Тот не исключал намерений немецкого

командования использовать 17-ю армию, засевшую на Тамани, в наступательных операциях весной и летом 1943 года. Он считал целесообразным поскорее ликвидировать таманский плацдарм, отбросив противника в Крым.

Поразмыслив над этим, Верховный Главнокомандующий сказал Жукову:

- Неплохо бы вам лично разобраться во всем на месте. Последнее время у Масленникова что-то не ладится. Усилия фронта ощутимых результатов не дают... Возьмите с собой от Генштаба Штеменко и побывайте там сами...

Тогда же Верховный разрешил использовать в боях на Тамани особую дивизию НКВД из резерва Ставки. Командовал ею уже знакомый читателю полковник Пияшев. Это соединение имело в то время наибольшую укомплектованность- до 11 тысяч человек.

На следующее утро, 18 апреля, мы вылетели в Краснодар. Г. К. Жуков пригласил в эту командировку командующего ВВС А. А. Новикова и наркома Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецова.

В Ростове дозаправились и оттуда до Краснодара шли на бреющем полете - над Кубанью активно действовала авиация противника, шло ожесточенное воздушное сражение. Страшно болтало. А внизу цвели сады, ярко зеленели поля.

На Краснодарском аэродроме нас встретил Масленников и повез в свой штаб, куда уже были вызваны командующие 58, 9 и 37-й армиями. Войска этих армий уткнулись в плавни, простиравшиеся на шесть и более километров. Узенькие тропы через плавни прочно прикрывались противником. Действовать здесь способны были лишь относительно небольшие, специально оснащенные отряды.

Выслушав командармов, Жуков сказал:

- Будем искать решения задачи южнее Кубани. Завтра же выедем на место.

Обстановка южнее Кубани выглядела так. На основном направлении наступала 56-я армия. Главный удар наносился в обход Крымской с юга, вспомогательный - в обход с севера. Враг бросил в бой свежие силы пехоты и танков, большие массы авиации. В результате 56-я армия только подошла к Крымской, но овладеть ею не смогла. В наступающих дивизиях остро ощущался недостаток боеприпасов. Не хватало артиллерии и танков. Тяжело приходилось и 18-й армии. Она второй день отражала сильнейшие атаки противника в районе Мысхако.

Утром 19 апреля мы прибыли на командный пункт 56-й армии, располагавшийся за станицей Абинской. Командарм А. А. Гречко, докладывая обстановку, прямо заявил, что очередное наступление, назначенное на завтрашний день, не подготовлено.

Г. К. Жуков согласился с этим мне-нием и отсрочил наступление армии на пять дней, то есть до 25 апреля. К этому времени ожидались боеприпасы, горючее, подход артиллерии РВГК и, самое главное, становилось возможным использовать всю авиацию, в том числе и вновь прибывшую, что позволяло захватить господство в воздухе. К тому же сроку должна была подойти дивизия НКВД. Предполагалось также усилить 56-ю армию за счет переброски сюда артиллерии, в том числе гвардейских минометов, с пассивных участков фронта. А кроме всего прочего, Жукову хотелось до начала наступления лично побывать в корпусах и дивизиях, посмотреть все своими глазами.

Тут же он отдал распоряжение отрыть в районе КП 56-й армии несколько землянок для нас, с тем чтобы мы были поближе к войскам, действующим на главном направлении, и не тратили бы напрасно времени на поездки в Краснодар. Георгий Константинович и Масленникову предложил иметь свой НП в этой армии.

Последующие дни мы провели главным образом в войсках, знакомились с командирами корпусов и дивизий, изучали все детали обстановки, уточняли на местности взаимодействие. С НП командарма, который был километрах в двух от переднего края, наметили, где и как будем вводить в бой особую дивизию НКВД.

Одновременно с подготовкой наступления 56-й армии представитель Ставки проявил большую заботу об упрочении обороны десантной группы 18-й армии на Мысхако, обеспечении ее устойчивости и бесперебойном питании всем необходимым. Уже 20 апреля перед фронтом десантной группы по войскам противника было произведено два массированных авиационных удара. Каждый удар наносили 200 самолетов, после чего противник сразу приостановил свое наступление и стал зарываться в землю. По указанию Г. К. Жукова флот выделил дополнительные средства для перевозок на Малую землю, была усилена артиллерия 18-й армии к районе Цемесской бухты, улучшена система артиллерийского огня.

В ночь на 21 апреля объединенными усилиями авиации дальнего действия, Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота производились удары по аэродромам противника в Анапе, по захваченной им части Новороссийска и опять-таки по боевым порядкам немецко-фашистских войск. Налеты эти тоже оказались очень эффективными.

Из чисто организационных мероприятий, осуществленных в те же дни, достойны упоминания здесь, пожалуй, только два: перемещение на побережье Азовского моря управления 58-й армии с одновременной передачей ее дивизий в состав 9-й армии

и сведение трех гвардейских стрелковых дивизий 56-й армии в 11-й гвардейский стрелковый корпус.

Однажды уже поздно ночью, закончив очередное донесение в Москву, я понес его на подпись Жукову. Георгий Константинович сидел в своей землянке, глубоко задумавшись над развернутой картой. Подписал почти без поправок и по привычке спросил:

- Что намереваетесь делать теперь?

- Отправлю донесение и лягу спать,- ответил я, прикинув, что до рассвета остается не так уж много времени.

- Пожалуй, правильно...

На том мы и расстались.

Отправка донесения - дело недолгое. Через полчаса я вернулся к себе и только было собрался прилечь, как услышал приглушенные звуки баяна. Кто-то мягко выводил грустную, всем тогда знакомую мелодию. Я выглянул в дверь и увидел Георгия Константиновича. Он медленно растягивал меха баяна, присев на порог землянки. За первой мелодией последовали вторая, третья, такие же сердечные. Все это были добрые наши фронтовые песни. Мастерства у музыканта не хватало, но играл он с подкупающим усердием. Я долго стоял у двери не шелохнувшись.

С утра 21 апреля мы были в 18-й армии, оборонявшейся в районе Новороссийска. Выслушали доклад командарма К. Н. Леселидзе, вникли в его просьбы. Обещали помочь армии авиацией, о работе которой Леселидзе отзывался с большой похвалой.

К вечеру, возвращаясь обратно, заехали на наблюдательный пункт командира 3-го стрелкового корпуса А. А. Лучинского. Этот корпус располагался на левом фланге 56-й армии. С НП Лучинского отчетливо была видна укрепленная врагом Неберджаевская. Немецкая авиация бомбила наши позиции, а затем ударила и по НП. Переждав бомбежку, занялись уточнением плана действий корпуса. Его решено было использовать для разгрома противника в районе Неберджаевской и обеспечения всей наступательной операции со стороны Новороссийска.

22 апреля представитель Ставки работал с командирами дивизий 56-й армии. Им было разъяснено, что армия действует на главном направлении фронта, имея ближайшей своей задачей прорыв обороны противника в районе Крымской и овладение этим узлом сопротивления, а в последующем наступление пойдет на Гладковскую и Верхне-Баканский в тыл новороссийской группировке немецко-фашистских войск. Здесь же намечалось применить основные силы авиации. Сюда в первую очередь направлялись боеприпасы.

Определились задачи и других армий. Составлявшая правый фланг фронта 9-я армия под командованием К. А. Коротеева, действуя из района северо-восточнее Шапорского, должна была форсировать Кубань и овладеть Варениковской, а в последующем развивать успех в глубь Таманского полуострова на Джигинское и частью сил на Темрюк. 37-й армии генерала П. М. Козлова предстояло нанести удары из Прикубанского и Ремеховского прямо на запад, тоже в общем направлении на Варениковскую. А 18-й армии следовало восстановить свое положение на Мысхако, ранее нарушенное противником.

Ставка утвердила этот план операции без поправок. Но жизнь внесла свои коррективы: наступление пришлось перенести еще на несколько дней - до 29 апреля. Только к этому сроку все силы и средства могли быть приведены в полную готовность.

Дни стояли солнечные, теплые. С утра до поздней ночи мы пропадали в дивизиях и полках, скрупулезно вникали во все мелочи, старались не упустить ничего. К себе возвращались уже за полночь. Я, как обычно, сразу же после ужина садился писать донесение в Ставку, а Георгий Константинович, дожидаясь его, вел телефонные переговоры с командующими армиями. На сон грядущий частенько брался за баян. Играл он, только покончив со всеми делами и оставшись совершенно один.

Наконец настало 29 апреля. Мы расположились на НП командующего 56-й армией. В 7 часов 40 минут началась артиллерийская подготовка. 100 минут вся артиллерия фронта вместе с авиацией долбила оборону противника.

Но вот огонь перенесли в глубину, и пехота пошла в атаку, охватывая с севера и юга хорошо видную с НП Крымскую. Это был главный узел сопротивления. Враг оборонялся отчаянно. Наряду с наземным побоищем развернулись динамичные воздушные бои. В воздухе одновременно было до сотни самолетов. Здесь дрались тогда наши лучшие асы: А. И. Покрышкин, Г. А. Речкалов, братья Дмитрий и Борис Глинки.

Противник, видимо, засек наблюдательный пункт А. А. Гречко и обрушил на него огонь своей артиллерии. Некоторые автомашины, стоявшие в 600-700 метрах от НП, где все мы находились, были разбиты вдребезги, но НП уцелел и даже остался без повреждений. Здесь мы провели безотлучно более суток и встретили 1 Мая. А затем к 14.00 переехали на армейский командный пункт, где Андрей Антонович устроил хотя и скромный, но все же праздничный обед.

Ожесточенные бои в полосе 56-й армии продолжались несколько дней. Противник часто и упорно контратаковал, особенно на правом фланге. Там ежедневно приходилось

отбивать по шесть - восемь контратак. Среднесуточное продвижение войск не превышало полутора-двух километров.

На пятый день операции решено было ввести в бои особую дивизию Пияшева. Г. К. Жуков возлагал на нее большие надежды, приказал иметь с Пияшевым надежную прямую телефонную связь и поручил мне лично вести с ним переговоры по ходу боя.

Дивизию вывели в первый эшелон армии ночью. Атаковала она с утра южнее Крымской и сразу же попала под сильный удар неприятельской авиации. Полки залегли, произошла заминка.

Г. К. Жуков, присутствие которого в 56-й армии скрывалось под условной фамилией Константинова, передал мне:

- Пияшеву наступать! Почему залегли?

Я позвонил по телефону командиру дивизии:

- Константинов требует не приостанавливать наступления.

Результат оказался самым неожиданным.

Пияшев возмутился:

- Это еще кто такой? Все будут командовать- ничего не получится. Пошли его...- и уточнил, куда именно послать.

А Жуков спрашивает:

- Что говорит Пияшев?

Отвечаю ему так, чтобы слышал командир дивизии:

- Товарищ маршал, Пияшев принимает меры.

Этого оказалось достаточно. Полковник понял, кто такой Константинов, и дальше уже безоговорочно выполнял все его распоряжения.

К исходу 4 мая в результате двойного охвата противник все-таки был выбит из Крымской. Мы тотчас же поехали туда посмотреть оборону немцев. Это был действительно узел, который не так-то просто развязать. Помимо густой сети траншей, ходов сообщения, блиндажей и более легких убежищ здесь с помощью новороссийского цемента были превращены в доты подвалы всех каменных зданий. Кроме того, подступы к станице прикрывались вкопанными в землю танками.

В последующие дни наступление протекало столь же трудно. Особенно тяжело пришлось нашим войскам в районах Киевского и Молдаванского. Овладеть этими пунктами так и не удалось. На рубеже рек Курка и Кубань, Киевское, Молдаванское и Неберджаевская все остановилось. Разведка донесла, что перед нами новая сильно укрепленная полоса, на которую сели отошедшие войска и подтянулись резервы противника. Это и была так называемая Голубая линия. Попытки прорвать ее с ходу к успеху не привели. Дальнейшее упорство с нашей стороны не имело смысла, и 15 мая операцию прекратили. Для прорыва новой оборонительной полосы следовало организовать другую

операцию, а для этого требовались время и средства.

Представителю Ставки делать здесь было нечего. Г. К. Жуков, а с ним и все мы отбыли в Москву. Возвращались с нехорошим настроением. Задача - очистить Таманский полуостров - осталась невыполненной. Мы наперед знали, что Сталину это не понравится, и готовились к его упрекам. Но все обошлось относительно благополучно. Верховный ограничился лишь заменой командующего фронтом: вместо И. И. Масленникова был назначен И. Е. Петров, под руководством которого по истечении пяти месяцев советские войска очистили Таманский полуостров от врага.

Подготовка Северо-Кавказского фронта к разгрому противника на Голубой линии заняла весь август и начало сентября 1943 года. На этот раз Ставку представлял здесь С. К. Тимошенко. От Генштаба с ним был мой заместитель Н. А. Ломов.

Голубая линия имела сложное начертание. Это был ряд последовательно пересекающих Таманский полуостров дугообразных укрепленных рубежей, опиравшихся на господствующие высоты и другие естественные препятствия - реки, лиманы, плавни. Район Новороссийска являлся, пожалуй, ключевым пунктом всей обороны. Овладение им давало нашим войскам возможность выйти на фланги и в тыл нескольким таким рубежам и узлам сопротивления, оборудованным в населенных пунктах Киевское, Молдаванское, Неберджаевская, Верхне-Баканский, где находились главные силы противника.

План новой наступательной операции предусматривал уничтожение новороссийской группировки противника соединенными усилиями 18-й армии, Черноморского флота, Азовской военной флотилии и авиации с последующим развитием успеха в тыл немецко-фашистским войскам, располагавшимся в Варениковской, Киевском и Молдаванском. В то же время 9-й и 56-й армиям надлежало наступать с востока прямо в лоб главным силам врага, дробя их, связывая боем и уничтожая по частям. Удары всех трех армий в конечном счете должны были сойтись у Тамани.

Осуществление этого плана началось в ночь на 10 сентября 1943 года интенсивными действиями авиации и артиллерии по местам высадки морских десантов. Затем последовали до дерзости смелые действия Черноморского флота и 18-й армии в районе Новороссийска. Моряки при поддержке авиации с воздуха и артиллерии с суши прорвались в Цемесскую бухту, высадили там десант, овладели ее побережьем и пошли на штурм городских кварталов. 18-я армия поддержала их своим наступлением к северу от города со стороны Туапсинского шоссе и с Малой

земли.

На сутки позже перешла в наступление правофланговая в ударной группировке фронта 9-я армия. Она привлекла на себя резервы противника, предотвратив возможность использования их на других участках.

14 сентября нанесла удар 56-я армия. Он пришелся прямо по узлам сопротивления противника в Киевском и Молдаванском. Передовые наши части вклинились здесь в оборону немецко-фашистских войск.

Разнесенные по времени и пространству, хорошо согласованные между собой, атаки сухопутных войск Северо-Кавказского фронта, кораблей Черноморского флота и авиации были настолько сильными и стремительными, что не позволили немцам парировать их поодиночке.

16 сентября дивизии генерала Леселидзе во взаимодействии с флотом сломили врага в районе Новороссийска и полностью освободили город, увенчанный в 1973 году высоким званием города-героя. Советские войска завязали бои за перевал Неберджаевский, а также в восьми - десяти километрах к северо-западу от порта. Это была уже явная угроза с тыла главным силам противника, обороняющимся перед 9-й и 56-и армиями. Она вынудила немецко-фашистское командование начать отвод своих войск с Голубой линии. Северо-Кавказский фронт перешел в преследование, преодолевая постепенно слабеющее сопротивление врага на промежуточных рубежах. В неприятельском тылу высаживались новые морские десанты, лишая отступающие части баз эвакуации. В воздухе безраздельно господствовали советские летчики, нанося большой урон не только немецким войскам, но и кораблям, на которых остатки 17-й армии пытались переправиться в Крым.

9 октября 1943 года на Таманском полуострове стихли последние залпы. За месяц ожесточенных боев противник потерял здесь только пленными около 4 тысяч человек. В качестве трофеев наши войска захватили почти 1300 артиллерийских орудий и минометов, 92 танка.

Кинжал, готовый ударить в спину нашим основным фронтам, выдвинувшимся к Днепру, был выбит из рук врага. Генеральный штаб начал обдумывать, как перенести боевые действия на территорию Крыма.

Глава 6. Вторая военная зима

Сокрушительное поражение 2-й немецкой армии. - Операция "Звезда". - Заботы о резервах. - Расчеты и просчеты. - Перемены на центральном направлении. Конец ржевско-вяземского выступа. - Образование северного фаса Курской дуги. Новые осложнения на

Воронежском фронте. - Образование южного фаса. - Итоги зимней кампании 1943 года.

Память снова и снова возвращает меня к зимним событиям переломного года войны. Развитие боевых действий Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов во многом осложнялось тогда трудностями подвоза материальных средств. Потоки грузов для этих фронтов продолжали идти по тем же каналам, что и в период подготовки контрнаступления под Сталинградом. А войска-то продвинулись далеко на запад, оторвавшись от рокадных железных дорог на 250-300, а в некоторых случаях и на 350 километров.

Повернуть грузы вслед за войсками по железной дороге, идущей от Сталинграда на Каменск и далее через Донбасс, мешала окруженная армия Паулюса: она оседлала эту дорогу у Сталинграда. Вполне подходила для той же цели железная дорога Воронеж - Миллерово, но на участке Лиски - Кантемировка она тоже оставалась в руках противника. У нас в Генштабе все больше укреплялось мнение, что без овладения этой дорогой нельзя осуществить новые крупные наступательные операции на юге.

К такой же мысли склонялась, по-видимому, и Ставка Верховного Главнокомандования, всегда относившаяся с особым вниманием к питанию действующих фронтов всем необходимым для жизни и боя. Еще 21 декабря 1942 года Сталин приказал готовить операцию в полосе Воронежского фронта с целью разгрома острогожско-россошанской группировки противника и восстановления свободного движения по железной дороге Лиски - Кантемировка.

Операция разрабатывалась с участием командующего Воронежским фронтом генерала Ф. И. Голикова. Замысел ее Ставка одобрила, план утвердила и с начала января 1943 года взяла эту операцию под свой непосредственный контроль. На Воронежский фронт выехали Г. К. Жуков и А. М. Василевский.

Замысел был очень решительным - предстояло захлестнуть и окружить основные силы 2-й венгерской армии в районе Острогожск, Алексеевка, Россошь. Нащупали наиболее слабое место в обороне врага - район Кантемировки, где после нашего прошлого наступления не было еще создано достаточно прочных укреплений. Здесь наносила удар 3-я танковая армия, а южнее Воронежа - 40-я армия.

Воронежский фронт, не имевший над противником общего превосходства в силах, смело пошел на ослабление своих пассивных участков в интересах массирования войск и технических средств на главных направлениях. При этом учли опыт борьбы с окруженной группировкой врага в районе

Сталинграда. Чтобы сократить сроки ликвидации подготовляемого котла, заранее спланировали рассекающий удар силами 18-го отдельного стрелкового корпуса, впоследствии четко реализованный.

Зима в 1943 году выдалась на редкость холодной, метельной и многоснежной. Но ведь это была уже вторая военная зима! Погодные условия никого не смущали.

Начало операции намечалось на 15 января. Однако фактически она развернулась раньше. За два дня до планового срока на направлениях намеченных ударов началась разведка боем. В полосе 40-й армии разведывательные подразделения действовали столь энергично, что противник был сбит со своих позиций и стал отходить. Вовремя заметив это, командование армии бросило в наступление главные силы, и к исходу дня они вклинились в неприятельскую оборону на 7 километров. С утра следующего дня успех удалось развить. События складывались очень благоприятно для нас. Не прошло и недели, как основная группировка вражеских сил была рассечена и окружена в двух районах - под Россошыо и в районе Алексеевки. Советские войска не давали противнику закрепиться, упорно наседая на него, и уже к 25 января пятнадцать вражеских дивизий прекратили свое существование, а шесть понесли тяжелое поражение. Участок железной дороги, соединяющий Лиски с Кантемировкой, перешел в наши руки. Чтобы возобновить здесь движение поездов, требовались относительно небольшие восстановительные работы.

Блестящие результаты Острогожско-Россошанской операции потянули за собой цепь новых событий, которые трудно было предвидеть полностью и достоверно. Разгром противника произошел с такой быстротой, что немецко-фашистское командование не сумело принять должных мер по обеспечению южного фланга прикованной к Воронежу 2-й немецкой армии. С потерей рубежа Архангельское, Репьевка эта армия оказалась глубоко охваченной войсками Брянского и Воронежского фронтов, причем на южном фасе ее выступа оборона была занята поспешно и в инженерном отношении подготовлена слабо. Враг не располагал к тому же и достаточными резервами.

Появилась мысль немедленно использовать эту благоприятно сложившуюся для нас обстановку, подготовить и провести новую операцию, не ожидая, пока поднимет руки вверх последний солдат противника из окруженных под Россошью. Так и поступили.

В новой, Воронежско-Касторненской операции участвовали силы двух фронтов: Брянского, от которого выделялась левофланговая 13-я армия, и Воронежского, наносившего главный

удар силами 60-й и 40-й армий. 24 января они двинулись в наступление, а к 29-му числу того же месяца уже определилось, что и 2-я немецкая армия потерпела сокрушительное поражение: оборона ее была прорвана на нескольких направлениях, часть дивизий попала в большой котел под Касторным, часть - в малые котлы по другим районам. Уничтожение окруженного противника проходило в очень напряженной борьбе и закончилось только к середине февраля. Лишь жалкие остатки некогда грозной 2-й немецкой армии сумели избежать общей участи и, вырвавшись из окружения, поспешно отходили на запад.

В итоге этих двух январских операций фронт противника был серьезно ослаблен на значительном протяжении. А в Ставке и Генеральном штабе к тому времени уже созрели соображения относительно дальнейшего наступления. Мыслилось использовать резкое ослабление противника на рубеже Касторное, Старобельск для стремительного овладения Курском, Белгородом, Харьковом и так необходимым стране Донбассом.

В сочетании с операциями войск Южного и Северо-Кавказского фронтов на Нижнем Дону и в предгорьях Кавказа развитие наступления Воронежского фронта на Курск, Харьков и Юго-Западного в Донбассе, по общему тогда мнению, неизбежно должно было привести к разгрому всего южного крыла противника. "Наступила благоприятная обстановка для окружения и уничтожения по частям донбасской, закавказской и черноморской группировок противника",- писала тогда Ставка. Вместе с тем открывались большие возможности и на центральном направлении: Верховное Главнокомандование намеревалось ввести там в дело Донской фронт, заканчивавший ликвидацию противника под Сталинградом.

Чтобы сегодняшний молодой читатель лучше понял ход военных событий в январе - марте 1943 года, я позволю себе напомнить, как Ставка оценивала в то время уже достигнутые результаты. Она считала, что на Волге, на Дону и Северном Кавказе, под Воронежем, в районе Великих Лук и южнее Ладожского озера Советская Армия разбила сто две дивизии противника. Только в плен мы захватили более 200 тысяч неприятельских солдат и офицеров, а среди боевых трофеев насчитывалось до 13 тысяч одних лишь артиллерийских орудий. В то же время из фашистской неволи были вырваны миллионы соотечественников и избавлена от оккупации огромная территория родной советской земли. Наши войска продвинулись вперед до 400 километров.

На основе этих очень внушительных данных, обнародованных в приказе Верховного Главнокомандующего от 25 января 1943

года, делался важнейший вывод: вражеская оборона взломана на широком фронте, в ней образовалось много пустых мест и участков, которые прикрываются лишь отдельными отрядами и боевыми группами, резервы противника истощены и остатки их он вводит в бой разрозненно, с ходу.

Общее поведение немецко-фашистских войск к югу от Воронежа и до Черного моря многими командующими фронтами и Ставкой оценивалось в то время как вынужденный отход за Днепр с намерением закрепиться на западном берегу этой серьезной водной преграды. Признавалось бесспорным, что инициатива, захваченная нами под Сталинградом, удерживается прочно и для перехвата ее у противника возможностей пока нет. Больше того, считалось маловероятным, чтобы гитлеровская армия предприняла в ближайшее время сколько-нибудь значительные контрдействия на Левобережной Украине или в центре стратегического фронта.

Из такой оценки обстановки вытекало и решение: наступать без пауз, поскольку любая потеря времени с нашей стороны дает противнику возможность прочнее осесть на занимаемых рубежах. Воронежский фронт по указанию Ставки срочно разработал план овладения Харьковским промышленным районом. Эта операция получила условное наименование "Звезда". В полночь 23 января Сталин утвердил ее и лично продиктовал Бокову обычную в таких случаях директиву.

А тем временем с Воронежского фронта в Москву вернулся Г. К. Жуков. В свете его доклада в Ставке Генеральный штаб прикинул возможности удара на другом направлении - курском. И через три дня, 26 января, Воронежский фронт получил дополнительную задачу: правым флангом наступать в общем направлении Касторное, Курск, уничтожить противостоящего противника и овладеть районом Курска.

В Ставке и Генеральном штабе понимали, конечно, что наступление одного фронта на двух операционных направлениях - дело нелегкое. Можно было предвидеть, что Курска и Харькова противник не отдаст без серьезного сопротивления. Обстановка, однако, благоприятствовала нам, и задачу оставили в таком виде.

Дальнейшие события показали, что мы, к сожалению, переоценили раскрывшиеся перед нами перспективы, не все учли.

Начало операции "Звезда" намечалось на 1 февраля. Глубина ее измерялась почти 250 километрами. По тогдашним нашим взглядам, выполнение такой задачи, требующей от войск фронта не только больших, но и все нарастающих усилий, должно было осуществляться в глубоком оперативном построении. Между тем Воронежский фронт наступал, имея армии в линию и почти без

резервов.

Такое же положение наблюдалось и у Ватутина на Юго-Западном фронте. Понятно, что развитие успеха, парирование каких-либо неожиданностей в подобной ситуации являлись проблемой весьма сложной. Она волновала Генеральный штаб. Ставке было доложено о необходимости упорядочить дело с резервами, и не только стратегического, но и оперативного назначения. Учитывая перспективу развития событий, им надлежало быть достаточно крупными, включать все рода войск и особенно танки.

Ставка согласилась с доводами Генштаба. Этому делу придали необходимую организационную форму. 29 января 1943 года на фронты пошла директива:

"1. С февраля месяца текущего года приступить к выводу в резерв фронтов стрелковых дивизий и стрелковых бригад для доукомплектования и отдыха с последующим вводом их в бой и вывода в резерв на их место других наиболее ослабленных соединений.

2. Количество выводимых одновременно стрелковых дивизий и бригад и сроки их доукомплектования определять решением командующих фронтами, исходя из оперативной обстановки и наличия ресурсов, необходимых для доукомплектования выводимых соединений..."

Днем раньше ГКО вынес постановление о сформировании 1-й танковой армии, которая должна была составить резерв Верховного Главнокомандования. А 13 марта был создан специальный Резервный фронт под командованием генерала М. А. Рейтера.

Планомерно проводимая в последующем работа по созданию и наращиванию стратегических и оперативных резервов, формированию резервных армий, соединений и частей, в том числе танковых, механизированных, артиллерийских, была одним из непременных условий достижения нами исторических побед.

Но вернемся к событиям на Воронежском фронте. Первоначально операция "Звезда" развивалась чрезвычайно успешно. 60-я армия под командованием молодого и энергичного генерала И. Д. Черняховского 8 февраля освободила Курск. К этому же времени главные силы фронта с боями выходили на подступы к Харькову, где им сопротивлялся танковый корпус СС, переброшенный из Западной Европы.

В ходе наступления наши войска понесли потери. Чем дальше, тем все сильнее ощущалась нехватка боеприпасов и горючего, поскольку тылы отстали. Не успевала перебазироваться за общевойсковыми армиями и авиация.

К середине февраля, когда войска Воронежского фронта подошли к Харькову, наступление замедлилось, но командующий фронтом Ф. И. Голиков ежедневно докладывал в Ставку, что противник крупными силами отходит на запад. Аналогичные вести поступали и с Юго-Западного фронта, развернувшего широкие боевые действия южнее Харькова против вражеской группировки в Донбассе. Н. Ф. Ватутин тоже оценивал характер действий противника как бегство за Днепр.

В действительности же немецкое командование отводить войска за Днепр не собиралось. Отступая и обороняясь, оно готовило контрнаступление. Поражение под Котельниково заставило его лишь временно отказаться от активных действий крупного масштаба. Противник не оставил мысли о реванше за Сталинград и надежд вернуть себе стратегическую инициативу. Напротив, тяжелое поражение, понесенное им в донских степях, разгром группы армий "Б" под Воронежем, как и вытекающие отсюда последствия, понуждали гитлеровских военачальников к чрезвычайным мерам.

Не имея в ближайшем тылу резервов, достаточных для развертывания наступательных действий большого масштаба, враг попытался создать ударные силы путем перегруппировок и переброски войск из Западной Европы. На это требовалось время. Чтобы выиграть его, удержать Донбасс и обеспечить себе выгодные для контрнаступления исходные рубежи, немцы перешли к обороне с передовыми позициями по Северскому Донцу и нижнему течению Дона. Главное поле боя, как называли гитлеровские генералы место сосредоточения наибольших оборонительных усилий, опиралось на реку Миус. Посаженные на этот рубеж войска под командованием Манштейна входили в группу армий "Дон" (с 12 февраля 1943 года она была переименована в группу армий "Юг"). Основой здесь являлись силы, находившиеся ранее на сталинградском направлении и отчасти на Северном Кавказе. Сюда были отведены, в частности, 4-я и 1-я танковые армии, составившие мощный маневренный кулак противника. В распоряжении Манштейна имелось также большое количество авиации, удобно размещенной на аэродромах и вполне обеспеченной бензином.

Переход группы армий "Дон" к обороне тоже не был вскрыт своевременно, движение колонн противника при перегруппировках по-прежнему оценивалось как отход, стремление уклониться от борьбы в Донбассе и поскорее оттянуть войска на территорию Правобережной Украины. Командование Юго-Западного фронта твердо держалось этой ошибочной точки зрения, хотя уже выявлялись факты, обязывавшие его

насторожиться.

Личное мнение Н. Ф. Ватутина высоко котировалось в Генштабе и, конечно, оказало большое влияние на формирование здесь замысла операции советских войск в Донбассе. Все ведь мы хорошо знали Николая Федоровича и не без оснований считали его одаренным в военном отношении, своеобразным оператором-романтиком. Он всегда был полон энергии и желания трудиться в поте лица. Я и сейчас помню, как еще летом 1942 года, будучи заместителем начальника Генерального штаба по Дальнему Востоку, Н. Ф. Ватутин целыми ночами колдовал над картами других операционных направлений, разрабатывая различные варианты действий наших войск на советско-германском фронте. Мы с удовольствием брали его разработки и использовали, что было можно. Однажды, будучи в Ставке, где А. М. Василевский докладывал о необходимости разделения Брянского фронта, Ватутин попросил направить его в действующую армию и доверить командование фронтом. Просьбу удовлетворили, и 14 июля 1942 года, когда под Воронежем создалась очень сложная обстановка, Николай Федорович возглавил Воронежский фронт. Три месяца спустя он получил назначение на пост командующего Юго-Западным фронтом. Под его руководством войска этого фронта во взаимодействии со Сталинградским и Донским фронтами взяли в окружение ударную группировку противника на Волге. Затем они наголову разбили 8-ю итальянскую армию на Среднем Дону и вырвались южнее Харькова, а также на Северский Донец.

С выходом наших войск в район Старобельска, Лисичанска, Ворошиловграда Н. Ф. Ватутин был захвачен идеей использования их нависающего положения над Донбассом и слабости старобельского участка неприятельского фронта. Через Старобельск он намеревался бросить сильную подвижную группу в направлении Мариуполя, отсекая врагу все пути отхода из Донбасса, а на других направлениях продолжать преследование.

Свои соображения Ватутин доложил в Ставку, и 19 января, когда определилось, что группировка немецко-фашистских войск, окруженная в районе Россоши, обречена на уничтожение, ему дали разрешение проводить по своему замыслу наступательную операцию в Донбассе. Она именовалась "Скачок". Задача и способы ее выполнения формулировались следующим образом:

"Армии Юго-Западного фронта, нанося главный удар с фронта Покровское, Старобельск на фронт Краматорская, Артемовск и далее в направлении Сталине (Донецк), Волноваха, Мариуполь, а также нанося мощный удар из района юго-западнее Каменск в направлении Сталино, отрезают всю группировку

противника, находящегося на территории Донбасса и в районе Ростова, окружают ее и уничтожают, не допуская выхода ее на запад и вывоза какого бы то ни было имущества".

В район Мариуполя предполагалось выйти уже на 7-й день наступления. Одновременно намечалось силами подвижных фронтовых резервов захватить основные переправы через Днепр. Операция проводилась во взаимодействии с Южным фронтом, который должен был наступать вдоль побережья Азовского моря.

Этот замысел, возникший на основе неправильной оценки действий противника, имел только видимость соответствия реальной обстановке. Однако в то время и фронт, и Генеральный штаб, и Ставка были убеждены в истинности своих оценок и расчетов. Конечно, это непростительно, но это факт. Победные реляции с фронтов усыпили бдительность и Ставки, и Генштаба, хотя истины ради следует сказать, что у нас сомнения были и мы делились ими с Ватутиным, а потом доложили их и Верховному Главнокомандующему в присутствии маршала Г. К. Жукова. Однако доклад этот явно запоздал.

Состояние войск Юго-Западного фронта далеко не отвечало требованиям столь сложной операции, результатом которой должно было стать окружение в Донбассе еще более крупной, чем под Сталинградом, вражеской группировки. К тому же враг, отходя в Донбасс, приближался к своим тыловым базам, а наш Юго-Западный фронт все больше и больше отрывался от баз. Разрыв между войсками и станциями снабжения в некоторых случаях превышал 300 километров. Подвозить грузы приходилось автотранспортом, а он был сильно изношен да и малочислен. В наличии имелось только 1300 бортовых автомашин и 380 автоцистерн, которые могли поднять лишь 900 тонн горючего вместо 2000 тонн, необходимых войскам. А ведь кроме горючего фронт нуждался и в боеприпасах, и в продовольствии, и в фураже.

Так как по всем предположениям предстояло лишь преследовать противника, существенных перегруппировок войск не производилось: армии продолжали действовать в прежних своих полосах, в прежнем оперативном построении, преимущественно линейном. Второго эшелона не имел и фронт, его резерв составляли только два танковых корпуса, сосредоточивавшиеся за правым флангом. Плохо было с авиацией: она летала мало и с очень удаленных аэродромов. Конечно, при таком положении дел прорыв серьезной обороны противника неизбежно обрекался на неудачу.

Для нанесения глубокого удара на Мариуполь создали подвижную группу во главе с заместителем командующего фронтом генерал-лейтенантом М. М. Поповым. Штаб этой группы

наспех оснащался разнокалиберными радиостанциями и другими средствами управления. Сформировали его 27 января, а через два дня уже началась операция.

В состав подвижной группы входили четыре танковых корпуса (3-й, 4-й гвардейские, 10-й, 18-й) и три стрелковые дивизии (57-я гвардейская, 38-я и 52-я). Всего здесь имелось около 180 танков, обеспеченных в среднем одной заправкой горючего и одним-двумя комплектами боеприпасов. В стрелковых же дивизиях обеспеченность боеприпасами и горючим была еще хуже. Командующий фронтом надеялся поправить это в ходе операции, однако надежды его не сбылись.

Как и следовало ожидать, операция, план которой разрабатывался на основе предвзятой оценки обстановки, развивалась неблагоприятно. Подвижная группа на деле оказалась малоподвижной. Танковые корпуса, утопая в снегу, шли по разобщенным маршрутам, на значительном удалении друг от друга. Они часто подвергались ударам господствовавшей в воздухе авиации противника и контратакам его наземных войск. Временами танки останавливались из-за нехватки горючего.

Очень ограниченный успех имели и общевойсковые армии, поскольку им пришлось столкнуться с прочной, хорошо подготовленной обороной врага. Наши солдаты, офицеры и генералы проявляли высокий героизм, но этого было недостаточно. На ряде направлений некоторым советским дивизиям и корпусам, вклинившимся в оборону противника, пришлось вести бой в окружении. В такое незавидное положение попали, в частности, 9-я гвардейская танковая бригада и 4-й гвардейский Кантемировский танковый корпус. 11 февраля они захватили важный узел железных и шоссейных дорог Красноармейское, перерезали коммуникации противника. А тот в свою очередь прервал их сообщения с тылом и заставил танкистов вести бой при остром недостатке горючего, боеприпасов, продовольствия.

Из всех армий Юго-Западного фронта только 6-я, наступавшая на правом фланге южнее Харькова, продолжала выдвигаться вперед. Объяснялось это тем, что немцы потерпели здесь неудачу от Воронежского фронта, который на последнем дыхании 16 февраля овладел Харьковом. Но Ватутин полагал иначе. Он явно переоценивал ограниченные успехи 6-й армии. Его доклады в Ставку по-прежнему дышали оптимизмом, подогретым еще больше выходом танкистов к Красноармейскому. Командующий Юго-Западным фронтом считал, что сопротивление врага скоро будет сломлено окончательно. В таком же роковом заблуждении находился и Ф. И. Голиков. А от

командующих фронтами это передавалось в Генштаб, из Генштаба - в Ставку. В Москве тоже полагали, что предпринятые наступательные операции развиваются в общем-то планомерно. И еще 8 февраля Юго-Западному фронту была дана директива: не допустить отхода противника на Днепропетровск, Запорожье, загнать его донецкую группировку в Крым. Воронежский же фронт, не проявлявший особого беспокойства по поводу истощения своих сил, получил задачу: развивать наступление правым флангом на Львов, Глухов, Чернигов и левым - на Полтаву, Кременчуг.

Выполняя указания Ставки, Ватутин бросил к переправам через Днепр 6-ю армию и весь свой резерв - 25-й и 1-й гвардейский танковые корпуса. 18-19 февраля передовые их части достигли Днепропетровска и Запорожья, готовились уже к форсированию реки, но выполнить задачу до конца не смогли: не хватило горючего и - главное - неожиданно для них 19 февраля началось контрнаступление противника.

В данном случае, правда, утверждение о неожиданности не точно отражает истинное положение дел. Командование Юго-Западного фронта знало о возможности столкновения с сильными неприятельскими резервами в районе Днепропетровска и даже предупреждало об этом нижестоящие штабы, но по-своему толковало и новые данные о возрастающем сопротивлении противника, и сообщения из 6-й армии о появлении перед нею свежих частей. Фронтовое руководство все это втискивало в рамки полюбившейся ему версии об отходе немецко-фашистских войск. Оно не изменило этой версии даже 21 февраля, когда стало совершенно очевидным наступление нескольких дивизий СС. В указаниях, переданных в тот день командующему подвижной группой М. М. Попову, недвусмысленно говорилось: "Создавшаяся обстановка, когда противник всемерно спешит отвести свои войска из Донбасса за Днепр, требует решительных действий".

До сих пор остается загадкой, как это Ватутин - человек, безусловно, осмотрительный и всегда уделявший должное внимание разведке противника, на сей раз так долго не мог оценить размеры опасности, возникшей перед фронтом. Объяснить такое можно лишь чрезвычайной его убежденностью в том, что враг уже не в состоянии собрать силы для решительных действий. В действительности же до этого было еще очень далеко. Гитлеровские генералы не собирались уступать нам победы. Они делали все, чтобы вернуть себе стратегическую инициативу, утраченную под Сталинградом.

На реке Миус наши войска были остановлены. Одновременно

враг успел перегруппировать свои силы юго-западнее Харькова и к 19 февраля создал два ударных кулака: один - в районе Красноград из войск СС в составе танковых дивизий "Мертвая голова", "Адольф Гитлер", моторизованной дивизии "Рейх" и другой - южнее и юго-западнее Красноармейское, в основном из дивизий 4-й и отчасти 1-й танковых армий.

Удары семи танковых и моторизованных дивизий противника во фланги и тыл 6-й армии и группы М. М. Попова вынудили их отходить с тяжелыми боями к югу от Харькова и на Барвенково, а затем и за Северский Донец. Ставка потребовала от Воронежского фронта оказания помощи соседу. Очень ослабевшие 69-я общевойсковая и 3-я танковая армии были повернуты на юг. Однако и они оказались не в состоянии противостоять сосредоточенному удару врага. К 4 марта противник снова перегруппировался и начал осуществление глубокого удара на Харьков, Белгород. Обстановка день ото дня становилась все тяжелее и наконец приняла зловещий характер.

К этому же времени относятся важные изменения на центральном направлении.

Центральный участок советско-германского фронта всегда привлекал к себе повышенное внимание и Генерального штаба, и Ставки. Здесь нам противостояла наиболее сильная из группировок противника - группа армий "Центр". Она опиралась на хорошо подготовленные оборонительные позиции. Враг все еще продолжал угрожать Москве с выдвинутого далеко на восток ржевско-вяземского выступа, который был удобен и для ударов по нашим войскам к северу от Ржева.

Опыт многочисленных боев и безуспешных частных операций Западного фронта показал, что выступ этот немцы держат крепко и для ликвидации его придется организовать крупную операцию с привлечением сил нескольких фронтов.

Неприятен был и второй, так называемый орловский, выступ. Противник удерживал его так же прочно.

Длительное время Генеральный штаб лишен был возможности предложить радикальное решение относительно этих двух выступов. Для прорыва прочной обороны противника в лоб требовалось слишком много сил и средств. Но с разгромом противника под Воронежем и Курском дело существенно менялось. Севернее Курска у противника на большом протяжении обнажился фланг, ранее обеспечивавшийся группой армий "Б". С тех пор как эта группа перестала существовать, уже не исключался охват фланга и выход советских войск на тылы орловской и брянской группировок немцев, а при благоприятном развитии событий - и на коммуникации группы армий "Центр"

где-то в районе Смоленска, Витебска, Орши.

Выполнить такую большую оперативно-стратегическую задачу можно было только последовательно: сначала разгромить врага в районе Орла, а затем, опираясь на захваченные здесь рубежи, развивать удар в глубину. Силы, необходимые для начального этапа, были под руками: войска Западного, Брянского и Воронежского фронтов. Но для последующих действий требовались резервы, которых в готовом виде пока не имелось. Только 2 февраля произошла капитуляция врага на Волге и возникла реальная возможность полностью перебросить на центральное направление войска Донского фронта.

5 февраля 1943 года был образован Центральный фронт, а полевое управление Донского фронта переименовали в полевое управление Центрального фронта. Командующим назначили К. К. Рокоссовского. В ночь на 6 февраля Ставка поставила ему задачу перебазироваться в район севернее Курска, развернуть свои войска между Брянским и Воронежским фронтами и с 15-го числа наступать в направлении Рославль, Смоленск. К этому моменту, по замыслу операции, разработанной заместителем начальника Оперативного управления Генштаба С. И. Тетешкиным, оборону группы армий "Центр" уже должны были прорвать Западный и Брянский фронты. Опираясь на их успехи, войскам К. К. Рокоссовского предстояло рвануться вперед, захватить Рославль, Смоленск и частью сил Оршу, создавая для противника обстановку, близкую к окружению. А чтобы Центральный фронт наверняка справился с таким делом, ему переподчинялись 2-я танковая армия и несколько конных соединений.

И. В. Сталин лично контролировал подготовку операции. И когда командующий Брянским фронтом заикнулся было относительно отсрочки начала боевых действий на один день, Верховный резко отчитал его.

С Рокоссовским он был милостивее. Может быть, потому, что сам видел, с какими трудностями сопряжена переброска войск из-под Сталинграда. Железные дороги явно подводили Константина Константиновича, и он просил Ставку отложить начало наступления Центрального фронта с 15 на 24 февраля. Ставка согласилась.

Между тем потеря драгоценных дней не проходила бесследно. Противник снимал и срочно перебрасывал под Орел и Брянск дивизии с ржевско-вяземского выступа, где мы пока не наступали. Сюда же подтягивались силы и из Западной Европы.

Но после того как из районов Вязьмы и Ржева было выведено до 16 неприятельских дивизий, командованию группы армий "Центр" волей-неволей пришлось отказаться от дальнейшего

удержания этого важного плацдарма. 2 марта враг начал оставлять ржевско-вяземские позиции. Войска Западного и Калининского фронтов тотчас же перешли к преследованию. В течение 20 дней они продвинулись здесь на 150 километров, взяли большое количество пленных и богатые трофеи. А затем 22 марта были остановлены противником на рубеже Рибшево, Сафоново, Милятино.

В это же время Брянский фронт вел тяжелое наступление под Орлом. Ему удалось отбросить противника лишь на несколько километров. Наконец закончилось сосредоточение войск Центрального фронта, и 26 февраля он тоже начал наступление на брянском направлении. Как и следовало ожидать, противник оказал упорное и организованное сопротивление. 65-я общевойсковая и 2-я танковая армии добились ограниченного успеха. Зато коннострелковая группа, наступавшая на левом фланге фронта в направлении Стародуб, Новозыбков, Могилев, вырвалась вперед на 100-120 километров и вышла к Десне севернее Новгород-Северского. Создалась реальная угроза для коммуникаций группы армий "Центр". К сожалению, ни развить, ни закрепить этот успех было нечем.

Прорыв советской конницы, действовавшей со свойственной ей лихостью, сильно обеспокоил врага. Против коннострелковой группы, имевшей в своем составе всего две кавалерийские дивизии и три лыжные бригады, было двинуто девять неприятельских дивизий. Завязались яростные бон, в результате которых наши кавалеристы и лыжники к 20 марта были отброшены в район Севска, а 21-го числа весь Центральный фронт перешел к обороне по линии Мценск, Новосиль, Севск, Рыльск, образовав северный фас знаменитой Курской дуги.

Таким образом, надежды на разгром группы армий "Центр" пока не оправдались. Однако в результате наших действий противник понес большой урон и довольно значительные территориальные потери. Нам удалось сократить фронт почти на 300 километров. Но немецко-фашистские войска сохранили за собой выгодное положение под Орлом.

А как сложилась обстановка в полосах Юго-Западного и Воронежского фронтов?

Наши 3-я танковая и 69-я армии, действовавшие в районе Харькова, были до крайности истощены непрерывными боями. Они не смогли отразить удары танковых дивизий СС, в составе которых впервые появились тогда батальоны танков нового образца, получивших затем наименование "тигры". В неравных боях советские танкисты понесли новые потери и были вынуждены 16 марта оставить Харьков. Противник вырвался на

Белгородское шоссе и устремился на север.

С проникновением немцев в район Белгорода положение Воронежского фронта стало еще более трудным и возникла угроза выхода вражеских войск на тылы Центрального фронта. Для предотвращения новых бед пришлось принимать срочные меры.

Еще 13 марта из состава Центрального фронта была изъята 21-я армия и двинута навстречу врагу. Ей надлежало перехватить магистральное Обоянское шоссе и прикрыть с юга направление на Курск. Одновременно она обеспечивала сосредоточение к юго-востоку от Курска нашей 1-й танковой армии, которая получила задачу разгромить совместно с нею противника, рвущегося на север. 20 марта 21-я армия заняла назначенный ей рубеж. А противник был уже в Белгороде. Он полностью овладел городом к вечеру 18 марта.

В эти дни самого острого развития событий на Воронежском фронте оказалось невозможным составить объективную картину по докладам Ф. И. Голикова. Ставка командировала туда своих представителей Г. К. Жукова и А. М. Василевского. Они должны были точно установить положение сторон, определить тенденцию развития событий и на месте предпринять все необходимое для пресечения дальнейших успехов противника.

Весь день 19 марта представители Ставки провели на линии непосредственного соприкосновения с противником севернее Тамаровки. Им удалось не только вскрыть, но и частично исправить крупные недостатки в управлении нашими войсками. Штабу фронта они приказали перебазироваться в район Обояни, а главное - помогли ему сделать правильный вывод о дальнейших намерениях врага. По мнению Г. К. Жукова и А. М. Василевского, доложенному в ту же ночь Верховному Главнокомандующему, на направлении Белгород, Курск следовало ожидать наступления одной из сильнейших ударных группировок немецко-фашистских войск с большим количеством танков.

Представители Ставки изучили также обстановку на другом опасном направлении - стыке Западного и Центрального фронтов. Здесь тоже выявились основания для серьезной тревоги. Дело в том, что незадолго перед этим в интересах централизации управления войсками, действовавшими против орловской группировки врага, был ликвидирован Брянский фронт. Когда же возникли осложнения и нам пришлось от наступательных действий перейти к обороне, определилось, что направление Орел, Тула должно быть обеспечено особо прочно. Но поскольку оно находилось на отдаленных флангах и у Западного и у Центрального фронтов, то ни В. Д. Соколовский, ни К. К.

Рокоссовский должного внимания уделить ему не могли. Представители Ставки полагали необходимым воссоздать на этом направлении самостоятельный фронт. Командующим они рекомендовали назначить Ф. И. Голикова, а на его место вернуть Н. Ф. Ватутина.

Новый фронт первоначально называли Курским. Но уже 27 марта он был переименован в Орловский. А в последующем опять вернулись к старому наименованию - Брянский. Это не являлось простой сменой вывесок. Тут отразились в какой-то мере колебания в оценке обстановки и определении вероятных действий противника: нанесет ли он удар со стороны Орла на восток или на Курск навстречу другому удару от Белгорода. В зависимости от этого заранее нацеливали войска на определенное направление.

Переброска под Обоянь 21-й армии, сосредоточение юго-восточнее Курска 1-й танковой армии, другие перегруппировки войск, наконец, укрепление руководства Воронежским фронтом и практическая помощь ему на месте силами двух таких опытных представителей Ставки, как Г. К. Жуков и А. М. Василевский,- все это в конечном счете позволило сначала задержать, а к 27 марта полностью остановить противника на рубеже Гапоново, Трефиловка, Белгород, Волчанок. Так образовался южный фас Курской дуги.

Итоги зимней кампании 1942/43 года, несмотря на некоторые просчеты и несбывшиеся надежды, были для Советских Вооруженных Сил чрезвычайно значительными. Под Сталинградом закончилась ликвидация окруженной там 330-тысячной армии Паулюса. Наголову разбитыми оказались посланные на восточный фронт войска итальянских союзников Гитлера. Тяжелое поражение понесли и другие сателлиты фашистской Германии.

Эта зима ознаменовалась также прорывом блокады Ленинграда, установлением связи города-героя с Большой землей по суше. Противник был выбит из района Демянска, из-под Вязьмы и Ржева, далеко отброшен на южном фланге. Советские войска освободили от оккупантов 480000 квадратных километров родной земли и на некоторых участках продвинулись вперед до 600-700 километров. Как засвидетельствовал позже сам противник, только Германия потеряла за ту зиму в России около 1 200000 солдат и офицеров, а вместе с армиями-сателлитами потери врага составили до 1 700000 человек. Громадными цифрами исчислялся неприятельский урон и в боевой технике: 24000 орудий, более 3500 танков, 4300 самолетов.

Вероятно, наши успехи могли бы оказаться еще более

значительными, если бы не те неудачи, о которых сказано выше. В чем коренились при чины этих неудач? Думается, что на фоне крупных побед, одержанных нашими войсками под Москвой и Сталинградом, у отдельных военачальников, в том числе и в Ставке, и в Генштабе, возникла известная недооценка возможностей противника. Это отрицательно сказалось на подготовке некоторых операций, повлекло за собой огульность нашего наступления на харьковском направлении, к Днепропетровску и Мариуполю. Очевидно, было бы благоразумнее еще в январе приостановить наступление Воронежского и Юго-Западного фронтов, перейти временно к обороне, подтянуть тылы, пополнить дивизии людьми и создать необходимые запасы материальных средств.

Заключительный этап наступления этих двух фронтов зимой 1943 года характеризовался разбросанностью сил. Мощные ударные группировки на главных направлениях фактически отсутствовали.

Наконец, нас очень подвела разведка, и мы жестоко ошиблись, определяя намерения противника.

Таковы, на мой взгляд, основные причины некоторых наших неудач и несбывшихся надежд зимой 1943 года. Хотя, еще раз подчеркиваю, в целом итоги зимней кампании были для нас успешными. Наступательная сила Советской Армии возросла.

Глава 7. Дела и люди Генерального штаба

От "авралов" к планомерности. - А. М. Василевский и А. И. Антонов. - Мои сослуживцы. - Рабочее ядро Оперативного управления. - Суточный рабочий цикл. Утренний доклад Верховному Главнокомандующему. - Вечерний доклад. - Ночные поездки в Ставку. - Корпус офицеров Генерального штаба. - О тех, кто возглавлял штабы фронтов.

На предшествующих страницах мною делались попытки рассмотреть не-которые военные события с позиций работника Генерального штаба. Но внутренняя жизнь самого Генштаба почти не затрагивалась, о его людях упоминалось лишь мимоходом. Между тем это очень интересный предмет для исследования.

Сейчас мне хотелось бы рассказать, как мы жили и трудились в годы войны, а главное - вспомнить дорогих моему сердцу товарищей и сослуживцев, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть многогранной работы в Генштабе военного времени.

Как уже отмечалось раньше, буквально с первого дня войны обнаружилось несовершенство структуры Генштаба. Кое-что оказалось лишним, совершенно ненужным, а иного, крайне необходимого, не оказалось совсем. Война все поставила на свое

место: ненужное было отброшено, необходимое создано. Примерно ко второй половине 1942 года организационные формы Генерального штаба пришли в соответствие с содержанием его работы. К этому же времени устоялся и личный состав. Канули в прошлое "авралы". Установилась планомерность, позволявшая глубоко обдумывать обстановку и вытекающие из нее задачи, все рассчитать во времени и пространстве, каждое оперативное мероприятие, любое предложение должным образом обосновать. Генеральный штаб являлся рабочим органом Ставки и подчинялся только Верховному Главнокомандующему.

Деятельность Ставки, а следовательно, и Генерального штаба носила очень напряженный характер и не замыкалась в четырех стенах. Здесь всегда чувствовалось биение пульса действующей армии. С нею мы были связаны не только тонкой нитью телеграфного или телефонного провода. У нас не прерывались живые связи, личное общение с войсками, их штабами, командованием фронтов.

После упразднения главных командований по направлениям необходимость живой связи Ставки и Генштаба с фронтами возросла еще более. Координация боевых действий фронтов, контроль за исполнением директив Верховного Главнокомандования, помощь им в планировании, подготовке и осуществлении операций с решительными целями - все это требовало систематических выездов на место ответственных лиц, способных самостоятельно принимать важные решения и давать соответствующие указания. Тогда-то, собственно, и возник уже известный читателю институт представителей Ставки.

Наиболее часто Ставку представляли на местах заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков и начальник Генерального штаба А. М. Василевский. Некоторые из тогдашних командующих фронтами позже утверждали, что постоянное пребывание рядом с ними Жукова или Василевского отрицательно сказывалось на руководстве войсками. В этой критике (главным образом послевоенной), возможно, и есть какая-то доля истины. Но в целом, нам думается, деятельность представителей Ставки себя оправдала. Обстановка требовала присутствия на фронтах лиц, которые обладали бы опытом и властью, позволяющими быстро решать важнейшие вопросы, нередко выходившие за рамки компетенции командующего фронтом. Продолжительная работа непосредственно в действующей армии, на главных направлениях Г. К. Жукова предопределялась прежде всего его положением заместителя Верховного Главнокомандующего. Что же касается А. М. Василевского, то он, конечно, должен был больше находиться в

Генеральном штабе. По Верховный Главнокомандующий по этому поводу ни с кем не советовался. Считая, видимо, такое положение нормальным, И. В. Сталин почти всегда уже при первой встрече с Василевским и Жуковым по возвращении их с фронта спрашивал, а как скоро они думают снова выехать на фронт.

Служба в Генеральном штабе никогда не была легкой, тем более в военное время. Главное место в ней занимали, естественно, сбор и оценка разведывательных данных и текущей обстановки на фронтах, разработка вытекающих отсюда практических предложений и распоряжений, замыслов и планов предстоящих операций, планирование, обеспечение фронтов вооружением, боеприпасами и другими материальными средствами, создание резервов. Все это было очень сложно и не всегда осуществлялось так, как хотелось бы.

И. В. Сталин установил порядок круглосуточной работы Генштаба и лично регламентировал время его руководящего состава. Например, заместителю начальника Генштаба, на пост которого в декабре 1942 года прибыл А. И. Антонов, полагалось находиться при исполнении своих обязанностей по 17-18 часов в сутки. На отдых ему отводилось время с 5-6 часов утра до 12 дня. А мне, занимавшему с мая 1943 года должность начальника Оперативного управления, отдыхать разрешалось с 14 до 18- 19 часов. Точно так же были расписаны часы работы и отдыха для всех других руководящих работников.

Доклады Верховному Главнокомандующему делались, как правило, три раза в сутки. Первый из них имел место в 10-11 часов дня, обычно по телефону. Это выпадало на мою долю. Вечером, в 16-17 часов, докладывал заместитель начальника Генштаба. А ночью мы ехали в Ставку с итоговым докладом за сутки. Перед тем подготавливалась обстановка на картах масштаба 1 : 200 000 отдельно по каждому фронту с показом положения наших войск до дивизий, а в иных случаях и до полка. Даже досконально зная, где что произошло в течение суток, мы все равно перед каждой поездкой 2-3 часа тщательно разбирались в обстановке, связывались с командующими фронтами и начальниками их штабов, уточняли с ними отдельные детали проходивших или только еще планировавшихся операций, советовались и проверяли через них правильность своих предположений, рассматривали просьбы и заявки фронтов, а в последний час редактировали подготовленные на подпись проекты директив и распоряжений Ставки.

Все материалы, требовавшие решения Верховного Главнокомандования, заранее сортировались и раскладывались по трем разноцветным папкам. В красную папку попадали

документы первостепенной важности, докладывавшиеся в первую очередь; это в основном приказы, директивы, распоряжения, планы распределения вооружения действующим войскам и резервам. Синяя папка предназначалась для бумаг второй очереди; обычно в нее шли различного рода просьбы. Содержимое же зеленой папки составляли представления к званиям и наградам, предложения и приказы о перемещениях и назначениях должностных лиц.

Документы из красной папки докладывались обязательно полностью и тут же получали ход. Из синей они извлекались выборочно "по мере возможности", но, как правило, ежедневно. Зеленая папка докладывалась только при благоприятной обстановке. Иногда нам не приходилось раскрывать ее по три-четыре дня. Мы старались правильно определить ситуацию, позволявшую доложить тот или иной вопрос, и почти никогда не ошибались. Вскоре Сталин раскусил нашу нехитрую механику. Иногда он сам предупреждал:

- Сегодня рассмотрим только важные документы.

А в другой раз говорил:

- Ну а теперь давайте и вашу зеленую...

Справедливости ради должен заметить, что И. В. Сталин очень высоко ценил работников Генерального штаба и направлял их на самые ответственные посты в действующую армию. Уже в первые месяцы войны тогдашний начальник Генерального штаба Г. К. Жуков вступил в командование фронтом. Его заместитель Н. Ф. Ватутин стал начальником штаба, а затем и командующим фронтом. Начальники управлений и их заместители Г. К. Маландин и А. Ф. Анисов, начальники отделов В. В. Курасов, М. Н. Шарохин, П. И. Кокорев, Ф. И. Шевченко и другие были назначены начальниками штабов фронтов и армий, а впоследствии некоторые из них успешно командовали армиями. Кое-кто, например В. Д. Карпухин, получил под свое командование дивизию.

Вопреки установившимся канонам Сталин считал, что хороший штабист никогда не подведет и на командной работе, но, для того чтобы быть полноценным штабным работником, надо знать жизнь войск. А потому всех нас без исключения командировали на фронты очень часто, и порой на продолжительное время. Такая практика в некоторых случаях заметно ослабляла состав Генерального штаба, создавала дополнительные трудности в его повседневной работе. Однако у Верховного Главнокомандующего и на сей счет существовала своя, твердо установившаяся точка зрения: он полагал, и, очевидно, не без основания, что "на месте Генштаб всегда как-нибудь выкрутится", а войсковая практика в боевых условиях полезна каждому из нас.

В то же время мы всегда чувствовали его заботу об авторитете Генштаба. При докладах в Ставке командующих фронтами И. В. Сталин непременно спрашивал: "Каково мнение Генштаба?" или "Рассматривал ли этот вопрос Генштаб?". И Генштаб всегда излагал свое мнение. Во многих случаях оно не отличалось от мнения командующих фронтами, но, коль его

спрашивали, надо было докладывать.

Верховный не терпел даже малейшего вранья или приукрашивания действительности и жестоко карал тех, кто попадался на этом. Хорошо помню, как в ноябре 1943 года был снят с должности начальник штаба 1-го Украинского фронта за то, что не донес о захвате противником одного важного населенного пункта в надежде, что его удастся вернуть.

Естественно, что при докладах в Ставке мы очень следили за формулировками. Само собой у нас установилось правило никогда не докладывать непроверенные или сомнительные факты. А их бывало достаточно. В донесениях, например, часто фигурировала фраза: "Войска ворвались в пункт Н" или "Наши войска удерживают окраину пункта Х". Верховному в таких случаях докладывалось: "Наши войска ведут бои за пункт Н или пункт Х".

Доклады Генерального штаба в Ставке имели свой строгий порядок. После вызова по телефону мы садились в автомашину и по пустынной Москве отправлялись в Кремль или на "Ближнюю" - кунцевскую дачу Сталина. В Кремль въезжали через Боровицкие ворота и, обогнув здание Верховного Совета СССР по Ивановской площади, сворачивали в так называемый "уголок", где находились квартира и рабочий кабинет И. В. Сталина. Через кабинет Поскребышева входили в небольшое помещение начальника личной охраны Верховного Главнокомандующего и, наконец, попадали к нему самому.

В левой части кабинета со сводчатым потолком и обшитыми светлым дубом стенами стоял длинный прямоугольный стол. На нем мы развертывали карты и по ним докладывали за каждый фронт в отдельности, начиная с того, где в данный момент происходили главные события. Никакими предварительными записями не пользовались. Обстановку знали на память, и она была отражена на карте.

За торцом стола, в углу, стоял большой глобус. Должен заметить, однако, что за сотни раз посещения этого кабинета мне никогда не довелось видеть, чтобы им пользовались при рассмотрении оперативных вопросов. Разговоры о руководстве действиями фронтов по глобусу беспочвенны.

Кроме Верховного Главнокомандующего на докладах, как правило, присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б) и члены Ставки. При необходимости вызывались командующий артиллерией Н. Н. Воронов, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Я. Н. Фе-доренко, командующий ВВС А. А. Новиков, начальник инженерных войск М. П. Воробьев, начальник Главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлев,

начальник тыла Советской Армии А. В. Хрулев и другие. Они докладывали и давали справки по своим специальным вопросам.

Члены Политбюро садились обычно вдоль стола у стены лицом к нам, военным, и к большим портретам Суворова и Кутузова, висевшим на противоположной стороне кабинета. Сталин слушал доклад, прохаживаясь у стола с нашей стороны. Изредка подходил к своему письменному столу, стоявшему в глубине кабинета справа, брал две папиросы "Герцеговина Флор", разрывал и набивал табаком трубку. Правее письменного стола на особой подставке белела под стеклом гипсовая посмертная маска В. И. Ленина.

Доклад наш начинался с характеристики действий своих войск за истекшие сутки. Фронты, армии, танковые и механизированные корпуса назывались по фамилиям командующих и командиров, дивизии - по номерам. Так было установлено Сталиным. Потом мы все привыкли к этому и в Генштабе придерживались такой же системы.

Затем докладывались проекты директив, которые надо было отдать войскам. Директивы Ставки подписывали Верховный Главнокомандующий и его заместитель или начальник Генерального штаба, а когда в Москве не было ни Г. К. Жукова, ни А. М. Василевского, вторым подписывался А. И. Антонов. Распоряжения меньшей важности заканчивались фразой "По поручению Ставки", и дальше следовала подпись либо А. М. Василевского, либо А. И. Антонова. Часто такие распоряжения формулировались прямо в Ставке. Сталин диктовал, я записывал. Потом он заставлял читать текст вслух и при этом вносил поправки. Эти документы, как правило, не перепечатывались на машинке, а прямо в оригинале поступали в находившуюся неподалеку аппаратную узла связи и немедленно передавались на фронты.

Тем временем мы извлекали нашу синюю папку и начинали докладывать просьбы фронтов. Они касались главным образом пополнения войск живой силой, поставок вооружения, техники, горючего. Конечно, предварительно все эти просьбы рассматривались в Генштабе с участием командующих видами вооруженных сил и родов войск.

С доклада мы возвращались лишь в 3-4 часа утра.

Иногда приходилось бывать в Ставке и по два раза на протяжении одних суток.

Установленный Сталиным жесткий порядок работы Генштаба никто не мог изменить. Огромный объем этой работы, ее неотложность делали службу здесь крайне изнурительной. Работали на износ, наперед зная, что даже за малейшую ошибку с

тебя будет строго взыскано. Не каждый мог выдержать такое напряжение. Некоторые из моих товарищей длительное время страдали впоследствии истощением нервной системы, сердечными заболеваниями. Многие сразу же после войны, не дослужив до возрастного срока, ушли в запас.

Должен заметить, что режим военного времени оставался в Генштабе почти неизменным вплоть до смерти Сталина: мы по-прежнему заканчивали свой трудовой день в 3-4 часа утра, а к 10-11 часам дня обязаны были опять являться на службу.

Как-то уж повелось, что, говоря о людях интеллектуального, творческого труда, имеют в виду работников искусства, литературы, реже техников и почти никогда - военных.

Между тем военное дело тоже требует и творческого вдохновения и высокоразвитою интеллекта. Подчас военным людям приходится обращаться с неизмеримо большим, чем другим специалистам, количеством исходных элементов и слагаемых, осмысление которых позволяет сделать определенные выводы и на основе их прийти к наилучшему решению.

В первую очередь все это относится, конечно, к руководящим военным кадрам. Военный руководитель не только должен хорошо знать военные вопросы и видеть перспективы их развития. Он обязан уметь ориентироваться в сложном переплетении политических, экономических, технических проблем, правильно понимать их и предвидеть возможное их влияние на военную теорию и практику, на войну в целом, на операцию и бой.

Особенно необходимы такие качества начальнику Генерального штаба. Диапазон его деятельности поистине огромен. На нем лежит громадная ответственность за подготовку Вооруженных Сил в мирное время и за правильное использование их в ходе войны. Кому-кому, а уж ему-то всегда полагается заглядывать далеко вперед.

Но каким бы талантливым ни был начальник Генерального штаба, один он в поле не воин. Помимо всего прочего от него требуется умение опираться на коллектив, особым образом подобранный, подготовленный и организованный. Ему не обойтись без опытных заместителей и помощников, которые несли бы на себе часть руководства работой этого коллектива и тоже обладали бы творческим пытливым умом, незаурядными организаторскими способностями.

Описывая работу Генерального штаба в годы войны, я, конечно, обязан более или менее подробно рассказать о двух выдающихся его руководителях - А. М. Василевском и А. И. Антонове. Первый был начальником Генерального штаба с

середины 1942 до февраля 1945 года. Второй вступил на этот высокий пост уже в конце войны, но еще задолго до того, будучи первым заместителем начальника Генштаба, в связи с длительным пребыванием А. М. Василевского на фронтах, успешно исполнял его обязанности.

Итак, сначала об Александре Михайловиче Василевском.

Мне пришлось работать с ним около 12 лет, в разной степени подчиненности и на разных ступенях, если можно так выразиться, служебной лестницы. В 1940 году он был заместителем начальника Оперативного управления, а я - старшим помощником начальника отдела. Затем он стал начальником Оперативного управления, а я - начальником направления. Некоторое время спустя А. М. Василевского назначили начальником Генерального штаба, а мне довелось исполнять его прежнюю должность в Оперативном управлении. Наконец, уже после войны около четырех лет я был начальником Генерального штаба, а Василевский занимал пост Военного министра. Такое близкое и довольно длительное соприкосновение по службе позволило мне очень хорошо изучить личные качества Александра Михайловича. И чем лучше я узнавал его, тем больше укреплялось у меня чувство глубокого уважения к этому по-солдатски простому и неизменно скромному, душевному человеку, военачальнику с большой буквы.

В последующих главах так или иначе еще не раз придется касаться работы А. М. Василевского и в Генштабе, и на фронтах в качестве то представителя Ставки, то командующего фронтом, то Главнокомандующего, как это было на Дальнем Востоке. Здесь же речь пойдет лишь о некоторых его чертах.

Прежде всего - о глубоком знании им военного дела.

За плечами у Александра Михайловича - первая мировая война, организаторская работа по формированию первых регулярных частей Красной Армии и служба на фронтах гражданской войны. После того как была разгромлена внутренняя контрреволюция и изгнаны с советской земли интервенты, он семь лет командовал полком. Все это время упорно учился и уже тогда зарекомендовал себя как командир с широким кругозором, вдумчивый, инициативный. Старшие начальники отмечали также скромность и выдержку Александра Михайловича.

Он был замечен видным советским военным теоретиком В. К. Треан-дафилловым, являвшимся в ту пору заместителем начальника штаба РККА. По рекомендации последнего А. М. Василевского переводят в Управление боевой подготовки Красной Армии, где перед вчерашним командиром полка раскрываются новые горизонты. Александр Михайлович принимает участие в

разработке оперативных вопросов, в составлении руководящих документов по тактике так называемого "глубокого боя", выступает на страницах военной печати.

В 1936 году, после недолгой службы в Приволжском военном округе, А. М. Василевский зачисляется в Академию Генерального штаба. Его знания и умение работать над оперативными вопросами здесь возросли, навыки отшлифовались, творческие возможности увеличились. И по окончании академии Александр Михайлович, в звании комбрига, получил назначение в Генеральный штаб. Сначала исполнял там должность помощника начальника оперативного отдела, а с середины 1939 года, когда создалось Оперативное управление, стал помощником, затем заместителем начальника управления по западу. На этом посту оперативное дарование А. М. Василевского упрочилось еще больше. Он стал ведущим лицом при разработке наиболее ответственных планов советского командования.

Началась Великая Отечественная война. 25 августа 1941 года генерал-майор А. М. Василевский назначается начальником Оперативного управления и одновременно становится заместителем начальника Генерального штаба. Принимает непосредственное участие в планировании операций по отражению вражеских ударов и разгрому немецко-фашистских войск на подступах к Москве.

Что это было за время, сказано выше, и можно себе представить, как тяжело было тогда А. М. Василевскому. Но все возникавшие трудности преодолевались им с завидным спокойствием, с изумительной выдержкой. Глубокое знание природы войны и способность предвидеть ход и исход самых сложных сражений очень скоро выдвинули А. М. Василевского в первый ряд советских военных руководителей.

Отличительной чертой Александра Михайловича всегда было доверие к подчиненным, глубокое уважение к людям, бережное отношение к их достоинству. Он тонко понимал, как трудно сохранять организованность и четкость в критической обстановке неблагоприятно развивавшегося для нас начала войны, и старался сплотить коллектив, создать такую рабочую обстановку, когда совсем не чувствовалось бы давления власти, а лишь ощущалось крепкое плечо старшего, более опытного товарища, на которое в случае необходимости можно опереться. За его теплоту, душевность, искренность мы все платили ему тем же. Василевский пользовался в Генштабе не только высочайшим авторитетом, но и всеобщей любовью.

С первых месяцев войны Александру Михайловичу пришлось близко общаться со Сталиным, который, как уже отмечалось, не

терпел ответов приблизительных, наугад, часто требовал личного уточнения обстановки на месте. Не один раз работа Василевского в действующей армии была сопряжена с большим риском для жизни, но всегда выполнялась в срок и с безупречной точностью, а доклады его в Ставке отличались исчерпывающей полнотой и ясностью. Эти его качества Верховный Главнокомандующий оценивал в полной мере и все чаще стал посылать Александра Михайловича на фронт, когда возникала необходимость поглубже проанализировать тот или иной вопрос и выработать наиболее верное решение, сформулированное в виде готовых предложений.

Природа наделила А. М. Василевского редким даром буквально на лету схватывать главное, делать правильные выводы и как-то особенно ясно предвидеть, в каком направлении пойдет дальнейшее развитие событий. Однако он никогда не выставлял этого напоказ. Наоборот, всегда с подчеркнутым вниманием выслушивал мнения и соображения других, не имел привычки обрывать собеседника, даже если не согласен с ним, а терпеливо убеждал его, доказывал и в конечном счете обычно привлекал оппонента на свою сторону. В то же время Александр Михайлович умел постоять за собственную точку зрения перед Верховным Главнокомандующим. Делал это тактично, но достаточно твердо.

Для оперативного почерка А. М. Василевского характерна решительность замысла, стремление окружить противника, отсечь ому пути отхода или расколоть его группировку таким образом, чтобы по мере развития операции угроза изоляции нависала бы над ним все более и более. Таковы типичные черты Острогожско-Россошанской, Сталинградской, Белорусской, Мемельской и многих других операций, подготовка и проведение которых осуществлялись при личном участии Александра Михайловича. Печать решительности лежит и на Восточно-Прусской операции, во время которой А. М. Василевский командовал 3-м Белорусским фронтом, заменив погибшего в феврале 1945 года И. Д. Черняховского. За свои действия он всегда был готов безоговорочно держать ответ перед Родиной, а это, как известно, является высшим проявлением мужества военачальника. Успехами не кичился. Враг всякого приукрашательства, Василевский никогда в таких случаях не акцентировал внимание на собственной персоне, хотя роль его была подчас решающей.

Отлично понимая, сколь отрицательно сказывается на работе Генштаба частое отсутствие на месте начальника, Александр Михайлович настойчиво искал себе достойного заместителя. И такой человек был найден. 11 декабря 1942 года мы узнали, что по рекомендации А. М. Василевского на должность начальника

Оперативного управления и заместителя начальника Генштаба назначен генерал-лейтенант А. И. Антонов, занимавший до того пост начальника штаба на Закавказском фронте. Многие его знали и одобрительно отзывались о нем. А. И. Антонов детально знакомился с людьми управления, тщательно изучал оперативную обстановку, вполне свободно ориентировался и в делах Генштаба, и в положении на фронтах. Постепенно у нас прекратились бдения в приемной. Не без помощи Антонова Верховным Главнокомандующим был установлен трудный и жесткий, но в целом необходимый и приемлемый регламент работы Генштаба, который сохранился на годы. При этом сам он делил с нами все тяготы службы.

Не прошло и месяца с момента назначения Антонова в Генштаб, как он уже получил чрезвычайно ответственное задание - в качестве представителя Ставки разобраться в обстановке на Воронежском, Брянском, а несколько позже и на Центральном фронтах, с тем чтобы внести конкретные предложения о дальнейшем использовании их сил. Командировка продолжалась с 10 января по 27 марта 1943 года. Как все мы понимали, это был для нового начальника Оперативного управления экзамен на зрелость. Верховное Главнокомандование желало окончательно убедиться, правильно ли оно поступило, назначив Алексея Иннокентьевича на один из самых ответственных военных постов.

Войска Воронежского и Брянского фронтов переживали в тот момент своего рода кризис наступления в трудных зимних условиях. Одержав ряд славных побед, они заметно выдохлись и в конце концов вынуждены были прекратить наступательные действия. Антонову довелось работать здесь под руководством А. М. Василевского. Этим, конечно, облегчалось порученное ему дело. Но и Александр Михайлович получил в его лице надежного и квалифицированного помощника. Совместными усилиями и, разумеется, при активном участии командования фронтов они очень правильно оценили перспективы дальнейшего развития событий на важнейшем в то время орловско-курском направлении.

Отличная теоретическая подготовка, высокие организаторские способности, ясный ум и большая выдержка наряду с выдающимся оперативным дарованием А. И. Антонова предвещали, казалось, длительное пребывание его у кормила Оперативного управления. Но в отсутствие А. М. Василевского, а оно становилось все чаще и длительнее, на плечи Алексея Иннокентьевича ложился непомерный груз обязанностей начальника Генерального штаба. Исполнять одновременно две такие тяжелые должности, да еще во время войны, было не под

силу даже Антонову. Убедившись в этом, Ставка освободила его от непосредственного руководства Оперативным управлением, что позволило Алексею Иннокентьевичу практически возглавить Генеральный штаб, конечно поддерживая самый тесный контакт с А. М. Василевским, постоянно информируя его о всем существенном и получая взамен соответствующие указания, советы, поддержку.

Большой труженик и блестящий знаток штабной службы, Алексей Иннокентьевич крепко держал в своих руках все нити оперативного руководства боевыми действиями многомиллионной армии. За счет своей богатейшей эрудиции и тогда еще молодых сил он справлялся с этим безупречно. Представители Ставки, направляя свои доклады Верховному Главнокомандующему, непременно адресовали их копию "товарищу Антонову". Каждый знал, что Антонов предпримет по этим докладам все необходимое точно и в срок.

Высокая общая и особенно военная культура Алексея Иннокентьевича проявлялась в широте и глубине его подхода ко всем решительно вопросам работы Генштаба, в речах, в личном поведении, отношении к людям. За шесть лет совместной службы мне ни разу не приходилось видеть его "вышедшим из себя", вспылившим, ругающим кого-то. Он обладал удивительно уравновешенным характером, ничего, однако, общего не имевшим с мягкотелостью. Уравновешенность у Антонова сочеталась с редкой твердостью и, я бы сказал, с некоторой сухостью, даже суровостью в официальных отношениях. Кое-кто называл его педантом. Но это был хороший педантизм. Люди более дальновидные очень скоро проникались благодарностью к А. И. Антонову за его принципиальность и последовательную требовательность, совершенно необходимую на военной службе, да еще в дни тяжелой войны. Алексей Иннокентьевич не терпел верхоглядства, спешки, недоделок, формального отношения к должностным обязанностям. На поощрения был скуп, и заслужить их могли лишь люди думающие, инициативные, точные в работе. Весьма ценил время и тщательно его планировал. Видимо, поэтому даже строй его речи отличался лаконичностью и ясностью. Противник всякого пустозвонства, он отнюдь не злоупотреблял совещаниями, проводил их только в самых необходимых случаях и всегда оперативно, коротко.

У Верховного Главнокомандующего А. И. Антонов пользовался непререкаемым авторитетом. И я полагаю, что тут не последнюю роль сыграла мужественная прямота Алексея Иннокентьевича, правдивость его докладов, в которых всегда и все строго соответствовало истине, как бы горька она ни была.

При необходимости Антонов осмеливался возражать Сталину и уж во всяком случае высказывал свое мнение.

Внешне далеко не одинаковые, А. М. Василевский и А. И. Антонов, по существу, имели очень много общего. Они достойно представляли советский Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны, многое сделали для нашей победы над врагом, и мы, их соратники, ближайшие помощники и ученики, всегда будем гордиться ими.

А теперь об основном рабочем ядре Генерального штаба - органе, ведавшем планированием всех операций, сбором и анализом данных по обстановке на фронтах, контролем за выполнением директив Верховного Главнокомандования, Оперативном управлении. Помимо тех обязанностей, о которых уже сказано, в компетенцию этого управления входило и много других дел, в том числе разработка приказов в честь побед, одержанных войсками того или иного фронта.

Остальные органы Генштаба действовали в тесном контакте с Оперативным управлением, выполняя его просьбы и получая от него исходные данные для своей работы.

На доклад в Ставку вместе с начальником Генерального штаба ездил только начальник Оперативного управления или его заместитель. А это обязывало последних знать все, что делается в Генеральном штабе и чем он располагает. Тут и данные о противнике, и данные о ходе оперативных перевозок, и укомплектованность фронтов, и состояние резервов. Без этого не обойтись при разработке оперативных предложений.

Органы разведки, добывавшие сведения о противнике, в разное время войны возглавляли генерал-майор танковых войск А. П. Панфилов, генерал-лейтенант И. II. Ильичев и генерал-полковник Ф. Ф. Кузнецов. С каждым из них начальник Оперативного управления имел ежедневный личный контакт. А еще теснее мы контактировали с неутомимым Леонидом Васильевичем Оняновым и его группой. В их обязанность входили анализ и обработка всех данных о составе, действиях и намерениях немецко-фашистских войск. Сам он и подчиненные ему офицеры строго следили за правильностью отображения данных о противнике на оперативных картах. Через них же мы ставили задачи на разведку особо интересующих нас объектов противника.

Вопросами организационной структуры всех родов войск ведал генерал-лейтенант А. Г. Карпоносов. Оп же планировал укомплектование фронтов, контролировал готовность резервов и наличие обученного маршевого пополнения. Кроме того, в руках его аппарата были дислокация и учет численности войск в

военных округах, учет потерь на фронтах. Ему же подчинялись отделы военно-учебных заведений и оперативных перевозок. Через последний ставились задачи органам ВОСО на переброску войск при подготовке операций и в ходе их.

К слову сказать, органы военных сообщений часто переподчинялись то одному, то другому начальнику, но от Генерального штаба никак уйти не могли. В начале войны управление ВОСО организационно входило в состав Генштаба. Потом некоторое время оно было самостоятельным, и его начальник являлся наркомом путей сообщения. Затем это управление переподчинили начальнику тыла, который стал по совместительству и наркомом путей сообщения. А в конце войны ВОСО опять вернулось в Генштаб. Опыт подтвердил одну непреложную истину: кому бы органы военных сообщений ни подчинялись, в отрыве от Генштаба они работать не могут. Поскольку в военное время оперативные перевозки идут непрерывно и от них в немалой степени зависит судьба операций, Генштаб должен планировать и контролировать их ежедневно, а в иных случаях и ежечасно, давать ВОСО конкретные указания, неослабно следя за исполнением.

Устройством тыла и планированием материальных средств ведал аппарат, возглавляемый А. И. Шимонаевым, а затем П. П. Михайловым. Здесь прежде всего изучались и готовились вопросы обеспечения фронта вооружением и техникой, учитывались ресурсы страны, которые можно мобилизовать для нужд войны, концентрировались все данные о продукции, выпускаемой военной промышленностью. В этом аппарате были крупные знатоки отечественной экономики, такие, например, как Н. И. Потапов, которого по справедливости называли "живой энциклопедией". Он проработал в Генштабе много лет и только в 1963 году ушел на заслуженный отдых. Огромной эрудицией обладал и другой ветеран этой службы генерал Д. А. Нэлип. Он проработал в Генеральном штабе еще дольше - вплоть до 1964 года.

Выдающуюся роль в организации военной связи сыграл И. Т. Пересыпкин бессменный в течение всей войны начальник связи Советской Армии. Добрым словом хочется помянуть здесь и ближайших его помощников генералов Н. А. Найденова, Н. А. Борзова и особенно начальника узла связи Генштаба М. Т. Беликова. Их заботами было обеспечено бесперебойное общение с действующей армией в любое время суток и на протяжении всей войны, включая самые трудные месяцы 1941 года. О возможностях нашей службы связи свидетельствует хотя бы такой факт. В период Тегеранской конференции глав трех союзных

держав - СССР, Америки и Англии - автор этих строк находился в столице Ирана и должен был оттуда держать связь с фронтами и Генштабом, дважды в сутки собирая для Верховного Главнокомандующего данные по обстановке. И не было случая, чтобы средства связи подвели.

Военно-топографическую службу Генштаба возглавлял блестящий знаток этого дела генерал М. К. Кудрявцев. Карт самого различного назначения и разных масштабов требовалось чрезвычайно много. А надо заметить, что до войны карты, нужные войскам, на значительную часть территории нашего государства не составлялись. Мы располагали вполне современными топографическими картами лишь до рубежа Петрозаводск, Витебск, Киев, Одесса. Когда же противник потеснил нас за этот рубеж, ко всем прочим бедам прибавилось еще и отсутствие карт. Пришлось срочно формировать новые топографические части, создавать новые военно-картографические фабрики, мобилизовывать возможности гражданских ведомств. Работа кипела днем и ночью. Только за первые полгода войны вновь составленными картами разных масштабов была освещена площадь, превышающая полтора миллиона квадратных километров.

Размеры военно-топографических съемок и производства карт оставались чрезвычайно большими и в последующее время. Всего за годы войны съемками и рекогносцировками была охвачена территория в пять с половиной миллионов квадратных километров, составлено и издано различных военно-географических справочников и описаний на площадь свыше семи миллионов квадратных километров.

Особую роль в производстве карт для действующей армии играла фабрика имени Дунаева. Ее коллектив выполнял самые срочные и самые сложные задания Генштаба.

Служба скрытого управления войсками находилась в надежных руках генерал-лейтенанта П. II. Белюсова и его многоопытного помощника полковника И. П. Будилева. А очень тонкую работу по поддержанию контактов с Наркоматом иностранных дел и по связям Генштаба с союзниками вел со своим немногочисленным, но очень квалифицированным аппаратом скромнейший, кристальной души человек генерал-лейтенант Н. В. Славин. Он являлся в то время неизменным участником переговоров с военными представителями США и Англии, а также с главами союзных держав, присутствовал на многих международных конференциях. После войны, до конца дней своих, Н. В. Славин достойно представлял Советский Союз в Дании.

Наконец, не могу не познакомить читателя с наиболее близкими и дорогими мне людьми Оперативного управления. За редким исключением, это были отличные генералы и офицеры. Коллектив наш в целом отличался спаянностью, сплоченностью, весьма высокой работоспособностью. Никто здесь не щадил себя ради общего дела.

Заместителями начальника управления у нас были: генерал-лейтенант А. А. Грызлов и генерал-лейтенант Н. А. Ломов. Первый отличался способностью быстро и точно схватить самую суть дела, обладал, казалось, неисчерпаемой энергией, хорошо владел пером, мастерски в течение буквально нескольких минут мог нанести обстановку на карту. Жизнерадостность и постоянный оптимизм Грызлова всегда создавали вокруг него атмосферу какой-то приподнятости. Ломов - по характеру более спокойный, уравновешенный, работал несколько медленней, но всегда солидно и глубоко. Взаимно они как бы дополняли друг друга. По сей день в моем сердце живет великая благодарность им за неоценимую помощь и большой вклад в работу Оперативного управления в годы войны.

Заместителем начальника управления по политической части являлся генерал-майор И. Н. Рыжков. Он буквально вкладывал всю душу в воспитание личного состава и своей простотой, общительностью, чуткостью к каждому снискал у всех нас самое доброе к себе отношение. В нем мы видели не столько должностное лицо, сколько истинно партийного наставника.

До сих пор как бы стоят перед моими глазами операторы, люди, вынесшие всю тяжесть черновой работы управления: сбора данных обстановки, ее анализа, неизбежных уточнении, проверок и перепроверок данных. Особенно это было сложно в первые дни войны.

Начальниками направлений были лучшие штабные работники, большинство из которых занимало эти должности до конца войны. Вот генерал-майор Михаил Алексеевич Красковец - горячий, нетерпеливый, в меру честолюбивый. При случае он мог и возразить начальству, но за отданное ему приказание беспокоиться не приходилось. Красковец всегда выполнял приказания точно.

Полная противоположность ему - генерал-майор Сергей Иванович Гунеев: спокойный, уравновешенный, иногда даже не по обстоятельствам. Он неоднократно бывал в блокированном Ленинграде.

Прекрасный оператор генерал-майор Чумаков Григорий Миронович всегда казался мне немного капризным. Безусловно, знал себе цену, но еще лучше знал обстановку на своем участке и

всегда был готов доложить свои взгляды и предложения.

По-своему оригинален генерал-майор Владимир Дмитриевич Уткин. Любил пофилософствовать. Писал стихи и многие из них сам положил на музыку. Товарищи в шутку величали его "оперативным композитором". Но это не мешало Владимиру Дмитриевичу оставаться хорошим оператором.

Генерал-майоры Василий Федорович Мерной и Семен Михайлович Енюков несомненно выделялись своей общей эрудицией и широким оперативным кругозором. А Николай Евгеньевич Соколов и Николай Васильевич Постников запомнились мне прежде всего как великие труженики.

Одним из лучших операторов по праву считался генерал-майор Васильченко Константин Федорович. После войны он стал хорошим начальником штаба военного округа.

Генерал-майор Яков Афанасьевич Куцев отличался вдумчивостью. Аналитический склад мышления позволял ему видеть многое из того, что ускользало из поля зрения других. После войны он по заслугам был выдвинут на должность заместителя начальника управления Генштаба.

Генерал-майор Михаил Никифорович Кочергин был у нас лучшим знатоком Дальнего Востока и Забайкалья. А Степан Адамович Петровский так же отлично знал Ближний Восток и пользовался репутацией очень умелого воспитателя своих подчиненных. Со временем это подтвердилось уже тем, что почти все офицеры, работавшие под его началом,- А. П. Чумакин, Г. Г. Елисеев, Н. Ф. Янин, А. С. Башнагян - стали генералами.

Самые добрые воспоминания сохранились у меня о генерал-лейтенанте С. П. Платонове. Он держал в своих цепких руках всех операторов, обобщая в боевых донесениях и оперативных сводках всю информацию, поступавшую с фронтов. Многие из операторов не без основания считали, что Семену Павловичу докладывать труднее, нежели самому начальнику Генштаба. Платонов был точен до придирчивости. Правда, зная, что все операторы перегружены текущей работой, он никогда не дожидался готового материала, а сам ходил с рабочей тетрадью от одного к другому, смотрел рабочие карты, слушал устные доклады, и к концу каждого такого обхода у него уже было, по существу, готовое боевое донесение.

Особо ценным качеством С. П. Платонова являлась удивительная мобильность, умение работать очень быстро. При необходимости он мог лично собрать данные и написать боевое донесение за все фронты в течение одного часа. В этом ему помогало безукоризненное знание обстановки в полном ее объеме.

Обычно боевые донесения готовились три раза в сутки. Но бывали еще и экстренные сообщения. А затем все это аккумулировалось в ежедневной оперативной сводке, которая представляла собой объемистый документ до 20, а иногда и более страниц убористого машинописного текста. Сводка освещала ход боевых действий на всех фронтах до дивизии включительно, а, как известно, число дивизий в составе действующей армии и резерве Ставки достигало 488.

Офицеры, работавшие под руководством С. П. Платонова, проделали громадный труд, неоценимый для истории. В Центральном архиве Министерства обороны тщательно хранятся тысячи написанных ими страниц, воспроизводящих подлинную картину борьбы наших Вооруженных Сил против гитлеровской военной машины.

Кроме боевых донесений и оперативной сводки генералом Платоновым ежедневно готовились еще сообщения для печати и радио "От Советского информбюро". Эти материалы докладывались лично А. С. Щербакову, совмещавшему в годы войны работу на нескольких ответственных постах: оставаясь секретарем МК и ЦК партии, он возглавлял одновременно Главное политическое управление Советской Армии и ведал делами Совинформбюро - организации очень большой и хлопотной. Мне часто приходилось встречаться с ним, и, кажется, каждый раз я мысленно спрашивал себя: как этот тяжело больной человек успевает справляться с такой уймой дел, откуда берутся у него силы и каким образом удается ему сохранить при том теплоту отношений с людьми, человечность?

Под стать С. П. Платонову были и другие начальники. Моряков возглавлял сначала контр-адмирал В. И. Сумин, а затем контр-адмирал В. А. Касатонов блестящий знаток всех морских театров, теории и практики военно-морского искусства, выдвинувшийся впоследствии в число видных советских военачальников.

Генерал-майор Н. М. Масленников - рассеянный, милый человек, никого в жизни не обидевший,- ведал артиллерией и всей противовоздушной обороной в целом.

Бывший морской летчик Н. Г. Колесников занимался авиационными вопросами. Горячий, иногда чрезмерно, он очень нуждался в своеобразном противовесе. И таким противовесом являлся его хороший заместитель, впоследствии ставший начальником отдела, генерал-майор авиации Н. В. Воронов.

Бронетанковые войска хорошо знал генерал-майор танковых войск П. II. Калиниченко, выдвинутый затем на должность начальника штаба танковой армии. Его сменили вначале генерал-

майор В. Н. Баскаков, а затем генерал-майор Л. М. Китаев.

Связью руководил генерал-майор К. И. Николаев, а инженерными войсками генерал-майор В. А. Болятко, талантливый знаток своего дела, выросший впоследствии до генерал-полковника.

У меня нет возможности дать здесь хотя бы самую краткую характеристику каждому из офицеров Оперативного управления. Одно могу сказать: лучших работников я не искал. Да и трудно было искать. Ведь для Генштаба и без того из хорошего выбрали лучшее.

Я горжусь, что мне выпала честь возглавлять такой прекрасный коллектив.

Суточный цикл в Оперативном управлении, как и во всем Генеральном штабе, начинался с семи утра. В этот час начальники направлений приступали к сбору обстановки за прошедшую ночь. К каждому из них являлся представитель разведки и уточнял на карте данные о противнике. Одновременно обобщались сведения о положении и состоянии своих войск. В этом начальникам направлений помогали все другие органы Генштаба, каждый по роду своей деятельности.

А у начальника Оперативного управления не смолкали телефонные звонки. Он вел переговоры с начальниками штабов фронтов, лично уточняя обстановку. Они обязательно звонили сами, если в течение ночи был достигнут серьезный успех, занят важный пункт. При неудачах со звонками не спешили. Но когда гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе: в этом случае мы сами вызывали на провод "запоздавшего", и истина прояснялась.

По мере готовности материалов появлялись с докладами начальники направлений. Само собой разумеется, что доклады эти не были длинными.

Мы все детально знали обстановку, и поэтому часто докладчик не произносил ни слова, а просто сверял свою карту с картой начальника управления, разложенной на столе. Если обнаруживались какие-то расхождения, он обращал на них внимание начальника, говорил, что надо дополнить. В иных случаях у начальника Оперативного управления были более свежие данные, полученные в результате переговоров со штабом фронта. При таком стечении обстоятельств начальник направления вносил исправления на свою карту. И лишь изредка, когда расхождения оказывались слишком уж значительными или по каким-то другим причинам возникали сомнения относительно истинного положения войск, тут же еще раз вызывали по ВЧ штаб фронта для нового уточнения обстановки.

Четкость ведения карт была, можно сказать, идеальной. В

управлении применялись единые условные цвета и знаки для определенного времени и любого вида боевых действий. Неукоснительное исполнение этого однажды установленного порядка и длительная практика позволяли легко читать обстановку с карты любого направления без пояснений. В высшей мере добросовестное отношение офицеров и генералов ко всем "мелочам" службы избавляло нас от многих непроизводительных потерь времени и главное - ограждало от ошибок. Никакое, кажется, наставление не смогло бы предусмотреть наших генштабовских тонкостей.

Примерно в 9.00 к начальнику Оперативного управления приходил генерал-лейтенант Онянов с обобщенными данными о противнике. В это же время из ВОСО приносили график перевозок; по нему нетрудно было проследить, что на какой фронт подается и где в данный момент находится. Затем просматривались справки о состоянии резервов и начиналось редактирование утреннего боевого донесения.

В 10 часов донесение подписывалось, и начальник Оперативного управления был готов к докладу Верховному Главнокомандующему. На двух больших ярко освещенных наклонных столах раскладывались двухсоттысячные карты по каждому фронту и одна сводная миллионного масштаба, отображавшая положение на всех фронтах сразу. Тут же, что называется под рукой, находились три справки: о состоянии резервов всех видов, график перевозок и книга боевого состава действующей армии до полка с фамилиями командующих и командиров до дивизии включительно. Все остальные данные имелись на картах.

Оперативное управление было связано с Верховным Главнокомандующим особым прямым телефоном. Когда-то такого телефона не было, и Сталин звонил по общему. Но случилось так, что однажды он не получил немедленного ответа - номер оказался занятым. Через несколько минут начальник управления выслушал соответствующее внушение и получил приказание: "Сказать кому следует, чтобы поставили особый телефон". Так у нас появился еще один аппарат со шнуром почти в 10 метров длиной; это было очень удобно при докладах обстановки по картам.

Между 10 и 11 часами, редко чуть позже, Верховный сам звонил к нам. Иногда здоровался, а чаще прямо спрашивал:

- Что нового?

Начальник Оперативного управления докладывал обстановку, переходя от стола к столу с телефонной трубкой у уха. Во всех случаях доклад начинался с фронта, где боевые действия носили

наиболее напряженный характер, и, как правило, с самого острого участка. Обстановка излагалась последовательно, за каждый фронт в отдельности в произвольной форме.

Если нашим войскам сопутствовал успех, доклад обычно не прерывался. По телефону были слышны лишь редкое покашливание да чмоканье губами, характерное для курильщика, сосущего трубку.

Пропускать в докладе какую-либо армию, если даже в ее полосе за ночь не произошло ничего важного, Сталин не позволял. Он тотчас же перебивал докладчика вопросом:

- А у Казакова что?

Иногда в ходе доклада Верховный Главнокомандующий давал какое-то указание для передачи на фронт. Оно повторялось вслух, и один из за-местителей начальника управления тут же записывал все дословно, а затем оформлял в виде распоряжения или директивы.

Около полудня начальник Оперативного управления шел к начальнику Генерального штаба. В кабинете последнего имелся такой же, как у нас, комплект карт, и к этому времени на них была нанесена самая полная и новейшая обстановка. Оставалось только сообщить, как прошел доклад Верховному, какие от него получены указания, и представить на подпись подготовленные распоряжения войскам.

Такой несколько необычный порядок докладов - сначала Верховному Главнокомандующему, а затем уже начальнику Генерального штаба - был определен лично Сталиным. Делалось так, потому что по распорядку нашей работы в 10-11 часов начальник Генштаба еще отдыхал.

После утреннего доклада Оперативного управления он принимал начальников других управлений, начальников родов войск и служб, разговаривал по телефону с командующими фронтами, читал донесения представителей Ставки.

Важнейшей частью работы начальника Генерального штаба являлся анализ обстановки на фронтах. Обычно в процессе этого рождались оперативные предположения, которые затем обосновывались тщательными расчетами и вносились на рассмотрение Ставки.

Когда в Москву приезжали командующие фронтами, начальник Генерального штаба принимал их обязательно в присутствии начальника Оперативного управления и представителя соответствующего направления. Мы вместе рассматривали все предложения фронтового командования и готовили по ним заключения. Если командующий соглашался с нами, его исправленные предложения вносились в Ставку

совместно. Если единства мнений не было, то Ставке докладывались расхождения.

Расхождения возникали обычно не по замыслу операции или порядку ее проведения, а по составу войск и их обеспечению. Понятно, что каждый командующий стремился получить побольше резервов Ставки, иметь в достатке танки, артиллерию, боеприпасы. Мы никогда никому из них не говорили, чем конкретно располагает Ставка, но командующие и помимо нас, одним им известными путями, узнавали об этом. У Генштаба они требовали, в Ставке просили.

Надо прямо сказать, что те фронты, на которых находились представители Ставки, обеспечивались обычно лучше. Во-первых, потому, что Ставка посылала своих представителей на наиболее важные направления. А во-вторых, по той причине, что каждый представитель Ставки сам имел власть, особенно маршал Г. К. Жуков. В иных случаях он ставил Генштаб в очень трудное положение: и дать нельзя, и попробуй откажи заместителю Верховного Главнокомандующего...

К 15 часам в Оперативном управлении заканчивалась обработка данных за первую половину дня. Они докладывались начальнику Генерального штаба моим заместителем генерал-лейтенантом А. А. Грызловым. Сам я в это время отдыхал. Часто вместе с Грызловым шел и начальник того направления, где в данный момент обстановка была особенно острой. Начальник Генштаба сам расспрашивал его, затем уточнял все по ВЧ и около 16 часов докладывал обстановку Верховному. Одновременно в Ставку и всем членам правительства по особому списку рассылалось второе боевое донесение.

К 21 часу опять собирались и обобщались данные по обстановке, и мы готовились к поездке в Ставку с итоговым докладом за сутки в целом. Вызов туда следовал, как правило, после 23 часов.

Когда на фронтах дела шли хорошо, доклад обычно проходил быстрее, но после него Сталин иногда приглашал нас посмотреть кинокартину, преимущественно фронтовую хронику. Нам было не до того. В управлении ожидала работа без конца и края. Но отказываться не осмеливались. Я сидел в кресле, обнимая портфель с оперативными картами. Особенно долго засиживались, если у Сталина были какие-нибудь иностранные гости. Им-то он обязательно показывал кинокадры о событиях на фронтах, причем и те, которые мы успели просмотреть раньше.

На исходе суток помимо нашего итогового доклада в Ставку представлялись еще и боевые донесения за каждый фронт в отдельности. Их подписывали военные советы фронтов, а

Генштабом они только принимались по телеграфному аппарату Бодо, перепечатывались на машинке н в заверенных копиях рассылались по списку.

Таким образом, в течение суток Ставка получала три боевых донесения, два из которых рождались в Генштабе и одно - непосредственно на фронтах. Кроме того, для Сталина лично мы готовили двухсоттысячные карты по каждому фронту и одну сводную масштаба два с половиной миллиона. Меняли карты по мере необходимости: двухсотки примерно через два-три дня, а сводную - раз в пять-шесть дней. Отвечал за это лично С. П. Платонов.

Так день за днем протекала работа Оперативного управления вплоть до окончания войны. В других управлениях Генштаба порядок был тот же, но содержание работы, конечно, другое.

Не могу не вспомнить и о так называемом корпусе офицеров Генерального штаба. Он начал свое существование в 1941 году и первоначально был довольно многочисленным.

В самом начале своей книги я уже рассказывал, что в первые тяжелые месяцы войны до Генштаба доходили порой самые скудные и противоречивые данные о положении на фронтах. Нередко мы знали о противнике гораздо лучше, чем о своих войсках. И чтобы хоть как-то восполнить этот пробел, операторы сами летали выяснять, где проходит передний край нашей обороны, куда переместились штабы фронтов и армий. При этом одни погибали, другие надолго выходили из строя по ранению, многих командующие фронтами просто не отпускали обратно, а назначали своей властью на различные должности в войска.

Убыль квалифицированных кадров операторов была настолько значительна, что руководству Генштаба пришлось в конце концов принять решение о создании специальной группы командиров для связи с войсками. Сначала она числилась при Оперативном управлении, а потом, по предложению Б. М. Шапошникова, ее взяли у нас и сделали самостоятельной. Ставка назвала эту группу корпусом офицеров Генерального штаба. За всю историю Красной Армии слово "офицер" было применено здесь впервые. Тем самым как бы подчеркивался специфический характер работы и подчиненности: в то время как все другие должностные лица кадрового состава наших Вооруженных Сил назывались либо командирами, либо начальниками, люди, представлявшие в войсках Генштаб, именовались офицерами Генерального штаба.

Во главе корпуса офицеров Генштаба был поставлен человек исключительной честности и трудолюбия - генерал-майор Н. И. Дубинин. Впоследствии его заменил другой ветеран

Оперативного управления генерал-майор Ш. Н. Гениатуллин. А заместителем по политической части и у первого и у второго являлся генерал-майор Ф. Т. Перегудов.

Вначале офицеры Генштаба, выполнив задачу в действующей армии, возвращались обратно в Москву. Но некоторое время спустя было признано более рациональным постоянно держать офицеров Генштаба при фронтах и армиях, а на некоторых направлениях - даже при корпусах и дивизиях. Одновременно устанавливалась строгая система руководства и подчинения: старшему офицеру Генштаба, работавшему при фронтовом управлении, подчинялись офицеры Генштаба в армиях, а последним - их коллеги в корпусах и дивизиях.

Круг обязанностей офицеров Генштаба был достаточно широк. Они проверяли положение и состояние войск, их обеспеченность всем необходимым для жизни и боя, докладывая результаты прямо в Генштаб.

Особое внимание обращалось на достоверность докладов. Офицер Генштаба имел право докладывать только о том, что видел собственными глазами, а не со слов других лиц или по штабным документам. После того как прошла сумятица первых месяцев войны, текущую обстановку он уже не докладывал.

Многие из офицеров Генерального штаба неоднократно попадали в сложные боевые переделки и проявляли при этом истинный героизм. Хорошо помню случай с капитаном В. А. Блюдовым и подполковником А. Д. Марковым. Находясь при 2-м танковом корпусе 3-й танковой армии, 24 марта 1943 года у села Кицевки, западнее Купянска, они взяли на себя командование попавшими в тяжелое положение несколькими артиллерийскими подразделениями. Вскоре Блюдов был ранен, но его удалось спасти. Марков же продолжал поорудийно отводить артиллерию из-под вражеских ударов, пока не был убит прямым выстрелом из танка. За свой подвиг он посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

При разных обстоятельствах, но так же геройски погибли на боевых постах капитаны С. В. Березкин, С. Ф. Сафонов, Н. М. Шихалев; майоры В. М. Ткачев, К. Н. Никулин, Е. С. Кухарь, М. Я. Дышленко, А. Т. Шиян, П. М. Заргарян; подполковники И. М. Бурлак, В. Н. Венедиктов, В. Ф. Лыскин, А. А. Поздняков. А из тех офицеров Генштаба, которые пережили войну, я лично отдаю дань особого уважения полковнику А. В. Писареву, впоследствии ставшему начальником одного из направлений, полковнику М. Н. Костину и полковнику А. И. Харитонову. Они по праву считались лучшими нашими представителями при штабах фронтов, смотрели далеко вперед, ставили перед Генеральным штабом

крупные вопросы.

Важные решения принимались по докладам и других офицеров Генштаба. Например, подполковник Н. В. Резников, работавший на Западном фронте, неоднократно доносил, что 33-я армия бесполезно растрачивает силы на так называемые частные операции по захвату отдельных высот и давно не существующих населенных пунктов. В связи с этим на Западный фронт выехала специальная комиссия Государственного Комитета Обороны. Выводы Н. В. Резникова полностью подтвердились, и тут же последовал ряд серьезных мер. В частности, было укреплено руководство 33-й армии: командовавшего ею генерал-лейтенанта В. Н. Гордова за допущенные ошибки отстранили от должности.

На боевой работе люди росли быстро. Из корпуса офицеров Генштаба все время шел отбор лучших для службы в центральном аппарате, в частности в Оперативном управлении. А взамен их в войска посылались другие. Таким образом, корпус офицеров Генштаба был своего рода неиссякаемым источником пополнения аппарата кадрами, понюхавшими пороху. В то же время он всегда являлся надежной опорой представителей Ставки.

К середине 1943 года деятельность корпуса офицеров Генштаба несколько сократилась. К этому времени командующие крупными войсковыми объединениями и командиры соединений, а также штабы всех степеней накопили большой боевой опыт, научились работать слаженно и четко, хорошо анализируя обстановку. В постоянном наблюдении за положением дел в действующей армии с помощью офицеров Генштаба нужды почти не стало, и они вошли организационно в состав Оперативного управления.

Значительную роль сыграли офицеры Генштаба при формировании и вступлении в боевые действия новых национальных армий - чехословацкой, польской, румынской. В частности, очень помог нам и командованию на месте старший офицер Генштаба при Войске Польском генерал-майор Н. М. Молотков.

Оглядываясь на пройденный путь, не стоит, пожалуй, замалчивать, что иногда офицеры Генштаба сталкивались на местах с явным недружелюбием. Иные командиры и начальники пренебрежительно называли их соглядатаями. Однако я не помню случая, когда бы офицер Генштаба был изобличен в неблаговидном поведении, необъективности, превышении власти. Наоборот, тысячами фактов доказано, что гибкий механизм контроля и проверки исполнения, существовавшей в Генеральном штабе в годы минувшей войны, действовал с исключительной добросовестностью.

Школу Генштаба прошли многие начальники фронтовых штабов, и уже только поэтому я не могу не сказать здесь хотя бы о некоторых из них.

Всего за время войны на всех фронтах начальниками штабов перебывали 44 человека. Из этого числа следует, пожалуй, выделить 12 генералов: С. С. Бирюзова, А. Н. Боголюбова, Д. Н. Гусева, М. В. Захарова, С. П. Иванова, Ф. К. Корженевича, В. В. Курасова, Г. К. Маландина, М. С. Малинина, А. П. Покровского, Л. М. Сандалова и В. Д. Соколовского. Каждый из них, кроме Г. К. Маландина, возглавлял штабы фронтов более двух лет, а двое - М. В. Захаров и Л. М. Сандалов - провели на этом посту почти всю войну.

Не рискуя впасть в преувеличение, я могу твердо заявить, что все они вместе и каждый в отдельности - люди выдающиеся. Не случайно трое из этой "могучей кучки" - Бирюзов, Захаров и Соколовский - удостоились звания Маршала Советского Союза и уже после войны поочередно возглавляли Генеральный штаб. А еще трое - Иванов, Маландин и Малинин - стали впоследствии заместителями начальника Генштаба.

Имя С. С. Бирюзова как штабного работника крупного масштаба стало известно в дни Сталинградской битвы, когда он руководил штабом 2-й гвардейской армии. В последующем Сергей Семенович стоял во главе штабов Южного, 3-го и 4-го Украинских фронтов. Им вложено много творческой мысли в операции по освобождению Ростова, Северного Приазовья и Крыма. Бирюзов был очень требовательным, даже суровым человеком, не терпящим возражений. Не любил засиживаться в четырех стенах, много времени проводил в войсках. Его стремление централизовать в своих руках управление действиями последних доходило иногда до чрезмерности. При всем том С. С. Бирюзов был принципиален, проявлял большой интерес к партийно-политической работе, ценил и понимал ее значение. Он хорошо подбирал и организовывал штабной коллектив, развивал и всемерно поддерживал у своих подчиненных высокую штабную культуру и сам подавал пример в этом, отлично владея искусством разработки оперативных документов.

А. Н. Боголюбов был начальником штаба Северо-Западного, 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов. Он отличался вспыльчивостью и чрезвычайно неуживчивым характером, в результате чего дважды покидал Генеральный штаб и многократно переводился из одного штаба фронта в другой. В то же время Александр Николаевич являлся глубоким знатоком штабной службы. И за это его ценили.

М. В. Захаров на протяжении всей войны пользовался

репутацией самого опытного из начальников фронтовых штабов. И это вполне закономерно. Ведь Матвей Васильевич свою судьбу связал с вооруженной борьбой за дело революции со штурма Зимнего дворца и прошел как по ступенькам почти все командные и штабные должности, начиная с самого низа. Еще до войны (с 1 июля 1938 по 19 июля 1940 года) он занимал пост помощника начальника Генштаба по организационно-мобилизационным вопросам и устройству тыла, а затем возглавил штаб Одесского военного округа.

В начале войны М. В. Захаров стал начальником штаба Северо-Западного направления, принимал непосредственное участие в разработке планов действий Калининского фронта в период контрнаступления под Москвой. С его именем связано руководство действиями Степного фронта в Курской битве и на Днепре, 2-го Украинского фронта при разгроме противника на Правобережной Украине и в Ясско-Кишиневской операции, под Будапештом, Веной, Прагой. Наконец, уже во время войны против империалистической Японии ему довелось работать начальником штаба Забайкальского фронта.

Живая связь с войсками постоянно питала творческую мысль М. В. Захарова. Как на войне, так и после нее Матвей Васильевич много лет служил под началом Р. Я. Малиновского, и они являли собой завидный пример сработанности друг с другом. В последние годы своей жизни он достойно занимал пост начальника Генерального штаба.

Семена Павловича Иванова можно характеризовать как человека очень твердого и решительного, хорошо понимающего свое место в управлении войсками и никогда никому не позволяющего посягнуть на свои права. Кроме обширной общей эрудиции, знания специфики штабной службы он всегда обладал огромной работоспособностью. В годы войны Семен Павлович успешно руководил штабами Юго-Западного, Воронежского, 1-го Украинского, Закавказского и 3-го Украинского фронтов, а затем штабом Главкома советских войск на Дальнем Востоке. Курская битва, Днепр, Венская операция - таковы некоторые вехи, отмечающие его боевой путь. Хотя он много лет провел на штабной работе и познал все ее тонкости, я осмелюсь тем не менее утверждать, что склонность к командной деятельности преобладает у него над всеми другими. После войны он командовал войсками Сибирского военного округа, был начальником Академии Генерального штаба.

В. В. Курасов являлся начальником штаба, так сказать, классического типа. Это был спокойный, чрезвычайно вдумчивый, тактичный генерал, склонный к научной разработке вопросов,

возникающих перед штабом, и умеющий отлично сочетать теорию с практикой. На войне у него установилось тесное содружество с И. Х. Баграмяном, которое весьма высоко оценивалось нами, генштабистами. Все данные по операциям 1-го Прибалтийского фронта мы получали не только в срок, но и в хорошем исполнении. После войны Владимир Васильевич длительное время возглавлял Академию Генерального штаба.

Чем-то сродни Курасову и по характеру, и по стилю работы генерал Г. К. Маландин. Это был тоже очень уравновешенный, всегда корректный человек, необычайно скромный и душевный. До самозабвения отдавался работе и умел ее выполнять, какой бы сложной она ни была. Герман Капитонович пользовался в Генштабе большим уважением за свою пунктуальность и глубину анализа обстановки. Он тоже вырос в крупного военного ученого и руководил Академией Генштаба.

Почти полной противоположностью Курасову и Маландину по складу характера являлся М. С. Малинин. Он был очень нетерпелив и горяч. К. К. Рокоссовский отлично понимал сильные стороны своего начальника штаба, блестяще знавшего службу (с Малининым ему довелось работать еще в 16-й армии, потом на Донском, Центральном и 1-м Белорусском фронтах), и умел ослабить его недостатки. В свою очередь Михаил Сергеевич всегда старался действовать в унисон с командующим. В итоге же штаб, возглавляемый Михаилом Сергеевичем, неизменно был в числе лучших, люди там работали очень дружно и слаженно. С 1952 года и до конца дней своих М. С. Малинин работал первым заместителем начальника Генерального штаба.

А. П. Покровский, стоявший во главе штабов Юго-Западного направления, Западного и 3-го Белорусского фронтов, казалось, обладал каким-то особым секретом, позволяющим достигать планомерности и строгого порядка в работе при любых условиях. А "секрет" этот заключался только в больших знаниях и опыте Александра Петровича, в его организаторском искусстве, хотя, как мне кажется, он всегда больше работал с документами, чем с людьми.

Л. М. Сандалов начал войну начальником штаба 4-й, затем 20-й армий, а в последующем был начальником штаба Брянского и 2-го Прибалтийского фронтов. Его самообладание, рассудительность, умение сочетать пребывание в войсках с работой в штабе были хорошо известны всем. Всегда выделялся он и как специалист по штабной документации. Надо особо отметить также, что Леонид Михайлович очень волевой человек, сумевший найти свое место в жизни после тяжелой личной трагедии, в результате которой он преждевременно выбыл из

боевого строя.

Список лиц, пробывших в должности начальника штаба фронта от шести месяцев до полутора лет, насчитывает почти два десятка фамилий. К числу таких относятся А. И. Антонов, П. И. Бодин, И. Х. Баграмян, В. Р. Вашкевнч, Н. Ф. Ватутин, Г. Ф. Захаров, М. И. Казаков, Б. А. Пигаревич, М. М. Попов, Л. С. Сквирский, Г. Д. Стельмах, М. Н. Шарохин, А. Н. Крутиков, А. И. Кудряшев, А. И. Субботин, С. Е. Рождественский, Л. Ф. Минюк, Ф. П. Озеров, И. А. Ласкин. Из этой плеяды многие были выдвинуты на командные должности. В частности, И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватутин, Г. Ф. Захаров, М. М. Попов стали командующими фронтами; М. И. Казаков и М. Н. Шарохин до конца войны командовали армиями.

На долю некоторых пришлось возглавлять фронтовые штабы менее шести месяцев. Это В. С. Голушкевич, В. М. Злобин, П. П. Вечный, И. С. Варенников, А. А. Забалуев, С. И. Любарский, Д. Н. Никишев, И. Т. Шлемин, А. П. Пилипенко, В. Я. Колпакчи.

А генерал-полковник И. В. Смородинов, генерал-лейтенанты Е. Г. Троценко и Ф. И. Шевченко являлись начальниками штабов Дальневосточного и Забайкальского фронтов, когда эти фронты не вели еще боевых действий.

Всех этих людей мы помним и считаем ближайшими своими товарищами. Они разделили с работниками Генштаба многие радости и огорчения, успехи и неудачи.

Глава 8. Перед Курской битвой

Где и как решать главные задачи летней кампании: обороняться или наступать? - Предложение Г. К. Жукова. - Мнение командования Центрального фронта. - Гибкий план Н. Ф. Ватутина. - Решение Ставки от 12 апреля 1943 года. - Фронт стратегических резервов. - План "Кутузов". - Наметки плана контрнаступления. - Воздушные операции. - Три предупреждения. войскам. Противник переходит в наступление.

Весной 1943 года основное внимание Ставки и, конечно, ее рабочего органа Генерального штаба сосредоточилось на положении в центре стратегического фронта.

К концу марта положение сторон в районе Курска стабилизировалось. Прекращение своего наступления противник мотивировал впоследствии началом весенней распутицы. Но дело было совсем не в ней. Хотя врагу и удалось отбросить наши войска от Харькова, все же общий итог зимней кампании был для него крайне неблагоприятным: силы немецко-фашистской армии ослабли и в данный момент она не имела возможности продолжать более или менее успешно крупные наступательные операции. Стратегическая инициатива по-прежнему находилась в

наших руках. Реванш за Сталинград не состоялся.

Естественно, вставал вопрос относительно перспектив борьбы на ближайшее время. В Генеральном штабе отнюдь не исключали новых попыток противника вернуть себе военное счастье. Однако для этого ему требовались дополнительные силы, которые надо еще было перебросить с запада и накопить за счет призыва резервов. А если мы провалим эти попытки и нанесем врагу два-три новых удара, равных по своим результатам Сталинграду? Никто не сомневался, что тогда будет достигнут окончательный перелом в ходе войны и гитлеровская военная машина окажется перед лицом полной катастрофы. Верховный Главнокомандующий верил в это больше других, но, памятуя об уроке, полученном под Харьковом, проявлял осторожность.

События все очевиднее развивались в благоприятном для нас направлении. Благородные цели войны обеспечивали Советской Армии всемерную поддержку всего нашего народа. На территории СССР, захваченной врагом, шло дальнейшее развертывание партизанской борьбы. Значительно сильнее и организованнее стало также сопротивление оккупантам в странах Западной и Юго-Восточной Европы.

Немецко-фашистские войска потерпели серьезное поражение в Ливии и Триполитании, разгоралась война в Тунисе. Союзническая авиация наносила удары по промышленным центрам Германии и Италии,

При всем при том наша армия обладала теперь богатейшей техникой, не уступавшей ни по качеству, ни по количеству боевым средствам врага. Конечно, как всегда на войне, техники было меньше, чем хотелось бы, но время, когда она распределялась крохами, ушло безвозвратно, и уже странным казалось, что когда-то Сталин сам поштучно распределял противотанковые ружья, минометы, танки.

Сейчас все было иначе. Но заботы партии и правительства о дальнейшем техническом оснащении Советских Вооруженных Сил не ослабевали. Наоборот, в предвидении новых решающих сражений они возросли. Руководителей Генерального штаба все чаще вызывали в Ставку совместно с представителями оборонной промышленности и конструкторами для решения неотложных вопросов по наращиванию темпов производства военной продукции и улучшению боевых качеств наших самолетов, танков, артиллерии. А в самом Генштабе основательно разрабатывались такие проблемы, как завоевание господства в воздухе или прорыв глубокой позиционной обороны противника с последующим развитием успеха, очень тщательно продумывались способы применения крупных масс артиллерии, авиации, танков.

При подготовке очередных операций обязательно предусматривалось всестороннее политическое обеспечение действий войск. Высокий моральный дух, характерный для личного состава нашей армии с первых дней войны, рос и далее. Люди мужали, день ото дня крепла их вера в мудрость партии, в нерушимость советского строя. Победа под Сталинградом окрылила всех - от солдата до маршала. И политические работники всячески стремились закрепить этот подъем, этот порыв. Трудно было не оценить их важной роли в осуществлении любого из наших оперативных планов. Боевое содружество между штабами и политорганами еще более упрочилось.

Мне приходилось соприкасаться чаще всего с начальником Главного политического управления секретарем ЦК партии Александром Сергеевичем Щербаковым. Мы встречались почти ежедневно. Ему я докладывал о положении на фронтах и проекты сводок Совинформбюро. Однажды выезжал с ним вместе на Западный фронт. И постепенно эти чисто деловые отношения переросли у меня в чувство глубокой личной симпатии. Принципиальный, энергичный, строгий в делах. Александр Сергеевич был вместе с тем простым и задушевным человеком. Не могу забыть последнего своего разговора с ним. Происходил этот разговор ранним утром в самый канун победы над гитлеровской Германией. А. С. Щербаков позвонил мне из больницы:

- Говорю с вами тайком от врачей. Они запретили мне заниматься какими бы то ни было делами. Скажите поскорей, что там у нас делается?

Я не мог отказать ему и коротко доложил все существенные новости.

- Вот спасибо,- поблагодарил он.- И у меня дела идут на поправку. Скоро выйду работать.

Но дни его были уже сочтены. 10 мая 1945 года в возрасте 44 лет А. С. Щербаков скончался, озаренный великой нашей победой, для которой положил так много сил и здоровья...

На фронтах партийно-политическое руководство возлагалось в первую очередь на членов военных советов. Это были люди, умудренные громадным житейским и политическим опытом. В довоенное время почти все они стояли во главе обкомов, крайкомов и ЦК компартий республик.

Член Военного совета делил с командующим всю полноту ответственности за состояние и боевую деятельность войск, участвовал в разработке оперативных планов, заботился о том, чтобы каждая операция была бы обеспечена материально. Вместе вызывались они и в Ставку. Но при всем том главной задачей члена Военного совета являлось поддержание у личного состава

крепкого морального духа. Он выступал в качестве организатора всей партийно-политической работы в войсках. На него замыкалось политуправление фронта, в его компетенцию входила расстановка партийных кадров, через посредство которых обеспечивалась передовая роль на поле боя каждого коммуниста и комсомольца.

В широкий круг обязанностей членов военных советов входило также обеспечение правильных взаимоотношений войск с населением прифронтовой полосы, участие в восстановлении Советской власти на территории СССР, освобожденной от оккупации, и поддержание контактов с местными органами власти за пределами страны, когда наши войска перешагнули государственную границу.

Считаю нужным оговориться, что речь здесь идет о членах Военного совета по должности и только о них, в отличие от которых другие члены Военного совета, скажем начальник штаба или командующий артиллерией, выполняли еще и свои прямые должностные обязанности.

За годы войны на высоком посту первого члена Военного совета фронта состояло немногим более 40 человек. Трое из них - А. А. Жданов, А. С. Желтов и К. Ф. Телегин - занимали этот пост почти с самого начала и до самого конца боевых действий. В течение двух и более лет являлись первыми членами военных советов фронтов В. Н. Богаткин, П. И. Ефимов, К. В. Крайнюков, Д. С. Леонов, Л. З. Мехлис, И. З. Сусайков, Н. С. Хрущев, Т. Ф. Штыков. От шести месяцев до двух лет состояли в этой должности двенадцать человек - Ф. Е. Боков, Н. А. Булганин, Д. А. Гапанович, К. А. Гуров, А. И. Запорожец, И. И. Ларин, В. Е. Макаров, М. В. Рудаков, Н. Е. Субботин, А. Н. Тевченков, А. Я. Фоминых, Ф. А. Шаманин. Менее полугода работали П. К. Батраков, Ф. Ф. Кузнецов, М. А. Бурмистенко, Н. Н. Клементьев, Г. Н. Куприянов, А. Ф. Колобяков, А. И. Кириченко, В. М. Лайок, П. И. Мазепов, П. К. Пономаренко, Е. П. Рыков, П. И. Селезнев, Н. И. Шабалин, И. В. Шикин, Е. А. Щаденко.

На флотах эти кадры были еще стабильнее. В течение всей войны пост первого члена Военного совета на Северном флоте занимал А. А. Николаев, а на Тихоокеанском - С. Е. Захаров. Почти столько же являлся членом Военного совета Краснознаменного Балтийского флота Н. К. Смирнов. На Черноморском флоте более двух военных лет служил в этой должности Н. М. Кулаков.

Но вернемся, однако, к основному предмету настоящей главы - оперативным вопросам, решавшимся в Генеральном штабе весной 1943 года. Окончательного перелома в войне невозможно

было достичь без создания сильных и разнообразных резервов. Работа в этом направлении велась огромная. Если на 1 марта Верховное Главнокомандование имело в своем резерве всего четыре армии (24, 62, 66 и 2-ю резервную), то в течение марта число таких армий увеличилось до десяти. На 1 апреля в резерве Ставки находились: 24, 46, 53, 57, 66, 6-я гвардейская, 2-я и 3-я резервные общевойсковые армии, да еще две танковые - 1-я и 5-я гвардейская.

В то же время Генеральный штаб неослабно следил за противником. Данные о нем носили несколько противоречивый характер. И разведчики, и операторы сходились на том, что у него появились признаки осторожности, иногда переходящей в нерешительность. Тем не менее в районе Орла, Белгорода и Харькова он по-прежнему сохранял ярко выраженные авиационно-танковые ударные группировки, мощь которых все время наращивалась. Это обстоятельство расценивалось как прямое доказательство наступательных намерений врага.

В конце марта и в апреле в Ставке и Генеральном штабе состоялся обмен мнениями относительно того, где и как решать главные задачи войны летом 1943 года. На сей счет было запрошено мнение авторитетных военачальников, представлявших Ставку в действующей армии, а также некоторых командующих фронтами.

Вопрос "где" не являлся тогда слишком трудным. Ответ на него мог быть только один - на Курской дуге. Ведь именно в этом районе находились главные ударные силы противника, таившие две опасные для нас возможности: глубокий обход Москвы или поворот на юг. С другой стороны, и сами мы именно здесь, то есть против основной группировки врага, могли применить с наибольшим эффектом наши силы и средства, в первую очередь крупные танковые объединения. Все прочие направления даже при условии успешных наших действий не сулили Советским Вооруженным Силам таких перспектив, как Курская дуга. К такому выводу в конечном счете пришли и Ставка, и Генеральный штаб, и командующие фронтами.

Второй вопрос - как решать главные задачи войны - был более сложным. Ответы на него последовали не сразу и далеко не одинаковые.

8 апреля Г. К. Жуков, бывший в то время на Воронежском фронте, писал Верховному Главнокомандующему:

"Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем ему танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее

наступление окончательно добьем основную группировку противника".

А. М. Василевский разделял эту точку зрения.

И. В. Сталин своего мнения не высказал, а распорядился о созыве в Ставке 12 апреля специального совещания для обсуждения плана летней кампании. К этому сроку Генштаб обязан был выяснить соображения командующих фронтами относительно возможного характера действий и вероятного направления ударов немецко-фашистских войск. В данном случае Верховный изменил своему всегдашнему принципу - "не увлекаться прогнозами за противника".

- Пишите запрос командующим,- приказал мне Антонов в ночь на 10 апреля, когда мы вернулись из Ставки после очередного доклада.

На это было достаточно всего несколько минут. Запрос мы сформулировали очень кратко:

"Прошу к 12.4.43 г. сообщить Вашу оценку противостоящего противника и возможные направления его действий".

Подписал эту телеграмму А. И. Антонов.

К назначенному сроку командующие фронтами и начальники штабов подтвердили прежнее положение противника, и все выразили твердую уверенность, что враг непременно будет наступать на курском направлении. При этом командование Центрального фронта высказывалось за упреждение противника, считало возможным и необходимым разгромить его орловскую группировку, пока она еще не подготовилась к наступлению. Начальник штаба фронта М. С. Малинин писал в Генштаб 10 апреля:

"К перегруппировке и сосредоточению войск на вероятных для наступления направлениях, а также и к созданию необходимых запасов противник может приступить после окончания весенней распутицы и весеннего половодья. Следовательно, перехода в решительное наступление можно ожидать ориентировочно во второй половине мая 1943 года.

В условиях данной оперативной обстановки считал бы целесообразным предпринять следующие мероприятия: объединенными усилиями войск Западного, Брянского и Центрального фронтов уничтожить орловскую группировку противника и этим лишить его возможности нанести удар из района Орел через Ливны на Касторное, захватить важнейшую необходимую для нас железнодорожную магистраль Мценск - Орел - Курск и лишить противника возможности пользоваться Брянским узлом железных и грунтовых дорог".

Военный совет Воронежского фронта с предложениями о

действиях наших войск не спешил. Но в отношении противника высказывался тоже достаточно ясно:

"Намерение противника нанести концентрические удары: из района Белгород на северо-восток и из района Орел - на юго-восток с тем, чтобы окружить наши войска, находящиеся западнее линии Белгород, Курск.

В дальнейшем следует ожидать удара противника в юго-восточном направлении во фланг и тыл Юго-Западному фронту с тем, чтобы затем действовать в северном направлении. Однако не исключена возможность, что в этом году противник откажется от плана наступления на юго-восток и будет проводить другой план, а именно: после концентрических ударов из района Белгород и Орел он наметит наступление на северо-восток для обхода Москвы. С этой возможностью следует считаться и соответственно готовить резервы".

А в конце доклада делался следующий вывод:

"Для крупного наступления противник сейчас не готов еще. Начала наступления следует ожидать не ранее 20 апреля с. г., а вероятнее всего, в первых числах мая... Частных атак можно ожидать в любое время".

Вечером 12 апреля на совещании в Ставке в результате тщательного анализа обстановки все сошлись на том, что наиболее вероятной целью летнего наступления немецко-фашистских войск будет окружение и уничтожение главных сил Центрального и Воронежского фронтов на Курской дуге. В последующем не исключалось развитие успеха в восточном и юго-восточном направлениях, в том числе на Москву. По этому поводу И. В. Сталин проявил особое беспокойство.

В итоге было решено основные наши усилия сосредоточить в районе Курска, обескровить здесь противника в оборонительной операции, а затем перейти в контрнаступление и окончательно довершить его разгром. Во избежание неожиданностей признавалось нужным создать глубокую и прочную оборону на всем стратегическом фронте, особо же мощную - на курском направлении.

На случай, если гитлеровское командование не предпримет наступления в ближайшее время, а оттянет его на длительный срок, предусматривался другой вариант - переход советских войск к активным действиям, не ожидая ударов противника.

После этого совещания Генеральный штаб вплотную занялся разработкой плана летней кампании и важнейших ее операций. И тут-то, уже 21 апреля, в Ставку поступили запоздалые соображения командования Воронежского фронта. Оно тоже высказалось за преднамеренную оборону с последующим

переходом в контрнаступление, допуская, однако, и возможность нанесения нами упреждающего удара, если враг не будет наступать длительное время. Формулировка будущих задач давалась в общем очень гибко.

Работая над планами летней кампании 1943 года, нужно было, как говорится, семь раз отмерить - раз отрезать. Наступать немедленно мы тоже не имели возможности. Да и для того чтобы сорвать наступление противника, следовало тщательно подготовиться: пополнить и сосредоточить войска, резервы, подвезти боеприпасы, накопить горючее, организовать медицинское и другое обеспечение. Считалось, например, что перед крупной операцией только авиационного горючего необходимо иметь до 20 заправок. Чтобы создать такие запасы воздушным армиям, пришлось временно отказаться даже от действий по вражеским аэродромам и коммуникациям.

В период подготовки операции Генштабу приходилось увязывать вопросы ее организации с великим множеством начальников. У каждого был свой характер, излюбленный стиль работы, привычки. Запомнилось мне, как "действовал" начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии генерал Е. К. Смирнов. Ефим Иванович стал моим большим другом, но тогда не раз приходилось мне скрипеть зубами, потому что появлялся он в самый неподходящий момент, именно тогда, когда я как начальник Оперативного управления крутился едва ли не как белка в колесе.

"Главный начмед" садился на стул и без лишних слов спрашивал:

- Где будем наступать? Куда мне гнать свои силы?

- Ефим Иванович, этого сейчас сказать не могу.

- Знаю, это - тайна. А ты просто посоветуй, куда двигать госпитали. А то будет поздно.

- И посоветовать не могу.

- Ладно. Скажи хоть - на каком направлении?

- Ефим Иванович,- молил я,- и этого не могу.

И так без конца. Он не возмущался, не горячился, но продолжал задавать свои "наводящие вопросы"... Подходило время, мы сами говорили, куда двигать силы, он, довольный, уходил восвояси, и дело закипало.

В ходе войны наша медицинская служба спасла жизнь многим миллионам воинов, вернула их в строй, внесла большую лепту в общее дело победы над врагом.

25 апреля Ставка рассмотрела состояние дел на Воронежском фронте, против которого находилась наиболее мощная белгородско-харьковская группировка противника. План обороны

фронта был одобрен, а срок ее готовности назначен на 10 мая. К наступлению готовность наметили не позже 1 июня. Идея упреждающего удара все еще не отбрасывалась, но стояла на втором плане.

Мы примерялись так и эдак. Творческая и большая организаторская работа, необходимая при подготовке всякой операции крупного масштаба, развернулась в полную силу.

К этому моменту окончательно выяснилось, что ни в конце апреля, ни в начале мая противник не сумеет перейти в решительное наступление. Но он тоже не терял времени даром. Как только стабилизировалось положение под Белгородом, немецко-фашистские войска без промедления приступили к созданию глубокой траншейной обороны по типу той, с которой мы столкнулись на Миусе. Это нами учитывалось, и в предвидении наступления с прорывом такой обороны Ставка форсировала формирование артиллерийских корпусов прорыва, пушечных дивизий РВГК, истребительно-противотанковых бригад. В равной мере эти артиллерийские соединения требовались нам и для отражения ударов противника в случае его наступления.

Генеральный штаб осуществлял крупнейшее за время войны сосредоточение в район Курска материальных средств и войск. Пришлось пересмотреть возможности железных дорог и увеличить планы перевозок.

Решались и теоретически неясные еще вопросы, вставшие в связи с преднамеренной обороной и последующим переходом в контрнаступление. Их было множество. Как гарантировать успех такой обороны и допустимо ли осуществлять ее меньшими, чем у противника, силами? Нужно ли обладать заранее созданным превосходством в силах? В каком звене иметь это превосходство - в тактическом или оперативном, в армейском или фронтовом? Может быть, лучше всего сосредоточить резервы в руках Ставки и с их помощью в подходящий момент создать решающий перевес сил при переходе в контрнаступление? Следовало решить также, когда и в какой именно момент операции надлежало переходить в контрнаступление - нельзя же было допустить, чтобы враг нанес большой урон нашим обороняющимся войскам. Однако нельзя и спешить, выступать преждевременно, не обескровив противника.

Разрешением всех этих вопросов наряду с Генеральным штабом занялись и командующие фронтами, штабы фронтов, начиная с Западного и далее к югу. Время было напряженное: подготовка летней кампании переплеталась с текущими делами, теоретическая работа шла рука об руку с практической, взаимно подкрепляя и подпирая одна другую.

Когда о моменте перехода в контрнаступление спросили

мнение Верховного, от него последовал такой ответ:

- Это пусть решают сами фронты, исходя из сложившейся обстановки. Генштаб обязан следить лишь за тем, чтобы не нарушилось взаимодействие и не было бы большой паузы, в течение которой враг может закрепиться на достигнутых им рубежах. Очень важно также своевременно ввести в дело резервы Ставки.

Ни у кого не существовало сомнений, что в оборонительных действиях главную роль будут играть Центральный и Воронежский фронты. Не исключалось участие в этом Брянского и Юго-Западного фронтов. Г. К. Жуков и Р. Я. Малиновский были даже убеждены, что Юго-Западный фронт непременно подвергнется ударам противника. И так как там не имелось собственных достаточно сильных резервов, настаивали на необходимости расположить за его стыком с Воронежским фронтом армию или по крайней мере танковый корпус из резервов Ставки.

Тщательный анализ оперативных приемов, применявшихся противником в прошлых кампаниях, заставлял иметь в виду и еще одно обстоятельство: обеспечивающие или отвлекающие действия он мог развернуть в полосах любого из наших фронтов на южном крыле. А потому Ставка и Генеральный штаб уже к 20 апреля проверили состояние обороны прифронтовых полос почти повсеместно и, конечно, выявили при этом много всяческих недостатков. 21 апреля Сталин подписал на сей счет особые директивы всем фронтам, кроме Ленинградского и Карельского.

Поскольку дело шло к окончательному перелому в ходе войны, советское Верховное Главнокомандование проявляло повышенную заботу о своих стратегических резервах - их размещении, порядке применения. К идее создания специального резервного фронта Ставка обратилась еще в начале марта, а 13 марта, как уже сказано, такой фронт был сформирован в составе трех общевойсковых армий (2-й резервной, 24-й, 66-й) и трех танковых корпусов (4-го гвардейского, 3-го и 10-го). В апреле объединение это значительно усилилось. В его состав вошли дополнительно три общевойсковые армии (46, 47 и 53-я), одна танковая армия (5-я гвардейская), еще один танковый корпус (1-й) и два механизированных корпуса (1-й и 4-й). В разное время фронт этот именовался по-разному: то Резервным (с 10 по 15 апреля), то Степным военным округом, то, наконец, Степным фронтом (с 9 июля по 20 октября). Как увидит читатель несколько позже, в этой смене названий был определенный смысл, но принципиальная сущность стратегических резервов оставалась неизменной. Ставка и Генеральный штаб не

предполагали вводить их в дело на оборонительном этапе задуманной операции. Стратегическим резервам отводилась решающая роль при переходе в контрнаступление. Однако И. В. Сталин считал, что на всякий случай Степной военный округ надо заранее поставить на центральном направлении в затылок действующим фронтам, имея в виду возможность использования его и для решения оборонительных задач, если к тому вынудит обстановка. 23 апреля Степному военному округу были даны следующие указания, которые надлежало выполнять одновременно с доукомплектованием личного состава:

"На случай перехода противника в наступление раньше срока готовности войск округа иметь в виду прочно прикрыть направления: 1) Ливны, Елец, Раненбург; 2) Щигры, Касторное, Воронеж; 3) Валуйки, Алексеевка, Лиски; 4) Ровеньки, Россошь, Павловск; 5) Старобельск, Кантемировка, Богучар и район Чертково, Миллерово".

Одновременно силами местного населения под руководством партийных организаций до 15 июня подготавливался к обороне так называемый государственный рубеж. Он проходил по левому берегу Дона на Воейково, Лебедянь, Задонск, Воронеж, Лиски, Павловск, Богучар. Степной военный округ изучал этот рубеж и готовился занять его при первой необходимости. Производилась также рекогносцировка нашего старого оборонительного рубежа Ефремов, Борки, Алексеевка, Беловодск, Каменск на Северском Донце.

В результате в полосе наиболее вероятного наступления противника общая глубина инженерного оборудования местности достигала 300 километров. На этом пространстве наши стратегические резервы должны были уничтожить врага в случае его прорыва. В то же время Степному округу предписывалось: "Войска, штабы и командиров соединений готовить главным образом к наступательному бою и операции, к прорыву оборонительной полосы противника, а также к производству мощных контратак нашими войсками, к противодействию массированным ударам танков и авиации".

Такие задачи в принципе не соответствовали понятию о военном округе, и именно поэтому 9 июля он был переименован в Степной фронт. В состав его вошли: 27-я армия генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко, 47-я армия генерал-лейтенанта А. И. Рыжова (с 13 июля 47-й армией стал командовать генерал-лейтенант П. М. Козлов, а с 4 августа ее возглавил генерал-лейтенант П. П. Корзун), 53-я армия генерал-лейтенанта И. М. Манагарова, 5-я гвардейская армия (бывшая 66-я) генерал-лейтенанта А. С. Жадова, 5-я гвардейская танковая армия

генерал-лейтенанта П. А. Ротмистрова, 5-я воздушная армия генерал-лейтенанта С. К. Горюнова, 4-й гвардейский и 10-й танковые корпуса, 1-й гвардейский механизированный корпус, 7, 3 и 5-й гвардейские кавалерийские корпуса.

Глубокая многополосная оборона действующих фронтов, расположение за ней сильных стратегических резервов и, наконец, создание по Дону государственного оборонительного рубежа, безусловно, обеспечивали нам возможность при всех обстоятельствах остановить противника. Но это не являлось еще достаточной гарантией полного поражения немецко-фашистских войск. Для этого изыскивались новые возможности.

С этой целью мы не раз обращались к Западному и Брянскому фронтам. Предполагалось, что наступательные действия противника будут иметь здесь менее крупный масштаб, чем на Центральном и Воронежском фронтах. Вместе с тем орловская группировка врага, по нашим предположениям, непременно должна была стать активной участницей решающего наступления немецко-фашистских войск под Курском. Ожидалось, что ее введут в сражение, когда ударные силы уже исчерпают свои наступательные возможности и гитлеровское командование будет вынуждено преодолевать кризис операции. Вот этому-то и требовалось всячески воспрепятствовать. В тот момент, когда придет время ввода орловской группировки в сражение, ее следовало разгромить соединенными усилиями Западного и Брянского фронтов. А потому нами заблаговременно разрабатывалась наступательная операция на этом направлении, начало которой ставилось в зависимость от критического момента сражения на Курской дуге. Такая операция, безусловно, являлась дополнительной и очень важной гарантией общего успеха советских войск. План ее получил условное наименование "Кутузов".

В целом ход грядущих событий рисовался нам следующим образом. При наступлении противник основную ставку сделает на танки и авиацию. Пехоте отводится второстепенная роль, так как она слабее, чем в прошлые годы.

Расположение его ударных группировок позволяло предвидеть действия по сходящимся направлениям: орловско-кромской группировки - на Курск с севера и белгородско-харьковской - на Курск с юга. Вспомогательный удар, разрезающий наш фронт, считался возможным с запада из района Ворожба между реками Сейм и Псел на Курск.

Нацеливая таким образом свои танковые войска, авиацию и пехоту, немецко-фашистское командование могло, очевидно, рассчитывать на окружение и разгром в короткий срок всех

наших армий, занимавших оборону по Курской дуге. Предполагалось, что противник планировал на первом этапе наступления достигнуть рубежа Короча, Тим, Дросково, а на втором этапе - нанести удар во фланг и тыл Юго-Западному фронту через Валуйки, Уразово. Допускалось, что навстречу этому удару будет проводиться наступление из района Лисичанска на север в направлении Сватово, Уразово. Не исключались также попытки немцев овладеть рубежом Ливны, Касторное, Старый и Новый Оскол с захватом важной для нас железной дороги на Донбасс. После этого неизбежна, конечно, перегруппировка неприятельских сил, с тем чтобы выйти на рубеж Лиски, Воронеж, Елец и организовать оттуда удар в обход Москвы с юго-востока.

К 8 апреля против Воронежского и Центрального фронтов враг сосредоточил 15-16 танковых дивизий с 2500 танками. Кроме того, у него имелось здесь значительно большее количество пехотных дивизий. Силы эти непрерывно возрастали. На 21 апреля Н. Ф. Ватутин насчитывал уже только перед Воронежским фронтом в районе Белгорода до двадцати пехотных и одиннадцать танковых дивизий.

В соответствии с этими данными и предположениями советского Верховного Главнокомандования постепенно вырисовывались контуры оперативных планов каждого из фронтов, привлекавшихся к участию в стратегической операции под Курском.

Военный совет Воронежского фронта докладывал, что в основу всей его практической деятельности на ближайшее время положено:

"а) построение глубокой обороны, для чего не только подготавливается ряд рубежей, но эти рубежи теперь же заняты войсками. Это не должно позволить противнику произвести оперативный прорыв;

б) организация плотной и развитой на большую глубину противотанковой обороны, особенно на важнейших танкоопасных направлениях, для чего тщательно отрабатываются планы ПТО, создаются эшелонированные в глубину противотанковые районы, возводятся инженерные противотанковые препятствия, минные поля как перед передним краем, так и в глубине, используются огнеметные средства, подготавливается огонь артиллерии, РС и удары авиации на направлениях возможного движения танков противника. На большую глубину подготавливаются оперативные заграждения. Во всех частях и соединениях имеются противотанковые подвижные резервы;

в) организация надежной противовоздушной обороны путем

создания укрытий для боевых порядков, маскировки и массированного использования зенитных средств на важнейших направлениях. Однако наиболее эффективным способом ПВО явится уничтожение авиации противника на аэродромах и уничтожение запасов горючего, для чего своевременно необходимо использовать авиацию всех фронтов, а также авиацию дальнего действия;

г) подготовка и осуществление маневра как основы успеха в обороне.

Приняты меры к обеспечению маневра противотанковыми средствами, артиллерией, частями РС, танками, вторыми эшелонами и резервами с тем, чтобы на направлениях атак противника быстро создавать еще большую плотность и глубину обороны, быстро накапливать силы для производства контрударов и достигать превосходства сил для перехода в контрнаступление".

Аналогичная работа проводилась и на Центральном фронте. Находившийся там в качестве представителя Ставки Г. К. Жуков доносил Верховному Главнокомандующему:

"Оборона 13-й и 70-й армий организована правильно и глубоко эшелонирована. Оборона 48-й армии организована жидко и с очень слабой артиллерией и плотностью... Я считаю, что Романенко{10} надо усилить за счет резерва Ставки двумя стрелковыми дивизиями, тремя танковыми полками Т-34, двумя ИПТАП и двумя минометными полками или артполками РГК. Если это будет дано Романенко, то он сможет организовать хорошую оборону и, когда нужно, может довольно плотной группировкой перейти в наступление".

Все такие запросы Ставка тщательно рассматривала и, не в пример прошлому, имела теперь возможность удовлетворять их почти полностью. К этому времени наша страна обладала уже слаженной военной экономикой. Металлургия, энергетика и машиностроительная промышленность Урала, Западной Сибири и Казахстана предоставляли широкую базу для производства необходимого фронту вооружения и боевой техники. В мае 1943 года в каждой стрелковой роте появился взвод автоматчиков. Автоматы стали поступать также в танковые и механизированные войска.

Одновременно с подготовкой обороны продумывались и взвешивались все детали контрнаступления. Особую заботу Ставки и Генерального штаба составлял выбор направления главного удара. Думали над этим основательно и не сразу пришли к лучшему решению.

Первоначально многих заинтересовало предложение

командования Воронежского фронта: сосредоточить главные усилия южнее Курска и бить в направлении Харьков, Днепропетровск, стремясь овладеть крупным плацдармом на правом берегу Днепра с последующим выходом на рубеж Кременчуг, Кривой Рог, Херсон, а при благоприятных условиях - на меридиан Черкассы, Николаев. По мнению Военного совета фронта, именно здесь контрнаступление позволяло "достичь решающих для исхода войны результатов". Оно вывело бы из строя группу армий "Юг" - наиболее активную в то время силу немецко-фашистского командования, лишало бы противника богатейшей продовольственной базы и таких важных промышленных районов, как Донбасс, Криворожье, Харьков и Днепропетровск. Кроме того, мы приблизились бы к границам южных союзников гитлеровской Германии и тем ускорили бы выход последних из войны. В операции предлагалось использовать Воронежский, Юго-Западный, Южный, а на заключительном этапе и Центральный фронты с соответствующим усилением за счет резервов Ставки.

Идея разгрома южного фланга противника была заманчивой. Но этот план все-таки отвергли. Он не затрагивал центр советско-германского фронта и главное, западное стратегическое направление, не обезвреживал основную группировку противника - группу армий "Центр", которая в этом случае угрожала бы флангам наших важнейших фронтов, оставлял в стороне направление на Киев, весьма важное в политическом, экономическом и чисто военном отношении.

Удар на Харьков, Полтаву, Киев был, по мнению Генерального штаба, наиболее перспективным. Выход Советской Армии к столице Украины - важному экономическому центру страны - давал большие стратегические результаты. При этом достигалось все, что сулило наступление в направлении Днепропетровска, и вдобавок еще расчленялся фронт противника (особенно в случае выхода советских войск к Карпатам), затруднялось взаимодействие между важнейшими его группировками. Из района Киева в равной степени можно было угрожать флангам и тылу как группы армий "Юг", так (что особенно важно!) и правому крылу группы армий "Центр". Наконец, при таком варианте мы приобретали выгодное положение для последующих действий. Он и был принят. Первая его часть - разгром белгородско-харьковской группировки противника - оформилась в виде плана межфронтовой операции под условным наименованием "Румянцев".

С ударом на Киев хорошо увязывался уже известный читателю оперативный план "Кутузов", то есть наступление

силами Западного и Брянского фронтов прямо на запад с целью разгрома орловской группировки и последующего овладения Белоруссией, а затем вторжения в Восточную Пруссию и Восточную Польшу. Напомню, что, по расчетам Генштаба, двинуть эти два фронта предполагалось лишь в тот момент, когда противник по уши завязнет в глубоко эшелонированной обороне Центрального и Воронежского фронтов. Так это и осуществлялось на практике: Западный и Брянский фронты перешли в наступление 12 июля - через семь дней после удара противника по Центральному и Воронежскому фронтам, а Центральный фронт начал наступательные действия лишь 15 июля.

Но все это - дело будущего. А пока войска противника, так же как и наши, закапывались в землю. В высших же неприятельских штабах и ставке Гитлера шла лихорадочная подготовка так называемой операции "Цитадель". На нее враг возлагал большие надежды. Она должна была закончиться разгромом войск Центрального и Воронежского фронтов и возвратить в руки немецко-фашистского командования стратегическую инициативу. Ради этого к линии фронта подтягивались новые войска, вооружение, боевая техника, особенно танки и авиация.

Сложилось своеобразное положение: обе стороны старательно совершенствовали свои оборонительные сооружения и в то же время готовились к наступлению. Приоритет в отношении последнего мы добровольно отдавали противнику.

Наша оборона не была, однако, пассивной. В предвидении наступления противника мы провели крупные воздушные операции. Первая из них длилась на протяжении целой недели - с 6 по 13 мая. В ней участвовала авиация Калининского, Западного, Брянского, Центрального, Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов. Удары наносились главным образом по аэродромам, на которые базировались 4-й и 6-й воздушные флоты немцев. Одновременно решались и другие задачи, в частности дезорганизовалось движение на железных и автомобильных дорогах.

Первый массированный удар наших бомбардировщиков и штурмовиков застал противника врасплох и потому был очень эффективен: удалось уничтожить более 200 неприятельских самолетов при самых минимальных потерях с нашей стороны. Результаты повторных ударов оказались, конечно, скромнее, поскольку возросло противодействие. Тем не менее лишь за три дня (6-8 мая) противник потерял, по нашим данным, около 450 самолетов.

Вторая воздушная операция проводилась месяц спустя - с 8 по 10 июня. К ней привлекались силы только трех воздушных армий

- 1, 2 и 15-й, а также дальняя авиация. Цель была прежняя. Однако на этот раз внезапности не получилось, и операция в целом прошла менее успешно. Но в общем итоге за май и первую декаду июня потери противника в самолетах превышали 1000. А это являлось уже серьезным ослаблением его ударной группировки.

Таким образом, термин "стратегическая пауза", часто употребляемый в литературе для характеристики этого периода, является весьма условным. Где ж тут пауза, если мы наступали на Северном Кавказе и вели крупные воздушные операции?

Последние навели Генштаб и Ставку на некоторые важные выводы. Мы окончательно убедились, что уничтожение авиации противника на аэродромах возможно только при определенных условиях и полное достижение господства в воздухе немыслимо без больших воздушных сражений. Решающую роль в осуществлении этой задачи должна играть истребительная авиация. А положение у нас с истребителями продолжало оставаться трудным, их все еще не хватало. К тому же истребительная авиация была разбросана по всем фронтам и не могла быть использована массированно для завоевания господства в воздухе на важнейшем месте.

Все это было доложено И. В. Сталину вместе с некоторыми итогами грандиозного воздушного сражения на Кубани. Он немедленно созвал совещание компетентных лиц для выяснения наших возможностей по дальнейшему увеличению производства самолетов-истребителей и более рациональной организации истребительной авиации. Должен сказать, что плоды этого совещания мы пожали очень скоро: истребителей стало выпускаться больше, а главное, использование их заметно улучшилось.

В начале мая переход противника в наступление приобрел совершенно реальный характер.

Разведка доносила, что Гитлер намерен собрать руководящий состав своих вооруженных сил для окончательного решения вопроса о наступлении на советско-германском фронте. Такой сбор действительно состоялся 3-4 мая в Мюнхене - городе, ставшем когда-то колыбелью нацистской партии. В течение этих двух дней план операции "Цитадель" подвергся последним уточнениям и был утвержден. Теперь полагалось смотреть в оба. Внезапность удара противника при той плотности танков и авиации, которую он имел против нашей Курской дуги, могла стоить нам очень дорого.

С начала мая 1943 года Генеральный штаб пользовался любым подходящим случаем, чтобы напомнить штабам фронтов о

необходимости быть начеку. От имени Ставки им предлагалось, в частности, воздержаться от сложных внутренних перегруппировок войск, влекущих за собой хотя бы кратковременное ослабление боевой готовности.

8 мая 1943 года по разным каналам в Генеральный штаб поступили сведения о том, что наступление противника на орловско-курском и белгородско-харьковском направлениях возможно 10-12 мая. Все данные доложили А. М. Василевскому, который в то время находился в Москве. Он уже имел указание от И. В. Сталина дать предупреждение войскам, как только в том появится необходимость. Тотчас же в адрес командующих Брянским, Центральным, Воронежским и Юго-Западным фронтами была направлена следующая телеграмма:

"По некоторым данным, противник может перейти в наступление 10-12 мая на орловско-курском, или на белгородско-обоянском направлении, или на обоих направлениях вместе.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: к утру 10 мая иметь все войска, как первой линии обороны, так и резервов, в полной боевой готовности встретить возможный удар врага. Особенное внимание уделить готовности нашей авиации с тем, чтобы в случае наступления противника не только отразить удары авиации противника, но и с первого же момента его активных действий завоевать господство в воздухе. Получение подтвердить. О принятых мерах донести".

Вслед за тем особую телеграмму направили командующему Степным военным округом. Ему предписывалось: "Всемерно ускорить доукомплектование войск округа и к утру 10.5 все наличные войска округа иметь в полной боевой готовности как для обороны, так и для активных действий по приказу Ставки".

Эту телеграмму тоже подписал А. М. Василевский, но впереди своей поставил еще и фамилию Сталина. Так практиковалось у нас в тех случаях, когда текст документа докладывался И. В. Сталину по телефону или содержание его было согласовано заблаговременно. В последнем случае Верховному Главнокомандующему докладывалась на утверждение копия при очередной нашей поездке в Ставку.

К. К. Рокоссовский вскоре донес, что для срыва наступления противника на орловско-курском направлении организована контрподготовка. В ней будут участвовать вся артиллерия 13-й армии и авиация 16-й воздушной армии. Впоследствии и на Воронежском фронте тоже была спланирована контрподготовка.

Однако наступление врага 10-12 мая не состоялось. Он, видимо, не был еще готов. Гитлер стремился как можно больше насытить свои войска новыми танками и самоходными орудиями,

а вооружение это поступало медленно.

В переносе срока наступления Н. Ф. Ватутин усмотрел колебания противника. У командующего Воронежским фронтом возникла мысль, что при создавшемся положении целесообразно нанести упреждающий удар. Член Военного совета Н. С. Хрущев поддержал его. Соображения эти обсудили в Москве, однако Г. К. Жуков, А. М. Василевский, А. И. Антонов и Оперативное управление Генштаба высказались против них, и в конечном счете они были отвергнуты Ставкой.

Через десять дней, 19 мая 1943 года. Генеральный штаб получил новые, достоверные, как нам тогда казалось, данные о том, что враг намечает начать наступление в период 19-26 мая. Текст второго предупреждения тем же фронтам подготовил А. И. Антонов, и после доклада по телефону Верховному Главнокомандующему в 3 часа 30 минут ночи на 20 мая оно было отправлено адресатам. Как и в первый раз, их обязывали не ослаблять бдительность и боевую готовность войск, в том числе авиации, разведкой и захватом пленных вскрывать группировку противника и его намерения.

В предвидении решающих событий Ставка уделяла огромное внимание войскам, оборонявшимся на Курской дуге. Ее представители - маршалы Г. К. Жуков и А. М. Василевский почти все время находились там и работали не только в штабах, но и на переднем крае.

В частности, 21 мая Г. К. Жуков вместе с командующим войсками Центрального фронта К. К. Рокоссовским и командармами И. В. Галаниным, Н. П. Пуховым и П. Л. Романенко были на переднем крае 13-й армии, где ожидался главный удар орловской группировки немецко-фашистских войск. Они осмотрели оборону противника, понаблюдали за его действиями и сделали вывод, что непосредственной угрозы наступления пока нет. Посоветовались с командирами дивизий. Те подтвердили то же самое. По общему мнению, враг, видимо, не сможет перейти в наступление и до конца мая.

А. М. Василевский находился в это же время на Западном, а затем на Брянском фронтах. Он тоже внимательно анализировал состояние войск противника и также пришел к заключению, что в ближайшие дни наступать они не смогут.

В напряженном ожидании прошел весь май. В Генштаб поступали данные о массовых перебросках с запада на восток вражеских танков. Однако, кроме сведений о концентрации войск, никаких других признаков подготовки немцев к переходу в наступление не было.

Начался первый летний месяц. Немецко-фашистское

командование обычно приурочивало к этому периоду самых коротких ночей и отличной летной погоды наиболее активные действия своих войск. Повторится ли то же самое в 1943 году? И не ошиблись ли мы в оценке намерений противника? Если, паче чаяния, ошиблись, кто знает, какие еще могут быть последствия?

И. В. Сталин проявлял некоторую нервозность. И пожалуй, именно в силу этого однажды в Ставке разразилась буря. Туда поступило сообщение о засылке на Курскую дугу самолетов-истребителей с негодной обшивкой. Сталин сделал тогда вывод о небоеспособности всей нашей истребительной авиации. Этот случай подробно описан А. С. Яковлевым в его замечательной книге "Цель жизни". Дело, к счастью, оказалось не столь серьезным и относительно быстро уладилось.

Были и другие дни больших волнений.

6 июня, например, анализируя обстановку. Оперативное управление обратило внимание на несколько странное поведение противника. У нас возникли сомнения относительно дислокации его танковых дивизий. Выяснилось, что такие же сомнения гложут и Антонова. Договорились о проверке истинного расположения танков врага через штабы фронтов. В тот же день за подписью Антонова разослали телеграмму следующего содержания:

"Сейчас нам чрезвычайно важно знать, остается ли группировка танковых соединений противника прежняя или она изменена. Поэтому поставьте задачу всем видам разведки определить местонахождение танковых дивизий противника".

Срок дали пять суток. По истечении его штабы прислали успокоительные заверения - на фронте все по-прежнему, группировка танков врага не изменилась. Значит, все было в порядке.

Г. К. Жуков и А. М. Василевский между тем не покидали войск. С утра и до утра, выкраивая лишь немногие часы для тревожного отдыха, они работали с командующими фронтами и армиями, с командирами соединений. Тяжелый труд представителей Ставки разделяли и генштабисты, составлявшие их импровизированные штабы. В то время особенно тщательно отрабатывалось взаимодействие на стыках Воронежского и Юго-Западного, а также Западного и Брянского фронтов. Командование войсками Брянского фронта принял М. М. Попов один из видных наших военачальников, возглавлявший в начале войны Северный (Ленинградский) фронт, а затем командовавший армиями и занимавший пост заместителя командующего на Сталинградском и Юго-Западном фронтах. В новую должность и в обстановку А. М. Василевский ввел его, как говорят, прямо на местности.

Истек и июнь 1943 года... Наша оборона давно была готова к отражению удара противника. Завершалось уточнение последних деталей контрнаступления.

Сталин распорядился, чтобы Г. К. Жуков оставался на орловском направлении для координации действий Центрального, Брянского и Западного фронтов. Василевскому же было предложено направиться на Воронежский фронт.

И тут в Генеральный штаб опять (уже в третий раз) поступили данные о том, что противник наконец готов к активным действиям.

Кстати, в эти дни в районе Воронежа наш истребитель лейтенант А. Л. Кожевников сбил самолет-разведчик противника. Немецкий пилот был взят в плен и на допросе в штабе Воронежского фронта заявил, что наступление немцев намечалось в июне, но его отложили на начало июля. Таким образом, данные Генштаба подтвердились.

В 2 часа 15 минут 2 июля Антонов доложил Сталину по телефону написанное им третье предупреждение войскам. Оно гласило:

"По имеющимся сведениям, немцы могут перейти в наступление на нашем фронте в период 3-6 июля.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Усилить разведку и наблюдение за противником с целью своевременного вскрытия его намерений.

2. Войскам и авиации быть в готовности к отражению возможного удара противника".

Сталин утвердил текст без изменений. По его указанию копию этой телеграммы направили Г. К. Жукову, Н. Н. Воронову, А. А. Новикову и Я. Н. Федоренко.

Все были уверены, что уж теперь-то враг не отложит намеченного удара. И как известно, на рассвете 5 июля немецко-фашистские войска действительно перешли в наступление.

Глава 9. От Курска до Киева

"Цитадель" рухнула. - Трудности под Орлом. - Конец Мценского узла. - 3-я гвардейская танковая маневрирует. - Диалог Гитлера с генералом Варлимонтом. Окружать или не окружать? - "Полководец Румянцев". - Угроза под Ахтыркой. Сталин Ватутину: "Прошу не разбрасываться, не увлекаться..." - Букринский вариант. - Наша ошибка. - Верховный меняет свое решение. - Киев освобожден.

Итак, с утра 5 июля началась Курская битва. Враг двинул вперед свои главные силы: на орловско-курском направлении- семь танковых, две моторизованные и одиннадцать пехотных дивизий, на белгородско-курском - десять танковых, одну

моторизованную и семь пехотных дивизий. Всего, по нашим данным, в наступлении участвовало семнадцать танковых, три моторизованные и восемнадцать пехотных дивизий противника.

Выполняя тщательно, но шаблонно разработанный план "Цитадель", гитлеровское командование сосредоточило эти силы на узких участках фронта. Расчет был предельно прост: прорвать нашу оборону одновременно с двух противоположных сторон Курского выступа и встречными, или, как тогда говорили, концентрическими, ударами с севера и юга в общем направлении на Курск отрезать, а затем уничтожить располагавшиеся здесь советские армии.

Мы не дали застигнуть себя врасплох. Наши войска были готовы не только к отражению этих ударов, но и к нанесению ответных мощных контрударов. Я не берусь оценивать роль того или иного вида вооруженных сил или рода войск в этой битве или воздать кому-то из них преимущественные почести. Поистине все они - и пехотинцы, и артиллеристы, и танкисты, и летчики, и так называемые специальные войска - вложили свой огромный вклад в нашу общую победу над врагом. И действовали, надо сказать, отлично. Об этом свидетельствовали результаты ожесточенной борьбы, которая тогда развернулась на "огненной дуге". Ценой огромных потерь врагу удалось лишь вклиниться в нашу оборону.

На орловско-курском направлении глубина вклинения составила всего 9-12 километров, на белгородско-курском - от 15 до 35 километров. Потом войска Центрального и Воронежского фронтов сами перешли в наступление и повернули вспять измотанные, обескровленные неприятельские дивизии. Еще до того как было восстановлено положение, занимаемое сторонами до 5 июля, в наступление включились также Западный и Брянский фронты: прорвав немецко-фашистскую оборону, они всесокрушающей лавиной устремились в сторону Орла.

24 июля, когда в Генштабе готовился приказ Верховного Главнокомандующего об итогах оборонительного этапа Курской битвы, мы долго не могли найти достаточно выразительных слов для оценки сделанного. Тут сдавало самое пылкое воображение. И в конце концов родились такие строки:

"Проведенные бои по ликвидации немецкого наступления показали высокую боевую выучку наших войск, непревзойденные образцы упорства, стойкости и геройства бойцов и командиров всех родов войск, в том числе артиллеристов и минометчиков, танкистов и летчиков".

Сейчас это звучит как-то очень обыденно, выглядит, может быть, почти штампом. Но тогда казалось, что нам наконец

удалось найти то, чего мы искали. Эти слова гремели набатом, в них отражался накал яростной борьбы, непреодолимое стремление всего советского народа сломить отчаянное и, как нам верилось, последнее наступление немецко-фашистских завоевателей.

Советское Верховное Главнокомандование оценило результаты оборонительного этапа битвы под Курском как свидетельство полного провала неприятельского плана летнего наступления. В приказе отмечалось, что на сей раз окончательно разоблачена "легенда о том, что немцы летом в наступлении всегда одерживают победы, а советские войска вынуждены будто бы находиться в отступлении".

Последующие дни принесли советским войскам новые блестящие победы, а врагу - сокрушительное поражение. Итоги Курской битвы достаточно известны, но, как мне думается, некоторые ее детали нуждаются в дополнительном освещении. Я не собираюсь полемизировать здесь с другими авторами, а хочу только сообщить отдельные факты, позволяющие более точно судить, например, о роли и месте в этой битве 3-й гвардейской танковой армии, о боевых усилиях наших войск при освобождении Белгорода и Харькова, о форсировании Днепра под Букрином.

Начну по порядку.

12 июля 1943 года под неизвестной дотоле Прохоровкой развернулось величайшее танковое сражение. Стальной клин гитлеровской армии наткнулся на советские танки. Коса нашла на камень. Настал кризис немецкого наступления на Курской дуге.

В тот же день севернее Орла началась операция "Кутузов". В ней, как уже отмечалось, участвовали войска Западного и Брянского фронтов.

Еще при подготовке этой операции остро стоял вопрос об усилении Брянского фронта танками. Оборона противника была здесь очень сильной, с большим количеством долговременных огневых точек. Пехота никак не могла одолеть ее без непосредственной поддержки бронесредств.

Как ни подсчитывали, менее чем двумя танковыми корпусами было не обойтись. Г. К. Жуков, лично выезжавший на место, доложил об этом Сталину, и фронт такое усиление получил. Однако для развития успеха танков опять не хватало. Тогда-то и заговорили о 3-й гвардейской танковой армии. Она формировалась в полосе фронта неподалеку от Плавска. В состав ее входили два танковых и один механизированный корпуса да плюс еще отдельная танковая бригада. Командовал армией

генерал-лейтенант П. С. Рыбалко.

Наступление Брянского фронта развивалось относительно медленно, а через пять дней, 17 июля, на глубине в 22 километра у тылового рубежа по реке Олешня совсем затормозилось. Здесь сидели войска так называемой мценской группировки противника, составлявшей как бы клин между главными силами Западного и Брянского фронтов. Этот клин серьезно осложнял межфронтовое взаимодействие. Особенно трудно приходилось Брянскому фронту, который являлся своего рода связующим звеном в системе трех фронтов. Наступая на Орел с востока, он должен был своим правым флангом совместно с войсками Западного фронта громить врага под Волховом. В то же время главными силами ему надлежало содействовать Центральному фронту, который с 15 июля приступил к уничтожению противника в районе Кромы. Силы раздваивались и постепенно иссякали. Создалась угроза нарушения плана разгрома противника под Орлом. Чтобы преодолеть кризисное положение. Брянскому фронту нужна была помощь.

Доложили И. В. Сталину. Он согласился передать туда 3-ю гвардейскую танковую армию, одобрил предложения Генштаба по части ее задач. Тем не менее директива пока не отдавалась.

- Нужно узнать мнение командующего фронтом,- сказал Сталин и сам позвонил по телефону генералу М. М. Попову.

В разговоре с ним Верховный Главнокомандующий, оценивая положение под Орлом, подчеркнул, что важнейшей задачей Брянского фронта является разгром мценской группировки противника и выход 3-й общевойсковой армии А. В. Горбатова на реку Ока. Затем он сообщил свое решение о передаче фронту 3-й гвардейской танковой армии, которая должна нарушить устойчивость обороны врага сначала в полосе наступления 3-й общевойсковой, а потом и 63-й армии В. Я. Колпакчи. Ввести танки Рыбалко в сражение Верховный рекомендовал как можно скорее, чтобы не дать врагу укрепиться. Но в то же время предостерег:

- Их можно погубить, если двинуть прямо на Орел. В уличные бои в таком крупном городе танковую армию втягивать не надо. После того как будет обеспечено продвижение главных сил фронта, лучше направить ее на Кромы в интересах левого соседа.

М. М. Попов принял эти указания к немедленному исполнению, и мы тут же по телефону отдали приказ П. С. Рыбалко о передаче его армии в состав Брянского фронта.

3-я гвардейская танковая армия умело и скрытно совершила марш и сосредоточилась в тылах Брянского фронта. Днем 19 июля, сразу же после того как пехота прорвала оборону противника, начали действовать передовые ее части, а затем и главные силы. Представитель Ставки И. Н. Воронов доложил, что ввод 3-й гвардейской танковой армии в прорыв осуществлен своевременно и достаточно организованно.

Бой подтвердил сведения, добытые разведкой: в полосе действий нашей танковой армии оборонялись части 2-й и 8-й танковых, 36-й моторизованной и 262-й пехотной дивизий противника. Они оказали ожесточенное сопротивление. Несмотря на это, к исходу дня войска П. С. Рыбалко форсировали реку Олешня и, углубившись на 10-20 километров, успешно преодолели тыловой оборонительный рубеж немцев. Создались выгодные условия для удара в тыл мценской группировки. Отход неприятеля из-под Мценска и по всей линии нижнего течения реки Олешня, можно сказать, был предрешен.

В ночь на 20 июля об этом докладывалось Ставке. Мы в Генштабе очень опасались, что танковой армии не удастся сохранить организованность действий, поскольку маневр предстоял сложный и сопротивление противника пока не ослабевало. Взвесив, однако, все "за" и "против", положились на искусство и опыт П. С. Рыбалко и М. М. Попова. В 2 часа была подписана и отправлена весьма срочная директива. Адресовалась она представителю Ставки маршалу артиллерии П. Н. Воронову и командующему Брянским фронтом генерал-полковнику М. М.

Попову. Привожу ее в выдержках.

"Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Ближайшей задачей Брянского фронта иметь разгром мценской группировки противника и выход 3-й армии на р. Ока.

Для этого 3-й танковой армии Рыбалко с утра 20.7 нанести удар в направлении Протасово, Отрада, к исходу дня 20.7 перерезать шоссейную и железную дороги Мценск - Орел и, развивая в течение 21.7 наступление на Мценск с юга, совместно с 3-й армией Горбатова завершить уничтожение мценской группировки противника и освободить город Мценск.

2. После выполнения этой задачи 3-ю танковую армию Рыбалко направить на юг с целью перерезать железную дорогу Моховое - Орел и содействовать 63-й армии Колпакчи в выходе ее также на р. Ока.

3. В дальнейшем 3-й танковой армии Рыбалко перерезать железную дорогу Орел - Курск в районе по решению командующего фронтом и при благоприятных условиях овладеть городом Орел.

Если овладение городом Орел не будет соответствовать обстановке, 3-й танковой армии Рыбалко двигаться дальше на запад в направлении Кромы".

В этой основной части директивы точно воспроизводились указания И. В. Сталина, отданные по телефону еще 17 июля. Выполнение их уже началось и протекало вполне успешно.

В ночь на 20 июля противник оставил Мценск. Прикрывая свой отход, он бросил с утра против главных сил Брянского фронта, в том числе против танковой армии, большое количество авиации. Но наступление не останавливалось. К 17 часам того же дня танковая армия перерезала в районе Каменево шоссе Мценск Орел, выдвинулась к железной дороге и реке Оке. Войска 3-й общевойсковой армии вышли к Оке на следующий день, сменили здесь танкистов и завязали бои за овладение переправами.

21 июля, выполняя директиву Ставки, 3-я гвардейская танковая армия повернула к югу, на Становой Колодезь, в полосу 63-й армии. Для наступления на новом направлении П. С. Рыбалко использовал свой второй эшелон: 12-й танковый корпус и 91-ю танковую бригаду. Корпуса же, наступавшие до того в первом эшелоне танковой армии, встали вслед за ними. Такая перегруппировка сил была разумной и по своему характеру вполне нормальной. Кстати сказать, П. С. Рыбалко неоднократно практиковал это и позже при одновременных действиях войск на нескольких иногда противоположных направлениях. В данном случае, правда, армия действовала на противоположных направлениях не одновременно, а последовательно, но

перегруппировка все-таки требовалась, и командующий осуществил ее правильно, хотя и в трудном варианте.

Танкисты успешно справились со своей новой задачей. Они сломили сопротивление противника в районе Станового Колодезя и на всем южном фланге Брянского фронта, после чего 3-я гвардейская танковая армия была переподчинена Центральному фронту и направилась под Кромы.

Таков фактический ход событий. На фоне их довольно странно выглядят утверждения о том, что в операции "Кутузов" 3-я гвардейская танковая армия "использовалась для сковывания противника на большом фронте" и что маневры ее с одного направления на другое определялись только решениями М. М. Попова. Факты свидетельствуют, что П. С. Рыбалко все время действовал по четкому плану, утвержденному Ставкой, и танковая армия с честью выполнила свои задачи. Действия ее оказали решающее влияние на развитие наступления войск Брянского фронта и сыграли отнюдь не маловажную роль в успешном исходе всей операции по разгрому орловской группировки противника.

С операцией "Кутузов" у меня связаны очень неприятные воспоминания личного плана. В один из дней ее, явившись вместе с А. И. Антоновым на обычный доклад в Ставку, я, как всегда, разложил на столе карты по каждому фронту в отдельности и одну сводную. Доклад несколько затянулся, но проходил в спокойной обстановке. Так как тут же следовало решить ряд вопросов по использованию танков, И. В. Сталин пригласил Я. Н. Федоренко. Тот вошел и, не дожидаясь конца нашего доклада, стал раскладывать свои ведомости, справки, списки и другие документы поверх моих карт. Отвечая на вопросы Верховного Главнокомандующего, Яков Николаевич не всегда сразу находил нужные данные, перекладывал бумаги с места на место, выложил на стол и свой видавший виды портфель, чего мы никогда не делали.

Когда с докладом по обстановке все было закончено, я сложил карты и, перед тем как покинуть кабинет Верховного, еще раз, по выработавшейся уже привычке, внимательно осмотрел стол. Там оставались только документы Федоренко.

В Генштабе, как всегда, меня дожидались начальники направлений и отделов. По приезде из Кремля я немедленно же возвращал им все их документы и давал короткие указания, что нужно сделать. На этот раз, однако, два начальника своих карт не получили - в моем портфеле их не оказалось, в том числе самой главной - сводной.

Первой мелькнула мысль о том, что карты случайно захватил

Федоренко. Звоню по телефону. Выясняется, что из Кремля он уже возвратился, но с документами еще не разобрался.

- Анатолий Алексеевич! - обратился я к Грызлову.- Срочно выезжайте к Федоренко, вместе с ним осмотрите все его хозяйство вплоть до сейфа. Может быть, карты там. Грызлов помчался, а я звоню к Поскребышеву. Прошу его посмотреть, не осталось ли чего-либо из наших документов в кабинете Верховного. Нет, говорит, стол там чистый, и все разошлись.

Грызлов тоже вернулся ни с чем: у Якова Николаевича карт наших не оказалось.

Доложил о пропаже Антонову. Тот посоветовал Верховному пока не докладывать, может быть, карты найдутся.

В тот же день вторично поехали в Ставку, и, как условились, о происшествии - ни слова. Сталин тоже ничего не сказал.

Вернулся в Генштаб. Тут - никаких перемен: карты как в воду канули. Теперь у меня не осталось никаких сомнений в том, что они у Сталина. Ведь, кроме Ставки, я никуда не отлучался.

Дольше молчать было нельзя. На следующий день во время очередного доклада у Верховного я улучил удобный момент и твердо сказал:

- Товарищ Сталин, сутки назад мною оставлены у вас две карты с обстановкой. Прошу вернуть их мне.

Тот сделал удивленный вид:

- Почему вы думаете, что они у меня? Ничего у меня нет.

- Не может этого быть,- настаивал я.- Мы нигде, кроме Ставки и Генштаба, не бываем. Деться картам некуда. У вас они.

Сталин ничего на это не ответил. Вышел из кабинета в комнату отдыха и возвратился с картами. Он нес их, держа за угол, в вытянутой руке и, встряхнув, бросил на стол.

- Нате, да впредь не оставляйте... Хорошо, что правду сказали...

Об этом случае никогда более ни в Ставке, ни в Генштабе никто не вспоминал. Да и надобности в том не было. Он и без того послужил для меня предметным уроком на долгие годы.

А теперь перенесемся на миг в другую ставку - к Гитлеру. 25 июля 1943 года, то есть на сутки позже нас, там тоже обсуждались результаты провала операции "Цитадель". До нас дошла теперь часть стенографических записей, сделанных на этом совещании, в частности диалог Гитлера с заместителем начальника оперативного руководства вооруженными силами Германии генерал-лейтенантом Вальтером Варлимонтом.

"Гитлер. Кстати, вы читали доклад Сталина, этот вчерашний приказ, где он точно называет количество мотопехотных дивизий, танковых дивизий и пехотных дивизий. Я полагаю, что это

дословно точно.

Варлимонт. В отношении "Цитадели"?

Гитлер. В отношении "Цитадели"... У меня такое ощущение, что это означает отбой своего собственного наступления, то есть он представляет дело таким образом, что наш план сорван. Но создается впечатление, что одновременно он обосновывает этим свои решения. Наверное, поступили сообщения, что здесь дело дальше не идет, здесь повсюду произошла задержка, так что он отказался от мысли, что все будет развиваться быстрым темпом дальше. Таково ощущение".

Затрудняюсь сказать, чего больше в этих гаданиях на кофейной гуще действительных заблуждений или привычного лицемерия. Можно допустить, что зарвавшийся диктатор просто-напросто подбадривал самого себя и своих генералов. Но, как бы то ни было, "ощущения" его на деле оказались пустой иллюзией.

Советские войска, вернувшись на свои прежние позиции, лишь временно приостановили наступление, чтобы подтянуть свои силы и средства, а затем осуществить новый сокрушительный удар. Это было совершенно необходимо, поскольку замышлялся разгром в самый короткий срок мощной белгородско-харьковской группировки немецко-фашистских войск. Вопрос о том, как добиться этой цели, волновал весь Генеральный штаб.

Опыт показывал, что, по соображениям времени, сложности маневра и другим условиям, далеко не каждую группировку противника выгодно окружать. За окружение немецко-фашистских войск, оборонявшихся в районе Белгорода и Харькова, первым, пожалуй, высказался командующий Воронежским фронтом. Сторонники такой же точки зрения нашлись, конечно, и в Генеральном штабе. Но в целом Генштаб придерживался иного взгляда.

Доводов против окружения в данном случае было много. Прежде всего, следовало считаться с силами противника: они были очень велики. Здесь сидели 4-я немецкая танковая армия и так называемая оперативная группа "Кемпф". В общей сложности - восемнадцать дивизий, в том числе четыре танковые. Полагалось также иметь в виду мощную двухполосную оборонительную систему врага, создание которой началось еще в марте. Первоначально это был исходный рубеж для наступления, а в конце июля его приспособили на случай отражения наших ударов. Основные неприятельские силы располагались севернее Харькова и в случае необходимости могли опереться на этот обширный город как на своеобразную крепость. Короче говоря, окружение и последующая ликвидация белгородско-харьковской

группировки немцев надолго приковали бы к себе большое количество наших войск, отвлекли бы их от наступления на Днепр и тем самым облегчили неприятелю возможность создания новой сильной обороны по правому берегу Днепра.

Думали и о том, чтобы уничтожить белгородско-харьковскую группировку последовательно, начиная с отсечения основных ее сил к северу от Харькова. На первый взгляд это представлялось возможным, если наступать по сходящимся направлениям, примерно из района Сум на юго-восток и из Волчанска - на запад. Но, чтобы выполнить такую задачу, надо было иметь в Сумах и Волчанске уже готовые для удара войска, а этим мы не располагали. Для осуществления ударов из Сум и Волчанска требовались большие перегруппировки сил и, конечно, длительное время. Времени же нельзя было терять ни минуты, пока враг не привел себя в порядок, пока у него не прошло состояние шока после провала "Цитадели". Следовательно, такой вариант тоже никак не отвечал моменту войны.

Много раз прикинув и взвесив различные предложения, в Генеральном штабе пришли к окончательному выводу: белгородско-харьковскую группировку немецко-фашистских войск первым делом надо изолировать от притока резервов с запада, для чего необходимо использовать имеющиеся в готовности к северу от Белгорода две танковые армии, взломать и дезорганизовать с их помощью всю неприятельскую оборону, расчленить ее глубокими ударами и только после этого уничтожить противника по частям. Задуманная таким образом новая операция получила условное наименование "Полководец Румянцев".

Бои фактически не прекращались, нашему переходу в контрнаступление не предшествовала длительная пауза, а потому и отработка плана этой операции отличалась своеобразием. Протекала она преимущественно в войсках, непосредственно на местности. 27 июля, например, маршал Жуков встретился с командующим 53-й армией генералом Манагаровым и в тот же день донес: "Отработал с ним решение по "Румянцеву".

Кроме представителей Ставки в этом деле активно участвовали военные советы Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов. 1 августа Г. К. Жуков прибыл в Москву, согласовал с И. В. Сталиным основные положения плана, после чего фронты сразу же поставили задачи армиям и операция началась.

О каком-либо едином письменном или графическом документе с планом операции "Полководец Румянцев" мне ничего не известно. Его не было. Ставка и Генеральный штаб

подразумевали под этим условным наименованием не документ, а совместные действия войск Воронежского, Степного и отчасти Юго-Западного фронтов в августе 1943 года, объединенные общей целью и единым руководством.

Целью действий являлся разгром противника в районе Белгорода и Харькова, после чего перед советскими войсками открывался путь к Днепру, появлялась возможность захватить там переправы и воспретить отход противника из Донбасса на запад. В совокупности все это сулило нам большие оперативные выгоды.

Фактически операция началась 3 августа, но только 5 и 6 числа, когда были уже освобождены Томаровка, Александровка и Белгород, представитель Ставки совместно с командующими Воронежским и Степным фронтами доложил Верховному Главнокомандующему уточненные планы наступления по каждому фронту в отдельности. Ставка утвердила их 6 и 8 августа. Это, собственно, и является документальной основой плана операции "Полководец Румянцев".

Операция делилась на два этапа. Сначала намечалось нанести поражение немецко-фашистским войскам севернее, восточное и южнее Харькова, что составляло 1-й ее этап. А затем, на 2-м этапе, предусматривалось освобождение самого Харькова, и этим, по существу, завершалась вся Курская битва.

Поскольку операция "Полководец Румянцев" являлась в то время главной, действия советских войск на других направлениях, в частности в Донбассе, всецело согласовались с ней, приспосабливались к ее интересам. За этим особо наблюдал А. М. Василевский, представлявший Ставку на Юго-Западном и Южном фронтах.

Подсчитав возможности Воронежского и Степного фронтов. Ставка распорядилась изъять с 8 августа из состава Юго-Западного фронта и передать в Степной 57-ю армию генерала Н. А. Гагена для удара в обход Харькова с юга. Остальными же силами Юго-Западному фронту предписывалось совместно с Южным фронтом разгромить донбасскую группировку противника и овладеть районом Горловка, Сталино. Тем самым окончательно оформился состав сил и определились задачи войск по операции "Полководец Румянцев".

Основные силы Воронежского и Степного фронтов составляли шесть общевойсковых армий (6-я и 5-я гвардейские, 53, 69, 7-я гвардейская и 57-я), две танковые (1-я и 5-я гвардейская) и две воздушные армии (2-я и 5-я). Ударами с севера, северо-востока и востока им предстояло уничтожить противника на подступах к Харькову. При этом танковые армии и один отдельный танковый корпус предназначались для того, чтобы расколоть вражескую

группировку с севера на юг в направлении Богодухов, Валки, Новая Водолага и перехватить все пути отхода противника из Харькова на запад и юго-запад.

Одновременно наносился второй, тоже очень сильный удар двумя общевойсковыми армиями (40-й и 27-й) и тремя танковыми корпусами (10-м, 4-м гвардейским и 5-м гвардейским) в общем направлении на Ахтырку. Этим обеспечивались наши главные силы с запада и изолировался район Харькова от притока резервов противника. Стык с Центральным фронтом обеспечивался, кроме того, 38-й армией и танковым корпусом. 47-я армия, состоявшая во втором эшелоне Воронежского фронта, выдвигалась за правым его флангом в направлении Тростянец, откуда можно было действовать в зависимости от обстановки или на Зеньков, или на юг через Ахтырку.

В итоге выполнения задач 1-го этапа операции, то есть после разгрома врага на подступах к Харькову, создавалась новая группировка наших сил, обеспечивающая достижение конечной цели операции. Вместе с тем часть войск должна была находиться в готовности для нанесения удара на Полтаву.

Понятно, что такой замысел требовал максимального сосредоточения сил фронтов на избранных направлениях от начала до конца операции. Генеральный штаб тщательно следил за этим.

На четвертый день наступления выявилось, что 5-я гвардейская армия А. С. Жадова и 1-я танковая армия М. Е. Катукова были вынуждены часть сил ударной группировки временно нацелить на ликвидацию противника, угрожающего флангу из районов Томаровка и Борисовка. При докладе обстановки Верховному Главнокомандующему в ночь на 7 августа тот обратил на это внимание и усмотрел тенденцию к нарушению принципа массирования войск. В результате командующему Воронежским фронтом пошло следующее указание:

"Из положения войск 5-й гв. армии Жадова видно, что ударная группировка армии распылилась и дивизии армии действа юг в расходящихся направлениях. Товарищ Иванов{11} приказал вести ударную группировку армии Жадова компактно, не распыляя ее усилий в нескольких направлениях. В равной степени это относится и к 1-й танковой армии Катукова".

В тот момент сосредоточение усилий войск приобрело исключительную важность, поскольку сражение под Харьковом вступало уже в решающую фазу. В ночь на 10 августа из Москвы последовала новая телеграмма, на этот раз адресованная представителю Ставки Г. К. Жукову. В ней говорилось:

"Ставка Верховного Главнокомандования считает

необходимым изолировать Харьков путем скорейшего перехвата основных железнодорожных и шоссейных путей сообщения в направлениях на Полтаву, Красноград, Лозовую и тем самым ускорить освобождение Харькова.

Для этой цели 1-й танковой армией Катукова перерезать основные пути в районе Ковяги, Валки, а 5-й гв. танковой армией Ротмистрова, обойдя Харьков с юго-запада, перерезать пути в районе Мерефа".

Вскоре обе танковые армии устремились к указанным рубежам. А Степной фронт тем временем выходил к северному и восточному оборонительным обводам Харькова. Враг попадал в крайне тяжелое положение.

Далее, однако, обстановка получила несколько неожиданное развитие. Противник срочно стал сосредоточивать в район сражения свои резервы (в основном танковые дивизии), намереваясь приостановить наше наступление и не допустить разгрома оперативной группы "Кемпф" и 4-й танковой армии. Командование Воронежского фронта недооценило нависающей угрозы, даже, правильнее сказать, проглядело ее. Продвижение наших войск продолжалось без достаточного закрепления отвоеванных рубежей и обеспечения флангов. Неприятель использовал это и нанес мощные контрудары: 11 августа из района южнее Богодухова, а 18-20 августа - из района западнее Ахтырки. Всего в контрударах участвовало до одиннадцати вражеских дивизий, преимущественно танковых и моторизованных. Со стороны Ахтырки враг нацелился под самое основание нашего глубокого вклинения на главном направлении. В итоге ожесточенных боев 17-20 августа войска Воронежского фронта понесли здесь чувствительные потери. Местами были потеснены к северу и обе наши танковые армии. Возможности выхода в тыл харьковской группировки противника ухудшились.

Такой вывод сделал А. И. Антонов, докладывая обстановку Верховному Главнокомандующему в ночь на 22 августа.

- Садитесь и пишите директиву Ватутину, - приказал мне Сталин.- Копию пошлите товарищу Жукову.

Сам он тоже вооружился красным карандашом и, прохаживаясь вдоль стола, продиктовал первую фразу:

- "События последних дней показали, что вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки как при планировании, так и при проведении операций".

За этим последовала пауза - Сталин собирался с мыслями. Потом, как говорится, на одном дыхании, был продиктован целый абзац:

- "Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно

большей территорией без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок является наступлением огульного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств и дает возможность противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперед и не обеспеченным с флангов группировкам".

Верховный на минуту остановился, из-за моего плеча прочитал написанное. В конце фразы добавил собственноручно: "и бить их по частям". Затем диктовка продолжалась:

- "При таких обстоятельствах противнику удалось выйти на тылы 1-й танковой армии, находившейся в районе Алексеевка, Ковяги; затем он ударил по открытому флангу соединений 6 гв. армии, вышедших на рубеж Отрада, Вязовая, Панасовка, и, наконец, используя вашу беспечность, противник 20 августа нанес удар из района Ахтырки на юго-восток по тылам 27-й армии, 4 и 5 гв. танковых корпусов.

В результате этих действий противника наши войска понесли значительные и ничем не оправданные потери, а также было утрачено выгодное положение для разгрома харьковской группировки противника".

Верховный опять остановился, прочитал написанное, зачеркнул слова "используя вашу беспечность" и продолжал:

- "Я еще раз вынужден указать вам на недопустимые ошибки, неоднократно повторяемые вами при проведении операций, и требую, чтобы задача ликвидации ахтырской группировки противника, как наиболее важная задача, была выполнена в ближайшие дни.

Это вы можете сделать, так как у вас есть достаточно средств.

Прошу не увлекаться задачей охвата харьковского плацдарма со стороны Полтавы, а сосредоточить все внимание на реальной и конкретной задаче ликвидации ахтырской группировки противника, ибо без ликвидации этой группы противника серьезные успехи Воронежского фронта стали неосуществимыми".

По окончании последнего абзаца Сталин пробежал его глазами опять-таки из-за моего плеча, усилил смысл написанного, вставив после "Прошу не" слово "разбрасываться", и приказал вслух повторить окончательный текст.

- "Прошу не разбрасываться, не увлекаться задачей охвата..." - прочел я.

Верховный утвердительно кивнул и подписал бумагу. Через несколько минут телеграмма пошла на фронт.

Должен, однако, отметить, что к моменту издания этой директивы обстановка уже изменилась, контрудар противника был отбит. Действия правого крыла Воронежского фронта стали

более организованными, и попытки противника приостановить наше наступление провалились.

Этим не замедлил воспользоваться И. С. Конев. Его войска штурмом взяли Харьков. 23 августа в 21 час Москва салютовала доблестным войскам Степного фронта, освободившим при содействии Воронежского и Юго-Западного фронтов второй по величине город Украины, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

С ликвидацией харьковской группировки противника закончилась и Курская битва, знаменовавшая новый исторический этап на пути к нашей полной победе над фашистской Германией. Впереди был Днепр.

Наступательные действия Советских Вооруженных Сил летом 1943 года характеризовались нарастающим размахом. Удары следовали один за другим, захватывая все более широкое пространство. Это диктовалось необходимостью разгрома немецко-фашистских войск сразу на двух направлениях, что затрудняло противнику возможность переброски сил с одного фронта на другой.

Наступление к Днепру началось на западном направлении. Ключевыми районами являлись здесь Смоленск и Рославль.

Войска Западного и часть сил Калининского фронтов развернули Смоленскую наступательную операцию задолго до окончания Курской битвы - 7 августа 1943 года. Старейшим из наших фронтов - Западным - командовал тогда Василий Данилович Соколовский - военачальник очень осторожный, предпочитавший семь раз отмерить, прежде чем раз отрезать. В грозное время битвы за Москву он был бессменным начальником штаба этого же фронта, потом принял от Г. К. Жукова командование и в марте 1943 года успешно осуществил нелегкую операцию по ликвидации так называемого ржевско-вяземского выступа. В Курской битве войска Западного фронта своим левым крылом содействовали разгрому орловской группировки противника, а затем двинулись на Смоленск. В результате упорной борьбы во взаимодействии с соседями им удалось овладеть Смоленском и к концу сентября выйти на подступы к Гомелю, Могилеву, Орше и Витебску.

С середины августа двинулись в наступление армии Юго-Западного и Южного фронтов. В их задачу входило освобождение Донбасса и южных областей Левобережной Украины. Приморский фланг обеспечивала Азовская военная флотилия, которая высадила тактические десанты в Таганроге, Мариуполе, Осипенко. Затем опять усилились удары Воронежского и Степного фронтов - настал срок освобождения древнего Киева и

Правобережной Украины.

В Генеральном штабе понимали глубину и величие происходящих событий. Мы отдавали себе ясный отчет в необходимости как можно быстрее и полнее реализовать результаты грандиозной победы под Курском. Уже не являлось секретом, что гитлеровцы создают мощный оборонительный рубеж по рекам Молочной, Днепру и Сожу. Нельзя было позволить врагу отвести туда свои войска и встретить нас во всеоружии. Фактор времени и на сей раз приобретал решающее значение. С учетом этого и планировалась операция, ее сроки и темпы.

Наступление советских войск к Днепру и бросок их за Днепр на главном, киевском направлении предстояло начать в сентябре. Согласованные с Генштабом соображения Воронежского фронта, под которыми подписался и маршал Жуков, были готовы к 8 сентября и представлены Верховному Главнокомандующему в виде плана, оформленного на карте. Наступать фронт намеревался кратчайшим путем и по необходимости прямолинейно. Чтобы растянуть войска противника и рассредоточить его внимание, наши армии выходили к реке одновременно во всей полосе наступления. 38-я армия должна была захватить переправы в пригороде Киева Дарнице. Чтобы она не запоздала с этим, три ее дивизии подготавливались к переброске автомобильным транспортом. Исходным для всего Воронежского фронта служил рубеж - Недригайлов, Веприк, Борки, Опошня. Расстояние до Днепра в 160-210 километров предполагалось преодолеть за семь-восемь суток, с 18 по 26-27 сентября. Среднесуточный темп наступления - 20-30 километров.

В интересах быстрого и решительного сокрушения противника в состав первого эшелона фронта были включены 3-я гвардейская танковая армия и три отдельных танковых корпуса - 5-й гвардейский, 2-й и 10-й.

Форсирование Днепра и дальнейшее развитие наступления намечалось с ходу южнее Киева в крутой излучине реки, обращенной в нашу сторону. Там располагались населенные пункты Малый и Большой Букрин, а потому и плацдарм, захваченный здесь впоследствии, назывался букринским. Не мешало бы, конечно, наметить и второй вариант преодоления Днепра в районе Киева на случай неудачи наступления с букринского плацдарма. Но ни Генеральный штаб, ни командование фронта своевременно этого, к сожалению, не сделали.

С рассветом 22 сентября к букринской излучине вырвался передовой мотострелковой батальон 3-й гвардейской танковой

армии и успешно форсировал Днепр. К сожалению, других войск, которые можно было бы использовать для немедленного расширения захваченного плацдарма, здесь не оказалось. Зато справа 40-я армия К. С. Москаленко захватила несколько меньший по размерам плацдарм в районе Ржищева. На остальных участках фронта наши намерения пока не осуществились.

Чтобы облегчить форсирование Днепра, трудное во всякой обстановке, планом предусматривалось выбросить на правый берег сильный воздушный десант - две бригады. В задачу десанту ставилось захватить и удерживать до подхода главных сил плацдарм по рубежу Ржищев, Мижиричь, Мошны, Черкассы. Это составляло около 110 километров по фронту и 25-27 километров в глубину, что, конечно, превосходило возможности двух воздушно-десантных бригад.

Десантирование производилось в ночь на 24 сентября. Одна бригада была выброшена целиком, другая частично. При этом из-за недостаточной подготовки последовала целая серия роковых ошибок: десант рассеялся по весьма обширному району, из-за потери ориентировки часть десантников попала в расположение своих войск, часть - в воду Днепра, а остальные оказались над марширующими вражескими дивизиями.

Преодоление Днепра нашими главными силами теперь усложнялось. На рассвете 24 сентября враг сосредоточил против ржищевского и букринского плацдармов несколько дивизий, в том числе одну танковую.

Тщательно проанализировав сложившуюся обстановку, мы в Генеральном штабе сошлись на том, что наступление с букринского плацдарма вряд ли может рассчитывать на успех. Внезапность была утрачена. Неприятельское сопротивление возросло. Местность здесь крайне неудобна для действий танков - очень овражистая, сильно всхолмленная. На такой местности можно было хорошо скрыть войска, но маневр их был затруднен. Тут-то все и поняли, что нельзя было ограничиваться одним вариантом форсирования Днепра, следовало иметь их несколько.

25 сентября Г. К. Жуков тоже докладывал И. В. Сталину о трудностях наступления с букринского плацдарма, об остром недостатке боеприпасов и высказал мнение о необходимости захвата нового плацдарма. Его точка зрения целиком совпала с мнением Генштаба. Верховный Главнокомандующий не стал опровергать наших доводов, но и не согласился с ними. Сталин сказал:

- Еще не пробовали наступать как следует, а уже отказываетесь. Нужно осуществлять прорыв с имеющегося плацдарма. Неизвестно пока, сможет ли фронт создать новый.

Его очень раздосадовала неудача с использованием в операции воздушно-десантных войск. В специальном приказе по этому поводу отмечалось: "Выброска массового десанта в ночное время свидетельствует о неграмотности организаторов этого дела, ибо, как показывает опыт, выброска массового ночного десанта даже на своей территории сопряжена с большими трудностями". Оставшиеся полторы бригады десантников были изъяты у фронта и переданы в резерв Ставки.

Более обнадеживающими оказались действия 38-й армии. Она вышла к Днепру в точно заданном районе непосредственно против Киева и несколько южнее его, имея главную группировку на своем левом фланге. Форсировать Днепр перед самым Киевом было слишком сложно. Противник имел здесь сильное предмостное укрепление. С разрешения командующего фронтом командарм Н. Е. Чибисов незамедлительно начал перебрасывать силы к северу от Киева и 27-29 сентября захватил там два небольших плацдарма - один в районе Сваромья, другой - у Лютежа. В последующем их удалось соединить и расширить до 15 километров по фронту и до 10 в глубину. Этому району и суждено было стать главным при освобождении Киева.

Неоднократные попытки наступления в октябре с букринского плацдарма заканчивались безрезультатно. Верховный был очень недоволен этим, укорял командование Воронежского фронта и представителя Ставки в нерешительности действий, ставил в пример им командующего Степным фронтом И. С. Конева, войска которого успешно форсировали Днепр в районе Кременчуга и к югу от него. Наконец поздно ночью на 25 октября Сталин решил перегруппировать 3-ю гвардейскую танковую армию к северу от Киева и подписал соответствующую директиву. Она гласила:

"1. Ставка Верховного Главнокомандования указывает, что неудача наступления на букринском плацдарме произошла потому, что не были своевременно учтены условия местности, затрудняющие здесь наступательные действия войск, особенно танковой армии...

2. Ставка приказывает произвести перегруппировку войск 1-го Украинского фронта{12} с целью усиления правого крыла фронта, имея ближайшей задачей разгром киевской группировки противника и овладение Киевом ".

К участию в Киевской операции привлекались 60-я армия генерала И. Д. Черняховского, 38-я, которой к этому времени стал командовать К. С. Москаленко, и 3-я гвардейская танковая П. С. Рыбалко. Действия с букринского плацдарма продолжались оставшимися там войсками с задачей притянуть на себя возможно

больше сил противника и при благоприятных условиях прорвать его фронт.

Наступление севернее Киева началось 3 ноября 1943 года. 3-я гвардейская танковая армия перегруппировалась туда скрытно, и немецкое командование оказалось застигнутым врасплох. 6 ноября утром мать городов русских - древний Киев избавился от оккупации.

Наступление 1-го Украинского фронта успешно развивалось далее. Контрудары противника отражались с большими для него потерями. В течение десяти дней киевская группировка немецко-фашистских войск подверглась полному разгрому. Наши армии вышли на рубеж Чернобыль, Малин, Житомир, Фастов, Триполье, который стал исходным для последующих операций.

Глава 10. Поездка в Тегеран

Новое задание. - С поезда на самолет. - Перед нами столица Ирана. -Дополнения к плану "Оверлорд". - Рузвельт поддерживает Сталина. - Наши обязательства перед союзниками. - Карта Черчилля по Югославии. - Тегеранские контрасты. - Планирование кампании на первую половину 1944 года. - От наступления по всему фронту к системе чередующихся ударов.

Днем 24 ноября 1943 года А. И. Антонов сказал мне:

- Будьте готовы к отъезду. Возьмите карты всех фронтов и прихватите шифровальщика. Куда и когда поедете, узнаете позже.

Вопросов мы привыкли не задавать. Все было ясно и без того - предстоит какая-то важная поездка.

В два часа ночи за мной заехал нарочный из Кремля. Я доложил А. И. Антонову, взял портфель с картами, и мы тронулись в путь.

На улицах ночной Москвы, занесенных снегом и по-военному темных, было безлюдно. Лишь изредка встречались патрульные в полушубках и валенках.

Ехали быстро. Маршрута мне не сообщили. Занимая в машине заднее сиденье, я пытался ориентироваться, вглядываясь в улицы и переулки сквозь неплотно зашторенное боковое стекло. Наконец определил: едем к Киевскому вокзалу. Скоро он остался позади.

На Можайском шоссе, где в то время высокие серые громады новых зданий соседствовали с приземистыми домиками прошлого столетия в один-два этажа, машина прибавила ход. Промелькнуло еврейское кладбище. Москва закончилась.

Проделав несколько замысловатых поворотов после Кунцева, мы наконец выехали к железной дороге на какую-то незнакомую мне воинскую платформу. На путях темнел поезд. Сопровождающий подвел меня к одному из вагонов и коротко

бросил:

- Поедете здесь.

В вагоне, кроме меня, никого не было. Проводник показал купе. Мелькнуло предположение: "Видимо, мне предстоит сопровождать на фронт кого-то из Ставки".

Вскоре за окном послышался скрип снега под ногами. В вагон вошли К. Е. Ворошилов и еще два человека. Климент Ефремович поздоровался и сказал:

- К вам явится комендант поезда. Скажите ему, где и на какое время нужно будет сделать остановку поезда, чтобы к одиннадцати часам собрать данные об обстановке по всем фронтам и доложить их товарищу Сталину. В последующем будете докладывать, как в Москве, три раза в сутки...

Поезд тронулся. В вагоне я опять остался один. Потом появился комендант и сообщил, что едем мы по маршруту на Сталинград. Договорились с ним быстро: в 9 часов 40 минут будет Мичуринск, там следует остановиться на полчаса и немедленно подключить линию телефона ВЧ.

- Все будет сделано,- заверил комендант и удалился. Я посидел немного, погасив свет. За окном мелькали телеграфные столбы, проплывали темные перелески и заснеженные пригорки. Изредка виднелись неясные силуэты селений.

Начались размышления: "Зачем едем в Сталинград? Что мы там будем делать, когда война идет уже за Днепром?.. Очевидно, цель поездки - не Сталинград..."

Взобрался, по привычке, на верхнюю полку и лег спать. Верхняя полка - мой давний и надежный друг. Она всегда спасала меня от многих дорожных неудобств, выпадавших на долю тех, кто ехал внизу. Мне всегда было искренне жаль людей, которые по старости или по каким-то другим причинам не могли взобраться наверх.

Засыпал я в те годы мгновенно. А проснулся, когда сквозь окно пробивался уже ненастный день. Часы показывали 8. Прошел по вагону. Охрана в тамбуре и проводник бодрствовали.

Захватив портфель, я перешел в салон, где стоял телефон ВЧ. Разостлал на столе карты. По прибытии в Мичуринск сразу же соединился с А. А. Грызловым. Он, как всегда, был наготове. Получив от него необходимые данные, нанес обстановку на карты.

Около 10 часов в салон зашел Климент Ефремович. Оказывается, я разбудил его своими разговорами по ВЧ.

- Ну и громко же вы кричите,- посетовал он.- Что там на войне?

Я кратко доложил, не разворачивая карт. В тот период войска

2-го и 1-го Прибалтийских фронтов вели тяжелые наступательные бои в районах Идрицы, Городка, Витебска, не имея сколько-нибудь существенного продвижения. Застопорился и Западный фронт, вышедший тоже к Витебску и на подступы к Могилеву. Значительно лучше обстояло дело в полосе Белорусского фронта. Здесь наши войска под командованием К. К. Рокоссовского обошли Гомель, освобождение которого ожидалось с часу на час, развивали наступление на Жлобин и на полесском направлении.

Сложное положение складывалось на 1-м Украинском фронте. После овладения Киевом его войска захватили обширный район до рубежа Малин, Житомир, Фастов, Триполье. 17 ноября был освобожден Коростень. И тут противник локализовал наши успехи. Он перегруппировался, ввел свежие резервы и перешел в контрнаступление, нанося удары в направлении Киева под самый корень нашей группировки. Особенно сильный нажим оказывали немецкие танки в районах Житомира и Фастова. 19 ноября враг овладел Житомиром, а 25-го ему удалось окружить Коростень, где продолжала героически бороться 226-я стрелковая дивизия 60-й армии.

В полосах 2-го и 3-го Украинских фронтов шли трудные наступательные бои на кировоградском, криворожском направлениях и западнее Запорожья.

В 11 часов начальник охраны Сталина генерал-лейтенант Власик пригласил Ворошилова в салон Верховного Главнокомандующего. Я остался у себя, предупредив Власика, что готов доложить обстановку. Минут через пять за мной пришли.

Кроме Сталина и Ворошилова в салоне находился Молотов. Верховный спросил, есть ли что нового на фронтах. Нового было немного, и меня вскоре отпустили.

Вечером собирал обстановку уже в Сталинграде. Затем приготовился к "выгрузке" - сложил карты в портфель и ждал только команды. Однако ее не последовало. Из поезда никто не выходил, и через полчаса мы поехали дальше.

Когда меня вновь потребовали к Сталину, я застал у него тех же лиц. Все сидели теперь за накрытым к обеду столом.

Обстановку я докладывал по миллионке. Затем передал Верховному несколько просьб и предложений с фронтов, полученных через А. И. Антонова. Сталин разрешил все просьбы, утвердил предложения и пригласил меня обедать.

Обедали часа полтора. Разговор все время шел о какой-то предстоящей конференции с участием Рузвельта и Черчилля. Мне о ней ничего не было известно.

Минула ночь. Настал новый день. Заведенный порядок оставался неизменным. Три раза ходил на доклад в вагон

Сталина. Проехали Кизляр, Махачкалу. К вечеру прибыли в Баку. Здесь все, кроме меня, сели по машинам и куда-то уехали. Я ночевал в поезде. В 7 часов утра за мной заехали, и мы отправились на аэродром.

На летном поле стояло несколько самолетов Си-47. У одного из них прогуливались командующий ВВС А. А. Новиков и командующий авиацией дальнего действия А. Е. Голованов. У другого самолета я заметил знакомого мне летчика В. Г. Грачева. В 8 часов на аэродром прибыл И. В. Сталин. Новиков доложил ему, что для немедленного вылета подготовлены два самолета: один из них поведет генерал-полковник Голованов, другой - полковник Грачев. Через полчаса пойдут еще две машины с группой сотрудников Наркоминдела.

А. А. Новиков пригласил Верховного Главнокомандующего в самолет Голованова. Тот сначала, казалось, принял это приглашение, но, сделав несколько шагов, вдруг остановился.

- Генерал-полковники редко водят самолеты,- сказал Сталин,- мы лучше полетим с полковником.

И повернул в сторону Грачева. Молотов и Ворошилов последовали за ним.

- Штеменко тоже полетит с нами, в пути доложит обстановку,- сказал Сталин, уже поднимаясь по трапу.

Я не заставил себя ждать. Во втором самолете полетели А. Я. Вышинский, несколько сотрудников Наркоминдела и охрана.

Только на аэродроме мне стало известно, что летим мы в Тегеран. Сопровождали нас три девятки истребителей: две - по бокам, одна - впереди и выше.

Я доложил о положении на фронтах. Обстановка у Коростеня стала еще более тяжелой. Вот-вот наши войска должны были оставить его. По всему чувствовалось, что противник намерен пробиться к Киеву и сбросить наши войска с завоеванного здесь плацдарма...

Тегеран появился примерно через три часа. Там нас встречал заместитель наркома внутренних дел генерал-полковник Аполлонов, посланный заранее для организации охраны советской делегации. Вместе с ним были какие-то штатские, которых я не знал; всего человек пять-шесть. К самому самолету подкатил автомобиль. В него сели Сталин и другие члены правительства. Автомобиль резко набрал скорость. За ним устремились две машины с охраной. Я поехал во второй.

Скоро мы были в нашем посольстве.

Советское посольство занимало несколько зданий в хорошем парке за надежной оградой. Неподалеку располагались здания английской миссии под охраной смешанной бригады англо-

индийских войск. На значительном удалении от нас помещалось американское посольство.

Меня с шифровальщиком разместили на первом этаже того же дома, где жили Сталин и другие члены делегации. Отвели маленькую комнату с одним окном. Рядом был телеграф.

Вечером Сталин, отправляясь на прогулку в парк, поинтересовался, в каких условиях мы работаем. Наша комната не понравилась ему.

- Где же здесь разложить карты? И почему так темно? Нельзя ли устроить их где-нибудь получше?..

Результаты визита сказались немедленно. Нам тут же отвели большую и светлую веранду, принесли три стола, переставили на новое место аппарат ВЧ.

28 ноября, уже на закате солнца, открылась конференция руководителей трех великих держав. Она проходила в отдельном здании на территории советского посольства. Мне тоже выдали пропуск туда, и я им пользовался. Охрану здания нес международный караул: на каждом из постов стояли три часовых - по одному от СССР, США и Англии. Сменяли их три разводящих. В общем, это был особый и, надо сказать, довольно занятный церемониал.

Вскоре по приглашению Сталина Рузвельт совсем переселился на территорию советского посольства. Диктовалось это соображениями безопасности: прошел слух, что на президента США готовится покушение.

Черчилль был весьма недоволен тем, что Рузвельт остановился в советском посольстве. Он полагал, и, видимо, не без основания, что это был очень хитрый шаг со стороны И. В. Сталина, который давал ему возможность встречаться с Рузвельтом в неофициальной обстановке, обговаривать без него, Черчилля, важные вопросы и склонять Рузвельта на свою сторону.

Советская делегация держалась на конференции очень уверенно. По разговорам, которые мне довелось слышать еще в поезде, я понял, что наша сторона намерена решительно поставить перед союзниками вопрос о втором фронте, с открытием которого последние явно тянули. Сталин неоднократно заставлял меня уточнять количество дивизий противника и его сателлитов на советско-германском и германо-союзнических фронтах.

Данные эти были использованы уже в первый день работы конференции. Они являлись своего рода козырем в руках советской делегации, когда дело коснулось сокращения сроков войны, неотложного открытия второго фронта, или, как говорили союзники, выполнения плана "Оверлорд". Цифры,

характеризовавшие соотношение сил, били Черчилля не в бровь, а в глаз, изобличая все его попытки подменить второй фронт второстепенными операциями. Опираясь на цифры, Сталин показал, что в 1943 году из-за пассивности союзников немецкое командование сумело сосредоточить против нашей армии новые ударные группировки. И тут же было сообщено об осложнении обстановки на советско-германском фронте, в том числе даже о Коростене и в целом о положении дел под Киевом.

Одним из центральных на конференции был вопрос о том, что считать вторым фронтом и где его следует открыть. Советская делегация буквально вынудила британскую делегацию признать, что операция "Оверлорд" должна представлять собой главную операцию союзников, что начинать ее надо не позже мая будущего года и проводить непременно на территории Северной Франции. Чтобы отстоять эту правильную точку зрения, Сталину пришлось провести краткий, но исчерпывающий критический разбор возможностей наступления союзников против Германии с других направлений. Наиболее подробно был рассмотрен вариант операций в Средиземном море и на Апеннинском полуострове, где союзные войска подходили к Риму.

Операции на северном побережье Средиземного моря рассматривались советским Верховным Главнокомандованием как второстепенные, поскольку там противник располагал относительно малыми силами и театр этот находился далеко от территории Германии. Что же касается Итальянского театра, то советская делегация понимала его значение для обеспечения свободного плавания судов союзников в Средиземном море. В то же время она указывала, что этот театр совершенно не подходит для ударов непосредственно по рейху, поскольку путь к его границам закрывали Альпийские горы.

Не подходили для вторжения в Германию и Балканы, куда прежде всего были обращены взоры Черчилля.

Советские представители предложили своим западным союзникам глубоко обоснованный в военном отношении вариант осуществления трех взаимосвязанных операций, полностью соответствующих сути и масштабам настоящего второго фронта: главными силами действовать по плану "Оверлорд" в Северной Франции, вспомогательный удар наносить в Южной Франции с последующим наступлением на соединение с главными силами и, наконец, в качестве отвлекающей использовать операцию в Италии. При этом достаточно подробно излагался наиболее целесообразный порядок взаимодействия названных операций по времени и задачам.

Особо было сказано относительно высадки союзников на юге

Франции. Трудности здесь предвиделись значительные, но эта операция очень облегчила бы действия главных сил. Резюмируя советскую точку зрения по поводу Южной Франции, Сталин заявил:

- Я лично пошел бы на такую крайность.

Сталина, как известно, поддержал Рузвельт, и советское предложение о сроках операции "Оверлорд", а также о вспомогательных действиях на юге Франции было принято. Такое решение, несомненно, способствовало укреплению антигитлеровской коалиции трех великих держав, означало торжество идей их совместной борьбы.

На протяжении всего срока работы конференции я занимался своим делом: регулярно три раза в день собирал по телеграфу и телефону ВЧ сведения об обстановке на фронтах и докладывал их Сталину. Как правило, доклады мои слушались утром и после заседания глав правительств (а заседали они обычно по вечерам).

Почти ежедневно А. И. Антонов передавал мне проекты распоряжений, которые необходимо было скрепить подписью Верховного Главнокомандующего. После того как Сталин подписывал их, я сообщал об этом в Москву, а подлинники документов собирал в железный ящик, хранившийся у шифровальщика.

Один или два раза Сталин сам разговаривал с Антоновым. Был также случай, когда он лично связывался с Ватутиным и Рокоссовским и выяснял у них возможности ликвидировать контрнаступление противника под Киевом. Особенно его интересовало мнение Рокоссовского, фронт которого должен был оказать содействие фронту Ватутина на мозырском направлении.

Меня, как начальника Оперативного управления, живо интересовало, конечно, взаимодействие Советской Армии с войсками союзников в будущих операциях. Этот вопрос был поставлен Сталиным в беседе с Черчиллем 30 ноября и в тот же день, на третьем заседании глав правительств, сформулирован в виде обязательства СССР. В заявлении главы советской делегации по этому поводу не исключалась возможность, что для союзных войск наибольшая опасность будет существовать не в начале действий по плану "Оверлорд", а уже в ходе операции, когда немцы попытаются перебросить часть войск с восточного фронта на западный. Однако, забегая несколько вперед, я должен сказать здесь, что, верная принятым на себя союзническим обязательствам, Советская Армия предприняла в 1944 году такие решительные действия, которые не только не позволили противнику снять войска с восточного фронта и перебросить их на запад, а, наоборот, вынудили Гитлера снимать дивизии с

запада и бросать их на восток.

Не без трений решался вопрос о назначении главнокомандующего союзными войсками на западе. Лицо, выдвигаемое на этот пост, должно было нести, всю полноту ответственности за подготовку и проведение операции "Оверлорд". Без персональной ответственности за столь важное дело неизбежны были серьезные срывы, а то и полный провал задуманного. Это отлично понимали все участники конференции и в конечном счете договорились назначить главнокомандующим американского генерала Д. Эйзенхауэра.

В итоге работы Тегеранской конференции успешно разрешились и другие очень важные аспекты проблемы второго фронта, в частности вопрос о силах союзников, которые будут брошены на континент. Черчилль определил численность войск вторжения в миллион человек или что-то около этого.

Там же, в Тегеране, наши союзники заручились принципиальным согласием советской стороны объявить войну империалистической Японии после поражения гитлеровской Германии.

Помню, как много хлопот доставила мне карта Югославии, переданная И. В. Сталину У. Черчиллем. Сыр-бор загорелся из-за того, что данные британского премьера по этой стране не сошлись с данными, приведенными на конференции главой советской делегации.

В полдень 30 ноября карта поступила ко мне с категорическим приказом: "Проверить". Никаких материалов по Югославии под рукой не было. Пришлось срочно связываться с А. А. Грызловым. Тот продиктовал мне самые последние сведения о положении дел в Югославии. Выяснилось, что карта Черчилля была менее точной, чем наша. Но Сталин, насколько мне известно, в дальнейших своих беседах с Черчиллем уже не возвращался к этой теме.

Запомнилась мне также церемония передачи Почетного меча, присланного королем Англии в дар Сталинграду, 29 ноября Черчилль от имени короля вручал меч И. В. Сталину. На этом торжественном акте присутствовал и Рузвельт. Сюда же были приглашены члены делегаций всех трех стран, служащие нашего посольства, советские офицеры и солдаты. Черчилль произнес короткую речь. Сталин принял и поцеловал меч.

Во время конференции Черчиллю исполнилось 69 лет. По этому случаю в английской миссии был дан большой обед. Виновник торжества, не выпуская изо рта традиционной сигары, сидел за столом, имея справа Рузвельта, а слева Сталина. Перед ним стоял огромный пирог с горящими свечами по числу

прожитых лет. В честь Черчилля было произнесено тогда немало тостов, в том числе и Сталиным.

В обычные же дни работы конференции главы правительств и члены делегаций обедали по очереди то у Сталина, то у Рузвельта, то у Черчилля. Обеды эти были очень поздними (по московскому времени почти в 20 часов), когда мы успевали уже и отужинать. Рузвельт не всегда задерживался после обеда. Чаще он сразу же удалялся в свои апартаменты, а Сталин и Черчилль подолгу вели так называемые неофициальные беседы. Зато Рузвельт любил встречаться со Сталиным в полдень, до заседания конференции, и эти их встречи немало способствовали успеху официальных переговоров.

Никто не сомневался, что гитлеровская разведка в Тегеране знает о конференции, чему, кстати, немало способствовала помпезная встреча У. Черчилля. Однако на диверсии гитлеровцы не отважились. Охрана бдительно несла службу, а сами иранцы были настроены миролюбиво, даже сердечно, особенно к советским людям. Это вытекало из стремления обеих стран жить в дружбе и согласии.

Мне, понятно, очень хотелось посмотреть Тегеран. И однажды такой случай представился. Служащие посольства предупредили, что появляться на тегеранских улицах в военной форме не следует. Кто-то принес мне плащ и шляпу. Я облачился в них поверх военного обмундирования. Плащ был длинен. Шляпа не лезла на голову, но я сделал с ней что мог и в обличье заправского детектива отправился на машине в путешествие по вечернему Тегерану. Непривычно было видеть ярко освещенные центральные улицы, разноцветные огни рекламы. Поражали контрасты: великолепие дворцов знати с пышными садами и парками, со множеством цветов и ужасающая нищета на окраинах столицы, где закрытые чадрой женщины брали воду прямо из грязных арыков.

Поездка моя длилась каких-нибудь полтора часа. И я, конечно, видел Тегеран только мельком.

Обратный путь в Москву по окончании конференции был проделан прежним порядком: на самолете Грачева - до Баку и поездом - до Москвы. Я, по обыкновению, собирал и докладывал обстановку. Разговоры, естественно, вращались вокруг конференции.

Через несколько дней из теплой осени мирного Ирана мы прибыли опять в военную зиму родной Москвы.

После Тегеранской конференции каких-то особых указаний Генеральный штаб не получал. Однако все задания, исходившие из Ставки, были явно рассчитаны на то, чтобы наши

союзнические обязательства в связи с перспективой открытия второго фронта выполнялись в полном объеме. Основное место в этих заданиях, естественно, занимал разгром гитлеровской военной машины и более скромное подготовка к войне с Японией.

Конечно, мы не забывали, что природа антигитлеровской коалиции противоречива и таит в себе всякие неожиданности. Особенно много сомнений порождал обусловленный на Тегеранской конференции срок открытия второго фронта. Ведь еще там, в Тегеране, он подвергался всевозможным оговоркам со стороны союзников. Поэтому и Ставка и Генштаб следовали девизу: на союзников надейся, а сам не плошай!

Среди множества вопросов, определявших в ту пору практическую работу Генштаба, возникал и такой: нужны ли поправки к плану зимней кампании, разработанному в сентябре 1943 года?

Если говорить о политической цели предстоящих операций советских войск, то она состояла прежде всего в полном освобождении нашей страны от немецко-фашистских захватчиков. Под их пятой находилась теперь только 1/3 ранее оккупированной советской земли. В предстоящем году Советской Армии надлежало быть готовой к выполнению великой интернациональной миссии - подать руку помощи народам других стран. Во имя этого требовалось провести наступательные операции еще более могучего размаха, чем в минувшем году. Старое испытанное правило - бить врага непрерывно, не давать ему передышки оставалось в силе.

Однако чрезвычайно длительное наступление уже сказывалось на состоянии наших войск: они утомились, требовали пополнения людьми и вооружением. В ходе осенних и зимних боев 1943 года враг ввел в дело сильные резервы, и ему удалось временно создать для нас угрозу на Украине, затормозить наше наступление в Белоруссии, отбить удары на подступах к Прибалтике. Немецко-фашистское командование стремилось любой ценой стабилизировать положение на фронтах. Обстановка, таким образом, существенно изменилась, и старые решения уже не годились.

Ставка и Генеральный штаб отчетливо понимали, что при всех обстоятельствах мы не можем упускать из своих рук стратегическую инициативу, не должны позволить врагу перевести борьбу в позиционные формы. Требовались новые серьезные перегруппировки войск, в первую очередь на Украине.

Одновременность наступления Советских Вооруженных Сил на всем фронте от Балтики до Черного моря, являвшаяся характерной чертой осеннего плана 1943 года, теперь

практически была невозможна. Военная действительность вынуждала отказаться от одновременного наступления и заменить его более соответствующими новому моменту мощными последовательными операциями, или, как тогда говорили и писали, стратегическими ударами.

При определении объекта такого удара, количества и характера участвующих в нем сил и средств, времени его осуществления и взаимодействия с другими подобными операциями Генеральным штабом учитывалась прежде всего та группировка немецко-фашистских войск, которая подлежала разгрому. К началу 1944 года враг имел отчетливо выраженное сосредоточение сил в районе Ленинграда, на Правобережной Украине, в Крыму и в Белоруссии. Разгром каждой такой группировки означал бы создание брешей в обороне противника, закрыть которые он мог главным образом за счет маневра силами с других участков фронта, поскольку стратегических резервов у него недоставало. Оперативных объединений немецкое командование в резервах, как правило, не имело, а действовало корпусами и дивизиями разного типа, преимущественно танковыми.

Чтобы пробивать вражеский фронт, ломать его на большом протяжении и воспрещать восстановление, советская стратегия должна была в свою очередь предусмотреть возможность создания более мощных, чем у немцев, группировок войск. Каждой такой группировке следовало придать ярко выраженный ударный характер за счет дальнейшего повышения роли танков, артиллерии и авиации. Требовались крупные массы резервных объединений и соединений, которые позволили бы нам в короткий срок и внезапно для врага создавать решающий перевес в силах на избранных направлениях. Для распыления же резервов противника наиболее целесообразно было чередовать наши операции по времени и проводить их по районам, значительно удаленным друг от друга.

Все это предусматривалось в планах кампании первой половины 1944 года. Кроме того, в них учитывалось принятое на Тегеранской конференции обязательство - "к маю организовать большое наступление против немцев в нескольких местах".

Время начала намеченных операций определялось прежде всего готовностью наших сил к действиям. Были и другие соображения по тому или иному району боевых действий, например необходимость "разблокирования" Ленинграда, подрыв политических позиций Германии в Финляндии и Румынии.

Главный удар, как и ранее, намечался на Правобережной Украине. Здесь предстояло разгромить армии Манштейна и

выходом к Карпатам 1-го и 2-го Украинских фронтов рассечь фронт противника. В то же время войска 3-го Украинского фронта должны были громить его никопольско-криворожскую группировку во взаимодействии с 4-м Украинским фронтом, который затем переключался на разгром 17-й немецкой армии в Крыму.

Раньше всех по плану кампании (12 января) переходил в наступление 2-й Прибалтийский фронт. Потом (14 января) к нему присоединились Ленинградский и Волховский. Совместная операция этих трех фронтов именовалась тогда "1-м ударом". 10 дней спустя (24 января) начиналось наступление на главном направлении - на Правобережной Украине. Действия наших войск здесь носили название "2-го удара". В марте - апреле предполагалось нанести "3-й удар": освободить Одессу силами 3-го Украинского фронта, а затем разгромить противника в Крыму вторжением туда войск 4-го Украинского фронта. Вслед за этим планировалось наступление на Карельском перешейке и в Южной Карелии.

Такая система "ударов", разнесенная по месту и времени, вполне оправдала себя. Враг вынужден был перебрасывать силы то на одно. то на другое направление, в том числе на далекие фланги, растрачивая их по частям.

Глава 11. В Крыму

Замысел и варианты операции. - Предложение А. М. Василевского.-Окончательное решение. - Вместе с К. Е. Ворошиловым - в Приморскую армию. - Керченский плацдарм. - Переговоры с моряками, протокол за десятью подписями и, реакция на это И. В. Сталина. - Пластуны. - Доблесть десантников. - Неожиданная замена командующего армией. - С докладом в Ставку. - Снова в Крыму. Финал на Херсонесе.

В начале октября 1943 года советские войска находились на рубеже Старая Русса, Пустошка, Усвяты, подошли с востока к Витебску, Орше и Могилеву, почти вплотную приблизились к Полесью и Киеву. Далее фронт проходил в основном по Днепру, на правом берегу которого был захвачен ряд плацдармов, и по реке Молочной. В планах Ставки, готовившей разгром противника к северу от Полесья, в районе Киева и в большой излучине Днепра, несколько особняком стоял вопрос об овладении Крымом. на подступы к полуострову с севера вывел свои войска Ф. И. Толбухин (Южный фронт), и в ближайшей перспективе ему надлежало преодолеть Перекоп. А Северо-Кавказский фронт под командованием И. Е. Петрова 9 октября завершил освобождение Таманского полуострова. Воды морей, омывающих Крым, контролировали корабли Черноморского флота и Азовской

военной флотилии.

В Оперативном управлении Генерального штаба были внимательно рассмотрены замыслы и варианты действий по освобождению Крыма, Вспомнили историю, опыт борьбы М. В. Фрунзе с Врангелем в 1920 году. Мнения разделились. Одни предлагали Крым пока не брать, а только блокировать, изолировав там значительные силы противника и в то же время высвободив большую часть своих войск для действий на других направлениях. Сторонников этой точки зрения мы в шутку звали "изоляционистами".

При таком способе действий враг угрожал бы из Крыма тылу наших фронтов, наступавших за Днепром. У него оставалась бы база для активных действий по коммуникациям в Северной Таврии, побережью Черного и Азовского морей, нефтепромыслам Северного Кавказа. Имелись и другие слабые стороны в позиции "изоляционистов". Поэтому их точка зрения была забракована в принципе и предпочтение отдано овладению Крымом, полному разгрому засевшего там противника.

Теперь следовало решить, каким образом брать полуостров. Первоначально и тут не было единства взглядов.

22 сентября по запросу Ставки А. М. Василевский доложил свои соображения на этот счет. Его замысел состоял в том, чтобы войска Южного фронта одновременно с обходом Мелитополя с юга быстро захватили Сиваш, Перекоп, а также район Джанкоя и ворвались бы в Крым, как говорится, на плечах противника. Для этого предлагалось усилить Южный фронт за счет Северо-Кавказского. Кроме того, в районе Джанкоя должен был выбрасываться воздушный десант. Азовской военной флотилии вменялось в обязанность высадить там же морской десант с целью выхода в тыл противнику, оборонявшему Сиваш, и нанесения удара в северном направлении, навстречу войскам Южного фронта.

План этот был хорош тем, что предусматривал значительное массирование сил на избранном для удара направлении. Но он требовал больших перегруппировок войск, которые не могли остаться не замеченными противником. К тому же обрекалось на пассивность керченское направление, что позволяло противнику снять оттуда большую часть своих войск и бросить их на усиление джанкойского направления.

Правда, Северо-Кавказскому фронту, прежде чем наступать на Крым. надо было еще форсировать пролив и захватить плацдарм на Керченском полуострове. Это, конечно, составляло самостоятельную и далеко не простую операцию. Однако такая игра стоила свеч. Большинство авторитетов в Генеральном штабе

стояло за проведение предварительной операции по захвату плацдарма в районе Керчи с тем, чтобы потом навалиться на Крым с двух направлений.

Чем дальше, тем больше вопрос о Крыме приобретал практический смысл. К концу октября войска Южного фронта уже преодолели мощный рубеж обороны противника на реке Молочной, а в начале ноября овладели Перекопским перешейком и плацдармами на южном берегу Сиваша. 17-я немецкая армия оказалась блокированной на полуострове. В это же примерно время, с 1 по 11 ноября, по решению Ставки Северо-Кавказский фронт во взаимодействии с силами флота провел десантную операцию, захватил и удержал плацдарм северо-восточнее Керчи. Плацдарм был невелик, но при хорошей организации боевых действий он мог послужить трамплином для последующего развития наступления в Крыму.

Операция была сложная и трудная. Успеху главных сил очень содействовал вспомогательный десант из частей 318-й стрелковой дивизии, 255-й морской бригады и 386-го отдельного батальона морской пехоты. Он высадился юго-западнее Керчи в районе поселка Эльтиген. Десантники захватили небольшой плацдарм и 40 дней в тяжелейших условиях отражали контратаки многократно превосходивших сил врага. Когда основная задача десанта - связать резервы противника и не позволить ему перебросить их против главных сил - была выполнена, герои "огненной земли" пробились к своим в район Керчи.

Ставший ненужным после захвата керченского плацдарма Северо-Кавказский фронт с 20 ноября перестал существовать. На базе его и за счет 56-й армии, действовавшей в Крыму, была создана Отдельная Приморская армия. Возглавил ее генерал И. Е. Петров.

Все, как говорится, стало на свое место, и Верховный Главнокомандующий обязал нас заняться разработкой плана действии с Керченского полуострова.

- Задачу по овладению Крымом надо решать совместным ударом войск Толбухина и Петрова с привлечением Черноморского флота и Азовской флотилии,- сказал он.Пошлем к Петрову товарища Ворошилова. Пусть посмотрит и доложит, как это лучше сделать. Штеменко поедет с ним от Генштаба.

Сталин всегда отдавал предпочтение докладам с места событий.

До того мне, не считая поездки в Тегеран, не приходилось близко соприкасаться с Ворошиловым, хотя, как и все военные, я много был наслышан о нем. Поэтому командировку воспринял с повышенным интересом.

Из Москвы мы выехали в вагоне К. Е. Ворошилова. Климента Ефремовича сопровождали два помощника - генерал-майор Л. А. Щербаков и полковник Л. М. Китаев, кстати сказать, мои однокурсники по академии. Со мной, как обычно, ехал шифровальщик. На месте к нам должны были присоединиться еще несколько офицеров Генштаба.

Уже при первых беседах с Ворошиловым по пути на Кубань я имел возможность убедиться, что это очень начитанный человек, любящий и понимающий литературу и искусство. В его вагоне оказалась довольно большая и со вкусом подобранная библиотека. Как только мы исчерпали самые неотложные служебные вопросы и сели за ужин, Климент Ефремович поинтересовался, какие оперы я знаю и люблю. Мною были названы "Кармен", "Риголетто", "Евгений Онегин", "Пиковая дама", "Борис Годунов", "Чио-Чио-сан".

- Эх, батенька,- засмеялся Ворошилов,- этого же очень мало.

И начал перечислять названия оперных произведений, о которых до того я даже не слышал.

- А кого из композиторов вы предпочитаете? - продолжал наступать Ворошилов.

Ответить на такой вопрос было нелегко. Я никогда не считал себя тонким знатоком музыки, хотя относился к ней далеко не безразлично, посещал и оперу и концерты. Вместе с моим другом Григорием Николаевичем Орлом, будучи еще слушателями Академии бронетанковых войск, мы подкопили денег и приобрели себе патефоны, а затем всю зиму добывали пластинки. В то время это было трудное дело. Почти каждое воскресенье поднимались спозаранок и отправлялись с одним из первых трамваев в центр города, чтобы занять очередь в каком-нибудь магазине, торговавшем записями оперных арий в исполнении Козловского, Лемешева, Михайлова, Рейзена или пластинками с голосами певцов оперетты Качалова, Лазаревой, Гедройца и других популярных тогда артистов. Очень нравились нам и романсы, народные песни, а также наша советская песенная музыка.

Рискуя оконфузиться перед К. Е. Ворошиловым, я тем не менее рассказал ему все это без утайки. Мой собеседник сочувственно улыбнулся и заметил только, что музыка всегда украшает жизнь, делает человека лучше.

"Экзамен" по литературе прошел более успешно. Я не только ответил на заданные мне вопросы по отечественной классике, но показал и некоторую осведомленность в отношении произведений западноевропейских писателей прошлого и современности.

По вечерам Климент Ефремович просил обычно Китаева читать вслух что-нибудь из Чехова или Гоголя. Чтение продолжалось час-полтора. Китаев читал хорошо, и на лице Ворошилова отражалось блаженство.

На разрушенную и сожженную в недавних боях станцию Варениковскую наш поезд прибыл с рассветом. Там встретили нас И. Е. Петров и член Военного совета В. А. Баюков.

- Везите прямо на плацдарм,- приказал К. Е. Ворошилов, и вся наша группа заняла места в автомашинах.

Ехали быстро. Скоро миновали Темрюк. Тамань - по определению Лермонтова, "самый скверный городишко" - осталась в стороне. Без происшествий прибыли на косу Чушка.

- Здесь не задерживайтесь, пожалуйста, коса под обстрелом,- предупредили нас.

Небезопасно было и в проливе, через который мы шли к берегам Крыма на бронекатере. Когда-то, еще в мирное время, мне не раз доводилось наблюдать, как вот этим же путем колхозники Кубани транспортировали на лодках неправдоподобно огромные арбузы. Гребцы медленно, будто бы даже лениво опускали и поднимали весла. Ритмично, постукивали уключины. Ярко сияло солнце. Все дышало покоем и благополучием. Хотелось самому лечь на дно лодки и без конца смотреть в ласковую голубизну неба.

Не то было теперь. Наш катер, поднимая бурун, рвался вперед по холодному и неприветливому проливу. Справа и слева от нас в разных направлениях сновали большие и малые "плавсредства" с боевыми грузами и ранеными. Это были корабли Азовской военной флотилии, которые тогда несли на себе всю тяжесть непомерно большой для них и поистине героической работы по доставке на Керченский полуостров всего необходимого для боевых действий Приморской армии. Противник систематически обстреливал пролив артиллерийским огнем и нередко бомбил с воздуха находившиеся в нем суда.

Мы вполне оценили предусмотрительность И. Е. Петрова, подославшего для нас бронекатер, и трудную, опасную работу моряков той же Азовской военной флотилии, протраливших от вражеских мин путь через пролив.

Командующий 4-й воздушной армией К. А. Вершинин летел на "короле воздуха" - У-2. Он считал такой способ переправы через пролив наиболее надежным, хотя в небе все время сновали немецкие истребители. Позднее я и сам убедился в преимуществах этого способа. Мне несколько раз довелось перебираться на тот берег пролива на У-2. Летели обычно метрах в пяти над водой, и истребители противника не могли ничего

сделать с нами. Очевидно, они даже не замечали нас.

А пока что с бронекатера мы с опаской поглядывали на едва видимый силуэт горы Митридат. Там располагались наблюдательные пункты противника, просматривающие Керченский пролив. Рулевой уверенно вел корабль. Столь же уверенно он ошвартовался, и мы ступили на берег.

Крымская земля!.. Она представлялась нам когда-то источником здоровья и радости, краем благоухающих садов и золотых пляжей, сокровищницей неповторимых памятников культуры разных времен и многих народов. Я ее знал, правда, главным образом с другой стороны.

...С Крымом у меня лично связаны светлые воспоминания. Сюда я попал из Московской артиллерийской школы имени Л. Б. Красина. В Москве учиться было интересно, и год пролетел незаметно. Учеба шла хорошо, в конном деле я преуспевал. Но вот однажды в начале сентября 1927 года на утренней поверке командир батареи сказал, что в Севастополе формируется новая артиллерийская школа: на первый курс идет прием, а на три старших набирают курсантов со всех артиллерийских школ страны. Наша батарея должна была выделить в Севастополь по два человека с каждого курса.

- Если есть желающие - два шага вперед. Если нет - будут мной назначены, закончил речь комбатареи.

Не долго думая, я толкнул своего земляка Петра Васильева, и мы оба шагнули вперед. С других курсов тоже вышли по одному человеку, а недостающие тут же были назначены. Вот и вся процедура назначения. На следующий вечер мы были на Курском вокзале с деревянными сундучками в руках.

Прибыли мы в Севастополь. Выяснилось, что формировалась первая в Советском Союзе школа зенитной артиллерии. Около месяца не было никаких занятий: только уход за лошадьми - дважды чистка, водопой и кормежка - да строительство конюшен. Мы первый раз увидели море, искупались, повалялись на берегу и были несказанно довольны, что сделали "два шага вперед".

Помимо нас, москвичей, прибыли курсанты из Киева, Сум, Ленинграда. Все утряслось, и началась курсантская служба. В Севастополе - царство моряков. Напротив нашей школы помещался учебный отряд Черноморского флота. Вскоре мы со многими "братишками" перезнакомились и в общем-то жили дружно.

В городской отпуск увольняли, как и в Москве. В субботу: после занятий до 24.00; в воскресенье: до обеда - одна часть курсантов и после обеда - другая. Однако, где бы ты ни был - на чистку и водопой лошадей обязан являться, если не договорился

с товарищем, что он все за тебя сделает, и не доложил об этом старшине. В Москве по воскресеньям мне приходилось чистить по 3-4 коня. Правила и в столице и в Севастополе были одни, но там было много москвичей, которым было куда ходить, а мы, "иногородние", за них чистили лошадей. Здесь же севастопольских курсантов почти не было, поэтому работали каждый сам за себя.

Между прочим, любовь к коню и умение хорошо ездить верхом выручали меня или ставили в неожиданные ситуации. Вот наиболее памятный пример.

Как-то в один из весенних дней 1950 года И. В. Сталин спросил бывшего у него на докладе Военного министра Маршала Советского Союза А. М. Василевского, кто будет принимать Первомайский парад. Обычно для этого назначались поочередно Маршалы Советского Союза.

Александр Михайлович уклончиво ответил:

- Кому прикажете, товарищ Сталин.

- Принимать надо вам или Булганину. Буденный недавно принимал,- сказал И. В. Сталин и продолжил: - Я думаю, надо это сделать Военному министру. Вы умеете ездить верхом?

А. М. Василевский немного замялся.

- Я служил в пехоте,- ответил он,- приходилось, конечно, и верхом ездить, но это было очень давно.

Кто-то из присутствующих предложил: нельзя ли, дескать, принимать парад на автомашине.

И. В. Сталин, обернувшись к говорившему, твердо отрезал: нет, нельзя, не будем нарушать наши традиции.

- Вы, вероятно, совсем не умеете ездить верхом? - обратился он к Н. А. Булганину.

- Не приходилось, товарищ Сталин,- ответил тот.

- Кто же в таком случае будет принимать парад? Не вызывать же маршалов из округов, да и неудобно это будет,- продолжал разговор И. В. Сталин. И вдруг, повернувшись ко мне, спросил: - А начальник Генерального штаба ездил когда-нибудь верхом?

- Езжу и сейчас, почти каждый день, товарищ Сталин,- ответил я.

Действительно, я почти каждое утро с 7 до 8 часов утра ездил верхом, а в воскресенье - по нескольку часов в лесу.

- Вот вы и будете принимать парад, готовьтесь к этому и смотрите не оробейте.

Пожалуй, это был единственный случай в истории Советских Вооруженных Сил, когда начальник Генерального штаба принимал парад.

Хотя я и умел ездить, но понимал, что одно дело в манеже

или в лесу и совершенно другое - на главной площади страны, на виду у всех.

До 1 Мая оставался месяц, и я, после выбора С. М. Буденным коня под мою комплекцию, начал ежедневно тренировать его и себя к ответственному моменту парада. Семен Михайлович почти ежедневно приезжал на манеж, а потом на Центральный аэродром, где мы упражнялись совместно с командующим парадом начальником гарнизона Москвы П. А. Артемьевым, скакал вместе с нами под оркестр и не пропускал ни малейшего нашего промаха.

Парад прошел хорошо, и меня даже похвалили за хорошую посадку и выправку.

Ну а тогда, в Севастополе, с началом нового 1929/30 учебного года шесть человек выпускного курса, по два человека с каждой батареи, вызвали к начальнику школы Вукотичу и комиссару Хейфецу. Там же были командир дивизиона Крюков и все три командира батарей.

- Вы знаете, конечно, о людях на производстве, которые берут обязательства лучше работать и перевыполняют планы. Называют их ударниками,- начал комиссар. Затем последовал настоящий доклад на тему, кто такие ударники, как они работают и какую пользу приносят стране.

Мы не понимали, к чему этот разговор, и лишь молча переглядывались.

- В школе решено поддержать это новое движение, не отставать от трудящихся и иметь своих ударников,- продолжил Вукотич.- Вот мы и выбрали для этого присутствующих здесь курсантов. Считаем, что вы будете достойны этого высокого звания. От вас требуется взять обязательство пройти годичный курс за полгода, с тем чтобы в мае сдать все положенные экзамены. Таким образом мы сделаем наш первый выпуск ударников.

- Все вы - большевики,- добавил комиссар,- значит, не подведете нашу школу. Будете заниматься в одной группе, сделаем вам облегчение по строевой службе. Придется, конечно, удлинить время занятий, пожертвовать зимним отпуском, выходными днями. Вот и все. У кого есть вопросы?

Молчим.

- Что скажет старшина дивизиона? - вдруг обратился ко мне Вукотич.

Я вскочил и, не раздумывая, отрапортовал:

- Старшина дивизиона благодарит за доверие и поставленную задачу выполнит.

- Вот и хорошо. С завтрашнего дня будете оформлены

приказом и начнете заниматься как ударники. Все свободны, - закончил Вукотич.

Началась "ударная" жизнь. Облегчений особых не было, а тягот досталось много. Занимались вшестером по отдельной программе по 10 часов в день, а службу воинскую тоже несли: все ведь были помкомвзводы, командиры отделений, а я - старшина, и никто не слагал с нас обязанностей.

К 1 Мая программа была закончена, экзамены сданы, и вот долгожданный приказ Народного комиссара обороны о нашем выпуске и назначении. Прощай, школа, вступаем в самостоятельную жизнь!

Насколько мне помнится, этот выпуск ударников был первым и последним. Тогда шли эксперименты, поиски новых форм социалистического соревнования, не все оказалось приемлемым для военных училищ, и жизнь отметала ошибочное.

По положению того времени выпускникам-отличникам предоставлялось право выбора места службы, и мы, в который уже раз, обсуждали, кто куда поедет. Я хотел быть поближе к родным местам и намечал Ростов или Сталинград. Но все пошло и теперь не по установленному порядку.

Незадолго до выпуска меня и еще двух курсантов (Егора Мельникова и Дмитрия Ильичковича) из нашей группы опять вызвали к комиссару. Присутствовал также отсекр партбюро Мазепов. Суть дела состояла в том, что 121-му зенитно-артиллерийскому полку, который стоял в Севастополе и где все курсанты проходили стажировку, требовались три командира взвода. Нам разъяснили, что полк этот вроде бы наш подшефный и взводными туда должны пойти лучшие курсанты училища. Короче говоря, нам предложили пойти в этот полк. Три остальных ударника поехали туда, куда захотели.

Служба в полку началась с того, что командир учебной батареи, куда я был назначен, П. Ф. Чесных повел меня на конюшню, дал коня и тут же вместе со мной выехал в манеж, проверил умение ездить, брать препятствия, рубить и т. д. Сам он был терский казак, заядлый конник, спортсмен, вел спартанский образ жизни и требовал того же от подчиненных. После манежа - спортивный городок. Комбат посмотрел, что мы можем делать на гимнастических снарядах. Остался доволен всем, кроме одного: я не умел ходить на руках. А он при мне снял шашку и прошел на руках вдоль всей казармы батареи и сказал, что через два месяца пройдем это расстояние вместе.

Принял я взвод разведки в 25 человек. Ребята все хорошие, правда, 8 человек из них имели образование всего 3 класса. Это - в учебной батарее, где готовились младшие командиры. В

линейных батареях было тогда много неграмотных.

Летом полк принимал приписной состав, который сводился в отдельный дивизион, и из каждой батареи туда прикомандировывались командиры разных степеней. На один из сборов попал и я. Вспоминаю об этом потому, что там судьба свела меня с одним замечательным человеком. Командиром этого дивизиона был Семен Ильич Макеев. Он отличался высокой общей культурой и отменной вежливостью, предпочитал конюшне книгу. Высокий, всегда подтянутый и безукоризненно одетый (до революции он служил в Павловском гвардейском полку), он являлся, пожалуй, самым начитанным и умным командиром в нашем полку. Общим у него и П. Ф. Чесных были высокая требовательность, рвение в службе, забота о людях, правдивость и доступность. Все свои лучшие качества они прививали нам, передавали знания и навыки. С тех пор прошло почти 45 лет, а мы, бывшие сослуживцы по 121-му зенитно-артиллерийскому полку, оставшиеся в живых, собираемся каждый год и вспоминаем минувшие дни. Генерал-лейтенанты П. Ф. Чесных и С. И. Макеев уже на заслуженном отдыхе, бывшие командиры взводов тоже теперь генералы: В. М. Кручинин, Я. М. Табунченко. Нет уже с нами генерал-полковника Г. Н. Орла. Служебные пути наши расходились и перекрещивались, но мы никогда не порывали связи и всегда поддерживали друг друга

Прошел год службы в полку. Состоялось важное событие - наконец-то я получил комнату и перестал скитаться по чужим углам. До этого примерно полгода мы вдвоем жили в бильярдной полкового клуба и ложились спать на освободившихся бильярдных столах лишь после того, как клуб закрывался. Все мои товарищи уже обзавелись семьями, настала и моя пора.

В станице у меня осталась невеста Таисия Дмитриевна Андросова, которая ждала меня больше пяти лет. Мы переписывались, раз в год виделись, но давно дали друг другу слово, что будем жить вместе, как только я смогу взять ее к себе. Хотелось самому поехать за ней, но отпуск мне по плану был определен после возвращения из лагерей. Пришлось просить ее приехать самой. Дней через десять получил телеграмму: выезжает. Приехала она вместе с моей матерью. На второй день, в июле 1931 года, мы расписались в загсе и с тех пор делим вместе все наши радости и горести.

Служба в полку была, как говорится, не мед. В походах мы добирались до Ак-Монайских высот. Разведчики, как и полагается, всегда были с пехотой, и доставалось нам всего с лихвой. От высот развертывали учебное наступление на Керчь. Почти пять лет военной службы в Севастополе оставили в моей

памяти не столько лазурное море и золотые пляжи, сколько зной степей и неприютность гор, где нам довелось просолить не одну гимнастерку.

...И вот теперь, в конце 1943 года, я снова в Крыму. Перед нами был мрачноватый каменистый берег, круто уходивший вверх. Кругом - ни деревца, ни кустика. Только следы недавних боев - воронки от бомб и снарядов. И как-то не хотелось верить, что нам здесь принадлежит пока лишь это, а весь Крым - еще в руках врага и за его освобождение придется положить немало человеческих жизней.

Глубина плацдарма Отдельной Приморской армии не превышала 10-12 километров. Правый фланг фронта упирался в Азовское море, левый подходил к северо-восточной окраине Керчи. Рельеф местности сильно пересеченный. Сложные гряды холмов обрывисто падали к самому морю. Командные высоты оставались у противника. Оттуда хорошо просматривался передний край нашей обороны, и только небольшая гряда холмов прикрывала обрывисто падавший к морю берег Керченского пролива.

Плацдарм был изрыт вдоль и поперек: траншеи, землянки, ходы сообщения, блиндажи переплетались в причудливую сеть. Здесь находились главные силы Отдельной Приморской армии - два ее корпуса (11-й и 16-й) и резерв. А всего девять дивизий и две стрелковые бригады. Переброшена на плацдарм и некоторая часть танков, артиллерии, даже авиации; первый наш аэродром приютился у самого моря в районе Опасной.

К. Е. Ворошилову, мне и всем, кто прибыл с нами, отвели три землянки на обращенном к проливу скате одной из высот. Метрах в шестистах от нас-бревенчатый домик командарма Ивана Ефимовича Петрова. Под домиком небольшое и не очень надежное убежище. Вокруг в блиндажах расположился штаб Приморской армии.

Работу начали сразу же. К. Е. Ворошилов заслушал доклады И. Е. Петрова и командующего Черноморским флотом Л. А. Владимирского. На следующий день побывали в двух стрелковых корпусах: в 11-м у генерал-майора Б. Н. Аршинцева и в 16-м у генерал-майора К. И. Провалова. Неугомонный Климент Ефремович не ограничился только тем, что услышал от командиров корпусов и увидел сам с их НП. Он рвался в окопы, на передний край, хотя, по правде говоря, делать там ему было нечего. Отговорить его от этого не удавалось.

- Никогда под пулями не кланялся и врага не боялся,- парировал он все наши доводы.-А если кто считает, что там и без нас обойдутся, может со мной не ходить.

После этого попробуй задержаться на НП или в штабе. Все, конечно, пошли в дивизии и полки первого эшелона.

В тот год на Керченском полуострове зима стояла холодная. Морозы достигали десяти градусов. Свирепый ветер налетал то с севера, то с востока. Обжигал лицо, выжимал из глаз слезы и подгонял каждого в землянку либо блиндаж. С моря низко тянулись косматые тучи, проливаясь на мерзлую землю мелким частым дождем или низвергая колючую крупу. А по ночам над проливом вставала мглистая стена тумана, которая только с рассветом нехотя уплывала вдаль.

Как-то мы зашли в одну из солдатских землянок и еще с порога ощутили температуру, близкую к той, что бывает в хорошей бане. Посреди землянки стояла раскаленная докрасна железная печка, и в ней действительно бушевало пламя. Немолодой домовитый сержант четко приветствовал нас и гостеприимно пригласил, как говорится, "поближе к огоньку".

- Откуда ж дрова берете? - поинтересовались мы. С топливом на плацдарме было плохо: дрова подвозили через пролив только для варки пищи.

- А тут, поблизости,- ткнул сержант через плечо почерневшим от копоти большим пальцем правой руки, - дом кирпичный стоял... Вот им и топимся.

Мы дружно рассмеялись. Подумалось, что хозяин землянки намеревается с ходу выдать нам какой-то старый солдатский анекдот для всеобщего увеселения. Кому из нас не доводилось слышать, как бывалый солдат суп из топора сварил! Но вот чтобы он кирпичный дом в топку пустил - этакой диковины мы еще не знали. С интересом повернули головы к рассказчику. Но сержант вдруг смолк. Он знал службу и безмолвно ел глазами начальство. Потом неторопливо приоткрыл дверцу печки, и мы увидели, что в ней действительно горят кирпичи. Самые натуральные кирпичи!

Кто-то даже ахнул от неожиданности. Начались распросы, как да почему.

Сержант кивнул на стоявшее в углу землянки ведро. Там тоже лежали кирпичи, залитые доверху керосином. Через несколько часов после такой ванны они становились вполне готовыми к употреблению в качестве топлива.

- Не чета, конечно, настоящим дровам,- пояснил сержант. - Неудобства есть: прикурить, скажем, трудновато. Полено-то возьмешь из огня - и дух от него лесной идет и цигарка в целости. А кирпич, он, вишь, как полыхает. Ну ничего, управляемся. Горе только, когда на сырец нападешь: раз погорел и рассыпался. А настоящие кирпичи - те долговечны; погорят, погорят, а ты их опять в керосин, а из керосина снова в печку. Так и идет по

кругу...

В другой землянке обогревались иначе. Здесь стояли саперы - люди высокой технической культуры. Они использовали трофейные противотанковые мины; выплавляли из них тол и жгли его в печке. Он горел ровным пламенем и без дыма. Соседи допытывались у саперов, чем они топятся, но те секрета не раскрывали. Командир взвода только жаловался, что трофеи скоро кончатся и тогда придется добывать мины из немецких заграждений. Охотники на это дело имелись.

В полках нам приходилось бывать много раз, и всегда мы возвращались оттуда с зарядом оптимизма и бодрости.

В первые недели пребывания у И. Е. Петрова наше главное внимание отводи-лось разработке плана освобождения Крыма, совместной операции войск Отдельной Приморской армии, Черноморского флота и Азовской флотилии. Выявилось полное единство взглядов в отношении задач и методов ведения этой операции. Сухопутчики, моряки и летчики пришли к общему выводу: прорвав оборону противника на керченском плацдарме, основными силами надо развивать успех в глубину Крыма на Владиславовку, Карасубазар и тем самым содействовать успеху войск Южного фронта на главном направлении - с Перекопа, но одновременно частью сил следовало наступать и вдоль южного побережья. Этот план и доложили в Ставку.

После тщательного изучения обстановки мы согласились с мнением командующего Приморской армией о необходимости предварительной частной операции. Дело в том, что наш передний край на плацдарме в большинстве своем был крайне невыгоден ни для перехода в наступление, ни для удержания занимаемых позиций. Противник располагался на господствующих высотах, наблюдал и мог поражать прицельным огнем чуть ли не всю глубину нашей обороны.

Провели тщательную рекогносцировку местности, рассчитали силы и средства, определили время на подготовку. 22 декабря К. Е. Ворошилов при участии И. Е. Петрова и Л. А. Владимирского рассмотрел план действий. Планом предусматривалось прорвать немецкую оборону на правом фланге плацдарма. Для обеспечения успеха прорыва и захвата командных высот, которые трудно было атаковать в лоб, а также для отвлечения внимания, сил и средств противника с направления нашего главного удара намечалось высадить на побережье Азовского моря в ближайшем тылу немецких войск с удаления четырех-пяти километров от нашего переднего края тактический морской десант.

На первых порах все с этим согласились. Однако при решении вопросов взаимодействия и взаимного обеспечения

операции возникли затруднения. В то время как И. Е. Петров отводил флоту первостепенную роль в обеспечении наступления всем необходимым, Л. А. Владимирский полагал, что привлечение флота к морским перевозкам и высадке тактических морских десантов для него задача второстепенная. Достаточных сил на это он не выделял. Переправу войск и грузов Отдельной Приморской армии командование Черноморского флота пыталось переложить на плечи только Керченской военно-морской базы, которая никак не могла справиться с таким делом.

И. Е. Петров резко высказал свое неудовольствие по этому поводу и заявил К. Е. Ворошилову, что вопросы взаимодействия с флотом нужно решить капитально и в соответствии с принятым в наших Вооруженных Силах порядком. Климент Ефремович приказал созвать совещание и там покончить со всеми спорами, добившись единого понимания задач и способов их решения. Состоялось оно 25 декабря в штабе Азовской военной флотилии, в Темрюке. От Отдельной Приморской армии на совещание прибыли И. Е. Петров, его заместитель генерал-лейтенант К. С. Мельник, члены Военного совета генерал-майоры В. А. Баюков и П. М. Соломко. Черноморский флот представляли вице-адмирал Л. А. Владимирский и член Военного совета контр-адмирал П. М. Кулаков. Присутствовали также заместитель наркома Военно-Морского Флота генерал-лейтенант И. В. Рогов, представители Азовской военной флотилии и 4-й воздушной армии. Председательствовал К. Е. Ворошилов.

Дебаты между И. Е. Петровым и Л. А. Владимирским разгорелись здесь еще жарче. Причем командующий Приморской армией показал полную осведомленность в отношении сил и средств флота в районе расположения своих войск и добился ясности насчет обязанностей и ответственности флота по перевозкам. В то же время на совещании были уточнены задачи армии, согласованы сроки и порядок всех совместных мероприятий по обеспечению операции.

В конце совещания я зачитал проект ежедневного доклада в Ставку, где проведенное обсуждение представлялось как обычное подготовительное мероприятие накануне предстоящей операции. Однако К. Е. Ворошилов решил иначе: он предложил оформить особый протокол ко взаимодействию армии с флотом, записав туда все, что возлагалось на флот и что на армию, а затем скрепить все это подписями ответственных представителей каждой из заинтересованных сторон. Всего на протоколе, по определению К. Е. Ворошилова, должно было красоваться десять подписей, включая его собственную и мою.

К этому времени я уже отлично знал работу Ставки и отношение ее членов, особенно И. В. Сталина, к порядку решения важных вопросов. На моей памяти бывали случаи, когда в Ставку поступали документы за многими подписями. Верховный Главнокомандующий резко критиковал их, усматривая в таких действиях нежелание единоначальника или Военного совета взять на себя ответственность за принятое решение или, что еще хуже, их неверие в правильность собственных предложении.

- Вот и собирают подписи,- говорил он,- чтобы убедить самих себя и нас.

Верховный требовал, чтобы все представляемые в Ставку документы подписывали командующий и начальник штаба, а наиболее важные (например, ежедневные итоговые донесения и планы операций) скреплялись бы тремя подписями: к первым двум добавлялась еще подпись члена Военного совета.

Я откровенно высказал Клименту Ефремовичу свои опасения насчет предложенного им протокола и просил, чтобы этот документ подписали по крайней мере не более трех лиц. Но Климент Ефремович расценил это как неуважение к присутствующим, как попытку присвоения коллективно выработанного решения. Он настоял на своем, и документ был подписан десятью персонами. Назвали его так: "Протокол совместного совещания военных советов Отдельной Приморской армии (генерал-полковник Петров, генерал-майор Баюков, генерал-майор Соломко и генерал-лейтенант Мельник) и Черноморского флота (вице-адмирал Владимирский и контр-адмирал Кулаков) с участием Маршала Советского Союза тов. Ворошилова К. Е., начальника Оперативного управления Генштаба генерал-полковника тов. Штеменко, заместителя наркома военморфлота генерал-лейтенанта тов. Рогова и главного контролера по НКВМФлоту Наркомата госконтроля инженер-капитана 1 ранга тов. Эрайзера - по вопросу перевозок войск и грузов через Керченский пролив".

Когда лестница подписей была наконец заполнена, я еще раз

заявил, что поступили мы неправильно и уж мне-то обязательно попадет за такое отступление от правил оформления важной оперативной документации. Климент Ефремович только посмеялся над этим. Протокол послали. При очередном разговоре по телефону с Антоновым я узнал, что Сталин и впрямь очень бранил нас за этот документ.

В тот же день из Москвы было получено сообщение об утверждении плана основной операции Отдельной Приморской армии. Из резервов Ставки И. Е. Петрову была передана 9-я Краснознаменная пластунская дивизия, сформированная из кубанских казаков. Командиру ее генерал-майору П. И. Метальникову командующий армией сразу же поставил задачу готовить личный состав к наступательным действиям. Для этого была подобрана соответствующая местность на материке с точным воспроизведением обстановки плацдарма: переднего края противника и наших окопов, боевых порядков и расстояний между отдельными их элементами.

Мы несколько раз бывали на занятиях в этой дивизии. Однажды Климент Ефремович потребовал, чтобы все отправились туда верхом. Я пытался воспротивиться, доказывал, что совершенно ни к чему трястись на коне 20 километров, теряя драгоценное время. Но тщетно. Климент Ефремович заявил, что у меня недостает понимания психологии казаков. Пришлось ехать. Кое-как на случайных, плохо выезженных лошадях мы добрались до цели, а обратно возвращались уже в автомашинах. Но потом в течение нескольких дней некоторые, кто не ездил прежде верхом, как говорится, не могли прийти в норму и вынуждены были больше стоять, чем сидеть. Да и сам Климент Ефремович в дальнейшем отказался от такого способа передвижения.

Не сразу решился вопрос о методах использования этой дивизии в бою. Предлагалось, например, чтобы пластуны ночью бесшумно подползли к первой траншее немцев (на то они и пластуны!), ворвались в нее без выстрела, уничтожили противника холодным оружием, а затем бы уже открывался огонь по глубине обороны и начиналась нормальная атака.

Этот метод был чреват всякими неожиданностями. Атаковать неподавленную артогнем оборону немцев, подползая к ней на животе, являлось делом весьма рискованным. Даже в случае успешного захвата первой траншеи современная оборона не могла рухнуть. Все равно требовалась артиллерийская подготовка, а затем нужно идти в атаку. Наиболее же вероятно, что романтичный маневр целой дивизии ползком будет своевременно обнаружен противником и сорван с большими для нас потерями.

Однако сторонники этого метода действий твердо стояли на своем. Тогда мы испробовали его на занятиях, после чего всем стало ясно, что атаковать надо обычным способом. Пластуны пластунами, а времена таких атак давно прошли. Теперь была не Крымская война.

Пластунская дивизия всем своим видом радовала глаз. Подразделения полнокровные. Бойцы - молодец к молодцу. Много бравых добровольцев с Георгиевскими крестами на груди. Одеты все с иголочки.

Формировалась она по инициативе краевого комитета ВКП(б). И. В. Сталин поддержал кубанцев и все время держал дивизию под своим контролем. Он вызывал к себе П. И. Металъникова, слушал его доклад о ходе формирования.

Использовать пластунов можно было только с разрешения Ставки. Отсюда, конечно, проистекали дополнительные заботы, но в последующем своими боевыми делами дивизия с лихвой окупила их. Один из ее отрядов блестяще проявил себя при освобождении Крыма. Дивизия с честью прошла до конца войны.

С большой тщательностью готовилась и частная операция, особенно высадка морских десантов. Было решено, что основу главного десанта составят специально подобранные солдаты и офицеры 166-го гвардейского стрелкового полка, во главе с командиром того же полка гвардии подполковником Г. К. Главацким, который был хорошо известен как опытный и бесстрашный человек, отлично ориентирующийся в боевой обстановке. Про таких говорят, что они прошли огонь и воду. В данном случае это было правильно в буквальном смысле. На груди Главацкого блестела Звезда Героя Советского Союза. Кроме 166-го полка ему подчинили 143-й отдельный батальон морской пехоты, под командованием тоже опытного и отважного капитана Левченко, и роту разведчиков. Всего в десанте насчитывалось более 2000 человек.

Второй, вспомогательный десант был поменьше. Численность его не превышала 600 человек. Командовал им майор П. Д. Алексенко.

Ответственность за подготовку десантов, их посадку на суда и обеспечение перехода по морю возложили на контр-адмирала Г. Н. Холостякова и его штаб под руководством капитана 1 ранга А, В. Свердлова. Десантники усиленно тренировались, занимались с утра до ночи.

Трудно было с десантными судами. Пришлось собирать рыбацкие сейнеры, многие из которых требовали ремонта. Тут же укомплектовывались команды этих судов и обучались необходимым действиям.

Не менее напряженная работа велась на плацдарме. 11-й и 16-й гвардейские корпуса усилили разведку противника, сосредоточивали запасы, пополнялись людьми и техникой. И. Е. Петров целыми днями, а порой и ночами пропадал в войсках. Только под Новый год он вернулся раньше обычного и пригласил нас к себе в домик на ужин. Пришли туда и ближайшие помощники командарма. Вместе мы отметили успехи наших Вооруженных Сил в уходящем, 1943 году и по-братски пожелали друг другу, чтобы наступающий, 1944 год был еще более счастливым. Климент Ефремович послал поздравление командирам корпусов и дивизий, командованию Черноморского флота и Азовской военной флотилии.

А потом все опять пошло своим чередом. Начало наступления было назначено на утро 10 января.

Зимние дни вообще коротки, а 9 января, всецело поглощенные последними приготовлениями к операции, мы даже не заметили, как стемнело. До нанесения удара по противнику оставалось еще много времени. Посадка десанта должна была начаться в 20 часов. Но нетерпение взяло верх.

- Идемте на наблюдательный пункт,- предложил К. Е. Ворошилов. Наблюдательный пункт И. Е. Петрова располагался примерно в 2 километрах от переднего края, на высоком обрыве у самого Азовского моря. В светлое время отсюда просматривался участок побережья, где предстояла высадка главного десанта, а сейчас ни зги не видно. Небо затянуло тяжелыми тучами.

- Как на море? - поинтересовались мы у представителя флота.

- Обещают малую волну,- ответил он. Затем, помолчав, прибавил: - Тем не менее все может статься. Море - это стихия...

Поглядывая на часы, мы ждали срока выхода десанта из кордона Ильича. Командиры корпусов на плацдарме давно доложили о полной готовности к наступлению. А Холостяков пока помалкивал. Но мы-то знали, что моряки-народ точный: молчат, значит, все идет по плану.

На этот раз, однако, дело явно затянулось. Была уже полночь, когда Петрова попросили наконец к аппарату. Десант пошел...

Через полтора-два часа последовал новый доклад: волнение на Азовском море усилилось до четырех-пяти баллов. Это значило, что условия перехода десанта к месту высадки ухудшались.

Как по команде, все мы вышли посмотреть море. Оно тяжело ухало, бросая валы на берег. Четыре-пять баллов - совсем немного для океанских великанов, но для многих утлых суденышек, которые доставляли десант, такая волна могла быть губительной: они шли в темноте, переполненные людьми.

Петров был бледен, но внешне спокоен. Запросили Холостякова, как идут дела. Ответ успокаивал - никаких сигналов бедствия от десанта не поступило.

Когда стрелка часов подошла к сроку высадки десанта, командующий артиллерией вопросительно глянул на И. Е. Петрова. Тот в свою очередь посмотрел на Ворошилова, и оба отрицательно покачали головами - не время, пока не высадился десант, нужно подождать.

Уже забрезжил поздний январский рассвет. И тут вдруг на высотах, назначенных для захвата силами десанта, загремели выстрелы. Вразброд ударила немецкая артиллерия. Десант был там. Он подошел незаметно для противника, и подполковник Главацкий, не дожидаясь подхода последних судов, начал атаку.

Атаковали внезапно и свирепо. Без выстрелов и криков "ура" ворвались в траншеи. Враг опомнился, когда десантники уже снимали на высотах его пулеметы.

Теперь заговорила и наша артиллерия. А затем пошли в наступление выделенные для этой операции силы из состава стрелковых корпусов, сосредоточенных на плацдарме.

Между тем десантные суда продолжали подходить к месту высадки. Не все из них смогли вплотную причалить к берегу. Зачастую матросы и солдаты прыгали прямо в морс, высоко поднимая оружие. Некоторых волна захлестывала с головой. Они с усилием выползали на берег и, припав к земле, обнимали ее руками, чтобы не унесло обратно, а затем переводили дух, вскакивали и карабкались на высоты, где их товарищи уже схватились с врагом врукопашную.

Десантники отважно сражались с врагом на берегу и со стихией в море. На боевом посту погибли командир сил высадки капитан 2 ранга Н. К. Кириллов и начальник штаба капитан-лейтенант Н. А. Шатаев.

Прошло еще три долгих часа. Из стрелковых корпусов поступали сдержанные доклады. По всему чувствовалось, что атака развивается плохо, а на отдельных участках захлебнулась совсем. Петров приказал сосредоточить артиллерийский огонь на тех районах, где наметился наш успех. Но противник держался прочно.

О десанте было известно, что он продолжает вести бой на высотах, захватил там две вражеские зенитные батареи, много стрелкового вооружения и до 60 пленных. Гряда высот, по существу, в его руках. Десантники осмотрелись, подтянули силы, организовали оборону.

Но после полудня положение усложнилось. Противник начал контратаки десанта со стороны Рыбпрома, молочной фермы и

Грязевой пучины. Его авиация непрерывно бомбила боевые порядки десантников. В 19 часов на поле боя появились "фердинанды", но и они оказались бессильны: наши подразделения оставались на своих местах. Все контратаки противника были отбиты с большими для него потерями.

В течение ночи немецкие автоматчики неоднократно пытались проникнуть в тыл десанта, но тоже каждый раз отбрасывались назад.

Длительное время не было вестей от майора Алексенко. Наконец объявился и он. Майор сообщил, что вспомогательный десант задачу выполнил, нужная нам высота захвачена и одна из наших стрелковых дивизий соединилась с ним.

А вот с десантом Главацкого части 11-го гвардейского стрелкового корпуса соединиться не смогли. За сутки они продвинулись всего на один-два километра. На второй день бои продолжались. С нашей стороны была введена дивизия второго эшелона. Противник тоже подбросил резервы. Немецкая авиация опять обрушилась на позиции, занятые десантом. Начался ожесточенный артиллерийский обстрел. Против десантников пошли танки. Бойцы Главацкого вынуждены были бить их только наверняка - боеприпасы подходили к концу.

После полудня замысел врага определился вполне. Немцы стремились отрезать десант от моря, окружить и уничтожить его. И. Е. Петров приказал Главацкому прорываться навстречу 11-му корпусу. Десантники и на этот раз действовали очень решительно. К исходу дня они соединились с нашими главными силами, передали им захваченные высоты и были затем выведены в резерв 55-й гвардейской стрелковой дивизии.

В итоге этих боев положение на правом фланге армии несколько улучшилось, но не настолько, как хотелось бы. Климент Ефремович нервничал. А тут еще одна из штурмовых эскадрилий Черноморского флота, взаимодействовавшая с 11-м гвардейским стрелковым корпусом, но ошибке сбросила бомбовый груз на своих. Обошлось, правда, без потерь. Мы с полковником Китаевым в то время находились на корпусном НП и не только наблюдали всю эту картину, а и сами побывали под ударом.

15 января спозаранок отправились осмотреть захваченные морским десантом высоты. Солдаты только что начали там оборудование нового армейского НП отрыли щели, котлованы для пунктов управления. Работы шли в основном ночью.

Здесь же встретили командира 11-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора Аршинцева. Он тоже перенес наблюдательный пункт ближе к переднему краю и сам

перебирался туда. У нас к нему вопросов не было, и Аршинцев, не задерживаясь, проследовал своим путем. А в 15 часов 30 минут его уже не стало. При очередном артналете противника в блиндаж, где находились сам генерал, командующий артиллерией корпуса полковник А. М. Антипов, начальник разведки подполковник П. П. Лобакин и помощник начальника оперативного отдела майор А. П. Меньшиков, произошло прямое попадание тяжелого снаряда. Накат не выдержал, снаряд разорвался внутри помещения. Вес, кроме тяжело раненного Меньшикова, погибли.

В тот день вражеская артиллерия буквально неистовствовала. К вечеру, когда мы находились у Петрова, ею была разрушена и землянка Климента Ефремовича, при этом погиб стоявший у входа часовой. Наши тоже не остались в долгу: сильные артиллерийские и авиационные удары по боевым порядкам, пунктам управления и ближайшим тылам противника следовали один за другим. По ночам непрерывно действовал женский полк ночных бомбардировщиков У-2, входивший в состав 4-й воздушной армии.

Много неприятностей Отдельной Приморской армии доставлял противник, укрепившийся в самой Керчи. С горы Митридат он отлично просматривал и простреливал весь Керченский пролив и значительную часть занимаемой армией территории полуострова. Сама гора, прилепившиеся к ней городские кварталы и ряд других населенных пунктов были превращены в сильный оборонительный район. В случае развития наступления Приморской армии в глубину Керченского полуострова и далее в центральный Крым этот район мог служить исходным пунктом для контрдействий врага по тылам наших войск.

Организуя прорыв немецко-фашистской обороны в районе Керчи, командующий Приморской армией должен был как-то обезопасить свой фланг от возможных ударов противника со стороны Керчи. Он предусмотрел поэтому ликвидацию немецко-румынских войск, засевших в городе, для чего выделил некоторую часть своих сил. Успех, однако, не был достигнут, хотя бои на улицах Керчи носили ожесточенный характер.

Доклады Отдельной Приморской армии в Ставку по обстановке на Керченском полуострове всегда были очень объективными, и неудачные действия войск в Керчи там не приукрашивались. Получая эти доклады, Ставка обеспокоилась, поскольку, как известно, бои в городе приводят, как правило, к большим потерям войск и затрудняют использование артиллерии, танков, авиации.

В связи с этим И. Е. Петрову и Климову - К. Е. Ворошилову была послана телеграмма, в которой отмечалось, что Приморская армия имеет значительное преимущество над противником в численности войск, в артиллерии, в танках и в авиации. Но, подчеркивалось, "эти преимущества армия теряет, ввязавшись в уличные бои в городе, где противник укрепился, где приходится вести затяжные наступательные бои за каждую улицу и за каждый дом и где нет условий для эффективного использования всех имеющихся средств усиления.

Такую тактику командования армии Ставка считает в корне неправильной, выгодной для противника и совершенно невыгодной для нас.

Ставка считает, что главные усилия армии должны быть направлены для действий против противника в открытом поле, где имеется полная возможность эффективно использовать все армейские средства усиления.

Разговоры о том, что невозможно прорвать сильную оборону противника в открытом поле, лишены всяких оснований, ибо даже такая оборона, какую имели немцы под Ленинградом, втрое сильнейшая, чем оборона немцев под Керчью, оказалась прорванной благодаря умелому руководству... Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Перенести основные боевые действия войск армии в открытое поле.

2. Действия в городе ограничить операциями, имеющими вспомогательную роль в отношении действий главных сил армии в открытом поле.

3. Исходя из этих указаний, перегруппировать силы и представить свои соображения о плане дальнейших действий в Генеральный штаб не позже 28.1.44 г.".

Подписали телеграмму И. В. Сталин и А. И. Антонов.

Мы находились на плацдарме уже более месяца. Все это время продолжалась подготовка основной операции по освобождению Крыма: накапливались боеприпасы, вводилось в строй пополнение, во вторых эшелонах не прекращалась боевая учеба войск. И вдруг в Варениковскую прибыл специальный поезд, а с ним - новый командующий Отдельной Приморской армией генерал А. И. Еременко. Без всякого уведомления представителя Ставки, не говоря уже о запросе его мнения по такому немаловажному вопросу, И. Е. Петров был освобожден от должности, зачислялся в распоряжение Ставки и вызывался в Москву.

А вскоре затем позвонил А. II. Антонов и передал мне приказание тоже выехать в Ставку с докладом о положении дел

под Керчью. Видимо, события последних дней сильно обеспокоили Сталина. Климент Ефремович оставался на месте.

Докладывал я в присутствии только членов Ставки да А. И. Антонова. Петрова не пригласили. Сталин усомнился было в целесообразности проведенной Приморской армией частной операции. Я постарался, как мог, мотивировать ее необходимость.

Когда речь пошла о делах в Приморской армии, Верховный вспомнил наш протокол с десятью подписями:

- Колхоз какой-то. Вы там не голосовали случайно?.. Ворошилову такое можно еще простить - он не штабник, а вы-то обязаны знать порядок.- Затем, обращаясь уже к Антонову, кивнул в мою сторону: - Надо его как-то наказать за это.

Антонов промолчал.

Еще раз вернувшись к операции по освобождению Крыма, Сталин приказал вызвать в Ставку А. М. Василевского и К. Е. Ворошилова для окончательного решения всех вопросов по ее плану, а потом Клименту Ефремовичу поехать на главное направление к Ф. И. Толбухину и там на месте, с участием Александра Михайловича, отработать взаимодействие войск.

О Петрове не было обронено ни звука. Размышляя потом над этим, мы в Генштабе пришли к выводу, что ограниченные результаты частной операции и раздоры с командованием флота посеяли у Сталина сомнения в отношении Ивана Ефимовича. Его заменили перед самым началом большой операции, когда Отдельная Приморская армия, по существу, была уже подготовлена к ней. Воспользоваться плодами своего труда И. Е. Петрову не пришлось, а операция прошла успешно.

В мае, после освобождения Крыма, многие из участников операции были награждены. При этом И. В. Сталин опять вспомнил наш злополучный протокол. Обнаружив в списках представленных к наградам мою фамилию, он сказал А. И. Антонову:

- Награду Штеменко снизим на одну ступень, чтобы знал наперед, как правильно подписывать документы.

И синим карандашом сделал жирную пометку.

С 14 по 23 мая 1944 года мне снова довелось быть в Крыму. На сей раз в качестве представителя Ставки я должен был помочь в разработке плана обороны полуострова, очищенного от противника, и организовать вывод в резерв Верховного Главнокомандования 2-й гвардейской и 51-й армий. Дело было срочным, поскольку на 22-23 мая в Ставке намечалось обсуждение плана "Багратион" операции по разгрому вражеских войск в Белоруссии и в отношении резервов нужно было иметь точные данные.

Работать, как всегда, приходилось от зари до зари, которые в мае почти сходятся. Особенно сложно было с перевозкой войск. На сосредоточение их автотранспортом к железнодорожным станциям не хватало горючего. Распределением вагонов и паровозов в Крыму всецело распоряжался тогда заместитель наркома внутренние дел Серов. Брать их у него приходилось с боя. Основные станции погрузки находились в районах Херсона и Снигиревки, куда войска следовали преимущественно пешим порядком. Генералы и офицеры моей группы организовали прикрытие этих станций с воздуха, позаботились о сохранности переправ через Днепр.

Оборона Крыма всецело возлагалась теперь на Отдельную Приморскую армию. С ее новым командующим генералом К. С. Мельником мы уточнили до деталей подготовленный штабом армии план. Очень много помог нам при этом начальник штаба 4-го Украинского фронта генерал С. С. Бирюзов. Для прикрытия западной и южной части побережья Крыма от Турецкого вала до Керченского пролива общей протяженностью свыше 700 километров имелось всего десять дивизий, две стрелковые бригады и одна бригада танковая. Здесь было над чем поломать голову.

Встретилась и другого рода трудность - из Отдельной Приморской армии начали растаскивать кадры. Из трех командиров корпусов два получили новые назначения. Были отозваны также и командующий артиллерией, начальник отдела укомплектования. Вот-вот должны были убыть армейский интендант, начальник продовольственного снабжения, начальник штаба тыла, начальник разведотдела. С ведома Ставки мы прекратили это, а на вакантные должности немедленно были назначены заместители убывших. Почти все они оказались людьми опытными, хорошо знающими свое дело.

Побывали мы и в Севастополе у командующего Черноморским флотом адмирала Ф. С. Октябрьского. Согласовали вопросы взаимодействия сухопутных войск с флотом.

Предмет особых забот составляли немногочисленные части ПВО. Враг ведь не прекратил еще авиационные налеты на Крым. Случались дни, когда он одновременно бомбил железнодорожные станции Джанкой, Курман-Кемельчи, Биюк-Ойлар, Ташлык-Таир, Евпаторию. Правда, результаты этих бомбардировок были весьма незначительны.

Как-то вместе с С. С. Бирюзовым и И. Н. Рыжковым я собрался лететь из Сарабуза в район Сапун-горы, где располагался штаб Отдельной Приморской армии. Бирюзов рекомендовал заглянуть

по пути на мыс Херсонес; там разыгрался финал битвы за Крым. Полетели мы на трех самолетах У-2. Погода стояла отличная, противника в воздухе не было. Внизу по дорогам медленно тащились серо-зеленые колонны пленных, бежали наши грузовики. Вдруг за Бахчисараем самолет Бирюзова неожиданно стал снижаться. Выждав, когда он благополучно сел прямо на поле, мы тоже сделали круг и приземлились рядом. Выяснилось, что отказал мотор. Делать было нечего: оставили самолет и пешком направились к шоссе. Там остановили машину Отдельной Приморской армии и на ней добрались на Херсонес, где нас уже поджидал К. С. Мельник.

Перед нами предстало поле недавнего побоища. Мыс буквально был забит немецкими танками, автомашинами, пушками, минометами. Повсюду - следы огня советской артиллерии и авиации. В балках и на обрывистых береговых склонах множество складов с различными запасами. Трупы людей убраны, но в воздухе стоял смрад. Насколько хватало глаз, море было покрыто вздувшимися и лопнувшими от жары конскими тушами, медленно переваливавшимися на волнах. Противник сам уничтожил всех своих лошадей, дотянув до края нашей земли...

Вскоре мы вернулись в Москву. Там нас ждали новые неотложные дела, связанные с подготовкой операции "Багратион".

Глава 12. "Багратион"

Итоги зимнего наступления 1943 года и прогнозы на будущее. - Разделение Западного фронта. - И. Д. Черняховский и. П. Е. Петров. - Оперативная маскировка. - Г. К. Жуков координирует деятельность 1-го и 2-го Белорусских фронтов. - А. М. Василевский на 3-м Белорусском и. 1-м Прибалтийском фронтах. - Артиллерия и танки в Белорусской операции.-Удары с воздуха. - Особенности управления войсками. - Конец - делу венец.

Ломая все старые теоретические представления о влиянии на боевые действия зимы и весенней распутицы, наши войска в результате решительного наступления к середине апреля 1944 года вышли на рубеж Чудского озера и реки Великой, на подступы к Витебску, Орше, Могилеву, Жлобину, пробились к Ковелю. Главные силы Украинских фронтов вырвались на просторы древней волынской земли и в предгорья Карпат, овладели Тернополем и Черновицами, нацелились на Яссы и Кишинев. Вскрылись направления на Люблин, Львов и Бухарест, позволив Советской Армии воздействовать на фланги и тылы основных группировок противника.

Все это расценивалось в Генеральном штабе весьма положительно. Однако мы не сомневались, что сопротивление

врага, несмотря на то что он понес большие потери и остро нуждался в восстановлении сил, не только не ослабнет, а станет еще более ожесточенным. Нужно было наращивать наши удары, не позволяя гитлеровским генералам перегруппировать силы и организовать прочную оборону.

В общем выгодное для нас оперативно-стратегическое положение, сложившееся к лету 1944 года, оставалось все же весьма сложным. Продолжать наступление на Украине и в Молдавии пока не представлялось возможным, поскольку на львовском, ясском и кишиневском участках фронта столкнулись мощные и почти равные по силам группировки войск. Все шесть наших танковых армий были втянуты здесь в борьбу против основной массы немецких танков. Войска устали, снабжение их нуждалось в серьезном улучшении. Внезапность действий исключалась. Если бы на этих. направлениях мы попытались наступать немедленно, нам предстояла бы длительная кровопролитная борьба в невыгодных условиях и с сомнительным исходом.

Не сулил пока больших перспектив и выход наших войск непосредственно к границам Прибалтики. Здесь тоже нельзя было рассчитывать на внезапность действий. Противник ожидал наступления крупных сил Советской Армии и принимал необходимые меры для его отражения. Он располагал преимуществами маневра по внутренним операционным линиям - хорошо развитой железнодорожной сети и шоссе, в то время как для наших танков существовало много препятствий. Местность явно не благоприятствовала нам. Серьезные трудности возникали и в смысле сосредоточения войск, их снабжения. Ставка была убеждена, что в сложившейся обстановке Прибалтика не может быть главным направлением наших усилий.

Не сулил многого и Север. Там разгром противника мог привести только к выводу из войны Финляндии. Но при этом не создавалось опасного положения непосредственно для Германии.

Несколько иная обстановка складывалась на западном направлении севернее и южнее Полесья, Образовавшийся в ходе боевых действий так называемый "Белорусский балкон" прикрывал путь нашей армии на Варшаву. Он мог служить плацдармом для фланговых ударов противника в случае наступления советских войск к границам Восточной Пруссии и в равной мере угрожал нашему флангу и тылу на юго-западном направлении - контрдействиями отсюда могло быть сорвано наступление на Львов и в Венгрию. Кроме того, из Белоруссии можно было осуществлять авиационные налеты на Москву. Наконец, войска противника, занимавшие "Белорусский балкон" и

имевшие возможность быстро маневрировать по хорошо развитым железнодорожным линиям и шоссейным дорогам, сковали здесь весьма крупные силы Советской Армии. Все эти обстоятельства, естественно, заставляли рассматривать наступление в Белоруссии с целью разгрома располагавшейся там крупной группировки противника как важнейшую нашу задачу.

Решать ее мы уже пробовали, но безуспешно. Неоднократные попытки Западного фронта наступать в районе Витебска и Орши были малорезультативными, а оплачивались они очень дорогой ценой. "Белорусский балкон" оборонялся прочно.

Южнее Полесья дело шло лучше: наши войска значительно продвинулись вперед и вышли на люблинское и львовское направления, однако силы их истощились. Развитие удара здесь было возможно лишь при условии подхода крупных резервов из глубины страны и местных перегруппировок.

Следовательно, чего-либо радужного в Белоруссии и на Западной Украине на первый взгляд тоже не вырисовывалось. Но при более внимательном изучении обстановки напрашивались все же некоторые обнадеживающие выводы. Генштаб считал, что главная причина наших неудач севернее Полесья заключалась не столько в прочности вражеских позиций, сколько в грубых нарушениях некоторыми командирами и штабами правил организации, обеспечения и ведения наступления. Этого можно и нужно было избежать в будущем. Что же касается львовского направления, то там, повторяю, для достижения цели требовалось прежде всего усиление и пополнение войск 1-го Украинского фронта.

Особое место в расчетах Генерального штаба занимала обстановка в тылу противника. Для Белоруссии она была характерна мощным партизанским движением. Против гитлеровцев действовала здесь 150-тысячная армия белорусских партизан и подпольщиков, лишивших противника большой территории. Целые районы республики жили по законам Советской власти. В Генштабе полагали опереться на организованность партизанских сил, руководимых партийными органами (в рядах белорусских партизан насчитывалось более 11 тысяч коммунистов и 31 тысяча комсомольцев) , на прочную связь их с нашими фронтами. Планомерно и активно действовали и литовские партизаны. Партизаны и подпольщики Белоруссии и Литвы могли дезорганизовать оперативный тыл, особенно военные сообщения группы армий "Центр", нанести врагу большой урон.

Анализ сложившейся стратегической обстановки все более убеждал нас в том, что успех летней кампании 1944 года надо

искать именно в Белоруссии и на Западной Украине. Крупная победа в этом районе позволяла наиболее коротким путем вывести советские войска на жизненно важные для третьего рейха рубежи. А вместе с тем создавались и более выгодные условия для нанесения мощных ударов по войскам противника на всех других направлениях, в первую очередь на южном, где уже сложилась сильная группировка наших войск.

Особое значение приобретал вопрос о сроках и порядке действий. Противник не должен был получить времени на подготовку резервов, восстановление своих потрепанных дивизий и упрочение обороны на важнейших направлениях. Начинать летнее наступление следовало без длительной паузы, и в то же время требовалось иметь в виду необходимость больших перегруппировок войск.

Эти предварительные соображения Генштаба получили затем кон-кретное воплощение в замысле летней кампании и плане ее, а также в целом ряде организационных мероприятий.

Наиболее заметным из последних было разукрупнение Западного фронта. Предварительно на место выезжала авторитетная комиссия ГКО. От Генштаба в ней принимали участие начальник разведки Ф. Ф. Кузнецов и начальник Оперативного управления. Комиссия внимательно разобралась в причинах неудач фронта и представила обстоятельный доклад с практическими предложениями. Помимо ряда субъективных причин были выявлены и объективные. Зимой 1944 года Западный фронт имел в своем составе пять общевойсковых армий, а в общей сложности 33 стрелковые дивизии, три артиллерийские, две пушечные, две зенитно-артиллерийские и одну минометную. Кроме того, у него была воздушная армия и находились в подчинении танковый корпус, девять отдельных танковых и восемь артиллерийских бригад, одна бригада гвардейских минометов, два укрепленных района и другие специальные соединения и части. Решать свои задачи фронту приходилось на четырех операционных направлениях - витебском, богушевском, оршанском и могилевском, в результате чего усилия распылялись, а маневр войсками из-за крайней ограниченности рокадных дорог был скован. Противник обладал хорошими дорогами, связывавшими Витебск, Оршу, Могилев, что позволяло ему быстро перебрасывать подкрепления на угрожаемое направление и парировать наши удары.

На основании итогов работы комиссии Ставка решила разделить Западный фронт на два - 2-й и 3-й Белорусские фронты - и тем приблизить управление к войскам, сделать его более действенным. Одновременно предполагалось усилить оба новых

фронта резервами.

Рассматривался вопрос и об усилении Белорусского фронта. Предварительно Верховный Главнокомандующий запросил на этот счет мнение ряда командующих фронтами и с некоторыми из них имел личный разговор по ВЧ. Такая беседа состоялась, в частности, с командующим Белорусским (впоследствии 1-м Белорусским) фронтом генералом армии К. К. Рокоссовским, войска которого находились на бобруйском направлении. Рокоссовский высказался за передачу ему из состава 1-го Украинского фронта армий, оказавшихся в Полесье и под Ковелем. По его мнению, это должно было улучшить взаимодействие и маневр при наступлении на бобруйском и люблинском направлениях. После очень критического разбора всех "за" и "против" Ставка согласилась с ним. Одновременно было решено включить в состав 2-го Белорусского фронта 50-ю армию с 1-го Белорусского фронта. Командовать новыми фронтами назначались генерал-полковник И. Д. Черняховский (3-й Белорусский) и генерал-полковник И. Е. Петров. Распределение между ними стрелковых дивизий, артиллерии, танков, авиации и всего военного имущества бывшего Западного фронта должно было производиться при участии представителя Ставки.

В качестве такового я выехал из Москвы вместе с моим товарищем по академии Иваном Даниловичем Черняховским. К вечеру 14 апреля мы прибыли в местечко Красное, где до того располагался командный пункт Западного фронта. Там нас уже поджидал Иван Ефимович Петров. Он был известен в наших Вооруженных Силах как вдумчивый, осторожный и в высшей степени гуманный руководитель с весьма широкой эрудицией и большим войсковым опытом. Имя его неразрывно связывалось с героической обороной Одессы и Севастополя.

В отличие от Петрова И. Д. Черняховский тогда еще не пользовался широкой популярностью. Но он отлично зарекомендовал себя на посту командующего армией, имел основательную оперативную подготовку, превосходно знал артиллерию и танковые войска. Был молод (38 лет), энергичен, требователен и всей душой отдавался своему суровому и трудному делу.

Мы сразу же приступили к работе и в течение нескольких дней решили все организационные вопросы. Управление бывшего Западного фронта целиком перешло к Черняховскому, и он оставил свой КП в Красном, а И. Е. Петрову пришлось формировать фронтовой аппарат заново и перебираться в район Мстиславля.

Перед тем мы втроем тщательно разобрались в обстановке и

оценили возможности каждого из фронтов. Было ясно, что разгром витебской, оршанской и могилевской группировок противника следовало осуществлять одновременно. Требовалось также тесное взаимодействие с 1-м Белорусским фронтом, в задачу которого входила ликвидация противника в районе Бобруйска. Эти четыре группировки составляли единое целое, входили в состав главных сил группы армий "Центр" и являлись хребтом гитлеровской обороны в Белоруссии.

Вся мощь неприятельских войск концентрировалась здесь в основном в тактической зоне, что вообще было характерно для немецкой обороны того периода. Практически это означало, что при прорыве позиций врага надо иметь большое количество артиллерии, с тем чтобы надежно подавить и разбить его именно в тактической зоне. Однако нужно было воздействовать и на резервы в глубине, какими бы слабыми они ни являлись. Поэтому мы обсуждали и вариант глубокого удара сильным танковым кулаком в направлении Борисова, Минска, чтобы сокрушить резервы противника до того, как он введет их в бой. Такой удар, по нашим прогнозам, должен был играть решающую роль для развития операции в высоких темпах на всех, в том числе и бобруйском, направлениях.

Но танковой армии ни один из трех Белорусских фронтов не имел. Ее надо было просить у Ставки. Условились, с такой просьбой обратится И. Д. Черняховский, а Генштаб поддержит его.

После того как было решено, где сосредоточить главные усилия в летнюю кампанию 1944 года, на повестку дня сразу встал вопрос о сроках действий. Ориентировочные расчеты показали, что до начала наступления в Белоруссии понадобится некоторая оперативная пауза для перегруппировки войск, накопления и подвоза необходимых материальных средств, особенно боеприпасов и горючего. Было ясно, что все это неминуемо вызовет огромное напряжение в работе железных дорог. Транспортные трудности являлись тоже одной из причин неизбежности перехода к временной обороне.

Оборона рассматривалась Генеральным штабом, как и прежде, не как самоцель, а как вынужденная мера, которая позволит нам хорошо подготовиться к решительному наступлению. Предполагалось также, что переход к обороне на всем советско-германском фронте в сочетании с оперативной маскировкой дезориентирует противника относительно истинных намерений советского командования.

В середине апреля, при первом докладе этого предложения в Ставке, И. В. Сталин с ним не согласился. Он был настроен

продолжать наступательные действия.

- Подумаем еще,- сказал Верховный, хотя отлично знал, что многие командующие фронтами возражают против частных операций, как правило малоуспешных.

Только на следующий день И. В. Сталин дал согласие перейти к обороне на северо-западном и западном направлениях. Директивы на сей счет были отданы 17 и 19 апреля. В отношении же остальных фронтов Верховный Главнокомандующий приказал не спешить и, как он выразился, "переводить их в оборону постепенно", по мере приостановки наступления. Практически они получили указание о переходе к обороне только 1-7 мая. Следует подчеркнуть, что во всех случаях содержание этих указаний было пронизано духом подготовки к наступлению. Ставка требовала:

"1. Организовать тщательное повседневное наблюдение за противником с задачей выявить его систему обороны и огня вплоть до отдельной огневой точки, минометной и артиллерийской батареи. Все последующие изменения в положении противника своевременно учитывать и наносить на разведывательные схемы и схемы целей.

2. В целях маскировки системы обороны, группировки своих огневых средств и накопления боеприпасов сократить огневую деятельность артиллерии, минометов и стрелкового оружия, назначив для ведения огня специально выделенные огневые средства. Все огневые позиции, пристрелянные противником, сменить.

Ведение огня разрешить только с временных или запасных огневых позиций.

Установить на единицу действующего вооружения, особенно крупного калибра (120-мм минометов, 122- и 152-мм гаубиц), жесткий суточный лимит расхода боеприпасов".

Разработка общего оперативного замысла, а затем и плана действий в летней кампании 1944 года велась в Генеральном штабе на основе предложений командующих фронтами, которые знали обстановку до деталей.

Военный совет 1-го Белорусского фронта видел свою задачу в разгроме немецко-фашистских войск, занимавших обширный район - Минск, Барановичи, Слоним, Брест, Ковель, Лунинец, Бобруйск. Но достижении цели операции намечался выход наших армий на рубеж Минск, Слоним, Брест, река Западный Буг, в результате чего прервались бы все основные железнодорожные и шоссейные рокады противника на глубину до 300 километров, а значит, и нарушилось бы взаимодействие его оперативных группировок на западном направлении.

Операция предстояла сложная. По мнению командующего К. К. Рокоссовского, она не могла осуществляться одновременно всеми силами фронта, поскольку оборона противника восточное Минска являлась весьма устойчивой и прорывать ее в лоб было опрометчиво. Поэтому предлагалось проводить операцию в два этапа. На первом (продолжительностью до 12 дней) силами четырех армий левого крыла фронта предстояло как бы подрубить устойчивость вражеской обороны с юга. Для этого намечалось разгромить противостоящего противника и захватить позиции по восточному берегу реки Западный Буг на участке от Бреста до Владимир-Волынского, обойдя таким образом правый фланг группы армий "Центр". На втором же этапе мыслились уже одновременные действия всех войск фронта по разгрому бобруйской и минской группировок противника. Опираясь на захваченные позиции по Западному Бугу и обеспечивая свой левый фланг от контрударов с запада и северо-запада, левофланговые армии фронта должны были главными силами из района Бреста прорваться в тыл врага на Кобрин, Слоним, Столбцы. Одновременно с этим наносился бы и второй удар - правым крылом фронта из района Рогачев, Жлобин в общем направлении на Бобруйск, Минск. Для выполнения этих задач с учетом перегруппировок требовалось по крайней мере 30 дней. Успех же обходного маневра гарантировался только при условии усиления обходящего левого крыла фронта одной-двумя танковыми армиями.

Такой замысел представлял значительный интерес и служил примером оригинального решения наступательной задачи на очень широком фронте. Перед командующим фронтом вставали весьма сложные вопросы руководства действиями войск на разобщенных Полесьем направлениях. В Генштабе даже думали, не разделить ли в связи с этим 1-й Белорусский фронт на два. Однако К. К. Рокоссовский сумел доказать, что действия по единому плану и с единым фронтовым командованием в данном районе более целесообразны. Он не сомневался, что в этом случае Полесье окажется фактором, не разъединяющим действия войск, а объединяющим их.

К сожалению, Ставка не имела возможности в сложившейся тогда обстановке выделить и сосредоточить в район Ковеля необходимые силы и средства, особенно танковые армии. Поэтому чрезвычайно интересный замысел К. К. Рокоссовского осуществлен не был. Однако сама идея о направлении ударов и последовательности действий войск, обусловленная в значительной степени разделявшим 1-й Белорусский фронт огромным массивом лесов и болот, была использована

Оперативным управлением Генерального штаба при последующем планировании операций.

Г. К. Жуков, назначенный к тому времени на должность командующего 1-м Украинским фронтом, взамен погибшего Н. Ф. Ватутина, также прислал свои соображения о дальнейших наступательных действиях. По окончании ликвидации проскуровско-каменец-подольской группировки противника и после занятия Черновиц он намеревался разгромить врага в районе Львова и вынести свои войска на государственную границу. В ближайшую задачу главных сил фронта входило овладение на правом крыле Владимир-Волынским, в центре - Львовом, а на левом крыле - Дрогобычем. Последующая задача состояла в освобождении от немцев района Перемышля. В основе замысла Львовской операции лежал опять-таки обходный маневр.

Однако и эта операция тогда тоже не была осуществлена главным образом из-за недостатка сил. Но рациональные зерна замысла командующего не пропали. Детальная оценка возможного развития обстановки при наступлении выявила теснейшую взаимосвязь левофланговых армий 1-го Белорусского и войск 1-го Украинского фронтов, что оказало решающее влияние на порядок и сроки проведения здесь летних операции.

Во второй половине апреля в Генеральном штабе свели воедино все соображения по поводу летней кампании. Она представлялась в виде системы крупнейших в истории войн операций на огромном пространстве от Прибалтики до Карпат. К активным действиям надлежало привлечь почти одновременно не менее пяти-шести фронтов. Дальнейшее изучение существа дела определило, однако, целесообразность проведения самостоятельной большой операции на львовском направлении, а также операций на выборгском и свирско-петрозаводском направлениях.

Теперь летняя кампания вырисовывалась в такой последовательности. Открывал ее в начале июня Ленинградский фронт наступлением на Выборг. Затем подключался Карельский фронт с целью разгрома свирско-петрозаводской группировки противника. В итоге этих операций должен был выпасть из борьбы финский партнер гитлеровской Германии. За выступлением Карельского фронта без промедления следовали действия в Белоруссии, рассчитанные на внезапность. Затем, когда гитлеровское командование уже поймет, что именно здесь происходят решающие события, и двинет сюда свои резервы с юга, должно было развернуться сокрушительное наступление 1-го Украинского фронта на львовском направлении. Разгром белорусской и львовской группировок противника составлял

содержание главного удара Советских Вооруженных Сил в летнюю кампанию 1944 года. В это же время предполагалось проводить активные действия силами 2-го Прибалтийского фронта, чтобы сковать войска вражеской группы армий "Север", которая, несомненно, сделает попытки обеспечить устойчивость соседа справа - группы армий "Центр". И наконец, когда в результате всех этих могучих ударов враг понесет поражение, можно считать обеспеченным наступление на новом направлении - в Румынию, Болгарию, Югославию, а также в Венгрию, Австрию, Чехословакию.

В таком виде наметки плана летней кампании были доложены Ставке уже к концу апреля и послужили основой при формулировании в первомайском приказе Верховного Главнокомандующего политических целей Советских Вооруженных Сил. Этот праздничный приказ призывал войска очистить от врага всю землю нашей Родины и вызволить из гитлеровской неволи братские народы Польши, Чехословакии и других стран Восточной Европы.

Приступая к подготовке Белорусской операции, Генштаб хотел как-то убедить гитлеровское командование, что летом 1944 года главные удары Советской Армии последуют на юге и в Прибалтике. Уже 3 мая командующему 3-м Украинским фронтом было отдано следующее распоряжение:

"В целях дезинформации противника на вас возлагается проведение мероприятий по оперативной маскировке. Необходимо показать за правым флангом фронта сосредоточение восьми-девяти стрелковых дивизий, усиленных танками и артиллерией... Ложный район сосредоточения следует оживить, показав движение и расположение отдельных групп людей, машин, танков, орудий и оборудование района; в местах размещения макетов танков и артиллерии выставить орудия ЗА, обозначив одновременно ПВО всего района установкой средств ЗА и патрулированием истребителей.

Наблюдением и фотографированием с воздуха проверить видимость и правдоподобность ложных объектов... Срок проведения оперативной маскировки с 5 по 15 июня с. г.".

Аналогичная директива пошла и на 3-й Прибалтийский фронт. Маскировочные работы он должен был осуществлять восточное реки Череха.

Противник сразу клюнул на эти две приманки. Немецкое командование проявило большое беспокойство, особенно на южном направлении. С помощью усиленной воздушной разведки оно настойчиво пыталось установить, что мы затеваем севернее Кишинева, каковы наши намерения.

Своего рода дезинформацией являлось также оставление на юго-западном направлении танковых армий. Разведка противника следила за нами в оба и, поскольку эти армии не трогались с места, делала вывод, что, вероятнее всего, мы предпримем наступление именно здесь. На самом же деле мы исподволь готовили танковый удар совсем в ином месте. Людьми и техникой в первую очередь укомплектовывались те танковые и механизированные соединения, которым предстояло в скором времени перегруппироваться на белорусское направление.

Приняты были меры и к обеспечению тайны наших намерений. К непосредственной разработке плана летней кампании в целом и Белорусской операции в частности привлекался очень узкий круг лиц. В полном объеме эти планы знали лишь пять человек: заместитель Верховного Главнокомандующего, начальник Генштаба и его первый заместитель, начальник Оперативного управления и один из его заместителей. Всякая переписка на сей счет, а равно и переговоры по телефону или телеграфу категорически запрещались, и за этим осуществлялся строжайший контроль. Оперативные соображения фронтов разрабатывались тоже двумя-тремя лицами, писались обычно от руки и докладывались, как правило, лично командующими. В войсках развернулись работы по совершенствованию обороны. Фронтовые, армейские и дивизионные газеты публиковали материалы только по оборонительной тематике. Вся устная агитация была нацелена на прочное удержание занимаемых позиций. Работа мощных радиостанций временно прекратилась. В учебно-тренировочные радиосети включались только маломощные передатчики, располагавшиеся не ближе 60 километров от переднего края и работавшие на пониженной антенне под специальным радиоконтролем.

Весь этот комплекс мер оперативной маскировки в конечном счете оправдал себя. История свидетельствует, что противник был введен в глубокое заблуждение относительно истинных наших намерений. К. Типпельскирх, в то время командовавший 4-й немецкой армией, писал впоследствии, что генерал Модель, возглавлявший фронт в Галиции, не допускал возможности наступления русских нигде, кроме как на его участке. И высшее гитлеровское командование вполне с ним соглашалось, считая, однако, что наш удар в Галиции может сочетаться с ударом в Прибалтике. Развертыванию же советских войск перед группой армий "Центр" отводилось второстепенное значение.

Всю первую половину мая 1944 года шла черновая работа над планом летней кампании. Еще и еще раз уточнялись детали

наступления в Белоруссии. В силу недостатка резервов пришлось отказаться от предложения К. К. Рокоссовского о наступлении через Ковель с разворотом в тыл противнику западнее Полесья. Сосредоточились на урезанном варианте операции севернее припятских лесов и болот. Перед тем мы снова запросили соображения командующего 1-м Белорусским фронтом, указав на перспективу подчинения ему 28-й армии и 9-го танкового корпуса.

К. К. Рокоссовский и его штаб разобрались во всем и доложили нам свои соображения к 11 мая. Целью операции для 1-го Белорусского фронта они считали разгром жлобинской группировки гитлеровцев, а в дальнейшем - развитие успеха на Бобруйск, Осиповичи, Минск. При этом главные силы фронта наносили не один, а два одновременных удара равной мощи: первый - по восточному берегу реки Березина с выходом на Бобруйск, второй - по западному берегу, в обход Бобруйска с юга. Применение двух одинаковых по силе главных ударов, во-первых, дезориентировало противника, было для него внезапным, во-вторых, лишало его возможности противодействовать нашему наступлению с помощью маневра. Вспомогательные действия намечались в направлении Слуцк, Барановичи.

Особое значение Рокоссовский придавал непрерывности наступления. Чтобы исключить тактические, а в дальнейшем и оперативные паузы, предполагалось уже на 3-й день операции, когда только что будет прорвана тактическая оборона немцев, ввести в полосе 3-й армии 9-й танковый корпус для развития успеха на бобруйском направлении. При подходе же 3-й и 48-й армий к реке Березина, в стыке между ними, намечалось пустить свежую 28-ю армию с задачей овладеть городом Бобруйском и продолжать наступление на Осиповичи, Минск.

Действуя таким несколько необычным для того времени способом, командующий войсками 1-го Белорусского фронта намеревался рассечь противостоящие силы неприятеля и разгромить их поочередно, не стремясь, однако, к немедленному окружению. Оперативное управление Генерального штаба учло эти соображения.

К 14 мая разработка Белорусской операции закончилась. Все было сведено в единый план и оформлено в виде короткого текста и карты. Текст писался от руки генералом А. А. Грызловым, и 20 мая, после нескольких дней раздумий, его скрепил своей подписью А. И. Антонов.

Много размышляли, как назвать этот план, но до самого момента представления Верховному Главнокомандующему он так и не получил никакого наименования. И. В. Сталин предложил

именовать его "Багратионом" в честь выдающегося нашего соотечественника, прославившего русское оружие в борьбе против иноземных захватчиков в 1812 году.

По первоначальному варианту плана "Багратион", цель операции состояла в том, чтобы ликвидировать выступ неприятельской обороны в районе Витебск, Бобруйск, Минск и выйти на рубеж Дисна, Молодечно, Столбцы, Старобин. Замыслом предусматривался разгром фланговых группировок противника, охват флангов и прорыв центра его позиций с последующим развитием успеха по сходящимся направлениям на Минск. Все силы четырех наших фронтов - трех Белорусских и 1-го Прибалтийского - нацеливались на группу армий "Центр". Обеспечение операции с севера и юго-запада осуществлялось незначительной частью войск.

На направление главного удара срочно подтягивались резервы Ставки. В первых числах июня здесь должны были сосредоточиться две армии, высвободившиеся в Крыму: 51-я - юго-восточнее Гомеля и 2-я гвардейская - в районе Ярцева.

Главные силы, участвовавшие в наступлении, подразделялись на две группы. В группу "А" входили 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский фронты, всего 39 стрелковых дивизий, два танковых корпуса, один кавалерийский корпус, шесть артиллерийских дивизий (в том числе две дивизии гвардейских минометов). Группу "Б" составляли 2-й Белорусский фронт и правофланговые армии 1-го Белорусского фронта, а всего 38 стрелковых дивизий, один танковый и один механизированный корпуса, три артиллерийские дивизии (из них одна дивизия гвардейских минометов).

В общей же сложности против 42 неприятельских дивизий (по нашим тогдашним несколько заниженным подсчетам), оборонявшихся в белорусском выступе, должны были наступать 77 наших стрелковых дивизий, три танковых корпуса, один механизированный, один кавалерийский, шесть дивизий ствольной артиллерии и три дивизии гвардейских минометов.

Генеральный штаб полагал, что такие силы гарантируют нам выполнение замысла операции. Однако вскоре выявилось, что количество дивизий противника несколько превышает наши данные, а слабый 2-й Прибалтийский фронт не в состоянии надежно сковать войска группы армии "Север", и потому последняя может нанести чрезвычайно опасный для нас фланговый удар в полосе своего соседа справа - группы армии "Центр". По мере уточнения сил и средств противника план пришлось корректировать. Неизбежность этого мы в какой-то степени предвидели. Для этого ведь, собственно, и намечалось

организовать обсуждение плана с командующими фронтами примерно за месяц до начала наступления, с учетом последних данных обстановки н тенденции ее развития на ближайшее время.

Важнейшим элементом плана всякой операции являлся ее замысел. По плану "Багратион" замышлялся полный разгром всех остальных сил противника, оборонявшихся в Белоруссии. Этот вопрос неоднократно и всесторонне обсуждался с начальником Генерального штаба А. М. Василевским и с заместителем Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуковым. Мыслилось, что разгром значительной части наиболее боеспособных неприятельских войск будет достигнут уже в период прорыва обороны, первая полоса которой была особенно насыщена живой силой. Поскольку противник резервировал свои войска мало, возлагались большие надежды на первый огневой удар по его тактической зоне. С этой целью фронтам и давалось такое большое количество артиллерийских дивизий прорыва.

Что же касается способов дальнейших действий, то они вырисовывались по-разному. Никаких сомнений не вызывал район Витебска. Здесь оперативное положение советских войск, глубоко охвативших этот укрепленный центр, делало наиболее целесообразным окружение с одновременным дроблением и уничтожением вражеской группировки по частям. Применительно же к другим направлениям термин "окружение" не употреблялся. В отношении способов действий, так же как н в операции "Румянцев", проявлялась большая осторожность. Опыт, добытый в битве под Сталинградом и других крупных сражениях, свидетельствовал, что окружение и ликвидация окруженного противника связаны с расходом большого количества войск и боевой техники, с потерей длительного времени. А любое промедление на столь широком фронте наступления, как в Белоруссии, давало врагу возможность подвести резервы и парировать наши удары.. Учитывалось и то, что своеобразная лесисто-болотистая местность, на какой развертывалась Белорусская операция, не позволяла создать сплошное кольцо окружения.

В данной конкретной обстановке прежние методы ликвидации противника мы считали неподходящими. Нужно было придумать что-то новое. Родилась, в частности, такая идея: нанеся поражение основной массе войск противника в тактической глубине его обороны мощным артиллерийским и авиационным ударом, отбросить их остатки с оборудованных позиций в леса и болота. Там они окажутся в менее благоприятных условиях: мы будем бить их с фронта, с флангов, с воздуха, а с тыла помогут партизаны. По результатам это было

равнозначно окружению, и мы считали такой метод действий безусловно выгодным.

Особое место при разработке плана "Багратион" занимал вопрос о темпе наступления. Известно, что высокие темпы продвижения наступающих войск воспрещают или затрудняют противнику организацию и ведение планомерных оборонительных действий. В конечном счете это приводит обороняющегося к полной потере инициативы и окончательному разгрому. Но для того чтобы наступление шло в высоком темпе, необходимы подвижные силы, а их у нас в период разработки плана Белорусской операции почти не было. Все наши танковые армии по-прежнему находились на южном крыле советско-германского фронта. К тому же мы отлично понимали, что на очень трудной лесисто-болотистой местности Белоруссии можно применить относительно небольшое количество подвижных войск, главным образом в виде отдельных танковых полков, бригад и корпусов, в лучшем случае - одной танковой армии.

Включение танковой армии в состав наступающей группировки, несомненно, могло придать операции гораздо большую стремительность. И Генеральный штаб решил просить об этом при обсуждении плана в Ставке.

В Ставке план обсуждался 22 и 23 мая с участием Г. К. Жукова, А. М. Василевского, командующего войсками 1-го Прибалтийского фронта И. Х. Баграмяна, командующего войсками 1-го Белорусского фронта К. К. Рокоссовского, членов военных советов этих же фронтов, а также А. А. Новикова, Н. Н. Воронова, Н. Д. Яковлева, А. В. Хрулева, М. П. Воробьева, И. Т. Пересыпкина и работников Генштаба во главе с А. И. Антоновым. И. Д. Черняховский отсутствовал по болезни. И. Е. Петрова, как действовавшего на вспомогательном направлении, в Ставку не вызывали.

В течение этих двух дней была окончательно сформулирована цель Белорусской операции - окружить и уничтожить в районе Минска крупные силы группы армий "Центр". Генеральный штаб, как уже отмечалось, не хотел употреблять слово "окружение", но нас поправили. Окружению должен был предшествовать одновременный разгром фланговых группировок противника - витебской и бобруйской, а также его сил, сосредоточенных под Могилевом. Тем самым сразу открывался путь на столицу Белоруссии по сходящимся направлениям.

По ходу обсуждения замысла уточнялся состав ударных группировок фронтов, решались вопросы усиления их подвижными войсками. Была, в частности, удовлетворена и наша

просьба об использовании на главном направлении 3-го Белорусского фронта одной танковой армии: туда перебрасывалась 5-я гвардейская. Глубину и темп операции предполагалось увеличить также за счет ввода в действие общевойсковых армий из резерва Ставки. Начинать наступление решили 15-20 июня.

И. Х. Баграмян предложил направить усилия 1-го Прибалтийского фронта главным образом на обеспечение операции от возможного контрудара со стороны группы армий "Север". С ним согласились. Задача фронта была несколько изменена. Теперь уже не предусматривалось непосредственное его участие в окружении противника восточное Минска. Он должен был наступать в обход Полоцка с юга, отсекая главные силы группы армий "Север" от неприятельских войск, действовавших на центральном участке. Кроме того, обеспечение операции с севера предлагалось решать за счет активных действий 2-го Прибалтийского фронта.

Южный фланг нас беспокоил меньше. Полесье надежно прикрывало его, ограничивая контрманевр противника только ударом из глубины. К тому же в ходе операции "Багратион" должно было начаться наступление 1-го Украинского фронта на львовском направлении. Выделять крупные силы для обеспечения этого фланга не было никакой необходимости.

На 2-й Белорусский фронт возлагалась задача сковать как можно больше вражеских войск и не позволить гитлеровскому командованию использовать их для противодействия обходному маневру 3-го и 1-го Белорусских фронтов. У Ивана Ефимовича Петрова имелся в этом отношении достаточный опыт, и за него мы тоже были спокойны.

И. Д. Черняховский прибыл в Москву после болезни - 24 мая. Вместе с ним приехал и член Военного совета В. Е. Макаров. Привезенный ими план фронтовой операции рассмотрели лично Г. К. Жуков и А. М. Василевский и в основном одобрили его. Однако днем 25 мая при докладе плана в Ставке было предложено спланировать для 3-го Белорусского фронта два одновременных удара - на богушевском и оршанском направлениях. В течение ночи над этим трудились И. Д. Черняховский, В. Е. Макаров и начальник направления полковник В. Ф. Мернов. В новом графическом плане операции было показано также усиление фронта 5-й гвардейской танковой армией и еще одной артиллерийской дивизией прорыва.

Перед рассветом Черняховский, Макаров и я поехали на "Дальнюю дачу" Сталина по Дмитровскому шоссе. Верховный Главнокомандующий выслушал наш доклад и утвердил план без

замечаний.

После этого нас всецело поглотили заботы о материальном обеспечении наступления в Белоруссии. На белорусское направление устремились многочисленные железнодорожные эшелоны с войсками, вооружением, техникой и другими военными грузами. День ото дня ширилась переброска двух общевойсковых армий из Крыма. Мы всячески старались сохранить это в тайне. Еще 21 мая командующему 4-м Украинским фронтом была направлена телеграмма, предписывавшая соблюдать строжайшие меры скрытности железнодорожных перевозок. Запрещалась служебная переписка по этому поводу, почти полностью прекращались командировки офицеров и генералов в Москву. На остановках эшелоны немедленно оцеплялись сильными патрулями и люди выпускались из вагонов лишь командами. Линейным органам ВОСО и работникам НКПС никаких данных, кроме номера, присвоенного эшелону, не сообщалось.

К началу перегруппировки 5-й гвардейской танковой армии обнаружилось, что из ее состава на месте хотят изъять часть танков и полки самоходной артиллерии. Желание фронта было, конечно, понятно, но ослаблять армию никак не входило в расчеты Генерального штаба. В связи с этим 2-му Украинскому фронту была дана следующая директива:

"5-ю гвардейскую танковую армию отправить в составе корпуса Вовченко и корпуса Кириченко со всем наличием людей, материальной части и имущества. Оба корпуса должны иметь не менее 300 танков".

Осуществляя перегруппировку войск и накапливая для предстоящего наступления необходимые материальные средства, мы все время испытывали чувство тревоги за железнодорожный транспорт. Он был сильно перегружен и мог подвести нас. Мысль о своевременном завершении железнодорожных перевозок гвоздем сидела в мозгу работников Оперативного управления Генерального штаба. О наших опасениях не один раз докладывалось Сталину. Но Верховный полагался на наркома путей сообщения и, как вскоре выяснилось, явно переоценил возможности последнего. Железные дороги к сроку своей задачи не решили, из-за чего начало операции пришлось отложить на несколько суток.

Параллельно с гигантской работой по сосредоточению войск и запасов для наступления в Белоруссии мы продолжали, конечно, совершенствовать оперативную сторону плана летней кампании в целом. Генеральный штаб рассмотрел соображения по Выборгской и Свирско-Петрозаводской операциям,

представленные соответственно командованием Ленинградского фронта во главе с генералом армии Л. А. Говоровым и командованием Карельского фронта, возглавлявшегося генералом армии К. А. Мерецковым. Как уже говорилось раньше, действиями этих двух фронтов, в благоприятном исходе которых никто не сомневался, должно было начаться победоносное шествие Советской Армии летом 1944 года. Затем эстафета побед вручалась войскам на главном - белорусском направлении и в ходе их наступления - армиям 1-го Украинского фронта, теперь уже под командованием И. С. Конева.

Масштабы активных действий советских войск должны были непрерывно нарастать таким образом, чтобы наше наступление превратилось к концу лета в разрушающую все преграды стремительную лавину, перед которой не могла бы устоять военная машина третьего рейха. Наше правительство не делало из этого секрета для своих союзников. 30 мая оперативные замыслы советского Верховного Главнокомандования в окончательном виде легли на карту Генерального штаба, 31 числа того же месяца были отданы соответствующие директивы фронтам, а уже 6 июня И. В. Сталин написал У. Черчиллю:

"Летнее наступление советских войск, организованное согласно уговору на Тегеранской конференции, начнется к середине июня на одном из важных участков фронта. Общее наступление советских войск будет развертываться этапами путем последовательного ввода армий в наступательные операции. В конце июня и в течение июля наступательные операции превратятся в общее наступление советских войск".

В этом письме содержалась точная и достаточно подробная характеристика наших оперативных замыслов.

Вслед за директивой о наступлении в Белоруссии на фронты сразу же выехали представители Ставки. Прежде всего им надлежало убедиться, правильно ли понята эта директива, всем ли командующим ясны задачи, не толкуются ли они каждым по-своему. Затем представители Ставки должны были вместе с командованием и штабами фронтов выработать наилучшие способы применения наличных сил и средств, организовать взаимодействие и в дальнейшем строго контролировать исполнение утвержденного плана. В обязанность им вменялось также оказание помощи фронтам в материально-техническом обеспечении операции.

На Г. К. Жукова возложили координацию деятельности 1-го и 2-го Белорусских фронтов, А. М. Василевского направили на 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский, где командующие не имели еще достаточного опыта организации и ведения фронтовых

операций большого размаха. Черняховский до того вообще не командовал фронтом. Поэтому Александр Михайлович, обладающий не только талантом крупного военачальника, по и качествами воспитателя, был здесь наиболее полезен.

Меня во главе группы офицеров Генштаба послали на 2-й Белорусский фронт. Положение мое оказалось несколько своеобразным: с одной стороны, я был подчинен представителю Ставки Г. К. Жукову, а с другой - пользовался правом напрямую связываться с начальником Генерального штаба и решать с ним все вопросы по ходу подготовки операции.

Наряду с выполнением многих других обязанностей мне предстояло ввести в курс дела только что назначенного взамен И. Е. Петрова нового командующего фронтом Г. Ф. Захарова и помочь ему, по крайней мере на первых порах. В состав моей группы включили генерал-полковника Я. Т. Черевиченко, главным образом для организации контроля за ходом боевой подготовки войск.

Замена И. Е. Петрова была произведена но личному распоряжению И. В. Сталина. Однажды, когда мы с Антоновым приехали в Ставку с очередным докладом, Верховный Главнокомандующий сказал, что член Военного совета 2-го Белорусского фронта Л. З. Мехлис пишет ему о мягкотелости Петрова, о неспособности его обеспечить успех операции. Мехлис доложил также, что Петров якобы болен и слишком много времени уделяет врачам. Для нас это оказалось полной неожиданностью. Мы знали Ивана Ефимовича как самоотверженного боевого командира, целиком отдающегося делу, очень разумного военачальника и прекрасного человека. Он защищал Одессу, Севастополь, строил оборону на Тереке. Мне пришлось неоднократно бывать у него в Черноморской группе войск на Северо-Кавказском фронте, в Отдельной Приморской армии, и я был убежден в его высоких командирских и партийных качествах. Видимо, у Сталина было какое-то предвзятое отношение к Петрову. Только в январе Ивана Ефимовича отстранили от командования Отдельной Приморской армией, в мае назначили с повышением на 2-й Белорусский фронт, а через полтора месяца опять сняли, чтобы еще через два месяца - 5 августа того же 1944 года - вновь назначить на пост командующего фронтом. Теперь уже 4-м Украинским. К чести Петрова надо сказать, что он мужественно перенес это и на любом посту отдавал Родине все, что имел, знания, опыт и здоровье.

Преемник Ивана Ефимовича на 2-м Белорусском фронте генерал-полковник Г. Ф. Захаров был человеком весьма

своенравным и не в меру горячим. Я очень опасался, что он начнет по-своему трактовать уже утвержденный Ставкой план операции, осложнит отношения с начальником штаба фронта генерал-лейтенантом А. Н. Боголюбовым, работником опытным, но тоже очень вспыльчивым. К тому же и Л. З. Мехлис оставался здесь.

На мою долю выпала нелегкая задача как можно безболезненнее провести смену командующих. На фронтовом командном пункте в моем присутствии И. Е. Петров лично доложил обстановку и план предстоящих действий.

В состав фронта входили тогда три общевойсковые армии: 33-я, которой командовал генерал-лейтенант В. Д. Крюченкин, 49-я под командованием генерал-лейтенанта И. Т. Гришина и 50-я армия генерал-лейтенанта И. В. Болдина. Воздушной армией командовал знакомый уже мне по Кубани и Крыму генерал-полковник авиации К. А. Вершинин. Фронтовое управление было вполне сколоченным; костяк его составляли генералы и офицеры, прошедшие большой боевой путь и хорошо знавшие свое дело.

Учитывая психологическое состояние И. Е. Петрова, можно было ожидать, что он в своем докладе не поскупится на мрачные краски, допустит преувеличение трудностей. Это мне казалось нежелательным, так как могло породить у нового командующего чувство неуверенности. Но ничего подобного не случилось. Все шло нормально. Петров докладывал правдиво. Для него и в данном случае превыше всего были интересы дела, а личная обида отодвигалась на задний план.

Никаких неясностей относительно задач фронта или способов их решений в ходе доклада не возникло. Да и как они могли возникнуть, если еще полмесяца назад со 2-го Белорусского фронта в Ставку были присланы хорошо продуманные соображения. Цель наступления вырисовывалась четко - разгромить могилевскую группировку противника и выйти на Березину. Направление главного удара и участок прорыва были избраны в принципе верно - из района Дрибин, Дедня, Рясна в обход Могилева с севера в расчете разъединить противостоявшие неприятельские войска и уничтожить их по частям. В ходе развития удара предполагалось захватить плацдарм на западном берегу Днепра севернее Могилева и овладеть городом.

Генеральный штаб не согласился тогда лишь с группировкой сил фронта и несколько усложненным маневром при прорыве обороны противника. Получалось так, что 49-я армия должна была наносить не только главный удар, но еще и вспомогательный - на Бординичи, Горбовичи, Слободку. Другие

армии действовали на своих направлениях. В итоге создавалось опасное для исхода операции раздробление сил фронта, чего, конечно, допускать не следовало. Поэтому в директиве Ставки от 31 мая фронту прямо предлагалось иметь на главном направлении не менее 11- 12 дивизий со средствами усиления и нанести один общий удар. Таким путем достигалось необходимое массирование усилий фронта, обеспечивавшее прорыв обороны противника на всю ее глубину.

При передаче фронта новому командующему Петров сказал и об этом без всяких обиняков, даже подчеркнул очевидную целесообразность поправки, внесенной Ставкой. После его доклада были заслушаны начальник штаба, командующие родами войск, начальники служб. Тут же Иван Ефимович распрощался со всеми и отбыл.

На следующее утро новый командующий знакомился с войсками. Вместе мы выехали в 49-ю армию и просмотрели на позициях по одному полку в 290-й и 95-й стрелковых дивизиях. Оба полка производили благоприятное впечатление: были укомплектованы почти до штата, личный состав имел неплохую выучку. Однако поражало почти полное отсутствие в боевых подразделениях людей, отмеченных правительственными наградами. Орденов и медалей не получили даже те из солдат, сержантов, командиров взводов. рот и батальонов, которые воевали с первого дня войны, не раз проявляли героизм и имели по нескольку ранений. А вот в тылах награжденных наблюдалось многовато. Я, конечно, постарался сделать все, что мог, для исправления этой несправедливости.

А Захаров, как мы и ожидали, не замедлил объявить, что до него здесь все было плохо и ему-де придется долго исправлять чужие грехи. Тут же с ходу он пытался опротестовать направление главного удара в подготовляемом наступлении. Внешне доводы его казались вполне логичными: зачем, мол, заставлять войска форсировать в ходе наступления реку Проню, если у соседней 50-й армии имеется уже готовый плацдарм. Захаров настаивал на перенесении усилий фронта в полосу 50-й армии, не дав себе труда побывать на местности. А местность в районе плацдарма была выгодной для обороны противника и никак не позволяла нам в полную меру использовать главную ударную силу - артиллерию. На участке же прорыва, намеченном Петровым и одобренном Генеральным штабом, артиллерия имела возможность надежно подавить всю тактическую зону неприятельской обороны, чем вполне компенсировалась необходимость форсирования реки. Да и без того Проня не представляла здесь собой серьезной преграды. Лишь после того

как были изложены все эти соображения и в категорической форме заявлено, что решение, утвержденное Ставкой, менять без ее ведома нельзя, Захаров скрепя сердце сдался.

Второй неприятный срыв произошел у него 7 июня. В этот день на командном пункте И. Т. Гришина было созвано совещание командиров корпусов и дивизий. Имелось в виду заслушать их доклады по обстановке и поставить некоторые задачи по подготовке войск и органов управления к наступлению.

Собрались в большой палатке госпитального типа. Все с повышенным интересом приглядывались к новому командующему. Г. Ф. Захаров уловил это и начал совещание с подробного рассказа своей биографии, особенно налегая на боевую практику. Потом вдруг без заметного повода пустился в рассуждения об отличии строевого совещания от собраний. Слово "строевого" было произнесено с подчеркнутым пафосом, и затем прозвучала такая тирада:

- Здесь говорить буду я, а вам надлежит только слушать и записывать мои указания.

Тут же командующий потребовал показать, на чем кто собирается вести записи. Поднялись руки с листками и потрепанными блокнотами. Г. Ф. Захаров распорядился немедленно раздать заранее заготовленные рабочие тетради и довольно пространно объяснил их значение.

Вооружившись тетрадями, все, естественно, приготовились записывать указания, но таковых не последовало. Вместо указаний командующий стал поднимать участников совещания и поочередно задавать каждому вопросы по уставам, по тактике общевойскового боя. Многие смущались, отвечали невпопад. Захаров взвинчивался все больше и больше, перешел на грубости. Атмосфера накалилась. Нужно было принимать какие-то меры. Поскольку совещание длилось уже достаточно долго, я предложил сделать перерыв.

Пока командиры, выйдя из палатки, курили и сдержанно обменивались впечатлениями, мы с Захаровым успели объясниться. Я с большим трудом убедил его, что продолжать в таком духе и тоне не следует. После перерыва он повел себя по-иному. Говорил дельно и действительно дал ряд важных указаний по подготовке к прорыву неприятельской обороны.

Вскоре почувствовалось, что, несмотря на все шероховатости первой половины совещания, между командующим и аудиторией начинает устанавливаться контакт. Командиры успокоились и слушали его внимательно. Но когда в качестве образца для подражания без каких-либо оговорок была названа "Памятка по прорыву обороны", составленная и применявшаяся в боях за

Крым, люди опять заволновались. И это понятно: ведь в Таврии местность типично степная, ровная, как стол, позиции сторон на фронте 2-й гвардейской армии, которой командовал там Захаров, сходились почти вплотную. В такой обстановке "Памятка" резонно рекомендовала стремительным броском преодолевать расстояние до траншей противника вслед за перемещением артиллерийского огня. Но здесь-то, в Белоруссии, перед нашим передним краем лежала низменная пойма реки Прони почти в два километра шириной, и только за ней располагался противник, скрытый к тому же лесом. Такое пространство броском не проскочишь. Здесь не годились методы действий, оправдавшие себя в Таврии.

Волнение присутствующих не ускользнуло от внимания командующего. Он поправился: к использованию любого опыта следует, мол, подходить творчески. "Памятку", привезенную из Крыма, раздавать не стали, и закончилось совещание вполне нормально. В последующем Г. Ф. Захаров сам с пристрастием следил за тем, чтобы способы действий войск всегда отвечали условиям обстановки, согласовывались с ее особенностями.

Выбор наиболее целесообразных способов действий войск в предстоящем наступлении стал предметом особых забот командиров всех степеней. Над этим размышляли в каждом штабе. Много потрудились в этом отношении и представители Ставки.

Г. К. Жукова, например, в течение по крайней мере двух недель с утра до ночи занимал вопрос, как лучше разделаться с противником в районе Бобруйска. В поисках ответа Георгий Константинович выехал на правое крыло 1-го Белорусского фронта севернее Полесья и вместе с К. К. Рокоссовским собрал на совет командармов П. И. Батова, А. В. Горбатова, П. Л. Романенко, С. И. Руденко. Приглашены были также командующий артиллерией фронта В. И. Казаков и командующий бронетанковыми войсками Г. Н. Орел. Изучив характер местности и систему неприятельской обороны, все сошлись на том, что если из последней выхватить здесь обширный кусок и после прорыва окружить немцев, то обнажится основание всей их группировки в Белоруссии и она рухнет полностью. Но решиться на такое можно было лишь при полной уверенности, что окружение удастся осуществить в короткое время и в еще менее продолжительный срок противник окажется ликвидированным. В других случаях операция грозила затянуться, а это повлекло бы за собой тяжелые последствия.

Представитель Ставки поработал на местности в полосе каждой армии, еще и еще раз примериваясь и рассчитывая различные варианты операции, пока наконец не было признано

окончательно, что наилучшим способом решения задачи 1-го Белорусского фронта будет окружение противника в районе Бобруйска с последующим уничтожением окруженных. Этот мучительный вопрос разрешился, можно считать, только 19 июня.

То же происходило и на других направлениях, в частности на 3-м Белорусском и 1-м Прибалтийском фронтах, где работал А. М. Василевский. Он с такой же тщательностью изучал обстановку в полосе каждой армии.

Специальному рассмотрению подверглись способы применения различных родов войск. Особое внимание было уделено артиллерии и авиации. Ведь по замыслу операции от них требовалось нанесение такого огневого удара по тактической зоне обороны немцев, который позволил бы нам быстро вырваться на оперативный простор.

Над тем, как лучше провести артиллерийскую подготовку атаки, думали все от представителя Ставки и командующего фронтом до командиров рот и батарей. Всеми путями уточнялись наиболее важные цели, рассчитывались возможности различных артиллерийских систем и приемы ведения огня, определялись условия и содержание взаимодействия артиллерии с авиацией, танками, пехотой.

Появились оригинальные приспособления. В частности, на 2-м Белорусском фронте была сконструирована так называемая летающая торпеда, очень простая по замыслу. На реактивный снаряд М-13 с помощью железных обручей крепилась деревянная бочка обтекаемой формы. Внутрь бочки заливался жидкий тол. Общий вес такого устройства достигал 100- 130 килограммов. Для устойчивости в полете к хвостовой его части приделывался деревянный стабилизатор. Стрельба производилась из деревянного ящика с железными полозьями в качестве направляющих. Ящик этот помещали предварительно в котлован и придавали ему нужный угол возвышения. При желании торпеды можно было запускать сериями по пять - десять единиц одновременно.

9 июня мы провели опытную стрельбу. Выпустили 26 торпед одиночным порядком и сериями. Дальность их полета достигала 1400 метров, а взрывы были такой силы, что в суглинистом грунте образовались воронки по шесть метров в диаметре и до трех метров глубиной. Командование фронта считало целесообразным применить в процессе артподготовки по крайней мере 2000 этих устройств. Но перед тем требовалось добыть столько же реактивных снарядов М-13, в которых очень нуждались все фронты. Пришлось опереться на авторитет Генштаба. В результате снаряды были получены и самодельные

торпеды успешно дополнили мощь нашего огневого удара по обороне противника.

Немало поломали голову и над использованием танков. Местность была трудной для них. Леса и болота ограничивали маневр. На этом основании многие решили, что применять здесь танковые войска можно только мелкими подразделениями в качестве непосредственной поддержки пехоты. Определилась реальная опасность раздергивания танковых корпусов. Допустить этого мы не могли. В Генеральном штабе существовало твердое убеждение, что для развития успеха операции непременно надо массировать танковые удары на большую глубину.

Самые насущные нужды 28-й и 48-й армий в танках непосредственной поддержки пехоты были удовлетворены за счет отдельных танковых полков и самоходной артиллерии. Корпуса же удалось сохранить, и в последующем они с большой эффективностью действовали на бобруйском и слуцком направлениях.

Правильно был решен вопрос и в отношении 5-й гвардейской танковой армии. Она представляла собой сильное объединение с опытным составом командиров и бойцов. Возглавлял армию П. А. Ротмистров. Первоначально намечалось задействовать ее сразу после прорыва тактической обороны противника для развития успеха на оршанском направлении, которое тогда рассматривалось как основное. Но 17 июня, при обсуждении у Верховного Главнокомандующего доклада А. М. Василевского по плану действий 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, оршанское направление было признано малоперспективным. Возникла мысль о возможности применения танковой армии севернее Орши в полосе 5-й общевойсковой армии, где немцы имели менее сильные позиции. Здесь танки предполагалось ввести в сражение также после прорыва тактической обороны противника. Право выбора наиболее целесообразного варианта их использования закрепили за представителем Ставки, а время передачи танковой армии в распоряжение фронта определялось Генеральным штабом и утверждалось лично Верховным Главнокомандующим. Таким образом, до окончательного выяснения вопроса, где лучше и когда именно применять танковую армию, она оставалась в руках Ставки.

На 2-м Белорусском фронте развитие успеха операции должно было осуществляться иными средствами. Крупных танковых соединений он не имел. Однако тщательное изучение задачи показало, что без подвижной группы ему не обойтись. Она требовалась прежде всего для того, чтобы в решающий момент

прорваться на западный берег Днепра, севернее Могилева, захватить там плацдарм и удерживать его до подхода основных сил 49-й армии. Мы опасались, что в противном случае враг может закрепиться по Днепру, усилив оборону отходящими войсками.

И подвижная группа была создана. В состав ее вошли: одна стрелковая дивизия, две танковые бригады, одна истребительно-противотанковая артиллерийская бригада и небольшие специальные подразделения. Возглавил все это заместитель командующего 49-й армией генерал А. А. Тюрин. В ходе операции ему действительно удалось протолкнуть свою группу вперед. Она форсировала Днепр в районе Добрейки и во взаимодействии с 4-й воздушной армией успешно отразила контратаки противника, способствуя наступлению всей ударной группировки фронта.

С авиацией мы связывали очень большие надежды буквально на всех направлениях. Подготавливая наступление в условиях лесисто-болотистой местности, нельзя было не предвидеть, что с началом преследования врага артиллерия наша отстанет. Ведь отдельных маршрутов для нее не имелось: хочешь не хочешь, а при смене огневых позиций пользуйся дорогами, до крайности забитыми другими войсками. Это почти неизбежно влекло за собой ослабление артиллерийской поддержки при развитии успеха. Компенсировать недостачу артогня могла здесь только авиация.

Еще 7 июня А. М. Василевский совместно с И. Д. Черняховским и заместителем командующего Военно-Воздушными Силами Ф. Я. Фалалеевым разработал детальный план авиационного наступления. Однако в последующем в него были внесены существенные коррективы, поскольку у Г. К. Жукова зародилась мысль привлечь к участию в разгроме группы армий "Центр" не только фронтовую авиацию, но и дальнюю.

10 июня, по просьбе Георгия Константиновича, Верховный Главнокомандующий направил в Белоруссию командующего Военно-Воздушными Силами А. А. Новикова. Затем туда же прибыли начальник штаба ВВС С. А. Худяков, командующий авиацией дальнего действия А. Е. Голованов и его заместитель Н. С. Скрипко. 19 июня под руководством Г. К. Жукова и при участии начальника Главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлева, а также двух командующих воздушными армиями - С. И. Руденко и К. А. Вершинина был окончательно уточнен маневр всеми наличными авиационными средствами в интересах 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Удары с воздуха четко увязывались с действиями артиллерии по времени, целям и этапам наступления. Для 3-го Белорусского фронта дополнительно

выделили 350 самолетов дальней авиации.

И все-таки в последующем не обошлось без осложнений. Мне довелось поволноваться за действия авиации на 2-м Белорусском фронте. Оснований для этого оказалось более чем достаточно. Дело, во-первых, в том, что в полосе фронта через огромный лесной массив одинокой нитью тянулось сильно выбитое, но доступное для движения шоссе Могилев - Минск. По нему ожидался отход основной массы разбитых войск противника, и 4-я воздушная армия, безусловно, должна была своими ударами с воздуха создать здесь многочисленные пробки, нанести дополнительный урон немцам в живой силе и технике. Наиболее подходящими для этой цели являлись также переправы через Березину - реку относительно крупную, но бедную мостами. Авиации, разумеется, требовалось много горючего, а его-то как раз и не хватало. Оно находилось на складах в Подмосковье. Его все время обещали подвезти, но до начала операции оставались считанные дни, а транспорты с горючим не появлялись. Они прибыли лишь в самый канун наступления.

Немало волнений доставила и авиация дальнего действия. В принципе с применением ее все было ясно, но на практике получалось иначе. Два маршала Жуков и Василевский, организовавшие боевые действия справа и слева от 2-го Белорусского фронта, все прибрали к своим рукам. После наших настойчивых просьб Георгий Константинович выделил нам некоторое количество авиации дальнего действия, но только на бумаге. На деле же до самого последнего момента мы не имели возможности даже ставить задач тяжелым бомбардировщикам их представители в штабе 2-го Белорусского фронта не появлялись. Эта сила, казалось, начисто выпадает из огневого баланса фронта. Однако к началу операции все утряслось: определилось, что 1-й Белорусский фронт перейдет в наступление на день позднее других фронтов, и авиация дальнего действия, запланированная для него, сумела основательно поработать в интересах 2-го Белорусского фронта.

Ставка и Генеральный штаб всеми способами старались до конца искоренить элементы неорганизованности. И нужно сказать, что теперь это удавалось им гораздо легче, чем в прошлом. Люди, управлявшие войсками, день ото дня не только мужали духом, но и совершенствовали стиль командной и штабной работы. Они становились подлинными мастерами своего дела. Повсеместно наблюдался процесс поразительно быстрого профессионального роста офицеров и генералов, развивались их организаторские навыки, углублялось военное мышление. Поэтому все трудности, возникавшие на пути к цели, в конечном

счете успешно преодолевались.

На протяжении всего времени подготовки к Белорусской операции наши командиры и штабы всех степеней пристально следили за противником. Разведчики днем и ночью проводили поиски, добывали "языков". Войска в целом вели непрерывное наблюдение за режимом на вражеских позициях. Операторы стремились проникнуть в тайные мысли неприятеля. Командующий 4-й немецкой армией Типпельскирх был нам известен как хорошо подготовленный генерал. Что он думал? Какие планы вынашивал?

10 июня в районе Могилева партизаны 540-го партизанского отряда II. II. Домбровского лейтенант Нигматуллин, Воснанов, Москалев, Пожеванный и Космачев захватили в плен офицера штаба 60-й моторизованной дивизии противника. На допросе выяснилось, что это соединение прибыло из-под Нарвы и находилось в очень потрепанном состоянии. Дивизия остро нуждалась в доукомплектовании. Расположили ее вдоль магистрали Могилев - Минск. Что это, случайность или противник пронюхал о нашем наступлении и планомерно готовился к отражению его?

Сохранять предстоящие действия в тайне становилось все труднее. Попробуй скрыть перевозки, развертывание, учения войск! И все-таки мы надеялись достигнуть этого.

Появление в полосе 2-го Белорусского фронта новой моторизованной дивизии противника, конечно, обеспокоило нас. Стали еще внимательнее изучать по ежедневным сводкам режим его артиллерийского огня, характер действий вражеской авиации. Все как будто оставалось без существенных изменений. Постепенно по многим признакам мы убедились, что 60-я моторизованная дивизия прибыла сюда просто для пополнения.

Одолевали и другие заботы, в частности обучение войск практическим действиям на своеобразной белорусской местности, в обстановке, максимально приближенной к боевой. Принцип этот разделялся всеми, но на практике выдерживался не всегда. 11 и 12 июня я вместе с Г. Ф. Захаровым присутствовал на учениях в 32-й и 290-й стрелковых дивизиях. Внешне учения проходили вполне нормально. Бойцы хорошо маскировались, ловко переползали, стремительно с криком "ура" атаковали "противника". Но при всем том духа подлинного боя не чувствовалось: никто не стрелял, даже мишеней не было. Пришлось вмешаться. Г. Ф. Захаров распорядился, чтобы впредь такого рода учения проводились непременно с боевой стрельбой.

Во фронтовых условиях организовать это не так просто. Здесь нет ни стрельбищ, ни полигонов. Но главная сложность даже не в

том. Труднее всего максимально приблизить учения к реальной обстановке будущего наступления и в то же время не расшифровывать до срока истинных своих намерений. В организации таких учений на 2-м Белорусском фронте особенно проявил себя Я. Т. Черевиченко - большой любитель и специалист этого дела. Он буквально пропадал в подразделениях, и его помощь оказалась значительной.

Немецко-фашистские генералы, попавшие в плен под Минском, крайне удивлялись тому, с какой легкостью оказались опрокинутыми там лучшие соединения гитлеровских войск. Для нас же в этом не было ничего удивительного. Такой исход боевых действий прочно закладывался еще в период подготовки удара. До наступления с каждым батальоном из дивизий первого эшелона мы проводили по крайней мере по 10 учении. Примерно то же было и на других фронтах. Войска и штабы настойчиво отрабатывали именно те задачи, которые им предстояло решать в бою. Четко организовалось взаимодействие пехоты, артиллерии и танков, причем основной упор делался на батальон и дивизион. Пехотинцы научились "прижиматься" к разрывам снарядов своей артиллерии, а артиллеристы - ставить и перемещать огонь, сообразуясь с действиями пехоты и танков. В ходе совместных учений крепла боевая дружба представителей различных родов оружия. Командиры батальонов и дивизионов становились лично знакомыми, а это тоже отнюдь не маловажно для дружной боевой работы.

Белорусская операция имела некоторые особенности в отношении управления войсками. Основы управления в оперативном звене вытекали из директивных указаний Ставки от 31 мая: ближайшие задачи в масштабе фронта ограничивались глубиной в 60-70 километров, а последующие не превышали 200 километров. Для 1-го Прибалтийского и 2-го Белорусского фронтов последующие задачи вообще определялись только в форме указания о направлении наступления. Теперь это некоторыми осуждается. Отдельные лица считают, что планирование в таком виде не обеспечивало штабу фронта ясного представления о его дальнейших действиях и отрицательно сказывалось на заблаговременной разработке фронтовых мероприятий по обеспечению операции.

В какой-то мере все это так. Но советское высшее командование сознательно не пошло на то, чтобы сразу же ставить войскам задачи на всю глубину стратегической операции. Против этого имелся ряд соображений.

Прежде всего, постановка задач фронтам на большую глубину неизбежно означала бы относительно жесткое использование их

сил и средств на избранном направлении, в то время как обстановка диктовала как раз обратное - сохранение всех возможностей для гибкого и быстрого маневра. Ведь замыслом операций предусматривался разгром неприятеля в тактической зоне обороны и окружение крупных вражеских сил лишь после того, как они будут сброшены с позиций. Где, в каком именно месте это должно произойти, можно было только предполагать. Не исключалось, что противник применит маневр с отводом главных сил на новые оборонительные позиции, куда-то в глубину обороны. Как мы теперь знаем, такой вариант действительно обсуждался немецко-фашистским командованием. А это грозило тем, что наш удар пришелся бы по пустому месту, и советскому командованию потребовалось бы полностью перестраивать план наступления. При постановке задач на большую глубину подобная перестройка всегда является более трудной. Следовательно, задачи фронтам надлежало наметить таким образом, чтобы каждый из них имел возможность действовать инициативно, сообразуясь с обстоятельствами. На наш взгляд, этим требованиям вполне отвечала как раз та форма, которую применила Ставка.

Нельзя было не считаться и с тем, что в Белоруссии наши войска уже не один раз терпели неудачи. Их наступления захлебывались где-то у тыловой границы тактической зоны обороны. В предстоящей операции эта зона была особенно мощной, и нужно было сделать все возможное для того, чтобы внимание и силы войск были сосредоточены в первую очередь на прорыве тактических рубежей. С этой точки зрения ограничение задач первому эшелону фронтов небольшой глубиной также следует признать целесообразным.

Наконец, небольшая глубина фронтовых задач накладывала на командующих фронтами высокую ответственность в отношении предвидения дальнейшего хода событий. При этом Ставка учитывала, что проходившее 22 и 23 мая широкое обсуждение стратегической операции в целом совместно с военными советами фронтов уже дало последним все необходимое для того, чтобы осуществлять подготовку войск строго в духе принятых решений. Командующие фронтами имели полное представление о возможном развитии операции, могли верно направлять ее и обеспечивать.

К тому же на местах за точным соблюдением буквы и духа директив Ставки наблюдали ее представители, один из которых являлся заместителем Верховного Главнокомандующего, а другой - начальником Генерального штаба. Им-то все, что касалось планирования наступления в стратегических масштабах, было

известно с исчерпывающей полнотой, а значит, в неотложных случаях они всегда могли дополнить задачи, поставленные фронтам, своими указаниями, что практически и делалось.

Весьма значительную роль сыграли эти же лица в сосредоточении необходимых для наступления войск материально-технических средств. Особенно трудно решался данный вопрос на 1-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах, где должно было вводиться в сражение значительное количество танков, в том числе 5-я гвардейская танковая армия. А. М. Василевский уже 8 июня докладывал в Ставку:

"Прибытие назначенного к Черняховскому задерживается. В частности, у Обухова, который должен был прибыть полностью 5 июня, на сегодня прибыло лишь 50%".

Через три дня Александр Михайлович обратился непосредственно к наркому путей сообщения с просьбой ускорить перевозки и закончить их не позднее 18 июня. Однако 17 числа ему вновь пришлось послать тревожное донесение в Ставку:

"Нервирует работа железных дорог и вызывает опасения в своевременном сосредоточении некоторых из предназначенных фронтам войск, а также в подаче некоторых видов снабжения".

Подобная же картина была и на 1-м Белорусском фронте. 11 июня Г. К. Жуков докладывал Верховному Главнокомандующему:

"Продвижение транспортов с боеприпасами для 1-го Белорусского фронта происходит чрезвычайно медленно. В сутки сдается фронту один-два транспорта... Есть основание предполагать, что к установленному сроку фронт обеспечен не будет".

В замедленном темпе подвозились сюда и войска. Опаздывали, в частности, артиллерийская бригада большой мощности и три самоходно-артиллерийских полка. Чрезвычайно задерживался в пути 1-й механизированный Красноградский корпус генерал-лейтенанта С. М. Кривошеина: к исходу 12 июня прибыло всего пять его эшелонов.

На 2-й Белорусский фронт никак не прибывали до зарезу нужные автобатальоны и авиационное горючее.

Доклады представителей Ставки насторожили И. В. Сталина. Верховный Главнокомандующий запросил фронты, смогут ли они начать операцию в срок. А. М. Василевский ответил ему без обиняков:

"Окончательный срок начала всецело зависит от работы железных дорог; мы со своей стороны сделали и делаем все, чтобы выдержать установленные вами сроки".

Сталин, как видно, сумел воздействовать на транспортников. Не удовлетворявший фронты план железнодорожных перевозок

был пересмотрен. Транспорт заработал наконец в более высоком темпе. Сосредоточение войск ускорилось. Однако срок начала операции пришлось все же перенести с 19 на 23 июня.

С этого числа до конца августа ни на минуту не смолкала великая битва в Белоруссии. Уже в первый ее день оборона противника была прорвана на многих направлениях, и наши армии неудержимо устремились вперед. Однако борьба не отличалась легкостью. Захваченные пленные показали, что им был дан приказ любой ценой удерживать занимаемые позиции. И они это делали со всей яростью и ожесточением. Но сопротивление врага ломалось.

"Конец приближается... Лишь рассеянные остатки 30 дивизий избежали гибели и советского плена" - так охарактеризовал один из видных гитлеровских генералов Зигфрид фон Вестфаль наступление советских войск в Белоруссии{13}.

Операция "Багратион" еще раз наглядно показала превосходство советского военного искусства над военным искусством немецко-фашистского рейха. Враг был сброшен с хорошо укрепленных позиций, а затем в считанные дни окружен и уничтожен. В ходе операции наши войска создали три больших очага окружения - в районах Витебска, Бобруйска и Минска. Последний был особенно крупным. Тем не менее и он не приковал к себе на длительный срок значительных сил Советской Армии. Наступление, развернувшееся более чем на тысячекилометровом фронте, проводилось со средним темпом свыше 20 километров в сутки.

Следует также подчеркнуть, что верховное командование противника было введено в заблуждение не только относительно направления главных наших усилий на данном этапе войны. Оно не ожидало и столь большой мощи разящего, как меч, удара.

Длительная и тщательная подготовка операции, проведенная Ставкой и Генеральным штабом в тесном содружестве с командованием фронтов и их штабами, полностью себя оправдала. Глубокий замысел и детально разработанные планы операции явились в руках высшего советского командования одним из средств достижения победы исторического значения.

Глава 13. На Прибалтийских фронтах

Возвращение в Москву. - Взгляд в прошлое. - Новые замыслы. - Проблема "отцы и дети": поездка с маршалом С. К. Тимошенко. 3-й Прибалтийский. - В пушкинских местах. - Неудачный доклад К. А. Мерецкова. - Перед решающими операциями. - От берегов Невы до Нарвы. - Л. А. Говоров. - Борьба за Шяуляй и удар на Мемель. - И. Х. Баграмян. - Курляндский загон.

На седьмой день наступления в Белоруссии, когда наши

войска прорвали главную полосу обороны противника и устремились в его оперативную глубину, последовал телефонный звонок из Генштаба. Говорил А. И. Антонов:

- Возвращайтесь в Москву. Ваша задача на Втором Белорусском фронте выполнена, а здесь много работы.

- Как же так, Алексей Иннокентьевич, - взмолился я, - операция только началась. Дайте хоть какие-то плоды ее вкусить вместе со всеми.

- Пироги и пышки не для нас,- почему-то раздраженно возразил мне Антонов.Ни о какой отсрочке вашего возвращения и речи быть не может. Это приказание Верховного.

Через несколько минут я связался с Г. К. Жуковым. Просил его вступиться за меня.

- Сочувствую, но помочь не могу,- ответил Георгий Константинович.- Раз приказал Верховный, надо возвращаться...

Сборы были недолги. Самолет Си-47 и его экипаж во главе с майором Бутовским, моим постоянным спутником в командировках на фронт, располагались неподалеку на одном из полевых аэродромов. Через два часа мы вылетели, и поздно вечером 30 июня я был уже в Генштабе. Здесь меня ожидала неотложная работа над планами последующих операций Советских Вооруженных Сил, в частности в Прибалтике.

Должен сказать, что до лета 1944 года для расширения масштабов боевых действий на прибалтийских направлениях не имелось достаточно благоприятных условий. Мы располагали там относительно слабыми силами и средствами, а потому предпринимали только частные операции, и результаты их были весьма скромными.

С расширением масштабов нашего наступления в Белоруссии обстановка резко менялась. Продвижение на главном - западном стратегическом направлении создавало предпосылки для успешных операций в Литве, Латвии и Эстонии. Косвенное, но тоже очень положительное влияние на эти новые операции должны были оказать и наши активные действия на Западной Украине, а в последующем - в Румынии, Венгрии и на территории других стран Балканского полуострова.

Общая благоприятная ситуация дополнялась теперь еще и действиями западных союзников. 6 июня 1944 года они наконец-то высадились в Нормандии и стали расширять захваченный плацдарм. Предполагалось, что в скором времени союзники предпримут широкое наступление на северо-западе Франции.

При разработке плана освобождения Прибалтики не забывался, разумеется. опыт не совсем удачных для нас боев на подступах к ней. Позволю себе поэтому сделать некоторое

отступление и вернуться опять к 1943 году.

Исследователи-историки, размышляя над документами той поры, подчеркивают обычно незавершенность операций советских войск на прибалтийских направлениях. Да, наше наступление здесь осенью 1943 и зимой 1944 года действительно не закончилось полным разгромом противника. Нам не удалось отсечь группу армий "Север" и ликвидировать ее.

Естественно напрашивается вопрос: а почему?

В общей форме на него уже отвечено: потому, что на этих направлениях у нас не оказалось тогда достаточно сил. Причины нехватки читателю тоже известны: ведь именно в то время мы концентрировали главные свои усилия на Правобережной Украине с целью решительного поражения очень сильной и активной группы армий "Юг". Кроме того, было решено продолжать наступление Калининского, Западного и Центрального фронтов.

Успехами на южном крыле и в центре советско-германского фронта предопределялся исход операций и в Прибалтике.

План был в целом правильным, хотя, как выяснилось позднее, в нем не удалось учесть в должной мере возможность подхода резервов противника из глубины Германии и переброску довольно значительных сил с Западного театра. Такие погрешности, конечно, неприятны, но избежать их полностью, по-видимому, нельзя. Это не исключалось даже при той очень неплохой, на мой взгляд, системе работы, какая существовала у нас в годы Великой Отечественной войны.

О том, как разрабатывались планы операций и кампаний в Генеральном штабе, уже рассказывалось. Касался я и того, как они рассматривались и утверждались в Ставке. Но о последнем мне хотелось бы рассказать сейчас поподробнее.

Для обсуждения уже готового плана члены Ставки собирались обычно в кабинете И. В. Сталина. От военных при этом почти всегда присутствовали Г. К. Жуков и А. М. Василевский, не считая Антонова, меня и других генералов, представлявших исполнительный аппарат Генерального штаба и центральных управлений Народного комиссариата обороны.

Поскольку здесь же решались вопросы обеспечения операций вооружением и техникой, в Ставке нам часто приходилось встречаться с прославленными советскими конструкторами самолетов, танков и артиллерии - А. С. Яковлевым, А. Н. Туполевым, С. В. Ильюшиным. А. II. Микояном, Ж. Я. Котиным, В. Г. Грабиным, а также с наркомами Д. Ф. Устиновым, В. А. Малышевым, Б. Л. Ванниковым, А. И. Шахуриным. Военной техникой Сталин занимался лично и ни одного нового образца не

пропускал в серийное производство без рассмотрения в Ставке или на заседании Государственного Комитета Обороны.

Обсуждение любого вопроса в Ставке протекало, как правило, в деловой и спокойной обстановке. Каждый мог высказать свое мнение. Сталин никого в особенности не отличал, всех называл пофамильно и только к Молотову обращался на "ты". К нему же самому существовала только одна форма обращения - "товарищ Сталин". Я не помню случая, когда бы Верховный Главнокомандующий перепутал или забыл фамилию кого-либо из довольно значительного числа людей, являвшихся в Ставку по его вызову.

Заседание, на котором обсуждался план зимней кампании 1943/44 года, не представляло исключения. Все здесь было как всегда, и решение последовало четкое: основные людские резервы и материальные средства направить на юг. Прибалтийским фронтам выделялось лишь минимально необходимое. На практике же, как мы знаем теперь, потребности их оказались выше этого минимума.

Немаловажной причиной затяжного характера боевых действий в Прибалтике осенью 1943 и зимой 1944 года являлось и то обстоятельство, что у наступающей стороны хуже были условия для маневра. Враг имел в тылу своей группы армий хорошо развитую дорожную сеть Прибалтийских республик. У нас же при подходе к границам Прибалтики дорог было мало и состояние их оставляло желать много лучшего.

Не благоприятствовали наступлению и природные условия - обширные леса, непромерзающие болотные хляби, бесчисленное количество озер и меридионально текущих рек. На такой местности были резко ограничены возможности применения танков, и вся тяжесть борьбы поневоле ложилась на пехоту. Из-за плохой видимости понижалась эффективность артиллерийского огня, требовалось больше боеприпасов, а их не хватало.

По мере развития операции силы сторон все более уравновешивались и борьба принимала форму малорезультативных, но характерных большими потерями лобовых ударов. Ведь с самого начала общая численность группы армий "Север" превышала 700000 человек. Мы же смогли противопоставить ей чуть более миллиона человек. Для быстрой победы, да еще в своеобразных природных условиях и при недостатке боеприпасов, этого, конечно, было мало.

Никак не способствовало завершенности операций и то, что советские войска атаковали противника, по существу, только на южных и юго-восточных подступах к Прибалтике. Под Ленинградом до января 1944 года пришлось ограничиться

действиями местного значения и почти все внимание переключить на подготовку ликвидации блокады города.

Все это, однако, отнюдь не означает, что операции в Прибалтике осенью 1943 и зимой 1944 года прошли бесследно. Наши войска нанесли здесь врагу большие потери, сковали в Прибалтике крупные его силы, отвлекли сюда внимание немецко-фашистского командования с главных направлений. Наконец, эти операции безусловно облегчили достижение очень важной для нас победы под Ленинградом.

Небезынтересно проследить, как складывался и наконец определился окончательно план наших тогдашних действий в Прибалтике.

В то время на дальних подступах к ней, не считая Ленинградского и Волховского фронтов, действовали еще Северо-Западный и Калининский фронты. К границам Латвии и Литвы должен был подойти также Западный фронт. Осенью 1943 года в Генштабе взвешивались возможности нанесения главного удара силами Северо-Западного фронта из района Старой Руссы прямо на запад. Но в итоге определилось, что фронт этот из-за своей слабости, сложной местности и прочной обороны противника задачи своей не решит, разгромить противостоящую ему 16-ю неприятельскую армию не сумеет.

После этого рассмотрели возможность прорыва в полосе Западного фронта с поворотом затем части его сил на север. Таким образом можно было бы свернуть оборону немцев перед Калининским фронтом и вывести последний на Невель, Резекне. Удар Калининского фронта в этом направлении вскрыл бы фланг и тыл противника, а также ослабил сопротивление перед Северо-Западным фронтом, который в этом случае мог бы двинуться вперед. Замысел был очень заманчивым, но и он отпал, так как исходил из успехов Западного фронта, а как раз там день ото дня замедлялись темпы наступления. На глубокий прорыв и развитие действий в сторону одного из флангов надеяться было нельзя.

Существовали и другие варианты, в основе которых лежала одна общая идея: отсечь группу армий "Север" от остальных сил противника на суше и от территории Германии. Для этого один из фронтов должен был наступать вдоль Западной Двины в направлении Полоцк, Даугавпилс (Двинск) и выйти к Риге. Одновременно намечалось дробление прибалтийской группировки противника ударами смежных фронтов и уничтожение ее по частям в условиях почти полной изоляции.

Известное влияние на выбор именно такого способа действий оказало поступление в Генеральный штаб сведений о возможном отходе противника перед Ленинградским, Волховским и Северо-

Западным фронтами. Теперь мы знаем, что командование группы армий "Север" действительно вносило предложение об отводе своих войск на рубеж Западной Двины. Однако высшим военным руководством гитлеровской Германии оно было отвергнуто, а настаивавший на таком маневре генерал Линдеман спустя некоторое время уступил место командующего группой генералу Фриснеру. Никакого отхода фактически не состоялось. Противник упорно удерживал занимаемые им позиции и яростно отражал все наши попытки опрокинуть его оборону.

7 октября 1943 года после ожесточенных двухнедельных боев наши войска овладели наконец городом Невель - крупным опорным пунктом и оперативно важным узлом коммуникаций противника. Враг потерял единственную железнодорожную рокаду вблизи линии фронта. Но еще более значительным явилось то, что Невель оказался на стыке двух групп неприятельских армий - "Север" и "Центр". С потерей его затруднялось взаимодействие между этими оперативными объединениями, а в случае дальнейшего развития нашего удара на запад войска противника в Прибалтике могли быть начисто отсечены от своего правого соседа. Естественно, немецкое командование постаралось всячески воспрепятствовать тому, чтобы наш невельский успех перерос в большую победу.

Ожесточенная борьба развернулась и в районе Городка, захват которого открывал перед нами возможность обхода Витебска и всего левого фланга группы армий "Центр" с севера.

Противник отлично разбирался во всех этих тонкостях. На помощь своим сухопутным войскам он привлек сюда дополнительные силы авиации. В воздушном пространстве над Невелем и Городком появились новые соединения бомбардировщиков и истребителей.

Мы со своей стороны тоже приняли некоторые дополнительные меры. К середине октября на идрицком направлении за счет переброски сюда управления и части войск бывшего Брянского фронта, резервов Ставки н соседей был создан новый фронт - Прибалтийский. Во главе его поставили генерала армии М. М. Попова, который незадолго перед тем очень остроумно провел операцию с выходом наших войск через полосу соседа на тылы брянской группировки противника. В результате быстро был освобожден весь массив брянских лесов и сам город Брянск вместе со своим крупным железнодорожным узлом.

Теперь М. М. Попов пытался разгромить идрицкую группировку противника и открыть путь к Риге. С 1 ноября здесь также разгорелись очень трудные бои. Немецко-фашистское командование подтянуло на это направление пять дивизий с

других участков фронта. Сопротивление врага резко возросло. Наше продвижение стало исчисляться сотнями метров.

Надо было принимать еще какие-то меры, чтобы изменить положение в нашу пользу. Одной из таких мер являлась перегруппировка войск с идрицкого направления в полосу бывшего Калининского фронта{14}. Предполагалось, что после такой перегруппировки 1-й Прибалтийский фронт отобьет у врага Городок и Витебск, а затем устремится на Полоцк, Двинск, Ригу.

На 1-м Прибалтийском фронте, кроме того, произошли изменения в командовании. С 19 ноября 1943 года командовать им стал генерал И. Х. Баграмян. На следующий же день по вступлении в должность он получил приказ "покончить с Городком". Но приказ приказом, а взять этот населенный пункт, очень важный для дальнейшего продвижения на Витебск и Полоцк, сразу не удалось. Он был освобожден от оккупантов лишь через месяц, в результате упорных и кровопролитных боев.

И. В. Сталин очень пристально следил тогда за событиями на подступах к Прибалтике. Антонову и мне чаще обычного приходилось ездить к нему с докладом на "Ближнюю дачу". Однажды мы попали туда как раз в обеденное время (обедал Сталин в 9-10 часов вечера, а иногда и позже). Верховный быстро решил все вопросы и пригласил нас в свою столовую. Такое случалось не раз, и память моя зафиксировала некоторые любопытные детали.

Обед у Сталина, даже очень большой, всегда проходил без услуг официантов. Они только приносили в столовую все необходимое и молча удалялись. На стол заблаговременно выставлялись приборы, хлеб, коньяк, водка, сухие вина, пряности, соль, какие-то травы, овощи и грибы. Колбас, ветчины и иных закусок, как правило, не бывало. Консервов он не терпел.

Первые обеденные блюда в больших судках располагались несколько в стороне на другом столе. Там же стояли стопки чистых тарелок.

Сталин подходил к судкам, приподнимал крышки и, заглядывая туда, вслух говорил, ни к кому, однако, не обращаясь:

- Ага, суп... А тут уха... Здесь щи... Нальем щей,- и сам наливал, а затем нес тарелку к обеденному столу.

Без всякого приглашения то же делал каждый из присутствующих, независимо от своего положения. Наливали себе кто что хотел. Затем приносили набор вторых блюд, и каждый так же сам брал из них то, что больше нравится. Пили, конечно, мало, по одной-две рюмки. В первый раз мы с Антоновым не стали пить совсем. Сталин заметил это и, чуть улыбнувшись, сказал:

- По рюмке можно и генштабистам.

Вместо третьего чаще всего бывал чай. Наливали его из большого кипящего самовара, стоявшего на том же отдельном столе. Чайник с заваркой подогревался на конфорке.

Разговор во время обеда носил преимущественно деловой характер, касался тех же вопросов войны, работы промышленности и сельского хозяйства. Говорил больше Сталин, а остальные лишь отвечали на его вопросы. Только в редких случаях он позволял себе затрагивать какие-то отвлеченные темы.

Позже, уже в бытность мою начальником Генерального штаба, мне приходилось бывать за обеденным столом у Сталина не только в Москве, но и на юге, куда мы вызывались с докладами во время его отдыха. Неофициальный застольный ритуал оставался там точно таким же.

Однако вернемся к операциям в Прибалтике. Зимой 1944 года в Генеральном штабе и Ставке вынашивались новые замыслы в отношении этого района. Ожидалось, что ликвидация блокады Ленинграда изменит здесь положение в лучшую для нас сторону.

Боевые действия Ленинградского и Волховского фронтов по освобождению города Ленина и изгнанию немецко-фашистских оккупантов с территории Ленинградской области завершились к концу февраля. Это была блестящая победа. Ей радовались все прогрессивные люди мира, с волнением следившие за жизнью и борьбой многострадального города. От берегов Невы советские войска шагнули до берегов Нарвы, твердой ногой вступили на землю Эстонской ССР, вышли к Пскову, подступали к Острову.

Действия 2-го Прибалтийского фронта, являвшиеся составной частью операции по деблокированию Ленинграда, протекали менее удачно. Здесь удалось выполнить только первую часть задачи - сковать силы 16-й армии врага и овладеть Новосокольниками. Бои носили очень напряженный характер, но в глубокий прорыв не переросли, и войска остановились в 40- 45 километрах к востоку от Идрицы. Южнее 1-й Прибалтийский фронт стоял на подступах к Полоцку и Витебску.

В итоге боевых действий наши войска оказались перед глубокой, хорошо развитой в инженерном отношении обороной противника. На пути лежал, в частности, Псковско-Островской укрепленный район, который подпирали с юга основные силы 16-й немецкой армии.

Разработкой замысла новых операций по разгрому противника на территории Прибалтики Генеральный штаб занялся с середины февраля. Как всегда, это дело возглавил А. И. Антонов. Я подключился несколько позже, по возвращении из Крыма.

Волховский фронт уже не брался в расчет - 15 февраля его расформировали. Предложение о расформировании исходило от Л. А. Говорова. Он считал, что в интересах единства управления войсками на псковском направлении вся полоса Волховского фронта должна быть передана ему.

Ставка с ним согласилась. Но, как оказалось впоследствии, это было ошибкой. Боевая действительность вскоре потребовала на том же примерно участке создать 3-й Прибалтийский фронт.

Обдумывая новые операции в Прибалтике, Генеральный штаб намеревался заставить противника распылить усилия по нескольким направлениям, и в то же время мы старались массировать собственные силы и средства на решающих участках. В соответствии с этим общим принципом главный удар Ленинградского фронта планировался на Нарвском перешейке в направлении Пярну и в обход Тарту с севера. Второстепенный, но тоже достаточно сильный удар этим же фронтом наносился на Псков, откуда предполагалось развить успех в низовье Западной Двины. Наконец, некоторая часть сил должна была наступать в обход Чудского озера с юга на тот же Тарту.

Главный удар 2-го Прибалтийского фронта, как и ранее, нацеливался на Идрицу, Резекне. Вспомогательные удары готовились на Остров и Опочку.

На себежском направлении, примыкающем с юга к идрицкому, замышлялась операция правого крыла 1-го Прибалтийского фронта. Однако главным силам этого фронта предстояло развивать наступление на Витебск.

Объединение усилий на смежных флангах двух фронтов - 2-го и 1-го Прибалтийских - по идее должно было создать перелом под Идрицей и положительно сказаться на ходе всей операции в Прибалтике.

Такое соотношение ударов не только дробило немецкую оборону, но и сулило изоляцию противника в Прибалтике с выходом наших войск к Риге.

В Ставке соображения Генштаба получили полное одобрение, и на основе их уже 17 февраля 1944 года 2-му и 1-му Прибалтийским фронтам были поставлены задачи. Для координации действий этих фронтов Ставка направила в Прибалтику своего представителя Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко. Меня назначили к нему в качестве начальника штаба. Воспринял я это, прямо скажу, не с восторгом. Во-первых, потому, что прошлые операции в Прибалтике были не очень результативными. И во-вторых, мне было известно скептическое отношение Семена Константиновича к работникам Генштаба. Однако приказ есть приказ. Я еще раз тщательно изучил все

материалы, подобрал в помощь себе офицеров и был готов к отъезду.

В назначенный день и час мы собрались на перроне Рижского вокзала. Маршал несколько задерживался, и начальник небольшого специального поезда уже стал нервничать: ведь даже незначительное запоздание при отправлении состава грозило разрастись в пути до нескольких часов, поскольку дорога работала с перегрузкой.

Наконец маршал прибыл. Он был явно не в духе. Холодно поздоровался и прошел в свой вагон. Мы разместились в другом вагоне. Поезд немедленно тронулся.

Через некоторое время меня пригласили к маршалу на ужин. Ужин этот обернулся очень неприятными объяснениями.

- Зачем тебя послали со мной? - сразу же спросил маршал и, не дожидаясь моего ответа, продолжал: - Учить нас, стариков, хотите, доглядывать за нами? Напрасное дело!.. Вы еще под стол пешком ходили, а мы уже дивизии водили в бой, завоевывали для вас Советскую власть. Академии пооканчивали и думаете, что бога за бороду держите... Сколько тебе было лет, когда началась революция?

Я ответил, что к тому времени мне исполнилось лишь 10 лет и, конечно, никакого вклада в революцию мною не сделано.

- То-то! - многозначительно заключил маршал.

Этот разговор привел меня в недоумение. Я подчеркнул, что выполняю только одну задачу, которая ставилась в присутствии С. К. Тимошенко. Других задач не имею, его лично очень уважаю и сам готов учиться у него, а если потребуется в чем-то моя помощь, сделаю все, на что способен.

- Ладно, дипломат,- уже мягче сказал Семен Константинович,- пойдем спать. Время покажет, кто чего стоит.

Вот с таким "ободряющим" напутствием я и приступил к исполнению новых своих обязанностей.

28 февраля мы прибыли в Спичино на командный пункт 2-го Прибалтийского фронта. Генерал армии М. М. Попов создал для нас максимально возможные в боевых условиях удобства: отвел на всех одну хату с вырытыми возле нее щелями.

На следующий день, 29 февраля, С. К. Тимошенко знакомился с обстановкой и уточнял вопросы межфронтового взаимодействия. В Спичино приехал И. Х. Баграмян, к которому я питал чувство глубокой симпатии еще с той поры, когда он был нашим наставником в Академии Генерального штаба. Иван Христофорович вступил в войну начальником оперативного отдела фронта. Потом стал начальником штаба фронта, успешно командовал армией. Любые оперативные вопросы решать с ним было легко и просто. Он быстро договорился обо всем с М. М. Поповым, и оба командующих доложили маршалу, что их фронты будут готовы начать наступление уже 1 марта. Поскольку этот срок совпадал с плановым и никаких других поправок к плану операции со стороны командующих не последовало, Семен Константинович разрешил наступление.

Некоторые авторы ошибочно утверждают, что 1 марта 1944 года 2-й Прибалтийский фронт перешел к обороне. В действительности события развивались иначе.

1 марта, в 11 часов 20 минут, после артиллерийской подготовки войска 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов атаковали позиции противника. Результаты первого дня боев в полосе 2-го Прибалтийского фронта были явно неудовлетворительными. Весь этот день мы находились на фронтовом НП и своими глазами видели, как яростно оборонялись немцы, насколько плотным оказался их артиллерийский и пулеметный огонь. Он буквально не давал ходу нашей пехоте.

На 1-м Прибалтийском вначале было наметился некоторый успех, но дальнейшего развития он тоже не получил. Допросом захваченных пленных удалось установить, что противник знал о нашем наступлении и готовился к нему. Систему огня он организовал с учетом наших ударов и многое сумел скрыть от глаз советской разведки. В ходе артподготовки нам не удалось

надежно подавить неприятельскую оборону. Не выручила пехоту и авиация, действия которой ограничивала плохая погода. На следующий день повторные наши удары тоже оказались малоэффективными.

Продолжать наступление не было смысла, и его временно прекратили. Нужно было до конца выявить причины неудач и подумать, как лучше организовать дело в будущем. С этой целью утром 3 марта опять все собрались на КП 2-го Прибалтийского фронта. Работали долго и пришли к общему выводу: прорыв очень сильной обороны противника на идрицком направлении не может дать желаемого и скорого результата без большого перевеса над противником в силах и средствах. Здесь были неизбежны значительные потерн и огромный расход боеприпасов. Разведка доложила о переброске неприятелем в район Идрицы еще трех пехотных и одной танковой дивизий.

Решено было отсрочить операцию на 8-10 дней. За это время предполагалось пополнить войска, поднакопить боеприпасов и дождаться подхода 3-го кавалерийского корпуса, выделенного по нашей просьбе для 2-го Прибалтийского фронта.

Все сошлись также на том, что следует отказаться от прорыва на узком участке фронта в лоб идрицкой группировке. Целесообразнее, казалось, расширить фронт наступления, с тем чтобы выбрать более выгодное обходное направление севернее Идрицы. Свои соображения мы оформили в виде предложений, сопроводили конкретным планом действий и в тот же день направили в Ставку. Главный удар 2-го Прибалтийского фронта силами двух армий намечался севернее железной дороги Пустошка - Идрица прямо на запад. Сюда стягивались почти все силы и средства с второстепенных направлений. В частности, на стыке с Ленинградским фронтом оставлялись всего одна дивизия и одна бригада. Удар 1-го Прибалтийского фронта планировался вдоль той же железной дороги из района западнее Невеля и тоже силами двух армий.

Через несколько часов из Москвы последовал ответ. Нам предписывалось основной задачей считать выход главными силами 2-го Прибалтийского фронта на левый берег реки Великая севернее Идрицы и разгром общими усилиями двух фронтов идрицкой группировки противника. Ни в коем случае не разрешалось ослаблять стык с Ленинградским фронтом. За 1-м Прибалтийским фронтом оставался по-прежнему удар на Себеж.

Ставка, следовательно, опять привлекала наше внимание главным образом к району Идрицы.

С. К. Тимошенко оказался в очень деликатном положении. Ему было известно, что Военный совет 2-го Прибалтийского

фронта еще в январе 1944 года высказался против сосредоточения усилий на идрицком направлении. Доказывалось, что операция здесь не имеет перспектив вследствие плотной группировки войск противника, подвижности его резервов, особенностей местности и ряда других обстоятельств. Военным советом фронта предлагался менее глубокий удар на Новоржев, где можно было затем объединить усилия нескольких армий. И. В. Сталин с этим тогда согласился. Прошло более месяца. Обстановка изменилась. Но мнение у командующего и ряда других руководящих работников фронта осталось прежним. С. К. Тимошенко не мог не считаться с этим, тем более что он сам в какой-то мере солидаризировался с ними на совещании 3 марта. И в то же время ему, как представителю Ставки, надлежало неукоснительно проводить в жизнь ее требования.

Имелась и другого рода сложность. Некоторые командующие армиями долгое время находились в плену предвзятой идеи, будто противник неизбежно сам отойдет за реку Великая. А раз так, зачем губить людей и тратить снаряды? Не лучше ли подождать с наступлением?

После неудачных боев 1 и 2 марта разговоры об отходе немецко-фашистских войск вроде бы прекратились. Противник делом доказал, что он не думает сдавать позиции. Но кто мог поручиться за то, что все, кому следовало организовать наше наступление, твердо в этом убеждены?

Маршал вместе с нами разъезжал из одной армии в другую, целыми днями работал в войсках: проверял их состояние, помогал в работе, убеждал в необходимости разгрома идрицкой группировки. Как и везде, войска здесь были хорошие: воевать умели, дрались смело и уверенно. Все зависело лишь от организации дела.

Я затребовал в свою группу подкрепление. Из Генштаба мне послали еще нескольких офицеров. И с одним из них - полковником Кручининым - произошел очень неприятный случай. Он прилетел на самолете У-2. Летчик предложил садиться не на аэродром, от которого было далеко ехать, а поискать удобное место где-нибудь вблизи КП. Полковник согласился, и они угодили прямо на немецкое минное поле. Каким-то чудом самолет не подорвался. Но при выходе из него летчик был тяжело ранен, а Кручинина благополучно вывели. Самолет же вытаскивали несколько дней.

10 марта наступление возобновилось. Проводилось оно энергично, но результатом были лишь две вмятины в обороне противника - одна в 25, другая в 20 километров по фронту и по 7-9 километров в глубину.

18 марта с утра С. К. Тимошенко еще раз созвал совещание командующих фронтами, членов военных советов и начальников штабов. Проходило оно на командном пункте Н. Е. Чибисова, в 3-й ударной армии, на стыке двух фронтов, 1-й Прибалтийский представляли И. Х. Баграмян, Д. С. Леонов и В. В. Курасов, от 2-го Прибалтийского присутствовали М. М. Попов, Н. А. Булганин и Л. М. Сандалов. Предстояло обсудить содержание итогового доклада в Ставку и договориться о плане дальнейших действий.

По поручению маршала я сделал краткую информацию о положении на фронтах (больше, как говорят, для порядка, ибо обстановку все прекрасно знали и без того), а затем доложил соображения на будущее, по которым Семен Константинович хотел выслушать мнение фронтового руководства. Высказались оба командующих. В принципе их взгляды не расходились с нашими. Да иначе и быть не могло - ведь мы не раз обменивались мнениями, так сказать, в рабочем порядке. Дело свелось главным образом к уточнению отдельных деталей и дополнительным просьбам, удовлетворить которые могла только Ставка.

После этого Курасов, Сандалов и я ушли в другую хату и сели за донесение И. В. Сталину. Часа через два оно было готово. Зачитали его вслух и подписали.

Верховному Главнокомандующему докладывалось о скромных результатах наступления и наших потерях. Достаточно подробно излагались причины постигшей нас неудачи. При этом указывалось, в частности, что на идрицкое направление противник сумел перебросить с Ленинградского фронта 24-ю пехотную, 28-ю легкопехотную и 12-ю танковую дивизии, а с других участков Прибалтийских фронтов - 132, 290 и 83-ю пехотные дивизии. Не скрывалось и то, что в сложных условиях Прибалтики требовались более тщательная подготовка к наступлению и несколько лучшая организация боя. Для подготовки новой операции на том же идрицком направлении у Ставки испрашивался месячный срок. В числе других просьб наиболее существенными были две: пополнить фронты боеприпасами и довести численность дивизий до пяти-шести тысяч человек.

Со всем этим Ставка согласилась, и мы с еще большей энергией взялись за дело. Семен Константинович уже не проявлял ко мне былой неприязни. Чем больше мы работали вместе, тем теплее становились наши отношения. Как-то вечером за чашкой чая он вдруг сказал:

- Теперь я понял, что ты не тот, кем я тебя считал.

- А кем же вы меня считали? - поинтересовался я.

- Думал, что ты специально приставлен ко мне Сталиным.

Смутило, что он сам назвал твою фамилию, когда встал вопрос о начальнике штаба...

В тот вечер проблема "отцов и детей" была разрешена окончательно. Все стало на свои места. Я и раньше действительно уважал этого заслуженного человека, но в полной мере сумел оценить его только в процессе совместной работы в Прибалтике. Искренне было жаль расставаться с Семеном Константиновичем, когда меня вновь отозвали в Генштаб.

В апреле, перед возобновлением наступления в Прибалтике, маршал сам попросил, чтобы я опять взял на себя обязанности начальника его штаба. Меня не отпустили. Я рекомендовал ему моего заместителя генерал-лейтенанта Н. А. Ломова. С. К. Тимошенко принял эту рекомендацию и впоследствии остался доволен работой Николая Андреевича. При встрече со мной по возвращении с фронта маршал очень хвалил Ломова и добавил при этом с обычной своей непосредственностью:

- Оказывается, в Генштабе - хорошие люди...

Апрельское наступление в Прибалтике с рубежа реки Нарвы и восточных подступов к Пскову, Острову, Идрице, Полоцку и Витебску снова оказалось малорезультативным. Фронты продвинулись незначительно, и поражения противнику, на которое мы рассчитывали, нанести не удалось. На всех действовавших здесь фронтах установилась пауза. Длилась она до июля 1944 года. За это время вопрос о разгроме прибалтийской группировки противника, а также об изоляции всей группы армий "Север" от Восточной Пруссии был рассмотрен в Генштабе заново.

Неприятельская оборона в Прибалтике имела четыре основных узла-Нарвский, Псковский, Островской и Рижский. Здесь и были сосре-доточены главные силы группы армий "Север". Основную роль играла, разумеется, Рига, прикрывавшая подступы к Восточной Пруссии.

Такой характер обороны немцев позволял, как нам представлялось, расшатать ее ударами в промежутки, отделявшие один узел от другого, расчленить группу "Север" и уничтожить по частям. Полагались мы и на то, что настанет время, когда противник вынужден будет сам снимать, а вернее, изымать отсюда живую силу и боевые средства для защиты других жизненно важных направлений и районов, а именно: берлинского направления и Восточной Пруссии. Зависело это, конечно, от развития нашего успеха на западном стратегическом направлении. Он неминуемо должен был вынудить врага потянуть свои войска из Прибалтики в Восточную Пруссию. Последняя была дорога для немецко-фашистской Германии не только как колыбель оголтелого милитаризма и житница страны.

При определенной ситуации Восточная Пруссия становилась плацдармом, нависающим над флангом нашей центральной группировки, и чрезвычайно важным районом базирования вражеского военно-морского флота.

С этой точки зрения мы давно и пристально присматривались к Шяуляю, Отсюда мог быть произведен поворот наших войск и на север - в сторону Риги, и на запад - в направлении Мемеля. Замысел удара на Ригу в общем виде наметили уже в мае 1944 года на рабочей карте А. П. Антонова с планом "Багратион".

В район Шяуляя, по плану "Багратион", нацеливались основные силы 1-го Прибалтийского фронта, безусловно достаточные для захвата его. В случае же крайней нужды сюда могли быть переброшены резервы Ставки - 51-я и 2-я гвардейская армии. Местность вполне позволяла применить здесь большие массы войск и все рода оружия.

Шяуляй сам по себе являлся крупным узлом коммуникаций, связывающих Прибалтику с Восточной Пруссией, и захват его очень осложнял бы врагу маневрирование. А когда и куда повернуть нам из района Шяуляя, должна была подсказать конкретная обстановка. Принципиально же вопрос решался так: поворачивать войска из Шяуляя туда и тогда, где и когда основные силы противника окажутся скованными и проще будет рассечь его фронт. Никакой информации относительно этого замысла фронтам не давалось.

Повышенное внимание проявил Генеральный штаб к противоположному, северному крылу нашей наступательной группировки в Прибалтике. Еще в марте мы убедились, что Ленинградский фронт, вобравший в себя войска и всю полосу бывшего Волховского фронта, стал слишком громоздок. В его составе оказалось семь общевойсковых армий, действовавших на четырех важных операционных направлениях - выборгском, таллинском, псковском и островском. Это очень отрицательно сказывалось на управлении войсками. Надо было исправить допущенную ошибку и воссоздать упраздненное фронтовое объединение. С передачей ему южной части своей полосы ленинградцы освобождались от необходимости отвлекаться на обширный псковско-островской участок, могли полностью сосредоточиться в районе Нарвы и на выборгском направлении, где уже планировалась совместная с Карельским фронтом операция по разгрому финских войск.

Предполагался и иной вариант: улучшить положение ленинградцев за счет расширения к северу полосы 2-го Прибалтийского фронта. Но мы уже имели такой опыт. Он тоже не оправдал себя, поскольку Псковско-Островской район

представлял самостоятельное целое. Расположенная здесь группировка противника сильно укрепилась и седлала, по существу, три операционных направления: к северу - на Тарту, на Алуксне, Валгу и к западу - на Алуксне, Тесис, Ригу. 2-му Прибалтийскому фронту такая дополнительная нагрузка была явно не по плечу. Она неминуемо вела к распылению его усилий и отнюдь не улучшала управление войсками.

Единственно правильным выходом из положения являлось создание нового, 3-го Прибалтийского фронта. И это было сделано 18 апреля 1944 года.

В состав 3-го Прибалтийского фронта вошли 42, 67 и 54-я армии, входившие раньше в Ленинградский фронт, а затем и 1-я ударная армия из 2-го Прибалтийского фронта. Фронтовое управление сформировалось на базе управления 20-й армии. Командующим был назначен генерал-полковник И. И. Масленников, перед тем занимавший пост заместителя командующего войсками Ленинградского фронта. На должность начальника штаба назначили бывшего начальника штаба 20-й армии генерал-лейтенанта В. Р. Вашкевича.

Создавая новое фронтовое объединение, мы отлично понимали, что больших перспектив оно не имеет. В 400 километрах перед ним простиралось уже море. Но и в пределах такой дальности действий ему предстояло решить весьма значительные оперативные задачи.

Я уже отметил мимоходом, что одновременно с разработкой планов по Прибалтике в начале июня в Генеральном штабе рассматривался план Свирско-Петрозаводской операции Карельского фронта. Нужно было разрушить узел, который приковал к себе значительные силы наших войск. Решение этой задачи ускоряло выход из войны Финляндии и, несомненно, способствовало успеху наших войск в Прибалтике.

Мне не хочется утруждать читателя подробным описанием Свирско-Петрозаводской операции. Это отвлекло бы его внимание от основной темы данной главы. Но не могу, однако, не рассказать здесь об одном любопытном случае, характеризующем в какой-то мере тогдашнюю нашу рабочую обстановку.

Командующий Карельским фронтом К. А. Мерецков очень хотел при докладе плана операции в Ставке наглядно показать И. В. Сталину, какой сильный укрепленный район противника придется сокрушить. С этой целью он привез в Москву искусно выполненный макет местности и панорамные аэрофотоснимки. Так, думалось Кириллу Афанасьевичу, легче будет объяснить, какие тяжелые предстоят бои, и выпросить у Верховного дополнительные силы, побольше материальных средств.

Мы, хорошо уже изучившие характер И. В. Сталина, пытались убедить Мерецкова, что тащить эти материалы в Кремль не следует: Верховный не любил лишних атрибутов и терпеть не мог прогнозов за противника. Член Военного совета фронта генерал-лейтенант Т. Ф. Штыков был на нашей стороне. Однако командующий не согласился.

В Ставке Кирилл Афанасьевич усугубил эту ошибку: свой макет и фотографии он стал демонстрировать до изложения сути плана операции. И. В. Сталин слушал его, прохаживаясь, по обыкновению, вдоль стола. Потом вдруг остановился и резко прервал Мерецкова:

- Что вы нас пугаете своими игрушками? Противник, по-видимому, загипнотизировал вас своей обороной... У меня возникает сомнение, можете ли вы после этого выполнить поставленную задачу.

И тут Мерецков подлил масла в огонь: отложив "игрушки" в сторону, он сразу же стал просить тяжелые танковые полки и артиллерию прорыва. Это уж совсем взвинтило Сталина. Последовала новая резкая реплика:

- Думаете, напугали и мы откроем вам кошель?.. А мы не из пугливых.

Верховный не дал командующему закончить доклад и приказал Генеральному штабу еще раз разобраться с планом предстоящей операции и определить необходимые для нее силы и средства. На другой день тот же план докладывался вторично, но уже в обычном порядке. Сталин не перебивал, почти не сделал замечаний и даже дал некоторые дополнительные средства для прорыва обороны противника. А когда мы уходили из его кабинета, напутствовал Мерецкова такими словами:

- Желаю вам удачи! Сами напугайте противника, а не поддавайтесь ему...

После успешного завершения Свирско-Петрозаводской операции Кирилл Афанасьевич прислал мне два альбома с новыми фотографиями обороны противника (теперь уже поверженной) и по телефону попросил при случае показать их Сталину. Мы с Антоновым решили воздержаться от этого, хотя фотографии были очень красноречивыми и действительно помогали зримо представить, насколько трудную задачу выполнил Карельский фронт.

Альбомы и до сих пор хранятся у меня.

В начале июля 1944 года Генеральный штаб, с учетом мнения И. И. Масленникова, закончил разработку замысла наступательной операции 3-го Прибалтийского фронта. Она являлась, разумеется, лишь частью единого комплекса наших

действии в Прибалтике и должна была осуществляться в тесном взаимодействии с Ленинградским, 2-м и 1-м Прибалтийскими фронтами.

Ближайшую задачу нового фронтового объединения составлял разгром псковско-островской группировки противника и освобождение двух старинных русских городов от немецких захватчиков. В последующем ему надлежало овладеть Тарту и Пярну с выходом в тыл неприятельским войскам, оборонявшимся в районе Нарвы.

Соседний справа Ленинградский фронт наносил главный удар черед Нарвский перешеек в направлении Пярну. Он начинал наступление несколько позже 3-го Прибалтийского, имея задачей совместно с ним разгромить противника в Эстонии, овладеть Таллином и частью сил действовать на Тарту.

Сосед слева - 2-й Прибалтийский фронт наступал вдоль северного берега Западной Двины в направлении Мадона, Рига. Его активные действия развертывались раньше операции 3-го Прибалтийского фронта.

Как уже было сказано, в наступление переходил и 1-й Прибалтийский фронт.

6 июля Верховный Главнокомандующий отдал 3-му Прибалтийскому фронту директивы на предстоящую операцию. А примерно через два дня после этого, при очередном нашем докладе в Ставке, мы услышали от Сталина следующее:

- Никто ни разу не был у Масленникова. Командующий он молодой, штаб там тоже молод, и, значит, опыта у них пока недостаточно. Надо бы посмотреть на месте, как идут дела, помочь им спланировать и подготовить операцию по овладению Псковом и Островом. Я думаю, пусть туда поедет Штеменко. Справитесь? - повернулся Верховный ко мне.

- Постараюсь, товарищ Сталин.

- Возьмите с собой опытных артиллериста и авиатора. Танков у этого фронта мало, танкист не потребуется. С минуту подумав, Сталин добавил:

- Хорошо, если бы с вами поехали Яковлев и Ворожейкин.

Так получил я благословение на первую самостоятельную поездку в качестве представителя Ставки.

Хотя спешки не было, вылетели мы к месту назначения уже на другой день. Верховный любил, чтобы его указания выполнялись немедленно.

По прибытии на КП И. И. Масленникова, как положено, заслушали доклады об обстановке. Докладывали начальник штаба В. Р. Вашкевич, потом командующий артиллерией С. А. Краснопевцев, затем командующий воздушной армией Н. Ф.

Науменко и, наконец, начальник тыла. Масленникову по ходу этих докладов задавались вопросы. Рассмотрели его решение и выехали в войска. Понятно, в первую очередь в те, которым предстояло наносить главный удар.

Дольше всего мы работали, пожалуй, на стрежневском плацдарме по западному берегу реки Великой. Он занимал всего восемь километров по фронту, а в глубину имел два - четыре километра. Мал, конечно, но другого не существовало. Там были наблюдательные пункты 1-й ударной и 54-й армий. С различных точек пытались заглянуть отсюда в расположение противника, но немногое разглядели: лес отлично скрывал передний край неприятельской обороны. Еще хуже просматривалась ее глубина.

На плацдарме у нас тоже имелись лесные маски, и это позволяло хоть и тесно, но скрытно разместить здесь войска по крайней мере двух корпусов. Населенные пункты были немногочисленны и являли собой картину полного разрушения. В конце концов, взвесив все "за" и "против", мы окончательно утвердились в мнении, что главный удар следует наносить именно отсюда.

Много переживаний вызывали фронтовые дороги. В сухую погоду над ними висело непроницаемое облако какой-то особенно тонкой лесной пыли пополам с мошкарой, вылезавшей из зеленых чащоб и немилосердно кусавшей все живое. А во время дождей они зияли страшными рытвинами и ямами, заполненными водой. Надрывно урча и раскачиваясь, лавировали между ухабами забрызганные грязью грузовики. Колонны ползли со скоростью черепахи, часто останавливались. Водители, выскочив из кабины, совали под колеса длинные слеги и только им одним известными способами все-таки вызволяли грузы из беды.

О дорогах беспокоились командиры всех степеней. Чего они не предпринимали! В особо труднопроходимых местах прокладывались даже деревянные колеи, и машины шли по ним как по рельсам. Только не зевай - соскользнут колеса с дощатого настила, влезешь в болото по самый кузов.

В большинстве дороги были однопутные, с разъездами на них, но кое-где были и двухпутки. Везде стояли регулировщики. А там, где автомобиль совсем не мог двигаться, выручал гужевой транспорт. Невероятной выносливости лошаденки тащили и тащили повозки, а невозмутимые повозочные на остановках первым делом накашивали им травы, извлекая из-под сиденья всегда готовые для этого косы. О лошадях они заботились больше, чем о самих себе.

После ознакомления с войсками и местностью засели вместе

с Военным советом фронта за план операции. Был проделан полный, так сказать, творческий цикл и проведена вся практическая организационная работа.

Противостояла фронту только часть сил 16-й немецкой армии. Враг не был особенно многочисленным, но сидел в обороне прочно, опираясь на укрепленные районы Пскова и Острова. Поскольку лобовое наступление против этих мощных узлов сопротивления не могло обещать успеха, планом операции предусматривался последовательный разгром сначала островской, а затем псковской группировки противника в обход ее с юга с одновременным фронтальным ударом по ней.

Ближайшая задача фронта имела глубину до 120 километров и ограничивалась выходом советских войск на рубеж Остров, Лыэпна, Гулбене. Ее намечалось выполнить в два этапа. Сначала силами 1-й ударной армии под командованием Н. Д. Захватаева и 54-й армии под командованием С. В. Рогинского наносилось поражение войскам противника перед стрежневским плацдармом к югу от Острова (главный удар - с плацдарма смежными флангами обеих армий в направлении Курово, Аугшпилс, Малупе). А на втором этапе в дело вступала 67-я армия В. З. Романовского и, используя успех на главном направлении, должна была разгромить вражеские войска, оборонявшиеся непосредственно в районе Острова.

Последующей задачей фронта являлось наступление в направлении Выру. В то же время дивизия правого фланга 67-й армии в обход Пскова с юго-запада и 42-я армия, действовавшая фронтально, не позже 28-29 июля должны были овладеть Псковом. В дальнейшем с рубежа Псков, Выру, Дзени предполагалось наступать в направлении Тарту или Пярну.

План наш был утвержден Ставкой, и начало наступления назначалось на 17 июля. Перед тем мы еще раз объехали армии и корпуса, на месте отрабатывая их задачи в наступлении. П. Д. Яковлев и Г. А. Ворожейкин усиленно занимались подготовкой артиллерии и авиации. К вечеру, однако, каждый из нас спешил на КП фронта. Там сообща подводились итоги за день и писалось донесение в Москву.

Накануне операции, 16 июля, во всех армиях была предпринята разведка боем. С рассветом при сильной артиллерийской поддержке разведывательные отряды атаковали противника. В полосе 1-й ударной армии разведчикам удалось ворваться в немецкие траншеи, а через полтора-два часа боя они овладели небольшим населенным пунктом Чашки и закрепились там. Командарм послал на помощь им дополнительные силы пехоты, но дальше продвинуться не удалось. На других

направлениях разведывательные атаки успеха не имели. Противник оборонялся предельно упорно.

В ночь на 17 июля мы отправились на наблюдательный пункт командующего 1-й ударной армией генерала Н. Д. Захватаева. Он располагался на стрежневском плацдарме.

Реку Великую пересекли еще затемно. Нужно было поторапливаться: утро ожидалось погожее и во всех отношениях жаркое.

Армейский НП представлял собой систему глубоких щелей на небольшой высотке, перекрытых накатом толстых бревен. Прибыли мы туда с большим запасом времени, но Захватаев уже поджидал нас. Выслушав его короткий доклад, И. И. Масленников и я присели у приборов наблюдения, а Яковлев и Ворожейкин занялись со своими специалистами.

Как всегда в подобных случаях, люди, собравшиеся на НП, заметно напряжены. Переговариваются вполголоса, будто боятся нарушить торжественность момента. Все давно налажено, настроено. И все-таки каждый еще и еще раз что-то проверяет, что-то уточняет. Операторы колдуют над картами. Связисты склонились над своей аппаратурой. Понятное чувство нетерпения заставляет то одного, то другого посматривать в ночную темень, в сторону противника.

Но вот наступила решающая минута, и картина резко меняется. С первыми залпами артиллерии все как-то разом задвигались, громко заговорили.

В воздухе появилась наша авиация. Она воспользовалась хорошей погодой и действовала в то утро безупречно. Взрывы авиабомб слились с грохотом артиллерийских разрывов.

Огневая система противника была подавлена надежно, и пехота уверенно двинулась в атаку. Скоро поступили первые обнадеживающие доклады: наши войска вклинились в оборону 83-й пехотной дивизии немцев и развивают успех не только в глубину, а и на фланги, "сматывая" вражескую оборону.

Хорошо пошли дела и в 54-й армии. Там оборона противника тоже была прорвана.

Появились пленные. Опросом их удалось установить, что перед фронтом обеих армий находятся 32, 83 и 218-я пехотные дивизии противника да несколько охранных полков, составляющие арьергард основных сил врага, которые начали отход на запад. Сведения об отходе являлись новостью, но отнюдь не неожиданной. Мы не исключали, что немецко-фашистское командование может уклониться от удара, занесенного над его 16-й армией, и попытается встретить советские войска где-то в глубине. В предвидении такого варианта в 1-й ударной и 54-й

армиях заблаговременно были созданы подвижные группы, правда небольшого состава. У Захватаева в подвижную группу вошли: один стрелковый полк 85-й дивизии, 16-я танковая бригада и 724-й самоходно-артиллерийский полк. У Рогинского подвижная группа составилась из 288-й стрелковой дивизии и 122-й танковой бригады. Сейчас пришла пора ввести их в дело.

Подвижные группы немедленно начали преследование противника, а нам Масленников предложил перебраться на фронтовой наблюдательный пункт. Мы, однако, отказались от этого предложения. Хотелось лучше чувствовать пульс боя, и мы двинулись вслед за войсками, пообещав возвратиться на НП к ночи.

Путь наш лежал вблизи Пушкинских гор. Здесь, в бывшем Святогорском монастыре, находилась могила великого поэта, а в расположенном неподалеку родовом имении Михайловском он провел более двух лет томительной ссылки. Мы знали об этом с детства и живо себе представляли образ ссыльного поэта, худенькую сгорбленную няню Арину Родионовну, И. И. Пущина и близорукого А. А. Дельвига, навестивших друга в изгнании. Здесь Пушкин закончил своих "Цыган", написал "Бориса Годунова", основные главы "Евгения Онегина", много лирических стихов, положенных потом на музыку. Все это стало неотъемлемой частью нашей культуры, без которой и не мыслится русский человек. Как же можно было проехать мимо этих мест! И мы, конечно, завернули туда.

Пушкинские горы удалось освободить несколько ранее начала наступления главных сил 3-го Прибалтийского фронта. Отсюда с позором были выброшены рота карателей, безуспешно гонявшаяся за партизанами, и некоторые подразделения полевых войск противника. Наши саперы успели уже расставить предостерегающие таблички - "мины". Такое предупреждение поджидало нас и на лестнице перед монастырем, и у могилы Пушкина.

Повсюду зияли разрушения. Святогорский монастырь - редкий памятник архитектуры XVI века - был обезглавлен и частично подорван. Внутри монастырских помещений все изломано и разбросано в беспорядке.

В соседнем Михайловском - картина не лучше. Родовой дом Пушкиных, превращенный в музей, сожжен. Домик Арины Родионовны разобран на блиндажи. Вековые деревья Михайловского и Тригорского парков оккупанты наполовину вырубили.

С тяжелым чувством уехали мы отсюда.

А операция продолжала благоприятно развиваться. Войска

получили указание ни в коем случае не приостанавливать преследование противника в ночное время.

К полуночи подвижная группа 54-й армии овладела важным узлом дорог Красногородское и не дала возможности арьергардам противника закрепиться на рубеже реки Синяя. Другие наши войска, действовавшие севернее и южнее стрежневского плацдарма, вплотную придвинулись к реке Великой в готовности форсировать ее.

18 июля операция приобрела характер всеобщего наступления в полосе 3-го Прибалтийского фронта. Главные силы 1-й ударной и 54-й армий преодолели рубеж реки Синяя. По-прежнему хорошо действовала авиация. Чувствовалась опытная рука Григория Алексеевича Ворожейкина.

К 18 часам войска Захватаева подошли с юго-востока к Острову, однако неоднократные их попытки взять город успеха не имели: атаки отбивались сильным огнем из многочисленных оборонительных сооружений. Дивизии Рогинского к исходу дня отбросили врага за реку Лжа. Река Великая к югу от Острова была преодолена в тот день повсеместно.

За два дня наступательных боев 3-й Прибалтийский фронт продвинулся вперед до 40 километров, расширив прорыв до 70 километров. В ходе наступления было занято более 700 населенных пунктов, в том числе и такие крупные, как Шанино, Зеленово, Красногородское. Ободряющие вести шли и от соседей - со 2-го и 1-го Прибалтийских фронтов. Их войска стремительно продвигались к Риге.

19 июля в 22 часа Москва от имени Родины салютовала 3-му Прибалтийскому фронту за прорыв вражеской обороны, а фронт тем временем продолжал упорные бои уже западнее Лжи. К исходу 20 июля удалось перерезать шоссе и железную дорогу Остров - Резекне в районе станции Бренчаниново. Все контратаки противника были отражены с большими для него потерями.

В 3 часа 21 июля по плану фронтовой операции перешла в наступление 67-я армия генерала В. З. Романовского. Она прорвала долговременную оборону противника на островском направлении и при содействии 1-й ударной армии к 12 часам штурмом овладела городом Остров. Это был наиболее сильный опорный пункт обороны немцев на пути к центральным районам Прибалтики, и падение его предрешало дальнейшее развитие операций в обход Пскова. Москва вторично салютовала победителям. А еще день спустя, 23 июля, торжественные залпы и многоцветные ракеты возвестили советским людям об освобождении 3-м Прибалтийским фронтом древнего Пскова. Не скрою, что эти салюты мы прослушали по радио с особым

удовольствием.

Ближайшая задача, поставленная фронту, была выполнена. Теперь перед ним открывался путь в южные районы Эстонии и к Риге.

О том, как выполнить последующую задачу, мы думали очень много и в конечном счете решили так: нанося главный удар на Выру, развивать успех южнее Псковского и Чудского озер до линии Алуксне, Валга. Это позволяло нам выйти в тыл тартуской, а затем и нарвской группировкам противника, чем существенно облегчалось наступление Ленинградского фронта через Нарвский перешеек.

Ставка рассмотрела наши предложения и определила, что главный удар в полосе 3-го Прибалтийского фронта следует развивать в направлении Алуксне, Валга, то есть значительно западнее намеченного нами. Таким образом, наша ударная группировка выводилась прямо на крупнейший в Прибалтике узел коммуникаций - Валгу и должна была отрезать от Риги все силы противника в Эстонии и северной части Латвии. Этот вариант в свое время рассматривался нами, но мы отказались от него, так как считали, что у фронта недостаточно сил.

Доработка плана дальнейшего развития операции 3-го Прибалтийского фронта в соответствии с указаниями Верховного Главнокомандования заняла несколько дней. Войска же продолжали стремительно продвигаться вперед. Коррективы с учетом новых задач вносились по ходу действий.

Наш удар на Валгу быстро сказался на положении правого соседа. Войска Ленинградского фронта успешно прорвали сильно укрепленную оборону немцев на нарвском направлении и, применив обходный маневр в сочетании с фронтальной атакой, овладели городом и крепостью Нарва.

Левый сосед - 2-й Прибалтийский фронт - также успешно наступал в направлении Резекне, Мадона, имея в виду выйти в последующем к Риге. Во главе этого фронта стоял теперь генерал армии А. И. Еременко, переброшенный сюда из Крыма. До этого Андрей Иванович успел покомандовать шестью фронтами. Имя его неразрывно связывалось с героическими делами советских войск под Сталинградом.

На 1-м Прибалтийском фронте все было готово для удара на Шяуляй и Ригу.

Но мне опять не довелось увидеть развязку событий собственными глазами. После того как план операции был окончательно доработан и доложен в Москву, позвонил А. И. Антонов и объявил:

- Ваша миссия закончена, возвращайтесь в Генштаб...

Выше говорилось о намерении советского Верховного Главнокомандования отсечь группу армий "Север" от остальных сил противника. Летом 1944 года это стало реальностью.

Во второй половине июля 1-й Прибалтийский фронт из района Паневежиса вырвался на шяуляйское направление, а 3-й Белорусский нацелился на Восточную Пруссию. Как тогда было принято говорить, Советская Армия приблизилась к "логову фашистского зверя". Это было правильно не только в фигуральном, но и в буквальном смысле: за Мазурскими озерами, в районе Растенбурга, глубоко под землей обосновался командный пункт Ставки Гитлера "Вольфшанце".

24 июля командующий 1-м Прибалтийским фронтом И. Х. Баграмян определил, что противник отводит свои войска на Крустпилс и далее на Ригу и Митаву (Елгаву). Только против левого крыла фронта немцы еще удерживали занимаемые позиции. Однако и там сопротивление их заметно ослабло. Причиной тому были сильные удары соседнего 3-го Белорусского фронта, выходившего на подступы к Восточной Пруссии.

Предвидения Генерального штаба сбылись: удары нескольких наших фронтов, хорошо согласованные по времени, связали и резко ослабили 18-ю и 16-ю немецкие армии. Они уже потеряли возможность свободно маневрировать. Теперь, как нам представлялось, назрел момент захлопнуть противника в Прибалтике.

Однако и у нас силы поиссякли, а с резервами было не густо. Наступательные действия Советских Вооруженных Сил велись во всевозрастающих масштабах. Вслед за Белорусской операцией с небольшим разрывом во времени развернулось крупнейшее по размаху наступление в западных районах Украины. Все это требовало резервов, и они быстро таяли. На 1 июля в резерве Ставки имелись всего две общевойсковые армии (2-я и 5-я гвардейские) и одна воздушная (8-я). Отсюда следовало, что наступление в Прибалтике предстояло развивав в основном за счет фронтовых резервов и перегруппировок на главные направления сил и средств с второстепенных участков.

Практически события развивались следующим образом. 25 июля командующий 1-м Прибалтийским фронтом приказал генералу В. Т. Обухову - командиру 3-го гвардейского механизированного корпуса - нанести удар на Шяуляй и к исходу 26 июля овладеть городом. Кроме того, в Шяуляй должны были вступить и войска 51-й армии Я. Г. Крейзера, начинавшие наступление примерно в то же время. Выведенная из резерва Ставки на левый фланг 1-го Прибалтийского фронта 2-я гвардейская армия обеспечивала его действия со стороны

Восточной Пруссии. Шяуляй удалось взять лишь 27 июля.

Получив данные об этом, Ставка Верховного Главнокомандования приказала 1-му Прибалтийскому фронту немедленно повернуть главные силы на Ригу, поскольку именно туда отходили войска противника. Первоначально эти указания были отданы по телефону, а уже на следующий день оформлены в виде письменной директивы. Она гласила:

"Основная задача войск фронта - отрезать группировку противника, действующего в Прибалтике, от ее коммуникаций в сторону Восточной Пруссии, для чего Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

После овладения районом Шяуляй главный удар развивать в общем направлении на Ригу, частью сил левого крыла фронта наступать на Мемель с целью перерезать Приморскую железную дорогу, связывающую Прибалтику с Восточной Пруссией".

И. Х. Баграмян тотчас же направил командиру 3-го гвардейского механизированного корпуса телеграмму следующего содержания: "Благодарю за Шяуляй. Прекратить бой в районе Шяуляй. Быстро сосредоточиться м. Мешкучай{15} и ударом на север вдоль шоссе к исходу 27.7.1944 г. главными силами овладеть Ионишкис, а сильными передовыми отрядами - Бауска, Елгава".

Наступление корпуса в новом направлении развивалось настолько стремительно, что противник не сумел достаточно организованно противодействовать ему. Тут сказалось, несомненно, и общее неблагоприятное для врага положение в Прибалтике, и особенно его поражение на главных фронтах войны, где советские войска уже форсировали Вислу и Неман. Прежняя спесь была сбита с завоевателей.

Используя успех мехкорпуса, И. Х. Баграмян 28 июля бросил в направлении Елгавы войска 51-й армии. Тогда же двинулась на север и 43-я армия А. П. Белобородова.

Елгава (Митава), являвшаяся основным узлом коммуникаций, связывавших Прибалтику с Восточной Пруссией, была взята с боем уже 31 июля. А передовой отряд 8-й гвардейской механизированной бригады под командованием полковника С. Д. Кремера еще накануне - 30 июля - достиг Тукумса и морского побережья в районе Клапкалнс. Пути противника из Прибалтики в Восточную Пруссию оказались прерванными. По определению самих гитлеровских генералов, в районе Тукумса возникла "брешь в вермахте".

Немалую роль играл во всем этом Маршал Советского Союза А. М. Василевский. С 29 июля 1944 года на него были возложены не только координация, но и руководство операциями 2-го и 1-го

Прибалтийских, а также 3-го Белорусского фронтов. В последующем, поскольку центр тяжести борьбы в Прибалтике переместился на рижское направление, Александр Михайлович возглавил руководство боевыми действиями всех трех Прибалтийских фронтов, а ответственность за 3-й Белорусский фронт с него сняли.

Изоляция в Прибалтике угрожала полным разгромом 16-й и 18-й немецких армий. Естественно, что немецко-фашистское командование постаралось заштопать "брешь в вермахте" и восстановить локтевую связь группы армий "Север" с левым флангом группы армий "Центр" в Восточной Пруссии. Для этого в район Шяуляя была двинута 3-я немецкая танковая армия, имевшая задачу прорваться к Риге. Ее натиск отличался крайней ожесточенностью и сочетался с ударами со стороны Риги. Однако противнику не удалось опрокинуть войска 1-го Прибалтийского фронта. Немцы сумели отвоевать только узкий коридор, соединивший Ригу с Тукумсом.

Создавшееся положение не удовлетворяло и нас. Курляндский коридор хоть и был узким, все же позволял врагу маневрировать силами и в случае необходимости вывести группу армий "Север" в Восточную Пруссию по суше. Последствия такого маневра могли быть чрезвычайно неприятными: они существенно осложнили бы ход наших операций в Восточной Пруссии и Польше.

К сожалению, мы не имели тогда возможности немедленно поправить дело. Советские войска были измотаны длительными боями и в целом по Прибалтике не имели необходимого численного превосходства над противником. Очевидно, следовало пополнить их и произвести соответствующую перегруппировку сил, не приостанавливая, однако, наступления, не давая врагу передышки. Именно по этим соображениям в конце июля и в августе 1944 года наша активность в Прибалтике не только не поубавилась, а даже возросла.

Как уже сказано, 24-30 июля Ленинградский фронт осуществил Нарвскую наступательную операцию, освободил Нарву и продвинулся вперед на 20-25 километров. 2-й Прибалтийский фронт с 28 июля по 28 августа проводил так называемую Мадонскую операцию на стыке 18-й и 16-й армий противника. Встретив упорное сопротивление, он очень медленно продвигался в направлении Риги и преодолел за месяц только 20 километров. А с 10 августа началась и до 6 сентября продолжалась Тартуская наступательная операция 3-го Прибалтийского фронта, в результате которой подверглась разгрому довольно значительная группировка 18-й немецкой

армии. Войска этого фронта продвинулись до 120 километров на северо-запад и до 70-90 километров на запад, освободив Тарту и ряд других крупных населенных пунктов.

В результате одновременных операций нескольких фронтов положение противника в Прибалтике серьезно ухудшилось. Это засвидетельствовал даже генерал Фриснер, командовавший группой армий "Север", которого как раз в конце июля под благовидным предлогом Гитлер заменил генералом Шернером{16}.

Действия в Прибалтике были согласованы не только с наступлением Белорусских и 1-го Украинского фронтов, но и с Ясско-Кишиневской операцией советских войск против вражеской группы армий "Южная Украина". Здесь 20 августа 1944 года 2-й и 3-й Украинские фронты, взаимодействуя с Черноморским флотом и Дунайской флотилией, в считанные дни нанесли противнику катастрофическое поражение. В результате 2-й Украинский фронт ворвался в глубь Румынии, а затем развернул операции в Венгрии, на будапештском направлении. 23 августа румынский народ, направляемый Коммунистической партией, сверг фашистскую диктатуру Антонеску. Новое правительство Румынии порвало с гитлеровской Германией и объявило ей войну. 3-й Украинский фронт вступил в Болгарию. Болгарский народ 9 сентября во главе с Рабочей партией тоже покончил с фашизмом, образовал демократическое правительство Отечественного фронта и вступил в войну с Германией. С болгаро-югославской границы началось наступление на белградском направлении. Двинулся вперед на карпатском направлении и восстановленный 5 августа 4-й Украинский фронт.

Но вернемся к Прибалтике. Линия фронта получила здесь выгодное для нас начертание. На 29 августа она проходила в 20 километрах западнее Нарвы, далее следовала по западному берегу Чудского озера, захватывала Тарту, озеро Выртс-Ярви, продолжалась по верхнему течению реки Гауя, удалялась на 20 километров западнее Мадоны, огибала Гостини, Поли, Бауску, Елгаву (Митаву), Добеле, Шяуляй, Россиены, Вирбалис. С этой линии из района Тарту можно было наносить удары в тыл группировки врага, продолжавшей сопротивление западнее Нарвы, или вести наступление с целью окончательного разобщения 18-й и 16-й немецких армий. При таком положении наших войск облегчалось сосредоточение усилий трех Прибалтийских фронтов в районе Риги. Наконец, достигнутые результаты позволяли осуществить рывок на запад от Шяуляя и отрезать всю группировку врага в Прибалтике. Большая протяженность фронта вынуждала немецкое командование

действовать, как говорится, растопыренными пальцами. Однако силы противника далеко еще не были исчерпаны. В частности, он держал крупную танковую группировку на левом берегу Западной Двины южнее Риги. Кроме того, в Прибалтику прибыло несколько новых пехотных и танковых дивизий, снятых с других, пока еще "тихих", участков советско-германского фронта. Некоторые из них перебрасывались по воздуху. Продолжался также подвоз вооружения и боевой техники.

Советское Верховное Главнокомандование решило полностью завершить освобождение Прибалтики. С этой целью планировались удары Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота в Эстонии, а всех трех Прибалтийских фронтов - в Латвии, особенно в районе Риги. В полосу 3-го Прибалтийского фронта Ставка перебросила недавно выведенную в резерв 61-ю армию, имея в виду использовать ее при необходимости на рижском направлении.

В восточной части Прибалтики была произведена частичная перегруппировка войск: район Тарту был передан в полосу Ленинградского фронта и туда же переводилась 2-я ударная армия. Отсюда подготовлялся удар силами 14 дивизий в направлении Раквере в тыл нарвской группировке противника. В дальнейшем Ленинградский фронт должен был овладеть Таллином.

Задачи других фронтов определились так.

3-й Прибалтийский, которому кроме 61-й армии передавались 10-й танковый корпус и 2-я гвардейская артиллерийская дивизия, прорывает оборону противника на двух участках к югу от озера Выртс-Ярви и развивает успех в общем направлении на Цесис, а в последующем - на Ригу.

2-й Прибалтийский уничтожает мадонскую группировку противника, наступая из района Мадона вдоль северного берега Западной Двины на Ригу и частью сил - на Дзербене.

1-й Прибалтийский силами 43-й и 4-й ударной армий наносит удар на Ригу с юга, не допуская отхода противника на запад. В то же время войска его левого крыла, прикрываясь от мемельской группировки противника, должны были наступать на Тукумс, Кемери и отрезать противника от Курляндии.

К этому времени соотношение сил в Прибалтике стало для нас более благоприятным. Обеспечение же операций боеприпасами по-прежнему оставляло желать много лучшего. Советское Верховное Главнокомандование не имело возможности выделить их для всех в достаточном количестве. Приходилось выбирать между Прибалтикой и другими фронтами, и, конечно, в первую очередь снаряды направлялись туда, где решался исход

кампании и войны в целом.

Что касается управления боевыми действиями в Прибалтике, то до 1 октября оно осуществлялось на месте А. М. Василевским. С 1 октября на попечении Александра Михайловича осталось лишь два фронта - 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский, где предвиделись наиболее важные события. Операциями же Ленинградского и двух других Прибалтийских фронтов с этого дня стал руководить Л. А. Говоров, за которым оставался в то же время пост командующего войсками Ленинградского фронта. Такая несколько необычная форма управления позволяла Ставке сосредоточить все свое внимание на главном стратегическом направлении и в то же время обеспечить надежную координацию боевых действий в Прибалтике.

Леонид Александрович Говоров в то время уже был Маршалом Советского Союза и пользовался в войсках заслуженным авторитетом. Ему принадлежала выдающаяся роль в битве за Москву. Тогда он командовал 5-й армией, оседлавшей Минскую автостраду. А в 1943 году под его командованием войска Ленинградского фронта во взаимодействии с другими фронтами разорвали блокадное кольцо, мертвой хваткой охватившее город Ленина. Малоразговорчивый, суховатый, даже несколько угрюмый с виду, Говоров производил при первой встрече впечатление, не очень выгодное для себя. Но все, кто служил под началом Леонида Александровича, прекрасно знали, что под этой внешней суровостью скрывалась широкая и добрая русская душа.

Решающая операция по разгрому противника в Прибалтике началась 14 сентября одновременно на всех трех Прибалтийских фронтах, а 17 сентября - и на Ленинградском фронте. Однако на главном, рижском направлении успех развивался медленно. Раздробить неприятельскую группировку и на этот раз не удалось. Она отошла с боями на заранее подготовленный рубеж в 60-80 километрах от Риги. Наши войска, сосредоточенные на подступах к столице Латвии, буквально прогрызали оборону противника, методично, метр за метром выталкивая его.

Такое течение операции не сулило быстрой победы и было связано с большими для нас потерями. На левом крыле 1-го Прибалтийского фронта противник предпринимал даже контрудары. 16 сентября с рубежа Кельмы, Телыпай там перешла в наступление его 3-я танковая армия и имела временный успех в районе Добеле. Через два дня последовал второй довольно мощный удар по нашим войскам, на этот раз со стороны Риги. Он был парирован. Немцы пробовали повторить его, но тоже неудачно.

Все свидетельствовало о том, что враг стремится во что бы то ни стало сохранить связь группы армий "Север" с Восточной Пруссией, чтобы при необходимости вывести туда по сухопутью свои войска из Прибалтики. Признаки подготовки такого маневра наша разведка уже обнаружила.

Утешаться этим мы, конечно, не могли. Оценивая положение дел в целом, Ставка признала, что операция под Ригой развивается неудовлетворительно, и решила с целью коренного изменения обстановки переместить главные усилия на левый фланг 1-го Прибалтийского фронта в район Шяуляя. Там намечалось создать сильную ударную группировку и повести наступление на Мемель. При этом не должна была ослабевать активность двух других Прибалтийских фронтов на рижском направлении и Ленинградского фронта в Эстонии.

К Мемельской операции И. В. Сталин проявил повышенное внимание. Он лично вел переговоры с А. М. Василевским по всем вопросам, связанным с нею: определял состав потребных сил, порядок перегруппировок, заботился о скрытности маневра. Существовали сомнения в отношении ее внезапности. Однако, взвесив все данные, какими располагал Генеральный штаб. Ставка сочла момент вполне благоприятным. В район Шяуляя и к северу от него стали сосредоточиваться четыре общевойсковые армии (4-я ударная, 43, 51, 6-я гвардейская), одна танковая (5-я гвардейская), а также отдельный танковый и отдельный механизированный корпуса. Максимальное расстояние, на которое перегруппировывались войска, не превышало 240 километров. Скрытность перегруппировки обеспечивалась большим количеством маршрутов (более 25) для движения войск и нашим господством в воздухе.

К югу от Риги на место снявшихся оттуда войск 1-го Прибалтийского фронта перемещались армии 2-го Прибалтийского.

Мемельская операция имела своей целью прорвать оборону противника к западу и юго-западу от Шяуляя, разгромить его 3-ю танковую армию и, выйдя к Балтийскому морю на участке Паланга, Мемель, устье реки Неман, тем самым отрезать немецко-фашистским войскам пути отступления из Прибалтики в Восточную Пруссию. Директивой Ставки от 24 сентября эта задача возлагалась всецело на 1-й Прибалтийский фронт. В последующие дни И. В. Сталин лично ориентировал А. М. Василевского и И. Х. Баграмяна, что уничтожение неприятельских войск, отрезанных между Восточной Пруссией и Ригой, будет проводиться силами двух взаимодействующих фронтов - 1-го и 2-го Прибалтийских. К операции привлекалась также 39-я армия 3-

го Белорусского фронта. Наступая вдоль Немана, она должна была содействовать 1-му Прибалтийскому фронту.

Перегруппировки и развертывание наших войск противник обнаружил с большим опозданием. Помешать осуществлению замысла Ставки он уже не мог. Мемельская операция началась в назначенный срок - 5 октября - и развивалась успешно. На второй день наступления в прорыв была введена 5-я гвардейская танковая армия. Она сразу устремилась к Паланге и Мемелю.

Противник понял, чем грозит ему этот удар. С утра 6 октября он начал отход из-под Риги через Курляндию в Восточную Пруссию. 3-й и 2-й Прибалтийские фронты перешли в преследование. Однако из-за сильного сопротивления вражеских арьергардов, трудной местности и недостатка боеприпасов темп преследования и на этот раз был очень невысоким.

На шестой день операции 5-я гвардейская танковая армия под командованием генерала В. Т. Вольского вырвалась наконец к морю. В это же время 6-я гвардейская и 4-я ударная армии встали на пути крупных сил группы армий "Север", достигших рубежа Салдус, Приекуле, и в результате тяжелых боев остановили их. Тем самым они прочно обеспечили с севера действия остальных армий 1-го Прибалтийского фронта, которые к 12 октября обложили Мемель и вышли на границу с Восточной Пруссией. Успешно продвигалась на запад и 39-я армия генерала И. И. Людникова.

Противник, не сумевший одолеть 6-ю гвардейскую и 4-ю ударную армии, в конце концов вынужден был оставить неудачные свои попытки прорваться в Восточную Пруссию. Наши удары заставили его перейти к обороне в Курляндии на заранее подготовленных рубежах. Так образовался пресловутый курляндский загон.

В операции под Шяуляем и Мемелем ярко проявились самобытный полководческий талант И. Х. Баграмяна, его обширные военные знания и большой практический опыт. О нем уже было сказано, однако характеристика Ивана Христофоровича останется незавершенной, если не упомянуть здесь о его внимании к людям, уважении к чужому мнению, личном обаянии, душевности и гостеприимстве. Очевидно, счастливое сочетание всех этих качеств и позволяет ему так естественно вживаться в любой военный коллектив, так уверенно чувствовать себя на любом посту. Уже после войны, будучи начальником Академии Генерального штаба, Иван Христофорович проделал весьма значительную работу по подготовке руководящих военных кадров, а затем, возглавив Тыл Советских Вооруженных Сил, внес много полезного в дело обеспечения боевой готовности нашей

армии, авиации и флота.

Одновременно с Мемельской операцией продолжались бои за столицу Советской Латвия. Шаг за шагом немецко-фашистские оккупанты отбрасывались с занятых ими позиций. 13 октября Рига была освобождена.

После этого Ставка сочла возможным расформировать 3-й Прибалтийский фронт. Такая директива последовала 16 октября. 1-я ударная армия генерал-лейтенанта Н. Д. Захватаева и 14-я воздушная армия генерал-лейтенанта И. П. Журавлева отошли в состав 2-го Прибалтийского фронта. 67-ю армию генерал-лейтенанта В. З. Романовского передали Ленинградскому фронту. А 54-я армия генерал-лейтенанта С. В. Рогинского была выведена в резерв Ставки.

Ликвидацией курляндской группировки, насчитывавшей двадцать девять дивизий, много специальных частей и боевой техники, занялись одновременно два Прибалтийских фронта - 1-й и 2-й. 10 октября были обращены на север против 18-й и 16-й немецких армий наши 4-я ударная, 6-я гвардейская, 51-я и 5-я гвардейская танковая армии. В начале ноября к ним присоединилась и 2-я гвардейская, перемещенная с границы Восточной Пруссии. На Немане осталась только 43-я армия.

Повернули против курляндской группировки и войска 2-го Прибалтийского фронта.

Ставка стремилась поскорее ликвидировать противника в Курляндии, но задача эта оказалась чрезвычайно трудной, и выполнить ее в намеченные сроки не удалось. В конечном счете наши войска блокировали врага на Курляндском полуострове.

Таким образом, боевые действия советских войск в Прибалтике велись на протяжении почти всего 1944 года. Все это время на повестке дня оставалась основная задача: отрезать группу армий "Север", одновременно расчленяя и уничтожая ее по частям. Выполнение этой задачи прошло через ряд этапов: в феврале - марте 1944 года было достигнуто необходимое для действий в глубине прибалтийской территории оперативное положение; в июле - августе советские войска нанесли тяжелое поражение противнику и заняли выгодные рубежи для завершающего наступления; в сентябре - октябре удалось разгромить главные силы группы армий "Север", а остатки их загнать в Курляндию.

Необходимость уничтожения противника в Прибалтике приобрела к этому времени особую остроту, поскольку советские войска вышли на границу СССР с Восточной Пруссией и вскрыли решающие стратегические направления: западное на Варшаву, Берлин и юго-западное - на Будапешт, Вену. Оставлять

противнику стратегический плацдарм в тылу наших наступающих фронтов было недопустимо. Вот почему на заключительном этапе борьбы Прибалтика не выходила из поля зрения Генерального штаба и Верховного Главнокомандующего.

При всех сложностях и перипетиях этой борьбы, при всех временных неудачах, сопутствующих ей, заключительный ее аккорд - блестящая по замыслу и исполнению Мемельская операция несомненно является выдающимся образцом советского военного искусства.

Глава 14. Последняя кампания

Новый год на даче под Кунцевом. - Отвлечение сил противника в Восточную Пруссию и на юг. - Г. К. Жуков назначается командующим 1-м Белорусским фронтом. - И. В. Сталин берет на себя координацию действий четырех фронтов. Возможно ли было непрерывное наступление на Берлин? - Как Черчилль разжигал аппетиты у американцев. - Совещание в Ставке 1 апреля 1945 года. - Капитуляция Германии.

В канун Нового, 1945 года, за несколько часов до полуночи, А. И. Антонов объявил:

- Только что звонил Поскребышев и передал, чтобы мы приехали на "Ближнюю" к половине двенадцатого без карт и документов.

На мой вопрос, что бы это значило, Алексей Иннокентьевич ответил шутливо:

- Может быть, нас приглашают встретить Новый год? Неплохо бы...

Через несколько минут последовал звонок от командующего бронетанковыми и механизированными войсками Я. Н. Федоренко. Он в свою очередь спросил, не знаем ли мы, зачем и его вызывают на "Ближнюю", причем тоже "налегке".

Я сказал, что сами ломаем голову относительно странного приглашения.

В 23 часа вдвоем с Антоновым, как обычно, на его машине мы выехали, продолжая теряться в догадках о цели вызова. Ежедневные наши поездки на доклад к Верховному были, как правило, не в этот час, а на праздники нас никогда не приглашали. За годы войны мы и слово-то это забыли.

На даче у Сталина мы застали еще нескольких военных - А. А. Новикова, Н. Н. Воронова, Я. Н. Федоренко, А. В. Хрулева. Потом подъехал С. М. Буденный. Как выяснилось, нас действительно пригласили на встречу Нового года, о чем свидетельствовал накрытый стол.

За несколько минут до двенадцати все вместе прибыли члены Политбюро и с ними некоторые наркомы. Я запомнил только Б. Л.

Ванникова и В. А. Малышева. А всего собралось человек двадцать пять мужчин и одна-единственная женщина жена присутствовавшего здесь же Генерального секретаря Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти.

Сталин занял свое обычное место во главе стола. С правой руки, как всегда, стоял графин с чистой водой. Никаких официантов не было, и каждый брал себе на тарелку то, что ему хотелось. С ударом часов Верховный Главнокомандующий произнес краткое слово в честь советского народа, сделавшего все возможное для разгрома гитлеровской армии и приблизившего час нашей победы. Он провозгласил здравицу в честь Советских Вооруженных Сил и поздравил нас всех:

- С Новым годом, товарищи!

Мы взаимно поздравили друг друга и выпили за победоносное окончание войны в наступающем 1945 году. Некоторая скованность, чувствовавшаяся вначале, вскоре исчезла. Разговор стал общим. Хозяин не соблюдал строгого ритуала: после нескольких тостов поднялся из-за стола, закурил трубку и вступил в беседу с кем-то из гостей. Остальные не преминули воспользоваться свободой, разбились на группы, послышался смех, голоса стали громкими.

С. М. Буденный внес из прихожей баян, привезенный с собой, сел на жесткий стул и растянул мехи. Играл он мастерски. Преимущественно русские народные песни, вальсы и польки. Как всякий истый баянист, склонялся ухом к инструменту. Заметно было, что это любимое его развлечение.

К Семену Михайловичу подсел К. Е. Ворошилов. Потом подошли и многие другие.

Когда Буденный устал играть, Сталин завел патефон. Пластинки выбирал сам. Гости пытались танцевать, но дама была одна, и с танцами ничего не получилось. Тогда хозяин дома извлек из стойки пластинок "Барыню". С. М. Буденный не усидел - пустился в пляс. Плясал он лихо, вприсядку, с прихлопыванием ладонями по коленям и голенищам сапог. Все от души аплодировали ему.

Гвоздем музыкальной программы были записи военных песен в исполнении ансамбля профессора А. В. Александрова. Эти песни все мы знали и дружно стали подпевать.

Возвращались из Кунцева уже около трех часов ночи. Первая за время войны встреча Нового года не в служебной обстановке порождала раздумья. По всему чувствовался недалекий конец войны. Дышалось уже легче, хотя мы-то знали, что в самое ближайшее время начнется новое грандиозное наступление, впереди еще не одно тяжелое сражение.

Алексей Иннокентьевич вдруг предложил не возвращаться, как всегда, на службу, а поехать ночевать домой. Новый год начинался как-то совсем по-мирному. И праздничный прием у Верховного Главнокомандующего, и ночевка дома - все это было вопреки режиму, установившемуся в Генштабе во время войны.

Но облик Москвы все еще был военным. Мы ехали по темным, пустынным улицам, мимо промороженных домов с плотно зашторенными окнами. Лишь кое-где из-за стекол пробивались робкие лучики. Комендантские патрули и дежурные бойцы ПВО уже не так строго взыскивали за подобные нарушения.

Словом, все в ту ночь напоминало, что война приближается к финишу.

Планирование заключительного этапа вооруженной борьбы на советско-германском фронте началось еще в ходе летне-осенней кампании 1944 года. Практические выводы из стратегической обстановки возникли в Генштабе и Ставке не сразу, в результате какого-то единовременного акта. Они формировались постепенно, в процессе текущей работы.

Итоги беспримерного нашего наступления летом и осенью 1944 года на всех без исключения направлениях были более чем обнадеживающими. Советская Армия разгромила 219 неприятельских дивизий и 22 бригады. Противник потерял в общей сложности 1 600 000 человек, 6 700 танков, 28 000 орудий и минометов, 12 000 самолетов. Восполнить эти потери фашистская Германия уже не могла. Велика была и сила морального урона, который потерпел враг.

К концу октября 1944 года советские войска стояли на границе с Финляндией и успешно наступали в Северной Норвегии, очистили территорию Прибалтики, кроме полуострова Сырвэ и Курляндии, вторглись в Восточную Пруссию до рубежа Гольдап, Августов. К югу от Восточной Пруссии на ряде участков были форсированы Нарев и Висла, захвачены важные плацдармы в районах Рожан, Сероцка, Магнушева, Пулав, Сандомира; впереди простиралось берлинское стратегическое направление. 2-й Украинский фронт выходил на Будапешт. 3-м Украинским фронтом 20 октября была освобождена столица Югославии Белград.

Победы, однако, давались нам нелегко. Дивизии поредели. Темп их продвижения вперед заметно снизился. За счет ослабления некоторых участков своей обороны в Западной Европе Гитлеру удалось осуществить маневр частью сил на восток и создать здесь сплошной и прочный фронт, прорыв которого требовал серьезной подготовки.

Генеральный штаб хорошо понимал всю сложность

дальнейшего раз-вития успеха. Условия и перспективы наступления не везде были одинаковы.

Оборона противника в Курляндии отличалась исключительной прочностью. Прорыв ее и разгром трех десятков окопавшихся там дивизий мог обойтись нам чрезвычайно дорого.

Положение в Восточной Пруссии казалось более благоприятным. 3-й Белорусский фронт обладал по сравнению с противостоящим ему неприятелем некоторым превосходством в силах{17}. Исходя из этого, Генеральный штаб полагал возможным при некотором дополнительном усилении наших войск за счет резервов Верховного Главнокомандования нанести мощный удар через всю Восточную Пруссию до устья Вислы на глубину в 220- 250 километров. В дальнейшем, однако, пришлось, к сожалению, ограничиться здесь, по крайней мере на первое время, более скромными целями.

Что касается варшавско-познанского, а также силезского направлений, где решалась, по существу, судьба Берлина, то там ожидалось особо сильное сопротивление. Мы тогда считали, что 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты при максимальном напряжении сил могут провести наступательные операции на глубину не более 140-150 километров.

Зато в полосах 4, 2 и 3-го Украинских фронтов, исходя прежде всего из политических соображений, Генштаб рассчитывал на значительно больший успех. Рисовалась перспектива стремительного прыжка на рубеж Моравска Острава, Брно, на подступы к Вене. Вполне реальным представлялось нам овладение в короткие сроки Будапештом и форсирование Дуная. Значительную часть пехоты противника составляли здесь венгерские дивизии, боеспособность которых, по нашим тогдашним предположениям, могла быть подорвана в корне антивоенными настроениями, нараставшими среди населения, и зверствами фашистов, стремившихся любой ценой удержать Венгрию в фарватере третьего рейха. К сожалению, эти прогнозы не сбылись. Фашистской диктатуре, поддержанной немцами, удалось еще на какое-то время приковать Венгрию к германской военной колеснице. На будапештском направлении с конца октября завязались крайне тяжелые и кровопролитные бои. Против 2-го Украинского фронта действовала вражеская группировка из 39 соединений. Ядро ее составляли семь танковых дивизий (пять немецких и две венгерские). Противник опирался на разветвленную систему хорошо подготовленных укреплений и оказал ожесточенное сопротивление. Борьба за столицу Венгрии затянулась до трех с половиной месяцев.

Весьма ограниченные результаты, достигнутые нами в

октябре, свидетельствовали о необходимости дать отдых дивизиям, давно не имевшим смены, перегруппироваться, подтянуть тылы, создать необходимые для прорыва и последующего развития операции материальные запасы. Наконец, надо было на основе оценки сложившейся обстановки выбрать наиболее выгодные направления и разработать планы скорейшего и окончательного разгрома немецкого фашизма. На все это требовалось время.

В самом начале ноября 1944 года в Ставке было всесторонне рассмотрено положение дел в полосах действий 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Перед ними была главная стратегическая группировка противника - группы армий "Центр" и "А", правда не в полном составе. Необходимым для наступления перевесом сил эти фронты не обладали. Отсюда следовало, что на берлинском направлении наступление продолжать нецелесообразно и надо временно перейти к обороне.

При очередном докладе Верховному Главнокомандующему А. И. Антонов особенно настаивал на этом и просил разрешения подготовить соответствующие директивы. Такое разрешение мы получили. В ночь на 5 ноября 1944 года директива на переход к обороне была отдана 3-му и 2-му Белорусским фронтам. Через несколько дней последовало аналогичное распоряжение войскам правого крыла 1-го Белорусского фронта.

Последнюю кампанию войны с гитлеровской Германией с самого начала предполагалось осуществить в два этапа. На первом этапе активные действия должны были продолжаться прежде всего на старом, если можно так выразиться, направлении - южном фланге советско-германского фронта в районе Будапешта. Перелом здесь рассчитывали создать выводом в междуречье Тисы и Дуная в район южнее Кечкемета основных сил 3-го Украинского фронта. Они могли содействовать оттуда 2-му Украинскому фронту ударами на северо-запад и запад. Мы надеялись, что войска этих двух фронтов при тесном взаимодействии получат возможность наступать в высоких темпах и через 20-25 дней достигнут рубежа Банска-Бистрица, Комарно, Надьканижа, а еще через месяц, в конце декабря, выйдут на подступы к Вене. У нас не было сомнений в том, что неотвратимая угроза разгрома южного фланга заставит немецкое командование перебрасывать сюда дополнительные силы с берлинского направления, а это в свою очередь создаст благоприятные условия для продвижения наших главных сил - тех фронтов, которые располагались к северу от Карпат. Генштаб твердо верил, что к началу 1945 года Советская Армия в нижнем

течении Вислы достигнет Бромберга, возьмет Познань, овладеет рубежом Бреславль, Пардубице, Йиглава и Вена, то есть продвинется от линии своего октябрьского расположения на 120-350 километров. После этого начинался второй этап кампании, в итоге которого Германия должна была капитулировать.

Таким образом, в первоначальной прикидке замысла, относящейся к концу октября 1944 года, наметилось лишь общее содержание завершающей кампании войны с делением ее на два этапа. Направление главного удара еще не определилось. Идея рассечения стратегического фронта противника и расчленения его группировок пока что не высказывалась.

В интересах более точной разработки замысла Генеральный штаб в начале ноября подвел итоги уже достигнутому нами и сжато сформулировал оценку стратегического положения сторон. Считалось установленным, что Советская Армия одержала победы, решающие исход войны. Завершение борьбы на советско-германском фронте было предрешено в нашу пользу, час окончательного разгрома противника приблизился. Мы превосходили врага не только по численности войск, но и по их выучке, по технической оснащенности. Боевые действия вполне обеспечивались слаженной работой тыла; он оказывал фронту всевозрастающую помощь.

Стратегическое положение советских войск и армий других стран антигитлеровской коалиции оценивалось нами как близкое к завершению окружения Германии. Наши удары хорошо согласовывались с действиями союзников в Западной Европе. По существу, Советская Армия и англо-американские силы заняли исходные позиции для решающего наступления на жизненные центры Германии. Теперь предстояло совершить последний стремительный натиск и в короткий срок окончательно сокрушить врага.

Как подтвердили последующие события, эта оценка, положенная в основу при детальной разработке оперативной стороны замысла завершающей кампании в Европе, являлась правильной.

Предварительно замысел очень тщательно обсуждался у А. И. Антонова. Помимо самого Алексея Иннокентьевича в этом участвовали: начальник Оперативного управления, его заместители А. А. Грызлов и Н. А. Ломов, начальники соответствующих направлений. Все соображения, высказанные здесь, уточнялись затем в Оперативном управлении. Там же рассчитывались силы и средства и отрабатывались все другие элементы операции. Наконец, замысел получил графическое

оформление: со всеми расчетами и обоснованиями он был нанесен на карту, после чего еще раз подвергся, можно сказать, придирчивому обсуждению. Как и в прошлом, наиболее детально планировались начальные операции. Дальнейшие же задачи фронтов намечались лишь в общем виде.

В ходе творческих исканий сначала зародилась, а затем окончательно откристаллизовалась общая идея наших действий. Было приказано, что центральный участок советско-германского фронта является решающим, ибо удар отсюда выводил наши войска по кратчайшему направлению к жизненным центрам Германии. Но именно здесь находилась и наиболее плотная группировка войск противника. Чтобы создать более выгодные условия для нашего наступления, признавалось целесообразным растянуть центральную группировку немецко-фашистских войск. Для этого мы должны были максимально активизироваться на флангах стратегического фронта. Речь шла уже не только о Венгрии и Австрии, но и о Восточной Пруссии. Энергичное наступление под Будапештом и на Вену требовалось сочетать с наступлением на Кенигсберг.

Мы отлично знали, что в Восточной Пруссии и Венгрии противник проявляет повышенную чувствительность. При сильном нажиме он непременно станет перемещать сюда свои резервы и войска с неатакованных участков фронта. В итоге западное направление, где намечались решающие события, серьезно ослабнет.

Ожидания оправдались. В результате наступательных действий советских войск в ноябре - декабре 1944 года враг сосредоточил, по нашим подсчетам, в Восточной Пруссии 26 дивизий (из них 7 танковых) и в непосредственной близости к столице Венгрии 55 дивизий (среди которых 9 танковых). Как потом стало известно{18}, Гитлер тогда считал, что в 1945 году Советская Армия нанесет главный удар не на берлинском направлении с востока, а именно через Венгрию и Чехию. Туда и направлялись поэтому основные силы вермахта. Немецкое главное командование и на сей раз вынуждено было подчиниться нашей воле и на главном для нас участке фронта оставило всего 49 дивизий, в том числе танковых только 5.

То, что стратегический фронт противника приобрел такую своеобразную форму, когда на флангах сидели сильные группировки войск при относительно слабом и необеспеченном крупными резервами центре, заставляло нас подумать о наиболее целесообразных способах действий на главном направлении. Не следовало ли в этом случае оставить мысль о равномерном продвижении по всему фронту, которое привело бы просто к

выталкиванию противника? Не лучше ли прорвать этот относительно слабый центр прямым ударом, расчленить немецкий стратегический фронт и, не теряя времени, развивать наступление на Берлин? При таком варианте действий легче было полностью ликвидировать разрозненные вражеские войска и тем существенно ускорить достижение конечной цели войны. Генеральный штаб остановился на нем. Мы были убеждены, что удар на Берлин надо осуществить возможно скорее и без остановок. Появившиеся совсем недавно толкования, будто Генштаб откладывал вопрос об овладении Берлином на неопределенное время, являются абсолютно беспочвенными. Определенность была полная, и лишь последующие события внесли в наш план свои коррективы.

Не без трудностей проходило уточнение вероятных задач и наиболее целесообразных способов действий каждого из фронтов. Прежде всего пришлось поломать голову в отношении 3-го Белорусского фронта. Группировка противника в Восточной Пруссии была весьма сильной и опиралась на мощные долговременные укрепления, естественные преграды, населенные пункты, приспособленные к обороне. Отсюда враг мог ударить во фланг нашим войскам на берлинском направлении. Следовательно, восточнопрусскую группировку надлежало не только связать боями, но и изолировать от остальных участков стратегического фронта, по возможности раздробить, не позволить ей действовать сосредоточенно.

Такая многосторонняя оперативная задача - связать, изолировать, раздробить - потребовала использования для наступления в Восточной Пруссии по крайней мере двух фронтов: одного - для удара на Кенигсберг с востока и другого - для изоляции восточнопрусской группировки от группы армий "А" на берлинском направлении, а также от стратегического тыла. Глубокий обход Восточной Пруссии с юга и юго-запада одновременно прикрывал фланг наших войск, нацеленных на Варшаву, Познань, Берлин. Удар по восточнопрусской группировке с востока наиболее сподручен был 3-му Белорусскому фронту, а обходить ее предстояло 2-му Белорусскому.

Для решения же главной задачи - создания бреши в стратегическом фронте противника и стремительного наступления на запад - могли быть использованы уже стоявшие на этом направлении и обладавшие плацдармами на Висле 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты. Их надлежало всемерно насытить танками, прежде всего в виде танковых армий и отдельных танковых корпусов.

В последние три дня октября и в начале ноября 1944 года точно определились направления ударов каждого из фронтов, полосы их наступления, глубины ближайших и последующих задач. Тогда же был примерно подсчитан минимальный срок, необходимый для окончательного разгрома гитлеровской военной машины. Предполагалось, что этого можно добиться в течение 45 дней наступательных действий на глубину в 600-700 километров двумя последовательными усилиями (этапами) без оперативных пауз между ними. На первый этап отводилось 15 дней, на второй - 30. Плановые темпы наступления не были высокими, поскольку в завершающих боях ожидалось ожесточенное сопротивление противника. Действительность и здесь внесла поправку: героические советские войска перекрыли планы.

При уточнении глубины задач учитывалась вся совокупность конкретных условий, в частности особенности местности. Так, например, для 3-го Белорусского фронта, где район боевых действий был очень труден, а противник силен, глубина ближайшей задачи была определена в 50-60 километров. В полосе 2-го Белорусского фронта возможности позволяли планировать ближайшую задачу до рубежа Млавы, Дробина, то есть на 60- 80 километров. Глубина ближайших задач для 1-го Белорусского, 1-го и отчасти 4-го Украинских фронтов могла достигать 120-160 километров. А последующие задачи 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, действовавших в равнинных условиях западной Польши, рассчитывались на глубину в 130-180 километров.

Уверенно были прочерчены и направления ударов. 2-й Белорусский фронт наносил два удара: на Мариенбург - отсекающий восточнопрусскую группировку от других войск противника, и на Алленштайн - рассекающий ее. 1-й Белорусский часть сил должен был двинуть в обход Варшавы, частью же устремиться навстречу войскам 1-го Украинского фронта, громившим кельце-радомскую группировку немцев. Смежные ударные силы 1-го и 4-го Украинских фронтов наступали на Краков. Два южных фронта - 2-й и 3-й Украинские - конечной целью наступательных операций на первом этапе кампании по-прежнему имели Вену.

Подготавливая замысел кампании 1945 года, Ставка не собирала командующих на специальное совещание, как это имело место в прошлом (например, при разработке плана "Багратион"). На сей раз ограничились вызовом командующих порознь в Генеральный штаб. С каждым из них обсуждались все детали операций данного фронта, и затем уже согласованные

соображения докладывались Ставке.

До 7 ноября и в праздничные дни в Генштабе работали Маршалы Советского Союза Ф. II. Толбухин, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев и генерал армии И. Д. Черняховский. После праздника в Ставке состоялось всестороннее обсуждение замысла кампании в целом. Существенных поправок в него внесено не было. Договорились, что на главном направлении наступление начнется 20 января 1945 года, однако планы операций пока не утверждались и директивы фронтам не отдавались.

Через несколько дней Верховный Главнокомандующий определил, что войска, которые будут брать столицу Германии Берлин, возглавит, как наиболее опытный, его заместитель Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. 16 ноября 1944 года Георгий Константинович был назначен на пост командующего 1-м Белорусским фронтом. Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский перемещался отсюда на 2-й Белорусский фронт и сменял там Г. Ф. Захарова. Сталин лично известил их об этом по телефону.

Координацию действий всех четырех фронтов на берлинском направлении Верховный Главнокомандующий взял на себя. Вследствие этого отпала необходимость в работе на 3-м Белорусском фронте А. М. Василевского. За ним, как представителем Ставки, было оставлено руководство операциями лишь 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов. Но 20 февраля 1945 года, после гибели генерала армии И. Д. Черняховского, Александр Михайлович вновь был возвращен на 3-й Белорусский фронт. Теперь уже в качестве командующего. А на пост начальника Генерального штаба вступил А. И. Антонов.

Итак, 1945 год, с самого его начала, предполагалось ознаменовать одновременными мощными ударами нескольких фронтов на берлинском стратегическом направлении. Удары эти имели целью прорвать и расчленить на части фронт противника, нарушить его коммуникации и связь, дезорганизовать взаимодействие расположенных здесь вражеских группировок и уже на первом этапе кампании уничтожить их основные силы. Тем самым создавались выгодные условия для завершения войны.

Более всего уделялось внимания 1-му Белорусскому фронту. Его войскам предстояло наступать с магнушевского и пулавского плацдармов. Прорыв должен был отличаться стремительностью. А между тем уже само наличие плацдармов в какой-то мере раскрывало перед противником направление наших ударов, и он, конечно, принимал соответствующие контрмеры.

В некоторой связи с этим соседнему слева 1-му Украинскому фронту нужно было развивать наступление не по кратчайшему

пути к границе Германии, а забирать несколько севернее - на Калиш. Генеральный штаб полагал, что кратчайший путь для 1-го Украинского фронта не был бы оправдан и по ряду других соображений. Ведь в Польше на этом пути лежал Верхнесилезский промышленный район с его массивными каменными постройками, приспособленными к обороне. А дальше простиралась немецкая Силезия, где условия для обороны были никак не хуже. В перспективе рисовались затяжные бои, потеря темпа операции и многочисленные неоправданные жертвы. Поэтому после неоднократных обсуждений этого вопроса с маршалом И. С. Коневым Генштаб, а затем и Ставка остановились на варианте наступления в обход Силезии с северо-востока и севера. Таким ударом создавалась неотвратимая угроза тылу противника, располагавшегося перед 1-м Белорусским фронтом, чем существенно облегчалось продвижение наших войск на Познань. Кроме того, в этом случае могли остаться невредимыми все промышленные объекты Силезии. На сохранность Силезского промышленного района Сталин обращал особое внимание и специально говорил по этому вопросу с командующим 1-м Украинским фронтом И. С. Коневым.

27 ноября в Москву по вызову Ставки прибыл Г. К. Жуков. На основании данных фронтовой разведки он считал, что удар 1-го Белорусского фронта прямо на запад очень затруднителен из-за наличия там многочисленных оборонительных рубежей противника, занятых войсками. По мнению Жукова, скорее всего успех мог быть достигнут при действиях главных сил фронта на Лодзь с последующим выходом на Познань. Верховный Главнокомандующий с таким уточнением согласился. Оперативная сторона решения по начальной операции 1-го Белорусского фронта была несколько изменена.

Это меняло дело и у соседа слева: выход 1-го Украинского фронта на Калиш терял свое значение. Маршалу Коневу указали в качестве основного направление на Бреслау.

Само собой разумеется, что, пока уточнялись планы, подготовка к операции шла своим чередом. Сосредоточивались резервы. Фронты пополнялись всем необходимым.

К концу ноября картина предстоящего наступления определилась полностью, хотя планы операций были утверждены Ставкой только в конце декабря. В последующем в них вносились лишь частные изменения. Наиболее существенная из таких частностей - изменение срока начала операций - была обусловлена критическим положением наших союзников в Арденнах. В середине декабря немцы предприняли там очень энергичные действия и глава правительства Великобритании У.

Черчилль вынужден был взывать о помощи к И. В. Сталину.

Верные своим союзническим обязательствам, советские войска перешли и решительное наступление 12 января - на 8 дней раньше запланированного срока. Темпы его, как уже отмечалось, превзошли все наши ожидания. На центральном направлении войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов уже к 24 января достигли рубежа Познань, Бреслау. Основные силы оборонявшейся в Польше немецкой группы армий "Центр" потерпели тяжелое поражение. Остатки их отходили на запад и северо-запад.

Анализ положения, сложившегося к концу января 1945 года, подтверждал ранее сделанный нами вывод о необходимости безостановочного наступления, вплоть до овладения Берлином. Однако в то время нельзя еще было ставить знак равенства между падением Берлина и полной капитуляцией Германии. Ведь у противника пока сохранялись достаточно сильные группировки войск в Западной Европе, а также в Венгрии. Только в районе Будапешта он имел, по тогдашним нашим подсчетам, одиннадцать танковых дивизий и другие войска, которые в состоянии были продержаться еще какой-то срок. Мы располагали также данными о намерении Гитлера продолжать борьбу в так называемой "альпийской крепости". Знали об этом и союзники; У. Черчилль даже спрашивал Сталина относительно советских планов на случай, если Гитлер "переберется на юг"{19}. Но в любом случае, конечно, взятие Берлина окончательно подрывало устои третьего рейха.

Чтобы не допустить серьезных просчетов, Ставка и Генеральный штаб, как бывало обычно и ранее, не стали принимать окончательного решения по второму этапу кампании, не посоветовавшись предварительно с командующими фронтами. Когда наши армии вышли на рубеж Познань, Бреслау, Москва запросила мнение командующих 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами относительно характера их дальнейших действий.

26 января 1945 года Генштаб получил решение командующего 1-м Белорусским фронтом о безостановочном, по существу, наступлении вплоть до овладения немецкой столицей. Предполагалось за четыре дня подтянуть войска, особенно артиллерию, собрать тылы, пополнить боевые запасы, привести в порядок материальную часть танковых соединений, ввести в первый эшелон 3-ю ударную армию и 1-го армию Войска Польского, с тем чтобы 1-2 февраля продолжить наступление всеми силами фронта. Ближайшая задача - с ходу форсировать Одер. Последующая - удар на Берлин. При этом 2-я гвардейская

танковая армия должна была охватывать его с северо-запада, а 1-я - с северо-востока.

Днем позже поступило решение командующего 1-м Украинским фронтом. Он тоже намеревался действовать без заметной паузы. Наступление намечалось продолжить 5-6 февраля и к 25-28 февраля выйти на Эльбу, а правым крылом во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом овладеть Берлином.

Такой же точки зрения держался и Верховный Главнокомандующий. 4 февраля 1945 года на известной Ялтинской конференции он, как вспоминает У. Черчилль, дал весьма оптимистическую оценку обстановки, отметив, что фронт противника прорван и немцы лишь заделывают дыры.

Мнения, следовательно, у всех сошлись на одном - нужно продолжать безостановочное наступление и овладеть Берлином. Фронты получили на сей счет необходимые указания из Москвы и в свою очередь поставили задачи армиям.

Генштаб беспокоила лишь одна деталь: каким образом наступление на Берлин двух фронтов согласовать с указанием Сталина о том, чтобы столицу фашистской Германии брали войска под командованием Г. К. Жукова? После жарких дебатов предложено было утвердить решения обоих командующих фронтами. Ставка с этим согласилась, однако разграничительную линию между фронтами установила на основании рекомендаций маршала Жукова от 26 января: Смигель, Унруштадт, река Фаулеобра, река Одер, Ратцдорф, Фридланд, Гросс Керис, Михендорф. Такая разгранлиния фактически оттирала 1-й Украинский фронт к югу от Берлина, не оставляя ему никакого окна для удара по германской столице; правое его крыло направлялось на Губен и Бранденбург.

Получалась явная несуразица: с одной стороны, утвердили решение маршала Конева - правым крылом наступать на Берлин, а с другой - установили разграничительную линию, которая не позволяла этого сделать. Мы рассчитывали лишь на то, что до Берлина еще далеко и нам удастся устранить возникшую нелепость. В ходе операции обстановка сама должна была внести необходимую поправку. Так оно и случилось. Но не в феврале, не в марте и даже не в апреле. Дальнейшее развертывание событий не позволило нам провести наступление на Берлин в задуманные сроки.

1 февраля 1945 года войска 5-й ударной, а вслед за ней и 8-й гвардейской армий 1-го Белорусского фронта совершили бросок на западный берег Одера и частью сил захватили небольшие плацдармы в районе крепости Кюстрин. Сама крепость осталась, однако, в руках противника. Южнее на Одер вышла 69-я армия, в

полосе которой, близ Франкфурта, немцы в свою очередь удерживали плацдарм. Достигла Одера и 33-я армия. Далее следовал небольшой разрыв, а затем уступом к югу позиции по Одеру занял соседний 1-й Украинский фронт.

На этом рубеже советские войска были остановлены.

Оперативное положение складывалось для нас неблагоприятно. Вперед выдвинулся 1-й Белорусский фронт, рвавшийся на Берлин, но не способный в данный момент овладеть им. На берлинском направлении он имел фактически только четыре общевойсковые и две танковые армии в ослабленном составе. Помимо больших боевых потерь две из них (8-я гвардейская и 69-я) вынуждены были оставить часть сил для борьбы с окруженным гарнизоном Познани, а одна (5-я ударная) наряду с наступлением на Берлин продолжала осаду Кюстрина.

Остальные свои общевойсковые армии маршалу Г. К. Жукову пришлось повертывать на север в направлении Восточной Померании, где противник накапливал значительные силы и оказывал ожесточенное сопротивление нашим войскам по мере их продвижения через Польшу. Постепенно у 1-го Белорусского фронта образовался растянутый на сотни километров фланг. Обеспечивали его 3-я ударная, 1-я польская, 47-я и 61-я армии. Притом и у них часть сил была отвлечена на борьбу с окруженными немецкими войсками в Шнайдемюле и других населенных пунктах Германии.

Растянутость фланга не давала возможности создать достаточно мощную ударную группировку на главном направлении, а нарастающее сопро-тивление противника таило угрозу прорыва его к нам в тыл. Угроза эта становилась еще более реальной потому, что между 1-м и 2-м Белорусскими фронтами существовал громадный и почти ничем не обеспеченный разрыв.

Г. К. Жуков попытался перегруппировать на главное направление 47-ю армию. Однако враг не позволил осуществить это намерение. Не удалось создать перелома в обстановке и путем частных операций по разгрому противника на фланге. Все это резко снижало наступательные возможности советских войск, но приказ Ставки об овладении Берлином не отменялся.

Неприятельские силы в Восточной Померании быстро росли. У нас же с каждым днем ряды редели. В 8-й гвардейской армии, например, прошедшей с непрерывными, тяжелыми боями до 500 километров, полки были уже двухбатальонного состава, а в ротах оставалось по 22-45 человек. То же самое наблюдалось и в других наших армиях, нацелившихся на Берлин.

Чрезвычайно трудно было с материальным обеспечением. Войска испытывали острый недостаток в боеприпасах. Снаряды и

патроны подвозились со складов, располагавшихся еще восточное Вислы.

8 февраля 1945 года командующий 8-й гвардейской армией В. И. Чуйков докладывал Г. К. Жукову:

"Обеспеченность боеприпасами в армии в среднем 0,3-0,5 бк. Ежедневный расход боеприпасов большой...

Автотранспорт армии не в состоянии обеспечить плечо подвоза из района р. Висла.

Погруженные железнодорожные вертушки 2 февраля 1945 года на ст. Соболево до 8 февраля 1945 года на станцию выгрузки армии Шверзенц не прибыли.

Прошу в связи с усилившимися активными действиями противника на плацдарме и продолжающимися боями в г. Познань содействовать в подаче боеприпасов в ближайшие два-три дня".

Одновременно командарм донес:

"43-я пушечная бригада дальше двигаться не может. Трактора рассыпались. Ремонт производить невозможно, запасных частей нет".

Подобные же телеграммы следовали из 5-й ударной, 69-й, 33-й армий. Все просили о содействии, о помощи, а возможностей для этого было не так уж много.

Выходили из трудностей по-разному. Та же 8-я гвардейская в боях по расширению плацдарма использовала трофейные вооружение и боеприпасы. Но планировать развитие успеха и овладение столицей врага, надеясь только на трофеи, было бы непростительным легкомыслием.

Нехватка боеприпасов и горючего не позволяла должным образом использовать нашу главную огневую силу того времени - артиллерию. А без нее все попытки наступать заранее обрекались на неудачу.

С выходом советских войск к Одеру изменилась и воздушная обстановка. Немецкая авиация резко повысила боевую активность, особенно в отношении войск, располагавшихся на плацдармах. Базируясь на стационарный берлинский аэроузел, она могла действовать даже при сильных снегопадах и дождях, совершенно испортивших грунтовые аэродромы, с которых летали основные силы нашей 16-й воздушной армии. К тому же и такие несовершенные базы находились у нас на удалении 120-140 километров от линии фронта. При таком положении фронтовая авиация была не в состоянии оказать необходимую поддержку наземным войскам, тогда как противник в отдельные дни делал более 3000 самолето-пролетов и явно господствовал в воздухе. Отсюда встал ряд неотложных вопросов противовоздушной

обороны. Пришлось, в частности, спешно перемещать с других фронтов зенитную артиллерию.

В сложившейся обстановке немцы могли перехватить у нас инициативу и сорвать задуманную операцию. Они внимательно следили за нашими действиями и еще в конце января, когда мы принимали решение о безостановочном наступлении на Берлин, уже приступили к осуществлению некоторых важных контрмер. На Одер, где оборонялись главные силы 9-й армии, были двинуты несколько офицерских школ и резервные соединения. Оборона берлинского направления в целом поручалась ведомству СС, а сам Гиммлер назначался командующим вновь созданной группой армий "Висла". Первоначально в состав этой группы вошли 9-я и 2-я армии.

Дело, конечно, не в том, что Гиммлер стал командующим группой армий: этим немецкое командование не усиливалось, а, скорее, ослаблялось. Главное заключалось в другом: путем экстраординарных мер противнику удалось в короткий срок изменить в свою пользу соотношение сил на берлинском направлении, особенно на его восточнопоморанском фланге, и поставить наши войска в крайне невыгодное положение.

Непосредственно берлинское направление обороняла 9-я армия, имея часть сил восточнее Одера. 2-я армия располагалась в Восточной Померании, ведя одновременную борьбу с войсками правого крыла 1-го Белорусского и левого крыла 2-го Белорусского фронтов.

По немецким данным, на 1 февраля в 9-й армии имелось пять пехотных дивизий и одна танковая. 2-я армия включала в себя тринадцать пехотных дивизий и одну танковую. В резерв группы "Висла" прибывали две пехотные дивизии и одна бригада. К сожалению, в то время мы еще не располагали этими данными и наши выводы о противнике оказались не совсем правильными. По нашим тогдашним подсчетам, перед 1-м Белорусским фронтом имелось всего одиннадцать дивизий и несколько отрядов.

С приближением боевых действий к центру Германии у противника возрастали возможности маневра силами и средствами. Сеть железных дорог и отличных шоссе была здесь весьма плотной. К тому же враг все еще мог в какой-то мере использовать море для переброски войск из Курляндии. Только в первую декаду февраля морем было доставлено в Померанию несколько соединений из курляндского загона.

К 10 февраля немцы сформировали новую, 11-й армию, которая заняла полосу к западу от 2-й армии. С этого момента в группе "Висла" имелось уже 38 дивизий (в том числе 6 танковых) и 6 бригад. К ним следует прибавить еще войска, не входившие

организационно в группу "Висла", но действовавшие в полосе 11-й и 2-й армий (в последующем на базе их были развернуты две дивизии-"Бервальде" и "Кезлин").

Возможности противника по наращиванию сил на важнейших стратегических направлениях, в том числе на берлинском, этим, однако, не исчерпывались. На Крымской конференции руководителей трех великих держав 4 февраля 1945 года генерал армии А. И. Антонов привел такие данные:

"а) На нашем фронте уже появились: из центральных районов Германии - 9 дивизий, с западноевропейского фронта - 6 дивизий, из Италии - 1 дивизия. Всего - 16 дивизий.

б) Находятся в переброске: 4 танковые дивизии, 1 моторизованная дивизия. Всего - 5 дивизий.

в) Вероятно, будут еще переброшены до 30-35 дивизий (за счет западноевропейского фронта, Норвегии, Италии и резервов, находящихся в Германии).

Таким образом, на нашем фронте может дополнительно появиться 35-40 дивизий"{20}.

Если учесть, что многие из этих дивизий противник пополнил личным составом до нормы, а наши дивизии в среднем насчитывали тогда по 4000 человек, если учесть все те трудности, какие испытывали мы с подвозом боеприпасов, горючего и других материальных средств, а также временное господство в воздухе немецкой авиации, становится совершенно очевидным, почему для нас стало невозможным продолжение безостановочного наступления на Берлин. Это было бы преступлением, на которое, естественно, не могли пойти ни советское Верховное Главнокомандование, ни Генеральный штаб, ни командующие фронтами.

Как подтвердили дальнейшие события, прогноз Генштаба в основе своей оказался правильным. В феврале 1945 года немецко-фашистское командование действительно располагало крупными силами для обороны Берлина и в случае необходимости могло еще увеличить их. Даже при последнем издыхании фашистский зверь оставался опасным зверем, способным унести в могилу сотни тысяч человеческих жизней. А помимо того, неудача под Берлином грозила обернуться и скверными политическими последствиями.

Одновременно с данными о крупных перегруппировках неприятельских войск Генеральный штаб получил сведения о намерении немецко-фашистского командования воспользоваться невыгодным при обороне положением выдвинувшихся вперед армий 1-го Белорусского фронта и отсечь их встречными ударами на юг - из района Арнсвальде в Померании и на север - с рубежа

Глогау, Губен в Силезии. Теперь известно, что этот план отстаивался начальником генерального штаба сухопутных сил Германии Гудерианом и должен был проводиться с молниеносной быстротой, пока мы не подтянули сюда достаточно крупных сил. Уже в последних числах января противник вел практическую работу по согласованию действий войск, привлекавшихся для осуществления такого замысла.

Размеры опасности, возникавшей на правом крыле 1-го Белорусского фронта, всесторонне взвешивались в Москве. На этот счет Верховный Главнокомандующий и Генеральный штаб постоянно вели переговоры с Г. К. Жуковым и его штабом, а также с командующими армиями непосредственно. Для проверки и уточнения данных о замыслах и силах противника на берлинском направлении и в Померании широко использовались и все другие источники информации.

Несколько меньше беспокоила нас угроза со стороны Силезии на стыке 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Там противнику предстояло еще создать ударную группировку, а в момент контрудара он должен был форсировать Одер и совершить довольно рискованный фланговый маневр на север.

Нелишне, мне кажется, еще раз вспомнить здесь о политических маневрах руководства фашистской Германии. Ведь именно в это время оно активно нащупывало пути для заключения сепаратного мира с США и Англией. Многие из главарей третьего рейха плели сложную паутину переговоров в расчете на то, чтобы поссорить членов антигитлеровской коалиции, выиграть время и добиться от наших союзников сделки с фашизмом за спиной СССР. В такой обстановке, накладывавшей особую историческую ответственность за каждое решение, нельзя было действовать опрометчиво. Ставка, Генеральный штаб, военные советы фронтов снова и снова сопоставляли наши возможности с возможностями противника и в конечном счете единодушно пришли к прежнему выводу: не накопив на Одере достаточных запасов материальных средств, не будучи в состоянии использовать всю мощь авиации и артиллерии, не обезопасив фланги, мы не можем бросить свои армии в наступление на столицу Германии. Риск в данном случае был неуместен. Политические и военные последствия в случае неудачи на завершающем этапе войны могли оказаться для нас крайне тяжелыми и непоправимыми.

В первую очередь следовало сорвать вражеские планы встречных ударов из Восточной Померании и Силезии, быстрее нанести поражение немецко-фашистским войскам, сосредоточенным на флангах. Частными операциями 1-го

Белорусского фронта решить такую задачу было немыслимо. Тут требовалось сочетание усилий трех фронтов: 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского. Практически предусматривалось уже 8 февраля начать операцию 1-го Украинского фронта, в ходе ее разгромить очень сильную группировку противника в Нижней Силезии и тем самым снять угрозу флангового удара с этого направления. Так же незамедлительно 2-й Белорусский фронт должен был повернуть в Восточную Померанию, разгромить там 2-ю немецкую армию и выйти к портам Балтийского моря. Наконец, главным силам 1-го Белорусского фронта, в том числе его танковым армиям, надлежало обрушиться против нависшей над его флангом штаргардской группировки.

Такой план вполне соответствовал задачам момента и был принят Ставкой.

Нижне-Силезская операция 1-го Украинского фронта с самого ее начала развивалась очень успешно. Район Глогау был очищен от противника. После этого задуманный немецко-фашистским командованием встречный удар получиться уже не мог, поскольку враг безвозвратно потерял здесь исходные рубежи, а его силезская группировка понесла серьезное поражение. Дальнейшее продвижение наших войск было остановлено лишь на реке Нейсе.

На 2-м Белорусском фронте дела складывались несколько иначе. Он перешел в наступление 10 февраля, не имея времени для создания достаточно мощной ударной группировки. Силы фронта были разобщены и продвигались вперед медленно. Сказывались, конечно, и последствия прошлых боев. Двадцать шесть его дивизий имели личного состава по три тысячи, восемь дивизий - по четыре тысячи. Исправных танков насчитывалось всего 297. Авиационная поддержка вследствие удаленности значительной части аэродромов была затруднена. Переданная фронту из резерва Ставки 19-я армия находилась еще на марше. В то же время противник, опираясь на заранее подготовленные оборонительные сооружения, используя лесисто-озерную местность, оказал здесь очень упорное сопротивление. К 14 февраля, то есть за пять дней наступления, нашим войскам удалось продвинуться только на 10-30 километров.

1-й Белорусский фронт к этому моменту еще не был готов наступать главными силами и вел ограниченные боевые действия. Угроза же флангового удара из Померании не только не снималась, а, наоборот, день ото дня возрастала.

15 февраля Верховный Главнокомандующий потребовал от Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского доложить соображения относительно дальнейших действий. Рокоссовский предложил

развернуть до 24 февраля 19-ю армию и 3-й гвардейский танковый корпус на левом крыле 2-го Белорусского фронта, с тем чтобы нанести отсюда сосредоточенный удар в направлении Кезлина, выйти на побережье Балтийского моря, разрезав померанскую группировку противника и облегчив тем самым ее последующее уничтожение.

Жуков намеревался силами правого крыла 1-го Белорусского фронта отбросить противника, перерезать его коммуникации на запад и тем помочь своему соседу быстрее выдвинуться к Штеттину. Начать эту операцию намечалось 19 февраля.

И. В. Сталин с предложениями командующих согласился, и фронты приступили к практической подготовке задуманных операций.

События, однако, развернулись по-иному. Уже 17 февраля из района Штаргарда противник предпринял сильный контрудар по войскам 1-го Белорусского фронта и потеснил их к югу на 8-12 километров. Поскольку 2-й Белорусский фронт мог успешно действовать лишь через неделю, не исключалась возможность появления на этом же направлении части сил 2-й немецкой армии. Враг имел реальную возможность использовать ее для развития удара во фланг и тыл нашим армиям, нацеленным на Берлин. Опасность эта еще более усугублялась тем, что 1-й Белорусский фронт как раз в то время производил перегруппировку.

Учитывая создавшееся положение, Г. К. Жуков 20 февраля доложил в Ставку о необходимости временного перехода к жесткой обороне по всему 1-му Белорусскому фронту, в том числе и на Одере. До начала наступления войск 2-го Белорусского фронта он намеревался изматывать врага, а затем частью сил нанести удар на Голлнов, чтобы отрезать немецко-фашистскую группировку в Восточной Померании от остальной Германии. При наличии же успеха у К. К. Рокоссовского предлагалось перейти в наступление всеми силами правого крыла 1-го Белорусского фронта в северо-западном направлении и совместными усилиями со 2-м Белорусским фронтом полностью уничтожить врага в Восточной Померании.

Соображения Г. К. Жукова были внимательно рассмотрены, и Верховный Главнокомандующий утвердил их к исполнению.

Временный переход к обороне на берлинском направлении позволил выделить значительные силы для разгрома противника в Восточной Померании. Боевые действия в этом районе велись с 24 февраля по 4 апреля 1945 года силами двух взаимодействующих фронтов, а на заключительном этапе им содействовал еще и Краснознаменный Балтийский флот.

Все удары противника из района Штаргарда были успешно отражены войсками 1-го Белорусского фронта. Затем, уже 1 марта, правым своим крылом этот фронт двинулся вперед, имея на штаргардско-кольбергском направлении сильную ударную группировку, острие которой составляли 1-я и 2-я гвардейские танковые армии. Упорное сопротивление немцев было решительно сломлено, и 4 марта в районе Кольберга советские танки вышли к берегу Балтийского моря, отрезав значительную часть восточнопоморанской группировки врага. В результате этих и последующих боев оказались полностью разгромленными одиннадцать пехотных, две моторизованные и одна танковая дивизии, входившие в состав бывшей 11-й немецкой армии. Говорю "бывшей" потому, что под конец этих боев 11-я армия была преобразована в 3-ю танковую армию.

В то же время ударная группировка 2-го Белорусского фронта развивала наступление на Кезлин. Противник уже в ходе операции усилил оборонявшуюся здесь 2-ю немецкую армию соединениями, прибывшими из Курляндии, и свежими пополнениями из других районов Германии. Если к началу нашего наступления в ней было тринадцать пехотных дивизий, две танковые дивизии и три бригады, то к 1 марта в ее составе воевало восемнадцать пехотных, две танковые и одна моторизованная дивизии, а также пехотная и танковая бригады. Все эти соединения были разбиты наголову. Остатки их пытались было засесть в укреплениях Данцига и Гдыни, используя помощь своего военно-морского флота. Однако советские войска штурмом овладели и этими укреплениями, захватив только в Данциге 10 000 пленных, большое количество вооружения и различной боевой техники.

4 апреля ликвидация группировки противника в Восточной Померании была завершена. Опасность срыва наступления наших войск на Берлин ударами во фланг и тыл с этой территории Германии теперь совершенно исключалась.

Вынужденная отсрочка Берлинской операции, которой нельзя было избежать, гарантировала нам безусловную победу. Хорошо подготовленная и во всех отношениях обеспеченная, эта операция приобрела действительно сокрушительный характер. Наши последние удары по врагу в апреле - мае 1945 года были неотвратимы, как сама судьба.

Таковы исторические факты.

Работа Генштаба по планированию завершающих ударов крайне осложнилась категоричным решением Сталина об особой роли 1-го Белорусского фронта. Овладеть столь крупным городом, как Берлин, заблаговременно подготовленным к

обороне, одному фронту, даже такому мощному, как 1-й Белорусский, было не под силу. Обстановка настоятельно требовала нацелить на Берлин по крайней мере еще и 1-й Украинский фронт. Причем, конечно, нужно было как-то избежать малоэффективного лобового удара главными силами.

Пришлось вновь вернуться к январской идее - брать Берлин, используя обходящие удары 1-го Белорусского фронта с севера и северо-запада и 1-го Украинского фронта с юго-запада и запада. Встреча войск обоих фронтов намечалась в районе Бранденбурга, Потсдама.

Все свои дальнейшие расчеты мы строили исходя из самых неблагоприятных обстоятельств: неизбежности тяжелых и затяжных боев на берлинских улицах, возможности контрударов немцев по внешней стороне кольца окружения с запада и юго-запада, восстановления неприятельской обороны к западу от Берлина и вытекающей отсюда необходимости продолжать наступление. Допускалось даже такое стечение обстоятельств, при котором наши западные союзники по каким-то причинам не сумеют преодолеть сопротивления противостоящих им вражеских войск и надолго застрянут на месте.

Вопрос относительно действий союзников вскоре, однако, был снят. Медленно и осторожно они двинулись вперед. В течение февраля и марта союзные армии отбросили противника за Рейн и в отдельных местах захватили плацдармы на его восточном берегу.

Чрезвычайно важные последствия имели боевые действия в Западной Венгрии на венском направлении. Гитлер намеревался разбить здесь советские войска, восстановить фронт на Дунае и перебросить высвободившиеся силы, в первую очередь танковые, под Берлин, В этот район сосредоточивались резервы из Италии и Западной Европы, в частности 6-я танковая армия СС.

Пытаясь создать перелом в свою пользу, противник перешел в контрнаступление против 3-го Украинского фронта. В течение десяти дней длилось крайне ожесточенное сражение у озера Балатон. Очередная гитлеровская авантюра провалилась, и наши войска сразу же вслед за тем повели наступление на Вену. Ставка заранее предупредила командующего 3-м Украинским фронтом о необходимости сохранить для этого 9-ю гвардейскую армию, не втягивать ее в Балатонское сражение. В то же время с севера на столицу Австрии надвигались войска 2-го Украинского фронта, а 4-й Украинский фронт день за днем вышибал противника из Карпат и Восточной Чехословакии.

13 апреля Вена была освобождена, и наши войска двинулись дальше на запад. Такое развитие событий не только

благоприятствовало нам под Берлином, но и заметно активизировало действия союзников. Теперь они продвигались в более высоких темпах. Окруженная ими в Руре значительная группировка немецких войск была затем рассечена и вскоре прекратила сопротивление. Основные англо-американские силы, преодолевая слабое противодействие, устремились к Эльбе и побережью Балтики в районе Любека.

Не оставалось никакого сомнения в том, что союзники намерены ранее нас захватить Берлин, хотя по Ялтинским соглашениям столица Германии относилась к зоне оккупации советских войск. Из мемуаров покойного Черчилля теперь известно, как он подстрекал на это Рузвельта и Эйзенхауэра. В послании президенту США от 1 апреля 1945 года Черчилль писал:

"Ничто не окажет такого психологического воздействия и не вызовет такого отчаяния среди всех германских сил сопротивления, как падение Берлина. Для германского народа это будет самым убедительным признаком поражения. С другой стороны, если предоставить лежащему в руинах Берлину выдерживать осаду русских, то следует учесть, что до тех пор, пока там будет развеваться германский флаг, Берлин будет вдохновлять сопротивление всех находящихся под ружьем немцев.

Кроме того, существует еще одна сторона дела, которую вам и мне следовало бы рассмотреть. Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и что в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения"{21}.

Но и мы не дремали. У нас в Генеральном штабе к тому времени были уже разработаны все основные соображения по Берлинской операции. В процессе этой работы мы поддерживали теснейший контакт с начальниками фронтовых штабов А. Н. Боголюбовым, М. С. Малининым, В. Д. Соколовским (в последующем с И. Е. Петровым), и, как только обнаружились первые симптомы поползновений союзников на Берлин, последовал немедленный вызов в Москву Г. К. Жукова и И. С. Конева.

31 марта Генеральный штаб рассмотрел совместно с ними замысел дальнейших действий фронтов. Маршал Конев очень разволновался при этом по поводу разграничительной линии с 1-м Белорусским фронтом, ведь она не давала ему возможности для удара по Берлину. Никто, однако, в Генштабе не смог снять это препятствие.

На следующий день, 1 апреля 1945 года, план Берлинской операции обсуждался в Ставке. Было подробно доложено об обстановке на фронтах, о действиях союзников, их замыслах. Сталин сделал отсюда вывод, что Берлин мы должны взять в кратчайший срок: начинать операцию нужно не позже 16 апреля и все закончить в течение 12-15 дней. Командующие фронтами с этим согласились и заверили Ставку, что войска будут готовы вовремя.

Начальник Генштаба счел необходимым еще раз обратить внимание Верховного Главнокомандующего на разграничительную линию между фронтами. Было подчеркнуто, что она фактически исключает непосредственное участие в боях за Берлин войск 1-го Украинского фронта, а это может отрицательно сказаться на сроках выполнения задач. Маршал Конев высказался в том же духе. Он доказывал необходимость нацелить часть сил 1-го Украинского фронта, особенно танковые армии, на юго-западную окраину Берлина.

Сталин пошел на компромисс: он не отказался полностью от своей идеи, но и не отверг начисто соображений И. С. Конева, поддержанных Генштабом. На карте, отражавшей замысел операции, Верховный молча зачеркнул ту часть разгранлинии, которая отрезала 1-й Украинский фронт от Берлина, довел ее до населенного пункта Люббен (в 60 километрах к юго-востоку от столицы) и оборвал.

- Кто первый ворвется, тот пусть и берет Берлин,- заявил он нам потом.

Генштаб был доволен таким оборотом дела. Эта проклятая рааграничная линия не давала нам покоя более двух месяцев. Не возражал и маршал Конев. Его это тоже устраивало.

В тот же день И. В. Сталин подписал директиву командующему войсками 1-го Белорусского фронта об операции по овладению Берлином и выходе до конца месяца на Эльбу. Главный удар предлагалось нанести с кюстринского плацдарма силами четырех общевойсковых и двух танковых армий, причем последние следовало вводить в действие лишь после прорыва обороны противника для развития успеха в обход Берлина с севера и северо-востока. На главном же направлении надлежало использовать и второй эшелон фронта - 3-ю общевойсковую

армию под командованием генерал-полковника А. В. Горбатова.

Директива командующему войсками 1-го Украинского фронта была отдана 2 апреля. Ему предписывалось разгромить вражескую группировку в районе Коттбуса и южнее Берлина, не позднее десятого - двенадцатого дня операции выйти на рубеж Беелитц, Виттенберг и далее по Эльбе до Дрездена. Главный удар фронта назначался в направлении Шпремберга, Бельцига, то есть на 50 километров южнее Берлина. Танковые армии (их было две - 3-я и 4-я гвардейские) намечалось ввести после прорыва обороны противника для развития успеха на главном направлении. В качестве дополнительного варианта Ставка предусмотрела возможность поворота танковых армий 1-го Украинского фронта на Берлин, но лишь после того, как они минуют Люббен.

А 6 апреля последовала директива и 2-му Белорусскому фронту. В овладении Берлином непосредственно он не участвовал, но имел очень ответственную задачу - наступать на запад севернее столицы Германии и, разгромив сильную штеттинскую группировку противника, обеспечить всю операцию с этого направления.

В окончательном своем виде замысел и план Берлинской операции, которая должна была подвести вооруженные силы фашистской Германии к черте капитуляции, предусматривали расчленение и окружение противника восточное немецкой столицы с одновременным уничтожением окруженных войск. Стремительное продвижение Советской Армии на запад имело также целью предотвратить всякую возможность со стороны гитлеровцев создать новый фронт.

На основных направлениях наших завершающих ударов сосредоточивались мощные группировки войск с огромным количеством артиллерии, танков и авиации. Наступление началось в намеченный срок и закончилось полным разгромом противника. 2 мая Берлин прекратил сопротивление, а через 6 дней безоговорочно капитулировала вся фашистская Германия.

Завершающая кампания войны в Европе наиболее ярко продемонстрировала все преимущества наших Вооруженных Сил над гитлеровской военной машиной. Основные ее операции отличались ясностью политических целей, трезвым расчетом и решительностью. Советское стратегическое руководство умело опиралось здесь на опыт, выстраданный в ходе всей войны, в полной мере использовало дарования больших и малых военачальников - командующих фронтами, командармов, командиров соединений, частей и подразделений. Достойными помощниками их были штабы всех степеней, достигшие к тому времени высокого уровня управления войсками.

Глава 15. Разгром Квантунской армии

Английский премьер у Верховного Главнокомандующего. - Сосредоточение войск у дальневосточных границ. - Квантунская армия, ее силы и расположение. Возможна ли внезапность? - Вызов в Ставку Р. Я. Малиновского. - Потсдамская конференция и ее отголоски. - Тайна просачивается за пределы Генштаба. - Час пробил. - Дерзкие действия воздушных десантов. - Капитуляция Японии.

С началом Великой Отечественной войны еще более обострилась обстановка на дальневосточных рубежах нашей страны. Хотя между СССР и Японией имелся договор о нейтралитете, угроза со стороны последней возросла. Крупные силы японских войск сосредоточились в Маньчжурии, выжидая подходящего момента для нападения на Советский Союз, чтобы завладеть Сибирью и Дальним Востоком. Японские милитаристы часто нарушали государственную границу, вторгались в наши территориальные воды и воздушное пространство. Провал наступления немецко-фашистских войск под Москвой несколько охладил их пыл, однако от своих захватнических планов они не отказались. Это доподлинно стало известно по материалам международного судебного процесса над главными японскими военными преступниками.

Генеральный штаб пристально следил за недобрым поведением соседа. Восточный партнер Гитлера по оси Берлин - Рим - Токио интересовал нас не только как источник непосредственной военной опасности для СССР. "Японская проблема" имела и другое значение: она прямо связывалась с задачей сокращения продолжительности второй мировой войны. Этого требовало истекавшее кровью человечество. Без разгрома империалистической Японии мир на земле был немыслим. Наконец, необходимо было помочь народам Азии, и в первую очередь Китая, сбросить ярмо иностранного ига.

Уделяя главное внимание действующим фронтам, мы никогда не забывали про Дальний Восток. Скажу больше, в кризисные моменты борьбы с немецко-фашистскими захватчиками заботы о нем удваивались.

Читатель уже знает, что в трудные дни 1942 года у нас была учреждена должность заместителя начальника Генштаба по Дальнему Востоку, а в Оперативном управлении существовало специальное Дальневосточное направление, возглавлявшееся опытным оператором генерал-майором Ф. И. Шевченко.

В июне 1943 года в Оперативное управление был переведен заместитель начальника штаба Дальневосточного фронта генерал-майор Н. А. Ломов, а на его место от нас послали генерал-майора Ф. И. Шевченко. Таким образом, Дальний Восток

заполучил генерала, знающего не только этот театр, а и взгляды Ставки, требования Генштаба в отношении Дальнего Востока. В то же время Генеральный штаб в лице Н. А. Ломова приобрел специалиста, изучившего до тонкостей всю специфику Дальнего Востока.

Еще до начала войны, в 1938 году, Дальневосточный, а в 1941 году и Забайкальский военные округа были преобразованы во фронты того же названия{22}. Их руководящий командный состав, не имевший боевого опыта, в ходе войны постепенно заменялся генералами и офицерами, повоевавшими против гитлеровской Германии. Так, на пост командующего войсками Дальневосточного фронта был назначен генерал армии М. А. Пуркаев, возглавлявший до того Калининский фронт, а генерала армии И. Р. Апанасенко направили стажироваться на Воронежский фронт. Проходили боевую практику в действующей армии и другие командиры-дальневосточники.

Со второй половины 1943 года, когда на советско-германском фронте завершился коренной перелом в нашу пользу, вся логика вещей вела к тому, что рано или поздно вслед за фашистской Германией должна пасть и Япония. Наши западные союзники стремились как можно скорее вовлечь нас в войну на Дальнем Востоке. Но лишь на Тегеранской конференции, где удалось наконец достигнуть конкретной договоренности об открытии второго фронта в Европе, советская делегация дала принципиальное согласие на вооруженное выступление СССР против империалистической Японии. Притом, однако, было обусловлено, что выступим мы только после поражения гитлеровской Германии.

Не удовлетворившись этим, правящие круги Англии и США продолжали торопить Советское правительство. На первый взгляд могло показаться, что такая политика союзников имела благие цели - скорейшее достижение мира на Земле. В действительности же это дало бы совсем иные результаты. Советская страна распылила бы свои военные усилия, отвлекла войска с главного, германского фронта, где противник не был еще добит. А всякая затяжка борьбы против гитлеровской Германии отдаляла конечную победу и на деле означала увеличение продолжительности второй мировой войны. С точки зрения стратегии такой шаг являлся чрезвычайно нецелесообразным, и мы не сделали его.

Летом 1944 года, когда второй фронт был все-таки открыт, союзники еще раз попытались повлиять на решение СССР по японскому вопросу. В конце июня глава американской военной миссии в Москве генерал-майор Д. Дин обратился от имени

начальника штаба армии США к начальнику нашего Генерального штаба Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому с настойчивой просьбой о всемерном ускорении вступления СССР в войну на Дальнем Востоке. Зная точку зрения Советского правительства, Александр Михайлович твердо заявил, что до окончательного разгрома фашистской Германии об этом не может быть и речи. На аналогичный запрос Черчилля И. В. Сталин тоже ответил, что позиция Советского правительства не изменилась.

Только на исходе сентября 1944 года, после очередного доклада в Ставке, мы получили от Верховного задание подготовить расчеты по сосредоточению и обеспечению войск на Дальнем Востоке.

- Скоро, видимо, потребуются,- заключил Сталин этот короткий и как бы мимолетный разговор.

Такие расчеты в начале октября были сделаны, а в середине того же месяца Сталин впервые воспользовался ими при переговорах с Черчиллем и Иденом, прибывшими в Москву.

Мне лично в тот раз довелось видеть премьер-министра Великобритании лишь однажды. Случилось это вечером, когда мы с генералом А. И. Антоновым явились на обычный доклад в Ставку. Еще в приемной нас предупредили, что у Сталина Черчилль и что Верховный распорядился, чтобы мы заходили, как только прибудем.

Черчилль со Сталиным сидели в креслах друг против друга и оба нещадно дымили: один - толстой сигарой, другой - неизменной трубкой. За письменным столом расположился переводчик.

Сталин представил нас и сказал, что господин Черчилль хочет послушать доклад об обстановке на фронтах. Антонов сделал такой доклад, но с некоторым отступлением от порядка, принятого в Ставке. В данном случае фронты представлялись последовательно с севера на юг и обстановка на них излагалась по так называемому сокращенному варианту. Черчилль подошел к столу, внимательно посмотрел разложенные на нем карты и задал только один вопрос: сколько войск у немцев против Эйзенхауэра. Алексей Иннокентьевич ответил.

После этого нас отпустили, но мы остались в соседней комнате в надежде, что Черчилль скоро уедет и нам удастся доложить на подпись Верховному некоторые неотложные документы. Минут через двадцать такая возможность действительно представилась.

Перед нашим уходом Сталин вызвал Поскребышева и распорядился:

- Виски и сигары, которые подарил мне Черчилль, отдайте

военным.- Затем, обращаясь к нам, добавил: - Попробуйте, наверное, это - неплохо.

Когда мы садились в машину, ящик с виски и коробка сигар находились уже там.

Переговоры с Черчиллем и Иденом велись вначале без участия военных, но, когда опять дело коснулось Дальнего Востока, пригласили А. И. Антонова и Ф. И. Шевченко. Последний был уже генерал-лейтенантом и занимал пост начальника штаба Дальневосточного фронта. Советское правительство подтвердило свое обязательство начать войну против Японии, уточнило, что это произойдет примерно через три месяца после капитуляции гитлеровской Германии. Такой срок являлся вполне реальным при условии помощи со стороны союзников в создании на Дальнем Востоке двух-, трехмесячных запасов горючего, продовольствия и транспортных средств. Даже частичная подача всего этого союзниками непосредственно в наши тихоокеанские порты значительно облегчила бы перегруппировки войск, сократила время и объем перевозок из центра страны. Союзники согласились с нашими доводами и взяли на себя часть поставок.

Никаких особых мероприятий в отношении стратегического планирования операций против Японии сразу после октябрьских переговоров 1944 года, сколь мне помнится, не проводилось. Ведь тогда еще не было признаков близкого конца сопротивления немецко-фашистской армии, хотя она и несла тягчайшие поражения одно за другим.

В феврале 1945 года собралась новая конференция руководителей трех союзных держав, на этот раз в Крыму. Наряду с другими важными вопросами на ней окончательно уточнили срок вступления СССР в войну с Японией: через два-три месяца после окончания войны в Европе. Советская делегация выдвинула при этом три условия:

1. Сохранение существующего положения Монгольской Народной Республики.

2. Восстановление принадлежавших России прав, нарушенных Японией в 1904 году: возвращение Южного Сахалина; интернационализация Дайрена и восстановление аренды на Порт-Артур в качестве военно-морской базы СССР; совместная с Китаем эксплуатация Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог.

3. Передача СССР Курильских островов.

Союзники наши условия приняли.

5 апреля Советское правительство денонсировало свой договор с Японией о нейтралитете. Бессмысленно было считать себя связанными этим договором, в то время как японская

сторона бесцеремонно нарушала его. Для всех было уже совершенно очевидно, что в течение ближайших 30- 40 дней война на западе завершится нашей полной победой. Не могло не видеть этого и японское правительство Судзуки. В интересах своей страны ему полезно было бы подумать о бесперспективности дальнейшего ведения войны на Тихом океане. Заявление СССР о денонсации договора являлось серьезным предупреждением. Однако оно не было принято во внимание. В Японии по-прежнему раздувалась военная истерия под лозунгом - победить во что бы то ни стало. Премьер-министр Судзуки от имени правительства заявил: "Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны".

Для нас не оставалось ничего, кроме как активизировать подготовку к выполнению своих союзнических обязательств. Верховный Главнокомандующий приказал Генштабу усилить штабы и высший командный состав Забайкальского и Дальневосточного фронтов, а также Приморской группы, направить туда побольше людей, закаленных в войне против гитлеровской Германии, причем лучше таких, которые служили и на Дальнем Востоке. Одновременно Верховный распорядился планировать и перемещение войск с таким расчетом, чтобы на Дальний Восток в первую очередь следовали армии и соединения, уже воевавшие в условиях, близких к дальневосточным.

Существовавшую на Дальнем Востоке организацию войск решено было не ломать. Дальневосточный фронт оставался в основном в прежнем составе и под командованием М. А. Пуркаева. Приморскую группу подчиняли штабу бывшего Карельского фронта, перебрасываемого на Восток. Командующим назначили Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова.

- Хитрый ярославец найдет способ, как разбить японцев,- сказал при этом Верховный. - Ему воевать в лесу и рвать укрепленные районы не впервой.

Для главного, забайкальского направления требовались руководители с опытом маневренных действий. Как мне помнится, А. М. Василевский, принимавший самое активное участие в разработке планов войны на Дальнем Востоке, первым предложил кандидатуру Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского и во главе его штаба рекомендовал поставить одного из наиболее опытных начальников фронтовых управлений генерала армии М. В. Захарова.

Верховному предложение понравилось. В Ставке за Родионом Яковлевичем давно и прочно укрепилась репутация талантливого полководца, серьезного, спокойного и вдумчивого военачальника. Если уж просит, то обоснованно, докладывает, так обстоятельно.

В апреле 1945 года на Дальний Восток потянулись войска и штабы. Первым взял курс на город Ворошилов штаб бывшего Карельского фронта в полном составе.

Отъезд к месту службы нового командующего войсками Приморской группы маршала К. А. Мерецкова несколько задержали, чтобы не раскрыть карты преждевременно. Ведь Кирилла Афанасьевича довольно хорошо знали не только военные.

30 апреля была отдана директива о перевозке 39-й армии генерал-полковника И. И. Людникова из-под Инстербурга в Забайкалье. А когда Германия капитулировала, в далекий путь тронулись и другие прославленные армии: 5-я под командованием генерал-полковника Н. И. Крылова - в Приморскую группу, 53-я во главе с генерал-полковником И. М. Манагаровым и 6-я гвардейская танковая вместе со своим командующим генерал-полковником танковых войск А. Г. Кравченко - на Забайкальский фронт. Туда же, в Читу, направлялись и многие из руководителей бывшего 2-го Украинского фронта, в том числе Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, генерал армии М. В. Захаров, генерал-полковник И. А. Плиев, генерал-лейтенант Н. О. Павловский. В командование 36-й армией, стоявшей в Забайкалье раньше, вступил генерал-лейтенант А. А. Лучинский.

Командовать армиями, располагавшимися в Приморье, выехали: генерал-полковник А. П. Белобородов (1-я Краснознаменная), генерал-полковник И. М. Чистяков (25-я) и генерал-лейтенант Н. Д. Захватаев (35-я). Заместителями у вновь назначенных командармов почти везде остались прежние командующие. Они отлично знали здешний театр и несомненно были полезны.

В апреле же развернулось обновление материальной части дальневосточных танковых соединений.

А Генеральный штаб тем временем получил указание - окончательно разработать план войны с Японией. Первоначально задача формулировалась в самом общем виде, с одной лишь принципиальной установкой, особо подчеркнутой Верховным Главнокомандующим: войну провести в самый короткий срок.

Это была задача со многими неизвестными.

В те апрельские дни мы не знали наверняка, отказалась ли японская военщина от намерения напасть на СССР, убедившись в неотвратимости поражения гитлеровских войск. Возможность нападения отнюдь не исключалась. Критическое положение фашистской Германии, безусловно, могло активизировать ее азиатского союзника в интересах общей цели. Расположение

крупных сил сухопутных войск Японии вдоль советской государственной границы, близость японских воздушных и морских баз к территории СССР позволяли оголтелым милитаристам нанести удар по нашим важным объектам и войскам с крайне тяжелыми для нас последствиями. Отсюда следовало, что планом войны на Дальнем Востоке непременно должно предусматриваться отражение такого внезапного удара. В ходе дальнейших событий необходимость оборонительных действий Советских Вооруженных Сил, конечно, отпала. Тем не менее задача на оборону войскам ставилась, оборона создавалась, и документальные источники отражают эту особенность тогдашних оперативно-стратегических соображений Генерального штаба.

Не был достаточно ясен и план действий японцев в случае нашего наступления. Основными слагаемыми вооруженных сил Японии являлись военно-морской флот и сухопутная армия. Японская авиация представлялась нам относительно слабой. Положение главных группировок сухопутных войск и флота допускало множество комбинаций. В этом тоже следовало разобраться, чтобы создать свой, наиболее рациональный план действий.

Сухопутные войска Японии были разбросаны. В Китае они располагались преимущественно армейскими группировками по всей территории этой огромной страны. То же наблюдалось и в Индокитае. Но особенно распыленными оказались силы японцев на островах южных морей: там их разъединяли не только морские и океанские просторы, а еще и джунгли и горы на суше. Крупная группировка сухопутных войск с большими потенциальными резервами оставалась на территории японской метрополии. Здесь же находились основные силы флота и авиации. Наши союзники не решались атаковать метрополию и не рассчитывали сделать это в ближайшем будущем.

Наиболее компактной и мощной, полностью готовой к действиям была так называемая Квантунская армия в Маньчжурии под командованием генерала О. Ямада. Здесь проходили практическую военную школу многие генералы и офицеры Японии.

Мы перебрали несчетное количество вариантов, отыскивая то главное звено, с ликвидацией которого рухнула бы вся система военного сопротивления Японии. Работали без особой спешки, поскольку времени имелось достаточно. Николай Андреевич Ломов являлся при этом центральной фигурой, и его уравновешенный характер очень подходил для углубленного анализа обстановки на Дальнем Востоке.

Больше всего нас прельщало, конечно, маньчжурское направление, где размещалась Квантунская армия. С разгромом этой армии была бы уничтожена основная ударная сила сухопутных войск Японии и тем самым подсеклось под корень сопротивление страны. Генштаб, а затем и Ставка постепенно утвердились в этой мысли, и она легла в основу плана войны.

Квантунская армия насчитывала почти миллион человек. Она была лучшей по оснащенности и боевой выучке личного состава. Служба в этой армии являлась свидетельством верности режиму и устоям японского империализма. Ее солдаты и офицеры воспитывались в духе фанатической преданности империи и ненависти к другим народам, прежде всего - к советским людям, а также к населению Монголии и Китая.

До начала войны в Квантунскую армию входили 1-й и 3-й фронты, 4-я отдельная армия, 2-я воздушная армия, а также Сунгарийская речная флотилия. С началом боевых действий ей оперативно подчинили 17-й фронт и 5-ю воздушную армию.

1-й, или Восточно-Маньчжурский, фронт (3-я и 5-я армии) под командованием генерала Кита располагал десятью пехотными дивизиями и одной бригадой. Он был развернут на границах с Приморьем, имея главные силы на муданьцзянском направлении, выводящем к Харбину и Гирину. Штаб фронта размещался в Муданьцзяне.

3-й фронт (30-я и 44-я армии), которым командовал генерал Усироку, частью сил (две дивизии) дислоцировался поблизости от границы Монгольской Народной Республики, а главную свою группировку (шесть пехотных дивизий, три пехотные бригады и одна танковая бригада) держал в глубине Маньчжурии, в районе Мукдена. Там же находился и штаб фронта.

4-я отдельная армия генерала У. Микио была разбросана на огромном пространстве Северной Маньчжурии в четырехугольнике Хайлар, Цицикар, Харбин, Сахалян. В нее входили три пехотные дивизии и четыре бригады.

17-й фронт (34-я и 58-я армии) располагался в Корее, штаб имел в Сеуле. Командовал этим фронтом генерал Кодзуки, имевший под своим началом девять пехотных дивизий.

В резерве командующего Квантунской армией находились: одна пехотная дивизия, одна пехотная бригада и одна танковая бригада. Особое назначение получила специально сформированная бригада смертников - разведчиков и истребителей танков. Смертники (камикадзе) имелись также в авиации и на флоте.

2-я воздушная армия генерала Харада, дислоцированная в центре Маньчжурии, насчитывала более 1200 самолетов (хотя

боевых из них было значительно меньше). В Корее стояла 5-я воздушная армия, располагавшая 600 боевыми самолетами.

Командующему Квантунской армией подчинялись также войска Маньчжоу-го, Внутренней Монголии и провинции Суйюань; суммарно - до двадцати пехотных дивизий и 14-15 бригад конницы. Не в пример японским войска эти были слабо обучены, плохо вооружены, но общая численность их достигала приблизительно 300 тысяч.

В помощь Квантунской армии японское командование могло двинуть и свой стратегический резерв, находившийся в районе Пекина (две армии, шесть - восемь дивизий).

Стратегическое положение Квантунской армии характеризовалось прежде всего ее удаленностью от метрополии. Связи с Японией не везде были удобными, коммуникации растянуты. В северной и западной частях Маньчжурии остро давала себя чувствовать недостаточная развитость железнодорожной сети. В центральной и восточной части страны основные железнодорожные линии находились в зоне досягаемости советской авиации.

Квантунская армия была как бы охвачена огромной дугой, образуемой на протяжении почти 4500 километров государственными границами Советского Союза и Монгольской Народной Республики. К этому добавлялась еще ненадежность китайского тыла. Население марионеточного государства Маньчжоу-го, созданного Японией в целях маскировки ее империалистической политики, относилось к оккупантам враждебно. Врагом японских милитаристов являлся весь Китай. Положение сложилось так, что и Чан Кайши оказался противником Японии, не говоря уже о китайской Народно-освободительной армии.

Генералу Ямада приходилось ориентироваться на Корею, где японцы утвердились давно. Для Квантунской армии Корея была и основным источником питания и операционной базой на случай чрезвычайных обстоятельств. Но и в Корее народные массы люто ненавидели оккупантов. К тому же Корея находилась на значительном удалении от маньчжурской группировки японских войск и относительно легко могла быть отрезана ударом из советского Приморья. Таким образом, куда ни кинь, тыл являлся ахиллесовой пятой Квантунской армии.

В течение многих лет оккупации Китая японские милитаристы усиленно вели фортификационные работы на границах с СССР. Вдоль гористого рубежа с нашим Приморьем имелась линия укрепленных районов, хорошо встроенных в тайгу и горы. За бетонными сооружениями и естественными

препятствиями японские генералы чувствовали себя в относительной безопасности. На севере подступы к Маньчжурии прикрывались не только горами Малого Хингана, но и широким Амуром, а на северо-западе - горным хребтом Ильхури-Алинь и отрогами Большого Хингана. Угрюмый горный хребет Большого Хингана со средней высотой над уровнем моря 1000-1100 метров тянется на многие сотни километров в меридиональном направлении по территории самой Маньчжурии. Он то приближается к границе до 50 километров (на солуньском направлении), то уходит от нее на 200-250 километров. А во Внутренней Монголии горы Большого Хингана сочетаются еще и с полупустынным песчаным плоскогорьем, продолжающим расположенную юго-западнее пустыню Гоби.

Необходимо, однако, заметить, что в условиях огромных пространств здешнего театра войны у Японии не могло хватить сил для сплошного занятия границы или естественных рубежей. Волей или неволей им приходилось выбирать наиболее вероятные операционные направления. По границе с СССР и отчасти с МНР возводились укрепленные районы, прикрывавшие подступы к главным проходам через горные хребты. На ряде же участков госграницы Маньчжурии с Монгольской Народной Республикой, имевших большую протяженность и открытых для действий всех родов войск, инженерных сооружений не оказалось и совершенно отсутствовали части прикрытия. Особенно слабыми были гористые и пустынные направления на Долоннор и Чжанцзякоу (Калган) на крайнем правом монгольском фланге. Мы, конечно, учли это при разработке замысла операций.

Вместе с тем занятое Квантунской армией положение давало ей на некоторых участках будущего фронта ряд бесспорных преимуществ. Особенно ощутимо сказывались они на Дальнем Востоке. Как уже отмечалось, граница Приморья на доступных для нашего наступления направлениях была закрыта укрепленными районами и войсками Восточно-Маньчжурского фронта. Они составляли как бы первый эшелон обороны противника. А затем на сравнительно небольшом удалении находились войска 17-го фронта, которые при необходимости тоже могли быть использованы на востоке Маньчжурии. Наша наступательная операция здесь неминуемо выливалась в последовательный прорыв укрепленных районов с форсированием горных хребтов и тайги, то есть в наиболее тяжелый вид наступления, требующий подавляющего превосходства в силах и большого количества мощных средств поражения.

На Маньчжурской равнине за естественными барьерами,

укрепрайонами и оборонительными позициями противник свободно мог маневрировать по внутренним операционным линиям, выдвигать войска на угрожаемые участки и развертывать их на выгодных рубежах. Действия по внутренним операционным линиям даже при отходе, если на то вынудит обстановка, предоставляли японцам возможность сохранять компактную группировку войск. Маневр вполне обеспечивался железными и шоссейными дорогами.

Все эти плюсы, имевшиеся у японцев, мы, разумеется, тоже брали в расчет.

Тщательное изучение положения Квантунской армии позволяло Генеральному штабу сделать очень важные предварительные выводы. Прежде всего было очевидным, что в условиях Маньчжурии она вынуждена будет вести военные действия в относительной изоляции от других группировок японских войск. А чтобы относительную изоляцию превратить в полную, с нашей стороны требовалось одновременно с ударами главных сил развернуть наступление и в тех районах, откуда Ямада мог получить содействие. Это относилось в первую очередь к Корее и до некоторой степени к Южному Сахалину. Важное значение имело бы и наше господство в воздухе. Что же касается форм маневра, то нам уже на этой стадии изучения противника представлялись наиболее подходящими фланговые действия, выводящие наши войска в район Гирин, Мукден. Они отсекли бы всю группировку японцев в Маньчжурии и нарушили бы ее взаимодействие с группировкой войск в Корее и резервами под Пекином. Слабость монгольского фланга Квантунской армии позволяла рассчитывать на выход здесь в тыл противнику.

Характер эшелонирования Квантунской армии свидетельствовал, на наш взгляд, о том, что японское командование при неблагоприятном исходе борьбы в Маньчжурии будет отводить свои войска из северной и западной части района боевых действий на границы с Кореей, создавая таким образом выгодные условия для продолжения операций. Генеральный штаб не ошибся. Такой план у японцев действительно существовал. Однако его не удалось провести в жизнь из-за стремительности и сокрушительности наступления советских войск.

Следует также отметить, что в случае разновременности действий наших ударных группировок у японцев имелась возможность отражать их по частям, перебрасывая войска с одного направления на другое. И отсюда опять-таки нами делались практические выводы.

Очень много проблем вставало перед Генеральным штабом

при разработке замысла операций. Достижение победы над Японией в короткий срок предполагало стремительность наступления. Квантунскую армию надлежало разгромить сразу, не допуская ее отхода в глубину Китая или Кореи.

Группировка советских войск, имевшаяся на Дальнем Востоке к апрелю 1945 года, сделать этого не могла. Она предназначалась лишь для решения оборонительных задач. При существовавшем в то время расположении мы имели возможность нанести удары только на муданьцзянском направлении (со стороны Приморья) и на хайлар-цицикарском (со стороны Забайкалья). Но такие удары не приводили к окружению Квантунской армии и не прерывали ее коммуникаций. Они могли вытолкнуть, но не уничтожить войска противника, что противоречило существу задачи, поставленной Ставкой, и решительному характеру предстоящей операции. При выталкивании враг продолжал бы питать свои войска из глубины, особенно из Кореи, а значит, на быстрое окончание войны рассчитывать было нельзя. Плотность его сил неизбежно возрастала бы за счет подхода резервов. В то же время над правым флангом нашего Забайкальского фронта нависала угроза со стороны укрепленных районов противника на границе с Монгольской Народной Республикой.

Чтобы избежать такого развития событий, воспретить японцам организованный отход, требовалось не только изменить расположение наших сил и выбрать более выгодное направление главного удара. Нужно было еще обеспечить себе условия для наращивания успеха, то есть правильно решить вопрос об эшелонировании сил во фронтах, создать, где нужно, вторые эшелоны. И делать это, конечно, не в ущерб мощи первоначального удара, а за счет дополнительной переброски войск с запада.

Наиболее выгодным рисовалось нам наступление одного из фронтов с территории Монголии при одновременном встречном ударе со стороны Приморья. В этом случае можно было полностью изолировать Квантунскую армию. Притом не отвергались и фронтальные удары с севера через Амур и вдоль Сунгари; они должны были содействовать расчленению и уничтожению японских войск.

Удар со стороны Приморья при всех обстоятельствах требовал прорыва укрепленных районов противника. Наносимый к центру Маньчжурии, он обеспечивал поражение 1-го японского фронта и выход наших войск непосредственно на Чанчунь, где располагался штаб Квантунской армии.

При наступлении из Монголии нельзя было, конечно, отвлекать силы на неперспективные направления, где противника

вообще не имелось. А не было его на крайнем правом фланге, на калган-пекинском направлении, в пустынных просторах. Наступление здесь не сулило нам ничего, кроме бесплодной борьбы с тяготами природы. Следовало руководствоваться испытанным принципом: наносить главный удар там, где он скорее всего даст наибольший результат, и направлять его туда, где наверняка будет подорвана мощь главных сил врага. Таким требованиям, с нашей точки зрения, вполне отвечало солуньское направление.

Долго думали над группировкой сил. Сколько войск потребуется и какие именно? В каком их построении надежнее гарантируется разгром противника и лучше всего наступать на столь обширных пространствах с преодолением гор, тайги, пустыни, широких рек, укрепленных районов? Когда все эти слагаемые были внимательно изучены, стало ясно, что в Маньчжурии не обойтись без танковой армии, отдельных танковых соединений и конницы. Потребуется флот, в том числе на Амуре и Сунгари. Будет нужна мощная авиация всех видов.

Обсуждался вопрос и о том, где сосредоточить танковую армию, как ее использовать. И опять взоры Генштаба обращались к Забайкальскому фронту, где не было ни полноводного Амура, ни тайги, ни многочисленных укрепленных районов. Танковая армия являлась главным боевым средством, сообщавшим войскам фронта силу удара, высокий темп и обеспечивающим глубину наступления. Правда, в глубине на ее пути высился Большой Хинган, и сама мысль о прорыве танкистов через горы представлялась очень сложной. Однако в необычности применения крупных масс танков таился, как полагал Генеральный штаб, ключ к решению основных задач операции. Мы твердо высказались за применение танковой армии на главном направлении, пролегавшем через Большой Хинган, и обязательно в первом эшелоне оперативного построения фронта.

Мотивировалось это тем, что японцы едва ли ждут здесь такого удара. Позиции их на Хингане, по нашим данным, не были подготовлены, отдельные полевые укрепления занимались относительно слабыми войсками. Горы же мы считали вполне преодолимыми для опытных танкистов. Если упредить противника в овладении имевшимися там проходами, у него не найдется силы, способной противостоять танковой армии.

Не последнее место занимали соображения относительно захвата инициативы. При внезапности удара мощная и стремительная танковая армия могла сделать очень многое и задавала бы нужный тон всей фронтовой операции.

Не простым был вопрос о взаимодействии фронтов, в

частности о сроках начала фронтовых операций. Важность его общеизвестна, но в Маньчжурии правильное согласование усилий между фронтами приобретало особое значение вследствие чрезвычайно сложных и далеко не одинаковых условий на различных направлениях.

Очень заманчиво было оттянуть силы японцев из полосы действий Приморской группы. На первый взгляд казалось, что для этого целесообразно пораньше начать наступление Забайкальского фронта. По нашим расчетам, противник мог перебросить туда свои войска из Приморья примерно к десятому дню операции. Вот тут-то и следовало нанести удар со стороны Приморья.

Однако такой вариант имел много скрытых опасностей. Никто не мог поручиться за то, что японское командование непременно станет ослаблять приморское направление, а не использует для отражения нашего наступления из Забайкалья другие войска. В этом случае противник получил бы возможность бить советские фронты, так сказать, в порядке очереди. Кроме того, наши действия в Приморье утратили бы внезапность: враг ждал бы здесь удара и, конечно, принял бы меры, чтобы парировать его.

При таком рассуждении предпочтительнее казалось одновременное наступление фронтов.

В конечном итоге не был отвергнут ни тот, ни другой вариант. По указанию Ставки Генеральный штаб продолжал обдумывать и разрабатывать каждый из них. Ставка полагала, что обстановка перед началом войны сама подскажет наиболее правильное решение возникшей альтернативы.

Наше стремление к внезапности действий очень осложнялось тем, что японцы давно и твердо уверовали в неизбежность войны с Советским Союзом. Достижение стратегической внезапности являлось делом едва ли осуществимым. Тем не менее, раздумывая над этой проблемой, мы не раз возвращались к первым дням Великой Отечественной войны: ее наша страна тоже ожидала, готовилась к ней, однако удар немцев оказался внезапным. Следовательно, и в данном случае не надо было преждевременно отказываться от фактора внезапности.

Внезапность начала войны на Дальнем Востоке зависела прежде всего от сохранения в секрете степени готовности советских войск. С этой целью был разработан и строжайшим образом соблюдался особый режим перегруппировок. Срок начала боевых действий никому, конечно, не объявлялся. Возможность достижения внезапности таилась также и в необычном порядке сосредоточения материальных средств. Мы считали, что враг,

хотя и узнает о поставках союзников, все же непременно завысит сроки наших перевозок по единственной в Сибири железной дороге. Ожидалось, что на основе относительно слабой пропускной способности Транссибирской магистрали японцы определят начало войны где-то на осень и, видимо, только к этому времени сами будут полностью готовы к ней.

Полагались мы и на уверенность врага в том, что советские войска не начнут наступления при неблагоприятных погодных условиях. А ведь срок начала военных действий против Японии, согласованный с союзниками - "через два-три месяца после окончания войны с Германией",- падал как раз на очень неудобный с точки зрения формальной военной логики период дождей на Дальнем Востоке. По всем правилам этой логики японское командование должно было ждать удара с нашей стороны несколько позже, когда установится отличная сухая погода. Впоследствии подтвердилось, что Генеральный штаб не ошибся в этих своих предположениях. Японское командование ожидало начала войны в середине сентября.

В интересах внезапности использовалась и местность, о чем частично уже говорилось. Совершенно естественно, что враг не рассчитывал на возможность ударов вообще, а танковых тем более через труднопроходимые горы, тайгу и пустыню. Это относилось прежде всего к монгольскому участку фронта, как бы отгороженному от Маньчжурии и Внутренней Монголии Большим Хинганом и почти безводными степями, примыкающими к Гоби. Горные хребты, таежные заросли, зыбучие пески вопреки все той же формальной логике тоже стали союзниками советского оружия.

Наконец, нельзя не сказать о дерзости и стремительности советского наступления. На первый взгляд это обычные черты любой наступательной операции. Однако нужно учитывать историческое прошлое японских вооруженных сил. В прошлых войнах японская армия обычно сама наносила первый удар, причем с поразительным вероломством. Так было в 1904 году при развязывании войны с Россией. То же самое повторилось и 7 декабря 1941 года под Пёрл-Харбором. В ходе оборонительных действий во второй мировой войне Япония имела дело с противником, осуществлявшим, как правило, чрезмерно осторожное методическое наступление с сильной артиллерийской и авиационной подготовкой и поддержкой. Насколько мне известно, ей не приходилось до того отражать крупных танковых атак. Японская армия привыкла к этой робости и методичности в действиях ее противников, к относительно невысоким темпам наступления. Другой опыт, видимо, игнорировался. Поэтому

наряду со стратегической внезапностью мы постарались использовать также все доступные способы оперативной и тактической внезапности, в частности атаки без артиллерийской подготовки и ночные действия. Это тоже в какой-то степени помогло нам завоевать победу.

Незаметно промелькнул май, настал июнь...

В первых числах первого летнего месяца замысел операций против Квантунской армии в общем виде был готов. С соответствующими расчетами его доложили Верховному Главнокомандующему. И. В. Сталин принял все без возражений, только приказал вызвать в Москву маршала Р. Я. Малиновского и генерала М. В. Захарова, несколько раньше других командующих фронтами приглашенных на Парад Победы.

Родион Яковлевич и Матвей Васильевич предусмотрительно прихватили с собой начальника Оперативного управления штаба фронта Н. О. Павловского и, получив пять дней на разработку плана фронтовой операции, немедленно приступили к делу. Конечно, в Генштабе они были подробно информированы о стратегическом замысле, составе фронта и сроках сосредоточения войск. Выгрузка последних эшелонов предполагалась 1-5 августа.

18 июня Р. Я. Малиновский представил свой доклад. Как и требовала Ставка, командующий Забайкальским фронтом исходил из необходимости разгромить Квантунскую армию в короткий срок. Полное поражение ее главным силам рассчитывалось нанести в течение полутора-двух месяцев. Делалась, однако, оговорка, что при благоприятных условиях враг может быть уничтожен значительно раньше.

В полосе Забайкальского фронта предвиделась встреча не только с крупными силами японской пехоты, но и с японскими танками, а также с войсками Маньчжоу-го и князя Дэвана из Внутренней Монголии. Японцы, докладывал Малиновский, предпримут все зависящее от них, чтобы усилить это направление. Следовательно, нужно считать, что они подбросят сюда силы из Северного Китая, равные 7-8 пехотным дивизиям. Всего, таким образом, в первые полтора-два месяца войны Забайкальский фронт может встретить до 17-18 японских дивизий, 6-7 дивизий Маньчжоу-го и Внутренней Монголии, 2 танковые дивизии.

Взвесив свои возможности при наличии в составе фронта четырех общевойсковых армий (17, 36, 39, 53-й), 6-й гвардейской танковой армии, конно-механизированной группы и 12-й воздушной армии, командующий сделал вывод, что этих сил будет достаточно для преодоления сопротивления и, при благоприятных условиях, уничтожения 18-25 дивизий японцев,

учитывая наше превосходство в танках и артиллерии.

Наиболее выгодным для нанесения главного удара Р. Я. Малиновский. так же как и Генштаб, признавал направление на Солунь, Сыпингай. Цели мыслилось добиться двумя операциями: первая была рассчитана на овладение Центральной Маньчжурией, вторая завершалась выходом наших войск на границы Маньчжурии с Северным Китаем и освобождением от противника полуострова Ляодун.

Оперативное построение фронта намечалось в два эшелона, причем 6-я гвардейская танковая армия предназначалась для действий за ударной группой войск фронта. Начало наступления планировалось на 20-25 августа.

Генеральный штаб с этим планом в основном согласился, но в отношении использования танковой армии остался при своем прежнем мнении. Во втором эшелоне она не могла играть ведущей роли при броске фронта через Хинган. Темп ее продвижения на восток регулировался бы в данном случае находящейся впереди пехотой. В то же время этот мощный бронированный кулак, очевидно, терял возможность поддержать пехоту при захвате и удержании горных проходов. Нельзя было надеяться и на то, что под прикрытием пехоты танки сумеют прорваться через теснины на Маньчжурскую равнину: попробуй прорвись, когда эти теснины и горные дороги окажутся забитыми самой пехотой и ее обозами. Короче говоря, при таком оперативном построении сил фронта танковое объединение как бы утрачивало свои главные боевые качества.

Доводы Генерального штаба Ставка признала достаточно убедительными. Р. Я. Малиновскому было предложено по прибытии в Забайкалье вернуться еще раз к тем элементам плана, которые являются спорными, дополнительно научить на местности соображения инакомыслящих и тогда уже принять окончательное решение. Родион Яковлевич с этим согласился и впоследствии внес предложение использовать 6-ю гвардейскую танковую армию в первом эшелоне.

В итоге такой совместной творческой работы со всеми командующими фронтами к 27 июня 1945 года определилось основное содержание стратегического плана советского Верховного Главнокомандования. Намечалось одновременное нанесение трех сокрушительных ударов, сходящихся в центре Маньчжурии: из Монгольской Народной Республики с так называемого тамцакского выступа главными силами Забайкальского фронта. из района юго-западнее Хабаровска - силами 2-го Дальневосточного фронта и из Приморья - основной группировкой войск 1-го Дальневосточного фронта. Цель этих

ударов состояла в том, чтобы расчленить войска Квантунской армии, изолировать их в Центральной и Южной Маньчжурии и уничтожить по частям.

Войска Забайкальского фронта должны были выполнять решающую роль. Их удар нацеливался на жизненно важные пункты врага - Мукден, Чанчунь, Порт-Артур, захват которых решал исход борьбы.

Удар войск 1-го Дальневосточного фронта из Приморья направлялся на Гирин по кратчайшему пути навстречу удару из Забайкалья. Наступление в Приамурье войск 2-го Дальневосточного фронта сковывало противника и способствовало разгрому Квантунской армии.

В таком виде план был наложен на карту А. М. Василевского, назначенного главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке, и в последующей подготовительной работе непосредственно на фронтах подвергся лишь незначительным уточнениям. Он отчетливо выразил основную идею советского Верховного Главнокомандования на изоляцию и уничтожение Квантунской армии. На основе этого плана в дальнейшем была разработана директива Ставки.

27 июня К. А. Мерецков получил разрешение отбыть на Дальний Восток. Он покидал Москву несколькими днями раньше А. М. Василевского и Р. Я. Малиновского.

Всем троим в целях соблюдения секретности было приказано снять маршальские погоны.

К новому месту службы Кирилл Афанасьевич следовал под именем генерал-полковника Максимова. И не поездом, как ему хотелось, а самолетом. Сталин опасался, что на железной дороге Мерецкова могут опознать. К тому же Верховный пожелал проверить, сколько времени займет такой полет.

Кирилл Афанасьевич добирался до города Ворошилова в течение 36 часов 55 минут. В воздухе находился 28 часов 30 минут. На место он прибыл 29 июня.

Р. Я. Малиновский, условно именовавшийся генерал-полковником Морозовым, был в Чите 4 июля. Вместе с ним прибыл М. В. Захаров под именем генерал-полковника Золотова. А 5 июля туда же явился и А. М. Василевский, значившийся по документам "заместителем Наркома обороны генерал-полковником Васильевым".

Прежде всего Александр Михайлович вручил Р. Я. Малиновскому директиву Сталина на предстоящую операцию. В этом документе обращалось особое внимание на обеспечение бесперебойной работы железных дорог в границах фронта и прикрытие района расположения наших главных сил.

Подготовку совместных наступательных действий войск Забайкальского фронта и монгольской Народно-революционной армии предлагалось закончить к 25 июля. Цель операции - разгром Квантунской армии и овладение районом Чифып, Мукден, Чанчунь, Чжаланьтунь - должна была достигаться стремтельным вторжением к Центральную Маньчжурию при четком взаимодействии с войсками Приморской группы и Дальневосточного фронта. Директива напоминала о необходимости упредить японцев в овладении Большим Хинганом. Для этого создавалась сильная ударная группировка из трех общевойсковых (39. 53. 17-й) и одной танковой (6-й гвардейской) армий, направлявшаяся в обход Халун-Аршанского укрепленного района на Чанчунь. Требовалось воспретить врагу отход на горный хребет. Ближайшей задачей фронта являлось: разбить противостоявшего противника, преодолеть Большой Хинган и на пятнадцатый день наступления выйти главными силами на рубеж Дабаньшан, Лубэй, Солунь. Захват этого рубежа и закрепление за нами Хинганского хребта были важнейшими условиями дальнейшего успешного развития операции.

Сталин не любил неопределенностей и, помня недавние наши споры о порядке использования танковой армии, приказал при подписании директивы включить в нее следующий пункт: "6-й гвардейской танковой армии, действуя в полосе главного удара в общем направлении на Чанчунь, к 10-му дню операции форсировать Большой Хинган, закрепить за собой перевалы через хребет и до подхода главных сил пехоты не допустить резервов противника из Центральной и Южной Маньчжурии". Такая формулировка не допускала никаких сомнений относительно места танковой армии в оперативном построении войск фронта. Она могла находиться только в первом эшелоне и должна была вести за собой остальные армии.

Последующую задачу фронта составлял выход главными силами на рубеж Чифын, Мукден, Чанчунь, Чжаланьтунь, то есть в центр расположения Квантунской армии.

Директивой Ставки определялись также действия войск на вспомогательных направлениях. А завершалась она требованием строжайше соблюдать скрытность всех наших приготовлений. "К разработке плана операции допустить: командующего, члена Военного совета, начальника штаба фронта и начальника оперуправления штаба фронта - в полном объеме. Начальников родов войск и служб допустить к разработке специальных разделов плана без ознакомления с общими задачами фронта. Командующим армиями задачи поставить лично устно без вручения письменных директив фронта. Порядок допуска к

разработке плана операции армии установить такой же, как для фронта. Всю документацию по планам действий войск хранить в личных сейфах командующего войсками фронта и командующих армиями".

Указания по обеспечению скрытности были общими для всех войск Дальнего Востока.

Буквально в первый же день пребывания в Чите А. М. Василевскому пришлось рассмотреть вместе с Военным советом фронта множество организационных вопросов, не терпевших отлагательства. Некоторые из них нельзя было разрешить без срочного вмешательства Москвы. Недоставало, например, угля для железных дорог. Местные ресурсы подошли к концу, и, чтобы не сорвать оперативные перевозки, требовалось получить разрешение на использование государственных резервов, сохранявшихся в неприкосновенности.

Серьезную тревогу внушали темпы накопления боеприпасов. Отгрузку их с заводов и подачу в войска следовало ускорить. Недостаточно быстро шли на фронт транспорты с самолетами.

В войсках ощущалась острая нехватка емкостей для воды. А без нее грозило остановиться наше наступление в пустынных и горных районах Маньчжурии.

Недоставало связистов. Запаздывало комплектование медицинских учреждений. Плохо обстояло дело с ремонтом бронетанковой техники.

Особое беспокойство вызывали положение и состояние 6-й гвардейской танковой армии. День ото дня все больше нарушался график движения железнодорожных эшелонов с ее войсками и техникой. Армия не имела автотранспорта: он остался на месте прежнего ее размещения. Некомплект автомашин только по штатным частям составлял 2274 единицы, а вместе с приданными армии двумя мотострелковыми дивизиями он достигал почти 3000.

В переговорах и совещаниям прошло все 5 июля. В последующие дни А. М. Василевский и Р. Я. Малиновский порознь и вместе побывали на основных операционных направлениях Забайкальского фронта, произвели совместно с командармами детальную рекогносцировку, лично проверили войска. В ходе работы на местах родились многие соображения, предопределившие блестящий успех наступательных операций фронта.

Командующий фронтом внес значительные улучшения в первоначальный план боевых действий.

6-й гвардейской танковой армии он нашел возможным поставить задачу форсировать Большой Хинган не на десятый

день операции, как это мыслилось в Генштабе, а не позднее пятого дня. Такой темп наступления в тяжелых горных условиях на первый взгляд казался невероятным, однако в действительности войска не только выдержали его, но и перекрыли.

Значительно сокращался и намеченный ранее срок выхода на Маньчжурскую равнину двух общевойсковых армий.

30-я армия, например, наступавшая на левом фланге фронта, по первоначальному плану должна была занять район Хайлара на двенадцатый день операции, а теперь командующий обязал ее сделать это на десятый день и наступать далее в направлении Чжаланьтуни, Цицикара. 53-й армии было приказано неотступно следовать за танкистами, а значит, и для пехоты продолжительность движения через Хинган сильно сокращалась. Захват Дабаньшана войсками 17-й армии ранее планировался на пятнадцатый день наступления. Теперь же по предложению командарма А. И. Данилова этот срок сократили до десяти дней. А фактически передовые отряды 17-й армии достигли намеченного пункта и разгромили там конницу противника на пятый день операции.

На правом фланге фронта, где действовала конно-механизированная группа монголо-советских войск под командованием И. А. Плиева, тоже ожидалось значительное сокращение сроков выхода к Калгану и Делоннору. Там предстояла и действительно состоялась встреча с 8-й Народно-революционной армией Китая.

Со всеми этими улучшениями плана, предложенными Р. Я. Малиновским после тщательного изучения местных условий, Ставка, конечно, согласилась.

Подобная же работа была проделана и на двух других фронтах - в Приморье и Приамурье. При личном активном участии А. М. Василевского К. А. Мерецков и М. А. Пуркаев, их штабы, политорганы н начальники служб доходили до всего, кропотливо изучали местность, противника, свои войска, уточняли плановые сроки, принимали меры к улучшению материального обеспечения боевых действий. Война предстояла с новым противником, умелым и опасным, на весьма своеобразном и сложном театре. Необходимо было все рассчитать, ни в чем не допустить ошибок, с максимальной полнотой использовать громадный опыт, приобретенный за четыре года тяжелой борьбы с фашистской Германией.

Вначале в Генеральном штабе особенно не задумывались над формой координации действий фронтов. Она была готова и испытана на протяжении всей войны - это представитель Ставки.

Однако обстановка и задачи, которые предстояло решать органам высшего управления войсками в операциях против империалистической Японии, во многом отличались от тех, что были на западе. Отдаленность театра от центра страны, его огромные размеры и сложность, разнохарактерность привлекаемых сил и средств создавали дополнительные трудности. На западе, как правило, соседние фронты наступали параллельно, соприкасаясь между собой. Здесь же, на Дальнем Востоке, благодаря специфическому положению противника, они должны были разгромить его встречными ударами, наступая с трех направлений при активном содействии флота. Для организации и поддержания четкого взаимодействия между ними требовался достаточно мощный и квалифицированный орган управления.

По-иному вставал здесь и целый ряд задач относительно местного руководства. Самый авторитетный представитель Ставки не имел в отношении их никаких прав. Ему, строго говоря, не подчинялись даже фронты.

Совсем в другом качестве должен был выступить главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке. И. В. Сталин повел речь об этом еще в апреле 1945 года, когда впервые объявил А. М. Василевскому о своем намерении послать его на Дальний Восток. Разговор происходил в присутствии А. И. Антонова и меня. В последующем партия и правительство облекли главкома большой властью и дали ему надежных помощников.

Членом Военного совета войск Дальнего Востока Ставка утвердила генерал-полковника И. В. Шикина. На должность начальника штаба главкома, насколько мне известно, И. В. Сталин рекомендовал генерала М. В. Захарова. По прибытии в Читу А. М. Василевский имел на сей счет разговор с Матвеем Васильевичем. Тот, однако, согласия не дал и просил учесть, что работа начальника штаба Забайкальского фронта будет более активной. Ставка и лично А. М. Василевский с таким доводом посчитались. Приняли в расчет и то, что М. В. Захаров длительное время работал вместе с Р. Я. Малиновским. По тому же вопросу А. М. Василевский якобы вел переговоры и с генерал-полковником В. В. Курасовым, но и этот просил его не трогать. Тогда начальником штаба был назначен генерал-полковник С. П. Иванов.

Незамедлительно был сформирован и штаб. В него вошли генералы и офицеры, прибывшие вместе с Василевским, а также группа офицеров Генштаба, работавшая на Дальнем Востоке под руководством генерал-майора Н. Ф. Мензелинцева. Командование

Военно-Воздушных Сил сосредоточилось в опытных руках Главного маршала авиации А. А. Новикова, а в штабе главкома имелась лишь небольшая ячейка управления во главе с генерал-лейтенантом Е. М. Белицким. Инженерную службу возглавил генерал-полковник К. С. Назаров. Войсками связи управлял генерал-полковник Н. Д. Псурцев. При главкоме имелись также ответственные представители от всех центральных управлений, ведавших материально-техническим обеспечением. С помощью их очень оперативно решались все вопросы, требовавшие рассмотрения в Москве. Эту группу, в составе 52 человек, возглавил заместитель начальника Тыла Вооруженных Сил генерал-полковник В. И. Виноградов.

Как показал весь ход событий, такая организация управления вполне себя оправдала.

Вскоре после капитуляции Германии И. В. Сталин имел встречу с видным политическим деятелем США Гарри Гопкинсом. И тогда же Генеральный штаб получил распоряжение подготовиться к новой конференции руководителей союзных держав. Она состоялась во второй половине июля 1945 года, в бывшей резиденции прусских королей - Потсдаме.

Советскую делегацию возглавил Сталин. Из военных в работе конференции участвовали Г. К. Жуков, Н. Г. Кузнецов, Ф. Я. Фалалеев, С. Г. Кучеров. От Генштаба поехали А. И. Антонов, А. А. Грызлов, Н. В. Славин и М. А. Вавилов с небольшим обслуживающим аппаратом. Я был оставлен для текущей работы в Генштабе.

Конференция проходила, как известно, без Рузвельта, который скончался незадолго до победы над фашистской Германией. В Потсдам прибыл автоматически вступивший на пост Президента Соединенных Штатов бывший вице-президент Г. Трумэн.

Вторая половина конференции протекала и без Черчилля. Он уступил место К. Эттли - лидеру лейбористов, одержавших победу на выборах в Англии.

В Потсдаме была прежде всего определена совместная политика стран участниц антигитлеровской коалиции по германскому вопросу. Соглашения, принятые союзниками, предусматривали демилитаризацию и демократизацию Германии, репарации в пользу стран, потерпевших от фашистской агрессии, установление справедливых государственных границ. Были решены и многие другие вопросы, касавшиеся будущего Германии и мира в Европе.

Уже в первый день работы конференции советская сторона подтвердила нашу готовность выполнить свои обязательства по

войне с Японией. Генерал Антонов сделал подробное сообщение относительно советских планов на Дальнем Востоке. Союзники также доложили о своих намерениях, однако об атомной бомбе ничего сказано не было. Только после недели работы Г. Трумэн с ведома У. Черчилля решил поставить И. В. Сталина в известность о том, что в США есть необычайной силы бомба. Это произошло в неофициальной беседе с глазу на глаз, когда участники конференции спешили разойтись после утомившего всех заседания. Но относительно планов применения такой бомбы президент даже не обмолвился.

Позже Алексей Иннокентьевич говорил мне, что Сталин сообщил ему о наличии у американцев повой бомбы очень большой поражающей силы. Но Антонов, как, видимо, и сам Сталин, не сделал из информации Трумэна вывода, что речь идет о принципиально новом оружии. Во всяком случае, Генеральному штабу никаких дополнительных указаний не последовало.

США, Англия и Китай подписали в Потсдаме совместную декларацию, которая в ультимативной форме требовала от Японии безоговорочной капитуляции. Основной смысл документа соответствовал интересам СССР, а потому перед началом войны с Японией наше государство тоже присоединилось к этому заявлению в качестве четвертого партнера.

3 августа, тотчас же по возвращении Верховного Главнокомандующего из Потсдама, маршал А. М. Василевский подробно доложил о ходе подготовки к наступлению. Она близилась уже к завершению. На Забайкальском фронте армии И. И. Людникова и И. М. Манагарова выходили в свои районы сосредоточения, удаленные всего лишь на 50-60 километров от государственной границы МНР с Маньчжурией. Вместе с 6-й гвардейской танковой армией и другими войсками фронта они могли начать военные действия с утра 5 августа.

Другие наши ударные группировки тоже находились в районах сосредоточения или поблизости от них. Наименования фронтов к этому времени были приведены в соответствие с их фактическим положением. С 5 августа бывший Дальневосточный фронт стал называться 2-м Дальневосточным фронтом, а Приморская группа - 1-м Дальневосточным фронтом. Всего к началу военных действий против Японии мы имели в готовности полуторамиллионное войско, более 29 тысяч орудий и минометов, свыше 5200 танков и самоходно-артиллерийских установок, почти 5200 боевых самолетов.

Полной боевой готовности Тихоокеанского флота также планировалось достичь к 5-7 августа.

А. М. Василевский высказался за то, чтобы переход границы

не откладывался далее 9-10 августа. Следовало использовать благоприятную погоду, установившуюся в последние дни в Забайкалье. Она позволяла в полную мощь применить нашу авиацию и танки. В Приморье, правда, продолжались дожди, но они не могли вывести из строя дороги и добротно сделанные аэродромы ВВС. Хуже было с аэродромами флота: те размокли. Однако к 6-10 августа и в Приморье ожидалось улучшение погоды.

Дальнейшая оттяжка начала войны была не в наших интересах еще и потому, что разведка выявила некоторые признаки перегруппировки японских войск в Маньчжурии и Корее. За июль количество дивизий противника возросло там с 19 до 23, а число боевых самолетов - с 450 до 850. При этом пехота усиливалась главным образом на приморском и солуньском направлениях. Эти факты были тревожными. Они могли свидетельствовать, что противник раскрыл наши намерения и готовится их сорвать.

Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке считая, что 1-й и 2-й Дальневосточные фронты должны начать боевые действия в один день и час с Забайкальским фронтом. Этим полнее гарантировалась внезапность.

Одновременность действия распространялась, однако, только на сильные передовые части, специально предназначенные для захвата наиболее важных объектов обороны японцев. Она не касалась главных сил фронтов. А. М. Василевский предлагал: основную операцию 1-го Дальневосточного фронта, а следовательно, и его главных сил "в зависимости от развития операции Забайкальского фронта начать через 5-7 суток после начала последней".

Главком просил также срочно направить на Дальний Восток народного комиссара Военно-Морского Флота адмирала Н. Г. Кузнецова для координации действий военно-морских сил с сухопутными войсками и предусмотреть дальнейшее усиление фронтов людьми и боевой техникой, особенно танками.

Соображения А. М. Василевского об ускорении начала войны на 1- 2 дня против планового, а также порядка вступления в боевые действия 1-го Дальневосточного фронта были внимательно рассмотрены в Генштабе и проверены расчетами. На основе этих расчетов Ставка сопоставила вероятное развитие событий по двум вариантам. В итоге предложение Александра Михайловича о начале войны 9-10 августа оказалось принятым. Но его вариант перехода в наступление войск 1-го Дальневосточного фронта Ставка отвергла. Были опасения, что передовые отряды, какими бы сильными они ни являлись, вряд ли

смогут вести бой в одиночку в течение 5-7 суток. Успех передовых отрядов требовалось немедля развивать вводом в дело главных сил.

Решение Ставки сразу передали А. М. Василевскому. Директиву же Верховный Главнокомандующий подписал только 7 августа в 16 часов 30 минут. В ней подтверждались ранее поставленные фронтам задачи. Боевые действия авиации на всех фронтах предлагалось начать с утра 9 августа. В то же утро должны были перейти границу наземные войска Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов. 2-й Дальневосточный фронт выступал по указанию маршала А. М. Василевского.

Тихоокеанский флот переводился в готовность No 1. Подводные лодки начинали действовать одновременно с авиацией с утра 9 августа.

Будто дурной сон, вспоминается одно действительно чрезвычайное происшествие.

Буквально за несколько дней до начала войны, а точнее, 3 августа в моей утренней почте среди других документов оказалось небольшое письмо, пересланное из редакции газеты "Красная звезда". В газету оно поступило по обычным каналам и внешне ничем не отличалось от сотен других. Однако уже первые его строки нас ошеломили. Оказывается, в завершающий момент подготовки войны с Японией, когда планы ее вполне определились, сроки выступления намечены, маршал Василевский и командующие фронтами день и ночь подтягивают войска на исходные рубежи, сведения об этом, составлявшие глубокий секрет, могли стать или уже стали достоянием противника.

Вот что сообщил неизвестный нам корреспондент товарищ Петров:

"Необычайные обстоятельства заставили меня, старика, написать вам это письмо. В последние дни июля в одном общественном месте, где присутствовали посторонние лица, количеством более двух десятков, один офицер Красной Армии в чине подполковника слишком рьяно хвалился собой и вместе с тем разглашал своего рода военную и государственную тайну. Фамилия его не то Полубь, не то Голубь, имя - Николай Иванович. В настоящее время идет будто бы усиленная подготовка к войне с Японией и для руководства военными операциями против Японии на Дальний Восток отправляется группа офицеров Генерального штаба во главе с маршалом Василевским..."

Далее автор письма просил сделать болтуну нужное внушение:

"Пусть он поймет, что интересы нашего государства нам, простым людям, дороже собственного благополучия этого молодого человека. С почтением, Петров".

Началось расследование. Человека, о котором сообщал Петров, разыскали быстро. Он оказался из числа лиц, отобранных для работы в аппарате А. М. Василевского. Подтвердилось также, что этот офицер много и громко болтал в компании о своем начальнике - генерале, лично связанном по работе с главкомом войск Дальнего Востока, и некоторых мероприятиях советского Верховного Главнокомандования по подготовке войны с Японией.

Конечно, ему не позволили более работать не только в аппарате главкома, но и в любом другом штабе. Он был отчислен. Сталину об этом не докладывали.

Письмо нас и огорчило и обрадовало: с одной стороны, оно свидетельствовало о промахах в нашей работе с кадрами, но с другой - показало, что за сохранностью военной тайны следят миллионы советских патриотов. К счастью, сведения, разглашенные болтуном, не пошли, вероятно, дальше той компании, о которой писал Петров. По крайней мере, к противнику они не попали.

Час начала войны приближался. Волнения по поводу возрастания сил японцев в Маньчжурии продолжались. Однако разведка не докладывала больше ничего тревожного, и можно было уже надеяться, что теперь враг просто не успеет вырвать у нас инициативу действий.

Как раз этот момент ознаменовался варварским актом, предпринятым США вопреки здравому смыслу и военной необходимости: 6 августа на Хиросиму обрушилась первая атомная бомба, а 9 августа вторая спалила Нагасаки. Величайшая трагедия этих городов не поддается никакому описанию.

Атомная бомбардировка не повлияла, однако, ни на способность Японии продолжать борьбу, ни на наши военные планы.

8 августа японскому послу в Москве было сделано мотивированное заявление Советского правительства о том, что с 9 числа СССР считает себя в состоянии войны с Японией. Тогда же на Дальнем Востоке объявили военное положение.

9 августа в 00 часов 10 минут по местному времени на Забайкальском фронте начали действовать передовые отряды. А спустя четыре с половиной часа выступили и главные силы, не встречая на своем пути почти никакого сопротивления.

Войска 1-го Дальневосточного фронта пересекли государственную границу в час ночи. В полосе 35-й армии, действовавшей на правом крыле, атаке предшествовал 15-

минутный артиллерийский налет. На главном же направлении 1-я Краснознаменная и 5-я армии начали наступление без артподготовки (можно было бы сказать - в полной тишине, если бы над Приморьем не бушевал ливень с грозой). Удар оказался внезапным, и к исходу дня войска 1-го Дальневосточного фронта углубились на территорию противника до 10 километров, а местами даже более того. В полосе 5-й армии был захвачен Волынский узел сопротивления Пограничненского УРа. Успешно продвигалась и левофланговая 25-я армия.

Одновременность наступления двух охватывающих фронтов удалось выдержать полностью. Теперь у японцев не имелось уже никакой возможности бить наши войска по частям. Оборона их трещала по всем швам, и потребовалось всего несколько суток для того, чтобы гигантский охват Квантунской армии был мастерски завершен...

На 2-м Дальневосточном фронте наступление началось тоже 9 августа в час ночи. Действия его вполне синхронизировались с другими фронтами. Через Амур двинулись передовые отряды 15-й армии и пограничники. Их задачей являлся захват островов и участков противоположного берега реки. Выполнили они ее блестяще, а вслед за тем приступили к форсированию Амура и основные силы армии.

Примерно так же развивалась обстановка в полосе 5-го отдельного корпуса, форсировавшего Уссури.

Корабли Краснознаменной Амурской флотилии вошли в устье Сунгари и завязали бой в укрепленном районе японцев. Торпедные катера на Тихом океане произвели первые атаки кораблей противника.

Авиация в свою очередь наносила удары по японским войскам и другим военным объектам.

Начало войны везде было успешным.

Заботы Генерального штаба сосредоточились теперь на том, чтобы не снижались темпы наступления. Нельзя было позволить противнику прийти в себя и организовать стойкую оборону.

Действия наших войск не давали повода для беспокойства. Уже 12 августа главные силы механизированных корпусов 6-й гвардейской танковой армии перевалили через Большой Хинган и вырвались на Маньчжурскую равнину. Важнейший естественный рубеж, где японцы могли оказать упорное сопротивление, остался позади. Предстояло продолжать движение на тех же скоростях к центру Маньчжурии, к "объекту No 1", как тогда называли Мукден. С падением Мукдена вся оборона японцев в Маньчжурии оказалась бы разрушенной.

Хорошо шли дела и на Дальневосточных фронтах. В

Приморье наша пехота один за другим преодолевала укрепленные районы противника, обходя особо сильные очаги сопротивления, дабы не снизить темпа наступления.

Правительство Японии пыталось маневрировать. 14 августа, когда советские армии, преодолев тайгу, горы и пустынные степи, стремительно ринулись по Маньчжурской равнине, оно объявило о своем решении принять условия Потсдамской декларации и капитулировать перед союзниками. Однако никаких конкретных приказов на сей счет Квантунской армии, а также другим войскам и флоту не последовало. По донесениям с фронтов, японские дивизии и гарнизоны продолжали борьбу.

Генштаб доложил о сложившейся обстановке Верховному Главнокомандующему. Сталин отнесся к этому довольно спокойно, приказал нам выступить в печати с разъяснением фактического положения на фронтах, а войскам дать указание продолжать активные боевые действия, пока не состоится безоговорочная капитуляция противника.

16 августа газеты опубликовали сообщение за подписью А. И. Антонова. Начальник советского Генерального штаба разъяснял, что заявление японского императора о капитуляции Японии является только общей декларацией. "Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Следовательно, действительной капитуляции вооруженных сил Японии еще нет. Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполняться..."

А тем временем наступление наших войск развивалось по плану. Не имея возможности остановить его, командование Квантунской армии вынуждено было отдать распоряжение о прекращении боевых действий. Однако и на сей раз не обошлось без хитроумных уловок: в распоряжении том ни слова не говорилось о сдаче войск в плен. Как показал генерал У. Микио, текст, переданный в войска, гласил: "По повелению императора военные действия прекратить". И больше никаких уточнений, хотя японские солдаты и офицеры годами воспитывались на так называемых самурайских традициях, не допускавших сдачи в плен. Избегая же пленения, они, естественно, продолжали сопротивляться. Мало того, на некоторых участках фронта имели место даже контрудары.

17 августа главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке обратился по радио к командующему

Квантунской армией с категорическим требованием - обязать все японские гарнизоны сложить оружие и сдаться в плен. Дальнейшие увертки были уже невозможны. 18 августа японское командование отдало приказ о капитуляции и поставило об этом в известность А. М. Василевского. Но и после того в различных районах Маньчжурии бои продолжались, а на Курильских островах и Сахалине борьба только разгоралась.

Чтобы ускорить фактическую капитуляцию японских войск и предотвратить ненужное кровопролитие, было решено высадить воздушные десанты в ключевых пунктах расположения противника - Харбине, Гирине, Мукдене, Чанчуне и некоторых других городах Маньчжурии и Кореи.

18 августа после 17 часов с аэродрома Хороль поднялись в воздух и взяли курс на Харбин самолеты с первой группой десантников в 120 человек под командованием подполковника Забелина. Десант имел задачу: захватить аэродром и другие важные военные объекты, обеспечить сохранность мостов на Сунгари и удержать их до подхода главных сил 1-го Дальневосточного фронта. С первым эшелоном десанта следовал заместитель начальника штаба фронта генерал-майор Г. А. Шелахов, назначенный особоуполномоченным Военного совета. В обязанности его входило - предъявить командованию японских войск в Харбине ультиматум о капитуляции и продиктовать ее условия. Точных данных о положении в городе и располагавшемся там советском консульстве не имелось. Было лишь известно, что на Харбин откатывались понесшие поражение под Муданьцзяном главные силы 1-го фронта Квантунской армии, весьма значительные по численности.

Тем не менее советский десант в 19 часов приземлился на Харбинском аэродроме и в считанные минуты занял всю его территорию. Вскоре туда прибыл в сопровождении нескольких офицеров начальник штаба Квантунской армии генерал Х. Хата. Он доложил особоуполномоченному, что японские части в зоне Харбина дезорганизованы и штабом почти не управляются. Г. А. Шелахов потребовал безоговорочной их капитуляции и предъявил следующий ультиматум:

"1. Во избежание бесцельного кровопролития командование советских войск предлагает немедленно прекратить сопротивление и приступить к организованной сдаче в плен, для чего через 2 часа представить данные о боевом и численном составе войск Харбинской зоны;

2. При добровольной капитуляции генералам и офицерам Квантунской армии, до особого распоряжения советского командования, разрешается иметь при себе холодное оружие и

оставаться на своих квартирах;

3. Ответственность за сохранение и порядок сдачи вооружения, боеприпасов, складов, баз и другого военного имущества до подхода советских войск полностью несет японское командование;

4. До подхода советских войск поддержание надлежащего порядка в г. Харбине и его окрестностях возлагается на японские части, для чего разрешается иметь часть вооруженных подразделений во главе с японскими офицерами;

5. Важнейшие объекты в Харбине и окрестностях, как-то: аэродромы, мосты на р. Сунгари, железнодорожный узел, телеграф, почтовые учреждения, банки и другие важнейшие объекты подлежат занятию подразделениями десанта немедленно;

6. Для согласования вопросов, связанных с капитуляцией и разоружением всей Квантунской армии на территории Маньчжурии, начальнику штаба Квантунской армии генерал-лейтенанту Хата, японскому консулу в Харбине Миякава и другим лицам по усмотрению японского командования предлагаю в 7.00 19.8 на самолете нашего десанта отправиться на КП командующего 1-м Дальневосточным фронтом".

Хата запросил 3 часа "для подготовки необходимых материалов". Просьба была удовлетворена.

В 23 часа командующий 4-й японской армией У. Микио доставил приказ о капитуляции всех японских войск в Маньчжурии, именные списки генералов и сведения о численном составе Харбинского гарнизона. К этому времени Г. А. Шелахов находился уже в здании советского консульства. Там же был и наш консул Г. И. Павлычев. А десантники заняли все мосты и другое важные объекты города.

19 августа Хата, Миякава и сопровождавшие их японские генералы и офицеры были доставлены на командный пункт К. А. Мерецкова. Туда же прибыл и главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке А. М. Василевский. Он лично объявил японцам порядок капитуляции Квантунской армии. Сдача в плен и разоружение всех ее войск должны были закончиться не позднее 12 часов 20 августа.

Пока проходили эти переговоры, советские воздушные десанты высадились еще в нескольких важных пунктах Маньчжурии.

На рассвете 19 августа с Забайкальского фронта прямо в Чанчунь, где располагался штаб Квантунской армии, вылетел особоуполномоченный полковник И. Т. Артеменко. Ему предстояло принять капитуляцию Чан-чуньского гарнизона и всех

других японских войск, оказавшихся в окрестностях города. Сопровождали полковника четыре офицера и шесть солдат, не считая воздушного эскорта, состоявшего из истребителей.

Над Чанчуньским центральным аэродромом, где располагалось около трехсот самолетов противника, они появились неожиданно. Сделали несколько кругов и пошли на посадку. Советские самолеты заняли взлетную дорожку и некоторое время держали аэродром под прицелом своего оружия. Лишь убедившись, что обстановка не является угрожающей, Артеменко дал условленный сигнал на вылет в Чанчунь десанта, а сам отправился к командующему Квантунской армией.

В кабинете Ямада шло какое-то совещание. Советский офицер прервал его и вручил японцам требование о немедленной и безоговорочной капитуляции. Командующий молчал. Дар речи вернулся к нему только с появлением над городом наших десантных самолетов и бомбардировщиков. Тут Ямада сделал попытку оговорить какие-то свои условия. Как и полагалось по инструкции, И. Т. Артеменко наотрез отверг их и решительно потребовал немедленной капитуляции. Командующий первым снял саблю и вручил ее особоуполномоченному, признавая себя пленником Советской Армии. Вслед за ним то же самое проделали и все другие японские генералы, находившиеся в кабинете.

К 11 часам на том же аэродроме благополучно приземлился весь десант во главе с Героем Советского Союза гвардии майором П. Н. Авраменко. Состоял он из офицеров и бойцов 30-й гвардейской мехбригады. Десантники сняли аэродромную охрану противника, заняли круговую оборону и приступили к разоружению японо-маньчжурских войск.

В кабинете же Ямады события развивались своим чередом: японский командующий и премьер-министр Маньчжоу-го подписывали акт о полной капитуляции.

Вечером 19 августа над зданием штаба Квантунской армии был спущен японский флаг и поднят советский. Подразделения десанта заняли железнодорожный узел, банк, почту, радиостанцию и телеграф. Из города выводились войска противника. Дом, где расположился Артеменко с импровизированным штабом, находился под охраной особого самурайского взвода. Но у входа встал часовым не солдат, а совсем еще маленький внук Ямады. По древнему японскому обычаю покой гостей оберегают самые близкие хозяину дома люди, и внук командующего на посту служил доказательством и гарантией безопасности советских парламентеров. А утром 20 августа в Чанчунь вступили передовые части 6-й гвардейской

армии.

Из той же 6-й гвардейской танковой армии 18 августа в 13 часов 15 минут 225 смельчаков десантировались в Мукдене. В качестве особоуполномоченного с этим десантом прибыл начальник политического отдела штаба Забайкальского фронта генерал-майор А. Д. Притула.

События здесь развертывались несколько иначе, чем в Чанчуне. Десантников вышли встречать представитель "императора" Маньчжоу-го и начальник японского гарнизона. При осмотре же аэродромных помещений в одном из них обнаружился вдруг и сам "император" Пу И. Он застрял здесь случайно. Хозяева приказали ему явиться в Японию, но подходящего самолета под руками не оказалось, и "император" со своей свитой сидел на аэродроме в ожидании такового. А тут и подоспели наши десантники.

Пу И сразу же стал просить не выдавать его японцам. Затем пролил крокодилову слезу по поводу угнетенного состояния местного населения в период японской оккупации. А под конец вручил особоуполномоченному послание, завершавшееся таким оригинальным заявлением: "С глубоким уважением к Генералиссимусу Советского Союза Сталину я выражаю ему искренние чувства благодарности и желаю Его Превосходительству доброго здоровья".

Положение в Мукдене было очень сложным. Население города составляло 1700000 человек, из них 70 000 японцев (не считая отходившие сюда войска) и около полутора тысяч русских белоэмигрантов. В городе функционировали немецкое консульство и даже "фюрер" немецко-фашистских организаций. На ходу были 180 различных промышленных предприятий, в том числе авиаремонтный и танкоремонтный заводы. Хозяева их - японцы - успели сбежать.

Управиться в таком городе 225 десантникам было просто невмоготу, На следующий день к ним прибыло подкрепление. Но даже и тогда советский гарнизон в Мукдене насчитывал всего тысячу человек, а разоружать ему пришлось 50 000 японских солдат. Инцидентов при этом не произошло, но тревог и забот было по горло.

С 20 августа в Мукдене стала действовать советская военная комендатура во главе с генерал-майором А. И. Ковтун-Станкевичем.

Не обошлось без курьезов. На второй день после занятия Мукдена нашими войсками над самым центром его появился американский самолет и сбросил листовки с обращением командующего американскими войсками в Китае к офицерам

японской армии. В листовках говорилось, что американское военное командование, стремясь установить связи с солдатами и офицерами союзных войск, оказавшимися в японском плену, намеревается высадить на Мукденский аэродром своих представителей. Притом оговаривалось, что никаких иных целей эти представители не преследуют, и предлагалось в случае согласия выложить белое полотнище. Наши солдаты полотнище выложили. Американский самолет приземлился. Каково же было удивление прибывших, когда их встретили советские военнослужащие.

Случались "накладки" и у нас. Обстановка в городе была такова, что никто не мог ручаться за безопасность Пу И и его свиты. Во избежание каких-либо неожиданностей десантники сочли за благо поместить "императора" за решетку под надежную охрану. Доложили А. М. Василевскому. Тот срочно отменил "арест" и приказал разъяснить всем, как следует обращаться с персонами такого рода.

Главную свою задачу - ускорить капитуляцию Квантунской армии - все десанты выполнили безукоризненно. Дерзкие и четкие действия десантников обеспечили сохранность промышленных предприятий, электростанций, сооружений связи, железных дорог и многих военных объектов, позволили быстро восстановить гражданский порядок, исключили возможность многих политических авантюр.

Как только японские войска в Маньчжурии стали складывать оружие, Ставка приняла решение: на тех участках фронта, где враг капитулировал, боевые действия прекратить. Однако советские армии и дивизии продолжали продвижение в намеченные районы. Впереди действовали сильные передовые отряды. За ними следовали главные силы, которые и принимали капитуляцию противника.

Наши войска вступили на территорию Кореи. Морские десанты захватили важнейшие ее порты. Советский солдат пришел на священную для него землю Порт-Артура.

Разгром Квантунской армии стал фактом. Только на Сахалине сопротивление длилось местами до 25-26 августа, а на Курильских островах морские десанты закончили прием сдавшихся в плен японцев лишь в последний день августа.

После того как боевые действия закончились, мы в Генеральном штабе получили исчерпывающий ответ на глубоко волновавший нас вопрос: удалось ли нам достигнуть внезапности? Ответ этот дали исторические факты, а подтвердили их пленные японские генералы. Противник никак не ждал нашего наступления в августе; предполагалось, что оно

начнется много позже. Вследствие этого запоздала подготовка оборонительных рубежей не только на забайкальском и приморском направлениях, но и на линии Сыпингай, Мукден, где, по мнению японцев, должны были развернуться главные события. Пленный командующий 4-й японской армией генерал Микио показал, что оборудование оборонительных рубежей могло закончиться там только в октябре 1945 года. О незавершенности строительства оборонительных позиций заявил и генерал Симидзу, бывший командующий 5-й армией.

Очень характерны показания заместителя начальника штаба Квантунской армии.

- Для квантунского командования объявление войны Советским Союзом именно 8 августа было полной неожиданностью,- заявил генерал-майор М. Томокацу.

Внезапность была достигнута и в смысле масштабов и темпов наступления, а также в направлении ударов.

- Мы не ожидали такого молниеносного наступления русских,засвидетельствовал Симидзу.- К тому же мы не ожидали, что русские армии пойдут через тайгу.

Следовательно, все то, на что мы надеялись и чего добивались с помощью обширного комплекса мероприятий, целиком себя оправдало.

2 сентября 1945 года на линкоре "Миссури" японское правительство подписало акт о безоговорочной капитуляции. От Советского Союза акт подписал генерал-лейтенант К. П. Деревянко - наш представитель при союзных войсках на Дальнем Востоке.

Вторая мировая война закончилась. В ней Советский Союз принял на свои плечи решающую долю тягот и выполнил главную роль в разгроме оголтелого милитаризма не только на западе, но и на востоке.

Глава 16. Победителям и героям

Партия и народ славят достойных. - О первых наградах и первых гвардейцах. - Первый поздравительный приказ. - Салюты в Москве, их история и продолжение традиций. - Парад Победы. - Прием в Большом Кремлевском дворце. - Слово о военачальниках.

Каждое дело имеет свой конец. Вот и я подошел к концу своих воспоминаний, охватывающих четырехлетний период войны. И мне очень захотелось завершить их словом о людях, которые грудью своей отстояли Советскую Родину.

Так родилась эта глава, несколько отличная от других. Авторские воспоминания теснейшим образом переплелись в ней с документами, дающими ясное представление о том, как наша партия и правительство достойным образом отмечали боевые

заслуги героев и победителей. А заодно прослеживается история некоторых из этих документов, не миновавших Генштаба и в какой-то мере отражающих часть его повседневной работы.

Мы в Генеральном штабе, планируя операции, контролируя их ход и анализируя исход, имели дело с огромными массами войск, с боевыми возможностями крупных оперативных объединений, которые необходимо было наилучшим образом использовать в интересах победы над врагом по всем правилам и законам войны. Кажется, где уж тут заботиться о каких-то отдельно взятых людях. На первый взгляд Генеральный штаб - орган, далекий от солдата и командира-войсковика.

Спору нет, различия в положении и характере деятельности войск и Генштаба есть. И конечно, большие. Но разрыва между ними на практике не было.

Не касаясь здесь философских глубин вопроса о роли человека в войне, должен сказать, однако, что в то время мы, как никогда, остро чувствовали, насколько все наши замыслы и планы зависят в конечном счете от советского воина, его стремления победить врага. Сквозь скупые строки немногословных оперативных сводок и боевых донесений жизнь каждый день напоминала нам об этом. Такие понятия, как "отвага", "мужество", "геройство", воспринимались Генеральным штабом осязаемо, зримо.

24 июня 1941 года решением ЦК ВКП (б) был создан специальный орган информации о положении на фронтах и доблести наших войск - Совинформбюро. Материалы стекались туда по различным каналам. Одним из них являлось Оперативное управление Генштаба. Обязав нас заниматься подготовкой материалов для Совинформбюро, партия еще более укрепила наши связи с войсками, приковала наше внимание к человеку, идущему в бой с ее именем на устах и готовому отдать жизнь за свободу и независимость своей родной страны, своего народа.

Несмотря на очень тяжелую обстановку в начале войны, не был забыт вопрос о награждении героев. Уже за первые бои с немецко-фашистскими агрессорами отличившихся военнослужащих Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями, а некоторым из них за выдающиеся подвиги присвоил звание Героя Советского Союза. Однако обычная для мирного времени процедура вручения наград не соответствовала боевой обстановке и массовому характеру героизма. Поэтому Президиум Верховного Совета Указом от 18 августа 1941 года изменил ее. Право вручать ордена и медали от имени высшего органа государственной власти непосредственно в действующей армии, по месту службы награжденных, получили

военные советы фронтов, флотов и отдельных армий.

Но и эта мера оказалась недостаточной: слишком много времени затрачивалось на прохождение через Москву наградной документации. 22 октября того же года военным советам было предоставлено право не только вручать, а и самостоятельно награждать отличившихся от имени Президиума Верховного Совета СССР. В дальнейшем, чтобы не оставить без наград лиц, достойных этого, Указом Президиума Верховного Совета от 10 ноября 1942 года право награждения распространилось на командиров корпусов, дивизий, бригад и полков, а затем и на командующих родами войск.

В первый год войны награждение военнослужащих производилось тремя орденами - Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды, а также медалями. Этими орденами за войну в целом состоялось соответственно 8800, 238 000 и 2 811 000{23} награждений.

Позже возникла потребность особо выделять подвиги бойцов и командиров в борьбе именно с немецко-фашистскими захватчиками. С этой целью 20 мая 1942 года был учрежден новый орден - Отечественной войны I и II степени. Им награждались отличившиеся в боях офицеры и солдаты.

В 1942-43 годах учреждены ордена Суворова и Кутузова, оба трех степеней, и орден Александра Невского. Этими наградами отмечались только командиры, причем орденом Суворова I степени награждались:

"...командующие фронтами и армиями, их заместители, начальники штабов, начальники оперативных управлений и оперативных отделов, начальники родов войск (артиллерии, воздушных сил, бронетанковых и минометных) фронтов и армий".

За годы войны общее количество награждений составило: орденом Отечественной войны I степени-324 800, II степени-951 000, орденом Александра Невского-40 000, орденом Суворова I степени-390, II- 2 100, III - 3 000, орденом Кутузова I степени - 660, II - 2 570, III - 2 200.

В октябре 1943 года, когда разгорелись ожесточенные бои за освобождение Украины, был учрежден орден Богдана Хмельницкого тоже трех степеней. Им награждались военачальники, командиры и бойцы Советской Армии, партизанские командиры и рядовые партизаны. Всего этим орденом I степени произведено 200 награждений, II степени - 1 450, III степени - 5 400.

3 марта 1944 года для награждения военных моряков Президиум Верховного Совета СССР учредил ордена Ушакова и Нахимова, каждый двух степеней, а также медали имени тех же

флотоводцев. Статут этих орденов предусматривал награждение ими адмиралов, генералов и офицеров Военно-Морского Флота, а медалями награждались старшины и матросы. Орденом Ушакова I степени за время войны было 30 награждений, II степени - 180, орденом Нахимова соответственно 70 и 450. Медалью Ушакова произведено 14 000 награждений, медалью Нахимова 12 800.

Среди отличий Великой Отечественной войны особое место занял солдатский орден Славы трех степеней, учрежденный 8 ноября 1943 года. В авиации им награждались также воздушные бойцы в звании младших лейтенантов. Награждение этим орденом производилось последовательно, начиная с III степени. Причем орденом Славы 1 степени мог наградить только Президиум Верховного Совета СССР. Полными кавалерами ордена Славы стали 2 200 человек. Из них трое - И. Г. Драченко, А. В. Алешин, П. Х. Дубинда были, кроме того, удостоены звания Героя Советского Союза{24}. Орденом Славы II степени награждено 46 000 военнослужащих, а III степени-868 000.

8 ноября 1943 года Президиум Верховного Совета СССР учредил высший военный орден - орден "Победа" для награждения полководцев за успешное проведение боевых операций большого масштаба. Кавалерами этого ордена стали: А. И. Антонов, Л. А. Говоров, П. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин. Дважды орденом "Победа" награждены А. М. Василевский, Г. К. Жуков и И. В. Сталин.

Героизм был и оставался на протяжении всей войны характерной чертой наших воинов, прямо и непосредственно связанной с главным истоком подвигов - горячим советским патриотизмом. Нет вины тех бойцов и командиров, которые приняли первые тяжелые бои с фашистами и не были за это отмечены наградами. Отступая от границы, наши воины дрались с врагом, не жалея ни сил, ни самой жизни. Истребляя гитлеровские полчища, они остановили врага и подорвали мощь военной машины третьего рейха.

В силу ряда причин - и в первую очередь потому, что не до наград тогда было, - в 1941 году имело место не многим более 32 700 награждений, в 1942 году - около 395 000. 1943 год, ознаменовавшийся блестящими победами советских войск, характеризуется в то же время огромным скачком числа награждений - до 2 050 000. В 1944 году число это увеличивается еще более и достигает 4 300 000. В 1945 году боевые действия заняли менее 6 месяцев, но число награждений превысило 5 470 000, из них 3 530 000 было произведено приказами командиров полков, то есть непосредственно на поле боя.

А всего за подвиги и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками и японскими империалистами, по данным на 1 сентября 1948 года, число награждений только орденами превзошло 5 300 000. Звание же Героя Советского Союза получили 11 603 человека, в том числе 87 женщин. Дважды удостоились этой высокой чести 98 военнослужащих и трижды - трое: Г. К. Жуков, И. Н. Кожедуб, А. И. Покрышкин.

Огромное количество людей награждено медалями "За отвагу" и "За боевые заслуги". Первой из них произведено 4 230 000 награждений, второй - 3 320 000.

Казалось, никто не забыт. По указанию Ставки Народным Комиссариатом Обороны был детально разработан и объявлен специальными приказами порядок награждения за уничтожение неприятельских самолетов и танков, за вынос с поля боя раненых и их оружия, за форсирование рек. Лиц, особо отличившихся при форсировании крупных водных преград, Ставка обязывала представлять к званию Героя Советского Союза и награждению боевыми орденами, включая ордена Суворова и Кутузова. Тем не менее, когда отгремели пушки, выявилось немало скромных тружеников войны, которым еще не воздано должное. В 1946 году за подвиги военного времени было награждено 240 000 человек, в 1947 году - 408 000, в 1948 году - 4000. Работа в этом направлении продолжается до сих пор, о чем свидетельствуют, в частности, награждения, произведенные в 20-ю годовщину победоносного окончания Великой Отечественной войны. Особое уважение оказывается воинам, пролившим кровь в бою. В послевоенный период таких награждено более 840 000 человек.

В 1942 году были учреждены медали: "За оборону Ленинграда", "За оборону Одессы", "За оборону Севастополя", "За оборону Сталинграда". В 1944 году к ним прибавились еще три: "За оборону Москвы", "За оборону Кавказа", "За оборону Советского Заполярья". И наконец, уже после войны, 21 июня 1961 года, появилась медаль "За оборону Киева". Соответственно ими награждено: участников обороны Ленинграда более 930 000, Москвы - 477 000, Одессы - около 25 000, Севастополя - более 39 000, Сталинграда - 707 000, Киева - 62 000, Кавказа 580 000, Заполярья - свыше 307 000. Кроме того, более 6 716 000 человек награждены медалями "За взятие Будапешта", "За взятие Кенигсберга", "За взятие Вены", "За взятие Берлина", "За освобождение Белграда", "За освобождение Варшавы" и "За освобождение Праги".

Специальные медали были выбиты в ознаменование полной нашей победы над фашистской Германией и милитаристской

Японией. Медалью "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг." награждено около 13 666 000 человек, а медаль "За победу над Японией" получили без малого 1 725 000 человек.

Наконец, более 127 000 особо отличившихся партизан и партизанок, а также организаторов и руководителей партизанского движения были удостоены специальных медалей "Партизану Отечественной войны" I и II степени.

В целом же число наград, которыми отмечены участники Великой Отечественной войны, превышает 35 234 000.

С 1943 года орденами стали награждаться также соединения и части действующей армии и Военно-Морского Флота. Всего за время войны было произведено более 10 900 таких награждений, в том числе орденом Ленина свыше 200, Красного Знамени - 3 270, Суворова I степени - 3, Ушакова I степени - 8, Кутузова I степени - 3, Богдана Хмельницкого I степени - 10, Нахимова I степени - 5, Суворова II степени - 676, Ушакова II степени - 13, Кутузова II степени - более 530, Богдана Хмельницкого II степени - 850, Нахимова II степени-2, Суворова III степени- 849, Кутузова III степени-1060, Богдана Хмельницкого III степени- 216, Александра Невского - более 1 480, Отечественной войны I степени - 7, Красной Звезды - свыше 1740.

Существовали и другие меры поощрения войск за успешные и умелые боевые действия.

Еще в 1941 году в трудных условиях нашего отступления особо отличились четыре стрелковые дивизии-100, 127, 153 и 161-я. Действуя на главном стратегическом направлении, они неоднократно наносили сокрушительные контрудары по врагу, неистово рвавшемуся к Москве. За эти их подвиги в бою, за организованность, дисциплину и примерный порядок Народный комиссар обороны приказом от 18 сентября присвоил им гвардейское звание. 100, 127, 153 и 161-я стрелковые дивизии с того дня стали именоваться соответственно 1, 2, 3 и 4-й гвардейскими стрелковыми дивизиями.

Так родилась Советская гвардия.

Для нее был установлен особый порядок прохождения службы. Всему командному и начальствующему составу выплачивался полуторный, а бойцам двойной оклад денежного содержания. Для гвардейцев ввели специальный нагрудный знак, для частей и соединений учредили гвардейские знамена.

В последующем - 16 апреля 1943 года - Ставка определила порядок использования гвардии. Гвардейские дивизии, как наиболее опытные и устойчивые, предназначались для решения важнейших задач в наступательных операциях, а в обороне - для

контрударов по противнику. Это было разумно во всех отношениях, а главное - еще больше укрепляло авторитет гвардейского звания, хотя и до того оно являлось символом воинской доблести и высшей честью для войск.

К 1943 году относится и еще одно нововведение в системе поощрении наиболее отличившихся частей, соединений и крупных войсковых объединений. Общеизвестно, что это был год коренного перелома в войне. Уже в самом его начале на важнейших участках советско-германского фронта гитлеровские армии оказались опрокинутыми. В снегах под Сталинградом добивалась окруженная ударная группировка противника. Сокрушив врага под Воронежем, Советская Армия выходила на дальние подступы к Харькову и стучалась в ворота Донбасса. Началось массовое изгнание оккупантов с советской земли. В ознаменование одержанных побед Ставка предложила Генеральному штабу подготовить поздравительный приказ войскам восьми фронтов.

Этот первый в истории Великой Отечественной войны поздравительный приказ Верховного Главнокомандующего (25 января 1943 года) носил несколько общий характер. Отличившиеся соединения в нем не перечислялись, фамилии их командиров и даже командующих армиями, фронтами не указывались. Текст был очень-очень лаконичен:

"В результате двухмесячных наступательных боев Красная Армия прорвала на широком фронте оборону немецко-фашистских войск, разбила сто две дивизии противника, захватила более 200 000 пленных, 13 000 орудий и много другой техники и продвинулась вперед до 400 км. Наши войска одержали серьезную победу. Наступление наших войск продолжается.

Поздравляю бойцов, командиров и политработников Юго-Западного, Южного, Донского, Северо-Кавказского, Воронежского, Калининского, Волховского, Ленинградского фронтов с победой над немецко-фашистскими захватчиками и их союзниками - румынами, итальянцами и венграми под Сталинградом, на Дону, на Северном Кавказе, под Воронежем, в районе Великих Лук, южнее Ладожского озера.

Объявляю благодарность командованию и доблестным войскам, разгромившим гитлеровские армии на подступах Сталинграда, прорвавшим блокаду Ленинграда и освободившим от немецких оккупантов города - Кантемировка, Беловодск, Морозовский, Миллерово, Старобельск, Котель-никово, Зимовники, Элиста, Сальск, Моздок, Нальчик, Минеральные Воды, Пятигорск, Ставрополь, Армавир, Валуйки, Россошь,

Острогожск, Великие Луки, Шлиссельбург, Воронеж и многие другие города и тысячи населенных пунктов".

Заканчивался приказ призывом, в котором формулировалась ближайшая задача: "Вперед, на разгром немецких оккупантов и изгнание их из пределов нашей Родины!"

Этот документ был опубликован во всех газетах и многократно передавался по радио.

Неделю спустя, а именно в ночь на 3 февраля 1943 года, представитель Ставки маршал артиллерии Н. Н. Воронов и командующий Донским фронтом генерал-полковник К. К. Рокоссовский донесли о полной ликвидации противника, окруженного в районе Сталинграда. Верховный Главнокомандующий приказал отправить им немедля ответную телеграмму. Она была тут же написана и в окончательной редакции выглядела так:

"Поздравляю вас и войска Донского фронта с успешным завершением ликвидации окруженных под Сталинградом вражеских войск. Объявляю благодарность всем бойцам, командирам и политработникам Донского фронта за отличные боевые действия".

Утром 3 февраля эта телеграмма по инициативе Генерального штаба без всяких изменений была оформлена как приказ Верховного Главнокомандующего.

Шли дни. Война продолжалась. 5 июля 1943 года наступлением противника начался оборонительный этап знаменитой Курской битвы. К исходу дня 23 июля наши войска отбросили гитлеровцев на прежние рубежи и полностью восстановили первоначальное положение.

Перед очередным докладом Верховному Главнокомандующему у исполнявшего обязанности начальника Генерального штаба А. И. Антонова, как обычно, происходила оценка обстановки. При этом был сделан вывод: наши оборонительные задачи успешно решены, наступление главных сил немецко-фашистских войск на орловско-курском направлении окончательно провалилось, а вместе с ним похоронен и план всей летней кампании противника. В порядок дня выдвигалась новая задача - разгром основной группировки врага и развитие наступления по планам, намеченным советским Верховным Главнокомандованием.

Все это было доложено И. В. Сталину в ночь на 24 июля, а утром Верховный Главнокомандующий позвонил по телефону в Генштаб и распорядился, чтобы мы срочно подготовили поздравительный приказ войскам, победившим противника в Курской битве. Это был третий приказ подобного рода. Проект

его мы закончили к полудню. Адресовался он командующим войсками Центрального, Воронежского и Брянского фронтов: генералу армии К. К. Рокоссовскому, генералу армии Н. Ф. Ватутину и генерал-полковнику М. М. Попову.

Около 16 часов Антонова и меня вызвали в Ставку. Сталин был в радостном возбуждении. Он не стал слушать наш доклад об обстановке, которая и без того была уже известна ему, а сразу потребовал зачитать вслух проект приказа.

В самом начале заготовленного нами документа подчеркивался важнейший стратегический результат, завоеванный Советской Армией:

"Вчера, 23 июля, успешными действиями наших войск окончательно ликвидировано июльское немецкое наступление из районов южнее Орла и севернее Белгорода в сторону Курска".

Затем коротко сообщалось о противнике:

"С утра 5 июля немецко-фашистские войска крупными силами танков и пехоты, при поддержке многочисленной авиации, перешли в наступление на орловско-курском и белгородско-курском направлениях. Немцы бросили в наступление против наших войск свои главные силы, сосредоточенные в районах Орла и Белгорода".

Никаких возражений со стороны Верховного Главнокомандующего такое начало приказа не вызвало, и чтение продолжалось:

"...Всего со стороны противника в наступлении участвовало 17 танковых, 3 моторизованные и 18 пехотных немецких дивизий.

Сосредоточив эти силы на узких участках фронта, немецкое командование рассчитывало концентрическими ударами с севера и юга в общем направлении на Курск прорвать нашу оборону, окружить и уничтожить наши войска, расположенные по дуге Курского выступа".

Далее говорилось, что немецкое наступление не застало наши войска врасплох, они были готовы не только к отражению натиска немцев, но и к нанесению мощных контрударов. Тут же приводились конкретные цифровые данные:

"Ценой огромных потерь в живой силе и технике противнику удалось лишь вклиниться в нашу оборону на орловско-курском направлении на глубину до 9 км и на белгородско-курском направлении - от 15 до 35 км. В ожесточенных боях наши войска измотали и обескровили отборные дивизии немцев и последующими решительными контрударами не только отбросили врага и полностью восстановили положение, занимавшееся им до 5 июля, но и прорвали оборону противника, продвинувшись в сторону Орла от 15 до 25 километров".

Когда дело дошло до вывода: "Таким образом, немецкий план летнего наступления нужно считать полностью провалившимся",- Верховный Главнокомандующий остановил чтение и продиктовал следующую вставку: "Тем самым разоблачена легенда о том, что немцы летом в наступлении всегда одерживают успехи, а советские войска вынуждены будто бы находиться в отступлении".

- Надо об этом сказать,- пояснил он.- Фашисты во главе с Геббельсом после зимнего поражения под Москвой все время носятся с этой легендой.

Вслед за тем в приказе шло перечисление отличившихся войск и назывались фамилии командующих армиями. Не похож он был на прошлые приказы и своей концовкой. Мы не могли не помянуть здесь тех, кто во имя победы заплатил жизнью. Приказ заканчивался так:

"Поздравляю вас и руководимые вами войска с успешным завершением ликвидации летнего немецкого наступления.

Объявляю благодарность всем бойцам, командирам и политработникам руководимых вами войск за отличные боевые действия.

Вечная слава героям, павшим на поле боя в борьбе за свободу и честь нашей Родины!"

Приказ тут же был подписан и передан по радио. В Ставке он понравился. Нам предложили и впредь придерживаться этой формы, то есть адресовать приказ командующим фронтами, показывать фамилии командующих армиями и командиров отличившихся войск, кратко излагать результаты сражения. Оставлялась и концовка в честь павших героев. Она совершенствовалась раз от разу и наконец получила такую редакцию:

"Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины. Смерть немецким захватчикам!"

Эта же концовка, кроме последних трех слов, вошла и в приказ, посвященный победоносному завершению войны.

5 августа, когда были взяты Орел и Белгород, в Ставке возникла новая идея. Как только командующие фронтами доложили Верховному о взятии этих городов (о таких победах они всегда стремились докладывать ему непосредственно), генерала Антонова и меня вызвали в Ставку. Сталин только что вернулся с Калининского фронта. Собрались и все остальные члены Ставки.

- Читаете ли вы военную историю? - обратился Верховный к Антонову и ко мне.

Мы смешались, не зная, что ответить. Вопрос показался странным: до истории ли было нам тогда!

А Сталин меж тем продолжал:

- Если бы вы ее читали, то знали бы, что еще в древние времена, когда войска одерживали победы, то в честь полководцев и их войск гудели все колокола. И нам неплохо бы как-то отмечать победы более ощутимо, а не только поздравительными приказами. Мы думаем,- кивнул он головой на сидевших за столом членов Ставки,- давать в честь отличившихся войск и командиров, их возглавляющих, салюты. И учинять какую-то иллюминацию...

Так было решено отмечать победы наших войск торжественными залпами в Москве и каждый залп сопровождать пуском разноцветных ракет, а перед тем передавать по всем радиостанциям Советского Союза приказ Верховного Главнокомандующего. Ответственность за это возлагалась на Генеральный штаб.

В тот же день, 5 августа, был издан поздравительный приказ и дан первый салют в честь освобождения Орла и Белгорода. Одновременно трем стрелковым дивизиям (5, 129, 380-й) было присвоено наименование Орловских и двум (89-й и 305-й) - Белгородских.

В первом салюте участвовали 124 орудия, и дали они 12 залпов. Мы рассчитывали, что так будет и в дальнейшем. Но 23 августа, когда был взят Харьков, стало ясно, что нельзя всех победителей стричь под одну гребенку. Харьков имел очень большое значение, и потому последовало предложение дать в ознаменование его освобождения 20 залпов из 224 орудий. Так мы и поступили.

Салюты с энтузиазмом были восприняты не только населением столицы, но и войсками действующей армии. По нескольку раз на день нам звонили с фронтов и требовали салютов чуть ли не за каждый взятый населенный пункт. Возникла необходимость провести какую-то градацию. Ведь далеко не одно и то же значило освобождение, скажем, Киева и Бердичева, Риги и Шяуляя, Минска и Духовщины.

В дальнейшем Генштаб разработал, а Верховный Главнокомандующий утвердил три категории салютов: 1-я категория - 24 залпа из 324 орудий, 2-я - 20 залпов из 224 орудий, 3-я - 12 залпов из 124 орудий. Разрешение на каждый салют давалось лично Верховным. За редким исключением, Москва салютовала победителям в день изгнания противника из того или иного пункта. Перечень войск и фамилии командиров, которых надлежало отметить в приказе, представлялись командующим фронтом. Приказ готовился Оперативным управлением, причем вступительная его часть, характеризовавшая действия войск, или, как мы говорили тогда, "шапка" приказа, обязательно докладывалась Верховному Главнокомандующему. Обычно это делалось по телефону, и тут же согласовывалась категория салюта.

"Шапки" писали либо генерал-лейтенант А. А. Грызлов, либо я. Особенно набил на этом руку Анатолий Алексеевич. Подправлялись "шапки" только изредка, чаще всего с исторических позиций. Например, в приказ от 27 января 1945 года, отдававшийся по случаю прорыва обороны противника в районе Мазурских озер, Верховный добавил фразу: "считавшейся у немцев с времен первой мировой войны неприступной системой обороны". Тем самым подчеркивалась значимость одержанной победы.

Салюты по первой категории - 24 залпа из 324 орудий - производились только в случае освобождения столицы союзной республики, при овладении столичными городами других государств и в честь некоторых других особо выдающихся событий. Всего за время войны было 23 таких салюта. Давались они за разгром и изгнание противника из Киева, Одессы, Севастополя, Петрозаводска, Минска, Вильнюса, Кишинева,

Бухареста, Таллина, Риги, Белграда, Варшавы, Будапешта, Кракова, Вены, Праги, а также за овладение Кенигсбергом и Берлином. Кроме того, салюты по первой категории давались при выходе наших войск на южную государственную границу 26 марта 1944 года, при выходе на юго-западную границу 8 апреля 1944 года и в честь соединения с англо-американскими войсками в районе Торгау 27 апреля 1945 года. В ходе войны с империалистической Японией было также произведено два таких салюта: один - по случаю разгрома Квантунской армии и другой - 3 сентября 1945 года - в честь полной победы над Японией.

По второй категории - 20 залпов из 224 орудий - Москва салютовала 210 раз. В том числе: при освобождении больших городов - 150 раз, при прорыве сильно укрепленной обороны противника - 29, по завершении разгрома крупных неприятельских группировок - 7, в честь форсирования рек - 12, при вторжении наших войск в немецкие провинции, преодолении Карпат, захвате островов - 12.

По третьей категории - 12 залпов из 124 орудий - салюты производились 122 раза, главным образом при овладении узлами железных и шоссейных дорог, а также крупными населенными пунктами, имевшими оперативное значение.

В День Победы над фашистской Германией, 9 мая 1945 года, был дан салют 30 залпами из 1000 орудий.

Издавались и такие благодарственные приказы, оглашение которых не сопровождалось салютами. Так было, например, 12 августа 1943 года, когда четыре наши дивизии овладели городом Карачев. Другой такой же приказ был подписан 18 сентября 1943 года. В нем выражалась благодарность 2-му гвардейскому кавалерийскому корпусу за прорыв в тыл противника, форсирование реки Десны и удержание плацдарма до подхода главных сил. Форсирование Днепра было отмечено двумя аналогичными приказами.

Бывало и так: в честь освобождения Киева салют состоялся 6 ноября 1943 года, а через десять дней выяснилось, что фронт не назвал нам пяти отдельных полков (трех минометных, одного пушечного и одного танкового), участвовавших в боях за столицу Украины. Доложили Верховному, и последовало указание дать дополнительный приказ без салюта и всем пяти полкам присвоить наименование Киевских.

За время войны с гитлеровской Германией всего было отдано 373 благодарственных приказа, из них без салютов - 20. По годам они распределялись так: в 1943 году -55, в 1944 году - 166, в 1945 году по 9 мая - 148. В том же заключительном году войны последовали еще 5 приказов, сопровождавшихся салютами: о

Параде Победы - 24 июня, в честь Военно-Морского Флота - 22 июля, в честь Военно-Воздушных Сил - 19 августа, по случаю победы над Квантунской армией - 23 августа и в связи с подписанием акта о безоговорочной капитуляции Японии - 3 сентября.

В 1943 году было пять дней, когда производились по два победных салюта, и два дня - с тремя салютами. В 1944 году насчитывается 26 дней, когда Родина салютовала дважды, 4 дня, ознаменовавшихся тремя салютами каждый, и один день, 27 июля, прогремевший пятью салютами (Родина чествовала тогда героев, взявших с боями города Белосток, Станислав, Даугавпилс, Львов, Шяуляй).

1945 год характерен дальнейшим ростом количества салютов. 25 дней было с двумя салютами, 15 - с тремя, 3 - с четырьмя, 2 - с пятью. По пять салютов прогремело 19 января, когда были освобождены города Ясло, Краков, Млава, Лодзь и осуществлен прорыв в Восточной Пруссии, а также 22 января, когда наши войска овладели Инстербургом, Хоэнзальцей (Иноврoцлавом), Алленштайном, Гнезно, Остероде.

Наибольшее количество салютов, естественно, пришлось на долю тех фронтов, войска которых победоносно завершали войну на территории гитлеровской Германии или на подступах к ней. Войскам 1-го Украинского фронта Москва салютовала 68 раз, 1-го Белорусского - 46, 2-го Украинского - 45, 2-го Белорусского - 44, 3-го Украинского - 36, 3-го Белорусского - 29, 4-го Украинского - 25.

Как правило, салют давался в честь войск какого-то одного фронта. Но в 27 случаях салюты посвящались сразу трем, четырем н даже пяти взаимодействовавшим фронтам. А если дело касалось приморского города, в освобождении которого наряду с войсками участвовали боевые корабли, то салютовали и флоту.

Конечно, подготовка благодарственных приказов и организация салютов обязанность приятная, поскольку она прямо связывалась с победами наших Вооруженных Сил. В общем объеме работы Оперативного управления это занимало далеко не первостепенное место, однако тоже требовало немалых затрат времени и внимания. При подготовке приказа надо было тщательно выверить нумерацию всех соединений и частей, фамилии командиров, ничего не перепутать и не пропустить. А сроки всегда поджимали - в нашем распоряжении редко когда имелось более двух часов. Донесения об овладении городами поступали обычно к вечеру, салют надо было дать не раньше, чем наступит темнота (иначе пропадал эффект от ракет), но и не позднее 23 часов. В иные дни салюты следовали один за другим,

и тут мы выходили из трудного положения только благодаря высокой работоспособности наших офицеров и генералов, отлично знавших обстановку, нумерацию войск и фамилии командиров. Приказы монтировались обычно в кабинете начальника Оперативного управления, и, пока я докладывал Верховному "шапку", мои ближайшие помощники уже заканчивали подготовку остального текста.

До 30 ноября 1944 года благодарственные приказы адресовались только командующим фронтами. Затем прибавился второй адресат - начальник штаба фронта. Инициатива в данном случае исходила снизу. При подготовке очередного приказа в честь войск 2-го Украинского фронта мы, по обыкновению, стали уточнять отдельные детали у начальника штаба фронта генерал-полковника М. В. Захарова. Матвей Васильевич покритиковал нас за недооценку роли штабов: в приказах, мол, отмечаются заслуги всех, а о штабах нет ни слова. Доложили об этом Верховному. Он отнесся к претензии с пониманием:

- Захаров прав. Роль штабов велика. Впредь приказы давать в два адреса командующему и начальнику штаба.

Так мы и стали делать. Первый такой приказ пошел 2-му Украинскому фронту в тот же день, 30 ноября 1944 года.

С благодарственными приказами и салютами не всегда и не все проходило гладко. Бывали споры - кто взял тот или иной пункт? Случались и недовольства, когда Генштаб отказывал в салюте. Командующие некоторых фронтов, действовавших на местности с незначительным количеством крупных населенных пунктов, настойчиво просили произвести салют за относительно небольшие пункты. Если Генштаб не соглашался, они обращались прямо к Верховному, и тот иногда удовлетворял их просьбы. Так было, например, при освобождении Духовщины. В других случаях, от-казав в салюте, Сталин все же отдавал нам распоряжение подготовить благодарственный приказ.

Приказы писались очень тщательно. Верховный Главнокомандующий сам следил за этим и не прощал оплошностей. Однажды он распорядился, чтобы при упоминании городов, когда-то переименованных, обязательно писалось в скобках старое название, например: Тарту (Юрьев, Дерпт). Пришлось специально выделять человека, который занимался такого рода уточнениями. В дальнейшем при освобождении Польши на него же возложили наблюдение за тем, чтобы в приказах отбитые у противника города назывались бы и по-польски и по-немецки.

Первоначально все без исключения части и соединения, упомянутые в благодарственном приказе, получали почетное

наименование в зависимости от того города, который ими освобожден. Появились дивизии Воронежские, Курские, Харьковские. Но чем дальше развивалось наше наступление, тем больше освобождалось городов. И сам собой встал вопрос - как же поступать с теми частями и соединениями, на долю которых выпало освобождать по три-четыре города и более. Не присваивать же им по четыре почетных наименования? От Верховного и на сей счет последовали четкие указания: почетное наименование может быть только сдвоенным, скажем 291-я Воронежско-Киевская штурмовая авиационная дивизия. К многократно отличившимся войскам стали применяться и иные меры поощрения: их либо награждали орденами, либо представляли к гвардейскому званию.

С Верховным мы имели принципиальную договоренность буквально по всем деталям благодарственного приказа. И все-таки из-за спешки при подготовке текста оплошности иногда случались. Помню, в частности, такой случай. Однажды во время нашего доклада в Ставке позвонил Конев и сообщил прямо Сталину об освобождении какого-то крупного населенного пункта. Было уже около 22 часов, но Верховный Главнокомандующий распорядился дать салют в тот же день. На все приготовления у нас оставалось не более часа. Я тут же написал "шапку" приказа. Она была утверждена. После этого из соседней комнаты, где стояли телефоны, позвонил сначала Грызлову о немедленной передаче мне нумерации войск и фамилий командиров, затем на радио Пузину - о предстоящей передаче приказа и, наконец, коменданту города - о салюте. "Шапку" занес машинисткам и сел монтировать остальную часть приказа, пользуясь своей рабочей картой и имевшимся у меня списком командиров. Примерно через полчаса мы с Грызловым сверили наши данные. Я опять пошел в машбюро, продиктовал недостававшую часть текста, отослал приказ на радио и, вернувшись в кабинет Верховного, доложил, что все готово, в 23 часа салют будет.

- Послушаем,- сказал Сталин и включил неказистый круглый динамик на своем письменном столе.

По радио приказ всегда читался с таким расчетом, чтобы не более чем через минуту по окончании чтения грохотал салют. Так было и на этот раз. Своим торжественным, неповторимым голосом Ю. Б. Левитан начал:

- Командующему 1-м Украинским фронтом! Войска 1-го Украинского фронта в результате...

В этот миг Сталин вдруг закричал:

- Почему Левитан пропустил фамилию Конева? Дайте мне

текст! В тексте фамилия Конева отсутствовала. И виноват в этом был я: когда готовил "шапку", заголовок написал сокращенно-"Ком. 1 УФ", упустив, что имею дело не с генштабовскими машинистками. У нас, в Генеральном штабе, они сами развертывали заголовки. Сталин страшно рассердился.

- Почему пропустили фамилию командующего? - спросил он, в упор разглядывая меня.- Что это за безымянный приказ?.. Что у вас на плечах?

Я промолчал.

- Остановить передачу и прочитать все заново! - приказал Верховный.

Я бросился к телефону. Предупредил КП не давать залпов по окончании чтения приказа. Потом позвонил на радиостудию, где Левитан уже кончил читать, и попросил, чтобы он повторил все сначала, но обязательно назвал бы фамилию Конева.

Левитан почти без паузы стал читать приказ вторично, а я опять позвонил на КП и распорядился, чтобы давали теперь салют, как полагается. Все это происходило на глазах у Верховного Главнокомандующего. Он, казалось, следил за каждым моим движением и, когда мне удалось наконец исправить свою ошибку, сердито бросил:

- Можете идти.

Я собрал карты со стола, вышел и стал ждать А. И. Антонова.

- Плохо дело,- сказал Алексей Иннокентьевич, выйдя из кабинета.

Так как до меня сменилось уже пять начальников Оперативного управления, я знал, чем это пахнет. По правде говоря, чувство было двоякое: с одной стороны, я был опечален, а с другой - обрадован. Отстранение от должности дало бы возможность уйти на фронт. Этого хотели многие из нас, поскольку служба в Генеральном штабе требовала тогда невероятного и притом постоянного нервного напряжения. Да и вообще стремление на фронт было в то время естественным для каждого советского человека.

Злополучную недомолвку в заголовке приказа ни у нас в Генштабе, ни на фронте никто не заметил. Были только вопросы, почему два раза читали приказ. Но мы-то извлекли для себя урок. Всем строго-настрого было приказано не делать никаких сокращений в черновиках, текст и заголовки писать полностью.

Два дня я не ездил в Ставку, и по утрам Верховный не звонил мне, как прежде. Все вопросы, касающиеся Генштаба, он решал теперь только с Антоновым.

На третий день, когда А. И. Антонов поехал с очередным докладом в Ставку, поступило сообщение об освобождении

войсками 2-го Украинского фронта какого-то крупного населенного пункта. Мы, как обычно, спешно подготовили "шапку" благодарственного приказа. Я позвонил Поскребышеву и попросил доложить ее Антонову. И почти тотчас же мне позвонил Алексей Иннокентьевич.

- Приезжайте с приказом сами...

Через несколько минут я входил в кабинет Верховного.

- Читайте,- приказал он.- Фамилию не пропустили?

Я прочитал и получил разрешение передавать приказ в эфир. С той поры опять все пошло по-прежнему.

"Салютные приказы", как мы их называли, день ото дня доставляли нам все больше хлопот. Мы едва поспевали писать их. Иногда бывало так, что в радиостудию приказ доставляли частями. Ю. Б. Левитан читал вторую страницу, а третью еще везли ему. Но и Левитан, и мы как-то выходили из положения. Все заканчивалось хорошо, и вдруг - новая осечка.

Произошла она в самом конце войны, когда дали уже салют за взятие Берлина. В приказе по этому случаю не упомянули фамилию генерала В. В. Новикова. То ли штаб фронта не назвал его, то ли ошиблись мы в Генштабе, но объективно получилось так, что 7-й танковый корпус вроде бы непричастен к овладению столицей Германии. На следующий день В. В. Новиков прислал телеграмму на имя Верховного Главнокомандующего, выражая в ней свое возмущение.

Верховный Главнокомандующий очень бранился. Употребил по нашему адресу несколько нелестных эпитетов. Высказал предположение, что Генштаб, видимо, пропускал фамилии и других командиров. А в конечном счете последовало распоряжение: издать для Новикова отдельный приказ, переслать ему лично, но по радио не передавать и виновных наказать. 4 мая Сталин сам подписал этот приказ за No 11080. В нем говорилось:

"7 гв. танковый корпус генерал-майора танковых войск Новикова, как ошибочно не попавший в приказ Верховного Главнокомандующего в список соединений, участвовавших в овладении Берлином, дополнительно включить в приказ и представить части корпуса к присвоению наименований Берлинских и к награждению орденами".

В. В. Новиков, видимо, был удовлетворен. Но нам это принесло неприятности - наказали несколько человек...

В годовщину Октябрьской революции, Первого мая и в День Красной Армии писались особые приказы и также объявлялись для всей страны по радио. В этих приказах военного времени обязательно давалась краткая характеристика положения на фронте, ставились от имени партии и правительства задачи

войскам и труженикам тыла на ближайшее будущее, а также воздавалось должное героям войны и труда. Затем появились праздники разных родов оружия: День артиллерии, День танкиста и другие. В эти дни в Москве тоже стали греметь салюты, а теперь советской столице вторят и города-герои.

Салюты с иллюминацией прочно вошли в ритуал наших всенародных праздников.

8 мая 1945 года в Карлсхорсте - пригороде Берлина - был подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Гитлеровская военная машина разрушилась. Третий рейх пал.

Ночь на 9 мая мы провели, однако, в тревоге. Выполнят ли фашистские заправилы условия капитуляции или отнесутся к ним так же, как относились в прошлом к другим своим международным обязательствам? К утру эти опасения стали рассеиваться: в Генштаб и в Ставку начали поступать доклады о том, что немецкие войска повсеместно складывают оружие и сдаются в плен. Только в Чехословакии положение оставалось напряженным. Там противник не капитулировал, по-прежнему оказывал сопротивление и пытался отойти на юг и запад. Войска 1, 4 и 2-го Украинских фронтов спешили на помощь восставшей Праге, нанося по врагу мощные удары.

Туда же устремились из-под Берлина две гвардейские танковые армии - 3-я и 4-я. С рассветом они ворвались в столицу Чехословакии. Совместно с пражанами город был полностью очищен от врага в течение нескольких часов. А во второй половине дня в Прагу вступили войска 4-го Украинского фронта. К вечеру сюда же подошли войска 2-го Украинского фронта. Жалкие остатки вермахта под командованием гитлеровского фельдмаршала Шернера и генерала Велера выбивались из последних сил, и по всему было видно, что конец их недалек.

В Москве же тем временем шло ликование. 9 мая было объявлено всенародным праздником - Днем Победы. Приказ на победный салют мы написали с утра. Вопреки обыкновению, на этот раз для передачи его по радио Ю. Б. Левитан был вызван в Ставку. Отсюда же, из Кремля, в 21 час И. В. Сталин обратился к советскому народу с краткой речью. Он объявил, что капитуляция фашистской Германии стала реальностью, однако не умолчал о сопротивлении группировки Шернера и Велера.

- Но я надеюсь,- прибавил затем Верховный Главнокомандующий,- что Красной Армии удастся привести ее в чувство. Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом...

Должен заметить, что с конца апреля строгий порядок, существовавший в Ставке на протяжении всей войны, вдруг нарушился. Антонова и меня вызывали туда по нескольку раз в день и в разное время. Многие документы мы исполняли прямо там. Молниеносно развивавшиеся события не укладывались ни в какие рамки.

А со 2 мая, когда был взят Берлин, вся Москва жила необычной, какой-то взбудораженной жизнью. На улицах царило праздничное возбуждение. На Красной площади днем и ночью толпился народ.

Как-то в первые майские дни мы с Алексеем Иннокентьевичем изменили своему правилу и поехали к себе из Кремля через Спасские ворота: хотелось взглянуть на ликующих москвичей. Сколь опрометчивым было это решение, мы осознали лишь тогда, когда автомобиль наш буквально застрял среди заполненной людьми площади. С криками "ура" нас стали вытаскивать из машины, чтобы "качнуть". Тогда качали всех, кто был в военной форме, и мы, конечно, не составляли исключения. Никакие наши доводы не действовали. Антонова в конце концов вытянули, и через мгновение его ноги замелькали высоко в воздухе, а я сидел, обхватив два пузатых портфеля, и дрожал за оперативные документы. Только при содействии кремлевской охраны нам удалось пешком вернуться обратно в Кремль и на другом автомобиле уехать в Генштаб через Боровицкие ворота.

Через несколько дней после подписания победного приказа Верховный Главнокомандующий приказал нам продумать и доложить ему наши соображения о параде в ознаменование победы над гитлеровской Германией.

- Нужно подготовить и провести особый парад,- сказал он.- Пусть в нем будут участвовать представители всех фронтов и всех родов войск. Хорошо бы также, по русскому обычаю, отметить победу за столом, устроить в Кремле торжественный обед. Пригласим на него командующих войсками фронтов и других военных по предложению Генштаба. Обед не будем откладывать и сделаем его до парада.

На другой день в Генштабе закипела работа. Были созданы две группы: одна вместе с Главным политическим управлением готовила списки лиц, приглашаемых на торжественный обед, а

другая всецело занялась парадом. Следовало наметить состав участников парада, разработать весь его ритуал, отличный от обычного, определить форму одежды, сроки подготовки и порядок размещения людей, которые прибудут в Москву с фронтов. Много было и других организационных вопросов, требовавших правильного решения.

Через два-три дня предварительные расчеты были закончены. Как мы ни прикидывали, получалось, что на подготовку парада нужно не менее двух месяцев. Срок этот диктовался главным образом необходимостью пошить более 10 тысяч комплектов парадного обмундирования. Ведь на фронтах, да и в тылу о нем и думать забыли. Ни у кого такого обмундирования, конечно, не сохранилось. Следовало также, хотя бы немного, потренировать людей в хождении строем. Этим тоже не занимались четыре долгих военных года.

На парад мы предлагали вывести по одному сводному полку в 1000 человек от каждого действующего фронта, не считая командиров. Сводный полк должен был представлять все виды Вооруженных Сил и рода войск и выйти на Красную площадь с 36 боевыми знаменами наиболее отличившихся соединений и частей фронта.

Всего на парад предстояло вывести 10 сводных фронтовых полков и один сводный полк Военно-Морского Флота при 360 боевых знаменах. Помимо этого, к участию в параде предлагалось привлечь военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона.

Знамя Победы, реявшее на куполе рейхстага в Берлине, по нашим соображениям, следовало поставить во главе парадного шествия и чтобы несли и сопровождали его те, чьими руками оно было водружено над столицей гитлеровской Германии,- М. В. Кантария, М. А. Егоров, И. Я. Сьянов, К. Я. Самсонов и С. А. Неустроев.

24 мая, как раз в день торжественного обеда, мы доложили все это Сталину. Наши предложения он принял, но со сроками подготовки не согласился.

- Парад провести ровно через месяц - двадцать четвертого июня,распорядился Верховный и далее продолжил примерно так: -Война еще не кончилась, а Генштаб уже на мирный лад перестроился. Потрудитесь управиться в указанное время. И вот что еще - на парад надо вынести гитлеровские знамена и с позором повергнуть их к ногам победителей. Подумайте, как это сделать... А кто будет командовать парадом и принимать его?

Мы промолчали, зная наверняка, что он уже решил этот вопрос и спрашивает нас так, для проформы. К тому времени мы

уже до тонкостей изучили порядки в Ставке и редко ошибались в своих предположениям Не ошиблись и на сей раз. После паузы Верховный объявил:

- Принимать парад будет Жуков, а командовать - Рокоссовский...

В этот же день И. М. Шверник вручал маршалам Г. К. Жукову, К. К. Рокоссовскому, И. С. Коневу, Р. Я. Малиновскому, Ф. И. Толбухину высшие полководческие награды - орден "Победа".

Имена этих выдающихся советские военачальников прочно вошли в историю Великой Отечественной войны. Под их руководством были разработаны и практически осуществлены планы блестящих операций, которые завершились в конце концов водружением Знамени Победы над рейхстагом и полным разгромом гитлеровской Германии. У Георгия Константиновича Жукова за время войны к первой Золотой Звезде Героя Советского Союза, полученной в 1939 году, прибавились еще две. Дважды удостоились этой награды И. С. Конев, К. К. Рокоссовский, а после войны и Р. Я. Малиновский. Ф. И. Толбухину звание Героя Советского Союза присвоено посмертно в 1965 году.

О маршале Г. К. Жукове много говорилось во всех предшествующих главах. Но здесь все же следует добавить к сказанному, что это был человек большого полководческого таланта, смелый и оригинальный в своих суждениях, очень твердый в проведении решении в жизнь, не останавливавшийся ни перед какими препятствиями для достижения поставленных военных целей. Чувствуя свою правоту в том или ином спорном вопросе, Георгий Константинович мог довольно резко возражать Сталину, на что никто другой не отваживался.

Очень колоритна полководческая фигура Константина Константиновича Рокоссовского. На его долю выпала труднейшая роль в знаменитом Смоленском сражении 1941 года и в оборонительных боях на ближних подступах к Москве. Он командовал войсками Донского фронта под Сталинградом и блистательно завершил ликвидацию окруженной ударной группировки немецко-фашистских войск. Затем под командованием К. К. Рокоссовского войска Центрального фронта стойко выдержали немецкий таран на Курской дуге и в ходе последующего контрнаступления во взаимодействии с другими фронтами разгромили орловскую группировку противника. Он командовал 1-м Белорусским фронтом, действовавшим на главном направлении исторической Белорусской битвы. С его именем связаны победы в Восточно-Прусской, Восточно-Померанской и, наконец, в Берлинской операциях Великой Отечественной войны. Неотразимо личное обаяние Константина

Константиновича. Я, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что его не только безгранично уважали, но и искренне любили все, кому довелось соприкасаться с ним по службе.

Иван Степанович Конев особенно проявил свое военное дарование, когда командовал Калининским, Степным, а затем 2-м Украинским фронтами. Под его руководством советские войска освободили в 1943 году Харьков и форсировали Днепр, осуществили Кировоградскую операцию. Сверкающей страницей в истории Великой Отечественной войны является Корсунь-Шевченковская операция, от которой тоже неотделимо имя Ивана Степановича Конева. Весьма успешно был проведен им разгром уманской группировки немецко-фашистских войск. Далее следует Львовско-Сандомирская наступательная операция, которой завершилось освобождение западной части Украины и началось изгнание врага с территории Польши. В 1945 году войска 1-го Украинского фронта под командованием Конева во взаимодействии с другими фронтами нанесли тяжелое поражение противнику в Силезии и выполнили поистине историческую миссию в ходе Берлинской операции. Наконец, на заключительном этапе войны Иван Степанович внес решающий вклад в Пражскую операцию, завершившуюся освобождением столицы Чехословакии. В военных кругах Конев всегда пользовался репутацией твердого и решительного командующего. Многие из нас по-хорошему завидовали его энергии и активности. При любых обстоятельствах он стремился увидеть поле сражения собственными глазами и очень тщательно готовил каждую операцию. Стараясь вникать во все ее детали, Иван Степанович буквально вгонял в пот своих подчиненных.

Родион Яковлевич Малиновский отличился уже в боях под Сталинградом. В качестве командующего 2-й гвардейской армией он нанес там (совместно с 51-й армией) сокрушительный удар любимцу Гитлера фельдмаршалу Манштейну. В последующем войска под командованием Р. Я. Малиновского изгнали врага из Ростова и, взаимодействуя с войсками Ф. И. Толбухина (Южный фронт), освободили Донбасс. Затем они форсировали Днепр и участвовали в освобождении Правобережной Украины. На полководческом счету Р. Я. Малиновского превосходно проведенная во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом Ясско-Кишиневская операция, победы под Будапештом и Веной, бои за освобождение Чехословакии. Затем, как уже сказано, Родион Яковлевич командовал Забайкальским фронтом - на главном направлении против Квантунской армии.

Федор Иванович Толбухин пришел на командные посты со штабной работы. Как командарм он тоже проявил себя во время

Сталинградской битвы и уже с июля 1943 года стал командовать Южным фронтом. Руководил боевыми действиями при прорыве обороны противника на реке Миус и освобождении южного Донбасса, громил врага на реке Молочной и на Сиваше, освобождал Крым. Под его командованием войска 3-го Украинскою фронта наголову разбили неприятеля в районе южнее Кишинева, проделали поход на Балканы, освободили Болгарию и совместно с югославскими патриотами очистили от оккупантов Белград. Дальнейший их путь отмечен победой на озере Балатон и успешным наступлением на столицу Австрии. Лично мне Ф. И. Толбухин запомнился как очень добрый человек и, пожалуй, самый скромный из всех командующих фронтами. "Штабная косточка" осталась у него на всю жизнь и порой превалировала над командной. Своим подчиненным он всегда предоставлял возможность проявлять широкую инициативу.

Для нас, работников Генерального штаба, 24 мая 1945 года было едва ли не самым напряженным днем после капитуляции гитлеровской Германии. Сразу после доклада Сталину наших соображений о параде мы засели за окончательную отработку директивы фронтам и еще до торжественного обеда в Кремле успели отправить ее адресатам. Она, по-моему, не обнародовалась ни в одном из печатных трудов, доступных массовому читателю, и потому я позволю себе воспроизвести здесь этот документ полностью.

"Верховный Главнокомандующий приказал:

1. Для участия в параде в Москве, в честь победы над Германией, выделить от фронта сводный полк.

2. Сводный полк сформировать по следующему расчету: пять батальонов двухротного состава по 100 чел. в каждой роте (10 отделений по 10 чел.). Кроме того, 19 чел. командного состава из расчета - командир полка 1, зам. командира полка 2 (по строевой и по политчасти), начальник штаба полка 1, командиров батальонов 5, командиров рот 10 и 36 чел. знаменщиков с 4-мя ассистентами офицерами; в сводном полку 1059 чел. и 10 чел. запасных.

3. В сводном полку иметь - шесть рот пехоты, одну роту артиллеристов, одну роту танкистов, одну роту летчиков и одну роту сводную - кавалеристы, саперы, связисты.

4. Роты укомплектовать так, чтобы командирами отделений были средние офицеры, а в составе отделений - рядовые и сержанты.

5. Личный состав для участия в параде отобрать из числа бойцов и офицеров, наиболее отличившихся в боях и имеющих боевые ордена.

6. Сводный полк вооружить: три стрелковые роты - винтовками, три стрелковые роты - автоматами, роту артиллеристов - карабинами за спину, роту танкистов и роту летчиков - пистолетами, роту саперов, связистов и кавалеристов - карабинами за спину, кавалеристов, кроме того, - шашками.

7. На парад прибыть командующему фронтом и всем командармам, включая авиационные и танковые армии.

8. Сводному полку прибыть в Москву 10 июня с. г., имея при себе тридцать шесть боевых знамен наиболее отличившихся в боях соединений и частей фронта и все захваченные в боях войсками фронта боевые знамена соединений и частей противника, независимо от их количества.

9. Парадное обмундирование для всего состава полка будет выдано в Москве.

24 мая, 1945 г.

Антонов".

К 8 часам вечера руководящий состав Генштаба был приглашен в Кремль. Там, в Георгиевском зале, вместе с военными собрались члены Правительства и Центрального Комитета партии, виднейшие деятели народного хозяйства, науки, культуры, литературы и искусства.

Первый тост провозгласили за здоровье красноармейцев, моряков, офицеров, генералов и адмиралов. Второй, под гром оваций, - за партию и ее Центральный Комитет.

Потом был тост за демократическую дружественную Польшу, народ которой первым вступил в вооруженную борьбу с гитлеровскими полчищами. На нашем торжестве присутствовала делегация польских горняков в живописных костюмах, доставившая в подарок Москве эшелон каменного угля.

С энтузиазмом был встречен тост за Михаила Ивановича Калинина. Затем последовали тосты за каждого из командующих фронтами, за старейших полководцев Красной Армии - К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, С. К. Тимошенко. Не были забыты и руководители славного Военно-Морского Флота, маршалы родов войск, Государственный Комитет Обороны и его Председатель, Генеральный штаб.

Довольно длительные промежутки, отделявшие один тост от другого, заполняла программа превосходного концерта.

В заключение встал И. В. Сталин и обратился ко всем присутствующим :

- Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего за здоровье русского народа.

Зал откликнулся на это криками "ура" и бурной овацией.

- Я пью,- продолжал Сталин,- прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941-1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества - над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!

Мы считали, что словами Сталина с нами говорит сама партия. И под сводами Кремля вновь загремела овация.

...Тот вечер оставил глубокий след в душе каждого из нас. Многое мы вспомнили, многое передумали.

От войны страна переходила к мирному труду. Предстояло одолеть разруху, неустроенность жизни, вернуть здоровье и работоспособность тем, кто искалечен в боях, окружить заботой и вниманием осиротевших детей, овдовевших солдатских жен, матерей, потерявших своих сыновей. Как все это было трудно!

Генштаб уже работал над подготовкой к возвращению в народное хозяйство миллионов воинов.

А на фронтах меж тем приступили к формированию и сосредоточению на станции погрузки сводных полков. Командирами их были назначены: на Карельском фронте генерал-майор Г. Е. Калиновский, на Ленинградском генерал-майор А. Т. Стученко, на 1-м Прибалтийском генерал-лейтенант А. И. Лопатин, на 3-м Белорусском генерал-лейтенант П. К. Кошевой, на 2-м Белорусском генерал-лейтенант К. М. Эрастов, на 1-м Белорусском генерал-лейтенант И. П. Рослый, на 1-м Украинском

генерал-майор Г. В. Бакланов, на 4-м Украинском генерал-лейтенант А. Л. Бондарев, на 2-м Украинском генерал-лейтенант И. М. Афонин, на 3-м Украинском генерал-лейтенант Н. И. Бирюков. В боях почти все они командовали корпусами.

Сводный полк Военно-Морского Флота возглавил вице-адмирал В. Г. Фадеев.

В ожидании прибытия полков почти все швейные фабрики Москвы готовили парадное обмундирование для солдат. На офицеров и генералов заработали многочисленные мастерские и ателье. Подыскивались помещения для расквартирования участников парада. Центральный аэродром был отведен для строевых тренировок.

Разрабатывался план праздничного салюта и иллюминации. Главное политическое управление предложило поднять над Москвой аэростаты с портретами, красными флагами, изображениями орденов "Победа" и Красной Звезды. Все это размером 18 на 18 метров и должно было подсвечиваться мощными прожекторами. На аэростатах же предполагалось поднять сильные репродукторы.

10 июня парадные расчеты собрались в Москве и приступили к тренировкам. Для принимающего парад и командующего заблаговременно подобрали коней: маршалу Жукову - белого, маршалу Рокоссовскому - вороного.

Сводные полки привезли с собой очень много знамен разбитых гитлеровских частей и соединений, в том числе даже личный штандарт Гитлера. Выносить их все на Красную площадь не имело смысла. Отобрали только двести штук. Вражеские боевые реликвии должна была нести специально выделенная рота. Договорились, что она понесет их с углом наклона, чуть не касаясь полотнищами земли, и потом под треск десятков барабанов бросит к подножию Мавзолея Ленина.

Выработанный ритуал пытались доложить Верховному.

- Это дело военных. Решайте сами,- заявил Сталин.

В дальнейшем подготовкой к параду всецело занялись Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский. Весь церемониал рассматривался ими. Особое внимание проявили они к боевым знаменам, под которыми сводные полки должны были выйти на Красную площадь. Ведь каждое из этих 360 знамен представляло какую-то часть или соединение. За каждым пламенела кровь сражений и простирались многотрудные пути от стен Москвы и Сталинграда, от предгорий Кавказа и колыбели нашей революции города Ленина до Бухареста и Будапешта, Вены и Белграда, Берлина и Праги, до той конечной черты, где подняли руки вверх последние гитлеровские солдаты.

Знамя Победы, водруженное на рейхстаге, приказали доставить в Москву с особыми воинскими почестями. Утром 19 июня начальник политотдела 3-й ударной армии полковник Ф. Я. Лисицын на аэродроме Берлина торжественно вручил его младшему сержанту Кантария, сержанту Егорову, старшему сержанту Сьянову, капитанам Самсонову и Неустроеву. В тот же день они прибыли на Центральный аэродром столицы. Здесь Знамя Победы было встречено почетным караулом Московского гарнизона со знаменосцем Героем Советского Союза старшим сержантом Ф. А. Шкиревым и двумя ассистентами Героями Советского Союза гвардии старшиной И. П. Панышевым и сержантом П. С. Маштаковым.

В самый канун парада - 23 июня - закончилась Сессия Верховного Совета СССР. Заслушав доклад начальника Генерального штаба А. И. Антонова, она приняла решение о демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии. Назначенный на следующий день Парад Победы явился как бы логическим ее завершением. Советский Союз вступал в полосу мира.

С утра 24 июня в Москве накрапывал дождь, но настроение у всех было очень приподнятое. Мы, однако, волновались, сознавая исключительность предстоящего парада. Таких парадов не было за всю историю Советских Вооруженных Сил. Больше того, Красная площадь не видела ничего подобного за 800 лет своего существования.

В 9 часов 45 минут по трибунам прокатилась волна рукоплесканий. Разместившиеся там депутаты Верховного Совета СССР, передовики московских заводов и фабрик, работники науки и культуры, многочисленные гости из-за рубежа приветствовали правительство и членов Политбюро Центрального Комитета партии, только что поднявшихся на Мавзолей. Перед Мавзолеем на особой площадке - советские генералы. Маршал К. К. Рокоссовский занял место для движения навстречу принимающему парад маршалу Г. К. Жукову.

Бьют Кремлевские куранты. С их последним - десятым - ударом подается команда "Смирно!". Четко звучит цокот копыт двух коней, затем голос командующего парадом, отдающего рапорт, и, наконец, всю Красную площадь захлестывают торжественные звуки оркестра.

Начинается объезд войск. На поздравления маршала Г. К. Жукова сводные полки отвечают ликующим "ура". А потом, когда оба маршала возвращаются к Мавзолею, этот боевой клич, все нарастая и нарастая откуда-то из глубины улицы Горького, с Театральной и Манежной площадей, как бы накатывается вновь

на Красную площадь.

Сводный оркестр в 1400 человек под управлением генерал-майора С. А. Чернецкого и полковника В. И. Агапкина выходит на середину площади и исполняет "Славься, русский народ".

Г. К. Жуков от имени и по поручению Советского правительства и Всесоюзной Коммунистической партии произносит с трибуны Мавзолея короткую речь и поздравляет с победой всех собравшихся. Радио разносит это поздравление по всей столице, по всей стране. Долетает оно, конечно, и до наших войск в Германии, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии. Слушают его и те, кому после победы на западе пришлось отбыть на Дальний Восток.

Торжественный марш сводные полки совершают в том порядке, в каком располагались наши фронты с севера на юг. Первым идет полк Карельского фронта. Впереди - маршал К. А. Мерецков. За ним Ленинградский во главе с маршалом Л. А. Говоровым. Далее - полк 1-го Прибалтийского фронта. Возглавлял его колонну генерал армии И. Х. Баграмян. Перед сводным полком 3-го Белорусского фронта шел маршал А. М. Василевский. Полк 2-го Белорусского фронта вел генерал-полковник К. П. Трубников, заместитель маршала Рокоссовского, полк 1-го Белорусского - генерал-лейтенант И. П. Рослый, а впереди шел заместитель командующего фронтом генерал армии В. Д. Соколовский.

Особой колонной прошли представители Войска Польского. Возглавлял их начальник генерального штаба Польши В. В. Корчиц.

Затем следовал полк 1-го Украинского фронта во главе с маршалом И. С. Коневым. Фронтовое Знамя нес трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин.

Полк 4-го Украинского фронта вел генерал армии А. П. Еременко. За ним следовал 2-й Украинский фронт со своим командующим маршалом Р. Я. Малиновским. И наконец, самый южный из фронтов - 3-й Украинский с маршалом Ф. И. Толбухиным впереди. А замыкали шествие сводных полков моряки, возглавляемые вице-адмиралом В. Г. Фадеевым.

Гигантский оркестр сопровождал движение войск боевыми маршами. Марши сменялись, но пауз не было. И вдруг на предельном фортиссимо оркестр смолк. Эта единственная пауза кажется бездонной. Наконец в какой-то настораживающей тишине раздается резкая дробь барабанов, и появляется колонна с двумя сотнями вражеских знамен. Полотнища почти волочатся по мокрой брусчатке. Поравнявшись с Мавзолеем, бойцы делают поворот направо и с силой бросают свою постылую ношу на

камни Красной площади.

Трибуны взрываются аплодисментами. Многие из присутствующих кричат "ура". А дробь барабанов все продолжается, и перед Мавзолеем все растет гора предаваемых позору вражеских знамен.

Но вот опять заиграл оркестр. на площадь вступают войска Московского гарнизона. Идет сводный полк Наркомата обороны. За ним военные академии имени М. В. Фрунзе, артиллерийская, механизации и моторизации, воздушная и все другие. После академий мимо трибун на рысях проходит конница, стремительно проносятся артиллерия, танки и самоходные орудия.

Парад длился два часа. Дождь лил как из ведра, но тысячи людей, переполнивших Красную площадь, будто и не замечали его. Однако прохождение колонн трудящихся столицы из-за непогоды было отменено.

К вечеру дождь прекратился, на улицах Москвы вновь воцарился праздник. Высоко в небе в лучах мощных прожекторов реяли алые полотнища, величественно плыл сверкающий орден "Победа". На площадях гремели оркестры, выступали артисты, возникали массовые танцы.

А на следующий день, 25 июня, в Большом Кремлевском дворце состоялся прием в честь участников парада. Кроме виновников торжества на него были приглашены виднейшие деятели науки, техники, литераторы и искусства. В Кремль пришли также стахановцы столичных предприятий, ударники колхозных полей, представители тех, кто ковал оружие для фронта, добывал металл, кормил и одевал нашу армию, наш флот. Всего приглашенных было более двух с половиной тысяч человек.

Как и на прошлом приеме, первый тост был провозглашен за бойцов и командиров Красной Армии и Военно-Морского Флота и за тех, кто погиб за победу. Затем последовали тосты за Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. В. Сталина, за каждого из командующих фронтами Великой Отечественной войны и их боевых сподвижников: за командующего Карельским фронтом Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова и командующих армиями генералов В. И. Щербакова и Л. С. Сквирского; за командующего Ленинградским фронтом Маршала Советского Союза Л. А. Говорова и командующих армиями генералов М. И. Казакова и Н. П. Симоняка; за командующего 1-м Прибалтийским фронтом генерала армии И. Х. Баграмяна и командармов И. М. Чистякова, П. Г. Чанчибадзе, Я. Г. Крейзера; за командующего 3-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза А. М.

Василевского и генералов К. Н. Галицкого, А. П. Белобородова, Н. И. Гусева, Ф. П. Озерова, Т. Т. Хрюкина; за командующего 2-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского и генералов В. С. Попова, П. И. Батова, И. Т. Гришина, И. И. Федюнинского и К. А. Вершинина.

Командующие фронтами и командармы, когда назывались их фамилии, подходили к столу правительства и чокались там со всеми. Оркестр на хорах играл в это время туш или марш. Верховный Главнокомандующий почти каждому говорил что-то.

После того как провозгласили тост за командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Г. К. Жукова и генералов В. Д. Соколовского, В. П. Чуйкова, В. И. Кузнецова, С. И. Богданова, М. Е. Катукова, А. В. Горбатова, П. А. Белова, В. Я. Колпакчи, Ф. И. Перхоровича, С. И. Руденко и те подошли к столу, Сталин отобрал у В. И. Чуйкова рюмку, заменил ее другой - побольше. Василий Иванович чокнулся с ним и выпил залпом.

Потом был произнесен тост в честь и за здоровье командующего 1-м Украинским фронтом маршала И. С. Конева и его командармов - маршала бронетанковых войск П. С. Рыбалко, генералов Д. Д. Лелюшенко, А. С. Жадова, И. Т. Коровникова, Д. Н. Гусева, В. Н. Гордова, Н. П. Пухова, В. А. Глуздовского, П. Г. Шафранова, С. А. Красовского, К. А. Коротеева.

После этого к столу правительства выходили командующий 4-м Украинским фронтом генерал армии А. И. Еременко, генералы А. А. Гречко, К. С. Москаленко, П. А. Курочкин, А. И. Гастилович, В. П. Жданов.

Чокнулись за здоровье командующего 2-м Украинским фронтом Р. Я. Малиновского и командующих армиями генералов Г. Ф. Захарова, Ф. Ф. Жмаченко, И. М. Манагарова, М. С. Шумилова, И. А. Плиева, А. Г. Кравченко, С. К. Горюнова.

Наконец, была провозглашена здравица маршалу Ф. И. Толбухину, командующему 3-м Украинским фронтом, и генералам В. В. Глаголеву, С. Г. Трофименко, М. И. Шарохину, С. С. Бирюзову, В. А. Судец, Н. Д. Захватаеву, Н. А. Гагену.

Должен оговориться, что на торжественном приеме в Кремле присутствовала только часть славной когорты командующих армиями. За время войны на этом ответственном посту лишь в общевойсковых армиях перебывало около 200 человек. Все они, за редчайшим исключением, являлись отлично подготовленными генералами, с большим опытом практической работы в войсках. 66 из них удостоились звания Героя Советского Союза, а одиннадцать имели по две медали "Золотая Звезда".

Специально следует сказать о командующих танковыми армиями. Такие оперативные объединения появились в Советской

Армии с мая 1942 года. В 1944 году число танковых армий достигло шести и осталось неизменным до конца войны. В разное время ими командовали одиннадцать человек: С. И. Богданов, В. М. Баданов, В. Т. Вольский, М. Е. Катуков, А. Г. Кравченко, Д. Д. Лелюшенко, А. И. Радзиевский, А. Г. Родин, П. Л. Романенко, П. А. Ротмистров, П. С. Рыбалко. Пятеро из них - дважды Герои Советского Союза. Трое после войны удостоены звания маршала бронетанковых войск, а П. А. Ротмистров стал главным маршалом бронетанковых войск.

Дольше всех командовал танковой армией Павел Семенович Рыбалко. Это был очень эрудированный, волевой человек. В первые послевоенные годы на его долю выпала честь возглавить все наши бронетанковые войска. Он вложил много труда и энергии в их реорганизацию и перевооружение.

К числу незаурядных танковых военачальников относится, несомненно, и Павел Алексеевич Ротмистров. Опираясь на свой богатый практический опыт, приобретенный на поле боя, и обширные теоретические знания, он тоже внес заметный вклад в дело послевоенного развития танковой техники и подготовки квалифицированных командных кадров.

Михаил Ефимович Катуков - настоящий солдат, большой знаток боевой подготовки и тактики танковых войск. Танковая бригада, которой он командовал в битве под Москвой, первой в Советской Армии получила звание гвардейской. С самого начала и до последнего дня Великой Отечественной войны Михаил Ефимович не уходил с полей сражений.

Дмитрий Данилович Лелюшенко больше известен в наших Вооруженных Силах как общевойсковой командир. Только в марте 1944 года, видимо, за свою энергию, оптимизм, подвижность он был поставлен во главе 4-й танковой армии и с честью прокомандовал ею до окончания войны. "Генерал Вперед" - так называли Д. Д. Лелюшенко знавшие его. Дмитрий Данилович почти не сидел в штабе, дни и ночи проводил на передовой, и найти его в боевой обстановке было очень трудно. Помню случай во время боев в Донбассе, когда Верховный Главнокомандующий захотел лично переговорить с Лелюшенко. Генеральный штаб затратил на его розыски чуть ли не сутки, хотя связь со штабом армии была устойчивой. В результате родилась специальная директива, запрещавшая командармам на длительное время покидать свой командный пункт.

Командующий 2-й гвардейской танковой армией Семен Ильич Богданов отличался изумительной храбростью. Начиная с сентября 1943 года его армия принимала участие почти во всех решающих сражениях Великой Отечественной войны.

Выдающиеся способности проявил Семен Ильич и в послевоенное время - был начальником академии, почти пять лет - командующим танковыми войсками Советских Вооруженных Сил.

С именем Андрея Григорьевича Кравченко неразрывно связаны все боевые успехи 6-й гвардейской танковой армии, в частности ее беспримерный переход через Большой Хинган.

Особый, так сказать, отряд образовывали командующие воздушными армиями. Всего во время войны в Вооруженных Силах было 17 воздушных армий фронтовой авиации. Длительное время ими командовали: М. М. Громов, С. А. Красовский, Н. Ф. Папивин, К. А. Вершинин, С. К. Горюнов, Ф. П. Полынин, И. М. Соколов, Т. Т. Хрюкин, А. С. Сенаторов, В. А. Виноградов, В. Н. Бибиков, Т. Ф. Куцевалов, С. Д. Рыбальченко, И. П. Журавлев, Н. Ф. Науменко, С. И. Руденко, В. А. Судец. Побывали на этом посту и еще шесть человек: С. А. Худяков, К. Н. Смирнов, Д. Ф. Кондратюк, В. Н. Жданов, Д. Я. Слобожан, И. Г. Пятыхин. А во главе Военно-Воздушных Сил на флотах стояли М. И. Самохин, Н. А. Остряков, В. В. Ермаченков, А. А. Кузнецов, А. Х. Андреев, Е. Н. Преображенский, П. П. Лемешко. В течение длительного периода войны (с февраля 1942 года по декабрь 1944 года) ударным средством Ставки - дальней авиацией командовал А. Е. Голованов. Военно-Воздушными Силами Красной Армии руководили П. Ф. Жигарев (до мая 1942 года) и А. А. Новиков (с мая 1942 года до конца войны).

Повторяю, не все из этих достойных людей смогли присутствовать на торжествах в Кремле, не каждый был назван за праздничным столом, но овации-то наши безусловно относились к каждому. Боевой путь некоторых из них оказался коротким, однако велик был результат борьбы руководимых ими войск. И, отдавая дань уважения боевым товарищам, я хочу напомнить читателю имена остальных наших командармов. Вот они: М. А. Антонюк, П. Ф. Алферьев, К. Ф. Баронов, А. Г. Батюня, Н. Э. Берзарин, И. А. Богданов, И. В. Болдин, А. Л. Бондарев, В. И. Вострухов, С. В. Вишневский, И. В. Галанин, В. Ф. Герасименко, К. Д. Голубев, А. М. Городнянский, А. В. Горбатов, А. А. Гречкин, М. Н. Герасимов, В. Н. Долматов, А. И. Данилов, А. Н. Ермаков, Ф. А. Ершаков, М. Г. Ефремов, Е. П. Журавлев, И. Г. Захаркин, А. И. Зыгин, М. М. Иванов, П. А. Иванов, К. С. Калганов, Ф. В. Камков, С. А. Калинин, В. Я. Качалов, К. М. Качанов, Г. П. Коротков, Г. К. Козлов, П. М. Козлов, И. П. Корзун, Н. И. Крылов, В. Д. Крюченкин, Н. К. Клыков, Ф. Д. Кулишев, Д. Т. Козлов, Г. П. Котов, Ф. И. Кузнецов, Ф. Я. Костенко, Т. К. Ко-ломиец, А. С. Ксенофонтов, В. Н. Курдюмов, Г. И. Кулик, В. А. Зайцев, К. Н. Леселидзе, А. И. Лопатин, П. И. Ляпин, И. М. Любовцев, И. И.

Людников, М. Ф. Лунин, В. Н. Львов, И. Г. Лазарев, А. М. Максимов, П. Ф. Малышев, К. С. Мельник, Н. А. Москвин, С. К. Мамонов, И. Н. Музыченко, В. И. Морозов, Д. Н. Никитиев, Н. Н. Никишин, И. Ф. Николаев, В. В. Новиков, Ф. С. Иванов, Д. П. Онуприенко, М. И. Потапов, П. С. Пшенников, П. Г. Понеделин, Р. И. Панин, К. П. Подлас, В. С. Поленов, М. А. Парсегов, А. В. Петрушевский, М. П. Петров, Ф. А. Парусинов, К. И. Ракутин, Ф. Н. Ремезов, С. В. Рогинский, П. Л. Романенко, В. З. Романовский, А. И. Рыжов, С. Е. Рождественский, И. П. Рослый, Д. И. Рябышев, В. Н. Разуваев, Г. П. Сафронов, В. П. Свиридов, И. Г. Советников, А. В. Сухомлин, П. П. Собенников, Д. М. Селезнев, Г. Г. Соколов, И. К. Смирнов, А. К. Смирнов, В. Ф. Сергацков, М. С. Саввушкин, Ф. Н. Стариков, Г. Ф. Тарасов, А. А. Тюрин, Н. И. Труфанов, К. II. Трубников, М. С. Филипповский, А. А. Филатов, П. М. Филатов, В. А. Фролов, Н. В. Фекленко, С. С. Фоменко, Ф. М. Харитонов, А. А. Хадеев, В. А. Хоменко, А. А. Хрящев. А. А. Харитонов, Г. А. Халюзин, М. С. Хозин, Г. И. Хетагуров, В. Д. Цветаев, В. В. Цыганов, Я. Т. Черевиченко, Н. Е. Чибисов, А. И. Черепанов, С. И. Черняк, Л. Г. Черемисов, В. А. Чистов, В. М. Шарапов, Т. И. Шевалдин, В. И. Швецов, И. Т. Шлемин, В. П. Щербаков, В, А. Юшкевич, В. Ф. Яковлев.

Свою долю восторженных оваций получили и те, кому в годы войны довелось возглавлять отдельные виды наших Вооруженных Сил, рода войск и важнейшие службы военного ведомства. Вот подошли к столу правительства артиллеристы. Впереди них - высокий подтянутый главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов. За ним - маршалы артиллерии Н. Д. Яковлев, М. Н. Чистяков, генералы Г. Е. Дегтярев, Г. Ф. Одинцов, Н. М. Хлебников, М. М. Барсуков, А. К. Сокольский, В. И. Казаков, С. С. Варенцов, Н. С. Фомин, М. И. Неделин.

Вслед за тем мы горячо приветствовали Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина, который много помогал нам, военным, понимал нашу работу, являлся пламенным пропагандистом боевых традиций и таких высоких моральных принципов, как доблесть, отвага, чувство воинского долга, верность Родине. Овацией встретили тост в честь правильной внешней политики СССР.

Аплодисментами и заздравной чарой наградили маршалов К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного и С. К. Тимошенко, главного маршала авиации А. А. Новикова, маршала бронетанковых войск Я. Н. Федоренко, наркома Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецова. Вспомнив о Генштабе, назвали А. И. Антонова и меня. Мы тоже подошли к правительству, поздоровались со всеми и выпили за нашу победу. От души аплодировал зал работникам

тыла Красной Армии и их неутомимому руководителю генералу армии А. В. Хрулеву.

Особо отметили заслуги деятелей науки. Они были представлены здесь Президентом Академии наук СССР В. Л. Комаровым, академиками Т. Д. Лысенко, А. А. Байковым, П. Л. Капицей, Н. Д. Зелинским, А. А. Богомольцем, В. А. Обручевым, Л. А. Орбели, И. П. Бардиным, И. М. Виноградовым, И. И. Мещаниновым, Д. Н. Прянишниковым, Н. И. Мусхелишвили, А. И. Абрикосовым.

Подняли бокалы и за представителей передовой конструкторской мысли - А. С. Яковлева, Б. Г. Шпитального, В. Г. Грабина. Ф. В. Токарева, В. А. Дегтярева, С. Г. Симонова, С. В. Ильюшина, А. А. Микулина, А. И. Микояна, С. А. Лавочкина, В. Ф. Болховитинова, А. Д. Швецова, А. Н. Туполева, В. Я. Климова.

Последний тост - "За здоровье нашего Советского Народа!" - провозгласил И. В. Сталин.

Расходились мы из Кремля, когда последние лучи долгого июньского дня еще освещали главы кремлевских соборов. Перед глазами у меня стояла картина праздничного зала, заполненного преимущественно полководцами и военачальниками. Ни один из них не был похож на другого. Но как бы ни были различны их внешние черты, их характеры, стиль работы, опыт, знания, всем им была присуща главная и определяющая черта: они всегда и при любых обстоятельствах оставались горячими патриотами своей Родины и настоящими коммунистами.

С тех пор прошло немало лет. Многое изменилось на нашей планете, в нашей стране и родной армии. Коммунисты же не перестают быть коммунистами. Их лучшие качества как эстафета передаются от отцов сыновьям и внукам, тем, кто с оружием в руках стоит на страже мирного труда советских людей сегодня и будет стоять завтра.

Книга вторая

К читателям

Не скрою, дорогой читатель, что я не собирался выступать еще раз с воспоминаниями о днях минувших. Мало того, дал зарок не писать больше книг. Дело это трудное, особенно для того, кто еще служит. К тому же, казалось мне, о главном уже сказано.

События, однако, развернулись по-иному. После выхода в свет первой книги записок о Генеральном штабе ко мне пришло несколько тысяч писем. Писали люди разного возраста, образования, профессии, национальности. В письмах были не только отзывы, оценки труда, но и различного рода предложения, замечания, дополнения. Некоторые читатели прислали даже свои

воспоминания о тех или иных событиях Великой Отечественной войны и просили использовать их при переиздании книги. А многие просто требовали, чтобы я продолжил свои воспоминания. То же происходило и на многочисленных встречах, где шел доверительный разговор автора с читателями.

Кроме того, эти письма и встречи с особой силой показали мне, насколько велик интерес к нашему героическому прошлому. Оно не стареет и живет с нами, помогая строить коммунизм в Советской стране, крепить содружество народов за ее пределами в интересах мира и социализма.

Таким образом, вы, мои читатели, заставили меня вновь взяться за перо Только благодаря вам появилась данная книга.

Написать вторую книгу, а не переиздавать первую я решил еще и потому, что повторить сказанное, расширив и дополнив его, гораздо легче, чем написать новое. Памятуя, что прежде надо браться за трудное дело, я и взялся за него.

В этой книге, как и в первой, нет хронологического описания хода военных операций, а рассказывается в основном о Генеральном штабе, его делах и людях. Большое внимание уделено работе Ставки Верховного Главнокомандования, а также отдельным моментам деятельности Верховного Главнокомандующего. Есть размышления и рассуждения о полководцах и штабах (этому посвящены даже отдельные главы).

Книга в основном повествует об освободительной миссии Советской Армии в Европе. В те незабываемые дни воины нашей страны разгромили противника и закончили войну в центре Европейского континента, сокрушив военную машину гитлеровского фашизма. То был великий подвиг во имя свободы и счастья народов, достигнутый военным мастерством и беззаветным героизмом легендарных советских богатырей. Но победа досталась нам дорого, она стоила жизни многим миллионам людей.

По роду своей службы мне часто приходится бывать в армиях государств участников Варшавского Договора, видеть их жизнь, встречаться не только с военными, но и с гражданскими людьми. Могу подтвердить, что во всех социалистических странах свято чтут подвиг советских воинов, не забывают о павших, о тех, кто погиб, освобождая народы от фашистского ига, помнят, что наша дружба скреплена кровью, совместно пролитой на полях сражений.

Своими воспоминаниями мне хотелось бы еще раз напомнить о том неоценимом вкладе, который внесли Советские Вооруженные Силы в освобождение народов Европы от фашизма, и рассказать, как помогали нам при выполнении этой священной

миссии наши друзья в Польше, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Румынии, Венгрии.

И наконец - это, пожалуй, самое главное, - хотелось бы, чтобы мой скромный труд служил знаком глубочайшего уважения к воину-герою, его беспредельной преданности социалистической Родине, величайшему мужеству и самоотверженности в борьбе против гитлеровских захватчиков.

АВТОР

1973 г.

Глава 1. Еще раз о делах и людях Генерального штаба

Эксперименты по организационным вопросам. - Организация войск - дело Генерального штаба. - От параллелизма к централизации. - Ближайшие товарищи операторов. - Опыт войны надо изучать. - Фронтовики за разработкой уставов. О связях с союзниками. - Специальные задания. - Два слова об управлении войсками. - Верховный Главнокомандующий о представителях Ставки. - Визит фельдмаршала Монтгомери.

О делах и людях Генерального штаба немало сказано в первой книге. Но и вторую я не могу начать иначе, чем со слова о моих друзьях и соратниках, с рассказа об их работе в Генштабе. Трудно охватить все и сказать про всех слишком велика громада сделанного, еще краток исторический срок, отделяющий нас от событий прошлого. В этой главе мне хотелось бы лишь дополнить ранее сказанное и поразмыслить о делах организационных, научных и некоторых других, вспомнить о товарищах, с ними связанных.

По роду службы в Генеральном штабе во время войны я тесно соприкасался с организационными вопросами и хорошо знал офицеров и генералов, ими занятых. После войны более трех лет мне самому пришлось непосредственно ведать вопросами строительства Вооруженных Сил, развития организационной структуры и мобилизации войск, будучи на посту начальника Генерального штаба, а затем свыше пяти лет - в должности заместителя начальника Генерального штаба. Все это дает мне возможность и моральное право остановиться на этих - на первый взгляд скучных - делах более подробно.

Строительство Вооруженных Сил и соответствие их организации задачам обороны страны являются коренными вопросами, обусловливающими могущество и - в конечном счете - обороноспособность государства. Поэтому они постоянно находятся в поле зрения Центрального Комитета партии, правительства. Среди военных органов, проводящих в жизнь решения партии и правительства, видную роль играет Генеральный штаб, планирующий и разрабатывающий все

основные вопросы, касающиеся Вооруженных Сил.

В обязанности органов, ведающих организационными делами, входит решение таких важных и сложных проблем, как состав, численность и структура Вооруженных Сил, соотношение видов и родов войск в их составе, разработка методов и путей поддержания постоянного соответствия их характеру войны, операции и боя в зависимости от состояния вооружения, техники и потребностей войны. Они разрабатывают также организационную структуру войск, штатный состав соединений и частей, дают ответ на многие другие вопросы их жизни и деятельности. Всем известно, сколь важно правильно найти верное соотношение между видами Вооруженных Сил, родами войск, определить, кого каким оружием вооружить, в каком количестве содержать в войсках, какие органы иметь, чтобы успешно управлять военными действиями, операцией и боем. Это древнейший, но всегда живой военный вопрос.

Если операторы, определяя цели операций и задачи войск, скажут, что, где и как сделать, какие силы и средства для этого нужны, то организаторы подсчитают численность сил и средств и скажут, в какой структуре необходимо их иметь.

В условиях войны к операторам и организаторам весьма часто предъявляются различные конкретные требования. К примеру: чтобы наша дивизия была сильнее аналогичной дивизии противника. Обосновать это требование должен оператор. Дело организаторов - тщательно рассмотреть состав обеих дивизий и сказать, что нужно сделать, чтобы повысилась ударная сила и огневая мощь в наступлении, упрочилась стойкость в обороне и т. д. В результате этого анализа определится численный состав дивизии, выявится количество танков, артиллерии и другого вооружения и техники по типам и предназначению.

В военное время, кроме того, организаторы разрабатывают планы вывода в резерв и доукомплектования войск, решают многие другие проблемы. Ни один крупный штаб, и в особенности Генеральный штаб, не может обойтись без органа, разрабатывающего организационные вопросы. Однако ни в мирное, ни в военное время ни одному штабу не дано права производить какие бы то ни было организационные изменения в войсках. Таким правом наделяется только Генеральный штаб, причем работа по совершенствованию организации войск ведется непрерывно и постоянно.

Служба в Генеральном штабе в годы войны научила меня многому. Именно тогда, в ходе войны, раскрылась во всей полноте важность вроде бы незаметной, но очень нужной для победы над врагом работы офицеров и генералов организаторов.

Для многих из нас воплотилась в осязаемые, зрительно видимые формы знаменитая формула Ф. Энгельса, данная в "Анти-Дюринге": "Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения. Не "свободное творчество ума" гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение живого солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивалось тем, что они приспособляли способ борьбы к новому оружию и к новым бойцам"{25}.

Сама жизнь подтверждала в те военные дни и ночи проникновенную глубину этого научного положения. И оно стало для нас, генштабистов, путеводной нитью при разработке планов на будущее.

К началу войны в составе Генерального штаба были органы, занимавшиеся организацией, мобилизацией, призывом и укомплектованием войск. Через месяц после начала войны, а точнее - 29 июля приказом Народного комиссара обороны создается Главное управление формирования и укомплектования войск Красной Армии (Главупраформ), и все органы, ведавшие данными вопросами в Генеральном штабе, были переданы этому управлению. Начальником Главупраформа с 8 августа 1941 г. стал армейский комиссар 1 ранга Е. А. Щаденко, бывший одновременно заместителем Наркома обороны. В Оперативном управлении Генерального штаба остался только оргучетный отдел, который в основном ведал статистикой, учетом войск и их дислокацией.

Такое решение во многом определялось сложившейся в первые месяцы войны тяжелой обстановкой и, видимо, было принято с целью разгрузки Генерального штаба, сосредоточения его внимания на вопросах оперативных. Но если вопросы мобилизации и укомплектования войск в военное время действительно могут и должны быть изъяты из ведения Генерального штаба, то этого нельзя делать в отношении организационных вопросов. Практика работы вскоре показала, что организация войск - дело Генерального штаба, и заставила исправить ранее принятое решение.

Уже в первые месяцы войны генштабисты столкнулись с острой нехваткой у нас танков. Противник же, имея преимущество в воздухе, продолжал продвигаться и действовать мощными танковыми клиньями, стремясь разорвать в клочья оборону советских войск. Встал вопрос о соответствии

организационной структуры войск сложившимся условиям.

В частности, требовалось решить задачу - нужно ли продолжать взятый перед войной курс на создание механизированных корпусов, является ли он правильным в новой обстановке? Теоретически этот курс по-прежнему признавался верным, но выявилось, что промышленность в ту тяжелую пору не может в короткие сроки полностью обеспечить техникой эти весьма крупные соединения. Следовательно, правильнее было отказаться от таких формирований на то время, пока народное хозяйство не даст войскам боевые машины в нужном количестве.

Как же в данном случае поступить? Рассуждали примерно так: реальной силой, способной дать отпор гитлеровским танкам и моторизованной пехоте, является советская пехота. Для устойчивости необходимо ее насытить противотанковой артиллерией и танками. Серьезная танковая поддержка могла быть реально оказана за счет более мелких соединений, частей и подразделений, т. е. танковых бригад, полков и батальонов, а не за счет корпусов, которые действовали самостоятельно. На том и остановились.

В последующем положение с производством танков постепенно менялось в лучшую сторону. Стали думать о возврате к корпусам, поскольку опыт войны свидетельствовал, что без них невозможно развитие операций на большую глубину, где требовалось сочетать сильный огонь с большой ударной силой, подвижностью и маневренностью, способностью самостоятельно действовать в отрыве от пехоты. Поэтому весной 1942 г. приступили к формированию танковых армий, танковых, а вслед за ними и механизированных корпусов. Первоначальный состав танковых армий был смешанным: три танковых корпуса и две-три стрелковые дивизии.

Эта организация оказалась достаточно совершенной для операций с незначительным отрывом танковых корпусов от пехоты. Но она сковывала маневр армии при глубоком проникновении танковых соединений в тыл противника, поскольку стрелковые дивизии в этом случае неизменно отставали, а управление силами армии серьезно затруднялось. Неоднородность состава создавала, кроме того, ряд других трудностей.

Характер наших глубоких операций в 1943-1945 гг., начиная с контрнаступления под Сталинградом, потребовал отказа от смешанной организации танковых армий. Под Курском они были уже однородного состава (два танковых и один механизированный корпуса, истребительно-проти-вотанковые, артиллерийские и другие части, органы тыла). Наряду с

танковыми армиями остались отдельные танковые и механизированные корпуса и бригады. Организационная структура танковых войск стала чрезвычайно гибкой. Она обеспечивала действие танков вместе с пехотой и самостоятельное применение больших танковых масс во взаимодействии с авиацией. Эта организация соответствовала маневренным формам борьбы, которые тогда применяли советские войска на полях сражений.

Такова небольшая иллюстрация к вопросу о важности соответствия организационной структуры войск материальной основе и сложившейся обстановке. Изменение и развитие организационных форм наблюдалось буквально во всех видах и родах войск.

Подобные важнейшие организационные мероприятия, естественно, не могли решаться помимо Генерального штаба. Больше того, Генеральному штабу было поручено изучить их и дать свои предложения. Офицеры Генштаба вместе с представителями Главупраформа выезжали на фронты и в боевой обстановке изучали соответствие организационных форм того или иного организма требованиям войны.

Практика боевой деятельности и работы Генштаба заставила в конце апреля 1942 г. восстановить в его составе Организационное управление, на которое возлагалась разработка организационных и других директив, контроль за их исполнением и учет войск, находящихся на фронтах. Оргучетный отдел Оперативного управления был передан этому управлению. С Главупраформа вопросы организации войск частично были сняты, хотя оргштатное управление в его составе осталось.

В связи с таким половинчатым решением вопроса, естественно, возник параллелизм в работе Генштаба и Главупраформа. Поэтому в июне того же года был издан специальный приказ за подписью И. В. Сталина, которым разграничивались функции Генштаба и Главупраформа. Однако приказ этот тоже оказался полумерой.

Весной 1943 г. Ставка и Генеральный штаб, готовясь к Курской битве, проводили большие организационные мероприятия. Формировались стрелковые, авиационные, артиллерийские дивизии. Еще раньше восстановили корпусное звено управления. О размахе работы свидетельствует хотя бы то, что к апрелю 1943 г. в резерве Ставки было десять армий, несколько танковых, механизированных и артиллерийских корпусов, управление Резервного (впоследствии Степного) фронта. Генеральному штабу, не имевшему надлежащего органа, стало не под силу справляться с таким объемом работы, а

параллелизм с Главупраформом на деле оставался.

Такое положение заставило решить организационный вопрос капитально. Оргштатное управление в Главупраформе закрыли, а в Генштабе наконец-то создали полноценный орган, ведавший организацией войск. 4 мая 1943 г. И. В. Сталин подписал приказ, в котором были определены состав и задачи этого органа.

Операторы занимались организационной работой повседневно. Она была обязательным элементом планирования любой операции, поскольку типового состава фронтов, по сути дела, не существовало, хотя и полагалось фронту иметь несколько армий, в том числе одну воздушную, одну-две танковые. Но этот состав по конкретным величинам не всегда был одинаковым. Скажем, на Карельском фронте не требовались танковые армии. Зато там были легкие стрелковые корпуса, нигде больше не применявшиеся. Каждый раз для новой операции состав фронтов пересматривался, им давались новые силы (или изымались), но именно в том сочетании по родам войск, характеру соединений, который диктовался обстановкой.

Наши организаторы всегда работали рука об руку с операторами, изучали опыт войны и своевременно перестраивали боевые организмы так, чтобы они успешно решали возникавшие в ходе войны задачи. Без этих наших товарищей, без их труда была немыслима ни одна серьезная операция на фронте. У них всегда можно было найти ответ на вопросы о численности любой дивизии на любом участке фронта, ее потерях, сроках получения пополнения. Подобные же данные организаторы могли дать о любом корпусе, армии, фронте и обо всех Вооруженных Силах в целом. Они точно знали, сколько, где и какие формируются резервы, степень их готовности к отправке на фронт, местонахождение в пути и т. д. Труженики-организаторы были правой рукой операторов.

С апреля 1942 и до октября 1946 г. органы, занимавшиеся организационными вопросами, возглавлял генерал-лейтенант А. Г. Карпоносов. Это был настоящий генштабист - умный, очень трудолюбивый и исполнительный, вежливый, но мягкий и немного робкий. Порученный ему участок работы он знал очень хорошо , вел дело умело и тщательно и всегда говорил правду. По вот по службе ему как-то не везло. Есть на свете такие "невезучие" люди: каждый промах их заметен, когда они не виноваты - им ставится в вину ошибка другого, и они не в состоянии себя защитить. Не подошли своевременно к фронту резервы - виноват Карпоносов, хотя повинны в этом органы путей сообщения; Главупраформ не подал своевременно пополнение для дивизий - обвиняют его же, мотивируя это отсутствием своевременной

заявки на пополнение, и т. д. Мы не раз с А. И. Антоновым слышали от Сталина нелестные отзывы о Карпоносове, хотя Верховному Главнокомандующему было известно, что дело свое тот знает и ведет хорошо. И не раз А. И. Антонов защищал его, когда Сталин предлагал поставить на эту работу другого генерала.

Вскоре после окончания войны на Дальнем Востоке И. В. Сталин опять поставил вопрос о Карпоносове.

- Надо опыт, накопленный в Генштабе, передавать военным округам,- сказал он, как обычно неторопливо прохаживаясь вдоль стола.- Генштаб теперь должен сократиться, и всех освобождающихся следует направить в округа. Вот и ваш любимчик Карпоносов, - продолжал он,- тоже пусть едет передавать опыт. Куда вы его предлагаете определить? - неожиданно спросил Сталин, обращаясь к Антонову.

У Алексея Иннокентьевича слова застряли в горле: он приготовился защищать Карпоносова, но своим вопросом И. В. Сталин, как он нередко делал, когда не хотел выслушивать объяснений, лишил его этой возможности.

- Разрешите подумать,- ответил Антонов.

- Хорошо. Подберите ему должность заместителя начальника штаба в одном из округов.

20 октября 1946 г. А. Г. Карпоносов был назначен заместителем начальника штаба Приволжского военного округа.

Заместителем А. Г. Карпоносова с мая 1943 г. был генерал-лейтенант Н. И. Четвериков, он же возглавлял Организационное управление. Николай Иванович старый генштабист. Он прослужил в Генштабе более 25 лет на различных должностях и большую половину из них возглавлял органы, ведающие организационными вопросами. Уволился он по возрасту в начале 60-х годов в звании генерал-полковника. Это был требовательный, немного резкий, малоразговорчивый, до педантичности любящий точность человек. Его ближайшим сотрудником был генерал-майор А. И. Ефремов, ставший потом генералом для особых поручений при первом заместителе Министра обороны.

В качестве начальников, ведавших различными родами войск и выполнявших специальные задачи, были подобраны опытные и хорошо знающие свое дело офицеры. Так, стрелковыми и воздушно-десантными войсками занимались в разное время полковники А. Н. Ныркoв и Ф. Ф. Тришин. Конницей и бронетанковыми войсками генерал-майор С. В. Сретенский. Артиллерийскими и минометными частями генерал-майор П. И. Канюков. Техническими войсками (инженерные, связь и др.)

полковник В. В. Вишняков и после него полковник П. А. Политыко. Последний одно время занимался вопросами дислокации. Военно-воздушными силами ведал полковник И. С. Алексеев, а с 1944 года - полковник Н. К. Ермаков, органами управления полковник Ф. М. Архипов и в конце войны - генерал-майор А. И. Сычев.

Очень своеобразным вопросом военно-учебных заведений занимались полковник И. О. Скворцов и с 1944 г.- полковник А. В. Голденков; тыловыми частями и учреждениями - полковник И. М. Ещенко.

Знатоками организационного планирования были полковники И. А. Киселев, С. Н. Рябокобылко, П. В. Дудоладов, И. И. Ильченко, А. А. Бочков, М. Н. Костин.

Строгий учет численности войск вел полковник, а затем генерал-майор С. М. Подольский. Учетом и выдачей знамен руководил полковник И. В. Смирнов. Контроль за укомплектованием войск был возложен на полковника И. И. Зоткина, а после него - на полковника П. В. Дудоладова.

Бессменным начальником отдела оперативных перевозок был энергичный и "пробивной" полковник И. К. Ткаченко, без которого операторы, что называется, и дыхнуть не могли. Он всегда знал, что подается на любой фронт и где находятся эшелоны.

Вопросами дислокации войск занимался полковник А. К. Немчинов. Инспекторскую группу возглавлял полковник А. Н. Шумилов. Обеспечивали работу организационных органов майор В. Н. Хрусталев и капитан И. И.Зубков.

Мною названы только офицеры, которые руководили разработкой организационных вопросов и контролировали их исполнение. Понятно, что я просто не в состоянии дать каждому из них исчерпывающую характеристику. Но могу сказать, что все перечисленные генералы и офицеры досконально знали порученный участок работы и внесли свою лепту в наше общее дело победы над врагом. Вместе с каждым из них трудились десятки помощников-офицеров. И в целом это был хорошо слаженный, квалифицированный коллектив, который ведал важнейшими вопросами строительства и организации Красной Армии.

Как уже говорилось, каждому командиру предоставлялась в годы войны широкая инициатива в общей тактике и тактике применения родов войск. У него были права даже в отношении оперативного искусства. Но в области организационного строительства командиры могли только выявлять достоинства и недостатки организации войск и докладывать о них Генштабу, представляя, конечно, при этом свои предложения по ее

усовершенствованию. Такой порядок не являлся ошибкой иначе было нельзя. Организация боевых организмов полков, дивизий, армий, фронтов, в том числе их численность, количество и качество вооружения, как производные от той или иной организации, должны быть стабильными, незыблемыми на какой-то отрезок времени, причем значительный, а не краткосрочный. Только в этом случае организация войск будет соответствовать тактике и оперативному искусству, окажет свое влияние на процесс совершенствования военного искусства, поскольку связь между последним и организационными формами войск является диалектической. Организация войск, если она правильная, должна изменяться только тогда, когда появляется новое оружие и новая техника, или если этого требуют специфические условия театра военных действий.

Выше было сказано, что в Генштаб стекались предложения от командиров и штабов всех степеней, которые испытывали на практике разного рода войсковые организмы. На эти всегда очень обоснованные соображения и опирался в первую очередь Генеральный штаб, улучшая организацию войск.

В период войны при каждых серьезных организационных изменениях в Генштаб обязательно вызывались командиры дивизий, полков и даже батальонов действующей армии. Их мнение по организации войск обязательно и внимательно выслушивалось. Само собой разумеется, что подобные изменения обсуждались в Ставке с вызовом командующих войсками фронтов.

И Ставка и Генштаб придавали очень большое значение изучению передового опыта войны и внедрению его в практику войск. В Генштабе на базе отделения оперативной подготовки был создан отдел по использованию опыта войны. Руководителем его стал генерал-майор П. П. Вечный.

Новому отделу вменялось в обязанность изучать боевой опыт войны и соответствующие выводы, полезные для действий войск, доводить до широких масс командиров. На этот же отдел возлагалась организация разработки всякого рода общевойсковых инструкций, наставлений и уставов.

Молодой отдел быстро нашел себя и осенью 1942 г. уже издал "Сборник материалов по изучению опыта войны No I", который был посвящен событиям июля августа этого года.

В кратком вступлении к сборнику указывалось, что цель его - "довести до войск действующей Красной Армии, резервных формирований, военных академий и командного состава главных и центральных управлений Народного комиссариата обороны опыт боевых действий Великой Отечественной войны"{26}.

Сборник доводился до командиров полков всех родов войск. В нем помещались материалы как по опыту советских войск, так и по опыту войск противника. Несмотря на очень трудное время (июль - август 1942 г.). Генштаб смотрел далеко вперед и счел возможным поместить в этом сборнике материалы по уничтожению окруженных группировок противника, хотя до этого мы еще сами попадали в такое опасное положение. Следующая статья предлагала некоторые выводы по морским десантным операциям за 1941 год. Далее следовали краткий обзор боевого использования средств противотанковой обороны, материалы о применении войсковых средств в борьбе с авиацией противника.

В предвидении подготовки и проведения крупных наступательных операций в сборник поместили также статью "Опыт проведения оперативной военной игры на фронте". Ряд материалов посвящался полевой обороне и применению гитлеровскими войсками зенитной артиллерии для стрельбы по наземным целям.

Заключала сборник краткая статья "К вопросам изучения опыта войны", где говорилось о необходимости обобщения этого опыта, о внедрении в войска лучших приемов ведения боевых действий, о необходимости быстрой и хорошей информации относительно новых способов ведения боя.

Верховный Главнокомандующий внимательно просмотрел первый сборник. Он ему понравился. А скоро представился случай на основе опыта войны разработать важный приказ No 325 Народного комиссара обороны, который сыграл заметную роль в боевом применении танков в годы войны. Приказ был подписан И. В. Сталиным 16 октября 1942 г., за месяц до контрнаступления под Сталинградом, где танковые войска блестяще себя показали.

Теперь уже было ясно, что отдел по использованию опыта войны работает правильно, и мы с нетерпением ждали второй номер сборника. Он появился в ноябре 1942 г. и открывался статьей "Оперативно-тактические уроки зимней кампании 1941/42 г.". Вообще этот сборник выглядел более внушительно. В нем имелось несколько статей по действиям зимой, о борьбе за господство в воздухе, что было очень кстати. Но самое главное состояло в том, что сборник отчетливо показал важность работы по использованию опыта войны. Как бы подтверждая это, на его страницах помещался упомянутый выше приказ Народного комиссара обороны No 325. Здесь же была напечатана директива Генерального штаба по изучению и использованию опыта войны и инструкции по этому поводу штабам фронтов и армий.

П. П. Вечный сам редактировал сборники, и делал это, надо сказать, умело, чем реабилитировал себя до некоторой степени в

глазах И. В. Сталина, который не забыл, что Петр Пантелеймонович имел отношение к неудаче Крымского фронта в мае 1942 г.

Всего таких сборников издали двадцать шесть и завершили это дело уже в 1948 г.

Объем работы все более расширялся. В марте 1944 г. отдел развернули в управление по использованию опыта войны с тем же начальником во главе. Но теперь кроме прежних сборников управление выпускало еще "Информационные бюллетени" и "Сборники тактических примеров". В бюллетенях помещались материалы по боевому опыту войск - в основном тактического звена: по разведке, боевым порядкам, способам управления, форсированию рек. По 1947 г. включительно было выпущено 70 "Информационных бюллетеней". В "Сборниках тактических примеров" публиковались описания интересных боев, в основном роты и батальона, в том числе в особых условиях. До 1946 г. включительно вышло 23 сборника.

Управление по использованию опыта войны (сокращенно оно называлось УПИОВ) имело небольшой, но хорошо подобранный состав командиров. В прошлом подобная задача в таких больших размерах в наших Вооруженных Силах не решалась. Сотрудники управления учились искусству обобщения опыта войны, изыскивали способы наиболее правильного и быстрого его оформления в процессе повседневной работы. Чтобы быть на уровне предъявляемых требований, им приходилось поддерживать очень *нет стр. 284

этим не следите. Известно ли Генштабу и управлению, что в этом году изданы два артиллерийских устава - и оба с серьезными нарушениями установленных правил и порядка в этом деле?

Мы с Антоновым переглянулись. Я ничего не знал и решил молчать. Антонов тоже замялся. Тогда Верховный Главнокомандующий, не дожидаясь ответа, потребовал тщательно разобраться, все проверить и через два дня ему доложить.

Оказалось, что без ведома Ставки командующим артиллерией Красной Армии Главным маршалом артиллерии Н. Н. Вороновым были разработаны и представлены на утверждение два устава: 29 мая 1944 г.- Боевой устав зенитной артиллерии, а 18 октября того же года - Боевой устав артиллерии Красной Армии. Оба устава были утверждены Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым.

В назначенный день наш доклад по обстановке на фронтах и по "делу об уставах" начался сразу после заседания Политбюро. И. В. Сталин долго ходил по кабинету и, обращаясь к членам Политбюро, сказал:

- Надо по этому случаю издать приказ. Генштабу, наверное, неудобно писать про двух больших начальников, поэтому мы сами напишем.

29 мая 1944 года,- начал диктовать И. В. Сталин,- Главным маршалом артиллерии тов. Вороновым был представлен на утверждение зам. Наркома маршала Жукова без предварительного одобрения со стороны Ставки Верховного Главнокомандования Боевой устав зенитной артиллерии Красной Армии (две части).

Затем, посмотрев в уставы, лежавшие у него на столе, продолжил:

- 18 октября 1944 года, также без представления и без доклада Ставке Верховного Главнокомандования, тов. Вороновым был внесен на утверждение маршала Жукова Боевой устав артиллерии Красной Армии.

Маршалом Жуковым без достаточной проверки, без вызова и опроса людей с фронта и без доклада Ставке указанные уставы были утверждены и введены в действие.

Немного помедлив, Сталин продолжал:

- Проверка показала, что эти уставы в связи с поспешностью, допущенной при их утверждении, имеют серьезные пробелы, они не учитывают ряда новых систем орудий и не увязаны с планом принятия уставов артиллерии Красной Армии.

Нужно сказать, что Верховный Главнокомандующий обычно пояснял причину, вызывающую необходимость того или иного приказа. Так он поступил и сейчас.

- Народный комиссариат обороны исходит из того, что устав - это не приказ, имеющий силу на короткий срок. Устав - это свод законов для Красной Армии на годы. Поэтому требуется перед утверждением устава тщательная его проверка с вызовом товарищей с фронта. В таком порядке был утвержден Боевой устав пехоты. В таком же порядке надо было вести работу при представлении на утверждение и этих уставов, чтобы не допустить ошибок и чтобы попусту не наказывать потом военнослужащих из-за нарушения дефектных уставов. Приходится установить, что тов. Воронов пренебрег этим методом выработки и представления на утверждение уставов, а маршал Жуков забыл о нем...

Теперь наступила очередь заключительной части приказа. Все присутствующие внимательно слушали. И. В. Сталин ровно и твердо произнес:

- В связи с этим...- И затем, чуть помедлив, словно подчеркивая смысл, продиктовал: - Первое. Отменяю,- опять посмотрел в уставы, где были проставлены номера приказов,-

приказы No 76 и 77 от 29 мая 1944 года и 209 от 18 октября 1944 года заместителя Наркома обороны СССР маршала Жукова об утверждении и введении в действие Боевого устава зенитной артиллерии и Боевого устава артиллерии Красной Армии.

Второе. Ставлю на вид Главному маршалу артиллерии товарищу Воронову несерьезное отношение к вопросу об уставах артиллерии.

Третье. Обязываю маршала Жукова впредь не допускать торопливости при решении серьезных вопросов.

Приказываю:

Для просмотра и проверки указанных выше уставов образовать комиссии:

а) комиссию по просмотру и проверке Боевого устава зенитной артиллерии;

б) комиссию по просмотру и проверке Боевого устава артиллерии.

Заместителю Народного комиссара обороны СССР товарищу Булганину определить состав комиссий и представить мне на утверждение,

Настоящий приказ разослать всем командующим фронтами (округами), армиями, начальникам главных и центральных управлений и командующим родов войск Наркомата обороны СССР...

Мы, да и все другие, кого это касалось, запомнили этот урок навсегда.

Немало новых задач перед Генштабом поставила практика взаимосвязи с союзниками. Заниматься своей работой и одновременно этими связями, анализировать военные последствия каждого конкретного акта союзников операторам было просто не под силу. Скоро выяснилось, что даже отдел внешних сношений стал задыхаться под грузом навалившихся на него обязанностей. Отдел расширился, а затем на его базе в сентябре 1944 г. создали управление, которое выполняло специальные задания, связанные с союзниками, и ведало всеми вопросами внешнеполитической деятельности Генерального штаба. Начальником его стал генерал Н. В. Славин, давно работавший в этой области. Через управление осуществлялось и руководство советскими военными миссиями в странах наших союзников.

Следует отметить, что первоначальные связи с союзниками были весьма ограниченными и сводились в основном к взаимной информации о ходе военных действий, обмену опытом войны, некоторыми данными разведки и техническими новостями. Организовывались поездки союзных военных делегаций на

фронты, проводилась протокольная и другая работа.

Взаимодействие вооруженных сил антигитлеровской коалиции до 1944 г. было относительным. Ведь союзники не вели на территории Европы операций большого размаха, если не считать действий локального значения в Италии. Однако уже тогда при Генеральном штабе были аккредитованы военные миссии союзников - США (во главе с генералом Дином), Великобритании (генерал Берроуз), правительства сражающейся Франции (генерал Делатр де Тассиньи). Кроме того, имелись военная миссия Норвегии, которую возглавлял полковник Даль, военная миссия Чехословацкой республики с генералом бригады В. Пикой во главе. Миссию Национального комитета освобождения Югославии возглавлял генерал-лейтенант В. Терзич.

Нужно сказать, что особый интерес иностранных миссий вызывали поездки на фронт, где союзники многому учились.

При генеральных штабах союзников в свою очередь были учреждены советские военные миссии. Они подчинялись прямо Ставке через Генеральный штаб и не входили в компетенцию послов. Это было сделано после тщательного рассмотрения функциональных обязанностей и условий работы миссий, которые выполняли, по сути дела, оперативные задания. Так было и в Москве по отношению к союзникам.

Ранее других была создана советская военная миссия в Англии. Уже 8 июля 1941 г. после утомительного и опасного перелета по маршруту Архангельск Глазго она прибыла в Лондон. Во главе ее находился генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, который через несколько дней выехал на родину. Начальником миссии стал контр-адмирал Н. М. Харламов - 35-летний строевой офицер советского Военно-Морского Флота. Он выделялся своим умом и принципиальностью, а как специалист по боевой подготовке, кроме того, и детальным знанием морской техники и тактики. В Лондоне выявились и другие сильные стороны характера Николая Михайловича, о чем будет сказано ниже.

Состав миссии был очень небольшим - всего шесть человек, не считая начальника. Затем он значительно возрос в соответствии с объемом выполняемых задач.

Ввиду особой важности задачи главе военной миссии в Англии были поставлены Народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым. Они состояли в первую очередь в том, чтобы добиться открытия второго фронта в Европе "хотя бы через месяц". Следующей задачей была организация военных поставок Советскому Союзу со стороны Великобритании и США и проводки конвоев с грузами из Англии в наши морские порты. В

последующем приобрел большое значение вопрос об активизации налетов союзной авиации на военные объекты фашистской Германии. Кроме того, решались задачи, характерные для практического взаимодействия вооруженных сил антигитлеровской коалиции: обменивались данными о противнике, боевом опыте, согласовывали рубежи, время и порядок действий войск.

Встреча нашей миссии на лондонском вокзале показала, что английский народ проявляет горячую симпатию к Стране Советов, подвергшейся нападению общего врага. Весь состав военной миссии и далее в своей работе ощущал это расположение. Простые люди Англии понимали тогда, что своей борьбой Советский Союз спасает также и их родину. Поэтому широкие трудовые массы страны оказывали давление на консерваторов в правительстве (далеко не всегда относившихся к нам без предубеждения) и пытались заставить их честно выполнять союзнические обязательства.

Мы не собираемся здесь подробно рассказывать о работе миссии. Скажем только, что случались весьма острые моменты, когда Н. М. Харламов оказывался лицом к лицу с очень высокими по рангу и положению в английском государственном и военном аппарате людьми. И всегда он проявлял незаурядную волю и завидное умение отстаивать интересы Советского государства.

Характерна в этом отношении нашумевшая история с разгромом противником конвоя PQ-17. Как известно, 27 июня 1942 г. из Исландии в Архангельск и Мурманск вышел крупнейший в истории войны конвой PQ-17. Он состоял из 34 транспортных судов (два советских, одно панамское, остальные английские и американские) и 21 корабля непосредственного охранения. Кроме того, для прикрытия в море были созданы две группы кораблей флота Великобритании: одна в составе 4 крейсеров и 3 эсминцев и другая - из 2 линейных кораблей, авианосца, 2 крейсеров и 8 эсминцев.

4 июля конвой достиг района, где отдельные германские подводные лодки и авиация, действовавшие с норвежского берега, нанесли разрозненные пока что удары по транспортным кораблям и охранению конвоя. Начальник морского штаба адмирал Дадли Паунд расценил эти удары, которые могли быть успешно отражены мощными силами англичан, как бесспорный признак неотвратимого наступления главных сил германского надводного флота во главе с "Тирпицем". Хотя у английского адмирала в Лондоне имелись совершенно точные данные, что корабли линейных сил противника еще не выходили в море, Паунд лично отдал приказ: "Отряду крейсеров отступить на запад с большой

скоростью", а охране транспортов через несколько минут радировал: "Ввиду угрозы со стороны надводных кораблей конвою рассредоточиться и идти к русским портам"{27}.

Как стало потом известно, крупные корабли противника в это время находились на своих стоянках в Альтенфьорде и не собирались сближаться с конвоем. Мало того - немецко-фашистское командование само опасалось потери крупных кораблей своего флота и не рискнуло держать их в открытом море. В то же время, заметив необычайные мероприятия англичан, противник бросил подводные лодки и самолеты на оставшиеся без всякого прикрытия тихоходные транспорты. Будучи беззащитными, последние стали легкой добычей фашистских стервятников.

На следующий день, 5 июля 1942 г., почувствовав полную безопасность, линкор "Тирпиц" перестал выжидать. В сопровождении других надводных кораблей он бросился на перехват транспортов распавшегося конвоя. На пути гитлеровцев встала тогда лишь советская подводная лодка "К-21" под командованием Героя Советского Союза капитана 2 ранга Н. А. Лунина. Она бесстрашно пробралась в центр построения неприятельских кораблей, торпедой нанесла "Тирпицу" повреждение и, пользуясь растерянностью врага, благополучно ушла.

Из конвоя PQ-17 уцелело после этого морского побоища всего 11 транспортных судов. Погибшие транспорты унесли с собой 3350 автомашин, 430 танков, 210 самолетов-бомбардировщиков и 100 тыс. тонн других грузов. Как эта техника пригодилась бы под Сталинградом!..

Гибель конвоя PQ-17 была, кроме всего прочего, большим политическим уроком. Ведь представители английских консерваторов, в частности адмирал Паунд, пытались представить катастрофу как неоспоримое доказательство нецелесообразности дальнейшей проводки морских конвоев с грузами для СССР по северному маршруту. Слишком, мол, велики издержки. Вспомним, что гитлеровские войска 17 июля завязали битву за Сталинград, а 25 июля развернули наступление на Северном Кавказе, и наши оборонительные операции проходили здесь в очень трудной обстановке.

Советское правительство через посла в Англии И. М. Майского запросило английское правительство о сроках отправки следующих конвоев с вооружением. А. Иден ответил, что PQ-17 явился слишком дорогостоящим предприятием, а Паунд заявил, что, будь он на стороне немцев, ни один конвой вообще не достиг бы портов назначения. Адмиралтейство не считало возможным

отправлять конвои по крайней мере до осени.

В этот острый момент и сказал свое слово Н. М. Харламов. Он доложил в Москву свое мнение, мнение военно-морского специалиста, оценив действия английского адмиралтейства как возмутительные и совершенно несостоятельные. Нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов его поддержал. Советское правительство обратило внимание англичан, что наши моряки не согласны с мнением их морского руководства. Ввиду такого положения У. Черчилль попросил А. Идена организовать встречу руководителей адмиралтейства и представителей Советского Союза, чтобы расследовать причины гибели конвоя PQ-17. Она состоялась 28 июля 1942 г. в кабинете А. Идена в палате общин.

Вел заседание А. Иден. Кроме него англичан представляли первый лорд адмиралтейства (морской министр) Александер и уже известный нам Паунд. С советской стороны присутствовали посол И. М. Майский, контрадмирал Н. М. Харламов и его помощник.

Когда выслушали Д. Паунда, который не сумел привести убедительных обоснований правильности своих действий, повлекших за собой безнаказанный разгром конвоя противником, возникла напряженная атмосфера. К удивлению присутствующих, при докладе Паунд пользовался обычной ученической географической картой, по которой нельзя было отразить многих элементов обстановки гибели конвоя.

Советский адмирал пришел на заседание с подробной морской картой. Она многое прояснила. Н. М. Харламов показал, что по условиям глубин "Тирпиц" не мог создать угрозу ни транспортам, ни прикрытию. Отсюда следовало, что отвод крейсеров охранения и рассредоточение судов конвоя было грубейшей ошибкой руководителя британского морского штаба. Контр-адмирал разбил доводы Паунда один за другим.

Прижатый в угол убийственной логикой начальника советской военной миссии, Паунд не мог вести обоснованного диалога и пошел на резкости. Александер пытался поправить дело, вмешался в разговор, извиняясь за Паунда и ошибку адмиралтейства. Дипломатичный И. М. Майский со свойственной ему глубиной и едкостью заметил, что "даже английские адмиралы делают ошибки". Услышав это, Паунд впал в совершенно непростительное бешенство. А Харламов внешне спокойно, но беспощадно раскритиковал далее все его поведение в момент гибели PQ-17.

Ход заседания оборачивался для английской стороны крайне неблагоприятно. Стало совершенно очевидно, что не военные обстоятельства, а политика и неприязнь английских правящих

кругов к СССР явились основной причиной трагедии в Баренцевом море.

Поскольку политический скандал не входил в расчеты У. Черчилля и английского правительства, А. Иден поспешил прекратить заседание "ввиду обострившихся отношений сторон".

Таковы были наши люди за рубежом. Они тоже вели сражения. Но, как это ни странно, с нашими союзниками, чтобы добиться от них честного выполнения обязательств.

Не хочу преувеличивать заслуг Николая Михайловича, но его лепта, вложенная в общее дело, оказалась тогда весомой. Английские руководители после его выступления стали считаться с нашей военной миссией, а конвои с оружием и снаряжением в Советский Союз продолжали идти по назначению.

Работать Н. М. Харламову было нелегко. Соединенное Королевство являлось сложным союзником, государственные и военные деятели которого по-разному относились к Советскому государству. Одни из них были прямо враждебны, как, например, Паунд или военный министр Маркинсон. Последний тайно тормозил военные поставки, и под давлением общественного мнения У. Черчиллю пришлось снять его с поста. Другие, если и не выражали особых симпатий к СССР, то относились к нам без злобы. Это облегчало работу миссии и позволяло удовлетворительно решать многие практические вопросы. К таким деятелям Н. М. Харламов причислял, например, лорда Бивербрука, упомянутого выше Александера морского министра, начальника штаба авиации Дила и некоторых других. Третьи симпатизировали нам и откровенно помогали миссии. Контр-адмирал Филипс, ведавший военными поставками, понимал подлинный смысл союзнических отношений и всячески им содействовал. Много друзей было в аппарате военного и морского ведомства среди рядовых его работников, без помощи которых не вершится ни одно большое дело.

Много работы было у миссии в связи с открытием второго фронта в Европе. Большое внимание проявило тогда к ней американское командование. Н. М. Харламову и его подчиненным не хватало суток, поскольку приходилось присутствовать на учениях подготовленных к высадке во Франции войск, проверять готовность и отправку морских конвоев и т. д. К моменту открытия второго фронта глава советской военной миссии прибыл на крейсере "Мавришес" в район операции и высадился в Нормандии. Отсюда он вскоре был отозван в СССР. Начальником советской военной миссии в Англии с ноября 1944 г. и до конца войны был генерал А. Ф. Васильев, прибывший с итальянского участка фронта союзников.

При штабах вооруженных сил сражающейся Франции и главнокомандующего экспедиционными войсками союзников генерала Д. Эйзенхауэра советским военным представителем являлся генерал-майор И. А. Суслопаров. Бывший крестьянин, участник первой мировой войны и Октябрьского вооруженного восстания, Иван Суслопаров в 1939 г. стал нашим военным атташе в Париже. Свои обязанности он выполнял достойно и умело. На глазах советского военного атташе проходила трагедия разгрома и капитуляции Франции, преданной жалкими правителями. С началом Великой Отечественной войны Иван Алексеевич вернулся на Родину. Служил в штабе артиллерии Красной Армии, а с 1942 до середины 1944 г. успешно командовал артиллерией 10-й армии Западного фронта.

Однако летом 1944 г. И. А. Суслопарова вновь послали на военно-дипломатпческую работу и вскоре назначили начальником советской военной миссии во Франции. На плечи И. А. Суслопарова легла нелегкая обязанность осуществлять связь с союзниками, открывшими второй фронт в Европе. Особенно трудно стало тогда, когда главари гитлеровского государства, оказавшись перед катастрофой на советско-германском фронте, стали тайно от нас искать пути спасения за счет капитуляции перед англоамериканским командованием на Западе. Положение осложнялось тем, что начальник советской военной миссии находился в Париже, а штаб войск Эйзенхауэра, с которым заигрывали гитлеровцы, располагался в Реймсе, в 125 км к востоку от столицы Франции.

Ставка и Генеральный штаб предвидели возможность попыток противника договориться с союзниками за спиной СССР. И. А. Суслопаров был наделен правом представлять нашу страну на случай капитуляции, о чем было сообщено союзникам. Полученное право скоро пришлось использовать и проявить при этом не только готовность взять на свои плечи немалую ответственность, но и умение обеспечить интересы Родины. Речь идет о подписании капитуляции гитлеровской Германии в Реймсе 7 мая 1945 г., о чем будет рассказано в главе "На последних рубежах в Европе". Здесь же мы скажем только, что обстановка тогда сложилась весьма остро. И Суслопаров с честью вышел из весьма щекотливого положения.

Очень заметное место в работе Генерального штаба по специальным вопросам занимала советская военная миссия в Югославии. Как известно, коммунисты и народы этой страны подняли оружие против гитлеровских оккупантов. С началом Великой Отечественной войны между коммунистами и народами СССР и Югославии отношения братской дружбы еще более

упрочились.

Югославским воинам и партизанам приходилось вести боевые действия в очень трудной обстановке. По необходимости они базировались в малодоступных горных районах, бедных продовольствием, и терпели острый недостаток буквально во всех материальных средствах, в первую очередь в вооружении и боеприпасах. К тому же враг стремился разжечь рознь между народами многонационального государства и тем еще более осложнить обстановку. Однако трудности преодолевались, и к концу 1943 г. с нашей помощью было сделано многое. Пламя народной борьбы охватило всю страну. Югославия была провозглашена демократической федеративной республикой, а королю запретили возвращение на родину. В ходе вооруженной борьбы с оккупантами силы народного сопротивления окрепли, и наступило время перехода от партизанских форм боевых действий к планомерным операциям, от разрозненных отрядов к регулярным воинским формированиям. Народно-освободительная армия приобретала стройную организацию, быстро налаживала систему снабжения и подготовки войск. Были созданы и стали успешно работать штабы всех степеней.

После Тегеранской конференции (28 ноября - 1 декабря 1943 г.) Генеральный штаб получил распоряжение направить, в Югославию к товарищу И. Броз Тито советскую военную миссию. Учитывая, что там не только шла вооруженная борьба, но и проходила перестройка вооруженных сил на регулярных основах, начальником миссии следовало послать человека с широкими знаниями в области военного искусства и военного строительства.

Выбор пал на генерала Николая Васильевича Корнеева, бывшего преподавателя Академии Генерального штаба. Я у него учился и могу сказать, что выбор был хорошим. Н. В. Корнееву шел сорок третий год. Он хорошо знал военное дело и, кроме всего прочего, сочетал личную храбрость с осторожностью, качеством далеко не лишним в обстановке Югославии того времени. Заместителем начальника миссии назначили полковника С. В. Соколова, сорокалетнего опытного человека, хорошо знавшего работу авиации в условиях горного театра.

17 января 1944 г. на двух самолетах летчиков А. С. Шорникова и Лебедева небольшой состав миссии отправился из Москвы через Астрахань, Тегеран, Хаббанию, Каир, Тунис в итальянский город Бари. Здесь, на самом "каблуке" Апеннинского полуострова, располагалась английская авиабаза. Отсюда миссии предстояло перелететь в гористую Боснию в Верховный штаб Народно-освободительной армии Югославии.

В Бари советскому генералу и офицерам был оказан должный прием со стороны союзных английских войск. Здесь имелся хороший аэродром, необходимые склады, средства связи. В последующем все это было передано Советским Вооруженным Силам по просьбе нашего правительства, поскольку помощь СССР войскам НОАЮ осуществлялась весьма широко, До момента создания советского фронта на земле Югославии все поставки шли по воздуху именно через Адриатику. Участвовали в этом и союзники, в распоряжении которых оставались другие, лучшие по оборудованию базы.

Перебраться в Югославию, однако, было нелегко. Английские военные власти в лице вице-маршала авиации Эллиота придержали отправку наших самолетов, ссылаясь на туманы над Адриатикой, глубокие снега и невозможность приземления в районе посадки. Проходил день за днем...

Темпераментные командиры воздушных кораблей предлагали все-таки лететь, но риск был крайне велик. П. В. Корнеев приказал всему составу военной миссии ежедневно обучаться способам десантирования на планерах и на парашютах, если посадку планеров нельзя будет обеспечить. Риск, разумеется, и в данном случае был, но не столь большим. Москва разрешила это сделать. В День Красной Армии 23 февраля 1944 г.- десантирование нашей военной миссии на планерах было благополучно осуществлено. С этого момента генерал Корнеев и офицеры миссии всегда были вместе с Верховным штабом Народно-освободительной армии Югославии. Они делили с югославскими товарищами все тяготы войны и радости победы над гитлеровскими оккупантами.

В Бари остался С. В. Соколов. В его распоряжении на базе, которая, как уже говорилось, вскоре перешла в наши руки, находились транспортная и истребительная эскадрильи, каждая по 12 самолетов. Они должны были перевозить грузы - вооружение, боеприпасы, медикаменты для Народно-освободительной армии в Югославию, перебрасывать туда командный и медицинский состав, а обратно вывозить раненых. Дел было по горло. Достаточно сказать, что более 5000 только югославских солдат и офицеров доставили советские летчики через линию фронта в различные районы боевых действий. Кроме того, возникало множество других совершенно непредвиденных задач: например, вызволять Верховный штаб НОАЮ и лично И. Броз Тито из критического положения. Летчикам приходилось работать над морем и в горах, причем в самых различных районах страны. Грузы направлялись в Черногорию, Сербию, Боснию, Далмацию, Македонию, Словению и Хорватию. Приходилось

летать в Албанию, Грецию.

С. В. Соколову, как и Н. В. Корнееву, не раз случалось самостоятельно принимать важные решения: например, в июне 1944 г., когда враг пытался обезглавить руководство народно-освободительных войск в Дрваре, о чем мы скажем ниже. Неоднократно начальник базы вылетал в районы предстоящей посадки советских самолетов, определял условия приземления и только затем отдавал приказ. Весь личный состав советской базы в Бари был крепко спаян войсковым товариществом и дружбой. Вдали от Родины летчики, технический и обслуживающий персонал чувствовали себя представителями великого мира социализма и достойно несли свою нелегкую боевую службу до конца войны.

При штабе командующего средиземноморскими экспедиционными союзными войсками находилась наша военная миссия во главе с генерал-майором А. А. Кисленко. На заключительном этапе второй мировой войны, когда завершался разгром империалистической Японии, при флоте Соединенных Штатов на Тихом океане имелась группа советских офицеров связи, которую возглавлял контр-адмирал Ивановский.

После Тегеранской конференции взаимодействие Советских Вооруженных Сил с союзниками получило более широкое развитие. Как известно, был наконец решен важнейший вопрос о втором фронте в Европе.

Я уже писал, что мне пришлось быть с Верховным Главнокомандующим в Тегеране и осуществлять его повседневную связь с Генеральным штабом и фронтами. Советская делегация была весьма внушительной, переговоры происходили в стенах посольства СССР, и можно было видеть, как велико и авторитетно значение побед наших Вооруженных Сил. Результаты коренного перелома в войне, достигнутого под Сталинградом и Курском, под Харьковом и Киевом, на Днепре и Сожи, осязались реально и зримо, они были главной причиной того, что союзники сели за круглый стол и согласились открыть второй фронт. Слишком уж явной стала возможность того, что советский солдат разобьет гитлеровских фашистов в одиночку и союзники окажутся на задворках победы.

Советская делегация сумела тогда разрушить реакционный замысел Черчилля относительно "балканского варианта" наступления войск западных союзников, настояла на проведении неизмеримо более эффективного и политически важного плана высадки англо-американских армий на территории Франции. Тегеранская конференция явилась блестящим итогом славных побед советского оружия в 1943 г. и в то же время послужила определяющим началом для взаимосвязанных единым замыслом сокрушительных ударов войск антигитлеровской коалиции на фронтах Европы в следующем году.

Во второй половине 1944 г., когда Советские Вооруженные Силы развернули великий освободительный поход за рубежами СССР и был открыт второй фронт, вопрос о взаимодействии коалиционных сил стал решаться практически и в полном объеме. В связи с этим Генштабу прибавилось работы. Приходилось ежедневно информировать союзников относительно положения на фронте наших войск, определять объекты и рубежи бомбовых ударов советской и союзной авиации, согласовывать сроки действий и направления усилий войск и флотов. Для англо-американской авиации, летавшей на бомбежку объектов противника из Италии и Англии, мы отвели несколько аэродромов в районе Полтавы.

Встречи А. И. Антонова, Н. В. Славина и других работников Генштаба с начальниками и представителями миссий, различного рода делегациями и отдельными лицами от союзников стали привычной составной частью наших рабочих будней. Согласованные на таких встречах вопросы выносились затем на

решение Ставки.

Высшим органом коалиции антигитлеровских сторон являлись конференции руководителей трех великих держав, на которых принимались основные решения, определявшие характер, время и силы предстоящих операций вооруженных сил, направление главных ударов союзных армий.

О Тегеране уже было сказано. Но кроме того, имели место еще Крымская и Потсдамская конференции. Они проводились соответственно с 4 по 11 февраля и с 17 июля но 2 августа 1945 г.

На первой была произведена координация стратегических планов, которые в последующем тщательно выполнялись. А. И. Антонов делал доклад с анализом военного положения и прогнозом на будущее. То же сделали начальники генштабов других двух стран "большой тройки". Советский Генштаб выразил пожелание, чтобы союзные армии учли ослабление гитлеровских сил на Западе, вызванное выходом Красной Армии на Одер, и перешли в наступление в первой половине февраля 1945 г. На заседаниях в Ливадийском дворце были определены время и условия вступления СССР в войну против Японии.

Наконец, на Потсдамской конференции была выработана совместная политика участников антигитлеровской коалиции в германском вопросе. Это являлось центральным пунктом переговоров. В Потсдаме же Советское правительство подтвердило свое обязательство о вступлении в войну против Японии. Разгром этого милитаристского хищника принес освобождение порабощенным японскими оккупантами народам и означал окончание второй мировой войны.

Кроме конференций неотложные вопросы войны, в частности по операциям вооруженных сил, решались с помощью срочной переписки. Так было, например, зимой 1945 г., когда у союзников сложилось критическое положение в Арденнах. Тогда по письму У. Черчилля, который завершил свое послание фразой: "Считаю дело срочным", было принято решение ускорить начало Висло-Одерской операции. Наши войска нанесли удар 12 января.

Ко всем трем конференциям Генеральный штаб готовил материалы по военным вопросам для главы Советского правительства.

Решая многочисленные и важные задачи, Генеральный штаб обеспечивал Верховному Главнокомандованию управление войсками на всех фронтах войны. Начиналось это с подготовки предложений по решению и заканчивалось контролем за его выполнением. Наряду с большой, важной и кропотливой работой по сбору и обработке данных обстановки штаб организовывал и поддерживал постоянную и непрерывную связь с войсками.

Скрытое управление войсками - тоже очень важная сторона деятельности Генерального штаба. Шифры, коды, обеспечение сохранения тайны - всем этим ведал специальный орган. Всегда буду с благодарностью вспоминать старшего лейтенанта П. С. Баклыкова, который ездил со мной на фронты. Он же обеспечивал военную шифр-связь во время Тегеранской конференции. В 1970 г. мы с Петром Степановичем, теперь полковником, случайно встретились и с удовольствием вспомнили прошлое.

С конца 1944 г, задача управления для Генерального штаба приобрела некоторую дополнительную сложность, поскольку институт представителей Ставки стал существовать в крайне ограниченном масштабе.

Как помнит читатель, необходимость в представителях Ставки определилась уже на первом году Великой Отечественной войны, и работа представителей с тех пор являлась хотя и временным, но все же важнейшим элементом стратегического руководства. Но накануне завершения войны снова встал вопрос: должно ли сохраниться данное звено этого руководства? Дела на фронтах шли успешно, командующие были умудрены опытом. Но тут же возникало и сомнение - сумеет ли Ставка непосредственно из Москвы руководить огромными по масштабу боевыми действиями на сухопутных фронтах и морских просторах, не потеряет ли она при неожиданных поворотах в ходе войны рули управления вооруженными силами?

Нужно сказать, что этот вопрос возник у И. В. Сталина, когда ему докладывали первоначальные наметки Генерального штаба по планам операций завершающей кампании войны. А. И. Антонов попросил время на размышление. Верховный Главнокомандующий отнесся к просьбе Антонова с пониманием, но задал такой же вопрос Г. К. Жукову. Тот полагал, что на данном этапе войны без представителей Ставки обойтись можно: количество фронтов уменьшилось, протяженность линии фронта сократилась, руководство фронтами из центра наладилось, а полководческое искусство командующих возросло. Все это, по его мнению, давало возможность уверенно управлять фронтами без помощи представителей Ставки.

Антонов, как всегда в таких случаях, немедленно связался с начальником Генштаба А. М. Василевским, который был тогда в Прибалтике. Посоветовались. Генштаб не согласился с мнением о немедленной и полной ликвидации института представителей Ставки. Причин было много: протяженность линии фронта хотя и сократилась, но составляла более 2000 км: причем наступать в зимней кампании предстояло на всем этом фронте. Удаленность командных пунктов фронтов и армий была очень большой.

Обстановка на различных участках фронта резко отличалась и менялась иной раз коренным образом (под Балатоном, например). Поэтому Генштаб полагал, что отказаться от представителей Ставки можно будет лишь в отдельных случаях, когда устойчивость и оперативность руководства из центра окажется вполне обеспеченной.

Верховный Главнокомандующий встал на сторону Генштаба. Он фактически ликвидировал представительство Ставки на главном - Западном стратегическом направлении и взял руководство фронтами в свои руки непосредственно. На 2-м и 3-м Украинских фронтах представителем Ставки оставался Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко (директива Ставки от 21 января 1945 г. No 11012). На 1-м и 2-м Прибалтийских фронтах тогда был А. М. Василевский. Кстати говоря, его доклады Ставке о положении на фронтах и предложения о действиях войск отличались исчерпывающей полнотой и ясностью. После того как Александр Михайлович ненадолго возвратился в Москву, на этих фронтах представителем Ставки являлся "по совместительству" командующий Ленинградским фронтом Маршал Советского Союза Л. А. Говоров (директива Ставки от 2 февраля 1945 г. No11018).

Жизнь подтвердила правильность этого решения.

Очень большую роль в работе Генерального штаба играли и многие другие органы, например служба военных сообщений. Перегруппировки, передвижения войск, подача материальных запасов, эвакуация немыслимы без четко налаженной службы военных сообщений. Переброска и перевозка сил и средств по железным дорогам, водным путям сообщения, по воздуху и по грунту - всем этим ведает штаб. Штаб планирует, куда, что, каким видом транспорта и к какому сроку перебросить, а специальные органы, ведающие этими службами, являются исполнителями плана. Они же организуют диспетчерско-комендантскую службу на всех путях сообщения.

Кроме службы военных сообщений во всех крупных штабах, начиная с Генерального штаба, имеются органы, ведающие планированием обеспечения войск вооружением, боеприпасами, боевой техникой, горюче-смазочными материалами, вещевым имуществом, продовольствием и всеми другими средствами, необходимыми войскам. Но это не органы снабжения. Они не имеют ни складов, ни баз, ни средств передвижения. В их руках только документы - планы, ведомости, сводки (а теперь и счетные машины). Самое главное богатство таких органов - умение людей, знатоков своего дела.

Они ведут учет всех видов материального обеспечения,

знают, что есть на складах, какую продукцию выпустит промышленность. Здесь составляют перспективные планы, отсюда дают заявки, представляют на утверждение ведомости распределения материальных ресурсов. Словом, органы материального обеспечения войск держат в своих руках ту основу, на которой зиждется боеспособность армии. Оператор может разработать многообещающую операцию, но, если он сделает это без учета материальных возможностей, операция останется красивыми стрелами на карте и не будет претворена в жизнь.

Мы, операторы, хорошо понимали значение правильных отношений со всеми этими службами, стремились помогать им, а они в свою очередь делали все для того, чтобы как можно лучше и без проволочек выполнить заявки операторов. Поэтому с тех пор и живет между нами не только чувство служебной спайки, но и по-человечески теплая и прочная дружба.

Главным делам неизбежно сопутствовали хлопотные, иной раз совершенно непредвиденные задания. Особенно много таких заданий было уже после войны. Вот, например, одно из них. Вскоре после войны было решено пригласить в нашу страну с официальным визитом фельдмаршала Монтгомери. Он был самым видным английским военачальником и к тому времени получил уже звание герцога Эль-Аламейнского. Время визита, по обыкновению, долго согласовывали и наконец договорились на январь 1947 г.

Уже в день прибытия фельдмаршала он должен был нанести официальный визит начальнику Генерального штаба Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому. Было решено преподнести Монтгомери в это время русский сувенир. Долго ломали голову, что именно подарить высокому гостю, но ничто из обычных национальных памятных подарков вроде бы не подходило. К тому же тогда никаких специальных сувениров и не делали. Наконец кто-то подал мысль сшить ему русскую, военного покроя, бекешу на беличьем меху и генеральскую папаху из серого каракуля. Предложение одобрили, бекешу и папаху заказали. К началу визита они были готовы и находились в комнате генерала для особых поручений М. М. Потапова.

Наконец фельдмаршал прибыл и проследовал в кабинет, где были А. М. Василевский, А. И. Антонов, Н. В. Славин и автор этих строк, который должен был сопровождать Монтгомери при посещении им Академии Генерального штаба. После взаимных приветствий состоялась беседа. Затем была уточнена программа пребывания. Монтгомери, желая прослыть оригиналом или из других побуждений, заявил, что рабочий день он будет начинать

в 6 часов утра и в 9 вечера ложиться спать. Этому порядку он, мол, не изменял всю войну, даже в критические ее моменты. Мы обещали выдержать это время, хотя про себя и подумали - хорошо же ему воевалось при таком распорядке! По нашим понятиям, спать во время войны можно только тогда, когда позволяет обстановка. Так, кстати, все и делали.

Но вот А. М. Василевский с приличествующим случаю коротким словом вручил бекешу и папаху. Монтгомери подарок очень понравился. Он долго разглядывал его, спросил, точно ли это настоящая белка и какова стоимость меха. Ответить о цене никто не мог, поэтому мне пришлось тут же пойти и по телефону навести справки. Затем Монтгомери решил надеть бекешу и папаху. Когда он облачился, оказалось, что папаха была впору, а бекеша слишком длинна. Полученные нами, как принято говорить, "достоверные данные", необходимые для портного, резко разошлись с действительностью. Не отличавшийся богатырским сложением, английский фельдмаршал утонул в бекеше.

А. М. Василевский успокоил:

- Дело поправимое. Завтра к утру бекеша будет доставлена вам в надлежащем виде.

Однако это не устраивало фельдмаршала, и он попросил, чтобы бекешу укоротили здесь же, при нем, он подождет. Все недоуменно переглянулись.

- Сергей Матвеевич, распорядитесь насчет портного,- сказал Александр Михайлович, обращаясь ко мне.

Я вышел. Минут через сорок привезли портного с машинкой. Была произведена примерка, и портной в приемной начальника Генштаба сел за работу.

Между тем официальная часть визита была исчерпана. Завязался непринужденный разговор. Вспомнили дела минувших дней. Монтгомери с большой охотой и подробностями рассказал про известную нам битву под Эль-Аламейном, в которой он одержал победу над Роммелем. В третий раз выпили кофе. Наконец портной работу закончил, сделал еще одну примерку - бекеша была теперь впору. Довольный, не снимая ее, Монтгомери покинул Генштаб.

На следующий день я сопровождал его в Академию Генерального штаба. После ознакомления с аудиториями, лабораториями Монтгомери выступил перед слушателями с лекцией о той же битве под Эль-Аламейном. Через несколько минут после начала лекции два английских офицера неожиданно стали раздавать всем присутствующим какие-то листовки. Это выходило за рамки программы, и я обеспокоился: почему вдруг

листовки и что в них написано? Взял одну, приказал сидевшему рядом переводчику прочесть ее. Оказывается, это опять об Эль-Аламейне - краткое описание... Сколько же понадобилось бы таких листовок и разных титулов, подумал я, нашим полководцам, к примеру Г. К. Жукову или И. С. Коневу, под руководством которых одержан целый ряд блистательных побед, по своему масштабу и результатам в несколько раз превосходящих победу под Эль-Аламейном!

Накануне отъезда фельдмаршала П. В. Сталин дал обед в честь Монтгомери. На обед приглашалось человек двадцать. К назначенному сроку мы - военные и представители МИДа собрались в Большом Кремлевском дворце. До начала обеда оставалось пять минут, а Монтгомери все не было. Дозвонились до резиденции: говорят - выехал. Тут же открывается дверь, и в приемный зал входит Монтгомери, одетый в бекешу и папаху.

- В чем дело? - бросились мы к сопровождавшим его советским офицерам.Почему не раздели где положено?

- Категорически отказался, - был ответ.

Фельдмаршал, заметив замешательство и недоумение на лицах присутствующих, сказал:

- Хочу, чтобы меня увидел Генералиссимус Сталин в русской форме.

В это время вошел И. В. Сталин и члены правительства. Монтгомери объяснил и ему, в чем дело. Сталин посмеялся, сфотографировался вместе с ним. Потом Монти (как его звали англичане) тут же разделся, и начался обед.

На следующий день мы провожали Монтгомери с Центрального аэродрома. Он приехал в той же бекеше и папахе, принял рапорт начальника почетного караула и улетел, не расставаясь с нашим подарком...

Служебная работа Генштаба в годы войны поглощала человека полностью. Она не оставляла ни времени, ни сил для иных занятий. Немногие часы, отведенные для отдыха, никто не мог тратить иначе, как по прямому назначению. Мы дорожили каждой минутой и научились засыпать сразу. Генштабисты даже тогда, когда судьба противника была предрешена, жили по-прежнему в служебном здании и совершали ежесуточно замкнутый круг от рабочего помещения в столовую, оттуда опять на работу, с работы на койку и с койки вновь в рабочее помещение. Досуга не было, если не считать парикмахерской. Там сверкали зеркала, шелестели белые салфетки, глаз отдыхал, а руки мастеров так мягко и ласково касались волос, что многие... засыпали. Отдохнувшие таким путем, свежевыбритые и подстриженные, мы прямиком отправлялись опять в свои рабочие

кабинеты.

После войны распорядок дня Генштаба продолжал оставаться очень жестким. Того требовало время. Страна и Вооруженные Силы переходили на мирное положение, но США уже размахивали атомной бомбой.

Как и в годы войны, И. В. Сталин почти не оставлял себе свободного времени. Он жил, чтобы работать, и не изменял привычке заниматься обычно до 3-4 часов утра, а то и позднее, а с 10-ти опять принимался за дело. Такого порядка он заставлял придерживаться и всех других людей, имевших к нему отношение, в том числе Генштаб.

Нам часто доводилось ездить в Кремль и на "ближнюю" дачу с докладами по различным вопросам обороны страны. Могу сказать, что в течение всей войны часов отдыха у Сталина было очень мало. Не много их было и после войны.

И. В. Сталин, кроме праздничных концертов и спектаклей, которые обычно устраивались после торжественных собраний, нигде не бывал. Домашним его "театром" были музыкальные радиопередачи и прослушивание грамзаписи. Большую часть новых пластинок, которые ему доставляли, он предварительно проигрывал сам и тут же давал им оценку. На каждой пластинке появлялись собственноручные надписи: "хор.", "снос.", "плох.", "дрянь". В тумбочке и на столике возле стоявшего в столовой громоздкого тумбообразного автоматического проигрывателя, подаренного И. В. Сталину американцами в 1945 году, оставлялись только пластинки с первыми двумя надписями. Остальное убиралось. Кроме проигрывателя имелся патефон отечественного производства с ручным заводом. Хозяин сам переносил его куда надо.

Нам, кроме того, была известна его любовь к городкам. Для игры в городки разбивались на партии по 4-5 человек в каждой, конечно из числа желающих. Остальные шумно "болели". Играли, как правило, 10 фигур. Начинали с "пушки". Над неудачниками подтрунивали, иной раз в озорных выражениях, чего не пропускал и Сталин. Сам он играл неважно, но с азартом. После каждого попадания был очень доволен и непременно говорил: "Вот так мы им!" А когда промахивался, начинал искать по карманам спички и разжигать трубку или усиленно сосать ее.

На даче не было ни парка, ни сада, ни "культурных" подстриженных кустов или деревьев. И. В. Сталин любил природу естественную, не тронутую рукой человека. Вокруг дома буйно рос хвойный и лиственный лес - везде густой, не знавший топора.

Невдалеке от дома стояло несколько пустотелых стволов без ветвей, в которых были устроены гнезда для птиц и белок. Это

было настоящее птичье царство. Перед дупляным городком - столики для подкормки. Сталин почти ежедневно приходил сюда и кормил пернатых питомцев.

Заключая главу, хотелось бы подчеркнуть, что мой рассказ о людях управлений Генерального штаба, с которыми мне, как оператору, приходилось тесно взаимодействовать в годы войны, разумеется, далеко не полный. Они выполняли очень большую, сложную и ответственную работу, обеспечивая деятельность Ставки и Верховного Главнокомандующего по руководству военными действиями. Патриотизм генштабистов, их ясный ум и знания, неустанный и самоотверженный труд служили общему делу победы над врагом.

Глава 2. У истоков боевого содружества

Весенние радости. - Раненый зверь еще опаснее. - Извилистый путь армии Андерса. - Козни польского буржуазного правительства. - Создание армии народной Польши. - Боевое крещение польских побратимов. - Письмо Верховного Главнокомандующего У. Черчиллю. - Не зная брода... - На польской земле. Наступление должно быть обеспечено. - Совещание в Ставке. - Таинственный графин.

26 марта 1944 г. Шли 1009-е сутки войны. Беспримерное в истории войн наступление Украинских фронтов в условиях весенней распутицы привело к тяжелому поражению группы немецко-фашистских армий "Юг" - она не только понесла большие потери, но и была рассечена надвое. Войска 1-го Украинского фронта, которыми после ранения Н. Ф. Ватутина временно командовал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, вышли в предгорья Карпат. 2-й Украинский фронт во главе с Маршалом Советского Союза И. С. Коневым в середине февраля во взаимодействии с фронтом Н. Ф. Ватутина устроил противнику "малый Сталинград" под Корсунь-Шевченковским, а затем ринулся к Днестру, форсировал его на протяжении 175 км и овладел городом и железнодорожным узлом Бельцы. Сразу же, не приостанавливая наступления, войска И. С. Конева на фронте 85 км вырвались к государственной границе по реке Прут!..

Давно ждали мы этого дня. Как только донесение 2-го Украинского фронта было получено в Генштабе, где я тогда исполнял обязанности начальника Оперативного управления, о нем доложили Верховному Главнокомандующему. Тот распорядился салютовать войскам И. С. Конева по первой категории: 24 залпами из 324 орудий. Мы с А. А. Грызловым, моим заместителем, сели писать приказ. В 9 часов вечера ракеты торжественного салюта озарили московское небо.

Не берусь описать словами чувства, нас тогда обуревавшие.

Сбывалось заветное и страстное желание об освобождении родной земли. Неразрывно с ним жила мечта другая, не менее возвышенная - о помощи многострадальным народам, подпавшим под иго фашизма. Мы понимали, что борьбу за освобождение Румынии, Польши и других стран советские люди начали с первых выстрелов 22 июня 1941 г. Однако сейчас, когда наш солдат вышел к границе. Красная Армия должна была приступить к непосредственному выполнению своей освободительной миссии за рубежами СССР.

Успешно наступал и 3-й Украинский фронт под командованием генерала армии Р. Я. Малиновского. Он разгромил криворожскую группировку немецко-фашистских войск, достиг Южного Буга и в этот день, 26 марта, начал операцию, которая привела к освобождению Одессы и выходу на Днестр в его нижнем течении. В Генштабе знали о ходе операции от А. М. Василевского, который координировал действия 3-го и 4-го Украинских фронтов как представитель Ставки.

2 апреля 1944 г. правительство СССР сообщило на пресс-конференции, что части Красной Армии перешли на нескольких участках реку Прут и вступили на румынскую территорию, а Верховное Главнокомандование дало приказ преследовать противника вплоть до полного его разгрома и капитуляции.

Советское правительство заявило, что у него нет целей приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя этой страны. Вступление советских войск в пределы Румынии "диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника"{28}.

К середине апреля советские войска, перейдя Прут, достигли рубежа Редэуцы, Оргеев, Дубоссары и заняли охватывающее положение по отношению к противнику.

В Генштабе по традиции готовили материалы для первомайского приказа Верховного Главнокомандующего. Настроение было приподнятое: наступало время полного освобождения Родины. А там... А там, когда выгоним врага из нашего дома, думалось, будет легче.

С такими мыслями мы с заместителем начальника Генерального штаба А. И. Антоновым и отправились в Ставку для очередного доклада. Как обычно, когда на фронтах дела шли благополучно, у Верховного Главнокомандующего было отличное настроение, и он быстро решал все вопросы. Обсуждая текст майского приказа, мы оба выразили уверенность, что теперь, за рубежом, все трудности будут преодолеваться быстрее. И. В. Сталин пристально посмотрел на нас и... быстро охладил наш

пыл. Он сказал, что противник теперь напоминает раненого зверя, который вынужден уползать в свое логово, чтобы залечить раны. Но раненый зверь еще опаснее. Его надо преследовать и добить в собственной берлоге.

И. В. Сталин подчеркнул, что освобождение народов, находящихся под игом фашизма, дело не менее трудное, чем изгнание немецко-фашистских войск из пределов Советского Союза. Развивая свою мысль, он сказал, что за рубежом страны войска попадут в политическую обстановку, коренным образом отличающуюся от нашей, социалистической: там на ход вооруженной борьбы, на взаимоотношения с союзниками будут влиять интересы антагонистических классов. Будут у нас добрые друзья, но будут и враги, особенно из среды ранее правивших кругов и тех слоев населения, которые их поддерживали.

Первомайский приказ Верховного Главнокомандующего был выдержан в духе этих его соображений.

А вскоре мы и сами убедились в правоте предупреждения Сталина. Попытки дальнейшего наступления в глубь Румынии были какое-то время безуспешными. Дала себя знать огромная усталость войск. Они были ослаблены потерями, нуждались в пополнении людьми и техникой. 17 апреля 1-й Украинский, а 6 мая 1944 г, 2-й и 3-й Украинские фронты по приказу Ставки перешли к обороне с передним краем, проходившим по рубежу восточное Броды, западнее Тернополя, Коломыи, нашкани, севернее Ясс, восточное Кишинева и далее по Днестру. Фронты получили приказ быть готовыми к наступлению в конце мая. Срок этот затем отодвинулся, потому что начиная с 30 мая противник предпринимал мощные попытки опрокинуть наши части и отбросить их за Прут. В атаках участвовали четыре танковые дивизии (14, 23, 24-я, дивизия СС "Мертвая голова"), мотодивизия "Великая Германия" и несколько пехотных соединений при очень сильной поддержке авиации и артиллерии. После десятидневных ожесточенных боев врагу, хотя и с большими потерями, удалось вклиниться в расположение советских войск, причем в отдельных местах на глубину до 30 км.

Активные действия противника не могли не вызвать беспокойства на фронте, в Ставке и Генеральном штабе. По нашим данным, немецко-фашистское командование располагало тогда силами для организации удара не только под Яссами, но и в районе Кишинева, где у него было по крайней мере семь пехотных и пять танковых и моторизованных дивизий. Противник мог пойти на риск и бросить в наступление все, чем он располагал, чтобы вырвать успех на направлении города Бельцы и выйти в тыл нашей группировке войск западнее Днестра.

Угроза была очень серьезной, но советский солдат выстоял и на этом рубеже. Упорная оборона войск 2-го Украинского фронта сорвала замыслы немецко-фашистского командования. Командующий фронтом Р. Я. Ма-линовский доносил в Генеральный штаб, что в этих боях противник потерял материальную часть четырех танковых дивизий. И все же мы пока здесь наступать не могли ожесточенные бон и нашим войскам обошлись недешево.

Поскольку на юго-западе создалось равновесие сил, особенно в танках. и изменить это положение в нашу пользу было пока невозможно, Генштаб предложил возобновить наступление на этом участке фронта после того, как противник будет разбит на других направлениях. Ставка согласилась, и войска уже начали готовиться к операции "Багратион" и выполнению других стратегических замыслов советского Верховного Главнокомандования. Отдаление сроков начала операции на юго-западном направлении отнюдь не отменяло ее разработки - этим занимались и в Генштабе и на фронтах.

Хотелось бы подчеркнуть, что занимались не только военными вопросами. Генеральный штаб вместе с Главным политическим управлением, военные советы фронтов и армий готовили советского воина к его особому положению за рубежом родной страны: как представителя самого передового общественного строя социализма, бойца Советских Вооруженных Сил.

На территории Румынии мы не проводили наступательных операций до 20 августа. Зато в Польше наши войска все лето наступали, вышли на Вислу и выдвинулись в направлении восточного предместья Варшавы - Праги. В ходе боевых действий на польской земле плечом к плечу с нашими войсками сражалась 1-я польская армия под командованием генерала З. Берлинга. К этому времени польский воин стал нашим верным боевым побратимом.

По долгу службы мне пришлось быть у истоков зарождения народной армии Польши и находиться в постоянном контакте с польскими вооруженными силами на территории СССР. В связи с этим хотелось бы подробнее рассказать о Войске Польском, его возникновении, становлении и нелегком пути, который оно прошло.

Уже в первый день Великой Отечественной войны группа польских офицеров, находившихся в нашей стране, обратилась к Советскому правительству с заявлением. Они писали: "Как представители одного из угнетенных фашистским агрессором народов, единственный путь к освобождению польского народа

мы видим в сотрудничестве с СССР, в рамках которого наша родина сможет полноценно развиваться". Офицеры заверили, что будут содействовать установлению такого сотрудничества.

Этот факт был несомненным признаком глубоких процессов в сознании тех, кто пострадал от фашизма. Он позволял надеяться и на военный союз с поляками против оккупантов.

Предположения оправдались. 30 июля 1941 г. польское правительство в Лондоне во главе с генералом В. Сикорским пошло на соглашение с правительством СССР о взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии. Мы согласились тогда создать на территории нашего государства польскую армию во главе с командованием, назначенным лондонским польским правительством. При этом было заявлено, что созданные в СССР польские войска будут воевать против общего врага совместно с нами. "Польская армия на территории СССР, - значилось в соглашении, - будет действовать в оперативном отношении под руководством Верховного Командования СССР, в составе которого будет состоять представитель польской армии"{29}.

Детали организации командования и боевого применения польских войск определялись особым военным соглашением между Верховным Главнокомандованием СССР и командованием Польши. Оно было заключено в Москве 14 августа 1941 г. Подписать его с нашей стороны был уполномочен генерал-майор А. М. Василевский.

Главнокомандующим польскими войсками на территории СССР В. Сикорский назначил генерала В. Андерса, который имел опыт командования группой войск в период германо-польской войны 1939 г.

К моменту заключения военного соглашения подготовка к формированию польской армии практически уже началась. Выявлялись призывные контингенты, выделялись материальные средства, создавалась учебная база. По просьбе польского командования подготовка велась ускоренными темпами. Возражений у нас не было, поскольку генерал Андерс предложил дивизии, по мере их готовности, направлять на советско-германский фронт. В начале сентября эшелоны с польскими призывниками пошли по железной дороге в пункты формирования войск, а 8-го числа на пост у штаба главнокомандующего генерала В. Андерса встал первый жолнеж.

Сначала создавались две пехотные дивизии - 5-я и 6-я. В них вступали польские граждане, попавшие в СССР в качестве беженцев или другими путями. Наплыв добровольцев был велик, и первоначально установленная численность польской армии - 30 тыс. человек - была значительно превышена: к 25 октября 1941 г.

она достигла 41,5 тыс. человек и продолжала расти. Центры формирования располагались на Волге и в Оренбуржье - в Бузулуке, Тоцком, Татищеве. В то чрезвычайно трудное для нас время Советское государство оказало большую материальную поддержку Польше. В частности, СССР предоставил лондонскому польскому правительству общий заем 100 млн. рублей для оказания помощи польским гражданам. Кроме того, на содержание польской армии на территории СССР был дан особый заем 300 млн. рублей. Польские войска оснащались советским вооружением и техникой. Их снабжение было приравнено к снабжению формируемых дивизий Красной Армии.

Генеральному штабу прибавилось работы. У нас учредили должность уполномоченного по польским формированиям в СССР. Им стал генерал-майор танковых войск А. П. Панфилов. Я знал его по совместной учебе в Академии моторизации и механизации РККА. Аппарата у него, можно сказать, не было, и он буквально разрывался на части. В последующем руководство формированием иностранных войск упорядочилось. Эта служба была сосредоточена при Совете Народных Комиссаров, поскольку ей приходилось иметь дело с различными ведомствами. Глава ее именовался уполномоченным СНК по иностранным военным формированиям в СССР. Он связывался напрямую с Председателем ГКО, Председателем Совнаркома, имел в своем аппарате специальную группу офицеров Наркомата обороны.

Поздней осенью 1941 г. 5-я польская пехотная дивизия была сформирована и обучена, 6-я дивизия успешно заканчивала формирование. На фронт они, однако, не попали, потому что генерал В. Сикорский в декабре 1941 г. обратился к Советскому правительству с предложением расширить контингенты польских войск до 96 тыс. человек и создать не две, а шесть дивизий. В самый канун перехода советских войск в контрнаступление под Москвой 4 декабря польское правительство торжественно заявило, что "войска Польской республики, расположенные на территории Советского Союза, будут вести войну с немецкими разбойниками рука об руку с советскими войсками"{30}.

Как ни тяжело было тогда нашей стране, Советское правительство согласилось с дополнительным формированием польских войск. Но вооружения у нас не было. Поляки заверили, что его даст английское правительство, и мы продолжали работу. По просьбе Сикорского центры формирования были перенесены в Среднюю Азию. Там развернули строительство лагерей, военных школ, санитарных и других учреждений. Но и оттуда польские войска на советско-германский фронт направлены не были. Объясняется это в первую очередь своекорыстной, предательской

по отношению к своему народу политикой польского эмигрантского правительства, которое не стремилось бороться против гитлеровцев вместе с нами. Даже Сикорский - наиболее здравомыслящий в этом буржуазном правительстве человек - не противостоял напору своих коллег. Его идейные позиции, как оценили тогда польские коммунисты, не отвечали интересам народа.

Нажим в отношении места применения польских сил осуществлялся и со стороны британских деятелей, в том числе самого премьер-министра. Они сомневались в устойчивости Советского государства и не исключали, как известно, недалекой его гибели. Однако их беспокоила не судьба Советского государства, а свои интересы, и в первую очередь необходимость загородить Индию от гитлеровского нашествия, что они и намеревались сделать с помощью польских войск, формируемых в СССР. Вместе с тем они мечтали о сохранении буржуазной власти в Польше, и тесное военное сотрудничество с нами им было нежелательно.

Такой двойственностью политики объяснялись две тенденции в настроениях личного состава польских войск. Наиболее дальновидные и мужественные воины ратовали за точное и последовательное выполнение договорных обязательств с СССР о борьбе против гитлеровцев совместно с нами. Представители этой точки зрения считали трудное положение Советского государства явлением преходящим и не сомневались, что конечная победа будет за нами. С этой победой они связывали и независимость Польши. Другие же - прежде всего командование польских войск - считали союз с СССР временным тактическим ходом. Эти люди не собирались вести бой против гитлеровских захватчиков плечом к плечу с Красной Армией. Все свои надежды они возлагали на западных союзников, стремились избежать фронта в СССР и уйти с нашей территории.

Советские власти и командование не вмешивались во внутреннюю жизнь польских войск, хотя и знали о борьбе этих тенденций. Поскольку совместные операции соответствовали интересам Советского Союза и независимой демократической Польши, мы надеялись на поворот в сознании польских военачальников и продолжали энергично помогать им в формировании войск.

Шло время. Тяжелая война продолжалась... Под Москвой мы перешли в контрнаступление, отбросили врага от стен столицы и принудили его отказаться от своих планов. В ходе войны произошел поворот. Новая обстановка на фронте требовала от польского командования и новых решений. Теперь, когда

советские армии гнали оккупантов вспять и действия в районе столицы перерастали в общее наступление, у нас на счету было каждое боеспособное соединение. Преследуя врага, можно было особенно много сделать. Только польское эмигрантское правительство с этим не было согласно, хотя располагало двумя дивизиями войск, хорошо подготовленных и вооруженных советским оружием. Наиболее сильной являлась 5-я пехотная дивизия численностью 12,5 тыс. человек. Ее солдаты и младшие офицеры неоднократно заявляли о желании вступить в сражения с врагом. В соответствии с военным соглашением предлагало это и наше правительство, но ответ Андерса и Сикорского был один и тот же - "мы не готовы".

Даже при таком положении дел, испытывая огромные лишения буквально во всем, СССР точно выполнял принятые по договору с польским правительством обязательства и продолжал помогать формированию польских войск. Что же касается надежд Андерса на помощь из Лондона, то скоро выяснилось, что англичане не собираются давать оружие для остальных дивизий. Многочисленные депеши в Лондон не помогали. Мы же помочь не могли: эвакуированные из западных областей страны станки для производства вооружения еще были в эшелонах на железнодорожных ветках Сибири и Урала. В этот период И. В. Сталин чуть ли не поштучно распределял вооружение для Красной Армии.

Условия войны вынудили Советское правительство в начале февраля 1942 г. еще раз обратиться к Андерсу относительно срока готовности польской армии и ввода ее в бой. При этом было выражено пожелание направить на фронт в возможно короткий срок 5-ю пехотную дивизию. Андерс ответил, что войска будут готовы лишь к 1 июня, и подивизионно использовать их не соглашался. По его мнению, две дивизии погоды на фронте не сделают, тогда как удар всей армией может привести к оперативному успеху и будет иметь большое политическое значение. Что же касается приобретения боевого опыта, то будет лучше, если его получит сразу вся армия, а не отдельные ее части.

В иное время и при других обстоятельствах такие соображения могли быть резонными. Но тогда, когда мы наступали, вполне правомерным был ввод в сражение и отдельных дивизий, а политический эффект появления польских войск на фронте оказался бы весьма крупным - в первую очередь для населения Польши, где с жадностью ловили каждую весть о возрождении польской армии. Это могло бы способствовать более широкому развертыванию партизанской и подпольной борьбы в

стране. Но Сикорский снова ответил резким отказом.

На фронте назревали решающие события, и обе стороны к ним готовились. Но как готовились лондонцы?! В марте 1942 г. В. Андерс побывал в Лондоне. Его вызывали якобы для переговоров о поставках полякам английского вооружения, которого командующий не получил. Зато он вернулся с инструкциями подготовить часть своих войск к... эвакуации за пределы Советского Союза.

Внешним предлогом для эвакуации послужили продовольственные трудности, переживаемые нашей страной. Для всех они были понятны. Советскому правительству не оставалось ничего другого, как пойти на дальнейшее сокращение некоторых норм продовольственного снабжения войск, находившихся в тылу. Естественно, это относилось и к формированиям Андерса. Пользуясь моментом, Сикорский просил Советское правительство разрешить эвакуировать часть польских войск в Иран. Разрешение было дано. С 23 марта по 3 апреля 1942 г. 31488 военнослужащих польской армии были вывезены в Иран. Эвакуировались преимущественно вновь формируемые части, не имевшие оружия.

Тогда еще не были в полной мере известны подлинные причины этого мероприятия польского правительства в Лондоне.

Но многие польские офицеры и солдаты в момент эвакуации говорили, что англичане отправляют их на Ближний Восток в качестве пушечного мяса. Командование армии было вынуждено лавировать и даже заявлять, что поляки выезжают, мол, для того, чтобы вооружиться, пройти обучение, а затем - по достижении боевой готовности - вернуться в СССР для участия в совместной борьбе против фашистских войск...

После первой эвакуации в составе польской армии Андерса оставалось около 42 тыс. человек. Продолжалось формирование новых частей, а старые - 5-я и 6-я дивизии совершенствовали свою подготовку. В конце мая командующий еще раз побывал в Лондоне. 30-го числа он телеграфировал И. В. Сталину о том, что считает необходимым лично доложить ему результаты переговоров с англичанами и обсудить вопросы дальнейшего формирования польской армии. В Генеральном штабе не сомневались, что дело приближается к полной развязке. Польский командующий сказал, что англичане опасаются за колонии и хотят, чтобы польские войска прикрыли их владения, так сказать, своим телом. Для этого поляков нужно вывезти из СССР.

Но было и нечто новое: он заявил, что англичане ожидают летом 1942 г. большое наступление противника на восточном

фронте. При этом главный удар, по данным английской разведки, предполагался в направлении Кубани и Кавказа. Видимо, под давлением англичан эмигрантское польское правительство В. Сикорского окончательно отказалось от ранее принятого обязательства ввести свои войска в сражение на советско-германском фронте и заявило, что считает нужным эвакуировать их в Иран. Несмотря на это, польский премьер-министр все-таки продолжал добиваться от Советского правительства дополнительного призыва поляков и продолжения формирования дивизий. Обо всем этом Андерс рассказал в Кремле.

Такая откровенно вызывающая и несправедливая политика имела и соответствующую ответную реакцию. Поскольку принятые обязательства поляками не выполнялись, а мы испытывали серьезные затруднения с вооружением для Красной Армии и складывалась крайне тяжелая обстановка на фронте, Советское правительство в июле 1942 г. уведомило польскую сторону, что считает невозможным дальнейшее формирование польских войск в пределах СССР, и поставило вопрос об их полной эвакуации.

В августе 1942 г. еще 44 тыс. польских военнослужащих направились в Иран. С ними выехало более 25 тыс. гражданских лиц - преимущественно членов семей военнослужащих. Но наиболее сознательная и прогрессивно мыслящая часть солдат и офицеров войск Андерса отказалась ехать в Иран и осталась в Советском Союзе. Количество их было относительно невелико, однако дух их и роль в освобождении родной польской земли были весьма высоки. Об этом мы скажем дальше.

Так закончилась наша первая попытка помочь братскому народу Польши сформировать на советской земле боевые силы, необходимые для вооруженного отпора оккупантам. Она не была полностью успешной, и ответственность за это целиком лежит на польских помещиках и фабрикантах, сидевших в эмигрантском правительстве в Лондоне. Однако ее нельзя считать и совсем бесплодной. Она оказала влияние на активность подлинно революционных сил Польши, которые шире развернули работу по созданию народного войска, действуя как в польском подполье, так и в СССР. Да и солдаты Андерса, вынужденные сражаться за Польшу вдали от родины, могли поразмыслить и правильно оценить дружескую помощь Советской страны.

В Польше между тем политическое развитие привело к созданию Польской рабочей партии (ППР), к разработке ею новых положений политической стратегии, усилению борьбы за объединение патриотических сил в антигитлеровском национальном фронте. ППР призвала польский народ объединить

свои усилия с борьбой антигитлеровской коалиции, в первую очередь ближайшего соседа Советского Союза. В Польше возникла Гвардия Людова - вооруженная организация, руководимая коммунистами.

Менялась обстановка и на советско-германском фронте. Произошел сокрушительный разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом, который положил начало коренному перелому в ходе войны в нашу пользу. В среде польских патриотов в СССР он ускорил процесс сплочения сил освобождения и понимания практической необходимости действовать с оружием в руках на стороне Красной Армии.

Мне хорошо помнятся весенние дни 1943 г. В то время советское Верховное Главнокомандование готовило решающие операции под Курском. Разрабатывались планы действий, сосредоточивались силы, накапливались резервы и материальные средства. Одним словом, делалось все необходимое, чтобы навсегда похоронить планы гитлеровских стратегов и поставить фашистскую Германию на грань катастрофы.

Тогда-то и прозвучал голос верных сынов Польши, ее коммунистических деятелей, находившихся в эмиграции в нашей стране, об образовании Союза польских патриотов в СССР. Эта организация в полном соответствии с задачами национального фронта, создаваемого Польской рабочей партией, имела целью объединить на время войны поляков, оставшихся на советской территории, без различия политических, общественных и религиозных взглядов, в едином лагере борьбы за разгром и уничтожение врага. Союз поставил перед собой в качестве одной из задач формирование польских воинских частей для совместной борьбы с Красной Армией против гитлеровской Германии.

Советским правительством была получена просьба демократических сил Польши о создании в .Советском Союзе польской пехотной дивизии. Государственный Комитет Обороны рассмотрел ее и 6 мая 1943 г. принял постановление о формировании 1-й польской дивизии имени Тадеуша Ко-стюшко. В июне подразделения и части молодого соединения уже учились и Соловецких лагерях под Рязанью. В организации планомерной подготовки дивизии приняли широкое участие многие польские коммунисты.

Советский Генеральный штаб видел особый смысл в создании дивизии имени Тадеуша Костюшко. Она положила начало широкому формированию регулярных народных вооруженных сил Польши. 15 июля 1943 г. в торжественной обстановке дивизии было вручено боевое Знамя с изображением орла.

Личный состав принял присягу, дал клятву на верность истекающей кровью польской земле и народу, борющемуся против ига фашистской оккупации. Воины дивизии торжественно обещали сохранять союзническую верность Советскому Союзу. В рядах дивизии стояла молодость будущего Войска Польского. Здесь начинали путь многие видные военачальники народной Польши.

1 сентября 1943 г. дивизия закончила формирование и обучение и в тот же день убыла на советско-германский фронт, а 12 октября под небольшим белорусским местечком Ленино состоялось ее боевое крещение.

Всего несколько дней назад после двух месяцев упорных сражений сюда вышли войска Западного фронта. Во взаимодействии с Калининским фронтом они выбили оккупантов из так называемых "смоленских ворот", откуда враг наносил авиационные удары по Москве, преграждая путь в Польшу и далее к Германии. Противник тоже понимал важность этого направления, поэтому сильно его укрепил и хорошо обеспечил войсками. "Этот рубеж проходил перед Днепром и прикрывал последнюю крупную железнодорожную и автомобильную магистраль перед Припятскими болотами. Если бы русским удалось взять под свой контроль шоссе и железнодорожную линию Гомель - Могилев - Орша, то оборона восточное Припятских болот вряд ли была бы осуществимой",- писал генерал К. Типпельскирх, командовавший в 1944 г. 4-й немецкой армией.

Войска 33-й армии Западного фронта, в состав которых вошла польская дивизия, были остановлены перед этим новым рубежом обороны противника на подступах к Днепру. Рубеж надо было прорывать. Командование 33-й армии рассчитывало на успех прорыва, однако видело и многочисленные трудности, возникающие перед войсками. Чтобы обеспечить успех, были созданы весьма высокие плотности артиллерии - 206 орудий и минометов на километр фронта и танков - 52. Командарм надеялся прорвать вражескую оборону стремительным фронтальным ударом на участке, непосредственно примыкающем к Ленино с севера. Для этого в первом эшелоне было решено иметь три стрелковые дивизии в линию: в центре отводилось место для наступления 1-й польской пехотной дивизии, справа от нее наступала 42-я, слева - 290-я стрелковые дивизии.

Расположение более опытных советских войск на флангах вызывалось тем, что в полосе 42-й стрелковой дивизии находилась сильно укрепленная противником господствующая высота 217,6, а в полосе 290-й стрелковой дивизии была сложная

местность с высотами и низинами, сильно заболоченными ручьями, впадающими в топкую и непроходимую для танков реку Мерея, протекавшую перед обороной противника. Предполагалось, что 42-я и 290-я стрелковые дивизии сумеют быстро преодолеть высоту 217,6 и заболоченную местность на левом фланге, продвинутся вперед и обеспечат успешные действия польского соединения. Костюшковцам же предстояло сбить врага с важной высоты 215,5 и, опираясь на успех советских дивизий, прорвать тактическую глубину обороны противника. Успех советских и польского соединений намечалось развивать, бросив вперед 5-й механизированный корпус.

Бой, однако, пошел не так, как намечалось. Силы и возможности противника оказались большими. Наступление 42-й стрелковой дивизии было отбито. Она, хотя и вцепилась в высоту 217,6, не сумела ее взять.

Враг нанес наступавшим тяжелые потери и заставил залечь у переднего края. Атаки неоднократно повторялись, но к успеху не привели. В полосе 290-й стрелковой дивизии советские воины преодолели болотистую пойму ручья западнее Ленино и овладели населенным пунктом Тригубово. Гитлеровцы контратаковали и выбили наши войска на восточную окраину деревни. Бой продолжался с крайним ожесточением, но продвижения вперед и здесь не было. Наступавшая в центре 1-я польская пехотная дивизия одержала наибольший успех и прорвалась в глубину на 4 км. Очевидцы и участники наступления свидетельствуют о храбрости и отваге польских жолнежей, выполнявших совместную с советскими воинами боевую задачу. Польские солдаты и офицеры проявили исключительную стойкость и величие духа. Не раз дело доходило до рукопашной схватки.

Тяжелую обстановку на флангах полосы наступления армии не удалось изменить в нашу пользу. Это неблагоприятно сказалось и на положении польских войск, наступавших в центре. Им пришлось отражать многочисленные контратаки противника, поддержанные большим количеством авиации. Наш 5-й механизированный корпус, двинутый вперед, понес большие потери в танках и не оказал заметного влияния на ход боя. Было отбито наступление и в полосах соседних армий. Рубеж обороны противника оставался прочным.

...В бою под Ленино в то время прорыв не удался. Польская пехотная дивизия имени Тадеуша Костюшко и советские дивизии были вынуждены остановиться. Однако значение того первого испытания огнем советско-польской дружбы выходило далеко за пределы привычных тактических мерок и представлений. Вот что запало в память выходивших из боя польских воинов. "Со всех

сторон,- вспоминает В. Залевский, в то время офицер 3-й роты 2-го полка,- до нас доносились восклицания: "Ур-ра!.. Поляки - орлы!.. Герои!.." Я глянул на своих ребят. Казалось, душой они все еще на переднем крае - напряженные, готовые к атаке... Даже раненые, даже они думали о новых боях... Мне запомнилась первая кружка горячего чая, выпитая на советской батарее. Помню, как нас окружили, и обнимали, и целовали, и поздравляли..."{31}

Бой под Ленино подтвердил величайшую готовность польских и советских воинов совместно сражаться до полной победы над гитлеровской Германией, раскрыл их безграничное мужество, скрепил еще прочнее советско-польский боевой союз. Только этот бой родил трех новых Героев Советского Союза - польских воинов.

Приказ по 1-й польской пехотной дивизии, отданный и зачитанный всем воинам 14 октября, свидетельствовал, что польские добровольцы способны на жертвы ради стоящей перед ними великой цели - освобождения своей родины. Они доказали, что Польша жива, стремится к свободе, борется за нее и будет бить гитлеровских оккупантов. Воздавая славу погибшим героям, приказ решительно утверждал: "Ныне и в будущем победа будет за нами".

День 12 октября - день трудного, но славного начала пути к общей победе над врагом - стал праздником народного Войска Польского.

Исторические факты располагают к размышлениям... И тогда, в 1943 г., мы в Генеральном штабе не один раз возвращались мысленно к трудному боевому пути польских воинов. Разными дорогами вернулись они на родину с победой, но путь, который избрали те, кто воевал плечом к плечу с Красной Армией, оказался ближе к родной земле, чем у тех, кто ушел на Средний Восток.

Польские войска, эвакуированные из СССР, в течение длительного времени не принимали участия в боевых действиях и располагались в Ираке в районе Киркук, Мосул, пока не исчезла угроза захвата гитлеровцами "жемчужины британской короны" - Индии. В июле - августе 1943 г. из этих войск и других польских сил, располагавшихся неподалеку для тех же целей, был создан 2-й польский пехотный корпус во главе с тем же В. Андерсом. Время формирования примечательно, поскольку оно совпадало с Курской битвой. Тогда перелом в ходе войны не только определился, но и был закреплен Красной Армией в ряде последующих операций. Теперь обстановка на Среднем Востоке никому не внушала опасений. Через Палестину корпус

перебросили в Египет, а оттуда в первые месяцы 1944 г.- в Италию, где он вошел в 8-ю английскую армию. Боевой состав корпуса достигал почти 50 тыс. солдат и офицеров, а с тылами численность его превышала 60 тыс. человек.

Польские солдаты сражались на реке Сангро, у Монте-Кассино, под Анконой. Они проявили высокую доблесть и подлинный солдатский героизм при прорыве многих оборонительных рубежей противника. Об этом свидетельствуют не только отбитые у врага окопы на линии Густава - главном рубеже обороны гитлеровских войск в Италии, но и памятники павшим здесь воинам. Конец войны застал корпус в Болонье, освобожденной им 21 апреля 1945 г.

2-й пехотный корпус составлял только часть польских вооруженных сил на Западе. Эмигрантское правительство страны с помощью союзников формировало там соединения и части сухопутных войск, авиации и морского флота. Многие из них самоотверженно сражались против врага. С открытием второго фронта в Нормандии успешно, например, действовала 1-я танковая дивизия, сформированная в Шотландии и насчитывавшая 15,5 тыс. человек. До конца войны она воевала на главном направлении в составе 1-й канадской армии. Капитуляция фашистской Германии застала дивизию на берегу Северного моря в Вильгельмсхафене. В составе союзных войск, проводивших крупную воздушно-десантную операцию "Маркет Гарден", приняла участие и проявила героизм в районе Арнема 1-я отдельная воздушно-десантная бригада численностью около 2 тыс. человек.

Приведенные примеры можно было бы дополнить, поскольку имелись и другие польские соединения и части сухопутных войск, которые доблестно воевали с врагом и внесли вклад в дело победы. Широко известны также действия польских летчиков, боровшихся с врагом в рядах английских ВВС. К концу войны их было 14 дивизионов, каждый из которых равнялся примерно одной нашей эскадрилье. На их счету около 1000 сбитых и поврежденных самолетов противника, большое количество бомбовых ударов по объектам врага. В Атлантике, Северном, Норвежском и Средиземном морях храбро воевали немногочисленные польские морские силы, принимавшие участие в боях, конвоировании караванов кораблей, десантных действиях.

На день капитуляции Берлина общая численность польских вооруженных сил на Западе достигала 194 500 человек. Около 120 тыс. из них после войны вернулись на родину. Все они были с радостью встречены в своем отечестве и нашли свое место в строительстве народной Польши. И это естественно: подавляющее

большинство польских граждан мужественно боролось за освобождение родины. Кровь, пролитая во имя свободы, вызывает глубочайшее уважение к борцам, где бы они ни сражались, и народная Польша оценила подвиг своих сынов. Она понимала всю глубину пропасти, разделявшей ее воинов и господ из лондонской группировки, главной целью которых было восстановление прежней власти помещиков и капиталистов.

В нашей стране продолжали между тем формироваться новые польские соединения и части. Руководил этим важным делом один из выдающихся революционных и военных деятелей Польши, горячий патриот и мужественный интернационалист генерал Кароль Сверчевский. К концу 1943 г. имелись уже три пехотные дивизии, артиллерийская и танковая бригады, авиационный полк, другие необходимые части и подразделения.

Как и 1-я пехотная дивизия, они безвозмездно вооружались и снабжались Советским Союзом, проходили боевую подготовку с учетом опыта Великой Отечественной войны. Поскольку главную массу польских командных кадров увел Андерс, своих офицеров полякам теперь не хватало. Пришлось в распоряжение польских войск предоставить значительную часть советских командиров, в первую очередь специалистов. Дивизии, которые успели сформироваться, объединили в 1-й армейский корпус. В середине марта 1944 г. его преобразовали в 1-ю польскую армию. Армией командовал тот же генерал З. Берлинг, который в свое время стоял во главе дивизии имени Тадеуша Костюшко. Теперь армия находилась под Ковелем, готовясь к сражениям на родной земле. Командарм ее имел возможность лично связываться не только с Генеральным штабом, но и непосредственно с Верховным Главнокомандующим. Мы же получили приказ иметь особого представителя при 1-й польской армии и выделили для этого полковника (впоследствии генерал-майора) Н. М. Молоткова с группой офицеров.

К нам поступали данные о вооруженной борьбе на польской земле. И мы знали, что под руководством Польской рабочей партии создаются партизанские отряды Гвардии Людовой, развертывается активная борьба против захватчиков. Боевые действия польских народных мстителей особенно оживились с началом 1944 г., когда Красная Армия стала рушить фронт врага. В польском подполье по инициативе и при непосредственном участии Б. Берута, В. Гомулки и других деятелей Польской рабочей партии возник высший орган борющейся Польши Крайова Рада Народова. Советское Верховное Главнокомандование с большой надеждой и верой в освободительные силы Польши восприняло весть о том, что

Крайова Рада Народова, выступающая от имени польского народа, 3 января 1944 г. приняла декрет об объединении Гвардии Людовой и части вооруженный отрядов других левых организаций в единую Армию Людову во главе с генералом М. Роля-Жимерским.

По просьбе польского командования Советский Союз оказал помощь также и этой части вооруженных сил народа Польши, вынужденной действовать в тылу врага. Доставлялось оружие, боеприпасы, медикаменты и другие необходимые средства. На территорию Польши перешли советские партизанские соединения и отряды под командованием П. П. Вершигоры, И. Н. Бокова, В. А. Карасева, Г. В. Ковалева, М. Я. Наделила, П. А. Прокопюка, С. А. Санкова, В. П. Чепиги, В. Г. Шангина, И. П. Яковлева и других командиров. Польские и советские партизанские отряды действовали не только раздельно. Наладились и совместные операции против немецко-фашистских оккупантов, в том числе на Люблинщине, в ближнем тылу противника. Достигнутые при этом результаты укрепили веру в приближение победы. К лету 1944 г. в рядах Армии Людовой находились тысячи бойцов, взаимодействовавших с наступающими советскими и польскими войсками.

В преддверии решающих событий на западном стратегическом направлении контакты с политическими и военными руководителями демократических сил Польши укрепились. В середине мая 1944 г. в Советский Союз прибыли уполномоченные Крайовой Рады Народовой. 22 мая - в день обсуждения плана операции "Багратион" по разгрому немецко-фашистскпх войск в Белоруссии Ставкой советского Верховного Главнокомандования - уполномоченных приняло Советское правительство. Гости подробно ознакомили Верховного Главнокомандующего и Союз польских патриотов с положением в Польше, в том числе и с некоторыми вопросами создания Армии Людовой. Более двух часов продолжалась тогда доверительная дружественная беседа. Советское правительство признало Раду в качество единственного представителя польского народа и удовлетворило все ее просьбы относительно материальной помощи.

Во время пребывания уполномоченных в СССР для них была организована большая поездка по Украине и в польские национальные воинские части. Уполномоченные возвращались на родину с чувством глубокого удовлетворения крепнущей дружбой наших народов.

Тем временем готовилось наступление советских войск под Ковелем. Командующий 1-м Белорусским фронтом К. К.

Рокоссовский рассматривал огромный и весьма сложный район Белоруссии, в том числе Полесье и Ковель, как достаточно благоприятный для осуществления смелых глубоких операций. Можно было охватить группировку противника в Белоруссии с юго-запада из-за Полесья и во взаимодействии с наступающими севернее Припятских болот войсками уничтожить ее.

План наступательной операции левого фланга фронта в определенной степени отражал этот замысел выдающегося военачальника. Наступление левого фланга фронта намечалось начать в тот момент, когда оборона противника севернее Полесья будет до основания потрясена, но еще не утратит возможности сопротивления на западных рубежах Белоруссии. Удар под Ковелем должен был окончательно, причем с фланга и тыла, сокрушить последние надежды врага закрепиться на белорусской земле.

Цель этого удара состояла прежде всего в разгроме ковельской группировки немецко-фашистских войск, которая, по нашим подсчетам того времени, состояла по меньшей мере из десяти дивизий со средствами усиления. После прорыва обороны успех намечалось развить в северном направлении по восточному и западному берегам Западного Буга, охватывая Брест с юго-востока, запада и севера. Овладев Брестом, подвижные войска должны были наступать на Пружаны, Слоним или на Бельск, Белосток. Нетрудно заметить, что в случае успеха операции гитлеровские войска попадали под удар двух сходящихся ударных группировок 1-го Белорусского фронта. Разгром противника в этом районе открывал большие перспективы для освобождения в последующем Варшавы.

По плану операции на первом ее этапе три общевойсковые армии (47-я генерала Н. И. Гусева, 8-я гвардейская - генерала В. И. Чуйкова и 69-я генерала В. Я. Колпакчи) прорывали оборону немецко-фашистских войск. Затем вводились 2-я танковая армия генерала С. И. Богданова и конно-механизированная группа генерала В. В. Крюкова, которые развивали успех операции. Общевойсковые же армии (кроме 47-й) продолжали наступление на запад до рубежа Люблина, где переходили к обороне, обеспечивая фронт с этого направления. Ориентировочно предполагалось выполнить план операции к 3 августа 1944 г.

Таким образом, Ковельская операция войск левого фланга 1-го Белорусского фронта была задумана как решающий этап действий наших войск на пути к Варшаве. Она не предусматривала ни овладения столицей Польши, ни форсирования Вислы, но разгром важнейшей группировки противника у Бреста был ключом, открывающим ворота Варшавы.

Однако военные и политические события, последовавшие вскоре после утверждения плана операции Ставкой, обусловили ряд очень существенных изменений в нем. Началось с военных событий. Новый командующий группой армий "Центр" фельдмаршал Модель (назначенный вместо фельдмаршала фон Буша) не стал дожидаться нашего удара под Ковелем. В ночь на 5 июля он оставил находящийся в низине Ковель и отвел свои войска несколько на запад на заранее подготовленный рубеж Парадубы, Тарговище, опирающийся на выгодные высоты. Предварительно сюда скрытно выдвинулись прибывшие в распоряжение Моделя подразделения мотодивизии СС "Викинг". Таким образом, был создан своеобразный укрепленный район, о котором не знали наши войска. Замысел Моделя был прост: он рассчитывал, что советские командиры, заметив отход, немедленно бросятся в преследование, попадут под внезапный огонь закопанных и укрытых танков и понесут большие потери. Как это ни печально, но наши командиры попались на столь несложную хитрость. Причина их ошибки объясняется некоторым "головокружением от успехов" в ходе битвы за Белоруссию.

Заметив отход противника, командарм Н. И. Гусев тут же бросил вперед передовые отряды трех дивизий, которые сбили слабое прикрытие врага, после чего главные силы армии овладели Ковелем и рядом населенных пунктов к западу от него. Командарм доложил обстановку находившемуся в районе Ковеля командующему фронтом, оценив ее как общин отход немецко-фашистских войск. К. К. Рокоссовский, в свою очередь, сделал доклад представителю Ставки Г. К. Жукову. Тот не отрицал возможности такого маневра, но полагал нужным установить факт отхода с полной определенностью. Он приказал командующему фронтом в случае достоверности отхода ковельской группировки противника немедленно перейти в наступление, введя в дело 47-ю, 69-ю армии, 8-й, 11-й танковые и оба кавалерийских корпуса.

На следующий день гитлеровские войска продолжали отходить. За 6 июля армии Гусева и Колпакчи продвинулись вперед до 9 км. У убитого офицера 342-й пехотной дивизии была изъята карта с пометками рубежей отхода этого соединения до Западного Буга. Теперь у командования фронта и представителя Ставки не осталось никаких сомнений. Но возник другой вопрос: по какому плану действовать войскам, ибо отход существенно менял обстановку и открывал новые возможности. Все наши боевые уставы ясно говорили, что при отходе противника следует немедленно и с полным напряжением сил преследовать его, что и делалось. Однако план операции нужно было теперь же уточнить,

за что и принялись лично Г. К. Жуков и Военный совет фронта.

Между тем войска продолжали преследовать противника. Командующий 47-й армией потребовал от командира переданного в его распоряжение 11-го танкового корпуса генерал-майора Ф. Н. Рудкина немедленных смелых действий, но не предпринял должных мер по более глубокой и всесторонней разведке, не обеспечил наступление корпуса огнем артиллерии и авиации, опрометчиво полагая, что теперь гитлеровцам "не до жиру, быть бы живу". Командир корпуса и командиры его бригад со своей стороны тоже полагали, что противник чуть ли не бежит, и ввиду недостатка времени поспешили ввести свои соединения в бой, тоже не подумав о взаимодействии с артиллерией и авиацией и не ведя достаточной разведки. В 11 часов 8 июля корпус ринулся вперед. Две танковые бригады развернулись без предварительной разведки местности и действовали, по сути дела, вслепую. Не посчитали нужным развернуть даже самоходные полки, входившие в состав корпуса. Пехота за танками не наступала. В результате такой недопустимо плохой организации боя корпуса его танковые бригады неожиданно наткнулись на прочную оборону противника, пытались прорывать ее собственными силами под кинжальным огнем закопанных в землю танков противника, но, понеся большие потери, так и не смогли выполнить боевую задачу.

Урок был жестоким. "Раненый зверь" беспощадно огрызался. И малейшая оплошность в организации боя, недооценка противника могли стоить очень дорого...

Г. К. Жуков, узнав об этом, немедленно приказал дело расследовать и доложил Сталину. "Я считаю,- заключил Георгий Константинович свой доклад,командира корпуса генерал-майора Рудкина нужно снять с корпуса и на корпус назначить более способного и более заботливого командира.

Гусеву за проявленную халатность объявить приказом Ставки выговор..."

Верховный Главнокомандующий потребовал дополнительные данные о причинах неудачи, которые и были представлены командующим БТВ фронта генералом Г. Н. Орлом. Командира корпуса сняли.

В Генштабе тоже с большой болью восприняли эту оплошность, а я особенно, так как Филипп Никитич Рудкин был мой однокурсник по Академии моторизации и механизации РККА.

Поскольку полной уверенности относительно характера дальнейших действий противника у представителя Ставки и Военного совета фронта еще не было, приходилось прикидывать

различные варианты развития операции. Если противник станет обороняться по высотам восточное Западного Буга, то оставался прежний план операции с некоторыми небольшими поправками. В случае же отхода гитлеровских войск (что было более вероятным) главный удар целесообразно было бы направить на Демблин с выходом на Вислу и развитием успеха по ее восточному берегу на предместье Варшавы - Прагу. За Вислой намечалось захватить плацдармы, которые могли бы в будущем послужить для наступления на запад. Второстепенные удары предлагалось нанести на Седлец (войсками 47-й армии, усиленной танковым и кавалерийским корпусами) и в северном направлении на Брест (70-я армия), свертывая оборону противника перед правофланговыми армиями фронта.

В этом плане, который был внимательно и всесторонне рассмотрен Генеральным штабом, задача выхода в район Варшавы части сил левофланговых армий фронта удачно сочеталась с намерением более глубокого окружения противника в районе Бреста. Мы так и доложили Верховному Главнокомандующему. В тот же день 7 июля Антонов направил Г. К. Жукову телеграмму об утверждении плана Ставкой.

По печальному опыту 11-го танкового корпуса можно было сделать вывод, что с ходу вражескую оборону не возьмешь. Следовало приступить к планомерной подготовке прорыва и его всестороннему обеспечению. На это требовалось некоторое время. Начало операции в районе Ковеля отложили до 18 июля с расчетом, что к этому моменту войска 1-го Украинского фронта перейдут в наступление на Львов, взломают оборону противника и на своем правом фланге в районе Владимира-Волынского создадут выгодные предпосылки для действий левофланговых армий фронта К. К. Рокоссовского. Чтобы не возвращаться к этому вопросу, скажем, что наступление 1-го Украинского фронта началось 13 июля 1944 г.

Не просто решались задачи и на правом фланге фронта - на брестском направлении. Генеральный штаб и командование фронта были озабочены тем, что продвижение наших войск здесь замедлилось. В районе Барановичей - важного узла дорог и сильного опорного пункта обороны противника - гитлеровские войска яростно оборонялись, стараясь не пропустить наши армии к Бресту, где мы наметили окружить врага.

Чтобы ускорить ликвидацию создавшейся досадной пробки, Г. К. Жуков срочно вылетел в район Барановичей. С согласия К. К. Рокоссовского, оставшегося под Ковелем, он на месте организовал маневр силами конно-механизированной группы И. А. Плиева в обход Барановичей с севера, согласовал его с

действиями здесь 65-й армии П. И. Батова, направил 28-ю армию А. А. Лучинского наперерез железной дороге из Барановичей на Слоним. 8 июля Барановичи были освобождены.

Во время успешного наступления советских войск к границам Польши произошло важнейшее для освободительной миссии советской и польской армий событие. 21 июля на заседании Крайовой Рады Народовой в городе Хелм - на первом освобожденном от гитлеровских оккупантов клочке польской земли - было создано временное правительство демократической Польши - Польский комитет национального освобождения. На второй день комитет обратился к польскому народу с манифестом, призывавшим к борьбе за полное освобождение страны от гитлеровцев и укрепление сотрудничества с демократическими силами мира, в первую очередь с Советским Союзом.

В манифесте были обнародованы первоочередные задачи демократического преобразования основ польского государства. Одной из своих ближайших задач новая революционная власть считала создание Войска Польского. В те необычайно насыщенные важными и разнообразными событиями дни до нас дошла новость из стана противника: 20 июля в германской ставке было совершено покушение на жизнь Гитлера. Характер побуждений, двигавших заговорщиками, был пока неясен, однако сам факт заговора свидетельствовал о переоценке ценностей и глубоких разногласиях в военной среде третьего рейха. А. А. Грызлов доложил мне об этом покушении по телефону на 3-й Прибалтийский фронт, где я тогда находился. Оба мы пожалели, что дело для главного преступника кончилось относительно благополучно. Вскоре о заговоре стали писать на фронт из Германии. Письма массами попадали к нам, еще не дойдя до адресатов: наше наступление развивалось настолько стремительно, что почтальоны противника, не зная, где проходит фронт, частенько заезжали на мотоциклах в расположение наших войск.

На четвертый день наступления левофланговых армий 1-го Белорусского фронта, когда Западный Буг, по которому проходила граница с Польшей, был форсирован, Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский и член Военного совета Н. А. Булганин получили директиву Ставки: не позже 26- 27 июля овладеть Люблином. Для этого предлагалось использовать в первую очередь 2-ю танковую армию С. И. Богданова и 7-й гвардейский кавалерийский корпус М. П. Константинова. Поскольку приказ частично менял планы фронта, Ставка пояснила, что овладения Люблином требуют интересы независимой демократической Польши.

23 июля войска 1-го Белорусского фронта освободили Люблин. В городе начало работать временное правительство, которому предстояло восстановить польское государство н организовать совместную с Красной Армией вооруженную борьбу народа против оккупантов.

И. В. Сталин в тот же день направил У. Черчиллю послание, где разъяснил советскую позицию в отношении управления Польшей. "Мы не хотим и не будем создавать своей администрации на территории Польши, ибо мы не хотим вмешиваться во внутренние дела Польши. Это должны сделать сами поляки".

Генеральный штаб получил указание о взаимоотношениях с польскими властями, и советским войскам были даны соответствующие инструкции.

Разгром группы немецко-фашистских армий "Центр" и выход фронтов западного направления к границам Советского государства означали, что основные задачи советских войск в битве за Белоруссию близки к выполнению. Как всегда в таких случаях, возникала необходимость новой стратегической ориентации или поправок к планам действий фронтов.

Маршал Г. К. Жуков 19 июля 1944 г. особой запиской доложил Верховному Главнокомандующему свои соображения о дальнейших операциях Белорусских фронтов, где он был представителем Ставки:

"1. Главной стратегической целью 1. 2, 3-го Белорусских фронтов на ближайший этап должно являться: выход на Вислу до Данцигской бухты включительно и захват Восточной Пруссии или в крайнем случае одновременно с выходом на Вислу отсечение Восточной Пруссии от Центральной Германии".

Как видит читатель, заместитель Верховного Главнокомандующего полагал безусловно выполнимой задачу разгрома группы армий "Центр" и освобождение Восточной Польши. Более сложной и трудной представлялась ему операция против Восточной Пруссии:

"2. Восточная Пруссия по наличию укрепленных полос, по наличию инженерного оборудования и природным условиям является очень серьезным препятствием. Подступы к Кенигсбергу с юго-востока и юга прикрыты пятью укрепленными полосами, а с востока, кроме того, западнее Инстербург был подготовлен район затопления".

Наиболее выгодными направлениями для наступления на Восточную Пруссию Г. К. Жуков считал:

"1-е направление - из района Тильзит вдоль побережья в общем направлении на Кенигсберг через Либоц;

2-е направление - из района Каунас, Алитус через Гумбиннен на Кенигсберг, обходя обязательно с юга район затопления и Летценский укрепленный район;

3-й удар - из района Млава через Хохенштейн, Алленштейн на Браунсберг.

Кроме того, сильную группировку необходимо бросить восточное Висла в общем направлении Мариенбург для отсечения Восточной Пруссии от Данцигского района".

Отметив, что удар из района Тильзита может проводиться только тогда, когда будет очищена от противника Литва, автор предложений полагал, что второе и третье направления могут быть использованы при развитии наступления 3-го и 2-го Белорусских фронтов.

"Удар через Гумбиннен может нанести Черняховский, он же частью сил должен наступать севернее Августовских лесов через Сувалки на Гольдап.

Удар из района Млава должен нанести 2-й Белорусский фронт в следующих направлениях:

а) одна группа на Алленштейн;

б) одна группа на Мариенбург для выхода до Данцигской бухты;

в) одна группа должна выйти на Вислу на участке Грудзянск. Нешава, где и закрепиться.

Левее, до границы с 1-м Украинским фронтом, должен выйти 1-й Белорусский фронт, при этом фронту обязательно захватить хорошие плацдармы на западном берегу р. Висла".

В записке были высказаны и другие соображения: например, о силах фронтов. Маршал Жуков доложил, что 1-му Белорусскому фронту следовало добавить 300 танков и 100 самоходных орудий. Для 2-го Белорусского фронта помимо наличных трех армий нужно было выделить еще одну общевойсковую армию в составе девяти дивизий и стрелковый корпус трехдивизионного состава, одну танковую армию или два-три танковых корпуса, другие средства усиления, в том числе конницу, авиацию.

В заключение автор дал предложения по разграничительным линиям между фронтами. Записка завершалась фразой: "Считал бы крайне полезным по предстоящим операциям посоветоваться с Вами лично и хорошо бы вызвать Василевского".

А. И. Антонов, которому также адресовалась эта записка, доложил Верховному Главнокомандующему, что, по его мнению, следует обсудить предстоящие операции не только на Белорусских, но и на всех фронтах - от Прибалтики до Карпат. И. В. Сталин согласился с ним и приказал вызвать Г. К. Жукова и А. М. Василевского. Заседание наметили на 27- 29 июля.

Подходило время новых сокрушительных ударов по противнику на юго-западе. Нужно было еще раз уточнить задачи и направления главных усилий уже наступавших фронтов, проверить и поправить, где нужно, а кое-где и определить характер их взаимодействия, установить группировку сил фронтов, порядок создания, место расположения и использования резервов Ставки.

Верховное Главнокомандование, кроме того, должно было по-новому решить некоторые вопросы управления войсками, координации усилий фронтов и контроля за их действиями. Следовало усилить наблюдение за ходом и обеспечением боевых операций. Дело в том, что крупные успехи наших войск породили кое-где излишнюю самоуверенность и пренебрежение к противнику. В результате несколько ослабла требовательность в отношении, скажем, ведения разведки, соблюдения принципа сосредоточения сил и действий ударными группировками. Наблюдалось иногда распыление сил и средств, например, подвижных войск, авиации и отчасти артиллерии. Даже И. С. Конев - мастер классических массированных ударов и стремительного развития успеха - при подготовке и во время Львовской операции не избежал этого греха.

В связи с выходом 3-й гвардейской танковой армии П. С. Рыбалко в тыл львовской группировке врага представитель Ставки Г. К. Жуков и командующий фронтом полагали, что противник бросит Львов и начнет отходить. 23 июля Верховному Главнокомандующему было доложено решение о дальнейшем продвижении танковых армий Катукова, Рыбалко, Лелюшенко и кавалерийского корпуса Баранова, которые должны были наступать веерообразно на Ченстохов и Краков без ясно выраженной главной группировки.

Верховный Главнокомандующий и Генштаб рассудили иначе. Возможно, противник и оставит Львов, и тогда все будет хорошо. Ну а если он попытается удержать его? В этом случае в тылу наших войск, за нашей спиной, останется крупнейший узел путей сообщения и важнейший район обороны гитлеровских войск, а на фланге - район Станислава, еще обороняемый врагом. Советские войска окажутся отрезанными от путей снабжения, лишатся боеприпасов и продовольствия.

Директива, направленная Ставкой по этому поводу 24 июля, гласила:

"Ставка ВГК считает Ваш план использования танковых армий и кав. корпусов преждевременным и опасным в данный момент, поскольку такая операция не может быть сейчас материально обеспечена и приведет только к ослаблению и распылению наших

ударных группировок.

Исходя из этого, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает в первую очередь разгромить львовскую группировку противника и не допустить ее отхода за р. Сан или на Самбор, для чего:

1) 1 гв. ТА Катукова и 1 гв. кк Баранова использовать для овладения районом Ярослав, Перемышль с целью отрезать основные пути львовской группировке противника на запад.

2) 3 гв. ТА Рыбалко и 4 ТА Лелюшенко использовать для разгрома львовской группировки противника и овладения г. Львов во взаимодействии с 60 А Курочкина.

Имейте в виду, что, не овладев Львовом, как важным железнодорожным узлом, мы не можем развить серьезное наступление дальше на запад в сторону Кракова.

3) 6 гв. кк Соколова использовать для удара по тылам красноставской группировки противника в общем направлении Томашув, Красник и для разгрома ее во взаимодействии с 3 гв. А Гордова и левым крылом 1-го Белорусского фронта.

4) Наступление на запад на ближайшие дни ограничить выходом на р. Сан с захватом переправ и плацдармов на западном берегу этой реки..."

Так был разрешен вопрос об использовании подвижных войск и разгроме противника непосредственно в районе Львова и определен порядок дальнейшего развития успеха 1-го Украинского фронта. Если. несколько забежав вперед, напомнить, как тяжела оказалась борьба за удержание сандомирского плацдарма, хотя тыл наших войск был полностью обеспечен, то станет еще более ясной прозорливость Ставки.

Советское Верховное Главнокомандование всегда, как и в данном случае, старалось не допускать огульного стремления вперед. Тенденция проводить широкое наступление, не обеспечив его в достаточной степени, становилась особенно опасной на зарубежной территории. Здесь противник оказывался ближе к своим базам и располагал готовыми путями для подвоза всего необходимого. Мы, наоборот, удалялись от своих баз и были вынуждены восстанавливать и строить железные дороги. В таких условиях следовало ограждать себя от случайностей всесторонне и тщательно.

Дни, когда проводилось совещание в Ставке, характеризовались сложной военно-политической обстановкой на территории Польши.

К исходу 25 июля части 2-й танковой армии С. И. Богданова и 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова, овладев Демблином и Пулавами, вышли к восточному берегу Вислы. В это же время 2-й

гвардейский кавалерийский корпус В. В. Крюкова завязал бои за южную окраину города Седлец, откуда, как всем нам тогда казалось, открывался прямой путь на Варшаву. Развить успех, однако, не удалось, поскольку гитлеровское командование выдвинуло сюда свежие войска. Двумя днями раньше начались контратаки танков и пехоты противника и на правом фланге фронта, особенно сильные в полосе 65-й армии П. И. Батова. Контратаки эти отражались, но темп нашего наступления заметно снизился.

27 июля удары 28-й армии генерала А. А. Лучинского с востока и 70-й армии генерала В. С. Попова с запада и юго-запада привели к окружению в районе Бреста значительной вражеской группировки, на ликвидацию которой потребовалось два дня.

В результате стремительных действий вырвалась к Висле южнее Пулавы и 69-я армия В. Я. Колпакчи. Ее передовой отряд форсировал реку и, захватив небольшой плацдарм, тут же стал его расширять.

Особенно ожесточенные бои разгорелись с 27 июля в районе Седлеца. Здесь наступали главные силы 47-й армии, которой тогда командовал генерал Н. И. Гусев, и 2-й танковой армии. При этом танкисты получили задачу захватить Прагу, переправы через Вислу и отрезать пути отхода на запад для всей группировки немецко-фашистских войск, находившейся к востоку от Вислы.

Учитывая возможность и дальше развить наступление на варшавском направлении по западному и восточному берегу Вислы, командование фронтом ввело 1-ю польскую армию в первый эшелон на участок Рыцице (10 км севернее Демблина), Влостовице (10 км южнее Пулав).

Выдвижение 1-й польской армии в первый эшелон имело большое боевое и морально-политическое значение. Советское командование берегло ее и только теперь сочло себя вправе ввести в дело. Армия, перейдя границу Польши, направила тогда советскому Верховному Главнокомандованию короткую телеграмму за подписью своего командующего Зигмунда Берлинга: "Перешли Буг. От всей души и всего сердца всех солдат армии - да здравствует Сталин!.. Неслыханный подъем. Масса добровольцев..."

Иные вести пришли из лагеря "лондонцев": там армию Берлинга не считали польской, ее воинов-патриотов называли наемниками. На территории Польши "лондонцы" старались насадить свою власть и прежние, отжившие порядки. В одном из их приказов прямо говорилось, что все попытки "создания левых руководящих центров ("правительств") будут сурово подавляться, даже с применением силы". Английский премьер-министр

всемерно поддерживал представителей этого лагеря буржуазных политиканов.

Ставке было известно, что 27 июля из Лондона в Москву отправился новый премьер эмигрантского буржуазного правительства Польши С. Миколайчик. Подгоняло его, видимо, многое: и все возрастающий авторитет Польского комитета национального освобождения, а также Польской рабочей партии, и крепнущие чувства симпатии к нам со стороны польского народа, и наши военные успехи. Наконец, Миколайчика беспокоило обнародованное накануне заявление правительства СССР, где говорилось:

"...Советское Правительство не намерено устанавливать на территории Польши органов своей администрации, считая это делом польского народа. Оно решило ввиду этого заключить с Польским Комитетом Национального Освобождения Соглашение об отношениях между Советским Командованием и польской администрацией". И далее: "Советское Правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части польской территории или изменения в Польше общественного строя и что военные действия Красной Армии на территории Польши диктуются единственно военной необходимостью и стремлением оказать дружественному польскому народу помощь в освобождении от немецкой оккупации"{32}

... Накануне заседания Ставки я вернулся с 3-го Прибалтийского фронта в Москву. Вечером этого дня нам стало известно, что И. В. Сталин отказался от встречи глав великих держав, которую президент США и премьер-министр Великобритании наметили провести в Шотландии во второй неделе сентября. Указав на желательность этой встречи, Сталин писал Черчиллю: "Но в данное время, когда советские армии ведут бои по такому широкому фронту, все более развивая свое наступление, я лишен возможности выехать из Советского Союза н оставить руководство армиями даже на самое короткое время. По мнению всех моих коллег, это совершенно не представляется возможным"{33}.

Ночь прошла в подготовке справочных материалов и проектов директив. 27 июля состоялось заседание Ставки. В нем участвовали И. В. Сталин, Г. К. Жуков, А. М. Василевский и А. И. Антонов. Мы с А. А. Грызловым тоже были здесь, чтобы оформить решения в виде директив.

На совещании, как я уже говорил, обсуждались не только перспективы наступления Белорусских фронтов, но значительно более широкий круг вопросов. Сначала рассмотрели общее положение на фронтах, оценили его как благоприятное, а затем

перешли к анализу обстановки и оперативных задач в Прибалтике, Восточной Пруссии и Восточной Польше.

В Прибалтике действия Ленинградского, 3, 2 и 1-го Прибалтийских фронтов развивались успешно, Ставка лишь несколько уточнила планы наступления.

Особенно тщательно обсудили положение на подступах к Восточной Пруссии и на западном направлении. Участники совещания пришли к выводу, что Восточную Пруссию враг будет удерживать с крайним упорством.

На заседании решили, что возможность наступления с ходу маловероятна: оно должно быть тщательно подготовлено и проведено в основном наличными силами.

На западном направлении, где у противника не было мощной обороны, крупных успехов ожидали уже в ближайшие дни. Разгром врага под Львовом, о котором стало известно во время заседания Ставки, открывал возможность действий к югу от Варшавы. Чрезвычайную важность в этой связи приобретал район Сандомира в полосе 1-го Украинского фронта И С. Конева: он был ключом к Центральной Польше и обороне противника за Вислой.

Войска 1-го Белорусского фронта по-прежнему действовали двумя фланговыми группировками. При этом, как уже говорилось, две общевойсковые армии его левого крыла (8-я гвардейская и 69-я) уже вышли на Вислу и 27 июля начали ее форсировать, вскоре захватив небольшие плацдармы в районах Магнушево и Пулавы. К Висле выдвигалась и 1-я польская армия. 2-я танковая армия успешно наступала по восточному берегу Вислы к предместью Варшавы - Праге. Командовал танкистами начальник штаба армии генерал-майор А. И. Радзиевский, так как командарм С. И. Богданов был ранен и по приказу И. В. Сталина переправлен в Москву. Остальные силы левого крыла фронта выдвинулись в район Седлеца. Тревожных данных из этого района не поступало.

Хуже сложилась обстановка на правом крыле фронта - он отставал на 200-250 км. Здесь взяли Белосток и подошли к Бресту. Освобождение Бреста было делом ближайшего времени. Участники совещания не усматривали особой угрозы в замедлении общего темпа наступления. Все сошлись во мнении, что войска 1-го Белорусского фронта, хотя силы их и ослаблены, а снабжение расстроено месячным непрерывным наступлением в период Белорусской операции, сломят сопротивление противника в районах Бреста и Седлеца и, используя успехи продвигающихся на север танкистов Богданова, сумеют наверстать потерянное.

Участники совещания пришли к выводу, что наступать на Варшаву лучше всего правым крылом 1-го Белорусского фронта.

Решили: после овладения районом Бреста и Седлеца 1-й Белорусский фронт должен без остановок - правым крылом развивать наступление в общем направлении на Варшаву и не позже 5-8 августа овладеть ее предместьем Прагой, а также захватить плацдарм на реке Нарев в районе Пултуск, Сероцк на стыке со 2-м Белорусским фронтом. Левому крылу фронта предстояло захватить плацдармы на Висле в районе Демблин, Зволень, Солец.

1-му Украинскому фронту надлежало не позже 1-2 августа форсировать Вислу и захватить плацдарм в районе Сандомира. В дальнейшем предполагалось наступать в общем направлении на Ченстохов и Краков.

Затем участники совещания обсудили положение на карпатском фланге. Дело в том, что с началом операций в Румынии направление действий наших главных группировок неминуемо раздваивалось: одни были устремлены на запад, другие 2-й и 3-й Украинские фронты - на юго-запад. При этом Карпаты оставались в руках противника, и он мог оттуда воздействовать на фланги и тылы обеих стратегических группировок. С этой угрозой следовало считаться. На заседании Ставки 27 июля решили, что 1-я гвардейская армия генерала А. А. Гречко и 18-я армия генерала Е. П. Журавлева смогут достаточно прочно прикрыть фланги, однако все же приказали Генштабу еще раз проверить, так ли это. После того как Генштаб сделал точные расчеты и запросил мнение И. С. Конева, стало ясно, что двумя армиями не обойтись. Поэтому через три дня - 30 июля - Ставка решила образовать 4-й Украинский фронт, включив в него 1-ю гвардейскую, 18-ю армии, 8-ю воздушную армию, артиллерийские, инженерные и другие войска.

Таким образом, 27 июля в Ставке с исчерпывающей ясностью были намечены очередные стратегические задачи, соответствующие особенностям обстановки в Прибалтике и на западном направлении. В дальнейшем предусматривалось отсечь Прибалтику от Восточной Пруссии, а Восточную Пруссию - от Германии и разгромить основные силы группы немецко-фашистских армий "Север". Ставка предостерегала фронты от стремления вторгнуться в Восточную Пруссию без достаточной подготовки. На западном направлении, игравшем главную роль в ходе войны, предполагалось ликвидировать оборону противника на рубеже Вислы, создать условия для освобождения Варшавы и дальнейшего наступления на запад.

Во исполнение этих задач были написаны директивы, тут же согласованы и в 24.00 подписаны и направлены фронтам.

На следующий день в Ставке обсудили порядок управления

текущими и предстоящими операциями, взаимодействия фронтов. До сих пор представители Ставки были наделены правом координировать действия войск. Г. К. Жуков заявил на заседании, что представитель Ставки должен в необходимых случаях получить также право непосредственного руководства операциями. Истины ради надо сказать, что Г. К. Жуков, с его властным характером, часто пользовался этим правом. Речь шла о том, чтобы узаконить такое положение. Тем более что некоторые командующие фронтами высказывали недовольство, когда представители Ставки брали на себя руководство операциями. Командующих можно было понять: в конечном счете именно им приходилось отвечать за все. Но было известно и то, что командующие думают прежде всего о своем фронте и не склонны особенно считаться с соседом, полагая, что он и сам справится. Представитель Ставки в подобном случае должен был немедленно поправить командующего.

29 июля было принято специальное решение о праве А. М. Василевского и Г. К. Жукова руководить войсками тех фронтов, на которых они представляли Ставку:

"Ставка Верховного Главнокомандования приказывает возложить на заместителя Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Жукова не только координирование, но и руководство операциями, проводимыми войсками 1-го Украинского фронта, 1-го Белорусского фронта и 2-го Белорусского фронта".

На А. М. Василевского было возложено руководство операциями 2-го и 1-го Прибалтийских, а также 3-го Белорусского фронтов.

Не обошлось без курьеза. Заседание еще не кончилось, а 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты уже запросили разъяснения по поводу только что полученных ими директив. В частности, спрашивали, могут ли армии, не указанные в директивах, форсировать Вислу. Вопрос имел смысл, поскольку командующие старались выпросить у Ставки побольше переправочных средств, объясняя свои просьбы тем, что форсирование идет на широком фронте.

И. В. Сталин, узнав от нас с Антоновым об этих запросах, попыхтел трубкой и велел дать следующий ответ:

"Приказ Ставки о форсировании р. Висла и захвате плацдармов названными в приказе армиями нельзя понимать так, что другие армии должны сидеть сложа руки и не пытаться форсировать Вислу. Командование фронта обязано максимально обеспечить переправочными средствами те армии, в полосе которых Висла должна быть форсирована согласно приказу

Ставки. Однако и другие армии при наличии возможности также должны форсировать Вислу. Придавая большое значение делу форсирования Вислы, Ставка обязывает Вас довести до сведения всех командармов Вашего фронта, что бойцы и командиры, отличившиеся при форсировании Вислы, получат специальные награды орденами вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза".

После совещания, как часто бывало в таких случаях, Верховный Главнокомандующий пригласил всех участников на ужин. У нас с Антоновым дел было по горло, и на этот раз мы попросили разрешения уехать к себе. Сталин махнул рукой, давая понять, что не возражает. В этой связи хочу рассказать об одном из памятных для меня ужинов на "ближней" даче.

...По давно заведенному порядку перед хозяином стола стоял удлиненной формы красивый хрустальный графин с бесцветной жидкостью и запотевшими боками.

И. В. Сталин перед ужином обычно выпивал одну-две рюмки коньяку, а потом пил только сухое грузинское вино, наливая его из бутылок, этикетки на которых были отпечатаны на машинке. Наполнит бокал на три четверти вином, а остальное, не торопясь, добавит из хрустального графина.

Первое время я, бывая на даче, внимательно наблюдал за всем окружающим и сразу приметил графин. Смешно, конечно, но меня заинтересовало, что в нем. И я подумал: "Какая-то особая водка, чтобы добавлять к вину для крепости. Вот попробовать бы при случае!" Долгое время затея эта не удавалась, поскольку место мое было довольно далеко от графина.

В тот злополучный вечер я опоздал к столу, так как задержался в соседней комнате у телефона - наводил по указанию И. В. Сталина справку о положении на одном из фронтов. Когда вернулся в столовую и доложил, все уже сидели за столом и обычное мое место было занято. Сталин, заметив это, жестом указал на свободный стул рядом с собой.

Ужин затянулся. Разговор, как всегда, шел о фронтовых делах. Каждый сам себя обслуживал - когда нужно было, шел к боковым столикам за очередным блюдом.

"Ну, - думаю, - уж сейчас я эту водку попробую..." Когда Сталин, как и все, встал, чтобы сменить тарелку, я быстро схватил заветный графин и налил полную рюмку. Чтобы соблюсти приличия, дождался очередного тоста и выпил... Вода! Да какая холодная... Получился конфуз: хоть я и быстро сообразил, что к чему, и даже закусил, как другие, все же, видимо, не смог скрыть своего удивления.

Хозяин с затаенной усмешкой, прищурившись, посмотрел на

меня и немного погодя спросил тихо, чтобы никто не слышал: "Как, крепкая?" Кровь бросилась мне в лицо - так стало стыдно: весь вечер я чувствовал себя неважно и клял свое неуместное любопытство.

Глава 3. На Варшавском направлении

Противник не дремлет. - С чем едет Миколайчик? - Авантюристы и герои. Как лучше помочь восставшим? - Черняковский плацдарм. - Связь прекратилась. Трагедия Варшавы. - Борьба продолжается. - Боевое содружество. - 1-я польская армия входит в Варшаву.

Командиры любого ранга, планируя боевые действия, прежде всего учитывают противодействие противника, его возможные контрмеры. Но на войне нередко бывает так, что предусмотрены как будто все варианты развития событий, а в ходе сражения возникает новая, совершенно непредвиденная ситуация, требующая поправок для ранее принятых решений.

Разумеется, и Ставка и Генштаб знали, что гитлеровское командование изыскивает способы стабилизировать фронт, особенно в полосах групп армий "Север" и "Центр", положение которых могло оказаться катастрофическим. Правда, тогда мы еще не знали определенно стратегических намерений врага. Но отдельные сведения о том, что из Румынии часть его войск, в первую очередь танковых, будет, возможно, перемещена на другие направления, уже начали поступать. Противник действительно провел перегруппировку, стремясь добиться устойчивости войск группы армий "Центр", а затем восстановить их связь с Прибалтикой. На варшавском направлении мы вскоре столкнулись со свежими частями.

Нужно сказать, что мероприятия, проводимые гитлеровским командованием, походили на усилия героя известной басни Крылова Тришки, латающего кафтан, укрепив центр, оно ослабило юго-западное направление. Вскоре из войны была выведена Румыния, и советские войска двинулись на Балканы и в Венгрию. Однако на варшавском направлении, где переброшенные из Румынии свежие силы противника были введены в дело против уставших уже войск 1-го Белорусского фронта, наше положение серьезно осложнилось. Сложность усугубили промахи войсковой разведки.

В первый день заседания Ставки 2-я танковая армия, развивая наступление на левом фланге 1-го Белорусского фронта, неожиданно столкнулась с мощными силами противника. Как позже выяснилось, это были переброшенные сюда с юга 19-я танковая дивизия, танковые дивизии СС "Мертвая голова" и "Викинг", недавно прибывшая с итальянского фронта дивизия

"Герман Геринг" и ряд пехотных соединений 2-й немецкой армии. В завязавшейся в последующие дни на линии Седлец, Минск-Мазовецкий упорной борьбе опрокинуть контратакующие танки противника не удалось. На узком участке фронта враг создал значительное превосходство в силах, нанес урон передовому корпусу 2-й танковой армии, а затем потрепал и остальные ее корпуса.

Кровопролитные и крайне ожесточенные бои продолжались несколько дней. В результате их вражеская оборона, опиравшаяся на Варшавский укрепленный район, на какое-то время обрела относительную устойчивость. Наш прорыв на Прагу оказался невозможным.

Это обстоятельство было очень важным. Неудача маневра 2-й танковой армии, предпринятого, чтобы отрезать находившимся к востоку от Вислы войскам противника пути отхода на запад, неблагоприятно повлияла на всю обстановку в этом районе. Теперь войска правого фланга 1-го Белорусского фронта, утомленные длительным и непрерывным наступлением через Белоруссию, не могли быстро выйти к Варшаве. Кроме того относительная устойчивость гитлеровских войск на линии Седлец, Минск-Мазовецкий таила новую, очень большую угрозу для войск, достигших Вислы южнее Варшавы. Как засвидетельствовал К. К. Рокоссовский корреспонденту французской газеты "Монд" Анри Маньяну, любая попытка советских армий форсировать Вислу могла бы привести к поражению. "Мы находились под угрозой удара по нашему флангу. Вот и вся проблема",- закончил беседу с журналистом командующий фронтом.

Нужно сказать, что события под Варшавой не сразу получили должную оценку. Представитель Ставки Г. К. Жуков, командование фронта и Генштаб первоначально не придали им особого значения, полагая, что враг вскоре будет сломлен. Но дни шли, а положение не улучшалось. Мало того, время форсирования Вислы откладывалось и на первое место вставала задача удержать столь выдвинутые вперед позиции. По мнению командующего 1-м Белорусским фронтом, противник располагал примерно 20 дивизиями для удара с севера на юг вдоль восточного берега Вислы по войскам левого фланга фронта, достигшим этой реки, и мы ждали, что враг обязательно нанесет такой удар.

Все это отнюдь не означало, что советское командование сложа руки ожидало флангового удара. Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, а с ними и Генеральный штаб с начала августа 1944 г. предприняли энергичные попытки уничтожить

группировку врага на подступах к Варшаве. Об этом свидетельствуют и не один раз состоявшиеся в Ставке обсуждения дальнейших действий 1-го Белорусского фронта, и непрерывные длительные бои, сорвавшие активные и такие опасные контрмероприятия противника. Однако к благоприятному для нас перелому обстановки под Варшавой это не привело.

Говорю о перипетиях военной действительности не только потому, что они интересны сами по себе. Они важны в связи с восстанием в оккупированной врагом Варшаве.

В то время как Советское правительство в заявлении 26 июля 1944г. ясно и открыто изложило свои взгляды относительно Польши. Миколайчик и его лондонская компания вели двойную игру. Оказывается, еще 24 июля эмигрантское правительство и командование Армии Крановой{34} приняли решение поднять восстание в Варшаве, причем обязательно до вступления туда советских войск. Цель этого авантюрного решения состояла в том, чтобы, захватив столицу, утвердить свои органы власти, противопоставить их временному правительству демократической Польши.

Характерно, что вопрос о времени восстания в Варшаве (кодовое название "Буря") обсуждался давно. И главнокомандование Армии Крайовой докладывало тогда в Лондон, что успеха восстания достигнуть невозможно. Но когда на освобожденных землях появились органы народной власти, так называемая делегатура эмигрантского правительства и командование Армии Крайовой изменили свое мнение. 25 июля главком Армии Крайовой генерал Тадеуш Бур-Комаровский сообщил в Лондон: "Готовы в любую минуту к битве за Варшаву..."

Ни Советское правительство, ни командование Красной Армии, ни органы народной власти Польши, ни Войско Польское в известность о восстании не были поставлены и данных о его подготовке не имели. Если верить военному командованию союзников, то и оно ничего не знало.

Подчиненное лондонскому правительству командование Армии Крайовой всячески стремилось изолировать район Варшавы от советских войск. Части подпольной Армии Крайовой по указанию Бур-Комаровского отказались вступить в контакт с нашими войсками и согласовать с ними свои действия. Об этом, как только был взят Люблин, нас известил К. К. Рокоссовский.

Командование Армии Крайовой, представители лондонского правительства и группа их ближайших сотрудников пусть по-своему, но очень внимательно следили за ходом вооруженной борьбы на советско-германском фронте, в первую очередь под Варшавой. Они понимали, что в недалеком будущем чаша весов

склонится на сторону Красной Армии, и, чтобы не было в Варшаве власти народа, стремились установить там свою власть - господство буржуазии и помещиков. Боясь опоздать, организаторы восстания неоднократно переносили день и час начала действий в столице. Они надеялись овладеть положением в столице Польши именно до подхода советских войск и 1-й польской армии, которая влилась теперь в созданное Войско Польское.

Возможно, они надеялись, что западные союзники помогут им высадить воздушный десант - он послужил бы некоторой опорой для польского правительства в Лондоне. Однако верховное командование Великобритании и США еще осенью 1943 г. определенно дало понять лондонскому правительству, что последнее не может рассчитывать на поддержку восстания со стороны англосаксов вообще и особенно с воздуха{35}.

Конечно, английские реакционеры - эти расчетливые политики понимали, что варшавское восстание направлено против Советского Союза, но не могли идти на риск в таком деле, как помощь повстанцам: ведь помогать им по воздуху означало подвергать опасности жизнь английских летчиков и собственные машины. Сильная немецкая противовоздушная оборона выводила их из строя. Англичане решили прекратить полеты.

Организаторы заговора не собирались поднимать восстание в те дни, когда советские войска были под Минском и восточное Ковеля, а ждали, пока фронт приблизится к Варшаве. Это позволяло им надеяться, что наши армии не опоздают, если восставшие окажутся в трудном положении, и вызволят их из беды.

Успех любой операции - и самой малой и самой крупной - зависит от многих факторов. Среди них не последнее место принадлежит плану действий. Особенно важен такой план для восстания - весьма сложной формы вооруженной борьбы. Общеизвестно, что даже самый лучший по замыслу и цели план обречен на провал, если он не соответствует обстановке и не имеет необходимого обеспечения.

Мне не пришлось держать в руках план "Буря", в рамках которого главнокомандование Армии Крайовой задумало осуществить восстание своих отрядов в Варшаве. Однако есть бесспорное свидетельство, что время начала восстания по решению генерала Бур-Комаровского было передвинуто накануне решающих событий со 2 августа (или более позднего срока) на 17 часов 1 августа 1944 г. Столь ответственный акт командования Армии Крайовой был совершен без учета реальных возможностей проведения необходимых мероприятий по сбору сил повстанцев,

их вооружению, организации боевых действий. Как указывал один из историков варшавского восстания Адам Боркевич, вместо двенадцати часов, предусмотренных ранее для приведения сил повстанцев в состояние полной боевой готовности, теперь в отдельных районах и отрядах имелось реально только пять. Это решение дезорганизовало восстание в его зародыше и перечеркнуло все то, что было подготовлено за ряд лет. Остался лишь высокий боевой дух повстанцев.

Существовавшие на бумаге наметки задач относительно сроков и объектов нападения отрядов в таких условиях становились невыполнимыми. Даже элементарная связь между силами повстанцев не везде была организована.

В назначенный день (но из-за различных условий в разное время) подпольные отряды Армии Крайовой начали восстание. Многие солдаты разыскивали своих командиров, те и другие не знали, где фактически находятся склады вооружения и снаряжения. Внезапность действий была потеряна, и враг сумел занять все ключевые пункты связи, сообщений, энергетики. Повстанцы не смогли в силу указанных выше обстоятельств действовать достаточно целеустремленно и произвести сколь-нибудь мощный первый удар. Натиск на врага оказался слабым: ведь во всех отрядах Армии Крайовой насчитывалось всего-навсего 16 тыс. человек, причем ручное стрелковое оружие (другим почти не располагали) было лишь у 3,5 тыс. из них.

В то же время восстание приобрело неожиданный для его организаторов характер и размах. Ненависть населения Варшавы к гитлеровским оккупантам получила теперь выход; основная масса жителей присоединилась к восстанию: люди начали строить баррикады, влились в ряды бойцов, хотя и не имели оружия. Они были убеждены, что восстание согласовано с советским командованием. Этого убеждения не поколебало даже воззвание делегатуры лондонского правительства Польши к варшавянам, в котором ни слова не говорилось о Красной Армии.

Массовая поддержка восстания населением Варшавы привела в первое время к относительному успеху. Овладеть всей территорией города Армии Крайовой все же не удалось, и через день события стали развиваться совсем по-иному, нежели предполагали заговорщики. Враг не понес особых потерь, удержал ключевые позиции в городе, быстро справился с положением и вынудил повстанцев перейти к обороне. А к ней они не были готовы. Сил не хватало. К тому же у восставших был острый недостаток боеприпасов, средств связи, медикаментов.

Задуманная с холодной политической расчетливостью скоротечная акция Армии Крайовой превратилась в восстание

народных масс Варшавы против гитлеровских захватчиков. Однако оно не было обеспечено, и удары немецко-фашистского командования в конце концов привели к его полному разгрому.

К. К. Рокоссовский вспоминает, что 2 августа он получил сообщение разведки, будто в Варшаве началось какое-то восстание. Попытка уточнить эти данные оказалась безуспешной. Ни Польский комитет национального освобождения, ни Крайова Рада Народова, ни командование Войска Польского ничего о восстании не знали. В дальнейшем выяснилось, что даже командование отрядов Армии Людовой{36}, находившихся в Варшаве, не было поставлено о нем в известность. Однако, как только широкие массы варшавян поднялись на бой, коммунисты и руководимые ими отряды Армии Людовой немедленно приняли решение присоединиться к восстанию и отдали свои силы в распоряжение командования Армии Крайовой. Это решение предотвратило возможный раскол антигитлеровских сил в Варшаве, существенно укрепило их. Бойцы и командиры Армии Людовой кровью своей доказали на варшавских баррикадах верность делу освобождения народа от немецко-фашистских оккупантов.

Премьер-министр польского правительства в Лондоне С. Миколайчик, только что прибывший в Москву для переговоров, ничего вразумительного не сообщил о событиях в Варшаве. А ведь на пути из Лондона он 28 июля встретился в Каире с варшавскими эмиссарами, и уж они-то не могли не доложить ему о восстании. На приеме в Наркоминделе 31 июля Миколайчик заявил, что разработан план действий и польское правительство сейчас накапливает силы. В отношении Варшавы Миколайчик сказал, что польское правительство "обдумывало" план генерального восстания и хотело бы просить Советское правительство о бомбардировке аэродромов около города. Таким образом, все рисовалось пока в очень общих чертах и как дело неблизкого будущего. О первых днях боев в столице Польши премьер лондонского правительства говорить, очевидно, не собирался.

Усилиями немецко-фашистских оккупантов и заботами буржуазного руководства Армии Крайовой Варшава была изолирована от тех, кто действительно мог помочь восставшим добиться победы.

Командующий 1-м Белорусским фронтом всячески пытался установить связь с восставшими, в том числе с военным руководителем восстания. Но на посланную генералу Бур-Комаровскому телеграмму К. К. Рокоссовский ответа не получил.

2 августа резко осложнилась обстановка на советско-

германском фронте. Под Варшавой противник нанес сильнейший контрудар по 2-й танковой и 47-й армиям, и им пришлось вести тяжелую оборону в неблагоприятных условиях. Части их были вытянуты в линию. Командующий фронтом никакими резервами не располагал, и каждую минуту можно было ожидать, что танки противника ринутся на юг вдоль Вислы, чтобы нанести поражение занятым форсированием войскам левого крыла фронта. А Варшава между тем горела. Дым видели выдвинувшиеся в район контрудара противника для управления боевыми действиями наши командиры и сам К. К. Рокоссовский.

Спустя несколько дней героические действия советских войск и искусство командования положили конец временным успехам врага на 1-м Белорусском фронте. Ему не удалось опрокинуть или существенно потеснить наши армии. Но и мы не смогли преодолеть немецко-фашистскую оборону.

Варшава истекала кровью, однако ни командование Армии Крайовой, ни польское эмигрантское правительство в Лондоне ни разу не обратились к Советскому правительству или советскому командованию с просьбой помочь восставшим. Даже информировать о восстании не сочли нужным. Только впоследствии стало понятно, что ни информация, ни просьба не входили в политические расчеты группы Миколайчика и командования Армии Крайовой даже тогда, когда гитлеровские войска начали топить восстание в крови.

В эти дни И. В. Сталин получил бодрое послание от У. Черчилля. В нем впервые упоминалось о варшавском восстании. Черчилль сообщал, что Армия Крайова просила англичан срочно помочь восставшим вооружением и боеприпасами и что просьба эта будет удовлетворена. Попутно было сказано, что бои в Варшаве носят ожесточенный характер. Премьер-министр писал также, что повстанцы просят о помощи и русских и надеются, что она придет скоро. По словам Черчилля, восставших атаковали полторы немецкие дивизии. Заканчивалось послание многозначительной фразой: "Это может быть помощью Вашим операциям".

И. В. Сталин не поверил прежде всего в достоверность информации, полученной Черчиллем. Уже на следующий день он ответил английскому премьер-министру, что все данные сильно преувеличены и не внушают доверия. Особые сомнения вызвало намерение повстанцев овладеть Варшавой. "Краевая Армия поляков, - писал И. В. Сталин, - состоит из нескольких отрядов, которые неправильно называются дивизиями. В них нет ни артиллерии, ни авиации, ни танков. Я не представляю, как подобные отряды могут взять Варшаву, на оборону которой

немцы выставили четыре танковые дивизии, в том числе дивизию "Герман Геринг"{37}.

Что же касается заключительной фразы в послании Черчилля, то она носила и вовсе смехотворный характер: будто восстание в Варшаве было акцией, предпринятой в помощь Красной Армии!

Однако послание английского премьера не было оставлено без внимания. Сталин приказал Г. К. Жукову, К. К. Рокоссовскому и Генштабу доложить соображения относительно овладения Варшавой.

Представитель Ставки и Военный совет фронта 6 августа доложили в Москву: "1. Сильная группировка противника действует на участке Соколув Подляски, Огрудек (10 км сев. Калушин), п. Станиславув, Воломин, Прага. 2. Для разгрома этой группировки противника у нас оказалось недостаточно сил". Они просили разрешить им воспользоваться последней возможностью - ввести в сражение только что выделенную в резерв 70-ю армию четырехдивизионного состава и дать три дня на подготовку операции. "Раньше 10 августа перейти в наступление не представляется возможным в связи с тем, что до этого времени мы не успеваем подвезти минимально необходимого количества боеприпасов", - говорилось в докладе. Генштаб согласился с этим. Разрешение и время на подготовку Ставка дала, армию ввели, но перелома в обстановке все же не наступило.

Неудача прорыва к Варшаве с ходу, невозможность из-за истощения сил наступающих войск создать решительный перелом в сражении, планомерность которого была нарушена противником, необходимость резко улучшить тыловое обеспечение армий - все это вынуждало советское Верховное Главнокомандование организовывать новую наступательную операцию с целью освобождения Варшавы. При этом надо учесть, что Ставка не обладала сколько-нибудь крупными резервами, так что 1-й Белорусский фронт вынужден был обходиться наличными силами.

О плане операции по освобождению восставшей Варшавы, насколько мне известно, написано пока еще мало, а между тем о нем, безусловно, стоит рассказать подробно. Дело происходило так.

По указанию Ставки Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский представили И. В. Сталину свои соображения о действиях в Варшавской операции. Они доложили:

"...1. Варшавскую операцию фронт может начать после того, как армии правого крыла выйдут на рубеж р. Нарев и захватят плацдарм на его западном берегу на уч. Пултуск, Сероцк. Боевые порядки этих армий удалены от р. Нарев на расстояние 120 км.

Для преодоления этого расстояния потребуется 10 дней.

Таким образом, наступательную операцию армиями правого крыла фронта с выходом их на рубеж р. Нарев необходимо провести в период с 10 по 20 августа с. г.

2. За это же время на левом крыле фронта силами 69-й армии, 8-й гвардейской армии, 7-го гвардейского кавалерийского корпуса и 11-го танкового корпуса необходимо провести частную операцию с целью расширения плацдарма на зап. берегу р. Висла с выходом этих армий на рубеж Варка, Стромец, Радом, Вежбица.

Для проведения этой операции необходимо из состава 1-го Украинского фронта передать 1-го танковую армию Катукова в состав 1-го Белорусского фронта и направить ее из района Опатув через Островец, Сенно с задачей ударом в северном направлении выйти на фронт Зволень, Радом и этим оказать помощь 69-й армии, 8-й гвардейской армии, 7-му кавалерийскому корпусу и 11-му танковому корпусу в разгроме противостоящего противника.

Наряду с этим необходимо существующую разгран. линию между 1-м Белорусским фронтом и 1-м Украинским фронтом поднять на север до линии: Красностав, р. Илжанка, Опочно, Пиоткув. Это уплотнит боевые порядки армий левого крыла 1-го Белорусского фронта и усилит ударную мощь наших войск на радомском направлении.

3. После проведения этих операций и с выходом армий правого крыла фронта на рубеж р. Нарев, а армий левого крыла - на фронт Варка, Радом, Вежбица войска будут нуждаться во времени минимум пять дней для перебазирования авиации, для подтягивания артиллерии и тылов, а также для подвоза боеприпасов и горюче-смазочных материалов.

4. Учитывая необходимое время на подготовку, Варшавскую операцию можем начать с 25 августа 1944 г. всеми силами фронта с целью выхода на рубеж Цеханув, Плоньск, Вышогруд, Сохачев, Скерневице, Томашув и занятия Варшавы.

В этой операции для наступления севернее р. Висла использовать три армии, 1-й танковый и 1-й кавалерийский корпуса, а для наступления южнее р. Висла использовать 69-ю армию, 8-ю гвардейскую армию, 1-ю танковую армию и 2-ю танковую армию, два кавалерийских корпуса, один танковый корпус и одну армию за счет правого крыла фронта.

1-я польская армия в этой операции будет наступать по западному берегу р. Висла с задачей во взаимодействии с войсками правого крыла и центра фронта овладеть г. Варшава".

Таким образом, разгромить варшавскую группировку противника предусматривалось двусторонним охватом ее силами

войск обоих флангов 1-го Белорусского фронта. Одновременно одна из армий, форсировавших Вислу, ударом на север вдоль западного берега реки должна была рассечь эту группировку. Исходными районами для наступления фланговых группировок должны были служить на правом фланге - плацдармы на реке Нарев в районе Пултуска и Сероцка, которые предстояло захватить, на левом фланге - уже созданные 8-й гвардейской и 69-й армиями плацдармы на Висле у Магнушева и Пулав. Операцию можно было начать при самых благоприятных условиях не ранее 25 августа.

С. Миколайчик в эти дни вел переговоры с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым о положении дел в Польше и советско-польских отношениях. От Генштаба к переговорам иногда привлекали А. И. Антонова. Сталин твердо заявил, что польские дела будут обсуждать сами поляки и переговоры должны вестись с Польским комитетом национального освобождения. "Лондонцы" согласились. Из Люблина в Москву прибыли председатель Крайовой Рады Народовой Б. Берут, председатель ПКНО Э. Осубка-Моравский и другие. Приехал также главнокомандующий Войском Польским генерал М. Роля-Жимерский.

В состоявшихся затем переговорах стороны остались, как говорят, при своем мнении. Последняя беседа И. В. Сталина с Миколайчиком состоялась 9 августа. Во время этой беседы Миколайчик все же был вынужден более подробно сообщить о варшавском восстании и сказать, что повстанцы испытывают большой недостаток оружия.

Вскоре нам в Генштабе стало известно, что Верховный Главнокомандующий позвонил по ВЧ К. К. Рокоссовскому и приказал еще раз рассмотреть вопрос о Варшавской операции, а в качестве первой меры организовать доставку вооружения повстанцам и для связи с руководством восставших сбросить парашютиста, снабженного рацией. Парашютист этот, не зная дислокации повстанцев, сразу же попал в лапы противника.

Вернувшись в Лондон, Миколайчик не преминул рассказать У. Черчиллю о переговорах в Москве и об ухудшавшемся день ото дня положении в Варшаве. У. Черчилль написал И. В. Сталину: "Я ознакомился с печальной телеграммой из Варшавы от поляков, которые спустя десять дней все еще борются против крупных германских сил, разрезавших город на три части. Они умоляют дать им пулеметы и боеприпасы. Не можете ли Вы оказать им еще некоторую помощь, так как расстояние от Италии очень, велико?"

Из письма следовало, что более подробно информировать советскую сторону никто не собирается. Союзники хорошо понимали, что 1-й Белорусский фронт не имеет возможности

быстро овладеть Варшавой, и поэтому их возня вокруг восстания приобретала смысл грубой политической игры на судьбе восставшей польской столицы. О том свидетельствовало появление в английской печати сообщений с ссылкой на газеты и радио польского эмигрантского правительства. В этих сообщениях о варшавском восстании содержались намеки, что повстанцы находятся в контакте с советским командованием, которое будто бы не оказало им помощи. А сама польская буржуазная печать в Лондоне изощрялась в попытках свалить на Советский Союз вину за трудное положение варшавских повстанцев.

И. В. Сталин немедленно отреагировал на эту злостную клевету. ТАСС напечатал в газетах и огласил по радио заявление, в котором говорилось, что польское эмигрантское правительство, ответственное за события в Варшаве, не предпринимало никаких попыток заранее уведомить о них советское военное командование и согласовать с ним какие-либо выступления в польской столице. Поэтому вся ответственность за происходящее падает на польские эмигрантские круги в Лондоне.

Не ограничившись этим заявлением, Верховный Главнокомандующий тщательно разобрался во всем касающемся Варшавы и написал Черчиллю. В письме говорилось, что восстание в столице Польши - безрассудная авантюра, за которую население поплатилось неисчислимыми жертвами. "Этого не было бы, если бы советское командование было информировано до начала варшавской акции и если бы поляки поддерживали с последним контакт".

В письме отчетливо проступала мысль, что лондонские круги поляков стремились втиснуть события в разработанную ими нежизненную политическую схему и совершенно не думали о военной стороне дела. Восстание не было профессионально подготовлено и обеспечено, а главное - его организаторы не учли объективной роли советских войск. И. В. Сталин писал без обиняков: "При создавшемся положении советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской авантюры, так как оно не может нести ни прямой, ни косвенной ответственности за варшавскую акцию"{38}.

Верховный Главнокомандующий выразил принципиально иную, чем у Лондона, точку зрения на пути военного освобождения Варшавы. Советское командование считало, что только фронтовая наступательная операция даст возможность разгромить противника. Оно не отказывалось помогать повстанцам оружием и боеприпасами, но связь с повстанцами отсутствовала, и точных данных о положении в Варшаве,

необходимых для организованного снабжения, по-прежнему не было.

План операций в районе Варшавы, одобренный Ставкой, незамедлительно начал выполняться. Бои приобрели крайне ожесточенный характер, особенно на подступах к варшавскому предместью - Праге, где наступали 47-я и 2-я танковая армии, и в районе плацдармов на Висле. Однако оборона противника и на этот раз оказалась весьма прочной. Прорвать ее при том недостатке боеприпасов, который испытывали войска, было чрезвычайно трудно. Немецкое командование перегруппировало часть своих сил к плацдармам и парировало все наши попытки их расширить. Некоторого успеха достигли лишь войска правого крыла - в конце августа ценою больших жертв они захватили небольшие плацдармы на Нареве, южнее Рожан, в полосе 48-й армии генерала П. Л. Романенко и южнее Пултуска в полосе 65-й армии генерала П. И. Батова.

Стало очевидно, что наступательные возможности 1-го Белорусского фронта иссякли. За два месяца непрерывного наступления его войска прошли на некоторых направлениях свыше 600 км. Люди утомились. Части понесли потери. Снабжение нарушилось. Такое же положение сложилось на 3-м и 2-м Белорусских и на 1-м Украинском фронтах. Возникла необходимость перейти к временной обороне.

Неудачи наших армий очень огорчали, а тут еще из Лондона подливали масла в огонь. Получив 16 августа ответ от советского Верховного Главнокомандования, Черчилль уговорил Рузвельта подписать послание И. В. Сталину, содержавшее намек на то, что реакция мирового общественного мнения окажется неблагоприятной, "если антинацисты в Варшаве будут на самом деле покинуты".

И. В. Сталин 22 августа написал в ответ: "Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди использовали доверчивость варшавян, бросив многих почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию. Создалось положение, когда каждый новый день используется не поляками для дела освобождения Варшавы, а гитлеровцами, бесчеловечно истребляющими жителей Варшавы"{39}.

На военном значении Варшавы И. В. Сталин остановился отдельно:

"С военной точки зрения создавшееся положение, привлекающее усиленное внимание немцев к Варшаве, также весьма невыгодно как для Красной Армии, так и для поляков. Между тем советские войска, встретившиеся в последнее время с

новыми значительными попытками немцев перейти в контратаки, делают все возможное, чтобы сломить эти контратаки гитлеровцев и перейти на новое широкое наступление под Варшавой. Не может быть сомнения, что Красная Армия не пожалеет усилий, чтобы разбить немцев под Варшавой и освободить Варшаву для поляков. Это будет лучшая и действительная помощь полякам-антинацистам"{40}.

Обстановка в районе Варшавы неоднократно обсуждалась в Ставке. Прежде чем принять не только чисто военные, но и военно-политические решения, много раз прикидывали, насколько эффективными могут оказаться различные формы помощи повстанцам, планировали действия наших войск.

И в Ставке и на 1-м Белорусском фронте ни на минуту не забывали о многострадальной Варшаве - восставшим необходимо было помочь, и помочь как можно быстрее. Неоднократно возвращался к этому вопросу и Сталин. Как-то в самом начале сентября 1944 г. во время ночного доклада обстановки за прошедшие сутки он шагал по кабинету и размышлял вслух. Я не помню дословно всего, что тогда было сказано, но, поскольку проблема было очень жгучей, сложной и ответственной, могу ручаться за верный общий смысл высказанных соображений.

Верховный Главнокомандующий подтвердил, что за варшавскую авантюру, предпринятую без ведома советского военного командования и в нарушение его оперативных планов, несут ответственность деятели польского эмигрантского правительства в Лондоне. Советское правительство хотело бы, чтобы специально созданная беспристрастная комиссия выяснила, по чьему именно приказу началось восстание в Варшаве и кто виновен в том, что советское военное командование не было о нем уведомлено заранее. Ни одно командование, ни английское, ни американское, не примирилось бы с тем, что перед фронтом войск этого командования без его ведома и вопреки его оперативным планам организовано восстание в большом городе. Понятно, что и советское командование не может составлять исключения. Несомненно, что если бы заранее запросили мнение советского командования, целесообразно ли начать восстание в Варшаве в начале августа, то оно возражало бы против этой затеи. Советские войска не были тогда готовы взять Варшаву штурмом, тем более что немцы к тому времени уже успели перебросить в этот район свои танковые резервы.

Испытующе посматривая на всех, Верховный Главнокомандующий продолжал рассуждать в том смысле, что никто не сможет упрекнуть Советское правительство, что оно

оказывает будто бы недостаточную помощь польскому народу, и в том числе Варшаве. Наиболее действенной формой помощи являются активные военные действия советских войск против немецких оккупантов в Польше, давшие возможность освободить более четвертой части Польши. Все это - дело рук советских войск, и только советских войск, проливших кровь за освобождение Польши.

Остается малоэффективная форма помощи варшавянам, а именно сбрасывание с самолетов оружия, медикаментов, продовольствия. Мы несколько раз сбрасывали и вооружение, и продовольствие варшавским повстанцам, однако каждый раз получали сведения, что сброшенное попало в руки немцев.

Поскольку Черчилль и Рузвельт писали И. В. Сталину о помощи варшавским повстанцам именно с воздуха, Верховный Главнокомандующий сказал, что, если премьер-министр и президент так сильно верят в эффективность подобной формы помощи и настаивают на том, чтобы советское командование организовало совместно с англичанами и американцами оказание такой помощи, Советское правительство может согласиться на это. Необходимо только, чтобы помощь оказывалась по заранее согласованному плану.

Что касается попыток возложить на Советское правительство ответственность за судьбы восстания и жертвы варшавян, продолжал думать вслух Верховный Главнокомандующий, то их нельзя рассматривать иначе, как желание свалить ответственность с больной головы на здоровую. То же самое надо сказать насчет того, что советская помощь по вопросу о Варшаве будто бы противоречит духу союзного сотрудничества. Не может быть сомнения, что если бы британское правительство приняло меры к тому, чтобы своевременно предупредить советское командование о намеченном восстании в Варшаве, то дела с Варшавой приняли бы совсем другой оборот.

И. В. Сталин высказался и в том смысле, что правдивое изложение фактов о событиях в Варшаве поможет общественному мнению безоговорочно осудить безответственных инициаторов варшавского восстания и правильно понять позицию Советского правительства. Надо только постараться, чтобы общественность узнала всю правду о событиях в Варшаве.

Вот примерно такие мысли высказал И. В. Сталин по поводу восстания в Варшаве.

Генштаб получил подтверждение приказа продолжать наступательные действия под Варшавой, и в первую очередь ликвидировать плацдарм противника перед Прагой в междуречье Вислы и Нарева. 29 августа трем Белорусским, 1-му и 4-му

Украинским фронтам были отданы директивы о переходе к жесткой обороне. Исключение составляли только войска правого крыла 1-го Белорусского фронта, имевшие назначение освободить столицу Польши, и две армии 2-го Белорусского фронта генерала Г. Ф. Захарова на южных подступах к Восточной Пруссии: они продолжали наступление.

Генштаб и командование 1-го Белорусского фронта не переставали искать пути решения задач в районе Варшавы. В начале сентября разведка 1-го Белорусского фронта обнаружила, что одна из танковых дивизий противника и некоторые другие его войска, ранее находившиеся под Прагой, появились перед нашими плацдармами на Висле. Очевидно, немецко-фашистское командование ожидало, что мы усилим там свою активность. Отвлечение сил врага можно было использовать для удара на Прагу. Доложили Верховному Главнокомандующему. Тот отдал соответствующий приказ.

10 сентября 47-я армия начала наступление. Вслед за ней двинули 1-ю польскую армию. Действия войск отличались большой напористостью. В ночь на 13 сентября они ворвались в Прагу. Вот когда надо было поднять восстание в Варшаве, чтобы помешать гитлеровцам разрушить мосты, захватить их и тем помочь советским воинам переправиться на левый берег Вислы, в центр города! Но мосты были взорваны противником, широкая река отделяла наши войска от борющейся уже сорок пятый день Варшавы. Все попытки с ходу форсировать водную преграду и переправиться на левый берег Вислы, предпринятые разведкой 47-й армии, были отбиты.

Население предместья Варшавы - Праги с большим подъемом встретило своих освободителей - советских и польских воинов. Женщины под обстрелом ухаживали за ранеными, поили и кормили их, хоронили убитых.

По приказу К. К. Рокоссовского участок фронта на Висле перед Варшавой был передан войскам Зигмунда Берлинга, а 47-я армия выдвинулась к северу. Советские и польские войска вышли на рубежи, откуда можно было подать руку помощи восставшей Варшаве.

О разгроме гитлеровских войск в Праге уже, конечно, знали на той стороне Вислы. Но руководители повстанцев из лондонского лагеря продолжали держаться своей линии и ни шагу не сделали нам навстречу. Они по-прежнему молчали, не пытались установить связь, хотя, как сообщало английское правительство, население Варшавы испытывало невероятные трудности.

Руководители же отрядов Армии Людовой, добровольно присоединившихся к восстанию, чтобы в трудный час быть вместе с населением Варшавы, немедленно направили двух девушек-связных на другой берег Вислы, как только советские войска подошли к Праге. Рискуя жизнью, юные патриотки вышли в расположение нашей армии. От них-то советское и польское командование впервые и узнало подробности о характере

восстания, положении в городе, расположении и состоянии сил повстанцев.

Теперь восставших варшавян, советские войска и Войско Польское разделяла, как мы тогда думали, только река. Но все оказалось значительно сложнее, и виной тому была хищная политическая расчетливость отребья панского государства. Но об этом несколько позже.

Днем 13 сентября мы с А. И. Антоновым доложили Верховному Главнокомандующему о положении на 1-м Белорусском фронте, и в частности в Варшаве. Он распорядился сделать все возможное для оказания помощи, в том числе улучшить снабжение восставших с воздуха оружием, боеприпасами и другими материальными средствами. Мы передали указания фронту и авиации. Предпринятые в ту же ночь попытки перебросить в Варшаву оружие и боеприпасы увенчались успехом, а через день началось регулярное снабжение восставших.

После нашего доклада И. В. Сталин снял трубку и переговорил по ВЧ с К. К. Рокоссовским. Командующий фронтом доложил, что его войска сейчас не в состоянии освободить Варшаву. И. В. Сталин отнесся к этим словам с пониманием и настаивать не стал. Нам с Антоновым он еще раз напомнил, что необходимо установить связь с повстанцами - действия в этом отношении уже начались. Кроме того, он приказал Г. К. Жукову, только что возвратившемуся с Украинских фронтов, снова вернуться на 1-й Белорусский. "Вы там свой человек. Разберитесь с Варшавой на месте и принимайте меры, какие нужно. Нельзя ли там провести частную операцию по форсированию Вислы именно войсками Берлинга... Было бы очень важно... Задачу полякам поставьте лично вместе с Рокоссовским и сами помогите им организовать дело. Они еще люди без опыта".

15 сентября Г. К. Жуков вылетел на 1-й Белорусский фронт. Утром 16 сентября он вместе с К. К. Рокоссовским прибыл в район Зелена в Праге - на командный пункт 1-й польской армии. З. Берлинг доложил, что ему удалось переправить в Варшаву на Черняков стрелковый батальон в 500 человек с девятью станковыми пулеметами, шестнадцатью 82-мм минометами и одной сорокапяткой; батальон должен соединиться с действующей здесь группой повстанцев, произвести разведку и создать плацдарм для обеспечения переправы войск через Вислу.

Попытка переправить разведку для связи с повстанцами, захватившими северную часть Варшавы, была отбита вражеским огнем. Гитлеровцы прочно засели вдоль берега.

За день, проведенный представителем Ставки и

командующим фронтом в 1-й польской армии, были определены задачи армии и разработаны меры, обеспечивающие их выполнение.

Представители Генштаба при Войске Польском во главе с генерал-майором Н. М. Молотковым были, как и обычно, там, где всего "горячее". Они систематически докладывали нам об обстановке, так что мы всегда были в курсе всех дел. Вечером же сам маршал телеграфировал в Ставку о том, что было предпринято, и картина, таким образом, стала полной. "Главные силы Берлинга на ближайшее время, - докладывал Г. К. Жуков в Ставку, - будут иметь задачу захвата южной части Варшавы, ориентировочно от Аллеи 3 мая, Аллеи Иерусалимская до района Генрикув, и, закрепившись, повести в дальнейшем операцию на север, предположительно охватывая город с юго-запада". И далее продолжал: "Кроме того, если нам удастся войти в боевой контакт с повстанческой группой, занимающей северную часть города, то навстречу южному удару организуем удар с севера, охватывая город с северо-запада... Если дело пойдет хорошо, то для завоевания плацдарма бросим за счет Гусева усиленный стрелковый корпус. Я считаю, что кроме города Варшава нам очень хорошо бы создать Варшавский плацдарм".

Переправа войск 1-й польской армии начиналась по плану в 21.00. С первым эшелоном, в который была назначена 3-я польская пехотная дивизия, отправлялись сам Молотков и полковник Евсеев, с последующим - полковник Дубровский и капитан Еропкинов из группы Молоткова.

Значительно усиливалась разведка, причем решили сбросить с небольшой высоты прямо на площадь, которую, по нашим данным, занимали повстанцы, двух разведчиков-парашютистов с радиостанцией. На уже захваченный плацдарм перебрасывали орудия и минометы. В районе Праги создавали контрбатарейную артиллерийскую группу из ста с лишним дальнобойных орудий, которые должны были обеспечить переправу и район плацдарма. Основная масса артиллерии 1-й польской армии и фронтовая бригада 203-мм орудий развертывались как группа поддержки пехоты при форсировании реки и расширении плацдарма. Авиация получила задание прикрыть район переправ и поддержать действия наших частей на западном берегу.

Короче говоря, было сделано все, чтобы успешно форсировать Вислу и, соединившись с повстанцами, разгромить гитлеровские войска в городе и его окрестностях. Одновременно Генеральный штаб произвел необходимые расчеты для войск, наступавших в обход Варшавы.

Большую работу проделал Генеральный штаб для связи с

восставшими.

Под давлением тревожных событий командование Армии Крайовой решилось наконец установить с нами связь. Генштаб сумел через Лондон передать Бур-Комаровскому все необходимые для этого документы. Отряды Армии Крайовой в Варшаве получили указание войти в контакт с 1-й польской армией и штабом 1-го Белорусского фронта. 15 сентября офицер по радиосвязи варшавского района Жолибож сообщил, что ему поручено наладить радиосвязь с Красной Армией, действующей в Праге.

Теперь мы могли не только систематически и интенсивно снабжать повстанцев, но и сбрасывать те грузы, которые были им нужны, точно в заданном районе.

Зашевелились и союзники. 18 сентября с запада к Варшаве на высоте около 4 тыс. метров подошло 8 групп по 12 самолетов "Летающая крепость" в каждой. В течение 20 минут они сбрасывали на парашютах контейнеры с оружием, боеприпасами, продовольствием. Наши наблюдатели насчитали почти 1000 таких парашютов. Однако к повстанцам попало не более 20 парашютов: большинство опустилось на территорию, занятую гитлеровцами, а несколько - в расположении наших войск.

Советские же летчики, зная теперь, где расположены отряды повстанцев, уверенно сбрасывали по ночам груз с высоты 150-200 метров, руководствуясь сигналами, подаваемыми с земли.

Чтобы не возвращаться больше к вопросу о снабжении повстанцев, приведу некоторые цифры. С 14 сентября по 1 октября 1944 г. авиация 1-го Белорусского фронта произвела для доставки грузов в Варшаву 2243 самолето-вылета. Было сброшено 156 минометов, 505 противотанковых ружей, 2667 автоматов и винтовок, 3 млн. патронов, почти 42 тыс. ручных гранат и другое вооружение, а также 500 килограммов различных медикаментов и более 113 тонн продовольствия.

С правого берега Вислы, из освобожденной Праги, воины 1-й польской армии видели, как пылает огнем Варшава. Верность народу звала их в бой. Верховное командование Войска Польского в своем приказе от 15 сентября осудило лондонское правительство за преждевременную организацию восстания. "Если бы восстание началось сейчас, было бы согласовано с командованием Красной Армии и Войска Польского, оно могло бы обеспечить сохранение мостов, способствовать быстрому освобождению всей Варшавы, спасению жизни сотен тысяч людей. Варшава не подверглась бы такому страшному разрушению..." - говорилось в этом приказе.

Переправа войск 1-й польской армии через Вислу была

невероятно затруднена, в первую очередь по техническим причинам. Не хватало десантных средств. Из-за небольшой глубины реки на нашей стороне тяжелые понтоны не могли подойти к берегу, а на них нужно было грузить артиллерийскую и бронетанковую технику. То же происходило и на противоположной стороне при выгрузке. Весь берег на черняковском плацдарме и пражском участке Вислы гитлеровцы простреливали плотным огнем пулеметов и артиллерии, не говоря уже о мощном противодействии противника подразделениям 1-й польской армии, высадившимся на левом берегу Вислы.

17 сентября на плацдарме в Варшаве сосредоточились два батальона 9-го польского пехотного полка (до 1000 бойцов) со средствами усиления. В ближайшую ночь предполагалось переправить третий батальон, батарею 76-мм пушек и артиллерийско-противотанковый полк. После этого 9-й полк при поддержке артиллерии 1-й польской армии с правого берега Вислы и авиации 16-й воздушной армии должен был начать наступление, чтобы расширить захваченный плацдарм. В то же время должна была продолжаться переправа других частей 1-й польской армии из состава 3-й пехотной дивизии. Командующий 1-м Белорусским фронтом и командующий 1-й польской армией полагали, что этих сил на первых порах будет достаточно, чтобы выполнить ближайшую задачу и успешно бороться с контратаками противника, в том числе танковыми.

Одновременно 47-я и 70-я армии продолжали операции к северу от Праги - в междуречье Нарева и Вислы. Гитлеровцы сохраняли там значительный плацдарм, откуда могли нанести контрудар в тыл Праге и развить его затем на юг. Активные действия наших войск в этом районе проводились по прямому указанию Верховного Главнокомандующего, который продолжал беспокоиться об устойчивости 1-го Белорусского фронта и требовал, обойдя Варшаву с северо-запада, оказать помощь сражающимся в ней войскам. Попытки наступать предпринимались неоднократно, однако из-за недостатка боеприпасов, сильного сопротивления противника и чрезвычайно неблагоприятной для нас местности в его расположении они были безуспешны и дорого обошлись нам.

В течение последующих суток бой на черняковском плацдарме не утихал. Туда удалось переправить дополнительные силы, но результаты все же были неутешительными. После того как некоторые повстанческие подразделения Армии Крайовой без ведома командования 1-й польской армии отошли в направлении Мокотова, положение на плацдарме в Варшаве еще более

осложнилось. Значительно возросло здесь превосходство немецко-фашистских войск в силах и средствах. К тому же они получили очень заметные оперативные преимущества. Даже самое небольшое продвижение противника к югу от находившегося в его руках района моста Понятовского угрожало полностью отрезать подразделения польской армии от реки и, следовательно, от войск, расположенных в Праге. Оба берега и зеркало реки находились в зоне плотного артиллерийско-минометного и пулеметного огня. Гитлеровцы использовали свои танки в качестве подвижных кулаков во взаимодействии с сильными группами пехоты, и противодействовать им без специальных противотанковых средств было нелегко.

Воины 3-й польской пехотной дивизии на черняковском плацдарме были вынуждены сражаться на очень небольшом участке, что крайне стесняло маневр. Пробиться к центру или в южную часть Варшавы они не могли, поскольку на западе плацдарма противник оборонял весьма выгодный, господствующий над нашим расположением скат местности, а на юге у него была разветвленная сеть разнообразных, плотно занятых войсками оборонительных сооружений. Огромные трудности испытали подразделения 6-го пехотного полка 2-й дивизии, которым в ночь на 18 сентября удалось захватить маленький плацдарм. Три дня здесь шли ожесточенные бои, но закрепиться все-таки не удалось.

Обстановка вынуждала внести серьезные поправки в ранее разработанный план наступления на Варшаву силами 1-й польской армии. Нужно было искать другие пути разгрома противника в польской столице, о чем мы и доложили Верховному Главнокомандующему.

- Что предлагает Генеральный штаб? - спросил он после небольшой паузы.

Антонов сказал, что ничего иного, кроме повторения ударов 47-й и 70-й армий для обхода Варшавы с севера и северо-запада, а также усиления 1-й польской армии, предложить нельзя.

Верховный Главнокомандующий потребовал данные о силах 47-й н 70-й армий. Я доложил. Когда он убедился, что состав армий слаб, а войска изнемогают от усталости и потерь, так как с 18 июля непрерывно ведут тяжелые бои, оборона же противника повсюду прочна, в кабинете наступило длительное молчание. Верховный Главнокомандующий медленно прохаживался вдоль стола с погасшей трубкой в руке. Наконец, обращаясь к нам, он сказал:

- Передайте товарищу Жукову, чтобы они с Рокоссовским подумали, как помочь Варшаве... Нельзя ли все-таки

ликвидировать плацдарм противника в междуречье и организовать наступление в обход Варшавы силами армий Гусева и Попова? Пусть они тоже подумают, что можно сделать в городе у Берлинга. Можно ли срочно послать ему подкрепления, имеющие опыт боев в городах?..

Приказание было передано, и уже через день, 20 сентября, Жуков и Рокоссовский направили в Генштаб свои соображения. Ни представитель Ставки, ни командующий 1-м Белорусским фронтом не сомневались в том, что борьбу за разгром противника в районе Варшавы следует продолжать.

А. И. Антонов, а также Оперативное управление Генштаба были согласны с соображениями Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского. Согласился с ними и Верховный Главнокомандующий. Он приказал торопить фронт с подготовкой операции и внимательно следить за положением на плацдарме 1-й польской армии.

В эти дни к И. В. Сталину, в Генштаб и Главное политическое управление из-за Вислы поступили данные, свидетельствовавшие о невероятном: главнокомандование Армии Крайовой подспудно подрывало силы восставших изнутри. 20 сентября в Прагу прибыли семь офицеров из штаба командующего Варшавским округом Армии Крайовой Монтера - им было поручено связаться с командованием Красной Армии и Войска Польского. Один из этих офицеров заявил, что генерал Бур отдал секретное распоряжение силой принуждать вооруженные отряды, ориентирующиеся на люблинское правительство, подчиняться только его собственным приказам и расправляться с неподчиняющимися.

На рубеже третьей декады сентября положение войск 1-й польской армии за Вислой еще более ухудшилось, хотя 20 сентября они еще удерживали свои позиции, причем севернее Чернякова 2-й батальон 6-го пехотного полка пытался еще раз преодолеть оборону противника и пробиться вглубь, но был вынужден залечь под огнем врага у самой кромки берега.

На следующий день положение в Варшаве стало критическим. "С рассветом 21 сентября 1944 г. противник при поддержке сильной артиллерийской подготовки и дымопуска атаковал подразделения польской армии на западном берегу р. Висла, докладывал Молотков представителю Ставки прямо с места боев. - В результате прекратилась всякая связь со 2-м батальоном 6-го полка, который с 8.30 вызвал артогонь на себя".

Кто воевал, тот знает, что такое вызвать огонь на себя: значит, иного выхода нет, и люди, погибая, стремятся уничтожить врага.

"Прекратилась всякая связь с батальоном 8-го пехотного полка,- значилось далее в том же докладе. - Группа, состоящая из двух батальонов 9-го пехотного полка, в результате сильной контратаки противника оттеснена и к 18.00 21 сентября занимала небольшую восточную часть квартала..."

Сосредоточение непосредственно в Варшаве новых весьма крупных немецко-фашистских войск, в том числе танков, решило исход борьбы. В последней декаде сентября активность разрозненных повстанческих отрядов значительно снизилась. Враг же наращивал наступательные действия на севере, в центре и в восточной, прибрежной, части Варшавы. Наша авиация и артиллерия систематически наносили ему большой урон. В отдельные дни авиация противника вообще не могла появляться над городом, но на земле перелома создать не удалось. В связи с неблагоприятной обстановкой в городе, и особенно в районе Чернякова, положение частей Войска Польского на плацдарме еще более ухудшилось. Борьба при крайне затрудненном снабжении шла на узкой прибрежной полосе земли, в полной изоляции от других районов Варшавы, в отрыве от главных сил 1-й польской армии.

Все это, а также многочисленные данные о политических интригах руководства Армии Крайовой заставили командующего 1-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского решительно высказаться за прекращение боевых действий в Варшаве. Г. К. Жуков поддержал это предложение. "В таких условиях удержаться на западном берегу Вислы было невозможно,- писал К. К. Рокоссовский в своих воспоминаниях "Солдатский долг", - я решил операцию прекратить. Помогли десантникам вернуться на наш берег. К 23 сентября эти подразделения трех пехотных полков 1-й польской армии присоединились к своим частям".

Верховное Главнокомандование согласилось с командующим фронтом. 1-й польской армии было приказано перейти к обороне по восточному берегу Вислы.

28 сентября гитлеровцы предприняли в Варшаве общее наступление. Бои были крайне ожесточенными. За три дня повстанцы оказались на грани полного поражения. Последним офицерам связи 1-й польской армии пришлось покинуть повстанческие штабы, так как стало известно, что вражеская агентура готовит их физическое уничтожение.

В последующие дни в различных уголках Варшавы очаги заключительного акта восстания замирали. Но даже в полном окружении, под мощным огнем гитлеровцев, разрозненные, утерявшие связь со своим командованием, группы повстанцев не

складывали оружия. Особенно упорно сопротивлялись Жолибож и Срюдместье. Коммунисты, командиры Армии Людовой, разработали и сумели согласовать с командованием 1-й армии Войска Польского, а через него - с командованием фронта план действий, обеспечивающий выход повстанцев с Жолибожа на берег Вислы и последующую переправу на Прагу под прикрытием артиллерии и авиации 1-го Белорусского фронта.

План этот, однако, был сорван командованием Армии Крайовой, которое около 18 часов 30 сентября потребовало, чтобы повстанцы немедленно капитулировали. Лишь небольшая группа во главе с майором Шанявским с боем вышла к Висле и в лодках, которые подвели воины 1-й польской армии, была переброшена на нашу сторону. Через два дня прекратило сопротивление Срюдместье.

Так закончилось восстание в Варшаве. Оно озарило неувядаемой славой восставший народ и навечно покрыло позором организаторов этого восстания из так называемого лондонского польского правительства.

Польский военный историк Ежи Кирхмайер в своей книге "Варшавское восстание" справедливо подчеркивает, что в тот момент восстание не имело почти никакого значения с военной точки зрения. "...Восстание не ускорило ни на один час освобождения Варшавы, - пишет автор, - только в этом свете можно представить тяжесть понесенного поражения - необоснованного и ненужного".

Трагедия Варшавы стала страшным символом банкротства реакционных буржуазных политиков. Вместе с тем баррикады Варшавы свидетельствовали перед всем миром, что Польская рабочая партия и руководимые ею прогрессивные силы готовы до конца служить народу. Вечный огонь горит ныне на черняковском берегу Вислы, напоминая о крови, пролитой советскими и польскими воинами в совместных боях за светлое будущее народной Польши.

В освобожденных восточных землях Польши становилась на ноги народная власть. Она стремилась к скорейшему возрождению страны. Множество поляков отвечало на это практическим делом: в тылу врага усилились удары партизанских отрядов, а в освобожденных районах люди шли под знамена Войска Польского, чтобы активно участвовать в освобождении остальных земель родины, еще находившихся под пятой гитлеровцев.

Наплыв добровольцев был очень большим. Возросли и возможности мобилизации призывных контингентов. Это позволило в августе 1944 г. приступить к формированию на

территории Польши, а именно в районе Люблина и Седлеца, 2-й польской армии. Командующим был назначен генерал дивизии Кароль Сверчевский. На 1 октября в составе армии имелось уже около 50 тыс. человек. Кроме того, началось формирование смешанного авиационного корпуса и других соединений и частей. В последующем 2-я армия Войска Польского покрыла славой свои знамена в Берлинской операции, на Нысе-Лужицкой, под Дрезденом, завершив боевой путь в районе столицы союзной нам Чехословакии.

Поскольку возможности мобилизации на освобожденной территории Польши были далеко не исчерпаны, Крайова Рада Народова предполагала далее расширять Войско Польское и вслед за 2-й польской армией сформировать еще одну армию, специальные войска и тыловые части. Генеральному штабу в этой связи было приказано держать вопрос о третьей польской армии все время в поле зрения, что мы и делали. Причем никаких сомнений относительно возможности решения такой задачи у нас не возникало. Мало того, И. В. Сталин дал задание подготовить директиву о сформировании к 15 ноября Польского фронта в составе трех армий. Мы ее разработали, а Ставка утвердила, о чем я 3 октября и доложил начальнику Генштаба А. М. Василевскому, находившемуся в Прибалтике в качестве представителя Ставки.

При выполнении этой задачи, однако, столкнулись с большой трудностью: не хватало национальных командных кадров. Происходило это вследствие ряда причин: здесь сказывались и тяжелые последствия панской власти, не дававшей народу дороги к образованию, и политика разрушения польской культуры и прямого истребления ее представителей гитлеровскими захватчиками. Большая часть командного состава технических родов войск, как уже говорилось, ушла с Андерсом. Генеральный штаб изучал различные пути решения вставших тогда кадровых вопросов Войска Польского. Изучались они и нашими польскими товарищами. Между тем время шло, но ничего обнадеживающего не было найдено. В конце концов трудное положение с офицерским составом вынудило отказаться от формирования Польского фронта, а собранные офицерские кадры пришлось обратить на пополнение уже имевшихся войск.

Рост численности Войска Польского был очень значительным: к концу войны против гитлеровской Германии в его рядах насчитывалось почти 446 тыс. человек. На его вооружение и оснащение до 1 мая 1945 г. было отпущено около 303 тыс. винтовок и карабинов, 106,5 тыс. пистолетов-пулеметов, около 19 тыс. пулеметов всех видов, почти 5 тыс. минометов всех

калибров, свыше 3,5 тыс. орудий, 673 танка и самоходно-артиллерийские установки, самолетов всех видов - 630, автомашин - около 12 тыс. и много других видов вооружения и техники.

В Генеральный штаб шли доклады, свидетельствовавшие о глубокой разрухе, переживаемой Польшей вследствие долгих и трудных лет гитлеровской оккупации. Все, что можно было взять, по-грабительски, беззастенчиво отбиралось немецко-фашистской администрацией и гитлеровскими войсками для третьего рейха или со слепой ненавистью истреблялось. Живым примером на той стороне Вислы лежала многострадальная Варшава. Время от времени оттуда доносились глухие взрывы. Это немецко-фашистские каратели планомерно, по специально разработанному графику разрушали одно за другим сооружения польской столицы.

Сама жизнь поляков всегда была под угрозой. Теперь точно установлено, что только в лагерях смерти и от рук гитлеровских карателей погибло 3577 тыс. польских граждан. Всего, в том числе на поле боя, пало 6 028 тыс. человек. Иными словами, каждый день оккупации приносил гибель трем тысячам жителей страны. По собственному опыту мы в полной мере представляли себе невыразимое горе, постигшее польский народ, и стремились всеми силами ослабить последствия злодеяний фашизма.

Хотя органы административной власти народной Польши решали все вопросы гражданской жизни, обстановка войны и разрухи вынуждала их постоянно обращаться к военному командованию с разного рода просьбами. Это было в порядке вещей, и советские воины не могли не думать и не заботиться о будущем Польши. В связи с этим члены военных советов 2-го Белорусского фронта генерал Н. К. Субботин, 1-го Белорусского - генерал К. Ф. Телегин и 1-го Украинского генерал К. В. Крайнюков постоянно занимались этими делами и срочно решали вопросы, которые ставила жизнь. Надо было освобождать школьные помещения для ребятишек, помогать создавать и печатать буквари, следить, чтобы никто не препятствовал исполнению религиозных обрядов, не трогал костелов, церквей и молитвенных домов. Много забот требовала организация больниц, обеспечение их медикаментами.

Используя обстановку войны, зашевелились некоторые темные элементы, в том числе украинские националисты, которые убивали ответственных лиц, грабили общественное имущество, уничтожали запасы продовольствия и фуража. Власти должны были с ними бороться, но без содействия наших войск обойтись не могли. Приходилось помогать поддерживать

общественный порядок на освобожденной территории. Дела были неотложными и очень непростыми, поскольку у фронтов не хватало многого из того, что требовалось для восстановления нормальной жизни на истерзанной фашизмом земле.

Советским командирам и политработникам приходилось нелегко. Но работа шла. Наши воины видели, что польский народ самоотверженно принимается за восстановление своей страны. Советское правительство и войска всячески ему помогали. В этом единстве и дружбе был залог светлого будущего польской земли.

Советский Генеральный штаб указал командующим и командирам действующих войск на то, чтобы при выполнении задач обращалось особое внимание на безопасность населения и принимались меры по сохранению промышленных сооружений, городов и сел, находящихся в них памятников польской национальной культуры.

В связи с просьбой польского правительства, которое оставалось временно в Люблине, в разные районы страны по созданной нашими железнодорожниками и автомобилистами "зеленой улице" пошли необходимые грузы: в Прагу уже в конце сентября 1944 г. были отправлены специально выделенные для этого предместья Варшавы и прилегающего района медикаменты и мука (10 тыс. тонн). В последующем при освобождении польских земель за Вислой в Катовицы доставили столько же муки и 5 тыс. тонн сахара. В Краков подвезли 5 тыс. тонн муки и 2 тыс. тонн сахара, в Ченстохову и Кельцы - по 1 тыс. тонн сахара.

До конца 1945 г. только от войск 1-го Белорусского фронта и в последующем Группы советских оккупационных войск в Германии земледельцы Польши получили тягло и свыше 138 тыс. тонн зерна. В распоряжение польских властей были переданы скот, запасы продовольствия и фуража, брошенные бежавшими немецкими и другими буржуазными владельцами. Польской администрации, чтобы хоть как-то наладить связь и транспорт, приходилось передавать самолеты, автомашины. Войска восстановили более 4 тыс. км железных дорог, более 12 тыс. км железнодорожной связи. Короче говоря, между органами управления, созданными Польским комитетом национального освобождения, и советскими войсками установились те подлинно человеческие, братские отношения товарищей по оружию, которые в апреле 1945 г. получили выражение в Договоре о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской республикой.

Несмотря на поражение варшавского восстания, ни Ставка, ни Генштаб не отказывались от мысли разгромить варшавскую группировку противника. Особое место в наших расчетах занимал

рубеж по реке Нарев. Мы уже говорили о плане операции с наревских плацдармов, в основу которой были положены соображения Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского. Подготовка шла полным ходом, и 5 октября операция должна была начаться.

Но 4 октября утром поступило сообщение, что противник начал крупное наступление против войск П. И. Батова на сероцком плацдарме и даже потеснил наши части. Дальнейшее продвижение немецких танков и пехоты было остановлено, но ожесточенные бои продолжались. 9 октября обозначился кризис наступления противника, и наши армии предприняли контрудар. К сожалению, решительного поражения немецко-фашистским войскам тоже не удалось нанести. И не было на это никаких перспектив в ближайшее время. Требовалось перегруппировать и накопить силы, обеспечить подготовку предстоящих операций.

В конце октября и Сталин потерял надежду на быстрое освобождение Варшавы. Войска правого фланга 1-го Белорусского фронта фактически перешли к обороне, а 12 ноября на этот счет последовала директива Ставки.

Полное освобождение всей территории Польши, в том числе Варшавы, связано с нашим зимним наступлением победного 1945 года на западном направлении. Как известно, оно было весьма успешным и привело на исходные рубежи для завершающих ударов по гитлеровской Германии и ее сердцу - Берлину.

В ходе зимних операций 1945 г. 2-й Белорусский фронт буквально прорубился через укрепления врага, отбил его контратаки и вырвался в район Данцига. Войска 1-го Белорусского фронта, преодолев ряд укрепленных полос, вышли к Одеру. Войска 1-го Украинского фронта разгромили противника в Силезии, освободили для народной Польши важный промышленный район и выдвинулись на Нейсе (Нысу). Успешно действовали войска 4-го Украинского фронта, обеспечив операции главных фронтов с юга.

Честь вступить в польскую столицу была предоставлена 1-й польской армии во главе с генерал-лейтенантом С. Г. Поплавским. Ее боевые действия опирались на результаты наступления главных сил 1-го Белорусского фронта маршала Г. К. Жукова, в состав которого 1-я польская армия тогда входила. Главные силы фронта рвались на Кутно, Лодзь, имея впереди 1-го и 2-ю гвардейские танковые армии М. Е. Катукова и С. П. Богданова. Прорвав оборону и разгромив противостоящие части группы армий "Центр", они быстро вышли в тыл варшавской группировки вражеских войск. Мощный танковый клин советских частей подрубил устойчивость немецко-фашистской обороны, и вражескому командованию пришлось думать о том, как унести

ноги из лежащей в руинах многострадальной столицы Польши. Этим воспользовалась 1-я польская армия и 17 января 1945 г. полностью очистила Варшаву от врага.

1-й Украинский фронт И. С. Конева, подобно правому соседу, быстро сокрушил оборону противника в своей полосе наступления, и с 18 января оба фронта перешли в стремительное преследование немецко-фашистских войск. Но если 1-й Белорусский фронт рвался только вперед, то на 1-м Украинском дело обстояло сложнее. Здесь, как уже говорилось, находился промышленный Силезский район, который важно было сохранить для народной Польши, и прямым ударом задача не решалась: приходилось маневрировать, выманивать противника в поле и там уже громить. Командование фронта сделало это блестяще. Силезская операция 1-го Украинского фронта представляет собой одну из наиболее интересных и поучительных страниц истории советского военного искусства.

В полосе наступления 1-го Украинского фронта лежал и древний Краков город-памятник польского зодчества, где были сосредоточены выдающиеся творения национального искусства. Чтобы сохранить их от разрушения, пришлось отказаться от ударов артиллерии и авиации по городу. И таких примеров было множество. Они свидетельствуют об умении и желании заглянуть в будущее, о заложенном глубоко в сознании польского и русского народов чувстве дружбы, о стремлении оказать помощь другу при самых сложных обстоятельствах войны.

Нельзя не сказать еще раз, что на территории Польши наши войска широко взаимодействовали с крупными партизанскими силами, особенно на Келевщине. А простые люди, если они и не могли помочь нам оружием. то платили советским воинам добром, которое не забывается. Многие советские солдаты были спасены от неминуемой гибели благодаря самоотверженным действиям польского населения, подвергавшегося двойной опасности.

Итогом операций наших фронтов и Войска Польского было полное освобождение польских земель от гитлеровских захватчиков на всем протяжении от Балтики до Карпат. Красный - советский и бело-красный - польский флаги осенили берега Поморья, волны Одры и Нысы-Лужицкой - западного рубежа свободной и независимой народной Польши.

Боевое содружество советских и польских войск все возрастало. Достаточно сказать, что в важнейшей из заключительных операций против фашистской Германии - Берлинской - принимали участие не только 1-я, но и 2-я польские армии. 1-й авиационный корпус, 1-й танковый корпус, 2-я

дивизия артиллерии, 1-я отдельная минометная бригада и другие части. Они входили в состав 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов и в своих рядах имели 185 тыс. солдат и офицеров, свыше 3 тыс. орудий, около 500 танков, более 300 самолетов. Это было весомым вкладом в достигнутый общими усилиями большой успех.

Нигде и никогда дорога советского солдата не была легкой. Была она трудной и там, за Бугом. 600 тысяч наших воинов покоятся в земле Польши. Скорбные ряды памятников павшим напоминают людям о днях военных, о совместной борьбе советского и польского народов за честь и независимость, за освобождение польского государства от гитлеровских оккупантов. Народная Польша чтит память павших бойцов, с уважением отмечает решающий вклад советских воинов в дело разгрома общего врага - немецкого фашизма.

Глава 4. Освобождение Румынии

На пороге Румынии. - Готовим операцию. - Два мнения. - Совещание в Ставке. - Окружение и разгром противника под Кишиневом и Яссами. - Путь в Румынию открыт. - Диктатура И. Антонеску теряет почву под ногами. - Наши под Бухарестом. - События в румынской столице. - Король Михай в роли антифашиста. - Народное восстание. - Приятная неожиданность. - На пути к народной власти. Румынская армия - наш союзник.

Выход советских войск на границу СССР с Румынией был связан не только с проведением военных операций, но и с крупными политическими мерами. У Советского правительства были уже сведения о тайных переговорах румынских правящих кругов с представителями США и Англии по поводу положения в Румынии, которые проводились с помощью бывшего премьер-министра князя Штирбея. В то время как наши армии приближались к румынской границе, в кругах иностранных журналистов и дипломатов пошли разговоры о каких-то особых условиях перемирия, якобы предложенных Советским правительством правительству Румынии.

Факт появления подобных политических сплетен был верным признаком беспокойства в стане фашистских главарей Румынии. Ложь получила достойную отповедь советских официальных органов.

"По сообщению шведской печати, - говорилось в опровержении ТАСС от 22 марта 1944 г., - швейцарская газета "Журналь де Женев" распространяет слухи о том, что будто бы румынскому представителю князю Штирбею были вручены в Анкаре "русские условия перемирия, одобренные англосаксами". Эти условия якобы состоят из семи пунктов и содержат пункты о

советско-румынской границе, о возвращении Трансильвании Румынии, об отказе Советского Союза от контрибуции и тому подобное.

ТАСС уполномочен опровергнуть это сообщение как вымышленное и заявить, что вообще никаких советских условий Штирбею или какому-либо другому румынскому представителю не передавалось".

Должен сказать, что ранней весной 1944 г. Генеральный штаб уже почувствовал мудрость политики советской делегации на Тегеранской конференции (28 ноября - 1 декабря 1943 г.), где было принято решение открыть второй фронт не на Балканах, а в Западной Европе. Дело в том. что буквально каждый день стал приносить в Генштаб известия о внешнеполитическом маневрировании правящих кругов Румынии, их попытках сближения с англо-американским блоком. Румынские эмиссары действовали то в Португалии, то в Швейцарии, то в Испании. Они появлялись в Турции и Швеции, зондируя почву относительно возможности заключения сепаратного мира США и Англии с гитлеровской Германией и ее сателлитами. Фашистские правители Румынии, особенно после капитуляции Италии, ловили момент, чтобы переметнуться в англо-американский блок. В поиски сепаратного мира с лета 1943 г. активно включалась и румынская "оппозиция", возглавляемая лидерами "исторических" партий Маниу и Братиану. Все расчеты строились на том, что англичане и американцы прибудут в Румынию раньше советских войск. Были данные, что правители Румынии не скупились на обещания, чтобы вызвать англоамериканскую оккупацию.

Когда же наши войска пересекли советско-румынскую границу, правительство СССР на пресс-конференции журналистов 2 апреля 1944 г. сделало уже известное читателю заявление и довело до сведения всего мира, что наступающие части нашей армии перешли реку Прут и вступили на румынскую территорию, а Верховное Главнокомандование дало приказ наступающим частям преследовать противника вплоть до полного его разгрома и капитуляции.

10 апреля Государственный Комитет Обороны принял постановление о поведении советских войск на территории Румынии. ГКО передал его Военному совету 2-го Украинского фронта и обязал обратиться к румынскому населению с особым воззванием, где подтвердить существо советского правительственного заявления от 2 апреля. Вместе с тем постановление определило порядок общего руководства, контроля и наблюдения за деятельностью гражданских органов власти со стороны Военного совета фронта. Личная

ответственность за это возлагалась на члена Военного совета генерала И. З. Сусайкова. Было приказано румынские органы власти не ломать, собственность и имущественные права граждан и частных обществ охранять. На освобожденной территории вводилась советская военная администрация. Военные советы фронта и армий на основе этого постановления развернули широкую разъяснительную и практическую деятельность.

Несмотря на гуманный смысл заявления Советского правительства, румынские сателлиты Гитлера забеспокоились, понимая, что победы Крас-ной Армии оказывают большое революционизирующее влияние на румынских трудящихся и создают благоприятные условия для антифашистской борьбы. Вскоре союзники сообщили СССР о новых попытках правительства Румынии завязать с ними переговоры. Но в контакты с румынами теперь вступило и наше государство, предъявив 12 апреля 1944 г. И. Антонеску шесть условий перемирия: разрыв с немцами и борьба против них совместно со странами антигитлеровской коалиции; полное восстановление советской границы с Румынией и возмещение убытков, причиненных нам румынскими войсками; возвращение советских и союзных военнопленных; всестороннее содействие операциям советских и союзных войск на территории Румынии; аннулирование вопроса о Трансильвании и помощь советским войскам в деле освобождения этой области от противника. Правительство И. Антонеску отклонило эти условия и продолжало войну.

Пока шли переговоры, боевые действия не прекращались и развивались своим чередом. Попытки немедленного наступления, предпринятые нами с плацдарма за Прутом еще в апреле, были безуспешными, и три фронта - 1-й, а затем 2-й и 3-й Украинские по приказу Ставки перешли к обороне. Это, однако, отнюдь не отменяло подготовку к наступлению, и разработка плана операции на юго-западном направлении шла полным .ходом в Генштабе и на фронтах.

Немало пришлось тогда подумать руководству Генерального штаба и Главного политического управления. Дело освобождения Румынии представлялось не только весьма деликатным, но и очень сложным, поскольку эта страна была союзницей гитлеровского рейха, а ее правящие круги - и соучастниками его преступлений. На нашей земле еще не развеялся горький дым пожарищ, оставленных оккупантами, среди которых были и румынские солдаты, чернели руины сел и городов, не сосчитать было вдов и сирот...

Раздумывая о поведении наших солдат за рубежом, мы

надеялись на испытанное революционное, интернациональное сознание советских людей, на распорядительность командиров, на действенность политической агитации и пропаганды. Мы были убеждены, что командиры и политработники личным примером и партийным словом сумеют помочь советскому солдату верно сочетать в ходе боевых действий страстный патриотизм с пролетарским интернационализмом. В этом заключалось главное, обеспечивающее правильную связь беспощадной борьбы за полное уничтожение врага и подлинной дружбы с трудовым народом. Здесь не было и тени национализма, слепой мести, не говоря уже о бесчинствах в отношении населения. В Румынию вступали представители передового, гуманного советского строя, защитники интересов демократии и социализма, громившие гитлеровский фашизм.

Уже с конца марта 1944 г. советское Верховное Главнокомандование готовило командный состав советских войск и политические органы к действиям на территории Румынии. Разгром врага и его агентуры должен был проводиться так, как того требовали законы военного времени, не ущемляя, однако, законных прав национальной власти во внутренних делах. Определялись задачи, содержание и основные методы политработы в войсках, правила и нормы поведения советских военнослужащих за рубежом. Все понимали, сколь необходимо с беспощадностью пресекать любой случай нарушения законности пусть даже отдельными несознательными людьми.

Мы были кровно заинтересованы в тесном сотрудничестве с трудовым народом Румынии - только такое сотрудничество могло привести к победе демократических начал в этой стране. Но и здесь предвиделись большие трудности. Румынское правительство отклонило гуманные условия перемирия, предложенные Советским правительством, и продолжало бессмысленное кровопролитие. Оно всячески стремилось запугать население клеветой об "ужасах советской оккупации", ссылках в Сибирь и прочими вымыслами.

Клевету на Красную Армию фашистская пропаганда сочетала с попытками опорочить румынских коммунистов и партизан, выдавая их за грабителей и бандитов. Нужно сказать, что румынский народ быстро разобрался, кто искренне борется за его счастье.

Нам было известно, что в Румынии, изнывавшей под пятой военной диктатуры Антонеску и фактически оккупированной фашистской Германией, коммунисты день ото дня упрочивали свое положение и влияние.

Весной 1944 г., когда кризис режима Антонеску стал

отчетливо проявляться, Компартия Румынии выдвинула в качестве одной из главных своих задач борьбу за единство рабочего класса, которое являлось важнейшим условием обеспечения в будущем победы вооруженного восстания, Решению этой задачи служило создание в апреле 1944 г. Единого рабочего фронта, выступившего с первомайским манифестом "Ко всему рабочему классу! К румынскому народу!". Манифест призвал всеми средствами разрушать гитлеровскую военную машину. В то же время компартия начала создавать боевые патриотические группы, исподволь готовившиеся к вооруженному восстанию. А на территории СССР формировались из антифашистов и бывших военнопленных пехотная дивизия имени Тудора Владимиреску и партизанские группы. Последние десантировались в Румынию. В мае 1944 г. компартия заключила соглашение о единстве действий с одной из национал-либеральных групп, а затем лидеры национал-царанистской (крестьянской) и национал-либеральной партий сами пошли на контакт с коммунистами. На это толкала их перспектива краха гитлеровской Германии. Стараясь объединить антигитлеровские силы, в том числе и буржуазные партии, коммунисты действовали очень гибко с целью изолировать фашистскую клику И. Антонеску и вовлечь в борьбу против нее ту часть населения, которая находилась под влиянием буржуазно-помещичьих партий. Однако до создания политического блока против режима фашизма дело тогда еще не дошло.

Имея указания Ставки, Генштаб должен был учитывать складывающуюся в той или иной стране ситуацию, все сложные политические вопросы и даже - где больше, где меньше - участвовать в их разрешении. О новой обстановке, в которой теперь наступали войска, нам не раз напоминали в Ставке. Многократно был предупрежден и Р. Я. Малиновский, фронт которого являлся основной силой в Румынии и Венгрии, о том, какая особой важности политическая задача возложена на его войска.

Двум нашим фронтам - 2-му и 3-му Украинским - противостояла группа немецко-фашистских армий "Южная Украина". В состав ее входили две немецкие (8-я и 6-я) и две румынские (4-я и 3-я) армии, 17-й отдельный армейский корпус немцев и многие другие пехотные и специальные части.

Устойчивость войск противника была весьма значительной. Об этом свидетельствовали прошедшие бои. Долгое время группой армий "Южная Украина" командовал один из наиболее способных немецких военачальников генерал-полковник Шернер - впоследствии он яростно сопротивлялся советским войскам в

Чехословакии даже после приказа о полной капитуляции Германии. В конце июля Шернера сменил генерал Фриснер. Гитлеровское командование надеялось, что такая замена принесет пользу:

Фриснер был известен как военачальник, обладавший большим боевым опытом, хотя он и потерпел перед тем неудачи в Прибалтике, где возглавлял группу армий "Север". По всей полосе группы армий "Южная Украина" круглосуточно строились оборонительные сооружения; на отдельных направлениях вновь создаваемые полевые позиции сочетались с заблаговременно усиленными укрепленными районами.

При разработке плана операций на Балканах кроме обычных элементов обстановки приходилось учитывать и еще одно обстоятельство: вероятность так называемого "балканского варианта" действий наших союзников. Этот вариант предусматривал одновременное открытие второго фронта и вторжение войск союзников в страны Балканского полуострова. Уинстон Черчилль в общем виде изложил "балканский вариант" еще на Тегеранской конференции и теперь настаивал на его проведении. В случае если "балканский вариант" был бы осуществлен, главную роль на полуострове играли бы англо-американские вооруженные силы. Советскому Союзу пришлось бы преодолевать значительные трудности политического характера и проделать большую работу для согласования действий союзных армий. Не исключалось также, что союзники предпримут за нашей спиной попытки договориться с румынским правительством. Вскоре, кстати, нам стало известно, что кое-что в этом направлении уже делается.

Были трудности и по координации усилий Советских Вооруженных Сил. Взгляд на карту убеждал, что потребуются одновременные действия на юг - в интересах освобождения Болгарии и Югославии и на запад - с целью разгрома немецко-фашистских войск в Венгрии, Австрии и Чехословакии. Силы, таким образом, на какое-то время разбрасывались. При этом было ясно, что нашим войскам придется сражаться на весьма широком фронте в крайне неблагоприятных для наступления условиях местности, поскольку горы, реки и многочисленные населенные пункты предоставляли противнику возможность успешно обороняться.

Наряду с чисто военной и морально-политической подготовкой Красной Армии к освободительной миссии на территории стран - сателлитов гитлеровской Германии предпринимались и меры дипломатического порядка, которые расшатывали устои гитлеровской коалиции. В частности, 13 мая

1944 г. правительства Советского Союза, Великобритании и США обратились к Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии с заявлением. В нем говорилось, что нынешняя политика правительств этих стран существенно укрепляет германскую военную машину. В то же время эти страны могут сократить срок войны в Европе, уменьшить количество своих собственных жертв и содействовать победе союзников. Для этого они должны выйти из войны, прекратить пагубное для них сотрудничество с Германией и оказывать сопротивление гитлеровцам всеми доступными им средствами. Страны-сателлиты были предупреждены, что им необходимо уже сейчас решить, будут они упорствовать в своей нынешней безнадежной и гибельной политике или внесут вклад в общую победу союзников и тем самым смогут избежать ответственности за участие в войне на стороне гитлеровцев. Этот шаг союзных держав имел большой политический эффект, так как помог существенно укрепить позиции сил Сопротивления.

Как уже говорилось, командующие 2-м и 3-м Украинскими фронтами еще в мае 1944 г. получили задание подготовить операцию. Работа продолжалась, поскольку начало операции все отодвигалось; менялись и силы фронтов. Перед решающими событиями были проведены и персональные изменения в руководящем составе фронтов: Р. Я. Малиновский перешел на 2-й Украинский фронт, вместо него командующим 3-м Украинским фронтом стал Ф. И. Толбухин, 1-й Украинский фронт возглавил И. С. Конев, а Г. К. Жуков вернулся к своим обязанностям заместителя Верховного Главнокомандующего и вскоре выехал в качестве представителя Ставки на 1-й и 2-й Белорусские фронты. Следует сказать, что эти персональные изменения были очень нужны, поскольку, например, Р. Я. Малиновский и начальник штаба 2-го Украинского фронта М. В. Захаров начали войну в этом районе и знали его детально.

К началу июля было закончено изъятие из 2-го и 3-го Украинских фронтов войск, предназначенных для использования в Белоруссии и на других направлениях. Ставка была вынуждена вывести из состава 2-го Украинского фронта и передать И. Д. Черняховскому на 3-й Белорусский фронт 5-ю гвардейскую танковую армию, направить на 1-й Белорусский фронт К. К. Рокоссовского 2-ю танковую армию. 5-ю гвардейскую армию подчинили 1-му Украинскому фронту, который готовил Львовскую операцию. У 3-го Украинского фронта взяли 8-ю гвардейскую армию и некоторые специальные части, чтобы усилить левый фланг 1-го Белорусского фронта. Поскольку исход кампании решался на главном для того времени направлении -

западном, советское Верховное Главнокомандование решительно пошло на столь серьезное ослабление сил южных фронтов, полагая, что результаты операций в Белоруссии и на львовском направлении позволят решить в последующем проблемы, возникающие на других направлениях. Теперь более или менее точно определилось, какие силы Малиновского и Толбухина могут наступать на юго-запад.

Приближалось время осуществления общего плана кампании. В связи с этим Генштаб дал штабам фронтов указание подготовить свои соображения о наступательной операции в районе Яссы, Кишинев с целью разгрома группы немецко-фашистских армий "Южная Украина".

Офицеров, занимавшихся в Генштабе 2-м Украинским фронтом, возглавлял тогда генерал-майор Н. В. Постников, а 3-м Украинским - генерал-майор К. Ф. Васильченко. Они были тесно связаны со штабами фронтов и вместе с ними планировали действия войск.

Наиболее гладко подготовительная работа шла на 2-м Украинском фронте. В отношении замысла операции и направления главного удара фронтовое командование и Генштаб быстро нашли общий язык и твердо сошлись во мнениях: войска фронта должны были в своей полосе наступления отсечь главные силы противника в районе Унгены, Яссы, Кишинев от сообщений на запад и юг и во взаимодействии с соседом слева - 3-м Украинским фронтом окружить их. Поэтому главный удар следовало нанести в направлении на Хуши, позволявшем решить все указанные задачи. Затем надлежало во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом полностью разгромить группу армий "Южная Украина".

Что же касается задач и методов действий 3-го Украинского фронта, то здесь были различные точки зрения. Военный совет и штаб фронта настаивали на том, чтобы в интересах окружения основных сил противника главный удар фронта наносился в направлении на Хуши с кицканского плацдарма, захваченного на правом берегу Днестра южнее Тирасполя: здесь на пути наступающих войск не было крупных водных или других естественных преград. Генеральный штаб отлично понимал это, но полагал, что при ударе с плацдарма не будет достигнута внезапность и, следовательно, прорыв будет проходить трудно, поскольку противник ждет наше наступление как раз здесь и приготовится противодействовать. Генштаб предлагал нанести главный удар на кишиневском направлении, где внезапности достигнуть будет легче, хотя и предстоит форсировать Днестр. Для успешного форсирования этой преграды у нас имелись

достаточные силы и средства. Если же удар окажется внезапным для врага, то форсирование и прорыв здесь, по нашему мнению, могли проходить легче, чем в любом другом месте.

Особенно интенсивно и в таком же тесном содружестве проходила подготовка планов операции во второй половине июля. Мы еще и еще раз подробно рассматривали доводы сторон. Но вот в ходе работы от разведки был получен новый материал. Он позволил сделать вывод, что противник не ждет нашего главного удара с кицканского плацдарма, а основные свои расчеты связывает с районом Кишинева. Это был важный вывод. Теперь Генштабу не было никакого смысла отстаивать свою точку зрения. Мы согласились с мнением командования 3-го Украинского фронта: действовать нужно с кицканского плацдарма.

Между тем на фронтах происходили события, имевшие решающее значение для хода войны. С западного направления - с 3, 2, 1-го Белорусских и с 1-го Украинского фронтов приходили донесения о победах, радовавшие советских людей. Как уже говорилось, наши войска нанесли сокрушительное поражение группе армий "Центр" и стремительно выдвигались к западным границам Советского Союза, а на некоторых участках пересекли их и овладели плацдармами на западном берегу Вислы. Особенно бурно развивалось в этот момент наступление 1-го Украинского фронта под командованием И. С. Конева, войска которого успешно форсировали Вислу под Сандомиром и продолжали развивать успех.

Настал черед для обсуждения планов действий и на юго-западе. 31 июля в Ставке было проведено специальное совещание и рассмотрены вопросы подготовки наших войск к Ясско-Кишиневской операции. На совещание были приглашены маршал С. К. Тимошенко, являвшийся представителем Ставки на 2-м и 3-м Украинских фронтах, командующие этими фронтами, члены военных советов И. З. Сусайков и А. С. Желтов.

В ходе совещания учитывалось особое значение предстоящей Ясско-Кишиневской операции для последующего развития военно-политических событий в Румынии. Советским Вооруженным Силам предстояло одним мощным ударом ликвидировать главные силы войск противника и тем самым решительно подорвать вооруженный оплот фашистской диктатуры в Румынии.

В этой связи нужно выделить "изюминку" плана Ясско-Кишиневской операции. Дело в том, что немецко-фашистское командование основное внимание уделяло кишиневскому направлению и считало, что там следует ожидать главного удара

наших войск. Поэтому сюда и были сосредоточены основные силы наиболее боеспособных немецких дивизий. Войска располагались компактно в тактической зоне. Это свидетельствовало о том, что противник рассчитывает погасить наш самый сильный первый удар прежде всего на малой глубине. Вероятно, противник рассчитывал и на то, чтобы отвести свои войска в случае необходимости на позиции, которые подготавливались в глубине обороны. Кроме того, для парирования ударов Красной Армии на этом же направлении находились и основные вражеские резервы, которые, правда, были невелики и состояли из двух пехотных и одной танковой дивизий.

На флангах кишиневской группировки противника оборонялись румынские войска, вооруженные значительно слабее немецких, хуже обученные и снабженные. По данным разведки, их боевой дух был невысок, многие солдаты и даже подразделения были настроены против немцев. Таким образом, создавалось положение, когда наиболее уязвимыми участками обороны были фланги сильной кишиневской группировки противника.

На заседании Ставки пришли к выводу, что наилучшим вариантом действий в данном случае будет окружение и ликвидация в короткий срок главных сил группы армий "Южная Украина" в районе Кишинева. Охватывающее положение наших войск позволяло прорвать оборону противника на ее слабых флангах, а затем кратчайшим путем выйти в район Хуши, Васлуй, Комрат на тылы основной группировки немецких войск, окружить и уничтожить ее.

Не захват столицы, а окружение и разгром немецких войск в районе Кишинева были первоочередной оперативно-стратегической задачей советских войск. После разгрома противника создались бы и благоприятные возможности для быстрого проникновения наших фронтов в глубину Румынии и решения последующих задач, в том числе овладения Бухарестом и другими экономическими и политическими центрами страны. Наступать в этом случае предстояло уже через "фокшанские ворота", т. е. по наиболее благоприятной местности. Затем был предусмотрен выход на широком фронте к Дунаю и восточным границам Венгрии, к северным рубежам Югославии и Болгарии. Мы надеялись, что в результате этих наступательных действий Румыния будет быстро выведена из войны на стороне Германии.

С особым вниманием разобрали трудные вопросы, например такой: удастся ли советским войскам упредить возможный отход противника? Логика вещей подсказывала, что в случае, если Фриснер сможет распознать наш замысел, он не замедлит вывести свои главные силы из-под удара и организует оборону на

новом рубеже. Когда же он сумеет понять, что именно готовят ему наши войска? По опыту войны мы полагали, что гитлеровское командование разберется в нашем замысле не ранее второго дня операции. Это было важно: чтобы избежать котла, войскам противника до переправ на Пруте в районе Хуши требовалось преодолеть расстояние 60-80 км. Нашим же наступающим частям, чтобы закрыть врагу пути отхода, нужно было пройти до этой переправы гораздо большее расстояние - около 100 км. Поэтому, если гитлеровское командование успеет отвести войска, наши планы окружения провалятся и потребуется проведение повой операции.

Следовательно, первым условием нашего успеха являлось достижение внезапности н высокие темпы наступления советских войск. Мы должны были захватить с ходу и в предельно короткий срок выгодные рубежи местности, такие, как хребет Маре, где располагалась вторая полоса оборонительных укреплений противника, не дать ему закрепиться там и разгромить его резервы, подходящие из глубины. Кроме того, требовалось захватить переправы через реку Прут раньше, чем ими воспользуется для отхода противник. Расчеты показали, что наступать нужно с темпом не менее 25 км в сутки!

Отсюда вытекала и последовательность действий наших войск: пехота должна была совершить быстрый прорыв, а танки - стремительно развивать его в глубину и вырваться к переправам на Пруте. Поэтому следовало сохранять танковые войска в кулаке, не распылять их в ходе операции, вводить в дело после прорыва обороны противника. В интересах наращивания сил в ходе операции требовалось создать глубокое оперативное построение войск.

На заседании Ставки было принято решение и о соотношении сил. В частности, на 3-м Украинском фронте не имелось сколько-нибудь значительного превосходства над противником в силах. Оно рисовалось следующим образом: в людях - 1,2 : 1, полевых орудиях разного калибра - 1,3 : 1, танках и самоходных орудиях - 1,4 1, пулеметах - 1:1, минометах - 1,9 : 1, самолетах - 3 :1 в нашу пользу. Очевидно, недостаточное превосходство нужно было восполнять массированием сил на направлении главного удара. Было решено оголить все второстепенные участки фронта и за счет этого решить вопрос. Вот какой разительной картины добился бы тогда фронт: соотношение сил на главном направлении выглядело в людях - 6:1, полевых орудиях разного калибра - 5,5 : 1, танках - 5,4:1, пулеметах - 4,3:1, минометах - 6,7:1, самолетах - 3:1 в нашу пользу. Такой перевес был достаточен для того, чтобы прорвать оборону противника и

развить успех. Все остальное зависело от искусства командования, мастерства и самоотверженности войск.

На этом заседании Ставки Верховный Главнокомандующий еще раз вернулся к военному и политическому значению операции. Впервые, как мы знаем, еще в начальной стадии разработки плана операции он указал командующему 2-м Украинским фронтом на политическую сторону дела. Теперь он заговорил об этом в связи с плотностью артиллерии в войсках Р. Я. Малиновского. Когда командующий доложил, что может сосредоточить на каждом из 22 км фронта прорыва по 220 орудий не менее 76-мм калибра, то есть создать весьма высокую артиллерийскую плотность, И. В. Сталин заметил, что даже этого мало, нужно больше. Поскольку выяснилось, что ресурсов для создания более высокой плотности на таком участке у фронта не хватает, было предложено сократить участок прорыва до 16 км и таким образом добиться плотности 240 и даже несколько больше орудий на километр. Столь высокие плотности артиллерии были одной из гарантий надежного поражения противника, быстрого взлома его обороны и развития успеха в глубину к переправам на реке Прут и в направлении Фокшан. Мощные удары по обороне союзника гитлеровцев должны были, как полагал И. В. Сталин, повлиять на политику правительства королевской Румынии и содействовать ее выходу из войны.

К операции 3-го Украинского фронта были привлечены вновь обретшие свои исконные базы Черноморский флот и Дунайская военная флотилия. Их действия вдоль морского побережья, по Днестровскому лиману и Дунаю - захват морских баз и портов противника, высадка наших десантов в тылу вражеской обороны и поддержка их наступления - должны были стать очень важным фактором общего успеха. Командующий фронтом с помощью представителя Ставки быстро нашел единый язык с командующим флотом адмиралом Ф. С. Октябрьским и командующим флотилией контр-адмиралом С. Г. Горшковым. Работали они дружно. То же следует сказать и о генерале И. Т. Шлемине - командующем войсками 46-й армии, которой предстояло форсировать Днестровский лиман во взаимодействии с Дунайской военной флотилией.

После заседания Ставки в планы фронтов были внесены некоторые уточнения. Суть их для 2-го Украинского фронта была сформулирована следующим образом:

"Цель намечаемой операции: разгромить противника на ясском направлении и совместно с 3-м Украинским фронтом окружить и уничтожить немецкие дивизии кишиневской группировки противника. На пятый день наступления выйти на

рубеж Бакэу, Делении, Хуши. В последующем развить удар на Фокшаны с целью овладения нефтеносными районами Румынии.

Решение: исходя из характера обороны противника наиболее целесообразным участком для прорыва является Поду-Илоаей, Яссы, где не установлены долговременные сооружения. Главный удар силами 27-й и 52-й армий, 6-й танковой армией и 18-м танковым корпусом{41} - нанести с фронта (шириной 16 км) в обход Ясс с юго-запада на Хуши".

Главные силы обеспечивались действиями 5-й воздушной армии, которой командовал тогда генерал С. К. Горюнов. Вспомогательные удары наносились на трех направлениях как справа, так и слева от главной группировки войск фронта силами одной общевойсковой армии каждый.

Резерв фронта был весьма крупным. В нем оставлялись 53-я армия, которой предстояло действовать в полосе наступающей в составе главных сил 52-й армии. 5-й гвардейский кавалерийский, 23-й танковый, 57-й и 27-й гвардейский стрелковые корпуса. Такой состав резерва был обусловлен задачами наращивания успеха из глубины, а также учитывал ведущее место фронта в стратегической операции.

Замысел операции 3-го Украинского фронта, как тогда мы записали в докладе о боевой деятельности войск Ф. И. Толбухина, состоял в том, чтобы "прорвать оборону противника на правом фланге его кишиневской группировки (в основном против румынских частей), при помощи подвижных частей быстро развивать успех в общем направлении на Комрат, после чего повернуть на северо-запад в район Леушени, Лопушна, Негры, соединиться с войсками 2-го Украинского фронта и совместно окружить и уничтожить кишиневскую группировку противника. Одновременно частями 46-й армии окружить и уничтожить аккерманскую группировку противника".

В составе главных сил фронта были полностью 37-я армия генерала М. Н. Шарохина и часть сил 57-й и 46-й армий генералов Н. А. Гагена и И. Т. Шлемина. Для развития успеха предназначались 7-й и 4-й гвардейский механизированные корпуса. На направлении главного удара действовала 17-я воздушная армия, которой командовал генерал В. А. Суден.

Поскольку в составе 3-го Украинского фронта было всего пять армий, то крупного резерва Ф. И. Толбухин выделить не мог; в нем находился только 10-й гвардейский стрелковый корпус.

Таким образом, характерной чертой замысла и решений командующих фронтами было массирование войск на направлении главных ударов и хорошее их обеспечение. Они могли обрушить здесь на противника в среднем более 240 орудий

и минометов калибра 76 мм и выше и 30-50 танков на километр фронта прорыва.

2 августа в 23 часа была подписана совместная директива Ставки 2-му и 3-му Украинским фронтам о подготовке и проведении операции с целью разгрома противника в районе Яссы, Кишинев, Бендеры.

После того как была получена эта директива Ставки, фронты развернули еще более широкую подготовку к операции. Войска перегруппировывались, вели необходимую боевую подготовку. Это было нелегко, особенно на небольшом открытом плацдарме, занимаемом войсками Ф. И. Толбухина. По указанию Ставки проводились мероприятия по оперативной маскировке. Было очень важно заставить сильного и опытного противника ждать нашего наступления только в районе Кишинева. И этого мы добились: хитрый Фриснер долго верил, что ни в каком ином месте советское командование не нанесет ему удара. Удалось заставить его просчитаться и в прогнозе относительно размаха наших операций.

Ввести в такое заблуждение противника было непросто. Для этого 5-я ударная армия генерала Н. Э. Берзарина, например, демонстративно готовила наступление в районе Шерпени; специально выделенные войска с помощью радиосредств имитировали сосредоточение новой армии из нескольких корпусов и танковых частей, предназначенной якобы для 3-го Украинского фронта. Ложное сосредоточение войск проводилось также в полосах наступления 40-й и 7-й гвардейской армий на правом крыле 2-го Украинского фронта. Ложное движение колонн показывалось специально выделенными автомашинами с прицепленными к ним различного рода самодельными устройствами для создания больших облаков пыли на дорогах. В районах расположения 6-й гвардейской танковой армии и 7-го мехкорпуса, занимаемых до перегруппировки, обязательно оставлялись макеты танков и орудий, создававшие впечатление неизменности положения этих войск.

Войска уложились в отведенные им на подготовку действий сроки. 19 августа оба фронта провели контрольную разведку боем на широком участке. Она показала, что поправки к планам предстоящих операций не нужны.

Разведка боем встревожила противника. Получив о ней доклады, генерал Фриснер на исходе дня созвал совещание командующих 6-й и 8-й армиями и 4-м воздушным флотом. Румынских командующих не пригласили. По общему мнению гитлеровских генералов, на следующий день следовало ожидать крупного наступления советских войск - в этом они не ошиблись.

Однако перегруппировка сил, которую они тогда спешно предприняли, чтобы укрепить оборону на угрожаемых направлениях, уже не могла предотвратить их поражения. Немецко-фашистские военачальники понимали это и в тот же вечер "на всякий случай", как писал впоследствии сам командующий, рассмотрели план отвода войск группы армий "Южная Украина".

В то время когда в штабе Фриснера проходило нервозное совещание, представитель Ставки Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, Р. Я. Малиновский и находившийся в войсках маршал авиации С. А. Худяков вместе с операторами прибыли на наблюдательный пункт 2-го Украинского фронта на высоте, помеченной на картах отметкой 195. Вскоре вместе с операторами прибыл на свой НП и командующий 3-м Украинским фронтом Ф. И. Толбухин. А 20 августа в 6.10 2-й Украинский и в 8.00 3-й Украинский фронты начали артиллерийскую подготовку. Пробивая брешь в обороне врага, стреляли тысячи орудий. Ясско-Кишиневская операция началась.

Боевые действия войск в этой операции достаточно известны, и нет нужды их подробно излагать. Скажу только, что они были весьма успешны и изобиловали примерами высокого мужества, героизма и отваги советских воинов. Удар атакующих стрелковых соединений был настолько сильным, что уже к полудню части 27-й армии С. Г. Трофименко прорвали тактическую зону обороны противника на глубину до 16 км и форсировали реку Бахлуй. Создались условия для ввода в прорыв 6-й танковой армии А. Г. Кравченко, хотя по плану это предусматривалось только на второй день операции.

В полосе 52-й армии К. А. Коротеева наступление тоже развивалось успешно: к исходу дня войска вырвались на подступы к Яссам и завязали бои за город.

Хорошо шли дела и в полосе наступления 3-го Украинского фронта: на главном направлении оборона противника была прорвана на глубину 10-12 км.

За первый день операции наши войска, по подсчетам того времени, разгромили шесть дивизий противника и вышли к его третьей оборонительной полосе, расположенной на глубине 25-40 км по лесистому хребту Маре. Здесь они были приостановлены: прорвать вражескую оборону с ходу 6-й танковой армии не удалось.

Ставка и Генеральный штаб отдавали должное героизму войск и достигнутому ими успеху. Однако результаты первого дня боевых действий, по нашему мнению, могли быть в сложившейся обстановке еще лучше. Особенно это касалось 2-го

Украинского фронта, где ввод в сражение танковой армии А. Г. Кравченко позволял, на наш взгляд, резко увеличить темп и глубину удара. Поскольку наступление затормозилось, мы опасались, что противник, используя выгодные условия местности, сумеет стянуть на важнейшие участки какие только возможно силы и задержать здесь наши войска на длительный срок. А это означало, что они могли опоздать с выходом к переправам на Пруте и на пути отступления противника в южном направлении: окружение его в этом случае могло не состояться.

Так и доложил Генеральный штаб Ставке в ночь на 21 августа. Верховный Главнокомандующий тогда не счел нужным дать какие-либо указания командующим фронтами, полагая, вероятно, что утро вечера мудренее. Но и утром следующего дня 6-я танковая армия не смогла прорвать оборону противника, как не прорвал ее и 18-й танковый корпус, наступавший в полосе 52-й армии в обход Ясс.

Произошло это прежде всего потому, что командованию противника удалось силами трех дивизий, в том числе румынской танковой дивизии "Великая Румыния", перевооруженной немецкой материальной частью, организовать контрудар на подступах к третьей оборонительной полосе. И хотя контрудар был отбит, помешать его осуществлению ни авиация, ни другие средства 2-го Украинского фронта все же не сумели, а это еще на день задержало наши наступавшие войска перед хребтом Маре.

Более успешно шли дела у Ф. И. Толбухина: здесь сопротивление армейской группы генерала Думитреску, основу которой составляла 3-я румынская армия, было сломлено.

Положение на направлении главного удара 2-го Украинского фронта очень беспокоило Генеральный штаб. В середине дня 21 августа мы, как обычно, связались по телефону со штабами наступающих фронтов и уточнили обстановку. Вскоре нам предстояло ехать в Кремль на доклад. Начальник штаба 2-го Украинского фронта М. В. Захаров оценивал обстановку оптимистично, полагая, что перед хребтом Маре наши войска не задержатся и вот-вот ускоренно двинутся вперед. Он доложил также, что с часу на час ожидает сообщения об овладении Яссами, и оказался прав.

В 15 часов мы с А. И. Антоновым были в кабинете Верховного Главнокомандующего. Когда дошла очередь до обстановки на юго-западе, И. В. Сталин, внимательно изучив карту, потребовал напомнить командующим 2-м и 3-м Украинскими фронтами, а также представителю Ставки о главной задаче руководимых ими войск: как можно скорее окружить противника. Он продиктовал: "...Сейчас главная задача войск 2-го и 3-го Украинских фронтов

состоит в том, чтобы объединенными усилиями двух фронтов быстрее замкнуть кольцо окружения противника в районе Хуши, после чего сужать это кольцо с целью уничтожения или пленения кишиневской группировки противника".

Поскольку прорыв вражеской обороны по хребту Маре мог вызвать соблазн бросить главные силы 2-го Украинского фронта для преследования румынских войск в направлении на Роман и Фокшаны, а 3-го Украинского фронта - на Тарутино и Галац, Верховный Главнокомандующий подчеркнул: "Ставка требует основные силы и средства обоих фронтов привлечь для выполнения этой главнейшей задачи, не отвлекая сил для решения других задач. Успешное решение задачи разгрома кишиневской группировки противника откроет нам дорогу к основным экономическим и политическим центрам Румынии".

Мы особо внимательно отнеслись к этому указанию: ведь Генштабу предстояло контролировать, как выполняются указания Ставки.

Заключая диктовку, И. В. Сталин сказал: "Перед вашими обоими фронтами действует около 44 дивизий противника, из которых 6 дивизий уже разбито. Вы же имеете 87 дивизий, и, кроме того, у вас значительное превосходство над противником в артиллерии, танках и авиации. Таким образом, вы имеете все возможности для успешного решения указанной задачи и должны эту задачу решить".

Представителю Ставки Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко было приказано следить за неуклонным выполнением этой директивы.

Пока мы докладывали об обстановке, с фронтов поступили новые данные. К 15 часам были взяты Яссы - мощный узел обороны противника. Из-за правого фланга выдвинувшихся вперед войск 27-й армии С. Г. Трофименко начали поворачивать на запад, обходя укрепленный Тыргу-Фрумос, части 7-й гвардейской армии генерала М. С. Шумилова. Они должны были сломить оборону противника и с западного направления обеспечить действия главных сил фронта. 6-я танковая и 27-я армии вклинились в оборону противника до 49 км, прорвали ее и вышли на оперативный простор. Теперь они могли непосредственно перехватить наиболее вероятные пути отхода противника на запад и юг и разгромить его войска, стремившиеся избежать намечавшегося окружения.

Значительно продвинулся вперед и 3-й Украинский фронт: глубина его прорыва на направлении действий 4-го гвардейского мехкорпуса, которым командовал генерал В. И. Жданов, достигла 50 км. Фронт отсек 3-ю армию румын от войск 6-й немецкой

армии.

Директива Ставки была очень своевременной для организации действий фронтов. К исходу 21 августа противник был уже не в состоянии удержать занимаемые им выгодные позиции по хребту Маре и под напором армий 2-го Украинского фронта начал отход. Войска Р. Я. Малиновского с 6-й танковой армией и 18-м танковым корпусом в авангарде ринулись за ним, не останавливая преследования и в ночь на 22 августа и весь следующий день. Мощь удара главных сил фронта была дополнена ударом перешедшей в наступление 4-й гвардейской армии И. В. Галанина. Действуя вдоль левого берега Прута, она обеспечила операцию фронта с востока и вместе с тем дробила оборону кишиневской группировки противника ударом с севера на юг. К исходу дня войска 2-го Украинского фронта углубились в оборону противника на 60 км и расширили прорыв до 120 км.

Армии 3-го Украинского фронта стремительно продвигались с востока к переправам на Пруте. Опрокидывая сопротивление румынских и немецких войск, их подвижные части к исходу 22 августа на 80 км вклинились в глубину расположения противника и преодолели три четверти расстояния до своей цели. На левом фланге войска фронта во взаимодействии с Дунайской военной флотилией успешно форсировали Днестровский лиман.

Таким образом, в течение 22 августа отчетливо обозначились контуры огромного окружения, которое составляло суть разработанной Ставкой советского Верховного Главнокомандования операции по разгрому группы немецко-фашистских армий "Южная Украина" под Яссами и Кишиневом.

Был уже поздний вечер, и Верховный Главнокомандующий, подписав приказ о салюте, распорядился произвести ею на следующий день, а по радио передать о победе под Яссами и Кишиневом немедленно. Это, как мне помнится, был единственный за всю войну случай, когда объявление приказа и салют разъединялись почти сутками.

23 августа все армии 2-го и 3-го Украинских фронтов, находившиеся в первом эшелоне, продолжали преследовать противника. Успешно включилась в дело и 5-я ударная армия генерала Н. Э. Берзарина: за день боев ее войска на отдельных направлениях продвинулись на 24-45 км. Успешно развивался охват флангов 6-й немецкой армии, составлявшей, как уже говорилось, основу фронта противника в Румынии. Время окружения главных сил войск Фриснера приблизилось, но в тот день сомкнуть кольцо наших армий, однако, не удалось.

Немецко-фашистские и румынские войска пытались отойти за Прут в западном и южном направлениях. По всей огромной дуге -

Васлуй, Хуши, Леово - разгорелись ожесточенные сражения. Особенно напряженными были они в районах переправ через Прут, где противник стремился вырваться из готовой затянуться петли.

Усилия врага с целью предотвратить катастрофу были очень мощными и динамичными. Не теряя надежды нанести поражение Красной Армии, немецко-фашистское командование бросало в атаку крупные массы танков и поддерживало их с воздуха многочисленной авиацией, а на земле плотным огнем артиллерии. В отдельных местах враг, прорываясь сквозь боевые порядки наступающих войск 2-го Украинского фронта, оказывался в тылу советских частей. Бои возникали всюду, но удары противника все же решительно отражались.

24 августа основные силы гитлеровских войск были окружены в районе восточнее Хуши. Это как бы подхлестнуло противника. Борьба продолжалась с еще большей ожесточенностью. Фриснер любой ценой пытался вывести свои войска на запад и ускорял события. Некоторым группировкам врага удавалось прорваться за Прут. Их удары пришлись по тылам ушедших вперед войск наших 6-й танковой и 27-й армий. Обстановка на 2-м Украинском фронте стала еще более сложной и напряженной.

Нужно отдать дань глубокого уважения Р. Я. Малиновскому, который в той обстановке проявил необыкновенное самообладание, выдержку и мудрую способность своевременно принимать правильные полководческие решения, умение твердо и уверенно руководить действиями наступающих войск. Его полководческий талант, проявившийся тогда с полным блеском, был одним из важных условий выдающейся победы советских войск.

Незыблемым фундаментом успехов наших фронтов были мужество и героизм советских воинов. Достаточно сказать, что более 18 тыс. солдат и офицеров получили в августе 1944 г. ордена и медали за отличия под Яссами и Кишиневом, Васлуем и Хуши. Многие стали Героями Советского Союза. Их доблесть и достигнутая победа над врагом явились достойным вкладом в дело общего разгрома врага.

В ходе коротких жарких боев все прорывы вражеских войск удалось полностью ликвидировать. В конце августа 2-й Украинский фронт во взаимодействии с 3-м Украинским покончил и с главными силами окру-женного противника: 18 немецких дивизий из 25, имевшихся в составе войск группы армий "Южная Украина", были уничтожены.

Значение нашей победы в Ясско-Кишиневской операции трудно переоценить. Разгром главных сил группы армий "Южная

Украина" повлек за собой важные военные и политические результаты. Советские войска как бы открыли ворота в глубь Румынии, к границам Болгарии, а затем и Югославии, где должны были решаться последующие стратегические задачи. Операция создала благоприятную военно-политическую обстановку для ликвидации режима диктатуры И. Антонеску, лишив его военной силы в лице гитлеровских и верных правительству румынских войск. В этих условиях Коммунистическая партия Румынии подняла вооруженное восстание народа, в конечном счете предопределившее социалистическое будущее страны.

В то время когда судьба фашистских войск была предрешена и окружение кишиневской группировки противника становилось фактом, по ту сторону фронта происходили важные для судеб Румынии и по-своему интересные события.

В ночь на 22 августа во дворце короля Михая состоялось очередное совещание. Оно было созвано втайне от Иона Антонеску - главы фашистской диктатуры и правительства. На совещании присутствовали молодой король, особо доверенные лица из его окружения и представители партий национально-демократического блока - коммунистической, социал-демократической, национал-царанистской и национал-либеральной.

Столь противоречивый по составу антигитлеровский союз стал возможен в результате сложной и большой подготовительной работы коммунистов, о чем мы выше говорили. Работа велась осторожно, терпеливо. Шаг за шагом позиции коммунистов укреплялись, и 20 июня 1944 г. антифашистский блок был создан.

Королевский двор, принимая во внимание победы Красной Армии, тоже присоединился к национально-демократическому блоку. Разумеется, король меньше всего заботился о благе румынского народа, а преследовал свои цели: почувствовав, что трон шатается, королевский двор заметался в поисках способов сохранить свое положение.

Теперь, в момент, благоприятный для свержения режима И. Антонеску, представители блокирующихся партий собрались, чтобы обсудить военно-политическое положение и определить, как практически ликвидировать фашистское, верное гитлеровцам правительство. На этом совещании коммунисты представляли не только равноправную с партнерами, по и растущую силу. Это обусловливалось тем, что под влиянием поражений войск гитлеровской коалиции на советском фронте в стране произошли еще более значительные политические сдвиги. Подорванная тяготами войны, потерявшая большое количество солдат,

Румыния была особенно чувствительна к этим поражениям, и противоречия между трудящимися, интересы которых выражала Коммунистическая партия Румынии, с одной стороны, фашистским режимом и гитлеровскими оккупантами, с другой, достигли предельной остроты. Они отчетливо проявились также н в отношениях внутри господствующих классов и правящих кругов, которые, как пауки в банке, боролись за сохранение места под солнцем. Эта борьба теперь особенно усилилась, поскольку стало очевидно, что ставка эксплуататорских классов на фашизм и союз с гитлеровской Германией уже бита.

Коммунистическая партия Румынии тонко разобралась в противоречиях, возникших внутри правящих классов, в том числе между королевской властью и правительством Антонеску. Она правильно оценила положение и сумела использовать его в интересах свержения власти фашистов и победы народной революции, хотя на поверхности событий частенько выступали и сам румынский король и его окружение.

Чтобы лучше понять ход исторических событий, нелишне будет напомнить читателю, что кризис отношений между королем и правительством Антонеску начался уже в конце марта 1944 г. Он еще больше углубился, когда советские войска пересекли границу страны и вступили на территорию Румынии. Во дворце тогда поняли, что дальнейший союз с фашизмом ничего хорошего не сулит. Близкие к королю круги стали строить планы спасения монархии, причем вначале в этих планах не отводилось места коммунистам и румынскому народу. Но жизнь заставила царедворцев менять тактику и искать связей с коммунистами. Сторонники короля и сам Михай сознавали, что только коммунисты имеют за собой поддержку трудящихся масс и являются единственной в стране силой, способной свалить фашистский режим.

Опытные политиканы, окружавшие Михая, в том числе его мать, игравшая в политических делах далеко не последнюю роль, рассчитывали, что многострадальный и трудолюбивый народ Румынии, который долгие годы был обречен правящими классами на темноту и невежество, еще верит в добрые намерения монарха. Они рассчитывали сыграть на патриотических чувствах простых людей, полагавших, что во всех военных невзгодах, гибели множества румынских солдат, разорении и обнищании страны повинна только фашистская диктатура. Дворцовые круги понимали, что ненависть к прогитлеровскому правительству Антонеску заслоняет в глазах народа паразитизм и классовую сущность монархии. Поэтому они надеялись, что народ останется верен королю и сохранит трон, особенно если сам монарх будет с

теми, кто поднимется на борьбу против ненавистной всем военно-фашистской диктатуры.

Приближенные короля были уверены также в поддержке румынской армии. Они выяснили, что многие румынские генералы на фронте настроены против гитлеровцев и режима Антонеску. Ведя свою политическую игру, королевское окружение не сбрасывало со счетов и так называемые "исторические" партии национал-царанистскую и национал-либеральную, которые представляли интересы румынских капиталистов и помещиков и могли служить отличной опорой и ширмой для классовой политики двора. В то же время, по вполне понятным причинам, и эти партии не избегали союза с монархией.

Коммунисты, присутствовавшие на совещании, одобрили соображения королевского двора об аресте главы фашистского правительства диктатора И. Антонеску. Подготовительные меры с ведома и при участии ЦК Компартии Румынии были заранее предприняты окружением короля. План ареста Антонеску разрабатывали еще с апреля особо приближенные к Михаю лица, в частности адъютант короля полковник Е. Ионеску. Первоначально дворцовые круги думали ограничиться только арестом главаря фашистского правительства. Однако под давлением событий им пришлось изменить свои расчеты. На одном из конспиративных совещаний коммунисты добились, чтобы дворцовые круги согласились на более широкую программу действий - свержение диктатуры Антонеску путем вооруженного восстания, разрыв союза с фашистской Германией, выход Румынии из войны на стороне Гитлера и борьба против немецко-фашистских войск и войск стран-сателлитов. Для технической подготовки восстания был избран Военный комитет, где руководящую роль приобрели коммунисты. Король и его сторонники согласились также со временем начала восстания.

Па других конспиративных встречах представителей компартии и короля обсуждались детали плана восстания. Для Бухареста составили список объектов, подлежащих захвату в первую очередь (вокзал, почта, телеграф и т. д.), создали штабы и командование северной и южной частей города. Были выявлены части румынских войск, готовые поддержать восставших.

В столице компартия имела 50 патриотических отрядов общей численностью 2 тыс. бойцов для выполнения главных задач и опиралась на некоторые регулярные войска. Всего вооруженные силы восстания в Бухаресте насчитывали немногим более 8 тысяч человек.

Коммунисты развернули подготовку к вооруженному восстанию не только в Бухаресте, но и в других частях страны.

Большое внимание уделялось нефтяному району Плоешти, где были сформированы боевые патриотические отряды н группы.

Особое место занял вопрос о начале восстания. От правильного выбора момента зависело поражение или успех восставших. Преждевременное выступление грозило тем, что на помощь фашистской диктатуре И. Ан-тонеску будут брошены немецкие войска, которые потопят в крови правое дело. Лучше всего было начать восстание после того, как Красная Армия разгромит гитлеровские войска, лишит режим Аптонеску его военной опоры и создаст тем самым благоприятную почву для победы восстания. Румынские историки пишут: "Для обеспечения успеха восстания военный план предусматривал поднять восстание после начала наступления Советской Армии на ясско-кишиневском фронте, чтобы гитлеровское командование не смогло снять войска с фронта для их противопоставления восставшим силам"{42}.

За десять дней до начала Ясско-Кишиневской операции, т. е. 10 августа, КПР удалось организовать побег из концлагеря Г. Георгиу-Дежа и вслед за ним большой группы других коммунистических руководителей.

Но вернемся к событиям ночи 22 августа. Тогда решили арест И. Антонеску осуществить во дворце, пригласив диктатора к королю Михаю, якобы для доклада о военной обстановке. Произвести арест поручили заранее подготовленному компартией боевому подразделению - оно было выделено из патриотических формирований, организованных в ходе подготовки к предстоящему вооруженному восстанию. На случай, если этому подразделению по каким-либо причинам не удалось бы проникнуть во дворец, компартия посоветовала подготовить вторую, резервную группу. Адъютант короля сформировал ее из солдат гвардейского батальона охраны дворца. Кроме того, были приняты меры для разоружения обычно сопровождавшей Антонеску личной усиленной охраны.

Фашистский диктатор маршал И. Антонеску ничего не подозревал. 21 и 22 августа он дважды встретился с генералом Фриснером на его командном пункте, чтобы обсудить угрозу, нависшую над немецко-румынскими войсками на фронте. Фриснер выразил опасение, что в румынских войсках ведутся политические интриги против гитлеровских союзников. Антонеску категорически опроверг это, сообщил, что принял буквально драконовские меры против дезертиров, и убедил Фриснера в своей верности гитлеровской Германии. Оба они пришли к выводу, что необходимо начать отвод войск из района Яссы, Кишинев и организовать оборону на укрепленном рубеже

Карпаты, Фокшаны, Немолоаса, Галац, дельта Дуная. Антонеску обещал срочно передать из Бухареста в распоряжение гитлеровского командования все румынские резервы.

Вернувшись в столицу, Антонеску сразу же созвал заседание правительства, на котором было решено продолжать войну, мобилизовав для этого все силы страны. После заседания он попросил короля принять его 23 августа в 16.00. Хотя для дворцовых кругов эта просьба была неожиданной, она как нельзя более совпадала с их намерением арестовать фашистского главаря. Приближенные короля быстро связались с руководителями компартии. Те посоветовали выполнить принятый совместно план и в свою очередь отдали распоряжение о готовности к восстанию. Все было приведено в действие.

На следующий день Антонеску в назначенный час приехал во дворец. После пространного доклада королю о положении на фронте он был отрешен от власти и арестован гвардейцами, действовавшими по запасному варианту плана. Вместе со своим однофамильцем, министром иностранных дел М. Антонеску, получившим во дворце аудиенцию на полчаса ранее, бывший диктатор оказался под замком в бронированном убежище королевской семьи. Охрану обоих Антонеску разоружили.

Затем по телефону были вызваны во дворец и арестованы военный министр и министр внутренних дел, генеральный инспектор жандармерии и префект полиции столицы. Остальных членов фашистского правительства арестовали несколько позже.

Арест Антонеску не принес приближенным короля успокоения. Они опасались, как бы гитлеровцы не бросили войска на дворец, чтобы вызволить своего союзника. Понимая, что в этом случае и королю и его окружению не поздоровится, они обратились к компартии с просьбой предоставить Михаю надежное убежище. После полуночи король был увезен в безопасное место далеко от столицы, где он, продолжая заниматься обычными для него делами, оставался длительное время.

А события во дворце в тот день, 23 августа, шли своим чередом. Вскоре после 17 часов сюда по поручению руководства компартии прибыл Эмиль Боднараш начальник Центрального командования боевых патриотических формирований, впоследствии министр вооруженных сил, заместитель председателя Государственного совета СРР. Восемь боевиков, которые сопровождали его, вывели Антонеску из бункера и переправили на одну из конспиративных квартир компартии.

Одновременно во дворце собрались представители различных партий, в том числе коммунистической и социал-

демократической, чтобы участвовать в формировании нового правительства. К 20 часам оно было создано в основном из монархически настроенных военных и технической интеллигенции. Премьером стал близкий к королю Михаю генерал Сана-теску. В правительство в качестве министров без портфеля входило лишь по одному представителю от каждой из четырех партий национал-демократического блока, и в их числе коммунист. Понятно, что большинство членов правительства не собиралось выполнять волю народа и защищать его интересы. Они надеялись закончить революцию арестом Антонеску и его министров и принимали к тому меры. В частности, во главе румынского генштаба был поставлен генерал Михаил, человек, весьма близкий к королю. До поры до времени он таил свои взгляды и действовал, не переча открыто коммунистам. Коммунисты же предвидели, куда будет клонить большинство правительства Санатеску, и требовали ввести в его состав представителей всех антифашистских партий.

Новому правительству, однако, пришлось посчитаться с тем., что Красная Армия уже пробила себе дорогу в центральные районы Румынии. Оно было вынуждено скрыть свои тайные замыслы и провозгласить, что его ближайшие цели установить перемирие с Объединенными Нациями, выйти из гитлеровской коалиции, возродить страну и бороться за освобождение севера Трансильвании. Незадолго до полуночи король выступил по радио с декларацией о прекращении военных действий против Объединенных Наций, о заключении перемирия и мира, о создании нового правительства.

А тем временем военное командование Бухареста отдало военно-патриотическим силам приказ, заранее подготовленный Военным комитетом, где, как помнит читатель, компартия добилась руководящего влияния. В столице началось восстание. Вооруженные отряды рабочих вышли на улицы и площади, боевые организации заняли важнейшие учреждения и предприятия. Успех восстания обеспечивался тем, что на фронте немецко-фашистские войска понесли тяжелое поражение от Красной Армии и в Бухаресте не имелось сколько-нибудь сильного немецкого гарнизона, кроме подразделений ПВО, отдельных частей небольшого состава и специалистов. Но румынские войска, выполняя приказ Санатеску, против немцев не выступили, хотя по общему плану имели задачу разоружить гитлеровские части. Компартия распространила брошюру "Красная Армия идет!", где разъясняла народу освободительные цели советских войск, призывала бороться за освобождение страны.

Обеспокоенный неожиданным поворотом событий,

гитлеровский посол бросился во дворец. Здесь вместе с ответом на вопрос о судьбе Антонеску ему было вручено требование короля отозвать немецко-фашистские войска из Румынии и заверение, что препятствий в этом им чинить не будут. Покидая дворец, взбешенный посол обещал потопить страну в крови.

Вслед за послом во дворец приехали гитлеровские генералы. У них хватило ума понять, что дело плохо, и они дали обещание отвести из столицы и те войска, которые здесь располагались. Однако когда на следующий день пришел приказ Гитлера силой подавить "дерзких" румын, немецкие генералы начали бомбить с воздуха наиболее важные объекты города и королевский дворец. На Бухарест двинули и некоторые наземные силы. Это было равносильно объявлению войны Румынии. Народ и вставшие на его сторону солдаты по призыву коммунистов не пустили гитлеровцев далее окраин города. Обезвредили и тех, кто еще оставался в Бухаресте, разоружив немецко-фашистские подразделения.

Несмотря на декларацию короля Михая и заявление нового румынского правительства, а также вопреки прямому приказу румынского генерального штаба прекратить сопротивление советским войскам, румынские войска продолжали вести боевые действия на стороне гитлеровцев. Объяснялось это несколькими причинами. На многих участках фронта генеральный штаб Румынии просто потерял управление войсками. Но главное было не в этом: там, где управление существовало, румынский генштаб пытался вывести свои войска на оборонительный рубеж Фокшаны, Немолоаса, Браилов, устье Дуная, чтобы воспрепятствовать дальнейшему развитию народного восстания. Войскам было дано недвусмысленное указание сопротивляться любым попыткам разоружить их.

Фактически таким образом румынский генеральный штаб санкционировал продолжение боевых действий, поскольку ни одна армия, в том числе и Красная Армия, не могла допустить, чтобы в тылу у нее оставались неразоруженными войска страны, находящейся с ней в состоянии войны: каких-либо данных о заключении перемирия у нас не было.

К тому же генеральный штаб Румынии дал обязательство свободно пропустить немецко-фашистские войска на запад, если те не будут мешать румынским войскам передвигаться на указанный им оборонительный рубеж.

Действия румынского генерального штаба, таким образом, были опасны вдвойне: они провоцировали продолжение сопротивления советским войскам и угрожали стране гражданской войной в случае, если бы румынская армия была

брошена на подавление народного восстания. Все это шло вразрез с устремлениями компартии, и 24 августа она опубликовала призыв, нашедший живой отклик в народе: с оружием в руках бороться против гитлеровцев!

Оценив обстановку, в том числе намерения румынского генштаба сохранить свои войска и вывести их в глубь страны, советское Верховное Главнокомандование приказало фронтам продолжать наступление с полным напряжением сил и ликвидировать гитлеровские войска. С румынскими же войсками следовало поступать в зависимости от того, как они себя поведут.

Желая дать новому румынскому правительству и его войскам возможность быстро и правильно определить свое место в цепи событий войны, Советское правительство 25 августа еще раз подтвердило апрельское заявление о том, что у нас нет намерений захватить какую-либо часть румынской территории, изменить социальный строй страны или ущемить ее независимость. "Наоборот,- говорилось в повторном заявлении,- Советское правительство считает необходимым восстановить совместно с румынами (выделено мною. - С. III.) независимость Румынии путем освобождения Румынии от немецко-фашистского ига".

В заявлении указывалось, что Красная Армия не станет разоружать румынские войска и не только сохранит все их вооружение, но даже всячески поможет им, если они прекратят военные действия против нее и вместе с Красной Армией будут вести освободительную войну против гитлеровцев за независимость своей страны и против венгерских сателлитов за освобождение Трансильвании.

Советское правительство вместе с тем указало, что Красная Армия может прекратить военные действия на территории Румынии лишь после того, как здесь будут ликвидированы немецкие войска, угнетающие и порабощающие румынский народ. Помощь, оказанная нам румынскими войсками, в этом случае дала бы возможность быстрее прекратить военные действия на румынской земле и заключить перемирие.

Вскоре мы узнали важные политические и военные новости. Румынское радио объявило, что румынское правительство считает себя в состоянии войны с Германией, румынские войска начали вторжение в Трансильванию, а Бухарест полностью освобожден от гитлеровцев. Правительство Санатеску просило немедленно подписать перемирие. Это значило, что румынская армия стала нашим союзником и совместно с советскими войсками вступила на путь борьбы за полное изгнание немецко-фашистских войск из пределов своей страны.

Решение румынского правительства было продиктовано несколькими причинами. Успехи советских войск были поистине огромны. В стране ширилось народное восстание. К тому же провалились надежды мирно поладить с гитлеровцами. Поскольку Гитлер приказал "путч подавить", короля арестовать и посадить в Румынии угодное немцам правительство, генералу Санатеску пришлось повернуть оружие румынской армии против оккупантов. Таким образом, вопреки своим намерениям он сделал то, чего требовала сама жизнь, интересы демократической Румынии. Нужно заметить, однако, что большинство румынских войск на фронте еще не поняло смысла всего происходящего и предпочитало не воевать с гитлеровцами, а сдаться советским войскам. Так, например, 26 августа войскам 2-го Украинского фронта в полном составе сдались пять румынских дивизий.

Итак, пути в Румынию были открыты. А дальше, за Дунаем, уже угадывалась дорога в Болгарию. Теперь нужно было как можно скорее выйти ко всем решающим пунктам страны и довершить там разгром остатков гитлеровских войск.

При последующих действиях советских войск на территории Румынии советское Верховное Главнокомандование обращало особое внимание на ее важнейшие экономические, политические и транспортные центры - районы Плоешти и Бухареста.

Как известно, Плоешти - сердце района, в котором добывалась крайне необходимая гитлеровской коалиции, и особенно самой Германии, нефть. Плоешти был крупнейшим пролетарским центром - опорой коммунистической партии, что имело чрезвычайно важное значение для развертывания революции.

Все это Генштаб учитывал, как и то, что Плоешти расположен в 60 км от Бухареста и как бы прикрывает столицу с севера. Здесь, по нашим подсчетам, которые оказались очень близки к истине, было сосредоточено 25 тыс. гитлеровских солдат и почти сотня самолетов. Эти войска противник мог использовать для удержания Плоешти и разрушения нефтяного оборудования, а также в качестве ударной группы для действий в районе Бухареста. Но тем дело не ограничивалось: Плоешти был крупнейшим узлом коммуникаций, в том числе ведущих по долине реки Прахова в глубь Трансильвании, где расположились немцы и венгры. Для противника, еще не выбитого из Румынии, тут открывался в случае необходимости путь к главным силам 8-й немецкой и венгерской армий. А пока что компактные группировки врага засели в ключевых пунктах нефтяного района; важнейшие нефтеочистительные заводы были заняты гарнизонами.

Планируя разгром противника в центре Румынии, мы не сбрасывали со счетов помощь, которую мог оказать нам ее рабочий класс, но, конечно, и какими-либо особыми надеждами себя не тешили, поскольку пролетариату Плоешти предстояло бы бороться с регулярными, оснащенными всеми видами военной техники гитлеровскими войсками.

Некоторая удаленность Плоешти от Бухареста позволяла изолировать его, перехватив пути сообщения, связывающие эти города. Наиболее подходящей формой наступательных действий мы считали одновременный удар советских подвижных войск по врагу в районах обоих этих городов: такой удар исключил бы взаимную помощь находившихся здесь войск противника.

Наряду с мерами, направленными на разгром противника, были намечены и меры, способствующие сохранению нефтепромыслов от ударов гитлеровцев на земле и с воздуха.

27 августа в 17 часов Р. Я. Малиновский поручил командующему 6-й танковой армией генералу А. Г. Кравченко войти в Бухарест и Плоешти. Тот решил выполнить задачу стремительным ударом одного корпуса на Плоешти и двух корпусов на Бухарест.

Рабочие нефтяного района по указанию компартии уже в ночь на 24 августа организовали охрану производственных объектов и оборону их от гитлеровцев. На помощь рабочим пришел 5-й территориальный румынский корпус генерала К. Василиу-Рэшкану. Гитлеровцы были вытеснены в окрестности Плоешти. Однако в ходе разгоревшихся боев немецко-фашистские войска прочно блокировали город и готовились к решительному штурму.

Обстановка под Плоешти вынуждала советские войска действовать быстро и решительно. Нельзя было допустить, чтобы противник разбил румынских патриотов, захватил город и разрушил нефтедобывающие предприятия. Это причинило бы огромный вред восстанию и ущерб румынской экономике. Сосредоточив силы, наши танкисты нанесли 29 августа мощный удар в районе Плоешти. Им содействовала 18-я пехотная дивизия румын, направленная сюда с фронта. Гитлеровцы были разгромлены, основа нефтедобывающей промышленности Румынии сохранена. Советские войска с помощью вооруженных рабочих установили в Плоешти и его окрестностях твердый военный и гражданский порядок. Ликвидацию остатков гитлеровских войск в отдельных пунктах нефтяного района завершили румынские войска.

С Бухарестом же все произошло несколько иначе. Вечером 27 августа танковые корпуса 6-й танковой армии строились в

походные колонны, чтобы ринуться к столице Румынии и разгромить расположившихся на подступах к ней гитлеровцев. В это время король Михай и премьер Санатеску заявили, что согласны принять все условия перемирия, предложенные Советским Союзом еще 12 апреля.

Ожидая практических действий румын, мы не прекращали стремительного наступления наших войск в глубь страны. Каково же было наше удивление, когда 29 и 30 августа на нескольких участках фронта представители румынского правительства обратились к советским командармам с предложением приостановить наступление на линии Восточные Карпаты, Дунай, факт этот настораживал. Опять запахло политикой лисьего хвоста, которую, заверяя и кланяясь, все же пыталось провести правительство Санатеску. При внимательном рассмотрении сути дела мы заметили, что предложения выдвигались с целью дать возможность остаткам разбитых гитлеровских войск отойти в горы, организовать там сопротивление и не допустить наши войска в глубь Румынии. Очевидно, буржуазные круги правительства еще надеялись удержать в стране угодные им порядки.

Одновременно Санатеску просил американо-английское командование высадить в столице парашютистов. Нетрудно себе представить, что в этом случае все достигнутое в результате восстания народно-патриотических сил страны 23 августа оказалось бы под угрозой. К счастью румынского народа, ничего этого не произошло. Советские войска продолжали наступление. Румынский народ проявил высокую политическую активность и, следуя призывам компартии, развертывал восстание по всей стране.

Войска 6-й танковой и 53-й армий после форсированного марша вплотную подошли к Бухаресту. Их появление гарантировало народу неприкосновенность его завоеваний и расстроило планы буржуазных политиков. Вместе с советскими солдатами были воины 1-й румынской добровольческой дивизии имени Тудора Владимиреску. О ней нельзя не сказать особо.

Дивизия была сформирована из добровольцев - солдат и офицеров румынских войск, попавших к нам в плен. Нелегко и непросто пришли они к мысли о необходимости сражаться против гитлеровской Германии. Картина грядущей катастрофы третьего рейха, а вместе с тем и режима И. Антонеску встала перед ними уже в дни разгрома противника под Сталинградом, где нашли конец и две румынские армии. Последующий ход событий на советско-германском фронте окончательно убедил многих пленных в неизбежности краха преступной авантюры Гитлера и

его приспешников. 2 февраля 1943 г. группа пленных румынских солдат обратилась к Советскому правительству с просьбой предоставить им возможность сражаться добровольцами вместе с Красной Армией, а в августе конференция румынских военнопленных уполномочила нескольких из них обратиться к И. В. Сталину за разрешением сформировать добровольческий легион. Военнопленных поддержали румынские коммунисты, находившиеся в эмиграции в СССР. 4 октября 1943 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление о формировании 1-й румынской добровольческой пехотной дивизии. Несколько позже ей присвоили имя румынского национального героя Тудора Владимиреску.

Формировалась дивизия в Селецких лагерях под Рязанью по гвардейскому штату. Командовал добровольцами полковник Николае Камбря, начальником штаба являлся подполковник Якоб Теклу. За формированием дивизии мы наблюдали с помощью полковника Г. М. Еремина, представителя Генерального штаба. В обучении войск дивизии приняли участие 159 советских офицеров-инструкторов, передававших румынским товарищам все лучшее из опыта Великой Отечественной войны.

7 мая 1944 г. дивизия имени Тудора Владимиреску сосредоточилась севернее Ямполя, вошла в состав 2-го Украинского фронта и занималась боевой подготовкой. Соединение насчитывало 9,5 тыс. человек и обладало мощным вооружением. В нем имелось, например, 98 орудий и 160 минометов разных калибров, почти 500 ручных и свыше 110 станковых пулеметов.

Боевое крещение румынские добровольцы получили в ходе Ясско-Кишиневской операции. Они с честью выдержали трудное испытание в сражении против мощной группировки войск противника, пытавшейся прорваться из окружения на запад. Дивизия понесла потери, но выполнила задачи, окрепла духом и заложила, таким образом, прочную основу будущего боевого братства советских и румынских воинов.

31 августа население Бухареста радостно встретило вошедшие в столицу Румынии советские войска и дивизию имени Тудора Владимиреску.

С разгромом группы армий "Южная Украина" и народным вооруженным восстанием, распространившимся по всей территории страны, для Румынии открылись большие исторические перспективы. Была создана Союзная контрольная комиссия, которая наблюдала за точным соблюдением условий перемирия. В стране находились советские войска. Их присутствие, как и наличие Контрольной комиссии,

стимулировало работу демократических сил по строительству нового типа государства - народной демократии, а также помогло избежать гражданской войны. Последняя была исключена, что создавало относительно благоприятные внутренние условия для преодоления сопротивления сил контрреволюции.

Нужно сказать, что Советское правительство и военное командование с большим доверием относились к трудящимся массам государств, которые предстояло освободить Красной Армии, в том числе, разумеется, и к народу Румынии страны, которая в течение длительного срока была сателлитом гитлеровской Германии. Велико было уважение к Коммунистической партии Румынии - передовому отряду народа, сумевшему в условиях фашизма сохранить свои ряды, организовать и возглавить восстание против диктатуры И. Антонеску.

Генеральный штаб тем не менее чувствовал на своей работе, как крепки еще были в Румынии позиции контрреволюции и как трудно было ломать их силам нового строя. Контрреволюция действовала искусно и гибко. Проявлялось это по-разному.

Со вступлением советских войск во внутренние районы Румынии по различным каналам связи, особенно телеграфу и телефону, пошла, например, за границу широкая информация о составе, состоянии и передвижениях наших армий. Информация была явно разведывательной. На эту тему по докладу Генштаба состоялось специальное решение Государственного Комитета Обороны. В ряд важных узловых пунктов связи Румынии были направлены специальные коменданты связи, которые такого рода сведения за границу не пропускали.

Были и диверсии идеологического характера. Одна из них мне хорошо запомнилась. Внезапно тогда поползли наветы на 1-ю добровольческую пехотную дивизию румын имени Тудора Владимиреску. Враги клеветали, что добровольцы дивизии являются, мол, изменниками родины и после войны их будут судить, а Германия войны не проиграет. Р. Я. Малиновский и И. З. Сусайков послали в связи с этим следующую телеграмму командиру дивизии: "Дивизия румын является наиболее боеспособной частью румынского народа и хорошо выполняет боевые задачи. Румынский народ никому не позволит чернить своих героев, преданных своей родине и раньше всех понявших необходимость борьбы за свободу и независимость Румынии. Будьте спокойны, честно деритесь и беспощадно бейте врага..."

Были и попытки спасти гитлеровскую агентуру в стране. Министр внутренних дел отказался тогда передать советскому командованию генералов, адмиралов и офицеров немецко-

фашистской военной миссии. Мотивировалось это тем, что в Германии находятся румынские дипломаты и большое количество румынских офицеров: к ним-де могут применить репрессии, если немецкие подданные будут выданы русским. Ссылались на бомбардировку Бухареста, возможную якобы из-за мести. Приводили и другие столь же несостоятельные доводы.

Миссию, конечно, арестовали, о чем широко оповестили в советских газетах. Агентура врага в Румынии оказалась обезглавленной.

Велико было удивление наших военных комендантов, когда в некоторых румынских госпиталях обнаружились на излечении... здоровые немецкие солдаты. Маскировка эта была раскрыта довольно быстро, и пациентам пришлось занять свое настоящее место на сборных пунктах военнопленных.

На дверях венгерского посольства советские офицеры, явившиеся арестовать представителей хортистской Венгрии - нашего противника, увидели вывеску: "Шведское посольство". Оказалось, что спасительная надпись появилась по договоренности со шведским послом.

Весьма часто на руководящие посты в префектурах назначались явные сторонники фашизма, в том числе сотрудники сигуранцы. Были попытки организации крушений поездов на железных дорогах, направленные против наших войск. Все эти враждебные акты, как и многие другие, решительно пресекались.

Условия единства антигитлеровской коалиции и внутреннего развития Румынии исключали методы немедленной экспроприации экспроприаторов по типу нашей революции, и обстановка в стране тогда сложилась так, что у власти на значительный срок оказались представители буржуазии и дворцовых кругов. Правительство генерала Санатеску уступило место правительству другого генерала - Радеску, еще более, пожалуй, реакционного и ориентировавшегося на англо-американцев. Обстановка, однако, вынуждала Радеску маневрировать и сохранить за партиями народно-демократического фронта ряд министерских постов. Коммунисты, в частности, имели в правительстве двух министров и одного заместителя министра.

Заметную роль тогда стал играть доктор Петру Гроза, глава крестьянской организации "Фронт земледельцев", которая в годы войны действовала плечом к плечу с коммунистами и под руководством Компартии Румынии. П. Гроза активно и бескомпромиссно боролся против махинации реакционных министров, проводил политику дружбы с освободителем - Советским Союзом, увеличения вклада Румынии в дело победы

над гитлеровской Германией, демократического развития своей родины. П. Гроза много сделал для того, чтобы в марте 1945 г. правительство Радеску пало. С тех пор в течение длительного времени П. Гроза бессменно возглавлял румынское правительство и был одним из видных строителей государства народной демократии, социалистической Румынии.

В конце августа и начале сентября 1944 г. Ставке Верховного Главнокомандования нужно было определить линию поведения наших военных властей в отношении молодого румынского короля, который продолжал оставаться на престоле. Докладывая Ставке военную обстановку, мы с А. И. Антоновым не однажды отмечали, что королевский двор неизбежно станет центром антисоветских элементов в Румынии, и предлагали принять по отношению к нему решительные меры. Верховный Главнокомандующий, как и обычно, внимательно нас выслушал, не спеша раскурил трубку, разгладил концом мундштука прокуренные усы, а потом сказал примерно так. Чужой король не наше дело. Терпимость к нему благоприятно скажется и на наших отношениях с союзниками. Румынский народ, который пока доверяет королевскому двору как оппозиции фашистской диктатуре, надо полагать, сам разберется в истинной сущности монархии. Есть основания думать, что и румынские коммунисты не будут сидеть сложа руки, а помогут своему народу понять обстановку.

Таким образом, нам был преподан урок политграмоты. Объективности ради скажу, что король вел себя смирно и больше развлекался, чем занимался государственными делами. Когда узнали, что король - летчик-любитель, ему от имени И. В. Сталина передали самолет По-2 в подарочном варианте. Король летал, охотился, забавлялся.

Время шло, события развивались, и общественный строй в Румынии по воле партии и народа пошел в направлении, которое привело страну к социализму. Королю и королеве-матери никто не собирался чинить препятствий в выборе местопребывания, и они в последующем благополучно убыли из Румынии.

После разгрома противника, окруженного под Яссами и Кишиневом, Генштаб пустил в ход свою зеленую папку, где находились обычно дела не столь спешные, но, как и другие, важные, в том числе представления к наградам и воинским званиям. Блестящая победа, одержанная 2-м и 3-м Украинскими фронтами, давала к тому повод. При рассмотрении этого вопроса И. В. Сталин сказал, что Р. Я. Малиновский и Ф. И. Толбухин достойны высшего воинского звания - Маршал Советского Союза.

- К тому же при восстановлении государственной границы

СССР командующим фронтами это звание нужно присваивать, - добавил Верховный Главнокомандующий. Он был очень доволен успехами фронтов.

Предложение его приняли, и 10 сентября 1944 г. Р. Я. Малиновскому, а 12 сентября Ф. И. Толбухину присвоили маршальское звание.

Бывали и другие случаи присвоения высоких воинских званий - прямо скажем, необычные. Для меня лично памятна осень 1943 г.

16 ноября 1943 г. командующий 11-й гвардейской армией генерал-полковник И. Х. Баграмян по приказу И. В. Сталина был вызван в Москву. Явившись к А. И. Антонову, Иван Христофорович, конечно, поинтересовался причиной вызова.

- "Хозяин" не любит наперед выкладывать свои мысли, поедем в Ставку узнаешь, - ответил ему Алексей Иннокентьевич.

На следующую ночь в урочный час доклада обстановки на фронтах Верховному Главнокомандующему мы втроем - Антонов, Батрамян и я - поехали в Ставку.

В то время советские войска вели широкое наступление на всем фронте от Финского залива до Черного моря. В Прибалтике, однако, успехи достигались медленно, противник, ожесточенно сопротивляясь, сумел создать там равновесие сил.

И. В. Сталин был один и в хорошем настроении.

- Что нового? - спросил он Антонова.

- По сравнению с дневным докладом существенных изменений в обстановке не произошло, - доложил Алексей Иннокентьевич.

И. В. Сталин кивнул и обратился к Баграмяну.

- На Прибалтийских фронтах дела у нас идут неважно, - сказал он, наступление там затормозилось. Нельзя наступать везде, как иногда думают некоторые.

После небольшой паузы он продолжал:

- Поэтому мы предпринимаем сейчас ряд мер, чтобы выправить положение. Усиливаем 1-й Прибалтийский фронт за счет соседа справа (2-го Прибалтийского. - С. Ш.}. Но этого, очевидно, мало. Ваша армия сильная и неплохо зарекомендовала себя. Думаем и ее отдать Еременко...

Он опять помолчал и только затем, обращаясь к Ивану Христофоровичу, закончил мысль:

- А вас хотим назначить командующим фронтом вместо него. Как вы на это смотрите?

Иван Христофорович немного растерялся и, чуть помедлив, промолвил:

- Благодарю за доверие, товарищ Сталин, постараюсь его

оправдать.

- Ну вот и хорошо. А на армию вместо вас поставим тоже опытного командующего - Чибисова. -И не торопясь Сталин пошел к столу.

- А зовут его Никандр, что значит "герой-победитель",- воспользовавшись паузой, сказал А. И. Антонов о Чибисове.

Попыхтев несколько раз трубкой, пока табак разгорелся, И. В. Сталин обернулся к молчавшему Баграмяну.

- Что же вы молчите? - сказал он.- Или имеете что против Чибисова?

И. Х. Баграмян еще более смутился, но потом ответил:

- Нет, товарищ Сталин, что вы, ничего не имею... Это опытный командир. Когда он был генерал-лейтенантом, я был всего-навсего полковником. А теперь Чибисов уже генерал-полковник и Герой Советского Союза. Я буду с ним чувствовать себя как-то неудобно... Нельзя ли командармом назначить кого-нибудь другого, ну, например, генерал-лейтенанта Галицкого?

И. В. Сталин внимательно посмотрел на И. Х. Баграмяна.

- Будь по-вашему... Подготовьте директиву о назначении Баграмяна и Галицкого, - коротко бросил он нам и, подойдя к торцу стола, нажал кнопку.

Вошел А. Н. Поскребышев.

- Подготовьте постановление Совнаркома о присвоении звания генерала армии Баграмяну,- сказал ему Сталин.

Поскребышев сделал заметку в блокноте, но не ушел, зная манеру И. В. Сталина отдавать распоряжения не спеша. И. В. Сталин опять помолчал и снова отправился к письменному столу, чтобы разжечь потухшую трубку.

- А Штеменко не легче будет работать, если мы ему присвоим звание генерал-полковника? - раскурив трубку, спросил он Антонова.

- Конечно, легче, товарищ Сталин, - ответил тот, - ведь ему приходится иметь дело даже с маршалами и он часто бывает на фронтах.

- По-моему, надо еще Говорову присвоить звание генерала армии. Ему в Ленинграде тоже нелегко.

Мы промолчали.

- Подготовьте постановление на всех троих, - сказал Верховный Главнокомандующий Поскребышеву.

Тот кивнул и теперь уже исчез за дверью.

- Поздравляю вас! - обращаясь ко мне и Баграмяну, продолжил И. В. Сталин. - Ну а теперь - до свидания: у нас сейчас заседание ГКО.

По приезде в Генштаб зашли к Антонову.

- Давайте по этому случаю поужинаем вместе, - предложил он нам. Мы прошли в комнату за кабинетом, где Алексей Иннокентьевич обычно отдыхал. Он тут же снял погоны генерала армии со своего второго кителя, висевшего в шкафу, и вручил их Ивану Христофоровичу, а Баграмян снял свои погоны и дал их мне. Надев погоны и облачившись в кители, мы сели ужинать. У Алексея Иннокентьевича нашлась даже бутылка сухого вина, предназначенная для приема высоких иностранных гостей, но в честь столь знаменательного для нас события она пошла в ход.

Постановление Совнаркома о присвоении нам званий было получено уже потом, а 19 ноября И. В. Сталин подписал директиву о назначении генерала армии И. Х. Баграмяна командующим 1-м Прибалтийским фронтом. На 11-ю гвардейскую пришел К. Н. Галицкий.

Вернемся, однако, к событиям в Румынии.

Более всего нам, генштабистам, приходилось заниматься, конечно, прямыми военными вопросами: определять порядок использования румынских войск и задачи, которые могли ими выполняться, организовывать практическое взаимодействие. При этом мы опирались на штабы 2-го Украинского фронта и армий, где воевали румыны: они-то хорошо знали боевые возможности наших новых союзников.

Было много сомнений. В частности, румынские войска особо не проявили себя, находясь на стороне немецкого фашизма. Сравнительно с советскими частями они имели более слабое техническое оснащение. Особенно не хватало артиллерии. Поэтому следовало и боевые задачи ставить им в соответствии с возможностями. Нельзя было оставлять без контроля и действия командного состава - ведь среди генералов и офицеров имелось много профашистских элементов, ранее участвовавших в войне на стороне Германии. Кое-кто из-за этого считал даже румынскую армию небоеспособной. К тому же тыл на территории Румынии, где еще не исчезли следы фашистской диктатуры, был сложным.

Тогда было решено применять румынские войска компактными массами: 4-ю румынскую армию (одиннадцать дивизий) передать в оперативное подчинение командующему нашей 27-й армией (генерал С. Г. Трофименко), а 1-ю армию - в подчинение командующему 53-й армией (генерал И. М. Манагаров). Такой порядок подчинения обеспечивал тесное взаимодействие советских и румынских войск на наиболее важных в то время направлениях - на Дебрецен и Будапешт, а также возможность поддержать румынские соединения огнем и ударом советских технических средств.

Смысл действий там состоял в том, чтобы разгромить

противника на этих направлениях и отрезать немецко-фашистским и венгерским войскам пути отхода из района Восточных Карпат на запад. Тем самым открывалась дорога войскам 4-го Украинского фронта через горные хребты. Подробнее об этом говорится в главе "В центре Европы". Здесь же нужно сказать только, что уже первые совместные сражения подтвердили старую истину: когда армия воюет за правое дело, ее войска способны проявлять отвагу и боевую доблесть. Тем более когда рядом они чувствовали плечо советского солдата. Наиболее показала себя в первых боях под Клужем 1-я пехотная дивизия имени Тудора Владимиреску, которая затем за героизм, проявленный в Дебреценской операции, получила почетное наименование Дебреценской и была награждена орденом Красного Знамени.

Боевой путь от Клужа до подступов к Праге отмечен совместной борьбой советских и румынских воинов против гитлеровских оккупантов. Здесь ширилось, росло и крепло боевое содружество советских воинов и войск новой Румынии. Мы с особым вниманием отмечали растущее мастерство румынских командиров и солдат. О некоторых подвигах докладывалось лично Верховному Главнокомандующему. Так, например, Р. Я. Малиновский прислал И. В. Сталину следующую телеграмму: "Прошу Вашего разрешения наградить орденом Красного Знамени румынских летчиков-истребителей старшину Греку Георгия и старшину Виеру Павла, сбивших по заданию советского командования в районе Дебрецена 10 февраля с. г. самолет Хе-129 за No 214, на котором пытались лететь в Германию видные руководители подпольного фашистского и легионерского движения в Румынии..."

Генштаб телеграмму доложил, и разрешение было получено. Те испытания огнем и кровью, которые прошли совместно советские и румынские воины в антигитлеровской войне, нужно хранить в памяти народов с величайшей бережностью. Того требуют жертвы, принесенные на алтарь победы. Свыше 286 тыс. советских воинов были ранены в боях за освобождение Румынии летом и осенью 1944 г. 69 тыс. наших солдат и офицеров погибли за то, чтобы румынский народ был вызволен из пут фашистской диктатуры, мог свободно и счастливо строить на своей земле социализм. Традиции дружбы и братской помощи, заложенные в боях против немецко-фашистских захватчиков, необходимо умножать на основе принципов ленинской интернациональной политики. Таков завет легендарных богатырей, освободивших человечество от коричневой чумы.

Глава 5. По дорогам героев Шипки

Решение на вступление в Болгарию. - Маневры буржуазного правительства. Г. К. Жуков на юге. - Народное восстание в Болгарии, его герои. -Миссия С. С. Бирюзова. - Как в детективе: погоня за поездом. - Конец осиного гнезда. - Г. М. Димитров помогает снять разногласия. - Совместно пролитая кровь. - Урок дипломатического такта.

После разгрома основных сил группы армий противника "Южная Украина" перед Советскими Вооруженными Силами встала задача добить остатки вражеских войск, поспешно отступавших в Венгрию, в глубь Румынии и по территории Болгарии. Нужно было их преследовать и уничтожать.

Как перед сказочным витязем на перепутье, открывались перед Красной Армией в конце августа 1944 г. дали трех дорог на юго-западном направлении: одна шла на Венгрию, другая пролегла по Румынии, третья - через Болгарию. Каждая таила трудности и немалые опасности. Но если витязь должен был сделать выбор одного пути, то советским войскам нужно было двигаться по всем трем, и наша задача в Генштабе тогда заключалась в том, чтобы наметить, как это лучше всего надлежало сделать.

Мы помнили, что враг обладал еще крупными возможностями. Он мог двинуть против нас войска из Югославии, Албании и Греции, где находилось 20 дивизий и 7 бригад. Не исключалась возможность переброски части сил противника из Италии, где немецкое командование держало такую же примерно группировку, как на Балканах. Всего, таким образом, насчитывалось более 50 дивизий и бригад. Сила немалая, а наши союзники наступали крайне медленно. Малейший просчет был чреват в этих условиях серьезными последствиями.

Генеральный штаб учитывал тогда всю сложность положения в Болгарии. С одной стороны, мы много знали о народе, небольшом, но славном вольнолюбивыми и революционными традициями, давнем друге и брате нашего народа. То была Болгария, чьи сыны храбро и стойко боролись против иноземных захватчиков и своих притеснителей, страна героических революционных повстанцев, родина Христо Ботева, Димитра Благоева, Василя Коларова, Георгия Димитрова. С другой стороны, мы видели и прислужников немецкого фашизма во главе с правительством, ввергнувшим Болгарию в войну на стороне гитлеровской Германии, отдавшим ее во власть резидентов третьего рейха.

Должен сказать, что советские офицеры и генералы глубоко верили в антигитлеровские и антифашистские силы болгарского народа и были убеждены в его прочных симпатиях к нашей

стране. Мы надеялись, что ни один болгарский воин не будет сражаться против Красной Армии - освободительницы. Эта убежденность не была слепой. Она опиралась и на давние узы дружбы и признательности болгар нашему народу, освободившему некогда Болгарию от ига Оттоманской империи, и на точное знание фактической обстановки в стране: генштабист должен уметь сверять веление сердца с предупреждающим голосом рассудка. Нам было известно, что в стране развернута широкая борьба за национальное и социальное освобождение, что патриотические силы государства объединяются Отечественным фронтом, формирование которого уже завершалось, а во главе этой борьбы стоит Болгарская рабочая партия.

Лозунг Отечественного фронта был выдвинут в середине июля 1942 г. по инициативе Г. М. Димитрова. Признанный и мудрый руководитель БРП Георгий Димитров работал тогда в Москве, в здании, располагавшемся рядом с Сельскохозяйственной выставкой в Ростокино. В течение многих лет до момента роспуска Коминтерна в 1943 г. он находился на посту Генерального секретаря его Исполнительного Комитета. Г. Димитров возглавлял также Заграничное бюро ЦК БРП.

Программу фронта разработало Заграничное бюро ЦК БРП. Она включала прежде всего общенациональные освободительные задачи - разрыв союза Болгарии с гитлеровской Германией и ее союзниками, освобождение болгарского народа от германских нацистов, верховодивших в стране, вывод болгарских оккупационных войск из Югославии и Греции. Кроме того, выдвигались внутриполитические требования по демократическому переустройству страны: освобождение лиц, преследуемых за антифашистскую борьбу, восстановление попранных политических свобод, роспуск фашистских организаций. Ближайшей задачей ставилось свержение прогерманских правителей и создание правительства, опирающегося на доверие народа, обеспечение дружбы и сотрудничества с СССР.

Узнав содержание и лозунги этой программы, широкие слои болгарского народа - активисты Рабочей партии, члены Земледельческого союза, социал-демократы, патриотически настроенные военные, рабочие, крестьяне, ремесленники, мелкие чиновники и прогрессивная интеллигенция, революционная молодежь - с энтузиазмом поддержали Отечественный фронт.

Мы же, генералы и офицеры Генштаба, готовя операцию в Болгарии, нередко прибегали к трудам Г. М. Димитрова или пользовались в отдельных случаях его личными советами. Не было никого другого, кто бы лучше него знал Болгарию и мог

судить о путях ее развития. Мне посчастливилось несколько раз встречаться с Георгием Михайловичем во время посещения им Ставки и присутствовать при некоторых его беседах с советскими руководителями. Для меня и других молодых в то время людей Георгий Димитров был живой легендой, примером настоящего революционера. После Лейпцигского процесса, в ходе которого, как известно, Георгий Михайлович вырвал у своих судей инициативу и превратился в обвинителя Геринга, Геббельса и всей системы фашизма, он стал известен в нашей стране каждому, приобрел необыкновенную популярность как мудрый и бесстрашный борец за идеи коммунизма. Советские люди знали и любили Георгия Димитрова как товарища и брата.

Хотя вроде бы и не было прямых связей у Генштаба с Генеральным секретарем Исполнительного Комитета Коминтерна и председателем Заграничного бюро Болгарской рабочей партии, но тем не менее мы, офицеры Генштаба, помнили, что спустя всего несколько часов после обсуждения в Кремле нового положения, создавшегося в связи с нападением гитлеровской Германии на СССР, Г. М. Димитров уже созвал совещание Секретариата ИККИ, на котором было решено развернуть всеобщую массовую кампанию за помощь Советскому Союзу, за организацию в Европе мощного национально-освободительного движения против немецко-фашистской оккупации и зависимости от нацистской Германии.

Тогда все мы реально ощутили, что Советская страна не одинока, что борьба советского народа сливалась в единый фронт с борьбой других народов против ненавистного врага.

Исполнительный Комитет Коминтерна предложил создать, а затем и практически сформировал интернациональную часть из политических эмигрантов разных стран. Здесь были испанцы, чехи, словаки, поляки, болгары, греки, румыны, немцы, австрийцы, англичане и представители других народов. Организационно часть вошла в состав Отдельной мотострелковой бригады особого назначения. В политическом отношении ею руководил непосредственно Г. М. Димитров.

В октябре 1941 г. по рекомендации Георгия Михайловича заместителем командира части был назначен болгарин Иван Винаров, ставший в последующем видным деятелем народной Болгарии. Выбор этот был всесторонне обдуман. И. Винаров являлся болгарским революционером. В свое время он был вынужден покинуть родину и эмигрировал в СССР, окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и получил звание полковника Красной Армии. Затем последовала работа в аппарате Коминтерна и Заграничного бюро ЦК БРП. И. Винаров регулярно,

не менее раза в неделю, являлся в Коминтерн к Г. М. Димитрову, докладывал об интернационалистах и получал указания и советы.

Бригада предназначалась для обороны непосредственно в Москве и несла в городе боевую службу. События не потребовали ввода ее в бой в полном составе, но отряды бойцов бригады, в том числе интернационалисты, участвовали в сражениях на подступах к столице. Многие воины интернациональной части вошли в нелегальные группы, которые были посланы в свои страны: родина требовала их помощи в борьбе против гитлеровских оккупантов.

Г. М. Димитров предвидел бесславный конец немецко-фашистских агрессоров, большие социальные перемены в странах и необходимость строительства там новых вооруженных сил. Как вспоминают работавшие к аппарате Секретариата ИККИ, он сказал однажды: "Для коммуниста очень важно иметь хотя бы элементарное понятие о военном деле. Вот поедем в свои страны, там придется заниматься не только политической работой, но потребуется создавать и армию"{43}.

Развитие внутриполитической обстановки в Болгарии позволило Г. М. Димитрову уже в июне 1944 г. сделать вывод, что страну ожидает обострение существующего в государстве кризиса. Причиной тому была антинародная политика правительства Багрянова. В одной из передач радиостанции "Христо Ботев" Г. М. Димитров заявил, что правительство обманывает народ, выражает интересы гитлеровцев и их болгарских пособников. Но оно не сумеет "сделать так, чтобы и волки были сыты и овцы целы". Г. Димитров предупредил, что внутреннее положение страны, настроение народа и армии не сулят ни Багрянову, ни гитлеровцам ничего хорошего{44}, поскольку правители Болгарии толкают ее на путь национальной катастрофы.

В советском Генеральном штабе внимательно изучали результаты огромной деятельности БРП и знали, что в Болгарии развернулось большое и хорошо организованное партизанское движение. В 1944 г. в стране существовала Народно-освободительная повстанческая армия Отечественного фронта численностью 18 тыс. человек. По болгарским масштабам это было много. Армия повстанцев создала подлинный внутренний фронт в Болгарии по всей территории государства, приковавший к себе монархо-фашистские войска, полицию и гитлеровские гарнизоны. На предприятиях и в учреждениях, в армии, городах и на селе действовала сеть боевых групп, объединявшая до 12 тыс. бойцов. К этому следовало прибавить еще более 200 тыс. помощников партизан. Попытки болгарского профашистского

правительства подавить движение силой оружия были партизанами успешно отбиты.

Все это в Генеральном штабе учитывали как благоприятный фактор обстановки.

Нельзя было не считаться и с тем, что Болгария формально не находилась в состоянии войны против СССР. Но фашистское правительство, хотя и не решилось на такой опасный шаг, находилось в союзе с гитлеровской Германией и помогало ей всем, чем можно. Территория и транспорт государства использовались гитлеровской армией, болгарские войска несли оккупационную службу в Югославии и Греции, что позволило гитлеровскому командованию высвободить свои силы для действий на советско-германском фронте. Клика пособников Гитлера в Болгарии жестоко расправлялась с партизанами и другими патриотами.

Основная тяжесть работы над планами операций в Болгарии легла, как и следовало ожидать, на плечи офицеров направления 3-го Украинского фронта. Руководил ими генерал-майор К. Ф. Васильченко, человек умный, всегда готовый подать множество интересных мыслей. Однажды, докладывая мне планы операций, он вскользь заметил, что немецкое командование, на его взгляд, не ожидает поворота советских войск в Болгарию. Я попросил обосновать эту точку зрения. Если гитлеровская Германия не ждала нас в Болгарии, то, очевидно, она не строила здесь и прочной обороны. А мы, предприняв наступление, могли рассчитывать на внезапность наших действий со всеми вытекающими отсюда последствиями.

К. Ф. Васильченко обратил внимание на ставшие нам известными закулисные маневры правительства И. Багрянова. Некоторые представители этого правительства вошли в тайные сношения с англо-американцами.

- Все это маневры Багрянова, нужные для того, чтобы удержать Красную Армию от вторжения в Болгарию, - докладывал Васильченко. - Это подтверждается также тем, что гитлеровские резиденты до сих пор не думают покидать пределов Болгарии и преспокойно сидят там. Они, видимо, думают, что Советский Союз не нарушит липового нейтралитета Багрянова, подкрепленного сепаратной сделкой с нашими союзниками.

Все это совпадало и с моими собственными мыслями. Но следовало ли докладывать о них начальству? Очень уж слабой была их доказующая сила с точки зрения чисто военного анализа. Однако я сказал об этом А. И. Антонову, а тот в свою очередь решил информировать Верховного Главнокомандующего.

События между тем продолжали быстро развиваться. Разгром немецко-фашистских войск под Яссами и Кишиневом вынудил Багрянова расстаться с надеждами как-то поправить положение

фашистского режима в Болгарии за счет существенной военной помощи со стороны Гитлера. Ждать этой помощи было утопией. Не имелось и внутренних средств: массы болгарского народа ненавидели опостылевших правителей и фашистский строй. Назревало время революционного взрыва. А Красная Армия между тем стремительно наступала по Румынии, где вспыхнуло народное восстание, и приближалась к северной границе Болгарии.

26 августа 1944 г. вошло в историю как день, когда Болгарская рабочая партия приняла решение о непосредственной подготовке вооруженного восстания болгарского народа. Это соответствовало обстановке и обеспечивалось реальными возможностями. ЦК БРП издал исторический циркуляр No 4, обязывающий коммунистов поднять все антифашистские силы на смелую и решительную борьбу за изгнание гитлеровских войск, свержение фашистских министров, установление правительства Отечественного фронта и народно-демократической власти.

На следующий день Г. М. Димитров, который многократно беседовал с И. В. Сталиным, направил директиву, адресованную Главному штабу партизанских войск, но предназначенную для ЦК БРП. Директива требовала сплотить все силы народа вокруг Национального комитета Отечественного фронта, разоружить немецко-фашистские воинские части, гестаповцев, решительно ликвидировать какое-либо сопротивление Отечественному фронту и Красной Армии, создать правительство Отечественного фронта. Специальным пунктом указывалось: "Болгарский народ и его вооруженные силы должны решительно перейти на сторону Красной Армии, армии - освободительницы Болгарии от немецкого ига, и вместе с ней очистить болгарскую землю от гитлеровских разбойников и их подлых пособников"{45}.

Программа революционной борьбы болгарского народа с оружием в руках против существующего в стране фашистского режима была, таким образом, точно определена. Болгарские коммунисты, возглавив силы революции, немедленно приступили к выполнению на местах директивы товарища Димитрова.

Правительство Багрянова, хотя и оказалось в безвыходном положении, все-таки продолжало политику сотрудничества с гитлеровцами и боролось против сил Отечественного фронта. Советский Генеральный штаб имел неопровержимые доказательства того, что на территорию Румынии через Болгарию шли подкрепления для разбитых немецко-фашистских войск. Об этом было доложено Ставке, и 30 августа Советское правительство предложило болгарскому правительству немедленно прекратить пропуск немецких войск в Румынию.

Багрянов оказался между двух огней, выкрутиться из положения не мог и подал в отставку.

Два дня Болгария жила без правительства. 2 сентября 1944 г. был сформирован новый кабинет министров К. Муравиева. С приходом к власти Муравиев сделал весьма обязывающее заявление по софийскому радио, объявив, что правительство намерено положить конец политике, которую болгарский народ никогда не одобрял. Он заявил о восстановлении всех демократических свобод и прав болгарского народа, о полной и безусловной амнистии всех лиц, которые вели борьбу против диктаторского режима в Болгарии и против властей, осуществлявших союз с Германией. Муравиев дал обязательство распустить все фашистские организации, а в области внешней политики проводить строгий, безусловный нейтралитет, разоружить все германские войска, которые перейдут границу Болгарии, а равно и те, что уже находились на территории страны. Было дано обещание завязать переговоры с целью выхода Болгарии из состояния войны с Англией и Америкой. Особо оговаривалась одна из главнейших задач правительства - установить отношения доверия с Россией.

Скоро, однако, выяснилось, что и это заявление правительства является ложью. Советский Генштаб имел точные данные о германских кораблях в портах Болгарии и тысячах гитлеровских солдат, укрывавшихся в стране от преследования Красной Армии. Противник, базируя подводные лодки в болгарских портах, по-прежнему угрожал советскому судоходству на Черном море и приморскому флангу советских войск. Все это вынуждало нас, не снижая темпов, готовить действия советских войск на болгарской территории.

Соображения Генерального штаба по проведению операций в Болгарии были разработаны и доложены Ставке. Суть их сводилась к тому, чтобы противника на территории Болгарии и в ее прибрежных водах разгромить силами войск 3-го Украинского фронта, Черноморского флота и Дунайской военной флотилии. Предполагалось в качестве исходного района действий иметь южную часть Добруджи, а главный удар нанести на Айтос, Бургас. Захват очень важных портов Варна и Бургас, где находились вражеские военные корабли, предполагалось осуществить совместными усилиями Черноморского флота и некоторых соединений ударной группировки фронта. Докладывая замысел операции, А. И. Антонов не забыл сказать относительно возможности достигнуть внезапности, если противник не ждет нас в Болгарии.

Не отвергая соображений Генштаба, И. В. Сталин сказал, что

надо уточнить обстановку на месте и там окончательно доработать план операции. С этой целью он приказал Г. К. Жукову отправиться в войска 2-го и 3-го Украинских фронтов. Георгию Константиновичу было предложено проводить работу совместно с командующими фронтами и представителем Ставки на этих фронтах маршалом С. К. Тимошенко. Сталин рекомендовал Жукову до отъезда повидаться с Г. М. Димитровым и выслушать его советы. Предварительно он сам переговорил с Георгием Михайловичем по телефону относительно визита Жукова. Согласие было получено, и очень полезная встреча состоялась.

Г. К. Жуков вылетел в новую командировку, как всегда, без промедлений. Прибыв на место, Георгий Константинович тотчас приступил к делу. По классическому правилу военного искусства, он начал с выяснения данных о противнике, и тут выявилось, что положение перед фронтом войск Ф. И. Толбухина не было достаточно изучено. Болгария лежала как-то в стороне от больших дорог войны, формально не являлась нашим противником, и мы лучше знали немецко-фашистские войска, чем болгарскую армию. Было известно только, что основная масса болгарских войск находится в центре и на западе страны, значительные силы расположены в Греции и Югославии, а что было в северных районах государства - ни фронт, ни Генштаб должным образом не знали. Конечно, положение стали спешно исправлять.

С подготовкой операции нельзя было медлить. Если ранее немецкое командование и прогитлеровское правительство Болгарии не ожидали вступления Красной Армии на территорию страны, то теперь, в начале сентября, нетрудно было заметить, что сюда нацеливается значительная группировка советских войск. Промедлить - означало утерять внезапность действий. Но, как часто бывает на войне, обстановка в данный момент вынуждала нас к некоторому выжиданию. В войска надо было подвезти горючее, иначе не двигались ни танки, ни автомашины. В одной из армий отстала по той же причине артиллерия. Наконец, требовалось произвести и некоторую перегруппировку сил.

К исходу 4 сентября был подготовлен план действии войск, который в основном сохранял соображения Генерального штаба. С. К. Тимошенко тогда заболел и в работе не участвовал.

К этому времени обстановка в Болгарии стала еще более сложной. Разгромленные части группы армий "Южная Украина" отходили по территории Болгарии без каких-либо помех со стороны болгарских властей, в морских портах нашли укрытие несколько десятков немецких боевых кораблей, гитлеровские

войска сосредоточивались в районах Софии, Слив-ницы, Брезника. Посол Германии в Болгарии заявил болгарскому правительству, что немецкие войска в ближайшее время не намерены оставить Болгарию. Генштаб получил данные, что в последний момент гитлеровцы могут совершить переворот в стране и втянуть Болгарию в войну против Советского Союза.

Поскольку для успешного исхода операции на территории Болгарии имели большое значение действия на море, в помощь Жукову и Толбухину прибыл адмирал Н. Г. Кузнецов. Черноморский флот, которым командовал адмирал Ф. С. Октябрьский, и Дунайская военная флотилия во главе с С. Г. Горшковым были тогда подчинены в оперативном отношении 3-му Украинскому фронту. Главная задача флота состояла в том, чтобы не допустить ухода кораблей противника из Болгарии, овладеть совместно с сухопутными войсками Варной и Бургасом. Флот должен был высадить морские десанты для захвата и удержания болгарских портов до подхода войск Толбухина. Начало операции намечалось на 10 сентября.

Уточненный план операции на территории Болгарии был утвержден Ставкой 5 сентября. В тот же день Советское правительство предъявило властям Болгарии ноту, в которой говорилось:

"Советское правительство не может расценивать эту политику Болгарии иначе, как фактическое ведение войны в лагере Германии против Советского Союза, политику, проводимую ныне, несмотря на коренное ухудшение военной обстановки для Германии и несмотря на то, что Болгария имеет теперь полную возможность, не опасаясь Германии, порвать с Германией и тем самым спасти страну от гибели"{46}.

В 7 часов вечера нота Советского правительства была вручена посланнику Болгарии в Москве. Тот передал ее по назначению.

Вскоре после того, как в Болгарии узнали об этом, Центральный Комитет Болгарской рабочей партии собрался на экстренное заседание совместно с Главным штабом повстанческой армии. Был принят план проведения восстания. Главный удар наносился в Софии в ночь на 9 сентября. Восстание должно было быть подготовлено мощными стачками и демонстрациями трудящихся столицы. Политическое и боевое руководство демонстрациями, их охрану возложили на товарища Тодора Живкова, видного деятеля БРП. Он был поставлен во главе оперативного бюро партии, созданного для руководства вооруженными силами народного восстания в столице. Членами бюро являлись товарищи Станко Тодоров, Владимир Бонев, Иван Бонев. Стачки начались уже 6 сентября 1944 г.

Правительство К. Муравиева было ошеломлено. В ночь на 6 сентября его представители попросили нашего поверенного в делах в Софии уведомить правительство СССР о том, что Болгария разорвала свои отношения с Германией и просит о перемирии. Это было важное заявление.

Когда просьбу болгарского правительства относительно перемирия получили в Москве, И. В. Сталин, посоветовавшись с присутствующими в Ставке и - по телефону - с Г. М. Димитровым, позвонил Г. К. Жукову и приказал ему временно, до выяснения истинного положения дел, ограничить выдвижение войск 3-го Украинского фронта линией Джурджу, Разград, Шумен, Дылгопол, северный берег реки Каменя. Он рассказал о событиях в Болгарии, о делах повстанцев, о том, что восстание народа не за горами и для правительства Муравиева наступило время коренных решений: пусть оно подумает о будущем.

Военный совет 3-го Украинского фронта установил контакт с Народно-освободительной повстанческой армией Болгарии, с местными комитетами БРП пограничной полосы страны. Призыв коммунистов к народу очистить страну от гитлеровских разбойников, действуя совместно с Красной Армией, был услышан на болгарской земле. В то время как в стране назрело восстание народа, на северной ее границе все было готово к вступлению наших войск в пределы Болгарии.

Оказавшись в безвыходном положении, правительство К. Муравиева 7 сентября официально заявило о разрыве отношений с Германией, а 8 сентября объявило ей войну. Теперь болгарская просьба о перемирии была принята Советским правительством к рассмотрению.

Все эти события имели непосредственное отношение к работе Генерального штаба. Помнится, что тогда ночные доклады по обстановке на фронтах обычно проходили в присутствии многих членов Ставки и Государственного Комитета Обороны, поскольку обсуждалось политическое и военное положение и принимались решения по этим вопросам.

Вскоре от Г. К. Жукова пришел ответ: приказ ограничить выдвижение войск указанным рубежом передан для точного исполнения лично Толбухину и Октябрьскому. Действия, передовых частей начнутся 8 сентября в 11 часов, главных сил - вслед за ними. Сам Жуков выезжал в армии Гагена и Шарохина для проверки их готовности к предстоящим действиям.

Так уж устроен ум полководца, что он никогда не ограничивается простым фиксированием создавшейся обстановки. Он всегда старается проникнуть в будущее, увидеть далекие последствия операций. Так было, конечно, и с Георгием

Константиновичем. Доложив о точном выполнении приказаний Ставки, он в то же время уже старался заглянуть вперед и предложил свои соображения, основанные на реальных условиях обстановки.

"Если 3-й Украинский фронт,- докладывал он,- после выхода на линию Рущук, Разград, Шумен, Варна дальше наступать не будет, фронт Толбухина необходимо расширить по Дунаю до Турну-Северина, освободив Малиновского и его соединения от обороны участка Джурджу, Турну-Северин.

С выходом частей Толбухина на участок Турну-Северин, Калафат можно было бы переправить через Дунай одну усиленную армию с задачей перерезать железную дорогу Белград - Салоники и занять линию Белград, Парачин, Княжевац, Лом".

Такое расположение войск 3-го Украинского фронта, по мнению маршала, хорошо обеспечило бы операцию 2-го Украинского фронта против Венгрии, оказало помощь Народно-освободительной армии Югославии и заставило бы немцев бросить Грецию.

Основная мысль этих предложений совпадала с соображениями Генерального штаба на будущее. Верховный Главнокомандующий знал о наметках генштабистов и, когда Г. К. Жуков прислал ему свои предложения, передал их нам. Соображения были учтены при разработке планов проведения операций на территории Югославии.

...8 сентября ровно в 11 часов дня войска 3-го Украинского фронта двинулись вперед. Первыми через границу Болгарии переступили моторизованные отряды, через час за ними двинулись стрелковые дивизии. Болгарские пограничники не оказали противодействия. Ни одного выстрела не последовало и со стороны частей болгарской пехотной дивизии, расположенной в районе Добрича. Мало того, советским войскам были оказаны многочисленные знаки симпатии со стороны болгарских воинов. А местное население встречало наших солдат и офицеров хлебом-солью. Люди выходили на улицу приветствовать проходящие войска Красной Армии. Болгарские офицеры, с которыми быстро установили контакты командиры наших частей, сообщили, что получен приказ главного болгарского командования, запрещающий вступать в бой с Красной Армией.

С 18 часов начали движение 4-й и 7-й механизированные корпуса, которым предстояло ночью обогнать стрелковые войска. Черноморский флот приступил к высадке морской пехоты в порту Варна.

Болгарское буржуазное правительство вынуждено было действительно порвать отношения с фашистской Германией. Как

только были получены доказательства этого фактического разрыва, Г. К. Жукову, Н. Г. Кузнецову, Ф. И. Толбухину и Ф. С. Октябрьскому в 19 часов 9 сентября была направлена следующая телеграмма: "Ввиду того что болгарское правительство порвало отношения с немцами, объявило войну Германии и просит Советское правительство начать переговоры о перемирии. Ставка Верховного Главнокомандования согласно указаниям Государственного Комитета Обороны приказывает: к 21 часу 9.9 закончить операции по занятию намеченных по плану населенных пунктов и с 22 часов 9.9 с. г. прекратить военные действия в Болгарии..."

В Софии и других ключевых пунктах Болгарии за линией расположения советских войск в ночь на 9 сентября произошли решающие события народного восстания, руководимого Болгарской рабочей партией. Оно, как известно, закончилось блестящей победой народа.

Известие о победе народного восстания мы получили быстро. Вместе с ним поступило сообщение о создании нового Совета министров во главе с Кимоном Георгиевым. Последний утром того же дня выступил по радио, огласил состав своего кабинета и зачитал обращение к болгарскому народу. Правительство назначило делегацию для заключения перемирия с СССР. В стране восстанавливались политические свободы; члены бывшего правительства, проводившие антинародную политику, подлежали аресту.

Все это было отрадно. Однако вполне определенно мы ориентироваться еще не могли: информация о событиях в Болгарии была явно недостаточной для того, чтобы сделать какие-то военные выводы. В то время было очень важно, чтобы Болгария, разорвав союз с гитлеровцами, включилась в великую освободительную войну против фашистской Германии. Вместе с тем было необходимо обезвредить реакционные силы и не дать им развязать в стране гражданскую войну. Полученные нами данные не позволяли пока определить с полной ясностью и то - станут ли в Болгарии ломать старую государственную машину, какова в данный момент позиция высшего командования армии и какой она может быть в будущем, какую роль играет в армии сейчас и приобретет в ближайшее время Болгарская рабочая партия. Мы твердо верили, что эта партия прочно держит кормило руководства народным восстанием и сумеет принять меры для нормализации жизни страны и установления государственного строя, отвечающего интересам народа.

Не все было ясно в отношении состава правительства Кимона Георгиева. Мы не знали с необходимой подробностью о прошлой

деятельности министров. Сам К. Георгиев был известен прежде всего как человек антигерманских настроений. Это, на наш взгляд, было большим плюсом. К тому же, будучи во главе правительства после переворота 19 мая 1934 г., он установил дипломатические отношения Болгарии с Советским Союзом, что тоже говорило в его пользу. Но вместе с тем тогда, в 1934 г., проводился яростный поход против рабочего движения, и коммунистов особенно. Именно в тридцатых годах фактически были ликвидированы последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии и в Болгарии установилась военно-фашистская диктатура.

Был в составе правительства и такой человек, как министр без портфеля Никола Петков, член Земледельческого союза, крупный рантье, известный своими реакционными политическими взглядами. От этого человека можно было ожидать весьма опасного противодействия демократическим последствиям народного восстания. Как показало время, Петков оказался ярым врагом социалистической Болгарии. Ряд других важных государственных постов тоже находился в руках людей, не считавшихся надежными друзьями народа. Все это не могло не учитываться Ставкой, поскольку на территории Болгарии продолжали оставаться основные силы 3-го Украинского фронта, а в ближайшем будущем страна должна была стать его непосредственным тылом.

В середине дня 9 сентября А. И. Антонов сообщил мне, что звонил Г. М. Димитров. Георгий Михайлович говорил о делегации нового болгарского правительства, которая готовилась вылететь на командный пункт Толбухина. Димитров спросил, как лучше организовать ее перелет, и заодно информировал, что в составе делегации будет Димитр Ганев - член Политбюро ЦК Болгарской рабочей партии: ему было поручено рассказать Военному совету фронта о характере правительства и событиях в Болгарии.

Мы с большим интересом ждали сообщений с фронта. Наконец Ф. И. Толбухин доложил в Ставку, что делегация болгарского правительства, уполномоченная соответствующим образом Советом министров, встретилась 10 сентября с Военным советом фронта. В ее состав входили профессор Димитр Михалчев - бывший посланник Болгарии в Москве, уже известный нам Димитр Ганев и некоторые другие лица. Ближайшая задача делегации состояла в том, чтобы войти в контакт с командующим фронтом генералом армии Толбухиным, узнать условия прекращения военных действий, обсудить с ним все вопросы в связи с началом переговоров о перемирии.

Делегатам предстояло договориться также об условиях

сотрудничества болгарской армии с советскими войсками в общей борьбе против гитлеровцев, обсудить вопрос о восстановлении дипломатических отношений Болгарии с Союзом Советских Социалистических Республик. Как видит читатель, предстояло предварительно решить важнейшие для страны вопросы. Других путей, иначе как через фронт, договориться с Москвой и послать туда необходимую делегацию у болгар в то время не было.

Делегация начала переговоры с командованием 3-го Украинского фронта с главного вопроса: болгарское правительство предлагало участие Болгарии в совместной вооруженной борьбе против немецко-фашистских войск и высказывалось за взаимодействие советских войск с болгарской армией. Председатель делегации заявил Ф. И. Толбухину, что сейчас для Болгарии крайне необходимо координировать свои действия с Красной Армией, так как, по его словам, задачи обеих армий стали тождественны. От имени Совета министров делегаты просили командующего послать в Софию авторитетного представителя для координации усилий болгарских и советских войск.

В ходе беседы болгарские делегаты сообщили Военному совету фронта, что в данный момент гитлеровские войска концентрируют значительные силы с большим количеством танков на территории Югославии в районе Ниш, Бела-Паланка. Болгары полагали, что это сосредоточение немецко-фашистских войск является несомненным признаком подготовки наступления на Софию. Они беспокоились и просили оказать немедленную помощь болгарским силам обороны столицы, особенно авиацией. В этой связи делегация рассказала об аэродромах в районе Софии, о том, что авиационного горючего у болгарской армии нет. На переговорах возникли некоторые практические вопросы по боеготовности болгарских войск, по связи Варны с Софией в интересах оперативного решения всякого рода возникающих вопросов, важных для обеих сторон.

Ф. И. Толбухин обещал болгарам передать их просьбы Советскому правительству и в свою очередь выразил заинтересованность в транспортных средствах на Дунае, в организации переправ для советских войск через эту широкую и полноводную реку. Командующий, обычно крайне осторожный в секретных вопросах, на этот раз откровенно рассказал о необходимости переброски советских войск через территорию Болгарии в район Видина. В ответ делегация заверила, что правительство и народ Болгарии будут всемерно способствовать Красной Армии, предоставят железные дороги и водный

транспорт, в том числе немецкие суда, если они есть на Дунае. Болгары обещали помочь поднять затопленные на Дунае немецкие корабли, сообщили возможности перевозок по железным дорогам страны, где паровозов имелось мало, да и те были сильно изношены.

После того как закончились официальные переговоры, Димитр Ганев попросил отдельного приема. Он информировал советское командование относительно характера нового кабинета Кимона Георгиева. "Это правительство,- сказал он тогда,- есть правительство Отечественного фронта - блока Болгарской рабочей партии, Земледельческого союза, социал-демократов, народного союза "Звено" и "независимых" (беспартийных)". Ганев объяснил особенности этого правительства, в котором, несмотря на то что коммунисты не имели большинства, обеспечивалась руководящая роль Болгарской рабочей партии. Затем последовал подробный рассказ о народном восстании в стране, силах партизан, о работе коммунистов.

Командующего фронтом интересовала, конечно, и кадровая болгарская армия. Д. Ганев хорошо знал ее и подробно характеризовал настроения, существующие в армии. По его словам, рядовой и сержантский состав болгарских войск был готов немедленно сражаться плечом к плечу с советскими воинами. Среди офицерского состава имелась реакционная часть, настроенная профашистски, особенно в войсках, которые несли оккупационную службу за границей. Что касается населения Софии, то оно с нетерпением ожидало прихода Красной Армии.

Много полезного Д. Ганев сообщил относительно военного руководства болгарской армии. Он положительно отозвался о бывшем военном министре генерал-майоре И. Маринове, который в правительстве Отечественного фронта получил пост главнокомандующего болгарской армией. Но в то же время, по личным наблюдениям, он отметил вялую реакцию главкома на опасную для Болгарии обстановку, созданную гитлеровскими войсками и реакционным офицерством, особенно в районе Софии. Д. Ганеву был знаком и болгарский генеральный штаб. Ганев без обиняков сказал, что не заметил у личного состава генерального штаба твердого намерения вступить в решительную борьбу с гитлеровцами.

В заключение беседы член Политбюро ЦК Болгарской рабочей партии высказал мысль, что новое болгарское правительство еще не имеет твердой гарантии своей безопасности, поскольку обстановка в стране, в частности концентрация болгарских войск в районе Софии, может быть использована реакционным офицерством для действий против

правительства. Этим в свою очередь может воспользоваться германское командование. Возможность объединения внешних и внутренних реакционных сил против правительства Отечественного фронта была, на его взгляд, вполне реальной.

Димитр Ганев от имени ЦК БРП выразил пожелание приблизить авиацию Красной Армии к Софии в качестве гарантии против возможных действий реакционного офицерства. Он просил, кроме того, сообщить Болгарской рабочей партии, каким образом новой власти поддерживать связь и работать в тех районах Болгарии, которые заняты Красной Армией.

Переговоры с болгарской делегацией и обстоятельные сообщения Димитра Ганева значительно прояснили положение дел в Болгарии. Главное политическое управление получило подробный доклад по этим вопросам от начальника политуправления фронта П. С. Аношина.

Однако наиболее полное разъяснение того, что происходило в те дни в Болгарии, дал несколько позже Георгий Димитров. Суть такой операции была изложена им в Политическом отчете ЦК БРП(к) V съезду партии 19 декабря 1948 г. Г. М. Димитров сказал на съезде:

"9 сентября 1944 г. политическая власть в нашей стране была вырвана из рук капиталистической буржуазии, эксплуататорского монархо-фашистского меньшинства и перешла в руки громадного большинства народа, трудящихся города и деревни при активной руководящей роли рабочего класса и его коммунистического авангарда. Победив при решающей помощи героической Советской Армии, восстание 9 сентября открыло путь к построению социализма в нашей стране.

Сочетание народного восстания 9 сентября 1944 г. с победоносным шествием Советской Армии на Балканах не только обеспечило победу восстания, но и придало ему большую силу и размах"{47}.

Успех народного восстания не снимал, однако, многих трудностей и опасности борьбы. То там то сям внезапно раздавались выстрелы, и пули из-за угла угрожали жизни наших солдат, болгарских партизан и коммунистов. То неожиданно срывалась планомерная отправка важных воинских эшелонов, то вдруг как сквозь землю провалился весь состав гитлеровского посольства и германской военной миссии. На каждом шагу советские люди и болгарские патриоты сталкивались с подрывной работой затаившегося врага, должны были разоблачать эти происки и бороться за новую Болгарию со всей энергией и революционной страстью.

В свое время, когда советские войска, разгромив противника

под Яссами и Кишиневом, двинулись дальше, важное значение для последующего хода событий в Румынии имела быстрая ликвидация существовавшего там гитлеровского аппарата порабощения страны. Принялись за это сами румыны, но король и стоявшие еще у власти представители старых правящих кругов государства все делали с оглядкой на бывших немецких господ, особенно на посла фашистской Германии и ее военных представителей. Наступавшие советские войска, обнаружив большую группу немецких военных, захватили их как пленных. В итоге этих мероприятий обезглавленная гитлеровская агентура была дезорганизована и оказала слабое сопротивление развитию народного восстания в Румынии. В Болгарии же обезвредить гитлеровское осиное гнездо сразу не удалось, что и вызывало некоторую тревогу.

Истекала уже неделя, как Красная Армия под восторженные приветствия народа шла через Болгарию... В один из дней, выслушав наш доклад Ставке по обстановке на фронтах, кто-то из присутствующих в кабинете Верховного Главнокомандующего вспомнил о немецком посольстве в Болгарии и поинтересовался, где оно в данное время находится. Ни Антонов, ни я не дали на этот вопрос исчерпывающего ответа, поскольку войска только выдвигались к Софии, а представитель советского командования - начальник штаба 3-го Украинского фронта генерал-полковник С. С. Бирюзов собирался вылететь туда утром 14 сентября. Главная задача Бирюзова в данный момент состояла отнюдь не в том, чтобы ловить гитлеровских агентов: он должен был, как просили болгары, координировать усилия Красной Армии и болгарских войск (а в последующем возглавить Союзную контрольную комиссию). Но на войне приходилось делать то, что требовала обстановка, и сейчас в Ставке А. И. Антонову и мне, как его ближайшему помощнику, указали новые области генштабовской работы. Генштаб получил указание направить Ф. И. Толбухину от имени Ставки распоряжение разыскать и интернировать весь состав германского посольства и военную миссию в самый короткий срок.

Распоряжение фронту было послано, а Ф. И. Толбухин в свою очередь приказал приступить к поискам С. С. Бирюзову, который вместе с начальником политуправления фронта генералом И. С. Аношиным, как уже говорилось, 14 сентября направился в столицу Болгарии.

По прибытии на место Бирюзов убедился, что немецкие дипломатические и военные представители в столице отсутствовали. На запросы об их местонахождении представители болгарских властей ответили, что никаких сведений о

гитлеровцах не имеют. Где же, в таком случае, те скрывались? Дипломаты исчезли, конечно, не без помощи своих единомышленников. У них, несомненно, была значительная агентура по всей стране, опиравшаяся на внутреннюю реакцию. Центр этот нужно было ликвидировать в самое короткое время.

Докладывая И. В. Сталину обстановку на фронтах, А. И. Антонов не забыл сказать и об этом. Верховный Главнокомандующий приказал нам передать на 3-й Украинский фронт распоряжение усилить поиски. В Болгарии организовали планомерный розыск посольства, которое не могло исчезнуть, как иголка в стоге сена. С. С. Бирюзов и И. С. Аношин сделали еще одно представление болгарскому правительству. Постепенно выяснилось, что исчезновение гитлеровских дипломатов и военной миссии произошло не без ведома и прямого содействия некоторых чиновников государственного управления. Кто-то из них помог германским офицерам и дипломатическим работникам получить специальный железнодорожный состав. Однако куда выбыли немцы, никто не сообщал. Пришлось организовать тщательные розыски поезда.

Наконец в Генштаб прибыла телеграмма, где сообщалось, что беглецы находятся на турецкой границе в районе города Свиленград.

Командующий фронтом и С. С. Бирюзов каждый по своей линии немедленно направили небольшие десанты на самолетах в указанный пункт. Десант командующего фронтом, состоявший из воинов охраны тыла 3-го Украинского фронта (25 человек под командованием подполковника И. З. Котелкова), первым приземлился в районе Свиленграда и поспешил на станцию. Но он опоздал: поезд, ранее действительно находившийся здесь, только что выбыл куда-то в направлении греческой границы. С помощью болгарских граждан выяснилось, что сотрудники германского посольства прибыли в Свиленград уже неделю назад и ожидали здесь, не выходя из вагонов, визы турецкого правительства. Последнее, однако, теперь не торопилось с оказанием внимания представителям Германии, которая терпела на фронтах одно поражение за другим. Турки, как известно, 2 августа 1944 года порвали дипломатические отношения с Германией. На этом основании они день за днем тянули с выдачей виз. Израсходовав все запасы продовольствия и получив, возможно, известие, что их ищут, беглецы двинулись на поезде к греческой границе.

Подполковник Котелков со своими людьми, разобравшись в ситуации, бросился за поездом. Предварительно он объяснил болгарским железнодорожникам и префекту города, в чем дело, и

потребовал остановить состав на ближайшем разъезде. Поезд задержали на станции Раковская. Весь состав посольства из 32 человек во главе с послом Бекерле и военным атташе полковником фон Хюльзеном был взят под стражу. Вместе с ними в поезде оказались некоторые лица из посольства уже не существовавшего правительства Муссолини и два сотрудника шведского посольства. Вскоре дипломатов доставили в Добрич. Змеиное гнездо было обезврежено. Изоляция личного состава посольства и военной миссии фашистской Германии способствовала успешному развитию борьбы против гитлеровской агентуры в Болгарии.

Задержав явных врагов болгарского народа и Красной Армии, наше командование вместе с тем сразу же позаботилось о неприкосновенности прочих дипломатических представительств и строжайшем соблюдении законности в отношении всех болгарских граждан и иностранных подданных. Этот вопрос особо обсуждался в Ставке. В итоге штабу 3-го Украинского фронта 26.9.44 была отправлена телеграмма:

"Ставка Верховного Главнокомандования запрещает производить аресты в Болгарии и Румынии. Впредь никого без разрешения Ставки не арестовывать. По поручению Ставки Верховного Главнокомандования - Антонов, Штеменко".

В Ставке советского Верховного Главнокомандования и Генеральном штабе с волнением ждали известий о повороте оружия болгарской армии против общего врага - фашистской Германии. В этом случае дело разгрома гитлеровцев, прежде всего в Югославии, могло приобрести более благоприятный оборот.

С первых дней подготовки совместных операций советских, болгарских войск и Народно-освободительной армии Югославии мы столкнулись с последствиями политики недоброй памяти царя Бориса. Дело в том, что фашистская Германия, захватив Балканы, не только насаждала там угодный ей режим, но и науськивала народы друг на друга. То был старый принцип рабовладельцев древней Римской империи "разделяй и властвуй", ловко использованный фашистскими политиканами. В итоге царское правительство Болгарии, впав в зависимость от фашистской Германии, послало в Югославию значительные силы, цель которых состояла в том, чтобы содействовать гитлеровцам в подавлении освободительной борьбы в этой стране. Личный состав болгарских войск специально подбирался и являлся крайне реакционным. Естественно, что югославское население питало жгучую ненависть к пособникам немецко-фашистских захватчиков.

После 9 сентября возникла прочная база для отношений подлинной дружбы народов-соседей. Но события показали, что установить доверие между народами, нужное для совместных боевых операций, не так-то просто: требовалось не только время, но и большая разъяснительная работа даже среди коммунистов. Особенно важно было делом доказать принципиально новый характер армии Болгарии, в корне изменившееся ее назначение.

Необходимая для решения этого важного вопроса помощь пришла тогда от Г. М. Димитрова, который послал И. Броз Тито телеграмму о совместных действиях Народно-освободительной армии Югославии и болгарских войск против гитлеровцев. Он сумел объяснить югославским товарищам новое положение, сложившееся в Болгарии, а болгарским коммунистам - что они должны решительно улучшить отношения с югославскими братьями по классу и партией, завоевать доверие последних и заключить с ними боевой союз. Лишь в таких условиях можно было организовать и успешно провести совместные военные операции советских, югославских и болгарских войск. Путь Болгарии в будущее лежал через очистительную войну с фашизмом.

Телеграмма Г. М. Димитрова нацелила внимание Болгарской рабочей партии на этот важный вопрос. Коммунисты добились решения правительства о выводе болгарских войск из Югославии на родину и разработали программу их коренной реорганизации. Профашистски настроенных офицеров и ту часть личного состава, которая запятнала себя бесчинствами среди югославского населения, уволили из армии и привлекли к ответственности. Тем самым был ликвидирован реакционный центр и болезненный гнойник в организме болгарской армии. Личный состав соединений пополнили за счет партизан и добровольцев. В итоге этих мероприятий на земле Югославии предстояло воевать против немцев совсем не тем болгарским войскам, которые ранее там находились, а новым вооруженным силам, рожденным в Болгарии сентябрьской революционной бурей.

Все это, вместе взятое, предопределило возможность организации победных совместных операций дружественных советских, болгарских войск, Народно-освободительной армии Югославии на югославской земле, о чем будет сказано ниже.

Задача вступления Болгарии в войну против фашистской Германии и цель разгрома гитлеровского рейха, провозглашенные программой Отечественного фронта, отвечали коренным интересам болгарского народа и намерениям антигитлеровской коалиции. Но тешить себя надеждами, что этот поворот произойдет сразу и без трудностей, было нельзя: слишком уж

тяжек был груз наследия фашизма, с чем приходилось серьезно считаться.

Привычка оценивать вероятный ход событий через призму советской истории подсказывала, что в Болгарии можно ожидать своеобразные формы военного строительства. Конечно, решение вопроса о путях военного строительства в Болгарии от нас не зависело. Но предвидеть его мы были обязаны, а потому следовало хорошо знать обстановку, постоянно анализировать тенденции ее развития. За это мы и принялись очень основательно. Офицеры направления, руководимого генералом К. Ф. Васильченко, получили на сентябрь задачу досконально изучить болгарскую армию и выполняли ее весьма добросовестно.

Вокруг вступления Болгарии в войну на стороне антигитлеровской коалиции развернулось невидимое сражение. Стремление революционных сил страны быстрее ввести болгарскую армию и все ресурсы государства в борьбу против фашистской Германии натолкнулось на тайное и весьма сильное сопротивление врагов, действовавших тихой сапой. Недруги новой Болгарии обнаружились не только в государственном аппарате, но и в правительстве Отечественного фронта, в руководящих военных кругах.

События развертывались следующим образом. Пожелания болгарского правительства (высказанные на первой встрече его представителей с Военным советом 3-го Украинского фронта) о координации усилий Красной Армии и болгарских войск в совместной борьбе против гитлеровцев вполне соответствовали требованиям военной обстановки. Необходимость проведения совместных операций советских, болгарских войск и Народно-освободительной армии Югославии тоже была ясна. Особенно важно было снять угрозу Софии, где размещались правительство Отечественного фронта и ЦК БРП, ставший действовать легально.

Поскольку болгарское правительство просило нас в первую очередь о военной помощи, в район Софии были направлены один из стрелковых корпусов 57-й армии, танковая и истребительно-противотанковая артиллерийские бригады, части "катюш" и мотоциклетный полк. На аэродромы столицы перебазировались истребительная и штурмовая авиадивизии 17-й воздушной армии. Туда же перебрался и ее командарм В. А. Судец.

Просьба болгарского правительства о взаимодействии советских и болгарских войск была разрешена тоже очень быстро и полно: Ф. И. Толбухин направил в Софию своего начальника штаба, весьма одаренного в военном отношении человека, хорошего организатора и зрелого политика генерал-полковника

С. С. Бирюзова. Однако только этими мероприятиями в то время нельзя было ограничиться. Обстановка настоятельно требовала передать оперативное руководство всеми силами и средствами на территории Болгарии в руки командования 3-го Украинского фронта. Болгары сами просили об этом, поскольку иначе не могло быть достигнуто единство воли и действий советских и болгарских сил. в совместных операциях.

Ставка приказала тогда Ф. И. Толбухину договориться с болгарским правительством о практических вопросах подчинения 3-му Украинскому фронту болгарских вооруженных сил. Это мероприятие соответствовало и международным правовым нормам, поскольку перемирие между СССР, нашими союзниками и Болгарией еще не было заключено.

Выполняя приказание Ставки, Ф. И. Толбухин направил 16 сентября военному министру Болгарии Д. Велчеву соответствующее письмо. При этом он предложил осуществление военных приказов по болгарской армии проводить только через болгарский генеральный штаб. С этого момента до конца войны советские и болгарские войска действовали в тесном боевом содружестве.

В Софии и по всей стране между тем шел процесс становления новой Болгарии, где усилия друзей и происки врагов переплетались в сложный клубок часто противоречивых событий. С классовыми единомышленниками, с коммунистами Болгарии полное понимание установилось быстро и прочно. Иное было с тайными врагами. Они тщательно маскировались, принимали личину товарищей, и разобраться в их действиях оказывалось непросто. Надежным компасом нашим представителям здесь служило то верное классовое чутье, которое всегда воспитывалось в советских людях коммунистической партией.

Первой областью, где тайные враги дали бой новой власти в Болгарии и советскому командованию, был вопрос о союзниках. Советский Генеральный штаб почувствовал это уже в день приезда Бирюзова в болгарскую столицу 17 сентября. Тогда к главкому болгарской армии генерал-майору II. Маринову без предупреждения явилась группа английских и американских офицеров. Было заметно, что визит организован и заранее подготовлен чьей-то могущественной рукой, пожелавшей остаться в тени. Офицеры потребовали дать в их распоряжение аэродром и предоставить планы минных полей на побережье Черного моря, в один из портов которого на самом юге Болгарии в ближайшее время ожидался якобы приход английских судов. Как выяснил И. Маринов, в этот порт уже были высланы офицер и инженер для подготовки к приему кораблей, хотя согласия Болгарии и

советского командования на то не имелось. Визитеры также предложили свою военную помощь на Балканах, которой новое болгарское правительство не просило, и заявили, что ждут ответа на следующий день.

Маринов уклонился от каких-либо обязательств и, выпроводив непрошеных гостей, немедленно связался с С. С. Бирюзовым, чтобы решить, как быть. Он выразил опасение, что англичане и американцы пойдут и на другие шаги, которые иначе как попытки захватить важные для Болгарии объекты, например аэродромы страны, нельзя было расценить.

С. С. Бирюзов заверил болгарского главкома, что союзники не так глупы, чтобы открыто обострять обстановку там, где присутствуют войска целого фронта Красной Армии, и посоветовал главнокомандующему ответить гибко, что, дескать, в Болгарии находится командование советских войск и без согласования с ним выполнить какое-либо требование болгары не могут.

Сам по себе такой визит союзников был очень далек от каких-либо общепринятых правил дипломатической и воинской вежливости. Он, конечно, являлся своеобразным отражением идей и целей известного всем "балканского варианта" У. Черчилля, как и расценили этот англо-американский визит у нас в Генштабе и там, на месте, советские военные представители. Когда в Софии состоялась вторая встреча И. Маринова с англо-американской группой офицеров, наши работники заявили, что в помощи союзников надобности не имеется. Ответ не был галантным, но являлся до предела ясным и определенным. Его правильно поняли те, кому он адресовался. Визитеры отправились восвояси.

Жизнь и своеобразные условия. освободительной миссии Красной Армии вынуждали, таким образом, Генеральный штаб и наши фронты решать по ходу операций и некоторые международные вопросы. Забегая вперед, скажу, что этот весьма своеобразный род деятельности, который военной организации вроде бы и несвойствен, давно уже получил отражение в организационном строении Генштаба. Дипломатическая работа - в ограниченных, конечно, пределах и в рамках сугубо военных вопросов-с началом войны стала неотъемлемым элементом деятельности генштабистов.

Телеграмма о событиях в Софии была, разумеется, доложена В. М. Молотову. Она вскоре вернулась к нам с его резолюцией. По существу действий никаких замечаний не было сделано. Но за форму ответа мы и наши представители получили внушение. В левом верхнем углу было написано: "Не следует говорить, что в

союзниках "надобности не имеется". Надо сказать, чтобы союзники предварительно согласовывали такие вопросы в Москве, а в Болгарии не вступать с ними в переговоры, а вежливо указывать - договоритесь в Москве".

Я передал эту резолюцию в штаб 3-го УФ и подумал, что дипломатия и впрямь дело тонкое: иной раз и хочется сказать покрепче, а приходится выбирать выражения да еще отвесить пристойный поклон или сделать реверанс. Нарком иностранных дел учил нас обходительности, и больше таких ляпсусов у нас не допускалось.

Но данное происшествие этим не кончилось. В один из последующих дней мы с А. И. Антоновым докладывали И. В. Сталину положение на фронтах. В кабинете находился и В. М. Молотов. И. В. Сталин внимательно нас слушал и, когда дело дошло до Болгарии, принялся за коробку "Герцеговины Флор", чтобы набить табаком папирос свою неизменную трубку. Не повышая голоса, он, обращаясь к нам, сказал:

- Надо и Генштабу знать основы международного права и порядок обращения при контактах с представителями других государств.

Мы с Алексеем Иннокентьевичем смекнули, в чем дело: вероятно, Молотов рассказал Сталину о "тонкой" дипломатии военных.

Говорить в таких случаях полагалось А. И. Антонову, как старшему по положению и званию. Он ответил, что в Генштабе есть специальный орган, который занимается такими вопросами и поддерживает тесную связь с Наркоминделом. Это управление спецзаданий, хорошо известное товарищу Сталину. Что касается международного права, то мы, конечно, лучше знаем военное право, чем международное.

И. В. Сталину ответ явно не понравился.

- Так я и знал, что вы этого не понимаете,- сказал он, сердито постукивая мундштуком папиросы о крышку коробки.- Речь не о том, не про управление... И занимается-то оно в основном представительскими вопросами. Мы говорим о вас руководителях Генштаба.

Затем, чуть помедлив, он добавил:

- Да и не только Генштаба... Речь идет о военных, которые сами ведут переговоры с иностранцами или участвуют в переговорах, разрабатывают важные военно-дипломатические документы. Вот они-то и должны знать, как это нужно правильно делать, чтобы достойно представлять нашу страну. Поняли теперь, о чем пекусь? Не о приемах и банкетах. Здесь-то вы лицом в грязь не ударите... А что касается "военного права", о чем тут

упоминалось, то мы об этом уже не раз слышали: многие военные считают, что их право - только на штыках.

Он замолчал, набил наконец табак из папирос в свою трубку и принялся не торопясь ее раскуривать. Весь вид Верховного Главнокомандующего показывал, что разговор на данную тему завершен.

Надо сказать, что предъявленные нам требования были справедливы. В то время ни одни крупные переговоры с представителями других государств не обходились без участия военных, и в первую очередь представителей Генштаба. Тегеранская, Ялтинская и Потсдамская конференции являются ярким тому подтверждением. В Генштабе всегда тщательно готовились к таким мероприятиям и изучали, конечно, основы международного права.

Генштаб в течение всей войны поддерживал самую непосредственную и постоянную связь с Наркоминделом. Особенно она была тесной в конце войны и в первые годы по ее окончании, когда пушки умолкли, а голоса дипломатов вновь зазвучали в полную силу. Мне, в частности, нередко приходилось отрабатывать или согласовывать документы с такими корифеями советской дипломатии, как М. М. Литвинов, И. М. Майский, А. А. Громыко и другие. У каждого из них было чему поучиться, хотя это совершенно разные люди по своему характеру и методам работы. Мы, генштабисты, соприкасавшиеся с ними и другими представителями нашей дипломатической службы, благодарны им за понимание и большой вклад, который они внесли в дела военно-политического характера.

Англичане и американцы не раз еще пытались влезть в болгарские дела. К главкому болгарской армии продолжали наведываться группы офицеров этих стран. Одна из них прямо попросила сообщить данные о советских войсках. И. Маринов почувствовал, чем такой запрос пахнет, и отправил посетителей к С. С. Бирюзову: он-де лучше знает положение и полнее ответит на вопросы. Дело закончилось вежливым выдворением непрошеных гостей из полосы действий 3-го Украинского фронта, т. е. за пределы Болгарии.

Тогда начался подобный же зондаж в болгарских войсках на территории Греции. Там появился некий майор, который требовал от болгарского командования передать власть им, англичанам, а не Отечественному фронту Греции, предлагал помощь союзников. Одним словом, наши англо-американские партнеры по антигитлеровской коалиции вели разведку, добивались укрепления позиций сил западной ориентации и ослабления советского влияния на Балканах.

Вскоре мы получили подтверждение, что разведка и домогательства англо-американцев находят поддержку в чиновничьем аппарате Болгарии, доставшемся в наследство от монархии, а также у военного министра Д. Велчева. Через радиостанции болгарской правительственной сети стали, например, передаваться открытые сообщения, полностью раскрывавшие расположение советских войск. В штабе фронта всполошились, и Ф. И. Толбухин через С. С. Бирюзова предложил болгарскому правительству передачи по радио о дислокации советских воинских частей производить только с нашей санкции.

Что же касается Велчева, то он старался казаться борцом Отечественного фронта, а на самом деле являлся ярым врагом всего передового, что было связано с новой Болгарией. Его двуличную игру мы почувствовали, когда получили ответ Велчева на письмо Толбухина от 16 сентября по поводу подчинения болгарских войск. Военный министр писал, что все делается для того, чтобы объединить усилия болгарской и советской армий, но действовал он как раз в противоположном смысле и старался не допустить быстрого ввода болгарской армии в войну на стороне антигитлеровской коалиции.

19 сентября Бирюзов и Аношин встретились с руководителями болгарского правительства Отечественного фронта и болгарской армии. С болгарской стороны присутствовали К. Георгиев, И. Маринов, Д. Велчев и полковник, представлявший генштаб болгарской армии. Беседа шла относительно мобилизации сил народа и армии на решительную борьбу с гитлеровскими войсками.

Здесь-то еще раз подтвердилась реакционная линия Велчева и некоторых кругов болгарского генерального штаба. Если председатель Совета министров Болгарии, а вместе с ним и главнокомандующий болгарской армией были сторонниками быстрого развертывания войск Болгарии против Германии и вступления их в боевые действия, то военный министр и представитель болгарского генштаба высказались против отправки болгарских войск на фронт, мотивируя свое мнение ссылкой на небоеспособность и ненадежность дивизий, находящихся на территории Югославии и в самой Болгарии.

Мотивировка выглядела вроде бы доказательно. Как было упомянуто ранее, войска Болгарии, осуществлявшие до 9 сентября оккупационную службу на территории Югославии, были засорены профашистскими элементами, особенно офицерский состав. Конечно, эти войска следовало очистить от врагов революции, пополнить бывшими партизанами и добровольцами и только тогда пускать в дело. Но процесс очищения армии от

врагов народа уже шел, причем во все возрастающем темпе. Проводила эту работу Болгарская рабочая партия через своих представителей в Отечественном фронте, при помощи бывших партизан, подпольщиков и других борцов за победу народного строя. Распространять же мнение о ее якобы небоеспособности на всю болгарскую армию было бы крайне ошибочно. Задача заключалась в том, чтобы не терять времени на бесплодные споры об этом, а ускорить процесс оздоровления войск и улучшить дело комплектования за счет новых пополнений из народа, ненавидевшего весь режим прислужников монархо-фашистов и Гитлера в Болгарии.

С. С. Бирюзов сумел быстро разглядеть истинный смысл позиции Д. Велчева и разобраться в его практических махинациях. Он повел дело с полным пониманием обстановки. И следует заметить, что болгарская армия быстро преодолела период очищения, мужественно выступила против немецко-фашистских войск, своей самоотверженной борьбой внесла большой вклад в общую победу над врагом. В этом большая заслуга и С. С. Бирюзова.

Позиция Д. Велчева и иже с ним очень насторожила советский Генеральный штаб. Мы обратили на это внимание Бирюзова и его аппарата. Нужно было выяснить точнее истинную картину состояния болгарской армии, помочь ей, если надо, всем, чем можно, и двигать войска на фронт. Тем самым упрочивались завоевания народного восстания в Болгарии, приближалась победа и выбивалась всякая почва из-под ног вражеской агентуры и реставраторов прежнего режима.

Сопротивленце Велчева и реакционных болгарских генштабистов не прошло незамеченным для Болгарской рабочей партии, ее Центрального Комитета. Укреплению армии и выдвижению ее на фронт было уделено особое внимание. ЦК БРП по рекомендации Г. М. Димитрова направил в войска уже известного читателю Ивана Винарова с задачей разобраться в состоянии болгарской армии и помочь ей встать в общий антигитлеровский строй. Прибыв в Болгарию, И. Винаров с небольшой группой помощников немедленно выехал в войска.

Картина здесь была далеко не такой безотрадной, как ее рисовал Велчев и его люди. Группа Винарова не нашла ни одного соединения или части, не подчинявшихся правительству Отечественного фронта. Вернувшись в Софию, И. Винаров доложил свои выводы. Он заявил, что войска болгарской армии "требуют еще пару недель для их окончательного приведения в порядок и что они сейчас являются боеспособными, но будут, безусловно, более боеспособными после указанного срока".

Этот отрывок из телеграммы Толбухина, излагавшей итоги работы группы ЦК БРП, показывает, что вопрос о небоеспособности болгарской армии был, как говорят, дутым. После поездки И. Винарова он вообще перестал существовать. Недостатки, которые имелись в частях, можно было устранить в относительно короткий срок.

Реакция пыталась представить положение в болгарской армии как состояние хаоса и развала, ссылаясь при этом на бурные собрания, сотрясавшие в то время болгарскую казарму. Кому-кому, а советскому командованию картина клокотавшего страстями солдатского дома была отлично знакома по опыту нашей революции. Было ясно, что накал многоголосых митингов отнюдь не служил признаком небоеспособности войск, а являлся лишь средством поиска истины, которую хотел себе уяснить в ходе народного восстания каждый болгарский воин, определяя свое место в потоке исторических событий.

Естественно, не все солдаты и офицеры сумели сразу осмыслить все то новое, что родилось в стране с победой народного восстания. Кое-кто не подчинялся приказам офицеров, не имея представления о политических взглядах своих начальников. Были и такие, что думали больше об оставленном в деревне хозяйстве, чем о политике. Новое тогда существовало рядом со старым, и не всегда находились люди, способные разъяснить, за кем стоит будущее, поскольку слово коммунистов пока еще не везде успело сделать свое дело.

Изменить в короткий срок политическое существо и дух армии, ранее служившей монархическому профашистскому строю, поставить войско на службу завоеваний Сентябрьского народного восстания было задачей большой трудности. В Генштабе тоже занимались этим вопросом и не раз спорили относительно того, помогают или мешают солдатские комитеты, возникшие в ходе восстания в частях, укреплению порядка, мобилизационной и боевой готовности войск, строительству новой болгарской армии.

Болгарская рабочая партия умело определила момент, когда, по мере укрепления офицерских кадров за счет преданных народу людей, солдатские комитеты постепенно исчерпали себя и могли стать, в случае их сохранения, помехой укреплению дисциплины и единоначалия в войсках, делу подготовки армии к действиям на фронте. Комитеты постепенно распускались.

Поскольку новый командный состав был не всегда хорошо подготовлен в военном отношении, возникла мысль помочь болгарским войскам советскими военными советниками. Первым ее выразил И. С. Аношин в одной из своих докладных телеграмм

члену Военного совета 3-го Украинского фронта А. С. Желтову.

А. С. Желтов поддержал предложение. Он обратил на него внимание Ф. И. Толбухина и высказался за то, чтобы поставить вопрос о наших представителях перед Генеральным штабом. Командующий согласился.

По указанию командующего фронтом С. С. Бирюзов имел на эту тему разговор с К. Георгиевым и Д. Велчевым, и те решили официально просить СССР послать советских офицеров в болгарские войска в качестве представителей, а точнее инструкторов по вопросам боевой подготовки.

20 сентября на имя А. И. Антонова прибыла телеграмма с 3-го Украинского фронта, где Ф. И. Толбухин поставил вопрос о советниках уже от лица болгарского правительства.

Телеграмма была доложена в Ставке, и вскоре Советское правительство согласилось послать офицеров Красной Армии в болгарские соединения, но только в те, которые действовали совместно с войсками 3-го Украинского фронта.

С начала октября 1944 г. семь советских полковников прибыли в болгарские войска: в 4-ю пехотную дивизию - Татарчевский, 5-ю - Херасков, 6-ю - Титов, 9-ю - Галиакберов, 12-ю - Григорьев, 1-ю и 2-ю кавалерийские дивизии соответственно - Шафорост и Пожидаев. Советники не командовали, а давали деловые предложения в случаях, этого требующих. Несколько позже в качестве главы группы советников был назначен генерал-майор А. В. Благодатов.

Поскольку командиры болгарских дивизий и полков серьезного боевого опыта не имели, помощь советских товарищей была очень кстати. Нашим представителям приходилось вникать буквально во все вопросы организации боевых действий, боевого обеспечения. В особенном внимании нуждались вопросы разведки и управления войсками. Этого требовала сама жизнь. Полковник Татарчевский, например, докладывал о состоянии разведки в соединении, где он работал: "Разведку дивизия не организовала, сведения о противнике получали от местных жителей и партизан. Сведения о противнике были неправдоподобны и неточны". Не лучше обстояло дело и с другими вопросами.

Большую помощь в организации политико-просветительной и воспитательной работы оказали молодой народной армии Болгарии советские политработники. Болгарские товарищи доброжелательно встретили советских офицеров, с большим интересом перенимали у них опыт, приобретенный в трудной борьбе против немецко-фашистской армии. Быстро установились плодотворное взаимопонимание и доброе сотрудничество, породившие крепкую боевую дружбу на долгие времена.

Болгарская рабочая партия и Отечественный фронт успешно справились с реорганизацией болгарской армии. Они влили в нее революционные силы Народно-освободительной повстанческой армии. Командиры партизанских частей сохранили за собой командные посты в соединениях и частях. Бывшие бойцы народного фронта борьбы против монархо-фашистского строя явились становым хребтом новой армии.

Учитывая опыт революционных боев российского пролетариата, Болгарская рабочая партия и ее ближайший помощник - Рабочий молодежный союз объявили призыв добровольцев. На этот призыв горячо откликнулось почти 40 тыс. активных борцов за народную Болгарию: партизаны, бывшие политзаключенные и узники концентрационных лагерей, молодые энтузиасты революции. Это были люди высокого революционного долга, неукротимого боевого духа и большой деловитости, придавшие болгарской казарме новый облик, а войскам - боевую стойкость и стремление во что бы то ни стало уничтожить врага на поле сражения.

Очень смелые меры были приняты в отношении обновления командного состава. Офицеры и генералы, запятнавшие себя как верные слуги монархо-фашистского строя, были изгнаны из армии.

К руководству войсками, в том числе в высшем звене военного управления, пришли испытанные коммунисты, ранее боровшиеся против царя и фашистской клики в рядах Народно-освободительной повстанческой армии, и офицеры-коммунисты, проводившие подпольную работу в регулярной армии. Среди них было немало героев Сентября 1923 г., политэмигрантов, комиссаров и командиров-повстанцев. Назовем лишь несколько имен: Иван Винаров, Георгий Дамянов, Захарий Захариев, Иван Кинов, Фердинанд Козовский, Иван Михайлов, Бранимир Орманов, Петр Панчевский. Все они служили прежде в Красной Армии, окончили советские военные академии. Эти люди обладали теоретическими знаниями и практическим опытом, необходимыми для руководства строительством болгарской армии и боевыми операциями.

Для укрепления командных кадров были возвращены в строй некоторые офицеры, ранее уволенные в запас за свои антифашистские убеждения. Среди них были Владимир Стойчев, Тодор Тошев, Стоян Трендафилов. Они заняли соответственно посты командующего 1-й армией, командиров пехотных дивизий. Значительная часть офицеров младшего звена была замещена революционно настроенными унтер-офицерами.

Все эти источники комплектования офицерского корпуса

дали возможность ослабить острую нехватку в командных кадрах и придали новой болгарской армии действительно народный характер.

По опыту истории Советских Вооруженных Сил в болгарской армии был введен институт помощников командиров с функциями комиссаров. Партийную зоркость и закалку проявили здесь видные болгарские коммунисты, такие, как Штерю Атанасов и другие.

В те памятные для нас и народной Болгарии дни реакция неоднократно меняла тактику сопротивления. Когда были опровергнуты доводы относительно небоеспособности болгарской армии, реакция стала затягивать время и срывать мероприятия по формированию войск, старалась ограничить численность контингентов, призываемых под боевые знамена. Пошел в ход лозунг решения в первую очередь внутренних вопросов жизни Болгарии, а задач вступления в войну против гитлеровцев - во вторую очередь.

Все эти уловки врагов народа разоблачались, их сопротивление успешно преодолевалось. Но на борьбу с ними отвлекались силы и внимание, терялось время. Сорвать с врагов личину "друзей народа" сразу не удалось, поскольку все они умело маскировались под общий фон боевого Отечественного фронта. Антинародное существо этих деятелей стало, однако, достаточно явным, когда они сомкнулись с болгарской реакционной эмиграцией, в частности с А. Цанковым, образовавшим в Германии так называемое "Национальное болгарское правительство". Это произошло в конце сентября 1944 г. в момент завершения мобилизации болгарских войск для проведения наступательных операций на югославской территории совместно с Красной Армией и Народно-освободительной армией Югославии.

Тогда Болгарская рабочая партия (коммунистов){48} обратилась к народу с призывом принять активное участие в войне, а Г. М. Димитров писал, что "будущее нашей страны будет зависеть прежде всего от того реального вклада, который мы, как народ и государство, внесем теперь в общие военные усилия..."{49}.

Призыв коммунистов получил живой отклик в народе. Повсюду в, стране нарастал революционный процесс, начатый 9 сентября. Развернулась мобилизация сил на священную войну против фашистской Германии на стороне антигитлеровской коалиции, и уже в октябре 1944 г. болгарские воины успешно наступали на нишском направлении, взаимодействуя с войсками НОАЮ и Красной Армией.

Враги народа на время затаились, но тайную подрывную деятельность не только не прекратили, а даже усилили, особенно после подписания 28.10.44 г. соглашения о перемирии с Болгарией. Пользуясь тем, что отношения с Болгарией теперь были строго регламентированы, министр финансов Петко Стоянов и министр без портфеля Никола Петков резко выступили против дальнейшего расширения действий болгарской армии на фронте совместно с Красной Армией.

Противодействие жалкой группы врагов не могло, конечно, остановить события. В Болгарии приступили к формированию нового армейского объединения, которое проходило с успехом. Объединение получило старое наименование 1-й болгарской армии, но по предназначению, личному составу и моральному духу воинов являлось детищем революционных преобразований. 21 ноября 1944 г. был отдан приказ военного министра Болгарии о сформировании этой армии в составе шести дивизий по 12 тыс. человек каждая. Как уже сказано, командующим стал генерал-лейтенант Владимир Стойчев, отлично проявивший себя в последующих боях. Его помощником являлся генерал Штерю Атанасов, коммунист, обладавший большими знаниями, политическим и военным опытом. В дивизии, полки и дружины были назначены особые помощники командиров из тех, кто прошел испытания в антифашистской борьбе. Части укреплялись добровольцами-антифашистами.

В войсках проводилась массовая работа по разъяснению причин необходимости дальнейшей борьбы болгарских войск против гитлеровской армии на стороне СССР, рука об руку с советскими воинами-освободителями. Болгарская рабочая партия (коммунистов) и правительство Отечественного фронта уделили решению этой задачи особое внимание и придали ей острую политическую направленность. К болгарскому народу и армии они обратились со специальным манифестом, где указывалось: "Война близится к концу. Но она еще не кончилась. Новые усилия и новые жертвы необходимы для того, чтобы окончательно обеспечить свободу болгарского народа и жизненные интересы нашей родины... Мы никогда не должны забывать о том, что в настоящий исторический момент на долгие годы определяется место, которое наша родина займет среди свободолюбивых и прогрессивных народов..."

Реакционеры пытались сыграть на трудностях, возникающих в стране. На одном из заседаний Совета министров те же Стоянов и Петков заявили, что отправка новых дивизий на фронт резко ухудшит внутреннее положение Болгарии и может, мол, привести к восстанию народа. Один из выступавших высказался в том духе,

что американцы и англичане, дескать, не согласились бы с ростом численности армии. Оба министра поставили под сомнение соответствие политики Советского Союза интересам болгарского народа. Летков и Велчев тайно от министров-коммунистов протащили в правительстве "Постановление No 4" с целью оградить офицеров, известных профашистскими взглядами и запятнавших себя преступлениями против народа, от справедливого возмездия. Наскоки и происки реакционеров были разоблачены в глазах народа Болгарской рабочей партией (коммунистов). Массы поддержали коммунистов, и под их давлением вредное постановление аннулировали.

Болгарская рабочая партия (коммунистов), понимая значение вклада Болгарии в общее дело союзников, убедила правительство Отечественного фронта выделить дополнительные силы против фашистской Германии. 14 декабря военный министр официально сообщил об этом. Чтобы не возвращаться более к данному вопросу, скажу, что к концу войны в Европе общая численность 1-й болгарской армии, действовавшей в составе 3-го Украинского фронта, составила около 100 тыс. человек.

Важную роль в военном строительстве и достижении боевых успехов сыграли гвардейские соединения и части, которые комплектовались из партизан и добровольцев. Они составили ударный отряд болгарских войск, отличались высоким моральным духом и готовностью выполнить самую трудную задачу.

Народ Болгарии, провожая 1-ю армию на фронт, напутствовал ее пожеланием одержать скорую победу над ненавистным врагом. Отправлялись войска частями, по мере их готовности. В первую очередь прибыли на фронт 3, 8 и 11-я пехотные дивизии, а в последующем и 16-я. В конце декабря они уже вели наступательные бои в междуречье Дравы и Савы, а с начала 1945 г. осуществляли оборону, обеспечивая стык 3-го Украинского фронта и Народно-освободительной армии Югославии к западу и югу от города Печ (Венгрия). В этом районе совместными усилиями советских, болгарских и югославских воинов были в последующем разбиты войска противника, пытавшиеся прорваться через Драву в тыл 3-му Украинскому фронту.

Победный исход трудных и кровопролитных сражений на Драве и в районе Кечкемета свидетельствовал, что организаторская и политическая работа, проведенная Болгарской рабочей партией (коммунистов) в период комплектования войск и в ходе боевых действий, имела большие политические и военные последствия. Болгарские воины храбро и беззаветно служили

своей революционной родине и общей цели разгрома фашистской Германии. Их борьба с оружием в руках против гитлеровских оккупантов получила всеобщее признание.

Глава 6. В Югославии

Накануне решающих событий. - И. Броз Тито в Москве. - Прорыв из западни. Героический рейс. - Доброе согласие. - Готовим совместные операции. - Просчеты гитлеровского командования. - Дорога доблести на Белград. - Победа. - Планы на будущее. - Последние месяцы войны в Югославии. - Боевое братство.

В начале сентября 1944 г., когда советские войска, восторженно встреченные народом Болгарии, двинулись далее на юг и юго-запад, Верховный Главнокомандующий поручил Генеральному штабу подготовить материалы по югославским делам. Он сказал, что Верховный Главнокомандующий Народно-освободительной армией Югославии маршал Иосип Броз Тито через нашу военную миссию обратился с просьбой к Советскому Союзу о временном вступлении Красной Армии на югославскую территорию. Офицеры Оперативного управления Генштаба немедленно сели за подготовку задания. Оно оказалось сложным, поскольку нужно было обдумать множество вопросов.

В двадцатых числах сентября маршал Тито прилетел на переговоры в Москву. Вместе с ним прибыл и начальник нашей военной миссии генерал Н. В. Корнеев. Положение на фронтах в Югославии к тому времени значительно улучшилось. Несколько крупных наступательных операций, предпринятых гитлеровцами с целью разгрома Народно-освободительной армии Югославии, полностью провалились. В то же время НОАЮ набирала силы, приобрела большой опыт войны и организационно перестроилась. Это была уже не партизанская, а современная регулярная армия, носившая, правда, еще живые следы прошлого. Она имела 50 дивизий, много бригад и отрядов, в составе которых насчитывалось почти 400 тыс. закаленных в борьбе с врагом бойцов. Эти войска не только оборонялись, а организованно наступали, очищая от захватчиков один район страны за другим. В начале сентября в Сербию прорвались 7 дивизий НОАЮ, которые соединились с 5 дивизиями, уже действовавшими в этой республике. Теперь 12 дивизий успешно громили здесь гарнизоны противника. За первые десять дней сентябрьского наступления Народно-освободительная армия Югославии освободила 98 городов, нанесла врагу чувствительный урон. Радиостанция "Свободная Югославия" сообщала, что убитыми противник потерял 24 тысячи и попавшими в плен 11900 солдат и офицеров. Приближалось время встречи войск НОАЮ и Красной Армии...

По прибытии югославских товарищей А. И. Антонов сообщил мне, что около полуночи поедет к И. В. Сталину на "ближнюю" дачу в Кунцево.

Как рассказал Алексей Иннокентьевич позже, беседа за ужином была сердечной, но сугубо деловой. Маршал Тито имел полномочия от Национального комитета освобождения Югославии просить СССР ввести советские силы на территорию Восточной Югославии и определить основы их взаимодействия с НОАЮ. Югославские товарищи надеялись, что в ходе предстоящих действий можно будет освободить Белград. И. В. Сталин, взглянув в сторону А. И. Антонова, заметил, что Генштаб, очевидно, не будет возражать. Принципиальная договоренность о совместных операциях была, таким образом, достигнута уже тогда, а при последующих переговорах ее сформулировали в законченном виде. Верховному Главнокомандующему Народно-освободительной армией Югославии рассказали о наших ближайших намерениях.

И. Броз Тито сообщили, что помощь Югославии будет оказана силами 3-го Украинского фронта и Дунайской речной флотилии. Этого было достаточно, чтобы разгромить противника в районе Белграда. В других же местах страны в НОАЮ надеялись добить гитлеровских оккупантов собственными силами. И. В. Сталин воспользовался моментом и сказал, что левому крылу 2-го Украинского фронта в ближайшие дни предстоит наступать в Венгрию через территорию Югославии. Было бы хорошо, чтобы Национальный комитет дал согласие на временное вступление туда советских войск. Того требовали интересы борьбы против общего врага. И. Броз Тито от имени Национального комитета и Верховного штаба НОАЮ дал такое согласие.

Наступление советских войск в сентябре 1944 г. развивалось на южном фланге советско-германского фронта вполне успешно. 30 сентября наши воины выбили врага более чем из 20 югославских населенных пунктов. С каждым днем размеры освобожденной нами территории Югославии продолжали возрастать. В ходе преследования противника части 2-го Украинского фронта вышли на восточный берег Дуная. В то же время армии 3-го Украинского фронта выдвинулись на южную и западную границы Болгарии. В конце сентября 57-я армия генерал-лейтенанта Н. А. Гагена овладела очень важным районом города Видин на противоположном, западном, берегу Дуная, что существенно облегчало нашим войскам форсирование столь широкой и стремительной водной преграды, а для некоторых соединений и вовсе исключало эту необходимость. Дунай теперь становился нашим другом: он служил важным и удобным путем

снабжения войск, по нему шла славная Дунайская военная флотилия под командованием Сергея Георгиевича Горшкова.

Но и противник располагал на данном направлении немалыми силами. Гитлеровских войск насчитывалось 270 тыс. человек: 14 полностью укомплектованных дивизий и 8 дивизий неполного состава, много отдельных полков и батальонов. Кроме того, на севере страны находилось 5 венгерских дивизий 30 тыс. солдат и офицеров. Войска местных югославских прихвостней фашистов имели около 270 тыс. человек. В итоге получалось 570 тыс. солдат и офицеров. Цифра внушительная!

Войска фашистской Германии на юго-востоке находились под командованием генерал-фельдмаршала фон Вейхса. Ему же подчинялась и группа армий "Ф", находившаяся в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Черногории и Албании. В Греции и на островах располагались войска группы армий "Е" под командованием генерал-полковника Лёра. В Сербии действовала армейская группа "Сербия" генерала Фелбера. С конца августа 1944 г. силы противника в Югославии существенно возросли: чтобы противодействовать успехам народно-освободительной борьбы, враг вынужден был послать сюда часть войск группы армий "Е". Разгром гитлеровцев в Румынии и стремительное выдвижение Красной Армии в глубь Балканского полуострова вынудили противника подготовить отвод своих соединений и частей из Греции и Македонии, чтобы не оказаться перед катастрофой. Приказ об отводе состоялся 3 октября 1944 г. Войска противника в Югославии занимали основные политические и экономические районы, удерживали железные и шоссейные дороги, пытаясь контролировать положение с помощью гарнизонов. Особое внимание уделялось обороне восточных границ Югославии, удержанию путей из Греции в Венгрию, Австрию и Северную Италию. Наиболее сильные гарнизоны противника кроме Сербии располагались в районе Скопле, Ниш, Кралево.

Гитлеровское командование не раз пыталось обезглавить руководство Народно-освободительной армии. В мае 1944 г. враг задумал нанести удар по району югославского города Дрвар, где размещался Верховный штаб Народно-освободительной армии. Об этом рассказал И. Броз Тито во время беседы на "ближней" даче.

Дрвар расположен в западной части Боснии и хорошо защищен горами. Подступы к Верховному штабу можно было прикрыть сравнительно небольшими силами НОАЮ. Здесь находились батальон охраны югославской Ставки, слушатели Офицерской школы, два-три танка и батальон инженерной

бригады.

Фашистское командование разработало хитроумный план: нанести внезапный удар с воздуха, сочетая его с наступлением крупных наземных сил. Гитлеровцы предполагали высадить в районе Дрвара сильные десанты, захватить Верховный штаб и самого Иосипа Броз Тито. Затем десантники должны были держаться до подхода наземных сил.

Для действия с воздуха предназначался 500-й батальон парашютистов СС, много авиации, а на земле выделялись части из состава трех немецких пехотных дивизий и значительные силы войск местных предателей. Руководил операцией командир 15-го горного немецкого корпуса.

Рано утром 25 мая 1944 г. авиация противника произвела сильный налет на район Дрвара.

- Дата нападения,- заметил Н. В. Корнеев, - была избрана с особым смыслом. Это день рождения маршала Тито. Вероятно, очень хотелось Гитлеру обезглавить народно-освободительное движение именно в этот день.

Вслед за бомбардировкой Дрвара враг посадил планеры первой волны десанта более 600 человек. Одновременно двинулись на Дрвар наземные войска. У каждого гитлеровского солдата в кармане имелась фотография Верховного Главнокомандующего НОАЮ, чтобы в случае встречи немедленно опознать его. Было особое задание и в отношении советской военной миссии, скрытое под кодовым наименованием "Москва": миссия была объявлена фашистами вне закона, что позволяло диверсантам уничтожать советских генералов и офицеров без суда и следствия.

Когда началась бомбардировка, а затем посадка планеров и атака десантников, Иосип Броз Тито находился в оборудованной для жилья и работы горной пещере на высоте свыше 70 метров над долиной. На случай тревоги пещеру соединял с долиной прочный канат, которым пришлось теперь воспользоваться. Все устремились к намеченному заранее месту сбора.

Надежды организаторов диверсии не оправдались. Их солдаты получили твердый отпор. Заметив посадку планеров, снабженных особыми тормозными парашютами, югославы из батальона охраны открыли огонь. Подоспели и слушатели Офицерской школы. Завязался неравный жестокий бой.

Противник выбросил вторую волну парашютистов (около 200 человек), овладел Дрваром, но Иосип Броз Тито, члены Политбюро ЦК КПЮ, генералы и офицеры Верховного штаба, состав англо-американской и советской военных миссий уже отошли к востоку.

Генерал А. П. Горшков, заместитель начальника советской миссии, при первом же сигнале тревоги бросился к Н. В. Корнееву: у того болели зубы, он всю ночь промаялся и только утром забылся во сне. Выбраться из спального мешка было для него делом нескольких секунд, и вскоре он был на месте сбора.

И. Броз Тито в сопровождении Н. В. Корнеева и других товарищей двинулся по торной тропе в направлении Потоци, где по совету нашей военной миссии был подготовлен запасной командный пункт. В Потоци прибыли благополучно, но впоследствии и здесь все пути были перерезаны врагом. Нажим противника усилился...

Спустилась ночь. Маршал созвал краткое совещание, чтобы решить, что делать дальше. Собрались под скалой, далеко выступавшей над тропой. Мнения разделились. Некоторые участники совещания предложили разбиться на мелкие группы и так выбираться из окружения. Начальник советской миссии, сославшись на опыт подобных прецедентов на советско-германском фронте, рекомендовал действовать соединенными силами. Согласились с Н. В. Корнеевым.

Прорвались из окружения успешно и прибыли в район горы Великий Шатор. Там стало легче: гитлеровцы отстали, а на выручку Верховному штабу подошли войска 1-го Пролетарского корпуса. Далее двинулись в Купрешко Поле (Купрес), где подвели некоторые итоги. Выяснилось, что это место не подходит для руководства действиями НОАЮ.

Между тем длительный отрыв Иосипа Броз Тито от войск Народно-освободительной армии был чреват тяжелыми последствиями. Рассмотрели два предложения о пунктах, откуда можно было наладить управление: Черногорию, где территория была свободна от врага и охранялась войсками НОАЮ, и остров Вис. Второй пункт представлялся более подходящим. Но попасть туда можно было в данный момент только через нашу авиабазу в Бари, с которой не было связи. К тому же маршал Тито, дороживший честью Верховного Главнокомандующего, и думать не хотел даже временно покинуть Югославию. Пришлось Н. В. Корнееву пустить в ход все мыслимые аргументы, даже напомнить о деятельности В. И. Ленина, который был вынужден долгие годы находиться в эмиграции, не теряя нитей руководства организациями коммунистов на родине... Маршал принял решение перебраться через Бари на югославский остров Вис в Адриатическом море. Но как добраться до Бари? Самолета не имелось, да и вызвать его представлялось весьма трудным делом, поскольку сигналы радиостанции миссии не доходили ни до Бари, ни до Москвы... Не было и подходящей посадочной

площадки...

В советском Генеральном штабе те дни тоже были неспокойными. Антонов доложил Верховному Главнокомандующему, что из Югославии нет никаких вестей. Ставка поставила Генштабу задачу выяснить обстановку и при необходимости оказать помощь товарищам.

2 июня 1944 г. состояние неведения наконец прекратилось: мы получили радиограмму Н. В. Корнеева. Как он рассказал впоследствии, его помощник по радиосвязи - толковый и расторопный Долгов - сумел поднять радиостанцию на вершину одной из самых больших гор и установил на ней сколь было можно высокую антенну. Дублируя текст, Долгов передал в Бари С. В. Соколову и в Москву просьбу выслать на Купрешко Поле самолет к 22 часам в ночь на 4 июня. Одновременно по радиостанции англо-американской военной миссии передали в Бари английскому командованию аналогичный текст.

Югославы стали готовить посадочную площадку для приема самолета. Кругом стеной стояли горы, громоздились камни, зияли расщелины. Площадку расчищали все без исключения. Главным специалистом был П. Н. Якимов - штурман из экипажа А. С. Шорникова. Он прибыл в Дрвар до наступления фашистов, чтобы помочь подобрать места, удобные для приема самолетов.

...Волновались и в Бари. 2 июня там приняли только часть радиограммы Долгова. Тем не менее сумели разобраться, что Н. В. Корнеев приказывал послать самолет на Купрешко Поле. Однако та часть радиограммы, где указывался срок прибытия самолета, получена не была - связь прекратилась! И все же в Бари догадались, что полет назначен на самое близкое время - в ночь на 4 июня 1944 г. Положение, впрочем, осложнилось, когда английское командование передало С. В. Соколову свою радиограмму, где дата прибытия самолета указывалась на сутки позже - в ночь на 5 июня. Какой же срок являлся правильным? В других условиях запросили бы об этом еще раз. Но сейчас связи не было и наладить ее не удавалось. Начальник базы решил послать самолет 3 июня.

Повел самолет в Югославию А. С. Шорников - один из наиболее опытных пилотов советской авиабазы в Бари. Он летел ночью над морем и горами на незнакомую и необорудованную площадку среди скал. Летное мастерство его было филигранным, мужество - огромным, и он по-фронтовому верил в товарищей по оружию, которые готовили ему место необычной посадки.

За облаками земли не было видно. Летчик делал круг за кругом в поисках просвета в безбрежном покрывале облаков. Велик был риск врезаться в гору, но тревога за участь ожидавших

друзей брала верх. Наконец просвет найден. Внизу призывно рдели сигнальные костры.

Первым же рейсом в ночь на 4 июня 1944 г. Иосип Броз Тито, его ближайшие помощники, генерал Н. В. Корнеев и некоторые офицеры из состава военных миссий и Верховного штаба НОАЮ были доставлены в Бари. Там их радушно встретили. Экипаж Шорникова вновь вылетел в Купрешко Поле, а следом за ним и английские самолеты. Совместными усилиями были вывезены остальные люди. Спустя несколько дней английские моряки переправили Верховный штаб НОАЮ и военные миссии на остров Вис, где и продолжила работу югославская Ставка.

Так провалилась попытка врага обезглавить Верховный штаб Народно-освободительной армии Югославии. За свой подвиг командир советского воздушного корабля А. С. Шорников, второй пилот Б. Т. Калинкин и штурман П. Н. Якимов были удостоены звания Героя Советского Союза и Народного Героя Югославии.

К концу лета 1944 г. антифашистская борьба югославского народа получила новый размах. День ото дня множились ряды борцов. Верховное командование НОАЮ твердо руководило силами освободительной войны. В Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, на Воеводине были созданы свои региональные главные штабы с соответствующими командующими - "комендантами" и начальниками. Комплектование этих органов военного управления производилось непосредственно в партизанских районах или на упомянутом выше гористом острове Вис. С острова региональный штаб перебрасывался на место военных действий. Так был сформирован и при участии советских офицеров прошел подготовку главный штаб Сербии во главе с генералом Коча Поповичем. С ним в июле 1944 г. убыл в район боев генерал-майор Горшков.

При перебазировании штаба большую роль сыграла наша авиабаза в Бари. Экипаж советского летчика Н. А. Гиренко разведал посадочную площадку в районе Казанчича (25 км южнее Ниша) и сбросил там парашютную группу штаба с нашим представителем и радиостанцией. Когда связь была установлена, Гиренко безлунной ночью 12 июля доставил на место весь состав штаба буквально под носом у противника. Даже партизаны, видавшие виды люди, были изумлены такой смелостью и на радостях станцевали с летчиками и прибывшими товарищами веселое коло...

Народно-освободительная армия Югославии и ее руководители пользовались глубоким уважением нашего народа, советских воинов и Генерального штаба. Они заслужили его бескомпромиссной борьбой против гитлеровских захватчиков,

героизмом, преданностью народу. За время многолетней и трудной войны с немецко-фашистскими оккупантами НОАЮ научилась умело воевать. Она вырастила свои кадры командиров и политработников, сильных боевым духом, искусством борьбы, умеющих применяться к условиям партизанских действий, готовых к самопожертвованию ради победы. Но мы знали также, что в течение длительного времени относительно слабой стороной Народно-освободительной армии Югославии было вооружение. Не хватало артиллерии и минометов, танки исчислялись единицами, почти не было авиации. Стрелковое же оружие - винтовки, автоматы, пулеметы - представляло собой причудливую смесь систем, захваченных у противника: немецких, итальянских и других. Значительное место занимало английское оружие. До осени 1944 г. поставки советского вооружения не играли большой роли, поскольку снабжение воинов Югославии через обширную территорию, занятую противником, было сопряжено с необычайными трудностями.

За время пребывания маршала И. Броз Тито в Москве договорились о значительном улучшении снабжения войск НОАЮ советским вооружением. Выход войск 2-го и 3-го Украинских фронтов к границам Югославии позволял резко увеличить доставку оружия нашим югославским товарищам и братьям по освободительной борьбе.

Главным вопросом в переговорах между югославскими товарищами и Советским правительством в Москве осенью 1944 г. была организация совместных операций Красной Армии и Народно-освободительной армии Югославии. Вступление наших войск в пределы Югославии коренным образом меняло стратегическую обстановку в стране, давало возможность войскам НОАЮ создать и обеспечить за собой выгодное положение для последующего полного разгрома оккупантов.

Было достигнуто полное согласие относительно взаимодействия советских войск и НОАЮ. Районом, где намечалось развернуть совместное наступление, являлась Сербия. Она служила местом приложения главных усилий советских и югославских войск, что оправдывалось условиями общей стратегической обстановки на фронте борьбы против гитлеровской Германии, а также положением в Югославии.

В Москве И. Броз Тито встретился с Г. М. Димитровым, которые подробно рассказал об Отечественном фронте, новых целях народной Болгарии и ее армии. Встреча оказала большое влияние на единство действий Красной Армии, НОАЮ и болгарской армии.

Соглашение о совместных операциях советских войск и

НОАЮ, достигнутое в сентябре 1944 г., было для Генерального штаба очень важным актом. Он определял исходный пункт планирования боевых действий, причем на Сербию, естественно, обращалось и главное внимание. Советские генштабисты настойчиво искали и выявили некоторые уязвимые места обороны войск группы армий "Ф", что и предполагалось использовать как можно полнее.

Было отмечено, что фон Вейхс стремился организовать наиболее прочную оборону вдоль горных хребтов по восточной границе Сербии с Румынией, возводя здесь мощные и развитые в глубину инженерные укрепления, усиливая войска армейской группы "Сербия". Количество сил и средств противника на этом участке фронта было значительным. Вдоль болгарской границы, куда выдвигались главные силы фронта Ф. И. Толбухина, враг плотной группировки войск и системы укреплений не создал. Немецко-фашистское командование не рассчитывало, что Красная Армия быстро подойдет сюда, и слишком полагалось на гористую местность. Когда же мы оказались у границ Югославии, фон Вейхс уже не имел времени и средств для противодействия.

Вытянутая параллельно Дунаю оборона немецко-фашистских войск была, как нам казалось, удобным объектом для одновременных ударов по всему фронту. Враг засел в горах, но гитлеровское командование не имело крупных резервов и должно было в случае угрозы нашего прорыва либо снимать гарнизоны в глубине страны, сводить их в ударные кулаки и выбрасывать для контрдействий, либо использовать для этого войска с оборонительных рубежей. Отсюда вытекала наша задача обеспечить наибольшую протяженность линии воздействия на противника, причем в связи со вступлением Болгарии в войну против гитлеровской Германии - для этого могли быть привлечены достаточно сильные болгарские войска, которые к тому же хорошо действовали в горах. На направлении главного удара, конечно, следовало использовать высокую боевую мощь и большую подвижность опытных войск 3-го Украинского фронта. Они были в состоянии прорвать оборону группы армий "Ф" в наиболее крепком ее звене и быстро разгромить основную группировку противника, что немедленно сказалось бы на общем успехе трех взаимодействующих армий.

Войска Народно-освободительной армии Югославии и болгарской армии должны были нанести врагу поражение, привлечь на себя существенную часть его войск, связать их по рукам и ногам, не дать гитлеровцам возможности создать резервы. Особенно трудная задача могла пасть на плечи югославских и болгарских войск в случае отвода главных сил

противника из Греции на север. Тогда им предстояло принять на себя мощные удары врага, задержать его и обеспечить действия Красной Армии. Таковы были некоторые соображения Генерального штаба в период подготовки плана предстоящих операций.

Поскольку на территории Югославии должны были действовать войска Красной Армии, НОАЮ и Болгарии, Генеральному штабу приходилось договариваться с югославским и болгарским командованием. Принципиальные вопросы согласования усилий наших войск и НОАЮ были решены, когда в Москве находился И. Броз Тито. Тогда же И. В. Сталин и от Генерального штаба А. И. Антонов согласились с Верховным Главнокомандующим НОАЮ, что советское Верховное Главнокомандование наметит общие контуры совместных операций в Югославии, исходя из обстановки на фронтах, а югославские товарищи разработают ту часть общего плана, которая их непосредственно касалась. Во время бесед зашел разговор относительно возможного использования на территории Югославии по крайней мере двух болгарских армий. Окончательного решения без болгар не принимали, но условились подготовительную работу в своих армиях проводить.

Организация операций болгарских войск тоже не стояла на месте. В середине сентября Ф. И. Толбухин по указанию Ставки встретился в Софии с командованием болгарской армии. Вскоре болгарским командованием был разработан предварительный план наступательных действий войск Болгарии. Толбухин ознакомился с ним и доложил в Москву. Болгарское командование считало что войска Болгарии после очистки от профашистских и монархистских элементов могут захватить узлы шоссейных и железных дорог в районе Крушевац, Ниш, Скопле, Велес и отрезать пути отхода немецко-фашистских войск из Греции на север, создавая по крайней мере тройной барьер. Одновременно это надежно обеспечивало бы советские и югославские войска при наступлении их на Белград. Болгары гарантировали готовность своих войск в конце сентября.

Ф. И. Толбухин поддержал план и предложил в целях содействия болгарским войскам использовать нашу авиацию. Учитывая общую военную обстановку, болгарское командование предполагало ввести в дело все наличные силы, в составе которых были полнокровные пехотные дивизии, в том числе две гвардейские, сформированные из бывших партизан и добровольцев, кавалерийские дивизия и бригада, бронебригада и две бригады партизан. К сожалению, болгарские войска не обладали достаточными средствами усиления.

Еще до прилета маршала Тито в Москву был решен вопрос о перемещении Верховного штаба НОАЮ с острова Вис. Это весьма важное мероприятие имело целью обеспечить устойчивое и непрерывное управление военными действиями народно-освободительных войск. Налет фашистских стервятников на Верховный штаб в Дрваре показал, что в Югославии даже в малодоступных горах трудно было найти место, исключающее угрозу подобного нападения. Вместе с тем дислокация Верховного штаба должна была соответствовать новым условиям: боевые действия НОАЮ приобрели широкий размах и требовали повседневного и непрерывного управления из единого центра, нужно было также руководить большой и сложной работой по организационной перестройке войск (создавались армейские корпуса, армейские группы), управлять мобилизацией и формированием резервов. В ближайшей перспективе вырисовывались решающие совместные операции с Красной Армией. Все это предъявляло повышенные требования к выбору места для важнейшего пункта управления народно-освободительной войной, каким являлся Верховный штаб НОАЮ. А потому наши югославские товарищи воспользовались сделанным им предложением разместить Верховный штаб НОАЮ в расположении советских войск в румынском городе Крайова. Переход туда Верховного штаба состоялся перед отъездом маршала Тито в Москву с соблюдением всех мер секретности.

Перевод пунктов управления в другой район заранее тщательно готовится и совершается в глубокой тайне. Так было и на этот раз. 19 сентября 1944 г., как только над островом Вис сгустилась тьма, генерал Н. В. Корнеев пригласил к себе летчиков с авиабазы в Бари П. М. Михайлова и В. Павлова. Речь шла о полете большой важности. Начальник военной миссии принял доклад о готовности самолетов и передал пилотам маршрутную карту с жирно выделенной красным карандашом надписью "Крайова". Туда надлежало доставить большую группу югославских и советских товарищей. Кто именно полетит, летчикам не сообщалось. И лететь им предстояло необычно: сначала - в направлении Бари, а затем, не достигнув базы, повернуть над Адриатикой, пересечь Боснию и Сербию, пройти над Дунаем и приземлиться в месте назначения. Вылет назначался на 3 часа ночи...

Все это делалось в глубокой тайне для обеспечения безопасности полета. Спустя несколько часов опытные пилоты привели свои машины в Крайову, и с 19 сентября маршал Тито, а с ним и другие югославские товарищи - пассажиры советских воздушных кораблей - обосновались неподалеку от границы с

Югославией.

Как только Верховный штаб начал функционировать в Крайове, И. Броз Тито, согласно предварительной договоренности, вылетел в Москву.

С рассветом советники англо-американской военной миссии, остававшиеся на острове Вис, не обнаружили Верховного Главнокомандующего Народно-освободительной армией Югославии. Не было и советских самолетов. Стали искать, спрашивать... Югославы ответили, что маршал Тито находится, вероятно, в войсках. От главы военной миссии генерала Маклина тогда последовали срочные радиограммы с запросом английскому маршалу авиации Эллиоту, начальствовавшему в британской зоне в Италии: он-то уж должен был знать, поскольку И. Броз Тито не мог, как им казалось, миновать базы в Бари.

Получив запрос, Эллиот пригласил к себе С. В. Соколова.

- Куда вы дели Тито?

- Не могу знать, господин маршал,- последовал ответ. Начальник советской базы в Бари являлся мастером разговоров подобного рода и мог быть до предела сух, вежлив и по-солдатски лаконичен.

- Вы используете хорошее с нашей стороны отношение к вам как союзникам, продолжал Эллиот.

- Мы благодарны нашим союзникам и платим им такой же приязнью,- ответил Соколов.

- Но самолеты с острова Вис ушли?

- Ничего, к сожалению, не знаю. Вы видите, господин маршал, что я нахожусь здесь, рядом с вами.

На этом разговор закончился.

Новые вопросы союзников не последовали: Верховный Главнокомандующий сообщил У. Черчиллю, что И. Броз Тито находится в Москве для увязки взаимодействия войск в предстоящих операциях.

С выходом наших войск к границам Югославии и перемещением Верховного штаба НОАЮ в Крайову упростились связи между Красной и Народно-освободительной армиями. Резко возрос поток советской помощи югославскому народу и его армии. Теперь нашим транспортным самолетам уже не приходилось преодолевать огромный и опасный путь. Вооружение, боеприпасы и другие средства пошли к югославским патриотам по территории Румынии и Болгарии.

В те дни значительно возрос объем работы советской военной миссии. Людей явно не хватало. Югославские товарищи попросили послать советских офицеров-представителей в главные штабы войск республик. Пожелание пришлось удовлетворить и

численность миссии увеличить. С разрешения Советского правительства в Сербию, где намечалось развертывание основных событий Белградской операции, был послан генерал-майор А. П. Горшков, в Хорватию полковник П. Г. Рак, Словению - полковник Н. К. Патрахальцев, Черногорию майор П. М. Коваленко, удостоенный впоследствии звания Героя Советского Союза за героизм и мужество при выполнении боевых заданий. С ними убыли некоторые другие офицеры, радисты и технические работники.

Круг забот советских офицеров и генералов расширялся также по мере укрепления государственности народной Югославии. Миссия наша была официально аккредитована при временном правительстве - Национальном комитете освобождения Югославии, что подчеркивало не только военное, но и политическое значение миссии. Это, конечно, накладывало на наших работников особую ответственность. В частности, им приходилось постоянно сталкиваться со сложными политическими, финансовыми и другими проблемами. Поэтому в состав военной миссии пришлось ввести специалистов по иностранным делам, банковскому делу (М. Ф. Бодров, В. С. Герагценко). Но главная работа миссии состояла по-прежнему в помощи при решении основных оперативных задач.

В течение второй половины сентября в Генштабе, в штабе 3-го Украинского фронта, в Верховном штабе НОАЮ, в главном штабе Сербии работали над планом Белградской операции. Должен отметить очень большую целеустремленность и слаженность этой работы, хотя она проводилась разными национальными штабами и проходила в местах, удаленных друг от друга на многие сотни, а иногда и тысячи километров. Достигалась эта целеустремленность в значительной мере благодаря большой активности А. И. Антонова и Н. В. Корнеева. Они отлично знали и понимали друг друга еще с Академии Генерального штаба (учились вместе). Как только Корнеев получил возможность связываться из Крайовы по ВЧ непосредственно с советским Генштабом, он не замедлил этим воспользоваться. Алексей Иннокентьевич изложил начальнику военной миссии суть соображений Генштаба по разгрому противника под Белградом и попросил его согласовать их с Верховным штабом НОАЮ, что и было сделано. Верховный штаб с одобрением отнесся к мнению советского Генштаба и передал необходимые распоряжения командующему 1-й армейской группой генерал-подполковнику Пеко Дапчевичу, который со своим штабом работал над планом действий под Белградом войск НОАЮ.

30 сентября командование 3-го Украинского фронта

доложило в Генеральный штаб свои соображения, тоже согласованные заранее с руководством НОАЮ. Цель совместной советско-югославской операции состояла в том, чтобы ликвидировать группировку войск противника в северо-восточной Югославии, захватить важнейшие узлы дорог, отрезать врагу пути отхода из центральной и южной части Югославии на север в Венгрию и, наконец, освободить Белград.

Для решения этих задач 3-й Украинский фронт выделял 57-ю армию генерала Н. А. Гагена и 4-й гвардейский механизированный корпус под командованием генерала В. И. Жданова. С воздуха операция обеспечивалась силами 17-й воздушной армии.

Нашим войскам непосредственно противостояла гитлеровская армейская группа "Сербия", которая имела в первой линии до четырех дивизий, в том числе одну моторизованную. В ходе операции предполагался подход еще двух дивизий из района Ниша и некоторых сил из состава греческой группировки войск противника. Штаб Ф. И. Толбухина допускал возможность сосредоточения в полосе наступления 57-й армии до десяти-одиннадцати дивизий врага. Поэтому Военный совет 3-го Украинского фронта высказывал пожелания, чтобы НОАЮ оттянула на себя часть немецко-фашистских войск и преградила им путь на север, связала войска фашистских прихвостней Недича и Михайловича южнее и юго-западнее Белграда. При возможности югославским войскам предлагалось захватить Ниш. Все эти соображения были переданы через Н. В. Корнеева в Верховный штаб НОАЮ, который поставил задачи своим войскам.

Планы Ф. И. Толбухина относительно наступления на Белград опирались на точнее знание реальной обстановки. Он учитывал, что войска 57-й армии прочно закрепились на правом берегу Дуная в районе болгарского города Видин и день и ночь готовились к новому броску вперед. Севернее Видина в излучине Дуная успешно завершил тяжелые оборонительные бои 75-й стрелковый корпус, отбив все попытки врага отбросить его назад. Теперь это соединение передали из 2-го Украинского фронта в состав 57-й армии.

Поскольку горная местность не допускала сведения советских войск в единый кулак и вынуждала наступать по направлениям, Ф. И. Толбухин предложил весьма своеобразное решение: иметь главные силы (64-й стрелковой и 4-й механизированный корпуса со средствами усиления) на левом крыле армии в районе Видина для удара в направлении Заечар, Болевац, Чуприя, Баточина, зап. Паланка. Войска должны были разгромить основную группировку сил армейской группы "Сербия" и отсечь ее остаткам путь отхода

к Белграду. Одновременно другие советские войска наступали бы вдоль Дуная на Белград (75 ск) и в центре фронта (68 ск) - в направлении Слатина, Жагубица, Златово. На случай задержки наступления на одном из направлений предусматривалась взаимная помощь корпусов. С выходом войск на Мораву и после ее форсирования возникала возможность повернуть основные наши силы непосредственно на Белград, взятием которого завершалась операция. На этом этапе операции наши войска должны были наступать плечом к плечу с войсками НОАЮ. Что касалось войск Болгарии, то Ф. И. Толбухин предусмотрел для них задачу связать противника перед своим фронтом.

Генеральный штаб принял во внимание соображения Военного совета 3-го Украинского фронта как, в основном, правильные. Однако Генштаб считал необходимым привлечь к операции еще и 10-й гвардейский стрелковый корпус 46-й армии 2-го Украинского фронта. Командовал им генерал Иван Андреевич Рубанюк. Войска корпуса могли бы нанести поражение противнику в районе Врашаца и подорвать устойчивость вражеской обороны севернее и восточное Белграда. Не согласились с Толбухиным и в отношении болгарских войск. Поскольку было известно, что главком Болгарии считал возможным наступать, то и Генеральный штаб, докладывая план действий на Белград в Ставке, предложил не ограничивать задачи болгарской армии обороной, а предусмотреть ее наступление.

Ставка согласилась с Генштабом, но в отношении болгарской армии предложила не форсировать событий, пока не будет достигнута всесторонняя и полная договоренность с болгарским и югославским командованием. Толбухину же приказали начать наступление 13-14 октября, когда должно было закончиться сосредоточение войск, участвующих в операции. Любая затяжка сроков давала бы противнику время для подвода в район Белграда новых сил и укрепления обороны. В директиве Ставки, посланной командующему 3-м Украинским фронтом, говорилось: "Свяжитесь с Тито в Крайове и ознакомьте его подробно с планом операции". Толбухин сделал это немедленно, и в течение ночи на 2 октября товарищи из Верховного штаба НОАЮ работали над планом операций. Утром Генеральный штаб в Москве получил донесение, излагавшее решение маршала Тито. Оно предусматривало прежде всего сковать противника южнее и юго-западнее Белграда, не дать врагу перебросить отсюда силы против советских войск, для чего выделялись два армейских корпуса НОАЮ - 12-й и 1-й. После того как противнику будет нанесено поражение, основная масса югославских войск должна была направиться непосредственно против группировки

противника в Белграде, а частью сил повернуть на восток, чтобы содействовать войскам Красной Армии, наступавшим из района Неготина.

Захват города Ниш, важного узла железных и шоссейных дорог, возлагался на войска, подчиненные главному штабу Сербии в составе четырех дивизий. Командующий этими войсками генерал-подполковник Коча Попович вызывался для получения задачи в Крайову на 2-3 октября. Маршал Тито в свою очередь просил советское командование предусмотреть удары 3-го Украинского фронта с целью соединения с частями НОАЮ, чтобы совместными усилиями отрезать противника, выдвигавшегося в район Белграда с юга.

Для решения вопроса о наступлении войск новой Болгарии на территории Югославии и для увязки взаимодействия мы привлекли командование 3-го Украинского фронта. Позвонили Ф. И. Толбухину, объяснили деликатность и характер задачи. Федор Иванович предложил поручить столь ответственное дело С. С. Бирюзову, теперь командующему 37-й армией, которая располагалась в районе Софии. Сергей Семенович одновременно являлся и главой Союзной контрольной комиссии в Болгарии. 4 октября С. С. Бирюзов явился в Крайову для встречи с маршалом Тито. Одновременно туда же прибыла болгарская делегация.

С. С. Бирюзов посетил И. Броз Тито дважды. В первый раз он изложил наши предложения по плану Белградской операции. План был принят югославским командованием с большим удовлетворением. В составе советских войск кроме пехоты имелось 2200 орудий и минометов, 149 реактивных установок, 358 танков и самоходно-артиллерийских установок, 1292 самолета, а в Дунайской флотилии почти 80 боевых кораблей (в основном бронекатеров). Об увязке совместных действий 3-го Украинского фронта и войск Народно-освободительной армии договорились быстро.

Затем наш делегат доложил о болгарских войсках. Сергей Семенович сказал, что армия Отечественного фронта преследует единственную цель - внести свой вклад в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков. Он указал на состав болгарской делегации в Крайове - в ней было несколько коммунистов, что уже красноречиво свидетельствовало о добром и правильном будущем. "Все сошлись на том,- писал С. С. Бирюзов в своих воспоминаниях,- что болгарский народ не может носить на себе клеймо Каина за преступные действия бывшего царского правительства. Все мы понимали и твердо верили, что солдаты, офицеры и генералы новой болгарской армии питают искренне братские чувства к югославскому народу". Маршал И. Броз Тито

дал согласие на наступление болгарских войск на нишском направлении. В ходе беседы, которая проходила затем вместе с болгарской делегацией, маршал официально объявил это решение. Несколько позже договорились, что после занятия Белграда болгарские войска пройдут по югославской территории в Венгрию.

Этой работой, которая проходила одновременно с сосредоточением войск и запасов, составлением частных планов действий, организацией управления, по существу, закончилась подготовка операции на высшем уровне. Теперь дело было за тем, чтобы завершить ее непосредственно в войсках.

К середине октября все подготовительные мероприятия в армейском, корпусном и дивизионном звене наших войск были завершены. Командование НОАЮ и болгарский главнокомандующий сообщили, что они тоже готовы к наступлению.

...Следует сделать оговорку относительно срока начала Белградской операции, которое принято датировать 28 сентября 1944 г. Еще накануне приезда С. С. Бирюзова в Ставку маршала Тито передовые части трех советских корпусов ворвались в Западные Балканы и Восточно-Сербские горы, по которым проходил передний край обороны главных сил германской армейской группы "Сербия". 10-й гвардейский стрелковый корпус очищал левый берег Дуная от противника, наступая в направлении Бела-Црква, Панчево. В 57-й армии 75-й стрелковый корпус генерала А. З. Акименко и 68-й генерала Н. Н. Шкодуновича в результате упорных боев разгромили окруженную ими группировку немецко-фашистских войск в районе Неготина, а 64-й стрелковый корпус генерала И. К. Кравцова окружил значительные силы врага в районе города Заечар. Учитывая столь благоприятный ход событий, советское командование решило войска не останавливать, успех развивать и ранее назначенный срок начала операции отменить. Советская Ставка приказала: "Наступление 57-й армии продолжать и 4-й гв. мехкорпус ввести в действие для развития успеха не позже 10-11 октября 1944 г.". Так началась эта важнейшая совместная операция советских, югославских народно-освободительных и болгарских войск.

Развернувшееся ожесточенное сражение против армейской группы "Сербия" проходило успешно, В течение полумесяца боевых действий наши части и соединения продвинулись на направлении главного удара почти на 130 км. Вскоре Восточно-Сербские горы остались позади. 10 октября с ходу была форсирована река Морава, и на захваченный в районе Велика Плана плацдарм переправился 4-й гвардейский

механизированный корпус, который благополучно совершил сложный марш с боями. 12 октября гвардейцы-танкисты стремительно рванулись на Белград.

Вместе с советскими войсками доблестно сражались наши боевые югославские товарищи и воины болгарской армии. Как только советские войска обрушились на врага в районе Неготина, 14-й корпус НОАЮ подверг ударам пути сообщения врага, ведущие через горы в тыл.

Ожесточенные бои разгорелись в районе города Заечар. Здесь 19-я стрелковая дивизия генерал-майора П. Е. Лазарева из состава 64-го стрелкового корпуса блокировала гарнизон противника. Враг закрепился на выгодных рубежах и упорно отбивался. Дивизию усилили мотоциклетным батальоном 4-го гвардейского мехкорпуса. К утру 8 октября разгром немецко-фашистских войск закончился, причем взяли почти 1600 пленных. Путь через горы был открыт.

Тесное взаимодействие между советскими, югославскими и болгарскими войсками было установлено на нишском направлении. Болгарская армия теснила противника с востока, с севера его гнали советские части и 45-я югославская дивизия, а с запада и юга врагу наносили удары части 47-й и 24-й дивизий НОАЮ. Особенно ощутимой была помощь НОАЮ, когда советские войска форсировали Мораву у Велика Плана. Части и соединения 1-го Пролетарского корпуса Народно-освободительной армии тоже наступали в этом районе и содействовали удержанию и закреплению захваченного нами плацдарма. Они активно взаимодействовали с советскими воинами в районе Топола, Младеновац, примыкавшем непосредственно к оси движения главных сил советских войск на Белград. В ожесточенных боях по разгрому противника в районе Тополы и в других сражениях была скреплена совместно пролитой кровью боевая дружба воинов советской и югославской армий.

В ходе Белградской операции решались не только весьма важные военные задачи, но и вопросы интернациональной дружбы и боевого товарищества народов, совместно боровшихся с гитлеровскими оккупантами. И. В. Сталин и И. Броз Тито договорились, что Белград будут брать войска Красной Армии и НОАЮ, вместе они и войдут в город. К сожалению, мы в Генеральном штабе не учли того обстоятельства, что скорость наступления советских танков значительно превосходила скорость передвижения югославских войск, не имевших тогда ни танков, ни автомашин. Не учли этого в должной мере и в штабах фронта и армий. Танки 4-го гвардейского механизированного корпуса, вырвавшись вперед, стали нести потери от огня

противника, поскольку собственной пехоты у корпуса было относительно немного, а югославская пехота не поспевала за ними. Об этих неувязках в наступлении советских и югославских войск напомнила Генштабу телеграмма Н. В. Корнеева от 13 октября, помеченная югославским телеграфистом не совсем обычным грифом: "По радио, очень молния". Телеграмму доложили Ставке. На 3-й Украинский фронт пошла депеша, требующая посадить на наши танки югославскую пехоту и совместно быстрее брать Белград.

Ф. И. Толбухин к тому времени и сам заметил некоторый разнобой в наступлении войск и обратился к маршалу Тито. Оба они стремились сбить оборону противника, не позволить ему отводить войска. В пределах Белграда враг мог, опираясь на городские сооружения, организовать прочную оборону и вынудить наступающих начать осаду города. Всем было понятно, что это значило: не только были бы потеряны время и люди, но подвергся бы разрушению и сам город. Следовательно, торопиться вперед нужно было и танкам, и пехоте - и не порознь, а только вместе.

Во исполнение указаний Ставки Ф. И. Толбухин попросил Верховного Главнокомандующего НОАЮ посадить свою пехоту на советские танки и автомашины для совместного захвата Белграда и тем самым ускорить темп развития операции. Маршал Тито, конечно, сразу же дал согласие. Уже 14 октября первые советские танки с десантом из наших автоматчиков и бойцов 1-го Пролетарского корпуса завязали сражение за Белград.

О боях в югославской столице написано много как у нас, так и в Югославии. Можно лишь подчеркнуть, что противник сумел перебросить сюда некоторые свои силы, и бои в Белграде носили крайне напряженный характер. Особенно сильное сопротивление враг оказывал в районе старинной крепости Калемегдан. В тесном взаимодействии с советской пехотой и танками 4-го гвардейского механизированного корпуса в Белграде вели бои части 1, 5, 6, 11, 16, 21, 28 и 36-й пехотных дивизий Народно-освободительной армии Югославии.

Успешный разгром врага в значительной мере был предопределен тем, что, как ни стремилось немецко-фашистское командование отвести в Белград с юго-востока и юга более чем 20-тысячную группировку своих сил, ему это не удалось. В то время как развертывалось сражение за столицу Югославии, на юго-восточных подступах к ней разгорелись упорные бои. Здесь в тесном взаимодействии наступали 75-й стрелковый корпус 57-й армии, 14-й югославский корпус, части 5-й ударной дивизии 1-го Пролетарского корпуса НОАЮ, наша 5-я отдельная

мотострелковая бригада. Они успели отрезать, зажать врага в клещи и приступили к его уничтожению. Особенно хорошо действовали 15-я - под командованием гвардии полковника М. А. Андрианова и 14-я - под командованием гвардии полковника Н. А. Никитина гвардейские механизированные бригады 4-го мехкорпуса. О доблестных действиях этих бригад доложил в Главное политуправление генерал И. С. Аношин - начальник политуправления 3-го Украинского фронта, прибывший в Белград вместе с передовыми частями.

На подступах к столице противник оставил около 200 орудий разных калибров и 1500 автомашин с грузами. Остатки разгромленных немецко-фашистских войск рассеялись по лесу южнее горы Авала, где их продолжали добивать югославские воины.

20 октября командир 4-го гвардейского механизированного корпуса гвардии генерал-лейтенант танковых войск В. И. Жданов и командир 1-го Пролетарского корпуса Народно-освободительной армии Югославии генерал-подполковник Пеко Дапчевич доложили командованию об освобождении столицы Югославии. Тогда же состоялся общегородской митинг. Только что вышедшие из боя командиры героических войск - советский генерал Жданов и югославский генерал Дапчевич выступили перед жителями Белграда с горячими речами и крепко обнялись. Тысячи людей громко приветствовали боевых побратимов. А вечером того же дня в Москве прогремел артиллерийский салют доблестным воинам 3-го Украинского фронта и войскам Народно-освободительной армии Югославии.

21 октября маршал Тито прислал командующему 3-м Украинским фронтом благодарственное письмо.

"Прошу,- писал он,- передать вверенным Вам войскам, действующим в направлении Белграда, следующее: выражаю свою благодарность бойцам, офицерам и генералам частей Красной Армии, которые совместно с частями НОАЮ освободили нашу столицу Белград.

Ваш героизм и упорство, проявленные в ожесточенных боях по освобождению Белграда, народы Югославии всегда будут помнить как незабываемый героизм войск Красной Армии. Ваша кровь и кровь бойцов ПОАЮ, пролитая в совместном бою против общего врага, навеки закрепит братство народов Югославии с народами Советского Союза".

Многие советские воины были награждены югославскими орденами, а генерал В. И. Жданов получил звание Народного Героя Югославии.

Во время боев за Белград в Генеральном штабе, Верховном

штабе НОАЮ и штабе 3-го Украинского фронта уже думали над тем, как развивать операции после освобождения города. Немецко-фашистское командование старалось вывести на север основную массу своих войск, располагавшихся в Греции и на юге Югославии. Войска противника шли по железным дорогам и шоссе западнее Белграда и вдоль побережья Адриатического моря. Наиболее удобным и коротким путем для них была долина реки Западная Морава.

Военный совет 3-го Украинского фронта 15 октября обратился в Генеральный штаб с предложением перехватить пути отхода противника на север. Ф. И. Толбухин, В. М. Лайок и А. П. Тарасов доложили, что достигнутые 3-м Украинским фронтом, Народно-освободительной армией Югославии и болгарской армией рубежи западнее Южной Моравы уже сейчас дают возможность овладеть Чачаком и Кралево, захват которых поставил бы преграду немецко-фашистским войскам. Предлагалось теперь же нанести удар частью сил 57-й армии в направлении Горни-Милановац, Чачак с последующим развитием наступления на Кралево. Одновременно наносился бы удар на Крагуевац.

Мнение командования фронта разделял Верховный штаб НОАЮ и лично маршал Тито. Югославские товарищи вместе с тем полагали, что после взятия городов Чачак и Кралево врагу останется единственный путь отхода из Албании и Греции через Черногорию и Санджак на Сараево. "Дабы лишить противника этой возможности,- писал маршал И. Броз Тито командующему 3-м Украинским фронтом 18 октября, - считаю (нужным) основные силы Белградской группы вверенных Вам войск направить через Лазаревац, Валево, Зворник, Власеница и овладеть Сараево... Для совместных действий с частями 3-го и 5-го армейских корпусов НОАЮ по быстрейшему овладению Сараево предлагаю направить части 4-го гвардейского механизированного корпуса". Одновременно сообщалось, что районы, где должны были проходить советские и взаимодействующие югославские войска, освобождены от немецко-фашистских частей,

Однако ни тот, ни другой план не были осуществлены. Вопрос о перехвате путей отхода противника решили по третьему варианту: путем совместных операций югославских и болгарских войск в районе Приштина, где проходила последняя железная дорога, используемая противником для эвакуации немецко-фашистских войск из Греции на север. О плане операции и взаимодействии югославские и болгарские штабы быстро договорились, а затем провели успешное наступление.

В конце октября 1944 г. соединения и части 3-го Украинского

фронта, выполнив задачу на территории Югославии, уходили в новый поход. Для дальнейшей помощи нашим югославским друзьям оставались только советские летчики, достойно продолжавшие военные и интернациональные традиции, окрепшие в славные дни Белградской операции. Наши авиаторы должны были поддержать войска НОАЮ в предстоящих операциях по окончательному разгрому противника: в стране еще оставались по крайней мере десять немецких дивизий и почти двести тысяч недобитых войск Павелича, Недича, Рупника и Михайловича.

В октябре 1944 г. более четко обозначился замысел немецко-фашистского командования в Югославии. Оно не только спешно отводило свои войска на север, но и форсировало строительство оборонительных рубежей по рекам Драва, Сава и Дрина. Эти рубежи, по-видимому, предназначались для того, чтобы прикрыть отход гитлеровских сил из Италии и Югославии в Венгрию и Австрию. На линии Триест, Марибор, Братислава тоже спешно готовились хорошо укрепленные позиции, или, как их называли сами немцы, "рубежи решительного сопротивления". Они должны были обеспечить сплошной фронт немецко-фашистских войск от Италии до Венгрии. Противник ждал, что советское командование будет вбивать клин в этот фронт, и готовился к противодействию.

В советском Генеральном штабе видели, что если врагу удастся вывести войска в оборону на триестско-братиславский рубеж, то обеспечивалось хорошее взаимодействие венгерской и итальянской группировок и выгодное фланговое положение в отношении войск 2-го Украинского фронта, которые резко выдвинулись на север. При этом между левым флангом фронта Р. Я. Малиновского и фронтом Ф. И. Толбухина существовало весьма значительное и слабо занятое войсками пространство примерно от Сомбора до города Новисад. Чтобы не допустить объединения пока еще разрозненных немецких группировок в сплошной фронт, следовало до наступления осенне-зимней распутицы перейти к активным операциям 3-го Украинского фронта. Основным направлением наступления могли стать доступные для всех родов войск долины рек Драва и Мура, где имелась наибольшая вероятность создания того самого клина, которого так боялся враг. Вот почему, выводя корпуса 57-й армии в район Сомбора, мы ориентировали командующего относительно возможности наступления в западном направлении.

В первой половине ноября в Ставке подводились итоги операций 1944 г. и разрабатывался замысел кампании 1945 г. Большое внимание уделили и войскам 3-го Украинского фронта,

составлявшим левый фланг советско-германского фронта. В Москву тогда прибыл Ф. И. Толбухин с операторами и 7-8 ноября работал с нами.

В Ставке рассматривались две точки зрения. Одна, которую первоначально поддерживал Ф. И. Толбухин, состояла в том, чтобы наступать на Вену. Ожидалось, что при столь глубоком нашем ударе противник, обороняющий район Будапешта, сам оставит Венгрию под угрозой выхода советских войск ему в тыл. Другая точка зрения отрицала необходимость такого удара в данной обстановке. Ее сторонники, в том числе Генеральный штаб, полагали нужным прежде всего оказать непосредственное содействие 2-му Украинскому фронту под Будапештом, чтобы окружить и полностью разгромить здесь противника. В этом случае открывался бы путь не только на Вену, но и в Чехию, а оттуда через Рудные горы, Судеты и по долине Эльбы - в Германию. Победило второе мнение. Командующему 3-м Украинским фронтом было дано время на то, чтобы в этом плане отработать свои соображения.

С Верховным штабом НОАЮ поддерживались самые тесные отношения. Югославские товарищи тоже думали о том, как лучше разгромить противника в северной части страны, куда уже подтягивались новые гитлеровские войска. С 1 ноября в районе Чачак, Кралево разгорелись кровопролитные бои с крупными силами противника, отходящими на север. Ожесточенный характер боев в этом районе объяснялся тем, что здесь проходила железная дорога, остававшаяся пока в руках гитлеровцев. В этих боях покрыли себя славой 17, 23, 25 и 2-я Пролетарская пехотные дивизии Народно-освободительной армии Югославии. Они отбили атаки крупных сил пехоты и танков противника и сами перешли к наступательным действиям, опрокинули врага и мертвой хваткой вцепились в него, не давая планомерно отводить войска.

С разгромом белградской группировки противника НОАЮ приобрела для себя обширную и выгодную во всех отношениях территорию базирования, откуда она была в состоянии решительно влиять на ход операций в северной и центральной частях Югославии, где находились вражеские войска. Теперь Народно-освободительная армия стала действовать еще более активно. Характерным примером возросшего ее военного искусства становилось окружение значительных группировок немецких войск и полное их уничтожение в течение непродолжительного срока. Так, югославская приморская группа и 3-я пехотная дивизия окружили, а затем уничтожили противника в районе Даниловград, Скадар, Подгорица. Воины 8-

го армейского корпуса создали котел для противника в районе Книна и полностью уничтожили здесь пехотный полк немецко-фашистских войск. 25-я дивизия НОАЮ окружила и ликвидировала врага в районе Гуча.

Большое значение имело наступление частей НОАЮ в Герцеговине, предпринятое в феврале 1945 г. Тогда перед Верховным штабом встала необходимость ликвидировать оборону противника в районе Мостара - главного города Герцеговины. Враг, обороняясь здесь, запирал подступы с юго-запада к другому, еще более важному городу и узлу коммуникаций - Сараево, откуда шли пути в Хорватию. В период с 6 по 15 февраля части 8-го корпуса и 29-й дивизии 2-го корпуса Народно-освободительной армии успешно провели под Мостаром хорошо задуманную и организованную операцию. В наступлении приняла активное участие югославская танковая бригада. Враг потерпел чувствительное поражение - 369-я пехотная дивизия немцев была разбита, более 1200 ее солдат и офицеров попало в плен. Мостар и значительная территория Герцеговины были освобождены. Опасаясь за Сараево, гитлеровское командование отказалось от переброски в Венгрию пополненной после недавних боев дивизии "Принц Евгений". Советский Генеральный штаб высоко оценил эту помощь югославских боевых товарищей.

С ноября 1944 г. по май 1945-го заметную помощь войскам НОАЮ оказали советские летчики авиационной группы генерала А. Н. Витрука. Группа была создана после переговоров маршала Тито в Москве. Верховный Главнокомандующий Народно-освободительной армией попросил тогда оказать содействие югославам с воздуха. Признав просьбу обоснованной, Государственный Комитет Обороны постановил передать народной Югославии авиагруппу из двух авиадивизий (10-й гвардейской штурмовой и 236-й истребительной). Передавались также необходимые части базирования (9-й район авиационного базирования), средства хозяйственного и технического обеспечения. 15 ноября 1944 г. в Белграде был подписан договор о передаче этих дивизий НОАЮ.

Группа генерала Витрука была не только сильным боевым соединением (244 самолета), но и центром подготовки кадров, формирования органов управления югославской авиации.

Летчики авиагруппы проявили высокий героизм при выполнении боевых заданий, а сам А. Н. Витрук был удостоен звания Народного Героя Югославии. Они самоотверженно воевали на братской земле Югославии до полной победы над фашистскими оккупантами.

Разгром гитлеровских войск в Югославии способствовал

успеху сил народного освобождения в Албании. Наши летчики авиабазы в Бари по указаниям из Москвы не раз помогали албанским патриотам вооружением, боеприпасами, санитарным и другим имуществом. Осенью 1944 г. частям НОАЮ удалось установить достаточно прочный контакт с Народно-освободительной армией Албании. В отдельных случаях армии этих соседних народов действовали совместно. 17 ноября Народно-освободительная армия Албании выбросила немецко-фашистские войска из Тираны. Она загоняла врага в горы и здесь его уничтожала или вынуждала покинуть пределы государства. 29 ноября Албания была полностью освобождена от оккупантов.

1-я болгарская армия, наступая совместно с 46-й, 42-й пехотными дивизиями, 3-й и 2-й Косовскими бригадами НОАЮ, овладела 17 ноября 1944 г. крупным узлом коммуникаций противника Приштиной. Спустя несколько дней части 2-й болгарской армии совместно с 22-й югославской пехотной дивизией освободили Митровицу и закрыли тем самым путь противнику на Нови-Пазар.

В ходе боевых действий в Югославии по обоюдному согласию союзников привлекались самолеты США и Великобритании, базировавшиеся в Италии. Задачи им ставились через наш Генеральный штаб, о чем мы с союзниками быстро договорились. На случай вынужденных посадок самолетов в горах подыскивались и по возможности оборудовались необходимые площадки в партизанских районах. Здесь очень помог опыт советской авиабазы в Бари, пилоты которой, как уже было сказано, часто летали в Албанию и Черногорию и пользовались посадочными площадками, подготовленными населением и партизанами.

Советских летчиков встречали радушно, особенно черногорцы. Чего только не рассказывали партизаны и жители деревень о мастерстве повелителей краснозвездных воздушных кораблей! Как-то в высокогорном селении Югославии совершили посадку на одной площадке два самолета: наш и английский. Они были одной марки (Си-47), естественно, одних размеров и отличались только опознавательными знаками. Подле самолетов, поставленных рядом, собралось население деревушки от мала до велика. Пока экипажи совещались, крестьяне пытались определить, какой самолет лучше и чьи летчики искусней. Наконец вышел вперед старый крестьянин. Он на виду у всех несколько раз промерил шагами длину и размах крыльев самолетов, деловито похлопал их по фюзеляжу, затем подумал и громко объявил, что русский самолет на полметра длиннее. Посадить эту машину в горах труднее, чем английскую. Так был

решен спор к общему одобрению собравшихся...

Однако, как оказалось, одно дело было договориться об использовании авиации в высших штабах и другое - организовать все как следует на местах. Это мы почувствовали в ноябре 1944 г., когда 27 американских самолетов появились над колонной 6-го гвардейского стрелкового корпуса, совершавшего марш через Югославию. Самолеты опознали и, поскольку это были союзники, их приветствовали, помахивая головными уборами. Но вдруг самолеты развернулись и нанесли мощный бомбовый удар. На беду, он оказался точным: погибли командир корпуса генерал-лейтенант Григорий Петрович Котов и 31 офицер и боец, было ранено 37 человек. Поскольку маневры самолетов показали их намерение нанести повторный удар, была поднята девятка советских истребителей. Завязался воздушный бой. В результате кроме людей было потеряно 3 американских и 3 наших самолета.

9 ноября главе американской военной миссии в Москве было сделано по этому случаю представление, а 10 декабря в Софию прибыл американский генерал, который выразил сожаление советскому командованию. Сожаление приняли во внимание, но впредь войска должным образом относились к воздуху во всех случаях появления самолетов, а высшие штабы проверяли и перепроверяли сигналы взаимодействия.

В итоге совместной работы Ставки, Генерального штаба, Военного совета и штаба 3-го Украинского фронта был разработан план операций на территории Венгрии. 12 ноября Ф. И. Толбухин представил соображения, которые были рассмотрены в Генеральном штабе, а затем доложены Ставке и получили ее одобрение. План предусматривал в качестве ближайшей задачи выход основных сил войск фронта в район Суботицы, форсирование Дуная и захват оперативного плацдарма в районе Печа на западном берегу реки.

Предстоящий этап наступления против гитлеровских войск был характерен широким взаимодействием армий СССР, Болгарии и Югославии. На первом этапе наступления 3-го Украинского фронта, когда его левый фланг тесно смыкался с правым флангом НОАЮ, было важно продолжать активные действия югославских войск в междуречье Дравы и Савы. В дальнейшем, когда главные силы 3-го Украинского фронта нацеливались на север, фланги советской и югославской армий расходились. В образовавшийся разрыв могли быть введены войска новой 1-й болгарской армии, которая формировалась правительством Отечественного фронта.

Таким образом, план дальнейших операций предполагал участие трех дружественных армий, которые совместно решали

задачу расчленения сил венгерской и итальянской группировок противника. Это предполагало тесное согласование всех вопросов подготовки и проведения операций.

Ставка приказала маршалу Ф. И. Толбухину лично договориться обо всем с маршалом И. Броз Тито и болгарским командованием. В период с 17 по 20 ноября Федор Иванович побывал в Белграде, а затем в Софии.

Было достигнуто общее согласие относительно действий югославских и болгарских войск, причем югославы предоставили возможность болгарской армии обеспечивать себя в Югославии соломой, дровами и отчасти сеном, без чего не могли тогда обойтись болгарские войска. Поскольку болгары еще не двинули 1-ю армию на фронт, югославское командование согласилось наступать вдоль реки Сава в общем направлении на Загреб и до начала действий болгарской армии выделить армейский корпус, чтобы обеспечить левый фланг 57-й армии.

Во второй половине ноября 1944 г. войска 3-го Украинского фронта повернули на север, а окрепшая и возмужавшая Народно-освободительная армия Югославии под руководством коммунистов готовилась к наступлению. Но страна терпела большие материальные, особенно продовольственные, трудности. На помощь товарищам по оружию пришло наше государство: в декабре 1944 г. Югославии было передано свыше 50 тыс. тонн зерна и муки. 10 марта из района Тулы двинулась по железной дороге югославская танковая бригада, сформированная в нашей стране (65 танков Т-34). 1 апреля в районе города Шид она вступила в бой с противником. До дня победы танкисты доблестно сражались, наступая в направлении Загреба. С марта 1945 г. началась массовая передача Народно-освободительной армии Югославии советского и захваченного нашими войсками трофейного вооружения. Этим оружием были полностью вооружены и оснащены двадцать пехотных дивизий, три артиллерийские и две танковые бригады, две авиационные дивизии, несколько полков связи, инженерные и автомобильные части. На этот счет было особое постановление Государственного Комитета Обороны от 10 февраля 1945 г. История показала, что оружие попало в руки мужественных и храбрых защитников народной Югославии.

...Время - лучшее мерило прочности содеянного в прошлом. Народы Советского Союза и Югославии верны дружбе, закаленной в самоотверженной борьбе против общего ненавистного врага. Эта дружба скреплена кровью, совместно пролитой на полях сражений под Белградом и десятками больших и малых городов и сел Югославии. 8000 советских воинов спят

вечным сном на югославской земле. Памятники над могилами павших славят тех, кто шел сюда сквозь пламя боев от стен Москвы, от руин Сталинграда, от развалин Киева и Минска, чтобы спасти от разрушения и огня мирные дома наших югославских братьев.

Глава 7. В центре Европы

Венгерский узел. - Директива Ставки. - Переполох в стане Хорти.- Нажим Гитлера. - Тайная миссия.- Письмо пленных офицеров. - Неуклюжие маневры. Генерал-полковник Бела Миклош. - Битва за Будапешт. - У. Черчилль и А. Иден в Москве. - Доклад маршала С. К. Тимошенко. - Гибель советских парламентеров. Рождение боевого содружества. - Под Балатоном. - "Войну не затягивать".

Успех Ясско-Кишиневской операции выдвинул перед советскими вой-- сками в качестве одной из практических задач освобождение Венгрии.

Как известно, Венгрия расположена в географическом центре Европы, на перекрестке главных дорог континента. Ее правители во главе с регентом Хорти в годы второй мировой войны стали верными слугами Гитлера. Они превратили страну в сателлита третьего рейха, его опору. Из Венгрии выкачивали нефть, приобретавшую для вермахта ценность эликсира жизни в связи с потерей румынских источников, вывозили хлеб, мясо, сельскохозяйственное и другое сырье. Венгрия поставляла и солдат.

Генштаб в своих расчетах все это принимал во внимание. Но не только это. Мы не забывали, что Венгрия занимала особое место и в расчетах англо-американского блока. Была известна двойственная политика западных держав в отношении Венгрии. Они, например, довольно своеобразно отреагировали на вступление этой страны в войну против СССР: Англия объявила войну Венгрии только в конце 1941 г., а США и того позже - в июне 1942 г. Подобные отношения были чреваты всякими сюрпризами, и, как увидим, это сказывалось на планах сторон.

Освобождение Венгрии сулило нам заметный военный выигрыш. Освободив эту страну, советские войска вошли бы в союзную нам Чехословакию, непосредственно граничившую с гитлеровским государством, и охватили бы Германию с юга. А там уже до центра фашистского логова оставались немногие сотни километров. Были у нас и другие соображения. Освобождение Венгрии существенно изменило бы, например, военную обстановку в Италии, Югославии, Греции и Албании: возникла бы угроза наших ударов в тыл группировок немецко-фашистских войск в этих странах и перехвата путей их отхода на

территорию Германии. Такое положение стало бы новым и весьма важным элементом стратегической обстановки в Европе.

Враг понимал возможные перспективы развития военных событий и упорно стремился удержать за собой Венгрию. Мы почувствовали это сразу, как только советские войска приблизились к Трансильвании.

Разгром противника под Яссами и Кишиневом дал возможность несколько по-иному, чем ранее, подойти и к решению вопроса о способах преодоления обороны немецко-фашистских и хортистских войск в Карпатах. Генеральный штаб и Ставка задумались: а нужно ли ломиться в Венгрию через горные хребты лобовым ударом, к которому уже готовился 4-й Украинский фронт? Такой удар всегда связан с большими потерями - и в людях и в материальных средствах. Не лучше ли использовать быстрое развитие операции на юго-западном направлении для выхода наших армий в районы, расположенные за горами, то есть обойти горные хребты с юга через Румынию? Конечно, совсем без наступления в горах и ударов по обороне врага с фронта не обойтись, но главная-то задача была бы выполнена значительно проще, экономнее и, безусловно, решительнее.

В Генштабе тщательно обсудили складывающуюся обстановку, и 25 августа 1944 г. А. И. Антонов доложил Ставке возможный вариант действий 4-го и 2-го Украинских фронтов. Генштабу было предложено посоветоваться с командующим 4-м Украинским фронтом И. Е. Петровым, а несколько позже с командующим 2-м Украинским фронтом Р. Я. Малиновским и заместителем Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуковым, находившимся тогда в Румынии.

Не откладывая, мы переговорили по ВЧ с генералом армии И. Е. Петровым. В полосе его фронта по всем дорогам и тропам в предгорьях Карпат медленно, как муравьи, ползли на высоты войска и техника, пробиваясь сквозь леса, расчищая себе путь где огнем, а где и врукопашную. Фронт наступал, подготавливая условия для форсирования Восточных Карпат с востока. Никаким горным оборудованием и снаряжением войска не располагали.

Результаты наступления не были особенно обнадеживающими: враг, хотя и пятился понемногу к вершинам и перевалам главного хребта, решающих позиций не сдавал. Наши войска несли чувствительные потери в людях и технике.

Иван Ефимович согласился со всеми доводами Генштаба, но сказал, что до того, как Ставка примет окончательное решение, было бы неплохо остановить 4-й Украинский фронт: надо подучиться действиям в горах, улучшить снабжение войск и дать

людям хоть небольшой отдых, поскольку они давно уже наступают. В Генштабе не возражали, так как временный переход к обороне облегчил бы фронту подготовку к новым наступательным операциям. Мы надеялись, что Верховный Главнокомандующий согласится с нами и с И. Е. Петровым. К тому же Генштаб получил некоторые сведения о подготовке антигитлеровского восстания в Словакии. Сведения эти были еще неясными, не очень надежными, однако их нельзя было сбрасывать со счетов.

Пребывать в обороне 4-му Украинскому фронту почти не пришлось, но об этом речь дальше.

В ночь на 26 августа о соображениях Генштаба и И. Е. Петрова было доложено Верховному Главнокомандующему. Проект директивы на переход 4-го Украинского фронта к обороне мы заготовили заранее. И. В. Сталин подписал его, но приказал фронту в интересах будущего наступления создать сильные резервы, необходимые в горной войне. Чтобы еще раз подчеркнуть значение принятого решения, И. В. Сталин велел приписать: "Намеченную Вами операцию (прорыв через Карпаты. С.Ш.) отложить и без разрешения Ставки не проводить". Приписка была необходима и потому, что в случае восстания словаков следовало внимательно взвесить военные и особенно политические последствия этого важного акта. Перед нашими глазами всегда стоял пример борющейся Варшавы - Красная Армия всячески помогала ей, но не могла вызволить из беды.

И. Е. Петров отдал войскам фронта распоряжение, в котором разъяснил командному составу причину перехода к обороне:

"Во исполнение директивы Ставки Верховного Главнокомандования войска фронта перешли к жесткой обороне, в то же время сохраняя сильные резервы.

Переход к обороне обусловлен успешными действиями войск 2-го и 3-го Украинских фронтов и создавшейся возможностью выполнить задачи, стоящие перед нашим фронтом, с меньшими трудностями и более эффективными методами.

Следовательно, переход к обороне следует понимать как подготовительный этап к последующему наступлению с решительными целями".

4 сентября Ставка получила доклад Г. К. Жукова и Р. Я. Малиновского. Они писали: "Надеяться на то, что 40-я и 7-я гв. армии быстро пробьются фронтальным ударом, не приходится". Эти армии, которыми командовали генералы Ф. Ф. Жмаченко и М. С. Шумилов, были уже нацелены на Венгрию в обход Карпат с юга.

Как мы и ожидали, в докладе предлагалось выйти в

Трансильванию, комбинируя удары войск с востока и юга, повернуть сюда 53, 27 и 6-ю танковую армии с Дуная и овладеть районом Клуж, Орадеа-Маре, Хацег. "Заняв этот район,- писали Г. К. Жуков и Р. Я. Малиновский,- мы тем самым создадим угрозу окружения немцев и венгров, действующих против армий Жмаченко и Шумилова, и поможем им быстрее выйти на рубеж Деж, Клуж для последующих действий на Сату-Маре для взаимодействия с 4-м Украинским фронтом". Мнение Генерального штаба было, таким образом, весьма авторитетно подкреплено.

Внимательно изучив все соображения, Ставка на следующий день вечером приказала 2-му Украинскому фронту внести исправления в представленный накануне план операций фронтом. Смысл указаний сводился к следующему: обойти Карпаты с юга, сочетая для этого фронтальные и охватывающие удары нескольких армий; помочь фронту И. Е. Петрова; сил не распылять.

Поворот армий 2-го Украинского фронта пресекал все домыслы и разговоры за границей о том, что Советский Союз будет-де преследовать старую цель царской России в отношении Босфора и Дарданелл. Гитлер, в частности, был убежден, что Красная Армия бросит все свои силы в этом направлении, а в Карпатах оставит только небольшое прикрытие. Об этом свидетельствует в своей книге "Проигранные сражения" генерал Г. Фриснер, командующий группой армий "Южная Украина", разбитой нашими войсками. Подобный просчет противника был очень существен, поскольку оказал влияние на группировку его войск и, в частности, привел к усилению участка фронта южнее Карпат, а не западного, наиболее важного и ответственного.

В директиве, как мне помнится, впервые был назван район Дебрецена - пока как цель действий конницы, которую предлагалось использовать для наращивания удара фронта. Выход в район Дебрецена ставил наши войска в положение, выгодное для наступления на нескольких направлениях: на восток и северо-восток - в тыл обороны противника в Карпатах; на север - для перехвата путей отхода немецко-фашистских войск; на северо-запад - для помощи возможному восстанию словаков; на запад - для удара на Будапешт. Маневр, задуманный Ставкой, был более глубоким, чем предлагал командующий 2-м Украинским фронтом, и таил в себе многие возможности для последующего развития операций, создавал угрозу окружения вражеских войск, оборонявшихся в Закарпатской Украине и Трансильвании.

В этой директиве советское Верховное Главнокомандование закладывало основы взаимодействия между Советскими и

румынскими войсками, повернувшими теперь оружие против фашистской Германии. Ставка предложила румынскому командованию выделить для обороны Дуная две-три пехотные дивизии и для обороны участка Сегед, Турну-Северин не менее трех дивизий. Основой этих войск была 1-я румынская армия. Войска 4-й румынской армии и другие румынские части, находившиеся в районе Брашова и в Трансильвании, предлагалось использовать для совместного с Красной Армией наступления на Клуж.

Выполняя указания Ставки, войска левого фланга фронта Р. Я. Малиновского совершили поворот на север. В центре их выдвигалась 6-я танковая армия генерала А. Г. Кравченко, насчитывавшая 262 танка и 82 самоходно-артиллерийские установки. На подходе к району Турды 14 сентября армия вступила в ожесточенные бои с танками и пехотой противника, который наносил здесь сильный контрудар, чтобы сорвать успешное развитие наших операций.

Сокрушительный разгром группы армий "Южная Украина" под Яссами и Кишиневом значительно повлиял на политическую обстановку в Венгрии, на ее военное положение. Столпы фашистского строя страны почувствовали, что земля начинает колебаться под их ногами. Хотя с марта 1944 г. Венгрия была оккупирована немецко-фашистскими войсками, это теперь уже не могло гарантировать устойчивости ее обороны против советских войск. Политика реакционных господствующих классов и контрреволюционных правительств, политика предательства национальных интересов и угнетения народа привела страну к катастрофе. В то время как нилашисты с пеной у рта кричали об "окончательной победе" и "чудо-оружии" Гитлера, в Венгрии шла насильственная эвакуация в Германию рабочих рук, вывозилось заводское оборудование, запасы сырья, сельскохозяйственные машины и продукты. Страна оказалась в еще большей зависимости от немецко-фашистского диктата, поскольку Гитлер ввел в нее несколько немецких дивизий, но вывел главные силы боеспособных венгерских войск.

Как только закончилась ликвидация немецко-фашистских войск, окруженных под Яссами и Кишиневом, и советские войска двинулись к венгерской, югославской и болгарской границам, в стане Хорти начали лихорадочно искать выход из положения, грозившего катастрофой венгерскому фашизму. Но и теперь, когда слепая вера правящих кругов Венгрии в силу немецкого оружия была подорвана, Хорти и его клика вовсе не думали о безоговорочной капитуляции. Избежать краха они предполагали за счет усиления ориентации на Англию и США. Хортисты

думали, что западные державы рано или поздно договорятся за спиной Советского Союза с фашистской Германией, и тогда немцы пропустят англичан и американцев в Венгрию прежде, чем советские войска преодолеют Карпаты. Для этих надежд были основания. "Я очень хотел,- говорил У. Черчилль,- чтобы мы опередили русских в некоторых районах Центральной Европы. Венгры, например, выразили намерение оказать сопротивление советскому продвижению, но они капитулировали бы перед английскими войсками, если бы последние могли подойти вовремя"{50}. Сдаться на милость Великобритании и США хортистам представлялось меньшим злом, чем капитулировать перед СССР. Они рассчитывали на непрочность антигитлеровской коалиции. Сейчас их забота состояла главным образом в том, чтобы задержать советские войска, выиграть время, дать возможность англо-американцам опередить Красную Армию и стать в Венгрии хозяевами положения.

Венгерским министрам было известно также, что и некоторые видные гитлеровцы были не прочь открыть перед англо-американскими войсками фронт на западе для того, чтобы все силы третьего рейха сосредоточить против Красной Армии на востоке. Это, конечно, облегчило бы вступление англо-американцев в Венгрию, тогда как войска Красной Армии истекали бы кровью, медленно преодолевая упорную немецко-венгерскую оборону. Оккупация страны войсками западных держав, как полагали венгерские фашисты, не повлекла бы за собой расплаты за злодеяния и позволила бы продолжать борьбу против Советского Союза.

Что же касается германских дивизий, находившихся в стране, то при покровительстве и содействии англо-американских войск Хорти и его клика надеялись выдворить их сравнительно быстро.

Таким образом, осенью 1944 г. Венгрия оказалась в центре военно-политических событий в Европе.

При переносе действий Красной Армии за рубежи СССР нам стало, естественно, труднее скрывать направление ударов: противник узнавал о передвижении и сосредоточении наших войск. Не удалось нам скрыть и поворот левого фланга 2-го Украинского фронта на север. Получив данные об этом, хортистское правительство ударило в набат: оно считало, что советские армии заняли исходное положение для наступления на Венгрию. В Будапеште заторопились. 7 сентября вечером собрался так называемый коронный совет. Регент государства Хорти обсудил с правительством и представителями главного командования венгерской армии военное и внешнеполитическое положение страны. Оценки были самые неблагоприятные.

Информация начальника генерального штаба генерал-лейтенанта Яноша Вёрёша о положении на фронте не оставляла сомнений в том, что Красная Армия намерена провести мощные одновременные удары по сходящимся направлениям: с востока - из Румынии и с севера - через Карпаты. Генерал не скрывал, что результатом таких действий советских войск могут стать гигантские клещи, которые отрежут от центра страны главные силы венгерской армии, сражающейся в Восточных Карпатах, и тогда возникнет прямая угроза Будапешту.

О капитуляции на этом совете не было сказано ни слова. Однако его участники сошлись на том, что собственными силами стране против Красной Армии не устоять. Поскольку с англо-американцами связь еще не была установлена, обстоятельства заставляли венгерское правительство потребовать помощи у Гитлера. Именно потребовать, а не просить, так как фашистская Германия была чрезвычайно заинтересована в сохранении за собой последнего союзника Венгрии. На случай отказа в помощи можно было и припугнуть немецких патронов тем, что Венгрия-де вынуждена будет договариваться с Советским Союзом о перемирии.

На следующий день, 8 сентября, состоялось чрезвычайное заседание венгерского правительства. Опять искали выход из положения, но никто из министров не мог предложить ничего нового - все уже было сказано накануне. После того как граф Бела Телеки, помещик, профессор Клужского университета, резонно заметил, что удобный момент для переговоров с Советским Союзом о перемирии упущен еще неделю назад, вопрос о возможности оккупации страны англо-американскими войсками казался решенным. Причиной тому был ответ немецкого правительства: в стремлении не допустить краха на восточном фронте оно готово снять силы с фронта на западе. Более того, гитлеровский представитель в Будапеште Грейффенберг от имени немецко-фашистского командования обещал, что в течение пяти дней на помощь Венгрии придут танковая дивизия и полицейская дивизия СС из района Белграда, а затем 18-я пехотная дивизия СС из Дьера, 22-я пехотная дивизия и танковая бригада из других районов.

Таким образом, хортисты, казалось, получали все, о чем мечтали: гитлеровское правительство заявило о возможном оголении западного фронта, и англо-американцы, следовательно, могли быстро выдвигаться в Венгрию, подходили немецко-фашистские войска, что позволяло организовать на границах страны мощную оборону, остановить Красную Армию и выиграть драгоценное время. А там... Об интервенции с запада никто

ничего не сказал, но каждый думал об этом. Напрасно начальник генштаба венгерской армии доказывал правительству, что Венгрия должна рассчитывать в основном на собственные силы,- обещания немцев окончательно склонили министров к решению продолжать войну против СССР.

Так была утеряна еще одна возможность предотвратить ненужные жертвы и приблизить час окончания войны. Хортистское правительство не хотело видеть, что у него нет даже призрачных надежд на успех.

Гитлеровское военное командование правильно оценило положение, создавшееся в Венгрии. Командующий немецко-фашистскими войсками Фриснер метался между своим штабом, дворцом регента Венгрии и ставкой Гитлера. Срочно подводились новые войска. "Командование группы армий приняло ряд мер для обеспечения безопасности своего тылового района на случай непредвиденного изменения политического курса Венгрии",- писал позже Фриснер. В районе Турды сосредоточивались крупные танковые силы для контрудара - гитлеровцы хотели во что бы то ни стало сорвать замыслы советского командования.

13 сентября в ставке Гитлера состоялось специальное совещание, посвященное обстановке в Венгрии. Присутствовал узкий круг немецких и венгерских военачальников и необходимых гражданских лиц. Генерал Фриснер получил, по существу, диктаторские военные полномочия. Ему должны были отныне подчиняться буквально все без исключения гражданские и военные организации. "И в этом отношении никакие требования со стороны Венгрии учитываться не будут",- писал об этом сам Фриснер. Венгерский генеральный штаб оказался, таким образом, на положении второстепенного органа управления собственными войсками, фактически потерял над ними власть.

В заключение заседания группе армий было приказано держаться до последнего. В последующем, 20 сентября, гитлеровское правительство ультимативно подтвердило Венгрии свою решимость закрепить желательный ему порядок в стране. Так Венгрия была удержана в тисках режима, который предопределил кровопролитную войну на ее собственной территории.

Войска 2-го Украинского фронта, повернув на север в направлении Дебрецена, совершили перегруппировку и вступили в новые сражения с противником. Гитлеровское командование ожидало этого: против 40-й, 7-й гвардейской и 27-й армий были дополнительно сосредоточены механизированный корпус венгров и танковая дивизия немцев. Все попытки наших войск и действовавших совместно с нами румынских соединений

прорвать оборону противника не увенчались успехом. Особенно тяжелая борьба завязалась в районе Турды, где, как уже говорилось, немецко-фа-шистское командование пыталось контрударом вернуть себе военное счастье. Враг, подогретый только что полученным приказом драться до последнего, наносил удары с бешеной яростью.

В многодневное сражение втянулись 27-я и 6-я танковая армии. Ни одна из сторон не получала заметного успеха. Это насторожило Генеральный штаб, и он доложил Ставке о своих сомнениях относительно возможности добиться в районе Турды благоприятного для нас перелома военной обстановки.

Несколько по-иному обстояло дело в полосе наступавшей левее 53-й армии генерала И. М. Манагарова. Здесь укрепления противника оказались слабее. Войска относительно легко преодолели их и вышли в район северо-западнее города Арад. По мнению командования фронта, в полосе армии создавались благоприятные условия для удара советских войск крупными силами в направлении Орадеа-Маре, Дебрецен.

Дебреценское направление было, по мнению Генштаба, весьма перспективным. Здесь представлялась возможность обойти Турду и всю тран-сильванско-карпатскую группировку войск противника с запада.

Были, однако, и свои трудности. При ударе на Дебрецен основными силами советские войска должны были чрезвычайно внимательно следить за своими флангами, которым могли угрожать весьма крупные группировки противника: одна из Карпат и Трансильвании и другая - из Югославии. И никто бы не поручился, что эти группировки не будут использованы по единому плану в общем направлении на Будапешт. Растянутые коммуникации, только налаживаемый румынский тыл и относительная слабость подвижных сил 2-го Украинского фронта делали это обстоятельство немаловажным оперативным фактором.

В Генштабе внимательно следили за обеими вражескими группировками и, прикидывая наметки Дебреценской операции, стремились сочетать сроки ее проведения с ударами по войскам противника в Югославии. Расчеты показывали, что мы сумеем связать немецко-фашистские войска на Балканах совместными операциями 3-го Украинского фронта и Народно-освободительной армии Югославии, развернув боевые действия 28- 29 сентября 1944 г.

Что же касается трансильванско-карпатской группировки противника, создававшей непосредственную угрозу на фланге войск Р. Я. Малиновского, наступавших на Дебрецен, то она

должна была стать ближайшим и основным объектом для ударов взаимодействовавших между собой 4-го и 2-то Украинских фронтов. При необходимости мы могли здесь подключить к наступательным операциям и некоторые силы 1-го Украинского фронта И. С. Конева (что и произошло в районе Дуклинского перевала).

Таким образом, Дебреценская операция приобрела достаточное оперативное обеспечение, но требовала все же от командования фронтов весьма большой четкости управления войсками, гибкости и быстроты маневра.

Обо всех этих соображениях Генштаба было доложено Ставке. Однако нам предложили еще раз посоветоваться с заинтересованными командующими фронтами. Командующие поддержали замысел. 23 сентября в Генштабе получили ответ Г. К. Жукова:

"Учитывая характер местности и группировку противника перед Ма-линовским и Петровым, я считаю, что выгоднее было бы армию Кравченко немедля сосредоточить севернее Арада с задачей удара на Дебрецен, т. е. в тыл всей основной группировке венгерских частей.

С захватом района Дебрецена рушится вся оперативная система обороны венгров, и они вынуждены будут быстрее отходить из района Клужа и из Карпат.

Проводимое Малиновским лобовое наступление ведет к затяжным боям и дает противнику возможность спокойно устроить свою оборону на участке Тисы".

Таким образом, соображения Генштаба, опиравшиеся на предложения Военного совета 2-го Украинского фронта, были поддержаны.

Дебреценская операция началась 6 октября и продолжалась почти до конца месяца. Она отличалась большой напряженностью и сложностью. Поскольку о ней много писали, нет нужды еще раз излагать ее во всех подробностях. Напомню только, что в ходе операции противнику было нанесено сильное поражение в районах Оради, Дебрецена и Сегеда. Советские войска освободили Трансильванию, достигли Тисы, форсировали ее на левом фланге фронта, вышли на Дунай, создав за Тисой обширный оперативный плацдарм по линии Чоп, Бая, восточный берег Дуная, канал короля Петра.

В результате сильнейшего удара войск 2-го Украинского фронта ослабла устойчивость противника перед 4-м Украинским фронтом. Оправдались наши расчеты: враг не смог удержать Карпаты и в ходе ожесточеннейших боев был отброшен на запад. Войска И. Е. Петрова, перейдя в наступление, рвались вперед,

преодолевая один горный рубеж за другим. К югу от Чопа они соединились с войсками 2-го Украинского фронта.

Наступило время для нового мощного наступления советских войск - на этот раз на Будапешт. Подготавливая его, Ставка не оставляла надежды на то, что венгерское правительство поймет создавшееся на фронтах и в стране положение, проявит благоразумие и выведет Венгрию из войны мирным путем. И. В. Сталин 29 сентября 1944 г. писал Ф. Рузвельту, что у советских войск кроме ликвидации противника в Прибалтике "имеются две ближайшие задачи: вывести Венгрию из войны и прощупать оборону немцев на восточном фронте путем удара наших войск". Мирная инициатива со стороны венгров не исключалась, и отвергать ее проявление не собирались.

Положение на фронтах не оставило у венгерского правительства сомнений в решительности намерений нашего командования. Страх перед возмездием вынудил Хорти немедленно начать зондаж позиций Англии и Соединенных Штатов в отношении оккупации Венгрии.

22 сентября 1944 г. генерал-полковник Надаи - доверенное лицо Хорти тайно от гитлеровцев вылетел на самолете в район Неаполя, где располагался штаб союзников. Этот штаб был выбран не случайно. Венгерские фашисты ждали прихода союзников через полуостров Острия и Австрию по плану, который был известен, поскольку правительство Черчилля не делало из него особого секрета. Однако поездка закончилась неудачей. Англичане и американцы продвигались на фронтах чрезвычайно медленно и понимали, что Красная Армия, уже вступившая на территорию Венгрии, не остановится на полдороге. Они вернули генерала восвояси, посоветовав ему обратиться к русским. Расчеты венгерских сателлитов Гитлера поправить свои дела за спиной Советского государства провалились.

Теперь для клики Хорти оставался единственный путь - завязать переговоры непосредственно с Москвой и суметь выпросить выгодное перемирие. В конце сентября 1944 г. особая делегация венгерского правительства во главе с бывшим военным атташе Венгрии в Москве генералом Габором Фараго направилась в Советский Союз. Кроме Фараго в делегацию вошли граф Геза Телеки и представитель венгерского министерства ино-странных дел Сент-Ивани. Послана была делегация, конечно, втайне от руководителей фашистской Германии и ее военного командования.

Группа Фараго, благополучно принятая нами через линию фронта, прибыла в Москву 1 октября 1944 г. Об этом сообщили союзникам, и их представители не замедлили приобщиться к

переговорам.

Ведал доставкой делегации в Москву, ее приемом и предварительными беседами генерал-полковник Ф. Ф. Кузнецов. Через несколько дней после приезда делегации он рассказал мне, что Фараго очень беспокоится о своих свиньях, которых разводит в имении где-то в районе Дебрецена, и просит не трогать его свинячье поголовье, когда эту местность займут наши войска. Фараго ответили, что советские войска не только не берут чужого имущества, но даже охраняют его, если хозяева отсутствуют. Помещик успокоился. Забегая вперед, скажу, что нашим войскам, с боями занявшим район Дебрецена, охранять свиней в имении Фараго не пришлось - гитлеровцы съели всех до единой.

Маневры венгерского правительства вызвали крайнее озлобление Гитлера. Стремясь во что бы то ни стало удержать Венгрию за собой, гитлеровцы дополнительно ввели на ее территорию значительные танковые силы и пехоту. Был установлен контроль над радио- и проводной связью венгерских войск и властей, предусмотрены меры на случай возможных антигитлеровских выступлений.

Поскольку клика Хорти боялась вступления в страну Красной Армии, мероприятия гитлеровского командования не встретили противодействия со стороны правительства. Однако значительная часть высшего командования и рядовых офицеров венгерской армии расценила усиление и без того унизительного оккупационного режима в стране как новый акт насилия, жестокое попрание суверенитета Венгрии. Резкое недовольство столь зависимым положением страны от немецкого фашизма усиливалось тяжелыми переживаниями в связи с большими потерями, понесенными венгерскими войсками на фронтах, и обострялось сознанием неумолимо приближающегося военного разгрома.

В знак протеста против карательных санкций немецкого командования и унижения родины многие венгерские офицеры сдавались в плен нашим войскам, причем открыто возмущались позицией своего правительства. Пленные сообщили, что генерал-полковник Бела Миклош, командующий 1-й венгерской армией, занимавшей оборону в Карпатах, тоже не одобряет политику, проводимую в стране, и весьма недоволен гитлеровскими акциями.

Ставка и Генштаб сочли возможным использовать настроения офицеров и солдат для вывода Венгрии из войны. Основой мероприятий в этом направлении могли послужить антигитлеровские и патриотические чувства венгерских офицеров. В связи с этим И. В. Сталин переговорил по телефону с

И. Е. Петровым и Л. З. Мехлисом и предложил подумать, что тут можно сделать.

Вскоре Мехлис сообщил Верховному Главнокомандующему, что есть возможность передать через некоторых пленных офицеров, недовольных оккупацией страны, коллективное письмо командующему 1-й венгерской армией, чтобы призвать его к активной борьбе против гитлеровских оккупантов и тем способствовать сохранению независимости Венгрии. Идея письма была подсказана самими пленными, осведомленными об антигитлеровских взглядах Миклоша. И. В. Сталин с таким соображением согласился.

Не откладывая, пленные составили письмо. Подписали его сорок венгерских офицеров. В письме говорилось, что гитлеровская Германия несет решающие военные поражения. Она терпит и политический крах: все ее сателлиты, за исключением Венгрии, не только отвернулись от нее, но и обратили свое оружие против немецко-фашистских войск. Далее указывалось, что в результате захватнической войны, развязанной Гитлером, Венгрия оказалась в столь тяжелом положении, какого не знала за всю свою тысячелетнюю историю, и теперь стоит на краю гибели.

В письме высказывалась уверенность, что Венгрия не погибнет. Однако отмечалось, что спасение ее в изгнании немецко-фашистских оккупантов. А добиться их изгнания можно, лишь действуя совместно с Красной Армией. "Сегодня, когда уже весь мир воюет против Гитлера, вооруженное выступление венгерской армии при небольших жертвах завоевало бы независимость Венгрии и своей борьбой поставило бы венгерский народ в ряды свободолюбивых народов мира. Именно теперь,- подчеркивалось в письме, - надо решать вопрос: быть или не быть!"

Пленные обращались к командующему, поскольку 1-я армия могла эффективно действовать в интересах всего венгерского народа и государства. "Наступил поворотный пункт в истории нашей родины,- писали они.- Если Ваше сиятельство в этот решающий час поймет требования времени, то 1-я венгерская армия немедленно прекратит борьбу против русских, уйдет домой, повернет оружие против немцев. Этим она спасет нашу родину от неминуемой катастрофы. Этого ожидает от Вашего сиятельства и Ваших солдат родина и нация".

Три офицера - майор Эмиль Галлаи, капитан Михай Дьюлаи и младший лейтенант Пал Пейбауэр изъявили желание доставить письмо по назначению и затем вернуться обратно. 20 сентября 1944 г. план проведения этого мероприятия на 4-м Украинском фронте был одобрен представителем Ставки. В 6 часов утра 24

сентября 1944 г. в полосе 351-й стрелковой дивизии делегация с развернутым национальным флагом благополучно перешла передний край обороны 16-й венгерской пехотной дивизии. Вечером 28 сентября в расположение советских войск возвратился капитан Дьюлаи. Он принес записку от всех членов делегации, где сообщалось, что они благополучно прибыли на место, были хорошо встречены и вручили письмо по адресу. Так как вопросы, поставленные в письме, были очень важны, командующий не мог сразу на них ответить - он хотел предварительно связаться с Будапештом. Далее указывалось, что в ближайшие дни последует положительный ответ.

Нужно сказать, что к этому моменту переговоры с Фараго в Москве продвинулись достаточно далеко, хотя были нелегкими. У венгров были полномочия подписать соглашение о перемирии только в том случае, если Советский Союз согласится на "участие американцев и англичан в оккупации Венгрии" и на "свободный отход немецких войск".

В ответ на это страны антигитлеровской коалиции решительно заявили, что самостоятельность и независимость Венгрии может быть гарантирована лишь при одном условии: Венгрия разрывает все отношения с гитлеровской Германией, ее армия поворачивает оружие против немецко-фашистских войск. Только так Венгрия могла внести достойный вклад в общую победу антигитлеровской коалиции над врагом. Кроме того, правительство Хорти должно было приступить к отводу венгерских войск с территорий Румынии, Югославии и Чехословакии.

В конечном счете все эти требования были приняты венгерской стороной.

В свою очередь венгерское правительство просило прекратить наступление советских войск на Будапешт, мотивируя это необходимостью сосредоточить достаточные венгерские силы в районе столицы, чтобы противодействовать здесь возможным ударам немецко-фашистской армии. Наше правительство согласилось выполнить просьбу венгров, и Генштаб дал необходимые указания.

В конце первой декады октября предварительные условия перемирия были, таким образом, разработаны договаривающимися сторонами. Весть о благоприятном ходе переговоров была направлена в Будапешт и быстро стала известна командованию венгерской армии. Однако венгерские войска по-прежнему продолжали сопротивление, отхода их с позиций в тыл не наблюдалось. Никаких сообщений из Будапешта к нам не поступало.

Советская сторона согласно договоренности с венграми направила в Сегед командующего 2-м Украинским фронтом Р. Я. Малиновского для переговоров о выполнении венгерским правительством предварительных условий перемирия. Велико же было удивление Малиновского, когда в Сегед прибыли венгерский полковник и старший лейтенант, совершенно не подготовленные к ведению переговоров по существу дела. Полковник - он был начальником отдела венгерского генштаба, ведавшего вопросами интернирования и военнопленных,- не мог вести переговоры. Никаких данных о расположении венгерских и немецких войск он не привел, но сообщил, что 1-я венгерская армия получила приказ на отход из района Дебрецена в район Мишкольца.

Р. Я. Малиновский пытался выяснить, почему не отведены венгерские войска с рубежа реки Тисса, но вразумительного ответа не получил. У командующего создалось впечатление, что "венгры хотят выиграть время, чтобы вывести свои войска из мешка, в который они попали в Трансиль-вании". Он продиктовал представителям венгерского правительства следующие требования:

"1) Приступить к немедленному отводу венгерских войск с р. Тисса к Будапешту, а частью сил нанести удар по немецким войскам, противостоящим фронту в районе Сольнока;

2) немедленно отдать приказ венгерским войскам вступить в боевые действия против немецких войск, установив контакт с Красной Армией;

3) к 8.00 16.10.44 г. доставить в Сегед полные данные о положении венгерских и немецких сил и в будущем давать полную информацию о боевых действиях и их расположении".

И. В. Сталин, получив доклад Р. Я. Малиновского, приказал А. И. Антонову сделать представление главе венгерской миссии по этому поводу и продиктовал текст. 14 октября вечером его вручили Габору Фараго. В представлении говорилось:

"Прибывший из Будапешта в Сегед венгерский представитель-парламентер полковник Уташи Лоуренд - абсолютно неосведомленный человек и в силу этого не мог вести переговоров с представителями советского командования по вопросам выполнения венгерским правительством предварительных условий перемирия,

Венгерское правительство просило Советское правительство о прекращении наступления в направлении на Будапешт, с тем чтобы оно могло снять часть своих войск с этого направления и направить их в Будапешт.

Советское правительство выполнило эту просьбу венгерского

правительства. Однако последнее не только не сняло своих войск с реки Тисса для направления в Будапешт, а активизировало действия своих войск, и особенно в районе Сольнока.

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что венгерское правительство, по-видимому, стало на путь невыполнения принятых им на себя предварительных условий перемирия.

В связи с этим Верховное Главнокомандование советских войск требует от венгерского правительства в течение 48 часов с момента получения настоящего представления выполнить взятые на себя обязательства по предварительным условиям перемирия и в первую очередь:

1. Порвать всякие отношения с немцами и начать активные военные действия против их войск.

2. Приступить к отводу венгерских войск с территории Румынии, Югославии и Чехословакии.

3. Таким же путем, через Сегед, к 8.00 16 октября доставить представителям советского командования полные сведения по расположению немецких и венгерских войск и в то же время доложить вышеуказанным советским представителям ход выполнения предварительных условий перемирия.

По уполномочию Верховного Главнокомандования советских войск- заместитель начальника Генштаба Красной Армии генерал армии Антонов. 14 октября 1944 г. 19 часов 25 минут".

На следующий день, видимо поняв бесцельность дальнейших прово-лочек, Хорти обратился к венгерскому народу с воззванием, в котором указал на фактическое подчинение государства фашистской Германии и прямые попытки с ее стороны ликвидировать независимость Венгрии. В воззвании, между прочим, говорилось: "Я получил достоверные сведения о том, что немецкие отряды особого назначения намерены путем насильственного переворота поставить у власти своих людей, а территорию страны превратить в театр арьергардных боев Германской империи".

Хорти заявил о своем решении защитить страну от гитлеровцев. "В связи с этим, - писал он, - я сообщил представителю Германской империи в Венгрии о заключении предварительного соглашения о перемирии с нашими противниками и прекращении с нашей стороны всяких военных действий против них... Я отдал соответствующие указания военному командованию, поэтому воинские части в соответствии с присягой и изданным мной приказом по армии обязаны повиноваться назначенным мною командирам". Эти указания войскам были также датированы 15 октября 1944 г.

Мне не известны подлинные намерения Хорти. Но ясно одно: осуществление разрыва с гитлеровцами он организовал из рук вон плохо, а может быть, только для видимости. Регент не установил необходимых контактов между политическими и военными кругами. Даже преданные ему военные работники не были предупреждены, а в столицу не стянуты верные воинские части.

В то время в Будапеште находилась сильная 24-я танковая дивизия немцев с большим количеством танков типа "тигр". Естественно, что она являлась фактическим хозяином положения в городе. Поэтому, когда Гитлеру стало известно о воззвании Хорти, немедленно были приняты меры. В Будапеште произошел вооруженный путч. Регент был отстранен от власти и объявил недействительным свое воззвание к народу. Затем он попросил убежища в Германии и специальным поездом вместе с семьей уехал в рейх. Во главе венгерского государства поставили единомышленника Гитлера венгерского фашиста Салаши.

"Эти политические мероприятия, проведенные в тылу группы армий,- писал уже упоминавшийся нами Г. Фриснер,- осуществлялись по прямому указанию германского правительства начальником полиции и СС в Будапеште при содействии таких "специалистов", как Скорцени и Бах-Зелевски".

Вместо решения о прекращении борьбы против советских войск на фронт пошел категорический приказ венгерской армии решительно сопротивляться. Оперативное руководство войсками было окончательно изъято из рук венгерского генерального штаба. Все планы теперь разрабатывались и приказы отдавались штабом немецкой группы армии "Юг". Протесты сторонников прекращения военных действий против СССР и его союзников подавлялись силой оружия. Война продолжалась со всей ожесточенностью.

Все это повлияло на командующего 1-й венгерской армией. 16 октября генерал-полковник Бела Миклош с частью штаба перешел на сторону советских войск в полосе обороны 16-й пехотной дивизии венгров, которой командовал генерал-майор Вашвари.

Миклош заявил И. Е. Петрову и Л. З. Мехлису, что его тревожит будущее родины и, как патриот, он не может согласиться с оккупацией Венгрии гитлеровцами, не желает, чтобы венгерский народ своей кровью расплачивался за их интересы.

И. В. Сталин в одном из разговоров с И. Е. Петровым заметил, что было бы неплохо, если бы Миклош отдал приказ своей армии о прекращении военных действий против советских войск и

развертывании борьбы против гитлеровцев. Петров поговорил с венгерским генералом. Миклош задумался: решение повернуть оружие против германских фашистов давалось ему нелегко. Но все-таки он начал работать над приказом и 17 октября показал И. Е. Петрову "Приказ о прекращении военных действий против русской армии и начале борьбы против немецкой армии. В нем было сказано о переговорах Габора Фараго с правительствами СССР, Великобритании и США относительно перемирия, "чтобы как можно скорее покончить с этой несчастной войной и использовать последнюю возможность обеспечения лучшего будущего для народа нашей родины"; о том, что проект соглашения по перемирию предусматривает самостоятельность и независимость Венгрии, причем "ни одна держава не будет вмешиваться в ее внутренние дела". Далее следовало: "Венгерская королевская армия сохраняет свое оружие, с тем что она повернет его против еще находящихся в Венгрии оккупантов и борющихся немецких частей".

Пользуясь правом командующего, Миклош приказывал венгерским войскам немедленно, самое позднее 19 октября в 6 часов утра, прекратить военные действия против советских войск и с этого времени вместе с ними начать войну против гитлеровцев. Войскам, занимающим оборону, приказывалось в тот же день с 10 часов начать отход со своих позиций в определенные пункты. "Все встречаемые в пути немецкие части должны быть уничтожены. В этом нам окажет помощь русская армия. В этот момент, когда решается вопрос, быть или не быть нашей любимой родине, историческую ответственность за пополнение настоящего приказа возлагаю лично на получивших этот мой приказ".

С приказом командующего 1-й венгерской армией через линию фронта были немедленно направлены десять пленных венгерских офицеров. Офицерская и солдатская масса венгерских войск была дезориентирована: она получила обращение Хорти от 15 октября о прекращении борьбы против советских войск, на следующий день - грозный приказ военного командования правительства Салаши сопротивляться во что бы то ни стало, а теперь еще и приказ Миклоша.

В Генштабе терпеливо ждали, какое воздействие окажет приказ Миклоша. Однако наши надежды на перемирие и бескровный выход Венгрии из войны не оправдались. Салаши бросил на позиции все оставшиеся в стране силы. Гитлеровское командование всячески помогало ему. Стремясь добиться большей прочности обороны, оно стало повсеместно включать венгерские части и соединения в состав немецких войск. Некоторые командиры венгерских дивизий и командармы были

смещены. На их место пришли те, кто с большей лояльностью относился к гитлеровскому режиму. Многие немецкие офицеры были "прикомандированы" к венгерским соединениям для выполнения роли политических соглядатаев и доносчиков.

Это принесло известные результаты: оборона противника, в том числе на участках венгерских соединений, осталась устойчивой.

В двадцатых числах октября в Генштабе были получены достоверные данные о карательных мерах Гитлера, предпринятых в Венгрии, о смещении Хорти и приказе венгерской армии оказывать решительное сопротивление советским войскам. Боевые действия свидетельствовали, что венгерские части выполняют приказ своего нового правительства.

20 октября 1944 г. Р. Я. Малиновский прислал для личного вручения Верховному Главнокомандующему горячую просьбу об усилении фронта танками. "Противник, видимо, правильно оценил, что войска 2-го Украинского фронта выходят на очень важное оперативно-стратегическое направление, бросил в бой против фронта восемь танковых дивизий... Фронту предстоят впереди упорные бои. Противник легко не сдаст Венгрию, т. к. это его самое уязвимое место, а венгры продолжают под руководством Салаши упорно драться..." - писал командующий.

Одновременно он докладывал, что враг потерял в последних боях до 400 танковых единиц, но и мы лишились 300 танков.

Все это означало, что ждать перемирия более не приходится. О том, что приказ Миклоша не оказал достаточного воздействия на противника, мы доложили Верховному Главнокомандующему 24 октября, и в тот же день вечером на 2-й и 4-й Украинские фронты, а также С. К. Тимошенко пошла директива: "В связи с тем, что венгерские войска не прекращают боевых действий против наших войск и продолжают держать единый фронт с немцами, Ставка ВГК приказывает: действовать на поле боя против венгерских войск так, как и против немецких..."

Теперь, после Дебреценской операции, наступательные действия наших фронтов направлялись непосредственно против группировки немецко-фашистских и венгерских войск, оборонявшейся в районе Будапешта. Разгром противника здесь открывал путь к Вене и создавал предпосылки организации последующих операций в Чехословакии и самой Германии.

Для наступления в районе Будапешта предназначались войска 4-го и 2-го Украинских фронтов. Затем пришлось привлечь и 3-й Украинский. Сил, казалось бы, должно было хватить с избытком. Но обстановка показала, что сюда могут быть переброшены резервы противника из глубины Германии, войска

из Италии, с Балкан и даже с запада. Мы ожидали, что размеры группировки немецко-фашистских войск будут возрастать и Венгрия может стать ареной ожесточенной борьбы.

Гитлеровское командование и салашисты создали в районе венгерской столицы мощные оборонительные рубежи, которые широкими полудугами прикрывали Будапешт с востока, упираясь флангами в Дунай. Большой город был подготовлен к длительной осаде. Гитлеровцы сосредоточили здесь основные силы группы армий "Юг" и части венгерских войск, значительные запасы вооружения, боеприпасов, продовольствия, медицинского и другого имущества. Все было сделано для того, чтобы надолго сковать здесь наши силы, не пустить советские войска на границы рейха и на запад.

В Генштабе глубоко изучали вероятный характер и способы действий советских войск в Будапештской операции. Суть наших соображений относительно маневра войск сводилась к тому, чтобы обойти город с севера и юга, нацеливая для фронтального удара минимальные силы. Операция требовала длительной серьезной подготовки, тем более что наступило осеннее ненастье, шли проливные дожди. Авиация почти не действовала. Артиллерию часто приходилось перетаскивать на руках. На размытых дорогах застревал любой транспорт. В этих условиях снабжать фронт всем необходимым было очень нелегко, а совершать перегруппировки и обходные маневры тем более.

Противник же всячески стремился помешать нашему маневру и продвижению вперед. Ему было важно вынудить нас наносить лобовой, наименее перспективный для нас удар, чреватый большими потерями, и вызвать наше наступление с ходу без необходимой подготовки. Такова уж логика войны, когда сталкиваются две силы с диаметрально противоположными целями.

Очень прочной была оборона противника, прикрывавшая Будапешт с востока на рубеже Тиссы. Здесь имелись хорошо подготовленные инженерные сооружения полевого типа, сюда подходили свежие резервы, тут занимали позиции войска, вытесняемые нами из Закарпатья и Трансильвании. Враг упорно цеплялся за выгодную для обороны местность, огрызался контратаками. Особенно яростными они были на стыке 4-го и 2-го Украинских фронтов, где наступали 40-я армия генерала Ф. Ф. Жмаченко и 4-я румынская армия.

Бои были тяжелыми, а результаты их весьма незначительными. Командиры и командующие нервничали. Даже невозмутимого Родиона Яковлевича Малиновского иногда покидало душевное равновесие. Как-то раз командующий 53-й

армией генерал И. М. Манагаров, человек тоже очень спокойного характера, обратился к Малиновскому с просьбой выделить армии в связи с ненастьем дополнительные средства тяги. Комфронта коротко и жестко ответил: "Берите тягу у противника..."

Надежды на то, что у нас будет время обстоятельно подготовиться к операции, не сбылись.

В середине октября в Москву прибыли Черчилль и Иден, а также их политические и военные советники. Они вели переговоры с И. В. Стали-ным, В. М. Молотовым, А. И. Антоновым. В отдельных заседаниях довелось участвовать и мне вместе с другими генералами Генштаба и сотрудниками Наркоминдела.

Доклад о положении на фронтах был поручен А. И. Антонову и готовился, как обычно, в Оперативном управлении Генштаба. Кроме обзора операций на советско-германском фронте в нем рассматривались трудности проведения наступательных действий и говорилось о планах советского командования на будущее.

Накануне первого дня переговоров Верховный Главнокомандующий потребовал доклад на просмотр. "Пусть Штеменко привезет его",- было сказано А. И. Антонову, и я отправился на "ближнюю" дачу. Путь не был длинным, и вскоре машина уже шла по зигзагообразной знакомой мне дороге.

И. В. Сталин был один. Не задавая никаких вопросов, он поздоровался, взял у меня доклад и отправился в кабинет. Набил трубку, раскурил и не торопясь уселся за стол. Пробежал глазами несколько страниц. Текст был рассчитан всего на 25-30 минут с учетом, что Антонову придется не только читать его, но и показывать кое-что на карге.

Я сидел неподалеку в полной готовности, но Сталин, слегка посапывая и покряхтывая, правил доклад, не задавая никаких вопросов.

Дело подходило уже к концу, когда Верховный Главнокомандующий, уткнув красный карандаш в строку, заметил:

- В этом месте, товарищ Штеменко, мы посильнее, чем было в проекте доклада, запишем относительно наших планов. Скажем, что будем стремиться скорее выйти к границам гитлеровской Германии, а для этого предварительно разобьем Венгрию. Здесь, в Венгрии, и будет наш главный интерес. Это вам как оператору знать нужно.

...Переговоры с Черчиллем и Иденом проходили успешно. Повестку дня, предварительно согласованную, выдержали, как всегда, с абсолютной точностью. Были решены многие сложные вопросы, в том числе относительно участия СССР в войне против

Японии. Подробно остановились на событиях в Юго-Восточной Европе.

Уезжая из Москвы, Черчилль высказал удовлетворение результатами встречи и по-своему отреагировал на вставку, сделанную Сталиным в докладе Антонова относительно направления главных усилий Советских Вооруженных Сил на Венгрию. Премьер-министр Великобритании выразил надежду, что англо-американским войскам удастся в самом скором времени продвинуться к люблинскому проходу в Югославии.

Естественно, что мысль, высказанная Черчиллем, была тщательно рассмотрена. Его фраза не могла означать ничего иного, кроме намерения пробраться через Любляну в центр Европы, обойдя с юга неудобные альпийские хребты, и оказаться на венгерской и австрийской земле раньше советских войск. Опять запахло "балканским вариантом", подаваемым под другим соусом. Верховный Главнокомандующий, конечно, сразу заметил это.

Нужно сказать, что чуть позже союзники провели проверку наших намерений. В самом конце октября в Генштаб прибыл представитель верховного командования союзных войск на Средиземноморском театре генерал-лейтенант Гаммель. Он встретился с А. И. Антоновым и попросил его рассказать о планах наших дальнейших действий на Балканах. Одновременно Гаммель хотел получить данные о замыслах командования Народно-освободительной армии Югославии относительно действий к западу от Белграда и ее силах.

А. И. Антонов наотрез отказался сообщить Гаммелю какие-либо сведения о югославских войсках, заметив при этом: "Продвигаться в Югославию мы не предполагаем. Задачу борьбы с немцами к западу от Белграда выполняет армия маршала Тито, и поэтому интересующие вас данные лучше получить у него".

Что же касается советских планов, то Алексей Иннокентьевич подтвердил все сказанное на совещании с Черчиллем и Иденом: "...нашей главной задачей является быстрее вывести из войны Венгрию, и главные наши усилия поэтому будут направлены в этом направлении".

Как и в других странах, перед советскими войсками, вступившими в Венгрию, встали весьма сложные и многогранные политические задачи. Нужно было наладить правильные и справедливые отношения с венгерским населением. Здесь, как и в Румынии, требовалось тонко соблюсти разницу в отношении к трудовому населению страны и политике правящих кругов, втянувших Венгрию в преступную войну на стороне гитлеровской Германии. Венгерские фашисты запугивали население,

распространяя небылицы о советских войсках.

В этой связи Государственный Комитет Обороны 27 октября принял специальное решение о линии поведения советских войск в Венгрии. Он обязал Военный совет 2-го Украинского фронта опубликовать воззвание командования Красной Армии к населению освобожденной территории страны и разъяснить суть освободительной миссии советских воинов, цели и задачи операций наших войск на венгерской земле. Воззвание было немедленно разработано членом Военного совета фронта генералом И. З. Сусайковым и распространено среди венгерского населения.

В воззвании указывалось, что Красная Армия не имеет целью приобретение какой-либо части венгерской территории или изменение существующего общественного строя. Вступление советских войск вызывалось исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением германских войск и военных частей союзной с Германией Венгрии. Единственной целью советских воинов был разгром вражеских германских армий и уничтожение господства гитлеровской Германии в порабощенных ею странах. На венгерской земле не только сохранялась существовавшая там частная собственность граждан, но даже гарантировалась ее охрана советскими военными властями. Продолжали действовать местные органы власти и гражданского самоуправления. В заключение венгерское население призывалось содействовать Красной Армии и тем приблизить час окончания войны.

Директива ГКО и воззвание командования стали основными руководящими документами для военных советов, политических отделов и войск на весь период боевых действий в Венгрии.

Обстановка требовала быстрее развернуть наступление в районе Будапешта: следовало выйти на рубежи, выгодные для удара в сердце гитлеровской Германии; кроме того, взятие города оказало бы большое влияние на положение политических сил в Венгрии.

Обстоятельством, обусловившим ускорение удара на Будапешт, в известной степени были ура-оптимистические доклады Л. З. Мехлиса о разложении и деморализации венгерских войск. Особенно подлила масла в огонь его телеграмма от 28 октября, направленная лично И. В. Сталину:

"Противостоящие нашему фронту части 1-й венгерской армии находятся в процессе разложения и деморализации. Ежедневно войска берут по 1000-1500-2000 и более пленных. 25 октября 1944 г. 18-я армия взяла 2500 пленных, причем сдавались в плен целыми подразделениями... В связи с обходными маневрами

войск фронта многие венгерские части попросту рассыпались, и отдельные группы солдат бродят по лесам, часть с оружием, часть без оружия, некоторые переоделись в гражданское..."

Своими докладами Мехлис сумел подогреть воображение И. В. Сталина. Тот запросил Генштаб, как лучше атаковать Будапешт, чтобы быстрее взять его. Ничего не подозревая, мы ответили, что лучше всего использовать обширный плацдарм, захваченный на левом фланге 2-го Украинского фронта в междуречье Тиссы и Дуная. Здесь не нужно было форсировать реку и противник располагал меньшим количеством войск, чем на других направлениях. Кроме того, выдвинутая сюда 46-я армия была относительно свежей. После прорыва она могла бы свернуть на север оборону противника за Тиссой и тем способствовать прямому удару 7-й гвардейской армии Шумилова и 1-й румынской армии на Будапешт с востока.

И. В. Сталин, обдумав соображения Генштаба, позвонил Р. Я. Малиновскому и потребовал, чтобы 2-й Украинский фронт немедленно овладел Будапештом. Даже А. И. Антонов, без прикрас докладывавший обстановку, не смог доказать Верховному Главнокомандующему, что донесения Л. З. Мехлиса не соответствуют действительности, тем более в районе Будапешта.

Напоминаю этот эпизод в связи с тем, что в нашей специальной литературе не раз говорилось о переходе войск 2-го Украинского фронта в наступление на Будапешт 29 октября 1944 г. без достаточной подготовки и накопления сил. Первым написал об этом Р. Я. Малиновский, который лично получил от И. В. Сталина приказ овладеть столицей Венгрии в самое ближайшее время, "буквально на днях". Командующий просил отвести на выполнение задачи пять дней, но данный ему приказ гласил: "Завтра же перейти в наступление на Будапешт".

Устное распоряжение Верховного Главнокомандующего мы подтвердили директивой Ставки в 22 часа 28 октября 1944 г.

В 14 часов на следующий день 46-я армия генерала И. Т. Шлемина, усиленная 2-м гвардейским механизированным корпусом, пошла вперед. Как вскоре доложил в Ставку маршал С. К. Тимошенко, сильное сопротивление и контратаки противника не позволили армии за день боя продвинуться дальше чем на 4-6 км. Нужно отдать должное Р. Я. Малиновскому: он сделал все возможное для успеха войск, в частности, спешно выдвигал в район боев 4-й гвардейский мехкорпус, переданный из 3-го Украинского фронта.

В последующие четыре дня наступление 46-й армии несколько ускорилось, так как в дело были введены гвардейцы М.

С. Шумилова и 1-я румынская армия. Командованию фронта и армий очень помогли представитель Ставки Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и маршал авиации Г. А. Ворожейкин. Они умело переключили большую часть авиации для действий в полосе игравшей в данный момент главную роль 46-й армии. Летчики наносили удары по боевым порядкам противника, подавляли его огневые точки перед фронтом продвигающихся войск. Краснозвездные самолеты использовались массированно, и враг не успевал организовать серьезное противодействие. К исходу 3 ноября введенные в сражение 4-й и 2-й гвардейские механизированные корпуса В. И. Жданова и К. В. Свиридова находились всего в 10-15 км к югу и юго-востоку от Будапешта.

На этом продвижение советских войск закончилось. Как доложила разведка, противник сумел использовать временную задержку операции 4-го Украинского фронта западнее Ужгорода и под Чопом, чтобы передислоцировать оттуда в полосу 46-й армии три танковые дивизии. Вскоре мы это почувствовали: атаки наших войск на относительно узком фронте за Тиссой получили решительный отпор. Наши удары повторялись, но успеха не принесли. Как оказалось, силы вражеской обороны на этом участке выросли вдвое, и никто не мог поручиться, что они не возрастут еще более: ведь район столицы Венгрии не был изолирован от страны и других участков фронта, а это позволяло врагу подводить сюда резервы.

Обстановка, таким образом, принимала неблагоприятный для нас характер. Относительно узкая полоса наступления советских войск облегчала врагу успешное противодействие, а конфигурация линии фронта давала ему возможность при определенных условиях организовать и нанести контрудар по далеко выдвинутым к Будапешту боевым порядкам механизированных корпусов и частей 46-й армии. Это грозило срывом наших мероприятий, сулило серьезные неприятности для войск.

В Генштабе задумались. Решение на удар за Тиссой было принято лично Верховным Главнокомандующим, и никто не решился бы его отменить или поправить. Но нужно было спасать положение.

Выход мы видели прежде всего в том, чтобы значительно расширить фронт и повысить активность наступления войск Р. Я. Малиновского. Если по решению И. В. Сталина наступление должно было развиваться в основном за счет 46-й армии на левом фланге фронта, то теперь, по соображениям Генштаба, усилить нажим на врага и прорывать его оборону должны были и войска центра фронта. Генштаб, таким образом, не оспаривая сущности

решения Верховного Главнокомандующего, полагал, что на широком фронте врагу будет значительно труднее организовать прочную оборону, чем на узком. Кроме того, широкий фронт наступления открывал перспективу охвата Будапешта не только с помощью войск одного левого фланга фронта (46-я армия), с юго-запада, как мыслилось ранее, но и силами центра - с востока и северо-востока. Двойной охват был бы в данной обстановке более эффективным. Усиление нажима в центре полосы наступления 2-го Украинского фронта помогло бы также армиям И. Е. Петрова преодолеть пробку у Чопа и улучшить условия для их продвижения вперед.

Р. Я. Малиновский с предложениями Генштаба согласился - они совпадали с его взглядами - и сказал, что Военный совет фронта поддержит нас перед Верховным Главнокомандующим.

4 ноября Генеральный штаб доложил о своих соображениях в Ставке. При этом мы сослались и на предложения Военного совета 2-го Украинского фронта, только что доставленные в Москву.

И. В. Сталин не стал возражать. Он приказал дать директиву и ускорить выполнение мероприятий, направленных на охват Будапешта. В директиве говорилось: "...Атака Будапешта на узком фронте силами только двух мехкорпусов с незначительным количеством пехоты может привести к неоправданным потерям и поставить действующие на этом направлении войска под фланговый удар противника с северо-востока".

Поскольку наступление 53-й и 27-й армий, конно-механизированных групп Плиева и Горшкова намечалось командованием фронта только на 10 ноября, Ставка приказала: "Вывести быстрее правое крыло фронта (7 гв., 53, 27 и 40-я армии) на западный берег р. Тисса, с тем чтобы повести наступление широким фронтом и разбить будапештскую группировку противника ударом правого крыла фронта с севера и северо-востока во взаимодействии с ударом левого крыла фронта (46-я армия, 2 и 4 гв. мк) - с юга".

Конно-механизированной группе Плиева приказывалось не позже 7 ноября нанести удар из района Сольнока на север, свернуть оборону противника на Тиссе и вывести за реку правое крыло фронта. Хотя пехоты у Плиева не было, И. В. Сталин поручил эту задачу именно его группе, поскольку других резервов под рукой не имелось.

Под Будапештом вновь разгорелись ожесточенные бои. Войска проявляли высокий героизм, но длительное время не могли добиться решительного успеха. Объяснялось это не только силой обороны противника, но и тем, что у некоторых

командующих объединениями после операций в Румынии возникло, так сказать, головокружение от успехов.

Представитель Ставки маршал С. К. Тимошенко, неотлучно находившийся в войсках, 24 ноября 1944 г. доложил в Ставку:

"2-й Украинский фронт является одним из сильных фронтов, имеющих крупные силы для разгрома противостоящего противника, но, несмотря на это, в последнее время он не имеет успеха.

Основными причинами малоуспешных действий считаю следующие:

1. При относительном преимуществе в силах командование фронта стремится разгромить группировки противника сразу на нескольких направлениях (Мишкольц, Эгер, Хатван).

2. Такое стремление бить противника на всех направлениях приводит к распылению сил и не позволяет создавать необходимого преимущества. Например, главная группировка фронта (27, 53 и 7-я гв. армии), имеющая двадцать четыре стрелковые дивизии, три механизированных и танковый корпуса и два кавкорпуса, распределена так:

а) мишкольское направление - 27-я армия в составе восьми стрелковых дивизий на фронте 50 км;

б) эгерское направление - 53-я армия в составе семи стрелковых дивизий на фронте 45 км;

в) хатванское направление - 7-я гв. армия в составе девяти стрелковых дивизий на фронте 55 км. На этом же направлении действуют три механизированных и танковых корпуса и два кавкорпуса.

Таким образом, стрелковые соединения по армиям и направлениям распределены равномерно; некоторое преимущество имеется только в 7-й гв. армии, так как в ее полосе действует группа Плиева, 2-й и 4-й механизированные корпуса, но как Плиев, так и механизированные корпуса измотаны боями и особого перевеса в силах на фронте Шумилова не дают. Кроме того, эти подвижные группы при прорыве организованной обороны действуют разрозненно, без поддержки достаточного количества артиллерии и взаимодействия с пехотой.

3. Командиры соединений и их штабы несколько избалованы успешными действиями в Румынии и Трансильвании и не организуют по-настоящему взаимодействие родов войск.

В связи с изложенным считаю целесообразным потребовать от командования 2-го Украинского фронта:

1) Пересмотреть ранее принятое решение, с тем чтобы создать группировки, имеющие абсолютное превосходство перед противником, на двух направлениях:

а) Хатван - Балашшадьярмат, считая это направление основным;

б) Мишкольц, считая его вспомогательным..."

Ставка согласилась с мнением своего представителя и 26 ноября потребовала от командующего фронтом создать на главном направлении решительное превосходство сил над противником и сосредоточить здесь артиллерийские дивизии прорыва и танковые соединения. Главное направление действий фронта пролегало в полосе наступления 7-й гвардейской армии, обходившей Будапешт с севера.

Ставка приказала:

"1. Для обеспечения успеха намеченного Вами наступления на участке 7-й гв. армии Шумилова сосредоточить не менее двух артиллерийских дивизий прорыва.

2. Привлечь к наступлению на участке Шумилова 6-ю гв. танковую армию Кравченко. Для усиления 46-й армии с участка 7-й гв. армии перебросить не два, а только один мехкорпус.

3. Группу Плиева использовать для развития наступления вслед за 6-й гв, танковой армией.

4. Уплотнить боевые порядки пехоты 7-й гв. армии, для чего расширить к юго-западу полосу наступления 53-й армии..."

Наступление приказывалось начать не позже 2-3 декабря 1944 г.

На этот раз операции 2-го Украинского фронта под Будапештом должны были проводиться совместно с 3-м Украинским фронтом Ф. И. Толбухина. Напомню, что войска 3-го Украинского фронта в октябре завершили выполнение главных освободительных задач в Югославии и теперь могли быть использованы в Венгрии. Генеральный штаб в начале ноября считал нужным применить этот фронт для разгрома противника в Западной Венгрии, чтобы в последующем он мог наступать совместно с войсками Р. Я. Малиновского на венском направлении.

Во время ноябрьских праздников в Москве побывали несколько командующих, и в их числе Ф. И. Толбухин. Как всегда, перед тем как докладывать Ставке обстановку и предложения об использовании войск фронта, командующий обсуждал эти вопросы в Генштабе. Говорили об общем замысле действий советских войск в районе Будапешта, о перегруппировке фронта в Венгрию и его дальнейших задачах. А. М. Василевский, А. И. Антонов и Оперативное управление Генштаба высказались за окружение и последующее уничтожение противника в районе Будапешта силами двух фронтов. Маршал Толбухин твердо поддержал Генштаб.

Согласилась с нами и Ставка. Однако директиву Федор Иванович просил ему пока не давать, поскольку прежде хотел на месте разобраться в обстановке.

В полосе фронта Ф. И. Толбухина были важные новости. 7-9 ноября войска 57-й армии под командованием М. Н. Шарохина на подручных средствах форсировали Дунай в районах Батины и Апатина. Оба плацдарма быстро расширили и через две недели боев соединили. На этом плацдарме правее 57-й армии закрепилась и 4-я гвардейская армия генерала И. В. Галанина. Таким образом, 3-й Украинский фронт нацелился за Дунай.

В связи с этим Ф. И. Толбухин 10 декабря сообщил, что выводить его войска в Западную Венгрию будет неправильно. Их следует применить для окружения и разгрома будапештской группировки противника. "При создавшейся обстановке,подчеркивал маршал,- считаю целесообразным удар фронта нанести в северном направлении на Комарно, а частью сил - на Дьер. Это даст возможность совместно с левым крылом 2-го Украинского фронта разрезать группировку противника и, уничтожая ее по частям, выйти в Придунайскую долину для дальнейшего наступления на Вену". Он просил включить 46-ю армию в состав его фронта: армия форсировала Дунай юго-восточнее Будапешта и захваченный ею плацдарм на западном берегу реки мог послужить хорошим исходным районом для войск фронта в предстоящей операции.

Всю первую половину декабря под Будапештом шли упорные бои. Войска улучшали свои исходные рубежи, штабы обоих фронтов работали над планами предстоящих операций по окружению противника. 15 декабря 3-й Украинский фронт, а через два дня 2-й Украинский доложили планы операций Ставке. Планы были утверждены, но 3-му Украинскому фронту приказали не отвлекать войска на венское направление.

Согласно планам фронты главными силами окружали Будапешт, действуя в обход: с севера - войска Р. Я. Малиновского, с юго-запада - войска Ф. И. Толбухина. Сомкнуться они должны были на Дунае на участке Эстергом, Несмей. Непосредственно на Будапешт наступали 30-й стрелковый корпус 7-й гвардейской армии, 7-й армейский румынский корпус и 18-й отдельный гвардейский стрелковый корпус. Для отражения попыток деблокировать Будапешт предусматривалось создать внешний фронт окружения. Наступление намечалось начать 20 декабря 1944 г.

Особое внимание Генеральный штаб уделил артиллерийскому обеспечению предстоящей операции. Этого требовал прежде всего характер хорошо подготовленной обороны

противника, насыщенной большим количеством укрытых огневых точек, - прорвать ее без массирования артиллерийского огня было невозможно. Кроме того, в составе вражеской группировки было много танков. По данным разведки того времени, перед войсками Ф. И. Толбухина находилось пять танковых дивизий (три немецкие и две венгерские) и одна моторизованная. Танки противостояли и фронту Р. Я. Малиновского - здесь были, как мы тогда считали, четыре танковые и три моторизованные дивизии. Основным же средством борьбы с танками служила опять-таки наша артиллерия.

Что же касается Будапешта, то Верховный Главнокомандующий требовал создать здесь как можно более высокую плотность артиллерии. На участке прорыва в полосе 7-й гвардейской армии, наступавшей на главном направлении 2-го Украинского фронта, имелось 224 орудия на километр фронта, а на основном направлении 3-го Украинского фронта средняя плотность артиллерии составляла 170 стволов на километр фронта.

20 декабря 1944 г. оба фронта перешли в наступление. В первой книге своих воспоминаний я писал об ошибке гитлеровского командования, которое, начиная летнюю кампанию 1944 г., полагало, что главный удар Красная Армия нанесет на юго-западном направлении. Видимо, и сейчас, в преддверии 1945 г., гитлеровцы не отказались от этого заблуждения, тем более что на западном направлении советские войска стояли в обороне. Поэтому противник резко увеличил численность войск и количество танков на внешнем фронте окружения Будапешта. Очевидно, он делал ставку на маневренные формы боевых действий, не собирался оставлять западные районы Венгрии и намеревался деблокировать свои попавшие в котел войска. Нужно было ждать сильных контрударов. С попыткой нанести их мы встретились уже на следующий день наступления, 21 декабря, в полосе действий 7-й гвардейской армии генерала М. С. Шумилова и танкистов генерала А. Г. Кравченко - в районе Немце, Сакалош, Шахты. Противник стремился здесь отрезать и разгромить наши части, но сам попал под удары во фланг и тыл и был отброшен с тяжелыми потерями.

В полосе наступления 3-го Украинского фронта враг тоже подготовил контрудар, опираясь на укрепленную линию "Маргарита", но просчитался во времени, и его намерения были сорваны в момент сосредоточения сил контрударной группировки. Об этом свидетельствовали две карты 2-й танковой дивизии немцев, захваченные 22 декабря 1944 г. в районе

Секешфехервара войсками 3-го Украинского фронта. Они о многом рассказали опытному штабу. Ф. И. Толбухин доложил тогда в Генеральный штаб: "На одной из них (имеются в виду карты.- С. Ш.) нанесена кодировка большого количества населенных пунктов на нашей территории к юго-востоку от озера Балатон. На другой карте показано расположение штабов 3-го и 57-го танковых корпусов, штабов и частей 1, 3, 6, 23-й танковых дивизий и 130-го танкового полка РГК. Все это наглядно подтверждает, что немцы готовились к активным действиям к востоку от озера Балатон". Как стало известно позже, здесь были, кроме того, 8-я танковая дивизия и отдельные батальоны танков.

Генштаб разделял мнение Военного совета фронта. Доложили Верховному Главнокомандующему. Тот приказал предупредить фронт о необходимости соблюдать особую бдительность и постоянную готовность к отражению контрмероприятий противника. Действительно, немецко-фашистские и салашистские войска ежедневно по многу раз переходили в контратаку. Борьба была ожесточенной, войска рвали оборону врага, теряя много крови. Через шесть суток непрерывных боев 2-й и 3-й Украинские фронты вышли навстречу друг другу на Дунае в районе Эстергома и плотно окружили Будапешт. В окружение попало почти 190 тыс. солдат и офицеров противника. Тогда же был создан внешний фронт - как увидим, это оказалось крайне необходимым.

Главные события были, однако, впереди. Удары наших войск, выделенных для атаки Будапешта, противник отбил. Он продолжал совершенствовать оборону в самом городе и в прилегающем к нему районе. Здесь к 1 января 1945 г. сосредоточились 13 танковых, 2 моторизованные дивизии и мотобригада. Такой плотности танковых войск, по словам самого противника, никогда еще не было на восточном фронте. Мероприятия проводились под руководством нового командующего группой армий "Юг" - генерала Велера, назначенного вместо отстраненного от дел Фриснера.

В районе Будапешта тогда столкнулись не только две мощные военные группировки противостоящих сторон. Противник превращал прекрасную столицу Венгрии в окоп для обороны, не считаясь с историческими ценностями города, богатейшими памятниками культуры и искусства, с жизнью людей. Советское командование стремилось избежать ненужного кровопролития, сохранить для венгерского народа все то, что было создано руками замечательных мастеров прошлого. 29 декабря противнику, окруженному в Будапеште, были направлены ультиматумы командования 2-го и 3-го Украинских фронтов, предусматривавшие гуманные условия капитуляции. Венгерским

генералам, офицерам и солдатам гарантировалось, например, немедленное возвращение домой. Но парламентер 2-го Украинского фронта капитан М. Штейнмец был встречен огнем и убит, а парламентеру 3-го Украинского фронта капитану И. А. Остапенко от-ветили отказом капитулировать и при возвращении выстрелили в спину. Так было совершено подлое убийство советских парламентеров, которые несли спасение многим тысячам людей, находившимся в осажденном городе, спасение памятникам культуры.

В ночь на 2 января 1945 г. гитлеровское командование начало активные действия против советских войск на внешнем фронте окружения Будапешта. Почти месяц - до 26 января - наши воины отражали яростные удары танковых полчищ, стремившихся освободить окруженную в Будапеште группировку. Борьба изобиловала драматическими моментами, но советский солдат устоял. Его сила, мужество и стойкость обусловили провал замысла гитлеровского командования. Высокое военное искусство проявили в эти дни наши командующие, командиры и штабы. Они не позволили врагу добиться победы, хотя войска 3-го Украинского фронта и попадали порой в чрезвычайную обстановку. Так было, например, 20 января, когда противник, вырвавшись танками на Дунай в районе Дунапентеле, на какой-то момент расчленил войска фронта. Переброшенные на этот участок самоходно-артиллерийские полки встречными ударами с севера и юга ликвидировали опасность.

Разгром противника, окруженного в Будапеште, происходил уже при первых признаках зарождения новой Венгрии. В Генеральном штабе Красной Армии знали, например, о действиях венгерских партизанских групп в разных районах страны, особенно шахтерских. В Генштабе не преувеличивали военного значения этих действий, но в то же время хорошо понимали огромную силу их влияния на народ. Партизанские группы свидетельствовали о таившихся в народе гневе и ненависти к гитлеровскому режиму. Наибольшее внимание, конечно, привлекала к себе работа Коммунистической партии Венгрии, которая являлась инициатором и вдохновителем борьбы за возрождение национальной независимости страны на демократических основах. Мы знали, что еще летом 1944 г. по инициативе венгерских коммунистов был создан единый центральный орган движения Сопротивления - "Венгерский фронт". В сентябре того же года среди венгерского населения появилось воззвание компартии об освободительной миссии советских воинов. Компартия призывала к совместной с Советским Союзом борьбе за изгнание германских империалистов

и разгром венгерской реакции, за мир, независимую, свободную, демократическую Венгрию. В ноябре 1944 г. возник Комитет национального освобождения Венгрии, который начал подготовку восстания в Будапеште. Под руководством созданного Коммунистической партией военного комитета партизанские группы в Уйпеште, Кишпеште и других районах Будапешта проводили успешные взрывы военных складов, уничтожали нацистских солдат и офицеров, разрушали железнодорожные пути. 1 декабря 1944 г. взлетел на воздух будапештский городской театр, где проходило собрание венгерских фашистов. Мы знали о многих случаях, когда венгерские жители, рискуя жизнью, спасали советских воинов...

Крупной вехой в истории возрождаемого из руин государства явился созыв в освобожденном Дебрецене Временного национального собрания Венгрии. Это было результатом работы венгерской компартии, которая стремилась объединить демократические силы страны на основе разработанной ею "Программы демократического восстановления и подъема Венгрии". Собрание заседало 21-22 декабря 1944 г. и образовало Временное национальное правительство во главе с генерал-полковником Бела Миклошем.

Состав правительства отражал всю противоречивость обстановки в стране. В него вошли представители компартии, социал-демократов, национально-крестьянской и независимой партии мелких сельских хозяев и, кроме того, представители павшего хортистского режима, в частности уже известные нам генерал Габор Фараго, граф Геза Телеки и гбнерал-полковник Янош Вёрёш.

Временное национальное собрание предопределило последующие действия правительства Миклоша. Первым его актом было решение о разрыве с гитлеровской Германией и объявлении ей войны. Затем последовало обращение к правительствам союзных государств, с которыми Венгрия находилась в состоянии войны, относительно перемирия.

Заключение перемирия, как центральная задача Временного национального правительства, было, естественно, связано с участием Венгрии в войне против Германии. В обращении Временного национального собрания к венгерскому народу от 21 декабря 1944 г. говорилось о будущем демократической Венгрии, об освобождении остальной части страны от немецкой оккупации. "Нельзя безучастно смотреть, как русская армия одна освобождает нашу родину от немецкого ига. Мы по-настоящему заслужим права на свободу, на независимость лишь тогда, когда и сами активно всеми силами примем участие в собственном

освобождении: встанем на священную борьбу с немецкими угнетателями за освобождение нашей родины!"

Временное национальное собрание особо обращалось к солдатам:

"Гонведы! Для вас нет иного приказа, кроме приказа нации! Временное национальное собрание от имени венгерской нации приказывает: поверните оружие против немецких угнетателей, помогайте Красной Армии - нашей освободительнице, присоединяйтесь к освободительной борьбе народа, к создаваемым новым национальным вооруженным силам!"

Так новое правительство Венгрии заявило о готовности страны встать плечом к плечу с Объединенными Нациями в войне против гитлеровской Германии.

Венгерское правительство просило предоставить ему некоторое время, чтобы выяснить свои возможности в отношении создания новой армии. Затем оно обязалось сформировать не менее восьми дивизий. Советский Союз, США и Англия согласились с этим, и 9 января 1945 г. генерал-полковник Ф. Ф. Кузнецов встретился с генералом Яношем Вёрёшем - военным министром Временного национального правительства Венгрии. Генерал-полковник Янош Вёрёш, бывший начальник генерального штаба Венгрии, после салашистского путча и государственного переворота перешел на нашу сторону.

Военный министр заверил представителя СССР, что венгерское правительство считает нужным активно включиться в борьбу против гитлеровской Германии на стороне Объединенных Наций. Однако создание армии он сразу же поставил в зависимость от сроков, в какие Венгрии будут переданы солдаты и офицеры, попавшие в русский плен. Вёрёш полагал, что пленных выгоднее всего использовать в новой венгерской армии, поскольку они одеты и обуты, что, по его словам, очень облегчило бы организацию войск.

Вёрёш был уверен, что в армию придет много добровольцев. Одни из них старые резервисты с военной подготовкой, другие, более молодые, нуждаются в обучении. Он сообщил о полученной им в дни работы национального собрания подробной информации от представителей с мест о том, что народ готов с оружием в руках отплатить гитлеровским оккупантам за все их злодеяния. Вёрёш просил как можно скорее передать в распоряжение военного министерства Венгрии офицеров и унтер-офицеров, находящихся в русском плену, чтобы создать костяк, на котором можно было бы наращивать армию. Нужно это было и для того, чтобы произвести чистку офицерского состава от "швабских", как выразился министр, элементов. Он просил также

снабдить армию захваченным немецким оружием и снаряжением, поскольку личный состав венгерских войск был обучен обращению именно с ним. Вёрёш просил, чтобы снабжение венгерской армии взяло на себя советское командование, обладавшее необходимыми средствами и налаженной системой тыла.

Ф. Ф. Кузнецов сообщил военному министру Венгрии, что Советское правительство уже разрешило сформировать одну венгерскую дивизию - указания об этом даны маршалу Малиновскому, а также заверил, что военная помощь Венгрии будет оказана. Относительно выбора структуры венгерских дивизий советский представитель не дал никакого совета, поскольку это было делом самих венгров. "Какая вам угодна,- сказал Федор Федотович,- такую и принимайте". Он подчеркнул, что создавать армию должны сами венгры и тут многое зависит от того, насколько успешно будет проведено формирование первой дивизии.

"Я гарантирую,- ответил Вёрёш,- что в армию будет внесен демократизм, новый дух, и дружба и взаимодействие русских и венгерских частей окрепнут в боях - ведь дружба и взаимодействие рождаются не за столом, а на поле боя". Нельзя было не согласиться с этим, и наш представитель счел нужным лишь подчеркнуть, что слова должны подкрепляться делами.

Нужно отметить, однако, что дел не последовало. Миклош Вёрёш и другие члены правительства из бывшего окружения Хорти всячески срывали формирование армии новой Венгрии. Им удалось затянуть сроки создания боеспособных дивизий. Только одна из них была направлена на фронт, но уже не успела принять участие в боевых действиях.

Кроме этого, так сказать, официального направления военного строительства новой Венгрии, оказавшегося волею судьбы в руках бывших сотрудников Хорти, на полях сражений рождалось подлинно демократическое направление в форме боевого содружества советских воинов и венгерских бойцов-добровольцев. Это содружество проявилось в ходе боевых действий при ликвидации окруженного в Будапеште противника в феврале 1945 г.

Война делала свое дело. Рядовые венгры, оказавшиеся в составе гитлеровских войск в Будапеште, не хотели воевать за Германию и только под угрозой полевого суда и физической расправы продолжали вести оборонительные бои совместно с немецко-фашистскими войсками. Однако венгры из высшего и старшего офицерского состава еще верили обещаниям Гитлера прислать в Будапешт подкрепления и прорвать кольцо окружения,

созданное советскими войсками. Противоречие между командным составом и рядовыми воинами венгерской армии должно было разрешиться, и действительно разрешилось, в ходе сражений.

В Будапеште советские войска шаг за шагом приближались к Вару (крепость) центральной части Буды, куда постепенно перемещался центр сопротивления противника. 8 февраля командующий гарнизоном Будапешта немецкий генерал Пфеффер-Вилленбрух приказал венгерским частям сосредоточиться в течение ближайших суток на территории Вара и здесь продолжать сопротивление. Приказ этот был воспринят по-разному. Офицеры стремились выполнить его, а рядовые солдаты решили вопрос по-своему: многие вместо того, чтобы направиться в Вар, рассеялись по городу.

Подавляющее большинство солдат хотело сдаться в плен и тем закончить для себя войну, а некоторые твердо решили сражаться, но теперь уже против гитлеровцев. Переходить на сторону советских войск их побуждали различные причины, но главными были антигитлеровские настроения, стремление расплатиться с немецкими оккупантами за все их злодеяния в отношении Венгрии и венгерских солдат. Многие пленные рассказывали, с каким презрением относились гитлеровцы к своему союзнику, лишали венгерских солдат последнего куска хлеба.

Количество пленных венгров на 2-м Украинском фронте росло с каждым днем и уже перевалило за многие тысячи. Поскольку пленные неоднократно заявляли о желании сражаться против гитлеровцев, в составе некоторых наших частей были сформированы группы венгерских добровольцев, которым дали возможность проявить себя в бою. Опыт оправдался: добровольцы воевали храбро и умело.

После этого в различных соединениях воюющих в Будапеште советских войск стали создаваться стрелковые роты мадьярских солдат-добровольцев. Такие роты были в 83-й бригаде морской пехоты, 108-й гвардейской, 180, 297, 320-й и других стрелковых дивизиях. Затем эти роты кое-где свели в отряды. В частности, в 320-й стрелковой дивизии весь командный состав такого отряда был укомплектован из венгров; командовал им обер-лейтенант Вереб.

Нужно сказать, что русская манера работы с солдатом в период формирования подразделений пришлась по душе венграм. Как известно, солдата прежде всего кормили, а потом отправляли в баню. Затем чистому, обмундированному и довольному человеку старшина на складе выдавал вооружение.

Исстрадавшиеся в боях венгерские солдаты, по многу дней не получавшие продовольствия и только улыбавшиеся при вопросе о том, когда они мылись в бане, охотно приняли русский порядок и не раз его хвалили.

Боевая обстановка вынуждала быстро вводить готовые подразделения в бой. Но наше командование, если было возможно, стремилось торжественно отмечать это событие, отправляя на передний край пополнение, в том числе и венгерских добровольцев, под духовой оркестр.

Первые же бои венгерских подразделений 8 и 9 февраля показали, что слово добровольцев не расходится с делом. Начальник политотдела 320-й стрелковой дивизии доносил, например: "Первый добровольческий мадьярский отряд под командованием обер-лейтенанта Вереба в течение двух дней действовал хорошо. Поставленные командованием задачи выполнил. Рота очистила от немцев 5 кварталов, истребила до 30 солдат противника. Взято в плен 15 солдат, захвачены трофеи..." На руинах Будапешта в совместной борьбе против гитлеровцев рождалось боевое братство.

Пришли сведения из 83-й бригады морской пехоты, где тоже воевали роты венгерских добровольцев. Командование бригады доложило, что оборона противника была успешно прорвана. Взятые при этом в плен 80 солдат-венгров присоединились к действующей роте венгерской добровольческой армии. В последующие дни продолжали прибывать новые данные об успешных действиях венгерских подразделений, вместе с советскими войсками сражавшихся в Будапеште.

Незадолго до падения Будапешта, когда противник готовился к последней отчаянной попытке прорваться из кольца окружения, роты венгерских добровольцев стали сводить в батальоны - по четыре в каждом.

11 февраля на сторону советских войск перешел вместе со своим штабом и остатками полка - 300 человек - командир 6-го пехотного полка 10-й пехотной дивизии венгров подполковник-витязь Оскар Варихази. Он родился в Будапеште в семье унтер-офицера сверхсрочной службы австро-венгерской армии. Мать его была портнихой. Варихази воевал еще в первую мировую войну. В 1919 г. был в рядах Красной армии Венгрии. После подавления Венгерской советской республики Варихази уволили из вооруженных сил и лишь впоследствии вновь призвали в армию.

В ходе войны Оскар Варихази многому научился, особенно на советско-германском фронте. За антигитлеровские настроения ему грозил суд, которого он избежал только вследствие болезни. В октябре 1944 г., будучи командиром 18-го пехотного полка 1-й

армии, Варихази не принес присяги режиму Салаши и лишился должности. Однако во время боевых действий в Буде обстановка сложилась так, что ему поручили командование сохранившимися силами 6-го пехотного полка. С ними Варихази и перешел на сторону Красной Армии. Остатки 6-го пехотного полка послужили ядром для формирования полнокровной части венгерских добровольцев, известной в военной истории как Будайский добровольческий венгерский полк. Численность его достигала двух с половиной тысяч человек. Полк хорошо воевал против окруженной в Буде группировки противника в районе Южного вокзала, горы Гелерт и Вара, Здесь в совместном бою против гитлеровцев сошлись тогда советские, румынские и венгерские воины. Здесь окрепла их боевая дружба.

Штурм Будапешта продолжался до 13 февраля. В этот день был завершен разгром противника, оборонявшегося с крайним ожесточением.

После окончания боевых действий в Будапеште в Будайском полку было пять батальонов, насчитывавших 2534 человека, среди них почти 1200 артиллеристов, около 400 стрелков-пехотинцев, свыше 100 танкистов, более 300 связистов, а также саперы и другие специалисты.

Ликвидация противника в Будапеште, казалось бы, открывала благоприятные перспективы для проведения наступательных операций на венском направлении. Захватив территорию Австрии и ее столицу, наши войска лишили бы врага важной военно-промышленной базы и вышли к другому военно-промышленному району Пражскому. В этом случае возможности производства вооружения у противника были бы серьезно подорваны. Захват Пражского промышленного района имел, кроме того, и политическое значение: Чехословакия являлась нашей союзницей.

Наступление на венском направлении было весьма важно и для оказания помощи войскам, нацеленным на Берлин с востока,- оно создавало угрозу противнику с юга. Ставка и Генеральный штаб направляли и согласовывали действия фронтов так, чтобы обеспечить внезапность наших ударов, поставить противника в трудное оперативное положение, заставить его распылять силы и применять невыгодные способы военных действий.

В феврале 1945 г. Ставка и Генеральный штаб уделяли особое внимание взаимодействию западного и юго-западного направлений. Напомню, что, выйдя на Одер, войска 1-го Белорусского фронта вынуждены были остановиться и начать Восточно-Померанскую операцию, чтобы ликвидировать угрозу, нависшую с севера. Теперь надо было ускорить наступление на венском направлении. Тому благоприятствовали успешные

операции 4-го Украинского фронта в Прикарпатской Польше и в Закарпатье. Поэтому уже 17 февраля - через три дня после взятия Будапешта - Ставка отдала 2-му и 3-му Украинским фронтам директивы на подготовку и проведение Венской наступательной операции. Главная роль в ней отводилась войскам Р. Я. Малиновского. Основные силы их должны были наступать севернее Дуная, где противник, как утверждали разведчики, не имел танков, а его оборона опиралась в основном на пехоту. Войскам Ф. И. Толбухина, действовавшим южнее, противостояло, по данным разведки, семь танковых дивизий. Этим войскам первоначально ставилась скромная задача: содействовать своему соседу справа - 2-му Украинскому фронту. В составе фронтов производились некоторые изменения за счет взаимной передачи войск. В распоряжение Р. Я. Малиновского (в район Сольнока) направлялась из резерва Ставки сильная 9-я гвардейская армия генерала В. В. Глаголева. 1-я болгарская армия, подчиненная Ф. И. Толбухину, получила задачу обеспечить операцию фронта с юга, действуя вдоль северного берега Дравы.

Начало наступления намечалось на 15 марта.

Как всегда бывает на войне, противник пытался по-своему направить ход военных действий, создать выгодный для себя перелом в обстановке, разгромить советские войска в Венгрии, отбросить их за Дунай и не допустить к южным границам Германии.

В тот день, когда указания Ставки пошли в войска, немецко-фашистское командование двинуло в полосе войск Р. Я. Малиновского крупные силы танков. Удар направлялся из района Комарно вдоль северного берега Дуная против 7-й гвардейской армии генерала М. С. Шумилова, занимавшей очень важный для предстоящего наступления на Вену оперативный плацдарм к западу от реки Грон. Гвардейцы упорно сопротивлялись несколько дней, но враг все же вынудил их отойти на восточный берег Грона.

В ходе боев удалось установить, что под Комарно действует один из танковых корпусов 6-й танковой армии СС, воевавшей до этого на западе и известной как лучшее ударное объединение гитлеровских войск. Командовал ею генерал Дитрих Зепп - фаворит самого фюрера. Вооружение этой армии составляли тяжелые танки "пантера", "тигр" и "королевский тигр".

Появление 6-й танковой армии СС на нашем фронте было весьма серьезным новым элементом обстановки. Никто не ожидал ее здесь, поскольку наши союзники специально предупредили Ставку, что эта армия находится на западном фронте. Очевидно, перегруппировка армии на восток была связана с каким-то особо

важным замыслом противника. Так мы и расценили полученные тогда со 2-го Украинского фронта разведывательные сведения, но до поры до времени не могли выяснить, какие цели преследовало гитлеровское командование.

Применив лишь часть сил 6-й танковой армии СС против войск генерала М. С. Шумилова, враг поступил опрометчиво. Правда, он лишил нас выгодного исходного рубежа для наступления на Вену, каким был плацдарм за Гроном, но зато сам потерял наиболее важный фактор успеха - внезапность. Наше внимание было привлечено к танковой армаде, а это в конечном счете позволило определить намерения и замыслы немецкого командования. Советская разведка, применяя различные способы, неустанно добывала новые сведения о противнике.

Целеустремленная разведывательная работа дала возможность постепенно выявить, что юго-западнее Будапешта в районе озера Балатон сосредоточена очень крупная группировка немецких сил и средств, ядром которых были танки. Здесь, как стало известно в последующем, находилась 31 дивизия (из них 11 танковых) и некоторые другие войска. Общая численность их превышала 430 тыс. солдат и офицеров. На вооружении их было почти 900 танков и штурмовых орудий, свыше 5600 орудий и минометов, 850 самолетов. Такая сильная вражеская группировка могла быть сосредоточена и предназначена, вероятнее всего, для контрнаступления.

Ставка сразу же приказала Генштабу предупредить войска и внимательно следить за противником. Но подготовка к наступлению на Вену продолжалась полным ходом.

Постепенно был вскрыт и замысел врага. На карте разведчиков пролегли вероятные направления его ударов. Главный - с рубежа межозерья Веленце и Балатона на юго-восток, чтобы рассечь войска 3-го Украинского фронта и выйти к Дунаю по кратчайшему пути (30 км). Здесь ожидалось наступление основных сил 6-й танковой армии СС и 6-й полевой армии. Противостояла врагу 26-я армия генерала Н. А. Гагена. Вспомогательные удары предполагались: один - из района Надьканижи на восток силами 2-й танковой армии с целью разгрома 57-й армии генерала М. Н. Шарохина; другой - частью сил группы армий "Ф" с южного берега Дуная против 1-й болгарской армии генерала В. Стойчева. Направления вспомогательных ударов сходились с направлением главного удара в районе Сексарда.

Теперь вопрос о том, какие цели мог преследовать противник, постепенно прояснялся. После потери Будапешта наиболее очевидным было стремление гитлеровского командования

удержать за собой последние крупные нефтяные промыслы Венгрии и сохранить Венский промышленный район, откуда пока еще поступало различное вооружение, в том числе танки, самолеты, боеприпасы. Не исключалось также, что фашистская Германия перенесет центр сопротивления в горные районы Австрии и Чехословакии. Эта территория была наиболее удобной для обороны. Кроме того, если сопротивление окажется невозможным, капитулировать здесь удастся перед англо-американцами, а не перед Красной Армией. Сосредоточение 6-й танковой армии в районе Балатона могло служить всем этим целям.

По всему было видно, что войскам 3-го Украинского фронта предстоят большие испытания, и к ним тщательно готовились. Ставка приказала создать глубокую оборону, особенно сильную в противотанковом отношении. К началу активных действий противника в составе 3-го Украинского фронта было около 400 тыс. солдат и офицеров, 400 танков и самоходно-артиллерийских установок, почти 7 тыс. орудий и минометов, свыше 950 самолетов. Таким образом, при равенстве в численном составе противник обладал более чем двойным превосходством в танках и штурмовых орудиях, но уступал нам в артиллерии и авиации. Все это позволило Ставке с уверенностью принять решение на оборонительную операцию.

Ф. И. Толбухин значительную часть времени проводил в войсках: проверял подготовку к оборонительным боям и последующему незамедлительному переходу в наступление. Побывал он на левом фланге фронта, где ожидались оба вспомогательных удара противника, а на нашей стороне собрался подлинный "интернационал" - здесь действовали советские, болгарские и - южнее Дравы югославские воины. Командующий собрал в городе Сигетвар совещание командармов 57-й советской, 1-й болгарской и 3-й югославской армий, на котором было всесторонне рассмотрено взаимодействие в предстоящей операции.

6 марта началось ожидаемое нами контрнаступление противника, особенно мощное на главном направлении. Бои не прекращались в течение девяти дней и носили крайне ожесточенный характер. Хотя гитлеровские войска и обладали весьма значительными силами, вырваться к Дунаю они так и не смогли, несмотря на то что порой вводили в бой до 450 танков на одном участке фронта.

Балатонское оборонительное сражение стало еще одним примером величайшего мужества, несгибаемой стойкости и геройства советских воинов. В ходе обороны за два дня - 6 и 7

марта - враг потерял почти 100 танков и штурмовых орудий, а за все время сражения (6-15 марта) - почти 500! Массовый героизм солдат и офицеров 3-го Украинского фронта развеял последние надежды гитлеровского командования восстановить положение в центре Европы. Наша победа содействовала также англо-американским войскам в Италии и помогла довершить разгром оккупантов в братской Югославии.

Твердая уверенность в том, что контрнаступление противника в районе озера Балатон будет отбито, ни на минуту не покидала Генеральный штаб и Ставку. Здесь отчетливо представляли себе, какие тяжелые бои развернулись на западном берегу Дуная и какие чрезвычайные трудности преодолевают советские воины. Ставка усилила в ходе сражения войска 3-го Украинского фронта за счет правого соседа. Но советское Верховное Главнокомандование не снимало с фронтов задачи перейти в решительное наступление после завершения оборонительного сражения. Оно располагало и готовыми к действиям свежими силами.

...Нельзя забыть тревожных мартовских дней 1945 г. Тогда советское стратегическое руководство не раз и не два взвешивало шансы противника при различных вариантах действий войск. Прикидывали возможные условия и исход борьбы, особенно в случае жесткой обороны на правом берегу Дуная, где нашим войскам предстояло удержать плацдарм. Здесь сражение обещало быть особенно трудным и кровопролитным. Обсуждался и другой вариант: отойти с правого берега Дуная на левый, отказаться от плацдарма. В этом случае, прикрывшись широкой водной преградой, можно было гарантировать удержание позиций за рекой.

Но неизбежно возникал вопрос: как действовать дальше? Ведь нужно было кончать войну и обрушить на врага самые чувствительные удары, наступать далее на запад. Вот тут-то и выяснилось, что оборона на правом берегу Дуная значительно выгоднее и перспективнее, чем на левом. Было бы неизмеримо труднее переходить потом в наступление: враг тоже прикрылся бы рекой. И конечно, мы потеряли бы время.

В Ставке и Генштабе оценили все "за" и "против" и остановились на том, что проводить в жизнь следует первый вариант - обороняться на правом берегу Дуная и немедленно после окончания оборонительного сражения переходить в контрнаступление.

К этому вопросу примыкал и второй - о 9-й гвардейской армии генерала В. В. Глаголева.

9 марта Ф. И. Толбухин по телефону обратился в Ставку за

разрешением использовать в оборонительных целях 9-ю гвардейскую армию, только что переданную в состав его фронта. Он спрашивал также, не стоит ли его войскам и в крайнем случае штабу отойти на левый берег Дуная, чтобы не потерять управления.

Мы с А. И. Антоновым были в это время в кабинете Верховного Главнокомандующего. И. В. Сталин выслушал соображения командующего 3-м Украинским фронтом, немного помедлил и ровным голосом сказал примерно следующее:

- Товарищ Толбухин, если вы думаете затянуть войну еще на пять-шесть месяцев, то, конечно, отводите свои войска за Дунай. Там, безусловно, будет потише. Но я сомневаюсь, что вы так думаете. Поэтому обороняться следует на правом берегу реки и вам со штабом надо быть именно там. Уверен, что войска с честью выполнят свои нелегкие задачи. Нужно только хорошо ими руководить.

Затем он высказал мысль о необходимости выбить танки врага еще в ходе оборонительного сражения, сказал, что нельзя давать противнику время закрепиться на достигнутых им рубежах и организовать прочную оборону.

- Следовательно,- рассуждал вслух Верховный Главнокомандующий,- переходить в наступление надо немедленно после того, как враг будет остановлен, и полностью разгромить его. Для этого нужны значительные свежие силы. Они у нас есть - это армия Глаголева. Поблизости находится также 6-я гвардейская танковая армия генерала Кравченко. Пока она подчинена Малиновскому, но, если потребуется, ее можно передать вашему фронту. Сделайте отсюда нужные выводы. Посмотрев на А. И. Антонова, он добавил: - Генштаб на моей стороне.

Ф. И. Толбухин сказал, что приказание понял, и положил трубку.

Генштабу было приказано подтвердить задачи фронтов директивой, что мы и сделали. В директиве говорилось: "Командующему войсками 3-го Украинского фронта в оборонительных боях измотать танковую группировку противника, наступающую из района Секешфехервара, после чего не позже 15-16 марта с. г. правым крылом фронта перейти в наступление с целью разбить противника севернее озера Балатон и развивать удар в общем направлении на Папа, Шопрон. 9-ю гвардейскую армию в оборонительные бои не втягивать, а использовать ее для развития удара и окончательного разгрома противника" (выделено мною.-С. III.).

Командующему 2-м Украинским фронтом приказывалось

севернее Дуная перейти к жесткой обороне, а левым флангом, то есть там, где фронт непосредственно примыкал к ударной группировке войск Ф. И. Толбухина, наступать на Дьер.

Так, говоря в общем виде, Ставка намечала действия, направленные на разгром основных сил противника в районе озера Балатон. Здесь предполагалось заложить основы успеха Венской операции. Заметим, что подготовка операции проходила в условиях продолжающегося тяжелого оборонительного сражения.

Как мы и ожидали, силы врага были окончательно измотаны, и 15 марта он отказался от наступления. Теперь пришел наш час. 16 марта войска Ф. И. Толбухина, усиленные 6-й гвардейской танковой армией из 2-го Украинского фронта, двинулись вперед. Так, без оперативной паузы после оборонительного сражения, началась Венская наступательная операция, в ходе которой были достигнуты весьма крупные результаты.

Одним из них явилось полное освобождение венгерской земли от немецко-фашистских оккупантов. С тех пор день 4 апреля отмечается в народной Венгрии как большой национальный праздник. И так уже повелось, что в этот весенний день люди приносят цветы на братские могилы, где покоится прах более 140 тыс. героев 3-го и 2-го Украинских фронтов, отдавших свою жизнь за свободу и независимость Венгрии.

В этот день люди размышляют не только о военной победе, одержанной на венгерской земле. Они думают о коренном повороте во всей тысячелетней истории Венгрии, о том, что героические победы Красной Армии дали возможность трудящимся страны сбросить ярмо социального и национального угнетения, уничтожить эксплуататорский строй и вывести государство на широкую дорогу национального подъема, материального и духовного процветания.

Глава 8. Слово о штабах

Органы стратегического руководства. - "Мозг армии". - Задачи штаба. -Особенности работы. - Лишний ноль: кто в ответе? - Как разрабатывались и докладывались документы. - Надо уметь убеждать. - Академия артиллерийских наук. - О стиле работы штабов. - Солдат докладывает: противник не тот. - Не отставать от жизни. - Верховный Главнокомандующий на фронте.

Жизнь каждого человека бывает посвящена обычно какому-то одному делу. Полагается выбирать это дело по призванию, на практике же значительно чаще выпадает оно по необходимости. Я - штабник. Вся моя сознательная жизнь прошла среди людей военной профессии, и главным образом на штабной работе, связанной с управлением войсками в военное и мирное время.

Мне, как и людям других профессий, дорого то, с чем я свыкся, чему отдал всю свою жизнь.

Долго я колебался, надо ли выделять в специальную главу это "слово о штабах". Ведь вся книга, по сути, и есть рассказ о делах Генерального и фронтовых штабов в связи с событиями войны... И все-таки решил собрать воедино размышления и впечатления относительно службы штабной, попытаться рассказать читателю о некоторых ее особенностях и значении. Решил еще и потому, что среди читателей найдутся мои молодые коллеги - офицеры штабов и те, кому еще предстоит вступить на эту стезю. Видимо, им будет небезынтересно знать рассуждения человека, отдавшего штабной службе большую часть своей жизни.

Главу писал, памятуя, что за точным определением понятия штаба как органа управления войсками стоит коллектив людей, спаянных любовью к своей Советской Родине и преданностью идеалам коммунизма. У них, однако, разные способности, образование, склонности, по-разному они выражают чувство товарищества, взаимопомощи, отношение к порученному делу.

Многократно приходилось мне выслушивать вопросы относительно того, как же совмещаются и приобретают в штабе прочное единство общие и личные интересы столь различных людей, какие особые требования предъявляются к ним совместной службой, какова лаборатория работы штаба и особенно его оперативных органов как ведущих в штабе.

Чтобы понять основы, порядок службы и подчиненности работника штаба, особенно высшего, нужно иметь представление об управлении войсками и вооруженными силами в целом. Сразу же нужно сказать, что задачи защиты Родины решались под руководством Центрального Комитета партии и Советского правительства. Это понятно, поскольку в годы войны борьба ведется не только на вооруженном фронте и исход ее зависит от усилий всей страны. Армия и флот всегда находятся в руках верховной власти государства. У нас в годы гражданской войны управление войсками и деятельностью страны принадлежало Совету Рабочей и Крестьянской Обороны во главе с В. И. Лениным. В период Великой Отечественной войны вся полнота власти была сосредоточена в Государственном Комитете Обороны, созданном 30 июня 1941 г. ГКО представлял собой коллективный орган руководства страной и армией. Состоял он из членов Политбюро, а председателем его являлся И. В. Сталин - Генеральный секретарь ЦК партии и в то же время Верховный Главнокомандующий.

Следует подчеркнуть, что все принципиальные вопросы руководства страной, ведения войны решались Центральным

Комитетом партии - Политбюро, Оргбюро и Секретариатом, а затем проводились через Президиум Верховного Совета СССР, Совнарком, а также через ГКО и Ставку ВГК. Для оперативного решения военных вопросов созывались совместные совещания членов Политбюро и ГКО, Политбюро и Ставки, а наиболее важные из них обсуждались совместно Политбюро, ГКО и Ставкой.

К области руководства военными действиями не попирался и принцип единоначалия - этот важнейший принцип военного строительства и управления войсками в мирное и военное время. Руководство операциями Вооруженных Сил в высшем звене находилось в руках только Ставки Верховного Главнокомандования. Но поскольку членами Ставки были некоторые члены Политбюро ЦК ВКП (б) и лица высшего военного командования, она, таким образом, являлась коллективным органом верховной военной власти.

Решения Ставки, оформленные документами, подписывались двумя лицами Верховным Главнокомандующим и начальником Генерального штаба, а иногда заместителем Верховного Главнокомандующего. Были документы за подписью только начальника Генерального штаба. В этом случае обычно делалась оговорка "по поручению Ставки". Один Верховный Главнокомандующий оперативные документы, как правило, не подписывал, кроме тех, в которых он резко критиковал кого-либо из лиц высшего военного руководства (Генштабу, мол, неудобно подписывать такую бумагу и обострять отношения; пусть на меня обижаются). Подписывались им единолично только различного рода приказы, главным образом административного характера.

Должен сказать, что Сталин не решал и вообще не любил решать важные вопросы войны единолично. Он хорошо понимал необходимость коллективной работы в этой сложной области, признавал авторитеты по той или иной военной проблеме, считался с их мнением и каждому отдавал должное. В декабре 1943 г. после Тегеранской конференции, когда потребовалось наметить планы действий на будущее, доклад на совместном заседании Политбюро ЦК ВКП (б), ГКО и Ставки относительно хода борьбы на фронтах и ее перспективах делали А. М. Василевский и А. П. Антонов, по вопросам военной экономики докладывал П. А. Вознесенский, а И. В. Сталин взял на себя анализ проблем международного характера.

Высокой степенью организации отличался и сам процесс стратегического руководства. Он являлся чрезвычайно многосторонним, но единым. Это единство складывалось из ряда составных элементов. Главными из них, на наш взгляд, были

определение возможного хода войны и военных действий, т. е. предвидение их развития; разработка решения: определение замысла и плана кампаний и стратегических операций, способов военных действий на данном этапе войны для каждого театра в отдельности; всестороннее материальное и организационное обеспечение решений стратегического руководства, и, наконец, нужно указать на политическую основу стратегического руководства.

Задача разгрома гитлеровских захватчиков, посягнувших на завоевания социализма, на все человечество, диктовала и цели советской стратегии в развернувшейся Великой Отечественной войне. Зависимость стратегии от политики прямо проявилась в целях противоборствующих сторон, в ходе войны и ее результатах. Для антигитлеровской коалиции справедливые, освободительные цели войны сыграли решающую роль в мобилизации сил народа на отпор агрессору, в формировании моральных стимулов и духа войск, столь важных для победы. Советская Ставка так же, как и люди, осуществляющие ее указания на полях сражений, не испытывала никакой "политической перегрузки" стратегии, о которой упоминают некоторые историки{51} на Западе, туманно представляющие себе основы ведения войны любым государством.

Главным органом стратегического руководства, как уже сказано, была Ставка Верховного Главнокомандования (первоначально она именовалась Ставкой Главного Командования), созданная для управления военными действиями. В течение Великой Отечественной войны классической схемой управления была Ставка - фронт, флот, отдельная армия. Но Верховное Главнокомандование было в состоянии переговорить по радио, телеграфу и телефону с любой армией фронта. Особенно просто это делалось после внедрения высокочастотной телефонной связи до армии включительно.

Схема управления усложнялась, когда вводились главные командования. Введенные в начале войны главнокомандования на трех стратегических направлениях не были обеспечены достаточными органами управления и средствами связи. Главным образом поэтому они себя не оправдали и были упразднены. А в 1945 г. в период разгрома Квантунской армии империалистической Японии главнокомандующий на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А. М. Василевский имел сначала группу, а затем небольшой штаб во главе с генералом С. П. Ивановым.

Рабочим органом Ставки являлся Генеральный штаб, о функциях которого подробно говорилось в первой главе. Большое

значение в стратегическом руководстве имели и другие органы. Их назначение не требует особых пояснений.

Политическое руководство Вооруженными Силами ЦК партии осуществлял через свои органы в армии и на флоте - Главное политическое управление Красной Армии и Главное политическое управление Военно-Морского Флота, работающие на правах отделов ЦК, политуправления и политорганы. Летом 1942 г. по решению Политбюро ЦК начальником Главного политического управления Красной Армии был назначен кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК А. С. Щербаков.

Политические управления фронтов и флотов, политотделы армий, флотилий, корпусов, дивизий, бригад всю свою деятельность направляли на всемерное укрепление боевой мощи армии и флота, воспитание высоких моральных качеств у советских воинов.

Резервы и пополнения готовило, в основном. Главное управление формирования и укомплектования войск Красной Армии (Главупраформ). Планы развития своих войск и применения их в операциях готовили штабы командующих видами и родами войск (авиации, ПВО, артиллерии, бронетанковых, инженерных войск, войск связи). Руководство тылом Красной Армии осуществлялось через начальника тыла и его штаб. Деятельностью партизан управляли Центральный штаб, республиканские и областные штабы партизанского движения.

Своеобразную роль, как уже отмечалось, играли представители Ставки. Они направлялись в войска по мере надобности для координации действий фронтов в стратегической операции и контроля за проведением решений Ставки в жизнь. Следует здесь сказать о представителях Ставки по линии родов войск. Обычно они работали в группе общевойсковых начальников, но в отдельных случаях выезжали самостоятельно. Такими представителями назначались П. Н. Воронов, А. А. Новиков, Ф. Я. Фалалеев, Н. Д. Яковлев и другие военачальники.

Эти формы руководства были необходимы и, я бы сказал, неизбежны в условиях военного времени. Нужно было охватить непомерно большое количество столь крупных задач, которые никак не укладывались в рамки индивидуального мышления. Коллективная форма работы имела место на всех ступенях военной иерархии в лице военных советов фронтов и армий, а также в виде разветвленной системы службы штабов.

Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников образно и точно определил роль штабов в названии своего капитального труда "Мозг армии". Штабы восполняют то, что не в состоянии выполнить один командир, а точнее - подготавливают почву для

принятия решения. Затем на основе принятого решения они планируют, объединяют и координируют усилия всех, кто будет нужен для успеха боя, сражения, операции, чьи знания и организаторская деятельность могут быть использованы командованием в интересах решения поставленной задачи. Штаб организует и осуществляет всевозможные мероприятия, направленные на то, чтобы решение командира было полностью проведено в жизнь.

В далеком прошлом были армии, велись войны, а штабов не было. Они появились лишь на той ступени развития военного искусства, когда полководец не мог в одиночку справляться с управлением войсками.

В 1857 году Энгельс писал: "Чтобы дать возможность командующим армиями и армейскими корпусами и командирам дивизий руководить, каждому в пределах его компетенции, вверенными им войсками... создана особая служба, состоящая исключительно из офицеров и называемая штабом"{52}.

Необходимость в сложном штабе появилась еще позднее. Два столетия назад без таких штабов обходились, поскольку массовых армий не было, а исход войны решался в генеральном сражении, когда полководец видел все поле битвы. Снабжение армии осуществлялось с помощью простейших транспортных средств и сводилось к элементарным предметам потребления. Сложные виды связи отсутствовали, конные адъютанты и ординарцы вполне обеспечивали управление боем. В таких условиях штабы не играли присущей им в современных условиях роли и в основном выполняли административные функции. Не случайно история не сохранила имен многих начальников штабов, которые состояли при великих полководцах. Видимо, только специалистам-исследователям известно, что начальником штаба Наполеона был маршал Бертье, обладавший поразительной работоспособностью, феноменальной памятью и особым талантом - превращать общие указания Наполеона в точные параграфы приказов. Наполеон о нем говорил, что Бертье обладал способностью "самые сложные движения армии представлять в докладах ясно и просто". А многие ли знают о начальнике штаба М. И. Кутузова генерале Бенигсене? Он тоже был незаурядным человеком. Правда, о директоре и сейчас знают больше, чем о главном инженере. Но это уже особый вопрос.

Проходили годы, менялись содержание и формы ведения сражений и войны в целом. Армии становились массовыми. Благодаря развитию вооружения и изменению личного состава армий менялись тактика и стратегия, возникло оперативное искусство. Соответственно менялись роль и значение штабов:

постепенно из органов административных они превратились в подлинные органы организации и управления боевыми действиями войск любого масштаба. Во всех современных армиях мира давно уже сложилась стройная организация штабов и существует штабная служба, которой занимаются квалифицированные военные - профессионалы.

В настоящее время штаб проводит необходимую работу по подготовке и организации боя, сражения, операции и войны в целом. Он собирает сведения о противнике, своих войсках, местности, производит расчет времени, учитывает личный состав, вооружение и технику, анализирует полученные данные, делает из них выводы, докладывает их командующему (командиру) и, опираясь на анализ обстановки, предлагает возможный вариант решения. На основе решения, принятого командующим, штаб планирует бой и операцию, разрабатывает все необходимые документы (приказы, директивы, планы и т. п.), представляет их на утверждение и после этого доводит до исполнителей, а затем контролирует исполнение принятых командующим решений. Таким образом, в современных условиях без штаба не будет и полководца, творческая активность которого окажется подавленной потоком мелких текущих забот.

Некоторые отождествляют штаб с вычислительным центром или организацией, похожей на бухгалтерию. Спору нет - расчетов в штабе производится очень много, и ни одному человеку, будь он семи пядей во лбу, с ними не справиться. Но это не механическая работа, а осмысленный и направленный труд, который не по плечу машине. Правда, в настоящее время машины помогают человеку в расчетах, но не думают за него, За редким исключением каждый расчет озарен светом поиска, догадки, гипотезы, он делается с определенной целью что-то выявить, доказать или опровергнуть и совершается весьма целеустремленно большим коллективом опытных и хорошо подготовленных в общем и специальном отношении людей. Только совместное коллективное мышление, тесно и постоянно связанное с военной обстановкой, давало возможность организованно извлечь из потока информации все полезное и нужное для формирования правильного полководческого решения.

Обратимся к конкретным задачам штаба. Они связаны в основном с тем, чтобы постоянно питать ум полководца материалами, необходимыми для принятия решения. Получить, или, как говорят военные, собрать такие материалы, обработать и представить полководцу обязан штаб. Конечно, для этого нужно иметь органы, которые организовали бы сбор, обработку данных

и представили доклад военачальнику. Такие органы в каждом штабе есть, они-то и ведут повседневную, кропотливую, подчас незаметную работу, на которой лавров не заработаешь, а неприятности можешь приобретать каждый день.

На войне, пожалуй, нет того, что не имело бы отношения к штабу. Некоторые виды работы сложились как обязательный и наиболее важный род штабной деятельности. В первую очередь к ним относится разведка, ведение которой есть одна из первых и самых непреложных штабных функций, с тех пор как существуют сами штабы. Разведка ведется непрерывно с первого до последнего дня войны, всегда и всюду - в бою, в походе и на отдыхе, на земле, в воздухе и на воде, в ближайшем и глубоком тылу, ведется всеми возможными путями и средствами наблюдением, засылкой специальных групп и агентуры, подслушиванием, засечкой координат объектов противника, радиоэлектронными и другими средствами, фотографированием и, наконец, боем. Недаром главными требованиями к разведке являются непрерывность ее ведения, своевременность и достоверность. Организуется и ведется разведка в зависимости от возможностей штаба. Чем выше штаб, тем больше сил и средств, разнообразнее способы ведения разведки. Самый высокий штаб организует и ведет разведку всеми силами и средствами, ему доступными.

Но вот разведка организована и действует. Недостатка в донесениях и докладах нет. Но все они, как правило, имеют одну особенность - они как бы фотографируют события: что увидел, услышал, добыл разведчик, то и доложил. А вот выводы о том, какие процессы скрываются за фотографией, что за события и почему отражены на ней, что и как собирается предпринять противник, должен сделать ведущий разведку штаб. А выводы-то эти ох как не просты! Прежде всего полученные разведкой данные нередко противоречивы, порой преувеличены или преуменьшены, а иногда и просто неправильны. Из вороха разведывательных данных после тщательной фильтрации, скрупулезного исследования и анализа отбирается все ценное, достоверное, на основе чего и делаются выводы.

В период битвы за Москву мы знали, например, о противнике достаточно много, чтобы точно определить замысел, характер и направления его действий. Нам была известна степень напряжения сил немецко-фашистских войск на всем фронте их наступления. Поэтому советское Верховное Главнокомандование приняло решение на переход в контрнаступление под Москвой в наиболее подходящий для этого момент. То же было под Сталинградом.

На Курской дуге было несколько иначе. В мае 1943 г. по всем данным нашей разведки выходило, что в этом районе назревало крупнейшее сражение, которое должно было многое решить в ходе войны. В Генеральном штабе шла круглосуточная напряженная работа по анализу донесений разведки. Они, как всегда, не были едины, но постепенно созрело мнение, что противник может перейти в наступление на курском участке советско-германского фронта примерно 10-12 мая. Этот вывод 8 мая доложили Верховному Главнокомандующему и в тот же день предупредили об угрозе войска. Ни у кого тогда не возникло сомнений в достоверности этого вывода. Однако... наступление не состоялось.

Разведка между тем продолжала работать и накапливать данные о подготовке удара немецко-фашистских войск под Курском. Генштаб еще раз сделал вывод о переходе противника в наступление 19-26 мая. Вторично предупредили фронты, и опять вражеская атака не последовала! Снова все перепроверили и снова сделали вывод о наступлении гитлеровских войск, теперь уже 3-6 июля. Войскам пошло предупреждение о сроке возможного перехода противника к активным действиям. Вывод наконец-то подтвердился фактическим ходом событий: враг, как известно, нанес удар с утра 5 июля.

Нужно сказать, что советский Генеральный штаб в данном случае ни разу не допустил ошибки в анализе данных. Противник действительно был готов перейти в наступление и ждал только сигнала. Но Гитлер, от которого зависела подача этого сигнала, не решился ни в первом, ни во втором случае двинуть войска вперед. Перенос времени начала наступления происходил буквально в последние минуты до истечения назначенного срока атаки.

Сопоставление данных, добытых разведкой, давало иной раз совершенно новую картину расположения сил, а следовательно, и намерений противника. Сошлюсь на события марта 1945 г., когда мы вскрыли сосредоточение в районе юго-западнее Будапешта 6-й танковой армии СС. Незадолго до того союзники сообщили нам, что этот мощный ударный кулак противника находится совсем в другом месте. С получением данных своей разведки советское командование сделало правильные выводы об активных намерениях и замыслах врага в районе столицы Венгрии и приняло необходимые меры. В итоге планы немецко-фашистского командования были сорваны.

По этим примерам, а их можно привести десятки, видно, как трудно бывает штабу при анализе предстоящих действий противника, сколь ответственна эта задача и как легко может

возникнуть заблуждение у командования, если штаб представляет ему недостоверные выводы о неприятеле и его замыслах.

При анализе данных разведки можно впасть в ошибку и принять желаемое за действительное. Это тем вероятнее, чем меньше признаков тех или иных намерений противника. Подтверждением тому неудача 11-го танкового корпуса генерала Рудкина под Ковелем в связи с неправильной оценкой действий врага. Или серьезный просчет командования Юго-Западного фронта зимой 1943 г. относительно намерений немецко-фашистских войск. Оказалось, они не бежали к Днепру, как предполагали, а производили перегруппировку, чтобы дать оборонительное сражение и самим перейти в контрнаступление. Выводы о действиях противника были сделаны только на том основании, что были замечены войска, поспешно отходившие в западном направлении. Как видит читатель, этого единственного признака было недостаточно для правильного умозаключения.

В работе разведки иной раз приобретали большое значение на первый взгляд вроде бы случайные эпизоды. Много волнений, например, в период подготовки Курской битвы доставляла нам та часть орловской группировки противника, которая противостояла Западному и Брянскому фронтам. Она могла явиться ближайшим источником пополнения гитлеровских сил для наступления на Курск. До поры до времени не было вскрыто никаких признаков изменений в ее составе, как вдруг назначенный на пост командующего Брянским фронтом генерал М. М. Попов по телефону доложил в Генштаб, что у противника произошла, видимо, какая-то перегруппировка сил. Подробности ему пока не были известны.

Факт перегруппировки был замечен одним из бывалых солдат. Когда командующий прибыл на передний край, чтобы на местности ознакомиться с полосой обороны фронта, и спросил, какой перед ними противник, солдат уверенно доложил, что в настоящее время у немца произошла смена войск.

Командующего заинтересовало такое суждение и одновременно на-сторожило: разведка ничего не сообщала об этой смене. М. М. Попов спросил солдата, почему тот сделал такое предположение.

- Фриц не тот, товарищ генерал,- ответил солдат.- Раньше-то он ходил в рост, стрелял в свое время по назначенным районам, перерывы делал в семь утра и в час дня. Видать, завтракал и обедал. Все чин чином. А этот, по всему заметно, новый - стреляет бестолково, в рост не ходит, а бегом да ползком, все прячется. Перерыв на завтрак и на обед делает в другое время...

Командующий поблагодарил солдата, а затем организовал

сильную разведку на этом участке, которая захватила "языка" из соединения, недавно выдвинутого на передний край. Эта и последующая разведки дали возможность установить, что противник заменил часть своих дивизий, значительно ослабленных в предшествующих боях, и вывел их для пополнения и отдыха в ближайший тыл.

Так наблюдательность и сметка одного бывалого солдата помогли вскрыть тщательно скрываемые намерения противника: то, что он не собирался брать отсюда войска для усиления курского направления.

Одним из самых страшных зол в работе любого офицера штаба, а разведчика тем более, является стремление "угадать" мысли начальника, подтянуть к ним для "подтверждения" свой доклад; и боже упаси - пойти поперек их. На практике это приводит, как правило, к неверной оценке событий, искажению действительности в угоду желательности. В результате - неверное решение, неудача, а то и поражение в бою. Мужественно доложить пусть и горькую правду и иметь свое мнение до принятия решения командиром или командующим - вот истинные качества хорошего штабного офицера. О неприятных фактах, конечно, не легко докладывать, так как докладчик рискует первым испытать неудовольствие или гнев начальника. Но истина должна быть дороже. Желание вызвать у начальника приятные эмоции обычно не служило на пользу делу.

Сбор данных по своим войскам - тоже важная задача штаба. Разумеется, она более легкая, чем делать выводы о противнике. Однако это не техническая работа, и к тому же весьма трудоемкая. Есть здесь, разумеется, и свои особенности.

Дело в том, что командир и его штаб оценивают обстановку и положение войск со своих более или менее узких, местных, что ли, позиций. Они ограничены заданным участком или полосой действий, и выводы относительно событий даются без учета той обстановки, которая известна вышестоящей инстанции. Кроме того, командир, поскольку он несет ответственность за действия своей части или соединения, конечно же стремится к тому, чтобы эти действия выглядели хорошо. Поэтому вольно или невольно он склонен приукрашивать действительность. Штаб должен тонко разбираться во всей сложности объективных и субъективных вопросов и находить истину. Я уже писал, как пострадал начальник штаба фронта, когда не донес в Генштаб о потере крупного населенного пункта, поверив заверениям нижестоящих командиров: выбьем, мол, противника в тот же день. Однако пункта не вернули, и начальник штаба был отстранен от должности.

В годы войны у наших операторов выработалось своеобразное чутье к форме докладов с фронта. Когда доносили, например, что противник "незначительно вклинился в нашу оборону" или, что еще хуже, "незначительно потеснил наши войска", мы уже знали, что надо обязательно проверить такие формулировки и любыми путями установить их точный смысл. На практике бывали случаи, когда на другой день после такого донесения противник оказывался в 10-20 и более километрах от переднего края в глубине нашей обороны. Вот тебе и "незначительно потеснил"! Короче говоря, штаб не должен только собирать бездумно то, что ему дадут, а обязан каждую строчку любого донесения глубоко анализировать и делать выводы.

Вот пример, к чему может привести небрежная работа штабника. Как-то в одном из итоговых донесений за день, полученных с Воронежского фронта, было написано, что в результате успешной контратаки наших войск захвачено 100 орудий противника. Это донесение было принято по телеграфу начальником направления, перепечатано на машинке, заверено и, как положено, сразу представлено в Ставку.

Утром И. В. Сталин по телефону спросил меня:

* Захвачены ли вместе с орудиями снаряды?

* Я не знал. Он сказал:

- Поинтересуйтесь и доложите.

Срочно связался с начальником штаба фронта. Он тоже не знал и обещал немедленно выяснить и позвонить. А время шло. Часа через два Верховный Главнокомандующий позвонил снова и добавил:

- Если есть снаряды, то можно из захваченных фронтом орудий сформировать чуть ли не двадцать батарей. Так или нет?

Подтверждаю, что так. А он спрашивает:

- Не удалось выяснить, сколько снарядов?

- Пока нет,- отвечаю.

Он бросил трубку, явно, чувствую, недовольный.

Опять связался с начальником штаба фронта. На этот раз от него узнаю, что захвачено не 100, а всего 10 орудий, из них 6 разбитых и только 4 исправных; кто донес и почему так произошло - штаб разбирается.

Скандал был налицо. Я немедленно пошел к А. И. Антонову и доложил ему о последнем разговоре с начальником штаба,

- Ну, будет буря,- сказал Алексей Иннокентьевич.- Давайте звонить сами Сталину не станем: лучше доложим лично вечером. А если уж спросит - придется отвечать как есть...

До вечера звонка не было, а при очередном докладе в Кремле Верховный Главнокомандующий сам напомнил об этих

злосчастных орудиях. Как и предполагали, была буря: нам пришлось выслушать в свой адрес и по поводу штабов вообще много разных весьма выразительных слов о безответственности, халатности в работе, ротозействе, головотяпстве, отсутствии контроля... В конце концов А. И. Антонову было приказано лично дело расследовать и о виновных в искажении фактов доложить.

Выяснилось, что в донесении Военного совета фронта было написано 10 орудии, а когда передавали по аппарату Бодо, то телеграфисты цифру исказили и передали 100. Алексей Иннокентьевич доложил об этом и сказал, что приняты строгие меры контроля с целью не допускать впредь таких ошибок. Виновных не назвал.

Сталин посопел трубкой, прошелся вдоль стола с картами и сказал:

- Девчонок с телеграфа надо, конечно, предупредить, чтобы были внимательней... Но что с них возьмешь: они в содержании телеграмм не разбираются. А вот оператор, который принимал донесение, обязан был проверить подлинность цифры. Это же не две пушки, и не каждый день мы захватываем сразу такое количество орудий, а, пожалуй, первый раз с начала войны...

Он долго еще говорил на эту тему, а затем спросил:

- А кто принимал донесение из операторов?

Я ответил, что у аппарата был сам начальник направления.

- Вот его и снять! Назначить на менее ответственную работу, и не в Генштабе...

Выше речь шла лишь об одной стороне деятельности штаба: о сборе данных по положению войск. Но кроме того, нужно точно знать еще их состояние, боеспособность, т. е. численность подразделений, частей, соединений; количество вооружения и техники; обеспеченность другими материальными средствами; наличие и опыт командного состава, обученность и политико-моральное состояние войск. Это тоже очень важная работа.

Надо не только собрать все эти данные, но и провести тщательный их анализ.

Элементы, входящие в оценку обстановки, анализируются на всех ступенях военной организации, начиная от полка и до Генерального штаба. Вместе с тем Генштаб оценивает и другие факторы, только высшему органу присущие. Это прежде всего военно-политическая обстановка в стане противника, у союзников и у себя в стране. Конечно, оценка военно-политической обстановки производилась не перед каждой операцией. Эта категория, за редким исключением, изменяется постепенно, и анализ ее давался по периодам. Необходимые для себя данные Генштаб брал из общей оценки обстановки, которую делал

Центральный Комитет нашей партии. Впервые такая оценка содержалась в докладе о 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и в речи Верховного Главнокомандующего 7 ноября 1941 г. на Красной площади. Обстановка определялась как тяжелая, угрожающая нашей стране. В последующем анализы давались на протяжении Великой Отечественной войны всегда к 1 мая - по итогам зимней кампании и к 7 ноября - за летнюю кампанию. В отдельных случаях подводились итоги решающих операций нескольких фронтов, как было, например, после отражения немецкого наступления на Курской дуге. Оценки обычно фиксировались в выступлениях и приказах Верховного Главнокомандующего и других документах.

На том или ином этапе войны отдельные военно-политические вопросы приобретали особое значение. Таким являлся, например, вопрос о втором фронте. В докладе о 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции ему посвящался целый раздел. В тесной связи с ним стояли практические вопросы планирования наших операций. В 1942 г., в частности, нужно было решить: учитывать или не учитывать обещания англо-американцев открыть второй фронт уже в этом году.

Во всех случаях военно-политического анализа давалась общая и чисто военная оценка успехов сторон. В указанном докладе И. В. Сталина результаты наступления немецко-фашистских войск летом 1942 г. характеризовались как незавершенные ввиду явной нереальности стратегических планов нашего противника. В то же время делался вывод об антигитлеровской коалиции, о ее несомненной победе над врагом.

Читатель уже видел, что очень внимательно учитывалась политическая обстановка внутри тех стран, на территории которых проходили действия Советских Вооруженных Сил. Генеральному штабу приходилось, планируя операции, принимать обстановку во внимание и осуществлять мероприятия, прямо скажем, не совсем обычные.

При планировании предстоящих и уже проводимых военных действий Генеральный штаб обязан был учитывать не только наличные запасы вооружения, техники, горючего и других видов материального снабжения, но и знать возможности промышленности по выпуску военной продукции и в соответствии с этим планировать обеспечение действий войск, предвидеть положение, которое сложится по тем или иным запасам через какое-то время, скажем к концу операции. Для

этого Генштабу следовало иметь данные по экономике с необходимой полнотой. Только тогда можно было наметить перспективу разгрома противника, разработать обоснованную последовательность и определить степень наращивания силы ударов по врагу, создать реальные оперативные планы. Все кампании войны планировались именно так, с открытыми картами экономических возможностей страны.

Приходилось внимательно следить и за ресурсами противника. Это было куда труднее, поскольку точных данных относительно производственных возможностей врага в Советском Союзе не имелось. В силу этого обстоятельства в отдельных случаях возникали ошибки. Так, в ноябре 1941 г. Верховный Главнокомандующий сказал: "Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик - и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений". Но противник, мобилизовавший в своих интересах промышленность и сельское хозяйство покоренных им стран Европы, "лопнул" только после того, как у него вырвали территорию завоеванных государств и загнали его в собственное логово.

Особенно много расчетов требовала подача материальных средств фронтам к началу и в ходе операции. Это были сложные выкладки с большими цифрами. Работать с транспортными данными приходилось особенно осторожно, поскольку военная обстановка до крайности осложняла условия работы транспорта. Главная тяжесть перевозок ложилась на железные дороги, которые в пределах фронтовых тылов были сильно повреждены, а в некоторых случаях уничтожены противником. На восстановление путей, мостов и станций уходило много сил и времени. Поэтому расчеты перевозок не только постоянно подправлялись с учетом преодоления возникающих трудностей, но и порой составлялись заново.

Расчеты перевозок, сделанные, например, перед Белорусской операцией, показывали, что железные дороги в состоянии справиться со своими задачами. Однако практика внесла поправки, и подача на фронты войск и материальных средств стала осуществляться с перебоями. Забили тревогу командующие фронтами и прибывшие к ним представители Ставки. Особенно неблагополучно было дело на 3-м Белорусском фронте, где находился А. М. Василевский. Он информировал Москву о положении с перевозками и дал понять Верховному Главнокомандующему, что все зависит от работы железных дорог. Антонов поддержал Василевского расчетами, которые убедили И. В. Сталина в необходимости подогнать Наркомат путей

сообщения. Это было сделано, но операцию пришлось начать несколько позже намеченного срока.

Наконец, Генеральный штаб всегда рассчитывал возможные потери личного состава, вооружения и техники и заранее предусматривал, как, из каких источников и когда их восполнять. Нельзя воевать без возмещения потерь, в противном случае фронт, армии могут оказаться к концу операции в таком ослабленном состоянии, что не в силах будут удержать завоеванное. Такие случаи были. Например, рывок Юго-Западного фронта Н. Ф. Ватутина зимой 1943 г. к Днепру и последующий отход за Северский Донец; наступление Центрального фронта тогда же в районе Дмитровска-Орловского...

Вместе с расчетами по элементам военной обстановки, складывающейся к началу крупной операции или в ходе ее развития, Генеральный штаб обязательно представлял Ставке и прогнозы на обозримое будущее. Нужно сказать, что Верховный Главнокомандующий (по опыту, видимо, собственных неудач с определением сроков нападения гитлеровской Германии на СССР и своим несбывшимся прогнозом об исчерпании военных ресурсов немецко-фашистского государства) сначала весьма скептически относился к генштабовским соображениям по вероятному развитию событий. Однако, по мере накопления сил и средств, с помощью которых советское стратегическое руководство целеустремленно влияло на ход военных действий, недоверие к предположениям Генштаба, которые всесторонне обосновывались А. М. Василевским, рассеивалось, а затем и полностью исчезло.

Нужно заметить, что во всех случаях Генеральный штаб подходил к оценке обстановки очень гибко и рассматривал каждый ее элемент в совокупности со всеми другими условиями, существующими на театре военных действий. Напомню не имеющий прецедента в истории войн бросок 6-й гвардейской танковой армии А. Г. Кравченко, находившейся в первом эшелоне фронта, через Хинганский хребет в Маньчжурию. Во всех иных условиях обстановки такой вариант действий был бы, вероятно, невозможен. Здесь же он оказался наиболее правильным.

Выводы, сделанные на основе всестороннего анализа и оценки обстановки Генеральным штабом, докладывались Ставке или, что чаще всего бывало, лично Верховному Главнокомандующему. Доклад Генштаба являлся основой для принятия решения. Само собой разумеется, что решение на операцию фронта или группы фронтов после доклада Генштаба еще не считалось окончательным. К обсуждению его привлекались (кроме Генерального штаба) военные советы и штабы фронтов, генералы и офицеры центральных управлений Наркомата обороны, конечно допущенные к планированию операций. Так готовились все крупные операции. Нередко предложения по решению представляли Г. К. Жуков или А. М. Василевский, как правило находившиеся на фронтах. Делали это и военные советы фронтов, причем Ставка всегда внимательно относилась к их предложениям.

Последовательность работы бывала разной. В одном случае предложенный Генштабом вариант решения на операцию предварительно согласовывался в основных его чертах со штабом и командующим войсками фронта. В другом случае фронту ставились общие задачи, на основании которых он готовил план

операции и представлял его на утверждение в Ставку. Когда дело касалось нескольких фронтов, то их командующие с начальниками штабов или оперативных управлений вызывались в Генштаб, совместно отрабатывали варианты решений и проекты директив, а потом также вместе докладывали в Ставке общие предложения.

Перед поворотными моментами в ходе войны в Ставке обязательно проводилось совещание с участием Генерального штаба, представителей Ставки на фронтах, командующих войсками и членов военных советов. Какие бы предложения по решению ни вырабатывались, это всегда был коллективный творческий труд Генерального штаба и руководящего состава фронтов. В целях секретности в разработке плана операций обычно участвовали 2-3 человека от фронта и не больше от Генерального штаба. Предлагаемый Ставке вариант решения докладывался по карте и в любом случае тщательно аргументировался, подкреплялся всякого рода расчетами и затем обсуждался. Если возникали серьезные поправки или отдельные вопросы не были достаточно ясно и полно доложены, Генеральному штабу и представителям фронта давалось время на доработку решения. Затем решение утверждалось Верховным Главнокомандующим.

При выработке решения определялись в первую очередь цель действий войск и задача их в операции, какие формы маневра нужно и можно применить, чтобы добиться наибольшего успеха с наименьшими потерями и в кратчайший срок. Выбор этот не простой, он зависит от сил и положения противника - конфигурации его фронта, расположения резервов в тактической зоне и оперативной глубине, боеспособности войск, от соотношения сил и средств, местности, времени и многих других уже известных читателю условий обстановки.

В одном случае выгодно, сосредоточив предельно возможные силы, нанести удар на одном направлении с целью рассечения фронта противника и быстрого проникновения в его глубину. Так было сделано, например, зимой и весной 1944 г. на юго-западном направлении, где наши Украинские фронты (1, 2 и 3-й) прорвали оборону немецко-фашистских войск и пробились к предгорьям Карпат. Осенью того же года 1-й Прибалтийский фронт, выдвинув на острие атакующего клина 5-ю гвардейскую танковую армию, нанес удар из района Шяуляя в направлении Клайпеды и вырвался к морю. Сам по себе удар не был особенно глубоким. Но он расчленил оборону группы армий "Север" и дал возможность изолировать в Курляндии крупные силы, столь нужные в то время противнику на других участках советско-германского фронта. В

январе 1945 г. Ставка двинула вперед 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты. Они провели Висло-Одерскую операцию и за 16 дней вышли на дальние подступы к Берлину.

В другом случае лучше нанести два удара по сходящимся направлениям, с тем чтобы окружить противника и затем его уничтожить. Таковы были классические Сталинградская операция, "малый Сталинград" под Корсунь-Шевченковским, котлы под Минском, Яссами и Кишиневом, а также ряд других менее значительных окружений, достигнутых путем действий войск по сходящимся направлениям.

В третьем случае планировались два и более ударов, один из которых был главный, а остальные вспомогательные, призванные отвлечь на себя возможно больше сил противника и тем самым способствовать успеху на главном направлении. Типичным образцом такого метода действий в стратегическом плане является кампания 1944 г., причем направление главного удара и район его приложения были различными в зависимости от обстановки.

После того как решение принято, штаб оформляет его в виде приказа или директивы. Общеизвестно, что эти важнейшие документы пишутся обычно с утвержденной карты-решения, которая поэтому должна быть отработана с величайшей тщательностью и необходимой детализацией. В Генштабе, например, на таких картах отображались прежде всего разграничительные линии фронта, исходное положение войск до дивизии включительно, резервы и вторые эшелоны. Обязательно вычерчивалось направление главного и других ударов, если речь шла о наступлении, участки прорыва, ближайшая и дальнейшая задачи войск с указанием времени их выполнения, рубежи и сроки ввода вторых эшелонов. Указывались в основных чертах действия соседей и необходимые данные о противнике - линия его фронта, силы войск, резервы, штабы. В легенде на карте указывались продолжительность операции, ее размах (глубина, ширина, средний темп наступления), соотношение сил на направлении главного удара по этапам операции.

С такой карты писать директиву легко. Правда, для этого тоже нужны знания, опыт и, если хотите, определенная способность. Не каждый может это хорошо сделать. Поэтому директивы пишутся обычно одними и теми же лицами. В Генштабе, например, эти документы поручались только начальнику оперуправления и его заместителям. Директива должна была быть краткой (но не в ущерб ясности и четкости изложения), не иметь выражений, допускающих двоякое толкование, не содержать ничего лишнего. В общем, как

говорится, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно. Директива (приказ) не содержит в себе доказательства и обоснования решения. Это только ослабило бы ее силу. Она не подлежит обсуждению, а должна беспрекословно выполняться.

Разумеется, нельзя в директиве расписывать все до деталей. Это значило бы сковать инициативу исполнителей. Не следует давать ее и в слишком общем виде, не сказав, что, как и в какой срок сделать, иначе можно пустить операцию, что называется, по воле волн, на самотек. Нужна золотая середина, которую всегда найдет опытный оператор. Обычно в директиве Ставки (кроме указанного на карте) говорилось, какую форму маневра применить (окружение, рассекающий удар и др.), в каком оперативном построении наступать (количество армий в первом и втором эшелоне, резервы), определялось, как использовать танковые армии. В последнем пункте обязательно указывался порядок материального обеспечения войск.

Помимо директив, приказов штаб разрабатывал и разрабатывает поныне великое множество других документов: сводки, справки, донесения, общие и частные планы операций и проведения разного рода мероприятий, доклады, графики и т. д. Первое правило при этом - чем меньше документов, тем лучше, особенно в современных условиях, когда поток информации настолько велик, что, если его не сдержать, не направить по разумному руслу, он может захлестнуть штаб. Начальник штаба должен поэтому определить, какие планирующие, информационные и распорядительные документы кем и когда должны разрабатываться. Во время войны в Генеральном штабе был установлен точный перечень таких документов, его строго придерживались и никаких лишних бумаг не составляли.

Второе неписаное, но твердое правило, которое неуклонно исполнялось в Генштабе, состояло в том, чтобы первоначальную разработку документов поручать только одному, в крайнем случае - двум лицам. Другое дело, когда документ составлен. Тогда к обсуждению и развитию его положений может привлекаться любое количество допущенных к этому людей. Так, составленные в Оперативном управлении Генштаба соображения затем обсуждались в других управлениях и, наконец, в Ставке с участием тех лиц, кого они касались. В первоначальный вариант документа вносились поправки и дополнения. Это и есть коллективное творчество. Характерным тому примером является разработка плана действий советских войск в Белорусской операции. Над ним работал заместитель начальника Оперативного управления Генштаба генерал А. А. Грызлов, пришлось включиться и мне. Затем трудился А. И. Антонов. После

этого план доложили Ставке и получили распоряжение рассмотреть его на особом заседании с привлечением военных советов фронтов, что и было, как известно, сделано. На заседании план был существенно дополнен, и только после этого Ставка его утвердила.

Составление важного документа - скажем, замысла операции или кампании дело творческое. И составителю, прежде чем взять в руки карандаш, надо хорошенько собраться с мыслями. Необходимо, чтобы замысел созрел в его голове, чтобы возникла модель операции и мысленно представлялся весь ход будущих основных событий. В противном случае хорошего замысла не будет. Как правило, разработка замысла начинается... с конца, т. е. с конечной цели задуманной операции: например, деблокировать Ленинград, разгромить противника в Белоруссии и т. д. Конечная цель операции, как уже говорилось, обычно указывалась Ставкой или ее предлагал Генштаб, а в некоторых случаях командование фронта. Уяснив цель операции, требовалось определить и сказать (изобразить), как ее добиться, а это было самым трудным и в начале разработки самым неясным. Только после этого можно было приступать к "первой порче карты". Не одна карта будет уничтожена в процессе творческой работы, прежде чем появится та, настоящая!..

Чтобы сделать первоначальный набросок, оперативный эскиз картины предстоящего сражения, нужно детально знать обстановку в том масштабе, для которого планируется операция. Причем знать основы оперативной обстановки надо на память, не по справкам, иначе не будет свободной мысль и не удастся продумать в широком плане ход предстоящих событий. Человек, скованный бумагой, вряд ли сможет плодотворно это сделать. Прослужив в Генеральном штабе и других крупных штабах более 30 лет, из них почти 7 лет в период войн, могу с полной ответственностью заявить, что одним из главных достоинств штабного офицера является его память. Я говорю о свойстве запоминать, удерживать и накапливать в памяти необходимые деловые сведения, а не анекдоты. Плохо, когда офицера при докладе не оторвешь от справки или рабочей тетради. Память можно натренировать, причем натренировать избирательно. Свидетельствую это не только на основе личного опыта (в период войны мне удавалось удерживать в памяти события на каждом фронте до дивизии включительно, знать нумерацию всех дивизий, а их насчитывалось более трехсот). У нас в Генштабе имелись десятки людей с отличной памятью.

Едва ли следует перечислять штабные документы и рассказывать о порядке их подготовки. Об этом хорошо сказано в

популярных трудах и соответствующих наставлениях для специалистов. Хотелось бы только еще раз подчеркнуть, что разработка штабных документов - работа творческая, требующая ума, профессионального опыта, военных знаний, навыков и умения.

Когда документ наконец-то разработан штабом, надо еще уметь его доложить. Трудность заключается в том, что при докладе требуется убедительно доказать правильность написанного, надо отстоять документ. Это не просто. Иногда бывает легче сочинить его, чем доложить. Дело в том, что у каждого начальника при единстве общих взглядов на события есть и свои субъективные особенности, зависящие от характера человека и восприятия им происходящих событий. Докладчику надо отлично знать предмет доклада, быть убежденным в своей правоте и обладать, если хотите, известным мужеством, чтобы отстоять и научно доказать точку зрения штаба перед старшим начальником. Разумеется, отстаивать свою точку зрения надо до разумного предела, памятуя о единоначалии.

Случалось, что и доклад вроде бы хорошо подготовлен, глубоко аргументирован, и операторы не сомневались в этом. Но когда старший начальник, начиная читать его, задавал один вопрос, не соглашался с другим и высказывал свою точку зрения по третьему, то и от хорошего доклада (будь то по плану операции, оценке событий или другому важному вопросу) ничего не оставалось. Причин в таком случае бывало обычно две: во-первых, или не были достаточно тщательно проанализированы все аспекты проблемы, а начальник заметил недостатки и разрушил построенный не на прочном фундаменте доклад, или, во-вторых, докладчик просто не сумел доказать правоту мнений и оценок штаба.

Сложно бывало с докладами специалистов, людей, влюбленных в свой род войск и, что греха таить, нередко отстаивающих свою точку зрения с некоторой однобокостью. Штабу надо иметь это в виду и докладывать командующему или другому руководящему лицу истинное положение вещей. Но иной раз приходилось тратить немалые усилия на то, чтобы переубедить и их.

Памятно в этой связи одно решение, принятое в 1946 г. После первомайского парада, где, как известно, показывается боевая техника, главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов оказался наедине с И. В. Сталиным и сумел убедить его в необходимости создать особое научное учреждение - академию артиллерийских наук. Сталин, любивший артиллерию и называвший ее богом войны, согласился, не спросив больше никого о целесообразности

такой организации. Генштаб, который должен был формировать академию, высказался категорически против, считая, что прежний порядок не тормозил развития артиллерийской мысли, а близкая связь научных центров - военных академий, Главного артиллерийского управления и других - с войсками способствовала совершенствованию техники артиллерии и развитию основ ее боевого применения. Нам было непонятно, почему вдруг стала так необходима академия артиллерийских, а не танковых или, например, авиационных наук. Ведь танки и авиация играли не меньшую роль в войне, а техника у них куда сложнее, чем в артиллерии. Однако доказать И. В. Сталину сомнительность мероприятия никто не сумел. По правде говоря, серьезных доказательств и не представлялось. Академия артиллерийских наук в сентябре была создана, возник большой штат во главе с президентом, вице-президентами и другими, положенными при этом, должностными лицами. Передали им научно-исследовательские институты, сформировали некоторые новые. Начали работать... А когда прошло время, достаточное для подведения первых итогов, академию расформировали.

Есть у людей, которые работают с документами, и свои маленькие секреты. Если, например, позволяет время, не следует докладывать документ тотчас же, как он написан. Надо отложить его на несколько часов, а лучше - до следующего дня, если он не так срочен. В прочитанном, как говорится, на свежую голову документе вы почти обязательно сделаете поправки, часто очень существенные, а иногда (были и такие случаи) документ приходится переделывать.

Во время войны в Ставку и Верховному Главнокомандующему направлялись только информационные документы: донесения, сводки, карты обстановки. Документы, требующие подписи или утверждения, всегда докладывались лично, и лишь менее важные зачитывались по специальному телефону и подписывались начальником Генштаба. Опыт показал, что такой порядок утверждения основных документов является наиболее правильным. При устном докладе есть возможность что-то дополнительно пояснить (в документе всего не напишешь), ответить на возникающие вопросы. Наконец, если документ не созрел для подписи, то при личном докладе можно выяснить, как его переделать. При этом экономится время начальника и докладчика - первому не надо давать длинных указаний по этим вопросам, а второй может немедленно приступить к доработке бумаги, не ожидая, когда она к нему возвратится. Речь, конечно, идет о штабе. Для других учреждений, особенно гражданских, этот порядок, видимо, не всегда подходит. Там же, где документы

рассматриваются на специальных заседаниях, он вообще не годится, поскольку документы в этом случае представляются и готовятся заблаговременно.

Наконец документ утвержден. "Подписано - и с плеч долой"? Нет, эта поговорка нам не подходит. Документ должен быть доведен до исполнителей в кратчайший срок и с соблюдением всех мер секретности. Мало того, следует убедиться, что все изложенное в нем правильно понято и будет точно выполняться. Все это тоже входит в обязанности штаба...

Организация генеральных штабов во всех странах, в том числе у нас, складывалась на протяжении длительного времени. Поскольку автоматизации процессов управления до недавних пор не проводилось, огромный объем работы с большим многообразием функций мог быть выполнен только большим коллективом генералов, офицеров и обслуживающего персонала. Эффективность в работе такого сложного организма зависела от многих причин, и прежде всего от квалификации сотрудников, стиля их работы.

У каждого человека в зависимости от его знаний, опыта, характера образуется свой, свойственный ему, стиль работы, т. е. определенная система способов, приемов и порядка работы, которые позволяют выполнить ее с наивысшим качеством и в кратчайший срок. Есть такой стиль и у любого органа управления, в том числе у штаба. В основе его должен лежать ленинский стиль работы, творчески применяемый к военному делу, и управлению войсками в особенности. В годы войны требования к стилю работы штабов были особенно жесткими.

Опыт службы позволяет сказать, что советские генштабисты изжили неорганизованность, волокиту, бюрократизм и другие подобные признаки плохой работы. И всегда на первом месте у них стояли политическая убежденность, коммунистическая идейность, широкая общая эрудиция каждого работника штаба и всего коллектива в целом. Именно эти качества определяли и стиль работы. Твердая уверенность в правоте политики партии, верность ее идеям, советский патриотизм - вот те краеугольные камни, которые определяли облик красного командира, любого офицера нашей армии. Они были и остаются залогом того, что человек может отдать делу, которому он служит, все свои силы, способности, а если нужно - и жизнь.

Штабным офицерам доверено решение важных задач, в Генштабе - тем более. Они выполняют ответственную работу, от их политического лица и морального облика зависит многое. Думаю, нет надобности пояснять, почему не может быть места в штабе нытикам, болтунам, тем, у кого чувства превалируют над

рассудком, лицам, склонным к водке и чужим юбкам. Все это не значит, конечно, что на штабной работе могут быть исключительно аскеты, далекие от жизни. Но жизнелюбие и распущенность - понятия разные.

Практика свидетельствует, что работа в штабе предъявляла ранее и предъявляет ныне некоторые специфические требования к людям. В состав штаба, например, должны подбираться лица, не только хорошо знающие военное дело этого недостаточно,- а широко эрудированные и к тому же с аналитическим мышлением. Конечно же, наши командиры, обладающие этими качествами, как правило, становились и отличными штабными работниками. Но можно привести немало примеров, когда хороший командир полка или дивизии волею судеб попадал в штаб и оказывался не на месте. У некоторых товарищей просто не хватало усидчивости и терпения - важных качеств для работника штаба, динамика действий которого должна выражаться прежде всего в его мыслях. Иному человеку бывает трудно сменить полигоны, танкодромы и поля учений на стол, бумагу и карту. Одним словом, надо считаться со спецификой штабной службы.

Нам, советским людям, а тем более коммунистам, известно, что одним il? важнейших признаков правильного стиля работы является высокая партийная принципиальность, то есть умение и способность при решении любого вопроса последовательно руководствоваться политикой партии, исходить из интересов нашего общего дела.

Принципиальность означает также умение видеть главное, смотреть в корень, не размениваться на мелочи, не давать захлестывать себя текучке, ориентироваться на новое, не плестись в хвосте событий. Принципиальный офицер всегда тверд в своих взглядах. Решая любой вопрос, он исходит только из интересов дела. Такой офицер самокритичен и справедлив, непримирим к недостаткам и послаблениям. Не годится, если, скажем, офицер-специалист вольно или невольно преувеличивает значение своего рода войск, а направленец - войск своего направления. Такой офицер, как правило, не может сделать объективного вывода. Его опасно посылать для контроля, поскольку он не может смотреть на факты беспристрастно. Надо ли говорить, что такие работники в штабе не приживались. В первой книге шла речь об офицерах Генерального штаба, которые находились на фронте от дивизии и выше. Это, как правило, были принципиальные люди. Но пока складывался их коллектив, некоторые были отчислены, главным образом из-за того, что смотрели на события и факты чужими глазами и оценивали их так, чтобы не было расхождений с мнением местного командования. Или, что еще хуже, пытались

"держать нос по ветру".

К счастью, таких было немного. В годы войны офицеры Генерального штаба заслужили признание. Еще раз сошлюсь на такой пример. Подполковник Н. В. Резников не побоялся правдиво доложить в Генеральный штаб о неправильных действиях командарма генерал-лейтенанта В. Н. Гордова. По его докладу на Западный фронт выезжала специальная комиссия Государственного Комитета Обороны, в состав которой входил и автор этих строк. Доклад Резникова не только подтвердился, но и позволил вскрыть массу новых недостатков. По результатам работы комиссии было принято специальное постановление ГКО с оценкой деятельности войск Западного фронта и серьезными организационными выводами.

Высокое качество работы всегда служило мерилом подготовки генштабистов, хотя, как известно, точных критериев здесь нет и не может быть. Офицер штаба не производит материальных вещей, на которые существуют установленные стандарты и допуски. Он не создает и таких технических или духовных ценностей, как изобретение, инженерное сооружение или литературное произведение... Значительная часть, если не большинство офицеров крупного штаба даже не выдают командованию готовой продукции, а являются лишь участниками процесса составления того или иного документа, причем только по своей специальности. Окончательный же итог этой работе подводят лишь бой, сражение, другие практические дела, которые вершатся по документам, разработанным штабом. Многолетний опыт позволяет утверждать, что штабному офицеру можно достигнуть высокого качества работы лишь при условии выполнения целого комплекса требований. Какие же это требования?

В годы войны в Генеральном штабе ставилось на первое место умение человека быстро схватывать тенденцию развития того или иного явления, события и, поняв ее суть, заранее предвидеть, к чему она может привести. Предвидение - одно из важных качеств не только полководцев, но и штабных офицеров. Без него можно остаться механическим фиксатором событий, отстающим к тому же от их развития. В первые военные месяцы 1941 г., когда события стремительно развивались не в нашу пользу, многие распоряжения и директивы отставали от хода событий и не могли быть выполнены войсками. Происходило это не от военной неграмотности генштабистов, а оттого, что мы, во-первых, не имели точных данных о нахождении своих войск и противника и, во-вторых, не могли заставить себя на первых порах войны смириться с тем, что события развиваются столь

неблагоприятно для нас. Потребовалось несколько горьких месяцев, чтобы научиться трезво оценивать события. И тогда уже, как правило, Ставка Верховного Главнокомандования и ее аппарат - Генеральный штаб начали правильно анализировать обстановку, вовремя предлагать и принимать решения.

Следующим важным фактором, определяющим качество работы штабного офицера, являлась реальность выводов, предложений и соображений, которые он представляет командованию. Операторы помнили об этом особенно хорошо: кто-кто, а они-то знали, что красивые стрелы на картах сами по себе ничего не стоили, если под замыслы не подведена реально существующая материальная база, если они надежно не подкреплены в организационном отношении.

Во время войны в Генеральный штаб поступали сотни предложений от военных и гражданских лиц по поводу деблокирования Ленинграда, защиты Севастополя, разгрома немцев под Москвой и Сталинградом и по множеству других вопросов, связанных с войной. Все эти предложения давались от чистого сердца, были проникнуты заботой о судьбе Родины, направлены на скорейший разгром противника. Но большинство предложений были просто нереальны, так как авторы не знали истинного положения дел с ресурсами, не были осведомлены о состоянии и положении войск. Имелись и такие предложения, которые полностью или частично принимались, они относились главным образом к техническим вопросам.

Не часто, но отвергались порой и предложения фронтов и армий. Они не были плодом досужей фантазии. Напротив, командующие и штабы взвешивали, казалось бы, все достаточно тщательно. Однако и они ошибались, преувеличивая, например, возможности Ставки. В 1944 г. операторы Генерального штаба были буквально поражены красотой редкого по форме и оригинальности замысла операции большого размаха, предложенного К. К. Рокоссовским и его штабом для разгрома противника в Белоруссии. Выдающийся советский полководец задумал обойти с запада главные силы группы армий "Центр", расположенные к востоку от Минска. Для этого он предложил наступать с юга из-за Полесья так, чтобы выйти в тыл немецко-фашистских войск на рубеж Кобрин, Слоним, Столбцы и затем одновременными сходящимися ударами уничтожить их. Читатель, вероятно, согласится, что выполнение такого замысла принесло бы нам большой стратегический выигрыш. Операторы Генштаба, получив предложения Рокоссовского, тщательно рассчитали силы и средства, которые следовало выделить для этой цели. Расчеты показали, что страна не могла тогда дать

требуемые силы. А. И. Антонов доложил об этом Ставке, и план был переработан.

В годы войны хорошо работающие штабы отличала обычно и образцовая штабная документация. Она, как в зеркале, отражала лицо командующего и других начальников, организующих и осуществляющих управление войсками. Операторы Генштаба уже по одному внешнему виду определяли, откуда пришла та или иная бумага. Но, конечно, важнее всего было ее содержание. Сложились безусловные требования к документу. Каждая бумага, направленная штабом в любую инстанцию, должна была быть убедительной, доказательной, формулироваться ясным языком, не допускающим никаких иных толкований и не требующим для понимания каких-либо справок. Короче говоря, важна безукоризненная ясность мысли. Документ, не отвечающий этим требованиям, как правило, приходилось дополнительно разъяснять, вдогон ему посылать уточнения и поправки. Такой документ не вызывал к себе уважения и нередко плохо исполнялся.

Общеизвестно, что краткий документ ценнее длинного. Поэтому каждому штабному офицеру приходилось учиться составлять документы именно так. Но выполнить это требование было нелегко. Проще написать длинно, чем коротко. Но в военном деле краткость необходима. Если обратиться к директивам и распоряжениям Ставки и Генерального штаба за годы войны, то можно видеть, что все они, за редким исключением, укладывались в одну-две страницы.

Разумеется, в штабах нельзя обойтись без документов большого объема. Это различные планы, оперативные и разведывательные сводки, всякого рода справки. Речь идет не о них, а об исполнительных документах, хотя и к указанным предъявляются такие же требования.

В практике крупных штабов, в том числе и Генштаба, за годы войны сложилось правило, что все важные документы писались самими штабными начальниками. Документ не передавался по инстанции вниз до младшего офицера, а потом по той же цепочке вверх. На это уходило бы слишком много времени, да искажался бы и смысл задуманного предприятия. В итоге получалось, что меньше времени ушло бы на составление документа самим начальником, чем на исправление ошибок и искажений по тексту и смыслу, допущенных подчиненным. Штабным начальникам лично работать над документом было полезно и потому, что это заставляло их мыслить самостоятельно и творчески. Само собой разумеется, сказанное не означает, что начальник должен был исполнять все сам, это наихудшая крайность. Главная его забота

состояла в том, чтобы организовать работу, направлять и контролировать ее. На партийных собраниях мы не раз вспоминали слова В. И. Ленина: "Коммунисты у нас до сих пор еще мало умеют понять свою настоящую задачу управления: не "самим" стараться "все" делать, надрываясь и не успевая, берясь за 20 дел и не кончая ни одного, а проверять работу десятков и сотен помощников..."{53}

Условия войны еще более подчеркнули такую характерную и неотъемлемую черту стиля работы всех штабов, как высокая требовательность к себе и подчиненным. Требовательность всегда основывалась на строгом и непременном выполнении приказов, распоряжений, на глубоком знании вопросов, которыми штабной офицер ведал, умении работать, на профессиональных навыках, доведенных до степени совершенства. Ни о какой требовательности не могло быть речи, если она не преследовала интересов дела, если офицер исходил из правила "так я хочу", без учета логики и здравого смысла. Морального права требовать не было и у того, кто сам неточно выполнял приказания.

Обстановка войны была связана со многими поворотами, иной раз крайнего характера. Тем более было важно добиваться, чтобы требовательность ничего общего не имела с грубостью. Крепкие слова в штабе неприемлемы. Здесь надо работать головой, а не горлом. Наибольшим уважением пользуется требовательный, но справедливый начальник, не позволяющий себе кричать на подчиненных, оскорблять их, не считаться с их мнением. В годы войны мне пришлось встречаться или иметь дело со многими штабными работниками. Большинство их были именно такими людьми. В первую очередь к ним надо отнести таких прославленных военачальников, как Б. М. Шапошников, А. М. Василевский, Ф. И. Толбухин, А. И. Антонов, Г. К. Маландин и многих других, у которых высокая требовательность сочеталась с добротой, уважением к подчиненным и заботой о них.

На партийных собраниях, служебных совещаниях в Генеральном штабе и штабах других рангов особенно много уделялось внимания деловитости в работе офицеров и штабных коллективов. Деловитость рассматривали как непременную черту ленинского стиля работы. Известно, что В. И. Ленин высоко ценил у партийных, советских и военных работников смелость мысли и умение на деле соединять революционный размах с кропотливой организаторской работой.

Деловитость - понятие очень емкое, широкое. Это и знание дела, и конкретность в работе, исполнительность и многое другое. Говоря о деловитости офицера штаба, я бы выделил прежде всего способность его опе-ративно принимать решения,

соответствующие конкретным условиям. На войне без решения - основы управления войсками - нельзя обойтись. В условиях штаба кроме непосредственного управления боем или операцией приходилось принимать решение и по боевым документам, которые для этого разрабатывались. Плохо, если человек по тем или иным мотивам избегал принимать решение. В этом случае документ отпасовывался, как футбольный мяч, от одного исполнителя к другому, обрастая справками и резолюциями. Такой стиль работы едва ли можно было назвать деловым, и аппарат при этом работал на холостом ходу.

Работа по-деловому предполагает научный подход, умение проникать в самое существо явлений боя или операции, предвидеть возможное их развитие, определять средства, с помощью которых можно направить события в нужном направлении. Поэтому деловитость не терпит верхоглядства, работы "на авось", без знания и умелого использования законов вооруженной борьбы, выводов и рекомендаций военной и других наук, без большого общего кругозора человека.

Мало проку было и от того офицера, который мог пространно судить обо всем, а свои обязанности знал и исполнял плохо. Вместе с тем и хорошие решения оставались благими намерениями, если не была налажена живая практическая работа по их выполнению. Деловитость предполагает, следовательно, единство слова и дела, единство теории и практики. Быть деловитым - значит уметь подкрепить поставленную задачу настойчивой борьбой за ее выполнение.

Думаю, нет надобности объяснять значение плановости, планомерности. Не только штабные офицеры знают и прекрасно понимают, что без плана ни одно крупное дело успешно провести нельзя. А в штабе план не давал захлестнуть текучке, исключал параллелизм в работе офицеров, отделов, управлений, позволял правильно расставить силы и средства.

И наконец, деловитость всегда предполагала организованность, полноценное использование времени, отведенного для работы в штабе. Так называемые перекуры, излишние телефонные разговоры, хождение за справками друг к другу не являлись показателями деловитости в работе и всячески нами изживались. Ценить время, труд товарищей и свой, неукоснительно соблюдать установленный режим работы, все делать в срок, не отставая от хода событий, а опережая их, - вот показатели деловой работы штабных офицеров, которые всегда особенно ценятся. И все мои товарищи по Оперативному и другим управлениям Генерального штаба служили в этом отношении примером подлинной деловитости, беззаветного

выполнения долга перед Советской Родиной.

В житейской практике принято считать ответственным человеком того, кто занимает большой пост. Это проистекает из чувства уважения к тем, кто думает, трудится и борется в интересах народа, отправляя высокие государственные или военные обязанности. Но ведь понятие ответственности распространяется на весь круг людей, занятых полезной деятельностью и закономерно связанных между собой системой сложных, но необходимых отношений. Чувство высокой ответственности за выполнение порученного дела - важный элемент стиля работы каждого человека, а офицера штаба, где все обязанности строго распределены, - в особенности.

В любом крупном штабе проводится большая работа по управлению военными действиями, исполняется много документов, главным образом анализов, справок, расчетов, сравнении, сводных ведомостей по численности личного состава, вооружения и других, которые, кроме непосредственного исполнителя, никто не проверяет. Для этого просто нет возможностей. Малейшая небрежность, неверная цифра могут вызвать непоправимые ошибки в решении, которое принимается на основании его докладов или разработанных документов. Вот почему офицер штаба с развитым чувством высокой ответственности сам, без подталкивания и напоминания несколько раз проверит исполняемую работу, согласует свои действия и решения с кем положено, не посчитается с личным временем. Люди безответственные долго в штабах не задерживались. Две-три допущенные ошибки вынуждали начальника не поручать им важных заданий, а в последующем - и расставаться с ними.

Так называемых перестраховщиков мы тоже отнесли бы к лицам с низким чувством ответственности. Своим желанием угодить кому-то или застраховать себя от неприятностей они способны были дезориентировать начальника в обстановке и затруднить принятие им правильного решения. С одним из таких людей мне пришлось столкнуться во время войны. Тылы тогда имели тенденцию разбухать, и Ставка заставляла сокращать, или, как тогда говорили, "подчищать" их. На основании очередного указания Ставки о такой "подчистке" одному из офицеров Генштаба, возглавлявшему группу, ведавшую организацией тыловых органов и учреждений (и, добавим, знавшему свое дело), было поручено разработать указания - где, что упразднить и сократить... Офицер и его группа после довольно длительной работы с выездом на фронт, желая, видимо, кому-то угодить, представили такой расчет на сокращение, которое заметно

подорвало бы боеспособность наших тылов. Начальник Генштаба квалифицировал такой подход как безответственность, и этому офицеру пришлось покинуть стены Генерального штаба.

Мы уже говорили, что офицер штаба, а Генерального в особенности, не мог быть только фиксатором событий, простым собирателем сведений, примерным исполнителем указаний. Ему нужна еще и творческая жилка. Наши уставы предполагают и требуют от воина проявления инициативы. А это значит, что офицер должен быть творцом, мастером своего дела, каким бы оно ни было большим или маленьким, в него нужно вложить весь свой опыт, знания, найти что-то новое. Конечно, это не просто, и не в каждом деле найдешь и предложишь что-то оригинальное. Инициативу тоже, как говорят уставы, надо проявлять разумную и творить так, чтобы чего-то не "натворить". Напоминаю об этом потому, что военная действительность чрезвычайно многообразна и дает широкое поле деятельности каждому умному, энергичному офицеру.

В дни войны оператор, организатор, любой другой офицер штаба должен был найти в каждом серьезном деле, особенно в соображениях по проведению операций, свою изюминку, которую требовалось рассмотреть в общей связи с другими событиями, что-то при этом развить и затем использовать на деле. Во время Киевской операции осенью 1943 г. офицеры штаба 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко предложили, казалось бы, противоестественную вещь: атаковать оборону противника танками не днем, а ночью, да еще с зажженными фарами и с включенными сиренами. Все в этом предложении, казалось бы, противоречило уставам. Но на самом деле оно соответствовало духу уставного требования об инициативе и отсутствии шаблона: офицеры опирались на точное знание обстановки на участке армии и действовали правильно. Атака оказалась успешной. Еще одним примером творческого подхода к делу является выбор направления главного удара 65-й армии генерала П. И. Батова в операции "Багратион" по местности, где были болота и топи. Принималось решение в расчете на внезапность, и оно оказалось весьма действенным.

Можно было бы привести еще многие примеры, когда наши командиры и штабы, проявляя творчество и инициативу, добивались успеха. Мне могут возразить: это, мол, в крупном штабе, в больших делах, где много простора, а что "сотворит" офицер в обычном штабе? Смею заверить, что и рядовая работа в штабе представляет широкое поле для творчества и инициативы. В оперативных делах ни один вопрос нельзя хорошо решить без творческого подхода, будь то разработка замысла или

планирование операции, работа над задачами оперативной маскировки, расчетами по соотношению сил, использованию местности, - везде перед оператором открываются возможности для создания преимуществ своим войскам над противником. А вопросы разведки? Здесь только творчество и инициатива помогут добыть нужные данные, а шаблон и примитив приведут к провалу. А разве мало возможностей для проявления инициативы у офицеров организационных органов, когда они, например, разрабатывают структуру того или иного нового войскового организма пли вносят изменения в старую организацию в связи с внедрением более совершенной военной техники? Приведу лишь один пример из собственной практики, связанный с появлением нового оружия, для которого был создан на первый взгляд неплохой штат. Однако после того как это новое оружие было тщательно изучено и проверено на практике, оказалось возможным его количество в данном подразделении увеличить втрое, не прибавляя при этом ни одного человека. Короче говоря, в любых условиях обстановки, на любой штабной работе есть где проявить творчество и инициативу.

Дни и ночи Генерального штаба в годы войны были до отказа заполнены работой, требующей, кроме всего прочего, предельной быстроты выполнения. И очень скоро мы заметили, что быстрота и торопливость в работе - это не одно и то же. Больше того, это несовместимые понятия, быстрота - друг, а торопливость - враг штабной службы. Первое качество вырабатывалось, приобреталось практикой, закреплялось тренировкой. Быстро работал тот, кто приучал себя отдавать мысли только делу, которым был занят, не отвлекаться ни на что другое, быстро соображать, иметь все необходимое под рукой. Замечено, кстати, что человек собранный, увлеченный работой, в состоянии не слышать разговоров соседей, не обращать внимания на шумы: он весь уходит в дело. Торопливость это недостаток. Он проявлялся, как правило, у людей неорганизованных, ленивых мыслью. Таким все мешало, они теряли много времени попусту, а потому не успевали сделать положенное вовремя и начинали торопиться. Они не обладали терпением для глубокого проникновения в суть событий, а хватались за первую показавшуюся верной догадку, делали ошибки, просчеты и легковесные выводы. Мне кажется, что именно про таких людей Алексей Максимович Горький говорил: "...Думает и рассуждает не для того, чтобы исследовать явления жизни, а потому, что спешит найти для своей мысли спокойную пристань, торопится установить различные бесспорные истины". Как мы говорили, в штабе надо работать не торопясь, но побыстрей.

Плодотворность работы штабного офицера находится в прямой зависимости от его связи с жизнью, войсками. Ставка советского Верховного Главнокомандования и руководство Генерального штаба в годы войны внимательно следили за тем, чтобы генштабисты хорошо знали практику войны. Как правило, все ответственные офицеры Генерального штаба обязательно бывали на фронтах. Начальники же направлений почти половину времени проводили в штабах и войсках своего фронта. Отдельные офицеры, в том числе и автор этих строк, уезжали иногда в очередную командировку, пробыв всего несколько дней в Генштабе. Некоторые даже думали: а нужны ли они вообще в Генштабе, не "сплавляют" ли их на фронт? Такие мысли были, конечно, неправильными. Верховный Главнокомандующий имел на сей счет свое мнение. Он придавал большое значение связи штабов с войсками и питанию войск теоретически подготовленными штабными кадрами и нередко спрашивал, как часто бывают ответственные лица Генштаба на фронтах.

Сам И. В. Сталин выезжал на фронт лишь в начале августа 1943 г. Тогда шла подготовка Смоленской наступательной операции силами Калининского и Западного фронтов. Они должны были освободить важную часть Среднерусской возвышенности и разгромить противника в районе Смоленска. Кроме того, мы получали тем самым возможность обеспечить с севера правый фланг наших главных сил (четыре фронта), наступающих с Курской дуги. 3 августа, в день, когда войска Воронежского и Степного фронтов во взаимодействии с правым флангом Юго-Западного фронта перешли в наступление на белгородско-харьковском направлении, Верховный Главнокомандующий прибыл к генералу В. Д. Соколовскому на КП За-падного фронта в районе Юхнова. Командующий фронтом доложил обстановку. Были рассмотрены вопросы планирования и готовности операции, особенно тщательно разобрали задачи армий, артиллерии и танков.

Утром 5 августа И. В. Сталин был в селе Хорошево под Ржевом, где на КП Калининского фронта встретился с его командующим генералом А. И. Еременко. Здесь также разобрали обстановку, план операции обоих фронтов, особенно Калининского, и вопросы ее материального обеспечения. Было, в частности, решено довести плотность артиллерии на участке главного удара до 170 стволов на километр фронта прорыва за счет маневра артиллерией с второстепенных направлений. Калининскому фронту были даны дополнительные силы (3-й гвардейский кавкорпус генерала Н. С. Осликовского, авиационные части).

В этот день были освобождены Орел и Белгород. Сталин с фронта звонил в Генштаб, попал как раз на меня и приказал готовить благодарственный приказ. "Как вернусь, - сказал он, - приезжайте с Антоновым в Ставку, решим, как отметить эту победу".

Чаще выезжать на фронты Верховный Главнокомандующий, на наш взгляд, и не мог. Было бы непростительным легкомыслием хоть на время оставлять общее руководство и решать частную задачу на каком-то одном из фронтов.

Верховный Главнокомандующий выезжал также на Тегеранскую, Ялтинскую и Потсдамскую конференции. Но при этом он никому не передавал руководство боевыми действиями на фронтах. Нам представляется, что в суровых условиях войны это было правильным решением, и всегда Верховный Главнокомандующий был тесно связан с действительностью войны. Питали его живыми фактами другие лица, с которых он жестко требовал и не давал засиживаться в Москве.

Вместе с тем И. В. Сталин считал, что теоретически подготовленные штабные командиры должны постоянно пополнять ряды практиков. Многие офицеры Генштаба были посланы начальниками штабов фронтов, армий, а сами штабы имели очень большой вес. Начальник любого штаба был первым заместителем командующего или командира. Даже приказы Ставки по поводу побед адресовались двум лицам: командующему и начальнику штаба. Нам думается, что и это было правильно, так как никто, кроме начальника штаба, не мог быть в курсе всех дел, поскольку любой другой начальник ведал только одной отраслью работы. Лишь начальник штаба имел и имеет сейчас право отдавать приказания от имени своего командира всем войскам.

В мирное и особенно в военное время отличительной чертой стиля работы штабов всех рангов являлись и являются бдительность, умение хранить тайну. Непременным требованием было излишне не любопытствовать, знать, что тебе положено, и держать это при себе, хранить документы как зеницу ока, не выносить за стены штаба то, о чем говорят в его кабинетах. Генштабисты помнили, что излишняя осведомленность может в определенных условиях принести вред. Поэтому и разговоры о делах службы мы позволяли себе только в штабе, и то не везде и не со всеми. Сомнительных знакомств не заводили. На собраниях секретами не делились. Используя радио и телефон, всегда помнили, что в эфире и по проводам все может перехватываться.

Эти аксиомы знакомы всем офицерам. Нарушение их, особенно в крупном штабе, могло привести к тяжелым

последствиям. Некоторые недостаточно сведущие люди ошибочно считают, что разведка противника извлекает важные данные только из добытых ею документов и от агентов, тайно проникших в штаб. Все это не так. Заполучить документ, а тем более проникнуть в штаб чрезвычайно трудно, и удавалось это на протяжении всей истории только отдельным лицам. Большинство же сведений разведка получала и получает ныне из материалов прессы, из бесед и легкой болтовни различных должностных лиц на различных приемах, от осведомленных хвастунов в поездах, самолетах, автобусах, в театрах, кино и т. д. Факты разведкой собираются по крупицам, сводятся воедино, анализируются, сопоставляются и служат основанием для правильных выводов. Об этом нет нужды рассказывать детально, поскольку многие случаи подробно описаны в литературе.

В заключение о том, без чего не может быть успешным ни одно начинание,- о контроле и проверке исполнения. Ленинские принципы в этом отношении общеизвестны и не требуют здесь особых разъяснений. Отмечу лишь, что вопрос о контроле исполнения решений и указаний Ставки стал для Генерального штаба очень острым уже с началом войны. Условия боевых действий оказались чрезвычайно тяжелыми, отчетливо выявилось, что многие распоряжения Верховного Командования в то время не могли быть выполнены или выполнялись частично и отнюдь не по злому умыслу отдельных лиц или войск. В дальнейшем неослабный контроль, контроль и еще раз контроль за фактическим положением дел на фронтах утвердился в качестве незыблемого принципа работы советского Верховного Главнокомандования и Генерального штаба. Контроль обеспечивал согласование усилий, как того требовало военное искусство. Он выявлял вместе с тем и насущные нужды войск, характер и размеры необходимой им помощи.

Хорошо разработанные директивы, приказы, планы и другие документы и указания должны быть точно и в срок выполнены, в противном случае грош им цена. В конечном счете составление любого документа только начинало дело, главное же состояло в том, чтобы решение, которое в нем содержится, претворить в жизнь. К сожалению, в ходе войны было немало хорошо, по всем правилам спланированных операций, которые из рук вон плохо проводились, а то и совсем проваливались. Причин тому было много, но основная заключалась в плохой организации действий и отсутствии контроля на местах.

Контроль был нужен не только "внешний", т. е. на местах, в войсках, в органах, которые являлись исполнителями приказа, плана. Обязательно необходим был и "внутренний" контроль,

который предусматривал в самом штабе установление сроков исполнения того или иного распоряжения, документа, помощи людям, составляющим план мероприятия или операции, проверку хода разработки документов. Без такого контроля эффективно действовать было нельзя. Каждый, даже слаженный и квалифицированный коллектив или отдельный, пусть самый умелый и дисциплинированный, исполнитель требовали контроля сверху. В противном случае создавалась угроза крупного проигрыша во времени и качестве работы.

Все сказанное выше - то есть стиль и методы работы штабов, требования к вопросам управления войсками, должная профессиональная подготовка офицеров штаба - и составляет, на наш взгляд, понятие высокой штабной культуры.

Таковы некоторые вопросы службы штабов, которые волновали нас в годы войны, составляя суть нашей жизни и того важного дела, которым мы занимались. Генеральный штаб был в этом отношении великолепной школой. Его офицеры и генералы учились стилю работы и военной мудрости у представителей Ставки и членов Государственного Комитета Обороны - лучших военных и государственных умов того времени.

И в Генеральном штабе, который находился на вершине штабной лестницы, и во всех других штабах шла трудная и ответственная работа по организации славных побед советских войск во имя торжества социализма.

Глава 9. Через Карпаты в Словакию

Впереди горы Карпатские. Как их преодолеть? - У истоков чехословацкой Народной армии. - Людвик Свобода. - Обстановка в Словакии. - План Бенеша курс на военный путч. - Решение Ставки о помощи словацкому восстанию. - И. С. Конев и И. Е. Петров действуют. - Сквозь огонь к Дукле. - По ту сторону хребта. - Герои и враги народа. - Прорыв.

1944 год вошел в историю как год знаменитых стратегических операций Красной Армии, которая одержала тогда решающие победы над фашизмом и тем самым приблизила освобождение многих народов Европы. Помню, что в начале года, когда наши войска почти по всему фронту пошли вперед, заместитель начальника Генерального штаба нашей армии А. И. Антонов пригласил меня к себе. Схватив, по обыкновению, папку с материалами для доклада, я поспешил в кабинет Антонова, но докладывать не пришлось - говорил сам Алексей Иннокентьевич. Как обычно, он был немногословен и кратко объяснил, что чехословацкое правительство Бенеша сообщило о возможности вооруженного сопротивления немцам в Словакии. Нужна помощь, и ее у нас просят.

Обращение за помощью было делом естественным: чехословацкое правительство являлось союзником СССР, в Москве работала чехословацкая военная миссия во главе с генералом Пикой. Вместе с тем данная просьба свидетельствовала о некоем существенно новом явлении; правительство Бенеша, пожалуй, впервые заговорило о возможности вооруженного сопротивления немецко-фашистскому диктату в Словакии. До того подобной мысли мы не встречали ни в переговорах с чехословацкими должностными лицами из Лондона, ни в переписке с московской миссией Пики, который не раз обращался по разным вопросам в Генштаб. Ранее у всех представителей правительства Бенеша неизменно наблюдалось скрытное стремление не дать широко проявиться чехословацкому антифашистскому движению. Бенеш и члены его правительства были людьми дальновидными и опытными, они отлично понимали, какую классовую опасность для буржуазной республики таила в себе активизация сил народа. Чтобы не дать массам политически организоваться, сплотиться в борьбе с оккупантами, буржуазные политики старались решить задачи освобождения страны без всеобщего вооруженного выступления масс. На кого же в таком случае они надеялись?

Как бы отвечая на этот вопрос, А. И. Антонов сказал, что главной основой вооруженного сопротивления в Словакии правительство Бенеша считает словацкую армию и не собирается, вероятно, поднимать против гитлеровцев народные массы. Оно, по-видимому, боится, что народ с оружием в руках сам добьется освобождения. В этом случае буржуазным министрам грозила потеря ведущего политического положения и незавидная перспектива остаться в обозе освободительной борьбы на родине. Ну, а с высшими офицерами словацкой армии сторонники Бенеша рассчитывали без особого труда договориться.

Однако войска Словакии имели недоукомплектованные личным составом дивизии, к тому же плохо вооруженные. Успешно противостоять гитлеровским войскам они явно не могли. Вот почему чехословацкое правительство и обратилось к СССР с просьбой помочь вооружением и войсками. Оно просит, как сказал мне Антонов, доставить в Словакию к началу восстания 50 тыс. комплектов стрелкового оружия, формируемую в СССР парашютно-десантную чехословацкую бригаду и, кроме того, две советские стрелковые дивизии.

Правительство Бенеша не упоминало о других чехословацких войсках, сформированных в СССР и действовавших совместно с нами против не-мецко-фашистских оккупантов. К январю 1944 г. эти чехословацкие формирования прошли уже большой и славный путь борьбы. Сначала был создан чехословацкий

батальон, который принял боевое крещение в трудном бою на Харьковщине, у деревни Соколово, в марте 1943 г. Батальоном командовал один из его создателей - впоследствии президент Чехословацкой Социалистической Республики Людвик Свобода. Осенью того же года Л. Свободе было поручено командование чехословацкой пехотной бригадой, которая возникла на базе батальона. Воины бригады отличились при освобождении Киева, за что соединение было награждено орденом Суворова II степени. Затем и рамки бригады стали тесны: так много было чехословацких патриотов, желавших с оружием в руках освободить родину от фашистов. Забегая несколько вперед, скажу, что 10 апреля 1944 г. в СССР приступили к формированию 1-го чехословацкого армейского корпуса в районе Черновиц. Одной из бригад корпуса командовал Л. Свобода, получивший чин генерала. Первые чехословацкие боевые части и соединения стали весьма важным фактором национально-освободительной борьбы чехов и словаков и составили основу будущей чехословацкой Народной армии.

Однако у правительства Бенеша был тогда свой особый план действий в Словакии: после выступления словацких дивизий против гитлеровцев этот план предусматривал оборону от немцев горных перевалов на севере, где граница государства пролегала по Татрам и где чехословацкое командование надеялось в основном на труднодоступность местности. Западную часть страны предполагали оборонять, опираясь тоже на выгодные природные рубежи: реку Морава, горы и высоты по берегам рек Ваг и Грон. Что же касается границы с Венгрией, где местность была доступна для вторжения вражеских войск на всем своем протяжении, то тут чешские генералы из Лондона предполагали не пустить противника с помощью авиации американцев и англичан: бомбардировками с больших высот рассчитывали удержать противника от вторжения в Словакию. Из опыта трех лет войны для нас с Антоновым было совершенно очевидно, что выполнить этот план им не удастся.

И все же А. И. Антонов распорядился:

- Подумайте над просьбой чехословацкого правительства о помощи. Прикиньте на бумаге реальные возможности и, главное, определите пути, как лучше оказать эту помощь практически. Рассмотрите представленный ими план действий. Мы обязаны ответить убедительно и откровенно, даже если не можем разделить надежд наших союзников на успех этого плана...

Что помогать союзной нам Чехословакии придется обязательно и в значительных размерах, сомнений не было. На этот счет уже имелось принципиальное решение Советского

правительства, и Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин приказал объявить чехословакам о нашем согласии, что и было выполнено. Теперь мы с генералом А. А. Грызловым проанализировали просьбу чехословаков и предложенный ими план действий. Выводы не были оптимистичными. Расчеты показали ошибочность намерений чехословацкого правительства удержать за собой основную часть территории Словакии наличными силами словацкой армии. Остановить немецкие войска на границах государства не представлялось возможным не только с помощью англо-американских бомбардировок с воздуха, но даже при условии переброски в страну двух стрелковых дивизий Красной Армии. Изучение фактической обстановки показало, что на широком протяжении венгерской границы следовало ожидать вторжения в Словакию большого количества немецких войск.

Задача переброски по воздуху двух советских дивизий в Словакию тоже была не из легких. Мы могли использовать не более 170 транспортных самолетов. Каждый из них поднимал только 20 бойцов с вооружением. Следовательно, все самолеты должны были сделать не менее 5- 6 рейсов каждый лишь для того, чтобы доставить на место личный состав двух дивизий со стрелковым оружием без артиллерии и тылового хозяйства. Переброска некоторых видов тяжелого вооружения весом свыше 2 тонн вообще исключалась.

Были и другие трудности. Например, для нормальной работы указанному количеству самолетов требовалось пять аэродромов с достаточным запасом горючего для заправки на обратный путь и надежным прикрытием с воздуха. Этого в Словакии не имелось.

Кроме того, если первый рейс самолетов мог быть удачным, то затем противник, разгадав замысел наших действий, стал бы оказывать сильное противодействие в воздухе. Тяжелых потерь при этом не избежать, так как дальность расстояний исключала возможность прикрытия тихоходных транспортных машин истребителями с нашей территории.

Сложная обстановка могла бы возникнуть и на земле. Переправленные в Словакию две стрелковые дивизии надо было бы, конечно, непрерывно обеспечивать всем необходимым для жизни в боя. Это значило, что после сосредоточения войск их пришлось бы снабжать тоже по воздуху, отвлекая на такую задачу значительное количество транспортной авиации.

Но самое-то главное состояло в том, что чехословацкое правительство как бы закрывало глаза на то, что советские войска не могли осуществить пока что непосредственного вторжения за Карпаты. К горам еще нужно было подойти. Преграждала путь

сильная оборона противника, созданная на восточных подступах к Главному Карпатскому хребту. Ее предстояло преодолеть. Тогда только можно было осуществить форсирование гор через перевалы для выхода в Словакию. В Карпатах враг не уступал нам ни в численности, ни в оснащении войск боевой техникой. Особенно важные направления перекрывались так называемой линией Арпада, насыщенной большим количеством долговременных огневых точек и всякого рода препятствиями.

Таким образом, арифметика и логика показывали: план генералов Бенеша исходил в основном из того, что хотелось бы сделать, но не из того, что можно было практически осуществить. Без народа и помимо него не было никаких надежд на успех в борьбе против гитлеровцев внутри Словакии. Помня, что союзникам нужно все сказать откровенно, мы в Генштабе предложили А. И. Антонову рассматривать словацкие дела только как возможность для создания большого плацдарма активной партизанской борьбы на территории Словакии. Алексей Иннокентьевич полностью согласился с этой точкой зрения.

Генеральный штаб не исключал, однако, и того, что по соображениям политики предложение чехов будет все-таки принято и наша армия получит приказ идти на помощь Словакии до того, как будет подготовлено наступление советских войск через Карпаты. В этом случае Генштаб рекомендовал перебросить в Словакию одну чехословацкую и одну советскую парашютно-десантные бригады, доставить туда стрелковое вооружение и другие материальные средства, необходимые для восстания. При этом переброска войск и материалов тоже будет трудной. Потребуется многочисленная транспортная авиация. Невозможно обойтись без больших потерь. Правда, аэродромов в этом случае понадобится меньше. Одновременно с переброской войск и материалов в Словакию войска наших фронтов должны будут осуществлять наступление там, где это окажется выгодно по условиям обстановки.

Что касается способов действий против немецко-фашистских войск в Словакии, то операторы Генштаба считали нецелесообразной жесткую оборону территории всей страны, во всяком случае в начальной фазе операций. Для такой обороны было слишком мало сил и средств, тем более что противник мог использовать для ее прорыва многочисленные подступы, особенно с юга. Враг, кроме того, имел большое превосходство в воздухе, В такой обстановке было бы лучше использовать парашютно-десантные бригады, о которых говорилось выше, как ядро для развертывания мощного партизанского движения по всей стране за счет мобилизации и вооружения народа. Этот

метод борьбы в тех условиях был наиболее перспективным.

В конце марта - начале апреля 1944 г. наше наступление на Правобережной Украине завершалось. Ударная группировка войск 1-го Украинского фронта освободила Коломыю. Сам по себе факт захвата заштатного периферийного городка не являлся примечательным, но Москва 29 марта салютовала в честь победоносных войск, поскольку был достигнут важный стратегический результат: с выходом сюда наши армии расчленили группу армий противника "Юг" и теперь одну ее часть гнали прямо перед собой на запад, а другую отбросили на юг под удары выходящих на подступы к Хотину войск 2-го Украинского фронта. Вслед за этим правофланговая во 2-м Украинском фронте 40-я армия генерала Ф. Ф. Жмаченко достигла предгорий Карпат к западу от Ботошани. Взаимодействие стратегических группировок противника на западном и юго-западном направлении теперь серьезно затруднялось, так как между ними лежал обширный массив Карпатских гор.

Хотя устроить второй корсунь-шевченковский котел на Днестре не удалось, результаты весеннего наступления Красной Армии и без того оказались выдающимися: от захватчиков были освобождены важные районы нашей страны, из неволи вызволены миллионы советских граждан. В ходе наступления, в том числе и в Крыму, крупнейшие силы противника потерпели поражение: 18 дивизий и бригада были уничтожены, а 68 дивизий понесли потери вполовину и более личного состава. Командующий войсками группы армий "Юг" генерал-фельдмаршал Манштейн слишком поздно понял наши замыслы, и, как ни старался вывести войска из-под ударов, это ему не удалось, особенно в отношении 1-й немецкой танковой армии.

Эти успехи на южном фланге советско-германского фронта решительно изменили обстановку в нашу пользу.

Манштейну пришлось проститься с постом командующего группой армий. Горькая пилюля отставки была, правда, подслащена: битому военачальнику пожаловали награду - мечи к Рыцарскому кресту. Получая ее, Манштейн услышал невеселое признание фюрера о том, что на востоке прошло время операций крупного масштаба, для которых он, Манштейн, особенно подходил. "Здесь важно теперь просто упорно удерживать позиции. Начало этого нового метода управления войсками должно быть связано с новым именем и новым девизом"{54}.

Дальнейшего развития наши операции тогда не получили, главным образом вследствие усталости войск в связи с длительным наступлением в условиях весенней распутицы и в результате возросшего сопротивления врага. С середины апреля

на 1-м и с начала мая на 2-м Украинских фронтах советские солдаты до середины лета держали оборону.

Советское командование не собиралось тогда преодолевать Карпатский хребет прямым ударом. Действия в лоб могли стоить нам очень дорого. Горы следовало обойти. Эта идея и закладывалась в замысел будущих операций в Карпатах, где предполагалось действовать небольшими силами. 30 июля 1944 г. был воссоздан 4-й Украинский фронт во главе с генерал-полковником И. Е. Петровым. Он состоял всего из двух армий - 1-й гвардейской генерал-полковника А. А. Гречко и 18-й генерал-лейтенанта Е. П. Журавлева. В последующем фронт получил еще 17-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора А. И. Гастиловича. С людьми и снарядами было не густо. В составе двух армий насчитывалось восемнадцать дивизий. Численность каждого соединения не превышала 4,5 тыс. человек. Боеприпасов имелось всего 0,2-0,3 боекомплекта.

Соотношение сил сложилось тогда в пользу противника: разведка доложила, что перед фронтом в полосе почти 400 км оборонялось десять пехотных немецких дивизий из состава 1-й танковой армии и одиннадцать дивизий 1-й армии венгров. Противник занимал основными силами хорошо укрепленные позиции, в том числе линию Арпада по водоразделу главного хребта Восточных Карпат, перекрывал покрытые лесом перевалы и горные пути. Оборона врага не имела видимых слабин.

Ставка, однако, надеялась, что поражение, нанесенное 1-й танковой армии немцев, ослабило ее настолько, что противник в горах не сумеет удержаться, и приказала тогда войскам нового фронта продолжать наступление с задачей захвата перевалов на направлении Гуменне, Ужгород, Мукачево с последующим выходом в Венгерскую долину. Но удары были отбиты.

К августу 1944 г. в Словакии произошли большие перемены. Успехи советских войск не оставляли сомнений в том, что исход войны предопределен в нашу пользу. Это активизировало подпольную борьбу словацкого народа против фашизма.

Во главе сил движения Сопротивления находился Словацкий национальный совет - НСЗ, который представлял собой народный фронт борьбы против гитлеровских нацистов и их приспешников внутри страны. Организатором фронта был пятый нелегальный ЦК компартии Словакии во главе с товарищами К. Шмидке, Г. Гусаком и Л. Новомеским. НСЗ стал готовить народное восстание. Этому способствовала и активизация к осени 1944 г. партизанского движения. Росло количество боевых групп и отрядов, увеличивалась их численность, возрастала организованность действий. Ряд партизанских отрядов

развернулся в бригады. Усилил свою помощь Советский Союз. Непосредственно этой работой занимался Украинский штаб партизанского движения, начальником которого был Т. А. Строкач. При штабе находился постоянный представитель компартии Чехословакии товарищ А. Шрам. На советской территории была подготовлена на специальных краткосрочных курсах большая группа партизанских организаторов из числа чехословацких граждан. Из их среды выдвинулись известные командиры партизанских отрядов товарищи Л. Калина, Я. Ушьяк, Т. Пола, А. Шагат, Ш. Кашчак и другие. В помощь им назначались советские специалисты - штабные работники, минеры, радисты и т. д.

Большое значение имела деятельность так называемых организаторских групп, создаваемых по опыту советских партизан. Численность организаторских групп для Словакии была примерно около двух десятков человек каждая. Они находились под командованием советских командиров П. А. Величко, Е. П. Волянского, И. И. Диброва, К. К. Попова, А. С. Егорова, Д. Б. Мурзина и других. Только за вторую половину 1944 г. в Словакию было переброшено 53 такие группы.

Группы выбрасывались на парашютах. Они являлись ядром, быстро обраставшим партизанским составом из местных жителей, и сыграли большую роль в сопротивлении фашистам. Так, например, были созданы в основном из словаков 1-я чехословацкая бригада им. М. Штефаника, 2-я чехословацкая бригада "За свободу славян", бригада им. Яна Жижки. На территорию Словакии передислоцировались советские партизанские соединения и отряды под командованием Л. Е. Беренштейна, В. А. Карасева, В. А. Квитинского, М. И. Шукаева и некоторых других.

Должен все же сказать, что объективной и достаточно точной информации относительно положения в Словакии Генеральный штаб не имел. Доклады, получаемые от партизан, касались в основном их боевой работы. О подготовке народного восстания не поступало никаких конкретных данных. Подпольный ЦК КПС проводил подготовку восстания в глубочайшей тайне, и поэтому ни Лондон, ни Москва не знали об этом, можно сказать, ничего. Сведения же, поступавшие к нам от чехословацкой военной миссии в Москве, акцентировали лишь внимание лондонского правительства Бенеша к проведению все той же сомнительной акции с использованием слабых сил словацкой армии, акции, способной стать лишь прелюдией военного переворота в стране. При этом чехословацкая военная миссия в Москве работала с завидной энергией и настойчивостью. Через день, а то и чаще

шли письма Пики. В них много говорилось о словацкой армии, о ее готовности к операции, а о Словацком национальном совете и народных силах Сопротивления не было ни слова. Причем начальник миссии неизменно подчеркивал, что действия войск Словакии против немцев мыслятся только "под чехословацким заграничным командованием". В советском Генштабе из этого должны были, вероятно, сделать вывод о безраздельном влиянии сторонников Бенеша в армии. От имени министерства национальной обороны Пика просил указать вероятные сроки совместных действий словацких дивизий с советскими войсками.

По всем затронутым вопросам тогда был представлен доклад Ставке Верховного Главнокомандования. В нем доложили об уверенности правительства Э. Бенеша в том, что словацкая армия готова к выступлению для захвата перевалов в Карпатах на рубеже Медзилабарце, Бардева в полосе примерно 40-50 км. Вместе с тем было отмечено, что освобождение Словакии замышлялось только как задача армии без привлечения широких народных масс, о которых даже не упоминалось. Настораживала и просьба о сроках действий. Она походила на разведку замыслов советского Верховного Главнокомандования. Нашим войскам противостояла сильная оборона противника, которая пока что не давала реальных надежд на быстрое форсирование Карпат. Об этом отлично знали и Пика, и политики в Лондоне.

В конце лета 1944 г. появился еще один претендент на роль вершителя судеб Словакии. Это был генерал Чатлош - министр обороны в марионеточном профашистском правительстве тогдашней Словакии. Предвидя близкий крах третьего рейха, генерал Чатлош решил попытаться сепаратно установить связь с СССР и предложить нам совместно действовать против немцев. Генерал намеревался создать в Словакии диктатуру военных и встать во главе ее. Он задумал отправить самолетом личное секретное письмо в Советский Союз, явно рассчитывая оставить лондонских политиков, как говорится, с носом...

О намерении Чатлоша стало одновременно известно подпольному ЦК компартии Словакии и агентам лондонского правительства Бенеша. ЦК КПС решил использовать Чатлоша в интересах восстания как фигуру, обладавшую реальной военной властью. В те дни ЦК искал возможность срочно связаться с правительством СССР и советским военным командованием, чтобы информировать Москву о подготовке восстания в Словакии, состоянии Словацкого национального совета и КПС. Возможность такой связи давал подготовленный к отлету самолет Чатлоша...

Агенты правительства Бенеша в Словакии всполошились. Они

донесли о Чатлоше "наверх", в Лондон, сопроводив доклад соображением: "Чатлош мог бы разрушить наши планы".

В Лондоне забили тревогу. В военную миссию в Москву полетела соответствующая телеграмма, и Пика сообщил о прибытии самолета советским военным органам, оговорив при этом, что самолет следует принять, авторитет Чатлоша использовать, чтобы легче было поднять восстание армии, но затем от Чатлоша избавиться...

Самолет словацкого военного министра вылетел в СССР 4 августа 1944 г. Но вместе с пилотом майором Лисицким, который должен был вести переговоры и вручить советскому командованию послание Чатлоша, ЦК КПС и Словацкому национальному совету удалось отправить и свою официальную делегацию в составе секретаря подпольного ЦК КПС К. Шмидке и представителя военного центра при Словацком национальном совете подполковника М. Ферьенчика.

О самолете Чатлоша доложили И. В. Сталину. Он приказал пропустить. Посадка произошла в районе Львова. Генеральный штаб получил документы Словацкого национального совета и информацию К. Шмидке, дававшую полное представление о делах в Словакии. Теперь мы узнали, что в стране действовали широкие антифашистские силы и назревало народное восстание. Стало ясно, почему лондонским политикам было важно осуществить освобождение Словакии без участия внутренних сил Сопротивления и поднять только армию.

Ян Голпан - начальник штаба сухопутных войск Словакии, сотрудничавший с национальным советом, прислал подробную записку о военном положении в стране, дислокации словацких войск, справку об их вооружении, записку об укрепленной линии Арпада, сведения о мадьярских войсках. Он сообщал, что настроение словацких войск антигерманское и просоветское, подавляющее большинство офицеров хотя и не посвящено в планы действий, но будет исполнять приказания руководителей восстания. Германофилов предполагалось обезвредить. Рассчитывали, что Чатлош в последний момент может помочь, так что восстание и вступление советских войск произойдут гладко, без сопротивления и задержки.

Затем Голпан излагал свой план вступления Красной Армии в Словакию. Не вдаваясь в детали, заметим, что план был нереальным. Он не принимал в расчет возможных контрмер гитлеровцев. А самое-то главное - был составлен так, будто не существовало мощной обороны противника на подступах к Карпатам. Предполагалось, что советские войска используют перевалы, занятые словацкой армией, и сумеют за ночь захватить

значительную часть страны. Выводы наивно утверждали: "Существует возможность внезапного проникновения войск Красной Армии в Восточную Словакию без малейшего сопротивления и при этом так далеко, насколько это будет возможно в течение одной ночи, прежде чем об этом узнает немецкое и мадьярское командование". И ничего не говорилось о восстании народа!

Документы, доставленные из Словакии, не меняли положения дел. До карпатских перевалов было 50-60 км, и других способов по-настоящему помочь словакам, кроме как разгромить противника, прорвав его прочные оборонительные позиции, пока не имелось.

Делегация Словацкого национального совета между тем была принята в советских государственных и военных органах, встречалась с сотрудниками чехословацкой военной миссии, с представителями чехословацкого военного министра, которых тогда собралось в Москве довольно много.

Правительство Э. Бенеша подтвердило прежнее требование: буквально все вопросы, начиная с взаимодействия Красной Армии со словацкими соединениями и кончая любой попыткой кого-либо из политических деятелей Словакии вести переговоры с СССР, представлять на решение в Лондон.

20 августа 1944 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов начали сокрушительный разгром противника под Яссами и Кишиневом. Достигнутые успехи давали надежду обойти оборону врага в Карпатах по румынской территории. Мы надеялись в последующем поставить под удар тыл противника в Карпатах и либо уничтожить, либо вынудить его к отходу. В связи с этим по распоряжению Верховного Главнокомандующего от 26 августа войска 4-го Украинского фронта перешли к обороне. В то время была достигнута также некоторая стабилизация положения севернее Карпат в полосе 1-го Украинского фронта, где был захвачен плацдарм на левом берегу Вислы под Сандомиром.

Тем временем Гитлер решил спешно оккупировать Словакию. План оккупации стал известен. 27 августа 1944 г. Пика сообщил, что в ближайшее время начнется вторжение в Словакию трех немецких дивизий СС.

Положение складывалось как нельзя хуже: враг начинал захват Словакии, вот-вот там могло вспыхнуть народное восстание, а мы лишь сутки назад дали И. Е. Петрову приказ на оборону. Материальных средств, достаточных для наступления, у войск не имелось. Силы левого крыла 1-го Украинского фронта И. С. Конева (38-я армия) были в таком же примерно состоянии. Восстание, следовательно, не могло быть эффективно поддержано

с нашей стороны.

А события нарастали, как снежный ком. Днем 30 августа, когда я был с докладом у А. И. Антонова, позвонили с 4-го Украинского фронта. Доложили, что из Словакии от партизанского отряда Мартынова поступила просьба указать маршрут и место посадки для самолетов трех словацких представителей, которые намеревались установить контакт с руководством советских войск. Других подробностей не сообщалось. Алексей Иннокентьевич приказал маршрут указать.

- Не восстание ли? - бросил тогда Антонов коротко.

Позвонили И. Е. Петрову, но тот ничего нового не сказал. Ждать, однако, пришлось недолго. От уполномоченного Совета Народных Комиссаров по иностранным военным формированиям Генштабу сообщили, что состоялось свидание с Пикой по его просьбе. Последний информировал, что правительство Чехословакии в ночь на 30 августа 1944 г. призвало к вооруженному восстанию население и войска в Словакии. Восстание уже началось. В руках восставших находятся четыре города, среди них Ружомберок, и аэродромы "Св. Петер" и "Три Дуба" (район Зволена). Пика просил ускорить переброску в Словакию 2-й чехословацкой воздушно-десантной бригады и доставить по воздуху вооружение и снаряжение для восставших.

Наступившая ночь была богата волнующими событиями. В Румынии советские войска добили противника, окруженного под Яссами и Кишиневом. В Генштабе работали над планами действий в Трансильвании, где проходила южная часть немецкой обороны в Карпатах. Успехи, достигнутые здесь, могли, как уже говорилось, оказать решающее влияние на устойчивость противника перед войсками И. С. Конева и И. Е. Петрова. Однако оборона врага в Трансильвании была очень сильной, и прорвать ее пока не удавалось.

Именно это и вызывало у нас тревогу: если в Словакии развернулось восстание, то повстанцы, безусловно, нуждались в немедленной и действенной помощи. Но мы не имели никаких данных о том, что же фактически предприняло в Словакии немецко-фашистское командование. Ввело ли оно войска в страну? Какие, сколько? Как протекает сопротивление? Знать это было крайне важно.

В 6 часов утра 31 августа с 4-го Украинского фронта доложили, что приземлились три самолета с офицерами и солдатами словацкой армии. Вскоре поступил доклад от И. С. Конева - там тоже подлетали и приземлялись словацкие самолеты с офицерами и солдатами на борту. Все они вылетели с аэродрома в Прешове. Почему прилетели - никто пока не знал.

Наконец позвонил начальник штаба 4-го Украинского фронта генерал Ф. К. Корженевич. Он доложил уже кое-что конкретное: словацкие офицеры, прибывшие на самолетах, рассказали о начале оккупации Словакии немецкими войсками. Противник наступал четырьмя дивизиями: одной - из района Кошице на север, двумя - из района Кракова на юг, еще одной - из района Брно на юго-восток. Части словацкой армии, повстанческие и партизанские отряды оказали оккупантам сопротивление и удерживали ряд узловых пунктов.

Мы в Генштабе тщательно учли эти данные. Было ясно, что враг создал значительное превосходство сил в свою пользу, но сумеет ли он сломить народ?

В этот же день чехословацкая военная миссия сообщила нашему командованию, что словацкие дивизии удерживают горные проходы через Главный Карпатский хребет в своих руках и сейчас готовятся к действиям навстречу Красной Армии. Их внезапный удар в тыл обороны противника перед войсками И. С. Конева и И. Е. Петрова мог быть решающим условием общего успеха.

Узнав об этом, Верховный Главнокомандующий приказал Генштабу оказать помощь повстанцам и отдать войскам распоряжение на проведение наступательной операции.

- Подготовьте директиву товарищу Коневу,- сказал он.- Его фронт достиг больших успехов под Сандомиром и закрепил свое положение. И опыт наступления он имеет немалый. А Петрову нужно пока подождать и осмотреться как следует.

И. В. Сталин сам переговорил с И. С. Коневым по телефону и велел в ближайшее время сообщить его мнении о помощи словакам силами 1-го Украинского фронт.

Но следующий день, 1 сентября 1944 г., принес совсем иные, чем накануне, известия. По данным той же чехословацкой военной миссии, повстанцы вели тяжелую борьбу с наступающими немецко-фашистскими войсками, а противнику уже удалось захватить Прешов, где находился штаб словацких войск, участвовавших в восстании. Связь со 2-й словацкой дивизией была потеряна, а 1-я словацкая дивизия получила приказ пробиваться из Карпат в Среднюю Словакию на соединение с повстанцами.

Теперь картина получалась очень тревожной. Выходило, что перевалы и проходы через Карпаты, по всей вероятности, открыты для советских войск не будут, а главные силы восстания сосредоточились в Средней Словакии и нанести удар в тыл обороне противника перед нашими войсками не смогут.

При сложившихся обстоятельствах войска Красной Армии

ожидали жестокие бои за каждый метр пути через Карпатский хребет, на перевалах - тем более. Да и в самой Словакии предстояла не менее жаркая борьба, чтобы соединиться с повстанческой армией. Одним словом, впереди лежал немалый и трудный путь.

На 1-м Украинском фронте между тем произошла встреча И. С. Конева с полковником В. Тальским - заместителем командующего армейской группой словацкой армии. Он пересек линию фронта на одном из самолетов, чтобы, по его словам, получить указания о действиях словацких войск.

И. С. Конев доложил Верховному Главнокомандующему по телефону о встрече и свои соображения по наступательной операции в помощь восстанию словаков. Начать операцию командующий предполагал через семь дней - раньше этого срока нельзя было сосредоточить необходимые войска и материальные средства.

В ночь на 2 сентября, когда Генштаб докладывал в Ставке обстановку на фронтах за истекшие сутки, особый интерес был проявлен к юго-западному направлению и Карпатам. Выслушав доклад, Верховный Главнокомандующий подошел к столу, за которым сидели некоторые члены Политбюро и Государственного Комитета Обороны. Состоялся короткий обмен мнениями о помощи Словацкому национальному восстанию. Помощь эта рассматривалась не только как военная задача, но и как выполнение союзнического долга перед народами Чехословакии, проявление пролетарского интернационализма, международной солидарности трудящихся наших стран. Я не записал точных выражений товарищей, которые тогда в сжатой форме выразили свою позицию, но общий смысл их состоял в том, чтобы помощь оказать как можно скорее. Вместе с тем было ясно, что быстрый успех в Карпатах едва ли возможен и потому прорыв обороны противника будет стоить большой крови. Но иного выхода не было, и Верховный Главнокомандующий тут же приказал Генштабу организовать снабжение повстанцев вооружением и боеприпасами и подготовить директиву 1-му Украинскому фронту о проведении наступательной операции в Карпатах с учетом соображений И. С. Конева.

В тот же день начальник Организационного управления Генштаба генерал Н. И. Четвериков совместно с начальником чехословацкой военной миссии рассмотрели заявки на вооружение и другие материальные средства для Словакии. Мы же разработали проект директивы 1-му Украинскому фронту, зачитали его по телефону И. В. Сталину, и тот приказал подписать ее А. И. Антонову. Вот эта директива;

"В связи с активизацией партизанского движения в Словакии и развертыванием вооруженной борьбы отдельных регулярных частей и соединений словацкой армии против немецких захватчиков Верховный Главнокомандующий приказал:

1. Подготовить и провести операцию на стыке 1 и 4 Украинских фронтов, с тем чтобы ударом из района Кросно, Санок в общем направлении на Прешов выйти на словацкую границу и соединиться со словацкими войсками.

2. К проведению операции разрешается привлечь чехословацкий корпус и использовать войска словаков, находящиеся северо-восточное Прешова, о чем с ними необходимо заблаговременно договориться.

3. Проведение операции возложить на Вас, при необходимости разгранлиния с 4 Украинским фронтом может быть изменена".

Поскольку обстоятельства очень торопили, а И. С. Конев фактически уже работал над планом операции, срок представления его соображений был назначен на 3 сентября. Положение Генштаба было очень щекотливым. Директива на операцию в Карпатах, отданная по приказу И. В. Сталина только 1-му Украинскому фронту, могла поставить войска в трудное положение: по мере продвижения вперед их южный фланг обнажался и требовал для обеспечения все больше сил и средств, которых и без того не хватало. Это было прямым нарушением установленных в нашей армии правил обеспечения стыков и флангов войск в операциях. Неудивительно, что И. С. Конев, получив директиву, немедленно позвонил А. И. Антонову и сказал об угрозе левому флангу его фронта. Он недвусмысленно высказался насчет нашей "не очень большой сообразительности". Алексею Иннокентьевичу пришлось объяснить ему деликатность создавшегося положения. И. С. Конев все понял и в своем докладе по плану Карпатской операции, которого требовал Сталин, сделал дипломатичную приписку:

"Имея в виду выгодность направления операции для последующею наступления 4-го Украинского фронта на Мишкольц, Будапешт, крайне необходимо привлечь к проведению операции и правый фланг 4-го Украинского фронта в составе хотя бы четырех дивизий из района Санок или же передать мне от 4-го Украинского фронта четыре стрелковые дивизии".

Для прорыва обороны противника в Карпатах И. С. Конев создавал группировку сил в районе Кросно. Главный удар наносился в направлении Дукля, Тылява, Прешов. Основная ставка делалась на быстроту прорыва обороны противника. Предполагалось на третий день операции привлечь словацкие

дивизии и партизан для наступления навстречу нашим войскам.

Генштаб немедленно доложил Ставке соображения Военного совета 1-го Украинского фронта. И. В. Сталин утвердил предложенный план действий и приказал А. И. Антонову отдать распоряжение наступать и войскам 4-го Украинского фронта.

В 22.30 того же дня И. Е. Петров уже направил в Ставку свое решение: он выделил для наступления правофланговый 107-й стрелковый корпус 1-й гвардейской армии генерала А. А. Гречко, усиленный необходимыми артиллерийскими средствами и специальными войсками.

Время не ждало. На подготовку операции отводилось всего несколько суток. А задача была очень сложной. Характер местности позволял противнику противодействовать каждому шагу наступающих войск относительно малыми силами, тем более что дорог на подступах к обороне было крайне мало. Маневр - основа войны в горах - был в этих условиях до предела скован, а в некоторых случаях исключался совсем. Отсутствие специального снаряжения и опыта действий в горах у наших войск осложняло положение. Подготовка операции проходила по самому сокращенному варианту. По необходимости операция приобретала форму фронтального, лобового натиска, который, как уже сказано, в данной обстановке грозил превратиться в кровопролитное прогрызание позиций немецко-фашистских войск. Но в то же время, если удастся опередить врага в действиях, достигнуть внезапности и сохранить за собой возможность маневра, фронтальный удар мог наиболее быстро привести к цели.

Мысль Генерального штаба и Ставки напряженно работала над тем. как ослабить неблагоприятное влияние фронтальности удара, как содействовать успеху наших войск в Карпатах силами, находящимися на других направлениях. Оперативное управление в несчетный уже раз за эти немногие дни прикидывало разные варианты организации взаимодействия. На-помню читателю, что с севера такая помощь исключалась: главные силы фронта И. С. Конева вели тяжелую борьбу на сандомирском плацдарме. Фронт и так уже сделал почти невероятное. А вот с юга, из Румынии, помочь было можно, и в этой связи Ставка, как известно, уже 5 сентября после консультации с Г. К. Жуковым и Р. Я. Малиновским повернула главные силы 2-го Украинского фронта в район Дебрецена, чтобы создать угрозу войскам противника в Карпатах и отрезать их от Венгрии и Германии. Это должно было помочь 4-му Украинскому фронту преодолеть оборону врага в горах.

Таков был смысл взаимодействия 2-го Украинского фронта с

операцией 38-й армии и войск И. Е. Петрова. Конечно, это существенно повышало шансы на успех удара через Карпаты, на помощь восставшим словакам.

Об организации и результатах операции в Карпатах советский читатель достаточно знает по изданным уже книгам. Поэтому я только напомню о ходе боевых действий.

Командующий 38-й армией генерал К. С. Москаленко предусмотрел прорыв обороны немецко-фашистских войск фронтальным ударом из района севернее и северо-западнее Кросно в направлении местечко Дукля, Прешов. Предполагалось развить успех подвижными соединениями, овладеть Дуклинским перевалом и соединиться с повстанцами на территории Словакии. 38-я армия (52, 67 и 101-й стрелковые корпуса) усиливалась 1-м гвардейским кавкорпусом генерал-лейтенанта В. К. Баранова и 25-м танковым корпусом генерал-майора Ф. Г. Аникушкина. В состав ее вошел также 1-й чехословацкий армейский корпус под командованием генерала Я Кратохвила. Во главе 1-й его бригады стоял Людвик Свобода. Как подчеркивал И. С. Конев, главное состояло в том, чтобы обеспечить неожиданность и добиться стремительности действий войск.

Замысел прорыва в глубину обороны противника путем фронтального удара был положен и в основу операции 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта генерал-полковника А. А. Гречко. Направление ее главного удара примыкало слева к направлению главных усилий 1-го Украинского фронта в полосе 38-й армии и проходило на Буковско, Команьча.

Наступление 38-й армии началось 8 сентября, 1-й гвардейской - 9 сентября. Хотя дожди, размытые дороги и плохая видимость сделали свое дело. все-таки советские войска успешно двинулись вперед и нанесли сильный удар противнику на подступах к главному хребту Восточных Карпат. Но и противник действовал умело и решительно. Ему удалось заметить наши приготовления, он ожидал активных операций и в первые дни наступления совершил перегруппировку сил на направлении главных ударов, усилив свои войска большим количеством артиллерии и танков, которые старались закрыть огнем и контрударами возможные пути продвижения советских войск.

С первых шагов наступления в Генштабе напряженно ожидали данных из-за Карпат. Положение было для нас неясным. Где находились и что делали обе словацкие дивизии? Если верить чехословацкой военной миссии, то оба соединения вроде бы успешно воевали. Этим, кстати сказать, объяснялось разрешение фронтам использовать войска словаков, указанное в директиве Ставки.

Однако вскоре поступили сведения, что обе словацкие дивизии не воюют, а уже разоружены противником. Это произошло из-за прямого предательства. совершенного генералом Маларом - командующим словацким корпусом, который раскрыл врагу планы захвата карпатских перевалов и бежал к немцам. Покинутые командованием войска заметного сопротивления не

оказали и сложили оружие. Только некоторые части перешли на партизанские методы борьбы.

В результате гитлеровцам удалось вывести на все важные направления крупные силы, обеспечить за собой перевалы и полную свободу маневра из глубины. Сопротивление противника по мере нашего продвижения к перевалам все нарастало, а темп наступления 38-й и 1-й гвардейской армий замедлялся.

Так произошло крушение надежд, которые возлагало на словацкую армию чехословацкое правительство в Лондоне. В силу этого обстоятельства условия действий советских войск стали еще более тяжелыми и сложными. Ведь задачи оставались прежними: восставший словацкий народ должен был получить помощь. К этому и направлялись все помыслы Ставки, Генштаба и военных советов фронтов.

Командование 1-го Украинского фронта и 38-й армии сделало попытку создать перелом в ходе борьбы за счет ввода в бой 25-го танкового, 1-го гвардейского кавалерийского корпусов и 1-го чехословацкого армейского корпуса. Но ни кавалерия, ни танки не смогли в горах обогнать пехоту. Они шли вместе с ней длинной колонной по одной дороге, не были в состоянии совершить какой-либо маневр, очень растянулись и находились под воздействием сильного флангового огня противника. В тех сложных условиях обстановки никто из командиров не нашел возможности быстро развить наступление.

Упорные бои 10 и 11 сентября дали все-таки некоторую надежду: наши войска в эти дни не только преодолели первую полосу обороны противника, но на одном из направлений наступления частично прорвали и вторую полосу. Прорыв был совершен на узком участке фронта шириной не более 1,5-2 км. Этой брешью и решило воспользоваться командование 1-го Украинского фронта и 38-й армии, чтобы не дать операции превратиться в ползучее прогрызание оборонительных позиций врага. В прорыв двинули конницу В. К. Баранова.

Нужно было обладать огромным мужеством, чтобы принять подобное решение. Командующих фронтом и армией вынудила к нему необходимость найти хотя бы один шанс, чтобы прорваться на помощь восставшим словакам. Кавалеристы же должны были идти как бы в огненный коридор. Из-за недостатка времени и трудностей перегруппировки артиллерии и минометов по узким горным тропам артиллерийское обеспечение было недостаточным для того, чтобы надежно подавить огневые средства немецко-фашистских войск на флангах коридора: значительная часть их, несомненно, продолжала бы действовать с большой эффективностью. Нельзя было надеяться и на то, что наша

авиация сумеет заставить замолчать огневые средства врага. Ее имелось не так много. Цели были хорошо скрыты в складках местности. И вместо того чтобы наносить непрерывные и массированные удары, авиации приходилось действовать мелкими группами, что не приносило быстрой реальной помощи. К тому же не хватало горючего. Но выбора не было.

Тогда, как всегда в трудную и ответственную минуту, в первые ряды воинов встали коммунисты. На них смотрели и равнялись. Политработники фронта и армии - генералы К. В. Крайнюков, А. А. Епишев, С. С. Шатилов и многие другие денно и нощно были в войсках, вдохновляли, помогали, расставляли партийные силы. Хорошо организованная политическая работа была нашей мощной силой, обеспечивавшей высокий наступательный порыв советских воинов.

Чтобы ослабить силу воздействия огня противника, корпус В. К. Баранова двинули ночью. Темнота была нам союзницей: она не давала врагу вести прицельный огонь, и это вселяло надежду на успех. Но она же резко снижала точность ориентировки и скорость движения конницы. За сутки корпусу удалось продвинуться на 20 км. Гвардейцы не останавливались, прошли затем еще столько же и частями разведки вышли на территорию Словакии.

А противник неистовствовал. На флангах коридора шли упорные бои. 14 сентября врагу удалось закрыть коридор и отрезать корпус от главных сил 38-й армии. Все попытки восстановить живую связь с ним оказались безуспешными. Гвардейцы между тем исчерпали небольшие запасы боеприпасов. продовольствия и фуража. Кони притомились, корпус терял свою подвижность, чем немедленно воспользовался враг, который стал закрывать горные перевалы и дороги, постепенно обволакивая части своими войсками. Генштабу пришлось организовать снабжение кавалеристов по воздуху. Для меня лично дни борьбы 1-го кавкорпуса в тылу врага были особенно тревожными. Я хорошо знал многих кавалеристов и отчетливо понимал, что значило для конницы сражаться в окружении в горах. Бои шли в трудных условиях день и ночь. В иных местах они переходили в рукопашные схватки...

За неделю наступления воины армии К. С. Москаленко прорвали вражескую оборону на фронте 22 км и продвинулись на столько же в глубину. Эти действия привлекли на себя значительные силы противника. Командующий фронтом усилил 38-ю армию и ввел в дело 4-й гвардейский танковый корпус генерала П. П. Полубоярова, а вслед за ним и 31-й танковый корпус генерала В. Е. Григорьева. Правда, они были не особенно

мощными. В составе корпуса Полубоярова. к примеру, находилось всего 59 танков и 9 самоходно-артиллерийских установок. Но в то время и это было значительным подспорьем для наступающей 38-й армии.

Танкисты П. П. Полубоярова вводились в сражение на левом фланге армии, почти на стыке с 4-м Украинским фронтом. По оценке командования фронта и армии здесь было наиболее слабое место в обороне противника. Кроме того, на этом фланге имелась кое-какая возможность для маневра во фланг основной группировке немецко-фашистских войск. Танкисты наступали решительно, хорошо взаимодействовали с войсками, продвигавшимися с севера на главном направлении. Через два дня упорных боев 4-й гвардейский танковый корпус ворвался в местечко Дукля, тогда как с другой стороны сюда подошли главные силы армии и в их составе части 1-го чехословацкого армейского корпуса. Чехословацкие воины стали нашими боевыми побратимами. Они в первых же боях в Карпатах показали себя верными и стойкими товарищами по оружию. Условия наступления для 1-го чехословацкого армейского корпуса были такими же трудными, как и для наших солдат...

Прежде чем продолжить рассказ о прорыве через Карпаты, я позволю себе здесь небольшое отступление, связанное, впрочем, с упомянутыми событиями.

Так вот, осенью 1971 г. мне довелось провести отпуск в Карловых Варах. Остановился я в "Бристоле", где встретился с маршалом Иваном Степановичем Коневым, тоже приехавшим на воды укрепить здоровье. И вместе с ним мы однажды получили приглашение от президента Чехословацкой Социалистической Республики Людвика Свободы прибыть к нему на обед в старинный охотничий замок Ланы под Прагой. Место это издавна служит президентам Чехословакии для отдыха и дружеских встреч.

Выехали мы с запасом времени и скоро заметили, что прибываем рановато. Иван Степанович, как пунктуальный человек, решил выдержать срок прибытия по-военному точно. Поэтому, когда стали приближаться к месту, он замедлил ход автомашины, а потом и вовсе остановился под тенью придорожных деревьев.

Подъехали к воротам ровно в 12.00 и встретились с автомашиной президента, который, оказывается, будучи таким же точным человеком, на дороге сделал то же самое, что и мы. После теплых взаимных приветствий и шуток по поводу военных привычек Конев перебрался в лимузин Л. Свободы, и мы тронулись дальше.

Лес встретил нас тишиной и пряными запахами увядающих трав и цветов. Хозяин предложил осмотреть угодья, где меж вековых дубов вольно гуляли стада оленей. Поколесив по лесу, подъехали к охотничьему домику. На исходе был уже первый час дня, когда по чешским обычаям настает пора обедать. Президент пригласил к столу.

Когда встречаются боевые друзья, в каком бы ранге они ни были, беседа льется свободно и непринужденно. Всегда есть о чем вспомнить, помянуть добрым словом павших товарищей или помолчать, что бывает иной раз красноречивее всяких слов. Так было и теперь...

- А помните ли, Иван Степанович, как вы рассердились на меня, когда я был уже командиром корпуса? - обратился президент к маршалу Коневу.

- Как не помнить, не такое было время, чтобы забыть. Чехословацким солдатам было тогда крайне трудно. Шли на Дуклю. Враг перекрыл все пути огнем, часто наносил удары танками. А управления боем корпуса почти не существовало. Ведь командир-то корпуса генерал Кратохвил сидел в 25 километрах от боевых порядков. Какое уж тут управление...

Я весь обратился во внимание: разговор за столом, как по заранее обдуманному плану, ложился на страницы книги воспоминаний, которую я заканчивал тут, в Карловых Варах. Конечно, многое мне уже было известно по документам и докладам И. С. Конева в Ставку. Но документы одно, а свидетельство участников событий - да еще каких! - это другое.

Генерал Кратохвил, о котором зашла речь между Коневым и Свободой, был назначен по настоянию правительства Бенеша командиром 1-го чехословацкого армейского корпуса, но не справился с возложенными на него задачами: он отсиживался на тыловых позициях и злоупотреблял привезенным с собой британским виски, в то время как солдаты и офицеры его корпуса штурмовали в Карпатах с большими потерями оборону сильного и упорного врага. Поэтому Конев отстранил тогда Кратохвила от командования корпусом и вместо него назначил генерала Свободу, а после того доложил И. В. Сталину. Верховный Главнокомандующий одобрил решение командующего фронтом, но по поводу отстранения Кратохвила от должности сказал, что дело имеем в данном случае с иностранцем, командиром войск другой, хотя и союзной нам страны, а посему отстранение Кратохвила и новое назначение Л. Свободы требуется оформить юридически. Это и было сделано вскоре после переговоров с правительством Чехословакии.

В результате действий маршала Конева положение в

чехословацком армейском корпусе существенно поправилось. "После снятия Кратохвила и назначения генерала Свободы командиром корпуса, - докладывал генерал С. С. Шатилов в Главное политическое управление А. С. Щербакову, - дело значительно улучшилось. Свобода повысил требовательность и дисциплину. В корпусе сейчас больше порядка".

В те дни чехословацкие воины плечом к плечу с советскими солдатами вели наступление к границе Словакии. 20 сентября 1944 г. корпус взял уже названное выше местечко Дукля во взаимодействии с танкистами Полубоярова и Аникушкина. Через несколько дней корпус вышел с боем к чехословацкой границе. Это была славная победа чехословацких патриотов! Но за что, в таком случае, рассердился Конев на Людвика Свободу, когда тот стал командиром корпуса? Вот как вспоминал об этом убеленный сединами чехословацкий президент.

- Я тогда, - сказал Людвик Свобода, - должен был собственными глазами увидеть поле боя корпуса. Не могу понять, как можно управлять войсками, не имея представления о местности в полосе наступления. И я пошел прямо в передовые части к атакующим войскам. А там увидел, что солдат нужно воодушевить, показать личный пример в бою. Тут-то вы, Иван Степанович, и вызвали меня к полевому телефону...

- А мне, - сказал с улыбкой Конев, - необходимо было точно знать обстановку на Дуклинском перевале, этого требовала Москва. Ищу вас, а мне отвечают, что командир на передовой. Где, спрашиваю, именно? Наконец вас разыскали. Вот тогда я в сердцах и сказал: господин генерал, запрещаю вам быть автоматчиком, нам нужен не солдат, а командир корпуса!

- Я на ваше "господин генерал" тоже обиделся, - заметил наш гостеприимный хозяин, - и спросил, почему не "товарищ генерал"?

- Помню, так и было. Но я уже немного остыл и ответил: поймите, товарищ Свобода, что вы нам дороги и нельзя так рисковать своей жизнью, к тому же командиру корпуса это не нужно. На том и покончили...

Много интересного вспомнили еще в тот день в гостях у президента. Но из всех разговоров я выделил сейчас один фронтовой эпизод у Дукли, о котором не забыли Свобода и Конев, ибо, на мой взгляд, этот случай не только говорит о личном мужестве тогдашнего командира чехословацкого корпуса, но и показывает, в какой нелегкой и тревожной ситуации пришлось оказаться тогда при штурме карпатских перевалов всем участникам наступления - от рядовых бойцов до генералов. Выход Свободы на передовую не был бравадой. Так поступали в те дни

многие старшие офицеры, прилагавшие все силы, чтобы наш труднейший прорыв через горы в Словакию увенчался успехом...

В 6 часов 6 октября 1944 г. войска генерала Свободы совместно с 67-м стрелковым корпусом Красной Армии, которым командовал генерал С. Шмыго, взяли штурмом Дуклинский перевал. Здесь чехословацкий солдат вступил на землю своей родины и начал ее освобождение.

В честь этих славных событий 6 октября ныне празднуется как День чехословацкой Народной армии. На трудном ратном пути к перевалу Дукля родился один из главных лозунгов политической жизни современной Чехословакии: "С Советским Союзом на вечные времена!"

...Позже по делам службы мне приходилось встречаться в Пражском Граде с верным соратником военных лет - президентом Чехословацкой Социалистической Республики Людвиком Свободой. Каждая встреча приносила радость и новые знаки нашей крепкой дружбы. И всякий раз память возвращала к тем временам, когда зародилась и мужала эта дружба на полях сражений, в которых участвовало первое чехословацкое воинское формирование - пехотный батальон, созданный на территории СССР усилиями его командира подполковника Л. Свободы, политработника-коммуниста штабс-капитана Ярослава Прохазки, надпоручика Отакара Рытиржа, надпоручика Отакара Яроша и других чехословацких патриотов.

В ту военную пору советские руководители с большой заботой о наших чехословацких друзьях решали вопрос о том, как использовать молодую и еще неопытную чехословацкую воинскую часть. Всем хотелось, чтобы она уцелела в жестоких боях, воевала и с честью принесла на свою отчизну знамя свободы. Верховный Главнокомандующий, насколько мне известно, придавал этому батальону исключительно большое политическое значение. Не один раз он высказывался на сей счет в период обсуждения положения на фронтах на заседаниях Ставки. Он склонялся к тому, чтобы не бросать чехословацкий батальон в бой против опытных и хорошо вооруженных немецко-фашистских войск, полагая, что в этом случае он неминуемо понесет тяжелые потери.

Вопрос решился, когда состоялась беседа Верховного Главнокомандующего с командиром батальона Л. Свободой. И. В. Сталин откровенно изложил подполковнику свою точку зрения и все опасения. Не менее откровенно и чистосердечно ответил тогда комбат: он сказал, что немецко-фашистские захватчики являются злейшим врагом его родины, а потому он и его товарищи по оружию считают, что им следует быстрее начать

боевые действия против гитлеровцев. В этом они видят свой долг перед отечеством. В итоге разговора чехословацкая воинская часть вскоре отправилась на фронт...

После боев на Украине штурм Карпат и взятие Дуклинского перевала явились для чехословаков самой долгожданной победой. Но, как ни парадоксально, именно битва под Дуклей имела для Людвика Свободы неприятные последствия. Президент Бенеш резко упрекнул тогда командира чехословацкого корпуса в том, что корпус понес большие потери. Упрек носил характер прямого обвинения, хотя Бенеш по занимаемому положению мог бы быть достаточно информирован о чрезвычайно тяжелых условиях наступления корпуса и всех советских войск в целом. Людвик Свобода парировал столь обидные и несправедливые выпады главы государства против него и доказал тому, что тот был не прав.

Однако к этому делу подключились тогдашний чехословацкий военный министр Ингр и ряд других гражданских и военных должностных лиц, в том числе и отстраненный генерал Кратохвил. В чехословацкую военную миссию в Москве из Лондона пошло указание генералу Пике относительно расформирования корпуса, поскольку, дескать, пополнить его нет возможности! Такую же депешу получил и Л. Свобода. Ингр предполагал не пополнять корпус, а сформировать из его частей три-четыре пехотных батальона, сведя их в отдельную бригаду. Расформированию подлежали артиллерийский полк, танковая бригада. Одним словом, уничтожалось самое ядро соединения. Ингр не спрашивал мнения Л. Свободы, он приказывал и требовал. Обо всем этом известили советское Верховное Главнокомандование в установленном порядке. Но здесь линия лондонского правительства поддержки не нашла. Верховное Главнокомандование Советских Вооруженных Сил связалось тогда с командующим 1-м Украинским фронтом и запросило его мнение относительно пополнения корпуса личным составом и материальной частью. Военный совет фронта ответил, что у соединения есть достаточная база для пополнения и дальнейшего роста: наши части вступили уже на словацкую землю, где было много добровольцев. В недалеком будущем, с освобождением Закарпатья, где имелось немало жителей словацкой национальности, эта база еще более возрастет. Военный совет высказался против расформирования корпуса.

Ставка согласилась с предложением Военного совета 1-го Украинского фронта сохранить чехословацкий корпус и пополнить его за счет вербовки добровольцев, а материальную часть, вооружение и технику укомплектовать из советских

запасов. Так тогда и сделали.

С разрешения Советского правительства в Закарпатскую Украину, освобожденную от врага в конце октября, Л. Свобода направил небольшую группу своих людей, чтобы набрать пополнение в корпус. Группа работала очень активно, попутно помогая организовывать народные комитеты.

Так был сохранен 1-й чехословацкий армейский корпус - славное боевое соединение патриотов, явившееся основой создания вооруженных сил социалистической Чехословакии.

1-я гвардейская армия генерал-полковника А. А. Гречко из состава 4-го Украинского фронта наступала левее 38-й армии. И здесь на темп наступления оказывали воздействие те же трудные факторы оперативной обстановки: горный характер местности и сильное сопротивление противника, создавшего мощную оборону. Немецкое командование действовало тем же способом, как и против войск К. С. Москаленко, - оно подтянуло силы и наращивало их в основном на направлениях горных дорог и проходов. Однако остановить наступление армии врагу не удалось. Командарм принимал энергичные меры, постоянно сам находился на самых ответственных участках борьбы, заставил всех командиров приблизить командные пункты к войскам, и дело двинулось.

Фронт прорыва обороны противника за пять дней активных действий достиг 30 км и в глубину 10-12 км. Но самое-то важное заключалось не в этом результате, а в том, что 1-я гвардейская армия становилась ключом, которым можно было вскрыть пути за Карпаты. Враг напрягал последние силы, и назревал момент, когда его оборона должна была лопнуть. Пульс операции показывал, что произойти это может в первую очередь в полосе войск А. А. Гречко. Нужно было использовать эту тенденцию в развитии обстановки.

И противник и командующий 4-м Украинским фронтом И. Е. Петров ухватили суть дела. Однако реагировали на развитие обстановки, конечно, каждый по-своему. Немецко-фашистское командование было вынуждено снять часть сил с других направлений своей обороны перед 4-м Украинским фронтом и срочно бросить их прежде всего в полосу действий 1-й гвардейской армии. Это было замечено И. Е. Петровым, который двинул вперед 18-ю армию и 17-й гвардейский стрелковый корпус. Теперь фронт наступал всеми силами.

Генеральный штаб внимательно анализировал каждое решение командующих фронтами. Не составило исключения и решение командующего 4-м Украинским фронтом. При этом было замечено, что И. Е. Петров, пытаясь обойти горные хребты,

отворачивал свои силы от направления на Команьчу, намеченного Ставкой. Это расстраивало взаимодействие с 38-й армией, наступавшей в трудных условиях. Обстановка требовала не разобщения, а тесной взаимосвязи и взаимопомощи всех сил, участвующих в операции.

По докладу Генштаба советское Верховное Главнокомандование обратило тогда внимание И. Е. Петрова на необходимость уточнить его решение и приказало основным направлением наступления фронта иметь Команьча, Гуменне, Михальовце.

Верховный Главнокомандующий, стараясь всеми возможными средствами ускорить продвижение наших войск в Карпатах, велел своему заместителю маршалу Г. К. Жукову, находившемуся тогда у К. К. Рокоссовского на 1-м Белорусском фронте, побывать у И. С. Конева и И. Е. Петрова, чтобы лично разобраться в обстановке и подумать, нельзя ли там ускорить наше наступление. Он дал маршалу право, если потребуется, приказывать от его имени.

19 сентября Жуков прилетел на 1-й Украинский фронт и убедился, что тяжелая обстановка там совпала с теми данными, которые докладывал в Ставку И. С. Конев. Заместитель Верховного Главнокомандующего увидел, как велики тут силы противника и как непросто нашими ограниченными средствами сломить оборону врага в горах. Георгий Константинович тогда доложил: "У Москаленко мало стрелковых дивизий, а действующие - переутомлены, малочисленны".

На следующий день Г. К. Жуков был уже на 4-м Украинском фронте у И. Е. Петрова. Заместитель Верховного Главнокомандующего досконально разобрался здесь в обстановке и доложил И. В. Сталину: "Ознакомившись с группировкой сил и средств армий Петрова, я считаю, что силы и средства нацелены правильно. Лично Петров правильно понимает построение операции и свое дело знает неплохо". Вместе с тем маршал отметил некоторые недочеты ведения боевых действий и от имени Верховного Главнокомандующего потребовал незамедлительного ввода в бой 3-го горнострелкового и 11-го стрелкового корпусов на участке А. А. Гречко и немедленного перехода в наступление четырех дивизий 18-й армии в тесном взаимодействии с 1-й гвардейской армией. В этом случае на правом фланге 4-го Украинского фронта могло наступать такое количество войск, которое обеспечило бы ускорение прорыва на Прешов и Команьчу. Подобные же меры активизации действий были предложены и на левом фланге, где войска И. Е. Петрова взаимодействовали со 2-м Украинским фронтом.

В заключение представитель Ставки сообщил: "С Мехлисом

Петров работает дружно, и Петров никаких претензий к Мехлису не имеет"{55}. Эта приписка маршала была свидетельством величайшей личной чистоты и терпимости Ивана Ефимовича Петрова, который разобрался в Мехлисе, понял, если так можно сказать, особые черты его характера и нашел в себе силы сотрудничать с ним, как того требовали долг и совесть коммуниста.

Поездка представителя Ставки на место действий войск явилась важным организующим элементом еще более активного наступления советских войск в Карпатах. Результаты не заставили себя ждать: 20 сентября 1-я гвардейская армия пересекла чехословацкую границу, а 25 сентября 38-я армия 1-го Украинского фронта, отбросив врага к Главному Карпатскому хребту, завязала бои за перевалы. Значительные успехи были достигнуты также на других участках 4-го Украинского фронта, где действовали 18-я армия генерала Е. П. Журавлева и 17-й гвардейский стрелковый корпус генерала А. И. Гастиловича. Армия Журавлева рванулась на Ужгород, а корпус Гастиловича - на Мукачево и вскоре овладели этими важными административными центрами Закарпатья. Теперь главный горный хребет был уже позади! Но до района Словацкого национального восстания было еще далеко...

Весь октябрь 1944 г. бои в Карпатах не утихали ни днем ни ночью... Пока советские войска и корпус Свободы ломали германскую оборону, советское командование уделяло не меньшее внимание снабжению восставшей Словакии оружием, боеприпасами, снаряжением, медикаментами. При благоприятной погоде самолеты с оружием прибывали в Словакию каждую ночь. В общей сложности в 1944 г. было направлено повстанцам свыше 10 тыс. винтовок, автоматов, карабинов и пистолетов, около тысячи пулеметов, сотни противотанковых ружей, несколько миллионов патронов.

На помощь восстанию были переброшены воздушным путем сформированные в СССР 2-я отдельная чехословацкая воздушно-десантная бригада, 1-й чехословацкий истребительный авиаполк, много инструкторов и партизанских командиров. Бригада была создана в основном из словаков, перешедших на нашу сторону осенью 1943 г. в районе Мелитополя. Численность ее достигала почти 3 тыс. человек. Часть бойцов принимала участие в сражениях под Киевом и Белой Церковью. Некоторые воины получили ордена и медали за боевые отличия. После основательной боевой подготовки бригада 23 апреля 1944 г. получила Знамя, воины принесли присягу. Теперь бригаде предстояло выполнять трудные задачи в тылу врага, с которыми

она справилась с честью. Хорошо зарекомендовали себя также истребители 1-го чехословацкого авиаполка.

Восстание словацкого народа продолжалось до глубокой осени 1944 г. Оно явилось самым знаменательным политическим и военным событием чехословацкой национально-освободительной борьбы. Ему принадлежит почетное место в истории европейского движения Сопротивления. В самый трудный час повстанцы, особенно коммунисты, мужественно смотрели в глаза опасности и продолжали тяжелую борьбу. Они знали, что Красная Армия спешит им на выручку, и потому держались до последнего. Однако дни восстания уже были сочтены. Из-за разгрома фашистами словацкой армии дорогое время оказалось безвозвратно утраченным. Правительство Бенеша еще раз продемонстрировало свою несостоятельность, за которую героям-повстанцам пришлось расплачиваться кровью. Эсэсовские дивизии зажали повстанцев в железное кольцо и жестоко расправились с антифашистами. Тысячи советских солдат, спешивших на помощь Словакии и штурмовавших в лоб Карпаты, полегли в жестоких боях. Прошло еще полгода, прежде чем советские воины вместе со своими боевыми товарищами из чехословацкого корпуса завершили победоносный освободительный поход в восторженно встретившей их Праге.

Глава 10. На Вену

От обороны к наступлению. - Карл Реннер предлагает свои услуги. Заявление Советского правительства. - Тайные парламентеры из Вены. -Перед штурмом. - Восстание не удалось. - Тень Аллена Даллеса. - Письмо К. Реннера в Кремль. - Начало мирного сотрудничества. - Австрийский бургомистр и советский комендант.

В результате Балатонского оборонительного сражения расстановка советских сил на венском направлении сложилась таким образом, что главная группировка войск находилась теперь в полосе 3-го Украинского фронта, который и должен был решать основные задачи по разгрому противника в предстоящей наступательной операции. Заметим, что времени для каких-либо длительных подготовительных мероприятий не имелось: с фронта докладывали, что противник окапывается, ждать нельзя, нужно ударить по врагу, пока он не успел прочно закрепиться.

3-му Украинскому фронту предстояло наступать правым флангом, нависавшим с севера над глубоким выступом, образованным линией обороны противника южнее и юго-западнее Секешфехервара. Здесь, в этом выступе, находилась главная масса оставшихся танков 6-й танковой армии СС. Разгромить эту армию означало бы убрать броневой щит немецко-фашистского

командования и ликвидировать основную силу его обороны. В итоге мы открывали себе путь в западные районы Венгрии и в глубь Австрии к Вене.

Решение Ф. И. Толбухина заключалось в том, чтобы прорвать оборону противника, окружить и уничтожить главную танковую группировку врага, нанося главный удар на правом фланге фронта силами 9-й и 4-й гвардейских армий с участка Гант, озеро Веленце в направлении на Веспрем. Местность в полосе главного удара была всхолмленной и лесистой, но Ф. И. Толбухин заверил Генштаб и Ставку, что это не явится непреодолимым препятствием для окружения противника, тем более что последний был вынужден действовать в относительно узкой полосе между озерами Веленце и Балатон.

Толбухина беспокоило другое: количество артиллерии не позволяло, к сожалению, создать ее плотность свыше 180 орудий на километр фронта. Отсутствовали и крупные бронетанковые силы: в частности в 9-й и 4-й гвардейских армиях вместе было всего 197 танков и самоходно-артилле-рийских установок. Соотношение сил по танкам на направлении главного удара фронта у нас и у противника было равным... Зато 17-я воздушная армия под командованием генерала В. А. Судец могла выделить на направление главного удара свыше 500 самолетов.

Между тем разведка докладывала, что немецкие танкисты работают не покладая рук, закапывая свои боевые машины. На глазах наших войск возникало подобие укрепленного района, взломать который становилось час от часу труднее. Выход был один - срочно передать Ф. И. Толбухину полнокровную 6-ю гвардейскую танковую армию генерала А. Г. Кравченко (более 400 танков) из состава 2-го Украинского фронта, что Генштаб и предложил Ставке. Однако Верховный Главнокомандующий в данный момент не был уверен в отказе противника от наступательных замыслов, а потому пока не давал санкции на переподчинение танкистов и велел повременить.

Чтобы выполнить директиву Ставки о начале наступления не позже 16 марта, Ф. И. Толбухину пришлось двинуть войска вперед без танковой армии. Артиллерийская подготовка и поддержка атаки пехоты были проведены по всем принятым правилам, но слабость танковой основы боевых порядков атакующих войск вместе с недостаточными плотностями артиллерии снизили силу удара по вражеской обороне и обусловили невысокий темп наступления 3-го Украинского фронта.

Сопротивление противника было ожесточенным. К исходу дня советским войскам удалось вклиниться в его оборону на глубину всего 3-7 км. Внезапность была теперь утеряна. Чтобы

осуществить замысел по окружению танковой армии СС, нужно было значительно поднять темп наступления прежде всего за счет ввода 6-й гвардейской танковой армии и усиления огневого воздействия на врага авиации и артиллерии. Не сделать этого означало бы дать время и возможность немецко-фашистскому командованию для организации отпора нашему наступлению и своевременного отвода войск из опасного района.

После первого дня наступления, вечером 16 марта, А. И. Антонов подробно доложил обстановку на 3-м Украинском фронте Верховному Главнокомандующему в моем присутствии. Выслушав доклад, Верховный на этот раз согласился с тем, что надо срочно вводить 6-ю гвардейскую танковую армию и приказание об этом отдать немедленно. Он сам позвонил Р. Я. Малиновскому, который был тогда на передовом командном пункте, объяснил ему, зачем нужно передать танки Ф. И. Толбухину, и приказал лично поставить задачи танкистам и на ходу передать армию соседу. Р. Я. Малиновский был расстроен таким решением Ставки, но понимал необходимость данной меры и точно исполнил приказ. Войска А. Г. Кравченко передавались в 3-й Украинский фронт в полном составе со всеми наличными запасами для развития удара правого крыла фронта и разгрома танковой группы противника.

Но танковую армию Ф. И. Толбухину удалось ввести в сражение лишь 19 марта: двое суток потребовалось на то, чтобы подвести ее к фронту и создать минимально необходимые условия для развертывания и действий. Бои продолжались с большим напряжением, и слепо рисковать танками было нельзя. К сожалению, каждая минута нашего - теперь уже обусловленного обстановкой - промедления была использована противником для усиления оборонительных рубежей и отвода своих войск.

Нам не удалось в этом сражении зажать танковую армию СС в клещи и уничтожить, как было задумано. Враг сумел создать сильные танковые щиты с севера и востока, использовал имеющиеся в этом районе каналы и леса для того, чтобы отвести свои войска. Вечером 22 марта им все-таки удалось выскользнуть через полыхавший огнем двухкилометровый коридор у северного берега Балатона.

22 марта Военный совет 3-го Украинского фронта доложил в Ставку свое решение разбить противника севернее озера Балатон, выйти на австро-венгерскую границу и подготовить дальнейшее наступление на Вену. Главный удар намечался на Сомбатхей (Сомбатель) по кратчайшему, но упиравшемуся в горы пути до австрийской границы. По мнению Генштаба, направление главного удара фронта на Сомбатель было не лучшим вариантом.

Гористая местность сковала бы маневр (особенно танков); кроме того, оставался в стороне Венский промышленный район и сам город Вена, очень важный во всех отношениях. Генштаб предложил Верховному Главнокомандующему главный удар 3-го Украинского фронта наносить в направлении Шопрон, Папа, скорее всего выводящем к Вене. К тому же и местность здесь позволяла использовать всю мощь 6-й гвардейской танковой армии. И. В. Сталин согласился, и фронт двинулся на Вену. 29 марта советские войска овладели в Венгрии городами Сомбатель и Кёсег, вышли на австрийскую границу.

В полосе 2-го Украинского фронта мощной и плотной танковой группировки противника не имелось, хотя оборона немецко-фашистских войск тоже была прочной. Войска Р. Я. Малиновского могли поэтому наступать широким фронтом, нанося главный удар южнее Дуная силами 46-й армии генерала А. В. Петрушевского и 2-го гвардейского механизированного корпуса генерала К. В. Свиридова. Начиналось наступление 17 марта.

Успех сопутствовал войскам 2-го Украинского фронта. К полудню 20 марта 46-я армия, прорвав вражескую оборону, вышла к Дунаю у Комарома, окружила 20-тысячную группировку противника в районе Эстергома (так называемая товарошско-эстергомская группировка) и во взаимодействии с частями Дунайской военной флотилии приступила к уничтожению окруженного врага. Частью сил успех развивался на Дьер.

Победы, одержанные фронтами на главных направлениях, оказали благоприятное влияние на положение на флангах. Правофланговые армии 2-го Украинского фронта двинулись на Братиславу и 4 апреля штурмом освободили ее, а также 60 других населенных пунктов от немецких захватчиков. На левом фланге 3-го Украинского фронта 57-я армия и 1-я болгарская армия генерала Стойчева 2 апреля овладели центром венгерского нефтеносного района городом Надьканижа, где рабочим удалось сохранить от разрушения ценное нефтедобывающее оборудование.

А с запада навстречу советским войскам шли армии наших союзников. В эти дни они преодолели Рейн и, продвигаясь к востоку от него, заняли Франкфурт-на-Майне и ряд пунктов Рурского промышленного района Германии.

В один из этих дней Верховный Главнокомандующий при докладе обстановки сказал, как это он часто делал, ни к кому непосредственно не обращаясь:

- А где сейчас находится тот самый социал-демократ Карл Реннер, который был учеником Каутского? Он много лет

подвизался в руководстве австрийской социал-демократии и, кажется, был главой последнего парламента Австрии?..

Никто не ответил: такого вопроса никак не ожидали.

- Нельзя пренебрегать влиятельными силами, стоящими на антифашистских позициях, - продолжал Сталин. - Наверное, гитлеровская диктатура научила кое-чему и социал-демократов...

И тут же мы получили задание поинтересоваться судьбой Реннера и, если он жив, узнать его местожительство. Мы передали соответствующее распоряжение по телефону на 3-й Украинский фронт.

О внутренней обстановке в Австрии мы знали немного. Было известно, впрочем, о воззвании руководящих работников компартии к народу Австрии в июне 1944 г., призывавшем на борьбу с фашизмом. В октябре поступили данные о локальных, но серьезных боях австрийских партизан против гитлеровских войск. Месяц спустя в Югославии сформировался из австрийских партизан и пленных 1-й батальон свободы, который принял участие в тяжелых сражениях с фашистами. Начало 1945 г. ознаменовалось новыми боями партизан в Альпах и созданием 2-го, а затем еще трех батальонов свободы. Об антифашистской же борьбе буржуазных деятелей Австрии каких-либо данных не имелось. Не было информации и о К. Реннере.

Но вот 4 апреля пришел доклад Военного совета 3-го Украинского фронта, где сообщалось, что Карл Реннер сам явился в штаб 103-й гвардейской стрелковой дивизии. Позже мне рассказали, что дело было так. Высокий седой человек в черном костюме был проведен в помещение, где работали офицеры штаба, и назвал себя по-немецки. Сначала никто на него не обратил особого внимания. Затем, однако, один из политработников сообразил, с кем имеет дело, и быстро доложил начальству.

Реннер оказался общительным человеком. Он охотно рассказал офицерам о своем долгом жизненном пути. С 1894 г. Реннер являлся членом социал-демократической партии, в 1918-1920 гг. был канцлером Австрийской республики, а в 1931-1933 гг. - председателем австрийского парламента. После аншлюса Реннер удалился в Нижнюю Австрию, устранившись от официальной политической деятельности.

Наши офицеры спросили К. Реннера, как он думает жить дальше. Тот заявил, что уже стар, но готов "совестью и делом" содействовать установлению демократического режима в Австрии. "Теперь и у коммунистов и у социал-демократов задача одна - уничтожение фашизма",- сказал Реннер. Отлично понимая обстановку в Австрии, проницательный политик, которому шел

восьмой десяток лет, правильно оценивал свое значение как последнего догитлеровского руководителя парламента страны. Он предложил свое содействие в образовании временного правительства Австрии на военное время и заранее предупредил: "Нацистов я исключаю из парламента".

Беседа продолжалась довольно долго. Нам было важно знать настроения венцев, поскольку разведка доносила о широких приготовлениях к боям в австрийской столице. Очевидно, нацистские руководители готовили городу участь Будапешта. Доходили до нас также очень неопределенные сведения о якобы имеющем место где-то в недрах венского гарнизона сопротивлении.

К. Реннер полагал, что девять десятых населения Вены настроено против нацистов, но фашистские репрессии и англо-американские бомбардировки напугали венцев: они чувствуют себя подавленно и не способны к активным действиям. Социал-демократы со своей стороны никаких организованных мер по мобилизации населения на борьбу против гитлеровцев не предпринимали.

Сообщение о встрече с К. Реннером было получено в Москве вечером 4 апреля. Мы с А. И. Антоновым поняли, что по этому поводу будут приняты какие-то решения. Как правило, если на фронтах все обстояло хорошо, И. В. Сталин, члены Политбюро, ГКО и правительства, которые обычно собирались на заседания в его кабинете в Кремле, особых вопросов не задавали. Но на этот раз во время доклада обстановки на 3-м Украинском фронте И. В. Сталин, хитро прищурившись, остановился и долго смотрел на "Генштаб". Удостоверившись, что мы понимаем его мысли и настроение в связи с телеграммой о Реннере, он с довольным выражением лица вновь принялся шагать по ковровой дорожке. Потом, переговорив с членами Политбюро, он продиктовал нам телеграмму Ставки Военному совету 3-го Украинского фронта.

В телеграмме говорилось: 1) Карлу Реннеру оказать доверие; 2) сообщить ему, что ради восстановления демократического режима в Австрии командование советских войск окажет ему поддержку; 3) объяснить Реннеру, что советские войска вступили в пределы Австрии не для захвата ее территории, а для изгнания фашистских оккупантов. Телеграмму подписали И. В. Сталин и А. И. Антонов. Я тут же отнес ее в аппаратную для передачи Ф. И. Толбухину.

Было также решено, что командующий 3-м Украинским фронтом обратился к населению Вены с призывом сопротивляться гитлеровцам и не дать им разрушить город, а от имени Советского правительства передать заявление о будущем

Австрии. Нам было приказано подготовить и через день доложить соображения, как ускорить взятие Вены войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов.

В основе заявления Советского правительства и обращения командующего лежала общая мысль. В заявлении она была сформулирована следующим образом: "Советское правительство не преследует цели приобретения какой-либо части австрийской территории или изменения социального строя Австрии. Советское правительство стоит на точке зрения Московской декларации союзников о независимости Австрии. Оно будет проводить в жизнь эту декларацию. Оно будет содействовать ликвидации режима немецко-фашистских оккупантов и восстановлению в Австрии демократических порядков и учреждений"{56}.

В обращении маршала Толбухина к жителям Вены от 6 апреля 1945 г. было сказано:

"Красная Армия вступила в пределы Австрии не с целью захвата австрийской территории, а исключительно с целью разгрома вражеских немецко-фашистских войск и освобождения Австрии от немецкой зависимости... Красная Армия воюет с немецкими оккупантами, а не с населением Австрии, которое может спокойно заниматься своим мирным трудом"{57}.

Далее командующий указал, что настал час освобождения Вены от врага, но отступающий противник хочет превратить столицу Австрии в поле боя, что грозит Вене и ее жителям огромными разрушениями и ужасами войны. Ради сохранения столицы Австрии, ее исторических и культурных памятников он предложил населению оставаться на месте, не давать врагу уничтожать город. "Граждане Вены! - призывал командующий фронтом.- Помогайте Красной Армии в освобождении столицы Австрии Вены, вкладывайте свою долю в дело освобождения Австрии от немецко-фашистского ига"{58}.

Командующий 3-м Украинским фронтом обратился к населению Вены в тот день, когда советские войска ворвались в юго-западную, а затем юго-восточную часть города и завязали там упорные бои. Наступил самый ответственный момент в истории освобождения столицы Австрии.

Я позволю себе в этом месте сделать некоторое отступление. Оно связано с австрийским движением Сопротивления. Дело в том, что одновременно с докладом Военного совета 3-го Украинского фронта относительно К. Реннера в Генеральный штаб поступила другая телеграмма, где сообщалось о встрече 2 апреля 1945 г. с парламентерами от воинских частей противника в Вене.

Сам факт прибытия парламентеров не был теперь каким-либо

чрезвычайным событием. Если ранее, когда враг рвался вперед и одерживал победы, гитлеровские командиры не думали о том, как выйти из войны, то в результате поражений многие из них задумались над этим вопросом, и в 1945 г. уже не было редкостью, когда перед окопами наших войск появлялись люди с той стороны с белым флагом в руках. Так было и теперь в полосе 9-й гвардейской армии, где перешли линию фронта старший фельдфебель Ф. Кёз, писарь по должности, и шофер ефрейтор И. Райф. Они назвались представителями штаба 17-го "мобилизационного корпуса австрийцев", расположенного в Вене и подготавливавшего резервы для фронта.

Парламентеры доложили, что в Вене готовится восстание против гитлеровцев. По их словам, ряды повстанцев состояли из настроенных против фашизма военнослужащих и некоторой части населения австрийской столицы. Кроме двух запасных пехотных батальонов и одной артиллерийской батареи имелось якобы до 1200 солдат-австрийцев в составе других частей, которые были готовы принять участие в восстании. Они полагали, что к восстанию могли присоединиться до 20 тыс. жителей.

Руководителем восстания являлся один из офицеров штаба корпуса - начальник мобилизационного отделения майор Карл Соколл, который и послал парламентеров для установления связи с советским командованием.

Все это было весьма важно, и командование 9-й армии и 3-го Украинского фронта внимательно выслушало парламентеров. Повстанцам были поставлены задачи захватить в пределах Вены мосты через Дунай и его притоки, взять их под охрану, разгромить штабы гитлеровских войск, учреждения нацистской партии и полиции, расположенные в городе, овладеть ключевыми пунктами связи, средств сообщения и другими объектами коммунального хозяйства столицы Австрии и обороны противника.

С помощью парламентеров с руководством повстанцев установили радиосвязь.

Вскоре линию фронта перешел и сам руководитель подготавливаемого восстания К. Соколл. Он сообщил, что является главой подпольной организации "Австрия, пробудись". Штаб фронта согласовал с ним все необходимые в таком случае вопросы, в том числе сигналы к восстанию.

Накануне атаки Вены советскими войсками, когда в штабе 3-го Украинского фронта заканчивались последние приготовления к передаче обращения командующего к венцам, настало самое удобное время для того, чтобы дать сигнал к восстанию в австрийской столице. Оно дезорганизовало бы оборону

противника и существенно облегчило решение задач войскам Ф. И. Толбухина.

Сигнал подали по радио и с самолетов, как было договорено с австрийскими патриотами из 17-го "мобилизационного корпуса". Время восстания назначалось на 12 часов 30 минут 6 апреля. Сигнал был принят...

6 апреля советские войска начали штурм Вены. Борьба шла за каждый дом, за каждый городской квартал, где гитлеровцы создали опорные пункты обороны. Шаг за шагом выбивали врага из укреплений гвардейцы 4, 9 и 6-й танковой армий, авиаторы 17-й воздушной армии и моряки Дунайской военной флотилии, воины других частей и соединений. Каждая стычка с противником требовала от них беспримерного мужества и высокого мастерства.

А что же восстание? Как мы узнали впоследствии, гитлеровцам удалось напасть на след патриотической организации К. Соколла, предатели навели их на руководителей подготовлявшегося вооруженного выступления венцев. Утром 6 апреля многие из них были схвачены и вскоре казнены. Обезглавленное таким образом восстание не состоялось...

Углубившись в городские кварталы и охватив город с юга и запада, советские танкисты и пехота лишили противника всякой связи с Германией в этих направлениях. Но с севера район Вены долго не был изолирован, и здесь могли поступать резервы на усиление немецко-фашистских войск. Это обстоятельство привлекло наше внимание, когда мы в Генштабе работали над тем, как выполнить указание Ставки относительно ускорения сроков овладения Веной. Очевидно, рассуждали мы, враг не решится на оборону города в полном окружении и попытается вывести отсюда свои войска при малейшей угрозе его путям отхода на север. Следовательно, нужно было нажимать на Вену не только южнее, но и севернее Дуная, где противник не подвергался нашим ударам. Практически нажим можно было осуществить, перебросив 46-ю армию 2-го Украинского фронта и части ее усиления с южного берега Дуная для действий в обход Вены с севера.

Была еще одна причина, которая вызывала особую необходимость удара 2-го Украинского фронта. Она касалась экономики гитлеровской Германии. Дело в том, что в начале весны 1945 г. стал очевиден не только политический, но и экономический крах агрессора. Войскам противника не хватало горючего. Его запасы были уже почти израсходованы, резервов нефти Германия не имела, а все основные ее источники мы уже захватили. В руках противника оставался пока что крупный австрийский район нефтедобычи Цистерсдорф, расположенный

на северо-восток от Вены.

В этом направлении и был теперь нацелен удар 2-го Украинского фронта. Как свидетельствуют документы, мы тогда рассудили правильно. Гитлер был крайне обеспокоен положением с нефтяным районом и приказал перебросить туда дополнительные силы, в том числе танковую дивизию из состава группы армий "Висла". Предложения Генштаба получили одобрение Ставки.

И. В. Сталин уже на следующий день стал задавать вопросы относительно успеха маневра 2-го Украинского фронта, но переход большой массы войск через Дунай был делом нелегким. Для этого кроме инженерных средств привлекалась Дунайская речная флотилия, сыгравшая большую роль в форсировании реки. Наиболее трудно приходилось 2-му гвардейскому механизированному и 23-му танковому корпусам с их тяжелыми машинами.

Через два дня Верховный Главнокомандующий проявил крайнее недовольство, полагая, что противник может ускользнуть от удара войск Р. Я. Малиновского, а фронту Ф. И. Толбухина одному овладеть Веной будет трудно. Было приказано распорядиться и не позднее 10 апреля "отрезать все пути отхода противника от Вены на север". Вскоре враг дрогнул и был выбит из Вены. Чтобы не попасть в окружение, он бежал через оставшиеся еще пути на север. 13 апреля Вена была полностью очищена от фашистов нашими частями.

После овладения Веной войска 3-го Украинского фронта продвинулись несколько западнее города до рубежа Санкт-Пёльтена, где и получили задачу прочно закрепиться. Навстречу шли армии союзников, и остатки соединений разбитого врага, отступавшие под нашими ударами, уже сдавались им в плен.

В Австрии на первый план вставали вопросы мирного политического урегулирования.

Пока шли бои за Вену, было некогда разбираться в причинах неудачи подготовленного в городе антифашистского восстания, но после освобождения австрийской столицы к этой проблеме пришлось вернуться. Стало известно, что 15 апреля, то есть через два дня после освобождения Вены, к советскому коменданту города явились два лица, назвавшие себя один - председателем, а другой членом центрального комитета движения Сопротивления в Австрии - организации "Австрия, пробудись". Они заявили, что в прошлом являлись офицерами армии Австро-Венгрии и якобы долго сидели в немецких концлагерях Дахау и Бухенвальд, но были освобождены самими гитлеровцами. По их словам, организация имела большие заслуги в борьбе против нацистов.

Появление этих лиц напомнило о необходимости проверить деятельность указанной организации. Выяснилось, что она занимает в Вене большой дом, причем объявление на его фасаде сообщало, что здесь находится штаб сил австрийского Сопротивления. Организация выдавала своим членам удостоверения с печатью.

Владелец дома, в котором помещался штаб, оказался членом этого штаба, носил титул барона, служил в гитлеровской армии, но, по его словам, пять раз сидел в гестапо и столько же раз оттуда освобождался. Членом штаба являлся также некий принц, тоже служивший в немецко-фашистской армии в чине обер-лейтенанта. Прошлое целого ряда других лиц было столь же двусмысленным. Обнаружилось, что никто из них не имел связи с группами Сопротивления на предприятиях или с повстанческим движением. Выходило, что руководство организации не располагало поддержкой народа, но тем не менее заранее замышляло, когда придет освобождение извне, перехватить власть в свои руки. Было установлено также, что некоторые члены группы распускают клеветнические слухи о советских воинах с намерением подорвать престиж Красной Армии в глазах населения.

Потом открылось еще более серьезное обстоятельство: указанная организация была создана не без ведома и помощи американского разведчика Аллена Даллеса. Руководители организации заручились поддержкой представляемой Даллесом державы с целью возглавить в Вене, освобожденной Красной Армией, местные демократические круги и забрать в свои руки руководство движением Сопротивления. В дальнейшем предполагалось в соответствии с американскими интересами укрепить позиции консервативных группировок в Австрии и обеспечить себе доступ к управлению страной. Заговорщики намеревались также "отлучить" коммунистов от движения Сопротивления-Деятели этой организации установили контакт с французскими и английскими правительственными кругами, причем везде требовали признания ее "единственным представителем всех австрийских партий, групп Сопротивления и вообще австрийского народа"{59}. Визит двух руководителей названной группы к советскому коменданту Вены потребовался для того, чтобы по принципу: куй железо, пока горячо - добиться от нас признания "заслуг" группы и, так сказать, законности ее притязаний на руководящее положение в австрийской столице и стране в целом. Для этого они и назвали себя центральным комитетом движения Сопротивления Австрии. Но советский комендант разобрался в существе вопроса, хотя и других дел и

забот у него было по горло.

Визитеры упомянули, кстати, и о том, что в составе их организации имелась военная группа во главе с майором Карлом Соколлом, вскользь коснулись и вопроса о восстании, которое, по их выражению, "сорвалось".

После этого разговора стало ясно, почему не удалось поднять восстание в Вене тем антифашистам, кто рисковал жизнью, переходя линию фронта, чтобы установить связь с советским командованием. Они, видимо, стали жертвой своего доверия к руководителям группы, которые преследовали цели, далеко не совпадавшие с интересами истинных борцов Сопротивления...

Во второй половине апреля 1945 г., когда приближалось начало решающего наступления на Берлин, события в Австрии характеризовались нормализацией жизни страны. В те дни к нам, в Генштаб, шли уже документы не. только военно-оперативного, но в равной мере и политического характера. С освобождением Вены там создались более прочные основания для деятельности австрийских демократических организаций. Карл Реннер начал практические мероприятия по созданию Временного правительства. Он с большой политической ловкостью использовал особенности военной обстановки и не скупился на посулы и торжественные обещания в отношении будущего. Показательно в этом аспекте письмо К. Реннера к И. В. Сталину от 15 апреля.

Читая первые строки этого письма, мы в Генштабе не могли сдержать улыбки: Реннер, стремясь подчеркнуть свою причастность к революционному движению, прежде всего сообщил о личных связях, как он выразился, "со многими русскими передовыми революционными борцами". Связи оказались очень характерными: если с В. И. Лениным он имел только встречу на одной из конференций, то с Троцким и Рязановым у Реннера было длительное знакомство. "Мне не удавалось, однако, до сих пор познакомиться с Вами лично, дорогой товарищ", - писал Реннер, употребляя особо близкое нам слово "товарищ" и тем самым намекая на идейную, так сказать, "близость" со Сталиным, хотя тот в свое время в книге "Марксизм и национальный вопрос" камня на камне не оставил от реннеровских концепций по национальному вопросу.

Впрочем, в письме Реннера не так-то просто было отделить искренность его восхищения освободительной миссией Красной Армии от явно своекорыстной лести. Вот что он тогда писал:

"Красная Армия во время ее наступления застала меня и мою семью в моем местожительстве Глогниц (вблизи Винер-Нейштадта), где я вместе с моими товарищами по партии,

преисполненный доверия, ожидал ее прихода. Местное командование отнеслось ко мне с глубоким уважением, немедленно взяло меня под свою защиту и предоставило мне снова полную свободу действия, от которой я вынужден был отказаться с болью в душе во время фашизма Дольфуса и Гитлера. За все это я от своего имени и от имени рабочего класса Австрии искреннейшим образом покорнейше благодарю Красную Армию и Вас, ее покрытого славой Верховного Главнокомандующего" .

Далее Реннер довольно откровенно предлагал передать ему руководство страной. "Судьбе было угодно,- писал он,- чтобы я оказался первым из оставшихся в стране членов центрального комитета социал-демократической партии, получившим снова свободу действия. При этом имеется то счастливое обстоятельство, что я, как последний президент бывшего свободного народного представительства, могу считать себя вправе выступать от имени австрийского народа. Еще одно мое преимущество состоит в том, что я, как первый канцлер Австрийской республики, был облечен доверием в деле преобразования государственных основ в организации общественного управления и поэтому мне можно оказать доверие в начинании и возглавлении дела пробуждения Австрии".

Отметив, что он получил от войск Толбухина необходимую помощь, К. Реннер писал: "Без помощи Красной Армии не был бы возможен ни один мой шаг. А поэтому не только я, но и вся будущая "Вторая республика Австрии" и ее рабочий класс обязаны будем долгие годы благодарить Вас, господин маршал, и Вашу победоносную армию".

Последующая часть письма К. Реннера от 15 апреля 1945 г. состояла из разного рода просьб. В частности, он писал тогда: "Гитлеровский режим обрек нас здесь на абсолютную беспомощность. Беспомощными мы будем стоять у ворот великих держав, когда осуществится преобразование Европы. Уже сегодня я прошу Вашего благосклонного внимания к Австрии на совете великих и, поскольку трагические обстоятельства допускают, прошу Вас взять нас под Вашу могущественную защиту. Нам угрожает в настоящее время голод и эпидемия, нам угрожает при переговорах с соседями потеря территории. В наших каменистых Альпах мы имеем уже сейчас очень мало пахотной земли, она доставляет нам только скудное повседневное пропитание. Если мы лишимся еще части нашей территории, мы не сможем жить".

Продолжая далее свою мысль, К. Реннер боднул наших союзников: "Победители не могут иметь намерение осудить нас на беспомощное существование. Запад, однако, как показал это

1919 год, проявляет недостаточно интереса, чтобы обеспечить нам предпосылки самостоятельности".

В конце письма было сделано политическое заявление: "...Благодаря поразительному расцвету могущества России наш народ полностью разгадал лживость двадцатилетней национал-социалистской пропаганды и преисполнен удивления перед грандиозными успехами Советского Союза. В особенности стало беспредельным доверие австрийского рабочего класса к советским республикам. Австрийские социал-демократы по-братски договорятся с коммунистической партией и будут совместно работать на равных правах при воссоздании республики".

Говоря об отношении австрийского рабочего класса и подавляющего большинства австрийского народа к Советскому Союзу, Реннер, вне всякого сомнения, верно отразил тогдашние настроения в Австрии.

И. В. Сталин ответил К. Реннеру: "Благодарю Вас, многоуважаемый товарищ, за Ваше послание от 15 апреля. Можете не сомневаться, что Ваша забота о независимости, целостности и благополучии Австрии является также моей заботой". Он заверил, что готов оказать Австрии любую помощь по мере сил и возможностей.

В конце апреля было создано Временное правительство Австрии во главе с К. Реннером. В его состав вошли и коммунисты. При содействии СССР 15 мая 1955 г. в Вене был подписан Государственный договор, закрепивший нейтралитет и независимость Австрии.

Сразу же после освобождения Вены пришлось решать вопрос об управлении городом. Казалось бы - это далекое от Генштаба дело, но в тот период Генштаб занимался и такими проблемами. Мы знали, что из семимиллионного населения Австрии в Вене проживало около полутора миллионов человек и заботиться об их пропитании и прочих нуждах придется на первых порах нашим военным властям.

В Генеральном штабе считали, что задачи управления Веной могли решить военные власти, в частности военный комендант. Мы предложили кандидатуру генерала А. В. Благодатова - заместителя командующего 57-й армией. Связались по телефону с Ф. И. Толбухиным, который разделил это мнение, а затем и подтвердил его в одном из документов в Ставку. Но Верховное Главнокомандование с соображениями Генштаба и командования фронта не согласилось: нам разъяснили, что наше предложение не учитывало необходимости решения внутренних вопросов жизни Австрии, в том числе Вены, самими австрийцами. Наличие

в столице только советской военной власти находилось бы в противоречии с нашей политикой и правительственным заявлением по Австрии. Кроме того, военная власть не сумела бы развить инициативу населения по восстановлению условий нормальной жизни города в той степени, как это могла сделать авторитетная, знающая до тонкости местные условия австрийская магистратура. А в этом - в инициативе и нормализации жизни народа - заключалась сущность советской политики в освобожденной Австрии.

Именно поэтому члены Советского правительства и Ставки Верховного Главнокомандования, собравшись на очередное совещание в Кремле, категорически высказались за выдвижение гражданского руководителя Вены из самих австрийцев. Но так как относительно конкретной кандидатуры бургомистра Вены не было никаких предложений ни у Толбухина, ни у Реннера, начавшего формировать Временное правительство Австрии, то из Ставки послали Толбухину по телеграфу такое предписание: "Вену нельзя оставлять без бургомистра. Пусть австрийские авторитетные люди сговорятся насчет кандидатуры, а Вы дайте санкции". Так был решен вопрос о самоуправлении Вены и участии австрийских властей в выборе бургомистра. Спустя некоторое время им стал бывший генерал Кернер. Его выдвижение одобрили самые различные слои австрийского населения. Кернер был социал-демократом и в свое время не принял нацистской диктатуры, откровенно об этом высказался и был арестован гитлеровцами. До момента освобождения Вены советскими войсками он находился в заключении. Будучи в тюрьме, Кернер проявил себя как патриот Австрии и антифашист. По натуре это был человек очень деятельный, весьма сведущий не только в военном деле, но и в сложных политических проблемах. В Вене он пользовался большим уважением. "Слывет честным человеком",- докладывал о нем генерал А. В. Благодатов, военный комендант Вены, который работал впоследствии в тесной связи с бургомистром.

Особенно активно пришлось сотрудничать с бургомистром генерал-полковнику А. И. Шебунину - заместителю Толбухина по тылу. Старый коммунист, прошедший большую жизненную и военную школу, он был хорошим организатором служб войскового тыла, и в Вене это пригодилось. Шебунин наладил снабжение венцев продовольствием, а Кернер, оказавшийся тоже отличным хозяйственником, всячески помогал советским коллегам.

В освобожденной Вене на первых порах установился такой порядок, что министры австрийского Временного правительства

довольно часто обсуждали с нашим командованием и Военным советом фронта, как лучше решать неотложные дела. Конечно, австрийцы многое просили, и обычно их просьбы были обоснованными и удовлетворялись. В Вене и по стране развернулись восстановительные работы. Строители, забросившие в военные годы свой инструмент, опять взялись за дело. В Вене советский комендант нередко навещал строительные площадки, беседовал с рабочими, помогал местным властям автотранспортом, а кое-где и рабочей силой.

Генералу Шебунину приходилось решать и самые щекотливые вопросы, по части которых он был большой знаток и редко допускал какие-либо огрехи. Но не менее дотошный Кернер даже у Шебунина обнаружил однажды промах. Речь шла о снабжении горожан солью. Шебунин подсчитал, сколько соли нужно венцам, и отдал распоряжение доставить ее в Вену. Но спустя некоторое время Кернер попросил еще соли. Шебунин в недоумении запросил бургомистра, пытаясь понять, в чем дело, но вынужден был признать свою ошибку: оказалось, что не учли соль, необходимую для хлебопечения, о чем новый венский бургомистр не забыл. Факт вроде бы мелкий, но и он свидетельствовал о добрых деловых отношениях между представителями советского командования и австрийскими властями в только что освобожденной от фашистов Вене...

Советское командование немало сделало для восстановления нормальной жизни австрийского народа, освобожденного из-под гитлеровского гос-подства. Хочу в заключение подчеркнуть, что все это происходило тогда, когда советские люди сами жили на полуголодном пайке среди руин разрушенного врагом хозяйства наших западных районов.

Работа по нормализации жизни освобожденных от гитлеровских оккупантов стран одновременно с руководством боевыми действиями войск давалась далеко не просто. Она требовала постоянного и предельного напряжения сил участвующих в ней людей. Ф. И. Толбухину, А. С. Желтову и другим руководящим работникам фронта нужно было иметь железные нервы и утроенное внимание, чтобы разобраться в хитросплетениях местных проблем. Особенно трудно приходилось Федору Ивановичу, здоровье которого и так не было крепким. Почти всегда, когда Генштаб докладывал обстановку на фронтах и доходил до 3-го Украинского, И. В. Сталин или кто-либо из присутствующих в Ставке обязательно спрашивал о самочувствии командующего. Не были здоровяками и многие другие наши маршалы и генералы, систематически переносившие колоссальные перегрузки. Но в годы войны они меньше всего

думали о собственном здоровье.

Воины 3-го Украинского фронта до конца войны вели бои на территории Австрии против укрепившихся в горах западной части страны гитлеровских войск. Здесь находилась вторая по силе после группы армий "Центр" группировка противника, насчитывавшая почти 450 тыс. человек. На этих рубежах и пришел к советскому солдату час долгожданной победы. Но около 26 тыс. солдат и офицеров не дожили до того светлого дня, приблизив полное освобождение Австрии ценою своей жизни...

Глава 11. Направление второстепенное

Что такое второстепенное направление. - Финны просят перемирия и отказываются от него. - К. А. Мерецков на Карельском фронте. - Неофициальные переговоры в Москве. - Готовим наступление. - Разгром. - Официальные переговоры. - Освобождение Заполярья и северной части Норвегии. - Остров Борнхольм.

Есть у военных такое понятие - направление главного удара. Здесь решаются основные задачи войны, операции или боя, сюда направляется более всего сил и средств, к тому же лучших, ему уделяется особенное внимание. Любой солдат, офицер или военачальник стремится на главное направление. На второстепенном - задачи поскромнее, сил и средств поменьше, внимания - тоже. А воевать здесь не легче, даже, пожалуй, труднее.

Так было и на северном фланге советско-германского фронта, протянувшемся почти на 1600 км. Незримо делит его Полярный круг на две неравные и несхожие части. Карелия - край тихих зорь, вековых лесов и чистых светлых озер. Заполярье - это тундра, скалистые бесплодные плоскогорья с безлесными холмами, вытянутые к морю озера и бурные реки. Длинная ночь сменяется непрерывным днем. Сурова природа - даже солнце бессильно растопить пятна вечной мерзлоты. Но мурманский берег, омываемый теплым течением, весь год напролет трудится, отправляя и принимая корабли.

Оба эти непохожие друг на друга края - соседи, и каждый по-своему богат: лес, рыба, металлы...

Гитлеровское командование учло в своих военных планах экономическую важность и большое стратегическое значение этого театра для нашей страны. Оно правильно оценило роль наших морских коммуникаций и железной дороги к Мурманску. Поэтому с самого начала войны, в конце июля 1941 г., на северном фланге советско-германского фронта развернулось широкое наступление противника на всех доступных для этого направлениях.

К незамерзающему побережью Баренцева моря, к Мурманску и Беломорью устремилась 20-я - так называемая Лапландская армия немцев, специально обученная боевым действиям в особых условиях Севера. По узким неудобным дорогам Карелии наступали финские войска. Враг рвался вперед, надеясь овладеть Заполярьем и шедшими к нему железнодорожными путями.

Соотношение сил на сухопутном участке Северного фронта оказалось тогда на стороне противника. В результате жестоких боев и ценой больших потерь немецко-финским войскам удалось оттеснить наши силы и значительно продвинуться вперед, подойти вплотную к Ухте и Ругозеру, захватить Медвежьегорск и Петрозаводск, форсировать Свирь и создать плацдарм на ее южном берегу. На этом рубеже наступление противника было остановлено. С тех пор и вплоть до июня 1944 г. начальник направления этого фронта генерал М. А. Красковец изо дня в день подтверждал почти неизменную линию переднего края советских войск.

Стабилизация фронта отнюдь не означала тихую, безмятежную жизнь. Как на Карельском фронте, так и на участке 7-й отдельной армии между Онежским и Ладожским озерами, на Карельском перешейке, где обороняли город на Неве войска Ленинградского фронта, шли постоянные бои местного значения, державшие противника в непрерывном напряжении, не позволявшие ему снимать отсюда силы для использования на главных направлениях.

Неспокойное Баренцево море денно и нощно бороздили корабли Северного флота, проводя транспорты союзников, обеспечивая оборону северных рубежей страны с моря и авиацией с воздуха, на Ладожском и Онежском озерах успешно действовали наши озерные военные флотилии.

Большие и неудобные для человека пространства как бы поглощали здесь людей и технику. Привычные оперативные понятия о плотности насыщения фронта войсками, исчисляемой, как известно, количеством километров на одну дивизию и числом танков, орудий и минометов на километр фронта, на этом театре выражались формулой, где первая цифра нередко переваливала за сотню, а количество орудий и танков на километр исчислялось однозначными цифрами. Так, на 1600 км фронта в самое лучшее время приходилось всего 22 расчетные дивизии (более 73 км на одну дивизию). Многочисленные безлюдные участки местности контролировались только отдельными отрядами и патрулями.

Танкам здесь негде было развернуться, и применялись они мало, за исключением некоторых направлений, где местность позволяла ограниченно использовать их, и то после сложного

технического и инженерного обеспечения.

Оборона на северном фланге осуществлялась по принципу действий на широком фронте. Сил и средств у Карельского фронта было немного. Ему приходилось изворачиваться, часто обращаться за помощью к Ставке. "Вечным просителем" называл этот фронт Верховный Главнокомандующий. Он понимал условия борьбы, сочувствовал, но войск не давал, постоянно помня о других, главных направлениях войны.

Войска здесь располагались очагами по отдельным направлениям, локтевой связи обычно не имели. Часто батальон, рота, а то и взвод, оторванные от других сил, удерживали в течение длительного времени высоты, дороги через леса, болота и горы или иные важные объекты. Они делали это в условиях зимней стужи и полярной ночи, карельских снегов и голых северных скал, непроходимых топей и нетерпимого летнего гнуса, по-хозяйски опираясь на островки сухой земли среди кочкарника и стремнин, устраиваясь поприкладистей для стрельбы и поудобнее для рукопашного удара. Снабжать всем необходимым войска в таких условиях втройне было сложнее.

После того как наступление противника на северном фланге советско-германского фронта в 1941 г. было надежно остановлено, Ставка и Генеральный штаб не баловали этот театр военных действий особым вниманием. Все помыслы их были направлены к тому, чтобы нанести поражение немецко-фашистским войскам на основных стратегических направлениях: там решался исход второй мировой войны и находился ключ от логова фашистского зверя. Нужно было сломить вермахт, как главную силу фашизма. Тогда с сателлитами Германии, в том числе и Финляндией, полагали в Ставке, должно было произойти то, что бывает с ветвями, когда падает срубленное под корень дерево.

В конце 1943 г. уже не оставалось сомнений, что перелом в ходе войны закреплен прочно. Под Курском произошло окончательное крушение расчетов гитлеровского командования вернуть себе инициативу. Немецко-фашистская наступательная стратегия полностью провалилась.

Победы Советских Вооруженных Сил открыли глаза политикам и военачальникам многих стран на ближайшие перспективы войны. Повысили активность наши союзники. Они высадили войска на Апеннинском полуострове. Италия вышла из войны на стороне фашистской Германии. Во многих странах Европы, оккупированных немецко-фашистскими захватчиками, шире развернулось движение Сопротивления. Теперь на земле и на море в основном наступали силы антигитлеровской коалиции.

Тегеранская конференция "большой тройки", как звали в то время Ф. Рузвельта, И. В. Сталина и У. Черчилля, представлявших три великие союзные державы, приняла важнейшие решения о втором фронте и последующих операциях.

Начало 1944 г. было для Красной Армии благоприятным. В зимней кампании она взломала оборону гитлеровских войск под Ленинградом, на Правобережной Украине и в Крыму. Славные победы краснозвездных воинов были важны не только сами по

себе - они означали на этот раз крушение оборонительной стратегии гитлеровского вермахта на советско-германском фронте и открывали новый период в ходе войны. Теперь всем мыслящим людям стало видно, что Советский Союз в состоянии своими силами разбить врага на собственной территории, освободить оккупированные народы Европы и осуществить полный разгром гитлеровской Германии.

Однако эта перспектива, радующая народы всего мира, по-своему пугала наших союзников и врагов. Боязнь потерять моральный и политический престиж заставила правящие круги США и Великобритании по-деловому развернуть подготовку к открытию второго фронта.

В стане фашистской Германии произошло очередное серьезное ослабление его прочности: заколебалась Финляндия.

Смятение в лагере финских приспешников Гитлера Генеральный штаб почувствовал в середине февраля 1944 г., когда Ленинградский и Волховский фронты нанесли тяжелое поражение осаждавшей Ленинград с 1941 г. 18-й армии противника. Советские войска освободили Новгород и Лугу. Ленинградцы вышли на реку Нарва, за которой высился город того же названия, превращенный в мощный узел немецко-фашистской обороны. Часть войск Ленинградского (впоследствии 3-й Прибалтийский) фронта нацелилась на Псков и Остров.

Финское правительство поняло, что вслед за разгромом немецко-фашистских войск под Ленинградом и Новгородом последует наступление Красной Армии против Финляндии. Для противодействия ему достаточных сил у финнов не было, гитлеровские войска сами терпели жестокие поражения на главных направлениях и большой поддержки оказать не могли. Тогда-то, в середине февраля 1944 г., финны и начали искать контакты с нашим послом в Швеции А. М. Коллонтай. Целью поисков был выход Финляндии из войны, из гитлеровской коалиции. Финское правительство направило в Швецию выдающегося деятеля Финляндии Ю. К. Паасикиви, известного своими прогрессивными взглядами. Как представитель Финляндии он должен был выяснить условия Советского правительства относительно прекращения войны.

Финские руководители, однако, не переставали при этом надеяться, что военное счастье еще улыбнется им, и, направляя Ю. Паасикиви в Швецию, стремились оттянуть время неминуемой в будущем капитуляции.

Тогда же, в начале февраля, в советской Ставке уже было решено, что с выходом Волховского фронта на подступы к Пскову и Острову его войска будут переданы в состав Ленинградского и

2-го Прибалтийского фронтов, а штаб и другие органы управления подлежат перемещению на Карельский фронт, где и станут выполнять функции по руководству войсками. Такой маневр был очень нужен. Штаб бывшего Волховского фронта являлся сколоченным коллективом, хорошо знавшим условия войны на севере, обладавшим опытом руководства крупными наступательными операциями. Этого опыта не было у штаба, который имелся до того на Карельском фронте.

13 февраля Волховский фронт был упразднен, а командующего фронтом генерала К. А. Мерецкова пригласили в Ставку. И. В. Сталин предложил ему принять должность командующего Карельским фронтом. После недолгих переговоров Кирилл Афанасьевич, который, как и все, мечтал о направлении главного удара, согласился занять этот пост. Верховный Главнокомандующий коротко обрисовал политическое положение Финляндии и заметил, что лично он не верит в быстрый выход ее из войны. Сталин приказал Мерецкову поскорее убыть на фронт и обратить особое внимание на разведку противника. Был еще один особый совет: поскольку Финляндия затеяла переговоры о перемирии, И. В. Сталин рекомендовал разгромить в первую очередь гитлеровские войска.

Наряду с проведением этих организационных мероприятий были предприняты некоторые меры, так сказать, психологического нажима на финнов, побуждавшие их к переговорам.

Около полуночи 14 февраля И. В. Сталин приказал Генштабу передать командующему Ленинградским фронтом генералу Л. А. Говорову, что необходимо овладеть городом Нарва не позднее 17 февраля, "Этого требует обстановка, как военная, так и политическая,- подчеркивал Сталин.- Это сейчас самое главное. Требую от Вас принятия всех необходимых мер для освобождения Нарвы не позже указанного срока".

Смысл депеши был понятен, поскольку освобождение южного берега Финского залива от гитлеровских войск создавало дополнительный фактор, неблагоприятно влиявший на военное положение Страны Суоми. Нужно заметить, что немцы отлично понимали значение Нарвы и упорно ее удерживали.

Условия перемирия, предъявленные финнам со стороны Советского Союза, были минимальными. Они предусматривали разрыв отношений с Германией и интернирование немецких войск в Финляндии. При этом СССР предлагал помочь, если интернирование гитлеровских войск окажется для Финляндии непосильной задачей. Одним из требований СССР был отвод финских войск за границу 1940 г. и восстановление последней.

Советские военнопленные и пленные союзных нам армий подлежали немедленному возврату. Решение всех других вопросов оставлялось до переговоров в Москве.

Пока шли сложные дипломатические переговоры, К. А. Мерецков, а вслед за ним и штаб прибыли в Беломорск, где находился командный пункт Карельского фронта. По своему характеру новый командующий был очень общительным и деятельным человеком. Он легко вошел в курс дела. Генерал-полковник В. А. Фролов, ранее командовавший фронтом, не посчитал для себя зазорным принять должность заместителя у Мерецкова и быстро ознакомил Кирилла Афанасьевича с положением войск и особенностями их действий.

Членом Военного совета фронта являлся генерал-лейтенант Т. Ф. Штыков, один из опытнейших политработников, всего полтора месяца как прибывший на этот фронт. Он тоже пока осваивал обстановку и охотно сопровождал командующего в поездках по войскам. Штабом фронта руководил немолодой уже генерал-лейтенант Б. А. Пигаревич, хорошо знавший штабную работу, но не обладавший, к сожалению, опытом организации и управления крупными наступательными операциями, да еще в таких сложных условиях, как на Карельском фронте. Впоследствии ему пришлось сдать должность начальника штаба фронта более энергичному и лучше подготовленному во всех отношениях генералу А. Н. Крутикову. До этого момента Крутиков успешно командовал 7-й отдельной армией, вошедшей с весны 1944 г. в состав Карельского фронта.

Хорошие отношения сложились у К. А. Мерецкова и с командармами. 14-й армией на севере командовал генерал-лейтенант В. И. Щербаков, 19-й генерал-лейтенант Г. К. Козлов, 26-й - генерал-майор Л. С. Сквирский, 32-й генерал-лейтенант Ф. Д. Гореленко, 7-й армией командовал с сентября 1944 г. генерал-лейтенант В. А. Глуздовский.

Кирилл Афанасьевич побывал и на Северном флоте, который взаимодействовал с фронтом на приморском участке немалого протяжения. Командовал североморцами в то время контр-адмирал Арсений Григорьевич Головко, удивительный человек по разнообразию дарований, отзывчивости к людям, уму и душевной теплоте. Он вступил в должность командующего Северным флотом в июле 1940 г. и в свои тридцать четыре года стал выдающимся флотоводцем, умевшим оценить обстановку и принять обоснованное решение в считанные минуты. За разум, горячее и доброе сердце его любили и уважали все, кто с ним рядом сражался или работал.

Изучая фронт, К. А. Мерецков помнил личное задание

Верховного Главнокомандующего по разведке. И. В. Сталин не любил опозданий с докладами или проволочек, с чем приходилось очень считаться. Особенно нелегко было от неожиданных вопросов Верховного Главнокомандующего, которые он частенько задавал. В марте разведывательная деятельность войск Карельского фронта дала важные результаты. Взятые пленные показали, что 20-я Лапландская армия немцев, состоявшая из корпусов "Норвегия", 36-го армейского и 18-го горного, приняла новое, ухтинское направление за счет расширения полосы обороны 18-го горного корпуса. Выявилось, что некоторые дивизии финнов отведены в тыл. Видимо, создавались резервы.

Усиленная разведка давала возможность установить слабые места в обороне противника и нанести ему чувствительные удары. 20 марта, например, командир 94-го стрелкового полка 21-й стрелковой дивизии, находившейся на кандалакшском направлении, установил, что перед ним появилось до батальона немцев, которые успели создать лишь снежные окопы. Командир полка принял решение разгромить противника, пока тот не успел закрепиться. Комдив решение утвердил. В тот же день полк нанес короткий стремительный удар по немецкому батальону, окружил его и разгромил. Пленные рассказали, что батальон был выдвинут из резерва, чтобы помешать русским строить дорогу в направлении Алакуртти.

Полученные разведкой данные наводили на размышления. Противник, очевидно, ожидал наступления с нашей стороны и готовился к его отражению. Немецкие наставники финских политиков уже не доверяли им, видимо, столь беспредельно, как прежде. Об этом свидетельствовал приведенный выше эпизод с немецким батальоном, уничтоженным атакой 94-го полка. Можно было полагать, что и финны не собирались прекращать войну, если выводили дивизии в состав глубоких резервов.

Однако они прислали в Москву для переговоров делегацию в составе Ю. Паасикиви, К. Энкеля и О. Энкеля, чтобы получить с нашей стороны более подробное толкование советских условий перемирия. Переговоры вел В. М. Молотов, который накануне вызвал меня, сообщив, что я буду принимать участие в этих переговорах и что мне нужно быть готовым и явиться завтра к нему в кабинет к 10.00 в гражданской одежде.

Все было бы хорошо: я на память точно знал положение сторон на фронте, имел полное представление по ряду военных вопросов, которых могли касаться в ходе работы. Но я не имел... штатского костюма! Сегодняшнему читателю это покажется странным. Но до войны мы как-то не помышляли о таком платье,

да и не принято было тогда ходить вне службы в гражданской одежде. В молодости мы и в театр ходили с наганом и шашкой на боку и гордились этим. В войну же тем более было просто неуместным думать о штатском костюме. А вот сейчас он понадобился... Выручил Народный комиссар иностранных дел. Он распорядился срочно сшить мне черную тройку. Прибыл степенный мужчина с манерами мага-волшебника, обмерил меня с ног до головы и за одну ночь без примерки изготовил костюм...

Финской стороне подробно были разъяснены условия перемирия. В конце марта финская делегация отбыла на родину. Но шли дни и недели, а оттуда не было ответа...

Ознакомление с войсками и штабами Карельского фронта показало К. А. Мерецкову, что нужно учить и тех и других современным методам ведения наступательных операций и боя.

Генеральный штаб проявлял особое беспокойство относительно органов управления войсками, поскольку твердо и непрерывно руководить наступлением на широком фронте в условиях Заполярья или Карелии было далеко не простым делом. Когда К. А. Мерецков был в Москве, ему прямо об этом сказали. Он не забыл этого и в апреле - мае 1944 г. развернул очень широкое и основательное обучение войск наступлению. Учились все - и строевики и штабные командиры, начиная со взвода, кончая фронтовым звеном.

Можно сказать много добрых слов в адрес К. А. Мерецкова и его боевых товарищей, проявивших огромную настойчивость в деле подготовки войск. Эта учеба, беспокойная и трудная, сберегла нам много человеческих жизней в последующих боях. 19 апреля финское правительство ответило, что не может принять условия перемирия, предложенные Советским Союзом. В Финляндии взяла верх реакционная часть правительства - Рюти, Таннер и другие, призвавшие на помощь представителей фашистской Германии.

Отказ финского правительства вынуждал Ставку и Генеральный штаб пересмотреть вопрос о том, кого следует громить в первую очередь - немцев или финнов. На очередном докладе по обстановке на фронтах А. И. Антонов обмолвился в удобной форме на эту тему, сказав, что теперь, после отказа финнов от условий перемирия, следует, пожалуй, начать не с немецко-фашистских войск, а с более слабой финской армии. Верховный Главнокомандующий согласился с этим. Однако он приказал создать и поддерживать у противника видимость, что советское командование преследует цель овладеть районом Петсамо. Это, по мнению И. В. Сталина, могло усыпить бдительность финнов и ослабить их готовность к отражению

ударов советских войск в районе Петрозаводска и под Ленинградом.

В Генштабе был разработан несложный замысел мероприятий по дезинформации противника. Он предусматривал демонстрацию подготовки советского наступления в районе Петсамо с высадкой десантов Северного флота на прилегающее морское побережье Норвегии. 20 апреля все необходимые распоряжения по плану дезинформации были отданы командующими Карельским фронтом и Северным флотом. На самом же деле все наши помыслы обращались уже к той части северного фланга фронта, где располагались финские войска.

На совести реакционных политиков Финляндии Рюти, Таннера и иже с ними, не пожелавших принять гуманные условия перемирия с СССР, лежат тысячи жизней финских и советских воинов, павших в сражениях летом 1944 г.

В замысел операций на северном фланге советско-германского фронта была заложена идея последовательного разгрома противника. Теперь, после 20 апреля, первые удары советских войск должны были обрушиться на финскую армию. В Генеральном штабе полагали, что войска финнов, хуже вооруженные и подготовленные, чем немецкие, понесут поражение в относительно короткий срок.

Разгром финских войск, по нашим расчетам, должен был существенно ослабить положение 20-й немецкой горной армии, занимавшей фронт в Заполярье. Южный фланг немецкого участка обороны неминуемо оголялся и открывал большие возможности для наших последующих ударов. Возникала перспектива изоляции основных сил противника от путей отхода к западным портам Финляндии и в глубину норвежской территории.

Такой порядок действий исходил из сложившейся тогда обстановки. На финском участке фронта быстрее всего могли быть поставлены под удар основные жизненные центры Финляндии, до которых были самые короткие расстояния. Здесь располагались главные силы финских войск. С разгромом их рушилась вся система финской обороны. Для наступления могли быть привлечены два фронта Ленинградский и Карельский, Балтийский флот и озерные флотилии, большое количество авиации.

Правда, укрепления противника здесь были весьма серьезными. На Карельском перешейке они представлялись долговременными сооружениями пресловутой линии Маннергейма, вновь восстановленной противником, и разного рода многими другими искусно оборудованными инженерными препятствиями. Мощные укрепления имелись и на свирском

участке фронта. Все это предстояло прорывать, но у советского командования имелись достаточные для этого силы и средства.

В конечном счете было решено на Карельском перешейке операции проводить Ленинградскому фронту во взаимодействии с Балтийским флотом и дальней авиацией, на свирско-петрозаводском участке - Карельскому фронту с подчинением ему озерных военных флотилий.

Первый удар по главным силам противника должен был нанести Ленинградский фронт. Его задача состояла в том, чтобы прорвать финскую оборону в направлении Выборга и создать угрозу вторжения советских войск в глубину Финляндии к основным политическим и экономическим центрам, в том числе Хельсинки. На второстепенном направлении фронту предстояло частью сил выйти на Сортавалу и по северному берегу Ладоги нацелиться в тыл противнику, оборонявшемуся в Карелии. Для проведения операций Ленинградскому фронту передавалась из резерва Ставки 21-я армия, которой с конца апреля стал командовать бывший начальник штаба Ленинградского фронта генерал-полковник Д. Н. Гусев.

Имея в тылу советские войска, финны перед Карельским фронтом едва ли могли чувствовать себя уверенно. В этот момент и должно было начинаться наступление войск К. А. Мерецкова.

В свою очередь планы операций Карельского фронта предусматривали главный удар на свирском участке. Здесь была сосредоточена 7-я армия со значительными средствами усиления, позволявшими, по нашим расчетам, с ходу форсировать полноводную Свирь. Прорыв на север вдоль восточного берега Ладожского озера обеспечивал наступавшим здесь советским войскам выгодное фланговое положение относительно финской обороны в районе Петрозаводска с перспективой выхода ей в тыл. Соображения были тщательно продуманы, работа над планами продолжалась весь апрель, а с привлечением командований фронтов - и май.

В конце марта 1944 г., когда Генштаб развернул работу над планами операций на северном фланге советско-германского фронта, в Москве стояли погожие весенние дни. Для нас же, генштабистов, время было, прямо скажу, горячим. Тогда 1-й и 2-й Украинские фронты громили группы армий противника "Северная Украина" и "Юг" на правом берегу Днепра, гнали их за Прут и Серет. 3-й Украинский фронт нацелился на Одессу. Работы, понятно, было по горло, и нам не удавалось даже вдохнуть живительный воздух весны полной грудью. Я был счастливее моих товарищей, поскольку каждый день с А. И. Антоновым совершал недолгие поездки на автомашине в Кремль

да более продолжительные - на "ближнюю" дачу И. В. Сталина в Кунцево.

Выезжать к Верховному Главнокомандующему мне приходилось иногда и в одиночку, поскольку И. В. Сталин нередко интересовался состоянием работы над той или иной операцией или требовалось срочно заменить карты, которые лежали у него на столе. Вот так было и в конце марта. А. И. Антонов передал мне приказание И. В. Сталина через три часа прибыть на "ближнюю". "Хозяин хочет еще раз посмотреть карты с замыслом операций на северном фланге,- добавил он,свезите их ему". Я собрал нужные материалы, внимательно просмотрел их и к назначенному времени отправился в Кунцево. По пути продумал еще раз соображения Генштаба, которые Верховный Главнокомандующий в основном уже одобрил.

...Неширокая асфальтированная дорога к даче, отделившись влево от забитого повозками и автомашинами Минского шоссе, бежит зигзагами сначала по опушке, затем по тихому смешанному лесу и заканчивается у зеленого деревянного забора с широкими, тоже деревянными воротами. Сразу за ними опять лес. Справа могучие сосны. Слева хоровод тонких белоствольных березок, за ними снова сосны. Кое-где хмуроватыми пятнами маячат ели. На извилистой лесной дороге от ворот участка ко входу в здание дачи обычно не замечалось никакой охраны. Не видно ее и у дачи. Охрана была у ворот, а в лесу, окружавшем дачу, она несла свою службу скрытно, незаметно.

Въехав на территорию дачи, я невольно залюбовался спокойной красотой подмосковной природы. Но дорога была короткой, очарование длилось недолго.

Невысокая двухэтажная дача с двускатной крышей за лесом почти неприметна. Она тоже зеленая и возникает сразу, как только автомашина круто вывертывает из царства деревьев на круг у главного входа в дом. Летом здесь бьет фонтан в небольшом каменном бассейне. А кругом опять стеной сосны...

Я вылез из машины и с пузатым от карт портфелем в руках направился в дом. Начальник охраны встретился на пороге и, зная меня в лицо, пригласил раздеться и проходить.

...Переступив порог, посетитель попадал через небольшой тамбур в прихожую. Здесь он мог раздеться, привести себя в порядок и подготовиться, если нужно, к предстоящей беседе. Справа вдоль стены - незатейливая деревянная вешалка персон на двадцать с надежными никелированными крючками. К услугам посетителей высокое зеркало и набор щеток для одежды и обуви. На полу во всю прихожую шерстяной ковер с замысловатым цветным узором. Однако первое, что бросалось в глаза каждому,

кто приходил сюда, это две большие карты на стене: одна - с линией фронта и другая - с условными обозначениями великих строек социализма. Из прихожей без доклада направлялись к И. В. Сталину.

Во внутренние помещения дачи отсюда можно было попасть через три двери. Прямо - в столовую и через нее налево в спальню И. В. Сталина. Направо - в неширокий длинный коридор, где по правую руку располагались две жилые комнаты. Одна из них служила в прошлом детской и потом была приспособлена под кабинет. Другая, тех же размеров и формы, но потемнее, предназначалась для гостей. По другую сторону коридора находилась длинная открытая веранда. Никакой мебели на веранде не было, кроме передвижной вешалки для посетителей, которую переносили в прихожую, если не хватало той, что была там, да стоял широкий и низкий диван.

Работал И. В. Сталин, как правило, в одной большой и светлой комнате слева от прихожей. Здесь был большой широкий стол, где хорошо размещались военные карты, стоял такой же, как и в других помещениях, диван.

Вдоль короткой стены дачи была крытая веранда с большим ковром на полу и широким диваном того же серо-зеленого, приятного для глаз цвета. В углу веранды слева от входа стояла железная лопата с отполированной руками деревянной ручкой и хранился в большом шкафу прочий садовый и огородный инвентарь. И. В. Сталин любил ухаживать за розами, яблонями, посаженными по берегу пруда, развел небольшой лимонарий и даже выращивал... арбузы.

Местом торжеств и приемов являлся большой зал-столовая. Сюда попадали сразу из прихожей. Украшений тут никаких не было, только в проемах между окнами висели два больших портрета - В. И. Ленина и А. М. Горького.

Посредине зала почти в три четверти его длины стоял широкий полированный стол. У входа - небольшой салонный рояль красного дерева. В 1945 г. рядом с роялем поставили уже известный читателю подарок американцев - автоматический проигрыватель грампластинок. Обстановка зала дополнялась двумя диванами небольшим с зеркалом на спинке и большим, того самого типа и цвета, которые стояли, пожалуй, во всех жилых и нежилых помещениях дачи. На этом диване в столовой И. В. Сталин и скончался 5 марта 1953 г.

Второй этаж дачи хозяин посещал редко. Там были две большие светлые комнаты. Первая из них служила гостиной и приемной, вторая - спальней. В этих комнатах в августе 1942 г. останавливался У. Черчилль, когда в первый, раз посетил Москву.

В своих мемуарах он называет эту дачу государственной дачей No 7 и вспоминает о своем пребывании здесь с удовольствием.

Имелась на даче и большая кухня. О ней, может быть, не следовало и говорить, если бы она тоже не отражала быта и привычек хозяина дачи. На кухне кроме обычной плиты, где готовились простые, здоровые блюда, имелась специальная шашлычная печь. И - самое примечательное - за деревянной перегородкой была большая русская печь, в которой пекли хлеб. Кроме того, по рассказам работавших здесь людей, Сталин, когда уж очень донимал его радикулит, приходил сюда, раздевался, клал на горячие кирпичи широкую доску и, кряхтя, залезал на нее "лечиться".

...Прихожая была пуста. Стояла глубокая тишина. Я открыл дверь в столовую. Никого... Потолкался на месте, кашлянул в кулак, чтобы привлечь к себе внимание обитателей дома. Опять никого... Вот тебе и вызов для доклада! Не было еще случая, чтобы И. В. Сталин не принимал человека, если вызывал к себе.

Неожиданно открылась дверь направо, ведшая в коридор, и появилась фигура в овчинном тулупе до пят с высоко поднятым воротником. Из-под полы тулупа виднелись поднятые вверх носы больших черных валенок, подшитых толстым войлоком.

Фигура, от которой исходил крепкий запах леса, похлопала рукавами тулупа и сказала голосом И. В. Сталина: "Сейчас, товарищ Штеменко, пройдите в кабинет. Я буду через минуту..."

Теперь все стало ясно: Сталин имел обыкновение отдыхать в зимние дни на веранде. Он лежал там в валенках, меховой шапке-ушанке, плотно завернувшись в широкий овчинный тулуп. Оказывается, я попал как раз в такое время.

Вскоре Верховный Главнокомандующий в привычном сером костюме военного покроя, в мягких сапогах и с неизменной трубкой в руке уже слушал мой доклад. Просмотрев карты, он задал несколько вопросов относительно условии маневра войсками и материальными средствами на северном фланге советско-германского фронта. Я ответил, не забывая, что И. В. Сталин хорошо знает театр еще со времен советско-финляндской войны.

Верховный Главнокомандующий не перебивал, а потом, прохаживаясь по кабинету, стал рассуждать о последовательности операций советских войск. Я записывал в рабочую тетрадь смысл его рассуждений, который сводился к тому, что если Ленинградскому фронту предстояло провести несколько одновременных операций на Карельском перешейке, то Карельскому фронту на огромных пространствах севера придется проводить две такие операции, причем последовательно: сперва -

против финнов, потом - против немецко-фашистских войск.

И. В. Сталин подошел к камину, подбросил несколько поленьев в уже угасавшее пламя. Затем сказал, что нам, однако, нельзя ни в коем случае ослаблять северный участок Карельского фронта против 20-й Лапландской армии немцев. Нужно держать там наши войска в полной готовности к немедленному удару, не давая врагу возможности сманеврировать частью сил на юг. Теперь, на данной стадии войны, советское Верховное Главнокомандование может себе позволить такое резервирование сил. Мы в состоянии накопить войска и материальные средства, необходимые для успеха намеченной операции против финнов, другими путями, тем более что в условиях бездорожья на северной местности любой маневр является далеко не простым делом. К тому же и финны теперь уже не те, что ранее: они подорваны во всех отношениях и ищут мира.

Я вспомнил этот короткий эпизод потому, что последующая разработка планов операций Карельского фронта проходила с учетом замечаний, высказанных Верховным Главнокомандующим. Он повторил их К. А. Мерецкову, когда тот в конце мая 1944 г. был вызван в Ставку. К. А. Мерецкову приказали ни в коем случае не ослаблять сил, расположенных против немецких войск, памятуя, что они могут в любое время потребоваться для разгрома противостоящего врага.

- А Генштаб, - сказал тогда Верховный Главнокомандующий, - должен напоминать товарищу Мерецкову это мое требование и следить, чтобы оно было выполнено.

Одновременно шло планирование операций на Ленинградском фронте, который, как известно, переходил в наступление первым. К началу активных действий против финнов произошли большие изменения в составе фронта. Как уже сказано, после расформирования Волховского фронта ряд армий последнего был передан в подчинение Л. А. Говорову. Полоса Ленинградского фронта в связи с этим значительно увеличилась, причем армии левого фланга на псковско-островском направлении пытались прорвать оборону противника. Успеха достичь не удалось. 15 апреля 1944 г. командующий Ленинградским фронтом в свойственном ему откровенном и прямом тоне доложил об этом Ставке, указав, что операция свернулась из-за недостатка сил и средств. Ставка посчитала нужным разделить Ленинградский фронт, образовав из 42, 67 и 54-й армий самостоятельный 3-й Прибалтийский фронт, командовать которым стал генерал-полковник И. И. Масленников. Таким образом, Л. А. Говоров и его штаб, возглавляемый с 28 апреля генералом М. М. Поповым, получили возможность

полностью сосредоточиться на операциях против финнов. Кстати, под Нарвой наши удары тогда тоже не привели к освобождению города.

Май в штабе Ленинградского фронта проходил в большой и напряженной работе по уточнению планов действий, согласованию усилий с флотом, сосредоточению войск и материальных средств. Командующий побывал в Москве, план операций рассматривала Ставка и утвердила его. Работа на фронте проходила очень планомерно благодаря твердости и пунктуальности Л. А. Говорова и инициативе отлично знавшего район операций нового начальника штаба М. М. Попова.

В начале июня Ставка утвердила и план операции Карельского фронта. Мне не довелось участвовать в этом мероприятии, поскольку пришлось выехать на 2-й Белорусский фронт для контроля за подготовкой к главной битве 1944 г. в Белоруссии. А 10 июня гром орудий на Карельском перешейке возвестил о начале наступления Ленинградского фронта.

Сложные физико-географические условия Карельского перешейка и три мощные оборонительные полосы с многочисленными позициями, возведенные противником, серьезно ограничивали возможности Ленинградского фронта в отношении маневра силами и средствами в ходе наступления. Поэтому замысел операции предполагал фронтальный удар с прорывом вражеской обороны на приморском фланге, где осуществлялось тесное взаимодействие сухопутных войск с Балтийским флотом на протяжении всего наступления. Развитие операции в глубину предусматривалось за счет эшелонирования сил армий и крупных резервов во фронтовом звене. Выборг предполагали взять на девятый-десятый день операции.

В операции Ленинградского фронта обеспечивалось решительное превосходство сил и средств наступающих войск над обороной противника. Общее соотношение сил было в нашу пользу по пехоте - в 2 раза, артиллерии и танкам - почти в 6, авиации - в 3 раза. В полосе 21-й армии, которая наносила главный удар, сосредоточили большую часть войск и боевой техники, находившихся на Карельском перешейке. Здесь, кроме того, наступала еще и 23-я армия. На участке же прорыва шириной в 12,5 км соотношение сил было еще более внушительным, особенно по артиллерии.

Операция на Ленинградском фронте проходила планомерно, хотя и требовала от войск и штабов большого напряжения. Воины проявили героизм и сметку в полной мере и в 19 часов 20 июня, как и планировалось, штурмом овладели старинным городом-крепостью Выборгом. В тот же день войска 23-й армии

Ленинградского фронта, наступавшие по восточной половине Карельского полуострова, вышли на Вуоксинскую водную систему. Назревали вторжение наших армий на территорию Финляндии за Выборгом и выход их по западному берегу Ладожского озера в тыл противнику, оборонявшемуся в Карелии.

Враг пытался остановить войска Ленинградского фронта, упорно обороняя каждую позицию и укрепление. Однако оборона решительно ломалась. На девятый день советского наступления финское военное командование вынуждено было заявить своему правительству о военной катастрофе, нависшей над страной. Правительство уполномочило начальника генерального штаба генерала Хайнрикса обратиться к Гитлеру с просьбой о срочной помощи шестью немецкими дивизиями. Гитлер обещал помочь, потребовав за это усилить сопротивление на Вуоксе. Финны принялись скрести резервы по всем сусекам и решились перебросить на выборгское направление несколько дивизий из Южной Карелии, что значительно ослабило их оборону перед Карельским фронтом. Помощь Гитлера, однако, ограничивалась одной-единственной пехотной дивизией и некоторыми частями усиления. Стало ясно, что Финляндия должна рассчитывать впредь только на свои силы.

Ставка и Генеральный штаб внимательно следили за развитием событий. Вечером 18 июня при докладе положения на фронтах И. В. Сталин заметил, что время наступления войск Мерецкова приблизилось. Он велел А. И. Антонову еще раз обратить внимание Военного совета Карельского фронта на необходимость сохранить в неприкосновенности силы и средства против 20-й Лапландской армии. Алексей Иннокентьевич в 18.45 направил на Карельский фронт особую телеграмму. В ней говорилось: "Верховный Главнокомандующий приказал напомнить Вам его требование не ослаблять правого крыла и центра фронта и без разрешения Ставки не снимать оттуда дополнительно никаких сил и средств помимо разрешенных ранее Ставкой к переброске".

Как мне известно, И. В. Сталин интересовался этим вопросом также на следующий день, когда уже завязались бои за Выборг. Он мысленно видел всю совокупность действий: и переброску сил противника на Карельский перешеек, и ослабление финских войск вследствие этого перед Карельским фронтом, и выход последнего на фланги главной группировки финнов, и вытекающие отсюда операции по окончательному разгрому финской армии, а затем и немецко-фашистских войск, попадающих в положение полуизоляции.

В стане противника нарастало смятение. В стране приступили

к мобилизации резервистов старших возрастов. На Карельский перешеек гнали пополнение и войска с других участков фронта.

21 июня в разгар этих мероприятий противника двинулись вперед армии фронта К. А. Мерецкова. Начался разгром оккупантов в Карелии.

По плану операции здесь тоже создавалось превосходство наших войск над врагом в силах и средствах. В 7-й армии, наносившей главный удар в направлении Питкяранты, оно было: по пехоте в 2 раза, артиллерии и танкам - почти в 6 раз, авиации - в 4,5 раза. С вынужденным отводом части сил противника на Карельский перешеек это превосходство значительно возросло.

Сознавая неизбежность поражения, финны тем не менее делали все возможное, чтобы удержать свои позиции, отбить и остановить наше наступление. До начала операций советских войск в Карелии они отвели части, оборонявшие плацдарм на Свири, за реку, таким образом сократили свой фронт и прикрылись крупной водной преградой. Они упорно сражались на каждой укрепленной позиции и за весь Олонецкий район, буквально начиненный всякого рода инженерными сооружениями, прикрытыми мощным огнем. Более слабыми являлись позиции противника в районах Медвежьегорска и Петрозаводска, где наступали дивизии 32-й армии.

Действия Карельского фронта принесли ощутимые результаты, 23 июня был освобожден Медвежьегорск. На следующий день и река Свирь на всем ее протяжении оказалась за спиной воинов 7-й армии генерала А. Н. Крутикова. Советские войска, ломая сопротивление противника, ворвались в Олонецкий укрепленный район и освободили город Олонец.

Большую помощь оказали наступающим войскам корабли Ладожской и Онежской военных флотилий. 28 июня бойцы 32-й армии возвратили Родине столицу Карелии Петрозаводск. Москва салютовала в честь этого подвига.

Тем не менее Ставка и Генеральный штаб неоднократно выражали недовольство действиями Карельского фронта. Было допущено много промахов в управлении войсками. Находившийся в полосе 7-й армии вспомогательный пункт управления со своими задачами не справился. На нем работала группа недостаточно опытных штабных командиров, которые не обеспечили должной непрерывности, твердости и оперативности руководства боевыми действиями двух армий, авиации и взаимодействующих с ними кораблей флотилий. В результате противник успевал отойти из-под нависавших над ним ударов. Получалось, что мы выталкивали, а не уничтожали врага, оставляя ему возможность ускользнуть и сохранить живую силу.

Генштаб заметил недочеты управления войсками уже в первые дни наступления и дал знать об этом фронту, но дело не улучшилось. Мало того, при подходе войск фронта к государственной границе в районе Куолисмы две дивизии попали в тяжелое положение. На сложной пересеченной местности финны обволокли их мелкими группами, просачивались в отдельных местах в боевые порядки. У одной из дивизий оказались отрезанными пути подвоза. Некоторое время продовольствие и боеприпасы ей доставляли с помощью самолетов.

Такие неудачи были тем досаднее, что в целом-то операции по разгрому финских пособников Гитлера проходили благоприятно. Ставка указала тогда Военному совету, что "последняя операция левого крыла Карельского фронта закончилась неудачно в значительной степени из-за плохой организации руководства и управления войсками. Одновременно Ставка отмечает засоренность фронтового аппарата бездеятельными и неспособными людьми". Она потребовала от Военного совета Карельского фронта решительного исправления отмеченных недостатков. Были сделаны перемещения некоторых руководящих лиц. Начальником штаба Карельского фронта, в частности, как уже было сказано, стал со 2 сентября 1944 г. генерал-лейтенант А. Н. Крутиков.

Катастрофическое развитие событий на фронте вынудило финское правительство изменить политику. Перед лицом близкого военного разгрома пришлось искать пути выхода Финляндии из войны. Под нажимом обстоятельств подали в отставку президент Рюти и прежнее правительство. Новым президентом стал Маннергейм.

Теперь и Гитлеру настало время бить тревогу, поскольку обозначились мрачные перспективы для немецко-фашистских войск в Финляндии. Чтобы выяснить положение на месте и нажать на финнов, в Хельсинки прибыл Кейтель. 17 августа президент заявил ему, что не считает себя связанным соглашением с германским правительством, которое подписал прежний президент Рюти.

Через неделю советский посол в Швеции А. М. Коллонтай - выдающаяся женщина-дипломат - получила заявление финского правительства с просьбой к правительству СССР принять делегацию, договориться о перемирии и заключении мира. Ответ был таков: СССР примет финскую делегацию в том случае, если финны согласны выполнить следующие предварительные условия: публично заявить о разрыве отношений с Германией, предъявить требования о выводе Германией вооруженных сил из

Финляндии в течение двух недель, но не позже 15 сентября; если Германия не выполнит требование о выводе войск, то разоружить немецкие силы и передать союзникам в качестве военнопленных.

Предварительные условия были согласованы советской стороной с правительствами США и Великобритании.

Ожидая ответа финского правительства, Ставка приказала наступление войск 7-й и 32-й армий Карельского фронта приостановить и перейти к обороне на достигнутых рубежах. В директиве по этому поводу особо подчеркивалось: "...Наступательных действий без разрешения Ставки не вести".

...Конец августа 1944 г. был на редкость погожим. И. В. Сталин, как и мы устававший от невероятного напряжения военных будней, предпочитал работать на даче. Там мы представляли доклады по обстановке и документы на подпись. Там нередко собирались и члены правительства.

Хозяин дачи в короткие минуты отдыха был очень приветлив и любил показывать присутствующим дачный участок. Однажды И. В. Сталин, показывая на небольшой пригорок, свободный от деревьев, сказал, что здесь после войны будут расти арбузы. Мы с Антоновым переглянулись: дескать, Кунцево - не Кубань... Но вскоре после войны нам напомнили об арбузах. После авиационного парада в Тушино, который после неоднократных переносов из-за непогоды наконец состоялся, И. В. Сталин пригласил членов Политбюро ВКП (б) и руководство Военного министерства (тогда оно именовалось так) к себе на обед. Столы были накрыты на "ближней" даче в березовой аллее. Погода была превосходная, настроение у всех отличное. После обеда И. В. Сталин повел нас к небольшой горке, на которой действительно росло несколько десятков арбузов! Сталин неторопливо выбрал довольно крупный арбуз, понес его на стол и одним движением длинного ножа ловко рассек пополам. Арбуз оказался на диво красным и довольно сладким. Оставалось только удивляться, как в открытом грунте в условиях Подмосковья могли вызреть такие арбузы...

2 сентября 1944 г. из президентской резиденции в Хельсинки пошло два различных послания: одно - в Берлин Гитлеру, другое - в Стокгольм советскому послу для передачи правительству СССР. В первом послании сообщалось, что Финляндия вынуждена выйти из войны и полна признательности своему союзнику немецкой армии. Во втором послании давался ответ на предварительные условия СССР, США и Великобритании и указывалось, что Финляндия сама проведет в жизнь добровольную эвакуацию или интернирование германских войск на южной части финской территории. Кроме того, предлагалось прервать военные действия

и отвести войска на советско-финскую границу 1940 г.

Маннергейм также указал, что финны готовы принять участие в операции по разоружению немецких войск в северной части Финляндии, но хотели бы договориться в Москве о координации и помощи в этом деле с советским командованием.

В ночь на 3 сентября по финскому радио выступил с речью премьер-министр Хаксель. Он рассказал о положении дел, о "честном" союзе Финляндии с фашистской Германией, о выходе Финляндии из войны под давлением обстоятельств, но даже не упомянул о требовании Советского правительства разоружить гитлеровские войска, разорвать отношения с Германией.

Советское правительство вынуждено было сделать решительное заявление: оно настаивало на принятии Финляндией предварительных условий и предупреждало, что только после этого будет вести с ней переговоры о перемирии и мире.

Заявление СССР возымело действие, и в следующую ночь финское радио передало, что правительство принимает все предварительные условия. К тому же было объявлено о прекращении военных действий финских войск. Тотчас после этого Генеральный штаб получил распоряжение Ставки прекратить огонь против финской армии.

По окончании военных действий против финнов командование Карельского фронта отдало приказ войскам быть готовыми к наступлению против 20-й Лапландской армии немцев. Ставилась задача разгромить противника, овладеть Петсамо и Салмпярви, закрыть гитлеровцам пути отхода к финским и норвежским портам.

8 сентября Военный совет Карельского фронта доложил в Москву, что противник приступил к частичному выводу войск на кандалакшском, кестеньгском и ухтинском направлениях к финскому порту Оулу и в Северную Норвегию, фронт в это время перебрасывал по железной дороге некоторые части и соединения с южного фланга в Заполярье для последующего наступления.

Генеральный штаб внимательно проанализировал обстановку на северном фланге советско-германского фронта. Слагаемых было много, противоречий - не менее. Огонь на финском фронте прекратили, но полной ясности о поведении финской армии пока не было. Предстояла эвакуация или интернирование немецко-фашистских войск. Они уже начали частичный отход на своем правом фланге и проводили его пока без помех.

Финны выразили готовность принять участие в разоружении немецких войск в северной части Финляндии. Но усилия советских и финских армий в этом отношении еще не были

согласованы. Финны хотели договориться обо всем в Москве. Но когда?

Согласно советской военной теории и практике войны следовало переходить в решительное преследование, если противник начинал отвод своих войск с занимаемых позиций. Как должны были поступить советские войска в данной обстановке, поскольку неминуемо нарушилась бы граница СССР с Финляндией, которую рекомендовалось не пересекать? Если преследовать, то как лучше это сделать, если ударных группировок, необходимых для полного успеха, еще не имелось? Фронт хотя и сохранил нетронутыми войска на немецком участке обороны, но только начинал перегруппировку сил и средств, рассчитанную для решения наступательных задач, и делал это, надо сказать, не очень быстро.

Было неясно также, по какому плану предполагает действовать командование Карельского фронта в ближайшем будущем.

Я доложил о наших сомнениях А. И. Антонову. Он сообщил мне, что в Москву уже прибыла финская правительственная делегация для ведения мирных переговоров, но согласился направить К. А. Мерецкову короткую телеграмму с требованием дать ответ по всем неясным вопросам и, таким образом, получить ориентировку на будущее.

В телеграмме, посланной 10 сентября 1944 г. в 1 час 30 минут, было сказано:

"Перегруппировка и действия фронта ведутся крайне медленно, ни на одном из направлений не созданы ударные группы для разгрома немецких войск, уже начавших на некоторых участках отход.

На кандалакшском и кестеньгском направлениях наши войска втягиваются во фронтальные бои с частями прикрытия противника и позволяют ему планомерно отходить, вместо того чтобы отрезать ему пути отхода и разбить его.

Для доклада Ставке прошу 10 сентября донести конкретный план действий войск правого крыла фронта с указанием группировок, порядка действий, рубежей и сроков их достижения по каждому направлению в отдельности. Антонов".

Из ответа на телеграмму следовало, что командование фронта готовится осуществить путем глубоких и трудных обходов решительную операцию против немецко-фашистских войск, отходивших с территории Финляндии. Генштаб так и доложил Ставке.

Верховный Главнокомандующий отнесся с пониманием к намерениям Военного совета, однако с ними не согласился. Его

поддержал Народный комиссар иностранных дел, который уже начал предварительные беседы с представителями финского правительства по поводу перемирия. Беседы проводились с большим уважением к суверенитету Финляндии. Основная мысль их заключалась в том, что участь гитлеровских войск на территории Финляндии должна была решаться не нами, а финнами - хозяевами страны. Если им потребуется помощь и они ее попросят, мы поможем. [498 [

Однако при всех обстоятельствах нам следовало сохранять собственные силы, чтобы разгромить части 20-й Лапландской армии, еще остающиеся на советской земле, и очистить Заполярье от оккупантов.

После короткого обмена мнениями Ставка направила на Карельский фронт директиву, отменявшую решение фронтового командования как неправильное. "Согласно переговорам с финнами,- указывала директива, - выдворением немецких войск из Финляндии должны заниматься сами финны, а наши войска будут оказывать им в этом только помощь".

На этом основании Ставка Верховного Главнокомандования запретила фронту вести самостоятельные наступательные операции против немецких войск. "В случае отхода немцев - продвигаться вслед за ними, не навязывая противнику больших боев и не изматывая свои войска боями и глубокими обходными маневрами, для того чтобы лучше сохранить свои силы".

Решение было, конечно, далеко не обычным, но вполне отвечало условиям обстановки и высшей политики.

На заседании Ставки возник вопрос: не ринется ли энергичный К. А. Мерецков преследовать противника даже при наличии столь ясных и определенных указаний Верховного Главнокомандования? Решили предупредить и это. В директиве написали: "Ставка требует от Вас точного выполнения ее указаний и еще раз предупреждает, что невыполнение указаний Ставки и Ваши попытки забегания вперед повлекут за собой отстранение Вас от командования фронтом".

Заканчивалась директива, как всегда, фразой: "Об отданных распоряжениях донести". В данном случае она особенно звучала.

Надо сказать, что и Генштабу хотелось поскорее разгромить немецкие войска. И нечего греха таить - мы своими устными и письменными запросами толкали вперед командующего фронтом. Так что эта директива была разъяснением не только для К. А. Мерецкова, но и для Генштаба, хотя и писалась его руками.

14 сентября в Москве начались переговоры о выходе Финляндии из войны. Накануне мне сообщили, что я назначен членом советской делегации, руководил которой Народный

комиссар иностранных дел. В состав делегации входили также К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, М. М. Литвинов, контр-адмирал А. П. Александров. Великобританию в переговорах представляли посол Керр и советник-посланник Бальфур. Советские и британские члены делегации действовали от имени всех стран антигитлеровской коалиции. Финны прислали министра иностранных дел К. Энкеля, военного министра генерала Р. Вальдена, начальника генерального штаба генерала Э. Хейнрихса, генерала О. Энкеля.

Линия обороны противника в Карелии находилась на советской территории кое-где на значительном удалении от границы. Финские войска укрепили все подступы к переднему краю, позициям и опорным пунктам в глубине обороны многочисленными, сложными по конфигурации, различными по техническому устройству и действию препятствиями. Помимо рвов и надолб здесь были минные поля, фугасы, сюрпризы, электризованные и простые проволочные заграждения, всякого рода ловушки, завалы и другие препятствия. Они перекрывали проходимые участки местности, дороги и даже тропы, которые могли служить для движения людей и транспорта. Реки, озера, Финский залив были густо начинены минами и прочими заграждениями на воде. Наконец, все населенные пункты, сооружения связи и железнодорожного транспорта, промышленности и коммунального хозяйства - все это было подготовлено к взрыву, а запасы материальных средств - к уничтожению.

Мы, военные, должны были сформулировать требования к финской стороне, обеспечивавшие безопасность войск при движении их к границе, сохранность запасов и сооружений. Кроме того, предстояло разработать и сам порядок разграждения на земле и воде, объектов на местности, сохранения хозяйственных и других построек. Пришлось подумать относительно гарантий личной неприкосновенности жителей на советской территории, временно оказавшейся у финнов, и о том, чтобы их не угнали за рубеж.

Работать было нелегко, но сознание важности задачи придавало сил. Напряжение, темп работы были исключительно велики. Глава делегации СССР с нами советовался до начала заседания и, если требовалось, в ходе его - с помощью коротких записок, передаваемых через стол. В них ставились вопросы или в двух словах сообщалась точка зрения. Отвечать нужно было немедленно, чтобы не прерывать делового хода переговоров.

Переговоры проходили ежедневно по нескольку часов. Оставалось некоторое время для подготовки к следующему

заседанию. Для меня это было особенно важно, поскольку от основной работы никто не освобождался. Приходилось ловить минуты, чтобы подготовить и доложить необходимые распоряжения по согласованным вопросам на фронты. Отвод финских войск назначили с 9 часов 21 сентября 1944 г.

Особое место занимал на переговорах вопрос о разоружении германских наземных, морских и воздушных сил в Финляндии, оставшихся после 15 сентября. Финны обязывались произвести разоружение этих войск и передать их личный состав советскому командованию как военнопленных, причем Советское правительство оказывало финской армии помощь. В приложении к статье 2 соглашения о перемирии, кроме того, оговаривалось, что финское военное командование передает нам все имеющиеся у пего сведения о германских вооруженных силах и планах операций против СССР и других стран антигитлеровской коалиции.

При обсуждении вопроса о разоружении немецко-фашистских войск больших трудностей не возникло. Задача эта, как помнит читатель, встала еще до начала официальных переговоров, и финны ехали в Москву, уже настроившись, что ее придется решать одновременно с другими, самыми неотложными. СССР и союзники настаивали на безусловном выполнении этого пункта, так как считали, что оставить немецко-фашистские войска в Финляндии нетронутыми на длительный срок означало бы иметь готовый вспыхнуть вновь очаг военной опасности на финской земле.

Третий пункт соглашения был сугубо техническим. Финляндия предоставляла по требованию советского командования (а оно, напоминаю, выступало от имени всех союзников) ряд аэродромов на южном и юго-западном побережье страны. Аэродромы были нужны для авиации, обеспечивавшей операции советских сил в Эстонии и против немецкого военно-морского флота в северной части Балтики. В приложении к статье оговаривалось также право союзных военных кораблей пользоваться территориальными водами, портами, пристанями и якорными стоянками Финляндии. На финское правительство возлагалось содействие материально-техническому обслуживанию кораблей.

Предусматривался также порядок пользования железнодорожными и иными путями, подводящими в районы аэродромов, передачи метеоинформации и организации необходимых видов обеспечения деятельности авиации, кораблей и других боевых средств в Финляндии.

Наконец, определялся порядок перевода финской армии на

мирное положение в течение двух с половиной месяцев со дня подписания соглашения, поскольку нельзя было рассчитывать на участие финской армии в последующих операциях по ликвидации немецко-фашистских войск в Заполярье.

Так оно и было в действительности. Ставка и Генеральный штаб полагались на собственные силы Красной Армии и Военно-Морского Флота, которые блестяще выполнили задачу разгрома оккупантов на севере.

Этими пунктами исчерпывалась в основном военно-техническая сторона переговоров. Правда, были и другие вопросы, требовавшие консультаций с военными. Например, мы отказывались от прав на аренду полуострова Ханко и получали территорию и водные пространства для создания военно-морской базы в районе Порккала-Удд. Так или иначе - представителям Генштаба пришлось широко участвовать в переговорах.

19 сентября в 12 часов А. А. Жданов - член Военного совета Ле-нинградского фронта, будущий председатель Контрольной комиссии в Финляндии - от имени союзников подписал соглашение о перемирии с Финляндией и необходимые к нему приложения.

Указания не изматывать войска и не ввязываться пока в сражения были точно выполнены. К. А. Мерецков отдал соответствующие распоряжения по армиям. Вскоре, однако, возникли осложнения. Как и предусматривалось соглашением, финны оттянули свои войска за линию государственной границы. Наши же войска действовали по-разному: там, где были финны, они вышли на границу, а там, где отходили гитлеровцы, продолжали продвигаться вслед за ними по финской территории.

19-я армия получила задачу занять Куолоярви и выйти в очень важный район Рованиеми - основной узел путей на севере Финляндии. Такое положение армии позволяло в случае необходимости оказать финнам реальную помощь при выдворении немцев из страны.

Части 20-й Лапландской армии оказались неспособными создать новый фронт на территории Финляндии. Они были вынуждены медленно отходить на запад к портам Балтики для последующей эвакуации морем и на север - в район Петсамо, где намеревались прочно обороняться.

Арьергардные части противника с утра 25 сентября начали отход, о чем в Генштаб доложил К. А. Мерецков. 19-я и 26-я армии двинулись вперед.

Финские войска тоже потянулись за немецкими, но крайне медленно и с большим отрывом от них. Разведка Карельского фронта доносила, что финны соприкосновения с противником не

имеют и дают ему возможность беспрепятственно уходить из района Куолоярви, Рованиеми.

В этот момент в полосе войск Карельского фронта возникло сложное и чреватое неожиданными последствиями положение, которое заметил К. А. Мерецков: двигаясь за немцами, 19-я армия Г. К. Козлова могла оказаться между немецкими и далеко от них отставшими финскими войсками. "Как поступить в том случае, спрашивал Мерецков Генштаб, - если финны действительно будут оторваны от немцев, а мы будем двигаться по пятам за немецкими войсками и таким образом финские войска окажутся позади частей 19-й армии?" Он просил информировать о положении финских войск, выделенных для разоружения немцев, чтобы регулировать действия своих частей.

В Генштабе тщательно проверили возможность возникновения этой нежелательной ситуации. Оказалось, что Мерецков прав. 26 сентября обстановку доложили в Ставке, отметив, что наши войска могут втянуться в бой в условиях, противоречащих духу соглашения. При этом финны не только останутся в стороне, но и получат возможность протестовать, поскольку операции советских войск на территории Финляндии предусматривались соглашением о перемирии только по их просьбе.

Ставка, внимательно рассмотрев обстановку на северном фланге советско-германского фронта, согласилась с мнением Генштаба и командования фронта: втягиваться в бой с немцами, имея в тылу наших войск финскую армию, крайне нежелательно.

Решение, принятое тогда Ставкой, состояло в следующем: войскам 19-й армии в глубь Финляндии не продвигаться, а занять пограничный район западнее Куолоярви, где остановиться и пропустить на север войска финнов. Обладание данным районом предоставляло также возможность действовать на северо-запад для оказания помощи финской армии в случае нужды. Дальнейшее продвижение войск генерала Козлова производить только с разрешения Ставки. Одновременно Ставка поставила Карельскому фронту задачу подготовить наступательную операцию силами 14-й армии и фронтовых средств усиления с целью очистить от противника район Петсамо. Начинался заключительный этап борьбы против оккупантов в Советском Заполярье.

Мы уже отмечали, что условия боевых действий в Заполярье были весьма трудными и своеобразными. В этом суровом крае шла напряженная борьба. Советские войска мужественно отразили мощный натиск противника в 1941 г. и с тех пор не дали ему сделать вперед ни шагу. Оборона Заполярья вошла

золотой страницей в летопись войны наряду с другими славными битвами за честь и независимость Советской Родины. В ознаменование доблести и мужества советских воинов была учреждена особая медаль "За оборону Советского Заполярья" как знак признательности социалистического Отечества героям полуночных широт.

К. А. Мерецков давно ждал указаний Ставки на подготовку и проведение операции в Заполярье и, как только они были получены, представил в Москву план действий в районе Петсамо.

14-й армии Карельского фронта противостоял 19-й горный корпус "Норвегия" 20-й Лапландской армии немцев, усиленный егерскими н другими частями. Противник держал здесь оборону три года и создал прочные позиции с железобетонными сооружениями на отдельных участках. Гитлеровское командование намеревалось не отступать ни на шаг, упорно удерживать район никелевых разработок. Огромные необжитые пространства Заполярья не позволили оккупантам организовать сплошной круговой обороны. Южный фланг укрепленных позиций противника терялся у финской границы восточное горы Матерт. Особенно сильной оборона была на подступах к Петсамо, Луостари, Никелю. Немецко-фашистское командование использовало здесь труднодоступные реки - Бол, Лица, Титовка, Печенга, многочисленные озера, приспособило к бою крутые скаты холмов.

Наиболее прочные укрепления в центре обороны противника занимала 2-я горнострелковая дивизия немцев. Ее войска удерживали направление на Луостари, Петсамо. В случае разгрома этой дивизии, на которую как бы опирались все остальные силы немецкой обороны, открывалась дорога к названным населенным пунктам.

К. А. Мерецков, правильно оценив роль 2-й горнострелковой дивизии противника, решил направить против нее главный удар, прорвать немецкую оборону на узком участке фронта к югу от озера Чапр, развить успех на всю глубину оперативного построения противника и овладеть Петсамо. На остальном фронте в период прорыва предполагалось обороняться слабыми силами 45-й стрелковой дивизии и 3-й мотострелковой бригады. Вместе с тем командующий предусмотрел обход открытого южного фланга вражеской обороны, выделив для этого 126-й и 127-й легкие стрелковые корпуса. Один из них, 127-й, получил задачу выйти в район Салмиярви (с большим отрывом от главных сил), чтобы изолировать немецкий гарнизон в районе Никеля от путей отхода в Норвегию. Затем командующий намеревался прикрыться со стороны Салмиярви, откуда ожидал возможных

контрдействий противника, а главными силами повернуть на северо-восток и разгромить оборону немецко-фашистских войск по реке Титовка. В этот момент ранее оборонявшиеся войска 45-й стрелковой дивизии и 3-й мотострелковой бригады также переходили в наступление и наносили удар по обороне противника с фронта. На участке прорыва создавалась артиллерийская плотность в 160-170 орудий и минометов на километр фронта, обеспечивалось значительное превосходство в воздухе.

Ставка рассмотрела предложения Военного совета Карельского фронта и с планом в основном согласилась. Однако при этом сделала существенные поправки, которые касались прежде всего взаимодействия 14-й армии с Северным флотом. Последний мог выделить в период прорыва обороны противника значительные в той обстановке десантные силы и средства в районе полуострова Средний, а в ходе операции - и для действий в различных пунктах морского побережья. Эти возможности нельзя было не использовать.

Командующему Северным флотом адмиралу А. Г. Головко было приказано организовать наступление бригад морской пехоты с указанного полуострова в южном направлении. Удары моряков нацеливались прямо в тыл обороны гитлеровцев по реке Титовка и при активном проведении должны были дезорганизовать ее во взаимодействии с фронтальными ударами выделенных для этого небольших сил 14-й армии.

Предусмотренный К. А. Мерецковым маневр на Титовку был сложен. К тому же при наступлении моряков Северного флота с полуострова Средний в нем вообще отпадала всякая необходимость.

Ставка указала фронту: "Не распылять сил для действий на северо-восток вдоль р. Титовка". И потребовала главные усилия направить на быстрейшее овладение Петсамо. Что же касается 127-го легкого стрелкового корпуса, то было приказано не выбрасывать его далеко вперед на Салмиярви с рискованным отрывом от главных сил, а двигать уступом за левым флангом наступательной группы наших войск.

В начале октября 1944 г. к району прорыва южнее озера Чапр были сосредоточены 131-й и 99-й стрелковые корпуса, закончился подвоз материальных средств. Был готов и Северный флот. 7 октября войска 14-й армии генерала В. И. Щербакова перешли в наступление. Им сопутствовал большой успех: оборона противника была прорвана. 126-й легкий стрелковый корпус умело обошел открытый фланг немецких войск с юга и к исходу третьего дня наступления оказался уже западнее Луостари.

Фронтальный прорыв в сочетании с обходным маневром наших войск вынудил противника ослабить сопротивление на позициях восточное Петсамо. Этому помог также стремительный удар бригад морской пехоты с полуострова Средний в ночь на 10-е и с утра 11 октября. Моряки сломили сопротивление противника на хребте Муста-Тунтури и повернули на запад.

12 октября наши войска овладели Луостари и на следующий день вышли на подступы к Петсамо. Бои шли с большим ожесточением. 368-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора В. К. Сопенко в течение суток отразила 16 контратак противника. В воздушных боях авиация фронта сбила 66 самолетов.

15 октября соединения ударной группировки войск Карельского фронта при содействии частей Северного флота форсировали реку Петсамойоки и овладели городом Петсамо. Герои-североморцы лихим ударом захватили порт Линахамари, прикрывавший Петсамо с севера.

Разгром немецко-фашистских войск в Заполярье стал фактом. Штаб Карельского фронта в оперативной сводке к 7 часам 16 октября докладывал в Генеральный штаб: "Остатки разбитых частей противника в районе Петсамо отходят по дороге в северо-западном направлении на территорию Норвегии... "

Военный совет Карельского фронта уже планировал последующие действия с целью очистить весь район к северо-западу от Петсамо до Баренцева моря и на запад до государственной границы с Норвегией, овладеть районом никелевых рудников. Командующий просил разрешить фронту преследовать остатки разбитого противника на территории Норвегии и перейти для этого государственную границу.

Ставка разрешила переход границы с Норвегией и развитие наступления советских войск на Киркенес, который являлся основной базой противника в данном районе. На финской территории удары Карельского фронта должны были осуществляться на юго-запад вдоль финско-норвежской границы в направлении Никеля и Наутси. Эти два пункта лежали в центре разработки никелевых руд и на основном пути из Лапландии в глубь Финляндии и Норвегии. Задача разгрома немецких войск в этом районе легла на плечи воинов 31-го стрелкового и 127-го легкого стрелкового корпусов. С началом операции оба соединения находились во втором эшелоне 14-й армии и выдвигались вслед за наступающими войсками первого эшелона. Но с рубежа Луостари 18 октября 1944 г. они нанесли удар на Никель вдоль единственной тогда дороги, отклоняясь влево от главного удара советских войск.

Как известно, военное искусство со времен Эпаминонда требует сосредоточения основных сил войск на направлении главного удара. На данном этапе борьбы за освобождение Заполярья от гитлеровских оккупантов этого как раз не требовалось. Основные силы противника были разгромлены, и какой-либо компактной группировки их уже не существовало.

Поэтому командование фронта могло без особого риска разделить свои войска для действий в расходящихся направлениях. Это была оправданная условиями борьбы мера. 22 октября был взят Никель, а вскоре войска 31-го стрелкового и 127-го легкого стрелкового корпусов вошли в Наутси.

25 октября главные силы 14-й армии освободили Киркенес. Одновременно 126-й легкий стрелковый корпус выдвигался из района Ахмалахти по норвежской земле в направлении Нейдена. Разрозненные и дезорганизованные части разбитого противника бежали в глубь Норвегии. Там их встречали огнем бойцы норвежского движения Сопротивления.

Ночью 29 октября 1944 г., когда советские войска оставили позади небольшой норвежский населенный пункт Нейден, Военный совет Карельского фронта доложил И. В. Сталину, что противника перед нашими войсками нет. Задача очищения советского Севера от гитлеровских оккупантов была выполнена полностью.

25 октября 1944 г. в Москве прозвучали два победных салюта. Один - в честь войск Карельского фронта, которые во взаимодействии с частями Северного флота освободили Киркенес. В тот день наш солдат пересек границу страны, одной из первых подпавшей под иго гитлеровских захватчиков. Кроме Киркенеса были освобождены населенные пункты Стурбугт, Якобснэс, Эльвенэс, Бьеркхейм, Санднес, Бьерневанд, Лонгфьордботн, Нигорд, Фоссгорд, Лангли, Сванвик.

Норвежское правительство направило в Москву послание, где было сказано, что население Северной Норвегии встретит советские войска как своих освободителей. Действительно, норвежские граждане стали не только нашими друзьями, но и соучастниками в борьбе за победу над общим ненавистным врагом.

...Холодные воды Яр-фьорда преградили подступы к Киркенесу с востока. Подвесной мост был разрушен. Трудно, очень трудно форсировать такой глубокий и широкий залив со скалистыми обрывистыми берегами, на другой стороне которого оборонялся сильный и коварный враг. Командование фронта ввело тогда в дело приданные войскам лодки-амфибии. От взрывов вражеских снарядов, под ударами крутой волны легкие

амфибии не всегда доходили до цели, переворачивались, увлекая в пучину бойцов с тяжелым вооружением. Когда бой достиг критической точки, на воде появились приземистые и устойчивые рыбачьи боты. Их вели владельцы - местные жители, знающие каждый камень сурового берега фьорда. Под артиллерийским и пулеметным огнем противника норвежцы спасали попавших в беду советских солдат и по указанию наших командиров переправляли подразделения войск на другую сторону. Один из норвежских патриотов, М. Гансен, перебросил на своем боте целый стрелковый батальон. Многих воинов переправили Т. Балло, С. Мартенсен, О. Гансен и П. Гансен. Нашлось для храбрецов норвежцев много дел и на берегу: тушить возникшие в городе пожары, срочно восстанавливать мосты, чтобы пропустить советские войска и технику. Здесь отличились А. Мартенсен, У. Холстенсен. Последний обезвредил заложенные в электростанцию фугасы и сохранил ее до подхода советских частей.

Подобные картины наблюдались и в глубине норвежской территории, когда войска Карельского фронта форсировали реку Нейден-эльв. Опять молчаливые бородатые норвежцы перебрасывали наших солдат на своих лодках к другому берегу реки под сильным огнем противника. Так, Э. Кайкунен переправил 135 советских воинов, А. Лабаху - 115, Л. Сирин и У. Ладаго - по 95, П. Хендриксен - 76. Были и другие герои, чьих имен, к сожалению, не сохранили боевые донесения. Единая цель и самоотверженность советского солдата, подавшего норвежцу руку помощи в трудную военную годину, сделали традиционную дружбу наших народов еще крепче.

Вступление войск Карельского фронта на землю Норвегии создало благоприятные возможности для планомерной деятельности сил норвежского Сопротивления. В нашей стране хорошо понимали и ценили значение и трудности той борьбы, которую норвежские патриоты не прекращали в тяжелые годы гитлеровской оккупации. Советское правительство и военное командование всемерно помогали этой борьбе. В Москве норвежская военная миссия во главе с полковником Далем выполняла задачи, аналогичные задачам военных миссий других антифашистских стран. С ее помощью, в частности, осуществлялось взаимодействие советского Верховного Главнокомандования с командованием вооруженных сил Норвегии. К моменту выхода войск Карельского фронта на государственную границу с Норвегией Генеральному штабу стало известно, что норвежское правительство готовит на территории других стран специальные отряды, насчитывавшие по несколько сот человек, для выполнения боевых задач на родине. Такие

отряды должны были стать ядром норвежских вооруженных сил. Теперь назрел момент, когда эти военные формирования могли прибыть на север своей страны. Об этом уже велись переговоры, и портом назначения транспортов с солдатами был назначен Мурманск.

Жизнь, однако, не стояла на месте, и до прибытия норвежских войск на освобожденной территории страны надо было налаживать работу но ликвидации последствий оккупации. Норвежское королевское правительство через свою военную миссию в СССР дало понять, что будет признательно, если Красная Армия, вступив на территорию страны, окажет посильное содействие местной администрации и силам норвежского Сопротивления.

Прибытие норвежских войск задерживалось. Путь к Мурманску оказался нелегким и опасным. Поэтому первоначальную организационную работу, подготавливающую сотрудничество советских войск и норвежских боевых сил на освобожденной Карельским фронтом территории Норвегии, пришлось взять на себя командованию 14-й армии. Оно опиралось при этом на послание норвежского правительства Советскому правительству, на обращение короля Хокона к народу Норвегии и на соглашение о гражданской администрации на норвежской территории, заключенное 17 мая 1944 г. правительствами СССР, США и Великобритании с правительством Норвегии. По этому соглашению союзным командованиям на время военных действий предоставлялось право верховной власти по отношению к гражданской администрации.

Пользуясь данным правом, член Военного совета 14-й армии генерал-майор А. Я. Сергеев 3 ноября 1944 г. созвал членов местного норвежского самоуправления и предложил организовать отряды борьбы с немецкими фашистами. В освобожденном районе страны, где, по мнению норвежской военной миссии, находилось 20-22 тыс. жителей, предлагалось создать два отряда - примерно по 400 человек каждый.

Руководители местного самоуправления обещали приложить все силы, чтобы создать отряды. Формировать их решили в тоннеле железных рудников у поселка Бьерневанд - других помещений для такого рода работы в разрушенном врагом крае не имелось. Время не ждало. Чем скорее приступили бы норвежцы к обороне своей земли от врага, тем лучше. Представители местной власти заверили, что станут работать день и ночь. Трудности оказались большими. Люди жили на хуторах или в поселках, которые находились друг от друга на удалении до 100 км, дорог не имелось, транспорта и связи тоже. С

продовольствием дело обстояло из рук вон плохо. Отсутствовало необходимое обмундирование. Обуви не было совсем. Раньше никто из населения военному делу не обучался, и командный состав подобрать было просто невозможно.

Представители самоуправления не теряли, однако, присутствия духа и веры в осуществимость задачи формирования отрядов. Они просили советского генерала ходатайствовать о том, чтобы норвежское правительство скорее прислало к ним своего представителя для решения неотложных вопросов внутренней жизни и открыто объявило, что население Северной Норвегии организует отряды борьбы против немецких фашистов, являющиеся составной частью норвежской армии. Была и другая просьба к советскому командованию: помочь материальными средствами, выдать бойцам продовольствие и обмундирование, выделить транспорт для оповещения населения.

Военный совет 14-й армии пошел навстречу норвежским патриотам. Продовольствие, обмундирование были выданы. Для оповещения о формировании отрядов самообороны выделили автомашины.

Наша помощь местному населению оказывалась и в последующем. на освобожденной территории Норвегии создавалась необходимая для этого района страны госпитальная база, проводилась борьба с инфекциями среди населения, налаживалась связь. Советские воины содействовали пуску хозяйственных объектов; подчас делились с норвежцами тем, чего явно не хватало самим.

После праздника Октябрьской революции в Норвегию прибыли из СССР представители норвежской военной миссии и первый боевой отряд.

Сил самообороны, конечно, было недостаточно для того, чтобы обеспечить полную безопасность освобожденной от врага территории Норвегии. Поэтому Ставка приказала Карельскому фронту (9 ноября 1944 г.) перейти к обороне на рубеже государственной границы с Норвегией, а по линии Нейден, Вортаниеми, до которой дошли войска фронта, - иметь прикрывающие и разведывательные части. Войска приступили к плановым занятиям по боевой подготовке.

15 ноября Карельский фронт был расформирован. 14-я армия стала отдельной, с подчинением Ставке. К. А. Мерецков со штабом в январе 1945 г. прибыл в Ярославль. Им предстояло переместиться на Дальний Восток для выполнения новых сложных задач.

Разгром противника на северном фланге советско-германского фронта имел большое политическое и военное

значение. Немецко-фашистские войска недосчитались многих тысяч отборных солдат, сгинувших под ударами советских армий в лесах Карелии и тундре Заполярья. Враг потерял обширный плацдарм, откуда угрожал важным районам СССР. Советский фронт прочно закрепился по рубежу государственной границы. Значительно улучшились условия боевой деятельности Северного и Балтийского флотов, а также наших фронтов в Прибалтике. Резко снизилась угроза безопасности Ленинграда.

В 135 км к востоку от Дании лежит в водах Балтики остров Борнхольм. Энциклопедические словари того времени сообщали: площадь острова - 588 кв. км, жителей - 47 тыс. человек. Немецкие оккупанты, захватив в 1940 г. Данию, поспешили перебросить на Борнхольм, контролирующий юго-западную часть Балтийского моря, свой военный гарнизон. Островитяне на долгое время оказались отрезанными от родины. Властителем их судеб стал гитлеровский военный комендант.

В конце войны остров переполнился немецко-фашистскими солдатами, бежавшими с материка от карающей руки советских и польских воинов. Гитлеровцы, не сложившие оружия, скоро буквально объели островитян. Не осталось ни зерна хлеба, ни капли молока, пошел в солдатский котел и весь скот. Жители умирали от голода. Призрак голодной смерти вплотную встал и перед гитлеровцами.

Гуманное стремление спасти жителей Борнхольма от гибели и засилья немецко-фашистских оккупантов побудило Ставку принять решение занять остров и пленить вооруженных гитлеровцев. По указанию Верховного Главнокомандования Генштаб поставил союзников в известность об этом решении. 11 мая 1945 г. 132-й стрелковый корпус 19-й армии под командованием генерал-майора Ф. Ф. Короткова совершил высадку на остров с кораблей Балтийского флота. 12 тыс. солдат и офицеров противника были принуждены сложить оружие.

Нужно было налаживать жизнь на острове. Советские воины работали вместе с жителями на полях, помогли восстановить связь, возобновить рыбную ловлю. Постепенно население пришло в себя после мук фашистской оккупации. Возродилось сельское хозяйство и промыслы. Численность советских войск на острове вскоре сократилась до дивизии, а через год, в апреле 1946 г., Борнхольм был торжественно передан датским властям. Советские солдаты отбыли на Родину.

С незапамятных времен народы нашей страны, Норвегии и Дании живут в дружбе и взаимном уважении. Нет в их прошлом мрачных лет военных столкновений и кровавых распрей. Зато есть другое - совместная борьба против общего поработителя,

немецко-фашистских оккупантов. Она соединяет их узами братства и остается славной и вечно живой страницей истории.

Велики были жертвы освободительной борьбы в Норвегии. Почти 2900 советских воинов легли навечно в ее холодную землю рядом с героями норвежского Сопротивления. Подвиг павших служит напоминанием о трудностях и уроках войны против гитлеровских захватчиков, призывом к новым усилиям во имя мира и прогресса.

Глава 12. На последних рубежах в Европе

Разброд в стане врага. - Возня за нашей спиной. - Демарш Советского правительства. - Прогнозы Генштаба. - Переговоры в Реймсе. - Ставить ли подпись? - "Паутину нужно разрубить". - Падение Берлина. - Где Гитлер? - Крысы бегут с тонущего корабля. - На Прагу! - События в столице Чехословакии. Безоговорочная капитуляция. - Шёрнер умывает руки. - Конец изменников.

Немецко-фашистские главари уже давно думали над тем, чтобы снять войска с западного фронта, перебросить их на восток и здесь всеми силами бороться против Красной Армии. Но сделать это можно было лишь при условии односторонней капитуляции перед союзниками или по взаимной договоренности с ними. Кстати, как уже сказано, так и пытались - за нашей спиной - поступить румынские и венгерские пособники Гитлера. Теперь с началом широких операций на западном направлении следовало ждать новых попыток расшатать единство трех великих держан.

Прогнозы оказались правильными. В связи с этим не лишне будет вспомнить некоторые события того времени, с которыми Генштабу пришлось сталкиваться. Так, К. Типпельскирх в своей "Истории второй мировой войны" свидетельствует, что, планируя Арденнскую операцию, немецко-фашистское командование преследовало не только военную цель. Оно надеялось в случае успеха посеять серьезные разногласия между Рузвельтом и Черчиллем{60}. Мы выручили тогда союзников, начав ранее намеченного срока Висло-Одерскую операцию. Наше стремительное наступление в январе 1945 г. от Вислы к Одеру заставило некоторых военных руководителей немецко-фашистского государства, в частности Г. Гудериана, забить тревогу и попытаться подготовить почву для выхода Германии из войны. Их точку зрения разделяли отдельные влиятельные сотрудники ведомства Риббентропа. Попытка спасти тонущий корабль фашистского государства преподносилась как "акт гуманизма", имеющего цель уберечь от "угрозы большевизма" население Германии и Европы. Вспоминая о своем свидании 23

января 1945 г. с чиновником германского министерства иностранных дел, осуществлявшим связь с генеральным штабом армии, Г. Гудериан пишет, что оба они хотели добиться заключения "хотя бы одностороннего перемирия". Больше того, открытие фронта перед англоамериканскими войсками гитлеровцы рассматривали уже как практическую задачу. Германский министр иностранных дел тоже считал, что англичане и американцы должны стать союзниками гитлеровцев против СССР, но в данный момент не решился поддержать точку зрения начальника генштаба армии перед Гитлером. Гудериан, не оставляя надежды получить поддержку в самых верхах фашистской элиты, обратился к Гиммлеру. Тот ответил: "Дорогой генерал-полковник, еще слишком рано!" А вечером того же дня Гитлер отправил Гудериана в четырехнедельный отпуск для "поправки здоровья".

Зондаж возможностей заключить одностороннее соглашение с союзниками проходил и непосредственно на нейтральной земле. Генерал К. Вольф, который на итальянском фронте ведал войсками СС и полицией, 8 марта в Швейцарии встретился с Алленом Даллесом. Едва ли Вольф сам решился на такой шаг. Очевидно, его направляли сверху. Кто это сделал, нам не было известно, да это и не имело особого значения. О самой встрече Генеральный штаб получил данные от разведки, а о содержании переговоров не трудно было догадаться. До нас доходили также сведения, правда не очень определенные, о тайной борьбе за власть в руководстве фашистской Германии.

Следует заметить, что гитлеровским генералам было весьма на руку то толкование понятия "капитуляция", которого придерживались наши союзники. Последние хотя и требовали безоговорочной капитуляции Германии перед Объединенными Нациями в масштабе всей войны, но в то же время делали из этого принципа весьма существенное исключение, разрешая своим военачальникам принимать капитуляцию войск противника на поле боя, что понималось весьма широко вплоть до прекращения военных действий на отдельных фронтах. Пронюхавшие об этом "исключении" немцы поняли, что им предоставляются многочисленные и удобные лазейки для лавирования. Капитулировав "на поле боя", можно было как бы впустить наших союзников в Германию, открыть их войскам широкую дорогу в глубь страны и позволить занять ее территорию, устранив тем самым неизбежность вступления туда Красной Армии. При такой капитуляции не предусматривалась ее безоговорочность, и можно было, так сказать в законном порядке, выговорить себе ряд преимуществ вплоть до отвода немецко-

фашистских войск на свою землю, чтобы уберечь их от разгрома. Понятно, что при вступлении англо-американцев в Германию сохранялись бы промышленная база рейха и войска нацистской армии, а также территория, нужная ей для продолжения войны против Советского Союза на востоке. Было известно, что наши союзники терпимо относились и к учреждениям фашистского государства, что тоже давало нацистам надежды на будущее.

19 марта состоялась вторая, ставшая известной нам, встреча К. Вольфа с А. Даллесом. На этот раз в Швейцарию прибыли в секретном порядке начальники штабов английских и американских войск, действовавших на итальянском театре войны.

Переговоры в Швейцарии шли уже почти полмесяца, а Советскому правительству никаких сообщений от союзников не поступало. Только 21 марта министр иностранных дел Англии А. Иден распорядился известить правительство СССР о переговорах, что и было официально сделано.

Советское правительство, борясь за единство в стане союзников и не давая врагу возможности спасти себя от поражения, весьма резко отреагировало на эти переговоры, затеянные за спиной СССР. Черчилль, если верить его воспоминаниям, был "возмущен" советским демаршем, однако на обострение отношений не решился.

Участники переговоров в Италии ни о чем тогда не договорились. Слишком уж велики оказались запросы гитлеровских генералов. Дал нужный результат и резкий протест Советского правительства: англичане и американцы стали регулярно сообщать нам о ходе переговоров на итальянском фронте. 22 апреля 1945 г. начальник Генерального штаба Красной Армии получил от глав британской и американской миссий в СССР письмо. Нас информировали, что главнокомандующий немецкими войсками в Италии не имеет в настоящее время какого-либо намерения капитулировать со своими войсками "на приемлемых для нас условиях" (подчеркнуто мною. - С. Ш.), и поэтому в соответствии с указаниями начальников объединенного штаба все переговоры прекращены и этот вопрос считается закрытым. Правда, спустя пять дней переговоры были возобновлены, но немецко-фашистским генералам на сей раз никаких условий выдвигать не позволили, а сами переговоры велись уже не в Швейцарии, а в штабе командующего английскими войсками Александера.

Другим письмом в тот же день главы военных миссий сообщили Генштабу, что наметилась возможность переговоров о капитуляции немецко-фашистских войск в Дании. Там нацисты

через посредников связались с Советом свободы страны, но "забыли" включить в состав капитулирующих войска СС и полицию, отличавшиеся, как известно, особыми качествами карателей. Нас порадовал и сам факт, что в Дании оккупации фашистских извергов приходит конец, и быстрота, с которой союзники информировали теперь наш Генштаб о вероятности переговоров с представителями противника. Вскоре, 27 апреля, поступило еще одно письмо: наметилась возможность капитуляции врага на территории Голландии.

Генеральный штаб внимательно учитывал все эти обстоятельства и обстановку на фронте, возникающую в связи с такими событиями, и требовал от союзников не допускать усиления гитлеровского сопротивления на востоке за счет войск западного фронта. Главнокомандующий союзными войсками Эйзенхауэр уверял, что он эту нашу законную просьбу строго выполняет.

Тем не менее мы не исключали возможность появления на нашем фронте немецко-фашистских войск, снятых с западного фронта. Это выдвигало новые задачи для советской разведки и операторов: разведчики обязаны были своевременно предупредить Верховное Главнокомандование о маневре противника, а операторы - предложить меры по разгрому подходящих к нашему фронту сил врага,

Было очевидно и другое: нацисты постараются сохранить свои войска от полного разгрома на восточном фронте, опираясь на труднодоступные рубежи местности южных и юго-западных районов Германии. Такими рубежами являлись горные цепи на севере и северо-западе Чехословакии, Альпы на территории Австрии. Отсюда в случае необходимости гитлеровцам можно было отойти за линию фронта спешивших с запада американцев и англичан. Наша задача заключалась, следовательно, в том, чтобы не позволить противнику занять там прочную оборону или перейти в расположение союзников.

Факты скоро подтвердили общую правильность наших выводов. От англичан в конце марта мы узнали, что значительная часть германских правительственных департаментов уже переведена куда-то на юг. Затем американцы сообщили, что Риббентроп вызвал 7 апреля 1945 г. посла Японии Осиму и сообщил ему, что изменения в военной обстановке могут вызвать "необходимость перевода германского правительства временно в Южную Германию". Стали появляться достоверные сведения о том, что Гитлер создает "Альпийскую крепость". Начальник чехословацкой военной миссии генерал Пика, сообщая нам ежедневно краткую сводку положения в Чехословакии, с конца

марта неизменно докладывал о сосредоточении сил и средств немецко-фашистских войск в горных районах. Туда шли железнодорожные эшелоны и машины с цементом и другими строительными материалами, направлялись разного рода ремонтные мастерские, подвозились штабное оборудование и рабочие команды. Было видно, что противник не теряет времени и не жалеет материальных средств на оборудование пунктов управления, строительство складов, системы огневых позиций для разных видов оружия, мест размещения и районов обороны войск. Соблюдалась тщательная маскировка всех проводимых мероприятий.

Место "Альпийской крепости" - на стыке Германии и Австрии (район Мюнхен, Инсбрук, Зальцбург) - как нельзя более соответствовало сделанным нами выводам. Это настораживало, тем более что Черчилль, обращаясь к объединенному англо-американскому командованию, без обиняков настаивал на том, чтобы Берлин занять самим и русским не отдавать по соображениям чистой политики. В письме Эйзенхауэру 31 марта 1945 г. он рекомендовал форсировать Эльбу и продвигаться далее до немецкой столицы.

Советскому правительству удалось тогда предотвратить возможные серьезные осложнения в отношениях между союзниками. Наши воины день ото дня решительнее били врага, что было лучшим средством приближения часа победы. Войска 1-го и 2-го Белорусских фронтов успешно ликвидировали противника в Померании. Здесь перестала существовать крупная группировка немецко-фашистских войск. Наши операции на берлинском направлении были теперь надежно обеспечены во всех отношениях.

Политические сети расставлялись нацистами еще более широко в апреле 1945 г. После того как 16 апреля три наших фронта двинулись в наступление на столицу фашистской Германии, в руки командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Г. К. Жукова попали показания пленного о том, что противник получил задачу решительно не уступать русским и биться до последнего человека, если даже в тыл немецких частей выйдут американские войска. Командующий доложил столь необычные сведения телеграммой И. В. Сталину. Об этом, конечно, немедленно узнал и Генштаб.

В то время доклады в Кремле по обстановке Берлинской операции приходилось делать по нескольку раз в течение дня. Так было и 17 апреля, когда мы с А. И. Антоновым прибыли в Ставку с хорошими известиями об успешном штурме Зееловских высот. По ходу дела затронули и сообщение командующего фронтом.

- Нужно ответить товарищу Жукову,- сказал И. В. Сталин,- что ему, возможно, не все известно о переговорах Гитлера с союзниками...

Он подождал некоторое время и, заметив, что Алексей Иннокентьевич и я приготовились записывать, продиктовал короткую телеграмму на 1-й Белорусский фронт. Указав, что получил сообщение Жукова, он продолжал: "Не обращайте внимания на показания пленного немца. Гитлер плетет паутину в районе Берлина, чтобы вызвать разногласия между русскими и союзниками. Эту паутину нужно разрубить путем взятия Берлина советскими войсками. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать".

20 апреля наша артиллерия открыла огонь по Берлину, а на следующий день советские солдаты ворвались в город. Обстрел не только испортил Гитлеру и без того невеселый день его рождения, но и вынудил отдать распоряжение об отправке передовой команды в Зальцбург - в "Альпийскую крепость": время уже не ждало.

Как известно, перебраться на новое место Гитлеру не пришлось. Причин для этого было много: в частности, "крепость" еще не была готова, а американцы уже подходили к ней вплотную. Но главное, видимо, состояло в том, что до последнего момента Гитлер надеялся, что ссора союзников произойдет до того, как падет Берлин.

Действия Красной Армии в районе Берлина угрожали противнику не только потерей города, с положением которого большинство населения Германии связывало свои представления о непоколебимости фашистского государства, они грозили также обходом столицы с последующим выходом советских войск на Эльбу. Здесь должна была состояться встреча с войсками союзников, что означало рассечение всего фронта противника и связанные с этим весьма большие затруднения для него.

Угрожающие обстоятельства подхлестнули нацистов. 19 и 21 апреля 1945 г. Гиммлер обратился к Англии и США с предложением о капитуляции немецко-фашистских войск на западе. Предложение было сделано в Стокгольме устно графу Бернадотту, который являлся заместителем председателя шведского общества Красного Креста. Союзники не отвергли предложений, но дали понять, что примут такую капитуляцию лишь совместно с СССР.

В тот же день, 21 апреля, британская и американская военные миссии сообщили советскому Генеральному штабу, что в ближайшем будущем возможна безоговорочная капитуляция крупных сил противника на любом из участков главных фронтов.

Они писали: "Начальники объединенного штаба считают, что каждая из главных союзных держав, если она этого пожелает, должна получить возможность послать своих представителей для присутствия на переговорах по поводу любой из подобных капитуляций. Однако никакому предложению о сдаче не может быть дано отказа только потому, что будут отсутствовать представители одного из трех союзников..."

Мы дали на это свое согласие, хотя сам тон письма был не очень уважительным и из текста его следовало: дескать, хотите вы или не хотите, а мы капитуляцию примем при любых обстоятельствах, даже если она будет, по сути дела, направлена против вас - наших союзников.

Очевидно учитывая доброжелательный тон переговоров с англо-американцами, гитлеровское командование вечером 21 апреля отдало войскам на западе приказ снять все силы с участков, где действовали американцы, и бросить их на восточный фронт. Так начинали проявляться, оборачиваясь против нас, результаты переговоров гитлеровцев с союзниками.

22 апреля, когда в убежище имперской канцелярии состоялось последнее оперативное совещание, Йодль выдвинул предложение, которое пока никто официально сделать не решался: снять с фронта против англосаксов все войска и бросить их в бой за Берлин. Гитлер принял предложение и взял на себя руководство этой операцией. 24 апреля была отдана особая директива, предписывавшая командующим группами армий направить все имеющиеся у них силы против "смертельного врага, против большевизма". При этом указывалось, что не следует обращать внимание на то, что англо-американские войска могут овладеть значительной территорией. Директива пошла всем командующим группами армий немецко-фашистских войск в Европе. В тот же день под Берлин против советских войск была двинута 12-я немецкая армия генерала Венка.

Советские войска между тем окружили Берлин и, последовательно штурмуя городские кварталы и дома-крепости, пробивались с разных направлений к рейхстагу. К западу от Берлина наши части вышли на Эльбу и 25 апреля соединились в районе Стрела, Торгау с американцами.

Теперь набрался смелости и Геринг, оказавшийся ближе всех к фронту американских войск. 25 апреля он направил Гитлеру радиограмму, где напоминал, что согласно воле самого фюрера он, Геринг, является его преемником. Настало время, когда это следует практически осуществить. Геринг сообщал, что берет на себя руководство государством, поскольку Гитлер, находясь в окруженном Берлине, не в состоянии предпринять что-либо

действенное. А он, Геринг, имея на то необходимые полномочия, может вступить в прямые переговоры с англо-американцами.

Гитлер разгневался на то, что кое-кто из ранее близких к нему лиц уже считает его политическим трупом, назвал своего "преемника" трусом и изменником и отстранил его от командования авиацией. Через два дня после происшествия с радиограммой Геринга один из высокопоставленных чиновников прессы доложил Гитлеру о сообщении агентства Рейтер относительно того, что Гиммлер обратился к правительствам США и Англии с предложением заключить сепаратный мир. Чиновник доложил также, что Гиммлер известил оба правительства о болезненном состоянии Гитлера, который якобы находится при смерти и проживет недолго. Гитлер был взбешен. Он должен был доказать свое исключительное право влиять на ход событий. Последняя надежда возлагалась на 12-ю армию Венка, которая могла явиться существенным аргументом на поле сражения. Видимо, не без нажима Гитлера на свет появилось тогда письмо командующему 12-й немецкой армией, подписанное Борманом и Кребсом 29 апреля. Они писали: "Дорогой генерал Венк! Как видно из прилагаемых сообщений, рейхсфюрер СС Гиммлер сделал англо-американцам предложение, которое безоговорочно передает наш город плутократам. Поворот может быть произведен только лично фюрером, только им! Предварительным условием этого является немедленное установление связи вашей армии с нами, чтобы, таким образом, предоставить фюреру внутри- и внешнеполитическую свободу ведения переговоров..."

События, однако, развивались не в пользу Гитлера и его приспешников. Бои шли в Берлине вблизи рейхстага и имперской канцелярии, которая уже несколько дней находилась под непрерывным и точным огнем советской пехоты и артиллерии. Поняв, что пришел конец, и сыграв комедию венчания с Евой Браун, Гитлер и Ева 30 апреля покончили с собой.

После смерти главаря его последыши продолжали настойчиво требовать от войск сомкнуть все фронты в кольцо и удерживать во что бы то ни стало свои позиции, не допуская захвата советскими войсками большой территории Германии. Они продолжали надеяться на "политический выигрыш" - разобщение СССР и его союзников. Новый глава фашистского "правительства" адмирал Дёниц назвал акт самоубийства Гитлера "героической смертью", а всех тех, кто желал прекратить войну, трусами и предателями. Немецкие солдаты на восточном фронте под угрозой жестоких карательных мер продолжали упорно сражаться.

Я напомнил эти ныне общеизвестные факты, чтобы еще раз показать, как фашистские руководители даже тогда, когда сопротивление было бессмысленным, продолжали лить немецкую кровь во имя своих несбыточных и преступных целей!

Падение Берлина 2 мая 1945 г. совпало с новыми попытками нацистов выйти из войны на западе. В тот день в 12.00 прекратились боевые действия в Италии. В дневнике ОКБ было тогда записано: "Для высшего командования с сегодняшнего дня основной линией действий стал принцип: спасение возможно большего числа немцев от захвата в плен советскими войсками и переговоры с западными союзниками".

На следующий день после капитуляции немецких армий в Италии Дёниц уполномочил командующего войсками рейха на западе генерал-фельдмаршала Кессельринга заключить перемирие с американцами. Последнему предписывалось не только выяснить намерения англо-американцев относительно продвижения на восток, но и создать предпосылки для переговоров о спасении войск групп армий "Центр" Шернера, "Австрия" Рендулича, "Юго-Восток" Лёра. Войска этих генералов еще сидели в Чехословакии, западной части Австрии и в Югославии. 4 мая эти группы армий были подчинены Кессельрингу с дальним расчетом, чтобы в общий план перемирия немецко-фашистских войск на западе включить и эти группировки, лишь бы спасти их от наших ударов.

Одновременно решалась задача перемещения руководящих органов Германии. Было даже отдано распоряжение о подготовке в Праге помещения на 200 человек. Но решить политическую задачу, как и вопрос о судьбе армий Шернера, Рендулича и Лёра, фашистам не позволили советские войска.

Последняя неделя апреля и начало мая 1945 г. были для нас, генштабистов, временем большой и напряженной, но радостной работы. Каждый старался помочь быстрейшему решению возникавших тогда в несчетном количестве штабных задач. Советские войска действовали с большим успехом. Гитлеровская же ставка, хотя и создала отдельные командования - для севера страны во главе с Кейтелем и для юга под руководством Кессельринга, все-таки наладить управление своими вооруженными силами уже не смогла. Победа была близка.

Узнав о выходе наших войск на Эльбу, Верховный Главнокомандующий сказал, что пора наносить удар на Прагу, и примерно через день после встречи с американцами сам позвонил командующему 1-м Украинским фронтом Маршалу Советского Союза И. С. Коневу. Без всякого предисловия он спросил: кто будет брать Прагу?

Для И. С. Конева ответ на этот вопрос не представлял трудности: обстановка сложилась так, что 1-му Украинскому фронту удобнее других было нанести удар на Прагу по кратчайшему направлению с севера и северо-запада, отрезав тем самым пути отхода на запад пражской группировке противника. Тогда Коневу было приказано представить соображения по Пражской операции, а Генштаб получил задачу подготовить на этот счет свои предложения.

Столица дружественной нам Чехословакии занимала в планах советского Верховного Главнокомандования очень заметное место. Наше стратегическое руководство всемерно стремилось сохранить от разрушения этот чудесный древний город с его многочисленными памятниками культуры. Прежде всего приходилось оберегать Прагу от американских бомб, поскольку наши союзники регулярно помещали ее в перечень объектов для бомбардировок. Так как район города находился в полосе действий советских войск и объекты для налетов авиации должны были согласовываться, Генеральный штаб столь же систематически вычеркивал Прагу из перечня.

К исходу 30 апреля основное сопротивление противника в Берлине было сломлено, и столица фашистского рейха находилась накануне капи-туляции. Обстановка позволяла надеяться, что для полного разгрома противника в Берлине будет достаточно сил 1-го Белорусского фронта. Одну его армию даже передали в состав 1-го Украинского фронта, который можно было теперь двинуть на Дрезден и затем против группы армий "Центр". В полосе 4-го Украинского фронта советские войска штурмом овладели крупным промышленным центром и мощным опорным пунктом обороны немцев в Чехословакии городом Моравска-Острава. Одновременно войска фронта захватили город Жилина - важный узел дорог в Западных Карпатах. В боях на этом направлении отличились войска генерал-полковников А. А. Гречко, К. С. Москаленко, П. А. Курочкина, генерал-лейтенанта А. И. Гастиловича и других.

Как и прежде, в сражениях на карпатских кручах нашим боевым побратимом был 1-й чехословацкий армейский корпус, которым командовал в это время бригадный генерал К. Клапалек.

Людвик Свобода был назначен министром национальной обороны Чехословацкой республики. Трогательным было его письмо Военному совету 4-го Украинского фронта, когда он уходил на новую высокую должность.

"Для меня являлось большой честью, что я командовал чехословацкой частью, сформированной и обученной в СССР, которая совместно с героической Красной Армией боролась на

фронте против нашего общего врага и которая бок о бок с доблестными войсками 4-го Украинского фронта помогала освобождать нашу дорогую родину.

Прошу принять выражение искренней благодарности за ту братскую и действенную помощь, которую командование 4-го Украинского фронта и Военный совет оказывали нам постоянно во время нашей совместной борьбы.

Основной задачей всего чехословацкого народа является теперь усилить еще большую всестороннюю помощь Красной Армии - нашей освободительнице, максимально повысить наши военные усилия и ускоренными темпами продолжать строить новую демократическую чехословацкую армию".

Корпусу, наступавшему в составе войск 4-го Украинского фронта, в числе других соединений была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего за овладение Моравска-Остравой п Жилиной. Москва салютовала войскам фронта двадцатью артиллерийскими залпами.

Утеряв Моравска-Остраву, противник в ближайшей глубине не имел столь же выгодных рубежей для организации обороны. К тому же советские войска глубоко обошли его фланги по северной и южной границе Чехословакии. Врагу ничего иного не оставалось, как отступать на Оломоуц. Отход противника существенно менял обстановку в полосе 2-го Украинского фронта Р. Я. Малиновского. Теперь фронту важнее всего было главными силами быстрее выдвигаться к Праге и, таким образом, создать южный фас будущего окружения войск группы армий "Центр". В этом случае армии 3-го Украинского фронта Ф. И. Толбухина надежно обеспечивали бы стратегическую операцию со стороны Западной Австрии, где все еще сохранялась почти полумиллионная группировка немецко-фашистских войск под командованием генерала Рендулича.

При нашем вечернем докладе обстановки И. В. Сталин приказал в связи с отходом противника перед 4-м Украинским фронтом дать директиву Р. Я. Малиновскому и представителю Ставки С. К. Тимошенко. "Главные силы войск фронта развернуть на запад,- говорилось в директиве,- и нанести удар в общем направлении на Йиглава, Прага с задачей не позднее 12-14 мая овладеть рубежом Йиглава, Улабинч, Горн, в дальнейшем выйти на р. Влтава и захватить Прагу". Только часть сил 2-го Украинского фронта должна была наступать в направлении Оломоуца, где продолжалось сопротивление противника.

В то время мы полагали, как видит читатель из приведенного отрывка директивы, что операция растянется по крайней мере на две недели, поскольку перед нашими фронтами находилась очень

сильная группа армий "Центр".

События на фронте немедленно получили отзвук в немецком тылу на территории Чехии. Там все ярче разгорался огонь антифашистской борьбы. Патриоты активно вооружались и в отдельных местах страны даже захватывали власть. Вот-вот должны были начаться события, решавшие судьбу народов Чехословакии. Генеральный штаб неусыпно держал район Праги в своем поле зрения. Сюда отходили крупные группировки немецко-фашистских войск. Восточное Праги в горных районах определялись контуры обороны группы армий Шернера. Здесь, по мнению Генштаба, должны были разыграться важные события.

В ночь на 1 мая 1945 г. Ставка Верховного Главнокомандования распорядилась не позже 4 мая сменить войска 1-го Украинского фронта, находившиеся в Берлине, силами армий левого крыла 1-го Белорусского фронта. И. С. Коневу было приказано не позже 3 мая закончить ликвидацию группировки немцев, окруженной восточное Луккенвальде, и после смены освободившиеся войска правого крыла фронта бросить в стремительное наступление в общем направлении на Прагу. С 6 мая между фронтами назначалась разграничительная линия до Люббена прежняя и далее Виттенберг для 1-го Украинского фронта включительно.

Так складывалась основа замысла Пражской операции трех советских фронтов. При этом 1-й Украинский фронт являлся главной силой. Он должен был отрезать пути отхода противника на запад и юго-запад, создать северный и западный фасы кольца окружения войск Шернера, сидевших в Рудных горах и Судетах. С востока центром на Оломоуц двигался 4-й Украинский фронт А. И. Еременко. С юга наносил удары 2-й Украинский фронт Р. Я. Малиновского. Окружив противника, этим фронтам надлежало расчленять и уничтожать окруженную группировку одновременными и последовательными ударами на земле и с воздуха. В западную часть Чехословакии вступали войска наших союзников.

План Пражской операции - последней крупной операции Советских Вооруженных Сил в Европе - окончательно был разработан к 4 мая 1945 г. Войскам 1-го Украинского фронта в этот день в 1 час 10 минут была отдана оперативная директива. В ней указывалось: "Армии правого крыла фронта переходят в стремительное наступление по обоим берегам р. Эльба в общем направлении на Прагу с целью разгромить дрезденско-герлицкую группировку противника, а танковыми армиями на шестой день операции овладеть столицей Чехословакии г. Прага". Командующему 13-й армией генералу Николаю Павловичу

Пухову приказывалось прорваться через перевалы в Рудных горах и на седьмой день операции выйти на рубеж Бероуна (30 км юго-западнее Праги). Войска армии обеспечивали фронтовую операцию на случай ударов противника с запада, перекрывали пути отхода войск Шернера из района Праги на запад и устанавливали непосредственную связь с нашими союзниками по реке Мульда и остальной демаркационной линии. Армии придавался 25-й танковый корпус генерала Е. И. Фоминых, который должен был наступать в голове основных сил армии.

На участке 13-й армии переходила в наступление 4-я гвардейская танковая армия генерала Д. Д. Лелюшенко. Она имела задачу вырваться к Праге через горные перевалы и ударом с северо-запада и запада, как уже сказано, на шестой день операции овладеть городом во взаимодействии с другим бронированным кулаком - 3-й гвардейской танковой армией П. С. Рыбалко, которая должна была наступать параллельно войскам Лелюшенко из района Дрездена и ворваться в Прагу с северо-востока и востока. Поскольку ожидался отход группировки Шернера на запад, воинам армии Рыбалко предстояло не только разгромить противостоящего противника и освободить Прагу, но и встать непреодолимым барьером между главной массой войск группы армий "Центр" и городом. Вслед за танками в Прагу должны были войти 3-я и 5-я гвардейские армии генералов В. Н. Гордова и А. С. Жадова, входившие, как и все предыдущие войска, в состав главной группировки сил 1-го Украинского фронта.

Восточное главных сил фронта, примыкая к ним своей основной группировкой, наступала в направлении Пирны 2-я армия Войска Польского под командованием генерала Кароля Сверчевского. За ней широким веером развертывались на юг остальные армии фронта: 28-я генерала А. А. Лу-чинского и 52-я К. А. Коротеева. С 6 мая начинала действовать двумя дивизиями и 31-я армия генерала П. Г. Шафранова.

С юго-востока на Прагу наступала ударная группировка 2-го Украинского фронта - 53-я армия генерала И. М. Манагарова, 7-я гвардейская армия генерала М. С. Шумилова, конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева, а в последующем и 6-я танковая армия генерала А. Г. Кравченко. Правый фланг фронта - 40-я армия генерала Ф. Ф. Жмаченко и 4-я румынская армия, которой командовал генерал Н. Дэскэлэску,- продолжал наносить удары на оломоуцком направлении.

4-й Украинский фронт овладевал Оломоуцем и, как уже говорилось, осуществлял удар с востока.

За день до перехода наших войск в наступление на Прагу маршал И. С. Конев встретился с генералом О. Бредли -

командующим 12-й американской группой армий и сопровождавшими его офицерами. Встреча прошла в дружественной обстановке. Оперативных задач, как доложил в Ставку командующий фронтом, не затрагивали. Однако американцы предложили нам помочь разгромить немецкую группировку в Чехословакии.

Нужно сказать, что к тому времени между штабом Эйзенхауэра и советским Генеральным штабом было достигнуто соглашение о разграничительной линии, которую, при выходе к ней, не должны были нарушать советские и американские войска. Эта линия проходила по рубежу река Мульда, Хемниц, Карлсбад, Пльзень, Клатови. Предложение Бредли означало нарушение этой условной, но важной границы и, следовательно, договоренности верховных органов стратегического руководства. Кроме того, командующий фронтом знал, что немцы хитрят и, несомненно, используют продвижение американцев вперед, чтобы увести свои тылы и войска из-под ударов Красной Армии в расположение союзников. Поэтому И. С. Конев, поблагодарив американцев за предложение, сослался на разграничительную линию и заверил Бредли, что группировка гитлеровских войск будет разгромлена силами советских войск, что вскоре и произошло.

В полдень 5 мая 1945 г. сказала свое слово Прага, подняв восстание против немецко-фашистской тирании. Об этих событиях мы узнали в 4 часа утра на следующие сутки, когда раздался телефонный звонок из чехословацкой военной миссии. Генерал Пика коротко сообщил, что 5 мая в 12 часов дня в Праге начато восстание против немецких оккупантов. Патриоты завладели радиостанциями и призвали чехословацких солдат, полицию и население города к вооруженному выступлению. В 12 часов 30 минут в Праге развевались чехословацкие, советские и союзные флаги. Немецкие надписи и вывески срывались и заклеивались. Патриоты захватили немецкое вооружение, пулеметы и несколько пушек. Выходы из Праги были перекрыты.

Пика сообщил далее, что восстанием руководит чешская Народная Рада. Она передала по радио воззвание к чешскому народу и вслед за ним ультиматум германским войскам с предложением сдаться. В ультиматуме говорилось, что "протекторат" перестал существовать, большая часть Чехии в руках чешского войска и патриотов. Германские части должны капитулировать. С ними обещали поступить согласно международному праву. По сведениям Пики, немецкий гарнизон в Праге был изолирован в разных местах города и вел боевые действия против повстанцев.

В ночь на 6 мая пражская радиостанция продолжала

призывать к бою и давала указания, куда прибывать специалистам - оружейникам, танкистам и другим. В городе продолжалось строительство баррикад. Той же ночью радиостанция передала призыв Народной Рады к союзникам о помощи: "Просьба города Праги ко всем союзным армиям. На Прагу наступают немцы со всех сторон. Действуют германские танки, артиллерия и пехота. Прага настоятельно нуждается в помощи. Пошлите самолеты, танки и оружие, помогите, помогите, быстро помогите!" 6 мая в 5 часов утра в эфир полетела еще одна просьба на русском языке: "Советскому Союзу, 4-й Украинский фронт... Срочно просим парашютную поддержку. Высадка в Праге, 12, Виноградy - Ольшанское кладбище. Сигнал - треугольник. Пошлите вооружение и самолеты". Потом из-за атмосферных помех передачу пражской радиостанции поймать долго не удавалось. Начальник чехословацкой военной миссии со своей стороны также просил, чтобы советское Верховное Главнокомандование помогло восстанию и предоставило восставшим оружие. Он дал нам данные о волне, на которой работала пражская радиостанция, захваченная повстанцами, и сообщил, что из Лондона поступили сведения о начале переговоров немецкого командования с чешской Народной Радой.

Таковы были новости, которые мы получили утром 6 мая. Их немедленно по телефону доложили И. В. Сталину, а последний тотчас же спросил А. И. Антонова, может ли Конев начать наступление на Прагу не 7 мая, как намечалось по плану, а немедленно. А. И. Антонов ответил утвердительно, так как срок готовности ударной группировки фронта был определен на 6 мая. Затем последовало указание И. С. Коневу о переходе в наступление 6 мая 1945 г. С 12 часов этого дня началось наступление передовых отрядов ряда армий, а в 14 часов двинулись вперед главные силы ударной группировки фронта.

К этому времени немецкие войска с танками окружили Прагу. Шли тяжелые бои. Повстанцы несли большие потери, но держались стойко.

Чтобы лучше понять ход событий, заглянем снова в стан противника. Здесь никаких кардинальных изменений не произошло. После самоубийства Гитлера и капитуляции Берлина фашисты мобилизовали все свои внутренние возможности для сопротивления на юге. На пост главнокомандующего сухопутными силами доживавшей последние дни третьей империи был поставлен Ф. Шернер. Об этом военачальнике фашистского рейха мы знали достаточно. Он был предан Гитлеру и заслужил доверие последнего исполнительностью и необычайной жестокостью в обращении с немецкими солдатами,

а особенно с военнопленными и населением оккупированных районов. Было время, когда Гитлер даже назначил Шернера на должность руководителя штаба по национал-социалистскому воспитанию войск. Но растущие успехи Красной Армии вынудили германское верховное командование вновь перебросить Шернера на важнейший участок восточного фронта. Ему присвоили чин генерал-фельдмаршала. Это высшее воинское звание Гитлер в последние дни своей жизни присвоил еще одному отъявленному фашисту - Риттеру фон Грейму, который был назначен вместо "изменника" Геринга командовать военно-воздушными силами. Но что это могло изменить? Когда с тонущего корабля спускают шлюпки на воду, вряд ли кораблю поможет даже самый опытный адмирал!..

2-4 мая в ставке Дёница состоялось совещание высшего военного руководства фашистской Германии. Присутствовали Дёниц, Кейтель, Йодль и другие. Стоял вопрос о капитуляции перед англо-американцами и дальнейшем сопротивлении Красной Армии. 5 мая завершилась полоса переговоров немецкого командования на западе относительно перемирия на ряде фронтов. Дёниц распространил действие некоторых соглашений на северные районы. Обо всех переговорах и их результатах мы получали регулярные сообщения от наших миссий за границей, особенно подробные от генерала И. А. Суслопарова.

Вскоре генерал-полковника Йодля спешно направили в ставку Эйзенхауэра в Реймс. Матерому военному преступнику не было дано права подписывать капитуляцию всех немецко-фашистских войск на всех фронтах. Он получил лишь инструкцию заключить перемирие, но так, чтобы выиграть как можно больше времени для спасения немцев, уходящих с востока. На советском фронте шли ожесточенные бои, и в войсках противника никаких признаков приказа сверху относительно прекращения военных действий не отмечалось. 6 мая во второй половине дня Йодль начал переговоры и откровенно заявил нашим союзникам о намерении "сохранить для германской нации возможно большее число немцев и спасти их от большевизма". Мало того, он сказал, что ничто не может заставить войска генералов Лёра и Рендулича, фельдмаршала Шернера исполнить приказ о капитуляции, пока они имеют возможность уйти в районы, оккупированные американскими войсками. Иначе говоря, Йодль отказывался от капитуляции немецких войск на востоке. Все заявления Йодля были, однако, отклонены, и, поскольку он не имел полномочий на подписание капитуляции немецко-фашистских войск, ему сказали, что переговоры будут прерваны.

Пришлось Йодлю запрашивать соответствующие полномочия...

Вечером 6 мая к начальнику советской военной миссии генералу Суслопарову прилетел адъютант Д. Эйзенхауэра. Он передал приглашение главнокомандующего срочно прибыть в его штаб. Д. Эйзенхауэр принял II. А. Суслопарова в своей резиденции. Улыбаясь, он сказал, что прибыл гитлеровский генерал Йодль с предложением капитулировать перед англо-американскими войсками и воевать против СССР.

- Что вы, господин генерал, на это скажете? - спросил Д. Эйзенхауэр. И. А. Суслопаров тоже улыбался. Значит, близился конец войны против Германии, хотя и петлял враг, чтобы сбить союзников с толку. Суслопаров знал также, что в штабе главнокомандующего уже не первый день сидит немецкий генерал Фридебург, который, однако, не сумел склонить Д. Эйзенхауэра к сепаратному соглашению. Начальник советской военной миссии ответил главе англо-американского командования, что существуют обязательства, совместно принятые членами антигитлеровской коалиции, относительно безоговорочной капитуляции противника на всех фронтах, в том числе, конечно, и на восточном.

Д. Эйзенхауэр поспешил сообщить, что он потребовал от Йодля полной капитуляции Германии и не примет никакой иной. Немцы были вынуждены согласиться с этим. Затем главнокомандующий просил Суслопарова сообщить в Москву текст капитуляции, получить там одобрение и подписать его от имени Советского Союза. Подписание, по его словам, уже было назначено на 2 часа 30 минут 7 мая 1945 г. в помещении оперативного отдела штаба главнокомандующего.

В полученном тут же проекте протокола говорилось о безоговорочной капитуляции всех сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил, находящихся к данному моменту под германским контролем. Германское командование обязывалось отдать приказ о прекращении военных действий в 00 часов 01 минуту (по московскому времени) 9 мая. Все германские войска должны были оставаться на занимаемых ими позициях. Запрещалось выводить из строя вооружение и другие средства вооруженной борьбы. Германское командование гарантирует исполнение всех приказов главнокомандующего союзными экспедиционными силами и советского Верховного Главнокомандования.

Начальнику советской военной миссии оставалось весьма немного времени, чтобы получить инструкции своего правительства. Не мешкая, он передал телеграмму в Москву о предстоящем акте подписания капитуляции и текст протокола;

просил указаний. Пока телеграмма И. А. Суслопарова была доложена по назначению, прошло несколько часов. В Реймсе перевалило за полночь, и наступило время подписывать капитуляцию. Инструкции же из Москвы не приходили. Положение начальника советской военной миссии было весьма сложным. Все теперь упиралось в него. Ставить свою подпись от имени Советского государства пли отказаться?

И. А. Суслопаров отлично понимал, что маневр гитлеровских последышей с капитуляцией только перед союзниками мог обернуться в случае какого-либо недосмотра с его стороны величайшим несчастьем. Он читал и перечитывал текст капитуляции и не нашел в нем какого-либо скрытого злого умысла. Вместе с том перед глазами генерала вставали картины войны, где каждая минута уносила множество человеческих жизней. Начальник советской военной миссии принял решение подписать документ о капитуляции. В то же время он, обеспечивая возможность для Советского правительства повлиять в случае необходимости на последующий ход событий, сделал примечание к документу. В примечании говорилось, что данный протокол о военной капитуляции не исключает в дальнейшем подписания иного, более совершенного акта о капитуляции Германии, если о том заявит какое-либо союзное правительство.

Д. Эйзенхауэр и представители других держав при его штабе с примечанием И. А. Суслопарова согласились. В 2 часа 41 минуту 7 мая 1945 г. в зале, где работали операторы главнокомандующего англо-американскими войсками, был подписан протокол о капитуляции Германии.

Д. Эйзенхауэр поздравил И. А. Суслопарова с подписанием акта. Последний направил свой доклад в Москву. А оттуда между тем уже шла встречная депеша, где указывалось: никаких документов не подписывать!..

А на восточном фронте бои продолжались. Группа армий "Центр" достигла, "выравнивая фронт", линии Судетских и Рудных гор и здесь на прочных, хорошо оборудованных в инженерном отношении позициях готовилась к дальнейшим боям. Продолжали сопротивляться немецко-фашистские войска, находившиеся в южной части Чехословакии, Австрии, Хорватии. Шернер полагал возможным остановить на подготовленных рубежах Красную Армию и продержаться не менее трех недель, достаточных для подхода американцев, Дёниц думал иначе. Он уже получил некоторые данные о назревающем в Праге кризисе и учитывал возможность близкого всеобщего восстания чехов. Удержаться в Судетах в таких условиях он не рассчитывал. Поэтому, выслушав мнение членов его "правительства" и

военачальников, он 3 мая 1945 г. решил как можно быстрее отвести войска ближе к фронту американцев. Однако и это решение Дёницу не удалось выполнить; на пути немецко-фашистской группы армий "Центр" на запад встали повстанцы Чехословакии, а затем воины Красной Армии.

Напряженная обстановка в самой Праге между тем быстро усложнялась. Немецкий комендант города генерал Туссен доложил штабу оперативного руководства вермахта: "Общее положение резко обострилось..." Как сообщал он далее, все ждали немедленного политического урегулирования. Комендант не терял, однако, присутствия духа и полагал, что за 24 часа сумеет навести порядок. Но повстанцы действовали по-своему; они развернули восстание во всю ширь и вывели из строя в пригороде Праги железную дорогу, идущую на запад. Это обстоятельство вынуждало немецко-фашистские войска при отходе за демаркационную линию двигаться походным порядком, что значительно осложняло положение группы армий "Центр".

Первые же выстрелы пражских повстанцев вынудили гитлеровцев отказаться от намерения расположить в районе Праги свои правительственные учреждения, хотя о подготовке здесь помещения для размещения ОКВ и правительства уже было отдано распоряжение Йодля. 1600 баррикад и 30 тыс. их защитников, пусть даже и не вполне вооруженных, чего-нибудь да стоили. Против повстанцев двинули из состава группы армий "Центр" несколько дивизий с танками, а также подняли весь гарнизон города. Среди вражеских войск было много эсэсовских частей. В Праге разгорелись упорные бои.

6 мая было жарким днем и в гитлеровской ставке. Кейтель в 14 часов 12 минут потребовал наискорейшего отвода войск групп армий "Центр", "Австрия" и "Юго-Восток" в полосу действий американцев. К этому вынуждали доклады с фронта. Оттуда сообщали, что Красная Армия переходит в наступление на пражском направлении. Кессельрингу было приказано не препятствовать любому продвижению американцев на восток в протекторат (так гитлеровцы именовали Чехословакию).

Как помнит читатель, в тот же день в Реймсе были начаты переговоры Йодля о капитуляции немецко-фашистских войск на западном фронте. До тех пор пока было неясно, как отнесутся англичане и американцы к предложению гитлеровцев, немецко-фашистское командование в Праге пыталось силой подавить восстание. Когда же получили данные, что капитуляция на западе состоится перед англо-американцами, нацисты в Праге изменили тактику. 7 мая Дёниц отдал распоряжение об отходе немецко-фашистских войск с восточного фронта с целью сдаться в плен

нашим союзникам.

Теперь в интересах выполнения новой задачи нацистам нельзя было расширять далее борьбу на пражских улицах, а оказывалось более выгодно как-то ослабить восстание, а если можно, то и договориться с повстанцами. За это дело взялся генерал Туссен. Ему удалось вступить в переговоры с чешским Национальным Советом (чешская Народная Рада), которые начались в 10 часов 7 мая, когда капитуляция в Реймсе уже была подписана, а Красная Армия наступала по всему фронту. Ход переговоров показал, что большинством в совете располагали буржуазные деятели, которые рассматривали смысл действий повстанцев очень ограниченно. Руководитель чешского Национального Совета профессор Пражского университета Альберт Пражак сказал об этом впоследствии так: "Восстание имело целью спасти город от предполагавшегося разрушения, так как немцы не собирались оставлять его без боев. Мы с часу на час ждали прихода войск союзников". Заместитель председателя И. Смрковский, состоявший тогда в компартии, не повлиял на такую соглашательскую точку зрения буржуазного большинства чешского Национального Совета.

В силу этих обстоятельств Туссен быстро определил слабое место в руководстве повстанцами и 8 мая в 16.00, когда согласно документу, подписанному в Реймсе, подходило время капитуляции немецких войск, сумел, в свою очередь, подписать соглашение с чешским Национальным Советом, весьма выгодное для немецко-фашистского командования. Оно получило гарантии спокойного отхода гитлеровских войск в расположение американцев. Международный Красный Крест в 19 часов 15 минут 8 мая 1945 г. передал по пражскому радио на чешском и немецком языках следующее сообщение: "Согласно соглашению с чешской Народной Радой должны прекратиться военные действия в Праге и ее окрестностях. Такой же приказ был дан чешским соединениям и гражданам. Кто этот приказ не будет выполнять, подлежит суду. Подписано командующим немецкими войсками в Чехии и Моравии. Прага. Чехословацкая радиостанция".

В соглашении была и такого рода запись:

"5. Сдачу оружия проводить следующим порядком: тяжелое оружие сдается на окраинах города частям чехословацкой армии, самолеты остаются на аэродромах в Рузине и в Кбелы.

6. Сдача остального оружия будет проводиться на американской демаркационной линии войскам чехословацкой Народной армии. Все оружие сдается с амуницией в неиспорченном виде"{61}.

Таким образом, немецко-фашистские войска сохраняли за

собой легкое пехотное оружие до того момента, как они минуют опасную зону ударов советских войск и повстанцев Чехословакии. Личный состав группы армий "Центр" по соглашению имел право забрать из складов необходимый провиант на время следования.

Фактически никакой капитуляции немецких войск в Праге и ее районе не произошло. Сам Пражак, когда в город уже пришли советские войска и разбили гитлеровцев, оценил подписанный акт как "уловку немцев". Таким образом, буржуазное большинство совета попалось на хитрость противника. Следует отметить при этом, что восставшие горожане оплатили путь к свободе дорогой ценой. Тот же руководитель совета заявил о бойцах пражских бригад: "Коммунисты-подпольщики играли в восстании главную роль. Народ вел себя мужественно, храбро, ненавидел немцев всей душой, не щадил их... За время восстания мы потеряли 3 чыс. человек убитыми и 10 тыс. ранеными..."

Капитуляция гарнизона Берлина принесла нам не только радости, но и новые заботы. Часть их была связана с поисками главных военных преступников. Мы знали, что многие главари фашистского государства и национал-социалистской партии, в том числе сам Гитлер, оставались в осажденном городе. Искали все, но, кроме того, для поиска выделялись особые группы разведчиков буквально во всех наступающих в Берлине корпусах советских войск. Руководили группами опытные люди. Каждая группа имела списки фашистских преступников и примерно знала, где они могли скрываться. Основное внимание было устремлено, естественно, на район правительственного квартала, а в нем - на мрачное здание имперской канцелярии. Сюда нацелилось несколько соединений: все хотели штурмовать последнюю крепость фашизма в Берлине!

30 апреля вместе с другими штурмовыми подразделениями к штаб-квартире Гитлера вышла и поисковая группа под командованием офицера И. И. Клименко от 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии. О результатах ее работы будет сказано ниже.

Пока бои шли далеко от центра города, мы не ждали никаких особых новостей. Но теперь, когда борьба переместилась в пределы правительственного квартала, могло случиться всякое. Даже обычно невозмутимого и сдержанного А. И. Антонова начинало разбирать нетерпение.

Первое известие о смерти Гитлера мы получили 1 мая 1945 г. после встречи В. Д. Соколовского и В. И. Чуйкова с генералом Кребсом (об этих переговорах советские читатели знают достаточно много из воспоминаний Г. К. Жукова и В. И. Чуйкова). Но верить этому известию было трудно, так как останков Гитлера

найдено не было. Не имелось данных и о судьбе Геббельса, оставшегося, по словам Кребса, главным в бункере под имперской канцелярией... Шли дни. Пал Берлин, началась капитуляция немецко-фашистских войск, но ничего нового относительно главарей гитлеровского государства в Генштаб не поступало. По телефону на наши вопросы отвечали одно: ищем... Правда, утром 3 мая ответ был несколько иным: нашли, мол, что-то похожее на Гитлера.

В ночь на 4 мая, когда мы с А. И. Антоновым прибыли в кабинет Верховного Главнокомандующего с очередным докладом по обстановке за прошедшие сутки, Сталин положил перед нами телеграмму Г. К. Жукова и К. Ф. Телегина. В ней говорилось:

"2 мая 1945 г. в г. Берлин на территории имперской канцелярии рейхстага на Вильгельмштрассе, где в последнее время была ставка Гитлера, обнаружены обгоревшие трупы, в которых опознаны имперский министр пропаганды Германии доктор Геббельс и его жена.

3 мая с. г. на той же территории в штаб-квартире Геббельса... обнаружены и извлечены трупы шестерых детей Геббельса. По всем признакам трупов детей можно судить, что они были отравлены сильнодействующим ядом.

Лично начальником управления контрразведки 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенантом товарищем Вадис были предъявлены обнаруженные трупы задержанным личному представителю гросс-адмирала Дёница при ставке Гитлера вице-адмиралу Фоссу, начальнику гаража рейхсканцелярии Шнейдеру, повару Ланге, начальнику технических учреждений имперской канцелярии Циен. Они опознали Геббельса, его жену и детей".

Далее в телеграмме Г. К. Жукова и К. Ф. Телегина было сказано о вещах, найденных при осмотре останков семейства бывшего фашистского рейхсминистра, и сообщалось, что на территории имперской канцелярии был обнаружен еще один труп, в котором Фосс опознал генерал-лейтенанта Кребса - начальника генерального штаба сухопутных войск Германии, недавно безрезультатно встречавшегося с В. Д. Соколовским и В. И. Чуйковым по поводу капитуляции Берлина.

Каких-либо сообщений о живом пли мертвом Гитлере в телеграмме не было.

- Товарищ Жуков тоже сомневается в смерти Гитлера,- сказал затем Сталин, отойдя к письменному столу за очередной порцией табака для трубки.- Фашистским подлецам никогда верить нельзя. Нужно разобраться, действительно ли ушли из жизни главари гитлеровского государства. Все проверить...

Затем, взяв трубку телефона, он позвонил одному из

комиссаров Государственной безопасности и приказал послать в Берлин опытного руководящего работника, которому в числе других задач поставить и задачу убедиться в смерти Гитлера.

В Берлине К. Ф. Телегин и фронтовая контрразведка уже развернули необходимую работу. Медики провели тщательное патологоанатомическое исследование трупов членов семьи Геббельса, а также Кребса. С абсолютной точностью было установлено, что смерть их произошла в результате отравления сильнодействующими цианистыми соединениями. Вскоре подоспела необходимость во вскрытии других трупов - мужчины, женщины и двух собак, найденных все той же группой Клименко в одной из воронок в саду имперской канцелярии поблизости от запасного выхода из правительственного бункера. Трупы людей, слегка присыпанные землей, очень сильно обгорели. Опознать их было невозможно, требовались особо точные приемы экспертизы. Помогли специалисты-стоматологи, протезировавшие зубы Гитлера и его любовницы: они опознали особенности протезов, присущие только их работе, указали на некоторые анатомические особенности полости рта их давних пациентов. Патологоанатомы в свою очередь подтвердили точность показаний специалистов. После этого сомнений уже не было: два обгоревших до неузнаваемости трупа были тем, что осталось от Гитлера и разделившей его участь Евы Браун. Анализ подтвердил ту же самую причину смерти, что и у семьи Геббельса: отравление сильнодействующими цианистыми соединениями.

Трупы собак из той же воронки удалось легко опознать с помощью лиц, служивших в имперской канцелярии: это были личные собаки Гитлера, которые погибли тоже от дозы цианистого калия. На них, как стало потом известно, предварительно проверили действие выбранного яда.

Исследования экспертов были закончены уже после дня подписания безоговорочной капитуляции Германии. Параллельно шел опрос пленных, имевших отношение к имперской канцелярии, а также немецких граждан, способных так или иначе пролить свет на последние дни некоторых из гитлеровских преступников. Должен признаться, что тогда нам, работникам советского Генштаба, как и многим другим людям, было не до чтения даже таких любопытных документов, как материалы опросов свидетелей краха третьего рейха. Нас торопили неотложные дела, которые нужно было делать во имя жизни на земле. Уже позднее я познакомился, в частности, с показаниями врача имперской канцелярии Хельмута Кунца. Именно к нему обратилась 27 апреля 1945 г. Магда Геббельс. От имени мужа и от себя лично она попросила Кунца помочь ей умертвить детей.

Врач согласился. 1 мая вечером из рук Магды он принял шприц с морфием и сделал детям инъекцию, чтобы те заснули. Продолжить преступление до конца у Кунца, однако, не хватило душевных сил. Тогда мать пригласила на помощь личного врача Гитлера, который вместе с ней вложил каждому ребенку в рот ампулу с ядом...

Таковы были люди, против которых боролся советский солдат. Они любили все волчье: строили "вольфшанце" - "волчий окоп", где помещалась ставка гитлеровского верховного командования; пытались создать движение "вервольфов" - "волчьих стаи", чтобы вовлечь народ в вооруженную борьбу против советских войск; по-волчьи они поступали даже со своими малолетними детьми!..

Когда извещение о событиях в Реймсе (капитуляция) было получено, А. И. Антонов пригласил меня к себе и приказал составить проект директивы Ставки по поводу капитуляции. Он пододвинул мне какой-то документ и сказал только: познакомьтесь. В руках моих было письмо, только что присланное Антонову Дином - главой военной миссии США. Я быстро пробежал глазами бумагу и, признаться, сразу не понял заложенного в ней тайного смысла. В письме говорилось:

"...Сегодня после полудня я получил от президента срочное послание, в котором он просит, чтобы Маршал Сталин дал свое согласие объявить о капитуляции Германии сегодня в 19.00 по московскому времени.

Мы получили через Наркоминдел ответ, что это невозможно сделать, потому что Советское правительство все еще не получило от своих представителей при штабе Эйзенхауэра данных о капитуляции Германии.

Я информировал об этом президента Трумэна и получил ответ, что он не сделает официального сообщения до 9 часов утра по вашингтонскому времени 8 мая, или 16.00 по московскому, если Маршал Сталин не выразит свое согласие на более ранний час..."

Далее шла просьба информировать его, Дина, о времени получения сообщения от наших представителей.

Я вопросительно посмотрел на А. И. Антонова.

- Союзники нажимают на нас,- пояснил он.- Хотят, чтобы весь мир узнал о капитуляции немецко-фашистских войск перед ними, а не перед СССР.

Вскоре нас вызвали в Кремль... В кабинете И. В. Сталина кроме него самого мы застали членов правительства. Верховный Главнокомандующий, как обычно, медленно прохаживался вдоль ковровой дорожки. Весь вид его выражал крайнее неудовольствие.

То же мы заметили и на лицах присутствующих. Обсуждалась капитуляция в Реймсе. Верховный Главнокомандующий подводил итоги, размышляя вслух. Он заметил, что союзники организовали одностороннее соглашение с правительством Дёница. Такое соглашение больше похоже на нехороший сговор. Кроме генерала И. А. Суслопарова, никто из государственных лиц СССР в Реймсе не присутствовал. Выходит, что перед нашей страной капитуляции не происходит, и это тогда, когда именно мы больше всего потерпели от гитлеровского нашествия и вложили наибольший вклад в дело победы, сломав хребет фашистскому зверю. От такой "капитуляции" можно ожидать плохих последствий.

Теперь еще яснее стал смысл письма Дина: оказывается, и на таком деле, как безоговорочная капитуляция, можно попытаться нажить политический капитал!..

- Договор, подписанный союзниками в Реймсе,- продолжал И. В. Сталин,нельзя отменить, но его нельзя и признать. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический факт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия - в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции. Пусть ее подпишет кто-то из главарей бывшего фашистского государства или целая группа нацистов, ответственных за все их злодеяния перед человечеством.

Закончив говорить, И. В. Сталин обратился к нам и справился, может ли товарищ Жуков подыскать подходящее помещение для торжественного подписания акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии в Берлине.

Алексей Иннокентьевич заметил, что сам город очень разрушен, но ближайшие его пригороды достаточно хорошо сохранились и там без особого труда можно найти необходимое здание.

Затем стали обсуждать вопросы, относящиеся к переговорам с союзниками. По ходу разговора мы с Антоновым поняли, что И. В. Сталин и В. М. Молотов уже договорились с представителями союзников считать процедуру в Реймсе предварительной капитуляцией. Союзники согласились и с тем, что дело откладывать не следует, и назначили подписание акта о капитуляции по всей форме в Берлине на 8 мая.

Попутно было решено уполномочить Г. К. Жукова, как заместителя Верховного Главнокомандующего, подписать от имени СССР протокол о безоговорочной капитуляции Германии и назначить его на последующее время главнокомандующим в

советской зоне оккупации. Присутствовавшего тогда в Ставке А. Я. Вышинского назначили помощником Жукова по политической части и обязали его утром 8 мая со всеми необходимыми материалами по капитуляции вылететь в Берлин.

После этого Верховный Главнокомандующий потребовал соединить его по телефону с Берлином и сам сообщил Жукову, что Георгия Константиновича уполномочили принять капитуляцию фашистской Германии от имени СССР. Вслед за тем была составлена и тут же отправлена из аппаратной Ставки короткая записка в Берлин на ту же тему.

- Война еще не кончена,- сказал Верховный Главнокомандующий и приказал подготовить соответствующую директиву фронтам.

Мы доложили ему уже составленный нами проект, который с небольшими поправками был подписан. В директиве говорилось о капитуляции в Реймсе и приказывалось:

"1. Издать обращение от фронта к немецким войскам и их командованию с изложением факта подписания немцами акта военной капитуляции и распространить это обращение к вечеру 8 мая как через радио, так и листовками с предложением сложить оружие.

2. После 23 часов 8 мая, т. е. утром 9 мая, потребовать от командования противостоящих вам немецких войск прекратить военные действия, сложить оружие и сдаться в плен.

3. Если немецкие войска не выполнят вашего требования, не сложат оружия и не сдадутся в плен, всеми силами нанести решительный удар по противостоящим немецким войскам и выполнить задачи, поставленные Ставкой для каждого фронта..."

Документ был подписан в 22 часа 35 минут 7 мая.

Перед полуночью пришло сообщение из штаба Эйзенхауэра, что из Фленсбурга, где работало, организуя капитуляцию немецко-фашистских войск, верховное командование теперь уже поверженного противника, должен лететь немецкий самолет в Курляндию с приказами о капитуляции блокированных там войск. Другая связь не работала. Нужно было пропустить самолет, чтобы его не сбили.

Вслед за этим из управления специальных заданий сообщили, что Эйзенхауэр направляет в Берлин для принятия капитуляции Германии маршала авиации Теддера - заместителя командующего экспедиционными войсками союзников - и 10 офицеров штаба. С ними летело 11 корреспондентов и фоторепортеров. На тех же самолетах следовали в Берлин для подписания акта о безоговорочной капитуляции Кейтель, Фридебург, Штумпф и еще три германских офицера.

Нужно было давать распоряжения о пропуске и этих самолетов.

Конечно, шла также обычная для военного времени оперативная работа. Ее по-прежнему было много. Но до чего же радостно было все это делать!..

...Та ночь казалась удивительно короткой и не похожей на другие. О сне не могло быть и речи. Все ждали. И все мыслями были там, в Карлсхорсте, где в эти часы заканчивались последние приготовления к подписанию капитуляции Германии.

Ровно в полночь в зал бывшего военного училища прибыли Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, А. Я. Вышинский, В. Д. Соколовский, К. Ф. Телегин, другие советские генералы и офицеры; представители союзного командования - маршал

авиации британских вооруженных сил Артур В. Теддер, командующий стратегическими воздушными силами США генерал Спаатс и главнокомандующий французской армией генерал Делатр де Тассиньи. Все сели за столы.

Г. К. Жуков открыл заседание и приказал пригласить в зал представителей немецкого главного командования - генерал-фельдмаршала Кейтеля, генерал-полковника Штумпфа, адмирала флота Фридебурга. После короткой проверки полномочий немецкая делегация в первые минуты начавшегося дня 9 мая 1945 г. подписала Акт о военной капитуляции фашистской Германии. Акт, который уже юридически признавал полное военное поражение гитлеровского рейха...

На процедуре подписания Акта о капитуляции присутствовал и И. А. Суслопаров. Только здесь он узнал, что Сталин лично по телефону сообщил Вышинскому, что не имеет претензий к действиям Суслопарова в Реймсе.

Капитуляция немецко-фашистских войск началась и на фронтах. Однако более миллиона солдат групп армий "Центр" во главе с Ф. Шернером и "Австрия" под командованием Л. Рендулича складывать оружие перед Красной Армией не собирались. Дёниц фактически им потворствовал, не принимая никаких мер к нарушителям условий капитуляции.

Шернер, считавшийся мастером горной войны, свой саботаж капитуляции прикрывал ссылками на то, что ему мешают чешские повстанцы. Они, мол, постоянно нарушают телефонные линии, перехватывают посыльных, передающих приказы войскам, и тем самым делают невозможным проведение планомерной капитуляции. Шернер просил Дёница срочно воздействовать на союзников, чтобы повстанцы тотчас же прекратили свои нападки на немецкую армию, незамедлительно освободили радиостанции и тем самым дали бы ему, Шернеру, первую предпосылку для выполнения приказа о капитуляции.

Идея нажима на наших западных союзников, чтобы облегчить своим войскам отход за их линию фронта, была немедленно воспринята правительством Дёница. Уже утром 8 мая Йодль направил Эйзенхауэру телеграмму с докладом, что проведение капитуляции в Чехословакии затруднено, поскольку повстанцы этому мешают: прерывают телефонную связь, перехватывают посыльных. Он, Йодль, просил союзников, чтобы радиостанции, находящиеся в руках восставших, были использованы для передачи приказов войскам.

Сам Шернер между тем разрабатывал план прорыва группы армий "Центр" в зону американцев, чтобы там сложить оружие. Он поделился своими мыслями по этому плану с генерал-

фельдмаршалом Кессельрингом, о чем последний доложил Кейтелю с просьбой сообщить ему, Кессельрингу, свое мнение. Мы не знаем, сообщил ли Кейтель свой взгляд на план Шернера, но осуществить замысел командующему группой армий "Центр" не удалось. Этому помешали советские войска.

Любопытно, что Шернеру было приказано утром 8 мая лично направиться в район Рудных гор, чтобы позаботиться на месте относительно организованного проведения там капитуляции войск. Но Шернер заявил, что не видит возможности твердо управлять войсками и соблюдать условия капитуляции. Он умывал руки и без разрешения своего командования покинул войска. Не имея от Шернера приказов сдаваться в плен Красной Армии, продолжая надеяться на относительно благополучный отход за линию американцев и заполучив в Праге соглашение на это с чешским Национальным Советом, группа армий "Центр" не складывала оружия.

В первые часы начавшегося дня 9 мая мы с тревогой и надеждой ждали доклада с фронта. Положение там пока не изменилось. В районе Праги, куда стремительно рвались 4-я и 3-я гвардейские танковые армии генералов Д. Д. Лелюшенко и П. С. Рыбалко, шли бои. Эсэсовцы пытались подавить сопротивление повстанцев. Начальник штаба 1-го Украинского фронта Иван Ефимович Петров, доложив о броске танкистов на Прагу, заметил, что на других участках фронта противник стоит на занятых ранее рубежах. Так было до 3 часов, а затем немецко-фашистские войска начали стремительный отход на юг. Но не капитулировали...

Позвонили на 4-й Украинский. Там была такая же обстановка: начальник штаба фронта Л. М. Сандалов доложил, что противник не сложил оружия и не остался на месте, а стал спешно отходить, взрывая мосты и дороги, в общем направлении на Прагу. По словам захваченных пленных, немецкое командование отводило войска "с целью капитулировать перед англичанами или американцами"{62}.

На 2-м Украинском - та же картина. М. В. Захаров сообщил, что противник отходит, но не сдается. Наши войска повсеместно его преследуют. В отдельных местах продолжаются бои. Забегая вперед, должен сказать, что даже 10 мая 2-й гвардейский мехкорпус 6-й гвардейской танковой армии А. Г. Кравченко в районе Часлава встретил серьезное сопротивление врага. Вновь загрохотали танковые пушки и пулеметы. Противника подавили. Более 700 гитлеровских солдат были захвачены в плен. Корпус продолжил движение на Прагу.

В эти дни особенно горько было видеть за привычными

докладами с фронтов продолжающиеся жертвы. За освобождение Чехословакии отдали свою жизнь свыше 140 тыс. наших солдат и офицеров. Зачем понадобилось противнику поднимать оружие в явно безнадежном для пего положении, в условиях уже подписанного соглашения о капитуляции?! Так могли действовать люди, потерявшие человеческий облик, ненавидевшие весь род людской,- фашисты. Они продолжали толкать своих солдат в новые могилы.

Таковы были факты... Однако почти четверть века спустя после войны появилось странное мнение, что сражение за Чехословакию было ненужным{63}. Это мнение противоречит фактической обстановке, тому, что требовал закон войны-"если враг не сдается - его уничтожают", который действовал с объективной непреложностью. Группировки войск Шернера и Рендулича, где было, как уже сказано, свыше миллиона гитлеровских головорезов, не только таили в себе угрозу новых злодеяний - они действовали, затягивали войну и проливали кровь.

В этих преступлениях было конкретно виновато гитлеровское "правительство" Дёница, и прежде всего генерал-фельдмаршал Шернер, покинувший войска и саботировавший все, что следовало предпринять в той обстановке для организованной капитуляции и предотвращения напрасной гибели людей.

Империя нацистов агонизировала... Как крысы с тонущего корабля, бежали оставшиеся в живых главари рейха. По дорогам Чехии спешили к демаркационной линии недобитые в боях предатели Советского государства - власовцы. Южнее, в Австрии, туда же пробирались альпийскими тропами остатки отрядов бывших белогвардейцев и изменников Родины, некогда нашедших убежище на Балканах и в Италии. В годы войны многие бывшие белогвардейцы вновь подняли оружие против Страны Советов. Было что-то символичное в этой трагической картине бегства и гибели наших врагов: сама история не оставляла без возмездия преступления против человечества.

По-разному исчезала для этих отщепенцев и подонков последняя возможность оправдаться перед Родиной. Одни яростно отстреливались и находили конец в борьбе. Другие с тупой покорностью ждали, что предназначит им судьба. Третьи ненавидели обманувших их проповедников антисоветизма, но не находили случая, чтобы как-то искупить свои преступления. Но надежда на прощение угасла не у всех. Возможно, именно она толкнула, например, некоторых власовцев в Прагу в момент, когда там назревало время решительного восстания против немецких оккупантов. Они дважды приходили тогда в чешский

Национальный Совет и просили принять их помощь в борьбе по обороне города от войск Шернера. Но их просьбу отвергли: слишком уж ненадежны были эти "союзники" и никто не мог ручаться, против кого направят они свое оружие. Отчаявшись, некоторые группы власовцев кое-где по своей инициативе вступали в перестрелку с гитлеровцами, а кое-кто уже готовился к переходу на сторону Красной Армии.

10 мая от М. В. Захарова со 2-го Украинского фронта пришло известие, что в лесах северо-западнее Лутова пленено много власовцев, пробиравшихся к германской границе. Направлялся на запад и главарь предателей - Власов. Действия войск так называемой РОА подчинялись плану, разработанному на особом совещании их главарей в Карлсбаде. Они не собирались прекращать битвы против Советского Союза даже тогда, когда фашистская Германия безоговорочно капитулирует. На этот случай они решили сохранить свои кадры и сосредоточить войска на юге Германии в предгорьях Альп. Там они намеревались использовать трудные природные условия для того, чтобы отсидеться до... начала новой войны, на этот раз Англии и США против Советского Союза! Тогда-то и должен был пробить час их выступления на стороне западных держав.

Изменники начали практически осуществлять свой план. На запад отправились люди для связи с английским и американским командованием, а на восточном фронте начался перевод власовских войск на юго-запад. Значительной части войск и главарей предателей Родины уже удалось перебраться на сторону американцев. Но сам Власов еще двигался по территории Чехословакии под надежной, как ему казалось, охраной 1-й дивизии РОА. Ядром дивизии являлась бригада известного бандита Каминского, солдаты которой по горло были обагрены кровью советских партизан и варшавских повстанцев. Самого Каминского, как говорили, немцы расстреляли за беззакония, которые даже по меркам гитлеровских преступников считались невероятными. Командовал дивизией Буняченко, такой же изменник, как и главарь РОА, носивший чин фашистского генерал-майора.

12 мая войска предателей находились всего в 40 км юго-восточнее Пльзеня. Этот город являлся одним из пунктов демаркационной линии Красной Армии и войск американцев, установленной по договору между союзными армиями. Именно на нее сослался И. С. Конев, когда генерал Бредли и сотрудники его штаба предложили помочь нам в разгроме войск Шернера. Не будь этого соглашения, Власову, вероятно, удалось бы тогда удрать к союзникам, которые продвинулись бы далеко вперед, не

имея перед собой противника.

Но в тот майский день наши войска уже выдвигались к Пльзеню, и разведка 25-го танкового корпуса генерал-майора Е. И. Фоминых обнаружила власовское соединение. Комкор, получив доклад разведки, приказал командиру 162-й танковой бригады полковнику И. П. Мищенко настичь изменников. Бригада ринулась в преследование. Прежде всего требовалось задержать части власовской дивизии и дезорганизовать ее действия, чтобы всей массой своих грозных танков навалиться на врага и уничтожить или пленить его. Эта задача выпала на долю мотострелкового батальона под командованием капитана М. И. Якушева, который находился в передовом отряде.

Обстановка для батальона была сложной: как-никак, а впереди находилась целая дивизия готовых на все головорезов. Близость спасения могла придать им силы. Помогли сметка, здравый смысл и понимание психологии врага. Выполняя задачу, М. И. Якушев с помощью бывших с ним контрразведчиков старшего лейтенанта П. П. Игнашкина и майора П. Т. Виноградова сумел привлечь на свою сторону командира одного из власовских батальонов капитана П. Н. Кучинского. Тот хоть и шел за рубеж, но чувствовал тяжесть своих преступлений перед советскими людьми и в последний, может быть, час хотел искупить их любой ценой. Кучинский указал Якушеву место штаба дивизии и предупредил, что там находится сам Власов.

М. И. Якушев принял смелое решение. Вместе с Кучинским на его автомашине он обогнал колонну штаба Буняченко, поставил поперек дороги свой автомобиль и задержал движение. Затем быстро отыскал машину, в которой находился Власов. С помощью Кучинского и личного шофера Власова изменника втиснули в автомобиль комбата. Это происходило уже под дулами подошедших танков корпуса. Главаря предателей Родины вывезли из общей колонны и доставили в советскую часть. Никто из сопровождавших Власова не вступил в бой. Затем без сопротивления была целиком пленена и вся дивизия власовцев во главе с командиром.

Компания врагов нашей Родины, попавших наконец в руки правосудия, вскоре пополнилась новыми членами. В предгорьях Альп обнаружились старые недруги Советской власти - генералы П. Н Краснов, А. Г. Шкуро, К. Султан-Гирей и другие. Мы давно и думать забыли об этих почти археологических древностях. Но в 1944 г., наступая в Югославии, советские войска встретились в боях с частями русского белогвардейского корпуса. Оказывается, всякого рода "бывшие" все еще лелеяли мечту о восстановлении "единой и неделимой", о поместьях и монархии. Алчные расчеты

жили в душе этих людей вместе с лютой ненавистью ко всему советскому.

Таковыми и являлись бывший командующий всеми вооруженными силами Временного правительства Керенского и атаман Войска Донского Краснов, бывший командир 3-го конного корпуса деникинской армии Шкуро, бывший князь, душитель революции 1905 г. и командир Дикой дивизии, творившей кровавые оргии, Султан-Гирей. В годы войны все они вернулись к активной военной работе и пошли на службу к немецкому фашизму. По указанию гитлеровских чиновников генералы создавали вооруженные части из русских контрреволюционных и антисоветских элементов, которые воевали против Красной Армии и наших союзников с оружием в руках. Воевали они зло, остервенело, не ожидая пощады. Но под ударами советских войск и союзных армий "добровольцы" вынуждены были бежать в каменные теснины гор. С большими потерями они уползли в расположение англичан и, рассчитывая, что те, как и американцы, скоро примутся воевать против Советов, предложили им свои услуги. Однако просчитались... Советское правительство сделало тогда решительное представление союзникам по поводу Краснова, Шкуро, Султан-Гирея и других военных преступников. Англичане немного повременили, но, поскольку ни старые белогвардейские генералы, ни их воинство не представляли какой-либо ценности, загнали всех их в автомашины и передали в руки советских властей. Вся процедура передачи состояла в замене английского караула красноармейским.

Какими увидели советские воины этих "ископаемых"? Краснов-старший-дряхлый уже человек (он родился в 1869 г.) с прикрытыми старомодным пенсне воспаленными глазами, в форме немецкого генерала и погонами царской армии (как-никак, а оттенок, так сказать, сохранил). Речь отличалась изысканностью: Краснов за границей баловался сочинительством и сумел издать несколько ярых антисоветских романов, не имевших, правда, заметного успеха у "белой" публики. Вместе с ним англичане передали и его племянника - С. Н. Краснова, генерал-майора немецкой армии, в прошлом полковника царской лейб-гвардии и белогвардейца; этот еще не старый мужчина, как и дядя, душой и телом сотрудничал с гитлеровцами. Низкорослый, весь какой-то испитой, брызжущий злобой генерал Шкуро щеголял в несвежей черкеске с газырями. До последнего момента жизни Шкуро ничуть не скрывал лютой ненависти к Советской власти. Князь Султан-Гирей был худ и глуховат. Под черной черкеской скрывалось уже хилое тело. Прежний характер проявлялся лишь во вспышках злобы ко всему окружающему,

особенно к нашим людям... Весь этот смердящий "букет" генералов тоже предстал перед советским судом. Все они были приговорены к смертной казни.

Глава 13. Размышления о труде полководческом

"Где у нас учат на полководца?" - Кого считать таковым. - Творческий характер труда полководца. - Оперативное решение - акт ума и воли. Полководец в сражении. - Уравнение со многими неизвестными. - Степень военного риска. - Личные качества полководца. - Форма для Генералиссимуса

После того как вышла первая книга воспоминаний, круг моих знакомств значительно расширился. В него вошли люди разных возрастов, профессий и склонностей: от ученого до пионера. Все они проявили большой интерес к делам военным. Мало того, ученые попросили подробнее сказать о творческой лаборатории военачальников. Пионеры хотят знать, "где у нас учат на полководца"...

Исполняя просьбы читателей и начиная эту не совсем мемуарную главу, я прежде всего испытал чувство зависти к авторам художественных произведений. Они могут излагать свои взгляды и показывать отношение к действительности с помощью образов, что дает им возможность наложить на факты именно те краски, которые особенно подходящи по замыслу художника. Они вправе, например, вложить в уста полководца те фразы, а в голову те мысли, которые они считают нужными, соответствующими описываемому событию, хотя, быть может, полководец таких слов никогда не говорил и так не думал. Автор же мемуарных записок не волен обращаться с историей столь свободно: он обязан оставаться в рамках подлинных событий и связан истинными поступками, словами и действиями исторических лиц.

Однако право на размышления остается и у мемуариста. И мне хотелось бы в данной главе, да простят меня читатели за вторичное отступление от исторических событий, использовать его, чтобы порассуждать о труде, уме, воле и других качествах полководцев.

Я понимаю всю сложность своего положения и не взялся бы за эту трудную проблему, если бы лично не знал большинство советских полководцев и военачальников, со многими из которых мне довелось работать и, смею думать, пользоваться их доверием. С некоторыми из них я связан войсковой дружбой. Вместе с тем в годы войны у меня была счастливая возможность наблюдать за трудом и поведением высших военных руководителей, в том числе и Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Кроме того, служба в Генеральном штабе сталкивала меня ежеминутно с обстановкой войны, где с наибольшей полнотой проявлялись

качества военачальников.

Автор ни в коей мере не претендует на обязательность и полноту своих суждений и помнит слова Стендаля, что одинаково трудно удовлетворить читателей, когда пишешь о предметах либо малоинтересных, либо представляющих слишком большой интерес.

Итак, кто же такой полководец?

Русская Военная энциклопедия времен первой мировой войны дает такое определение:

"Военный начальник, стоящий во главе крупного отряда войск, предназначенного для самостоятельных и широких операций. Хотя это понятие и не имеет определенного содержания и невозможно установить точной границы, за которой военный начальник приобретает или теряет звание полководца, тем не менее наличность стратегических действий в деятельности военного начальника является обязательным условием для придания ей характера полководчества..."

Большая Советская Энциклопедия (2-е изд.):

"Полководец - военный деятель, военачальник, руководящий вооруженными силами государства или крупными оперативно-стратегическими объединениями войск, владеющий искусством подготовки и осуществления стратегических операций и творчески использующий опыт боевых действий для развития военного искусства. Значение полководца определяется его способностью найти и применить в определенной исторической обстановке такие способы ведения войны и военных действий, которые приводят к победе".

Из этих определений явствует, что полководец - это не должность и не чин. Полководцем становится тот военачальник, личные качества которого позволяют войскам под его руководством содеять подвиги, одержать большие успехи и сделать заметный вклад в общую победу. Каждый полководец вносит что-то свое, присущее его характеру, дарованию, знаниям и опыту, в организацию и ведение сражений, операций и боев.

В годы Великой Отечественной войны выдвинулась целая плеяда замечательных военных руководителей. Широко известны имена таких выдающихся военачальников, как товарищи И. Х. Баграмян, А. М. Василевский, Н. Ф. Ватутин, К. А. Вершинин, Н. Н. Воронов, Л. А. Говоров, А. Г. Головко, С. Г. Горшков, А. А. Гречко, А. И. Еременко, Г. К. Жуков, М. В. Захаров, И. С. Исаков, И. С. Конев, Н. И. Крылов, Н. Г. Кузнецов, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. С. Москаленко, А. А. Новиков, Ф. С. Октябрьский, И. Е. Петров, М. М. Попов, К. К. Рокоссовский, В. Д. Соколовский, Ф. И. Толбухин, В. Ф. Трпбуц, И. Д. Черняховский, В. И. Чуйков, Б. М.

Шапошников, И. С. Юмашев и многие другие.

Начиная с древних времен и до наших дней роль полководцев огромна. Вот некоторые лица, которые вошли в историю прошлых веков и сами были в известном смысле ее творцами: Юлий Цезарь, Ганнибал, Александр Македонский, Гарибальди, Наполеон I. Слава русского оружия связана с именами Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана Грозного, Петра Первого, А. В. Суворова, М. И. Кутузова. В годы гражданской войны прославились М. В. Фрунзе, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, В. К. Блюхер, А. И. Егоров, С. С. Каменев, М. Н. Тухачевский и другие советские военачальники. Менялись эпохи, общественный строй, экономика, вооружение армий и вслед за этим тактика и оперативное искусство, а необходимость в вождях, руководителях, полководцах оставалась. Менялось, конечно, содержание их работы.

Какие же качества необходимы полководцу? На этот счет в разные времена давался и разный ответ. Однако всегда отмечалось, что ему присущи выдающийся ум, высокая общая эрудиция и хорошее знание военного дела, железная воля, решительность, упорство в достижении цели. Назывались также способность к разумному риску, развитое чувство предвидения, интуиция, научная фантазия, умение найти главное в цепи событий и быстро ориентироваться в них, особенно в момент принятия решения. Естественно, полководцу нужны хорошая память, высокая работоспособность, обладание высокими моральными качествами. Огромное значение имеет авторитет полководца в массах и способность его повести массы за собой. Нам кажется, что умение слушать других и доступность также являются качествами полководца.

Полководческие качества советских военачальников проявились уже в первые годы социалистической революции. Великий Октябрь открыл их таланту широкую дорогу и придал его проявлениям особую целенаправленность в интересах утверждения социализма на нашей земле.

Главное качество полководцев Советского государства - горячий патриотизм и беспредельная преданность делу Коммунистической партии. В этом - основа и движущая сила их творческой деятельности на полях сражений, всегда и везде они прежде всего патриоты и коммунисты. Они с честью выполнили задачи обороны страны в многочисленных военных испытаниях, управляя действиями огромных масс людей и самой различной техники, командуя армиями, фронтами, Вооруженными Силами в целом.

Общеизвестно, что тактика, оперативное искусство, характер

боя, сражения и войны в целом на том или ином этапе развития человеческого общества зависят от состояния экономики этого общества, от оружия и боевой техники, находящихся на вооружении армии, а также от человеческого материала, составляющего армию. Здесь уместно еще раз вспомнить бессмертное определение Энгельса, которое приводилось нами в первой главе.

Хорошо известна революция, которая произошла в военном деле с изобретением пороха и огнестрельного оружия. Появление ружья, позволяющего вести действенный прицельный огонь, привело к возникновению и развитию тактики колонн и рассыпного строя. Перевооружение армий винтовками, скорострельными стальными пушками и пулеметами заставило отказаться от плотных боевых порядков войск и перейти к действиям цепями. Современное вооружение вызвало к жизни новые образцы рассредоточенного построения войск на поле боя. В то же время развитие железных дорог, автомобильного транспорта и авиации, а также внедрение телеграфа, телефона и радиосвязи в качестве средств управления открыли пути для широкого творчества полководческого ума в области новых форм использования вооруженных сил в войне.

Во времена Суворова, Кутузова и Наполеона судьбы кампании, а зачастую и исход войны решались в одном сражении. Они проходили на обозримом поле боя, которое для этого специально подбиралось, и протекали в ограниченное время, исчисляемое часами, иногда несколькими днями. Полководец, обозревая свои силы и войска противника, принимал решение в зависимости от обстоятельств. В таких условиях могла возникнуть и была применима знаменитая триада Цезаря: "Пришел, увидел, победил". Полководец непосредственно оказывал влияние на ход сражения, и в том, сколь успешно он это делал, сказывалось его искусство.

В современных условиях многомиллионные вооруженные силы, оснащенные сложнейшими техническими средствами борьбы, осуществляют крупномасштабные продолжительные операции и системы операций, складывающиеся из одновременных и последовательных боев и сражений на суше, море и в воздухе. Чрезвычайно усложнилась работа тыла. Теперь на плечи полководца легла непомерная и почти непосильная работа. Затраты труда переросли возможности одного человека. Он не в состоянии, как прежде, видеть поле сражения и не может без помощи штаба анализировать события, основываясь главным образом на том, что сам увидел, производить исчерпывающие расчеты, планировать боевые действия, налаживать управление

войсками. Разум его должен сочетать достижения науки с данными практики.

Всматриваясь в поток общественной жизни, внимательный глаз заметит, какое большое значение имеют теперь решения управляющих организаций. Решения, конечно, не могут отменить объективных законов развития, но роль их состоит в том, что они используют эти законы для организации целесообразного хода событий. В военной области, которая составляет специфическую часть общественной жизни, значение полководческого решения поистине огромно, поскольку оно является основой для практического применения войск. Можно с большой долей правды сказать, что деятельность стратегического руководства и полководцев как бы оценивается количеством и, главным образом, качеством принятых ими решений.

Полководческое решение - это сложный результат деятельности ума и воли полководцев, плод их размышлений, поисков, догадок, основанных на глубоких научных познаниях, предвидении, большом опыте и интуиции, на точных расчетах сил и средств. Оно диалектически противоречиво, поскольку полководец, обдумывая решение и принимая его в качестве основы для действий войск, сам связан объективными условиями военной обстановки. Деятельность каждого отдельного полководца, кроме того, обусловлена указаниями стратегического руководства, которое определяет, где, когда и как применить вооруженные силы, ставит задачи фронтам, флотам и другим органам войны. Это, однако, отнюдь не умаляет роли полководца современности и оставляет ему широкое поле для проявления собственной его инициативы и творчества, поскольку он в свою очередь проводит аналогичную работу во вверенных ему войсках, ставит задачи армиям и всем другим подчиненным организмам, участвует в разработке и исполнении стратегических планов. А разве управление ходом сражения не есть проявление творчества полководца, будь то командарм или командующий фронтом?

Так как началом всех начал военных операций является решение стратегического руководства, я позволю себе коротко остановиться на этом.

Решение стратегического руководства, как уже сказано, охватывает масштабы всей войны, ее кампаний, операций групп фронтов, флотов, воздушных сил и находящихся в руках Ставки других стратегических средств борьбы. Исходным пунктом решения является военно-политическая цель действий.

В Великую Отечественную войну ЦК партии определял главное в военно-политической обстановке на данном этапе войны, а Верховный Главнокомандующий издавал приказы, где

военно-политическая цель кампании формулировалась как директива партии. В упомянутом уже приказе No 70 от 1 мая 1944 г. говорилось, например, о кампании за рубежом Советской страны. Подчеркнув, что Красная Армия вышла к нашим государственным границам с Румынией и Чехословакией, Верховный Главнокомандующий указывал далее: "Но наши задачи не могут ограничиваться изгнанием вражеских войск из пределов нашей Родины... Немецкие войска напоминают теперь раненого зверя, который вынужден уползать к границам своей берлоги - Германии для того, чтобы залечить раны. Но раненый зверь, ушедший в свою берлогу, не перестает быть опасным зверем. Чтобы избавить нашу страну и союзные с нами страны от опасности порабощения, нужно преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его в его собственной берлоге. Преследуя же врага, мы должны вызволить из немецкой неволи наших братьев поляков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы, находящиеся под пятой гитлеровской Германии". Так была сформулирована непосредственная задача войск в великой освободительной миссии Советских Вооруженных Сил.

На основе военно-политической цели Ставка намечала решение чисто военных вопросов: определяла направление главного удара и место приложения главных усилий армий и флотов; замысел кампаний и стратегических операций; силы и средства, задачи и план действий участвующих в кампании (операции) войск, порядок руководства. Она свято следовала ленинским заветам, таким, например, что одной обороной войны не выиграешь, о массировании сил и средств, намечала главный удар там, где он приносил скорее всего максимальный результат. Вырабатывая решение, Ставка творчески подходила к сложившейся обстановке. Под Сталинградом этот подход проявился в окружении стратегической группировки противника, создании и взаимодействии внешнего и внутреннего фронтов, во многих других отличительных признаках этого величайшего в истории войн сражения. Под Курском даже оборонялись не так, как повсюду. Особым был замысел на преднамеренную оборону, ее построение, порядок перехода наших войск в контрнаступление и его ведение. В 1944 г. Ставка вынуждала противника разбрасывать силы, окружая и уничтожая крупные группировки немецко-фашистских войск на различных участках фронта. В 1945 г. советское Верховное Главнокомандование отвлекло силы противника от центра Западного стратегического направления, где намечался наш главный удар, на фланги.

Реальность планов и замыслов советского стратегического

руководства находилась в прямой связи с обеспечением их во всех отношениях. Здесь вопрос упирался в правильную политику, материальные и людские резервы страны, в работу народного хозяйства и государственного аппарата, командного состава всех степеней, организующего практическую деятельность войск.

Что же касается полководца, то цель и задача, полученные свыше, не входят в пределы его власти, однако выбор путей, способов и средств их достижения, как уже понятно читателю, полностью от него зависит. Это - в границах его полномочий и возможностей, и он вправе своею волей потребовать от войск усилий таких размеров, которые в данной обстановке необходимы для достижения цели и выполнения задач.

В полководческом решении находят органическое отражение ум и воля полководца, которые накладывают характерную печать на весь процесс руководства действиями войск. При наличии единых принципов вождения войск, строго подчиненных законам военной науки и военного искусства, одинаковых полководческих решений не бывает. Это объясняется разнообразием и неповторимостью обстановки каждого боя и операции, а также тем, что у каждого полководца вырабатываются свой стиль и личные особенности управления вверенными ему силами и средствами. Трудно определить ту грань, которая отличала друг от друга полководческие почерки Г. К. Жукова и И. С. Конева, К. К. Рокоссовского и других полководцев. Но что эта грань реально существовала, едва ли можно сомневаться.

Мы не собираемся утомлять читателя разбором содержания полководческого решения. Скажем вкратце, что в нем должны быть все данные, нужные подчиненным военачальникам для точного понимания целей и задач войск, сил и средств, их обеспечивающих, способов и порядка действий. Центральное место в решении занимает замысел - основная идея операции,- который служит направляющим элементом для организаторской и партийно-политической работы больших и малых начальников.

Деятельность полководца проходит в условиях военной обстановки - явления сложного, изменчивого и до крайности противоречивого. Обстановка - это не только противник, свои войска, местность, время, погода и другие оперативно-тактические и природные данные, которыми надлежит оперировать военачальнику любых рангов. Для полководца, кроме того, в обстановку входит весь комплекс политических, экономических, социальных и других факторов, которые должны быть использованы в интересах победы над врагом. Предопределяя деятельность военачальника, военная обстановка вместе с тем сама служит предметом воздействия сил и средств,

находящихся в его руках. Много сил полководца тратится поэтому на то, чтобы обеспечить развитие обстановки в свою пользу путем искусного применения войск.

Элементы обстановки для штаба и полководца являются как бы аналогичными, но подход к ним, анализ, назначение и цель их применения в системе организации и проведения операций будут разными. Штаб, как уже сказано, добывает и готовит данные для принятия решения, а полководец, осваивая материалы штаба, синтезирует их и принимает на этой основе решение.

Первейшей задачей военачальника является знание противника. Оно, разумеется, включает сведения о количестве и качестве его войск, их моральном состоянии, вооружении и снабжении. Однако, в отличие от штаба, главное для полководца должно заключаться в отчетливом понимании возможностей противника и - что важнее всего - правильном представлении о его замыслах.

О том, как добываются разведывательные данные и как работает штаб по их анализу, уже достаточно подробно сказано, и мы касаться этого не будем. К сожалению, много добытых с трудом данных о противнике либо быстро устаревают и потому уже являются не во всем достоверными, либо противоречат друг другу. Этому способствуют усилия сторон, которые делают все, чтобы ввести врага в заблуждение. В силу этих обстоятельств полководец, получая обширную информацию от штаба, в то же время почти всегда испытывает недостаток данных о главном элементе военной обстановки - противнике. Ему приходится жить и работать, не расставаясь с догадкой и предположением ни на одну минуту, постоянно выбирая крупицы истины, сопоставляя, перепроверяя, отбрасывая ложные данные.

Особо трудно проникнуть в замыслы противника и предусмотреть, что и как он будет делать в ближайшее или отдаленное время. Враг не выкладывает свои соображения на стол, а хранит их за семью замками. Планы противника приходится держать в руках чрезвычайно редко, и чаще всего они разгадываются путем сопоставления фактов практической деятельности врага.

Нельзя победить, если не выявить сильные и слабые стороны противника, от первых себя уберечь, а вторые использовать в своих интересах. Надо также знать возможности врага противоборствовать по мере развития операций в глубину, иначе можно получить удар там, где не ожидаешь.

Большое значение имеет своевременное выявление нового оружия противника, с тем чтобы оно не застало нас врасплох. Известно, что внезапное массовое применение нового оружия, как

правило, давало большой эффект стороне, его применившей. Вспомним, что действия нашего реактивного оружия (так называемых "катюш") принесли гитлеровцам много бед, а результаты были нами использованы успешно. Фашисты в свою очередь заставили советское командование задуматься, когда на поле сражения вывели тяжелые танки "тигры" и самоходные орудия "фердинанды".

Должен сказать, что если у нас в делах разведки иногда были серьезные просчеты, то немецко-фашистская разведка в годы Великой Отечественной войны часто делала грубые промахи. От ее глаз ускользнуло сосредоточение войск из состава стратегических резервов советского Верховного Главнокомандования под Москвой, и ставка Гитлера не предвидела нашего контрнаступления. Разведка противника не сумела своевременно предупредить свое руководство об угрозе слабым флангам немецких войск под Сталинградом, и главные силы 6-й немецкой армии оказались в кольце окружения. Плотность нашей обороны и даже Резервный фронт перед Курской битвой не были достаточно точно расшифрованы разведкой противника, что обусловило шаблонный характер последующих действий немецко-фашистского командования. На заключительной стадии войны промахи немецко-фашистской разведки приняли систематический характер.

Не менее важные выводы полководец делает о своих войсках. Обычно основные данные о них он хорошо знает: в установленные сроки о численном составе, вооружении, моральном состоянии войск представляются донесения. Однако количественных показателей для формирования полководческого решения еще недостаточно. Это - только основа для выводов, в результате которых следует уяснить, кто и какую может выполнить задачу в предстоящей операции и в этой связи - как использовать свои силы и средства: что из них иметь в первом и последующих эшелонах, в резерве и где, определить, в чем его войска слабее, а в чем сильнее войск противника, где и что надо улучшить, кого доукомплектовать личным составом, кому добавить вооружения. Полководец учитывает способности командиров, от личных качеств которых во многом зависят ход и исход боя, сражения. Выводы о своих войсках во многом формируют решения полководца.

Следующим элементом обстановки, который подвергается глубокому анализу, являются действия соседей. Их надо учитывать особенно тщательно, иначе общий успех может быть достигнут не в полной мере или может возникнуть угроза попасть впросак. Прежде всего надо знать, где соседи - соприкасаются ли

их войска с нашими или между ними существует промежуток. Хорошо, если они впереди. А если отстали? Значит, надо срочно принимать меры по обеспечению своих флангов. Кроме того, необходимо знать, какие задачи имеют соседи и как они намерены их выполнять. Все это в состоянии сделать штаб. Дело же полководца - определить, чем сосед может помочь его войскам и чем он, полководец, может пособить соседу в интересах решения общей задачи разгрома врага.

Надо быть постоянно в курсе положения дел соседей, иначе можно упустить успех или провалить операцию, проиграть сражение или бой. Вот почему советское Верховное Главнокомандование внимательно следило за тем, чтобы командующие фронтами всегда знали о действиях соседствующих фронтов и не упускали возможности со своей стороны решительно повлиять на успех общей борьбы.

В 1942 г. мне пришлось иметь непосредственное отношение к операциям на кавказском направлении и лично наблюдать за тем, как Верховный Главнокомандующий в интересах разгрома противника на южном фланге советско-германского фронта систематически информировал командующего Закавказским фронтом генерала армии И. В. Тюленева и командующего Северной группой войск этого фронта генерала И. И. Масленникова о наших успехах под Сталинградом и о состоянии противника, требовал от них предельного напряжения сил. А когда 11 декабря 1942 г. было замечено, что враг перебросил часть своих сил на север и ослабил себя на Северном Кавказе, И. В. Сталин направил на Закфронт телеграмму. "Самовольный отход противника на северном берегу Терека нельзя считать случайностью,- писал он.- Создалась, таким образом, благоприятная обстановка для наступления всех ваших войск. Ваша задача состоит в том, чтобы не упускать момента и действовать посмелее..."

Победа под Сталинградом положительно сказалась и под Воронежем, где 13 января 1943 г. развернулись весьма успешные Острогожско-Россошанская, а 24 января - Воронежско-Касторненская операции Воронежского фронта.

В целом с 19 ноября 1942 г. по 24 января 1943 г. в активные действия были введены многие соседствующие между собой советские фронты - Юго-Западный, Донской, Сталинградский, Закавказский, Воронежский, Брянский,- а на другом фланге стали наступать Волховский и Ленинградский фронты.

Очень большое значение для полководческих замыслов имеет местность. Она не бывает повсюду одинакова, а потому и использовалась всегда по-разному. В то же время наличие

удобного естественного прохода для крупных масс войск типа "смоленских ворот" или "фокшанских ворот" предопределяло в какой-то мере сходное направление стратегических ударов. Такие своеобразные районы местности, как Полесье или Карпаты, расчленяли действующие здесь группировки войск, требовали для их связи и взаимодействия особых оперативных мероприятий.

Даже неискушенный в военном деле человек представляет себе, что в горах, лесах, населенных пунктах, особенно крупных, на открытой местности вести бой следует по-разному, а в некоторых случаях требуются специально обученные войска, например горные. Поэтому первая забота военачальника или командира выявить, благоприятствует ли местность выполнению задачи или препятствует, что собой представляют эти препятствия и как их можно преодолеть.

Изучая местность, полководец определяет меры, затрудняющие действия противника (затопление, завалы, эскарпы и другие препятствия) и облегчающие свои действия. При анализе местности хорошо изучаются пути сообщения, чтобы знать, сколько их, начертание, какие они, как их использовать.

Все данные о местности соберет штаб, но полководец должен, если так можно выразиться, обладать чувством местности и даром видеть за множеством топографических символов на карте живую природу, а не мертвую бумагу. Это значит, что при взгляде на карту ему ярко должны представляться реальные горы, леса, реки, болота. Не каждому это дается, но многие таким даром наделены. Этим людям легко изучать местность по карте, и они сразу видят ее положительные и отрицательные стороны.

Напомню читателю о характерном полководческом использовании местности в упомянутых ранее операциях советских войск на Правобережной Украине весной 1944 г. Тогда здесь царствовала распутица. Дороги превратились в сплошное месиво. Немецкое командование полагало, что наступать нельзя, советские войска-де будут ждать просыхания почвы, и надеялось к нужному времени закончить организацию своей обороны. Но командующие советскими фронтами Н. Ф. Ватутин, И. С. Конев, представитель Ставки Г. К. Жуков думали иначе. Они изучили на месте возможности нашей боевой техники и транспорта и предложили наступать, чтобы поймать врага на его необоснованных расчетах. Генеральный штаб и Ставка полностью с ними согласились. Операции были проведены, как уже знает читатель, с большим успехом.

Роль местности в полководческом замысле легко проследить в операциях на примере Карпат. По замыслу Н. Ф. Ватутина и Г. К. Жукова войска 1-го Украинского фронта наносили удар в

предгорья Карпат. С выходом сюда они рассекли фронт противника, лишив его возможности маневра по кратчайшим путям. Южная группировка врага вынуждена была пользоваться для маневра дальними дорогами через Румынию и Венгрию, взаимодействие сил противника было серьезно осложнено.

Наиважнейшее значение на войне имеет фактор времени. Нигде не относятся ко времени с таким пристрастием, как в окопах и на командных пунктах. Время оценивается здесь с большой философской широтой, хотя и в связи с обыденными, можно сказать, прозаическими вопросами накопления сил и средств, совершенствования боевой подготовки войск и готовности их к бою. Солдат высчитывает время преодоления в момент атаки зоны сплошного огня противника перед его траншеями и ловит миг, удобный для поражения цели. Военачальники колдуют над картами и расчетами. Лексикон разговора не очень обширен: "успеваем", "не успеваем", "упреждает"...

В Ставке и Генеральном штабе оценивается, понятно, и многое другое, то, к чему командующий фронтом не имеет обычно прямого отношения. Но выбор момента перехода в наступление является прямой задачей командующего фронтом. И время нанесения контрудара по наступающему противнику, срок ввода в дело резервов и вторых эшелонов - все это вопросы непосредственной деятельности командующих и командиров, от которых зависит ход и исход боя, сражения и операции.

Большому испытанию подвергается воля полководца, когда он берет на себя ответственность доложить Ставке Верховного Главнокомандования, что время, ранее намеченное этим высшим органом стратегического руководства для проведения мероприятия, способного изменить ход войны, является нереальным. Так, подготавливая контрнаступление под Сталинградом, советское Верховное Главнокомандование направило на фронты своих представителей. Начальник Генштаба А. М. Василевский прибыл на Сталинградский фронт. Срок начала операции был намечен примерно на 20 октября 1942 г. {64}

Момент был сложным: противник переживал кризис наступления, а его оборона не была еще достаточно организована и оборудована. На это немецко-фашистскому командованию требовалось какое-то время. Именно теперь была самая подходящая пора нанести мощный удар по врагу. Однако наши фронты еще не успели сосредоточить необходимые для контрнаступления войска и материальные средства. А. М. Василевский должен был доложить в Москву, что операция не

готова, и вместе с тем, продолжая подготовительную работу, не упустить время, которое предоставляло советскому командованию возможность опередить противника и сломить его прежде, чем он приобретет способность успешно нам противодействовать.

Начало контрнаступления перенесли на 10 ноября. Но и новый срок оказался в условиях той обстановки нереальным: в него не укладывались подходившие из глубины страны резервы, а ледостав на Волге помешал переправить на правый берег реки те силы, которые уже подошли.

А время шло...

Пришлось опять все рассчитывать и еще раз докладывать. Положение было до крайности напряженным, но расчеты показали, что время еще играет нам на руку, и момент перехода Сталинградского фронта в контрнаступление вторично был отложен, на этот раз на 20 ноября 1942 г. Верховное Главнокомандование, отлично зная А. М. Василевского, полностью доверяло его докладу по обстановке и согласилось на перенос срока на месяц позднее первоначально намеченного.

О весеннем наступлении Советских Вооруженных Сил на Правобережной Украине в 1944 г. уже говорилось, но я позволю себе вернуться к нему еще раз с точки зрения учета роли времени и борьбы полководца за выигрыш этого времени на примере работы И. С. Конева. Ставка советского Верховного Главнокомандования тогда особо подчеркнула, что момент повелевает как можно быстрее перейти в наступление, "дабы не дать возможности противнику организовать на р. Южный Буг оборону". Так и отмечалось в директиве фронтам. Командующие учли это требование, а И. С. Конев - командующий 2-м Украинским фронтом - сумел подготовиться и бросить войска в наступление не 6 марта, как было намечено Ставкой, а 5 марта, чтобы не дать противнику лишнего дня для организации обороны{65}. Наступление, как известно, было проведено весьма успешно, враг был разбит и выброшен за границу нашей страны с Румынией.

Для определения времени подготовки и начала наступления нужны тщательнейшие расчеты по всем вопросам предстоящей операции. Здесь имеют исключительно большое значение политические, экономические и военные условия. В зависимости от их влияния сроки подготовка операций колебались в пределах от 1,5-2,5 месяца (Белорусская, Львовско-Сандомирская, Восточно-Прусская, Висло-Одерская) до 1-2 недель (Во-сточно-Померанская, Пражская).

Генеральным штабом и командующими фронтами весьма

искусно выбиралось время проведения операций как по срокам подготовки, так и с учетом времени года, что позволяло достигать внезапности со всеми вытекающими для противника последствиями. Например, Корсунь-Шевченковская операция (24 января - 17 февраля 1944 г.) была подготовлена в короткие сроки и осуществлялась в весьма, казалось, неудобное зимнее время. Немецко-фашистские генерал-шаблонисты ее не ожидали и потерпели жестокое поражение. Десять вражеских дивизий и одна бригада были окружены и ликвидированы. Общие потери противника составили свыше 73 тыс. солдат и офицеров. Вслед за тем, тоже после короткой подготовки, в самый разгар весенней распутицы развернулись операции на Правобережной Украине (Проскуровско-Черновицкая и Уманско-Ботошанская операции) и увенчались важными оперативно-стратегическими результатами.

Время является диктатором в течение всего периода подготовки операции. Если Ставка ставит задачи фронту за 15-30 и более суток до начала операции, то, чем ниже инстанции, тем позднее ставится задача, например полку - за несколько дней до начала операции, а роте - накануне дня наступления. Это тоже имеет свой смысл. С одной стороны, частям, подразделениям можно подготовиться к бою за один-два дня; дивизии, армии - надо соответственно больше, а фронту еще больше. С другой стороны, этим обеспечивается скрытность подготовки операции: чем меньше людей знает о замыслах и чем короче время до начала действий, тем лучше для дела.

Советская Армия была обучена вести боевые действия в любых условиях обстановки, во все времена года, днем и ночью. И тем не менее влияние различных факторов времени всегда внимательно учитывалось, поскольку, например, ночные атаки особенно выгодны в том случае, когда войска хорошо обучены, расположение противника досконально известно и местность позволяет вести атаку ночью.

Таким образом, время на войне в прямом и относительном смысле - один из решающих факторов достижения победы. Это хорошо знали и полководцы прошлого. "Одна минута,- говорил А. В. Суворов,- решает исход баталии, один час - успех кампании, один день - судьбы империи". А вот афоризм Наполеона: "Идите, бегите и не забывайте, что мир сотворен в шесть дней".

После уяснения задачи и тщательной оценки обстановки полководец принимает решение, на основе которого начинается очень важный этап подготовки операции организация взаимодействия между фронтами и группами фронтов, между видами вооруженных сил - сухопутных войск с авиацией, с военно-морским флотом, если операции ведутся на приморских

направлениях. Затем внутри видов вооруженных сил отрабатывается взаимодействие между родами войск: пехоты, артиллерии, танков, инженерных и специальных войск, связи и других. Организуется взаимодействие в авиации - истребителей со штурмовиками и бомбардировщиками, то же делается на флоте. Наконец, отрабатывается взамодействие с соседями.

От того, как организовано взаимодействие, во многом зависит ход кампании, операции, сражения. Согласованные операции войск, расположенных на различных стратегических направлениях, всегда были важным и вполне реальным средством влияния на ход вооруженной борьбы. Уже в первые дни Великой Отечественной войны Ставка заметила стремление противника добиться решающих успехов на Западном направлении, выводящем к Москве в центре советско-германского фронта. Важно было не дать врагу собрать все возможные силы на этом главнейшем тогда направлении и отвлечь часть их на другие участки фронта, что и удалось сделать. Героическое сопротивление защитников Ленинграда, Киева, Одессы, Севастополя и других боевых рубежей позволило растянуть и тем ослабить усилия врага на Западном направлении. В последующем подобные методы применялись на всех фронтах войны, особенно широко в 1944- 1945 гг., о чем хорошо известно.

С помощью целесообразной организации взаимодействия фронтов Ставка влияла на ход борьбы в самых разнообразных условиях обстановки, в том числе и на одном стратегическом направлении, что давало возможность обеспечить внезапность, ставило противника в трудное оперативное положение, вынуждало его распылять силы. Классическим примером служат операции советских войск на Западном направлении летом 1944 г. Тогда наступление трех Белорусских фронтов привлекло на себя значительные силы противника из полосы 1-го Украинского фронта И. С. Конева. Войска фронта тоже перешли в наступление, нанесли тяжелое поражение врагу на львовском направлении и захватили стратегически важный сандомирский плацдарм на левом берегу Вислы.

К месту сказать, Львовско-Сандомирская операция представляла собой пример успешного взаимодействия двух ударных группировок внутри фронта, созданных по плану И. С. Конева. В период подготовки операции у Ставки были большие сомнения в целесообразности двух ударов в полосе фронта - одного для разгрома львовской, а другого - для уничтожения рава-русской группировок противника. Казалось, что один мощный удар на Львов может принести наибольший успех. Однако командующий фронтом сумел доказать правильность

своего замысла: два удара (а силы для них имелись) не дадут противнику маневрировать войсками, особенно танками и моторизованными дивизиями, растянут силы его авиации.

Примеры можно было бы умножить, но и этого достаточно, чтобы правильно понять и по достоинству оценить влияние мысли полководца на организацию взаимодействия войск при выполнении замысла операции.

Во время подготовки операции одновременно с отработкой взаимодействия совершаются необходимые перегруппировки сил и средств, прибывает пополнение, которое вливается в подразделения, и начинается подготовка войск. Проводятся учения, стрельбы. В нужных местах сосредоточиваются боеприпасы и другие виды материальных средств. Совершенствуется план действий, разрабатываются и проводятся мероприятия по дезинформации противника. Штаб строго следит за тем, чтобы не были вскрыты противником истинные наши намерения, и ведет работу по достижению внезапности наступления. Но еще более занят командующий. В процессе многообразной и трудоемкой работы по подготовке операции он лично учит командный состав, как действовать в предстоящих боях, проводит инструктажи и занятия, уточняет поставленные войскам задачи, контролирует выполнение принятых решений. Полководец стремится побывать всюду, увидеть все своими глазами, где помочь советом, а где и власть употребить. Эту важнейшую часть подготовки операции никому нельзя перепоручить, поскольку, как указывал в свое время В. И. Ленин, "всякое сражение включает в себя абстрактную возможность поражения, и нет другого средства уменьшить эту возможность, как организованная подготовка сражения"{66}.

Наконец, все готово, хотя понятие это относительное, и ни одно наступление не начиналось тогда, когда, как говорится, застегнуты все пуговицы на шинели последнего солдата. Всему есть граница дозволенного. Напряжение достигает крайней степени. Теперь, образно говоря, надо своевременно спустить стрелу из натянутого до предела лука. В противном случае может быть спад достигнутого накала.

Это очень тонко чувствовали и понимали наши полководцы. Некоторые из них, как уже видел читатель, в отдельных случаях начинали операции с согласия Ставки даже несколько ранее установленных им сроков.

Наступает долгожданный день "Д". Накануне, конечно, никто не спит. Редко найдется человек с железными нервами, который смежит глаза на два-три часа. Командующий фронтом, командующие армиями, командиры корпусов, дивизий и полков

отправляются на свои наблюдательные пункты. Каждый выбирает НП так, чтобы можно было видеть поле боя. Командиру полка это полностью удается почти всегда. Командиру дивизии - лишь иногда. Командиру корпуса и командарму удается видеть, как правило, только главное поле сражения, где дерутся их дивизии. Командующий фронтом обычно находится в расположении армии, действующей на направлении главного удара. Со своего НП он не столько наблюдает, сколько чувствует пульс хода сражения.

Вот сотряслась земля, видны вспышки выстрелов и взрывов, а потом на барабанные перепонки навалилась тугая звуковая волна - началась артиллерийская подготовка.

С тыла слышится нарастающий глухой, низкий гул: авиация идет на бомбежку и штурмовку противника в ближнем и дальнем его тылу.

То тут, то там видны дымки и слышны разрывы в расположении наших войск. Это противник, очнувшись от первого потрясения, повел огонь по позициям нашей артиллерии и скоплениям войск. Тотчас же по невидимым глазу батареям противника, засеченным по звуку, обрушивается шквальный огонь артиллерии, выделенной для контрбатарейной борьбы. На время он заставляет умолкнуть противника. Впереди теперь слышны отдельные орудийные выстрелы, частая дробь пулеметов и характерные звуки стрельбы 120-мм минометов... Близится время "Ч" - момент атаки пехоты и танков, ее поддерживающих.

Вблизи НП и далее вправо и влево вспыхнули в небе и рассыпались искрами цветные ракеты - сигнал атаки пехоты и переноса огня артиллерии в глубину. Невдалеке слышится лязг гусениц - танки пошли к переднему краю противника. Через несколько минут за ними появились фигуры бойцов, выскакивающих из окопов и прижимающихся к танкам. Огонь артиллерии стал как бы глуше и реже. Усилилась дробь пулеметов и автоматов. Через нее доносится "ура" - атака началась...

Командующий вместе с ближайшими помощниками непрерывно наблюдает за ходом сражения, принимает по средствам связи короткие доклады командармов. Приходит известие, что пехота на главном направлении ворвалась в первую траншею и успешно продвигается вперед, а рядом - залегла, ее прижал к земле огонь не подавленных в период артподготовки огневых точек противника. С одного из флангов просят поддержать наступление авиацией. Командующий принимает меры. Приходит доклад командарма слева: он считает, что назрел момент ввода второго эшелона армии. Комфронта проверяет

соображения командарма на карте: не рано ли вводить свежие силы? Командарм, наступающий в центре, почему-то медлит с развитием успеха и придерживает второй эшелон. Командующий фронтом решает выехать в эту армию и там на месте решить. приспело ли время ввода сил второго эшелона...

И так весь день и ночь... И опять день... И неизвестно, сколько дней и ночей: пока идет сражение, комфронта, командармы держат руль управления войсками в своих руках, влияя на ход сражения словом и делом, помогая одному своими силами и средствами, наставляя другого "на путь истинный", выезжая на место к третьему... На ходу едят, дремлют в машине во время переездов... Одному богу известно, как выдерживают эти люди. А они выдерживают! И все это в зоне действительного огня противника, при постоянной угрозе жизни. Об этом, однако, никто не думает: говорят - привычка. Вероятно, речь идет о способности человека в минуту опасности уметь держать себя в руках и работать, решать, творить. Хилый телом и слабый духом не может быть не только полководцем, но и хорошим командиром. Война выдвинула много талантов, но и развенчала некоторых "полководцев" мирного времени! Да и не только полководцев, а и командиров, которые не смогли хорошо командовать во время войны, хотя и старались. Не каждому, оказывается, это дано.

Рассмотрим теперь более детально, в каких условиях приходится работать полководцу и его штабу во время войны, в какой обстановке протекает его умственная деятельность, где и как он должен творить. Не надо обладать специальными познаниями в области военного дела, чтобы понять, что условия этой работы не похожи на обстановку деятельности других представителей интеллектуального труда.

Надо, во-первых, отметить, что разум полководца совершает невероятно сложную и большую работу. Анализ оперативных материалов - процесс многосторонний и трудный, а полководческое решение должно быть обязательно простое, ясное и понятное всем исполнителям. Полководец обязан отразить сложное многообразие вопросов, решаемых одновременно на огромном пространстве, в простой формуле решения. Мне не известно ни одного решения, директивы, приказа больших и малых военачальников, где бы имелись какие-нибудь пункты так называемого порученческого характера, где кому-то что-то предлагается изучить и доложить, как это нередко делается в других организациях. Командующий принимает свое решение тут же и другим лицам ничего изучать поручить не может. Он не может дать и неопределенный ответ на тот или иной вопрос, а

должен однозначно сказать, что надо делать в той или иной ситуации. В ходе боевых действий могут быть только приказ и его исполнение - иные методы работы не пригодны. В этом тоже заключается сложность и особенность положения и труда полководца.

Во-вторых, полководец постоянно и жестко ограничен временем. На анализ материалов, выводы по ним и принятие решения даются часы, а в ходе сражения и боя - даже минуты. За этот срок необходимо проанализировать уйму самых различных и подчас противоречивых материалов. Тут и запутанные данные о противнике, и трудные обстоятельства для своих войск, откуда надо найти выход, и болезненные вопросы снабжения и обеспечения, поскольку на войне всегда чего-нибудь не хватает. Материалов много, а времени мало; что хочешь, то и делай. Один штабной остряк говорил: в таком случае надо все документы закрыть в сейф по крайней мере на сутки, обстановка изменится, и они не потребуются. Однако это шутка. Полководец обязан мгновенно ориентироваться в обстановке, экономно мыслить и досконально знать все вопросы ведения сражения и боя, руководить действиями войск, не привязываясь к справочникам и пухлым письменным фолиантам.

Во время сражения с борта разведсамолетов, как правило, постоянно поступают данные о противнике. Наиболее важные из них докладываются командующему. Например: из района Н-ска движется на северо-восток колонна танков и пехоты глубиной около 50 км. В 7.00 голова колонны там-то, хвост там-то... Командующий должен сразу определить, что это за колонна, и почти мгновенно рассчитать, сколько времени ей потребуется, чтобы встретиться с нашими войсками. В то же время в его голове созревают необходимые распоряжения авиации, артиллерии и общевойсковому командиру, которые незамедлительно отдаются.

Полководец не должен спрашивать, сколько времени потребуется авиации, чтобы подняться и долететь до колонны,- он это знает. Он не будет спрашивать артиллериста, достанут ли его орудия до этой колонны, и если достанут, то на каком рубеже,- он обязан это знать. Он, наконец, не станет спрашивать общевойскового командира, что тому нужно делать; перейти ли к обороне против этой колонны или разбить ее во встречном бою. Он сам все обдумает и решит, что в данном случае выгоднее, и отдаст нужные распоряжения.

Полководцу приходится решать такие вводные постоянно на протяжении всего сражения. Уместно еще раз повторить: чтобы хорошо управлять войсками, уметь в кратчайшее время принимать решение - надо работать непрерывно,

совершенствовать свое мастерство, вырабатывать качества быстрой ориентировки и, как говорится, верного глаза военного.

Следующая отличительная черта условий, в которых осуществляется деятельность полководца, состоит в том, что он, решая вопросы проведения операций, несет громадную, ни с чем не сравнимую ответственность: он отвечает за жизнь сотен тысяч людей и судьбу того участка фронта или района боевых действий, который надлежит удержать или захватить, за исход боя, сражения и даже войны. Любая ошибка военачальника в боевой обстановке влечет за собой крайне драматические последствия.

Наконец, нельзя не сказать о том, что работа полководца, даже самая сложная,- анализ обстановки и принятие решения - проводится в условиях угрозы его жизни. И. С. Конев, например, в ответственный период прорыва обороны противника на львовском направлении в июле 1944 г. продолжительное время находился на передовом командном пункте 60-й армии генерала П. А. Курочкина в так называемом колтувском коридоре шириной около 6 км. КП находился под вражеским огнем, велика была опасность удара по нему противника, но командующий фронтом именно здесь мог наиболее полно определить условия действий 3-й гвардейской и 4-й танковых армий, 4-го гвардейского и 31-го танковых корпусов, которые вводились им тогда в прорыв. В подобном положении не всякий человек в состоянии нормально думать и тем более творить. Иного охватит чувство страха, и ум будет занят лишь тем, как избежать опасности. Результат его деятельности окажется ничтожным. Есть люди, которые в подобных условиях теряют самообладание. Но не о них речь. По характеру своей профессии большинство командиров - люди мужественные, презирающие опасность, относящиеся к ней внешне равнодушно. Война отбирает таких людей, ум которых в минуты опасности обостряется, сила мышления становится глубже, логика размышлений убедительнее.

Вопрос не в том, испытывает ли человек страх в бою или нет. На это можно дать один ответ - испытывает. Вопрос заключается в том, что сильнее сказывается на работе человека в условиях постоянной угрозы его жизни отрицательная эмоция угнетенности от страха или положительная эмоция боевого возбуждения? Боевое возбуждение есть необходимый спутник настоящего военачальника, оно присуще не только полководцам, но и командирам всех рангов. Вспомним, как Л. Н. Толстой описывает капитана Тушина во время Шенграбенского боя и как хорошо это показано в кинокартине С. Бондарчука "Война и мир". А сколько беззаветных храбрецов было в годы Великой Отечественной войны! Их чувства любви к Родине, имевшие

глубокие корни, и воинский долг позволяли им презирать опасность и совершать чудеса героизма.

Хочу рассказать читателю, как работали в период опасности два известных советских полководца - К. Е. Ворошилов и Г. К. Жуков.

Климент Ефремович Ворошилов, как известно, еще в период гражданской войны выделялся мужеством, смелостью и храбростью. Эти его качества сохранились и снова проявились в период Великой Отечественной войны. Мне пришлось быть с ним на керченском плацдарме зимой 1944 г., когда готовилась операция по освобождению Крыма. Плацдарм был небольшой и насквозь простреливался огнем артиллерии противника, а значительная его часть находилась под действительным минометным и пулеметным огнем.

Жили мы в землянках, точнее, ночевали в них, а днем работали в войсках и на КП командующего Приморской армией, который располагался поблизости от нас. Климент Ефремович пребывал тогда в приподнятом настроении. Его буквально тянуло в войска, находящиеся в обороне в непосредственном соприкосновении с противником. Выезды маршала в первую линию войск были часто весьма рискованными. Он сам и сопровождавшие его генералы и офицеры подъезжали, например, на "виллисах" близко к переднему краю обороняющихся войск, что обычно никто не делал. Пять - десять минут спустя противник производил сильный минометный и артиллерийский налет по тому месту. Машины обычно успевали уже уйти, и все кончалось более или менее благополучно. Затем К. Е. Ворошилов и все сопровождающие шли по ходам сообщения, которые далеко не везде были в рост глубиной. Приходилось нагибаться, чего Климент Ефремович, конечно, не делал. Кое-где это сходило с рук, а в иных местах начинался огонь со стороны противника. Попав под обстрел, Климент Ефремович шутил и вел себя так, словно опасность доставляла ему особое удовольствие. Меня интересовала психологическая сторона такого поведения маршала, и я убедился, что это не был внешний прием, бьющий на эффект или в назидание другим. Убежден, что у Климента Ефремовича складывалось внутреннее состояние боевого возбуждения: он выслушивал доклады командиров, осматривал местность, беседовал с офицерами и солдатами, давал указания.

Ничем другим, кроме такого состояния, нельзя объяснить переправы Климента Ефремовича на катере через Керченский пролив на косу Чушка и обратно под артиллерийским огнем противника, тогда как можно было гораздо безопаснее пролететь на По-2 это расстояние на бреющем полете всего за пять минут.

Однажды после очередного посещения переднего края мы, возвратившись, нашли на месте землянки К. Е. Ворошилова только яму, заваленную землей и бревнами. Оказалось, что в наше отсутствие снаряд угодил в нее. Маршал и не подумал перейти в более надежное убежище. Хотя после изгнания гитлеровцев в нашем расположении остались бетонные бункера, он приказал построить себе здесь же новую землянку, что и было сделано.

Мы не раз пытались отговорить Климента Ефремовича от некоторых чересчур рискованных предприятий. Он возмущался. "За кого вы меня принимаете?" - в повышенном тоне спрашивал он. Угрожал, что сделает все один без нас, советовал тем, кто боится, ехать в Варениковскую, где стояли тылы фронта и вагон представителя Ставки. Таков был К. Е. Ворошилов, и тут уж с ним ничего поделать было нельзя.

Не один раз довелось мне наблюдать и за работой Г. К. Жукова. Однажды мы возвращались из района Новороссийска и по пути поехали в 3-й горнострелковый корпус, которым командовал генерал А. А. Лучинский. Не доезжая 2-3 км до места назначения, мы попали под удар немецких самолетов. Можно было переждать опасный момент, использовать для укрытия заранее отрытые у дороги щели. Однако Георгий Константинович сидел на переднем "виллисе" и молчал. Водитель с надеждой на него поглядывал, а он лишь один раз, как обычно хмуровато, сказал ему: "Давай, давай". Движение продолжалось.

Во время наступления на Крымскую Г. К. Жуков и сопровождавшие его люди находились на НП командующего 56-й армией А. А. Гречко. Шла наша артиллерийская подготовка. Противник огрызался, и поблизости там и сям рвались с резким характерным звуком осколочные снаряды. Рваные куски металла пели не так уж высоко над головами тех, кто разместился в траншее. Георгий Константинович невозмутимо сидел на табурете рядом с командармом и в стереотрубу наблюдал за полем боя. Он задавал А. А. Гречко вопросы, спокойно выслушивал доклады, и никаких эмоций не отражалось на их лицах. Маршал несколько оживился лишь тогда, когда принесли термос с чаем.

Довелось мне быть с ним и на 2-м Белорусском фронте, когда готовилась операция "Багратион". Он приезжал к нам с командного пункта К. К, Рокоссовского, соседа слева, для контроля хода подготовки к операции в армиях главного направления. Маршал сначала заслушал решения командармов, проверяя их по картам, а затем отправился на НП соединений первого эшелона. В дивизии, получившей наиболее

ответственную задачу, он добрался до наблюдательного пункта полка. Не доезжая метров ста пятидесяти до места полкового НП, все мы спешились. Г. К. Жуков потребовал от нас соблюдения полной маскировки и загнал всех в ход сообщения. Сам же шагал поверху, рассматривал местность, чтобы лично убедиться в правильности нашего выбора направления главного удара, удостовериться в целесообразности решения многих других вопросов предстоящей операции. На этом НП, как и на всех других, на расстоянии действительного огня противника он работал - заслушивал доклады командиров, давал указания и не проявлял никаких иных переживаний, кроме рабочих. Командир дивизии на одном из опасных переходов пытался предупредить маршала и сказал, где лучше остановиться, чтобы не быть под огнем. Маршал невозмутимо бросил ему в ответ: "В ваших советах не нуждаюсь". И пошел дальше.

Так в условиях опасности работали К. Е. Ворошилов и Г. К. Жуков, одинаково, пожалуй, мужественные и храбрые. Один - возбуждался, другой оставался спокойным и сохранял обычную суровость, безразлично, если можно так сказать, относился к угрозе его жизни. Могу взять на себя смелость заявить, что в период опасности они могли принимать не только вполне обоснованные, а, я бы сказал, лучшие решения.

Ученые и другие творческие работники, как правило, сами создают себе условия для труда и, конечно, делают это так, чтобы содействовать себе, помочь, облегчить свой труд. Полководец же таких условий создать не может, их диктует ему сложившаяся обстановка, он вынужден к ней приспосабливаться. Больше того, противник стремится всеми мерами помешать, подавить полководца морально и физически. К тому же для ученого элемент времени хотя и важен, но чаще всего не имеет решающего значения. Он в состоянии приспособить свое дело к той реально существующей скорости мышления, которую природа отпустила человеку. В работе полководца и военачальника этот естественный мыслительный порог особенно чувствителен. Здесь время действует как дамоклов меч и заставляет работать всегда стремительно и с крайним напряжением сил. Выше я пытался показать, какое значение имеет для полководца время. Упустил его проиграл бой и даже операцию.

Ученый всегда может выдвигать разного рода гипотезы и проверять их в ходе длительного эксперимента, не подтвердившееся отбрасывать и снова экспериментировать. Полководец тоже никогда не действует без различного рода предположений. Догадка, гипотеза присутствуют в его работе постоянно, правда в различной степени. Проверить же гипотезу с

помощью эксперимента у полководца нет возможности. Его предположения проверяются практикой войны и боя, что сопряжено с жизнью людей и затратой огромных материальных средств. Ошибка здесь влечет за собой большие, а иногда непоправимые последствия.

Работе полководца всегда сопутствуют различного рода неожиданности. Одни он предвидит и, как говорят военные, "планирует" заранее и исподволь готовится их встретить, хотя и не знает точно, что именно его ждет, а от большинства должен избавляться в момент их появления. Это не только всякого рода внезапность, связанная с необычным использованием на войне разного рода вооружения, времени года, тайной подготовкой и нанесением удара противником там, где его не ждут, и тому подобное. Даже тогда, когда все как будто готово к операции, начинается, если так можно сказать, борьба с силами природы: осенью и весной вдруг начинаются проливные дожди, раскисают дороги, зимой бушует пурга, час от часу становятся сильнее морозы... Как тут быть? Если не посчитаться с природой, можно не добиться успеха, а отложить операцию тоже уже нельзя. На все это надо реагировать полководцу, и тут-то должны проявиться его воля, решительность и, конечно, здравый смысл.

Полководец встречается и с более сложными явлениями. В период освобождения Польши были, например, проявления "деятельности" органов известного читателю польского эмигрантского правительства или последышей диктатуры И. Антонеску на территории Румынии.

А разве не величайшей неожиданностью для гитлеровских полководцев оказались возможности Советского государства? Вот что писал, например, Манштейн: "Мы, конечно, не ожидали от советской стороны таких больших организаторских способностей, которые она проявила в этом деле, а также в развертывании своей военной промышленности. Мы встретили поистине гидру, у которой на месте одной отрубленной головы вырастали две новые"{67}.

Различие между трудом полководца и гражданского интеллектуала заключается также и в том, что воле и уму полководца противостоят не меньшие по силе воля и ум противника. Если ученый имеет дело только с природой, не наделенной разумом, то военачальник, кроме того, имеет перед собой профессионально мыслящего противника. Труд полководца превращается в состязание двух воль, сил разума и искусства. В этом случае, вероятно, будет уместным сравнение двух противостоящих полководцев с игрой сильных шахматистов, хотя последствия победы здесь или поражения несоизмеримо

различны.

Всем известна сложность труда ученых, государственных деятелей, работников искусства. Это бесспорно. Но всегда - а в современных условиях в особенности необыкновенно сложным являлся и является труд полководца, что в полной мере показала вторая мировая война, возложившая на плечи полководцев непомерную и чрезвычайно ответственную работу.

В современных условиях полководцу приходится решать не только военные, но и трудные политические проблемы. Все это будет под силу лишь человеку не только одаренному, но и обладающему к тому же большим запасом общих и профессиональных знаний. М. В. Фрунзе так говорил об этом: "Стратегия, являясь высшим обобщением военного искусства, должна учитывать не только чисто военные элементы, как численность армий и т. д., но должна учитывать и моменты политического характера. Только тот, кто обладает всеми этими познаниями, может претендовать на роль руководителя Красной Армии в условиях будущих военных столкновений"{68}. Сам М. В. Фрунзе являл собой пример именно такого руководителя.

И. В. Сталин на протяжении всей войны являлся Председателем Государственного Комитета Обороны и Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР. На этих постах проявились его высокие качества военного деятеля. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своей книге "Воспоминания и размышления" характеризует его как человека, который владел вопросами организации фронтовых операций и операций групп фронтов, руководил ими с полным знанием дела, хорошо разбираясь и в больших стратегических вопросах. Он отмечает природный ум Сталина, богатую интуицию, умение найти главное звено в стратегической обстановке. "Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим",заключает Г. К. Жуков характеристику И. В. Сталина.

Советский народ вывел нашу страну в ряд первых держав мира. Руководителем всех его великих свершений являлась и является партия коммунистов. Однако коль скоро давно установлено, что выдающаяся личность играет важную роль в истории, то мы по праву можем сказать, что Сталин и как полководец вложил неоценимый вклад в дело победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Полководец должен иметь не только выдающийся ум. Не менее важно, чтобы его ум обладал особой гибкостью, или, как говорят, свободой. Это связано с характером военной обстановки, которая постоянно меняется, и означает, что при необходимости полководец обязан отказаться в интересах победы (и без особого

насилия над собой) от ранее принятого решения и разработанного плана действий. Он не может быть связан по рукам и ногам собственным планом, когда последний пришел в противоречие с обстановкой.

Разумеется, это вовсе не значит, что при малейших трудностях, кажущихся или маловажных изменениях ситуации полководец должен менять решение. Плох тот полководец, который не добивается выполнения решения с величайшим упорством.

Наконец, гибкость ума означает и то, что полководец не может быть скован каким-либо стереотипом, находиться в плену шаблонов. Даже правильные положения уставов, инструкций, наставлений следует применять с толком и здравым смыслом, сообразуясь с обстановкой. Ленин по этому поводу писал: "Методы борьбы против врага надо уметь изменять, когда изменяются обстоятельства"{69}.

Характерную заскорузлость взглядов гитлеровских стратегов отразили основные операции немецко-фашистских войск после коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Утратив инициативу, военачальники вермахта не сумели приспособиться к новым условиям войны, перестроить свою работу и научиться преодолевать трудности.

В былые времена храбрый, мужественный полководец лично вел за собой войска на поле боя. От его образа действий часто зависел исход борьбы. Неспроста полководец был на белом коне или выбирал себе место на хорошо видной всем высоте. Полвека назад, в годы гражданской войны, личная храбрость и решительность военачальника также играли решающую роль. Достаточно сослаться на Буденного, Котовского, Пархоменко, Чапаева и других, которые не раз сами водили войска в бой.

В период второй мировой войны и в наше время полководец уже не может лично вести войска в бой. Лишь немногие, находящиеся неподалеку воины смогут увидеть, как он двинется с ними в атаку, и никому, кроме них, он не подаст этим поступком благого примера: не прежние теперь масштабы и другим стал характер сражения. Теперь командиру можно возглавить лично атаку роты, батальона - не более. В этом звене пример личной отваги командира продолжает действовать и теперь в полную силу. В 1941 г. наши войска терпели неудачи в течение достаточно длительного времени. Враг рвался к Москве и вышел к ней на ближайшие подступы. Положение было очень тяжелое, а в некоторые моменты критическое. Но советские полководцы и командиры не утратили тогда веру в победу, нашли выход из трудного положения. Они опирались на сильных духом

патриотов, храбрых и мужественных людей, продолжали бесстрашно бороться с врагом и в конечном счете нанесли ему первое в годы второй мировой войны крупное поражение. Победу у стен советской столицы обеспечили воины железного упорства, огромной решимости и несокрушимой воли к победе. Только советский народ под руководством Коммунистической партии смог не только выстоять в эту трудную годину, но и, повернув ход истории, добиться беспримерной победы.

Полководческий опыт Жукова, Конева, Рокоссовского, Говорова, Еременко, Мерецкова, Малиновского, Черняховского и других выковывался начиная с первых тяжелых месяцев войны, когда одни возглавляли фронты (Жуков, Конев, Еременко), другие - армии и корпуса и находились на самых горячих участках советско-германского фронта. Всем им потребовались истинно полководческие качества, чтобы выполнить поставленные задачи. А оборона Москвы, Сталинграда, Ленинграда, Одессы, Киева, Севастополя, Брестской крепости! Она потребовала не только мужества и стойкости от рядовых солдат и офицеров, но и полного самоотвержения прежде всего и в особенности от лиц, возглавлявших эту оборону, тех же Г. К. Жукова, А. И. Еременко, Л. А. Говорова, А. А. Жданова, В. И. Чуйкова, И. Е. Петрова, Н. И. Крылова, М. М. Попова и других. Конечно, эти качества требуются не только в тяжелое время. При успехе они тоже необходимы. Полководец и в благоприятных условиях должен проявить максимальное упорство и неуемную энергию в достижении цели.

Мне прочно запали в память операции войск Центрального (бывшего Донского) фронта под Орлом и Брянском в феврале - марте 1943 г. Я тогда только что пришел к руководству Оперативным управлением Генерального штаба. Навалившийся на плечи груз ответственности был тяжел, и первые шаги с ним особенно памятны. План операций был уже разработан и одобрен Ставкой. Теперь он начинал осуществляться. Сам К. К. Рокоссовский назвал операцию "красивой" по замыслу, который предусматривал выход наших войск глубоко в тыл орловской группировки противника. По мнению авторов проекта, давно и плодотворно работавших в Генштабе, действия по тылам врага должны были отсечь ему последние пути отхода на запад и в конечном счете стать составной частью общего разгрома немецко-фашистских войск под Орлом.

Операция началась успешно, однако в целом оказалась незавершенной. Причина заключалась в том, что войска, предназначенные для развития и закрепления успеха, не сумели своевременно подойти к фронту компактной массой. Растянувшись по единственной железнодорожной колее от

Сталинграда до Орла, они прибывали россыпью, не обеспечивая резкого и внезапного наращивания наших сил, необходимого для перелома в обстановке.

Противник воспользовался этими нашими трудностями и неполадками, сумел ликвидировать угрозу тылу и сам перешел к активным действиям. Создалось тяжелое положение. Войска Центрального фронта сами оказались под угрозой окружения и уничтожения. Вот тут-то и проявились несгибаемая воля К. К. Рокоссовского, его большая организаторская активность и умение смотреть в лицо опасности, не теряя самообладания. Маневрируя силами, используя обстановку уходящей зимы, он сумел организованно прекратить исчерпавшее себя наступление, умело избежать ударов врага и отвести войска на рубежи, образовавшие в последующем северный фас Курской дуги.

Большую роль сыграло мужество командующего Юго-Западным фронтом генерала П. Ф. Ватутина и его заместителя генерала М. М. Попова в феврале 1943 г., когда Юго-Западный и Южный фронты проводили совместную операцию "Скачок" по разгрому противника в Донбассе. Тогда возникло тяжелое положение в войсках группы генерала М. М. Попова (несколько танковых корпусов и пехота), которые наступали с рубежа Барвенково, Изюм на Красноармейское. По мысли командования Юго-Западного фронта, захват последнего пункта лишал бы противника единственного железнодорожного пути для отхода немецко-фашистских войск из Донбасса на запад. Предполагалось, таким образом, создать окружение и добиться уничтожения противника в Донбассе.

Дело, однако, пошло не так, как того хотелось. Враг упорно сопротивлялся. Он не отходил, а оборонялся на подготовленных рубежах и перегруппировывался для последующего контрнаступления. Нашим же войскам не смогли вовремя подать боеприпасы, горючее и резервы. Стрелковые подразделения, двигавшиеся к фронту, задержались в пути, не имея нужного транспорта. Это вынудило танки действовать без пехотного прикрытия, а отсутствие горючего и снарядов заставило многие из них остановиться. Особенно трудно пришлось корпусу опытного и мужественного П. П. Полубоярова, который упорно противоборствовал превосходящим силам немецко-фашистских войск, перешедших в решительное контрнаступление на харьковском направлении.

Врагу не удалось тогда уничтожить войска группы генерала М. М. Попова. В тяжелейших условиях обстановки Маркиан Михайлович использовал всю полноту своей власти заместителя командующего фронтом, проявил большую личную храбрость,

настойчивость и умение организовать отпор врагу, В районе Барвенково была создана стойкая оборона, о которую разбились все попытки немецко-фашистского командования прорваться к Харькову через Северский Донец.

А разве не требовалась воля и решительность К. К. Рокоссовского, когда надо было решить: проводить или нет артиллерийскую контрподготовку по войскам противника, изготовившимся к наступлению на Курской дуге?!

Он решил проводить это мероприятие и нанес огнем значительное поражение противнику, лишил его удар той мощи, на которую рассчитывало немецкое командование. Контрподготовка явилась одной из причин того, что противник на Центральном фронте не смог продвинуться в глубину советской обороны более чем на 12 км.

Величайшая воля и упорство необходимы полководцу всегда. И для того, чтобы не дать противнику овладеть инициативой, и для преодоления возникающих различных трудностей.

Не могу не сказать несколько слов о Василии Ивановиче Чуйкове.

Мне же пришлось быть у Василия Ивановича первым заместителем и начальником штаба. Первый раз это было, когда он занимал пост главнокомандующего советскими войсками в Германии, и вторично - когда он стоял во главе Сухопутных войск Советской Армии. Не стану говорить о его личном мужестве и храбрости. Но хочу отметить еще и такую черту этого незаурядного человека, как неуемная, кипучая энергия, благодаря чему он был в состоянии одновременно заниматься несколькими делами; мог работать день и ночь и, если надо, еще много дней и ночей, пока дело не будет доведено до конца.

В. И. Чуйков ухитрялся, например, одновременно руководить штурмом Познани и управлять войсками по расширению плацдарма на Одере, а от Познани до Одера ни много ни мало 160 км. И успевал в нужные моменты быть тут и там.

Вторым, пожалуй, важным штрихом его характера является принципиальность в каждом деле, при решении всех вопросов. Выполняя полученный приказ, он делает то, что подсказывает ему совесть, как он сам считает нужным и правильным, и отстаивает свою позицию. Нередко мне приходилось говорить Василию Ивановичу в связи с какой-либо проблемой, выдвинутой им: "Не поддержат эту нашу точку зрения в Генштабе".

"Пусть не поддерживают,- слышалось в ответ,- зато они будут знать, что мы ее имеем, а мы будем отстаивать".

Меня всегда поражал в нем какой-то, если так можно сказать, самобытный талант в познании вопросов, проникновении в самое

их существо, в предвидении развития.

Через несколько дней после моего вступления в должность Василий Иванович рассматривал с авиаторами вопросы авиационного тыла. Я поразился его умению проникать в самый корень вопроса, находить слабые места и ставить специалистов в тупик своими вопросами. Он довел их до пота и дал дополнительное время на подготовку. "Где и как постиг он такие тонкости,- подумал я,- когда до этого ему, насколько я знал, не приходилось заниматься делами авиации?" Немного спустя рассматривались танковые вопросы, и опять повторилось то же, что и с авиаторами. Как бывший танкист, я сам неплохо разбирался в деталях дела и мог поэтому оценить всю глубину практических познаний Василия Ивановича...

На учениях Василии Иванович - мастер создания сложных ситуаций и неожиданных приемов обучения. Например, заслушивая, допустим, какого-то командира, он на половине доклада его останавливает и говорит: "Пролетевшим осколком снаряда вы тяжело ранены. Вы чудом остались живы. В командование вступает ваш заместитель". Заместитель, понятно, иногда и не находится здесь, рядом, не знает, о чем шла речь, а командир между тем отправлен в автобус или палатку и не может своему заму ничего передать. Начинается "посвящение непосвященного"... И уж в следующий раз можно ручаться, что на учениях такой заместитель будет все знать не хуже командира. Когда Василий Иванович проводил учения, то все знали, что мосты через водные преграды будут "разрушены" и по ним переправиться он не даст. Хорошо подготовленный командный пункт обязательно попадет под "бомбежку" авиации, и всем его обитателям придется уходить на запасный КП, который, как иногда бывает на учениях, готовят больше для вида, а не для работы. А маршал заставит на нем работать без условностей.

Прямо скажем, работать с ним было трудно. Он держал всех постоянно в напряжении. Но я горжусь тем, что, работая с ним дважды (причем второй раз по его желанию), заслужил его признательность и нашел в лице Василия Ивановича не только талантливого военачальника, но и старшего товарища, у которого есть чему поучиться и на которого всегда можно опереться.

Говоря о железной воле и упорстве в достижении цели, обязательных для полководца, следует сказать, что эти важнейшие качества могут превратиться в свою противоположность, если будут доведены до абсурда. Плохо, если упорство превращается в упрямство, а решительность в чрезмерную уверенность в себе. Тогда нежелание исправить допущенную ошибку превращается не в показатель мужества, а,

скорее, в его отсутствие.

Боевые действия всегда представляют собой задачу со многими неизвестными, которую приходится решать военачальнику. Начиная операцию, полководец может только предполагать, как она будет развиваться, и, следовательно, всегда идет на какой-то риск.

Можно и нужно принять все меры к тому, чтобы уменьшить степень риска. Но полководец, желающий полностью исключить его, вряд ли будет иметь успех. Такое желание и связанное с ним поведение таят в себе опасный зародыш нерешительности, растерянности и как следствие - потери инициативы. Полководец обязан понимать и соблюдать меру риска. Безусловно, риск должен быть оправданным, обоснованным, построенным на предвидении развития событий, детальном знании обстановки и точных расчетах. Говоря другими словами, риск полководца должен быть разумным.

В этой связи вспоминается как один из примеров разумного риска фланговый маневр Брянского фронта в одноименной операции советских вовек.

Фронт, как известно, успешно громил орловскую группировку противника в ходе нашего контрнаступления летом 1943 г. и в течение длительного времени безостановочно шел вперед. К началу сентября он оказался перед мощной обороной немецко-фашистских войск, проходившей по восточному краю широкой полосы Брянских лесов. Сил для разгрома врага у фронта, понесшего к тому времени серьезные потери, не хватало. В поисках путей решения задачи командующий фронтом генерал М. М. Попов 5 сентября 1943 г. натолкнулся в разведсводке соседнего справа Западного фронта на упоминание о легком захвате небольшой высоты на стыке с Брянским фронтом, ранее неоднократно и безуспешно атакованной нашими войсками. Были пленены солдаты противника из нестроевых частей. Стали выяснять, почему так произошло. Оказалось, что ранее оборонявшие высоту гитлеровские части перегруппировались на другие участки обороны, а сюда были выведены подразделения, сформированные из тыловиков.

Тогда-то у М. М. Попова и возникла мысль нанести удар через полосу соседа в районе захваченной у противника высоты, прорвать ослабленную здесь оборону и бросить в прорыв кавалерийский корпус генерала В. В. Крюкова. Стремительный рывок массы конницы, направленный в тыл главных сил противника перед Брянским фронтом, должен был, по мысли командующего фронтом, дезорганизовать оборону немецко-фашистских войск.

Ставка не сразу дала тогда согласие на проведение операции из-за ее рискованности. Предстояло, в частности, перегруппировать вдоль фронта значительную массу войск и действовать через полосу соседа. Такого рода перегруппировки, проводимые в непосредственной близости от противника (а в данном случае было именно так), очень опасны. К тому же на успех операции можно было надеяться только в случае внезапности действий. Чтобы обеспечить последнюю, нельзя было на той местности перетягивать в другой район артиллерию Брянского фронта и приходилось рассчитывать только на удары авиации и "катюш". Комфронта решил использовать артиллерию соседа - 10-й армии Западного фронта, но ее было мало, а боеприпасов и того меньше. Поэтому снаряды для орудий соседа приходилось нести на руках тем войскам, которые перегруппировывались для задуманного флангового удара. Конечно, все передвижения предстояло проводить только ночью, при строжайшей маскировке, а перегруппировку сил выполнить всего за 40 часов на расстояние 80-100 км. Не было сомнений, что даже при самых благоприятных обстоятельствах коннице предстояли в тылу противника чрезвычайно тяжелые бои.

Не один раз Верховный Главнокомандующий задавал тогда Генеральному штабу вопрос: какая вероятность успеха есть у этой операции? Ответ был однозначным все были убеждены в успехе замысла командующего Брянским фронтом. По настоянию М. М. Попова днем 5 сентября 1943 г. А. И. Антонов доложил И. В. Сталину еще раз по поводу флангового удара Брянского фронта и высказался за проведение операции. Верховный Главнокомандующий, однако, сам позвонил тогда командующему фронтом и спросил, ручается ли тот за успех. Командующий поручился. Начало наступления здесь же наметили на утро 7 сентября.

Подготовка операции проходила при самом жестком контроле со стороны командования за соблюдением мер сохранения тайны. Фланговый удар был осуществлен с большим искусством. Поставленный под угрозу разгрома с тыла, противник бросил полосу Брянских лесов и быстро откатился за Сож и Днепр.

На войне нельзя действовать на авось, исходить из предвзятого мнения и очертя голову решаться на какое-либо предприятие. Это будет не разумный риск, а авантюра, которая обходится в сотни, а то и тысячи человеческих жизней. "Мастерами" таких "предприятий" были Гитлер и его военачальники. Начать хотя бы с их главной авантюры - войны против Советского Союза, пресловутого плана "Барбаросса". В нем

ни много ни мало говорилось так: "Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии... Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга - Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации". Чего в этом документе больше авантюризма, тупости или прусской самоуверенности? Всего здесь через край! В течение войны у гитлеровцев немало было авантюр, кончавшихся крахом.

Риск, не основанный на расчетах и предвидении, к сожалению, встречался и у наших военачальников. Были и примеры нежелания рисковать, тоже не принесшие успеха. В этой связи характерно наступление Юго-Западного фронта из района барвенковского выступа под Харьковом в мае 1942 г., предпринятое по инициативе Военного совета Юго-Западного направления. О нем много написано, и мне остается обратить внимание читателя лишь на одну из причин неудачи наших войск, обычно не упоминаемую. Эта причина - в одном случае неоправданный риск командования, а в другом - его нежелание рисковать, когда это оправдывалось обстановкой.

Из литературы известно, что наступление под Харьковом проводилось при отсутствии общего перевеса сил над противником. Активно действовал только один Юго-Западный фронт, причем его превосходство над врагом выражалось в людях всего в полтора раза. Соединения состояли в значительной мере из необстрелянных бойцов и не были достаточно сколочены. Южный же фронт был обессилен предшествующими боями и значительно уступал противнику в людях и технике, он оборонялся и обеспечивал операцию с юга.

Ставка дважды обратила внимание командования Юго-Западного направления на крайнюю рискованность операции, поскольку не могла в то время обеспечить его подготовленными резервами в достаточном количестве. Однако маршал С. К. Тимошенко и член Военного совета Н. С. Хрущев настояли на проведении операции, ручаясь за успех.

Юго-Западный фронт начал операцию 12 мая 1942 г. Он упредил противника, который в свою очередь завершал подготовку к решительному наступлению с целью срезать барвенковский выступ, где располагались главные силы советских войск. За три дня боевых действий Юго-Западный фронт продвинулся на некоторых направлениях от 25 до 50 км и создал обстановку, выгодную для ввода в сражение подвижных войск в

полосе 6-й армии и развития успеха на Харьков. Но в тот момент командование на это не решилось, а стало выжидать еще более благоприятных условий. Это дало противнику возможность завершить подготовку сокрушительного удара по южному фасу нашей обороны в относительно спокойной обстановке.

В последующие дни противник сумел парировать наши удары на острие наступающих клиньев, а затем 17 мая неожиданно прорвал оборону Южного фронта и устремился в тыл наступающих советских войск мощными силами танковой группы Клейста. Командование Юго-Западного направления действовало так, будто ничего особенного не произошло. Оно продолжало попытки развивать наступление далее, хотя уже тогда стало ясно, что сложившаяся обстановка требует остановить войска, перегруппировать силы и дать противнику отпор.

Тогда Генеральный штаб в лице А. М. Василевского дважды предлагал Ставке прекратить наступление советских войск, но оба раза командование направления ручалось за успех, продолжало неоправданный и ненужный риск и в конечном счете, как известно, оказалось перед лицом тяжелого поражения. Все это лишний раз свидетельствует о том, что неотъемлемым качеством полководца является риск разумный, имеющий прочную опору в условиях сложившейся военной обстановки.

Одним из важнейших качеств полководца является чувство предвидения, или, как его часто называют, интуиция. Предвидение, или интуиция,- это способность полководца мысленно представлять себе ход будущих событий. Не значит, конечно, что полководец представляет себе ход и исход будущего сражения до мельчайших деталей. Это и не требуется. Он обязав уловить основной его смысл, главную нить, по которой оно будет развиваться. Ухватившись за эту нить, полководец представляет себе тенденцию развития событий и, исходя из этого, может определить их конечный результат. Мы говорим: управлять - значит предвидеть. У выдающихся полководцев чувство предвидения сильно развито и составляет главную черту их военного таланта.

Что же позволяет полководцу предвидеть развитие событий? Это, во-первых, знание законов войны и умение производить расчеты на основе анализа обстановки. Это, во-вторых, хорошее знание противника и способность стать на его точку зрения в той или иной ситуации, принять решение как бы за противника. И наконец, знание своих сил и средств, возможностей войск и способностей командиров.

Предвидеть всегда было нелегко. В современных условиях, когда операции будут развиваться быстротечно и на громадных

пространствах, с применением новейших видов оружия и боевой техники, это особенно трудно. Затрудняют предвидение постоянная неясность сведений о противнике, особенно о планах его операций, различные случайности - постоянные спутники войны - и внезапность действий противника.

Разумеется, возможность предвидения и фактическое развитие событий - не одно и то же. Между ними лежит большая дистанция. Ведь мало теоретически предусмотреть то, что может быть; надо превратить предвидение в реальность - в победу над врагом. Это значит, что полководец на основе предвидения должен организовать действия сил и средств так, чтобы добиться выполнения своих решений, принимая разного рода конкретные меры.

Может, например, сложиться такая ситуация, когда предвидеть события удается, а направить их по желательному руслу нельзя: не хватает для этого сил и средств. Иногда другие, более важные события не позволяют выполнить то, что хотелось бы.

Так, советское стратегическое руководство правильно определило, что война будет длительной и потребует для достижения конечной своей цели проведения ряда последовательных кампаний, а в них - системы последовательных и одновременных операций различного масштаба и характера. Было в основном верно определено и вероятное развитие военной обстановки после начала войны. Оправдались, в частности, прогнозы о главном ударе противника на Западном направлении при ведении широких операций на Северо-Западном и Юго-Западном направлениях.

В начале Великой Отечественной войны были моменты, когда стратегическое руководство, правильно предвидя перспективу развития событий, не имело в своих руках достаточных средств, чтобы разрушить замыслы противника так скоро, как того бы хотелось. Намерение гитлеровского командования наступать на Минск, а затем в направлении столицы нашей Родины было вскрыто буквально с первых дней военных действий. Однако сорвать наступление противника и тем более обеспечить перелом в обстановке мы еще были не в состоянии. Причина была не только в количестве войск, но и в их качестве, вооружении, в организационных навыках командного состава по ведению маневренных действий и многом другом. Остановить врага и совершить поворот в ходе войны нам удалось только под Москвой в декабре 1941 г., когда обеспечение решений стратегического руководства осуществлялось значительно полнее.

Летом 1942 г. замысел врага захватить Кавказ тоже был

раскрыт достаточно быстро. Но и на этот раз у советского командования не было возможности обеспечить решительные действия по разгрому наступающей группировки противника в короткий срок. Напомню, что тогда возникла угроза окружения Южного фронта в районе Ростова в результате обхода его 1-й танковой армией немцев с востока. 6-я немецкая армия вырвалась к Сталинграду. В то время резервы Ставки еще формировались в центральных областях страны и не были готовы. Нельзя было бросить вперед и войска с Северного Кавказа, поскольку здесь были преимущественно конница и пехота без достаточного количества танков, противотанковых средств и авиации; они могли бы стать легкой добычей врага в степях. Пришлось тогда отойти из-под Ростова и дать отпор врагу на Тереке, что было вполне обеспечено.

Иначе было под Курском. Здесь советское стратегическое руководство все предусмотрело. Цели борьбы были достигнуты полностью. Это не значило, что все шло гладко. Как известно, на Воронежском фронте противнику все же удалось глубоко вклиниться в нашу оборону. Ставке пришлось тогда вводить в сражение часть стратегического резерва (5-ю гвардейскую армию генерала А. С. Жадова и 5-ю гвардейскую танковую армию генерала П. А. Ротмистрова).

В феврале 1945 г. войска вышли на Одер и до Берлина оставалось около 70 км, однако мы простояли там до апреля потому, что тылы отстали и все средства обеспечения были отданы 2-му Белорусскому фронту и правому крылу 1-го Белорусского фронта. На них из Померании яростно наседал противник, и до разгрома его нечего было и думать о наступлении на Берлин.

Военачальникам, обладающим даром предвидения, легче вырабатывать и быстро принимать решение.

Заканчивая мысли о предвидении и его значении, хочу сказать, что, безусловно, все предвидеть на войне невозможно. Наполеон метко сказал по этому поводу: "Тому, кто хотел бы на войне предвидеть все, можно посоветовать никогда не воевать". Работе полководца, как было сказано, всегда сопутствуют случайности, которые предусмотреть заранее нельзя. Поэтому он вынужден принимать меры, когда эти события уже произойдут или только начались. Это объясняет, где лежит корень всякого рода просчетов.

Горестным примером большого просчета было мнение советского Верховного Командования и лично И. В. Сталина относительно срока нападения Гитлера на Советский Союз. О том, что нападение произойдет, знали и целеустремленно

готовили страну к отражению агрессии, принимали все возможные меры повышения обороноспособности страны. Об этом много написано и сказано, в том числе и в первой книге "Генеральный штаб в годы войны". Начала военных действий в июне, однако, не ждали. Считали возможным развертывание агрессии гитлеровской Германии гораздо позже этого времени. Срок нападения врага старались отдалить и принимали к тому самые разнообразные меры (договор с Германией о ненападении, стремление избежать провокаций, попытка заключить военный союз с Англией и Францией). Однако выполнить намерение не удалось, и нападение свершилось.

Одно из важнейших качеств военачальника - это умение найти главный элемент -обстановки, который задает тон развитию событий войны. Определив главный элемент, полководец в состоянии создать модель операции, на основе чего будет осуществляться вся подготовительная работа и направляться действия войск. Там, где имеешь дело с небольшим количеством составных элементов какого-то процесса, задачу определения главного решить, вероятно, не так трудно. Но военачальнику, как говорилось выше, приходится иметь дело с многочисленными факторами, событиями, документами, со множеством различного рода сведений.

В. И. Ленин учил: "Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену..."{70} Все искусство управления и политики, подчеркивал Владимир Ильич, состоит в том, чтобы своевременно учесть и знать, где сосредоточить свои главные силы и внимание. Руководствуясь ленинскими заветами, советские полководцы в ходе прошлой войны верно ухватывали главное звено обстановки, особенно со времени Сталинграда. В сражениях на Волге было определено особое значение 6-й немецкой армии, как основы группировки противника под Сталинградом. Командующие фронтами нашли свое главное звено - неустойчивые участки румынской обороны, которые надо был разрушить, чтобы окружить и уничтожить потом войска Паулюса.

На оборонительном этапе битвы под Курском главное состояло в том, чтобы выбить танки врага, лишить его ударной силы. Н. Ф. Ватутин и К. К. Рокоссовский, ухватившись за эту основную идею, создали несокрушимую противотанковую оборону именно там, где могли наступать танки противника. Цель была достигнута общими усилиями войск, в том числе резервов.

В битве за Белоруссию главное состояло в том, чтобы разрушить опорные центры обороны противника в районе Витебск, Орша, Могилев, Бобруйск, что позволяло разгромить основные силы группы армий "Центр". И. Д. Черняховский, Г. Ф. Захаров, К. К. Рокоссовский, И. Х. Баграмян искусно построили операции войск и выполнили поставленные им задачи. Подобных примеров можно привести множество.

Если для полководца важно определить главное, что обусловливает достижение победы в сражении, то для Верховного Главнокомандования еще более важно найти, что обеспечивает победу в кампании.

Весной 1942 г. только что закончилось наше зимнее победоносное наступление, начатое в декабре 1941 г. под Москвой. Советская страна и весь мир воочию увидели, что гитлеровские генералы, стяжавшие себе в легких победах на Западе лавры "непобедимых полководцев", могут быть жестоко биты. Врага отбросили от стен столицы на 120-350 км. Московская победа вдохнула новые силы в наш народ, который самоотверженно воевал и трудился в тылу. Бредовые вражеские планы блицкрига были сорваны.

Силы наступающих советских войск весной 1942 г., однако, иссякли. Фронт стабилизировался. Для советского Верховного Главнокомандования настало время определиться на будущее и решить, как действовать в предстоящей летней кампании, которой отводилась очень важная роль в ходе всей войны. Обороняться или наступать?

Нужно сказать, что союзники обещали Советскому правительству открыть в 1942 г. второй фронт. Это очень обнадеживало и укрепляло мысль о наступлении. Однако чем дальше, тем становилось виднее, что никакого второго фронта пока не будет. Следовательно, Советской стране опять приходилось думать о единоборстве с фашистской Германией. Такое положение меняло дело. Стала видна решающая роль наших резервов, которые были израсходованы в зимних операциях. Предстояло подготовить новые общевойсковые, танковые, авиационные соединения и армии. Для этого предпринимались большие организационные усилия. Промышленность, перебазированная в новые районы, на восток страны, и вновь построенные предприятия начинали массовый выпуск военной продукции.

Однако для завершения формирований и накопления резервов нужно было значительное время. Учитывая все это, мудрый Борис Михайлович Шапошников, бывший тогда начальником Генерального штаба, предложил в качестве

основного вида действий Советских Вооруженных Сил на лето 1942 г. принять стратегическую оборону. И. В. Сталин тоже полагал, что для стратегического наступления у нас пока не хватает сил и средств. Он стремился завершить формирование резервов и твердо придерживался мнения, что использовать их можно лишь тогда, когда они будут полностью готовы. Тот же примерно взгляд был и у Г. К. Жукова.

Расхождения тогда определились в том, что И. В. Сталин и Г. К. Жуков полагали в плане стратегической обороны провести ряд частных наступательных операций: первый считал нужным наступать в Крыму, под Харьковом, на льговско-курском и смоленском направлениях, под Ленинградом и Демянском; второй- под Вязьмой и Ржевом. Б. М. Шапошников предлагал ограничиться только обороной. В конечном счете стратегическая оборона была принята в качестве главного вида действий Советских Вооруженных Сил на лето 1942 г., но Ставка приказала также провести частные наступательные операции, согласившись с мнением Верховного Главнокомандующего.

История показала, что основа решения Ставки о стратегической обороне явилась правильной и дала возможность подвести вооруженную борьбу к переломной для хода войны грани. Допущенные же тогда многочисленные исключения из этого правила существенно осложнили решение задачи: они притупили бдительность к действиям противника, неоправданно раздергали и связали силы ряда фронтов, стали источником многих наших злоключений летом 1942 г.

Летом 1943 г. принцип главного звена в цепи событий был выдержан Ставкой Верховного Главнокомандования с исключительной последовательностью, несмотря на все своеобразие методов его осуществления. В то время Советским Вооруженным Силам было всего важнее удержать инициативу на фронтах в своих руках и завершить коренной перелом в ходе войны. Поэтому основным видом действий Советской Армии могло быть только наступление. До тонкостей разобравшись в обстановке, советское стратегическое руководство, однако, увидело, что скорее всего добиться поставленной перед собой цели можно с помощью сочетания преднамеренной обороны (под Курском, например, когда мы обладали превосходством над противником в силах и средствах) с последующим переходом в контрнаступление на решающем участке советско-германского фронта. Кратковременная оборона блестяще выполнила свое предназначение как средство, обеспечившее наибольшее превосходство сил над противником, особую мощь и решительность последующих наших наступательных действий.

Как видит читатель, нелегко найти главное звено, ключ к победе. От полководца требуются большой опыт, разносторонние знания, умение предвидеть, как будет действовать хитрый враг, и, конечно, постоянный творческий поиск.

Обстановка прошлой войны отличалась резкими и глубокими изменениями, которые происходили за короткий срок, что требовало от полководца большого нравственного и физического напряжения. Чтобы выполнить огромную работу, которая выпадала на долю полководца во время войны, нужно было к тому же иметь хорошую память и очень высокую работоспособность. Надо было отрешиться от всего: от дома, семьи, развлечений, спать и есть на работе, отдаться ей целиком, безраздельно слиться и целиком срастись с нею.

На практике так и происходило. Кроме нескольких часов сна, все остальное время военачальника уходило на работу. Однако способность спать всего 5-6 часов в сутки еще не является показателем высокой работоспособности. Это каждый может. А вот чтобы остальные 18-19 часов плодотворно (подчеркиваю это) работать - в состоянии далеко не каждый. Причем это надо делать не днями и неделями, а годами, без выходных дней, отпусков и смены. Где, в какой отрасли народного хозяйства можно подобное встретить даже во время войны? Только у военных. Такова уж природа службы военной, которая приучает всякого командира к высокой работоспособности, а полководца вынуждает достигать ее максимального выражения.

В военном деле, более чем в любом другом, имеет значение авторитет руководителя. Если военачальник, в результате личных качеств, опыта, знаний, правильных взаимоотношений с подчиненными, обрел авторитет, то ему во сто крат легче будет управлять войсками. Вера в его знания, решительность и умение найти наилучший выход из создавшегося положения - великий стимул для подчиненных, который обеспечивает полководцу беспрекословное выполнение его приказов и позволяет вести массы по намеченному пути.

"...В военной истории,- писал М. И. Калинин,- нет полководцев, создавших себе мировую славу, которые не были бы любимцами своего войска. Это значит, что всемирно известные полководцы не были только мастерами стратегии и тактики. Нет, они знали и дорогу к сердцу своих солдат, своей армии. Они были мастерами высокого духа войск, умели вселять в душу солдата прочное доверие к себе. Такими были, например, Суворов, Кутузов и целый ряд других более или менее крупных полководцев"{71}.

Продолжая эту мысль, добавим, что советские полководцы и

гражданской и Великой Отечественной войн всегда пользовались любовью масс, большим уважением народа. Самым огромным авторитетом обладал И. В. Сталин. Это следует отнести в первую очередь за счет признания заслуг Коммунистической партии, во главе которой он стоял.

Авторитет Сталина и уважение к нему народа были созданы партией и, конечно, подкреплялись личными качествами этого человека. В том, что авторитет в последние годы жизни Сталина принял уродливые формы культа личности, повинен, разумеется, сам Сталин. Хотя он и делал попытки протестовать против прославления его персоны, но они были недостаточны и не очень убедительны. Например, в ответе И. В. Сталина на письмо видного советского военного историка полковника Е. Разина было такое замечание: "Режут слух дифирамбы в честь Сталина - просто неловко читать".

Небезынтересен и другой эпизод, свидетелем которого был автор.

Как-то, прибыв на доклад в Кремль, мы с А. И. Антоновым встретили в приемной Сталина главного интенданта Красной Армии генерал-полковника П. И. Драчева. Он был одет в пышную военную форму неизвестного нам покроя. Мундир был сшит по модели времен Кутузова, с высоким стоячим воротником. Брюки же выглядели по-современному, но блистали позолоченными лампасами. Когда, удивленные столь опереточным нарядом, мы остановились и посмотрели на странный костюм, Драчев тихо сказал нам: "Новая форма для Генералиссимуса..."

В кабинете у Сталина находились члены Политбюро. Докладывал начальник Тыла генерал армии А. В. Хрулев. Закончив доклад, он попросил разрешения показать присутствующим новую военную форму. И. В. Сталин был в отличном настроении и сказал: "Давайте, вот и Генштаб посмотрит".

Дали знак в приемную. Вошел П. И. Драчев.

И. В. Сталин окинул его беглым взглядом и помрачнел. Видимо, он догадался, что это за форма.

- Кого это вы собираетесь так одевать? - спросил он А. В. Хрулева, слегка кивнув в направлении главного интенданта.

- Это предлагаемая форма для Генералиссимуса,- ответил А. В. Хрулев.

- Для кого? - переспросил Сталин.

- Для вас, товарищ Сталин...

Верховный Главнокомандующий велел Драчеву удалиться, а сам, не стесняясь присутствующих, разразился длинной и гневной тирадой. Он протестовал против особого возвышения его

личности, говорил, что это неумно, что никак не ожидал того от начальника Тыла.

Еще раз, уже после войны, на заседании Высшего Военного Совета, председателем которого был И. В. Сталин, а секретарем довелось быть мне, всем присутствующим пришлось выслушать выступление Сталина по вопросу скромности руководителей и недопустимости зазнайства и мании величия: на этом заседании рассматривалось письмо, поступившее на одного из видных военных.

Таким образом, И. В. Сталин, хотя и неоднократно высказывался как письменно, так и устно против зазнайства, отрыва руководителей от масс, нескромности, сам тем не менее решительно не пресекал непомерное возвеличивание своей личности.

...Завершая разговор о труде полководческом, мне хотелось бы высказать свое мнение вот по какому вопросу.

Иногда спорят, какие качества полководца важнее - ум или воля? Одни считают, что для полководца важнее воля, так как война требует от него прежде всего и главным образом решительности, мужества и смелости. И что принять хорошее, умное решение - это только начало, что цель операций и сражений достигалась вследствие непреклонной воли и настойчивости военачальников. Что же, утверждение небезосновательное. История действительно знает множество примеров, когда победа достигалась именно вследствие железной воли военачальников. Но нельзя забывать, что эта воля направлялась на выполнение уже принятого решения!..

Другие утверждают, что полководцу прежде всего необходим глубокий и гибкий ум, который обеспечивает ему верный анализ обстановки и принятие наиболее правильного решения. А волевые исполнители, полагают сторонники такого взгляда, уж доведут умные решения и план действий до логического конца. Пожалуй, и у этой точки зрения есть обоснования, хотя, как видит читатель, полностью согласиться с этим мнением тоже нельзя: ведь полководец - не кабинетный деятель, который придумывает умные замыслы и планы, но как бы отрешен от практического проведения их в жизнь.

В действительности полководец всегда является одновременно и творцом военных планов и руководителем их практического исполнения. У него в подчинении находится множество военачальников разного масштаба, каждый из них на основе замысла старшего принимает собственное решение и свой план действий. И для этого, чтобы общий план был всеми выполнен, старшему военачальнику полководцу нужны не

меньшие, а большие, чем у подчиненных, и воля и ум. Короче говоря, у полководца должны быть равно развиты и ум и воля, хотя в жизни, у конкретных людей, нередко что-то превалирует.

Истинный полководец обладает всеми качествами, о которых говорилось выше. Великая Отечественная война показала, как богат социалистический строй талантами, в том числе и военными, как умело Центральный Комитет нашей партии находил и пестовал эти дарования.

Вместо заключения

...В вестибюле здания, где размещаются Объединенное командование и Штаб Объединенных вооруженных сил государств - участников Варшавского Договора, установлены флаги семи братских стран - Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики, Социалистической Республики Румынии, Союза Советских Социалистических Республик, Чехословацкой Социалистической Республики. А рядом с флагами на стене - слова Владимира Ильича Ленина: "Вам выпала великая честь с оружием в руках защищать святые идеи... и на деле осуществлять интернациональное братство народов". Каждый раз, когда я вижу это бессмертное изречение В. И. Ленина, мысли мои невольно снова и снова обращаются в прошлое, к победному маю тысяча девятьсот сорок пятого.

Да, советский солдат с честью выполнял и выполняет свой священный воинский долг. С каждым годом все зримее величие нашей победы, одним из главных итогов которой и есть вот эти флаги, символизирующие великое братство народов социалистических стран, объединенных в тесное и могучее содружество.

До сего дня вопрос о нашей победе остается очень живым и острым. Наша историческая наука, искусство, литература, кино, радио, телевидение постоянно обращаются к тем героическим дням, говорят об уроках войны, напоминают о бдительности. А врачеватели империализма все еще стараются найти "роковые ошибки", допущенные гитлеровской кликой и предрешившие якобы ее катастрофу. Их потуги предупредить современных единомышленников Гитлера от промахов еще раз свидетельствуют о том, что корни фашизма и агрессии живут глубоко в природе империализма, они постоянно напоминают о себе на земном шаре грохотом бомбардировок и смрадным дымом пожарищ...

Поджигатели прошлой мировой войны, начиная агрессию, не предполагали, что идут прямо к виселице, и не верили в это до самого последнего дня. Лишь когда кольцо советских войск

сомкнулось вокруг рейхстага и имперской канцелярии, Гитлер сказал начальнику личной охраны:

"Никогда бы не было этой страшной минуты, Раттенхубер, и никогда бы я не говорил с вами о моей смерти, если бы не эти русские! Только вспомните, где были мои войска!" Гитлеровцы даже в преддверии тюремной камеры Нюрнберга не могли понять, что безнадежно даже пытаться опрокинуть более передовой социальный строй. Они приписывали наши успехи каким угодно факторам, но только не проявлению мощи социализма. Кстати, не могут и не хотят понять этого буржуазные исследователи и сейчас, спустя почти тридцать лет после окончания второй мировой войны.

Передо мной черновик записки Риббентропа, адресованной Дёницу. Гитлеровский министр иностранных дел начал составлять этот документ, видимо, еще в середине апреля 1945 г. Посмотрите, что он пишет: "Россия и ее военная промышленность, распределенная на обширной территории, практически неприступна и несокрушима... Ее 200 миллионов человек биологически, как показала война, очень сильны. Большая многодетность... В России есть все виды сырья, которые нужны... Русский человек, ранее неграмотный, теперь в высшей степени модернизирован и оснащен техникой". Вот ведь как запели нацисты в конце войны! Риббентроп пытался "объяснить" и внутренние побуждения советского народа:

"200 миллионов спаяны фанатичным агрессивным мировоззрением коммунизма, политическая целевая установка которого совпадает с экспансивным панславизмом..."

Исходя из этого, военный преступник рисует картины будущего одну страшнее другой, запугивая весь мир победой, как он говорил, Сталина. "Народы, поскольку они в советском духе ненадежны, будут истребляться пли ссылаться, а их имущество и место работы перейдет к красноармейцам". Он не поскупился на слова, чтобы представить перспективу огромного по размаху переселения народов якобы в угоду советским завоевательным планам: сначала полный захват Европы, затем Восточной Азии, а там и всего мира. При этом Англию и Америку Советы должны были-де разложить изнутри и тем самым ослабить. Даже на краю своей могилы один из главарей фашистской Германии пытался посеять подозрительность, подорвать доверие между государствами антигитлеровской коалиции, сблизить Англию, Америку и фашистскую Германию на позициях антисоветизма!.. Урок истории не должен забываться: враг борется до конца, ищет любой путь и не гнушается никакими средствами, чтобы избежать поражения и ответственности.

Теперь все передовое человечество признало, что корни нашей победы лежат в превосходстве политического строя, идеологии и экономики социализма над политическим строем, идеологией и экономикой фашистского государства. Советские Вооруженные Силы были сильнее считавшейся непобедимой гитлеровской армии. Поистине героический подвиг советского народа на фронте и в тылу вошел в века как пример величайшей стойкости, несгибаемости духа и верности своей социалистической Родине, марксизму-ленинизму.

Говоря об этом, нельзя не подчеркнуть, что объективные возможности, заложенные в характере Советского государства, были успешно использованы для завоевания победы над врагом. Главная роль при этом принадлежала Коммунистической партии. Именно она выработала генеральную политическую линию, обеспечила перестройку жизни страны на военный лад, целеустремила все внутренние и внешнеполитические факторы на достижение победы, нашла формы работы, позволившие быстро и с наибольшим эффектом проводить намеченную программу в жизнь.

Уже после войны, в один из летних дней 1949 г., на "ближней" даче у Сталина должен был обсуждаться вопрос укрепления противовоздушной обороны страны. Министр - А. М. Василевский - был в отпуске, и на заседание поехали В. Д. Соколовский, который оставался за министра, и я, бывший тогда начальником Генерального штаба.

Когда мы приехали, И. В. Сталин и члены Политбюро на открытом балконе дачи вели разговор о строительстве новых заводов тяжелой промышленности за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке, о проблеме рабочей силы в связи с этим.

В ходе разговора И. В. Сталин вдруг спросил:

- А как думает молодой начальник Генерального штаба, почему мы разбили фашистскую Германию и принудили ее капитулировать?

Я был готов к докладу по ПВО, мысли мои вертелись вокруг этого вопроса. К тому же не вполне было ясно, в каком направлении шла беседа до нашего прибытия. Поэтому, встав, я несколько помедлил с ответом. И. В. Сталин тоже встал, пыхтя трубкой, подошел ко мне и сказал: "Мы слушаем".

Оправившись от неожиданности, я подумал, что лучше всего изложить Сталину его собственную речь перед избирателями, произнесенную накануне выборов в Верховный Совет СССР 9 февраля 1946 г. В памяти были свежи и другие предвыборные выступления членов Политбюро, которые все мы в Генштабе глубоко и очень внимательно изучали.

Чувствуя на себе взгляды присутствующих, я сформулировал положение о том, что война показала жизнеспособность общественного и государственного строя СССР и его большую устойчивость. Наш общественный строй был прочен потому именно, что являлся подлинно народным строем, выросшим из недр народа и пользующимся его могучей поддержкой... Никто меня не перебивал, но, признаюсь, чувствовал себя я не очень хорошо: казалось, что изрекаю давно известные истины и лишь занимаю время. Но все сохраняли серьезность, тоже, видимо, продумывая поставленный мне вопрос. И я уже более уверенно сказал о сплочении народа вокруг Коммунистической партии, о ее руководстве, о том, что советская основа общества укрепила узы дружбы между народами многонационального Советского Союза. Говорил о промышленной базе, созданной за годы пятилеток, о колхозном хозяйстве, о том, что социализм создал необходимые материальные возможности для отпора сильному врагу. В заключение сказал о высоких боевых качествах нашей армии, о выдающемся искусстве советских военачальников и полководцев.

Терпеливо выслушав меня до конца, И. В. Сталин заметил:

- Все, что вы сказали, верно и важно, но не исчерпывает всего объема вопроса. Какая у нас была самая большая численность армии во время войны?

- Одиннадцать миллионов человек с небольшим.

- А какой это будет процент к численности населения?

- Быстро прикинув в уме численность перед войной населения - 194 млн., я ответил: около 6 процентов.

- Правильно. Но это опять-таки не все. Нужно учесть и наши потери в вооруженных силах, потому что убитые и погибшие от ран бойцы и командиры тоже входили в численность армии...

Учли и это.

- А теперь,- продолжал Сталин,- давайте подсчитаем, как обстояло дело у Гитлера, имевшего с потерями более чем 13-миллионную армию при численности населения в 80 миллионов человек.

Подсчитали. Оказалось - больше 16 процентов.

- Такой высокий процент мобилизации - это или незнание объективных закономерностей ведения войны, или авантюризм. Скорее, последнее,- заключил Сталин.- Опыт истории, общие законы ведения войны учат, что ни одно государство не выдержит столь большого напряжения: некому будет работать на заводах и фабриках, растить хлеб, обеспечивать народ и снабжать армию всем необходимым. Гитлеровский генералитет, воспитанный на догмах Клаузевица и Мольтке, не мог или не хотел понять этого.

В результате гитлеровцы надорвали свою страну. И это несмотря на то, что в Германии работали сотни тысяч людей, вывезенных из других стран...

Немецкие правители дважды ввергали Германию в войну и оба раза терпели поражение,- продолжал Сталин, шагая по балкону.- Подрыв жизнеспособности страны в первой и второй мировых войнах был одной из причин их краха... А какой, между прочим, процент населения был призван кайзером в первую мировую войну, не помните?

Все промолчали. Сталин отправился в комнату и через несколько минут вышел с какой-то книгой. Он полистал ее, нашел нужное место и сказал;

- Вот, девятнадцать с половиной процентов населения, которое составляло в 1918 году 67 миллионов 800 тысяч.

Он захлопнул книгу и, снова обратившись ко мне, сказал примерно следующее:

- Второе, о чем вы упомянули немного однобоко,- это о наших замечательных кадрах руководителей. Нужно сказать, что они у нас были не только на фронте, но и в тылу. Нельзя забывать, что объективные возможности составляют лишь предпосылки победы. Они очень важны, но сами по себе не могут обеспечить разгром врага, если их не привести в действие и не использовать организованно. Роль организатора и руководителя принадлежит партии, только ей. Война суровое испытание. Она выдвигает сильных, смелых, талантливых людей. Одаренный человек покажет себя в войне за несколько месяцев, на что в мирное время нужны годы. У нас в первые же месяцы войны проявили себя замечательные военачальники, которые в горниле войны приобрели опыт и стали настоящими полководцами.

И он начал на память перечислять фамилии командующих фронтами, армиями, флотами, а также партизанских вожаков.

- А в тылу? Разве смогли бы сделать другие руководители то, что сделали большевики? Вырвать из-под носа неприятеля целые фабрики, заводы, перевезти их на голые места в Поволжье, за Урал, в Сибирь и в невероятно тяжелых условиях в короткое время наладить производство и давать все необходимое фронту! У нас выдвинулись свои генералы и маршалы от нефти, металлургии и транспорта, машиностроения и сельского хозяйства. Наконец, есть полководцы науки. О них тоже нельзя не сказать...

Не торопясь, без запинки он стал называть фамилии ученых, деятелей промышленности, сельского хозяйства. Потом, помолчав некоторое время, добавил:

- На Гитлера работали сотни тысяч людей, вывезенных в

Германию и превращенных, по существу, в рабов. И все-таки он не смог в достатке обеспечить свою армию. А наш народ сделал невозможное, совершил великий подвиг. Такой был итог работы коммунистов по строительству Советского государства и воспитанию нового человека... Вот вам и еще одна причина нашей победы!..

...Наша партия всегда неустанно заботится об укреплении обороны страны, о могущества Вооруженных Сил, военно-патриотическом воспитании советских людей. Пока мы живем в неспокойном мире, эта задача остается одной из самых главных.

Каждый из нас - от солдата до маршала - гордится высокой оценкой, данной съездом нашим славным Вооруженным Силам. Всех нас тронули сердечные слова о фронтовиках - тех, кто не жалел ни сил своих, ни самой жизни, отстаивая честь, свободу и независимость Родины.

Им, славным фронтовикам - живым и павшим,- я посвящаю свою книгу.

Примечания

{1} Это обращение написано ко второму изданию книги, вышедшему в 1975 году. Первое издание было осуществлено в 1968 году. - Ред.

{2} 1, 5 и 7-я резервные армии директивами Ставки от 12 июля 1942 года переименованы соответственно в 64, 63 и 62-ю армии и с 6 часов того же дня переданы в состав Сталинградского фронта.

{3} Центральный архив Министерства обороны СССР (далее - ЦАМО), ф. 16, оп. 1006, д. 1, л. 413.

{4} ЦАМО, ф. 16, оп. 1006, д. 1, л. 414-415.

{5}Там же, л. 417-418,

{6} См.: Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1957. С. 294.

{7} См.: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 293.

{8} 2 апреля 1943 года С. М. Штеменко был утвержден в этой должности. Ред.

{9} Корпус "Ф" формировался генералом Фельми. Первая буква его фамилии и стала наименованием корпуса,- Ред.

{10}П. Л. Романенко в то время командовал 48-й армией.

{11}Так тогда условно именовался И. В. Сталин.

{12} 20 октября произошло переименование фронтов: Воронежский стал называться 1-м Украинским, Степной, Юго-Западный и Южный - соответственно 2, 3 и 4-м Украинскими.

{13} Роковые решения М., 1958. С. 258.

{14} Калининский фронт с 20 октября 1943 года стал именоваться 1-м Прибалтийским. Тогда же Прибалтийский фронт был переименован во 2-й Прибалтийский.

{15}Мешкучай находится в 20 километрах северо-восточнее Шяуляя.

{16} См.: Фриснер Г. Проигранные сражения. М., 1966. С. 41.

{17} Немцы имели тогда в Восточной Пруссии: пехотных дивизий - 11, танковых - 2, танковых бригад - 2, кавалерийских бригад - 2, а всего - 17 соединений. В составе 3-го Белорусского фронта насчитывалось: стрелковых дивизий - 40, танковых корпусов - 2, танковых бригад - 5, итого - 47 соединений. Надо, однако, иметь в виду, что численность личного состава в пехотных дивизиях противника значительно превышала количество людей в наших стрелковых дивизиях. Боевые возможности советских танковых корпусов и танковых дивизий немцев были примерно одинаковы.

{18}См.: Типпельскирх К. История второй мировой войны. М., 1956. С 542.

{19} См.: Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1955. Т. 6. С. 333.

{20} Тегеран - Ялта- Потсдам; Сборник документов. М., 1967. С. 60.

{21} Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 6. С. 443.

{22}До 1940 года Дальневосточный фронт существовал с непродолжительным перерывом.

{23}Здесь и далее количество награждений дается с небольшим округлением.

{24} В 1980 году стало известно имя четвертого Героя, полного кавалера ордена Славы - Н. И. Кузнецова. - Ред.